

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Гуань Хэ, Чжао Сю Линь. Узоры нового китайского стиля: внутреннее содержание	7
Еремина Е.В., Ефремов М.А. Влияние мигрантов на социально-культурную обстановку в регионах	11
Макаров А.С. Образно-смысловая концепция культуры	15
Мерлова Н.Д., Кривощёков С.Г. Отечественный и зарубежный опыт в области mindfulness-практик в контексте повышения стрессоустойчивости и реализации копинг-стратегий	18
Полякова И.Е., Иванова Р.М., Скроботова О.В. Культурный компонент в системе туристского пространства Липецкой области	24
Фомичева Т.В. К вопросу об историографии традиционных российских духовно-нравственных ценностей: управленческий аспект	28
Хань Синьи, Ли Юйяо. Социально-культурологические компоненты интерпретации танца при формировании нарративов новостей	32
Цзи Сунчэнь. Роль литературы и искусства в культурной дипломатии США и СССР в период холодной войны	36
Шадже А.Ю. Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: опыт концептуализации	42

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Алексеев М.С. Компонент «Общественное голосование» Платформы обратной связи (ПОС) как объект доверия региональных операторов и инструмент взаимодействия власти и населения	48
Бурняшева Л.А., Романько И.Е., Финенко В.Е. Стоматологический или дентальный туризм в России и за рубежом: преимущества, риски и недостатки	57
Васильев В.В. Скулшутинг как разновидность молодежной преступной агрессии: понятие, причины, формы проявления	60
Григорьев Н.Ю. Социальные технологии в рекламе и связях с общественностью	68

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.
ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедровая, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мионов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Мионова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Карпунин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Криволюков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.11.2024 Цена свободная
Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Дашибалова И.Н., Ван И.Д.</i> Женский инфлюенс-маркетинг в Бурятии: формирующийся рынок цифровых услуг и практики сообщества	75
<i>Кириенко Я.Ю.</i> Анализ типологии военного управления на уровне младшего командного состава сухопутных войск вооруженных сил Российской Федерации	81
<i>Кокорева М.Е.</i> Роль специалиста по социальной работе в межведомственном взаимодействии субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.....	85
<i>Красникова Е.С.</i> Эмиграционные установки индивида: ценностные основания и факторы реализации	89
<i>Лисничая М.А.</i> Социальные сети в избирательных кампаниях: социологический анализ	97
<i>Лоскутова И.М., Лимонова М.А., Юдина Е.Н.</i> Инклюзивное образование студентов-инвалидов	101
<i>Ли Хунган.</i> Социальные последствия применения инструментов по преодолению бедности правительством Китая	106
<i>Миронова Е.Н.</i> Социальные предпосылки возникновения и развития самозанятости на территории Донецкой Народной Республики	112
<i>Моряков С.В.</i> Развитие методологии культуры управления: конкретно-социологический подход.....	117
<i>Мурзина И.А., Султанов М.Ю.</i> Совершенствование системы жилищно-коммунального хозяйства как ключевой фактор повышения качества жизни населения	121
<i>Николаева Т.А.</i> Модель социального взаимодействия специалистов при оказании психолого-педагогической помощи детям из неполных семей: на примере Хабаровского Края.....	125
<i>Ретинская В.Н., Загребина Д.Ю.</i> «Цифровое государство» как основа устойчивого развития Российской Федерации	130
<i>Ушаков Е.В.</i> Социальная ответственность бизнеса: проблемы концептуального обоснования.....	134
<i>Шевляков Д.С.</i> Обратная связь с населением как форма работы депутатов ГД ФС РФ.....	138
<i>Шинкевич В.Е.</i> Учебная дисциплина «Основы российской государственности» и формирование в сознании обучающихся образа России как ценности.....	143

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Батурина О.С., Кузнецов В.С., Садыкова З.Р.</i> Социологические основы духовно-экологического просвещения в интеграции духовного и экологического измерений	148
<i>Ван Линь.</i> Концепции даосской философии в живописи и литературе Китая.....	151

<i>Кемеров В.Е.</i> Социальность как полисубъектный ансамбль.....	154
<i>Ляшенко О.В.</i> Проблематика российской цивилизации в процессе преподавания дисциплины «Основы российской государственности»	158
<i>Матушевская В.В.</i> Применение герменевтического подхода для интерпретации социальной реальности	162
<i>Мочалов Е.В.</i> Русский мир и финно-угорский мир в социально-философском, культурологическом и национальном измерении: к постановке проблем	166
<i>Плужникова Н.Н., Кучин А.В.</i> Социально-философский анализ понятия «современность» через процессы трансформации цифровых технологий в судебной системе	170
<i>Рахнонен М.Е.</i> Развитие творческих способностей в цифровой культуре	175
<i>Сорокин К.А.</i> Запад и Восток. Взаимосвязь и социокультурные различия между западным и восточным миром: анализ через призму философской категориальной парадигмы.....	180
<i>Тазов П.Ю.</i> Социально-философский анализ потребительского поведения на маркетплейсах	187
<i>Удалых Е.Ю., Панова Н.А.</i> Феномен человеческой субъективности в развитии культуры.....	190
<i>Плужникова Н.Н., Ковалева С.В.</i> Феноменология техники: философские построения Д. Юма, Э. Гуссерля и Р. Карнапа.....	194
<i>Цао Бин.</i> Анализ применимости и философии нарративной терапии для лечения несуицидального самоповреждения	197

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Ефремова Е.А.</i> Актуальность подхода древнегреческих школ к морали и нравственности в условиях перехода от либеральных к традиционным ценностям в современной России	203
---	-----

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Аторин Р.Ю.</i> Наука и религия: к проблеме советского атеизма.....	206
<i>Данилов В.Л.</i> Метаморфозы духовного поиска: неоязычество как деконструкция традиционных ценностей в российском социуме.....	209
<i>Луценко А.В.</i> Легенда о «старце Федоре Кузьмиче» в системе художественной мифологии мистико-философского трактата Д.Л. Андреева «Роза Мира».....	213
<i>Иванова Е.В., Фархитдинова О.М.</i> Религия как фактор влияния на мировоззрение современного человека	218

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Гаджиев Х.А.</i> Политическая стабильность и устойчивость: сущность и влияние на внешнюю политику государства	223
--	-----

<i>Ли Чжожу, Исаков В.П.</i> Политическая мобилизация молодежи: опыт Коммунистического союза молодежи Китая и его потенциал диссеминации опыта.....	227
<i>Мамараев Р.М.</i> Муниципальная реформа в Республике Дагестан на современном этапе.....	234
<i>Маслюк Д.С.</i> Методология политического анализа избирательных кампаний.....	240
<i>Проскурина Е.А.</i> Современная российская политическая элита: механизмы отбора и каналы рекрутирования.....	245
<i>Сухарев А.Е.</i> Репрезентация элементов политической философии Данте Алигьери в официальном дискурсе римско-католической церкви XX–XXI вв.	250
<i>Фуртат В.В.</i> Политические инструменты противодействия экономическому экстремизму: обобщение российского международного опыта.....	254
<i>Шекиханов М.А.</i> Частные военные компании как инструмент внешней политики: преимущества и риски для государства.....	257

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Айданна Балэсяти.</i> Роль года КНР в РФ в развитии китайско-российских отношений.....	262
<i>Ли Цзюньи.</i> Международное сотрудничество в области цифрового финансового управления: стратегии управления Китая с точки зрения АБИИ.....	266
<i>Лю Ханьвэнь.</i> Влияние дедолларизации БРИКС на китайско-российские отношения и китайско-российское корпоративное управление.....	269
<i>Майоров И.Е.</i> Имидж концепта «русское» в современной Германии.....	272
<i>Нермие Шентюрк.</i> Перспективы развития российско-турецких отношений в сфере образования.....	279
<i>Раджабова З.К., Раджабов О.Р., Магомедова А.Г.</i> Некоторые методологические аспекты формирования международного рынка ценных бумаг в современных условиях работы.....	284
<i>Си Чжао.</i> Исследование углубления экономического и торгового сотрудничества с российским Дальним Востоком в провинции Хэйлунцзян в новых условиях.....	287
<i>Солдатов А.О., Подберезкина О.А.</i> Логистические и торговые отношения между Россией и КНДР: исторические и современные аспекты взаимодействия.....	292
<i>Юдин Н.О.</i> Международно-правовая реакция на текущее обострение палестино-израильского конфликта.....	295

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Данилова Е.В.</i> Религиозная деятельность первых духовных миссий Русской православной церкви (1715–1821 гг.).....	300
---	-----

<i>Козлов А.В.</i> К вопросу об аккредитации представителей средств массовой информации в условиях проведения контртеррористических операций в Курской, Брянской и Белгородской областях.....	303
<i>Кравченко А.И.</i> Homo Commonsensus как основоположник цивилизации.....	307
<i>Орлова Е.А.</i> Литературно-образовательный проект «Тропами А.П. Чехова и И.И. Левитана» как инструмент решения проблемы чтения в молодежной среде.....	314
<i>Погорелый А.П.</i> Нужна ли России государственная идеология?.....	319
<i>Алферов А.А.</i> Место России в полицетричном мире.....	322
<i>Бондаренко Н.И.</i> Роль искусственного интеллекта в инновационных методах обучения иностранным языкам в исторической перспективе.....	329
<i>Букирев С.В.</i> Феномен самосознания в контексте искусственного интеллекта.....	333
<i>Нечай Е.Е., Волжанин Д.А., Марцинкевич К.А.</i> Стратегия имиджевого позиционирования Дональда Трампа в процессе политической кампании 2020 года...	337
<i>Габибуллаева П.Т.</i> Молодежь и политика: влияние на формирование политического ландшафта.....	342
<i>Левичева С.В.</i> Особенности обучения английской терминологической лексике студентов авиационных специальностей.....	346
<i>Нечай Е.Е., Волжанин Д.А., Марцинкевич К.А.</i> Роль политических технологий в процессе формирования имиджа политического лидера на примере политической кампании Дональда Трампа в 2016 году.....	350
<i>Соколова А.Г., Архипов А.В.</i> Геймификация и игровые технологии обучения в преподавании английского языка как иностранного.....	355
<i>Чэнь Шуаншуан.</i> Рецепция концепции “Москва – Третий Рим” как философская основа политической идентичности Древней Руси.....	359
<i>Огуз Шахбаз.</i> Методология исследования миграционной политики: Сочетание теории трёх стадий миграционных процессов и системного подхода.....	364

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

<i>Соколов Д.С.</i> Теоретическое обоснование инновационной модели педагогической системы управления допризывной подготовкой молодежи.....	372
<i>Ефимова Л.А.</i> Портрет современного мецената и наследственный механизм.....	376

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Guan He, Zhao Xuling.</i> Patterns of the new chinese style: internal content	7
<i>Eremina E.V., Efremov M.A.</i> Influence of migrants on the social and cultural situation in the regions.....	11
<i>Makarov A.S.</i> The figurative and semantic concept of culture.....	15
<i>Merlova N.D., Krivoshchekov S.G.</i> Domestic and foreign experience in mindfulness practices in the context of increasing stress resistance and implementing coping strategies.....	18
<i>Polyakova I.Y., Ivanova R.M., Skrobotova O.V.</i> The cultural component in the system of tourist space Lipetsk region	24
<i>Fomicheva T.V.</i> To the question of the historiography of traditional russian spiritual and moral values: the managerial aspect.....	28
<i>Han Xinyi, Li Yuyao.</i> Socio-cultural components of dance interpretation in the formation of news narratives.....	32
<i>Ji Songchen.</i> The role of literature and art in the cultural diplomacy of the usa and the ussr during the cold war	36
<i>Shadzhe A.Yu.</i> Macroregional identity in the North Caucasus: an experience of conceptualization.....	42
SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES	
<i>Alekseev M.S.</i> The «Public Vote» component of the Feedback Platform («POS») as an object of trust for regional operators and a tool for interaction between the government and the population	48
<i>Burnyashева L.A., Romanko I.E., Finenko V.E.</i> Dental or dental tourism in Russia and abroad: advantages, risks and disadvantages	57
<i>Vasiliev V.V.</i> Schoolshooting as a kind of youth criminal aggression: the concept, causes, forms of manifestation	60
<i>Grigoriev N.Yu.</i> Social technologies in advertising and public relations	68
<i>Dashibalova I.N., Van I.D.</i> Women's influence marketing in Buryatia: an emerging market for digital services and community practices	75
<i>Kirienko Ya.Yu.</i> Analysis of the typology of military management at the level of junior command staff of the ground forces of the armed forces of the Russian Federation	81

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow University for the Humanities, Honored Scientist of the Russian Federation; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEP, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after M. Akhmedov.

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.11.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Kokoreva M.E. The role of a social work specialist in the interdepartmental interaction of subjects of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency..... 85

Krasnikova E.S. Emigration attitudes of an individual: value bases and factors of realization 89

Lisnichaya M.A. Social networks in election campaigns: sociological analysis 97

Loskutova I.M., Limonova M.A., Yudina E.N. Inclusive education of students with disabilities 101

Li Honggang. Social consequences of the use of poverty alleviation tools by the Chinese Government 106

Mironova E.N. Social prerequisites for the emergence and development of self-employment in the territory of the Donetsk People's Republic 112

Moryakov S.V. Development of methodology culture of management: a concrete-sociological approach 117

Murzina I.A., Sultanov M.Y. Improving the housing and utilities system as a key factor in improving the quality of life of the population 121

Nikolaeva T.A. Model of social interaction of specialists in providing psychological and pedagogical assistance to children from single-parent families: the example of the Khabarovsk Territory 125

Retinskaya V.N., Zagrebina D.Yu. «Digital State» as the Basis for Sustainable Development of the Russian Federation 130

Ushakov E.V. Social responsibility of business: issues of conceptual justification 134

Shevlyakov D.S. Feedback from the population as a form of work of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 138

Shinkevich V.E. The academic discipline “Fundamentals of Russian statehood” and the formation of the image of Russia as a value in the minds of students 143

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Baturina O.S., Kuznetsov V.S., Sadykova Z.R. Sociological foundations of spiritual and moral enlightenment in the integration of spiritual and environmental dimensions 148

Wang Lin. Concepts of Taoist philosophy in Chinese painting and literature 151

Kemerov V.E. Sociality as a polysubject ensemble 154

Lyashenko O.V. The problems of Russian civilization in the teaching process the discipline «Fundamentals of Russian statehood» 158

Matushevskaya V.V. Application of a hermeneutic approach to interpret social reality 162

Mochalov E.V. The Russian world and the Finno-Uugric world in socio-philosophical, cultural and national dimensions: towards a problem 166

Pluzhnikova N.N., Kuchin A.V. Socio-philosophical analysis of the concept of «modernity» through the processes of transformation of digital technologies in the judicial system 170

Rahkonen M.E. Developing creative abilities in digital culture 175

Sorokin K.A. West and East. Interconnection and socio-cultural differences between the western and eastern worlds: analysed through the prism of the philosophical categorical paradigm 180

Tazov P.Yu. Socio-philosophical analysis of consumer behavior on marketplaces 187

Udalykh E.Y., Panova N.A. The phenomenon of human subjectivity in the development of culture 190

Pluzhnikova N.N., Kovaleva S.V. Phenomenology of technology: philosophical constructions of D. Hume, E. Husserl and R. Carnap 194

Gao Bing. Analyzing the applicability and philosophy of narrative therapy for the treatment of non-suicidal self-injury 197

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Efremova E.A. The relevance of the approach of ancient greek schools to morality and ethics in the context of the transition from liberal to traditional values in modern Russia 203

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Atorin R.Yu. Science and religion: on the problem of soviet atheism 206

Danilov V.L. Metamorphosis of spiritual search: neo-paganism as a deconstruction of traditional values in russian society 209

Lutsenko A.V. The legend of “elder Fyodor Kuzmich” in the system of artistic mythology of D.L. Andreev’s mystical-philosophical treatise “Roza Mira” 213

Ivanova E.V., Farkhitdinova O.M. Religion as a factor influencing the worldview of the modern individual 218

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Gadzhiev Kh.A. Political stability and sustainability: nature and influence on a state’s foreign policy 223

Li Zhouru, Isakov V.P. Political mobilisation of youth: the experience of the communist youth league of china and its potential for dissemination of experience 227

Mamaraev R.M. Municipal reform in the Republic of Dagestan at the present stage 234

<i>Maslyuk D.S.</i> Methodology of political analysis election campaigns	240	<i>Kozlov A.V.</i> On the accreditation of media representatives in the context of counter-terrorism operations in the Kursk, Bryansk and Belgorod regions	303
<i>Proskurina E.A.</i> Modern Russian Political elite: selection mechanisms and recruitment channels	245	<i>Kravchenko A.I.</i> Homo Commonsensus as the founder of civilization	307
<i>Sukharev A.E.</i> The representation of the elements of Dante Alighieri's political philosophy in the official discourse of the roman catholic church in the XX–XXI centuries	250	<i>Orlova E.A.</i> Literary and educational project «The paths of A.P. Chekhov and I.I. Levitan» as a tool for solving the problem of reading among young people	314
<i>Furtat V.V.</i> Political instruments for countering economic extremism: generalization of russian international experience	254	<i>Pogorelyy A.P.</i> Does Russia need a state ideology?	319
<i>Shekikhanov M.A.</i> Private military companies as a foreign policy instrument: advantages and risks for the state	257	<i>Alferov A.A.</i> Russia's place in the polycentric world	322
INTERNATIONAL RELATIONSHIPS			
<i>Aidanna Balexhati.</i> The role of the Year of the PRC in the Russian Federation in the development of Sino-Russian relations	262	<i>Bondarenko N.I.</i> The role of artificial intelligence in innovative methods of teaching foreign languages in a historical perspective	329
<i>Li Junyi.</i> International Cooperation in Digital Financial Governance: China's Governance Strategies from the AIIB Perspective	266	<i>Bukirev S.V.</i> The phenomenon of self-awareness in the context of artificial intelligence	333
<i>Liu Hanwen.</i> The Impact of BRICS De-Dollarization on Sino-Russian Relations and Sino-Russian Corporate Governance	269	<i>Nechay E.E., Volzhanin D.A., Martcinkevich K.A.</i> The strategy of Donald Trump's image positioning in the course of the 2020 political campaign	337
<i>Mayorov I.E.</i> The image of the concept "Russian" in modern Germany	272	<i>Gabibullaeva P.T.</i> Youth and politics: influence on the formation of the political landscape	342
<i>Nermiye Senturk.</i> Prospects for the development of Russian-Turkish educational relations	279	<i>Levicheva S.V.</i> Features of teaching english terminological vocabulary to aviation students	346
<i>Radjabova Z.K., Radjabov O.R., Magomedova A.G.</i> Some methodological aspects of the formation of the international securities market in modern conditions of papers	284	<i>Nechay E.E., Volzhanin D.A., Martcinkevich K.A.</i> The role of political technologies in the process of formation of political leader's image on the example of Donald Trump's political campaign in 2016	350
<i>Xi Zhao.</i> Study of deepening economic and trade cooperation with the Russian Far East in Heilongjiang Province under new conditions	287	<i>Sokolova A.G., Arkhipov A.V.</i> Gamification and game-based learning technologies in teaching english as a foreign language	355
<i>Soldatov A.O., Podberezkina O.A.</i> Logistics and trade relations between Russia and the North Korea: historical and modern aspects of interaction	292	<i>Chen Shuangshuang.</i> Reception of the concept of «Moscow – The Third Rome» as the philosophical foundation of the political identity of Kievan Rus	359
<i>Yudin N.O.</i> International legal response to the current worse of the Palestinian-Israeli conflict	295	<i>Oguz Sahbaz.</i> Migration policy research methodology: a combination of the three stages theory of migration processes and system approach	364
INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH			
<i>Danilova E.V.</i> The religious activity of the first spiritual missions of the Russian Orthodox Church (1715–1821)	300	SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. CURRENT ISSUES	
		<i>Sokolov D.S.</i> Theoretical substantiation of the innovative model of the pedagogical management system for pre-conscription training of young people	372
		<i>Efimova L.A.</i> Portrait of a modern sponsor and hereditary mechanism	376

Узоры нового китайского стиля: внутреннее содержание

Гуань Хэ,

студент, Северо-Восточный университет лесного хозяйства
E-mail: zhaoxiuling8@aliyun.com

Чжао Сю Линь,

магистр, профессор, Северо-Восточный университет лесного хозяйства
E-mail: zhaoxiuling8@aliyun.com

Статья посвящена анализу узоров нового китайского стиля в контексте традиционной китайской культуры и их значения в современном дизайне одежды. Автор рассматривает эволюцию китайских орнаментов, начиная с древних времен и до современных интерпретаций в одежде, выделяя значимость символизма таких узоров, как дракон, феникс, пионы и облака, которые олицетворяют удачу, богатство, силу и гармонию. Исследуется, как традиционные узоры, сохранённые в новом китайском стиле, переплетаются с современными дизайнерскими элементами, создавая уникальные эстетические и культурные образы. Работа подчёркивает важность этих орнаментов как культурных символов, которые передают национальные ценности, и рассматривает их роль в выражении китайской идентичности на мировой арене. Особое внимание уделено тому, как использование этих узоров в одежде способствует распространению традиционной китайской культуры и их связи с духовными и философскими учениями, такими как буддизм. Статья открывает новые перспективы для изучения и использования китайских орнаментов в современном дизайне.

Ключевые слова: традиционный китайский костюм, узоры, форма, внутреннее содержание, китайская культура, смысловое наполнение, традиционная культура, новый культурные особенности, культурное значение.

Введение

Новый китайский стиль – это форма искусства, которая сочетает в себе традиционную китайскую культуру и современные идеи дизайна. Это одновременно продолжение истории и инновации эпохи. Она интерпретирует глубокие значения китайской культуры на уникальном визуальном языке. Содержания узоров нового китайского стиля отражается не только в формах, но и в культурной красоте. Это носитель традиционной китайской культуры, наше наследие и дань памяти предков. Это также культурная уверенность и гордость, уверенность и признание наших культурных ценностей. Новая китайская выкройка одежды представляет собой идеальное сочетание традиций и современности. Сохраняя символизм традиционных узоров, он также внедряет элементы современного дизайна, чтобы сделать его более современным. Эти узоры являются не только продолжением истории, но и культурным новшеством, интерпретирующим очарование и жизненную силу традиционной китайской культуры. Исследование основывается на универсальных научных методах наблюдения и описания, используя специальные переводчики, эстетику, культурные методы, а также функциональные и психологические лингвистические подходы для анализа и синтеза. Научная новизна работы заключается в том, что она задает эффективное направление для изучения новых китайских стилей одежды и открывает новые перспективы.

Узоры в китайской культуре

Узор традиционной китайской одежды – это узор, декорированный на традиционной китайской одежде, который представляет собой регулярный декоративный узор, образованный ткачеством, вышиванием, росписью и другими способами. Он воплощает в себе традиционную китайскую эстетическую концепцию и имеет долгую историю и несет в себе множество культурных элементов. Кроме того, он играет значительную роль в архитектуре, живописи, скульптуре, текстиле и прикладном искусстве [1]. Большинство традиционных узоров одежды имеют хорошие коннотации. Например, дракон и феникс символизируют благосклонность, власть и благородство, ведь дракон олицетворяет императора и священное, а феникс – благосклонность и красоту; Узор пиона олицетворяет богатство, его цветы пухлые, цвет великолепный, и он является символом достатка.

Эти традиционные узоры одежды имеют не только красивый декоративный эффект, но также содержат богатую культурную символику и символическую значимость, отражающую эстетические представления, образ жизни, ценности древних китайских народов. Это результат постоянного развития культуры Китая. Значение – другое, значение узора – иное. При этом применение узоров разных периодов различно [2].

Оригинальные узоры одежды можно проследить до примитивных обществ, где простые геометрические узоры, такие как прямые линии, треугольники, были нарисованы на оригинальных платьях, таких как шкуры животных. Это в основном ограничивалось инструментами

и познанием того времени, в то время как простые узоры могли быть связаны с примитивным культом тотемов. Например, иголки из костей, найденные на месте пещерного человека, указывают на то, что в то время можно было шить одежду, хотя трудно определить, были ли на ней декоративные узоры, можно предположить, что процесс обработки одежды уже начался. Узоры одежды в период династии Ся, Шан и Чжоу узоры постепенно развивались. В это время узоры тесно связаны с социальной иерархией того времени. Например, двенадцать гербовых узоров, включая узоры солнца, луны, звезд и других изображений, это специальные узоры для парадной одежды императоров и высокопоставленных чиновников и отражают яркие различия в социальном статусе и поклонение к природе Неба и Земли.

А в период Сражающихся царств и династии Чунцзюй узоры одежды стали еще более разнообразными. С распадом царств и частым культурным обменом между различными регионами узоры, основываясь на традициях династий Шан и Чжоу, были инновационными, появились сложные узоры животных, такие как узор с извивающимися драконами. И благодаря прогрессу ткачества и вышивки узоры на одежде стали еще более прекрасными.

Единое правление в династиях Цинь и Хань привело к тому, что узоры одежды стали единообразными в стиле. Узоры облачных туч в династии Хань были очень популярны. Они были динамичными и воздушными и часто сочетались с изображениями священных животных и появлялись на манжетах, воротах и других местах одежды, отражающие стремление людей того времени к миру богов и стремление к бессмертию.

Период династий Тан и Сун: В династии Тан страна была сильной, культура процветала, узоры одежды были яркими по цвету и богаты по рисунку. Например, цветок Баосян, который сочетает в себе характеристики многих видов цветов, имеет полный облик и отражает процветающую атмосферу династии Тан. Узоры одежды в династии Сун были более элегантными. Под влиянием эстетики литераторов популярны узоры с отломанными ветками цветов. Они составляют из части цветов, создавая чувство простоты и скрытой красоты.

Узоры одежды в династии Мин уделяли внимание благоприятному значению. Например, на тканях часто появляются узоры с текстовыми рисунками, такими как «благополучие и удача», «счастье», «долголетие» и комбинациями цветочных и животных узоров. В династии Цинь из-за влияния правителей маньчжурской национальности узоры на одежде, основываясь на наследии династии Мин, также сочетали в себе характеристики маньчжурской национальности. Например, узоры вышивки на чайганах имеют широкий спектр сюжетов и разнообразные техники вышивки, включая узоры с драконами, бабочками и другими.

Спустя тысячи лет развития некоторые узоры стали символом традиционной китайской культуры, имеющим особое значение. Например, облачный узор. Облачный узор имеет длинную историю развития в китайском искусстве и является старейшей формой узоров, найденной на бронзе торговых недели. Искусство узоров облаков переживало сложные процессы развития в последовавших династиях Хань, Вэй, Ким, северная и южная династия. В династии Тан появились два основных стиля облачных узоров – свитки с одним крючком и свитки с двумя крючками. В династии Сун узоры стали более сложными, а в эпоху Юань, в отличие от династии Сун, облачные узоры стали более единичными и регулярными. В династии Мин групповые облачные узоры стали относительно самостоятельными элементами в общей структуре, а в династии Цинь появились более сложные

укладочные облачные узоры. Облачные узоры в китайской культуре символизируют желание людей к счастью и благополучию, а также их стремление к бессмертию. Эти узоры воплощают богатое воображение китайского народа, способствуя таким ценностям, как мир, благосклонность, открытость, терпимость, дух и гармония. Облачный узор имеет глубокое значение и может вызывать позитивные эмоции у зрителей. Облачные узоры имеют две основные формы: крючковидные и полосатые. Особенно интересно то, как выглядят узлы крючковидных облаков, характерные для Вэй, Цзинь, Юга и Северной Кореи. В этом узоре короткая дуга имеет круглую голову и заостренный хвост. Толщина узора варьируется от толщины до тонкости. Вокруг основного узора располагаются комбинации крючковых элементов, создавая гармоничную композицию. Эти узоры продолжали эволюцию во времена династий Цинь и Хань, претерпевая некоторые изменения. В династии Тан появились крупные завихрения с вихревидной структурой и объемными валиками, ставшие основой для облачных узоров. Таким образом, облачные узоры в китайской узорной традиции развивались и преобразовывались со временем, приобретая новые формы и стилистические особенности [3].

Форма и внутреннее содержание узоров нового китайского стиля

Узоры нового китайского стиля одежды представлены в различных формах, наиболее распространенной из которых является интеграция традиционных благоприятных узоров с современными элементами дизайна. Традиционные благоприятные узоры, такие как драконы, фениксы, пионы и облака, являются символами традиционной китайской культуры, олицетворяя удачу, красоту, богатство и благородство. Современные элементы дизайна – это чистые линии, абстрактная графика, цветовые контрасты и т.д. Их сочетание делает традиционные узоры более современными и отвечающими эстетическим потребностям современных людей.

Узор китайской одежды, как яркая историческая книга, демонстрирует глубокие культурные ценности и эстетические аспекты китайской этнической природы в уникальных значениях и многообразиях. Текстура одежды является важным воплощением культурного наследия и национального духа. Татуировка дракона, являющаяся уникальным символом китайской нации, эта сильная фигура представляет собой власть, силу и достоинство. Она проходит через различные периоды истории Китая и является признаком национальной сплоченности. Узор тrefфы, в свою очередь, воплощает высокие, изящные, упорные и скромные качества, которыми древние хранители знаний восхищались. Они появляются на одежде, как будто это молчаливое учение, вдохновляющее носителя нести эти прекрасные качества и передавать духовное ядро китайской нации. Что касается религии и философских идей, то буддистская лилия, изображающая собой чистый и неокрашенный образ, символизирует святые и чистые границы разума. Это религиозное значение распространяется через одежду, которая позволяет людям чувствовать духовное Крещение в то же время, когда они одеваются. Интерес, как к эстетической, так и к содержательной стороне узоров сформировал эстетическое чувство китайского народа [4].

Узор китайской одежды формально является сокровищем искусства. Пропустив через себя разнообразный материал (явления природы, животные и растения), оно породило исполненный глубокого смысла орнамент, отражающий древние традиции и устремления к гармонии, миру и счастью [5]. Животные узоры – это категория, наиболее характерная среди них. Презентабельный

узор дракона, зубочистка дракона, величественность и великолепия дракона, которые сочетаются с элегантным великолепием и танцами фанга. Как правило, выступают главным декоративным элементом [6]. Некоторые из этих животных имеют реалистичный образ, тщательно отображающий каждую деталь, как если бы они хотели вдохнуть душу животного в одежду; Некоторые используют преобразующие методы, чтобы выделить некоторые особенности животного, такие как рога дракона, анчоусы, что делает его более художественным и визуальным.

Узоры растений также были украшены в форме шарма. Символ лилии тесно связан с буддийским учением, которое восходило к Индии [7]. С религиозной точки зрения, в буддизме цветок лотоса олицетворяет чистоту и святость. Под влиянием буддизма узор лилии в традиционной китайской одежде также претерпел изменения в художественной коннотации и выражении [8]. В традиционной культуре цветок лилия символизирует чистоту и красоту. Её внешний вид свежий и элегантный, а цвет чистый, поэтому она используется как метафора благородного характера людей, честности и порядочности. В области литературы и искусства цветок лилия является олицетворением хороших вещей. Многие стихи и картины берут цветок лилия в качестве темы, изображая её грациозную позу и выражая признательность и восхищение красотой природы. Более того, поскольку лилия также связан с любовью, её часто используют для описания любви и неразлучности мужа и жены. Пионы, в своей национальной цветочной форме, стали символом богатства и славы, ярких цветов и пышных цветов, которые сияли на их нарядах. Персиковый узор был похож на девушку весеннего ветра, очаровашка и сладкий аромат любви. Как на рисунке целого цветка, так и на рисунке, показывающем полную красоту растения, так и краткую композицию цветочных растений, можно создать уникальную картину. Крести, стоящие во время бури и снега, дают вечную силу посредством обивки одежды.

Геометрический узор является неотъемлемой частью китайской одежды. Эти извилистые, извилистые линии, как вихрь, бесконечные, символизирующие продолжение жизни и бесконечность. Его закономерность и повторяемость формируют уникальное чувство ритма, подобно циклу времени и продолжению истории. Облака, подобно свободно развевающимся белым облакам в небе, изменяются в тысячи форм и плавают природа. Или, как легкий туман, или как волны, придаёт одежде неземное, расслабляющее состояние. Резьба грома располагается в аккуратных квадратах или круглых линиях, организованных и упорядоченных, величественных и торжественных, как будто в ней заключена таинственная сила неба и земли.

Текстовый узор также довел очарование китайского иероглифа до крайности. Эти простые и значимые китайские иероглифы стали украшением для ярких глаз на платье. ZhuanShu старомодн, LiShu элегантн, котор разн шрифт слов был мастерск. Они могут быть изолированы, демонстрируя свое значение в атмосфере, или взаимодействуют с другими узорами. Например, слово «блаженство» окружено элементами, такими как летучие мыши, цветы и т.д., что делает благодать более густой, а также обогащает тексты и содержание.

Узор китайской одежды в его глубоком содержании и изящной форме стал жемчужиной китайской национальной культуры. Они несут в себе исторические воспоминания, национальные эмоции и художественный шарм, которые никогда не исчезают в течение многих лет, продолжая демонстрировать уникальные и очаровательные достопримечательности китайской культуры. Эта эстетическая особенность китайского узора определила, что его форма должна раскрывать содержание [9].

Культурные особенности узоров нового китайского стиля

Китайские узоры являются важной частью традиционной китайской культуры. В орнаментах их авторы пытались отобразить духовную культуру Китая и олицетворение различных миров, которые почитались в Китае [10]. Культурные особенности новой китайской узоров нового китайского стиля в первую очередь отражаются в ее глубоком культурном значении. Многие из этих текстилей взяты из традиционных культурных элементов Китая таких, как драконы, фэн, пионы, облака и т.д., являются благоприятными узорами в традиционной китайской культуре, которые символизируют счастье, красоту, власть и достоинство. Среди них драконы – древние тотемы Китая, символизирующие силу и достоинство. В настоящее время традиционный китайский стиль дракона широко используется в современных дизайнах одежды, предоставляя широкие платформы для распространения дизайна одежды с китайской спецификой. Впервые это произошло в 2008 году, когда на олимпийских играх в Пекине было показано множество примеров дизайна, использующих рисунок дракона. Наиболее характерной особенностью является медаль на олимпийских играх 2008 года в Пекине. Дизайн медали был вдохновлен древним китайским почечным диском с изображением дракона. Медаль состоит из двух элементов: почечный круг, символизирующий дракона, и металлическая коробка с эмблемой пекинской олимпиады. Наиболее примечательной особенностью является конструкция крюка, узора в форме дракона. Медали изготовлены в традиционном стиле и выглядят благородными и изящными. Она отражает не только добрые пожелания, которые Китай передает победителю через символ дракона, но и распространяет традиционные культурные ценности Китая. Медаль на олимпийских играх 2008 в Пекине – шедевр сочетания традиций и олимпийского духа между Китаем и западным Китаем, а другой пример дизайна стиля дракона – спортивная форма китайской команды по пинг-понгу. Дизайнеры рисуют конкурентного, устрашающего дракона спереди, символ национального духа, который выражает национальную гордость дизайнера. По мере развития социальной системы, экономики и культуры современные домоводства все больше и больше стремятся к чистой декоративной красоте. В древних обществах каждый предмет украшенный, прежде всего, был средством выражения своего рода социально значимого содержания, часто не имеющего независимой художественной ценности. Таким образом, в прошлом династия дракона была эстетическим наслаждением, но как ценный аксессуар. В то время как в современном дизайне одежды художественная ценность дракона в основном связана с индивидуальностью создателя и стилем автора, чем более отчетливыми и узнаваемыми национальными и региональными компонентами узоров, тем выше их художественная ценность. Эти традиционные благоприятные узоры содержат надежду и благословение китайского народа на лучшую жизнь, а также демонстрируют стремление Китая к гармоничному обществу. История китайской культуры датируется более чем 5000 лет назад и имеет множество форм искусства, включая архитектурную эстетику и эстетику одежды. В то время как сегодня все больше молодых людей осознают очарование традиционной китайской культуры, новый китайский стиль оживает. В целом культурная уникальность нового стиля Китая проявляется в его глубоком культурном значении, художественном стиле и сочетании наследия и инноваций. Она является важным носителем традиционной китайской культуры и важным символом инноваций в китайской культуре одежды. Как китайцы, мы должны активно

распространять и распространять эту особую культуру, чтобы больше людей узнало и узнало о ней, чтобы она стала уникальным сиянием на мировой арене.

Заключение

Анализ узоров нового китайского стиля подчеркивает важную связь между традиционной китайской культурой и современным дизайном, демонстрируя, как древние символы и эстетические элементы интегрируются в современные формы. Узоры, такие как дракон, феникс, пионы и облака, не только создают визуальную привлекательность, но и глубоко связаны с китайскими культурными ценностями, отражая такие аспекты, как удача, процветание, сила и гармония. Интеграция этих традиционных мотивов с современными дизайнерскими решениями является ярким примером синтеза истории и инновации, что способствует сохранению и развитию китайской культурной идентичности в условиях глобализации.

Использование этих орнаментов в современном дизайне одежды не только укрепляет культурное наследие Китая, но и помогает распространять китайскую культуру на международной арене. Узоры нового китайского стиля становятся важным инструментом культурной дипломатии, передавая национальные ценности и философские учения, такие как идеи буддизма и стремление к гармонии с природой. Эволюция этих узоров показывает, как традиция может быть адаптирована и переосмыслена для современных нужд, сохраняя при этом свою культурную значимость.

Исследование имеет большое значение для дальнейшего изучения китайской культурной идентичности через призму дизайна одежды, а также для выявления новых тенденций в модной индустрии. Будущие исследования могут сосредоточиться на более глубоких анализах взаимодействия традиционных китайских узоров с глобальными трендами, а также на изучении влияния этих узоров на восприятие китайской культуры за рубежом. Также важно развивать новые методологии для изучения роли китайских символов в других аспектах культурной практики, включая искусство, архитектуру и литературу. Таким образом, изучение и использование китайских орнаментов в модном дизайне открывает новые горизонты для дальнейших научных исследований и творческих инноваций, поддерживая баланс между традицией и современностью.

Литература

1. Тянь Хэ. Семантика традиционного китайского орнамента // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. С. 173–178.
2. Чэнь Юйцэнь. История происхождения китайских традиционных узоров и её выразительных средств в школе // Национальная ассоциация ученых. 2022. № 76. С. 14–16.
3. Ван Юйлинь. Исследование характеристик искусства облачного узора периода Вэй, Цзинь, Южной и Северной династий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2–1 (89). С. 44–46.
4. Вань Цзиньбо. Исследование локализации орнаментов лотоса с точки зрения философии дизайна // Философия и культура. 2022. № 1. С. 26–32.
5. Ван Сяоюй, Чжан Мяо. Символика дракона в дизайне одежды и аксессуаров в контексте актуализации традиционного культурного наследия Китая // Философия и культура. 2024. № 3. С. 38–52.
6. Бянь Ц. Изображения дракона на древнекитайских бронзовых зеркалах // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 11 (77). С. 78–83.
7. Вань Цзиньбо. Влияние буддизма на традиционный китайский орнамент лотоса // Человек и культура. 2021. № 5. С. 89–102.
8. Вань Цзиньбо. Анализ визуального языка орнаментов лотоса в эпохи Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий // Философия и культура. 2021. № 10. С. 16–30.
9. Ян Цзин. Отражение китайских традиционных культурных ценностей в современной одежде // Человек и культура. 2023. № 2. С. 1–11.
10. Яо Жуйюй. Культурные особенности традиционных китайских орнаментов // Столыпинский вестник. 2023. № 9. С. 4700–4708.

PATTERNS OF THE NEW CHINESE STYLE: INTERNAL CONTENT

Guan He, Zhao Xuling
Northeast Forestry University

This article is dedicated to the analysis of patterns in the new Chinese style within the context of traditional Chinese culture and their significance in modern clothing design. The author examines the evolution of Chinese ornaments, from ancient times to their contemporary interpretations in clothing, highlighting the symbolic meaning of patterns such as the dragon, phoenix, peonies, and clouds, which represent luck, wealth, power, and harmony. The study explores how traditional patterns, preserved in the new Chinese style, intertwine with modern design elements, creating unique aesthetic and cultural images. The paper emphasizes the importance of these ornaments as cultural symbols that convey national values and discusses their role in expressing Chinese identity on the global stage. Special attention is given to how the use of these patterns in clothing promotes the dissemination of traditional Chinese culture and their connection to spiritual and philosophical teachings such as Buddhism. The article opens new perspectives for studying and applying Chinese patterns in contemporary design.

Keywords: traditional chinese costume, patterns, form, internal content, chinese culture, semantic content, traditional culture, new cultural features, cultural significance

References

1. Tian He. Semantics of Traditional Chinese Ornament // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2011. Pp. 173–178.
2. Chen Yucen. History of the Origin of Chinese Traditional Patterns and Its Expressive Means in School // National Association of Scientists. 2022. No. 76. Pp. 14–16.
3. Wang Yulin. Research on the Characteristics of the Art of Cloud Pattern in the Wei, Jin, Southern and Northern Dynasties // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 2–1 (89). Pp. 44–46.
4. Wan Jinbo. Research on the Localization of Lotus Ornaments from the Point of View of Design Philosophy // Philosophy and Culture. 2022. No. 1. Pp. 26–32.
5. Wang Xiaoyu, Zhang Miao. Dragon Symbolism in Clothing and Accessories Design in the Context of Updating China's Traditional Cultural Heritage // Philosophy and Culture. 2024. No. 3. Pp. 38–52.
6. Bian Q. Dragon Images on Ancient Chinese Bronze Mirrors // International Research Journal. 2018. No. 11 (77). Pp. 78–83.
7. Wan Jinbo. The Influence of Buddhism on Traditional Chinese Lotus Ornament // Man and Culture. 2021. No. 5. Pp. 89–102.
8. Wan Jinbo. Analysis of the Visual Language of Lotus Ornaments in the Wei, Jin, Southern and Northern Dynasties // Philosophy and Culture. 2021. No. 10. P. 16–30.
9. Yang Jing. Reflection of Chinese Traditional Cultural Values in Modern Clothing // Man and Culture. 2023. No. 2. P. 1–11.
10. Yao Ruiyu. Cultural Features of Traditional Chinese Ornaments // Stolypin Bulletin. 2023. No. 9. P. 4700–4708.

Влияние мигрантов на социально-культурную обстановку в регионах

Еремина Екатерина Витальевна,

к.с.н., доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

E-mail: hope77@yandex.ru

Ефремов Михаил Алексеевич,

аспирант кафедры «Менеджмент и государственное управление», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

E-mail: mikhailefr96@mail.ru

В современном мире глобализации международная миграция стала неотъемлемой частью. Россия, как и другие страны, привлекает иностранных граждан своими возможностями. Но разбираясь в вопросе адаптации мигрантов, их устройстве на российском рынке труда, социально-культурной интеграции можно отметить значительные трудности у иностранных граждан. Влияние мигрантов на социально-культурную обстановку в регионах может быть многообразным и выражается в языковом и культурном разнообразии, влиянии на демографию (демографическая компенсация), социальной интеграции граждан. Зачастую приезжие мигранты выполняют сразу несколько функций: осуществляют тяжелую работу (часто низкооплачиваемую), закрывают демографические проблемы, отвечают гуманитарным нуждам регионов. Но также мигранты испытывают сложности в процессе устройства на работу, получения жилья и социально-культурной интеграции в новое общество. Проведенное исследование показало, что для эффективной и безопасной адаптации мигрантов необходимо совершенствовать миграционное законодательство, способствовать освоению и поддержке приезжих граждан в регионах.

Ключевые слова: миграционная политика, адаптация и интеграция мигрантов, мигранты, демография, вопросы миграции, проблемы миграции.

В настоящее время вопрос миграции становится все более значимым, поскольку количество мигрантов в Российской Федерации растет, в связи с этим возникает необходимость совершенствования миграционной политики.

Проблемы, связанные с миграционной сферой, присущи всем государствам, не только России. Чтобы пребывание мигрантов на территории РФ было безопасным для россиян, способствовало укреплению экономики страны и не нарушало не чьих прав и свобод, необходимо выстроить слаженную систему контроля мигрантов, обеспечения их безопасного пребывания в России, быстрой регистрации и получения жилья. Улучшение условий жизни мигрантов, поддержка со стороны государства и более эффективный контроль на всех этапах пребывания в РФ должны стать главными задачами в процессе совершенствования миграционной политики.

Проведенное исследование имеет научную и практическую значимость, поскольку тема миграционной политики и влияния мигрантов на жизнь в регионах РФ очень актуальна в настоящее время. Как показывает статистика, количество мигрантов, въезжающих на территорию нашей страны, увеличивается, что не может оставаться без внимания государства. Приезжие иностранные граждане прибывают в Россию на заработки, для постоянного проживания и работы; мигранты могут быть политическими беженцами, либо иметь определенные личные причины, по которым выбрали приехать в РФ. Поэтому на территории России права мигрантов должны быть защищены по закону, чтобы они имели возможность проживать и работать здесь. Но также мигранты должны соблюдать законы РФ и встать на учет в миграционной службе.

В своей статье Воробьева О.Д. пишет о том, что на социальные взаимоотношения мигрантов и населения региона влияют многие факторы, включая политическую обстановку в стране, внешнеполитические события, состояние экономики и рынка труда. При нестабильной политической обстановке, межнациональных конфликтах или других сложных ситуациях для страны, обостряются конфликты между мигрантами и местными жителями, поскольку обе стороны испытывают трудности, как психологического, так и материального характера. Чтобы урегулировать данные процессы, государству необходимо предпринять меры по улучшению миграционной политики, так как она напрямую влияет на положение мигрантов.

Главной проблемой миграции считается нелегальное пребывание иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ, что имеет негативное воздействие на социально-культурную обстановку в регионах. Нелегальная миграция опасна ростом преступности в регионах; неуплатой налогов мигрантами, распространением различных заболеваний и инфекций (незаконные мигранты не имеют свободный доступ к медицинской помощи и редко проходят обследования, к тому же они имеют риск заразиться чем-то во время пересечения границы); увеличением рынка противозаконной деятельности, в том числе ростом незаконного трудоустройства и т.д. К тому же увеличение количества мигрантов провоцирует дополнительную конкуренцию на рынке труда, но не повышает уровень квалификации по специально-

стям, все это негативно может отражаться на социально-экономическом положении России [4].

Кроме перечисленных негативных аспектов нелегальной миграции существуют и другие проблемы пребывания мигрантов на территории РФ.

Низкая заработная плата и использование мигрантов как дешевой рабочей силы.

Неадекватные условия труда и проживания мигрантов.

Нарушение миграционного законодательства мигрантами, отсутствие регистрации, осуществление незаконной деятельности.

Экономический спад из-за оттока денежных средств за пределы РФ, дисбаланс на рынке труда, снижение демографии и общего количества населения (поскольку мигранты возвращаются к себе на родину).

Влияние мигрантов на социально-культурную обстановку в стране и регионах может быть разным: как позитивным, так и негативным, поскольку на положение мигрантов в регионе может влиять множество факторов – от вопросов миграционного учета, до стереотипов и предвзятого отношения со стороны россиян.

В целом, наличие мигрантов в регионе способствует национальному и культурному разнообразию, интеграции культур, традиций и религий. Мигранты имеют свои предпочтения в культуре, религии и взглядах, при адекватном отношении обеих сторон и уважении различий мигранты могут принести что-то новое в жизнь россиян. Также это касается и языка, на котором разговаривают мигранты, многообразие языков также положительно влияет на обстановку в регионе, если относиться к этому уважительно. Расширение рынка труда, социальной структуры, политических предпочтений и количества населения страны (демография). На все эти аспекты влияют мигранты, но качество этого влияния будет зависеть от юридической стороны вопроса, поскольку важны следующие аспекты: была ли оказана помощь и поддержка мигрантам при въезде на территорию РФ, дают ли работодатели официальное трудоустройство, получают ли мигранты жилье и регистрацию, защищены ли права иностранных граждан на территории того или иного региона?

Существует концепция государственной миграционной политики, которая предписывает «создание инфраструктуры, обеспечивающей содействие адаптации и интеграции, включая центры информационной и правовой поддержки мигрантов, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации, а также создание специализированного канала и циклов телепередач, ориентированных на социокультурную и языковую адаптацию мигрантов». Причем создание инфраструктуры, включающей центры информационной и правовой поддержки мигрантов, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации, а также создание специализированного канала и циклов телепередач, ориентированных на социокультурную и языковую адаптацию мигрантов, планировалось согласно Концепции [2].

Адаптация и интеграция мигрантов предусматривается Стратегией государственной национальной политики РФ, разработанной на период до 2025 года [1]. Согласно программе по адаптации мигрантов, российские организации, объединения, частные компании и бюджетные учреждения могут нанимать мигрантов на работу и оказывать им помощь по адаптации в современных условиях работы. Организациям, оказывающим помощь мигрантам, государство выделяет финансовую поддержку согласно миграционной политике и присваивает категорию «социально ориентированные». Это означает, что

учреждение помогает приезжим, нуждающимся в стабильной работе, оказывает поддержку и учит адаптироваться в российское общество. Помощь от организаций приветствуется и положительно отражается на репутации компании.

Данные материалы позволяют заключить, что мигранты могут оказывать положительное влияние на социально-экономическое и культурное состояние регионов России, но при должном уровне поддержки от принимающего государства, укреплении миграционной политики и строгом контроле въезда на территорию РФ. Миграционная служба должна предпринять все необходимые меры по регулированию потока мигрантов, выяснению причин для въезда и наличию документов у граждан. Если на ранних этапах отсеять сомнительных граждан, которые хотят попасть на территорию России и вызывают подозрения, количество преступлений, совершенных мигрантами и объем нелегальной миграции сократится.

Но, как показывает практика регионов, миграционная политика не всегда имеет эффективное воздействие и часто не может регулировать процессы на федеральном уровне. Для надлежащего контроля не хватает скоординированного воздействия миграционной службы по областям, поэтому на региональном уровне ситуация обстоит также не лучшим образом. В 2016 году Институт этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов провел исследование по вопросам миграции, которое показало, что именно в регионах мигрантам оказывают надлежащую поддержку, работают общественные объединения, где иностранные граждане могут получить гуманитарную помощь [5].

На примере Пензенской области рассмотрим статистику миграции, а также, какое влияние оказывают мигранты на социально-культурную обстановку в регионах России.

Число мигрантов в Пензенской области в 2022 году увеличилось на 52,3% по сравнению с 2021-м. Об этом свидетельствуют данные, размещенные на сайте УМВД России по региону. В 2022 году на миграционный учет было поставлено более 68 тыс. человек, из них 65 тыс. поставлены на учет по месту пребывания, это на 55% больше по сравнению с 2021-м. Статистика 2023 и 2024 годов представлена в таблице 1 [6].

Из данных таблицы видно, что в отчетный период в 2023 году число прибывших и выбывших мигрантов было больше, чем в 2024 году, за выбранный промежуток времени. В 2023 году в Пензенскую область прибыло 11835 мигрантов, выбыло на 572 человека меньше (11263 мигранта). В том числе прибыло 4245 мигрантов из других регионов и государств (включая страны СНГ), а покинуло Пензенскую область 4507 мигрантов (миграционная убыль составила 262 человека). В целом можно сказать, что в 2024 году число мигрантов, прибывших в Пензенскую область, сократилось на 2278 человек, указывая на миграционную убыль [6].

Стоит также уделить внимание вопросам миграционной преступности.

По предоставленным данным, в 2024 году в Пензенской области было совершено больше преступлений (9934), чем в 2023 г. Из них было расследовано 4950 преступлений, что гораздо меньше, чем в 2023 году (5982).

По словам Председателя Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина в 2023 году мигранты совершили более 18 тыс. преступлений, 68% составили преступления против собственности, 20% – связаны с незаконным оборотом наркотиков, а остальные – по

сягательства на жизнь и здоровье граждан. Данные Следственного комитета РФ сообщают об убийстве 121 человека, мигрантами, еще 124 человека получили травмы, повлекшие смерть. Еще 124 дела было возбуждено по факту вовлечения мигрантами несовершеннолетних

в преступную деятельность. Но данная статистика не выделяется из общего количества совершенных преступлений любыми гражданами. И национальная принадлежность не играет здесь главной роли [3].

Таблица 1. Миграция населения в Пензенской области 2023–2024 [6]

	Всего	В том числе:				
		внутри обла- сти	внешняя ми- грация	в том числе		
				с другими реги- онами	международная миграция со странами СНГ	с другими странами
Январь–июнь 2024						
Число прибывших	9557	4568	4989	3726	1033	230
Число выбывших	10361	4568	5793	4313	1167	313
Миграционный прирост (убыль)	-804	-	-804	-587	-134	-83
Январь–июнь 2023						
Число прибывших	11835	5662	6173	4245	1624	304
Число выбывших	11263	5662	5601	4507	845	249
Миграционный прирост (убыль)	572	-	572	-262	779	55

Источник: составлено на основании данных Управления по вопросам миграции УМВД России по Пензенской области.

Как отмечают эксперты, многие мигранты испытывают трудности, как социальные, так и психологические. На преступления мигрантов толкают трудности постановки на миграционный учет, низкий уровень жизни, неквалифицированная и низкооплачиваемая работа, предвзятое отношение, сложности получения образования.

Оценить влияние мигрантов на социальное и культурное состояние регионов можно как неоднозначное, потому что с одной стороны мигранты компенсируют недостаток рабочей силы и восполняют население страны, способствуют разнообразию культур и языков, но с другой, ненадлежащий контроль со стороны миграционной службы, отсутствие хороших условий для жизни и работы негативно влияют на мигрантов, что провоцирует рост преступности, нелегальной миграции и других проблем, рассмотренных выше.

При осуществлении качественной миграционной политики, поддержке в адаптации мигрантов, предоставлении медицинской помощи, рабочих мест и гуманитарной помощи, мигранты могут оказывать положительное влияние на социально-культурную обстановку в регионах.

В завершении хочется отметить неоднозначность влияния мигрантов на социально-культурную обстановку в регионах РФ. На иностранных граждан влияют внешние обстоятельства, в которых они оказываются. В российском миграционном законодательстве должны быть юридические инструменты обеспечения надлежащего контроля пребывания мигрантов на территории РФ, защиты их прав и свобод, поддержка со стороны государства (в вопросах трудоустройства и обеспечения жильем). Мигранты могут оказывать положительное влияние на состояние региона: восполнять недостаток трудоспособного населения, закрывать проблемы демографии в области, способствовать разнообразию культуры и языка, интегрироваться в общество и приносить свой вклад в развитие экономики региона. Но все этапы ин-

теграции должны быть контролироваться законодательством РФ и не представлять опасность обществу.

Литература

1. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/70284810/?ysclid=m2p94qv6lx140595980>
2. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 45. – Ст. 6917.
3. Бастрыкин заявил о росте преступлений, совершаемых иностранцами // Газета.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/07/17/20885960.shtml?ysclid=m2p9qys4m288203452> (дата обращения: 21.09.2024).
4. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Савинков В.И. Основные проблемы современной миграционной политики России // Народонаселение. 2016. № 4 (74). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-problemy-sovremennoy-migratsionnoy-politiki-rossii> (дата обращения: 10.09.2024).
5. Кульбачевская О.В. Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в России: к вопросу о межкультурном взаимодействии // Антропология миграций. 2020. № 52 (4). С. 136–152.
6. Пензенская область 2022 в цифрах. Краткий статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области (Пензастат). – С. 12. Электронный ресурс. – <https://58.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9F%D0%95%D0%9D%D0%97%>

D0%95%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%90%
D0%AF%20%D0%9E%D0%91%D0%9B%D0%90%D0
%A1%D 0%A2%D0%AC%202022% 20%D0%B2%20
%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%
D1%85%20(%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%8
6% D 0 % B 8 % D 0 % B 0 % D 0 % B B % D 1 % 8 C
%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B8%
D 0 % B 7 % D 0 % B 4 % D 0 % B 0 % D 0 % B
D%D0%B8%D0%B5).pdf (дата обращения:
12.09.2024).

INFLUENCE OF MIGRANTS ON THE SOCIAL AND CULTURAL SITUATION IN THE REGIONS

Eremina E.V., Efremov M.A.
Penza State University

In the modern world of globalization, international migration has become an integral part. Russia, like other countries, attracts foreign citizens with its opportunities. But understanding the issue of migrants' adaptation, their arrangement in the Russian labor market, and socio-cultural integration, we can note significant difficulties for foreign citizens. The influence of migrants on the socio-cultural situation in the regions can be diverse and is expressed in linguistic and cultural diversity, influence on demography (demographic compensation), and social integration of citizens. Often, visiting migrants perform several functions at once: they do hard work (often low-paid), close demographic problems, and meet the humanitarian needs of the regions. But migrants also experience difficulties in the process of finding a job, obtaining housing, and socio-cultural integration into a new society. The conducted research showed that for the effective and safe adaptation of migrants it is necessary to improve migration legislation, promote the development and support of visiting citizens in the regions.

Keywords: Migration policy, adaptation and integration of migrants, migrants, demography, migration issues, migration problems.

References

1. On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666 (with amendments and additions). – URL: <https://base.garant.ru/70284810/?ysclid=m2p94qv6lx140595980>
2. On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025: Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 622 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 45. – P. 6917.
3. Bastrykin announced an increase in crimes committed by foreigners // Gazeta.ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/07/17/20885960.shtml?ysclid=m2p9qys4m288203452> (date of access: 21.09.2024).
4. Vorobyova O.D., Rybakovsky L.L., Savinkov V.I. The main problems of modern migration policy of Russia // Population. 2016. No. 4 (74). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-sovremennoy-migratsionnoy-politiki-rossii> (date of access: 10.09.2024).
5. Kulbachevskaya O.V. Socio-cultural adaptation and integration of migrants in Russia: on the issue of intercultural interaction // Anthropology of migrations. 2020. No. 52 (4). P. 136–152.
6. Penza Oblast 2022 in figures. Brief statistical digest // Federal State Statistics Service. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Penza Oblast (Penzastat). – P. 12. Electronic resource. – [https://58.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9F%D0%95%D0%9D%D0%97%D0%95%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF%20%D0%9E%D0%91%D0%9B%D0%90%D0%A1%D0%A2%D0%AC%202022%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%20\(%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5\).pdf](https://58.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9F%D0%95%D0%9D%D0%97%D0%95%D0%9D%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF%20%D0%9E%D0%91%D0%9B%D0%90%D0%A1%D0%A2%D0%AC%202022%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%20(%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5).pdf) (access date: 09/12/2024).

Макаров Артем Сергеевич,

аспирант кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет
E-mail: makarov_artem_s@mail.ru

В статье представлена характеристика образно-смысловой концепции культуры и способа ее формирования. В отличие от утилитарно-прагматической формы, основанной на потребительском отношении субъекта к реальности, образно-смысловая концепция детерминирована в своем возникновении и развитии нравственным отношением человека. Фундаментом нравственности в сознании последнего является чувство сопереживания, соучастия, деятельность которого в единстве с имагинативной логикой воображения способствует формированию образа. Главным принципом этой логики является закон неисклученного третьего, по которому в образе согласуются противоположные смыслы, образуя динамику развития культуры, как воплощение мифологических смысло-образов, а также социально-природной проблематики первых философских систем.

Ключевые слова: культура, образно-смысловая форма, внутренняя чувственность, имагинативная логика мышления, закон неисклученного третьего, нравственное отношение, образ, смысл вера.

Введение

Рассмотренная характеристика утилитарно-прагматической формы культуры (Макаров, 2023), основанная на учении И. Канта, способствовала ориентации на исследование такой формы культуры, которая бы соответствовала реализации сущности человека. Такая выражена духовно-нравственным уровнем сознания, деятельность которого, будучи творческой по своей онтологической функции, участвует в создании образно-смысловой концепции культуры.

Об особенностях формирования сущности сознания человека и ее реализации в образной системе смысловых сферы писали такие авторы, как Л.Н. Роднов (Роднов. 1995), Я.Э. Голосовкер (Голосовкер, 1997), М.М. Маковский (Маковский.1996), Э.Б. Тайлор (Тайлор. 1989), А.Ф. Лосев (Лосев 2000), П.Д. Юркевич (Юркевич. 1990), С.В. Ковалева (2014). В этих исследованиях представлена не только онтологическая характеристика человека, но и ее функциональная реализация на уровне феноменов, связанных с образным процессом созерцания мира, основанном на нравственном отношении к реальности. Кроме того, рассмотрена особенность речи, которая зависима от диалектического понимания действительности, выраженного имагинативной логикой.

Объектом исследования в данной статье является образно-смысловая форма культуры, а предметом – способ ее создания и воплощения. Целью написания обоснование онтологических способностей человека, которые, детерминированные нравственным характером отношений с предметно-материальным миром, способствуют возникновению и развитию образно-смысловой формы культуры.

Методы исследования

Методологической базой обоснования и изучения проблемы является система методов, которые, взаимно дополняя друг друга, обуславливают целостный подход к определению культуры:

- метод анализа, который позволяет осуществить выделение из учения классиков философии сферы исследования, которая касается культуры и способов ее возникновения;
- метод герменевтики, который способствовал актуализации смысла понимания идей, заложенных в основании изучаемых философско-культурологических систем;
- системный метод, применение которого позволило сформулировать выводы по статье.

Результаты

Согласно учению Л.Н. Роднова (Роднов. 1995: 31), духовно-нравственный уровень сознания человека, определяющий его онтологическую природу, формируется относительно нравственного отношения к окружающей действительности. Нравственное отношение в своей основе формируется усилием воли человека, которая направлена на актуализацию коренящегося в сердце чувства сопереживания, соучастия тому, что является для Я человека его противоположностью не-Я. Ученый, ссылаясь

на М. Бубера, утверждает, что не-Я может быть выражено тремя сферами бытия: миром природы и каждым предметом, явлением его; человеческим обществом в целом и каждым его членом в отдельности; а также Богом, как центром метафизической, духовной реальности. Чувствуя сердцем иного себе, человек актуализирует изначально заложенное в нем живое отношение Я-Ты, которое является формой культурного диалога.

Нравственное чувство, будучи укорененным в центре сознания, и актуализирующееся в момент встречи с Ты, совершенно по-иному формирует сознание человека. Согласно учению П.Д. Юркевича, ссылающегося на писания Нового Завета, «сердце представляет собой центр нравственной жизни человека, что является его этическим аспектом. Оно выступает источником всех нравственных состояний. ... Также оно являетсяместилищем всего ... доброго (Лк 6:45). В сердце написан естественный нравственный закон (Рим 2:15). Поэтому и Господь сеет Свое слово на почве сердца Своего высшего творения (Мф 13:19)» (Юркевич. 1990: 70–71).

Изучая структуру внутреннего мира личности, жившей в доосевую эпоху, ученый М.М. Маковский пишет о том, что нравственное чувство, актуально выраженное в сознании людей того времени, выводит человека на уровень созерцания, которое, минуя непосредственное влияние внешней чувственности, сразу же формирует в сознании образ созерцаемого. Актуальность чувства сопереживания, ориентированного на восприятие Другого как Ты – внешнего «полюса» по отношению к собственному Я, способствует тому, что «ощущения ... человека, как бы они ни были объективно реальны» воспринимаются через категории, «сконструированные его сознанием. Представления (т.е. образ созерцаемого – А.М.) организуют восприятия, но не наоборот. Ощущения воспринимаются посредством представления» (Маковский. 1996: 19).

Согласно Я.Э. Голосовкеру, формирование представления, как первичного образования сознания, осуществляется логикой воображения, которая сущностно отличается от трансцендентальной (рассудочной) логики (Голосовкер. 1987). Имагинативная логика, в отличие от рассудочной, не связана с внешним миром, но определяет свое функционирование относительно внутреннего содержания сознания и направлена на выявление смысла происходящих событий, значимых глубоко, лично для человека, переживающего эти события нравственно. Связанная с «материей» сознания, логика воображения не анализирует явления внешней реальности, не дифференцирует ее целостность на части, поэтому исчисляемая научно причинно-следственная связь явлений не входит в ее компетенцию.

Как утверждает М.М. Маковский, образы явлений, формирующиеся в сознании, тождественны, вариативны друг другу, одновременно сосуществуя во внутреннем мире, не распределяются в самостоятельные, независимые друг от друга события. Причина одного явления, как образа реальности, виделась человеком «в явлении смежном. Так получалась цепь причин и следствий в виде круга, замкнутой линии, где каждый член ряда был и причиной, и следствием «одновременно»» (Маковский. 1996: 17). В результате не было ни начала, ни конца, все явления образовывали целостность мироздания, внутри которой изменений не происходило. Образ мира, сформированный в сознании человека, был единым и согласованным, себя же человек считал частью этой гармонии, этого космоса, потому как непосредственно был причастен к его образному созданию.

Возникновение в сознании человека образа предмета, явления позволяло ему воздействовать не на их каче-

ства, посредством выявления которых разрушалась их целостность, но на сами вещи, в единстве и многообразии их свойств и связей. Именно поэтому субъект не анализировал их прошлые состояния, признаки, не выявлял динамику временных изменений, потому что время переживалось как единое настоящее, не дробилось на прошлое и будущее, но всегда пребывало в целостности. Настоящее включало в себя и прошлое, и будущее, поэтому оно было вечным, постоянным, характеризую человека, пребывающим в состоянии бытия. Это внутреннее стояние в «просвете бытия» (М. Хайдеггер) проецировалось на материально-предметную сферу, в которой чувственно созерцаемые явления не изменяли мир, по сути, изменяемое не изменялось, перетекая из одно в другое. Сама динамика жизни, как объект культурного интереса, – это безостановочный бег по кругу, прошлое в своих недрах содержало будущее, которое, разворачиваясь через настоящее, вновь обреталось в прошлом.

Возвращаясь к учению Я.Э. Голосовкера, следует отметить, что главный принцип имагинативной логики – закон не исключенного третьего. В создании образа предмета участвуют не его материально-природные качества, определяющие функцию рассудочной формы мышления, но созерцаемые составляющие его смысла. Эти составляющие противоречат друг другу в их временной разрываемости, но изначально гармонично согласовываются в единой образности предмета. Поясняя эту мысль, Я.Э. Голосовкер пишет, что логика создания образа «как исчерпывание смысла целокупного образа раскрывается последовательным рядом единичных конкретных образов, как быдвигающихся по кривой смысла до ее замыкания в круг. Замыканием в круг исчерпывается смысл целокупного образа. Само логическое движение конкретных образов по кривой смысла совершается по принципу противоположности» (Голосовкер. 1987: 48, 49).

Таким образом, в создании образа предмета, как внутреннего содержания сознания человека, участвуют созерцаемые смысловые свойства объекта, которые, противореча друг другу, не оцениваются по принципу истинно-ложно, но совместно согласовываются, соединяются, образуя такую реальность, в которой невозможное возможно. Имагинативная форма мышления, согласно Я.Э. Голосовкеру, открыта для созерцания надприродной смысловой сферы бытия, творчески участвуя в создании образов на ее основе.

И еще одной особенностью сознания человека, структурированного относительно нравственного чувства в единстве с имагинативной логикой воображения, является особая форма речи, которая, будучи метафоричной, основана на слове, выражающем модель образа в семиотическом виде. Ученый, обосновавший культурологическую концепцию эволюционизма, Э. Тайлор утверждал, такая речь «действует в полном согласии с воображением, продукты которого она выражает», причем между ними может существовать и взаимобратная связь. Творческие ситуации способствовали тому, что человек, создавая «идеи», выражал их в речи, которая «следовала за воображением», однако могло быть и так, что «речь шла впереди, а воображение следовало по проложенному ею пути» (Тайлор. 1989: 214). Движение речи, порождавшее деятельность воображения, актуализировало феномены бытия, к которым, согласно исследованиям С.В. Ковалевой, «относятся свобода, совесть, вера, понимание, судьба» (Ковалева. 2014: 132).

Выводы

Основанием духовно-нравственной деятельности человека является внутренняя чувственность, источником

которой является сердце (П.Д. Юркевич). Относительно нравственного чувства в единстве сознания актуализируется имажинативная логика мышления (Я.Э. Голосовкер). Закон этой логики противоречит принципам формальности, рассмотренным Аристотелем, и выражен законом неисключенного третьего. Результатом деятельности имажинативно-нравственного уровня сознания является образ, содержащий смысл. Смыслообраз проявляется в метафоричности речи, которая определяет возникновение и развитие культуры в ее образно-смысловой форме.

Литература

1. Голосовкер Я.Э. Логика античного мифа / Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука. 1987. – 419 с.
2. Ковалева С.В. Онтология сознания: феноменальность акта «эго» / Журнал Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова № 7, 2014. С. 130–133.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. Книга I–M.: АСТ, 2000–624 с.
4. Макаров А.С. Утилитарно-прагматическая форма культуры / Журнал: Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 11. С. 75–78.
5. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М.: «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС». 1996. – С. 416.
6. Роднов Л.Н. Сознание. Познание. Личность. Монография. – Кострома: Изд-во Костром. гос. технол.ун-та. 1995. –169 с.
7. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., – 1989. 651 с.
8. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия / Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда. 1990. – С. 69–103.

THE FIGURATIVE AND SEMANTIC CONCEPT OF CULTURE

Makarov A.S.

Kuban State Agrarian University

The article presents a characteristic of the figurative and semantic concept of culture and the way it is formed. In contrast to the utilitarian-pragmatic form based on the consumer attitude of the subject to reality, the figurative-semantic concept is determined in its origin and development by the moral attitude of a person. The foundation of morality in the consciousness of the latter is a sense of empathy, complicity, the activity of which, in unity with the imaginative logic of imagination, contributes to the formation of an image. The main principle of this logic is the law of the non-excluded third, according to which opposite meanings are consistent in the image, forming the dynamics of cultural development, as the embodiment of mythological semantic images, as well as the socio-natural problems of the first philosophical systems.

Keywords: culture, figurative and semantic form, inner sensuality, imaginative logic of thinking, the law of the non-excluded third, moral attitude, image, sense of faith.

References

1. Golosovker, Ya.E. (1987) Logic of ancient myth / Golosovker Ya.E. Logic of myth. M.: Nauka. 419 p. (In Russian).
2. Kovaleva, S.V. (2014) Ontology of consciousness: the phenomenality of the act of "ego" / Journal Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU No. 7, pp. 130–133. (In Russian).
3. Losev, A.F. (2000) The history of ancient aesthetics. Early classics. Book I–M.: AST. 624 p. (In Russian).
4. Makarov, A.S. (2023) Utilitarian and pragmatic form of culture / Journal: Humanities, socio-economic and Social Sciences. No. 11. pp. 75–78. (In Russian).
5. Makovsky, M.M. (1996) Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages. The image of the world and the worlds of images / M.: "Humanitarian Publishing Center VLADOS", p. 416. (In Russian).
6. Rodnov, L.N. (1995) Consciousness. Cognition. Personality. Monograph. – Kostroma: Publishing house of Kostrom. state technol.un-ta. 169 p. (In Russian).
7. Tylor, E.B. (1989) Primitive culture. M. 651 p. (In Russian).
8. Yurkevich, P. D.(1990) The heart and its significance in the spiritual life of man according to the teachings of the Word of God / Yurkevich P.D. Philosophical works. M.: Pravda, pp. 69–103. (In Russian).

Отечественный и зарубежный опыт в области *mindfulness*-практик в контексте повышения стрессоустойчивости и реализации копинг-стратегий

Мерлова Нина Дмитриевна,

аспирант, кафедра психологии и педагогики Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail: Ninaxm@mail.ru

Кривощёков Сергей Георгиевич,

доктор медицинских наук, профессор кафедры психологии и педагогики Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматривается феномен осознанности (*mindfulness*) как эффективный метод повышения устойчивости к стрессу и развития адаптационных стратегий поведения. Автор проводит сравнительный анализ основных дефиниций осознанности, используемых в отечественной и зарубежной литературе, что позволяет выявить ключевые аспекты понимания и практического применения *mindfulness* в психологической и психотерапевтической практике. Осознанность анализируется как когнитивная техника, способствующая осознанному восприятию и принятию стрессовых ситуаций. Основное внимание уделено практическим аспектам использования *mindfulness*-подходов в работе с различными группами населения. В статье обсуждается связь *mindfulness* с копинг-стратегиями и роль осознанности в снижении уровня тревожности и эмоционального выгорания, а также анализируются результаты эмпирических исследований, показывающих эффективность практик *mindfulness* в повышении стрессоустойчивости.

Ключевые слова: копинг, копинг-стратегия, *mindfulness*, осознанность, когнитивная терапия, стресс.

Столкновение человека со сложными жизненными ситуациями существенным образом влияет на формирование его личности – хотя в ряде случаев это влияние оказывается травмирующим и деструктивным. Согласимся с Е.И. Белинской в том, что именно в процессе обдумывания и принятия решений, в моменте переживания сомнений и тревог, человек реализует собственную субъектность и утверждает свое Я [1, с. 761]. В подобном контексте стресс можно считать в некоторой степени положительным, структурирующим личность и «воспитывающим» событием. Тем не менее, на современном этапе жизнь человека связана с колоссальным количеством интенсивных и регулярных стрессовых воздействий, и в абсолютном большинстве случаев это приводит к негативным последствиям для психики и стабильности психомоционального фона. Неудивительно, что преодоление трудностей как условие онтогенетического развития личности продолжает оставаться одной из сквозных и наиболее актуальных тем психологии и психотерапии.

Все вышеизложенное актуализирует проблематику копинга (совладания со стрессом) и эффективных копинг-стратегий. Впервые научное обоснование концепция копинга получила в 1970–1980-е гг. Копинг-стратегии изучались в рамках психологии развития, клинической психологии и психологии стресса, позднее – в социально-психологическом контексте. На данном этапе интерпретации процесса совладания со стрессом постепенно трансформировались – состоялся переход от понимания трудной ситуации как объективного стресса к ее интерпретации как чисто субъективной трудности, имеющей в первую очередь личностное значение [1, с. 761]. В анализе взаимодействия человека и ситуации на первый план вышли когнитивные факторы – т.е. факторы субъективного значения, которое придает человек тем или иным обстоятельствам.

Появление данных об эффективности различных стратегий совладания, сфокусированных на субъективном значении стрессогенных факторов, постепенно привело к разработке программ и интервенций, основанных на идее об осознанности. С 1980-х гг. исследования, посвященные осознанности, стали постепенно оформляться в отдельное направление теории и практики.

В зарубежных и российских научных исследованиях накоплено немало дефиниций понятия «осознанность (*mindfulness*)», в каждой из которых авторы акцентируют тот или иной аспект этой категории. О.Д. Пуговкина и З.Н. Шильникова говорят о том, что в зарубежной науке существует два взаимосвязанных термина: «осознанность» (*awareness*) и «внимательность» (*mindfulness*), тогда как в русскоязычной науке подобной дифференциации не существует [13, с. 19]. Рассмотрим некоторые из имеющихся в новейшей литературе и периодике определений.

Одним из первых исследователей, кто ввел в научный оборот категорию «осознанность», является Дж. Кабат-Зинн, согласно которому осознанность представляет собой «безоценочную осведомленность, возникающую в результате сознательного направления внима-

ния на настоящий момент развертывающегося опыта» [6]. Осознанность – это осведомленность, не основанная на рассуждениях, результат фокусировки на текущем моменте, взаимодействие со средой максимально реагирующим образом.

О.Д. Пуговкина предлагает понимать под осознанностью особый психологический конструкт и форму психотерапевтического вмешательства, направленного на профилактику и лечения разных форм психической патологии [13, с. 18].

Н.С. Попова говорит о том, что к настоящему этапу понимание осознанности было существенно расширено: сегодня эту интегративную категорию связывают с такими понятиями, как ценности и смыслы, внимание, саморегуляция, саморефлексия, эмпатия и открытость. По мнению Е.С. Поповой, в общем виде осознанность можно определить следующим образом: «черта, состояние и способ бытия, позволяющие субъекту быть включенным в текущий момент деятельности и осуществить сонстрайку с самим собой и с окружающими» [12, с. 113].

Н.М. Юмартова и Н.В. Гришина предлагают весьма удачное, на наш взгляд, определение осознанности: «сложносоставная характеристика организации психической деятельности, базирующаяся на контроле внимания и ограничении мыслительного и эмоционального автоматизма, и характеризующаяся увеличением осведомленности о текущих психических и физиологических процессах» [17, с. 267].

О.Л. Гайдукова определяет осознанность как «понимание своих мыслительных паттернов и ответов на разнообразные стимулы», как осведомленность о себе и о мире, за счет которой можно выбирать наиболее эффективные модели поведения и мышления [2, с. 222].

Исследователи, изучающие проблемы, стратегии и ресурсы копинга, стали все чаще обращаться к концепции осознанности. Взаимосвязь между копинг-стратегиями и уровнем осознанности можно, по мнению S.-L. Keng и E. M.W. Tong, представить следующим образом: (1) практики осознанности развивают способности к произвольной регуляции внимания для сосредоточения в настоящем, к наблюдению за собственным состоянием, что выступает неотъемлемым этапом и условием копинга; (2) осознанность позволяет выработать особое безоценочное отношение к получаемому опыту, в т.ч. травмирующему, неприятному, вызывающему тревогу; (3) практики осознанности, особенно медитативные, оказывают позитивное влияние на эмоциональную сферу субъекта, снижая уровень тревоги и депрессии, на его когнитивные функции, на психологическое благополучие в целом – за счет чего копинг-стратегии получаются реализовать более успешно [24]. S.-L. Keng и E. M.W. Tong в рамках проведенного ими эмпирического исследования доказали наличие взаимосвязи между высоким уровнем осознанности и умением реализовывать конструктивные стратегии совладания [24]. Аналогичные результаты были получены многими другими российскими и зарубежными исследователями [7]; [10]; [28]; [29] и др. Соответственно, можно сделать вывод о том, что копинг-стратегии успешно реализуются лицами с высоким уровнем осознанности; осознанность позволяет легче «войти» в ситуацию стресса и «выйти» из нее.

Осознанность как качество человеческой психики может быть сформирована посредством особых механизмов, позволяющих справляться с вызовами действительности, сохранять баланс в условиях нестабильной внешней среды. Формирование и «тренировка» осознанности реализуется в рамках особого направления

когнитивной терапии, основанной на практике осознанности (*Mindfulness-based Cognitive Therapy*).

В фокусе внимания многих отечественных и зарубежных исследователей находятся практики медитации – ключевой компонент тренингов, направленных на повышение уровня осознанности и на совладание со стрессом. Медитация, согласно определению Д.Д. Стёпиной и А.В. Покровской, представляет собой особую практику духовно-религиозного и(или) оздоровительного характера, направленную на достижение «состояния внутренней сосредоточенности», посредством концентрации (пассивная медитация) и волевого усилия [15, с. 2]. Семантическое «сращивание» двух понятий – осознанность и медитация – привело к возникновению категории «медитация осознанности», обозначающей совокупность разнообразных методик саморегуляции [2, с. 218].

Медитация как путь к осознанности на сегодняшний день является одной из самых дискуссионных тематик, освещаемых в СМИ, социальных сетях, в клинической практике и научной периодике. О.Л. Гайдукова отмечает, что практики осознанности, достигаемой посредством медитации, становятся образом жизни для многих людей [2, с. 218]. Все чаще подобные *mindfulness*-практики включаются в клинические интервенции с целью изучения эффектов в ситуациях совладания со стрессом. Все это можно подтвердить колоссальным числом научных публикаций в англоязычном и русскоязычном массиве, выполненных в русле медицины, психологии [29], педагогики, социологии [28], психиатрии [22], теории и практики спорта [11] и иных наук.

Одним из наиболее наглядных исследований, доказывающих взаимосвязь между осознанностью и медитациями, выступает работа Н.М. Юмартовой и Н.В. Гришиной. Исследователи сравнили показатели стресса, осознанности, эмоциональной устойчивости, интроверсии/экстраверсии, рефлексии и др. показателей у двух групп – люди, занимающиеся медитативными практиками или йогой, и люди, не имеющие такого опыта. Н.М. Юмартовой и Н.В. Гришиной удалось доказать, что люди, имеющие продолжительный опыт занятия медитативными практиками или йогой, имеют более высокие показатели выраженности психологических характеристик осознанности, чем люди, не имеющие такого опыта [17, с. 271].

Расширение массива теоретических и эмпирических данных о механизмах и эффектах осознанности, увеличение количества экспериментов в русле когнитивно-поведенческой терапии и научно-доказательного движения – все это привело к оформлению терапевтических практик «третьей волны», включающих в себя терапию принятия и ответственности, диалектическую поведенческую терапию, методики «самосострадания», «созерцательные интервенции» (*contemplative interventions*), «когнитивную терапию на основе йоги и осознанности» (*Yoga and Mindfulness Based Cognitive Therapy*) и многие другие подходы [18, с. 111].

Практики осознанности, в т.ч. посредством медитации, постепенно проникают в обиходные практики, принимаемые широкой общественностью. Л.З. Левит указывает на то, что популяризация *mindfulness*-практик привела к их волшебнo-эзотерическому «наполнению», которое зачастую противоречит рациональному, доказательному научному подходу [9, с. 69]. Исследователи, как отмечает Р.П. Ярмолюк, стремятся к устранению духовных и традиционных элементов и к созданию секулярных форм осознанности [18, с. 112].

Анализируя имеющиеся в научной литературе экспериментальные данные, О.Л. Гайдукова говорит о том,

что в большинстве исследований результатом применения *mindfulness*-практик выступает «повышение чувства контроля, точности восприятия, повышение уровня терпимости, принятия, терпения; у практикующих появляется больше смелости справляться с непредсказуемыми событиями» [2, с. 220]. Мы также можем добавить, что исследования доказывают улучшения как в кратковременной перспективе – помощь практикующим в текущий момент (к примеру, за счет понижения уровня стресса через регулярную практику медитации), так и в более широком, экзистенциальном контексте (речь идет о фундаментальных изменениях в восприятии человеком мира и своего места в нем).

На сегодняшний день классической методикой развития осознанности выступает методика Д. Кабат-Зинна. В контексте рассматриваемой нами тематики копинга широко применяется клинически ориентированная майндфулнес-практика *Mindfulness-Based Stress Reduction (MBSR)*. Изначально MBSR была разработана Дж. Кабат-Зинном и впоследствии модернизирована и адаптирована под разные типы контингентов и ситуаций современными исследователями. Метод предполагает стандартизированную формализованную интервенцию продолжительностью в 8 недель и включающую в себя ежедневные (1–6 неделя) и ежедневные (7–8 недели) двухчасовые групповые упражнения: медитации сидя и при ходьбе, концентрацию внимания на ощущениях тела и осознанные движения, практики концентрации внимания на дыхании [23].

В современной практике, указывает Д.И. Ноздрачев с соавт., достаточно часто встречаются модификации программы с сокращенной длительностью курса и более краткими сессиями [10, с. 135]. К.А. Aikens с соавт., в частности, предлагает внедрять программы по осознанности, направленные на улучшение психического благополучия сотрудников и снижение стресса в рабочей среде без отрыва от производства. В исследовании было выявлено, что формирование диспозиционной осознанности (майндфулнесс) положительно влияет на качество отношений с коллегами, формирует позитивные эмоции и ощущение самосовершенствования, снижает сопротивление изменениям [19]. Тем не менее, многие исследователи говорят о пользе интенсивного лечения и следовании классическому подходу Дж. Кабат-Зина, предполагающему некоторую изоляцию пациента от внешней среды [21].

Оценивать исходный уровень стресса, стрессоустойчивости, осознанности позволяет стандартный опросник *MAAS (Mindful Atteneion Awareness Scale* (шкала внимательности и осознанности), шкала Лайкерта и опросник *PSQ*, позволяющий оценить субъективные параметры восприятия стрессовой ситуации. Данный набор диагностического инструментария является на сегодняшний день одним из наиболее распространенных в России и в мире; данную совокупность методик применял в экспериментальном исследовании, помимо прочих, В.Н. Ефимов [3, с. 79].

Обобщив методы, апробированные и применяемые в клинической практике, можно представить следующий перечень: (1) когнитивная терапия на основе осознанности – *Mindfulness-based cognitive therapy (MBCT)*; (2) методики снижения стресса на основе осознанности – *Mindfulness-Based Stress Reduction (MBSR)*; (3) терапия принятия и ответственности – *Acceptance and Commitment Therapy (ACT)*; (4) диалектическая поведенческая терапия – *Dialectical Behavior Therapy (DBT)*.

Особую популярность в последнее время обретают методы принятия и ответственности. Li Shang с соавт. говорит о том, что техники *ACT* успешно применяются

в работе с пациентами онкологических отделений, при работе с аддикциями, травмами [27, с. 14]. В рамках данного направления применяются следующие техники: расцепление (*Defusion*) – стремление к разрыву когнитивной «сцепки» с негативными эмоциями; Я-контекст (*Self-context*) – эта техника учит позиции наблюдателя, принятие – техника, направленная на ослабление контроля за происходящим и его принятие; Вовлеченность в настоящий момент (*Present moment engagement*) – техника, направленная на то, чтобы быть «здесь и сейчас». Основная идея подхода *ACT*, по мнению Д.С. Ковпака, заключается в том, что «с какими бы переживаниями не столкнулся человек, он способен принять их и действовать, невзирая на них, в соответствии со своими внутренними ценностями» [7, с. 43].

Во многих исследованиях эксперименты по внедрению *mindfulness*-практик проводятся на конкретном контингенте лиц, по тем или иным причинам подверженным стрессам. О.Д. Пуговкина и З.Н. Шильникова, к примеру, доказывают эффективность практик осознанности в совладании с академическим стрессом и успешность в обучении в студенческой популяции [13, с. 21]; О.Л. Гайдукова, проводящая анализ распространенного за рубежом тренинга эмоционального интеллекта, основанного на осознанности (*mindfulness-based emotional intelligence*), доказывает положительный эффект в среде заключенных («переход от основанных на страхе анти-социальных, криминальных стратегий удовлетворения потребностей к про-социальным подходам, основанным на уверенности в своей собственной добродетели, врожденной доброте к другим и к миру в целом» [2, с. 225]).

В исследовании М.И. Зинченко и В.В. Гуляевой с соавт. доказано следующее: спортсмены циклических видов спорта обнаруживают связь темперамента и осознанности: тип темперамента может определять способность быть «осознанным». Кроме того, исследователи говорят о том, что занятия майндфулнесс-практиками положительно влияют на показатели «выносливости» (повышается по мере помещения практик), «эмоциональная реактивность» (снижается), «настойчивость» (повышается), «сенсорная чувствительность» (снижается) [5, с. 244].

Кроме того, М.И. Зинченко с соавт. в другом исследовании также говорит о том, что в целом спортсмены, находящиеся в условиях постоянного тренировочного и соревновательного стресса, в меньшей степени способны справляться со стрессом и негативной реакцией на него в сравнении с не-спортсменами. Тем не менее, спортсмены, достигшие высокого мастерства, способны контролировать эмоции больше тех, кто не достиг такого уровня мастерства, т.е. разрядников [4, с. 170]. Кроме того, авторы обнаружили положительное воздействие медитаций на уровень стрессоустойчивости респондентов.

F.A. Fogarty, L.M. Lu с соавт. изучили, каким образом реагируют на стресс и восстанавливаются после стрессового воздействия лица с высоким и низким уровнями осознанности. Замеры вариабельности сердечного ритма и иных физиологических показателей до момента стрессового воздействия, во время него и после показали, что высокая осознанность позволяет легче воспринять стрессовое события и быстрее восстановиться. При этом обнаружены гендерные различия в восприятии стресса: женщины, даже обладающие высокой осознанностью, справлялись со стрессом несколько хуже, чем респонденты-мужчины [20, с. 181].

Т.Л. Кукса, исследуя контингент женщин, готовящихся к родам, говорит о высоком уровне субъективного стресса у российских рожениц, в связи с чем исследова-

тель предлагает применять комплексный подход. Сущность подхода заключается в сочетании медитативных практик, классических методик повышения осознанности, а также методику реконструкции классического нарратива о родах, вселяющего в женщин страх и тревогу [8, с. 168]. «Страшилки о родах» как совокупность перинатальных страхов, циркулирующих в среде профессионалов, беременных женщин и состоявшихся матерей, представляют собой не что иное, как источник субъективного стресса, избавиться от которого можно изменив отношение к будущей ситуации родов. Осознанность как сочетание безоценочности, медитативности, концентрации и информированности позволит женщинам успешно совладать со стрессом [8, с. 171].

Схожий подход (условно назовем его медитативно-нарративным) применяют и другие исследователи. А. Kleinman предложил называть состояние нездоровья (*sickness*) с позиции пациента – *illness*, с позиции медика – *disease*, а рассказы пациентов о симптомах, страданиях, ограничениях, любом ином опыте проживания своего нездоровья – *illness narrative*. В работе с пациентом следует формировать продуктивный нарративный подход – в противном случае пациент будет подвержен еще большему стрессу из-за болезни вследствие добавления субъективных переживаний по поводу состояния своего здоровья [25]. Умение устранять негативные субъективные факторы в собственном *illness narrative*, наряду с умением медитировать, управлять дыханием, поддерживать высокий уровень осознанности – все это может существенно облегчить симптомы заболевания и ускорить выздоровление.

Проблема осознанности является предметом активных научных изысканий в области психологии медицины, что обусловлено ростом стрессовых факторов в профессиональной среде. Так, Е.И. Суханова проводит исследование на контингенте врачей – представителей достаточно сложной в психологическом плане «помогающей» профессии – бороться с выгоранием посредством сочетания методов медитации и визуализации [16, с. 71].

Многие исследования посвящены медитативным практикам осознанности в студенческой среде, априорно стрессогенной. К.С. Соловьева с соавт., в частности, предлагает адаптировать майндфулнес-практики к индивидуальным особенностям психики студентов и к виду специальности [14, с. 121]. Н.С. Попова предлагает методику совладания с психотравмами, нанесенными молодым людям в период студенчества, посредством повышения осознанности. Автор предлагает кардинальным образом видоизменить классический подход Дж. Кабат-Зинна и встраивать майндфулнес-практики непосредственно в программу обучения по любому предмету; предлагается применять во время занятий и подготовки к ним различные виды медитаций, практики на развитие разных типов внимания, а также чередовать их с телесными практиками (центрирование, йога и танцы) [12, с. 115].

Автор, кроме того, делает вывод о том, что формирование метакогнитивных навыков – рефлексия, самооценка, коммуникация, самоорганизация, умение концентрироваться и прочее – по сущности, весьма близко к осознанности [12, с. 115]. Д.В. Ковпак приходит к схожему выводу: терапия осознанности противопоставляет дисфункциональным мыслям ряд метакогнитивных навыков: (1)-способность занимать метапозицию по отношению к потоку своего мышления; (2) способность осознавать текущий поток внутренних и внешних раздражителей; (3) принимать опыт как проходящий; (4) способность произвольно переключать свое внимание [7, с. 43]. Взаимосвязь между метакогнитивными навы-

ками и осознанностью доказывают и зарубежные исследователи: так R. Kudesia пишет о том, что осознанность есть не что иное как метакогнитивная практика, будучи, с одной стороны, способом обработки информации, а с другой – способом выработки определенного отношения к ней [26].

В заключение следует отметить: к практикам осознанности следует подходить весьма осторожно, с научных позиций и избегая радикальных или, напротив, чрезвычайно упрощенных алгоритмов. Как показывает анализ зарубежной и отечественной научной литературы, некоторые исследователи доказали, что майндфулнес-практики имеют ряд «побочных» эффектов: Р.Р. Ярмолюк, к примеру, говорит о повышении «восприимчивости к ложным воспоминаниям и снижении надежности памяти после медитации осознанности», а также о том, что медитация может снижать мотивацию к выполнению рутинных задач [18, с. 112]. Е.П. Белинская говорит о росте негативных переживаний, вызванном практиками осознанности, а также об отказе от поведенческой активности [1].

Обилие исследований, посвященных рассматриваемой нами прикладной области, подтверждает предположение о резком росте популярности концепции осознанности и медитативных практик.

Практики осознанности, направленные на развитие внимания к настоящему моменту, безоценочное восприятие и принятие переживаемых эмоций, медитативные техники – все это, по результатам исследований, имеет ощутимый положительный эффект в контексте снижения уровня стресса и улучшения психоэмоционального состояния.

На основании проведенного обзора литературы можно утверждать, что *mindfulness* является универсальным инструментом, применяемым в разных контекстах, включая работу с различными группами населения: студентов, медицинских работников, неизлечимо или тяжело больных, зависимых людей и прочее.

Несмотря на разнообразие подходов, рассмотренных нами, существует общая тенденция к интеграции *mindfulness* с другими методами психотерапии и развития стрессоустойчивости. Кроме того, все чаще методики осознанности применяются «без отрыва» от учебной, профессиональной, повседневной деятельности, в связи с чем многие авторы предлагают адаптировать техники работы для того, чтобы их было легко встраивать в жизнь современного человека.

Литература

1. Белинская, Е.П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды / Е.П. Белинская // Сиб-Скрипт. – 2022. – № 6 (94). – С. 760–771.
2. Гайдукова, О.Л. Программы *mindfulness* как современный вид психокоррекционных интервенций и профилактики девиантного поведения в пени-тенциарной системе США / О.Л. Гайдукова // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. – 2021. – № 1. – С. 218–231.
3. Ефимов, В.Н. Использование осознанного внимания при эмоциональном выгорании у спортсменов / В.Н. Ефимов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». – 2020. – № XIII. – С. 77–80.
4. Зинченко, М.И. Диспозиционная осознанность (*mindfulness*) у лиц с разным уровнем физической активности / М.И. Зинченко, В.В. Гуляева, Д.Ю. Урю-

- мцев, Е.В. Барабаш, Е.Г. Вергунов, В.О. Рыбкин, Н.В. Мозолева, С.Г. Кривошчёков // Комплексные исследования детства. – 2023. – Т. 5. – № 3. – С. 163–172.
5. Зинченко, М.И. Взаимосвязи аспектов осознанности (mindfulness) и характеристик темперамента у спортсменов / М.И. Зинченко, В.В. Гуляева, Д.Ю. Урюмцев, Е.В. Барабаш, Е.Г. Вергунов, Г.Н. Ануфриев, В.О. Рыбкин, Е.Е. Архипова, С.Г. Кривошчёков // Комплексные исследования детства. – 2023. – Т. 5. – № 4. – С. 237–247.
 6. Кабат-Зинн, Дж. Куда бы ты ни шел – ты уже там: Медитация полноты осознания в повседневной жизни / Дж. Кабат-Зинн; пер. с англ. М. Белобородовой. – М.: Независимая фирма «Класс», Издательство Трансперсонального института. – 2001. – 208 с.
 7. Ковпак, Д.В. Использование «третьей» волны когнитивно-поведенческой терапии в комплексном лечении и профилактике суицидального поведения / Д.В. Ковпак // Вестник Московской международной академии. – 2021. – № 2. – С. 38–54.
 8. Кукса, Т. Л. «Страшилки» для рожениц: конструирование и преодоление страха в родах / Т.Л. Кукса // Фольклор и антропология города. – 2020. – № 1–2. – С. 166–187.
 9. Левит, Л.З. Осознанность и самоосознанность: рациональное применение / Л.З. Левит // ОмГ У. – 2019. – № 1. – С. 68–73.
 10. Ноздрачев, Д.И. Эффективность основанных на майндфулнесс методов психотерапии, релаксации и редукации стресса при артериальной гипертензии и прегипертензивных состояниях: систематический обзор / Д.И. Ноздрачев, М.Н. Соловьева, К.А. Замятин // РКЖ. – 2022. – № 9. – С. 134–141.
 11. Нурмырадова, Ч.Ш. Спортивное образование и психология: формирование лидерских качеств и управление стрессом в мире спорта / Ч.Ш. Нурмырадова // Всемирный ученый. – 2023. – № 12. – С. 200–204.
 12. Попова, Н.С. Осознанность как основа организации образовательного процесса в вузе в период пандемии / Н.С. Попова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2021. – № 17. – С. 111–116.
 13. Пуговкина, О.Д. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия / О.Д. Пуговкина, З.Н. Шильникова // Современная зарубежная психология. – 2014. – № 2. – С. 18–28.
 14. Соловьева, К.С. Особенности совладания со стрессом в процессе учебной деятельности студентов вузов психологической и непсихологической специальностей / К.С. Соловьева, Е.Ф. Бобровская, Ю.В. Боброва, С.Г. Кривошчёков // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2019. – № 2. – С. 118–125.
 15. Стёпина, Д.Д. Как практика медитации влияет на уровень стресса / Д.Д. Стёпина, А.В. Покровская // StudNet. – 2020. – № 10. – 6 с.
 16. Суханова, Е.И. Профилактика профессионального выгорания / Е.И. Суханова // Неонатология: Новости. Мнения. Обучение. – 2022. – № 3 (37). – С. 68–72.
 17. Юмартова, Н.М. Осознанность (Mindfulness). Психологические характеристики и инструменты измерения / Н.М. Юмартова, Н.В. Гришина // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ / под ред. А.В. Шаболтас. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. – С. 267–273.
 18. Ярмолюк, Р.Р. От практики осознанности к созерцательным практикам / Р.Р. Ярмолюк // ОмГ У. – 2023. – № 4. – С. 108–117.
 19. Aikens, K.A. Mindfulness goes to work: Impact of an online workplace intervention / K.A. Aikens et al. // Journal of Occupational & Environmental Medicine. – 2014. – Vol. 56. – P. 721–731.
 20. Fogarty, F.A. Why it pays to be mindful: Trait mindfulness predicts physiological recovery from emotional stress and greater differentiation among negative emotions / F.A. Fogarty, L. Lu, J.J. Sollers, et al. // Mindfulness. – 2013. – Vol. 6, no. 2. – Pp. 175–185.
 21. Frostadottir, A.D. Effects of Mindfulness Based Cognitive Therapy (MBCT) and Compassion Focused Therapy (CFT) on Symptom Change, Mindfulness, Self-Compassion, and Rumination in Clients With Depression, Anxiety, and Stress / A.D. Frostadottir, D. Dorjee // Frontiers in Psychology. – 2019. – Vol. 10.
 22. Gloster, A.T. The empirical status of acceptance and commitment therapy: A review of meta-analyses / A.T. Gloster, N. Walder, M.E. Levin, M.P. Twohig, M. Karekla // Journal of Contextual Behavioral Science. – 2020. – Vol. 18. – P. 181–192.
 23. Kabat-Zinn, J. Some reflections on the origins of MBSR, skillful means, and the trouble with maps / J. Kabat-Zinn // Contemporary Buddhism. – 2011. – Vol. 22. – P. 281–306.
 24. Keng, S.-L. Riding the tide of emotions with mindfulness: Mindfulness, affect dynamics, and the mediating role of coping / S.-L. Keng, E. M.W. Tong // Emotion. – 2016. – Vol. 16(5). – P. 706–718.
 25. Kleinman, A. The illness narratives, suffering, healing, and the human condition / A. Kleinman. – New York: Basic Books, 1988.
 26. Kudesia, R. Mindfulness as metacognitive practice / R. Kudesia // The Academy of Management Review. – 2017. – Vol. 44. – P. 405–423.
 27. Li, Z. Characteristics and trends in acceptance and commitment therapy research: A bibliometric analysis / Z. Li, W. Shang, C. Wang, K. Yang, J. Guo // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – 17 p.
 28. Little, C.A. Mindfulness at Work / C.A. Little. – PhD Thesis. University of Queensland, 2016.
 29. Segal, Z.V. Mindfulness-Based Cognitive Therapy for Depression: A New Approach to Preventing Relapse / Z.V. Segal, J. M.G. Williams, J.D. Teasdale. – New York, NY: Guilford Press, 2002.

DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE IN MINDFULNESS PRACTICES IN THE CONTEXT OF INCREASING STRESS RESISTANCE AND IMPLEMENTING COPING STRATEGIES

Merlova N.D., Krivoshchekov S.G.

Novosibirsk State University of Economics and Management

The article analyses the phenomenon of mindfulness as an effective method of increasing resistance to stress and developing adaptive behavior strategies. The author conducts a comparative analysis of the main definitions of mindfulness used in domestic and foreign literature, which allows identifying key aspects of understanding and practical application of mindfulness in psychological and psychotherapeutic practice. Mindfulness is analyzed as a cognitive technique that promotes conscious perception and acceptance of stressful situations. The main focus is on the practical aspects of using mindfulness approaches in working with various population groups. The article discusses the relationship between mindfulness and coping strategies and the role of awareness in reducing anxiety and emotional burnout, and also analyzes the results of empirical studies showing the effectiveness of mindfulness practices in increasing stress resistance.

Keywords: coping, coping strategy, mindfulness, mindfulness, cognitive therapy, stress.

References

1. Belinskaya, E.P. Coping with difficulties in the era of uncertainty and global risks: key research trends / E.P. Belinskaya // *Sib-Script*. – 2022. – No. 6 (94). – P. 760–771.
2. Gaidukova, O.L. Mindfulness programs as a modern type of psychocorrective interventions and prevention of deviant behavior in the US penitentiary system / O.L. Gaidukova // *Interdisciplinary research: experience of the past, possibilities of the present, strategies of the future*. – 2021. – No. 1. – P. 218–231.
3. Efimov, V.N. Use of conscious attention in emotional burnout in athletes / V.N. Efimov // *Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference “Science and Society”*. – 2020. – No. XIII. – P. 77–80.
4. Zinchenko, M.I. Dispositional awareness (mindfulness) in individuals with different levels of physical activity / M.I. Zinchenko, V.V. Gulyaeva, D. Yu. Uryumtsev, E.V. Barabash, E.G. Vergunov, V.O. Rybkin, N.V. Mozolevskaya, S.G. Krivoshechekov // *Comprehensive studies of childhood*. – 2023. – Vol. 5. – No. 3. – P. 163–172.
5. Zinchenko, M.I. Interrelations between aspects of mindfulness and characteristics of temperament in athletes / M.I. Zinchenko, V.V. Gulyaeva, D. Yu. Uryumtsev, E.V. Barabash, E.G. Vergunov, G.N. Anufriev, V.O. Rybkin, E.E. Arkipova, S.G. Krivoshechekov // *Comprehensive studies of childhood*. – 2023. – Vol. 5. – No. 4. – P. 237–247.
6. Kabat-Zinn, J. *Wherever you go, there you are already: Mindfulness meditation in everyday life* / J. Kabat-Zinn; trans. from English by M. Beloborodova. – M.: Independent firm “Class”, Publishing House of the Transpersonal Institute. – 2001. – 208 p.
7. Kovpak, D.V. Using the “third” wave of cognitive-behavioral therapy in the complex treatment and prevention of suicidal behavior / D.V. Kovpak // *Bulletin of the Moscow International Academy*. – 2021. – No. 2. – P. 38–54.
8. Kuksa, T. L. “Horror stories” for women in labor: constructing and overcoming fear during childbirth / T.L. Kuksa // *Folklore and anthropology of the city*. – 2020. – No. 1–2. – P. 166–187.
9. Levit, L.Z. Mindfulness and self-awareness: rational application / L.Z. Levit // *Omsk State University*. – 2019. – No. 1. – P. 68–73.
10. Nozdrachev, D.I. Efficiency of mindfulness-based methods of psychotherapy, relaxation and stress reduction in arterial hypertension and prehypertensive conditions: a systematic review / D.I. Nozdrachev, M.N. Solovieva, K.A. Zamyatin // *RKZh*. – 2022. – No. 9. – P. 134–141.
11. Nurmyradova, Ch.Sh. Sports education and psychology: formation of leadership qualities and stress management in the world of sports / Ch.Sh. Nurmyradova // *World scientist*. – 2023. – No. 12. – P. 200–204.
12. Popova, N.S. Mindfulness as a basis for organizing the educational process at a university during a pandemic / N.S. Popova // *Problems of Romano-Germanic Philology, Pedagogy and Methods of Teaching Foreign Languages*. – 2021. – No. 17. – P. 111–116.
13. Pugovkina, O.D. The concept of mindfulness: a non-specific factor of psychological well-being / O.D. Pugovkina, Z.N. Shilnikova // *Modern foreign psychology*. – 2014. – No. 2. – P. 18–28.
14. Solovieva, K.S. Features of coping with stress in the process of educational activities of university students of psychological and non-psychological specialties / K.S. Solovieva, E.F. Bobrovskaya, Yu.V. Bobrova, S.G. Krivoshechekov // *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*. – 2019. – No. 2. – P. 118–125.
15. Stepina, D.D. How the practice of meditation affects the level of stress / D.D. Stepina, A.V. Pokrovskaya // *StudNet*. – 2020. – No. 10. – 6 p.
16. Sukhanova, E.I. Prevention of professional burnout / E.I. Sukhanova // *Neonatology: News. Opinions. Training*. – 2022. – No. 3 (37). – P. 68–72.
17. Yumartova, N.M. Mindfulness. Psychological characteristics and measurement tools / N.M. Yumartova, N.V. Grishina // *Scientific research of graduates of the Faculty of Psychology of St. Petersburg State University* / ed. A.V. Shaboltas. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2013. – P. 267–273.
18. Yarmolyuk, R.R. From the Practice of Mindfulness to Contemplative Practices / R.R. Yarmolyuk // *Omsk State University*. – 2023. – No. 4. – P. 108–117.
19. Aikens, K.A. Mindfulness goes to work: Impact of an online workplace intervention / K.A. Aikens et al. // *Journal of Occupational & Environmental Medicine*. – 2014. – Vol. 56. – P. 721–731.
20. Fogarty, F.A. Why it pays to be mindful: Trait mindfulness predicts physiological recovery from emotional stress and greater differentiation among negative emotions / F.A. Fogarty, L. Lu, J.J. Sollers, et al. // *Mindfulness*. – 2013. – Vol. 6, no. 2. – P. 175–185.
21. Frostadottir, A.D. Effects of Mindfulness Based Cognitive Therapy (MBCT) and Compassion Focused Therapy (CFT) on Symptom Change, Mindfulness, Self-Compassion, and Rumination in Clients With Depression, Anxiety, and Stress / A.D. Frostadottir, D. Dorjee // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – Vol. 10.
22. Gloster, A.T. The empirical status of acceptance and commitment therapy: A review of meta-analyses / A.T. Gloster, N. Walder, M.E. Levin, M.P. Twohig, M. Karekla // *Journal of Contextual Behavioral Science*. – 2020. – Vol. 18. – P. 181–192.
23. Kabat-Zinn, J. Some reflections on the origins of MBSR, skillful means, and the trouble with maps / J. Kabat-Zinn // *Contemporary Buddhism*. – 2011. – Vol. 22. – P. 281–306.
24. Keng, S.-L. Riding the tide of emotions with mindfulness: Mindfulness, affect dynamics, and the mediating role of coping / S.-L. Keng, E. M.W. Tong // *Emotion*. – 2016. – Vol. 16(5). – P. 706–718.
25. Kleinman, A. *The illness narratives, suffering, healing, and the human condition* / A. Kleinman. – New York: Basic Books, 1988.
26. Kudesia, R. Mindfulness as metacognitive practice / R. Kudesia // *The Academy of Management Review*. – 2017. – Vol. 44. – P. 405–423.
27. Li, Z. Characteristics and trends in acceptance and therapy research: A bibliometric analysis / Z. Li, W. Shang, C. Wang, K. Yang, J. Guo // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13. – 17 p.
28. Little, C.A. *Mindfulness at Work* / C.A. Little. – PhD Thesis. University of Queensland, 2016.
29. Segal, Z.V. *Mindfulness-Based Cognitive Therapy for Depression: A New Approach to Preventing Relapse* / Z.V. Segal, J. M.G. Williams, J.D. Teasdale. – New York, NY: Guilford Press, 2002.

Культурный компонент в системе туристского пространства Липецкой области

Полякова Ирина Евгеньевна,

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Иванова Раиса Михайловна,

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Скроботова Ольга Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
E-mail: skrolga48@mail.ru

Исследование туристского пространства Липецкой области целесообразно в силу необходимости формирования стратегий дальнейшего развития туризма на ее территории и продвижения регионального туристского продукта. Грамотные концепции развития и продвижения туризма предполагают создание моделей туристского пространства региона, включающего различные компоненты, прежде всего, географический, социальный-экономический, культурный. В статье исследуется, главным образом, культурный компонент туристского пространства Липецкой области, проявляющийся через культурно-географическое пространство. Опираясь на концепцию культурно-географического пространства и семиотического пространства как его разновидности, авторы обозначают целесообразность формирования модели культурного компонента регионального туристского пространства, через акцентирование и комбинации многообразных культурных туристских нарративов. Моделирование культурного компонента туристского пространства позволит сформировать в сознании целевых аудиторий туристов целостный уникальный образ региона как туристской дестинации, включающий легендарно-мифологический, религиозный, событийный и исторический элементы.

Ключевые слова: туристское пространство, туристское пространство Липецкой области, региональный туризм, культурно-географическое пространство, семиотическое пространство, моделирование туристского пространства региона, семиотический потенциал туристского пространства.

Понятие «туристское пространство», являющееся ключевым для туризма как сферы экономики, представляет собой сложную, неоднородную, многоаспектную категорию, в связи с чем существует большое количество его определений. Согласно наиболее распространенному и широкому по смыслу, обобщающему большинство имеющихся подходов, туристское пространство представляет собой область или зону функционирования туризма.

Многогранность понятия подчеркивается его характерными свойствами: неоднородностью входящих в туристское пространство объектов, а в связи с этим, изменчивостью, открытостью, динамичностью, иерархичностью [1].

Кроме того, выделяют несколько подходов к изучению данной категории, основными из которых являются географический, экономический, экономико-географический, социальный, культурологический и междисциплинарный [2]. В связи с этим, туристское пространство может рассматриваться как сложная иерархическая система, объединяющая в себе экономический, социальный, культурный и географический контекст.

Подобный многоаспектный подход применим к характеристике регионального туристского пространства. Концепция моделирования туристского пространства Липецкой области предполагает его системное изучение, а именно, как совокупности таких его компонентов, как: социально-экономический, географический и культурный (см. рис. 1).

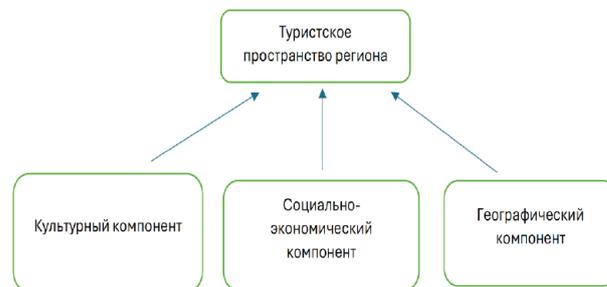

Рис. 1. Основные компоненты регионального туристского пространства

Экономический (или социально-экономический) компонент туристского пространства Липецкой области предполагает рассмотрение этого пространства через призму территориальной туристско-рекреационной системы, включающей в себя особенности организации и управления туризмом на данной территории, наличие и особенности распределения туристских ресурсов, туристской инфраструктуры, включая, прежде всего, предприятия размещения, питания, инфраструктуру развлечений, транспорта, коммуникаций и прочее, а также информационные потоки в туризме в изучаемом туристском пространстве. В соответствии с Федеральной целевой программой «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)», в области были образованы и функционировали два кластера: туристско-рекреационный кластер «Елец» и автотуристский кластер «Задонщина». В настоящее время

развитие туризма в регионе происходит в соответствии с принципами туристских агломераций. Наиболее значимые из них сейчас две: самая крупная охватывает город Липецк, Липецкий и Грязинский районы, другая – город Елец, Елецкий и Задонский районы. [3]. Именно эти территории принимают наибольшее число туристов. Однако есть существенный потенциал для расширения и кооперации агломераций как на территории области, так и в союзе с близлежащими регионами (Воронежская, Орловская, Тульская области и др.).

Географический компонент туристского пространства Липецкой области связан с проблемой территориальной организации и распределения туристских ресурсов и, в целом, туристско-рекреационной деятельности.

Культурный компонент регионального туристского пространства, на котором мы сосредоточим особое внимание, объективизируется через призму культурно-географического пространства Липецкой области. Его существенной составной частью, в свою очередь, выступает *семиотическое пространство* [4]. Именно эта составляющая, связанная с мифообразом и нарративами туристской территории и отдельных ее объектов, наиболее пластична и видоизменяема, в связи с чем возможна целенаправленная реструктуризация и модернизация туристского пространства. Однако, как отмечает А.Н. Леухин, развитие туризма в регионах имеет определенные границы, связанные именно с предельным характером туристских нарративов, имеющих значение для гостей дестинации: сочетание и характер нарративов обуславливает эмоциональный отклик на восприятие туристами достопримечательностей и территории в целом, их удовлетворенность от созерцания объектов и шкалу впечатлений. Таким образом, процесс моделирования и видоизменения культурно-географического пространства непосредственно зависит от количества и характера (качества) туристских нарративов, определяющих перспективу дальнейшего развития туризма в Липецкой области.

Основной единицей семиотического потенциала туристской территории выступает, по А.Н. Леухину [4], достопримечательность, концентрирующая в себе нарратив, знаковые коды и прочие составляющие, способные влиять на туристские впечатления, формировать и изменять туристское восприятие дестинации.

Семиотический потенциал туристского пространства Липецкой области состоит из целой системы образов-символов («образно-архетипической структуры» [4]), которая, с учетом грамотной концепции ее структурирования и моделирования, должна повлиять на восприятие потенциальных туристов и, соответственно, на степень туристской привлекательности региона. Специфика сочетания, взаимодействия, упорядочения и видоизменения этих образов в модели туристского пространства, а именно, в ее культурном компоненте, будет определять уникальный образ дестинации в целом, отраженный в коллективном представлении.

В семиотическом потенциале туристского пространства Липецкой области центральными достопримечательностями являются объекты, концентрирующие в себе духовный нарратив (монастыри, храмы, святыни и т.п.), а также объекты (места), культурный нарративный компонент которых связан с именами известных личностей, жизнь и творчество которых тесно переплетены с культурно-географическим пространством данного региона.

В первую группу объектов «падают» религиозные объекты, «святыя места» Липецкой области, расположенные преимущественно в Задонском районе и городе Ельце и формирующие нарратив Задонска как центра

отечественного православия («русского Иерусалима») и нарратив Ельца как «второго Сиона»: Вознесенский собор, Знаменский женский монастырь (Елец), связанный с именем святой Мелании затворницы, Рождество-Богородицкий мужской монастырь, связанный с образом святителя Тихона Задонского, Задонский Богородице-Тихоновский Тюнинский женский монастырь (Задонский район), другие многочисленные храмовые сооружения и комплексы, а также святыя источники, купели, чудотворные иконы, захоронения святых, локализованные на изучаемой территории.

На территории Липецкой области есть уникальные памятники православного зодчества, которые вписаны в канву туристских нарративов при моделировании культурной части туристского пространства региона. Сюда относятся такие объекты, как Владимирская церковь (село Баловнево Данковского района), представляющая собой принципиально новый, особенный тип архитектурного облика, отнесенного к стилю В.И. Баженова, признанный архитектурным памятником первой половины XIX века; Казанская церковь (село Талица Елецкого района), называемая исследователями-историками «архитектурной загадкой Липецкого края»; церковь иконы Знамения Божией Матери (село Вешаловка Липецкого района), возведенная по проекту В.И. Баженова в псевдогоготическом стиле, традиционно вызывает непредвзятый интерес у туристов; уникальная по своему архитектурному облику церковь Дмитрия Солунского (село Березовка Данковского района), построенная по проекту выдающегося русского архитектора А.Н. Померанцева, наиболее известного как автора здания ГУМа в Москве; Троицкий собор Троицкого Лебедянского монастыря, Христорождественский собор в Липецке и др.

Культурный нарратив, связанный с легендарно-мифологическим и религиозным компонентом, заключен в святынях Липецкого края, таких как «Прощеный колодец» (село Стрелец Долгоруковского района), чудотворная икона Божией Матери «Страстная Липецкая» (Христорождественский собор, г. Липецк), мощи преподобного Илариона Троекуровского (Троекуровский женский монастырь, село Троекурово Лебедянского района), чудотворный список Корсунской иконы Божией Матери (Богоявленский храм, город Усмань), мощи святителя Тихона Задонского (Владимирский собор Рождество-Богородицкого монастыря, город Задонск), место погребения святой затворницы Мелании (Знаменский женский монастырь, город Елец) и др.

Ко второй группе объектов семиотического потенциала туристского пространства региона целесообразно отнести объекты, представляющие интерес с точки зрения отношения к жизни и творческой деятельности выдающихся людей, имеющих всемирную и всероссийскую известность: это выдающиеся деятели искусств (Н.Н. Жуков, Т.Н. Хренников, К.Н. Игумнов, В.С. Сорокин), писатели (Л.Н. Толстой, И.А. Бунин, Е.И. Замятин, М.М. Пришвин, В.В. Розанов и др.), ученые (П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Н.Г. Басов, С.А. Чаплыгин), общественные и государственные деятели (Г.В. Плеханов, Н.А. Семашко), святыя подвижники (Феофан Затворник, святитель Тихон Задонский, затворница Мелания, Силуан Афонский, Амвросий и Нектарий Оптинские). Центральными «пунктами» туристской активности среди достопримечательностей такого плана выступают сохранившиеся объекты и группы объектов, связанные с ключевыми моментами жизни великих личностей, знаковые места, запечатленные в их произведениях, публицистике и т.п. Данные объекты уже входят в туристские маршруты по региону либо потенциально имеют возможность стать основой для конструирования но-

вых. Среди таких знаковых объектов усадьба Озёрки – Дом-музей И.А. Бунина (Становлянский район Липецкой области), музей-усадьба П.П. Семенова-Тян-Шанского (деревня Рязанка Чаплыгинского района), здание общеобразовательной школы № 1 в Ельце, теперь носящей имя М.М. Пришвина (в свое время это была мужская гимназия, в которой проходил обучение будущий писатель, а также преподавал известный русский философ В.В. Розанов), железнодорожная станция Астапово (Лев-Толстовский район), где нашел последний приют великий писатель Л.Н. Толстой, и другие.

Крупной составляющей культурной компоненты туристского пространства Липецкой области является *событийное туристское пространство* [1], которое представлено целым рядом традиционных, ежегодных событийных мероприятий. Среди них фестивали, имеющие различный культурный нарратив от культуры викингов и раннего средневековья до современной городской культуры и классического искусства.

1. Фестивали, связанные с классической художественной культурой и искусством: музыкальный фестиваль имени Т.Н. Хренникова, фестиваль «Антоновские яблоки», ЛевитовФест.

2. Фестивали военно-исторической реконструкции, связанные с событиями Великой Отечественной войны: «Тербунский рубеж. Жаркое лето 1942 г.» (память событий Великой Отечественной войны), военно-историческая реконструкция «Битва за Елец».

3. Фестивали исторической реконструкции, посвященные культуре раннего средневековья (славяне, викинги и др.): «Русборг», «Ладейное поле», «Мусаткин двор», «Серболов стан» и др.

4. Фестивали традиционной культуры: фестиваль этнокультуры «Липецкое городище», этнографический праздник «Волченские узоры», фестиваль традиционной казачьей культуры «Казачья застава», фестиваль-конкурс народного творчества «Играй, гармонь Елецкая!» им. А.И. Матюхина, фестиваль национальных культур, традиций и ремесел «В гостях у Воеводы», фестиваль колокольного звона «Звонари».

5. Фестивали современной музыки разных стилей: «Джаз на пруду», LIPETSK SUMMER LIFE, «Джаз на Зеленом острове», «Fox Rock Fest».

6. Фестивали, связанные современной городской культурой: «Музей для друзей», фестиваль уличных театров «Петровские воды».

Гастрономические фестивали в Липецкой области также связаны с традициями русской кухни: «Раненбургское застолье», «Русская закваска», «Елецкий пир», «Доброе сало» и др.

Семиотическое поле событийного туристского пространства Липецкой области расширяется творческим аспектом культурной идентичности региона – народными промыслами, туристский интерес в которых будут представлять не только сами изделия и уникальные технологии. Нарративный компонент региональных промыслов, представленный мастер-классами, сувенирной продукцией, творческим воссозданием аутентичной культуры, прочно включен в канву событийных туристских мероприятий, выставок, ярмарок и др. Самобытную промысловую ветвь культурной компоненты туристского пространства составляют издавна популярные в России и за рубежом елецкие кружева, знаменитая романовская игрушка, елецкая рояльная гармонь. Кроме того, традиционными для населения, проживающего на территории Липецкой области, являются лоскутное шитье, резьба по дереву, гончарное дело, художественная ковка металла, художественное литье, изготовление валенок и т.д.

Таким образом, культурный компонент туристского пространства Липецкой области довольно богат, а его восприятие будет зависеть от грамотной концепции моделирования туристского пространства региона в целом. В частности же, создание модели культурного компонента туристского пространства Липецкой области будет предполагать формирование стройной концепции системы туристских нарративов, способных сформировать в сознании целевых аудиторий туристов целостный уникальный образ региона как туристской дестинации, включающий легендарно-мифологический, религиозный, событийный и исторический элементы. И восприятие этого сложного образа будет зависеть от акцентирования, сочетания и взаимосвязи в нем этих элементов.

Литература

1. Черевичко Т.В. Туризм как система: методология исследования // Концепт. – 2015. – № 07 (июль). – ART 15224. – 0,5 п.л. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/15224.htm>. – ISSN 2304-120X.
2. Шарафутдинов В. Н., Онищенко Е.В. «Туристское пространство» как понятие: научные подходы к исследованию // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2020. – Т. 22, № 2. – С. 28–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2020.2.3>
3. Иванова Р. М. К вопросу о стратегическом планировании развития туризма в Липецкой области на новом этапе / Р.М. Иванова, О.В. Скrobotова, И.Е. Полякова // Экономика и управление инновациями. – 2021. – № 4(19). – С. 80–88. – DOI 10.26730/2587-5574-2021-4-80-88. – EDN ZGRGW1.
4. Леухин А.Н. Семиотический потенциал туристского пространства: особенности конструирования // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskiy-potentsial-turistskogo-prostranstva-osobennosti-konstruirovaniya>.

THE CULTURAL COMPONENT IN THE SYSTEM OF TOURIST SPACE LIPETSK REGION

Polyakova I.Y., Ivanova R.M., Skrobotova O.V.
Bunin Yelets State University

The study of the tourist space of the Lipetsk region is advisable due to the need to form strategies for the further development of tourism on its territory and the promotion of a regional tourist product. Competent concepts of tourism development and promotion involve the creation of models of the tourist space of the region, including various components, primarily geographical, social, economic, and cultural. The article mainly examines the cultural component of the tourist space of the Lipetsk region, manifested through the cultural and geographical space. Based on the concept of cultural and geographical space and semiotic space as its varieties, the authors indicate the expediency of forming a model of the cultural component of the regional tourist space, through accentuation and combinations of diverse cultural tourist narratives. Modeling the cultural component of the tourist space will allow forming in the minds of the target audiences of tourists a holistic unique image of the region as a tourist destination, including legendary-mythological, religious, event and historical elements.

Keywords: tourist space, tourist space of the Lipetsk region, regional tourism, cultural and geographical space, semiotic space, modeling of the tourist space of the region, semiotic potential of the tourist space.

References

1. Cherevichko T.V. Tourism as a system: research methodology // Concept. – 2015. – No. 07 (July). – ART 15224. – 0.5 pp. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/15224.htm>. – ISSN 2304-120X.

2. Sharafutdinov V. N., Onishchenko E.V. "Tourist space" as a concept: scientific approaches to research // Bulletin of Volgograd State University. Economy. – 2020. – vol. 22, No. 2. – pp. 28–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2020.2.3>
3. Ivanova R.M. On the issue of strategic planning of tourism development in the Lipetsk region at a new stage / R.M. Ivanova, O.V. Skrobotova, I.E. Polyakova // Economics and innovation management. – 2021. – № 4(19). – Pp. 80–88. – DOI 10.26730/2587–5574–2021–4–80–88. – EDN ZGRGWI.
4. Leukhin A.N. Semiotic potential of the tourist space: design features // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semioticheskiy-potentsial-turistskogo-prostranstva-osobennosti-konstruirovaniya>.

К вопросу об историографии традиционных российских духовно-нравственных ценностей: управленческий аспект

Фомичева Татьяна Владимировна,

канд. социол. наук, доцент кафедры современного государственного и муниципального управления Российского государственного социального университета
E-mail: fomichevatv@mail.ru

Публикация посвящена рассмотрению основ институционализации концепции «традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Прослеживается траектория развития данной категории от осмысления и предварительного анализа в нормативных документах до конкретной трактовки и четкого восприятия. Проведён контент-анализ нормативных документов (включая стратегические) с целью выявить предпосылки и траекторию исторического развития феномена «традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Цель контент-анализа: выявить отношение коммуникатора к проблематике «традиционных российских духовно-нравственных ценностей», срез восприятия, проследить логическую цепь формирования понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности» на уровне социологического анализа нормативных документов.

Ключевые слова: ценности, традиционные российские духовно-нравственные ценности, российская молодёжь, ценностное сознание.

Введение

В условиях цифровой трансформации социума, глобальных технологических изменений, международных конфликтов происходит преобразование социокультурного потенциала россиян; изменения затрагивают и процессы социального управления. Именно в условиях современных рисков и социальных вызовов приобретают особую значимость технологический суверенитет России, развитие военно-промышленного комплекса, культурно-духовная сфера, экономика, политическая система и система социального управления. В данных конкретно-исторических условиях традиционные российские духовно-нравственные ценности оказались в центре научного дискурса.

Еще в 2012 году, в своей программной статье «Россия: национальный вопрос», Президент России В.В. Путин косвенно касается теорий «плавильного котла», мультикультурализма, говоря о процессах ассимиляции, которые не успевают обрабатывать миграционные потоки в современном мире. Провозглашается необходимость выработки ценностей, общих для всех россиян: «Необходимо не только соблюдение взаимных обязательств, но и нахождение общих для всех ценностей» [6]. Этот документ концептуально формирует «смысловое поле», исторические предпосылки для появления в дальнейшем формулировки понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности».

В дальнейшем, в программном документе – Указе Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» отмечается, что «основой общероссийской гражданской идентичности является исторически сложившаяся система российских духовно-нравственных ценностей, объединяющая самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации» – то есть речь идёт о консолидации ценностей всего российского народа [16]. Данные ценности помогут интегрировать ценностное сознание россиян, объединить интересы различных социально-демографических групп.

Затем, в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» отмечается тезис о «поддержке общественных институтов, которые являются носителями духовных ценностей». В качестве направления развития воспитания в России декларируется: «содействие развитию культуры семейного воспитания детей на основе традиционных семейных духовно-нравственных ценностей» [10]. Воспитательная функция ценностей очевидна и в современном контексте существования российского общества востребована социумом.

Впоследствии, в Конституцию РФ в 2020 г. были внесены изменения относительно статуса мужа и жены и сохранения традиционных ценностей, а именно: в п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 и в п. «в», ч. 1, ст. 114. В Конституции РФ брак определяется как добровольный союз мужчины и женщины и декларируется проведение в России единой государственной политики в области защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей [4]. Эти

изменения были вызваны активизацией международных процессов, связанных с нетрадиционными подходами к пониманию и формированию семьи и брака, признанием ЛГБТ-сообществ и деструктивных идеологий (например, чайлдфри) (пропаганда которых запрещена законодательно в России) и пр.

В современном российском обществе назрела необходимость теоретического осмысления и анализа процесса трансформации традиционных российских духовно-нравственных ценностей, прежде всего современной российской молодёжи. Формирование ценностей, в частности традиционных, является особенно актуальным для такой социально-демографической группы как молодёжь, так как примерно в возрасте до 35 лет формируются и институционализируются основные потребности, интересы и ценности личности.

Методика

Проведён контент-анализ нормативных документов (включая стратегические, программные документы: Указы Президента РФ; Федеральные законы РФ и пр.) с целью выявить траекторию развития концепции «традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Результаты

К вопросу об эволюции понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности»

Наступивший 2024 год объявлен в России годом семьи. «Традиционные ценности остаются нравственным фундаментом российской государственности и власти намерены продолжать их укреплять» – отметил Президент России В.В. Путин [7] на встрече с главами муниципалитетов. Президент России видит в ценностной составляющей путь к решению демографических проблем России. В России утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ Президента России от 09.11.2022 г. № 809 [14]) в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [18]. Появление данного документа даёт новый импульс, вектор осмыслению, восприятию и развитию социокультурных и традиционных ценностей в современной России. Традиционные ценности трактуются в Указе следующим образом: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [14]. Выделены следующие традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [14]. В Указе подчеркивается, что особая роль в укреплении традиционных ценностей принадлежит православию [14].

Значимость данной проблематики осознается на государственном уровне. Ценностный суверенитет, ценностный подход к анализу процессов и явлений, к оценке

дилеммы «благо-неблаго», к эмоционально-ценностной оценке происходящего в России и в мире в целом показывают, насколько важен для нас сейчас ценностный фундамент, состоящий из традиционных ценностей, формирующихся у молодёжи России и у населения в целом.

В 2024 г. Президент России В.В. Путин поручил сформировать федеральный проект «Россия в мире», направленный на развитие молодёжного сотрудничества и продвижение традиционных российских духовно-нравственных ценностей за рубежом [8]. В августе 2024 г. (19.08.2024 г.) издан Указ Президента РФ № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности». Документ направлен на оказание поддержки (в частности, выдачи разрешений на проживание в РФ) иностранным гражданам, разделяющим традиционные российские ценности [15].

Также в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [9] обозначено в том числе, что «факторами формирования духовно-нравственного фундамента страны являются вопросы защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти и пр.»).

Традиционные ценности в аспектах информационной безопасности России

В Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы [13] в числе основных принципов Стратегии отмечено: «приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий».

Также в Доктрине информационной безопасности обозначено, что «национальными интересами в информационной сфере являются в том числе... применение информационных технологий... в интересах сохранения духовно-нравственных ценностей многонационального народа Российской Федерации», а «основными направлениями обеспечения информационной безопасности в области обороны страны являются: в том числе... нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей...» [12].

В «Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы» особое внимание уделено работе с лицами, получившими религиозное образование за рубежом и имеющими намерение заниматься религиозной деятельностью на территории РФ (п.п.1.7), а также о проведении с молодёжью профилактических мероприятий, бесед по стойкому неприятию идеологии терроризма и привитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п.п. 2.2.1.) [3]. Данный документ способствует развитию и институционализации традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В другом программном документе – Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, отмечается, в том числе, что «...на разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей...» направлены внешние экстремистские угрозы – поддержка и стимулирование рядом государств деструктивной деятельности... [17].

А также и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, были перечислены основные угрозы в связи с возможной утратой «традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов», в том числе такие как «абсолютизация свободы личности, активная пропаганда всесто-

зволренности, безнравственности, ... формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни...» и пр. [11].

Заключение

Вышеперечисленные нормативные акты во многом были преамбулой для формирования концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей на уровне государственной идеологии.

Методология исследования современных социальных и управленческих процессов тесно связана с ценностной проблематикой. Выражается это в перманентном выборе целей, задач и средств реализации тех или иных управленческих процессов. Терминальные ценности-цели управленческой деятельности и инструментальные ценности-средства управления все чаще выступают основой для организации рабочей среды социума, социальной сферы региона, конкретного предприятия [19;20]. Теория целеполагания предполагает прежде всего постановку цели. Затем выстраивается череда основных и неосновных задач и методов их достижения, что активизирует использование ценностной методологии для последующего выбора ценностей-целей и ценностей-средств.

Современные риски и социальные вызовы существуют в различных сферах жизнедеятельности российского общества: в социальной сфере; культурно-духовной; экономической и политической сферах. Социальное управление, взаимодействуя и проявляясь на уровне публичных ценностей, в свою очередь, реагирует на вызовы и риски, геополитические угрозы, сопровождая их сравнительным анализом реформ административных систем. Во многом эмпирически это вылилось в переходе зарубежных стран от классической модели государственного управления к модели нового государственного менеджмента и менеджмента публичных ценностей (на базе концепций новой институциональной экономики и «менеджеризма») [2, с. 204; 1; 5].

Традиционно, признаками социального управления являются: публичный характер принимаемых решений, учет общественного мнения; выработка коллективного решения; учет демократических принципов; либерализм; социальная ответственность и др. Интересы, потребности и ценности управления имеют первостепенную значимость для принятия государственных решений.

Значимость традиционных ценностей для развития современного процесса управления в российском социуме существенна и обуславливает развитие модели нового государственного менеджмента в России, дальнейшей траектории эволюции процесса социального управления.

Литература

1. Волкова А.В. 2013. Публичные ценности и система государственного управления в России. СПб.: Изд-во СПбГУ. 383 с.
2. Глухова А.В. Аксиологический поворот в государственном управлении и его российские проекции // Власть. 2015. № 02. С. 202–208.
3. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утверждено Президентом РФ 28.12.2018 г. пр.-2665) // Сайт Министерство Просвещения РФ. Банк документов. [Электронный ресурс] URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/9b10cfca04e68a-28b78e4db382df5232/> (Дата обращения 24.11.2024)
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс]: URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution/item> (Дата обращения 24.11.2024)
5. Публичные ценности и государственное управление»: коллективная монография // (Под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Волковой). 2014. М.: Аспект Пресс. 400 с.
6. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012. [Электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (Дата обращения 24.11.2024)
7. Путин назвал традиционные ценности фундаментом российской государственности // Сайт ТАСС от 16.01.2024. [Электронный ресурс] <https://tass.ru/obschestvo/19743161> (Дата обращения 18.11.2024)
8. Путин поручил сформировать федеральный проект «Россия в мире» // Парламентская газета. 06.08.2024 [Электронный ресурс] URL: <https://www.pnp.ru/social/putin-poruchil-sformirovat-federalnyy-proekt-rossiya-v-mire.html> (Дата обращения 23.11.2024)
9. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (принята Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р) // Официальное опубликование правовых актов. 16.09.2024 г. [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409160031?index=7> (Дата обращения 24.11.2024)
10. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года») // Российская газета 08.06.2015 г. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (Дата обращения 24.11.2024)
11. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (Дата обращения 24.11.2024)
12. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460/page/1> (Дата обращения 24.11.2024)
13. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (Дата обращения 24.11.2024)
14. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (Дата обращения 18.11.2024)
15. Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» //

- Сайт «Президент России» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51035> (Дата обращения 24.11.2024)
16. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (Дата обращения 24.11.2024)
 17. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Сайт МЧС России [Электронный ресурс] URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/2633> (Дата обращения 24.11.2024)
 18. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Сайт «Президент России» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (Дата обращения 24.11.2024)
 19. Фомичева Т.В. Взаимосвязь социокультурных ценностей и репродуктивного поведения населения России: социолого-статистический анализ // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16 № 5 (124). С. 157–166
 20. Фомичева Т.В., Катаева В.И. Ценности россиян в контексте цифровизации российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2 (212). С. 80–84
5. Publichnye cennosti i gosudarstvennoe upravlenie»: kollektivnaya monografiya // (Pod red. L.V. Smorgunova, A.V. Volkovoj). 2014. M.: Aspekt Press. 400 s.
 6. Putin V.V. Rossiya: nacional'nyj vopros // Nezavisimaya gazeta. 23.01.2012. [Elektronnyj resurs] URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (Data obrashcheniya 24.11.2024)
 7. Putin nazval tradicionnye cennosti fundamentom rossijskoj gosudarstvennosti // Sajt TASS ot 16.01.2024. [Elektronnyj resurs] <https://tass.ru/obschestvo/19743161> (Data obrashcheniya 18.11.2024)
 8. Putin poruchil sformirovat' federal'nyj proekt «Rossiya v mire» // Parlamentskaya gazeta. 06.08.2024 [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.pnp.ru/social/putin-poruchil-sformirovat-federalnyj-proekt-rossiya-v-mire.html> (Data obrashcheniya 23.11.2024)
 9. Strategiya gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda (prinyata Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11.09.2024 № 2501-r) // Oficial'noe opublikovanie pravovyh aktov. 16.09.2024g. [Elektronnyj resurs] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409160031?index=7> (Data obrashcheniya 24.11.2024)
 10. Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 maya 2015 g. N 996-r g. Moskva «Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda») // Rossijskaya gazeta 08.06.2015g. [Elektronnyj resurs] URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (Data obrashcheniya 24.11.2024)
 11. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (Data obrashcheniya 24.11.2024)
 12. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.12.2016 g. № 646 «Ob utverzhenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460/page/1> (Data obrashcheniya 24.11.2024)
 13. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.05.2017 g. № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody» // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (Data obrashcheniya 24.11.2024)
 14. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022g. № 809 «Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohranenyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» // Oficial'noe opublikovanie pravovyh aktov [Elektronnyj resurs] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (Data obrashcheniya 18.11.2024)
 15. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19.08.2024 g. № 702 «Ob okazanii gumanitarnoj podderzhki licam, razdelayushchim tradicionnye rossijskie duhovno-nravstvennye cennosti» // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51035> (Data obrashcheniya 24.11.2024)
 16. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24.12.2014 g. № 808 «Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki» // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (Data obrashcheniya 24.11.2024)
 17. Ukaz Prezidenta RF ot 29.05.2020 № 344 «Ob utverzhenii Strategii protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda» // Sajt MChS Rossii [Elektronnyj resurs] URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/2633> (Data obrashcheniya 24.11.2024)
 18. Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 g. № 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs]: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (Data obrashcheniya 24.11.2024)
 19. Fomicheva T.V. Vzaimosvyaz' sociokul'turnyh cennostej i reproductivnogo povedeniya naseleniya Rossii: sociologo-statisticheskij analiz // Social'naya politika i sociologiya. 2017. T. 16 № 5 (124). S. 157–166
 20. Fomicheva T.V., Kataeva V.I. Cennosti rossiyan v kontekste cifrovizacii rossijskoj ekonomiki // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. 2019. № 2 (212). S. 80–84

TO THE QUESTION OF THE HISTORIOGRAPHY OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES: THE MANAGERIAL ASPECT

Fomicheva T.V.
Russian State Social University

The publication is devoted to the consideration of the foundations of institutionalization of the concept of “traditional Russian spiritual and moral values”. The trajectory of development of this category is traced from comprehension and preliminary analysis in regulatory documents to a specific interpretation and clear perception. A content analysis of regulatory documents (including strategic ones) was conducted in order to identify the prerequisites and trajectory of historical development of the phenomenon of “traditional Russian spiritual and moral values”. The purpose of the content analysis: to identify the attitude of the communicator to the problem of “traditional Russian spiritual and moral values”, a cross-section of perception, to trace the logical chain of formation of the concept of “traditional Russian spiritual and moral values” at the level of sociological analysis of regulatory documents.

Keywords: values, traditional Russian spiritual and moral values, Russian youth, value consciousness.

References

1. Volkova A.V. 2013. Publichnye cennosti i sistema gosudarstvennogo upravleniya v Rossii. SPb.: Izd-vo SPbGU. 383 s.
2. Gluhova A.V. Aksiologicheskij povорот v gosudarstvennom upravlenii i ego rossijskie proekcii // Vlast'. 2015. № 02. S. 202–208.
3. Kompleksnyj plan protivodejstviya ideologii terrorizma v Rossijskoj Federacii na 2019–2023 gody (utverzhdno Prezidentom RF 28.12.2018g. pr.-2665) // Sajt Ministerstvo Prosveshcheniya RF. Bank dokumentov. [Elektronnyj resurs] URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/9b10cfca04e68a28b78e4db382df5232/> (Data obrashcheniya 24.11.2024)
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Sajt «Prezident Rossii» [Elektronnyj resurs]: URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution/item> (Data obrashcheniya 24.11.2024)

Социально-культурологические компоненты интерпретации танца при формировании нарративов новостей

Хань Синь,

бакалавр, кафедра телевидения и радиовещания,
Белорусский государственный университет
E-mail: 4.1172351822@qq.com

Ли Юйяо,

бакалавр, Университет Цзямусы
E-mail: 4.2764198531@qq.com

Анализ посвящен исследованию роли языка тела как ключевого элемента визуальных повествований в новостных материалах и его воздействию на интерпретацию событий. Исследование выделяет значимость танца как средства безмолвного общения, которое эффективно передает глубину эмоций и культурных значений без слов. Осмысление языка тела имеет значимый вес в том, как мы воспринимаем визуальные истории, представляемые в новостях. Малейшее движение может кардинально изменить восприятие зрителем сюжета и последующую интерпретацию информации. Изучается, как уникальное свойство современного танца как художественной формы помогает в осмыслении наболевших социальных вопросов через танцевальные движения. Поднимаются темы кинестетической взаимосвязи и сопереживания, влияния на зрителя через танцевальное исполнение и переосмысления искусства в свете прогресса цифровизации. Акцент ставится на немаловажную роль танца в качестве инструмента для общения, межкультурного обмена и изменения социального восприятия.

Ключевые слова: танец, визуальные нарративы, язык тела, кинестетическая эмпатия, невербальная коммуникация, современное искусство, межкультурная коммуникация, цифровые технологии, восприятие информации, эмоциональная экспрессия.

Исследование языков тела и их влияние на восприятие информации обретает свою актуальность благодаря уникальной способности невербальной коммуникации достигать наших подсознательных уровней мышления. Как диалект без слов, невербальные сигналы передают сложные эмоции и оценки – то, о чем иногда невозможно рассказать, используя только слова.

Танец также играет весомую роль в межкультурной коммуникации. Он служит не только инструментом передачи межпоколенческих традиций и сохранения культурного наследия, но и становится мостом между различными культурами, актуально звучащим в современном социальном контексте.

Так, рассмотрение танца в контексте визуального повествования новостей открывает нам пути к пониманию того, каким образом невербальные элементы оказывают влияние на наши восприятия и насколько мощными могут быть эти элементы в передаче эмоционального подтекста событий.

В современном мире присутствие цифровых технологий ощущается в каждом аспекте нашей жизни, принося новые способы взаимодействия с окружающим миром и позволяя нам решать задачи, которые ранее казались невозможными. Этот прогресс делает особенно актуальным изучение того, как современный танец адаптирует и интерпретирует современные социальные тенденции, не опираясь на словесный диалог, а выражая реальность через изолированный язык телодвижений. Именно поэтому важно изучать и понимать такое проявление в сфере искусства, которое представляет собой отражение времени, в котором мы живем, через трансляцию значений и идей посредством физической экспрессии.

В медиaprостранстве танец как форма невербальной коммуникации играет значительную роль в передаче новостного контента. Визуальные нарративы, включающие танцевальные элементы, создают особый язык взаимодействия со зрителем, формируя многоуровневое восприятие информации.

Телесная выразительность в новостных сюжетах проявляется через множество аспектов: жесты ведущих, пластику репортеров, движения участников событий. Эти элементы складываются в своеобразную хореографию новостного повествования, где каждое движение несет смысловую нагрузку и эмоциональный посыл.

Язык тела в новостном контенте выступает мощным инструментом воздействия на аудиторию. Осознанно или неосознанно используемые жесты, позы и движения формируют у зрителя определенное отношение к транслируемой информации. Пластическая составляющая может усиливать доверие к источнику, создавать эмоциональный резонанс или, напротив, вызывать скептицизм.

Особую роль играет синхронизация вербального и невербального компонентов в новостном нарративе. Когда слова гармонично сочетаются с языком тела, создается целостное информационное сообщение, которое воспринимается аудиторией наиболее эффективно. Противоречие между словесным содержанием и телесным выражением может породить когнитивный диссонанс у зрителя.

Культурный контекст существенно влияет на интерпретацию танцевальных элементов в новостном повествовании. Одни и те же жесты могут нести различную смысловую нагрузку в разных культурных средах, что необходимо учитывать при создании международного новостного контента.

Современные технологии позволяют анализировать влияние невербальных компонентов на восприятие новостей. Исследования показывают, что правильно выстроенная пластическая партитура может значительно повысить запоминаемость информации и усилить эмоциональное воздействие материала.

Профессиональная подготовка работников медиасферы все чаще включает обучение основам языка тела и понимание его роли в создании новостного контента. Осознанное использование невербальных средств коммуникации становится важным профессиональным навыком современного журналиста.

Современный танец – это художественное направление, где каждое движение несет особый смысл и объединено желанием танцоров передать глубокие идеи и эмоции, а не просто предоставить развлечение. Оно выступает как отражение реальности и текущей социальной среды, обладая способностью образно и экспрессивно излагать сложности и красоту современной жизни. В России этот жанр искусства признан именно под названием «современный танец», подчёркивая его актуальность и непрерывное развитие, способное влиять и вдохновлять современное общество.

Язык танца представляет собой уникальное сочетание поз и движений, созданное на основе принятых принципов и правил. Современный танец, который все еще формируется и развивается, отчетливо различается от классической танцевальной традиции, предлагая новую лексику для выражения смысла и эмоций. Зрители погружаются в этот язык не только визуально, но и за счет отклика собственного тела, находясь в сопереживании с движениями танцора. Создатели современного танца отходят от строгих рамок и формальных правил классического балета, исследуя все богатство и разнообразие выразительного потенциала человеческого тела. Они экспериментируют с импульсивными движениями, передают тончайшие вибрации, иногда демонстрируют напряженность и сдержанность, а порой и полную расслабленность, превращая тело в своего рода «мякиш» без четких очертаний. Этот подход позволяет хореографам более глубоко и искренне выразить эмоции и мысли через язык танца.

Дебаты философов танца зачастую касаются правильности интерпретации физических реакций зрителя, возникающих во время наблюдения за танцевальным исполнением. Особый интерес представляет понятие, известное как кинестетическое восприятие, которое объясняется как осознание индивидом движения своего тела и его позиции в пространстве. Ирина Сироткина, одна из исследовательниц данной темы, предлагает объяснение кинестезии как осведомленности о двигательной активности и расположении тела или его частей относительно окружающей среды [2].

Примеры кинестетических реакций, возникающих у аудитории в ходе танцевального представления, включают такие физиологические изменения, как повышение частоты сердцебиения или усиление мышечного и нервного напряжения. Теодор Липпс ввел понятие «кинестетическая эмпатия», которое подразумевает способность сопереживания и понимания движений другого через собственные ощущения. Дополняет эту концепцию и Джон Мартин, предлагая термин «метакинезис», описывающий процесс, благодаря которому человек вос-

принимает чужие двигательные действия. Таким образом, чувство собственной физической реальности у зрителей может сыграть ключевую роль в их способности эмоционально и телесно реагировать на представление [5].

Рассматривая эмпатию как способность эмоционально и физически сопереживать испытываемому другими опыту, аналогично тому, как это делает танцор на сцене, мы сталкиваемся с непростым вопросом. Как именно это сопереживание связано с нашими кинестетическими реакциями – теми изменениями в восприятии и физическом состоянии, которые мы переживаем в ответ на наблюдение за танцем? Это ключевая проблема, требующая дополнительного исследования и размышления, ведь механизмы, через которые эмпатия влияет на физический отклик, по-прежнему оставляют множество открытых вопросов [5].

Во время просмотра танцевального представления зритель участвует в комплексном процессе, который включает в себя не только визуальное наблюдение, но и аудиторное восприятие, а также кинестетическое вживание в исполнение. Эта многомерность ощущений позволяет глубже переживать искусство танца. Однако, из-за уникального и неповторимого характера танцевального искусства, не каждый спектакль доступен для прямого просмотра. Индивидуальность каждого танцовщика и сиюминутное состояние, в котором происходит его творческое самовыражение, обуславливают уникальность момента, который не поддается точному повторению.

На сегодняшний день видеозапись является наиболее действенным методом зафиксировать и сохранить танцевальное произведение для будущего просмотра и анализа. Отличительной чертой такой записи является возможность многократного воспроизведения деталей исполнения, что не доступно при однократном живом представлении. При этом выполнение видеосъемки из разных углов обеспечивает более полное и объемное представление о хореографической работе. С целью создания конечного продукта высокого качества, отображающего все аспекты исполнения, необходимо провести тщательный процесс видеомонтажа, который позволяет синтезировать разноугольные записи в единый гармоничный видеоряд.

Рассматривая практические проявления танцевальных элементов в новостных нарративах, можно выделить характерный пример работы ведущих информационных программ. Опытные телеведущие умело используют микрожесты и выверенные движения для усиления доверия аудитории. Так, легкий наклон корпуса вперед во время сообщения важной новости создает эффект доверительного общения со зрителем, а открытая поза с расправленными плечами способствует восприятию информации как достоверной и значимой.

В репортажах с места событий наглядно проявляется влияние языка тела на эмоциональное восприятие новости. Корреспонденты, освещающие драматические события, часто неосознанно используют сдержанную пластику и минимизируют жестикуляцию, что создает атмосферу серьезности и уважения к происходящему. Напротив, при освещении позитивных событий репортеры демонстрируют более свободную пластику и активную жестикуляцию, что передает праздничную атмосферу происходящего.

Особенно показательны примеры освещения культурных событий, где танцевальные элементы естественно вплетаются в новостной нарратив. Репортажи с фестивалей или концертов часто включают элементы движения самого журналиста, который может продемон-

стрировать характерные па или жесты, связанные с освещаемым событием, что делает материал более живым и запоминающимся.

В спортивных новостях язык тела играет ключевую роль в передаче динамики событий. Комментаторы и ведущие спортивных программ часто используют активную жестикуляцию и выразительные движения для иллюстрации спортивных моментов, что помогает зрителям лучше понять и прочувствовать происходящее на соревнованиях.

Показательным примером является освещение политических новостей, где анализ языка тела политических фигур становится частью новостного нарратива. Эксперты часто разбирают жесты и позы политиков во время важных встреч или выступлений, что добавляет дополнительный уровень понимания политических процессов для аудитории.

В экономических новостях невербальные элементы помогают сделать сложную информацию более доступной. Ведущие используют жесты для иллюстрации роста или падения показателей, что делает статистические данные более наглядными и понятными для широкой аудитории.

Социальные репортажи демонстрируют, как язык тела может передавать эмоциональное состояние героев сюжета. Журналисты чутко улавливают и транслируют через свою пластику настроение участников событий, что помогает создать эмоциональную связь между зрителем и историей.

В weather-репортажах ведущие активно используют хореографические элементы для создания динамичной подачи прогноза погоды. Плавные движения рук при показе перемещения воздушных масс или характерные жесты при описании осадков стали неотъемлемой частью метеорологических выпусков.

Документальные проекты новостных каналов показывают, как осознанное использование языка тела может усиливать драматургию повествования. Ведущие меняют пластический рисунок в зависимости от содержания материала, что помогает создавать необходимое эмоциональное напряжение.

В новостных интервью наблюдается тонкая игра невербальных сигналов между журналистом и собеседником. Умелое считывание и реагирование на язык тела интервьюируемого помогает создавать более глубокие и информативные материалы, раскрывающие не только фактическую, но и эмоциональную составляющую темы.

Спектакль «Trisolde», представленный в 2019 году, затрагивает тематику сложных взаимоотношений между мужчиной и женщиной. На сцене этот конфликт отражён уникальным визуальным средством: белая полоса, проецируемая на экран, воплощает тонкую грань, разделяющую любовь и ненависть. В спектакле также используются другие знаковые изображения, которые проецируются на экран для усиления эмоциональной интенсивности и драматургической напряжённости представления [2].

«Фантазия» от студии Дисней, выпущенная в 1940 году, является анимационным шедевром, который объединил классическую музыку с поэтической анимацией, воплощённой в серию увлекательных сцен. Особое внимание заслуживает эпизод под названием «Танец часов», где аудитория погружается в фантастический мир, где харизматичные анимированные персонажи – бегемоты, слоны, аллигаторы и страусы – с лёгкостью и изяществом исполняют балетные движения. Эта сцена не только демонстрирует мастерство анимации, но и превращает знакомые фигуры классического танца в игривую и занимательную танцевальную фантазию [2].

Анимационное творение студии Дисней, «Холодное Сердце» 2013 года выпуска, выделяется среди прочих благодаря сложно хореографированным сценам танца, как, например, в эпизоде коронации. Там герои демонстрируют выполнение традиционных танцевальных движений. Однако роль анимированных танцевальных номеров не ограничивается созданием визуальной привлекательности; они играют важную роль в развитии сюжета. Танцы становятся средством коммуникации, через которые раскрывается культурный фон и передаются нюансы эмоций, испытываемых персонажами, что добавляет глубину и многогранность истории, рассказываемой в фильме.

Обычно, в процессе монтажа зрелищных записей, зрители теряют возможность воспринимать представление целиком, как будто они находятся в первом ряду зала. Работа редактора создаёт эффект «перемещения» взгляда между разными точками пространства, предоставляя перспективы, которые недоступны при прямом наблюдении. Эти изменения ракурсов предлагают динамический опыт просмотра, который заставляет зрителя следовать за указанной последовательностью кадров, в отличие от фиксированной перспективы во время физического присутствия на представлении.

С цифровым искусством вступает в силу трансформация оригинальной хореографической концепции, в то время как камерная работа вносит дополнительные элементы в непрерывную цепочку движений, задуманную творцом. Обыденное выражение танца теряется в процессе видеоредактирования, где оно получает новую форму и содержание. Это превращение раскрывает перед аудиторией изменённый танцевальный диалект, который приобретает цифровой отпечаток через уникальные методы представления, недоступные в обстановке непосредственного исполнения.

При создании качественного и оживлённого видеоматериала, которое отражает первоначальную постановку, нередко возникает неожиданный эффект: живое представление может восприниматься как менее значимое. Иными словами, виртуозно отредактированный видеопроduct подчас переосмысливает первоначальное исполнение, превращая его в некую тень самого себя, менее привлекательную и интересную по сравнению с его блестящим цифровым двойником.

В зависимости от степени участия хореографа в процессе видеомонтажа, результат может разительно отличаться. Когда хореограф активно сотрудничает с видеоредактором, он как бы рождает новую версию художественного творения. Такое сотрудничество позволяет ему материализовать свои творческие идеи уже в рамках цифровой среды. Изменяя скорость движений, комбинируя и наслаивая разные кадры, а также перестраивая последовательность сцен в гармонии с музыкальным ритмом, хореограф дополняет и расширяет изначально задуманную хореографию, придавая ей новые измерения и возможности выражения [4].

В этом контексте театральное искусство подвергается процессу цифровой трансформации, переходя в сферу повседневного потребления. В контексте мыслей Вальтера Беньямина, в эпоху, когда искусство становится технически воспроизводимым, оно теряет свою уникальную «ауру». Это утверждение подчеркивает, как цифровые технологии влияют на восприятие и ценность искусства, делая его более доступным, но возможно лишая его неповторимого очарования и исключительности, присущих оригинальному состоянию [1].

Доступность искусства увеличивается за счет его цифрового представления, что, однако, может истончать его эксклюзивность. Такой формат предоставляет зрите-

лям определенную свободу – они могут манипулировать хронологией танцевального представления по своему усмотрению: ускорять показ, приостанавливать его или даже перематывать на интересующие фрагменты. Это изменяет традиционное взаимодействие с искусством, где временные рамки определялись его создателями.

В процессе танцевальной межкультурной коммуникации информация воспринимается на нескольких слоях. Первый связан с невербальным общением, где иконические жесты служат зеркалом менталитета и мировоззрения различных языковых сообществ. Эмоциональный отклик, который пробуждается во время наблюдения за танцем, становится еще одним ключевым элементом, ведь танцующие и зрители одинаково переживают художественные образы и эмоции. Это ведет к уровню кинестетической эмпатии, когда, например, хореография, посвященная экологическим вопросам, влияет на развитие экологической сознательности и сочувствия. Дополнительно, изменения в положении тела танцора могут менять структуру восприятия событий зрителями. Эти моменты подчеркивают значение понимания различных визуальных и восприятий и осмысленных процессов при просмотре танцевальных представлений.

Анализ визуальных нарративов новостей через призму танцевальной выразительности открывает новые перспективы в понимании механизмов восприятия информации и позволяет совершенствовать методы подачи новостного материала.

Эта область исследований продолжает развиваться, открывая новые грани взаимодействия вербального и невербального в информационном пространстве. Понимание роли телесной выразительности в новостных нарративах помогает создавать более эффективные и резонансные медиапродукты.

Исследование танцевальных элементов и языка тела в визуальных нарративах новостей раскрывает глубинные механизмы восприятия информации современной аудиторией. Проведенный анализ демонстрирует неразрывную связь между вербальными и невербальными компонентами в создании эффективного новостного контента.

Выявленные закономерности взаимодействия телесной выразительности с информационным содержанием позволяют говорить о формировании особого языка коммуникации в медиaprостранстве. Этот язык, сочетающий традиционные журналистские приемы с элементами пластического искусства, создает новые возможности для передачи смыслов и эмоционального воздействия на зрителя.

Значимость исследования подтверждается практической применимостью полученных результатов в сфере медиапроизводства. Понимание роли танцевальных элементов и языка тела в новостных нарративах открывает перспективы для совершенствования профессиональной подготовки работников медиасферы и повышения качества создаваемого контента.

Дальнейшее изучение данной темы представляется перспективным направлением в контексте развития современных медиакommunikаций. Интеграция знаний о влиянии невербальных компонентов на восприятие информации способствует созданию более эффективных и резонансных новостных материалов, отвечающих запросам современной аудитории.

В целом, проведенное исследование вносит существенный вклад в понимание механизмов функционирования современного медиaprостранства и открывает новые горизонты для развития визуальной журналистики. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований в области медиакommunikаций и совершенствования практических подходов к созданию новостного контента.

Литература

1. Беньямин, В. Произведение искусства в век технического прогресса / В. Беньямин. Москва, 1996. – 241с.
2. Сироткина, И.Е. Танец: опыт понимания. Эссе. Знаменитые хореографические постановки и перформансы. Антология текстов о танце / И.Е. Сироткина. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 256 с.
3. Bresnahan, A. The Philosophy of Dance // *OpenSpace: The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/dance/>.
4. Deren, M. *Essential Deren: collected writings of film. Document*. Kingston, New York, 2005. – 265с.

SOCIO-CULTURAL COMPONENTS OF DANCE INTERPRETATION IN THE FORMATION OF NEWS NARRATIVES

Han Xinyi, Li Yuyao

Belarusian State University, Jiamus University

The analysis examines the role of body language as a key element of visual narratives in news materials and its impact on the interpretation of events. The study highlights the importance of dance as a means of silent communication that effectively conveys the depth of emotions and cultural meanings without words. Understanding body language has significant weight in how we perceive visual stories presented in the news. The slightest movement can dramatically change the viewer's perception of the plot and the subsequent interpretation of the information. It examines how the unique property of contemporary dance as an art form helps in understanding pressing social issues through dance movements. The topics of kinesthetic connection and empathy, influence on the viewer through dance performance and rethinking art in light of digitalization progress are raised. The emphasis is placed on the important role of dance as a tool for communication, intercultural exchange and change in social perception.

Keywords: dance, visual narratives, body language, kinesthetic empathy, non-verbal communication, contemporary art, intercultural communication, digital technologies, information perception, emotional expression.

References

1. Benjamin, V. *The Work of Art in the Age of Technological Progress* / V. Benjamin. Moscow, 1996. – 241 p.
2. Sirotkina, I.E. *Dance: An Experience of Understanding. Essay. Famous Choreographic Productions and Performances. An Anthology of Texts about Dance* / I.E. Sirotkina. – St. Petersburg: Press of the European University at St. Petersburg, 2020. – 256 p.
3. Bresnahan, A. *The Philosophy of Dance* // *OpenSpace: The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/dance/>.
4. Deren, M. *Essential Deren: collected writings of film. Document*. Kingston, New York, 2005. – 265с.

Роль литературы и искусства в культурной дипломатии США и СССР в период холодной войны

Цзи Сунчэнь,

магистрант, Казанский федеральный университет
E-mail: 1836207365@qq.com

Исследование посвящено роли литературы и искусства в культурной дипломатии США – и СССР в период холодной войны. Особое внимание уделяется использованию специфических жанров, таких как фэнтези и ужасы, на примере творчества Г.Ф. Лавкрафта, для формирования образов «другого» и укрепления идеологических позиций. Анализ проводится через текстологический и контекстуальный подходы, демонстрируя, как культурная продукция использовалась для пропаганды и международного влияния. Научная новизна заключается в выявлении роли Лавкрафта в идеологической борьбе через жанры фантастики и ужасов. В работе подчеркивается, что литература и искусство остаются актуальными инструментами культурной дипломатии, способствующими как взаимопониманию между народами, так и поддержанию геополитических позиций. Ключевые слова: холодная война, культурная дипломатия, литература, искусство, Г.Ф. Лавкрафт, идеологическое влияние.

Ключевые слова: холодная война, культурная дипломатия, литература, искусство, г.ф. лавкрафт, идеологическое влияние.

Введение

В период глобальной политической конфронтации между США и СССР литература и искусство стали мощными инструментами, которые использовались для формирования общественного мнения, укрепления политических позиций и воздействия на восприятие культурных и идеологических ценностей другой стороны.[1] Культурная дипломатия, в свою очередь, помогла государствам манипулировать образами и стереотипами, создавая поддержку своих политических и идеологических устремлений, как внутри страны, так и за ее пределами.[2]

Особенно важной частью культурной дипломатии была литература и искусство, которые играли роль в передаче ценностей, норм и символов, способствующих или, наоборот, противопоставляющих собой идеологические установки противников.[3] Важно отметить, что, помимо очевидных культурных и эстетических аспектов, литература и искусство служили важным инструментом в более широкой политической борьбе, которая разворачивалась в условиях холодной войны. Специфические жанры, такие как фэнтези и ужас, заняли свое место в этом контексте, оказываясь своеобразными метафорами для формирования «другого» образа и создания мнимой угрозы, что, в свою очередь, укрепляло внутреннюю солидарность и мобилизовало народные массы.

Цель настоящей работы – оценить вклад литературы и искусства в культурную дипломатию США и СССР, с акцентом на влияние определенных жанров, в частности, работ Г.Ф. Лавкрафта, на международные отношения того периода. Особое внимание будет уделено изучению того, как фантастика, ужасы и мифологические элементы, использованные в произведениях Лавкрафта, могли стать частью более широких культурных стратегий, направленных на создание определенного образа «врага» и манипуляцию общественным восприятием. Эти жанры, традиционно воспринимаемые как менее серьезные и ориентированные на развлечение, оказались на деле мощными инструментами воздействия на массовое сознание, что и обуславливает их актуальность для анализа в рамках культурной дипломатии.

Таким образом, исследование роли литературы и искусства в культурной дипломатии в условиях холодной войны помогает не только расширить представления о механизмах культурного влияния, но и понять, как литературные жанры, особенно фэнтези и ужасы, использовались в политической борьбе. Включение в этот процесс фигуры Лавкрафта добавляет глубину анализу, позволяя выявить менее очевидные, но не менее значимые аспекты культурной войны между двумя мировыми супердержавами.

Литература и искусство как элементы культурной дипломатии

Культурная дипломатия в период холодной войны сыграла ключевую роль в международных отношениях, ставясь важным инструментом для реализации внешнеполитических интересов как США, так и СССР.[4] На фоне глобальной политической конфронтации, когда прямое

воздействие через дипломатические каналы и военные средства зачастую было ограничено, литература и искусство стали незаменимыми средствами для формирования общественного мнения и укрепления политических позиций на международной арене. Культурная дипломатия позволяла не только укреплять внутреннюю солидарность, но и создавать враждебные или благоприятные образы «другого» на внешнем фронте, тем самым влияя на мировое восприятие обеих сверхдержав.[5]

В условиях холодной войны искусство и литература использовались как стратегические инструменты влияния в борьбе за идеологическое господство. Способность литературы и искусства воздействовать на эмоциональный и интеллектуальный уровень восприятия, а также их способность преодолевать политические барьеры, делала их мощными средствами воздействия. В рамках культурной дипломатии обе стороны использовали различные формы культурной продукции – от художественных произведений до массовых медиа, таких как кино и радио. Особое внимание уделялось созданию культурных образов, способных поддерживать и укреплять представление о собственной нации как о праве и добродетели, в то время как другие культуры и идеологии изображались как угрозы или недостаточные для достижения «истинных» человеческих ценностей.

США, в частности, активно использовали искусство и литературу как инструменты для продвижения идеалов свободы, демократии и индивидуализма.[6] Голливуд, в особенности, стал мощным двигателем американской культурной дипломатии. Кинофильмы, такие как «Семь лет в Тибете» или «Доктор Живаго», представляли собой не только коммерчески успешные проекты, но и политические манифесты, которые создавали в мире образ «свободного мира», противопоставленный тоталитарным режимам. Литература, в свою очередь, активно использовала такие формы, как романы, публицистика и эссе, чтобы транслировать политическую линию США, поддерживая идею западных ценностей и демократических свобод. Множество американских авторов, таких как Эрнест Хемингуэй, Джон Стейнбек и Тони Моррисон, стали важными культурными фигурами, чьи произведения воспринимались как инструменты американской культурной политики.

С другой стороны, Советский Союз также активно использовал литературу и искусство как важные элементы своей культурной дипломатии, направленные на утверждение социалистических идеалов и образа «светлого будущего». Советские произведения, такие как фильмы «Сталинград» и «Баллада о солдате», а также литература, отражавшая достижения социалистической системы, служили целям пропаганды, продвигая образ СССР как освободителя от фашизма и идеала социальной справедливости. Одновременно, советская культурная дипломатия активно поддерживала культурные обмены, способствующие расширению влияния социалистической идеологии на международной арене. Переводы классических произведений советских писателей, таких как Максим Горький и Александр Солженицын, а также организация культурных мероприятий, таких как выставки искусства и театральные постановки, были частью стратегии, направленной на укрепление международных позиций Советского Союза.

Кроме того, культурные обмены, как двусторонние, так и многосторонние, стали важным инструментом воздействия и поддержки международной репутации обеих стран. США организовывали культурные миссии, в том числе через обмен художниками, музыкантами, писателями и театральными коллективами. Эти миссии служили не только для распространения американской культу-

ры, но и для создания определенного имиджа свободы и прогресса, противопоставленного авторитарным режимам. Аналогичным образом, Советский Союз активно использовал культурные обмены для популяризации советских достижений, а также для пропаганды своих политических и идеологических концепций. Выставки советского искусства, литературные фестивали и театральные гастроли за рубежом стали важными инструментами культурной дипломатии, отражающими идеологическую стойкость и мощь социалистической системы.

Литература и искусство стали не просто средствами эстетического воздействия, но и важными элементами культурной дипломатии, которые активно использовались обеими сверхдержавами в их борьбе за влияние в мире. Через эти формы культуры США и СССР стремились не только формировать положительные образы своих собственных обществ, но и влиять на восприятие других стран, таким образом, продвигая свои идеологические интересы и укрепляя свое присутствие на международной арене.

Роль американской культуры и литературы в культурной дипломатии США

Американская культура и литература играли важнейшую роль в культурной дипломатии США в период холодной войны, служа мощным инструментом для продвижения идеалов свободы, демократии и капиталистической модели общественного устройства. США осознали, что в условиях глобальной политической конфронтации с Советским Союзом их культура может стать не менее значимым элементом внешней политики, чем военная мощь и экономическая сила. В этом контексте американская литература и искусство были использованы для создания имиджа страны как символа прогресса, индивидуальной свободы и творческой самореализации. Одним из наиболее ярких примеров этого подхода была роль Голливуда, который стал не только центром производства массовой культуры, но и важнейшим инструментом культурной дипломатии.[7]

Голливуд в период холодной войны активно создавал фильмы, которые пропагандировали не только американские идеалы, но и изображали Советский Союз как угрозу миру и свободе. Специфической особенностью этого периода было создание образов, в которых воплощались противоречия между демократией и тоталитаризмом, между личной свободой и государственной репрессией. Кинофильмы, такие как «Доктор Живаго», который затрагивал тему человеческих жертв в условиях советского режима, или «Семь лет в Тибете», в котором противопоставлялась китайская оккупация свободному Тибету, служили примером того, как через кино передавались политические и культурные послания. Голливуд стал не просто индустрией развлечений, но и инструментом распространения американской культурной гегемонии, что в свою очередь способствовало распространению «американской мечты» по всему миру, включая Советский Союз, где эти фильмы имели как положительный, так и отрицательный отклик среди зрителей.

Одним из самых значимых элементов культурной дипломатии США в этом контексте был джаз, который не только стал символом культурной независимости и свободы, но и явился важным элементом борьбы за культурное превосходство. Джаз, родившийся в США, стал значимой частью американской культурной идентичности и был использован в качестве культурного инструмента для демонстрации прогрессивности американского общества. Джазовые группы и музыканты, такие как Луи Армстронг, Дюк Эллингтон и Билли Холидей, ездили с концертами по всему миру, включая Советский

Союз, где джаз воспринимался как символ свободного, независимого американского духа, противопоставленного советской цензуре и официальному искусству. Таким образом, через джаз и другие формы популярной музыки США смогли продвигать образ страны как колыбели свободы и творческой самореализации.

Особое внимание следует уделить также роли литературы как элемента культурной дипломатии. Писатели, такие как Эдгар Аллан По, оказали значительное влияние на восприятие США в Советском Союзе. По был признан в Советском Союзе одним из самых значимых американских авторов, и его работы о темных, мистических аспектах человеческой природы и борьбы с неизведанным воздействовали на многие поколения советских читателей. Однако его творчество также было воспринято как символ американской культуры, в которой свобода самовыражения и индивидуализм противостояли коллективизму и идеологической ограниченности советской действительности. Эдгар Аллан По, через свои готические романы и рассказы, был частью культурного обмена, который помогал советским читателям получить представление о творческой независимости, присущей американской литературе.

В этом контексте влияние Г.Ф. Лавкрафта, одного из самых уникальных представителей американской литературы, приобретает особое значение. Лавкрафт, чьи произведения относятся к жанрам фэнтези и ужасов, использовал элементы мрачных мифов, мистических существ и темных сил, чтобы создать образы «другого», которых можно интерпретировать как метафоры для культурной и идеологической угрозы.[8] В работах Лавкрафта часто присутствует тема борьбы с неизвестным, с теми силами, которые находятся за пределами понимания и контроля человека. Эти элементы прекрасно укладывались в идеологический контекст холодной войны, где США стремились создать образ Советского Союза как таинственной и непредсказуемой силы, несущей угрозу свободе и демократии.

С точки зрения культурной дипломатии, работы Лавкрафта предлагали советскому читателю образ внешней угрозы, исходящей от совершенно другого мира, отличного от привычных реалий. Лавкрафтовский мир, наполненный мистическими чудовищами и безбрежным космосом, стал мощным культурным инструментом, который в контексте холодной войны мог быть использован для усиления идеологической пропаганды. Он позволял формировать в сознании как американских, так и советских читателей представление о некоей угрозе, которая может быть представлена через научно-фантастические образы, тем самым укрепляя идею о необходимости сопротивления внешнему влиянию, опасному и неизведанному.

Культура и литература США в период холодной войны играли многогранную роль в международных отношениях. Через Голливуд, джаз и литературных представителей, таких как По и Лавкрафт, США активно продвигали идею индивидуальной свободы, творческой самореализации и демократии. Литература, в свою очередь, использовалась как средство создания образов «другого», которые способствовали формированию идеологических контуров борьбы с коммунистической угрозой, усиливая таким образом позиции США в мировом информационном и культурном поле.

Роль советской культуры и литературы в культурной дипломатии СССР

Советская культура и литература в период холодной войны играли ключевую роль в культурной дипломатии СССР,

являясь важным инструментом для продвижения социалистических идеалов и укрепления позиций Советского Союза на международной арене. В условиях глобальной политической напряженности и идеологической борьбы с США и другими капиталистическими странами, культура стала мощным оружием для формирования положительного имиджа СССР, а также для борьбы с враждебными интерпретациями советской реальности. Особенность советской культурной дипломатии заключалась в ее явной идеологической направленности и целенаправленном использовании искусства для пропаганды марксистско-ленинских идей.

Советские фильмы стали одним из важнейших инструментов культурной пропаганды. Кинофильмы, такие как «Сталинград» и «Баллада о солдате», не только отображали историческую борьбу Советского Союза с фашизмом, но и продвигали идею о превосходстве социалистической системы, которая приносила народу светлое будущее. Эти произведения создавали образ Советского Союза как защитника мира и справедливости, противопоставленного фашизму и международному капитализму. В этом контексте советские фильмы выступали как культурные манифесты, которые не только развлекали зрителя, но и занимались политическим воспитанием, подчеркивая ценности равенства, коллективизма и сплоченности. Особое внимание уделялось созданию образов героизма, патриотизма и самопожертвования в борьбе за социализм, что идеально соответствовало идеологическим целям советской власти.

Важную роль в культурной дипломатии СССР также играла литература. Советские писатели активно работали над созданием произведений, которые не только пропагандировали социалистические ценности, но и демонстрировали достижения советской системы в различных областях – от науки до искусства.[9] Одним из ярких примеров такого подхода является творчество писателей, таких как Максим Горький и Александр Фадеев, чьи произведения о революции и социалистическом строительстве стали обязательными для чтения не только в СССР, но и за рубежом. Литературные произведения, воспевающие достижения социалистической идеи и борьбу за построение нового общества, использовались в культурной дипломатии для укрепления образа СССР как страны, преодолевающей тяжелые исторические испытания и создающей справедливое общество.

Однако литературная пропаганда не ограничивалась только социалистическими произведениями. В Советском Союзе активно работали над созданием образов, которые могли бы противопоставить советскую реальность мифам и стереотипам, распространенным в западной культуре. В этом контексте важную роль сыграл перевод зарубежных произведений, особенно тех, которые подходили под идеологические рамки социализма, и создание так называемой «пропагандистской литературы», направленной на идеологическое воздействие на молодежь и интеллигенцию за рубежом.

Балет и классическая музыка также играли важную роль в культурной дипломатии Советского Союза. Театр и искусство балета, особенно такие выдающиеся личности, как Майя Плисецкая и Владимир Васильев, стали символами высококлассного советского искусства, которое демонстрировалось на международных сценах как доказательство культурного превосходства социалистической системы. Балет был важным инструментом в борьбе за культурные позиции на мировой арене, так как он олицетворял те идеалы, которые советская власть стремилась продвигать – совершенство, гармонию и коллективизм.

Система культурных обменов была одним из важнейших элементов советской культурной дипломатии. Выставки искусства, театральные гастроли, концерты и литературные вечера становились механизмами, через которые СССР мог продвигать свою идеологическую программу и демонстрировать достижения своей культуры всему миру. Особое внимание уделялось организации выставок в странах, находящихся в зоне влияния или на грани идеологического выбора, таких как в Африке, Азии и Латинской Америке, где советская культурная дипломатия использовалась как средство укрепления союзов с новыми независимыми государствами, а также как способ привлекать на свою сторону широкие массы.

Советская культурная дипломатия, несмотря на свою идеологическую жесткость, имела значительный успех в формировании определенного имиджа СССР за рубежом. Основной особенностью советского подхода к культурной дипломатии было то, что искусство и культура использовались не только для удовлетворения эстетических потребностей, но и как активный инструмент политического воздействия. Каждое произведение, будь то кинофильм, литературное произведение или балет, несоответствующее официальной линии идеологии, было подвергнуто строгой цензуре или трансформировалось в нужном направлении. Такой подход позволял Советскому Союзу не только сохранять внутреннюю идеологическую дисциплину, но и активно влиять на восприятие советской системы за рубежом, усиливая культурное превосходство социализма перед капиталистическим миром.

Культура и литература стали важнейшими инструментами в арсенале советской внешней политики в период холодной войны. Через них СССР не только демонстрировал свою культурную мощь, но и активно воздействовал на восприятие своей идеологии в международной среде.[10] Особая роль в этом процессе принадлежала идеологической направленности советской культуры, которая, несмотря на свою жесткость и ограничения, смогла сформировать образ Советского Союза как лидера в борьбе за новое, справедливое общество.

Включение Лавкрафта в культурную дипломатию

Г.Ф. Лавкрафт, как фигура американской литературы, представляет собой уникальный пример того, как элементы жанров фэнтези и ужасов могут быть использованы в культурной дипломатии для создания образа врага в международной политике. В период холодной войны, когда идеологическая борьба между СССР и США достигла своей кульминации, литературные и культурные произведения играли важнейшую роль в формировании общественного мнения и в борьбе за влияние на международной арене. Лавкрафт, с его темными и мистическими темами, стал частью этого контекста, предоставляя американской культуре возможность отразить опасности, которые угрожают идеологическому и культурному «чистоте» Запада.

Лавкрафт в своих произведениях использовал элементы фантастики и ужасов для создания образов, которые подчеркивали неизведанность, мрак и бессмысленность существования за пределами человеческого понимания. Этот подход был особенно актуален в условиях холодной войны, когда идеологическая угроза коммунизма, исходившая от Советского Союза, воспринималась как нечто таинственное и угрожающее западной цивилизации. В произведениях Лавкрафта «Зов Ктулху», «Тень над Иннсмутом» и других, он изображал мир, в котором существуют сверхъестественные существа и силы, далеко превосходящие человеческое понимание

и контроль. Эти существа, часто представляющие собой космических существ, чье существование нарушает порядок и логику, стали своего рода метафорой для внешней угрозы, которую символизировал Советский Союз в глазах американцев.

Позиционирование Лавкрафта в рамках культурной дипломатии США можно рассматривать как способ отражения идеологической борьбы через жанры фантастики и ужасов. Его работы, наполненные мистическими и ужасающими образами, создавали не просто атмосферу страха, но и возможность для читателя осознать, что идеологическая угроза может быть связана с чем-то более глубоким и непостижимым. В этой связи, работы Лавкрафта рассматривались как часть культурной парадигмы холодной войны, в которой «другие» силы, как Советский Союз, воспринимались как нечто невообразимое и разрушительное для западного мира. Противостояние между США и СССР таким образом символизировалось не только на политической, но и на культурной и философской уровнях, где Лавкрафт занимал свое место как отражение страха перед неизведанным и неизвестным.

Влияние произведений Лавкрафта на восприятие американской идеологии в Советском Союзе было многообразным. На одном уровне, Лавкрафт был воспринят советской интеллектуальной средой как еще один символ западного капитализма, который основывался на идеях индивидуализма, борьбы с внутренними и внешними врагами, а также на преувеличении роли фантастики и сверхъестественного в культурной жизни. Для советского читателя Лавкрафт стал частью широкой волны американской литературы, которая воспринималась как атрибут культурного и идеологического сопротивления социалистическому лагерю. Однако для некоторых слоев советской интеллигенции, особенно среди молодежи и творческих людей, произведения Лавкрафта представляли собой не только инструмент американской идеологической борьбы, но и пример того, как литература может быть использована для манипулирования массовым сознанием и создания образов врага.

Важным моментом является то, как Лавкрафт, являясь частью американской культуры, стал элементом культурной дипломатии, который использовался для формирования враждебных образов Советского Союза. В отличие от многих других писателей, чьи произведения можно было воспринимать как чисто художественные, с точки зрения Советского правительства, Лавкрафт во многом подходил для идеологического использования, так как его творчество было наполнено образами инородных, чуждых культур и существ, которые можно было интерпретировать как метафоры для восприятия идеологического противника. На этом уровне его творчество стало частью культурной битвы между Востоком и Западом, где каждый из лагерей пытался найти в произведениях другого те элементы, которые могли бы подкрепить их собственное мировоззрение и позицию.

Кроме того, несмотря на то, что Лавкрафт умер задолго до Второй мировой войны, уникальный стиль его произведений стал одним из продуктов американского идеологического вторжения, которое советские люди использовали для создания враждебного стереотипа западной культуры. В условиях холодной войны, когда каждая сторона стремилась представить другую как угрозу для своего существования, Лавкрафт стал своего рода литературным символом этого страха. Советская пропаганда использовала образы из его произведений как доказательство того, что капиталистическая культура и идеология поглощены демоническими и разрушительными силами, которые могут лишь привести к гибели

западного общества. Лавкрафт, в этом контексте, стал частью более широкого культурного контекста, в котором Америку и Запад в целом изображали как мир, поглощенный экзистенциальным кризисом, опасностями и угрозами, которые выходят за рамки человеческого понимания и контроля.

В целом, включение Лавкрафта в культурную дипломатию США является ярким примером того, как литература и искусство в рамках холодной войны использовались для создания образов врага и формирования идеологических позиций. Его произведения, наполненные элементами ужасов и фантастики, оказались мощным инструментом в культурной борьбе, помогая США продвигать идею о том, что западный мир, несмотря на все свои недостатки, продолжает бороться с внешними и внутренними угрозами, стремясь сохранить свою идеологическую и культурную идентичность.

Заключение

Результаты исследования подтверждают ключевую роль литературы и искусства в культурной дипломатии США и СССР в период холодной войны. Эти формы культурного выражения не только способствовали продвижению идеологических ценностей каждой из сторон, но и использовались для формирования образов «другого», которые укрепляли внутреннюю солидарность и поддерживали международные альянсы. Для США литература и искусство стали способом демонстрации индивидуализма, свободы творчества и прогресса, в то время как СССР акцентировал внимание на коллективизме, социальной справедливости и достижениях социалистической системы. Кино, литература, музыка и изобразительное искусство обеих сверхдержав служили не только эстетическим целям, но и инструментами политического и идеологического воздействия, которые формировали восприятие своего культурного превосходства и правомерности своего мировоззрения.

Особое место в исследовании занимает фигура Г.Ф. Лавкрафта, чьи произведения оказали влияние на международные отношения через жанры фэнтези и ужасов. Лавкрафт, с его мифами и образами неизданного, стал символом американской литературы, способным транслировать страх перед неизвестным и чуждым, что могло быть интерпретировано как метафора идеологической угрозы со стороны Советского Союза. Его работы служили инструментом культурной дипломатии, подчеркивая уникальность американской культуры и ее способность адаптироваться к вызовам холодной войны. В то же время, советская интерпретация творчества Лавкрафта подчеркивала его связь с кризисом капиталистической системы, что также способствовало усилению идеологической борьбы. Это показывает, как литература может быть использована не только для культурного обмена, но и для формирования политических позиций.

В заключение можно отметить, что культурная дипломатия через литературу и искусство продолжает оставаться важным инструментом в международных отношениях. Современные вызовы, такие как цифровизация, глобализация и усиление культурного обмена, предоставляют новые возможности для интеграции художественного творчества в дипломатическую деятельность. Произведения, аналогичные работам Лавкрафта, продолжают использоваться для формирования образов и укрепления культурных позиций стран в глобальном масштабе. Будущее культурной дипломатии предполагает более глубокую интеграцию искусства и литературы в процессы транснациональной коммуникации, что будет

способствовать как взаимопониманию между народами, так и усилению идеологической борьбы в условиях меняющегося мирового порядка.

Литература

1. Каширина Т., Федотова К.Е. Культурная дипломатия как средство внешней культурной политики // Дипломатическая служба. 2017. № 2. С. 22–27.
2. Нагорная О. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989. М.: Litres, 2022. 411 с.
3. Бафоев Ф.М. Культурная дипломатия в системе международных связей на постсоветском пространстве // Молодой ученый. 2016. № 6. С. 662–667.
4. Аршинцева О.А. Опыт применения «мягкой силы» в международных отношениях до 1991 г. // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Ресурсы «мягкой силы»: опыт использования государственных и негосударственными акторами). С. 12.
5. Северина В. С. К вопросу о взаимосвязи понятий «публичная дипломатия» и «культурная дипломатия» // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 4. С. 115–123.
6. Мирошников С.Н. Становление механизма информационно-психологической войны и «культурной дипломатии» в США в 1946–1956 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (38). С. 186–194.
7. Филимонов Г. Ю. К вопросу об истории внешней культурной политики США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2011. № 4. С. 89–97.
8. Разумов И.А. Первая мировая война глазами Г.Ф. Лавкрафта: взгляд поэта // Отечественная филология. 2021. № 4. С. 86–92.
9. Нагорная О.С. Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2018. № 3 (42). С. 22–30.
10. Трушина К.Д. Советский дизайн в контексте культурной дипломатии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 12 (841). С. 224–235.

THE ROLE OF LITERATURE AND ART IN THE CULTURAL DIPLOMACY OF THE USA AND THE USSR DURING THE COLD WAR

Ji Songchen

Kazan Federal University

This study examines the role of literature and art in the cultural diplomacy of the USA and the USSR during the Cold War. Particular attention is given to the use of specific genres, such as fantasy and horror, exemplified by the works of H.P. Lovecraft, to construct images of the “other” and reinforce ideological positions. The analysis employs textual and contextual approaches, demonstrating how cultural production was utilized for propaganda and international influence. The study’s scientific novelty lies in uncovering Lovecraft’s role in ideological conflict through the genres of fantasy and horror. The research emphasizes that literature and art remain relevant instruments of cultural diplomacy, promoting mutual understanding among nations while maintaining geopolitical positions.

Keywords: Cold War, Cultural Diplomacy, Literature, Art, H.P. Lovecraft, Ideological Influence.

References

1. Kashirina T., Fedotova K.E. Cultural Diplomacy as a Tool of Foreign Cultural Policy // Diplomatic Service. 2017. No. 2. P. 22–27.

2. Nagornaya O. Soviet Cultural Diplomacy in the Context of the Cold War. 1945–1989. Moscow: Litres, 2022. 411 p.
3. Bafoyev F.M. Cultural Diplomacy in the System of International Relations in the Post-Soviet Space // Young Scientist. 2016. No. 6. P. 662–667.
4. Arshintseva O.A. The Experience of Applying “Soft Power” in International Relations before 1991 // Modern Russia and the World: Development Alternatives (Resources of “Soft Power”: The Experience of Governmental and Non-Governmental Actors). P. 12.
5. Severina V.S. On the Relationship Between the Concepts of “Public Diplomacy” and “Cultural Diplomacy” // POISK: Politics. Sociology. Art. Social Studies. Culture. 2020. No. 4. P. 115–123.
6. Miroshnikov S.N. Formation of the Mechanism of Information-Psychological Warfare and “Cultural Diplomacy” in the United States in 1946–1956 // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2015. Vol. 5 (38). P. 186–194.
7. Filimonov G.Y. On the History of U.S. Foreign Cultural Policy // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: International Relations. 2011. No. 4. P. 89–97.
8. Razumov I.A. World War I Through the Eyes of H.P. Lovecraft: A Poet’s View // Russian Philology. 2021. No. 4. P. 86–92.
9. Nagornaya O.S. Scientific Cooperation and Educational Contacts in the System of Soviet Cultural Diplomacy during the Cold War Era (1945–1990) // Bulletin of Perm University. Series: History. 2018. No. 3 (42). P. 22–30.
10. Trushina K.D. Soviet Design in the Context of Cultural Diplomacy // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2020. No. 12 (841). P. 224–235.

Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: опыт концептуализации

Шадже Асиет Юсуфовна,

д.ф.н., профессор кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета
E-mail: shadzhe@maykop.ru

В статье анализируется актуальность проблематики идентичности в контексте изменений в современной социально-политической ситуации в России и мире. Дается обоснование выбора теоретико-методологических оснований – междисциплинарного подхода – для концептуализации макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе. Раскрывая содержание дискуссионных концептов «макрорегион» и «макрорегиональная идентичность», обладающих интегративными характеристиками, выявляется специфика северокавказского общества, анализируется культурно-цивилизационная основа формирования макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе. В концептуальном обосновании единства северокавказского сообщества и социокультурных процессов автор обращается к определенным социальным основам полиэтничного общества. Концептуализация макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе осуществляется с помощью базовых категорий «кавказская культура», «кавказская идентичность», «кавказская цивилизация», являющихся дискуссионными, но дают понимание единства социокультурного пространства макрорегиональной северокавказской системы. Автор отмечает, что одним из ключевых вопросов исследования является выявление ресурсного потенциала макрорегиональной идентичности и преломление в практическую плоскость. Делается вывод о возможных параметрах развития макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе в условиях современности, обращая внимание на установление гармоничного согласия традиций и новаций в процессе их взаимодействия и усиление роли социокультурных практик в определении новых форм и путей воздействия на консолидацию российского общества.

Ключевые слова: макрорегион, макрорегиональная идентичность, полиэтничность, концептуализация, российская национальная идентичность, новые вызовы, консолидация, политика идентичности, междисциплинарность.

Постановка проблемы

Современное геополитическое пространство активно повлияло на трансформацию ценностно-смысловых оснований будущего человечества, современной цивилизации и стратегии культурно-цивилизационного развития России. В условиях современного конфликта цивилизации Россия, как и мир в целом, переживает кризис культурно-цивилизационной идентичности. Внешние современные вызовы повлекли за собой изменения ценностных оснований идентичности в России и российских регионах.

Динамично меняющаяся социально-политическая реальность показывает, что проблема многоуровневой идентичности остается актуальной в науке и политике. Заметно изменилось исследовательское поле идентичности в последние годы: описательные методы сменились поиском выявления новых смыслов идентичности; обнаружением новых идентификационных маркеров, пониманием ценностного содержания идентичности в развитии региона и страны, выявлением новых возможностей в укреплении идентичности на всех уровнях – этническом, региональном, национальном, цивилизационном и геополитическом. В политике идентичности стоит вопрос о значимости ресурсного потенциала многоуровневой идентичности в национальной консолидации современного российского общества и укреплении единства российской национальной идентичности.

Важно отметить, что решение поставленных идентитарных задач осуществляется в новых условиях, когда в пространстве российского государства реализуется стратегия социально-экономического развития макрорегионов. Актуальность рассматриваемой темы связана с внутренними и внешними факторами, оказывающими воздействие на созданные в России в 2019 году двенадцать новых макрорегионов для развития национальной экономики. Не менее важным представляется выявление нематериального ресурсного потенциала макрорегиональной идентичности в консолидации российского общества и в инновационном развитии страны в целом.

Объектом рассмотрения данной статьи является функционирование макрорегиональной северокавказской системы. Предмет исследования – макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе – исторически сформированный феномен, реальность и возможности которого можно познать и понять на основе междисциплинарного подхода.

Цель настоящего исследования – концептуализировать макрорегиональную идентичность на Северном Кавказе.

В статье рассматривается Северный Кавказ, который был и остается одним из важнейших и проблемных российских регионов. В этой связи значимым и полезным в научном и политическом аспекте является недавно вышедший сборник статей по «актуальной исторической тематике в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа, в котором ведущие специалисты в области этничности выявляют риски и предлагают комплекс мер для обеспечения межнационального мира и согласия в этом макрорегионе» [1].

Следует дополнить характеристику одним положением – стремлением сохранить и развивать сложившийся

ся культурно-исторический тип («кавказскую цивилизацию») как самодостаточный феномен и социокультурное разнообразие. С этим связано понимание смысла и сущности макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе в условиях современности, умение увидеть и выявить ценностный ресурс социокультурных традиций. Именно потребность кавказской/северокавказской идентичности самосохраниться и саморазвиваться на основе собственных традиций можно рассматривать как ответ на вызов современности.

Смысл понятия «макрорегион»

Официальное появление термина «макрорегион» в российской практике государственного управления связано с принятием Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в соответствии с которым система документов стратегического планирования должна включать в себя и стратегии социально-экономического развития макрорегионов. Согласно закону, «макрорегион – часть территории Российской Федерации, которая включает в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования»¹.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года определены 12 макрорегионов, «основными принципами выделения которых являются соседское положение субъектов Российской Федерации, схожие природно-климатические и социально-экономические условия для жизни и экономической деятельности»².

Анализ научных публикаций показывает, что разработка содержания понятия «макрорегион» активно осуществлялась в экономике и в системе государственного управления. Например, О.В. Кузнецова предлагает познавательное и критическое исследование, анализируя «накопленный российский и зарубежный опыт выделения макрорегионов и разработки стратегий их развития, а также текущие российские проблемы в данной сфере, предлагаются варианты их решения» [2].

Исследуя функциональности макрорегионов Российской Федерации, Основные подходы разных авторов к толкованию категории макрорегиона представил Ф.М. Ермаченко [3, с. 168–171].

Следует отметить, что рассматриваемое понятие однозначно не определяется, но «экономическая целесообразность» первична в изученных научных исследованиях: макрорегион рассматривается как новую экономическую единицу или понятие, подчиненное лишь экономическому развитию региона и страны. Представляется, что такое понимание ограничивает содержание рассматриваемого понятия. Как бы не оспаривались существующие разные определения рассматриваемого понятия, они взаимодополняют и обогащают общую теорию макрорегиона в сфере экономики.

¹ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201406300016.pdf>, с.12. (дата обращения: 17.09.2024).

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 17.09.2024).

В последние годы понятие «макрорегион» активно встречается в правовой системе, социальной географии и истории. Формируются исследовательские традиции в социологической и политической науке. Имеющийся солидный научный и экспертный потенциал на Северном Кавказе (В.А. Авксентьев, М.А. Аствацатурова, Г.Д. Гриценко, Г.С. Денисова, З.А. Жаде, Л.В. Клименко и др.) нацелен на глубокое критическое осмысление текущих реалий, перспектив макросоциальной идентичности и укрепление российской идентичности. Так, политолог З.А. Жаде, обстоятельно анализируя рассматриваемое понятие, предлагает, что «в самом общем виде макрорегион можно концептуализировать как пространство, определяемое не только по территориальному признаку, но и по социокультурным (общие традиции, память, картина мира) и историческим основаниям (общность исторической судьбы), сочетание которых создает уникальную региональную специфику» [4, с. 254]. Пожалуй, эту точку зрения можно принять с дополнениями.

Во-первых, концепты «макрорегион», «макрорегиональная идентичность» обладают интегративными характеристиками.

Во-вторых, при исследовании поставленной проблемы и определении собирательных понятий «макрорегион», «макрорегиональная идентичность», остающихся в науке дискуссионными, считаем важным учесть «специфику объекта изучения, как разновидности макросистемы». Достижению этой цели была посвящена наша коллективная работа с Э.А. Шеуджен «Северокавказское общество: опыт системного анализа» [5].

Специфика северокавказского общества

Прежде всего отметим, что системное изучение северокавказского общества позволило нам рассмотреть его «не как конгломерат народов и не как сегментированное общество, а как динамическую систему, которая имеет сложную, многокомпактную, иерархическую структуру» [5].

Нами отмечалось ранее, что генезис региона уходит к историческим корням возникновения кавказских этносов на земле: история этносов Северного Кавказа неразрывно связана с природно-ландшафтными условиями региона, которые повлияли на формирование полиэтнической структуры, систему общественных и хозяйственных отношений, ментальные особенности, а также политико-правовую культуру. Эти и другие факторы способствовали установлению мирных взаимоотношений между этносами в процессе совместного проживания и сотрудничества.

Важно отметить, что «специфику северокавказского макрорегиона и трансформацию можно познать лишь в контексте его истории, то есть в рамках пространства и времени, а также особенностей исторически сложившегося социокультурного пространства» [5, с. 24]. Исследование и познание ценностного ресурса макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе возможно лишь через культурно-цивилизационный дискурс, поскольку он позволяет обнаружить и выявить новые смыслы и не противоречит другим исследовательским методам. С этим связан методологический инструментарий, помогающий прояснить современные культурные смыслы, связанные с рассматриваемой проблемой. «Цивилизационные ориентиры, опирающиеся на культурные (в широком смысле) традиции, на преемственность духовного опыта и ценностного выбора в сочетании с активной социальной деятельностью в интересах развития, открывают перспективные горизонты для личности, ее духовного делания» [6, с. 85]. Руководствуясь этим

методологическим положением члена-корреспондента РАН И.С. Семенов, обратимся к Северному Кавказу.

Культурно-цивилизационная основа формирования макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе

Характеризуя макрорегиональную северокавказскую систему, следует отметить, что она исторически основана на разнородных элементах, которые сложились как нечто единое. Выявляя ее специфику, нами учитываются некоторые обстоятельства, которые повлияли на формирование кавказской/северокавказской идентичности.

Во-первых, Северный Кавказ, как любая горная территория, является домом крайне оригинальных и ценных цивилизаций, основу которой составляет сложившаяся культурно-экологическая особенность горного образа жизни кавказских народов: характер культуры, тип соотношения человека и общества, ценность прошлого в кавказском сознании.

Во-вторых, взаимосвязь биоразнообразия и этносоциокультурного разнообразия. В научной школе члена-корреспондента РАН А.К. Темботова установлено, что «кавказский регион отличается от внешнего мира высокой степенью концентрации как природного, так и социокультурного разнообразия» [7, с. 741–745]. Безусловно, «природное разнообразие повлияло на формирование структуры социальной системы. Этим во многом объясняется то этносоциокультурное разнообразие, которое сложилось в условиях горных и предгорных территорий Кавказа» [8, с. 61].

В-третьих, Северный Кавказ представляет собой не только и не просто региональное понятие. Это – территория с исторически сложившейся общностью людей, в которой исторически апробированы разные модели сотрудничества этносов в экстремальных условиях природных, социальных отношений, порой необдуманных и опасных решений, которые создавались политиками и экстремистами. Мирное взаимодействие между народами формировало не только единство полиэтничного, но и поликонфессионального региона. Мудрость кавказских народов способствовала формированию диалогичного взаимодействия православия и традиционного ислама и формированию общих социокультурных ценностей между русским и кавказскими народами в процессе их сотрудничества.

В-четвертых, кавказский образ жизни, породивший кавказский менталитет и мировоззрение, традиционный миропорядок, ставшие основой бытия человека-кавказца, *кавказской и северокавказской идентичности*.

Безусловно, в понимании социокультурного феномена кавказской идентичности лежит нечто «непознанное» общее, объединяющее народы. Западные кавказоведы отмечали, что «кавказская идентичность основана на определенных цивилизационных ценностях, (грузинский исследователь Б. Копитерс), «северокавказская идентичность формировалась на лучших этнокультурных ценностях кавказских народов» (немецкий кавказовед И. Кноблех, побывавший неоднократно на Северном Кавказе, сотрудничавший с учеными-адыгами) и т.д.

В отечественном кавказоведении разобщенность наук, изучающих природу и культуру Кавказа, не могла дать целостного понимания сути происходящих социокультурных процессов. Стратегическая верность и перспективность первых попыток Адыгейского государственного университета и Института экологии горных территорий Кабардино-Балкарского научного центра РАН по изучению «происходящих ныне на Кавказе со-

циокультурных процессов на междисциплинарной основе на стыке биологических и социальных наук» отметил член-корреспондент РАН А.В. Дмитриев в книге «Очерки кавказской культуры» [9, с. 9–10].

В концептуальном обосновании единства кавказского / северокавказского сообщества и социокультурных процессов авторы опирались на определенные социальные основания. Например, для Х.Г. Тхагапсоева – это кавказский этикет [10, с. 32–41].

Руководствуясь феноменологическим, сравнительно-типологическим, ретроспективным анализом, О.Н. Дамениа выдвигает гипотезу о «кавказской культуре», обосновывает кавказский культурный архетип. Особый поведенческий тип человека в кавказской культуре, в отличие от западной и восточной культур, заключался в том, что «человек воспринимал себя универсальным существом... демонстрировал в своих действиях удовлетворенное состояние, совершенство своего мироустройства, гармонию духа и тела, эстетику этики, свою духовную самодостаточность и самоидентичность. Главное в действиях человека в контексте кавказской культуры – это демонстрация наличного бытия и трансмиссия его в социальное будущее в том виде, в каком оно есть» [11].

В ряде статей и выступлений автор этих строк обращался к рассматриваемым понятиям «кавказская культура», «кавказская идентичность» и «северокавказская идентичность» в процессе изучения культурно-цивилизационных процессов на Северном Кавказе, выявляя содержательные компоненты. Это – идеи диалога, толерантности, гуманизма, добра, справедливости, чести и мудрости и т.д... Переосмысливая эмпирические материалы, нами установлено, что «ценностное отношение проявлялось по отношению к «другому» (в широком смысле) и на разных уровнях – индивидуальном и социальном. В северокавказской идентичности человек – «кавказец» видел некоторую идеальную модель своей жизнедеятельности, имманентный регулятор деятельности, поведения и общения индивида на разных уровнях идентичности – этнической и религиозной. Исследуемый феномен является высшей ценностью бытия человека. Это гносеологический образ себя – «кавказца» [12, с. 185–191].

Безусловно, данный феномен, не являясь биологическим, представляет собой «историческую субстанцию» бытия этносов и формируется в пространстве Северного Кавказа. Социокультурные ценности, сформированные кавказской культурой, проявлялись через кавказскую идентичность.

Ныне кавказская культура оказалась разрушенной, сложившийся в ней ценностный потенциал не получает своего развития и не обогащается новым смыслом. Говоря об этом культурном феномене, мы не делаем попытку «мифологизировать или абсолютизировать культурное прошлое Северного Кавказа. Есть только стремление показать экзистенцию рассматриваемого феномена – ценностный потенциал» [12, с. 185–191]. Представляется, что критическое переосмысление культурно-исторических реалий Северного Кавказа активизирует историческую память и позволяет познать и понять смысл памяти – «что помнить» и «для чего»; преломить ценностный ресурс в современность и наполнить его новым содержанием. В процессе исследования идеального объекта воспроизводится изучаемый объект при помощи определенного теоретического инструментария – системы понятий и абстракций. Концептуализация изучаемого объекта – макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе – осуществляется нами с помощью базовых категорий «кавказская культура»,

«кавказская идентичность», «кавказская цивилизация», которые вызывают активные научные дискуссии среди кавказоведов страны с конца XX – начала XXI вв. Тем не менее, именно они раскрывают смысл и дают понимание социокультурного содержания рассматриваемого объекта.

Из вышесказанного следует, что ключевые положения, описывающие исследуемый идеализированный объект с помощью рассмотренных категорий и на основе определенной методологии – культурно-цивилизационной – составляют *базис или основу концепции макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе*.

Дальнейшее системное осмысление единства полиэтнического регионального сообщества позволило нашему исследовательскому коллективу «ввести в научный оборот понятие «многоуровневая идентичность», установить взаимодействие этнической, региональной, национальной, цивилизационной и геополитической идентичностей по принципу взаимной дополнительности; доказать, что идентичность несет в себе большой социальный потенциал» [13].

В рамках современной, постнеклассической науки в процессе перехода от вопросов онтологии к гносеологическим и аксиологическим смыслам идентичности нами исследуется проблема укрепления общероссийской национальной идентичности на Северном Кавказе. С этой целью осмысливаются вопросы макрорегиональной идентичности на другом социокультурном уровне бытия Северного Кавказа в новой реальности [14].

Несмотря на этническое многообразие и многообразие этнических идентичностей, народы Северного Кавказа являются носителями ряда объединяющих духовных и социокультурных ценностей, сполна непознанных и не используемых в практической /политической плоскости.

Следует отметить, что отношение к макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе разное: от неприятия до желания познать и понять. Многие эксперты, опровергают реальное существование макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе, руководствуясь подходом Б. Андерсона, считают ее «воображаемым сообществом», подобно тому как он рассматривает нацию: «это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [15, с. 30].

Что касается точки зрения самих кавказских народов, то на уровне самосознания каждый из них себя считает «кавказским» (но не северокавказским). Представляется, что мы получим экспертные ответы на эмпирические вызовы современности.

О ресурсном потенциале макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе

В условиях новой реальности имеет место кризис идентичности на индивидуальном и социальном уровнях, трансформируется ценностный социокультурный потенциал. В науке предлагаются разные модели выхода из этого кризиса, порой взаимоисключающие друг друга. Представляется, что заслуживает внимания и поддержки мнение И.С. Семененко: «Кризис идентичности воспринимается сегодня как норма. На путях его преодоления может формироваться открытая для социального взаимодействия *идентичность развития*, которая оказывается *неисчерпаемым нематериальным ресурсом*, источником роста человеческого потенциала...» [16, с. 24]. Совершенно справедливо отмечается важность и необходимость выявления «*возможности использования идентичности*

как нематериального ресурса общественного развития, прояснить вопрос о природе механизмов, которые могут запускать и поддерживать позитивный потенциал политики идентичности» [17, с. 14].

Выявление и направление развития ресурсного потенциала макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе, новых смыслов идентичности и объединяющих идентификационных маркеров может способствовать разрешению целого ряда социально-политических, социокультурных и экономических проблем региона и страны.

Представляется, что в понимании социокультурного феномена Кавказа и макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе важно учесть определенные исторические факты и попытаться объяснить культурно-цивилизационные трансформации, осуществляемые некоторыми политиками под прикрытием модернизации в ряде случаев, разрушившие цивилизационные ценности кавказских народов.

Одним из ключевых вопросов для отечественного исследователя является осмысление понимания сущности и функционирования макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе в условиях современных вызовов. При этом важно руководствоваться тем, что «...любые представления об обществе и человеке должны учитывать историческое развитие, целостность социальной жизни и включенность сознания в социальные процессы» [18, с. 41–42]. Другими словами, переосмысление «точек-событий» в рамках исторической реконструкции, выявление новых социокультурных смыслов, соотнесение с текущими реалиями позволит обнаружить новые «точки роста» в макрорегиональной системе. Это очень сложно, поскольку в социальном настоящем кавказского и северокавказского сообщества сохранились лишь «обломки и фрагменты исторического прошлого» (О.Н. Дамениа).

При определении параметров развития макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе в условиях современности наша исследовательская группа обращает внимание на два обстоятельства. *Первое* – понимание значимости этнического фактора и ценностного ресурса традиций, которые могут открыть новые горизонты и возможности для инновационного развития российских регионов. Ценности нематериального этнокультурного достояния и этнокультурных идентичностей в северокавказском пространстве осмысливаются не только в целях сохранения и развития этнических культур. Представляется не менее важным, *во-первых, активное «включение» их в социальные процессы и общественное развитие региона и страны; во-вторых, понимание эффективности работы социокультурных традиций на сплочение, единение региона и страны, а также на конструирование позитивной идентичности и укрепление российской национальной идентичности.*

Второе обстоятельство связано с пониманием смысла и роли социокультурных практик. Признавая существование в жизни множества социокультурных практик (от культурных и социальных до политических, религиозных и т.д.), вступающих в сложные взаимоотношения, следует нацелить их на формирование, выявление и возможности использования ресурсного потенциала макрорегиональной идентичности, определение новых форм и путей воздействия на консолидацию российского общества.

Содержательные компоненты макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе, обладающие ценностным социокультурным потенциалом, должны найти место и в политике идентичности, и политике развития. Представляется, что именно социокультурные практики

могут и должны разработать концепцию развития макро-региональной идентичности на Северном Кавказе, основанную на следующих ключевых элементах: политики идентичности, стратегических целях политики развития и потребностях региона.

Литература

1. Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / Под ред. В.А. Тишкова; составитель Б.А. Синанов, В.В. Тишков. – Москва: ИЭА РАН, 2021. – 311 с.
2. Кузнецова О. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4 – С. 112–125.
3. Ермаченко Ф.М. Исследование функциональности макрорегионов Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2020. № 9 (99). Часть 1. – С. 168–171.
4. Жаде З.А. Макрорегиональная идентичность в системе нематериальных ресурсов развития территорий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. – С. 252–259.
5. Шадже А.Ю., Шеуджен Э.А. Северокавказское общество: опыт системного анализа / Под ред. Р.Д. Хунагова. – М., 2004. – 216 с.
6. Семенов И.С. Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104 (S). – С. 79–87. – URL: <https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/1712>. (дата публикации: 12.08.2024).
7. Темботов А.К. Как сохранить биоразнообразие горного Кавказа? // Вестник РАН. – М., 1998. Т. 68. № 8. С. 741–745.
8. Шадже А.Ю., Дамения О.Н. Динамика социокультурных трансформаций на Северном Кавказе // Социально-гуманитарные знания. – М., 2002. № 5. – С. 59–71.
9. Дмитриев А.В. Предисловие // Очерки кавказской культуры. Майкоп: редакционно-издательский отдел Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2001. – С. 8–11.
10. Тхагапсоев Х.Г. Кавказская идентичность в процессах современной российской трансформации // Научная мысль Кавказа. 2007. № 1. – С. 32–41.
11. Дамения О.Н.К проблеме идентификации кавказской культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. 1998. № 1. – С. 55–60; *Он же*: Кавказская идентичность перед лицом нового глобального вызова: проблемы и перспективы // Власть. 2014. Том. 22. № 11. – С. 30–34.
12. Шадже А.Ю. Роль этнического фактора в миротворческом процессе (на примере Кавказа) // Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения МГИМО МИД России (23–24 мая 2000 г.) – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – С. 185–191.
13. Многоуровневая идентичность / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляшова, А. Шадже. – М.: Российское философское общество. Майкоп: ООО «Качество», 2006. – 245 с.
14. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляшова, А. Шадже // Под общ. ред. А.Ю. Шадже. – М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. – 248 с.
15. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. Ст.С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.
16. Семенов И.С. Идентичность как ресурс общественного развития // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2023. – С. 18–26.
17. Семенов И.С. Идентичность в мейнстриме политической науки и в фокусе публичной политики // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь мир», 2023. – С. 9–16.
18. Степин В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 37–43.

MACROREGIONAL IDENTITY IN THE NORTH CAUCASUS: AN EXPERIENCE OF CONCEPTUALIZATION¹

Shadzhe A.Yu.
Adyghe State University

The article analyzes the relevance of the problem of identity in the context of changes in the modern socio-political situation in Russia and in the world. It provides a rationale for the choice of theoretical and methodological foundations – an interdisciplinary approach – for the conceptualization of macro-regional identity in the North Caucasus. Revealing the content of the controversial concepts of «macroregion» and «macroregional identity», which have integrative characteristics, the specificity of the North Caucasian society is brought to light, and the cultural and civilization basis for the formation of macro-regional identity in the North Caucasus is analyzed. In the conceptual justification of the unity of the North Caucasian community and socio-cultural processes, the author refers to certain social foundations of a multi-ethnic society. Conceptualization of macro-regional identity in the North Caucasus is carried out by using the basic categories of «Caucasian culture», «Caucasian identity», «Caucasian civilization», which are debatable, but provide understanding of the unity of the socio-cultural space of the macro-regional North Caucasian system. The author notes that one of the key issues of the study is the identification of the resource potential of macro-regional identity and its transfer into practice. A conclusion is made about the possible parameters of the development of macro-regional identity in the North Caucasus in modern conditions, paying attention to the harmonious agreement between traditions and innovations in the process of their interaction and to the strengthening of the role of socio-cultural practices in identifying the new forms and ways of influencing the consolidation of the Russian society.

Keywords: macro-region, macro-regional identity, poly-ethnicity, conceptualization, Russian national identity, new challenges, consolidation, identity policy, interdisciplinarity.

References

1. Historical and Ethnocultural Topics in the Educational, Scientific, and Socio-Political Discourse of the North Caucasus / Ed. by V.A. Tishkov; compiled by B.A. Sinanov, V.V. Tishkov. – Moscow: IEA RAS, 2021. – 311 p.
2. Kuznetsova O. Alternative Approaches to Defining the Role of Russia's Macroregions in the Public Administration System // Federalism. 2019. No. 4 – Pp. 112–125.

¹ The study was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation as part of the state assignment for ASU research under the project No FENZ-2024–00049 «Macroregional Identity in the North Caucasus: Formation Practices, Development Potential, Impact on National Consolidation».

3. Ermachenko F.M. Study of the Functionality of Macroregions of the Russian Federation // International Research Journal. – Yekaterinburg, 2020. No. 9 (99). Part 1. – Pp. 168–171.
4. Zhade Z.A. Macroregional Identity in the System of Intangible Resources for Territorial Development // Public and Municipal Administration. Scientific notes. 2024. No. 3. – P. 252–259.
5. Shadzhe A. Yu., Sheudzhen E.A. North Caucasian society: an experience of systems analysis / Ed. by R.D. Khunagov. – M., 2004. – 216 p.
6. Semenenko I.S. Civilizational identity in the identity policy agenda: the changing world order and Russian priorities // Public administration. Electronic Bulletin. 2024. No. 104 (S). – P. 79–87. – URL: <https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/1712>. (date of publication: 12.08.2024).
7. Tembotov A.K. How to preserve the biodiversity of the mountainous Caucasus? // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – M., 1998. Vol. 68. No. 8. P. 741–745.
8. Shadzhe A. Yu., Damenina O.N. Dynamics of socio-cultural transformations in the North Caucasus // Social and humanitarian knowledge. – M., 2002. No. 5. – P. 59–71.
9. Dmitriev A.V. Preface // Essays on Caucasian culture. Maikop: editorial and publishing department of the Adyghe State University. – Maikop, 2001. – P. 8–11.
10. Tkhagapsoev H.G. Caucasian identity in the processes of modern Russian transformation // Scientific thought of the Caucasus. 2007. No. 1. – P. 32–41.
11. Damenina O.N. On the Problem of Identification of Caucasian Culture // Bulletin of Adyghe State University. 1998. No. 1. – P. 55–60; Also: Caucasian Identity in the Face of a New Global Challenge: Problems and Prospects // Vlast. 2014. Vol. 22. No. 11. – P. 30–34.
12. Shadzhe A. Yu. The Role of the Ethnic Factor in the Peacekeeping Process (on the Example of the Caucasus) // The World and Russia on the Threshold of the 21st Century: The Second Gorchakov Readings of MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (May 23–24, 2000) – Moscow: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN), 2001. – P. 185–191.
13. Multilevel Identity / Z. Zhade, E. Kukva, S. Lyauseva, A. Shadzhe. – M.: Russian Philosophical Society. Maykop: OOO “Quality”, 2006. – 245 p.
14. Russian Identity in the North Caucasus / Z. Zhade, E. Kukva, S. Lyauseva, A. Shadzhe // Under the general editorship of A. Yu. Shadzhe. – M.: Social and Humanitarian Knowledge; Maykop: OOO “Quality”, 2010. – 248 p.
15. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / Translated from English by V. Nikolaev; Introduction by S. Bankovskaya. – M.: “CANONpress-C”, “Kuchkovo Pole”, 2001. – 288 p.
16. Semenenko I.S. Identity as a Resource for Social Development // Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field / Ed. I.S. Semenenko / IMEMO RAS. – M.: Ves Mir Publishing House, 2023. – Pp. 18–26.
17. Semenenko I.S. Identity in the Mainstream of Political Science and in the Focus of Public Policy // Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field / Ed. I.S. Semenenko / IMEMO RAS. – M.: Ves Mir Publishing House, 2023. – Pp. 9–16.
18. Stepin V.S. Genesis of Social and Humanitarian Sciences (Philosophical and Methodological Aspects) // Questions of Philosophy. – 2004. – No. 3. – Pp. 37–43.

Компонент «Общественное голосование» Платформы обратной связи (ПОС) как объект доверия региональных операторов и инструмент взаимодействия власти и населения

Алексеев Михаил Сергеевич,

аспирант кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета
E-mail: amscocacola@mail.ru

«Общественное голосование» является одним из компонентов Платформы обратной связи (ПОС) – первым общефедеральным сервисом для подачи обращений и других форм взаимодействия с населением. В статье проводится анализ результатов внедрения компонента «Общественное голосование» через призму доверия региональных операторов. Используется авторская модель анализа факторов доверия к интернет-сервису, построенная на основе методологии теории рационального выбора, теории доверия как инкапсулированного интереса Рассела Хардина и концепции доверия Петра Штомпки. Эмпирическую базу исследования составили нормативно правовые акты, результаты медиаанализа и экспертного опроса. Делается вывод, что компонент имеет потенциал стать драйвером цифровой трансформации и центральным звеном экосистемы цифровых госкоммуникаций. Одним из условий успешного внедрения «Общественного голосования» и ПОС в целом автор видит в конструировании федеральными операторами доверия к платформе со стороны региональных операторов.

Ключевые слова: Платформа обратной связи, ПОС, доверие, взаимодействие власти и населения, «Общественное голосование», внедрение цифровых платформ.

Введение

Цифровизация государственного управления является одним из стратегических направлений развития российского государства и построения цифровой экономики [1]. Создание единого окна цифровой обратной связи между властью и населением определено одной из задач федерального проекта «Цифровое государственное управление» [2]. Помимо строго формализованной функции цифровизация ориентирует «сетевых граждан» на новые активности и приемы социально-политической коммуникации власти и населения. Для реализации этой задачи была разработана и продолжает развиваться Платформа обратной связи (ПОС), которая призвана стать общефедеральным сервисом для подачи обращений и других форм взаимодействия органов власти с населением.

Запрос органов публичного управления на внедрение многофункциональных цифровых сервисов обратной связи обусловлен необходимостью расширения общественного участия в управлении и конструирования доверительных отношений между властью и населением [3, с. 27]. Эта потребность согласуется с принципами концепции менеджмента публичных ценностей (public value management), в которой гражданин рассматривается не как безынициативный клиент, а как полноценный актор политического поля, который помимо персональных представляет также интересы консолидированного сообщества. По мнению ряда российских исследователей, ввиду чрезмерного доминирования государства в публичной сфере и недостаточной согласованности действий гражданских активистов, вопрос актуальности применения этого подхода в государственном управлении остро стоит перед российским обществом [4, с. 325].

Внедрение доступных и комфортных для пользователя сервисов обратной связи способствует наметившемуся этапу перехода от политики выгрузки открытых данных о работе государства к реальным формам транспарентности власти [5]. Результативное функционирование общефедеральной платформы обратной связи позволяет повысить открытость ситуации в регионах для федерального центра, что должно быть особенно востребовано для крупного федеративного государства. Подобные цифровые платформы также способны предоставлять огромное количество данных, которые могут способствовать улучшению качества управленческих решений на разных уровнях управления и этапах управленческого цикла.

Переход платформы из опытной эксплуатации в режим полноценного функционирования сталкивается с некоторыми трудностями, что, в частности, проявляется в существенно неравномерном объёме её внедрения в субъектах РФ. В регионах ПОС сталкивается с конкурирующими региональными сервисами обратной связи и недостаточным участием граждан [6]. Вместе с тем успешность продвижения ПОС зависит не только от действий федеральных властей, но и от особенностей её восприятия («понимания») региональными операторами, являющимися полноценными акторами

внедрения со своими интересами и отношением к платформе. Это диктует потребность в применении органами власти и исследователями нестандартных методов поиска и анализа факторов, препятствующих внедрению интернет-сервиса.

Платформы обратной связи часто рассматриваются как инструмент конструирования доверительных отношений в системе отношений «власть-население», однако сами редко анализируются как содержательный объект доверия. Конечным субъектом доверия ПОС являются пользователи (население), однако её эффективное внедрение также требует доверия региональных операторов. *Цель статьи* – анализ практических результатов внедрения компонента «Общественное голосование» Платформы обратной связи (ПОС) через призму доверия региональных операторов.

Методы и материалы

Исследование построено вокруг гипотезы ключевого влияния доверия региональных операторов к Платформе обратной связи на результаты её внедрения в отдельных регионах и стране в целом. Под операторами мы понимаем ответственных за внедрение представителей региональной власти, а также лиц, непосредственно работающих с платформой. С учётом специфики организации региональной власти интересы вторых (исполнителей) по внедрению платформы должны быть как минимум частично инкапсулированы в интересы первых (представителей власти), что позволяет рассматривать их как некий единый субъект, отличный от представителей федеральной власти и конечных пользователей платформы.

В статье используется авторская модель анализа факторов доверия пользователей к интернет-сервису [7], построенная на основе методологии теории рационального выбора Джеймса Коулмена [8, р. 119–503], теории доверия как инкапсулированного интереса Рассела Хардина [9] и концепции доверия Петра Штомпки [10]. Под доверием понимается социальное действие, актуализирующее риск (ставку доверия), направленное на получение определенного позитивного результата (выигрыша доверия), обоснованного сформированными (рассчитанными) ожиданиями от неопределённых действий других людей. Авторская модель выделяет три группы факторов доверия: 1) факторы оценки выигрыша; 2) факторы оценки ставки; 3) факторы оценки надёжности объекта доверия. Обоснование доверия оператора к платформе представляется как теоретический акт расчёта доверия, включающий оценку всех трёх групп факторов.

Основой функционирования Платформы обратной связи является техническая система. Хотя феномен доверия к технике активно изучался со второй половины XX века и по-прежнему вызывает широкий интерес [11, с. 43], в научной литературе не существует единой позиции относительно допустимости рассмотрения технических систем как объекта доверия. На наш взгляд, природа и сущность доверия носят исключительно социальный характер. Однако, мы согласны с позицией П. Штомпки, по которой любую сложную систему можно рассматривать как объект доверия, если её создание или работа зависит от действия отдельных людей [10, с. 123]. В статье мы рассматриваем платформу как социотехническую систему, обоснование ожиданий от работы которой пользователь может свести к действиям хоть и, как правило, неконкретных, но определённых людей.

Эмпирическую базу исследования составили: 1) нормативно правовые акты, регулирующие внедрение Платформы обратной связи; 2) результаты рейтингования регионов по внедрению Платформы обратной связи, про-

водимого Минцифрой РФ; 3) результаты медиаанализа внедрения Платформы обратной связи на территории Кемеровской области – Кузбасса за период с января по июнь 2024 г. Дополнительным источником информации послужил экспертный опрос, проведённый методом анкетирования в августе 2024 г. (n=41 чел.). Экспертами стали лица, принимавшие участие в апробации Платформы обратной связи с 2021 по 2024 гг. из 8 российских федеральных округов.

Компонент «Общественное голосование» ПОС как инструмент взаимодействия власти и населения

Платформа обратной связи построена на экосистеме Единого портала государственных и муниципальных услуг и включает четыре компонента: работа с сообщениями и обращениями; работа с сообщениями из открытых источников («Инцидент Менеджмент»); «Госпаблики» и «Общественное голосование» (далее – «ОГ»). Основной функционал отдельных компонентов платформы представлен в таблице 1.

Таблица 1. Функционал компонентов Платформы обратной связи

Компонент	Основной функционал
Работа с сообщениями и обращениями	Прием и работа с сообщениями, обращениями граждан и юридических лиц, поступающих непосредственно через платформу
Работа с сообщениями из открытых источников («Инцидент Менеджмент»)	Выявление, регистрация и работа с сообщениями из социальных сетей и мессенджеров
«Госпаблики»	Автоматизация и стандартизация информирования граждан через официальные страницы органов публичной власти
«Общественное голосование»	Выявление мнения жителей и участие населения в управлении

Все компоненты ПОС направлены на организацию взаимодействия власти и населения, однако они предоставляют разные возможности для интеракции и вовлечения населения в процессы управления. Е.Г. Смолина выделяет четыре уровня взаимодействия власти и населения: 1) уровень информирования; 2) уровень консультирования; 3) уровень партнерства; 4) уровень гражданского управления [12, с. 155]. Именно компонент ОГ в первую очередь направлен на реализацию форм взаимодействия, характеризующихся высокой степенью активности и глубины участия граждан, которые можно отнести к уровням партнерства и гражданского участия. При этом в информационном пространстве и научной литературе компонент ОГ несправедливо обделён вниманием, при описании ПОС он либо не упоминается, либо подаётся как второстепенный элемент.

На данный момент компонент ОГ содержит 9 основных модулей, созданных для организации мероприятий взаимодействия с населением (таблица 2). Модули предоставляют возможности по проведению мероприятий обратной связи, которые отличаются целевым назначением, уровнем стандартизации при конструировании форм для заполнения и деталями алгоритма реализации процесса.

Таблица 2. Модули компонента «Общественное голосование»

Модуль компонента ОГ	Уровень стандартизации формы и алгоритма	Целевое назначение
Опросы	Низкий	Сбор мнений и оценка; исследование
Обсуждения	Средний	Сбор мнений и оценка
Прямые линии	Средний	Информирование о мероприятии; проведения прямых эфиров и сбор вопросов
Инициативные проекты	Высокий	Информирование о мероприятии; сбор мнений и оценка
Общественные обсуждения и публичные слушания	Высокий	Информирование о мероприятии; сбор мнений
Рейтингование проектов	Высокий	Информирование о мероприятии; приём объектов для оценки; принятие решения
Голосования по проектам	Высокий	Информирование о мероприятии; принятие решения
Голосования по объектам благоустройства	Высокий	Информирование о мероприятии; приём объектов для оценки; принятие решения
Голосования по объектам благоустройства ФКГС	Высокий	Информирование о мероприятии; приём объектов для оценки; принятие решения

Наибольшую свободу предоставляет модуль «Опросы», его функционал схож с базовыми возможностями специализированных платформ для проведения социологических исследований и может быть использован для разных сценариев: от сугубо развлекательных до исследовательских. Модуль «Обсуждения» обладает несколько усечённым функционалом и подходит для сбора мнений о конкретных управленческих инициативах, проектах нормативно правовых актов и т.п. Сильно выделяется из общей массы модуль «Прямые линии», он позволяет информировать пользователей о проведении прямых эфиров с представителями органов власти, собирать вопросы и смотреть трансляции через интерфейс платформы. Полученные через модуль вопросы к прямой линии система передаёт в компонент работы с сообщениями и обращениями. Вероятно, архитекторы отнесли этот модуль к компоненту «ОГ» поскольку подразумевается, что вопросы граждан к прямой линии должны определять её содержание.

Остальные перечисленные в таблице модули характеризуются узко специализированной направленностью и высокой степенью унификации проводимых с их помощью мероприятий. Выделение большого количества таких модулей связано с желанием архитекторов оцифровать стандартизированные процессы обратной свя-

зи, имеющие нормативно-правовые основания и ограничения. Например, модуль «Общественные обсуждения и публичные слушания» создан для реализации права граждан на общественный контроль посредством обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения. Базовые требования к организации этого мероприятия, отступление от которых невозможно, закреплены в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [13], а применительно к использованию для этих целей Платформы обратной связи конкретизированы в Правилах, утверждённых Постановлением Правительства РФ от 3 февраля 2022 г. № 101 [14]. Поскольку законодательство задаёт строгие рамки организации процесса, создание отдельного модуля для проведения общественных обсуждений и публичных слушаний выглядит вполне обоснованным. Как и многие другие мероприятия модулей компонента ОГ, общественные обсуждения часто проходят параллельно в офлайн и онлайн форматах, происходит столкновение форматов и форм традиционной и сетевой коммуникации [15], которые могут находиться в отношениях определенной конкуренции.

Таким образом, компонент ОГ предоставляет широкий функционал, который с одной стороны позволяет оптимизировать и повысить доступность стандартизированных процессов обратной связи за счёт цифровизации, а с другой стороны позволяет проводить уникальные мероприятия, сложно реализуемые в офлайн-формате. Все модули компонента направлены на выявление мнения граждан и могут быть использованы для разных форматов вовлечения населения в управление и для легитимации управленческих решений. Однако отметим, что в отличие от компонентов, созданных для работы с сообщениями и обращениями, все активности компонента ОГ иницируются исключительно уполномоченными лицами органов власти, что проявляет некую степень опциональности участия население в процессах управления государством и отсутствие инструментов для мобилизации инициатив или активностей снизу-вверх. Перспективным видится возможность создания на ПОС возможности объединения граждан в группы для самостоятельного инициирования проектов и внесения «общественных заготовок» законодательных инициатив.

Внедрение компонента «Общественное голосование»

Анализ документов. Оценка эффективности внедрения Платформы обратной связи требует понимания того, какие цели ставились архитекторами при разработке и перед началом внедрения платформы. Одним из правовых оснований общефедерального внедрения платформы является Перечень поручений Президента по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления 30 января 2020 года [16]. В соответствии с п. 3 документа Правительству РФ совместно с регионами и АНО «Диалог» необходимо было предусмотреть разработку и использование единой цифровой платформы обратной связи. По смыслу Поручения ПОС должна была стать универсальной общефедеральной цифровой платформой обратной связи с одинаковым пользовательским интерфейсом и стандартами работы операторов.

В Постановлении Правительства РФ от 16.11.2020 № 1844 [17] были установлены плановые показатели эффективности деятельности Центров управления регионами (ЦУР), достижение значительной части из них зависит от результатов внедрения Платформы обратной связи. Из них два показателя (в ред. от 09.12.2023)

прямо связаны с компонентом ОГ: «доля публичных слушаний, проведённых с использованием платформы обратной связи» и «доля решений, принятых с участием жителей субъекта через платформу обратной связи». К 2030 г. значение первого показателя должно составлять не менее 80%, а значение второго – 100%. Таким образом, с точки зрения авторов документа все опросы, обсуждения, голосования и другие формы выявления мнения населения, результаты которых планируется использовать как основание для принятия решений, должны проводиться с использованием ПОС. Это должно способствовать обеспечению равных возможностей для участия жителей в подготовке и принятии управленческих решений.

Более детальные и динамичные показатели эффективности внедрения платформы можно обнаружить в рейтингах субъектов РФ по внедрению ПОС, ежемесячно публикуемые на сайте Минцифры России с апреля 2023 года [18]. По их данным за 2023 г. в мероприятиях «ОГ» приняло участие 7,3 млн уникальных пользователей, что можно назвать значительным достижением. Однако возникает вопрос, сколько из этих пользователей приняли участие исключительно в голосовании по проекту «ФКГС». Продвижение проекта имело определённый успех, хоть и во многом обусловленный мобилизацией регионального и местного административного ресурса, вызванной бдительным контролем над соблюдением федеральных рекомендаций и требований [19]. В рейтинге за июль 2023 г., который был сформирован после окончания голосований по проектам «ФКГС», показатель активности составлял уже 5,7 млн уникальных пользователей, что составляет 78% от итоговых результатов года. По результатам 2 месяцев 2024 г. количество уникальных пользователей составило всего 150 тыс., а уже в следующем месяце превысило 3,4 млн (основной период голосования прошёл вместе с выборами Президента РФ с 15 по 17 марта 2024 г.). Это подтверждают тезисы о том, что административный ресурс способен играть существенную роль во внедрении платформы, а голосования «ФКГС» являются локомотивом достижения показателей эффективности применительно к компоненту ОГ.

Результаты рейтинга за 2023 г. также свидетельствуют о серьёзном разрыве в уровне внедрения ПОС в субъектах РФ и в особенности компонента ОГ. Для примера, у лидера рейтинга по внедрению компонента ОГ – Калужской области 7% населения старше 14 лет приняли участие в мероприятиях в качестве уникальных пользователей, тогда как у аутсайдера рейтинга – Республики Ингушетии – менее 1%. А значение другого показателя – доля публичных слушаний, проведённых с использованием ПОС, варьируется максимально широко – от 0 до 100%.

Остановимся на внедрении компонента «ОГ» в отдельном субъекте – Кемеровской области – Кузбассе. По показателям рейтинга внедрения компонента Кузбасс является уверенным середнячком: по итогам 2023 г. Кузбасс занимал 39 позицию в рейтинге внедрения компонента ОГ, а на май 2024 г. – 36. Более подробный анализ показателей рейтинга и практический опыт автора позволяют выделить несколько трендов внедрения платформы в регионе:

1) все исполнительные органы субъекта и органы местного самоуправления подключены к ПОС в части проведения мероприятий компонента «ОГ». Большинство из органов создавали хотя бы одну активность на платформе, более активны в этом органы местного самоуправления;

2) наблюдается рост количественных показателей внедрения компонента, однако проведение большинства

мероприятий не сопровождается реальным вовлечением населения. Так, по состоянию на июль 2024 г., на территории субъекта в 90% опросах, проведённых с помощью модуля компонента «ОГ», принимает участие менее 30 человек, а в более половины из них не принял участие ни один пользователь;

3) как и в случае общероссийских показателей, голосование по проектам «ФКГС» является модулем с наибольшей вовлечённостью пользователей. Некоторым проведённым мероприятиям модуля «Опросы» также удалось собрать несколько тысяч участников, что свидетельствует о том, что при должном продвижении мероприятия компонента могут охватывать большую аудиторию.

Таким образом, большинство мероприятий компонента «ОГ» проводятся скорее для выполнения формальных показателей. Это во многом обусловлено внедрением платформы сверху вниз посредством административного давления. Минцифры РФ ставит задачи по внедрению платформы регионам, которые, не желая замыкать федеральные рейтинги, транслируют задачи на свои исполнительные органы и органы местного самоуправления. По итогу, достижение абстрактных числовых показателей внедрения платформы возлагают на рядовых исполнителей, которые, как правило, относятся к ним как к поступившим извне опциональным задачам, не связанным с деятельностью их органа, что приводит к доминированию формального подхода при их выполнении. Если сотрудники будут ориентироваться исключительно на количество проведённых мероприятий или привлечённых пользователей, качество выполнения задач может пострадать, а действия по их достижению, вероятно будут основаны на имитационных практиках, в которых реальные значения и смыслы подменяются формальным воспроизведением процедур, позволяющим за счёт алгоритмизации упростить достижение показателей [20].

Медиааналитика. Массовое внедрение современной цифровой платформы труднодостижимо без её продвижения в пользовательской среде через интернет-СМИ и в особенности социальные сети. Перед изложением результатов медиаанализа обозначим способы, с помощью которых пользователь может узнать о проведении мероприятия компонента «ОГ». Во-первых, пользователь может ознакомиться со списком доступных для прохождения мероприятий через сайт ПОС (<https://pos.gosuslugi.ru/lkp>), перейдя по одному из виджетов «Высказать мнение», которые размещены на сайтах и официальных страницах в социальных сетях всех органов публичной власти, или в мобильном приложении «Госуслуги Решаем вместе». Отметим, что эти способы скорее рассчитаны на аудиторию, использующую сервисы Единого портала госуслуг или официальные источники информации о деятельности органов власти, и испытывающую по отношению к ним базовый уровень доверия. Во-вторых, пользователь может перейти по ссылке, ведущей к конкретному мероприятию «ОГ», которая может быть распространена через любой цифровой канал передачи информации. Такой способ позволяет привлечь аудиторию, заинтересованную участвовать в отдельном мероприятии, даже если она не знакома с функционалом «ПОС» и не получает информацию через официальные источники.

Для медиаанализа использовалась автоматизированная система мониторинга СМИ и социальных сетей «Медиаалогия» (<http://www.mlg.ru/>), позволяющая проводить поиск и анализ сообщений (публикаций, комментариев и др.) за заданный период по широкому кругу информационных объектов [21, с. 58]. Для анализа сообщений с упоминанием Платформы обратной связи был

выбран шестимесячный период с 1 января по 30 июня 2024 г., поиск был ограничен региональным информационным пространством Кузбасса. Исходя из ограничений системы анализ поведился отдельно для СМИ и социальных медиа.

Всего за заданный период в интернет-СМИ было опубликовано 415 сообщений (оригинальных – 199) с упоминанием Платформы обратной связи. Для оценки этих показателей мы сравнили их с показателями упоминаемости региональной Платформы обратной связи «Кузбасс Онлайн», имеющей пересекающийся с ПОС функционал: за аналогичный период было опубликовано 1810 сообщений (оригинальных – 1235). Таким образом, количество сообщений с упоминанием региональной платформы превысило количество сообщений с упоминанием ПОС в 4 раза, а если брать только уникальные сообщения – в 6 раз. Это свидетельствует о наличии конкуренции между Платформами обратной связи в региональном информационном пространстве. Для анализа содержания были выделены и рассчитаны категории сообщений с упоминанием в СМИ Платформы обратной связи (таблица 3). Более половины сообщений (53%) посвящены проекту «ФКГС», 28% компоненту работы с сообщениями и обращениями, 7% – голосованию за «культурную столицу» (ещё один федеральный проект). Функционал модуля «ОГ» освещается в 4% сообщений, а продвижение региональных и муниципальных мероприятий компонента лишь в 3%. Таким образом, исключая продвижение федеральных проектов, при освещении в СМИ компоненту «ОГ» отводится второстепенная роль.

Таблица 3. Содержание сообщений в СМИ с упоминанием ПОС (Кузбасс)

Категория	Количество сообщений	% сообщений
Приглашение к участию и освещение результатов проекта «ФКГС»	218	53%
Обзор и продвижение компонента работы с сообщениями и обращениями	116	28%
Продвижение федерального голосования за культурную столицу 2026 г.	28	7%
Обзор функционала модуля «ОГ»	15	4%
Продвижение регионального или муниципального мероприятия компонента «ОГ»	14	3%
Другое	17	4%

Более детальный и структурированный анализ сообщений система «Медиалогия» позволяет провести в социальных медиа. Всего за 6 месяцев в социальных сетях и мессенджерах было опубликовано 15089 сообщений с упоминанием ПОС. Общее количество просмотров – 1,7 млн, а коэффициент вовлеченности (ER) составил 1,8%. Это относительно невысокие значения медиа показателей, свидетельствующие о неэффективном продвижении и отсутствии интереса пользователей. Отметим, что большую вовлеченность, как правило, показывали уникальные публикации с описанием того, как пользователи могут конкретно повлиять на управленческие про-

цессы или решение какой-либо проблемы. Например, в случае распространения публикаций о предстоящем голосовании по проекту «ФКГС» в городских сообществах, такие сообщения содержали перечень объектов доступных для голосования в конкретном муниципалитете, а не только призыв ознакомиться с этим списком на самой платформе.

Более 90% сообщений опубликовано на официальных страницах и, очевидно, было автоматизировано распространено через компонент ПОС «Госпблики». Этот тезис также подтверждает большое количество не уникальных и неадаптированных публикаций, 78% сообщений имеют более 100 дубликатов. Структура по цифровым площадкам: ВКонтакте – 82%; Одноклассники – 15%; Телеграм – 3%. Распределение сообщений по месяцам публикации неравномерное, 75% сообщений приходится на март-апрель (период проведения «ФКГС»).

Для анализа содержания сообщений в социальных сетях использовался метод социально- сетевого анализа (Social Network Analysis). Массив всех сообщений был предварительно обработан и при помощи программного пакета Gephi представлен в виде сети соупоминаний. Сеть соупоминаний – это визуальное представление наиболее часто встречающихся слов вокруг выбранного объекта анализа, связь которого с другими словами (узлами) определяется количеством их совместного упоминания в сообщениях. Сеть соупоминаний по объекту ПОС представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Сеть соупоминаний по объекту Платформа обратной связи (ПОС), 2024 г., построено в Gephi

Анализ сети соупоминаний показывает, что в социальных сетях содержание и структура сообщений с упоминанием ПОС в целом соответствует ситуации в СМИ. Основные кластеры сети связаны с упоминанием проекта «ФКГС» (левый оранжевый) и компонента работы с сообщениями и обращениями (верхний фиолетовый). Также выделяется кластер упоминаний мобильного приложения «Госуслуги Решаем вместе» (нижний зелёный). Наиболее устойчивая связь объекта с узлом «ЕПГУ» (не образует кластер) свидетельствует о том, что ПОС активно и открыто позиционируется как часть экосистемы Единого портала государственных и муниципальных услуг.

Экспертный опрос. Результаты экспертного опроса подтверждают второстепенность внедрения компонента «ОГ» по сравнению с другими компонентами ПОС. Экспертов попросили оценить по пятибалльной шкале три связанных с внедрением показателя в разрезе отдельных компонентов Платформы: 1) активность внедрения и административного давления со стороны федеральных властей; 2) заинтересованность во внедрении со стороны региональной власти; 3) полезность для развития государственного и муниципального управления (таблица 4).

Таблица 4. Экспертная оценка активности внедрения со стороны федеральной власти, заинтересованности региональных властей и полезности отдельных компонентов ПОС, среднее арифметическое (экспертный опрос, 2024 г., n=41)

Компонент	Активность внедрения	Заинтересованность региона	Полезность
Работа с сообщениями и обращениями	4,1	3,7	4,5
«Инцидент Менеджмент»	4,3	4,1	4,4
«Госспублики»	4,5	3,9	3,7
«Общественное голосование»	3,1	2,8	3,4

Компонент «ОГ» получил наименьшие оценки по всем пунктам, тогда как позиции по оценке показателей других компонентов различались. Ниже всего эксперты оценили заинтересованность региона во внедрении компонента «ОГ» (2,8 балла), что, вероятно, в том числе коррелирует с относительно меньшими активностью и административным давлением со стороны федеральных властей. Хотя оценки полезности компонента «ОГ» также получила наименьшую оценку в сравнении с другими компонентами платформы, подчеркнем, что разница в оценке этого показателя менее значительная. Также отметим, что эксперты, проживающие в регионах, в которых функционируют конкурирующие с ПОС региональные платформы обратной связи, оценивают полезность компонента «ОГ» выше (3,6 vs 3,2). Это может свидетельствовать о признании экспертами уникальности функционала компонента.

Таблица 5. Топ-10 факторов, препятствующих внедрению компонента «ОГ» (экспертный опрос, 2024 г., n=41)

Фактор препятствия	Кол-во ответов
Сложности с привлечением населения к участию в мероприятиях	21
Население несерьёзно подходит к участию в голосованиях	19
Отсутствие компетенций по созданию активностей у непосредственных операторов компонента	15
Функционала компонента недостаточно для качественного проведения голосований	13
Высокая нагрузка на сотрудников, ответственных за проведение голосований	11
Внешняя «навязанность» использования Платформы	10
Платформа обладает неудобным интерфейсом или не эргономична	9
Отсутствие цифровой инфраструктуры в регионе	6
В регионе функционируют другие платформы обратной связи (конкурируют с ПОС)	5
Результаты голосований «связывают руки» органам власти	5

Среди факторов, отмеченных экспертами как препятствующие внедрению компонента «ОГ», можно выделить три основные группы: 1) проблемы, связанные с привлечением и участием пользователей в мероприя-

тиях компонента; 2) проблемы, связанные с работой непосредственных операторов платформы; 3) проблемы, связанные с недостаточным функционалом и интерфейсом платформы (таблица 5).

Резюмируя анализ эмпирических данных, можно сделать следующие выводы по внедрению компонента «ОГ». Во-первых, несмотря на некоторое административное давление со стороны федерального центра существует серьёзный разрыв в уровне внедрения компонента в регионах РФ. Во-вторых, компонент «ОГ» продвигается и воспринимается региональными операторами скорее как второстепенный элемент Платформы обратной связи. В-третьих, модуль голосования по проектам «ФКГС» является флагом компонента, наиболее ярко освещаемым в информационном пространстве и вносящим основной вклад в рост количества пользователей компонента. В-четвертых, важными факторами, препятствующими внедрению компонента, является низкая заинтересованность региональных властей и сложности с привлечением населения к участию в мероприятиях.

Факторы доверия оператора к компоненту «Общественное голосование»

Сложности с внедрением любого цифрового продукта можно попытаться объяснить через призму доверия. Концептуализируя доверие как рациональное действие, появляется возможность рассмотреть любой интернет-сервис как объект дилеммы доверия. Хотя Платформа обратной связи является во многом уникальным сервисом, определение доверия к ней проходит на основании универсальных факторов расчёта доверия: факторов оценки выигрыша, факторов оценки ставки и факторов оценки надёжности. [7]. Далее мы выделим основные факторы доверия (недоверия), препятствующие внедрению компонента «ОГ».

Факторы оценки выигрыша доверия. Отказ от активных действий по внедрению может быть обусловлен тем, что региональные операторы не обнаруживают выигрыша от использования платформы. Результаты экспертного опроса свидетельствуют о значимости этой группы факторов: 80% опрошенных (33 из 41) отметили, что, если исключить административное давление со стороны федерального центра, региональная власть скорее *не заинтересована* во внедрении компонента «ОГ» ПОС. Поскольку компонент «ОГ» находится в регионах в условиях слабой конкуренции (либо полного её отсутствия), восприятие выигрыша будет основано на общем отношении к необходимости организации обратной связи с населением. В отличие от компонента работы с сообщениями и обращениями, компонент «ОГ», как правило, не имеет в регионах конкурентных сервисов со схожим функционалом (исключение составляют разве что различные опросные платформы, позволяющие провести некоторые аналоги мероприятий, реализуемых на большинстве модулей компонента «ОГ»).

Если операторы не обнаруживают пользы от организации обратной связи с населением, они не будут заинтересованы в использовании любой платформы, что является вопросом доверия власти населению, а не платформе. Власти могут не только не видеть выигрыша от высокоуровневых форм взаимодействия с населением, но и рассматривать их организацию как угрозу сложившейся системы управления. Г.Л. Кертман отмечает, что в условиях российской патерналистской политической культуры, любое вовлечение населения в управление может рассматриваться, как признак неспособности власти самостоятельно справляться со своими задачами [22, с. 154]. Региональный чиновник может ожидать та-

кой оценки от населения, собственного руководства или властей другого уровня.

С другой стороны, если органы власти заинтересованы во взаимодействии с населением, выигрыш от использования Платформы вполне очевиден. По сравнению с офлайн альтернативами, проведение мероприятий на цифровой платформе требует значительно меньше ресурсов и времени. Например, голосование по выбору объекта для благоустройства может быть проведено на платформе силами одного специалиста за несколько дней, тогда как организация этого мероприятия в офлайн, потребовала бы расходов, сравнимых с проведением локальной избирательной кампании, а процедура подведения результатов значительно затянулась бы из-за необходимости подсчёта голосов. Для операторов важным преимуществом использование ПОС может являться обязательная необходимость авторизации всех пользователей через ЕСИА (аккаунт на Госуслугах) и возможность ограничить доступ к мероприятиям в зависимости от регистрации по месту жительства и социально-демографических характеристиках пользователя. Это позволит минимизировать вероятность накруток и попадания в выборку аудитории не являющейся частью генеральной совокупности.

Факторы оценки ставки доверия. Среди факторов, препятствующих доверию компонента «ОГ», более явно выделяются факторы ставки доверия. Это осознанные оператором риски, актуализирующиеся из-за использования Платформы. Во-первых, можно отметить, что информация о результатах проведения мероприятий компонента «ОГ», как минимум частично доступна для федеральных органов власти. Результаты использования платформы могут подсветить некоторые местные проблемы или проявить нелестные оценки, что региональной властью может рассматриваться как существенная угроза собственной безопасности. Во-вторых, результаты общественных голосований могут рассматриваться как «связывающие руки». Мнение населения может не совпадать с мнением власти и экспертов, противоречить бизнес-интересам или объективно расходиться с реальностью. Если есть потребность выявить мнение граждан по какому-либо вопросу, безопаснее будет провести это в таких формах, где результаты никому не будут доступны, и в случае необходимости можно будет проигнорировать их или внести необходимую «корректировку».

В-третьих, для лиц, непосредственно работающих с платформой, создание активностей может являться относительно новой и сложной деятельностью, требующей значительных затрат времени и когнитивных усилий. Как правило, обязанности по работе с компонентом «ОГ» возлагают на пресс-секретарей или специалистов, работающих с обращениями, тогда как проведение мероприятий зачастую требует компетенций, основанных на отраслевых, юридических и социологических знаниях. Освоение новых компетенций, слабо связанных с основной деятельностью, может рассматриваться специалистом как риск неоправданной потери времени, что приведёт к отказу от использования компонента в отсутствие должного административного давления.

Факторы оценки надёжности объекта доверия. В обобщённом виде надёжность компонента «ОГ» ПОС представляет собой связанные с получением выигрыша и оправдания ставки доверия, позитивные ожидания от использования интернет-сервиса, которые основаны на субъективном знании о его сущности и работе. Основанием позитивных ожиданий от любого объекта доверия являются оценка инструментальных и мотивационных аспектов надёжности отдельных людей [10, р. 54].

Для региональных операторов ожидания от Платформы будут зависеть от действий двух групп акторов – федеральных операторов и пользователей (населения).

В обобщённом виде федеральные операторы являются верхнеуровневыми пользователями, обладающими наибольшими правами и определяющим правила игры. Как отмечает Рассел Хардин, зависимость и неравные полномочия разумно обосновывают презумпцию отсутствия доверия [10, р. 102]. Преодоление презумпции затрудняется в случае отсутствия прозрачности и наличия сложностей с оценкой мотивационного аспекта надёжности субъекта, что часто характерно для диспозиции политических отношений. Как упоминалось выше, для региональных операторов использование Платформы может актуализировать риски, связанные с доступностью информации для федеральных акторов и обнажением региональных или организационных проблем. Степень влияния этого фактора на расчёт доверия будет зависеть от того, как субъект доверия будет представлять себе обобщённые интересы федеральных операторов, которые, очевидно, могут не совпадать с его интересами. Отсутствие осознания инкапсуляции интересов федеральных и региональных операторов будет препятствовать доверию Платформе. Таким образом, оценка надёжности федеральных агентов скорее всего будет основана на мотивационном аспекте. При этом доверие к Платформе требует согласования интересов между всеми участниками и посредниками внедрения: от федеральных акторов до рядовых исполнителей.

В оценке надёжности пользователей сложно выделить доминирование мотивационного или инструментального аспекта. Почти половина экспертов отметила несерьёзное отношение населения как фактор, препятствующий успешному внедрению компонента «ОГ». Этот факт имеет теоретическое обоснование, не ограничивающееся возможной недооценкой вовлечённости населения. В отличие от компонентов работы с обращениями и сообщениями, участие пользователя в мероприятиях Общественного голосования зачастую направлено на реализацию общественных интересов, выигрыш от которых не является очевидным для отдельного человека и, как правило, отложен во времени. Участие пользователя в мероприятиях «Общественного голосования» также может требовать специальных знаний и навыков, а также способности ориентироваться в политическом поле. Компонент «ОГ» является современным инструментом, способным обеспечить открытое и инициативное участие граждан в общественной жизни региона и государства, что, однако, требует высокого уровня политической культуры и свидетельств компетенций пользователей [23, с. 133].

Выводы

Компонент «Общественное голосование», являющийся подсистемой Платформы обратной связи, предоставляет широкий функционал по выявлению мнения жителей и организации мероприятий для принятия управленческих решений. Он имеет потенциал стать драйвером цифровой трансформации и центральным звеном экосистемы цифровых госкоммуникаций, обеспечивающими синергический эффект проактивного участия населения в общественной и политической жизни. Однако успехи регионов по внедрению компонента существенно различаются, а результат в целом нельзя назвать определённо успешным. В СМИ и социальных медиа «ОГ» позиционируется преимущественно как второстепенный элемент ПОС, а административное давление приводит к тому, что регионы сосредоточились на достижении ко-

личественных показателей, что зачастую является лишь имитацией активного использования. Эксперты отмечают относительно низкую заинтересованность региональных властей и сложности мобилизации населения к участию в мероприятиях компонента. Федеральным операторам необходимо убедить регионы, что выгоды от использования компонента превышают возможные издержки и предложить стратегию внедрения компонента инкапсулирующие интересы всех акторов.

Литература

1. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 1.11.2024).
2. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 1.11.2024).
3. Соколов А.В., Комаров О.Е. Цифровые платформы обратной связи // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 26–37.
4. Пушкарёва Г.В. Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 312–329.
5. Moore S. Towards a Sociology of Institutional Transparency: Openness, Deception and the Problem of Public Trust // *Sociology*. 2017. Vol. 52, № 2. P. 416–430.
6. Платформа обратной связи (ПОС). Материалы. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1058> (дата обращения: 15.10.2024).
7. Алексеев М.С. Доверие пользователя к интернет-сервисам: теоретические основы расчета // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2. № 2. С. 98–104.
8. Coleman J.S. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap, 1990. 993 p.
9. Hardin R. *Trust and Trustworthiness*. New-York: Russell Sage Foundation, 2002. 256 p.
10. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2016. 440 с.
11. Акимова А.Ю. Доверие и недоверие человека технике: социально-психологический подход. М.: Издво «Институт психологии РАН», 2020. 287 с.
12. Смолина Е.Г. Уровни и формы взаимодействия органов исполнительной власти и населения в интернет-пространстве (на примере г. Волгограда) // *Colloquium-journal*. 2020. № 2 (54). С. 154–155.
13. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 1.11.2024).
14. Постановление Правительства РФ от 03.02.2022 № 101 «Об утверждении Правил использования федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» в целях организации и проведения публичных слушаний». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 1.11.2024).
15. Головацкий Е.В., Кранзеева Е.А., Донова И.В., Бурмакина А.Л., Степанов И.Ю. Цифровые перспективы социальной и политической мобилизации региональных сетевых сообществ Кузбасса и Тюмени с использованием data-mining // *Власть*. 2023. № 4. С. 30–40.
16. Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления 30 января 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62919> (дата обращения: 15.10.2024).
17. Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1844 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы» на создание и обеспечение функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 1.11.2024).
18. Платформа обратной связи (ПОС). Справочные материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://pos.gosuslugi.ru/docs> (дата обращения: 15.10.2024).
19. Цумарова Е.Ю. Парадокс общественного участия в программах благоустройства: вовлеченность растет, доверие снижается // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021. № 24 (4). С. 221–249.
20. Бабинцев В.Р. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // *Власть*. 2012. № 5. С. 24–29.
21. Молоковский Д.С., Нездюров А.Л. Перспективы использования автоматизированной системы мониторинга СМИ и медиа-анализа «Медиалогия» для политического прогнозирования // *Перспективы развития информационных технологий*. 2014. № 20. С. 56–67.
22. Кертман Г.Л. Статус политики в российском массовом сознании // *Политическая наука*. 2018. № 2. С. 151–172.
23. Дадашев А.А. Политическая культура и политическая активность // *Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова*. 2017. № 1 (15). С. 120–133.

THE «PUBLIC VOTE» COMPONENT OF THE FEEDBACK PLATFORM («POS») AS AN OBJECT OF TRUST FOR REGIONAL OPERATORS AND A TOOL FOR INTERACTION BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE POPULATION

Alekseev M.S.

Kemerovo State University

«Public Voting» is one of the components of the Feedback Platform («POS») – the first federal service for submitting appeals and other forms of interaction with the public. The article analyzes the results of the implementation of the «Public Vote» component through the prism of the trust of regional operators. The author's model of analyzing the factors of trust in the Internet service is used, based on the methodology of theory of rational choice, Russell Hardin's theory of trust as encapsulated interest and Peter Shtompka's concept of trust. The empirical basis of the study was made up of normative legal acts, the results of media analysis and an expert survey. It is concluded that the component has the potential to become a driver of digital transformation and a central link in the ecosystem of digital state communications. One of the conditions for the successful implementation of the «Public Vote» and the «POS» in general, the author sees in the construction by federal operators of trust in the platform on the part of regional operators.

Keywords: Feedback Platform, «POS», trust, interaction between authorities and the population, «Public voting», implementation of digital platforms.

References

1. Passport of the national project «National program «Digital Economy of the Russian Federation»». [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.11.2024).
2. Passport of the federal project «Digital Public Administration»». [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.11.2024).
3. Sokolov A. V., Komarov O.E. Digital Feedback Platforms // Bulletin of Irkutsk State University. The Political Science series. Religious studies. 2021. № 36. P. 26–37.
4. Pushkareva G.V. Public value management: can we talk about an axiological turn in public administration // Public administration. Electronic bulletin. 2018. № 68. P. 312–329.
5. Moore S. Towards a Sociology of Institutional Transparency: Openness, Deception and the Problem of Public Trust // Sociology. 2017. Vol. 52, № 2. P. 416–430.
6. Feedback Platform (POS). Materials. [Electronic resource]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1058> (date of access: 15.10.2024).
7. Alekseev M.S. User's Trust in Internet Services: Calculation Bases // Virtual communication and social networks. 2023. № 2. P. 98–104.
8. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap, 1990. 993 p.
9. Hardin R. Trust and Trustworthiness. New-York: Russell Sage Foundation, 2002. 256 p.
10. Sztompka P. Trust is the foundation of society. Translated from Poland. Moscow: Logos, 2016. 440 p.
11. Akimova A. Yu. Human trust and distrust of technology: a socio-psychological approach. Moscow: Publishing house «Institut psikhologii RAN», 2020. 287 p.
12. Smolina E. Levels and forms of interaction between executive authorities and the population in the internet space (a case of Volgograd) // Colloquium-journal. 2020. № 2 (54). P. 154–155.
13. Federal Law No. 131 of October 06, 2003 «On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation»». [Electronic resource]. <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.11.2024).
14. Decree of the Government of the Russian Federation No. 101 of February 03, 2022 «On Approval of the Rules for the Use of the Federal State Information System «Unified Portal of State and Municipal Services (Functions)» for the purpose of organizing and conducting public hearings»». [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.11.2024).
15. Golovatskii Ye.V., Kranzeeva Ye.A., Donova I.V., Burmakina A.L., Stepanov I. Yu. Digital perspectives of social and political mobilization of regional network communities of Kuzbass and Tyumen using data mining // Power. 2023. № 4. P. 30–40.
16. The list of instructions following the meeting of the Council for the Development of Local Self-Government on January 30, 2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62919> (date of access: 15.10.2024).
17. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1844 of November 16, 2020 «On Approval of the Rules for Granting Subsidies from the Federal Budget to the Autonomous Non-Profit organization for the Development of digital projects in the field of public relations and communications «Dialog Regions» for the creation and operation of regional Management Centers in the Subjects of the Russian Federation and the Rules for the Creation and Operation of regional management centers in the Subjects of the Russian Federation»». [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.11.2024).
18. Feedback Platform (POS). Reference materials. [Electronic resource]. URL: <https://pos.gosuslugi.ru/docs> (date of access: 15.10.2024).
19. Tsumarova Ye.Yu. The Paradox of public participation in landscaping programs: engagement grows, trust decreases // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2021. № 24 (4). P. 221–249.
20. Babintsev V.R. Simulation practices in state and municipal management // Power. 2012. № 5. P. 24–29.
21. Molokovskii D.S., Nezdyyurov A.L. Prospects of using the automated media monitoring and media analysis system «Medialogy» for political forecasting // Prospects for the development of information technology. 2014. № 20. P. 56–67.
22. Kertman G.L. Status of politics in Russian mass consciousness // Political science. 2018. № 2 P. 151–172.
23. Dadashev A.A. Political culture and political activity of citizen // Bulletin of Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov. 2017. № 1 (15). P. 120–133.

Стоматологический или дентальный туризм в России и за рубежом: преимущества, риски и недостатки

Бурняшева Людмила Александровна,

д.ф.н., профессор Высшей школы туризма и гостеприимства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»
E-mail: luda-3331@yandex.ru

Романько Ирина Евгеньевна,

к.и.н., доцент кафедры экономики, менеджмента
и государственного управления ФГБОУ ВО «Северо-
Кавказский государственный университет» Пятигорский
институт (филиал)
E-mail: ieromanko@ncfu.ru

Финенко Виктория Евгеньевна,

студент ФГБОУ ВО «Саратовский государственный
медицинский университет им. В.И. Разумовского»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: burnyasheva@inbox.ru

В данной статье авторы исследуют феномен стоматологического туризма как в России, так и за рубежом, анализируя его достоинства, потенциальные риски и недостатки. Дается определение понятия «стоматологический туризм» и формулируются его основные цели. Авторы прослеживают эволюцию данного явления, начиная с 1980-х годов в Европе, когда пациенты стали активно обращаться за стоматологической помощью в соседние города и страны, стремясь к экономии. В результате исследования делается вывод о том, что стоматологический туризм является привлекательной возможностью для лиц, желающих совместить оздоровление с отдыхом. При этом авторы подчеркивают важность тщательного выбора клиники и специалиста, гарантирующего получение услуг высокого качества и положительный опыт от поездки.

Ключевые слова: стоматологический туризм, дентальный туризм, медицинский туризм, здоровье, стоматологические услуги.

Стоматологический или дентальный туризм представляет собой один из направлений медицинского туризма, ориентированный на получение стоматологических услуг. Этот термин чаще всего используется для обозначения ситуации, когда лечение, операции, протезирование, имплантация и другие стоматологические процедуры сочетаются с отдыхом. Основная особенность стоматологического туризма заключается в желании пациента получить высококвалифицированную и профессиональную медицинскую помощь: без рисков, врачебных ошибок и с использованием современных технологий, при этом избегая необоснованных переплат и наценок за диагностику, профилактику и лечение.

Стоматологический туризм – это быстрорастущая отрасль медицинского туризма, предоставляющая пациентам со всего мира доступ к высококачественному и доступному лечению зубов за границей. В отличие от традиционного медицинского туризма, ориентированного на сложные операции и длительное лечение, стоматологический туризм часто предполагает более короткие визиты, сопоставимые по длительности с обычным отдыхом. Это делает его привлекательным для пациентов, желающих совместить лечение с отпуском, посещая экзотические страны или же выбирая более спокойные направления.

Главный фактор, привлекающий пациентов к стоматологическому туризму, – это значительная экономия средств. Лечение зубов, особенно протезирование, в развитых странах, таких как США, Канада, страны Западной Европы, может стоить в разы дороже, чем в странах с развивающейся или переходной экономикой, таких как Турция, Мексика, Коста-Рика, Венгрия или некоторые страны Юго-Восточной Азии. При этом качество лечения в ведущих клиниках этих стран зачастую не уступает, а порой и превосходит европейские или американские стандарты. Это подтверждается многочисленными отзывами пациентов и исследованиями, проводимыми независимыми организациями. По мнению исследователей Пола Г. Роджерса и Лоис К. Козна, именно этот ценовой фактор вывел стоматологический туризм в лидеры среди сегментов медицинского туризма. Их утверждение подкрепляется динамикой роста рынка, которая постоянно демонстрирует увеличение количества пациентов, выбирающих лечение за границей [2, с. 32].

Важно отметить, что помимо экономической выгоды, пациенты привлекаются возможностью совмещения лечения с отдыхом. Термины «отпуск для зубов», «стоматологический отпуск» или «стоматологические каникулы», используемые в работах Комала Камата, Кулди Дхамы, Басавараджа Патти и Ашиша Синглы, точно отражают этот аспект стоматологического туризма.

Однако, необходимо учитывать и риски, связанные с выбором клиники и страны для лечения. Перед принятием решения крайне важно провести тщательную проверку клиники: проверить наличие лицензий, квалификацию врачей (желательно с наличием международных сертификатов), ознакомиться с отзывами пациентов (не только на сайте клиники, но и на независимых платформах), убедиться в использовании современных технологий и материалов.

Важно также учитывать языковой барьер и особенности местного законодательства в отношении медицинского туризма. Для минимизации рисков рекомендуется обратиться к специализированным агентствам, которые предоставляют услуги по организации и сопровождению стоматологического туризма. Эти агентства берут на себя организационные вопросы, помогают выбрать подходящую клинику, переводят документацию и обеспечивают поддержку на протяжении всего процесса лечения [4, с. 197].

Кроме того, следует учитывать географические факторы и время, необходимое для поездки и лечения. Длительность лечения может зависеть от сложности процедуры. Например, имплантация зубов может потребовать нескольких визитов, в то время как лечение кариеса может быть завершено за один визит. Важно также учитывать время, необходимое для адаптации к новым условиям и возможное развитие осложнений после процедуры. Планирование поездки должно включать в себя запас времени на непредвиденные ситуации. Наконец, важно понимать, что стоматологический туризм не всегда является панацеей. Не все процедуры одинаково доступны за границей, и не во всех странах предлагаются услуги на высоком уровне. Поэтому перед принятием решения необходимо тщательно взвесить все за и против, проконсультироваться с вашим стоматологом дома и обратиться к специалистам по медицинскому туризму для получения полной и объективной информации. Это позволит сделать осознанный выбор и получить максимальную пользу от стоматологического путешествия, совместив эффективное лечение с приятным отдыхом [6, с. 173].

Стоматологический туризм – это перспективное направление, но, как и любое путешествие, требующее медицинского вмешательства, оно нуждается в тщательной подготовке и взвешенном подходе. Успешное планирование и ответственный выбор клиники гарантируют позитивный опыт и превосходный результат.

Цель визита может заключаться в получении консультации у специалиста, который вызывает доверие.

Одним из главных преимуществ стоматологического туризма являются цены. Многие люди выбирают поездку именно из-за возможности значительной экономии. В такой стране как Венгрия, организовано собственное производство стоматологических материалов. Лечение в таких странах отличается высоким качеством, а местное производство способствует поддержанию доступных цен [7, с. 6].

Рекомендуется ознакомиться с отзывами и получить дополнительную информацию о конкретной клинике, чтобы оценить уровень предоставляемых услуг и квалификацию специалистов, работающих в учреждении. Обращение к опытным профессионалам позволяет эффективно справиться с любыми стоматологическими проблемами, даже самыми сложными.

Чем выше уровень развития медицины, тем больше разнообразия в подходах к оказанию услуг пациентам. Обратившись хотя бы раз к опытным специалистам, можно оценить особенности их работы. Диагностика проводится с высокой точностью, индивидуальные особенности организма учитываются до самых мелочей, и если есть возможность одновременно решить несколько проблем, врач сразу же предлагает это сделать.

Несомненно, любое решение, даже если оно сосредоточено на оптимизации и рационализации, всегда имеет свои недостатки. Это также касается стоматологического туризма. Важно учесть следующие негативные аспекты.

– Прежде всего, важно обратить внимание на вопрос получения гарантий на стоматологическое лечение.

В разных странах правовые нормы, касающиеся гарантий на услуги, могут существенно отличаться. Даже если поездка осуществляется в другой регион, любые возникающие в будущем вопросы придется решать дистанционно или же потребуются повторная поездка.

– Существует вероятность возникновения осложнений. Если необходимо рассмотреть несколько вариантов и выбрать наиболее подходящий, придется полагаться на отзывы и другие источники информации, которые не основаны на личном опыте. Это, в свою очередь, увеличивает риск ошибки. Кроме того, в стоматологии в целом уровень осложнений считается достаточно высоким.

Языковой барьер представляет собой существенное препятствие при лечении зубов за рубежом. Необходимость авиаперелёта или переезда, взаимодействия с различными учреждениями, посещение магазинов, проживание в гостинице и, безусловно, общение с врачами и медицинским персоналом требуют владения языком страны пребывания. Отсутствие такой компетенции может осложнить получение качественного лечения.

Важен вопрос и о сертификации клиник. Многие пациенты в России недостаточно серьезно относятся к проверке наличия соответствующих документов, что может негативно сказаться на их здоровье. Тщательное изучение и верификация сертификатов, даже в случае зарубежных клиник, является обязательным условием для обеспечения безопасности лечения.

Выбор лечения кариеса, коррекции прикуса или имплантации зубов за рубежом становится всё более популярным. В то время как предпочтения по выбору страны варьируются, пациенты высоко оценивают следующие такие зарубежные города как Будапешт и Венгрия. В летний период 2024 года венгерское правительство упростило процедуру въезда для граждан Российской Федерации. Это делает доступ к стоматологическим услугам в Будапеште более удобным, чем в Германии или Израиле. Город славится высоким качеством стоматологической помощи по доступным ценам, а также богатый культурным наследием и достопримечательностями.

В последние годы Турция, в частности города Измир и Стамбул, демонстрирует значительный прогресс в области стоматологии, уделяя особое внимание комфорту пациентов и реабилитации после лечения. Умеренные цены делают страну привлекательной для стоматологического туризма. Важно помнить об особенностях местной культуры и уважать религиозные традиции ислама.

Таиланд, с его развитой инфраструктурой клиник в Бангкоке, предлагает высококвалифицированную помощь по приемлемым ценам. Перед поездкой рекомендуется ознакомиться с прогнозом погоды, а также изучить санитарные и законодательные нормы страны.

Город Прага в Чехии, также пользуется популярностью у пациентов, желающих пройти стоматологическое лечение. Доступные цены и широкий спектр услуг, от простых процедур до сложных операций, таких как костная пластика, делают ее привлекательным направлением [5, с. 109].

Стоматологический туризм также активно развивается и внутри страны. Москва и Санкт-Петербург стали центрами, где передовые стоматологические клиники предоставляют услуги высокого качества, привлекая пациентов из всех регионов России. Наличие в обоих городах большого количества достопримечательностей позволяет совмещать лечение с отдыхом.

Санкт-Петербург славится своими ортопедами-протезистами, создающими высококачественные протезы, практически неотличимые от натуральных зубов. В Москве расположены современные клиники, осна-

щенные передовым оборудованием, позволяющим проводить даже имплантацию с использованием лазерных технологий.

Популярность стоматологических клиник Москвы и Санкт-Петербурга обусловлена рядом преимуществ.

- Клиники предлагают широкий спектр стоматологических услуг, включая диагностику, терапию, хирургические процедуры, протезирование, имплантацию, гигиеническую чистку, установку виниров, в том числе и комплексное лечение зубов.
 - В клиниках применяется современное оборудование мирового уровня, а также сертифицированные материалы и препараты, зарекомендовавшие себя с наилучшей стороны.
 - Медицинский персонал состоит из высококвалифицированных специалистов с богатым опытом работы. Среди сотрудников клиники есть лауреаты профессиональных премий и награжденные за выдающиеся достижения в области стоматологии [3, с. 75].
- Высококвалифицированная стоматологическая помощь в сочетании с персонализированным подходом к каждому пациенту является отличительной чертой клиник. Неукоснительно соблюдаются международные стандарты качества.

Иностранцы могут рассчитывать на комфортное пребывание, вежливое обслуживание, услуги переводчика и комплексные программы лечения, направленные на решение сразу нескольких стоматологических проблем.

При планировании стоматологического туризма важно учитывать сопутствующие расходы, включая стоимость авиабилетов, визовый сбор (при необходимости), проживание и другие траты. Рекомендуется провести тщательный анализ нескольких вариантов, взвесив все «за» и «против», прежде чем принять окончательное решение.

Выбор конкретного медицинского учреждения является важным шагом для пациента. При этом стоит учитывать несколько ключевых факторов.

- Наличие лицензии. Официальные документы, подтверждающие безопасность и качество предоставляемых услуг, служат гарантией доверия и спокойствия.
- Отзывы пациентов. Важно ознакомиться с мнениями тех, кто уже воспользовался услугами данного учреждения. Рекомендуется изучать отзывы не только на сайте клиники, но и в социальных сетях, а также на независимых платформах.
- Опыт врачей. Квалификация специалистов должна быть подтверждена практическим опытом. Лучше обращаться к врачам с большим стажем работы и специализацией в необходимых медицинских услугах [1, с. 69].

В результате, следует заключить, что стоматологический туризм представляет собой привлекательную возможность для совмещения отдыха с заботой о здоровье. Выбор надежной клиники и опытного врача гарантирует получение высококачественных услуг и оставит от поездки только приятные впечатления.

Литература

1. Агаева С.И. Сущность, экономическая роль и виды медицинского туризма // *Международный научный журнал «Вестник науки»*. 2021. № 3(36). Том 2. С. 69–72.
2. Бурнышева Л.А., Бурнышева В.Е., Романько Т.В. Кластерное взаимодействие медицины и туризма как приоритетное направление социально-экономического развития регионов России //

Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 31–33.

3. Думцева Ю.В., Думцев В.В. Развитие стоматологического туризма в России // *Современный туризм в лечебной и здравоохранительной деятельности: научные материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под ред. В.И. Петрова*. – Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2017. – 172 с.
4. Никитина О.А. Современные тенденции и вызовы в развитии медицинского туризма: мировой опыт // *Проблемы современной экономики*. 2018. № 4. С. 196–198.
5. Седова Н.Н., Щекин Г.Ю. *Медицинский туризм: история, теория, практика: монография*. Науч. ред. В.В. Деларю. – М.: Юрист, 2014. – 276 с.
6. Щекин Г.Ю. *Стоматологический туризм в современном здравоохранении: международная практика и отечественные возможности // Размышления о человеке: сборник научных статей / под ред. Н.Н. Седовой*. Волгоград, 2018. 188 с.
7. Штольц Л.Ю. *Медицинский туризм: роль, значение, факторы изменения и последствия для России и мира // Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2023. Том 14. № 1. С. 1–8.

DENTAL OR DENTAL TOURISM IN RUSSIA AND ABROAD: ADVANTAGES, RISKS AND DISADVANTAGES

Burnyasheva L.A., Romanko I.E., Finenko V.E.

Russian State University of Tourism and Service, North Caucasus State University, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky

In this article, the authors consider the advantages, risks and disadvantages of dental or dental tourism in Russia and abroad. The authors study the concept of “dental tourism”, define the tasks of dental tourism. They consider the history of dental tourism, which begins back in the 1980s in Europe, when people in pursuit of economy traveled to neighboring cities and even countries. The study showed that dental tourism is an excellent option for those who expect to spend their holidays with health benefits. Choosing the right clinic and doctor will give you the opportunity to receive expert-class services and leave only pleasant impressions from the trip.

Keywords: dental tourism, dental tourism, medical tourism, health, dental services.

References

1. Agaeva S.I. The essence, economic role and types of medical tourism // *The international scientific journal “Bulletin of Science”*. 2021. № 3(36). Volume 2. pp. 69–72.
2. Burnyasheva L.A., Burnyasheva V.E., Romanko T.V. Cluster interaction of medicine and tourism as a priority direction of socio-economic development of the regions of Russia // *Socio-humanitarian knowledge*. 2023. No. 12. pp. 31–33.
3. Dumtseva Yu.V., Dumtsev V.V. Development of dental tourism in Russia // *Modern tourism in medical and healthcare activities: scientific materials of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation / edited by V.I. Petrov*. – Volgograd: Publishing house of VolgSMU, 2017. – 172 p.
4. Nikitina O.A. Modern trends and challenges in the development of medical tourism: world experience // *Problems of modern economics*. 2018. No. 4. pp. 196–198.
5. Sedova N.N., Shchekin G.Y. *Medical tourism: history, theory, practice: monograph*. Scientific ed. by V.V. Delarue. – M.: Lawyer, 2014. – 276 p.
6. Shchekin G.Y. *Dental tourism in modern healthcare: international practice and domestic opportunities // Reflections on man: a collection of scientific articles / edited by N.N. Sedova*. Volgograd, 2018. 188 p.
7. Stolts L.Y. *Medical tourism: role, significance, factors of change and consequences for Russia and the world // Mir nauki. Sociology, philology, cultural studies*. 2023, Volume 14, No. 1. pp. 1–8.

Скулшутинг как разновидность молодежной преступной агрессии: понятие, причины, формы проявления

Васильев Владислав Владиславович,

аспирант кафедры «Социологии и работы с молодежью»
Института гуманитарных и социальных наук Уфимского
университета науки и техники
E-mail: dr.vladislaw2011@gmail.com

Статья посвящена анализу феномена школьной стрельбы как формы молодежной преступной агрессии. В работе рассматривается рост преступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации, а также тенденция к усилению насилия в совершаемых ими преступлениях. Автор анализирует статистические данные о количестве преступлений, совершенных несовершеннолетними в Российской Федерации, и выделяет регионы с наибольшим количеством преступлений. Особое внимание уделяется анализу школьной стрельбы как особого вида преступности, изучаются ее причины, формы проявления и связь с общим уровнем преступности в регионах. В статье рассматриваются психологические, социальные и поведенческие характеристики, которые могут предрасполагать молодых людей к совершению преступлений, а также анализируются работы российских ученых в области криминологии, юридической психологии и ювенальной юстиции, посвященные изучению личности несовершеннолетних правонарушителей. В статье также представлены характеристики несовершеннолетних правонарушителей, выделенные криминологами, и сравнительный анализ с особенностями преступности среди взрослых. Статья актуальна для специалистов в области социологии, криминологии, ювенальной юстиции, социальной работы, а также для широкой аудитории, заинтересованной в проблемах молодежной преступности.

Ключевые слова: скулшутинг, молодежная преступная агрессия, преступность среди несовершеннолетних, криминология, ювенальная юстиция, психологические характеристики, социальные факторы, статистика преступности.

Введение

В условиях дестабилизации политических, экономических, социальных, демографических, экологических, информационных и других структур общественного строя и порядка, прослеживается тенденция к увеличению девиантного, деликвентного поведения молодого поколения.

Количество преступлений, совершаемых молодежью в России неуклонно растет, прослеживается тенденция к проявлению правонарушений насильственного характера. Ужесточение совершаемых злодеяний молодыми людьми показывает положительную динамику и открывает новые горизонты совершаемых преступлений, начиная от жесткого обращения с животными, заканчивая массовыми преступлениями, совершаемые в отношении сверстников и других лиц в образовательных организациях.

Проблема нашего времени, или так называемой «чумой» 21 века, являются преступления, совершаемые в образовательных учреждениях. Чаще всего преступниками являются молодые люди, закончившие учебное заведение или продолжающие обучение.

По данным открытых информационных источников, представленных в виде статистических данных Министерства внутренних дел Российской Федерации, наблюдается отрицательная динамика по количеству совершаемых преступлений несовершеннолетними в Российской Федерации на период с 2014 по 2023 гг. (таблица 1) [1].

Согласно статистическим данным по преступлениям среди несовершеннолетних в Российской Федерации представленным в таблице 2 к регионам-лидерам по показателям доли преступлений среди несовершеннолетних входят такие регионы, как: Забайкальский край, Республика Карелия, Республика Тыва, Амурская область, Республика Бурятия.

По данным открытых источников наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества зафиксированных случаев совершения преступлений, связанных со скулшутингом, на территории Российской Федерации в период с 2014 по 2023 года (таблица 3) [2].

Статистика указывает что динамику преступлений (скулшутинга) не указывает на региональные особенности криминологической обстановки в регионе. Характерные регионы по высоким показателям преступлений среди несовершеннолетних никак не сопоставляются со случаями преступлений в образовательных организациях (скулшутинг). Проводя сравнительный анализ с таблицей 2, только Амурская область, Иркутская область, Красноярский край, Ненецкий АО, Новосибирская область, Республика Бурятия, Саратовская область показывают, что общая тенденция к преступлениям совпадают со случаями преступлений в образовательных организациях.

Общая тенденция показывает, что скулшутинг и его проявление не зависит от общей криминологической обстановки в регионе, между тем присутствует общность регионов с высокими показателями криминологической обстановкой.

Таблица 1. Количество совершенных преступлений несовершеннолетними в процентном соотношении от общего количества совершенных преступлений за период с 2014 по 2023 гг.

Количество совершенных преступлений несовершеннолетними в процентном соотношении от общего количества совершенных преступлений за период	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
%	5	4,9	4,5	4,1	4	3,9	3,7	3,1	2,9	2,7

В период с 2014 по 2023 гг., зафиксировано 432937 случая совершенных преступлений среди несовершеннолетних и при их участии в Российской Федерации. Несмотря на тенденцию к снижению общего числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, на об-

щем фоне выделяются 26 регионов России, попадающие с периодичностью в списки криминализованных регионов по количеству преступлений среди несовершеннолетних (таблица 2) [1].

Таблица 2. Регионы с наибольшим удельным весом преступлений от числа (расследованных) совершенных несовершеннолетними или при их участии в период с 2014 по 2023 гг.

Регионы с наибольшим удельным весом преступлений (от числа расследованных) совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. %	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год
Забайкальский край	9,5	8,4	8	7,5	7	6,1	5,7		5	4,9
Ненецкий АО	8,4		9,7		8,1	7,2			4,6	4,4
Архангельская область	7,8	7,5					5,4	4,8		
Сахалинская область	7,7							5,3		
Амурская область	7,6	7,3	7,5	7		5,8			5,3	4,4
Хабаровский край	7,6	7,4	7,8	6,7	6,3					
Новосибирская область	7,5		6,9				5,6			4,3
Республика Бурятия	7,4			6,3	7,2		5,7	5,1	4,7	4,7
Магаданская область	7,1			7,1				6,7		
Камчатский край	7,1									
Республика Карелия		7,8	7,5	9,2	7,3	8,3	7,8	6,7	8,1	5,4
Республика Коми		7,7					5,4		4,6	
Свердловская область		7,4		6,3	6,3	6		4,7		
Вологодская область		7,4	6,7			6,5	5,4			
Красноярский край		7,3								
Республика Тыва		7,2		6,8	7,4	8,1	6,3	4,7	5,5	5,2
Калининградская область			7,1		6,1					
Республика Марий Эл			7,1							4,1
Мурманская область			6,5							
Новгородская область				6,1		6,4	7,2	6,1	5,5	6,4
Иркутская область				6,1	6					
Костромская область					6,3					
Псковская область						6,5				
Ивановская область						5,9				4,1
Кемеровская область							5,4	4,7	4,8	
Еврейский АО								5,3	5	

Таблица 3. Преступления, совершенные в образовательных организациях (скулуштинг)

Преступления, совершенные в образовательных организациях	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год
Москва	1			1						
Московская область	1			1				1		1

Преступления, совершенные в образовательных организациях	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год
Томская область	1	1								
Саратовская область		1								
Приморский край			1							
Иркутская область				1						
Пермский край					1			3		
Республика Бурятия					1					
Курганская область					1					
Республика Башкортостан					1					
Новосибирская область					1			1		
Республика Крым					1					
Красноярский край						1			1	
Республика Татарстан						1		1		
Саратовская область						1				
Ненецкий АО						1				
Амурская область						1				
Ульяновская область									1	
Удмуртская область									1	1
Санкт-Петербург										1
Ростовская область										1
Брянская область										1

Перед началом рассмотрения феномена «скулштинг», мы проведем общую характеристику молодежной преступности в Российской Федерации. Определение характеристик личности несовершеннолетних преступников – это сложная и многогранная задача, связанная с попыткой выявить психологические, социальные и поведенческие особенности, которые могут предрасполагать молодого человека к совершению преступлений. Эта задача исследуется в рамках, социологии, криминологии и психологии.

В социологии характеристика личности несовершеннолетнего преступника включает в себя комплекс социально-демографических, социально-функциональных (ролевых), социально-психологических и уголовно-правовых признаков [3].

В рамках криминологического подхода личность преступника рассматривается как физическое лицо, совершившее противоправное деяние, в котором нашли отражение его антиобщественные установки и ценностные ориентации. Данные личностные особенности, сочетаясь с комплексом внешних факторов и обстоятельств, оказывают значительное влияние на характер и специфику преступного поведения. [4]

В психологии под личностью несовершеннолетних правонарушителей понимается импульсивность, агрессивность, низкая самооценка и трудности адаптации, преобладание внешнего локуса контроля и влияние семейного неблагополучия как ключевого фактора девиантного поведения [5].

Анализируя представленные определения личности преступника, следует отметить, что одной из важнейших характеристик, является наличие совокупности негативных социально-психологических свойств и качеств. Данный компонент играет ключевую роль в формировании

обобщенного криминологического портрета преступника, позволяя изучить и оценить, как само противоправное деяние, так и личность субъекта, его совершившего.

Необходимо подчеркнуть, что комплекс криминологических и антиобщественных качеств личности молодого правонарушителя складывается не непосредственно в момент совершения преступления, а формируется на протяжении всего жизненного пути индивида. В дальнейшем данные личностные характеристики могут трансформироваться, но не исчезать полностью [4].

Важно также отметить, что наличие у человека негативных свойств не обязательно приводит к совершению им преступного деяния. Они могут не проявиться в качестве противоправного поведения на протяжении всей жизни и будут находиться в стадии анабиоза. В то же время нельзя игнорировать влияние генетических факторов на формирование отдельных социально-психологических особенностей личности [6].

В контексте российской научной школы изучение характеристик личности несовершеннолетних преступников также занимает важное место. Российские ученые, работающие в области криминологии, юридической психологии и ювенальной юстиции, подходят к этому вопросу с учетом специфики социокультурного и правового контекста Российской Федерации. Определение характеристик личности несовершеннолетнего преступника в работах российских исследователей обычно включает анализ различных аспектов – от поведенческих до психосоциальных факторов.

Одним из ключевых аспектов является анализ личностных особенностей, семейного воспитания, социального окружения и образовательной среды, которые может способствовать формированию преступного поведения у молодых людей.

Ученые-криминалисты, занимающиеся раскрытием темы несовершеннолетних преступников давали следующие характеристики:

- Гернет М.Н. указывал что несовершеннолетние преступники отличаются от взрослых преступников более слабой волей, меньшей способностью к обдуманному действию и большей склонностью к подражанию [7].
- Гогель С.К., Ветров Н.И., Писаревская Е.А.: несовершеннолетние преступники часто совершают преступления в состоянии аффекта, под влиянием момента, без должного обдумывания последствий, под влиянием ситуативных факторов [8–10].
- Дриль Д.А.: несовершеннолетние преступники отличаются повышенной эмоциональностью, импульсивностью и внушаемостью [11].
- Духовской М.В., Антонян Ю.М., Забрянский Г.И., Косевич П.Р., Примаченок А.А. Шеслер А.В.: несовершеннолетние преступники часто совершают преступления в группах, под влиянием сверстников, в составе группы [12–17].
- Куфаев В.И., Жигарев Е.С., Игошев К.Е., Познышев С.В.: несовершеннолетние преступники часто имеют низкий уровень образования и правовой культуры, что делает их более уязвимыми для криминального влияния [18–21].
- Неклюдов Н.А., Бабаев М.М., Караев Д.С., Орлова Ю.Р., Шестаков Д.А.: несовершеннолетние преступники часто происходят из неблагополучных семей, где отсутствует надлежащий контроль и воспитание [22–26].
- Тарновская Н.П., Прокументов Л.М., Колышкина В.Ф.: несовершеннолетние преступницы отличаются от несовершеннолетних преступников-мужчин большей склонностью к совершению имущественных преступлений [27–29].
- Фойницкий И.Я., Арсеньева М.И.: несовершеннолетние преступники часто совершают преступления в состоянии опьянения, что снижает их способность к самоконтролю [30–31].
- Абызов Р.М.: несовершеннолетние преступники отличаются от взрослых преступников более высокой степенью социальной дезадаптации [32].
- Миньковский Г.М.: несовершеннолетние преступники часто имеют низкий уровень интеллектуального развития, что затрудняет их социализацию [33].
- Долгова А.И.: несовершеннолетние преступники отличаются повышенной внушаемостью и склонностью к подражанию [34].
- Коновалова И.А., Рыбальская В.Я.: несовершеннолетние преступники часто имеют низкий уровень самооценки, что делает их более уязвимыми для криминального влияния [35–36].

Исследователи подчеркивают, что личность несовершеннолетнего преступника – это результат сложного переплетения социальных, психологических, биологических и индивидуальных факторов. У каждого молодого человека, совершившего преступление, эти факторы сочетаются индивидуально, что делает крайне важным комплексный подход к пониманию и коррекции преступного поведения среди несовершеннолетних.

Изучение и выведение характеристик личности несовершеннолетнего преступника продолжается и в современной науке. Ученые разных направлений, пытаются определить новые причины, мотивации, факторы влияния и способы решения проблемы совершаемых преступлений молодого поколения.

Лях Е.Е., выдвинула три основных тенденции к развitiю преступности в мире: рост преступности во всем

мире, как в абсолютном, так и в относительном выражении, отставание социального контроля над преступностью со стороны государственного аппарата, рост киберпреступлений. Она указывает на три способа по снижению уровня преступности: усиление государственного контроля, ужесточение наказаний, борьба с преступностью с учетом ее социальной природы (предоставление рабочих мест, социальная поддержка) [37].

Колесниченко Д.А., Сухова В.Е., Жегулин А.А., В.П. Бабенко В.П. выделяют определение насильственного преступления как «использование или угроза применения насилия над личностью». Исследователи данные определяют следующие характеристики личности несовершеннолетнего преступника: это подростки 16–17 лет, часто совершают противоправные действия группой лиц, преимущественно мужского пола, относятся к группе городских жителей, чаще всего незаконченное средне-профессиональное образование или оконченное среднее образование, входят в круг неполных семей, асоциального типа, чаще всего круг общения подразумевает ранее судимых личностей, злоупотребляющих психоактивными веществами, имеющими склонности к деликвентному поведению. Нравственно-психологические особенности данных личностей-это пренебрежение, аморальность, отрицание норм [38].

Радченко О.В., Бархатова Е.Н. указывают на особенности преступности несовершеннолетних: значительная доля корыстных преступлений (кражи, грабежи), рост преступлений, совершенных в состоянии опьянения, преобладание лиц в возрасте 16–17 лет. Особенности несовершеннолетних преступников в социально-ролевых характеристиках авторы выделяют следующие параметры: влияние социальных ролей (ученик, ребенок в семье, работник) на преступное поведение, негативное отношение к труду, потребительское отношение к жизни, пренебрежение морально-этическими стандартами. Примечательно, что авторы выделяют как причины и условия совершения преступлений несовершеннолетними следующими факты: это неблагополучная семейная обстановка (неполные семьи, конфликты), низкий уровень образования и занятости, приверженность к пагубным привычкам (курение, алкоголь, наркотики), влияние компьютерных игр и моды [39].

Солонникова Н.В. отмечает что преступность несовершеннолетних имеет ряд специфических черт, отличающих её от преступности взрослых, личность несовершеннолетнего преступника характеризуется эмоциональной нестабильностью, внушаемостью, склонностью к имитации и групповым действиям, чаще всего несовершеннолетние совершают преступления против собственности, а также преступления против жизни и здоровья, несовершеннолетние часто действуют группами, используют подручные предметы в качестве орудий преступления и не уделяют должного внимания сокрытию следов [40].

Майорова А.В. указывает что количество преступлений среди несовершеннолетних распределяется неравномерно-неравенство объясняется психологическими, физиологическими и другими особенностями несовершеннолетних. Исследователь подчеркивает необходимость всесторонней реабилитации и защиты прав несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, а также важность комплексного подхода к решению проблемы преступности несовершеннолетних в российском обществе [41].

По мнению Демидовой-Петровой Е.В. несовершеннолетняя преступность имеет ряд отличительных особенностей, которые проявляются, прежде всего, в причинном комплексно-мотивационном формировании преступного

поведения, в его уровне и тенденциях развития. Исследователь предлагает собственное определение несовершеннолетней преступности как социально-правового, негативного, общественно опасного, исторически обусловленного, устойчивого явления, представляющего собой систему преступлений, совершаемых лицами в возрасте до восемнадцати лет в определенных территориально-временных рамках [42].

Щербакова Л.М. и Побегайло А.Е., выделяют характерные особенности преступлений несовершеннолетних: беспричинную агрессивность и жестокость, вовлеченность в незаконный оборот оружия, а также рост числа преступлений против детей. Также отмечается рост киберпреступности и вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность [43].

Формы проявления скулшутинга могут быть различными: от одиночных нападений до массовых расстрелов в образовательных учреждениях. Особую опасность представляют спланированные и скоординированные действия, совершаемые группой лиц.

Фокс Д.А. и Левин Д. подчеркивали необходимость изучения проблемы скулшутинга для глубокого понимания различных типов и моделей массовых расстрелов, а также теорий, объясняющих их возникновение, для разработки комплексного подхода, сочетающего социальные, психологические и ситуационные факторы [44].

Гутьеррес Суньига М. выявил закономерность основные причины проявления скулшутинга в образовательных организациях. В результате анализа были определены различные причины, влияющие на возникновение экстремального школьного насилия, такие как социальная изоляция, издевательства со стороны сверстников, доступность оружия и недостаток поддержки со стороны учителей и родителей [45].

Волчеккая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. указывали в своей работе что причины скулшутинга носят комплексный характер и могут включать психологические, социальные, информационные и другие факторы. Авторы указывают на роль информационных технологий, компьютерных игр, влияния «информационной войны» [46].

Заключение

Преступность среди молодежи является серьезной проблемой, требующей комплексного подхода. Понимание факторов, влияющих на преступное поведение среди молодежи, имеет решающее значение для разработки эффективных стратегий профилактики. Эти стратегии должны быть направлены на укрепление семьи, улучшение доступа к образованию и здравоохранению, расширение возможностей для социально полезной деятельности и увеличение вмешательства правоохранительных органов.

Скулшутинг, как разновидность молодежной преступной агрессии, является крайне опасным и актуальным явлением в современном мире. Данный вид преступности характеризуется особой тяжестью последствий, масштабностью и резонансом в обществе.

Исследования играют решающую роль в понимании и решении проблемы преступности среди молодежи. Постоянный мониторинг и оценка тенденций преступности, а также разработка и тестирование новых стратегий профилактики имеют решающее значение для информирования политики и практики.

Предотвращение скулшутинга и обеспечение безопасности детей и молодежи является приоритетной задачей для общества и государства. Только совместными

усилиями можно создать условия, в которых молодые люди смогут развиваться и реализовывать свой потенциал без страха и угрозы насилия.

Литература

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации / [электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 28.05.2024).
2. Нападения на учебные заведения в России / [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нападения_на_учебные_заведения_в_России (дата обращения: 27.05.2024).
3. Фролова Светлана Маратовна Социально-ролевая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, осужденного к исправительным работам // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 359. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-rolevaya-harakteristika-lichnosti-nesovershennoletnego-prestupnika-osuzhdenного-k-ispravitelnyum-rabotam> (дата обращения: 29.05.2024).
4. Малков В.Д. Криминология. Оформление. ИД «Юриспруденция», 2015. URL: <https://www.litres.ru/v-malkov/kriminologiya-voprosy-i-otvety/> (дата обращения: 06.05.2024).
5. Пономарева Е.В., Батраченко Н.А. Психологическая характеристика личности несовершеннолетних правонарушителей // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. – 2015. – № 1. – С. 78–80.
6. Шаталов Е.А., Молдаванов К.В. Молодежная преступность и основные направления противодействия ей: монография. М.: Проспект, 2017.
7. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества / Проф. М.Н. Гернет. – [Москва]: Мир, [1914]. – 293–459 с., 17 л.
8. Гогель С.К. Роль общества в деле борьбы с преступностью / С.К. Гогель. – СПб.: Тип. «Общественная Польза», 1906. – 286 с.
9. Ветров Н.И. Профилактика правонарушений среди молодежи. / Н.И. Ветров. -М.: Юрид. лит., 1980. – 184 с.
10. Писаревская Е.А. Преступность несовершеннолетних в крупном промышленном центре Кемеровской области и ее предупреждение: монография / Е.А. Писаревская. – Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2012. – 108 с.
11. Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д.А. Дриль. -СПб.: Тип. В. Андерсона, 1912. – 712 с.
12. Духовской М.В. Задачи науки уголовного права / М.В. Духовской // Временник Демидовского юридического лица. – Ярославль: Тип. губернского правления, 1873. – Кн. 4. – С. 221–230.
13. Антонян, Ю.М. Криминология: учебник для вузов / Ю.М. Антонян. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 388 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-9916-4891-2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/534424> (дата обращения: 04.03.2024).
14. Забрянский Г.И. Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних: учебное пособие / Г.И. Забрянский. – Краснодар: Изд-во Кубанс. гос. ун-та, 1979. – 102 с.
15. Косевич, Н.П. Профилактика преступности несовершеннолетних в малых и средних городах: учеб.

- пособие [Текст] / Н.Р. Косевич –. – Москва: Щит-М, 2004–269 с.
16. Примаченок А.А. Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних / Науч. ред. П.В. Дудковский. – Минск: Наука и техника, 1980. – 240 с. – Библиогр.: с. 231–238. – Б. ц.
 17. Криминология (Общая часть) [Текст]: учебное пособие / Прокументов Л.М., Шеслер А.В.; Национальный исследовательский Томский государственный университет. – Томск: Издательский дом Томского гос. ун-та, 2017. – 283 с.: табл.; 21 см.; ISBN 978-5-94621-638-8: 200 экз.
 18. Куфаев В.И. Педагогические меры борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. – Москва: Работник просвещения, 1927. – 167 с.
 19. Жигарев Е.С. Криминологическая характеристика несовершеннолетних и организация их правового воспитания: учебное пособие / Жигарев Е.С. – М.: Изд-во МВШМ МВД СССР, 1990. – 79 с.
 20. Игошев К.Е. Правонарушения и ответственность несовершеннолетнего / Игошев К.Е. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1973. – 160 с.
 21. Познышева С.В. Основные начала науки уголовного права: Общ. часть уголов. права / [Соч.], Моск. ун-та. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Карцев А.А., 1912. – [4], 653, X, [2] с.
 22. Неклюдов Н.А. Уголовно-статистические этюды / Н.А. Неклюдов. – СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. –250 с.
 23. Бабаев М.М. Преступность несовершеннолетних и ее предупреждение / М.М. Бабаев, Г.М. Миньковский. –М.: Знание, 1971. – 40 с.
 24. Караев Д.С. Изучение и предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних: сб. ст. / Д.С. Караев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 148 с.
 25. Орлова Ю.Р. Криминологические особенности личности несовершеннолетних женского пола, совершивших корыстно-насильственные преступления / Ю.Р. Орлова, О.Н. Гусева // Юридическая психология. – М.: Юрист, 2008. -№ 4.-С. 19–23.
 26. Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья – конфликт – преступление / Д.А. Шестаков. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та, 1996. – 264 с.
 27. Женщины-убийцы: Антропол. исслед. / [Соч.] Врача П.Н. Тарновской. – Санкт-Петербург: Т-во худож. печати, 1902. – [4], VIII, 512 с., 48 л. ил.; 26.
 28. Прокументов Л.М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: (Региональный аспект) / Л.М. Прокументов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2004. – 80 с.
 29. Колышкина В.Ф. Преступность несовершеннолетних и меры предупреждения ее в СССР: учебное пособие / В.Ф. Колышкина. – Барнаул: Изд-во Алтайс. гос. ун-та, 1982. – 78 с.
 30. Учение о наказании в связи с тюремоведением / [Соч.] И.Я. Фойницкого, орд. проф. С.-Петерб. ун-та. – Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. – [2], VIII, 504 с.; 25.
 31. Арсеньева М.И. Изучение преступности несовершеннолетних и деятельности по ее предупреждению / М.И. Арсеньева, В.Д. Ермаков, В.В. Панкратов. – М.: ВНИИ проблем укрепл. закон, и правопор., 1990. – 85 с.
 32. Предупреждение личностных деформаций несовершеннолетних преступников / Р.М. Абызов. – Ижевск: Изд-во Ин-та права, социал. упр. и безопасности УдГУ, 1998. – 236 с.: ил.; 21 см.
 33. Миньковский Г.М. Основные этапы развития советской системы мер борьбы с преступностью несовершеннолетних. Вопросы борьбы с преступностью. / Г.М. Миньковский. – М.: Юрид. лит., 1967. – Вып. 6. – С. 37–74.
 34. Долгова А.И. Методика криминологического изучения личности несовершеннолетнего преступника: сб. статей / А.И. Долгова. – М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1977. – 132 с.
 35. Коновалова И.А. Причины и условия, способствующие совершению корыстных преступлений несовершеннолетними [Электронный ресурс] / И.А. Коновалова // Право и жизнь: Электронный журнал. – 2008. – № 121 (4).
 36. Рыбальская В.Я. Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних: [Учеб. пособие для вузов по направлению и специальности «Юриспруденция»] / Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. – 196, [1] с.; 20 см.; ISBN 5-7430-0503-6: Б. ц.
 37. Лях Е.Е. Мировые тенденции преступности в современном мире // Вестник науки. 2023. № 4 (61).
 38. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего насильственного преступника / Колесниченко Д.А., Сухова В.Е., Жегулин А.А., Бабенко В.П. // Scientific achievements of the third millennium: Collection of scientific papers on materials IV International Scientific Conference, Los Angeles, 15 октября 2016 года. – Los Angeles: SIC «LJournal», 2016. – С. 20–23. – DOI 10.18411/scc-15–10–2016–05. – EDN YPYZIX.
 39. Радченко О.В. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника (по материалам Иркутской области) / Радченко О.В., Бархатова Е.Н. // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 3(74). – С. 13–17. – DOI 10.24411/1999–625X-2019–13003. – EDN WXJFQN.
 40. Солонникова Н.В. Особенности криминологической характеристики преступлений, совершаемых несовершеннолетними //Философия права. – 2021. – № . 2 (97). – С. 132–135.
 41. Майоров А.В. Преступность несовершеннолетних: криминологический анализ ее состояния в российском обществе // Вестник экономики, управления и права. 2020. № 4 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-nesovershennoletnih-kriminologicheskij-analiz-ee-sostoyaniya-v-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 04.03.2024).
 42. Демидова-Петрова Е.В. «Современная криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних как одного из видов преступности // Административное и муниципальное право.» 2014. № 5. С. 455–460. DOI: 10.7256/2454-0595.2014.5.11733 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=11733
 43. Щербакова Л.М., Побегайло А.Э. Преступность несовершеннолетних в современной России как криминологическая проблема //Общество и право. – 2021. – № . 2 (76). – С. 20–25.
 44. Фокс Дж.А., Левин Дж. Объяснение массовых расстрелов: типы, закономерности и теории // Справочник Уайли по психологии массовых расстрелов. – 2016. – С. 36–55.
 45. Гутьеррес Суньига М. Раскрытие мотивов учащихся, применявших оружие в школе. Элементы для размышлений о крайнем насилии в школе //Диалог трезвого образования. Актуальные проблемы образовательных исследований. – 2019. – Т. 10. – № 19.
 46. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах //Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № . 5. – С. 578–591.

SCHOOLSHOOTING AS A KIND OF YOUTH CRIMINAL AGGRESSION: THE CONCEPT, CAUSES, FORMS OF MANIFESTATION

Vasiliev V.V.

Ufa University of Science and Technology

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of school shooting as a form of youth criminal aggression. The paper examines the growth of juvenile delinquency in the Russian Federation, as well as the tendency to increase violence in their crimes. The author analyzes statistical data on the number of crimes committed by minors in the Russian Federation and identifies the regions with the largest number of crimes. Special attention is paid to the analysis of school shooting as a special type of crime, its causes, forms of manifestation and connection with the general crime rate in the regions are studied. The article examines the psychological, social and behavioral characteristics that can predispose young people to commit crimes, as well as analyzes the work of Russian scientists in the field of criminology, legal psychology and juvenile justice devoted to the study of the personality of juvenile offenders. The article also presents the characteristics of juvenile offenders, highlighted by criminologists, and a comparative analysis with the characteristics of adult crime. The article is relevant for specialists in the field of sociology, criminology, juvenile justice, social work, as well as for a wide audience interested in the problems of youth crime.

Keywords: schoolshooting, youth criminal aggression, juvenile delinquency, criminology, juvenile justice, psychological characteristics, social factors, crime statistics.

References

1. The ministry of internal affairs of the russian federation / [Electronic resource] // The ministry of internal affairs of the russian federation: [website]. – URL: <https://мвд.рф/деятельность/статистика> (date of access: 05/28/2024).
2. Attacks on educational institutions in Russia / [Electronic resource] // Wikipedia: [website]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Attacks_on_education_education_in_Russia (date of application: 05/27/2024).
3. Frolova Svetlana Maratovna Social and role characteristics of the personality of a juvenile offender sentenced to correctional labor // Vestn. Volume of the State University. 2012. No.359. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-rolevaya-harakteristika-lichnosti-nesovershennoletnego-prestupnika-osuzhdennoy-k-ispravitelnyim-rabotam> (date of application: 05/29/2024).
4. Malkov V.D. Criminology. Decoration. Publishing house "Jurisprudence", 2015. URL: <https://www.litres.ru/v-malkov/kriminologiya-voprosy-i-otvety/> (date of access: 05/06/2024).
5. Ponomareva E.V., Batrachenko N.A. Psychological characteristics of the personality of juvenile offenders // The spiritual situation of the time. Russia XXI century. – 2015. – № 1. – Pp. 78–80.
6. Shatalov E.A., Moldavanov K.V. Youth crime and the main directions of countering it: monograph. M.: Prospekt, 2017.
7. Crime and the fight against it in connection with the evolution of society / Prof. M.N. Gernet. – [Moscow]: Mir, [1914]. – 293–459 p., 17 l.
8. Gogel S.K. The role of society in the fight against crime / S.K. Gogel. – St. Petersburg: Type. "Public Benefit", 1906. – 286 p.
9. Vetrov N.I. Prevention of offenses among youth. / N.I. Vetrov. – M.: Legal lit., 1980. – 184 p.
10. Pisarevskaya E.A. Juvenile delinquency in a large industrial center of the Kemerovo region and its prevention: a monograph / E.A. Pisarevskaya. Novokuznetsk: NFI KemGU, 2012. – 108 p.
11. Drill D.A. The doctrine of crime and measures to combat it / D.A. Drill. -St. Petersburg: V. Anderson Type, 1912. – 712 p.
12. Dukhovskoy M.V. Tasks of the science of criminal law / M.V. Dukhovskoy // Vremennik Demidovsky Law Lyceum. Yaroslavl: Type of the provincial government, 1873. – Book 4. – pp. 221–230.
13. Antonyan, Yu.M. Criminology: textbook for universities / Yu.M. Antonyan. – 3rd ed., reprint. and add. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. – 388 p. – (Higher education). – IS-

BN 978-5-9916-4891-2. – Text: electronic // Yurayt Educational platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/534424> (date of application: 03/04/2024).

14. Zabriansky G.I. The study and prevention of juvenile delinquency: a textbook / G.I. Zabriansky. Krasnodar: Publishing House of Kuban State University, 1979. – 102 p.
15. Kosevich, N.R. Prevention of juvenile delinquency in small and medium-sized cities: studies. the manual [Text] / N.R. Kosevich. – Moscow: Shield-M, 2004–269 p.
16. Primachenok A.A. Problems of combating juvenile delinquency / Scientific ed. P.V. Dudkovsky. – Minsk: Science and Technology, 1980. – 240 p. – Bibliography: pp. 231–238. – B. ts.
17. Criminology (General part) [Text]: textbook / Prozumentov L.M., Shesler A.V.; National Research Tomsk State University. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2017. – 283 p.: table; 21 cm.; ISBN 978-5-94621-638-8: 200 copies.
18. Kufaev V.I. Pedagogical measures to combat juvenile delinquency. – Moscow: Worker of Education, 1927. – 167 p.
19. Zhigarev E.S. Criminological characteristics of minors and the organization of their legal education: textbook / Zhigarev E.S. – M.: Publishing House of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1990. – 79 p.
20. Igoshev K.E. Offenses and responsibility of a minor / Igoshev K.E. – Sverdlovsk: Sredne-Uralsky book publishing house, 1973. – 160 p.
21. Poznyshyeva S.V. The basic principles of the science of criminal law: General. part of the corners. rights / [Op.], Moscow. Univ. – 2nd ed., ispr. and add. – Moscow: A.A. Kartsev, 1912. – [4], 653, X, [2] p.
22. Neklyudov N.A. Criminal statistical studies / N.A. Neklyudov. – St. Petersburg: Type. N. Tiblen and comp., 1865. – 250 p.
23. Babaev M.M. Juvenile delinquency and its prevention / M.M. Babaev, G.M. Minkovsky. -M.: Znanie, 1971. – 40 p.
24. Karaev D.S. The study and prevention of offenses among minors: collection of articles / D.S. Karaev. – M.: Publishing House of Moscow. Unita, 1970. – 148 s
25. Orlova Yu.R. Criminological features of the personality of female minors who have committed mercenary and violent crimes / Yu.R. Orlova, O.N. Guseva // Legal psychology. – M.: Lawyer, 2008. – No.4.-pp. 19–23.
26. Shestakov D.A. Family criminology: family – conflict – crime / D.A. Shestakov. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. Unita, 1996. – 264 p.
27. Female killers: Anthropol. research. / [Op.] Doctor P.N. Tarnovskaya. – St. Petersburg: T-in the artist. press, 1902. – [4], VIII, 512 p., 48 l. ill.; 26.
28. Prozumentov L.M. Criminological characteristics of juvenile delinquency: (Regional aspect) / L.M. Prozumentov. Tomsk: Tomsk Publishing House, University, 2004. – 80 p.
29. Kolyshkina V.F. Juvenile delinquency and measures to prevent it in the USSR: a textbook / V.F. Kolyshkina. Barnaul: Publishing House of Altai State University, 1982. – 78 p.
30. The doctrine of punishment in connection with prison studies / [Op.] I. Ya. Foynitsky, Ord. prof. S.-St. Petersburg University. – St. Petersburg: type. M-va put. the message. (A. Benke), 1889. – [2], VIII, 504 p.; 25.
31. Arsenyeva M.I. The study of juvenile delinquency and activities to prevent it / M.I. Arsenyeva, V.D. Ermakov, V.V. Pankratov. – M.: Research Institute of Problems of Strengthening the law, and law enforcement, 1990. – 85 p.
32. Prevention of personality deformations of juvenile delinquents / R.M. Abyzov. Izhevsk: Publishing House of the Institute of Law, Social. upr. and security of UdGU, 1998. – 236 p.: ill.; 21 cm.
33. Minkovsky G.M. The main stages of the development of the Soviet system of measures to combat juvenile delinquency. Issues of combating crime. / G.M. Minkovsky. – M.: Yurid. lit., 1967. – Issue 6. – pp. 37–74.
34. Dolgova A.I. Methodology of criminological study of the personality of a minor criminal: collection of articles / A.I. Dolgova. – M.: Publishing House of the All-Union. in-ta on the study. reasons and development. Crime prevention measures, 1977. – 132 p.
35. Konovalova I.A. The causes and conditions conducive to the commission of mercenary crimes by minors [Electronic resource] / I.A. Konovalova // Law and Life: An electronic journal. – 2008. – № 121 (4). —
36. Rybalskaya V. Ya. Problems of combating juvenile delinquency: [Textbook for universities in the field and specialty "Jurispru-

- dence”] / Irkutsk: Publishing House of Irkut. Unita, 1994. – 196, [1] p.; 20 cm.; ISBN 5-7430-0503-6: B. C.
37. Lyakh E.E. Global crime trends in the modern world // *Bulletin of Science*. 2023. № 4 (61).
 38. Criminological characteristics of the personality of a juvenile violent offender / Kolesnichenko D.A., Sukhova V.E., Zhegulin A.A., Babenko V.P. // *Scientific achievements of the third millennium: Collection of scientific papers on materials IV International Scientific Conference, Los Angeles, October 15, 2016*. – Los Angeles: SIC “LJournal”, 2016. – pp. 20–23. – DOI 10.18411/scc-15–10–2016–05. – EDN YPYZIX.
 39. Radchenko O.V. Criminological characteristics of the personality of a minor criminal (based on the materials of the Irkutsk region) / Radchenko O.V., Barkhatova E.N. // *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2019. – № 3(74). – Pp. 13–17. – DOI 10.24411/1999–625X-2019–13003. – EDN WXJFQN.
 40. Solonnikova N.V. Features of the criminalistic characteristics of crimes committed by minors // *Philosophy of law*. – 2021. – № 2 (97). – Pp. 132–135.
 41. Mayorov A.V. Juvenile delinquency: a criminological analysis of its state in Russian society // *Bulletin of Economics, Management and Law*. 2020. No.4 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-nesovershennoletnih-kriminologicheskii-analiz-ee-sostoyaniya-v-rossiyskom-obschestve> (date of application: 03/04/2024).
 42. Demidova-Petrova E.V. “Modern criminological characteristics of juvenile delinquency as one of the types of crime // *Administrative and municipal law*.” 2014. No. 5. pp. 455–460. DOI: 10.7256/2454-0595.2014.5.11733 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=11733
 43. Shcherbakova L.M., Pobegailo A.E. Juvenile delinquency in modern Russia as a criminological problem // *Society and law*. – 2021. – № 2 (76). – Pp. 20–25.
 44. Fox J.A., Levin J. Explanation of mass shootings: types, patterns and theories // *Wiley’s Handbook on the Psychology of mass shootings*. – 2016. – pp. 36–55.
 45. Gutierrez Zuniga M. Disclosure of the motives of students who used weapons at school. Elements for thinking about extreme violence at school // *Dialogue of sober Education. Current problems of educational research*. – 2019. – vol. 10. – No. 19.
 46. Volchetskaya T.S., Avakian M.V., Osipova E.V. Criminological characteristics and prevention of schoolshooting and cyberbullying in Russia and foreign countries // *All-Russian Journal of Criminology*. – 2021. – vol. 15. – No. 5. – pp. 578–591.

Григорьев Николай Юрьевич,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: nugrig@mail.ru

Статья исследует влияние социальных технологий на современную рекламу и связи с общественностью, подчеркивая, как эти инновации трансформируют способы взаимодействия брендов с потребителями. В работе анализируется роль социальных сетей, мобильных приложений и алгоритмов машинного обучения в формировании персонализированных рекламных кампаний. Особое внимание уделено эффективности таргетированной рекламы, возможности мгновенной обратной связи и способам повышения уровня вовлеченности потребителей.

Показано, что коммуникация в области отношений с общественностью имеет как социальный, так и психологический аспекты. Через эффективное общение, организация стремится оказывать влияние на общественное мнение в целом и на отдельных индивидуумов.

Рассматривает этические аспекты применения социальных технологий в рекламе, включая вопросы конфиденциальности и манипуляции поведением потребителей. В заключение предлагаются стратегии для оптимизации использования социальных технологий в рекламных кампаниях, учитывая текущие и будущие тенденции в цифровом маркетинге.

Объектом исследования – это кампании, которые интегрируют социальные технологии для достижения более высокой эффективности и персонализации.

Предмет исследования – методы и подходы, которые используются в социальных технологиях для создания и распространения рекламных материалов. Важной частью предмета является изучение воздействия этих технологий на поведение потребителей, особенно как они влияют на их решения и предпочтения при покупках.

Ключевые слова: социальные сети, цифровой маркетинг, таргетированная реклама, персонализация, связи с общественностью.

Введение

Актуальность исследования социальных технологий в рекламе обусловлена тем обстоятельством, что они играют ключевую роль в формировании современных маркетинговых стратегий. Эти технологии обеспечивают прямое взаимодействие с аудиторией, что позволяет компаниям более точно настраивать свои сообщения и увеличивать вовлеченность. Важным аспектом является использование данных из социальных сетей для анализа поведения и предпочтений потребителей, что позволяет создавать персонализированную и целенаправленную рекламу [4, с. 54].

Социальные технологии в рекламе имеют огромное значение для современных брендов и компаний. Они позволяют создавать более персонализированные и целенаправленные кампании, учитывая предпочтения и интересы аудитории. Благодаря социальным технологиям реклама становится более интерактивной и вовлекающей, что способствует улучшению взаимодействия с потребителями. Эти технологии также позволяют проводить анализ данных и мониторинг реакций аудитории в реальном времени, что помогает быстро реагировать на изменения в рыночной среде. Кроме того, социальные технологии позволяют сотрудничать с микроинфлюэнсерами и создавать виральные кампании, что способствует расширению охвата аудитории и повышению уровня доверия к бренду.

Социальные технологии в рекламе – это не только инструменты, но и стратегии, направленные на использование социальных медиа, онлайн-платформ и цифровых каналов для максимизации воздействия рекламных кампаний на аудиторию. Одним из ключевых аспектов социальных технологий в рекламе является возможность глубокого анализа данных о поведении пользователей в сети. Это позволяет более точно определять целевую аудиторию, понимать её потребности и предпочтения, а также создавать персонализированный контент, который резонирует с каждым отдельным потребителем.

Социальные технологии также открывают новые возможности для вовлечения аудитории через интерактивные форматы рекламы. Это могут быть игровые приложения, конкурсы, опросы или интерактивные видеоролики, которые не только привлекают внимание, но и стимулируют взаимодействие с брендом. Кроме того, благодаря социальным технологиям возможно создание сетевых эффектов, когда пользователи сами распространяют рекламный контент среди своих друзей и подписчиков, что увеличивает его охват и эффективность.

Одним из наиболее актуальных направлений в развитии социальных технологий в рекламе является использование искусственного интеллекта и машинного обучения. Эти технологии позволяют автоматизировать процессы анализа данных, оптимизации кампаний и персонализации контента, что существенно повышает их эффективность и рентабельность. Благодаря искусственному интеллекту рекламные системы могут быстро адаптироваться к изменениям в поведении пользователей и реагировать на них, что особенно важно в условиях быстро меняющегося рынка и конкурентной среды [8, с. 32].

Все это свидетельствует о том, что социальные технологии играют ключевую роль в современной рекламе

ме, обеспечивая компаниям возможность эффективно взаимодействовать с аудиторией, создания уникального и запоминающегося контента и повышения конкурентоспособности на рынке.

Виды социальных технологий в рекламе разнообразны и включают в себя различные инструменты и платформы для взаимодействия с аудиторией. Одним из наиболее распространенных видов являются социальные медиа платформы, такие как Facebook (запрещена в России), Instagram (запрещена в России), Twitter (запрещена в России) и LinkedIn (запрещена в России). Они предоставляют возможность размещения рекламы в новостных лентах, историях, а также проведения таргетированных рекламных кампаний на основе интересов и поведения пользователей.

Другим важным видом социальных технологий являются блоги и видеоблоги. Блогеры и видеоблогеры с большой аудиторией могут быть использованы для размещения спонсорского контента или создания совместных кампаний с брендами.

Интерактивные форматы рекламы, такие как игры, опросы, конкурсы и приложения, также играют важную роль в привлечении внимания аудитории и стимулировании её взаимодействия с брендом.

Не следует забывать и о мессенджер-платформах, таких как WhatsApp, Telegram и WeChat, которые также используются для коммуникации с аудиторией и рассылки персонализированных сообщений.

Ключевые характеристики социальных технологий в рекламе включают в себя возможность таргетирования аудитории на основе её интересов, демографических данных и поведения в сети. Это позволяет повысить эффективность рекламных кампаний и снизить издержки на привлечение новых клиентов. Кроме того, социальные технологии обеспечивают возможность анализа данных и мониторинга реакций аудитории в реальном времени, что позволяет быстро реагировать на изменения в рыночной среде и корректировать стратегии продвижения [2, с. 87].

Перспективы социальных технологий в рекламе весьма обширны и перспективны. С развитием технологий и изменением потребительского поведения предстоят новые возможности для эффективного взаимодействия с аудиторией и повышения результативности рекламных кампаний.

Одной из перспективных областей является дальнейшее развитие искусственного интеллекта и машинного обучения в рекламе. Применение алгоритмов машинного обучения позволяет улучшить таргетирование и персонализацию рекламы, а также оптимизировать бюджеты кампаний и прогнозировать их результаты.

Еще одной перспективной областью является развитие виртуальной и дополненной реальности. Виртуальные и дополненные реальности предоставляют новые возможности для создания интерактивного и захватывающего контента, который способен привлечь внимание аудитории и усилить вовлеченность потребителей. Также следует ожидать дальнейшего роста влияния микроинфлюэнсеров и создания совместных кампаний с ними. Микроинфлюэнсеры обладают небольшой, но очень преданной аудиторией, что делает их привлекательными партнерами для брендов, стремящихся достичь определенной ниши или целевой группы.

И, конечно, стоит отметить, что социальные технологии в рекламе будут продолжать развиваться в направлении повышения прозрачности и безопасности данных. Защита личной информации пользователей и соблюдение нормативных требований в области конфиденциальности становятся все более важными для рекламодате-

лей и платформ, поэтому развитие технологий, обеспечивающих защиту данных, будет продолжаться.

Социальные технологии в рекламе сталкиваются с рядом проблем и вызовов, которые могут затруднить их эффективное использование и развитие.

Одной из основных проблем является перенасыщенность рекламой в социальных медиа и онлайн-пространстве. Пользователи часто игнорируют или блокируют рекламу из-за её избыточности, что затрудняет достижение целевой аудитории и снижает эффективность рекламных кампаний.

Еще одной проблемой является увеличение конкуренции среди рекламодателей за внимание пользователей. С ростом числа брендов и компаний, активно использующих социальные медиа для продвижения, становится все сложнее выделиться на фоне конкурентов и привлечь внимание аудитории.

Также стоит отметить проблему доверия к рекламе в социальных медиа. Из-за возросшего числа случаев фейковых новостей, манипуляций и скрытой рекламы, пользователи становятся более критичными к рекламным сообщениям и менее склонными доверять информации, представленной в рекламных форматах.

Нарастающие вопросы о конфиденциальности данных также являются серьезной проблемой для социальных технологий в рекламе. Следствием скандальных ситуаций с утечкой данных становится ужесточение правил и законодательства, что может повлиять на возможность таргетирования и персонализации рекламы.

Наконец, следует упомянуть проблему адаптации к изменениям алгоритмов социальных медиа. Постоянные обновления и изменения в работе алгоритмов платформ могут привести к снижению охвата рекламных кампаний и изменению условий взаимодействия с аудиторией, что требует постоянного мониторинга и адаптации стратегий рекламы [8, с. 33].

Дополнительной проблемой для социальных технологий в рекламе является риск негативного воздействия на ментальное здоровье пользователей. Постоянное присутствие рекламы в социальных медиа и онлайн-пространстве может приводить к чувству недостаточности, сравнению с другими и негативным эмоциональным реакциям. Это может иметь негативное воздействие на самооценку и уровень удовлетворенности жизнью пользователей.

Еще одной проблемой является сложность измерения результатов рекламных кампаний в социальных медиа. В отличие от традиционных рекламных каналов, где можно точно измерить количество просмотров, кликов и конверсий, в социальных медиа это может быть сложнее из-за различных методов взаимодействия с контентом и ограничений платформ [13, с. 32].

Также стоит упомянуть проблему фейковых аккаунтов и подписчиков, которые могут исказить реальные показатели эффективности рекламных кампаний. Наличие большого количества фейковых подписчиков или лайков может сделать кампанию менее достоверной и уменьшить доверие к бренду.

Наконец, важно отметить проблему ограничений в органической видимости контента в социальных медиа. Стремление платформ к монетизации и увеличению прибыли может привести к снижению органической видимости контента брендов, что требует дополнительных затрат на рекламу и продвижение для достижения целевой аудитории.

Изучение проблем и перспектив социальных технологий в рекламе позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, несмотря на возможные препятствия и вызовы, социальные технологии остаются ключевым

инструментом в современной рекламе. Они обеспечивают доступ к огромной аудитории пользователей социальных медиа и онлайн-платформ, а также предоставляют широкий спектр возможностей для таргетирования, персонализации и вовлечения аудитории.

Во-вторых, необходимо постоянно следить за изменениями в отрасли и адаптироваться к новым трендам и технологиям. Развитие социальных медиа и цифровых платформ происходит очень быстро, поэтому рекламодатели должны быть готовы к постоянным изменениям и инновациям.

Третий вывод заключается в важности соблюдения этических норм и стандартов при использовании социальных технологий в рекламе. Защита данных пользователей, прозрачность рекламных сообщений и уважение к приватности аудитории должны оставаться приоритетами для всех участников этого процесса.

Наконец, социальные технологии в рекламе предоставляют уникальные возможности для достижения целей бренда и взаимодействия с аудиторией. При правильном использовании они способны значительно улучшить результативность рекламных кампаний и повысить конкурентоспособность компании на рынке.

При использовании социальных технологий в рекламе важно учитывать ряд аспектов. Во-первых, необходимо поддерживать баланс между рекламой и качественным контентом. Пользователи социальных медиа ценят интересный и полезный контент, поэтому рекламные сообщения должны быть органично вписаны в общий контентный план.

Кроме того, важно стремиться к персонализации рекламных кампаний. Чем более релевантен контент для конкретного пользователя, тем выше вероятность его взаимодействия с ним. Используйте данные о поведении и предпочтениях аудитории для создания персонализированных рекламных сообщений и таргетирования.

Прозрачность и этичность также играют ключевую роль. Будьте честными и открытыми в своих коммуникациях с аудиторией. Соблюдение норм и стандартов в области конфиденциальности данных и прозрачности рекламы помогает создать доверие к вашему бренду и предотвратить негативное отношение к рекламным сообщениям.

Важно также постоянно следить за изменениями в отрасли и адаптироваться к новым трендам и технологиям. Развитие социальных медиа происходит очень быстро, поэтому рекламодатели должны быть готовы к постоянным изменениям и инновациям.

Наконец, будьте готовы экспериментировать и изучать результаты. Реклама в социальных медиа – это динамичная и быстро меняющаяся область. Проводите тестирование различных стратегий и подходов, изучайте результаты и адаптируйте свои методы для достижения наилучших результатов.

Социальные технологии в связях с общественностью: основные понятия

Социальные инновации оказывают громадное воздействие на современную общность. Они изменяют метод взаимодействия людей, формируют новые перспективы для общения и обмена информацией. Вследствие этого, все больше предприятий и фирм начинают применять социальные инновации в своих стратегиях взаимодействия с обществом.

Общественные технологии обеспечивают исключительные средства для установления связей с обширной аудиторией. Пользуясь социальными соцсетями, вроде

Фейсбука (запрещена в России), Твиттера (запрещена в России) и Инстаграма (запрещена в России) и т.п., фирмы сумеют добиться потенциальных заказчиков и партнеров без выхода из своего рабочего пространства. Это расширяет новые перспективы для формирования сообщества поддержки торговой марки и увеличения ее общественной значимости, новые возможности открываются для развития сообщества, которое помогает бренду и увеличивает его узнаваемость.

Впрочем, важно осознавать, что социальные технологии нуждаются в определенном подходе и стратегическом размышлении. Базовая присутствие профилей в социальных медиа недостаточно – нужно активно участвовать в общении с аудиторией и быть готовыми к оперативному отклику на отзывы и комментарии. Исключительно при корректном применении социальных методов компании имеют возможность полностью раскрыть потенциал этих инструментов в контексте взаимодействия с аудиторией.

Роль социальных технологий в укреплении общественной связи

Социальные инновации играют огромное значение в современном сообществе, особенно в укреплении общественной связи. Во времена, когда прежде люди общались в основном вживую или через мобильный телефон, в настоящее время социальные инновации предоставляют более разнообразные перспективы для диалога и взаимодействия.

Одним из наиболее распространенных методов общения в современные времена являются социальные платформы. Их известность увеличивается с каждым сутками, и все больше индивидуумов превращаются в активных участников различных социальных сетей, подобных Фэйсбуку (запрещена в России), Инстаграму (запрещена в России), Твиттеру (запрещена в России) и многим другим. Интернет-платформы предоставляют шанс установления связей с другими индивидуумами, обмена данными и взглядами, а также участия в публичных дискуссиях и инициативах. Из-за этого интернетные платформы стали мощным средством для укрепления общественной коммуникации.

Тем не менее, интернет-платформы – не единственная возможность применения социальных инноваций для укрепления общественных взаимодействий. Все больше компаний и публичных организаций применяют разнообразные интернет-порталы для взаимодействия с жителями. Это способность представлять площадку для обратной связи, форум для разговоров о существенных вопросах либо даже устройство для реализации гражданских инициатив. Такие площадки дают возможность жителям быть более активными участниками публичной жизни, внести свою лепту в принятие существенных решений и оставаться в курсе событий.

Более того, государственные техники могут быть применены для организации массовых событий и инициатив, цель которых – укрепление общественного взаимодействия. Например, городские субботники можно устроить через специальное мобильное приложение, где граждане сумеют записываться на участие и следить за прогрессом труда. Такие мероприятия не только способствуют участию граждан в социальной сфере, но и усиливают солидарность и взаимопонимание.

Существенным фактором социальных технологий является также их воздействие на социальное стимулирование и мобилизацию. Вследствие социальных технологий индивидуумы обладают шансом не только об-

мениваться данными, но и устраивать массовые выступления, мероприятия и инициативы. Такие перспективы помогают поддерживать коммуникацию между активистами и согласовывать их действия. Вследствие этого социокультурные инновации стали неотъемлемым элементом общественных движений и борьбы за правосудие и автономию.

Впрочем, несмотря на все достоинства, социальные инновации также способны стать причиной раскола в социальных взаимоотношениях. Неуклонная активность в интернете и чрезмерное употребление социальных платформ могут вызвать отчуждение от реальности и потерю значимых личных взаимодействий. Это может вызвать сокращение общественной активности и ухудшение связей в обществе.

В конечном итоге, социальные инновации играют важную функцию в укреплении социального взаимодействия. Они предоставляют свежие перспективы для коммуникации и сотрудничества с остальными индивидами, а также способствуют социальной активности и стимулированию.

Тем не менее, сотрудничество в виртуальной среде должно служить дополнением к нашей реальной жизни, а не замещением. Лишь в таком варианте социальные методы могут истинно способствовать укреплению публичной связи.

Основные инструменты социальных технологий в сфере общественных отношений

Социальные инновации воздействуют значительно на создание и сохранение связей общества. С их поддержкой можно успешно взаимодействовать с целевым аудиторией и формировать благоприятное впечатление о фирме или учреждении.

Одним из главных средств социальных технологий в области общественных связей является социальные сети. В настоящее время почти каждое предприятие обладает своим профилем либо аккаунтом в известных социальных сетях, таких как WhatsApp, Инстаграм (запрещена в России), Твиттер (запрещена в России) и Telegram, Skype, Viber и др. Такие платформы предоставляют шанс активно взаимодействовать с целевой аудиторией, размещать данные об организации, товарах и услугах, а также отвечать на вопросы и отзывы пользователей. Такая прямая связь способствует установлению доверия и улучшению общественного восприятия компании.

Другим значимым средством являются онлайн-ресурсы и интернет-журналы фирмы. Они допускают предоставление подробной информации о работе организации, предлагаемых продуктах и услугах, а также информирование пользователей о последних новостях и событиях. Блоги способствуют приданию взаимодействия и учету взглядов пользователей, позволяя им оставлять отзывы и задавать запросы. Это способствует коммуникации и укреплению связей со зрителями.

Формирование и распространение материалов в СМИ является дополнительным средством социальных технологий. С помощью пресс-релизов, публикаций и бесед можно не только распространять сведения о фирме, но и создавать образ предприятия и его руководителей. Это предоставляет шанс оказывать воздействие на общественную позицию и коммуницировать с важными заинтересованными сторонами.

Кроме того, следует отметить о таких средствах социальных технологий, как интернет-платформы для проведения опросов и изучения общественного мнения.

Благодаря им возможно получить обратную связь от аудитории и оценить степень удовлетворенности покупателей или оценить результативность проведенных акций. Это дает возможность более точно настроить связь с публикой и разработать стратегии на основе информации.

Еще одним значительным фактором социальных технологий в области общественных связей является наблюдение и исследование общественного отзыва. С использованием специфических приложений и методик возможно мониторить упоминания компании в социальных медиа, сетевых форумах и онлайн-дневниках, а также анализировать эмоциональную тональность публикаций. Такое исследование дает возможность обнаружить проблемные аспекты и вовремя отреагировать на них, а также предпринимать действия для улучшения репутации организации.

В конечном итоге, главными инструментами социальных технологий в области социальных связей являются социальные сети, интернет-ресурсы и журналы, статьи в прессе, онлайн-опросы и исследование общественного мнения. Применение данных средств дает возможность предприятиям и учреждениям успешно общаться с аудиторией, создавать доверительные связи и формировать благоприятное представление [1, с. 253].

Влияние социальных технологий на формирование общественного мнения

Социальные инновации выполняют значимую функцию в современном обществе, включая также и в формировании общественного взгляда. Они предоставляют индивидуумам шанс активно принимать участие в социально-политических процессах, обмениваться данными и выражать свои взгляды.

Одним из принципиальных общественных методов, который оказывает воздействие на формирование общественного взгляда, являются социальные платформы. С использованием известных социальных сетей, таких как WhatsApp, Инстаграм (запрещена в России), Твиттер (запрещена в России), Telegram, Skype, Viber, Фейсбук (запрещена в России), Инстаграм (запрещена в России), Твиттер (запрещена в России) и прочих, люди имеют возможность разделять информацию, высказывать мнения об актуальных событиях, обсуждать вопросы общественно-политического характера. Вследствие обширного охвата этими сетями, общественная точка зрения может оперативно создаваться и изменяться под воздействием различных факторов.

Еще одной значимой социальной практикой, оказывающей воздействие на формирование общественного мнения, является публикация в блогах. Инфлюенсеры просвещают разнообразные аспекты существования, размещают отзывы о происходящих событиях, делятся своими взглядами. Через онлайн-дневники люди приобретают возможность к различной информации, которая способна оказывать влияние на их мнения и уверения [5, с. 225].

Равным образом значимым средством в создании социального отзыва считаются интернет-анкеты для голосования. При помощи общественных технологий граждане имеют возможность выражать свою точку зрения на определенные вопросы, участвовать в опросах и голосованиях по значимым общественным вопросам. Выходы подобных исследований способны быть использованы в политической либо социальной сфере для принятия решений, либо оценки общественной поддержки [5, с. 224].

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что не всегда общественная позиция, сформированная через социальные методы, является непредвзятой. Вследствие вероятности анонимного выражения точек зрения и распространения ложной информации, социальные сети и блоги могут способствовать формированию и распространению поддельных новостей и искаженной информации. Это способно вызвать искривление общественного взгляда и манипулирование психикой индивидуумов.

Кроме того, социальные инновации могут способствовать созданию так называемых «звуковых камер», в которых люди ограничивают свое общение только с единомышленниками, исключая возможность услышать и понять другие точки зрения. Это способно увеличивать политическую и социальную разобщенность и усложнять общение между различными категориями индивидуумов.

Однако, общественные технологии все же обладают огромным потенциалом для формирования общественной позиции, если их применять с разумностью и ответственностью. Существенно совершенствовать аналитическое мышление и умения медиа-просвещенности, с тем, чтобы иметь возможность исследовать информацию, оценивать ее достоверность и проверять факты. Кроме этого, необходимо стремиться к многообразию в общественном обсуждении, с тем, чтобы принимать во внимание различные мнения и взгляды.

Обобщая вышесказанное, хочу отметить, что социальные инновации выполняют значимую функцию в становлении общественной позиции. Они обеспечивают индивидуумам шанс выразить свою позицию, активно участвовать в социально-политической сфере и оказывать воздействие на принятие выборов [1, с. 352].

Тем не менее, также важно учесть и неблагоприятные последствия применения социальных методов, такие как распространение ложной информации и ограничение восприятия разных мнений. Необходимо улучшать медийную грамотность и добиваться разнообразия в публичном общении, чтобы социальные технологии способствовали созданию объективного и сбалансированного общественного мнения.

Преимущества и недостатки использования социальных технологий в общественных связях

В современном информационном обществе социальные методы занимают все более значимую позицию в общественном общении. С возможностью их использования люди могут коммуницировать и сотрудничать друг с другом, передавать знания и взгляды, а также планировать события и инициативы. Тем не менее, подобно всякой инновации, социальные методы обладают достоинствами, и недостатками, которые следует учитывать в процессе их применения.

Одним из основных достоинств социальных инноваций в общественных взаимоотношениях представляется их доступность. В настоящее время практически каждый индивидуум обладает способностью соединиться с Глобальной сетью и применять социальные сети, мессенджеры, форумы и прочие платформы с целью взаимодействия с остальными людьми. Это дает возможность формировать обширные коммуникативные системы и отыскивать союзников по интересам и задачам. Вследствие социальных методов люди способны отыскать поддержку и помощь в своих предприятиях, а также увеличить свою информационную связь [11, с. 16].

Дополнительной неотъемлемой пользой социальных технологий является их эффективность и экономия времени. Вместо того чтобы проводить время на поиск и сбор информации в оффлайн, люди могут воспользоваться поиском и отбором данных в онлайн, а также получать свежие новости и обновления в реальном времени. Кроме этого, социальные инновации позволяют устраивать интернет-семинары, онлайн-собрания и прочие виртуальные события, что экономит время и ресурсы на организацию и проведение событий в реальном времени.

Социальные инновации также способствуют повышению ясности и доступности сведений. Вследствие социальных сетей и платформ, где личности обмениваются данными и взглядами, становится удобнее получить возможность к разнообразным источникам информации. Это особенно важно для репортеров и исследователей, которые могут применять общественные технологии для получения информации и изучения общественного отношения. В дополнение к этому, применение социальных инноваций дает возможность людям выражать свои взгляды и концепции, что способствует обширному общению и демократизации общественной жизни [11, с. 17].

Тем не менее, применение социальных технологий обладает и своими недостатками. Одним из таких недостатков является утрата секретности и интимности. Частенько индивидуумы не понимают, что данные, которые они выкладывают в соцсетях или пересылают в электронных сообщениях, могут стать доступными широкой аудитории или даже попасть в лапы злодеев [3, с. 17].

В дополнение к этому, применение социальных технологий может вызвать неверное восприятие о самом себе, так как люди имеют возможность выбирать, какую информацию о себе раскрывать и в каком облике предстать в цифровом пространстве.

Дополнительным недостатком социальных методик является переизбыток информации и отбор сведений. В связи с фактом, что социальные медиа и платформы предлагают изобилие данных и точек зрения, у людей может возникнуть затруднение в определении, какую информацию они должны принимать всерьез и какие источники считать надежными. В результате, информационный поток и масса рекламных уведомлений могут усложнять общение и делать его менее значительным.

В итоге, я хочу отметить, что применение социальных технологий в общественных отношениях обладает своими плюсами и минусами. Следует учесть, как перспективы, которые они предлагают, так и возможные угрозы, и сложности. Ключевым аспектом является развитие умений аналитического мышления и информационной грамотности с целью эффективного использования сетевых технологий и получения максимальной выгоды от них.

Перспективы развития социальных технологий в сфере общественности

В текущий момент времени социальные инновации исполняют все более существенную функцию в публичной сфере. Они допускают индивидуумам энергично сотрудничать, передавать сведения и принимать участие в разнообразных общественных событиях. Связанный с этим возникает вопрос о перспективах прогресса социальных инноваций в области коллективности.

Одной из главных перспектив развития социальных технологий в сфере общества заключается в усовершенствовании коммуникативных процедур. С использованием социальных инструментов люди могут оперативно и результативно коммуницировать между собой,

обсуждать существенные социальные вопросы, планировать совместные события и акции. Это увеличивает степень общественной энергичности и способствует решению социальных задач.

Кроме этого, социальные инновации способствуют увеличению ясности общественных событий. Они допускают обществу улучшить мониторинг активности правительства, также отслеживать и анализировать разнообразные социальные процессы. Например, при помощи социальных сетей возможно следить за общественной позицией относительно политических событий или оценивать результативность работы государственных организаций.

Существенным фактором прогресса социальных технологий в сфере коллективности является их применение в социальных проектах и начинаниях. Социальные методы позволяют организовать продуктивную деятельность добровольцев, собирать пожертвования и привлекать средства для решения социальных проблем. На пример, с поддержкой социальных платформ возможно устроить сбор средств для участия нуждающихся или расширять учебные проекты для молодежи.

Дополнительной возможностью продвижения социальных технологий в области общественности является повышение уровня жизни граждан. При помощи социальных техник доступный вход к познанию приобретает более широкий масштаб, что позволяет индивидуумам получить современные знания, прогрессировать и принимать осмысленные выборы. Кроме этого, социальные инструменты способствуют улучшению уровня образования, поднятию уровня культуры и развитию потенциала личности.

Тем не менее прогресс социальных технологий в области коллективности может также столкнуться с некоторыми трудностями и вызовами. К примеру, возникает проблема относительно приватности информации и охраны индивидуальных сведений. При применении социальных инструментов необходимо обеспечить надежную защиту информации пользователей и предотвратить ее неправомерное использование.

Кроме того, имеется риск создания информационных «ловушек», когда индивидуумы получают информацию исключительно от единомышленников, что может привести к искажению представлений о действительности и увеличению разделения общества. Следовательно, в процессе прогресса социальных технологий необходимо обратить внимание на многообразие и доступность информации.

Заключение

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что виды прогресса социальных инноваций в области коллективности огромны. Они способны превратиться в сильное средство для улучшения социальной жизни, поднятия уровня социальной активности и разрешения социальных вопросов. Впрочем, в процессе их прогресса требуется учитывать возможные сложности и вызовы, связанные с секретностью данных и доступностью информации. Лишь в подобной ситуации социальные методы смогут полностью раскрыть свои возможности и принести высочайшую выгоду для общества.

Литература

1. Ачкасова В.А. Связи с общественностью как социальная инженерия / В.А. Ачкасова, Л.В. Володина. – Издательство: Речь, 2023. – 352 с.
2. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе / М.С. Вершинин. – М.: СПб: Михайлов В.А., 2001. – 253 с.

3. Генне О.В. Заметки о социальной инженерии. Защита информации / О.В. Генне. – Издательство: IN-SIDE, 2022. – С. 16–19.
4. Джон Филип Рекламный бизнес. Деятельность рекламных агентств, создание рекламы, медиапланирование, интегрированные коммуникации / ред. Джоунс, Филип Джон. – М.: Вильямс, 2005. – 784 с.
5. Золотова В.В. Социальные сети: тенденции развития и перспективы для продвижения продуктов / В.В. Золотова //Маркетинг услуг, 2023. № 3. С. 224–231.
6. Иванова Развитие потенциала сотрудников: Профессиональные компетенции, лидерство, коммуникации: моногр. /Иванова и др. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 278 с.
7. Крючкова В.А. Социология искусства и модернизм /В.А. Крючкова. – М.: Изобразительное искусство, 1979. – 216 с.
8. Култыгин В.П. Классическая социология /В.П. Култыгин. – М.: Наука, 2000. – 526 с.
9. Музыкант В. Маркетинговые основы управления коммуникациями /Музыкант, Валерий. – М.: Эксмо, 2009. – 832 с.
10. Пост Деловой этикет. Персональные коммуникации для профессионального успеха / Пост, Пост Пегги; Питер. – М.: Эксмо, 2008. – 304 с.
11. Самойленко С. Интернет, дружба, жвачка. С. Самойленко // Советник. 2022. № 9. С. 16–18.
12. Чамкин А.С. Социология коммуникации /А.С. Чамкин. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 304 с.
13. Шарков Ф.И. Коммуникология. Социология массовой коммуникации / Ф.И. Шарков. – М.: Дашков и Ко, 2010. – 320 с.

SOCIAL TECHNOLOGIES IN ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

Grigoriev N.Yu.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article explores the impact of social technologies on modern advertising and public relations, highlighting how these innovations are transforming the way brands interact with consumers. The paper analyzes the role of social networks, mobile applications and machine learning algorithms in the formation of personalized advertising campaigns. Special attention is paid to the effectiveness of targeted advertising, the possibility of instant feedback and ways to increase the level of consumer engagement.

It is shown that communication in the field of public relations has both social and psychological aspects. Through effective communication, the organization strives to influence public opinion in general and on individuals.

Examines the ethical aspects of the use of social technologies in advertising, including issues of privacy and manipulation of consumer behavior. Finally, strategies are proposed to optimize the use of social technologies in advertising campaigns, taking into account current and future trends in digital marketing.

The object of the research is campaigns that integrate social technologies to achieve higher efficiency and personalization.

The subject of the research is the methods and approaches that are used in social technologies to create and distribute advertising materials. An important part of the subject is the study of the impact of these technologies on consumer behavior, especially how they influence their shopping decisions and preferences.

Keywords: social networks, digital marketing, targeted advertising, personalization, public relations.

References

1. Achkasova V.A. Public relations as social engineering / V.A. Achkasova, L.V. Volodina. – Publisher: Speech, 2023. – 352 p.

2. Vershinin M.S. Political communication in the information society / M.S. Vershinin. – M.: St. Petersburg: Mikhailov V.A., 2001. – 253 p.
3. Genne O.V. Notes on social engineering. Information protection / O.V. Genne. – Publishing house: INSIDE, 2022. – pp. 16–19.
4. John Philip Advertising business. Activities of advertising agencies, advertising creation, media planning, integrated communications / ed. Jones, Philip John. – M.: Williams, 2005. – 784 p.
5. Zolotova V.V. Social networks: development trends and prospects for product promotion / V.V. Zolotova // Marketing of services. 2023. No. 3. pp. 224–231.
6. Ivanova Employee potential development: Professional competencies, leadership, communications: monograph / Ivanova et al. – M.: Alpina Business Books, 2008. – 278 p.
7. Kryuchkova V.A. Sociology of Art and modernism / V.A. Kryuchkova. – M.: Fine Arts, 1979. – 216 p.
8. Kultygin V.P. Classical sociology / V.P. Kultygin. – M.: Nauka, 2000. – 526 p.
9. Musician V. Marketing fundamentals of communication management / Musician, Valery. – M.: Eksmo, 2009. – 832 p.
10. Post Business etiquette. Personal communications for professional success / Post, Peggy's Post; Peter. – M.: Eksmo, 2008. – 304 p.
11. Samoylenko S. Internet, friendship, chewing gum. S. Samoylenko // Adviser, 2022. – No. 9. – pp. 16–18.
12. Chamkin A.S. Sociology of communication / A.S. Chamkin. – M.: INFRA-M, 2013. – 304 p.
13. Sharkov F.I. Communicology. Sociology of mass communication / F.I. Sharkov. – M.: Dashkov and Co., 2010. – 320 p.

Женский инфлюенс-маркетинг в Бурятии: формирующийся рынок цифровых услуг и практики сообщества

Дашибалова Ирина Николаевна,

к.ф.н., старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
E-mail: dashibalonirina@gmail.com

Ван Ирина Доржиевна,

к.с.н., научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
E-mail: irdon@yandex.ru

В статье выделяются социальные практики женского онлайн предпринимательства на примере создателей цифрового контента (инфлюэнсеров) в Бурятии. Изучение микроуровня онлайн бизнеса в социальных сетях рассматривается на примере запрещенной в РФ интернет-платформы Инстаграм¹. Женский инфлюэнс-маркетинг, как и в целом блогинг, представляет новейший вид (онлайн) занятости в регионе. Материалы статьи основаны на двенадцати экспертных глубинных полуструктурированных интервью с представителями цифровых и digital-профессий. Осуществлен контент-анализ 100 профилей наиболее активных онлайн-предпринимателей Бурятии. Результаты исследования демонстрируют противоречия социального статуса блогеров (инфлюэнсеров) на фоне высокого уровня безработицы в регионе, расширения сферы самозанятости, неустойчивости правового статуса цифровых профессий и онлайн бизнеса. Вовлечённость отдельных групп в платформенную занятость и цифровую среду вызвано низкими доходами населения и желанием качественно улучшить уровень жизни.

Ключевые слова: цифровизация, платформенная занятость, цифровая платформа блогинг, инфлюэнс-маркетинг, инфлюэнсер, инфобизнес, женщины, социальное пространство, контент, социальные практики, самозанятый.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.».) № 121031000243–5.

¹ Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу N 02–2473/2022 – М-1527/2022 Об удовлетворении исковых требований Первого заместителя Генерального прокурора РФ в интересах неопределенного круга лиц к Транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. о запрете деятельности указанной организации по основаниям осуществления экстремистской деятельности. Режим доступа: <https://www.garant.ru/files/6/6/1660666/reshenietyverskogo-rayonnogo-suda-g-moskvy-ot-21-marta-2022-g-podelu-n-02-24732022.pdf>. Данные меры судебной защиты не ограничивают действий по использованию программных продуктов компании Мета физических и юридических лиц, не принимающих участие в запрещенной законом деятельности.

В настоящее время мы становимся свидетелями и участниками процесса глобальной цифровизации. В условиях информационного общества и складывающегося рынка цифровых профессий возрастает роль факторов технической оснащённости и актуализации интернет-коммуникации. Цифровая трансформация изменяет коммуникативное пространство и формирует новые виды занятости, одним из которых является платформенная занятость.

Платформенная занятость характеризуется «получением работниками дохода через предложение труда на цифровых платформах». Цифровые платформы труда, например, Авито, Wildberries, Яндекс Go и др. предлагают «площадки для нестандартной и случайной (разовой) работы различного характера цифровым способом, хотя выполнение работы и предоставление рабочей силы могут осуществляться электронным способом или физически» [13, с. 85]. Таким образом, специфика цифровых платформ труда состоит в её гибридном характере взаимоотношений участников [2]. Гибридный характер подразумевает, что деятельность участников ведётся как онлайн, так и оффлайн. Цифровые платформы предоставляют возможность пользователям вести информационный бизнес (обучающие курсы и другие услуги онлайн на различных платформах и мессенджерах), удалённо платить налоги, вести онлайн конференции и также являются рекламной площадкой для продажи услуг оффлайн.

Платформенная занятость как новое социальное явление в эпоху турбулентности многомерно, включает разноуровневых игроков. На государственном уровне в 2017 г. принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». После пандемии 2020 г. наблюдается взрывной рост пользователей онлайн платформ, работающих в удалённом режиме и обучающихся дистанционно. Пандемия ускорила тенденцию цифровизации бизнес-процессов в России, что было вызвано вынужденным переходом на удалённую работу.

Различают три вида цифровых платформ: инструментальные, инфраструктурные и прикладные [15]. Одной из самых распространённых разновидностей прикладных платформ являются социальные сети. Социальные сети обусловлены сложной самообразующейся системой сетевой коммуникации с использованием визуального контента. Символический капитал, формируемый участниками взаимодействия, производится специалистами, которых можно подразделить на технических (программисты, разработчики, аналитики данных, веб-дизайнеры) и разнообразный ряд цифровых маркетологов и креаторов (графические дизайнеры, копирайтеры, SMM-продюсеры, видеомэйкеры и др.).

Соцсети регламентируются федеральными законами № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [11] и № 530 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12].

Для исследователей социального пространства предстоит задача научного описания меняющихся социальных отношений и практик цифровизации. Социологи

Ефанов А. А., Чилипенко Ю. Ю., Данилова Л. С. использовали методологию П. Бурдьё для критического анализа деятельности медиаакторов запрещенной в РФ соцсети Инстаграм, изучая усиление влияния известных персон и их репутационные издержки, а также блогинг как предпринимательство [6; 14].

Ввиду своей гибкости и изменяющегося характера, система платформенной занятости по ряду признаков обладает определением социального поля. В этой связи уместен понятийный аппарат П. Бурдьё, описывающий социальное пространство и его акторов, по многим критериям тождественное атрибутам виртуального пространства, в котором мы наблюдаем сходное социальное взаимодействие: наличие виртуальных символических ресурсов, способствующих капитализации, коммуникативность, система социальных практик, экспертный габитус как индивидуальный стиль, например, уникальные знания, креативный контент инфлюэнсера-видеоблогера [4]. Французский социолог раскрыл также в своих исследованиях социальный феномен фотографических практик как воспроизводство коллективной идентичности [5]. Особенность запрещенной в РФ сети Инстаграм, возникшей в 2010 г., определяется изначально как соцсеть для обмена фотографиями.

По П. Бурдьё, символический интеллектуальный капитал тождественен функции денег. Владельцами нового вида социального капитала – виртуального, становятся креативные предприниматели, создатели цифрового контента и поскольку таковых меньшинство, то основная масса населения в этой градации являются обычными пользователями или цифровыми пролетариями. Потребители контента (подписчики) – это люди, которые не только смотрят производимый контент (видеоролики, посты, истории), но и покупают продукты (услуги, вещи) импульсивно или целенаправленно.

Парадокс заключается в том, что высокодоходными группами становятся «не те, у кого выше экономический и образовательный статус, а более активные и креативные пользователи, создающие потоки контента в социальных сетях, а лишённым выгод, зависимым и виртуально эксплуатируемым большинством оказываются те пользователи, которые остаются лишь потребителями контента» [7, с. 111].

Ввиду новизны объекта и темы исследования в статье введены заимствованные прикладные термины, используемые в сфере маркетинга, которые в российском академическом дискурсе пока не утверждены окончательно. В некоторых случаях понятия имеют альтернативный вариант в русском языке, в остальных содержание явления отражают более точно англицизмы. Расширение сферы цифровых технологий влияет постепенно на введение понятийного аппарата, технических терминов в лексический корпус русского языка заимствованных слов, особенно если им нет аналога, например, web-разработки, интернет. Тем не менее, пояснения к терминологии будут раскрыты.

Активно развивающейся нишей на базе мировых и отечественных платформ выступает инфлюэнс-маркетинг (от англ. influence «влияние»). В некоторых случаях используется термин интернет-маркетинг, digital-маркетинг как более широкое по смыслу толкование или маркетинг влияния как буквальный перевод [16]. Инфлюэнс-маркетинг означает рыночную стратегию, используемую компаниями для более эффективного продвижения товаров и услуг конкретной целевой аудитории. Он стал новым инструментом в связи с активным развитием социальных сетей и стремительным увеличением числа их пользователей [3].

Инфлюэнсеры – пользователи социальных сетей, лидеры мнений, популярные личности, которые привлекаются для продвижения брендов, товаров или услуги различными компаниями или брендами. Инфлюэнсеры, в отличие от блогеров – любых лиц, ведущих страницу в интернете, даже без аудитории, имеют большое количество подписчиков, сотрудничают с корпорациями, профессионально развивают свой блог, вкладывая и получая символические и материальные ресурсы: монетизацию, рекламную интеграцию, выплаты за счёт комиссий от продаж и за количество просмотров и т.д. Инфлюэнсер – это крупный блогер, который задаёт тренды в соцсетях и является инфобизнесменом, т.е. продаёт свой продукт (обучающий курс, программа менторства, наставничества). Взлёт их популярности способствовал не только росту огромного количества подписчиков, но и высоким гонорарам, а также некоторым заимствованиям их стиля и образа жизни [3].

Виртуальный социальный капитал в виде нарастающих социальных связей и оригинальный контент позволяют монетизировать ресурс, например, создать информационный продукт (обучающие курсы, марафоны, наставничество и пр.), сотрудничать с компаниями и брендами или предоставить рекламную площадку на своём аккаунте (бизнес-странице).

Преимущества цифровых изменений в полную силу уже успели оценить женщины, позиционирующие себя в виртуальных сообществах экспертами и использующие возможности интернет-продвижения. По данным статистического исследования российской инновационной IT-компании Brand analytics (лидирующий разработчик в системе мониторинга и анализа социальных медиа на рынках России и СНГ) самой активной аудиторией запрещенной в РФ сети Инстаграм в России, т.е. тех, кто за апрель 2024 г. опубликовал хотя бы одно сообщение, являются женщины. Распределение по полу составило 81,3% – женский, 18,7% – мужской [10].

Республика Бурятия в позиционировании женского цифрового предпринимательства интересна тем, что в ней обнаруживаются полярные группы активных цифровых предпринимателей с одновременно выраженным социальным неравенством общества. На запрещенной в РФ площадке Инстаграм по данным Brand Analytics в апреле 2024 г. в Бурятии насчитывалось 54315 активных авторов [10]. Для женщин как социально-демографической группы населения актуализируется потенциал платформенной занятости ввиду ограничений, связанных с периодом отпуска по уходу за ребёнком, карьерного роста в традиционной офлайн занятости и открывшимися возможностями для самозанятых. Соцсети открывают возможности для творческой самореализации и удалённой работы с гибким графиком. Одним из показателей включения в инфобизнес стал рост числа женщин, удачно совмещающих удалённый или сетевой бизнес, блогерство и воспитание детей.

Исходя из перспективности, привлекательности, удобного формата платформы, востребованности и низкого порога входа в профессию, связанные с рынком цифровых услуг, обусловлены цели исследования – выявить характеристики новейшего социального явления онлайн-занятости в регионе; описать типы женского онлайн-предпринимательства; раскрыть практики сообщества женщин-блогеров Бурятии; выявить социальные проблемы, связанные с процессом вовлечённости инфлюэнсеров в поле платформенной занятости и восприятием в общественном мнении статуса инфлюэнсера.

Методы исследования

Материалы статьи основаны на изучении нормативно-правовых актов российского законодательства, вторичном анализе данных официальной статистики Росстата и федеральных маркетинговых агентств.

Сбор эмпирической информации осуществлялся в 2022–2024 гг. Осуществлён сплошной контент-анализ 100 профилей запрещенной в РФ социальной сети Инстаграм с самым большим количеством подписчиков. Выявлено распределение по полу: 10 мужчин и 90 женщин в возрасте от 22 до 53 лет. Единицами анализа являлись место жительства пользователя и его целевой аудитории, количество подписчиков от 10 тыс. чел., реальный, действующий и заполненный профиль пользователя, публикации как показатель активности блогера. Единицей счёта является частота единицы анализа – количество подписчиков, рекламный пост о продаже своего продукта или услуги, отклики подписчиков, наличие коллаборации с брендами. Исходя из статистики бизнес-профилей составлен рейтинг 20 инфлюэнсеров Бурятии.

Исследование дополнено двенадцатью экспертными глубинными полуструктурированными интервью с представителями цифровых профессий. Опрошено пять крупных инфлюэнсеров с количеством подписчиков от 50 тыс. чел., имеющих свои образовательные платформы и большой штат сотрудников в команде (как правило, они отличаются наличием нескольких информационных продуктов, а также программы наставничества и менторства); четыре средних инфлюэнсера с количеством подписчиков от 10 тыс. чел. (не имеют большой штат сотрудников, продвигают один или два инфопродукта) и 3 инфлюэнсера с количеством подписчиков от 20 тыс. чел, занимающихся только рекламными интеграциями.

В статье также использованы данные социологических исследований социального неравенства и социальных настроений молодежи, проведённых сектором социологии ИМБТ СО РАН в 2021 г. и 2022 г.

Результаты исследования

Переходя к рассмотрению инфлюэнс-маркетинга в регионе, обратим внимание, что он имеет явно выраженный женский профиль. В Бурятии инфлюэнс-маркетинг (инфо-бизнес, онлайн-предпринимательство) находится в стадии активного становления. Сегодня в столице республики насчитывается более 100 инфлюэнсеров с аудиторией от 10 тыс. чел. (микроблогеры) и от 100 тыс. до 1 миллиона подписчиков (макроблогеры). Наноблогеры (с аудиторией до 10 тыс. чел.) в исследовании не учитывались, так как их рост в качестве инфлюэнсеров пока продолжается или это обычные люди, ведущие свои некоммерческие аккаунты. Выделим, какие ниши занимают местные инфлюэнсеры в запрещенной в РФ соцсети Инстаграм, так как она остаётся наиболее востребованной и удобной.

Основываясь на анализе профилей блогеров, обнаруживаются следующие направления инфлюэнс-маркетинга: психологические консультации, нумерология, фитнес-курсы, марафоны по правильному питанию, реклама через личный бренд, инвестиции, услуги SMM продвижения, продюсирование и т.д. Полученные данные демонстрируют женский профиль инфлюэнс-маркетинга в Бурятии. Количество мужчин – блогеров заметно меньше, что можно объяснить нацеленностью мужчин на традиционную офлайн-занятость. Инфлюэнс-маркетинг и блогерство требуют «мягких навыков», которые больше присущи женщинам (коммуникации, умение демонстрировать яркие эмоции). Инфлюэнс-маркетинг

в Бурятии на стадии становления, но даже те немногие, кто активно зашёл в данную нишу, ввиду публичной деятельности демонстрируют достаточное доверие целевой аудитории и экспертность в своей сфере. В основном это ролевые модели, копирующие мировых и отечественных инфлюэнсеров.

Следует отметить, что часть инфлюэнсеров не проживает на данный момент в Бурятии, но сохранили свою целевую аудиторию, которая покупает у них курсы дистанционно и с интересом наблюдает за их повседневной жизнью. То есть одним из важных ресурсов продвижения и расширения блога является доверие подписчиков. Ещё одной из особенностей инстапрофилей является присутствие большей части представителей бурятской национальности.

Как видим, инфлюэнсеры Бурятии создали аккаунты в основном 10 лет назад, почти с момента распространения мировой соцсети. За этот период, благодаря и оффлайн популярности, продюсированию аккаунтов, наличию команды помощников, харизматичному образу, мощной коммуникации, блогеры капитализировали свои страницы.

С марта 2022 г. в связи с официально запрещённым статусом соцсети Инстаграм в России, уходом западных брендов, компания потеряла часть пользователей. Оборот рынка данной платформы снизился более чем на 50%. Аналитики фиксировали переход и интеграцию инфлюэнсеров на альтернативные социальные сети и мессенджеры: Вконтакте, Telegram, Одноклассники, Youtube, Дзен, TikTok. Оставшаяся лояльная аудитория может войти на интернет-площадку только через VPN. Популяризация VPN-сервисов с 01.03.2024 г. запрещена Роскомнадзором. Ещё одним фактором снижения популярности запрещенной в РФ сети Инстаграм стала обязательная маркировка рекламы с 01.09.2023 г., за нарушение закона «О рекламе» установлен штраф до 100 тыс. руб. В 2023 г. к административной и уголовной ответственности привлечены известные российские инфлюэнсеры В. Чекалина, А. Митрошина, Е. Блиновская, А. Шабутдинов в связи с неуплатой налогов. Регулирование информационного бизнеса и деятельности блогеров продолжается в 2024 г.

Несмотря на ограничения, запрещенная в РФ платформа Инстаграм занимает второе место по числу авторов и объёму ежемесячного контента (после ВКонтакте) – 17 млн активных авторов в I квартале 2024 г. [9]. Именно данная площадка, по мнению маркетологов, является «колыбелью трендов». Предприниматели, использующие данную интернет-площадку, при сохранении требований закона «О рекламе», интеграции с другими соцсетями, ответственности при уплате налогов, отсутствии призывов к экстремистской деятельности продолжают её выбирать как одну из лучших для продажи товаров и услуг.

Гибкость цифрового рынка проявляется в перезапуске и замещении многих брендов (например, локализации европейских, появлении корейских, турецких, белорусских, новых федеральных марок), освобождении ниши для конкурентов и возможности забрать аудиторию блогерам, имеющим небольшую аудиторию. Во-первых, это становится удобно брендам в расходах на рекламу, во-вторых, рынок меняется и позволяет войти новым игрокам.

Капитализация бренда инфлюэнсера строится, главным образом, на рекламе или коллаборации с другими блогерами. Исходя из профилей инфлюэнсеров, мы видим, что половина из представленного списка являются известными ведущими, представителями шоу-бизнеса в Бурятии. Их личный бренд с коллаборацией партнёра

ских программ, персональные рекомендации для подписчиков взаимовыгодны для всех участников. Другую группу инфлюэнсеров представляют специализированные аккаунты, предлагающие обучение, продажу продуктов, консультации, онлайн услуги. Ключевой составляющей прироста подписчиков является креативный, «цепляющий» контент и лояльность аудитории.

По экспертным оценкам, инфлюэнсеры в Бурятии демонстрируют «высокий уровень в бьюти-сервисе и непосредственно в SMM-сфере» (интервью с консультантом по маркетингу) и не уступают специалистам из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Иркутска, «а в чём-то их даже превосходят и любой бизнес сможет найти качественных специалистов в продвижении услуг».

Одним из способов вовлечения в новые практики платформенной занятости, инфлюэнс-маркетинга, формирования личного бренда, видеоблогинга стала программа организации профессионального обучения и дополнительного образования отдельных категорий граждан для приобретения или развития имеющихся знаний, компетенций и навыков, обеспечивающих конкурентоспособность и профессиональную мобильность на рынке труда в рамках федерального проекта «Содействие занятости» (2021–2024) [8]. В 2022 г. в Бурятии бесплатное обучение прошли более 1500 человек, выбравшие профессии «специалист по работе на маркетплейсах», «таргетолог» и «SMM-специалист».

Специфика женской онлайн занятости в регионе обусловлена социальным фоном сложившейся структуры занятости. Обратимся к эмпирическим данным исследования «Социальное неравенство в Республике Бурятия», проведённого сектором социологии ИМБТ СО РАН в 2021 г. Всего опрошено 645 чел. методом анкетного опроса. Выборка репрезентирует население Республики Бурятия, включая городское и сельское население; стратифицированная многоступенчатая с применением квотных значений по взаимосвязанным параметрам на последней ступени отбора респондентов – пол, возраст, национальность. Выявлено, что в регионе ввиду производственной дифференциации, чаще фигурируют профессиональные группы (как соотнесли себя респонденты) – служащие (18,6%), квалифицированные рабочие (17,1%), самозанятые (11,2%), специалисты (9,9%), руководители среднего звена (7,4%), крестьяне (6%).

На вопрос анкеты: «В какой отрасли хозяйства Вы работаете?» получены линейные распределения ответов респондентов: образование – 11,3%, торговля – 8%, здравоохранение – 5%, услуги населению – 7%, сельское хозяйство – 6%, общественное питание – 5%. Значимую долю ответивших составляет категория указавших вариант: «не работаю» – 18,3%. Полученные значения свидетельствуют о том, что почти пятая часть общества не отнесла себя к работающим в какой-либо отрасли хозяйства и 1/10 опрошенных являются самозанятыми, которые могут совмещать основную работу с дополнительными заработками.

Статус и общественное признание профессии инфлюэнсер в настоящее время пока не утвердилось. В чём заключаются противоречия социального статуса инфлюэнсера? Не каждый известный блогер несмотря на то, что его имя становится популярным, оформляет налоговые отношения с государством. Ввиду данного положения о социальных льготах, социальной защите, регламента рабочего времени, стабильных доходах и отчислениях в страховые фонды, профессиональном образовании, и как следствие, имиджевых характеристиках положительного образа блогера в общественном мнении говорить не приходится. По свидетельству консультанта по личному брендингованию Егоровой А.Ю.,

«налоги за рекламу происходят на добровольных началах». Отмечаются проблемы правового статуса, отсутствие техзаданий и договоров в случае конфликтных ситуаций, недостаточно высокий уровень специализации (копирайтеры, видеомэйкеры, фотографы, дизайнеры и др.), отсутствие критериев и нормативов оплаты труда фрилансеров и инфлюэнсеров. В то же время, по её мнению, качество производимого контента блогеров с 1 млн подписчиков в других городах страны сопоставимо с качеством подачи информационных материалов улан-удэнских блогеров, имеющих подписчиков от 40 тысяч человек.

Дополняют картину анализа профилей и данных Росстата результаты массового опроса студенческой молодёжи, проведённого в декабре 2022 г. В социологическом исследовании выявилось отношение к источникам информации. Превалирующая часть студентов определяют основной источник информации – соцсети и мессенджеры (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «В настоящее время, для большинства представителей современной молодёжи основным источником получения информации о событиях, происходящих в республике, стране и мире являются социальные сети и мессенджеры, Вы согласны с этим?», % опрошенных

	Ответы	%
1	да, согласен	96
2	нет, не согласен	3,5
3	нет ответа	0,5

Выводы

Женский инфлюэнс-маркетинг в регионе формирует рынок цифровых профессий, включает активных пользователей в новые виды социальных практик, предполагает самообучение и рост профессиональных компетенций. Как правило, масштабируя блог, инфлюэнсер организует команду помощников, создаёт рабочие места. Блоггерство и инфлюэнс-маркетинг, несмотря на возможность получения высоких доходов, не является пока официальной профессией.

Вместе с тем, ввиду сложившейся структуры рынка труда, неустойчивости правового статуса цифровых профессий, цифрового бизнеса обнаруживаются проблемы легализации, налогообложения, пенсионных страховых отчислений. Вовлечённость населения в платформенную занятость и цифровую среду, вызвано, в том числе, низкими доходами населения и желанием молодого поколения качественно улучшить уровень жизни. Если наноблогинг является в большей степени способом адаптации безработных в регионе (на цифровой площадке они монетизируют свои умения в выпечке, в бьюти-сфере и др.), то микро- и макроблогинг является средством ведения бизнеса для малых и средних предпринимателей. Согласно результатам полуструктурированных интервью с инфлюэнсерами Бурятии, многие из них начали вести блог в качестве дополнительного заработка наряду с основной работой, и начинали эту деятельность одними из первых в регионе, масштабируя свои продукты инфобизнеса с каждым годом, что говорит о высоком социальном капитале данной социальной группы.

Обнаруженными в ходе исследования типологическими характеристиками нового типа занятых в регионе (инфлюэнсеров, SMM-специалистов, IT-специалистов, инфобизнесменов, фрилансеров и др.) являются сфор-

мированные «мягкие навыки», высокий профессионализм, регулярное самообучение. Особенности рынка труда цифровых профессий в регионе являются равнозначность уровня профессиональной компетенции со специалистами в центральных городах России при одновременной нехватке узких профессионалов в отрасли (копирайтеры, маркетологи, продюсеры), отсутствие современной стандартизированной программы обучения ввиду изменчивости среды.

В то же время нельзя не отметить, что ввиду новизны рынка «болезни роста» прикладной платформенной занятости. В первую очередь, правовые вопросы: отсутствие оформленных договорных отношений и технического задания при выполнении заказов, занижение стоимости работ заказчиком на услуги. С 2018 г. предприниматели, в том числе инфлюэнсеры, могут по желанию оформить статусы самозанятых или индивидуальных предпринимателей с упрощённой системой налогообложения. Одним из противоречий экономического статуса инфлюэнсеров является не только новизна цифровой профессии, но и необходимость легализации бизнеса и налогообложение.

В этой связи для трудовой политики государства предлагаются не запретительные меры, поскольку, как показывает социальный контекст 2022–2024 гг., развитие рынка цифровых профессий и сохранение интернет-площадок неминуемы. Мы обнаруживаем стремительное внедрение мобильных приложений, веб-кабинетов, государственных порталов и сайтов кредитных организаций, которые облегчают пользовательское обслуживание и одновременно прозрачность финансовой деятельности инфлюэнсеров для фискальных органов. Легализация инфобизнеса в сфере профессиональных доходов влияет на репутацию инфлюэнсеров. Одной из мер регуляции инфлюэнс-маркетинга должно стать введение кода «Деятельность по созданию информационных продуктов с использованием дистанционных технологий» в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности. В общественном мнении сохраняется двойственное положение инфлюэнсеров, которых обозначают «инфоцыганями», поэтому требуется общественная экспертиза по внесению изменений в законодательство, аккредитации информационного бизнеса, снижению ущерба от мошеннических действий и уклонению от налогов.

Литература

1. Алюнина Ю.М. Блог как источник новейших англицизмов: на материале текстов интернет-дискурса моды // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17. – № 4. – С. 78–91. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blog-kak-istochnik-noveyshih-anglitsizmov-na-materiale-tekstov-internet-diskursa-mody>(дата обращения: 01.06.2024).
2. Бабкин А. В., Куратова А. Классификация и характеристика цифровых платформ в экономике // Электронный научный журнал «Вектор экономики». – URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/innovationmanagement/Babkin_Kuratova.pdf. (дата обращения: 21.10.2022).
3. Борисова И.В. Инфлюэнс-маркетинг в интернет-дискурсе: прагматический аспект // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 5 (96). – С. 262–265. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/influens-marketing-v-internet-diskurse-pragmaticeskij-aspekt> (дата обращения: 1.06.2024).
4. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.
5. Бурдье П., Болтански Л. Общедоступное искусство. Опыт о социальном использовании фотографии. – М.: Праксис, 2014. – 464 с.
6. Ефанов А.А. Деконструкция образа инфлюэнсера в современном медиапространстве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 5. – С. 32–46. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1958>.
7. Иванов Д.В. Интернет-коммуникации как социальная рутина в российских мегаполисах // Социология науки и технологий. – 2022 – Т. 3, № 1. – С. 97–115.
8. Обучение граждан в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» // Портал «Работа России» – URL: <https://trudvsem.ru/information-pages/support-employment/> (дата обращения: 21.10.2022).
9. Социальные сети в России. Статистика социальных сетей. // Аналитическая система Brand Analytics. – URL: <https://inclient.ru/social-sites-stats/>
10. Статистика социальных сетей. Возраст и пол авторов // Аналитическая система Brand Analytics. <https://brandanalytics.ru/statistics/author/instagram/202404>
11. Федеральный закон № 149-ФЗ // Консультант-плюс – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 21.10.2022).
12. Федеральный закон № 530 // Консультант-плюс – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372700/ (дата обращения: 21.10.2022).
13. Черных Е.А. Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы, практики регулирования, вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. – 2020. – Том 16. – № 3. – С. 82–97.
14. Чилипенко Ю.Ю., Данилова Л.С. Женский блогинг как предпринимательская деятельность // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 3 (88). – С. 74–84.
15. Цифровые платформы // Центр развития компетенций в бизнес-информатике, логистике и управления проектами Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ. – URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-platformy/>. (дата обращения: 21.10.2022).
16. Barone, Michael J., Anthony D. Miyazaki, and Kimberly A. Taylor. The influence of cause-related marketing on consumer choice: does one good turn deserve another? *Journal of the Academy of Marketing Science* 2000. – № 28.2. – Pp. 248–262.

WOMEN'S INFLUENCE MARKETING IN BURYATIA: AN EMERGING MARKET FOR DIGITAL SERVICES AND COMMUNITY PRACTICES¹

Dashibalova I.N., Van I.D.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

The article highlights the social practices of women's online entrepreneurship using the example of digital content creators (influencers) in Buryatia. The study of the micro-level of online business in social networks is considered using the example of the Internet platform Instagram, which is banned in the Russian Federation. Women's influencer marketing, like blogging in general, represents the newest type of (online) employment in the region. The article's materials are based on twelve expert in-depth semi-structured inter-

¹ The article was prepared within the framework of the state assignment (project "Russia and Inner Asia: the dynamics of geopolitical, socio-economic and intercultural interaction (XVII–XXI centuries") No. 121031000243–5.

views with representatives of digital and digital professions. A content analysis of 100 profiles of the most active online entrepreneurs in Buryatia was carried out. The results of the study demonstrate the contradictions in the social status of bloggers (influencers) against the backdrop of high unemployment in the region, the expansion of self-employment, and the unstable legal status of digital professions and online business. The involvement of certain groups in platform employment and the digital environment is caused by low incomes of the population and the desire to qualitatively improve their standard of living.

Keywords: digitalization, platform employment, digital platform blogging, influencer marketing, influencer, infobusiness, women, social space, content, social practices, self-employed.

References

1. Alyunina Yu.M. Blog as a source of the latest Anglicisms: based on the texts of Internet fashion discourse // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication – 2019. – T. 17. – № 4. – P. 78–91. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blog-kak-istochnik-noveyshih-anglitsizmov-na-materiale-tekstov-internet-diskursa-mody>
2. Babkin A.V., Kuratova A. Classification and characteristics of digital platforms in economics // Electronic scientific journal "Vector of Economics". – URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2018/12/innovationmanagement/Babkin_Kuratova.pdf.
3. Borisova I.V. Influence marketing in Internet discourse: pragmalinguistic aspect // World of science, culture, education. – 2022. – № 5 (96). – P. 262–265. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inflyuens-marketing-v-internet-diskurse-pragmalingvisticheskiy-aspekt>
4. Burd'e P. Social space: fields and practices: Transl. from fr. / Comp., total. ed. lane and after. N.A. Shmatko. – St. Petersburg: Aletheia; M.: Institute of Experimental Sociology, 2005. – 576 p.
5. Burd'e P. Boltanski L. Public art. Experience about the social use of photography. – M.: Praxis, 2014. – 464 p.
6. Efanov A.A. Deconstruction of the image of an influencer in the modern media space // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – 2021. – No. 5. – Pp. 32–46. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1958>.
7. Ivanov D.V. Internet communications as a social routine in Russian megacities // Sociology of science and technology. – 2022 – T. 3, No. 1. – Pp. 97–115.
8. Training of citizens within the framework of the federal project "Promotion of Employment" of the national project "Demography" // Portal "Work of Russia". – URL: <https://trudvsem.ru/information-pages/support-employment/>
9. Social networks in Russia. Social network statistics. // Analytical system Brand Analytics. – URL: <https://inclient.ru/social-sites-stats/>
10. Social network statistics. Age and gender of the authors // Analytical system Brand Analytics. – URL: <https://brandanalytics.ru/statistics/author/instagram/202404>
11. Federal Law No. 149-FZ // Consultant-plus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
12. Federal Law No. 530 // Consultant-plus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372700/.
13. Chernykh E.A. Quality of platform employment: unsustainable (precarious) forms, regulatory practices, challenges for Russia // Living standards of the population of Russian regions. – 2020. – Volume 16. – No. 3. – P. 82–97.
14. Chilipenok Yu.Yu., Danilova L.S. Women's blogging as an entrepreneurial activity // Woman in Russian society. – 2018. – No. 3 (88). – Pp. 74–84.
15. Digital platforms // Center for the development of competencies in business informatics, logistics and project management of the Higher School of Business of the National Research University Higher School of Economics. – URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-platformy/>
16. Barone, Michael J., Anthony D. Miyazaki, and Kimberly A. Taylor. The influence of cause-related marketing on consumer choice: does one good turn deserve another? Journal of the Academy of Marketing Science 2000. – № 28.2. – Pp. 248–262.

Анализ типологии военного управления на уровне младшего командного состава сухопутных войск вооруженных сил Российской Федерации

Кириенко Ярослав Юрьевич,

соискатель ученой степени, к.с.н., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Jarik25101987@yandex.ru

В статье рассматривается анализ типологии военного управления на уровне младшего командного состава Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации, дается оценка реального состояния управленческой деятельности младших командиров Сухопутных войск по навыкам взаимодействия с коллективом.

Ключевые слова: Вооруженные Силы, младший командир, профессиональное развитие, система управления, Сухопутные войска, управленческая деятельность.

В условиях современного мира, где международная обстановка характеризуется нестабильностью и напряженностью, вопросы обеспечения национальной безопасности и обороноспособности страны становятся особенно актуальными [6, с. 20]. В связи с этим возрастает роль Вооруженных сил Российской Федерации как основного инструмента защиты интересов государства [7, с. 11]. Одним из ключевых аспектов успешного функционирования Вооруженных Сил является эффективное военное управление на всех уровнях, включая младший командный состав Сухопутных войск [2, с. 45–46]. Именно младшие командиры, такие как сержанты и старшины, играют важную роль в организации и выполнении боевых задач, а также в поддержании дисциплины и порядка в подразделениях [1, с. 186].

Актуальность темы «Анализ типологии военного управления на уровне младшего командного состава Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации» обусловлена необходимостью изучения и совершенствования системы военного управления на данном уровне. Это позволит повысить эффективность деятельности младших командиров, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению боеспособности и боеготовности подразделений [5].

Для анализа типологии военного управления на уровне младшего командного состава Сухопутных войск ВС РФ, в первую очередь необходимо разобраться, что же из себя представляют управленческие стили младшего командного состава.

Управленческие стили младших командиров Вооруженных Сил Российской Федерации играют ключевую роль в эффективности и результативности военных операций [3, с. 5]. В зависимости от ситуации, характера задачи и личных качеств командира, можно выделить несколько основных стилей управления.

Авторитарный стиль. Этот стиль характеризуется высокой степенью централизации власти и принятием решений младшим командиром без широкого обсуждения с подчиненными. Он может быть эффективен в условиях ограниченного времени или при выполнении задач, требующих четкой координации действий. Однако авторитарный стиль может привести к снижению мотивации и инициативности подчиненных, а также к конфликтам и напряженности в коллективе.

Демократический стиль. При этом стиле управления младший командир стремится вовлечь подчиненных в процесс принятия решений и учитывает их мнения и предложения. Это способствует повышению мотивации, удовлетворенности работой и развитию командного духа. Однако демократический стиль может замедлить процесс принятия решений и затруднить координацию действий в сложных ситуациях.

Либеральный стиль. В этом случае младший командир предоставляет подчиненным значительную свободу действий и принимает минимальное участие в управлении. Либеральный стиль может быть полезен в ситуациях, когда подчиненные обладают высоким уровнем профессионализма и ответственности. Однако он может привести к недостатку контроля и координации, что может негативно сказаться на результатах выполнения

задач. Выбор управленческого стиля зависит от многих факторов, включая характер задачи, уровень подготовки подчиненных, особенности коллектива и личные качества младшего командира. Важно найти баланс между централизацией и децентрализацией власти, чтобы обеспечить эффективность и результативность военных операций.

Младшие командиры ВС РФ должны обладать навыками и компетенциями, позволяющими им эффективно применять различные управленческие стили в зависимости от ситуации. Они должны уметь анализировать обстановку, оценивать риски и принимать решения, соответствующие целям и задачам операции. Кроме того, они должны быть готовы к изменениям и адаптации своего стиля управления в соответствии с требованиями и условиями выполнения задач [4, с. 180].

Вместе с тем, стили управления – это ни что иное, как способ взаимодействия командира со своим подразделением.

Оценка реального состояния управленческой деятельности младших командиров Сухопутных войск по *навыкам взаимодействия с коллективом*, выявленная в ходе проведения нами опроса у контрольных подразделений, показала следующие результаты.

Навыки взаимодействия с коллективом (идеальный показатель по шкале составляет от 4,4 и выше).

1. Обмен информацией с другими подразделениями находится на уровне 3,7.

2. Работать в коллективе находится на уровне 3,8.

3. Авторитет находится на уровне 3,5 (самый низкий показатель из всех шкал).

4. Поддержка военнослужащих младшим командиром – 4,06.

5. Способность доносить информацию младшим командиром до подразделения – 4,06.

Оценив результаты проведенного исследования, на диаграмме реального и идеального профилей следует обратить внимание на то, что наибольшее различие между реальным и идеальным профилем по критерию авторитета.

В тоже время, большинство опрошенных считает, что младшие командиры подразделений Сухопутных войск способны доносить информацию до подчиненных, что положительно сказывается на выполнении стоящих перед подразделением задач.

Также, в ходе опроса контрольных групп, выявлена оценка реального состояния управленческой деятельности младших командиров Сухопутных войск по *личностным чертам*.

Личностные черты (идеальный показатель по шкале составляет от 4,5 и выше).

1. Надежность – 4,1. Данный показатель свидетельствует о том, что подчиненные считают, что младшие командиры проявляют надежность. Развитие навыков последовательного выполнения задач и соблюдения договоренностей поможет укрепить репутацию надежного командира.

2. Способность четко выражать свои мысли – 3,8. Этот показатель говорит о том, что младшим командирам иногда трудно донести свою мысль до подчиненных. Возможно, стоит уделить внимание развитию коммуникативных навыков, ясности изложения мыслей и уверенности в общении.

3. Требовательность, жесткость – 3,8, что может свидетельствовать о необходимости найти баланс между строгостью и гибкостью в управлении. Младшим командирам важно уметь устанавливать четкие стандарты работы и поддерживать дисциплину, не переходя при этом к излишней жесткости.

4. Обязательность, пунктуальность – 4,07. Это говорит о том, что младшие командиры ответственно относятся к своим обязанностям и соблюдают сроки выполнения задач. Однако всегда есть место для улучшений, например, можно внедрять новые методы организации рабочего процесса, чтобы повысить эффективность и точность выполнения задач.

5. Бережное отношение к имеющимся ресурсам – 4,1. Младшие командиры осознают важность рационального использования ресурсов, но могут столкнуться с трудностями в реализации этого принципа на практике. Возможно, следует разработать стратегии эффективного распределения ресурсов и контроля их использования.

6. Ответственность – 4,04. Это хороший результат, который говорит о том, что младшие командиры серьезно подходят к выполнению своих обязанностей. Но всегда стоит стремиться к улучшению этого навыка. Развитие чувства глубокой ответственности за результаты своей работы поможет повысить эффективность управления.

Оценив результаты проведенного исследования, на диаграмме реального и идеального профилей следует обратить внимание на то, что наибольшее различие между реальным и идеальным профилем по критериям способности выражать свои мысли и требовательности к подчиненным.

А вот бережное отношение к ресурсам показатель надежности достаточно высоки, что говорит об уровне доверия к младшему командиру.

В том числе, в ходе опроса контрольных групп, выявлена оценка реального состояния управленческой деятельности младших командиров Сухопутных войск по *управленческим компетенциям*.

Управленческие компетенции (идеальный показатель по шкале составляет от 4,5 и выше).

1. Умение разрешать конфликты – 3,9. Это может свидетельствовать о том, что младшие командиры умеют справляться с конфликтами, но есть потенциал для улучшения этой сферы деятельности. Возможно, стоит обратить внимание на развитие навыков активного слушания, эмпатии и поиска компромиссов.

2. Постановка задач – 4,01. Это говорит о том, что младшие командиры успешно ставят задачи перед подчиненными, но, возможно, требуется больше практики в этом направлении. Важно развивать навыки четкой и понятной постановки задач, учитывая индивидуальные особенности каждого подчиненного.

3. Делегирование полномочий – 3,9. Этот показатель говорит о том, что младшие командиры способны передавать часть своих обязанностей другим, но могут столкнуться с некоторыми трудностями в этом процессе. Возможно, стоит уделить больше внимания развитию навыков выбора подходящих исполнителей и контроля выполнения задач.

4. Умение эффективно управлять – 4,14. Это свидетельствует о том, что младшие командиры обладают хорошими навыками управления, но всегда есть возможность для развития и улучшения своих способностей. Важно продолжать совершенствовать свои навыки планирования, организации, мотивации и контроля.

5. Способность принимать решения – 4,02. Это хороший результат, который говорит о том, что младшие командиры уверенно принимают решения, но всегда стоит стремиться к улучшению этого навыка. Развитие аналитических способностей, критического мышления и прогнозирования последствий решений поможет повысить эффективность принятия решений.

6. Правовая компетентность – 4,02. Младшие командиры хорошо осведомлены о правовых аспектах своей деятельности, но важно постоянно обновлять свои зна-

ния и следить за изменениями в законодательстве. Регулярное повышение квалификации и изучение новых нормативных актов помогут поддерживать высокий уровень правовой компетентности.

Оценив результаты проведенного исследования, на диаграмме реального и идеального профилей следует обратить внимание на то, что наибольшее различие между профилями по критерию делегирования полномочий.

По мнению опрошенных, наиболее развитым и соответствующим требуемому уровню можно считать способность эффективно управлять подразделением.

Крайний критерий в опросе – оценка реального состояния управленческой деятельности младших командиров Сухопутных войск по *организаторским способностям*.

Организаторские способности (идеальный показатель по шкале составляет от 4,42 и выше).

1. Организация условия службы – 3,9. Это может свидетельствовать о том, что младшие командиры уделяют внимание созданию комфортных условий для своих подчиненных, но есть потенциал для улучшения этой сферы деятельности. Возможно, стоит обратить внимание на детали, такие как улучшение бытовых условий, обеспечение безопасности и т.д.

2. Организация планирования деятельности – 3,8. Это говорит о том, что планирование является важным аспектом работы младших командиров, но требует более тщательного подхода. Необходимо уделить внимание разработке детальных планов, учитывая все возможные риски и непредвиденные ситуации.

3. Способность к планированию – 4,04. Это свидетельствует о том, что младшие командиры умеют разрабатывать планы действий, но, возможно, требуется больше практики в этом направлении. Важно развивать навыки стратегического и тактического планирования, чтобы быть готовыми к любым изменениям в обстановке.

4. Умение организовывать службу – 4,07, что является хорошим показателем. Младшие командиры успешно справляются с организацией службы, но всегда есть место для улучшений. Например, можно внедрять новые методы организации службы, чтобы повысить ее эффективность.

5. Обеспечение личного состава – 3,9. Этот показатель говорит о том, что младшие командиры заботятся о своих подчиненных и обеспечивают их всем необходимым. Однако, возможно, стоит уделить больше внимания индивидуальным потребностям каждого военнослужащего.

6. Организаторские способности – 4,01. Это хороший результат, который говорит о том, что младшие командиры обладают необходимыми навыками для выполнения своих обязанностей. Однако всегда есть возможность для развития и улучшения своих способностей.

Оценив результаты проведенного исследования, на диаграмме реального и идеального профилей следует обратить внимание на то, что наибольшее различие между профилями по критерию «организация и планирование деятельности».

Спорным вопросом остается типология управленческой деятельности. Рассмотренные автором научные труды, а также проведенное исследование позволяет выделить несколько оснований для собственной классификации.

Литература

1. Брыт А.В. Основные направления деятельности младших командиров в обеспечении безопасности

военной службы // Организация повседневной деятельности в соединениях, воинских частях и организациях Министерства обороны Российской Федерации // Проблемные вопросы и пути их решения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 09 апреля 2021 г. – Омск: Омский автобронетанковый инженерный институт, 2021. – С. 186–194.

2. Гуйвенко В.Н., Багиров А.М., Зюзин А.В. К вопросу об оценке эффективности управления повседневной деятельностью войск // Военная мысль. 1999. № 4. – С. 45–46.
3. Капустин В.В. Социально-управленческие проблемы подготовки сержантов в системе военного среднего специального образования: автореф. Дисс. канд. соц. наук. – М., 2015. – 28 с.
4. Кириенко Я.Ю. Повышение эффективности управления в условиях дифференциации применения стилей руководства: на примере сержантского состава Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации // Социология. 2023. № 1. – С. 179–183.
5. Младшие командиры [Электронный ресурс] // Энциклопедия Министерства обороны Российской Федерации. – URL: https://xn--d1abichgllj9dyd8a.xn--90an-lfbar6i.xn--p1ai/encyclopedia/dictionary/details_rvs_n.htm?id=8193@morfDictionary (дата обращения: 11.10.2024).
6. Михайлов В.В., Гончаров И.В., Савутов Ю.В. Методики оценки эффективности системы ракетно-технического обеспечения войск ПВО армии // Современные проблемы проектирования, производства и эксплуатации радиотехнических систем. 2016. № 10. – С. 20–23. \
7. Пузынькин И.В., Михайлов В.В. Роль информационно-психологических средств в обеспечении обороноспособности государства // Военная мысль. 2015. № 7. – С. 11–15.

ANALYSIS OF THE TYPOLOGY OF MILITARY MANAGEMENT AT THE LEVEL OF JUNIOR COMMAND STAFF OF THE GROUND FORCES OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kirienko Ya.Yu.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article examines the analysis of the typology of military management at the level of junior commanders of the Ground Forces of the Armed Forces of the Russian Federation, and provides an assessment of the real state of management activities of junior commanders of the Ground Forces in terms of skills of interaction with the team.

Keywords: Armed Forces, junior commander, professional development, management system, Ground Forces, management activities.

References

1. Bryt A.V. Main areas of activity of junior commanders in ensuring the security of military service // Organization of daily activities in formations, military units and organizations of the Ministry of Defense of the Russian Federation // Problematic issues and ways to solve them: Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference, Omsk, April 09, 2021 – Omsk: Omsk Armored Engineering Institute, 2021. – P. 186–194.
2. Guivenko V.N., Bagirov A.M., Zyuzin A.V. On the issue of assessing the effectiveness of managing the daily activities of troops // Military Thought. 1999. No. 4. – P. 45–46.
3. Kapustin V.V. Social and managerial problems of training sergeants in the system of military secondary specialized educa-

tion: author's abstract. Diss. Cand. Soc. Sciences. – M., 2015. – 28 p.

4. Kiriyeenko Ya.Yu. Improving the efficiency of management in the context of differentiation in the application of leadership styles: on the example of the sergeant staff of the Ground Forces of the Armed Forces of the Russian Federation // *Sociology*. 2023. No. 1. – P. 179–183.
5. Junior commanders [Electronic resource] // *Encyclopedia of the Ministry of Defense of the Russian Federation*. – URL: https://xn--d1abichglj9dyd8a.xn--90anlfbebar6i.xn--p1ai/encyclopedia/dictionary/details_rvs_n.htm?id=8193@morfDictionary (date of access: 11.10.2024).
6. Mikhailov V.V., Goncharov I.V., Savutov Yu.V. Methods for assessing the effectiveness of the missile and technical support system of the army air defense forces // *Modern problems of design, production and operation of radio engineering systems*. 2016. No. 10. – P. 20–23.
7. Puzenkin I.V., Mikhailov V.V. The role of information and psychological means in ensuring the defense capability of the state // *Military Thought*. 2015. No. 7. – P. 11–15.

Роль специалиста по социальной работе в межведомственном взаимодействии субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Кокорева Марина Евгеньевна,

к.с.н., доцент кафедры социальной работы института клинической психологии и социальной работы, ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: malinka7171@mail.ru

Научная статья посвящена исследованию вклада специалиста социального учреждения в предупреждении безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, а также в обеспечении эффективного межведомственного сотрудничества субъектов профилактики. *Цель настоящего исследования* состоит в анализе и оценке роли специалиста социального учреждения в предупреждении безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, а также в обеспечении взаимодействия между различными субъектами профилактики. *Материалы и методы.* Автором проведен анализ научной литературы, соответствующий критериям поиска по таким ключевым словам, как «специалист по социальной работе», «межведомственное взаимодействие», «несовершеннолетние», «органы социальной защиты», в базах данных КиберЛеника и Elibrary. *Результаты исследования.* В рамках исследования выявлено, что сотрудники социальных учреждений осуществляют программы, направленные на заблаговременное предупреждение противоправных действий среди подростков. Кроме того, они занимаются социальной реабилитацией детей, оставшихся без присмотра, и несовершеннолетних, совершивших правонарушения. Автором проведен анализ нормативно-правового акта, связанного с введением института наставничества, который объединяет подростков с опытными наставниками в лице социальных работников, способствует формированию благоприятной среды, активной жизни молодежи и их социальной адаптации. *Выводы.* Анализ научной литературы позволяет заключить, что для повышения результативности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних необходимо усилить межведомственное сотрудничество. Внедрение автоматизированной информационной системы и введение обязательных ежеквартальных отчетов от специалистов по социальной работе с молодежью позволит не только эффективно защищать права несовершеннолетних, но и снизить уровень преступности.

Ключевые слова: специалист по социальной работе, межведомственное взаимодействие, несовершеннолетние, органы социальной защиты, профилактика безнадзорности несовершеннолетних, социальная реабилитация.

Введение

Современная криминогенная обстановка ставит перед государственными структурами, общественными институтами и семьями множество сложных задач, которые требуют активного вмешательства и принятия мер, направленных на предотвращение безнадзорности, а также противоправных действий среди молодежи. Несмотря на усилия различных ведомств, статистика показывает рост числа преступлений, совершаемых подростками, так в 2022 году было инициировано 8573 уголовных дела в отношении несовершеннолетних правонарушителей, а в 2023 году эта цифра увеличилась до 8757. Однако наиболее тревожным остается рост числа серьезных и особо тяжких преступлений среди подростков. В 2023 году количество таких преступлений увеличилось на треть, и более 40% из них было совершено группами [1].

С учетом важности сохранения традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей, о чем в 2024 году подчеркнул Министр просвещения РФ Сергей Кравцов, необходимо активное совершенствование профилактической системы, адаптированной к современным вызовам, включая угрозы, связанные с цифровой средой [2].

Профилактика безнадзорности и правонарушений среди детей и подростков представляет собой многоступенчатый процесс, требующий координации и согласованных действий различных государственных и негосударственных организаций. Основой указанной деятельности служит Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», принятый 24 июня 1999 года [3]. Этот нормативный акт четко определяет круг обязанностей и сферу деятельности организаций, которые вовлечены в межведомственное сотрудничество с целью защиты несовершеннолетних. Закон регулирует, какие учреждения должны принимать участие в профилактических мероприятиях и добиваться соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних. Комиссии, занимающиеся вопросами несовершеннолетних и защитой их прав, занимают значительное место среди всех участников профилактики безнадзорности среди несовершеннолетних. Также важную роль играют органы, ответственные за социальную защиту населения, и учреждения, предоставляющие социальные услуги. Не менее значимы органы опеки и попечительства, в которых задействованы социальные работники, активно функционирующие в этих структурах.

Однако, несмотря на участие разнообразных организаций в профилактике безнадзорности и правонарушений среди молодежи, многие специалисты указывают на низкую эффективность межведомственного взаимодействия. Основными факторами, влияющими на взаимодействие различных структур профилактики, являются разобщенность информации, недостаток единого подхода к координации совместной деятельности, а также ограниченный спектр форм взаимодействия между различными организациями. Поэтому данная тема явля-

ется актуальной, так как обуславливает дальнейшие исследования межведомственного сотрудничества в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Цель настоящего исследования состоит в анализе роли специалиста социального учреждения в предупреждении безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, а также в обеспечении взаимодействия между различными субъектами профилактики.

Материалы и методы исследований

Проведен анализ научной литературы, соответствующий критериям поиска по таким ключевым словам, как «специалист по социальной работе», «межведомственное взаимодействие», «несовершеннолетние», «органы социальной защиты», «профилактика безнадзорности несовершеннолетних», «социальная реабилитация».

Методологическую базу данного исследования составляет общий диалектический подход к научному познанию, дополненный логической дедукцией, а также приемами анализа, сравнения, обобщения и описания. Исследование базировалось на изучении нормативно-правовых документов, регулирующих деятельность субъектов, занимающихся профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Результаты и обсуждение

Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних является важной задачей социальной политики государства. Это обусловлено значимостью детства как важного этапа формирования личности и его влиянием на будущее общества. Процесс профилактики правонарушений среди молодежи требует комплексного и системного подхода, включающего усилия различных субъектов. Главная цель данной деятельности – предотвратить появление девиантного поведения у подростков путем обучения их правовой грамотности, развития навыков участия в социально полезной деятельности и формирования позитивных установок [4, с. 55].

Необходимо подчеркнуть значимость совместных усилий всех участников профилактической деятельности, включая работу органов социальной защиты и обслуживания населения. Эти структуры функционируют внутри сети учреждений, предоставляющей поддержку детям в трудных жизненных обстоятельствах. Среди подобных учреждений важное место занимают центры содействия семьям и детям, организации, занимающиеся предупреждением девиантного поведения среди молодежи, а также центры неотложной психологической поддержки и им подобные структуры.

Учреждения социальной защиты оказывают значительное влияние на предупреждение детской безнадзорности и правонарушений среди подростков. Они инициируют и организуют разнообразные мероприятия, которые помогают выявлять и поддерживать детей и семьи, находящиеся в социально опасных условиях. Основанные на индивидуальном подходе, эти учреждения предоставляют необходимые услуги, что позволяет эффективно решать проблемы каждой семьи или ребенка в отдельности [3].

В комплексных центрах социального обслуживания специалисты выполняют важные функции, способствующие предупреждению правонарушений среди детей и подростков:

1) инициирование взаимодействия и сбор информации. Так, специалисты налаживают связь с государственными и негосударственными организациями для

обмена информацией по вопросам, касающимся несовершеннолетних;

2) организация встреч и обсуждений. Регулярные встречи с детьми, их родителями или законными представителями помогают обсуждать актуальные социальные темы, выявлять потенциальные риски и планировать профилактические меры [5, с. 34].

Особенно важной в предотвращении правонарушений среди несовершеннолетних является ранняя профилактика. Она направлена на устранении деструктивных изменений в поведении подростков, а также на улучшении их мировосприятия и формировании здоровых жизненных принципов. При осуществлении таких ранних превентивных мер возможно добиться положительных результатов, снижая необходимость применения иных, более жестких мер, включая уголовно-правовые. В этот период, когда личностные привычки еще не закрепились окончательно, можно внушительно повлиять на формирование новых, положительных паттернов.

Ключевым подходом к профилактике является проведение консультаций, ориентированных на предупреждение проблем. Главная цель заключается в том, чтобы наладить доверительное взаимодействие с подростком и содействовать ему в разработке и принятии новой, конструктивной модели поведения [6, с. 10].

Основная задача сотрудников социальных структур заключается в оперативном принятии мер, направленных на предотвращение безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, а также социального неблагополучия и выявление семей, находящихся в социально опасных условиях [7].

Важной составляющей деятельностью учреждений социальной защиты и социального обслуживания является социальная реабилитация безнадзорных детей и подростков, совершивших правонарушения. Это подразумевает создание необходимых условий, позволяющих индивидам восстанавливать самостоятельность для полноценной жизни, как в обществе, так и в семейной обстановке. Процесс реабилитации помогает ребенку адекватно реагировать на события, происходящие в его жизни [8, с. 17].

Эта деятельность осуществляется в специально созданных учреждениях, таких как реабилитационные центры, центры социальной поддержки для семей и детей, а также детские дома. Квалифицированные специалисты, включая социальных работников, психологов и медицинский персонал, участвуют в этой работе [8, с. 16].

Рассмотрим формы межведомственного сотрудничества среди участников профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Они осуществляются через межведомственные планы, операции и программы.

Одним из значимых механизмов такого сотрудничества является создание территориальных консультативных советов субъектов профилактики. Данные субъекты профилактики создаются с целью укрепления координации между разными уровнями управления и обеспечения быстрого реагирования на социальные вызовы. Эти структуры позволяют объединить специалистов из разных областей для качественного анализа и решения сложных случаев. Эффективность консультативных советов заключается в их способности оперативно оценивать текущую ситуацию и предлагать адекватные меры помощи и поддержки. Особенно это важно в урегулировании случаев жестокого обращения с детьми и предотвращении вовлечения их в преступную деятельность.

Другим значимым механизмом является организация совместных операций, которые фокусируются на конкретных территориях и проводятся в течение опреде-

ленного времени. Такие операции позволяют субъектам профилактики не только быстро реагировать на уже сложившиеся неблагоприятные условия, но и работать на опережение, устраняя факторы, способствующие развитию безнадзорности и правонарушений. Совместные рейды и операции часто включают представителей правоохранительных органов, образовательных учреждений и социальных служб, что обеспечивает межведомственное сотрудничество различных ведомств [9, с. 150].

Хотя предусмотрены различные формы взаимодействия между ведомствами, в процессе совместной работы субъекты, занимающиеся профилактикой безнадзорности среди детей, сталкиваются с определёнными сложностями. Важно подчеркнуть значимость комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, которые играют большую роль в координации действий всех участников профилактического процесса. Эти комиссии разрабатывают и внедряют комплексные программы и мероприятия, целью которых является защита прав детей, а также обеспечивают постоянный мониторинг обстановки и принятие необходимых мер. Их деятельность способствует эффективному распределению ресурсов и согласованию действий, что помогает существенно снизить вероятность безнадзорности и правонарушений в молодёжной среде.

Тем не менее, исследователи уже неоднократно указывали, что отсутствует единое информационное пространство, позволяющее отслеживать эффективность профилактических мероприятий, проводимых различными службами [10, с. 64]. Это касается, в частности, и необходимости создания общей информационной базы данных о несовершеннолетних правонарушителях. Такой реестр существенно облегчил бы процесс сверки информации о подростках, совершивших противоправные действия.

Также одной из проблем является то, что некоторые ведомства задерживают отчетность, либо не предоставляют обратную связь о взаимодействии с другими объектами.

В целях совершенствования профилактики безнадзорности несовершеннолетних и решению проблем межведомственного взаимодействия различных субъектов профилактики разработан Федеральный закон от 08.08.2024 № 322-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11], который вступает в силу с 05 февраля 2025 г. Центральным элементом изменений становится введение института наставничества, который обещает значительное улучшение в работе с детьми, находящимися в трудных жизненных условиях. Указанный закон предполагает:

- разработку государственной информационной системы для профилактики безнадзорности и нарушения законов среди детей и подростков;
- внедрение наставничества как института в данной области;
- создание реестра наставников;
- запрет на участие иностранных агентов в деятельности, направленной на предупреждение детской безнадзорности и правонарушений;
- применение единой информационной системы для развития волонтерского движения в целях предотвращения правонарушений и безнадзорности среди несовершеннолетних.

В рамках новой государственной информационной системы будут собираться данные о подростках, которые находятся в сложных жизненных ситуациях или подвергаются социальным угрозам, а также требуют индивидуальной профилактики, включая информацию об их родителях или других законных представителях.

В реестр наставников войдут граждане России, прошедшие специальную подготовку в соответствии с требованиями федерального органа исполнительной власти в образовательной сфере, а также специалисты в области педагогики и социальной работы.

Таким образом, взаимодействуя с другими государственными структурами, социальные работники принимают меры для предотвращения правонарушений среди несовершеннолетних. Основным аспектом является скоординированное взаимодействие различных государственных структур, чтобы усилия одной организации эффективно поддерживались действиями другой.

Примером эффективной инициативы является внедрение института наставничества, который помогает молодым людям получать поддержку и развивать навыки. Этот проект, объединяющий подростков с опытными наставниками в лице социальных работников, способствует формированию благоприятной среды, активной жизни молодежи и их социальной адаптации. Такие меры, совместно с комплексными программами социальной профилактики, способны значительно снизить уровень преступности среди несовершеннолетних и обеспечить для них более благоприятное будущее.

Исследование вопросов, касающихся эффективности межведомственного взаимодействия в области предупреждения безнадзорности и правонарушений среди подростков, а также обеспечения их правовой защиты, позволяет сформулировать несколько рекомендаций:

1) рассмотреть возможность внедрения автоматизированной информационной системы для взаимодействия между ведомствами. Это позволит обеспечить доступ к базам данных специалистов социальной защиты, что будет способствовать своевременному обмену информацией между субъектами профилактики;

2) введение обязательных квартальных отчетов для специалистов по социальной работе с несовершеннолетними позволит систематизировать данные и оценивать достижения в каждом административном районе;

3) организация ежемесячных совместных встреч и обсуждений между представителями различных ведомств, которые занимаются профилактикой безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних. Такое участие позволит каждому из них представить свою точку зрения по проблемам профилактики, что ведет к выработке комплексных и эффективных мер. В результате регулярное проведение встреч станет важным элементом устойчивой и действенной системы профилактики, способствующей благополучию и безопасности молодежи.

Комплексный подход и реализация данных рекомендаций позволят не только эффективно защищать права несовершеннолетних, но и снизить уровень беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Заключение

В настоящее время создана комплексная система профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, объединяющая службы и организации, находящиеся в ведении различных государственных структур. Особое значение в этой системе занимают социальные учреждения. Таким образом, сотрудники социальных служб ответственны за быстрое внедрение мер, ориентированных на предотвращение безнадзорности и преступлений среди детей, а также за выявление семей, находящихся в потенциально опасных социальных условиях. Внедрение автоматизированной информационной системы и введение обязательных ежеквартальных отчетов от специалистов по социальной работе с моло-

дежью позволит не только эффективно защищать права несовершеннолетних, но и снизить уровень преступности.

Литература

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года // Статистический сборник МВД РФ.
2. В Москве эксперты обсуждают профилактику безнадзорности и создание условий для безопасного детства // Минпросвещения России. – URL: <https://edu.gov.ru/press/8971/v-moskve-eksperty-obsuzhdayut-profilaktiku-beznadzornosti-i-sozdanie-usloviy-dlya-bezopasnogo-detstva> (дата обращения: 10.11.2024).
3. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
4. Аржай-оол А.А. Профилактика правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Молодой ученый. 2020. № 45 (335). С. 55–57.
5. Лакомова А.А. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних: межведомственное взаимодействие школы и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 3–2. С. 31–36.
6. Андросова Н.С. Социальная работа с несовершеннолетними правонарушителями // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. С. 9–12.
7. Холостова Е.И. Социальная работа с дезадаптированными детьми: учебное пособие. 4-е изд., стер. – М.: Дашков и К°, 2019. – 271 с.
8. Полудница Э.Т., Власова Т.А. Сущность и механизмы организации процесса социальной реабилитации детей, находящихся в трудной жизненной ситуации в учреждении социального обслуживания населения // Сборник научных трудов молодых учёных Сургутского государственного педагогического университета. 2024. С. 16–18.
9. Проблемы городского здравоохранения. Вып. 28: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.И. Вишнякова. – СПб.: РИЦ ПСПбГМУ, 2023. – 300 с.
10. Кузнецова И.О., Борисова В.Ф., Спесивов Н.В. Актуальные проблемы эффективности межведомственного взаимодействия в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в свете новых вызовов // Вестник СГЮА. 2022. № 6 (149). С. 59–67.
11. Федеральный закон от 08.08.2024 № 322-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Часть II). Ст. 5018.

THE ROLE OF A SOCIAL WORK SPECIALIST IN THE INTERDEPARTMENTAL INTERACTION OF SUBJECTS OF THE SYSTEM OF PREVENTION OF NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY

Kokoreva M.E.

Pirogov Russian National Research Medical University

The scientific article is devoted to the study of the contribution of a specialist of a social institution in the prevention of neglect and

delinquency among minors, as well as in ensuring effective interdepartmental cooperation of prevention subjects. The purpose of this study is to analyze and evaluate the role of a specialist of a social institution in preventing neglect and delinquency among minors, as well as in ensuring interaction between various subjects of prevention. Materials and methods. The author analyzes the scientific literature that meets the search criteria for keywords such as “social work specialist”, “interdepartmental interaction”, “minors”, “social protection agencies” in the databases CyberLenica and Elibrary. The results of the study. As part of the study, it was revealed that employees of social institutions carry out programs aimed at early prevention of illegal actions among adolescents. In addition, they are engaged in the social rehabilitation of children left unattended and minors who have committed offenses. The author analyzes the normative legal act related to the introduction of the institute of mentoring, which unites teenagers with experienced mentors in the person of social workers, contributes to the formation of a favorable environment, active life of young people and their social adaptation. Conclusions. The analysis of the scientific literature allows us to conclude that in order to increase the effectiveness of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency, it is necessary to strengthen interdepartmental cooperation. The introduction of an automated information system and the introduction of mandatory quarterly reports from specialists in social work with youth will not only effectively protect the rights of minors, but also reduce the crime rate.

Keywords: specialist in social work, interdepartmental interaction, minors, social protection agencies, prevention of neglect of minors, social rehabilitation.

References

1. The state of crime in Russia in January–December 2023 // Statistical collection of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
2. In Moscow, experts discuss the prevention of neglect and the creation of conditions for a safe childhood // Ministry of Education of Russia. – URL: <https://edu.gov.ru/press/8971/v-moskve-eksperty-obsuzhdayut-profilaktiku-beznadzornosti-i-sozdanie-usloviy-dlya-bezopasnogo-detstva> (date of application: 10.11.2024).
3. Federal Law No. 120-FZ of 06/24/1999 (as amended on 11/21/2022) “On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. St. 3177.
4. Arzhai-ool, A.A. Prevention of offenses committed by minors // Young scientist. 2020. No. 45 (335). pp. 55–57.
5. Lakomova A.A. Prevention of deviant behavior of minors: interdepartmental interaction of the school and the Commission on juvenile affairs and protection of their rights // Nauka. Thought: an electronic periodical. 2017. No. 3–2. pp. 31–36.
6. Androsova N.S. Social work with juvenile offenders // Education and science without borders: social and humanitarian sciences. pp. 9–12.
7. Kholostova E.I. Social work with maladapted children: a textbook. 4th ed., ster. – M.: Dashkov and Co., 2019. – 271 pp.
8. Poludnitsina E.T., Vlasova T.A. The essence and mechanisms of organizing the process of social rehabilitation of children in a difficult life situation in a social service institution // Collection of scientific papers of young scientists of Surgut State Pedagogical University. 2024. pp. 16–18.
9. Problems of urban healthcare. Issue 28: collection of scientific tr. / edited by N.I. Vishnyakov. – St. Petersburg: RIC PSBGMU, 2023. – 300 p.
10. Kuznetsova I.O., Borisova V.F., Spesivov N.V. Actual problems of the effectiveness of interdepartmental interaction in the system of prevention of neglect and juvenile delinquency in the light of new challenges // Bulletin of the SSSYAA. 2022. No. 6 (149). pp. 59–67.
11. Federal Law No. 322-FZ dated 08.08.2024 “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 33 (Part II). Article 5018.

Эмиграционные установки индивида: ценностные основания и факторы реализации

Красникова Екатерина Сергеевна,

аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: kate@spivak.ru

В статье рассматривается основная проблема изучения эмиграционных процессов: каким образом эмиграционные установки (желание уехать в другую страну) трансформируется в реальное действие (в эмиграцию в другую страну). На основе теории ценностей и аксиологического подхода концептуализирована сущность миграционных установок, как социально-психологического феномена, а также как разновидность социальных установок. Был выявлен процесс формирования эмиграционных установок, который состоит из трех этапов: когнитивного (накопление знаний), аффективного (эмоциональные реакции) и конативного (реальные действия). Процесс трансформации эмиграционных установок в действие происходит в 3 этапа: конструирование установки, подготовка и планирование, переезд в другую страну. В заключительной части статьи сформулированы факторы, влияющие на переход эмиграционных установок в действие. В таблицах были выделены четыре группы факторов: способствующие и препятствующие в стране выбытия, способствующие и препятствующие в стране прибытия. В каждой группе факторы разделены на такие подгруппы как экономические, политические, социальные, нормативно-правовые, семейные, культурные, факторы, связанные с качеством жизни. Психологические факторы были выделены только в стране выбытия, так как они формируются только в стране проживания.

Ключевые слова: ценности, социальные установки, миграционные установки, эмиграционные установки, факторы эмиграционных установок.

Актуальность

В мировой практике социологических исследований накоплен богатый опыт изучения миграционных установок. Существует целый ряд глобальных замеров этого явления, которые позволяют получить общую картину в разрезе стран и регионов мира, понимать тенденции и закономерности, строить прогнозы миграционного движения [20, 21, 26]. Эмиграционные настроения российского населения также регулярно замеряются ведущими российскими исследовательскими центрами, такими как ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР и др. Так, согласно данным исследования ВЦИОМ 2024 года 5% опрошенных россиян хотели бы уехать за границу на постоянное место жительства [16]. По данным исследовательского холдинга РОМИР за 2023 год в России лишь 15% городского населения сообщили, что хотели бы переехать в другую страну [6]. Данный показатель уменьшился за 2 года, так как согласно исследованиям 2021 года, 20% жителей России были бы готовы переехать в другую страну [6]. Однако по данным РОМИР за 2023 год среди тех, кто хотел бы переехать в другую страну, больше всего молодых людей: почти каждый второй (44%) опрошенный молодой человек (в возрасте до 34 лет) готов эмигрировать при наличии возможности [6]. Этот показатель почти на 8 пунктов выше среднего по миру и на 21 пункт выше, чем у респондентов старшего возраста (старше 55 лет), среди которых только 23% заявили, что хотели бы жить в другом месте [6]. По результатам исследования опубликованного в апреле 2022 года Фондом общественного мнения, 8% респондентов хотели бы эмигрировать из России [17]. Вместе с тем, несмотря на значительное количество исследований эмиграционных установок в эмпирической социологии, интерпретация его индикаторов все еще остается непростой задачей, о чем свидетельствует существенный разрыв между численностью индивидов, имеющих устойчивые намерения покинуть страну, и численностью совершивших эмиграцию на постоянное место жительства. Последних, как правило значительно меньше, что можно объяснить системностью миграционного процесса и значительным количеством детерминирующих его факторов.

Впервые обратили внимание на социальные установки как объект исследования представители Чикагской социологической школы в западной социальной психологии и социологии У. Томас и Ф. Знанецкий, которые изучали адаптацию польских крестьян, эмигрировавших из Америки в Европу.

В методологической записке к своему исследованию У. Томас и Ф. Знанецкий предположили, что любой социальный процесс может быть описан через набор внешних обстоятельств (ценностей), из которых наиболее важными являются групповые правила, предписывающие индивиду, как действовать, и набор субъективных предрасположенностей или склонностей к действию (установок) [30, с. 3]. Далее в книге они расширили понятие установки, включив в него когнитивный определяющий процесс, а не только ранее существовавшее предрасположение, то есть установки могут на прямую влиять на поведения или конкретные действия индивида, а порой даже определять [30, с. 4].

Их основное методологическое предписание к социологическому исследованию – «никогда не изучать установки без учета ценностей или ценности без учета установок» – было направлено на то, чтобы привлечь внимание социологов к тому, как субъективные и объективные процессы постоянно перетекают друг в друга [30, с. 3–4]. Именно для того, чтобы в социологическом исследовании сфокусироваться не только на установках индивидов, но и на их ценностях, У. Томас и Ф. Знанецкий призвали к использованию нового источника документации – жизнеописаний, писем и других средств документирования субъективного опыта [30, с. 3–4].

В своей работе У. Томас и Ф. Знанецкий определяют понятие «ценность» как любую «социальную данность», которая служит объектом значимой или полезной деятельности для членов социальной группы, например еда, деньги или идеи. В свою очередь «установка» – это приобретенная ориентация индивида на какую-либо ценность, например страх, преданность или голод. Установка, по мнению американских исследователей, всегда подразумевает действие, использование или контроль над окружающей средой. В то время как психологи изучают установки как универсальные структуры сознания, социальные психологи изучают установки в связи с исторически сложившимися ценностями, особенно в отношении правил – ценностей, целью которых является регулирование отношений индивида с группой [30, с. 13].

Таким образом, по мнению У. Томаса и Ф. Знанецкого, если объектом исследования являются социальные установки, необходимо также учесть и анализировать ценности данной социальной группы или личности. В данной работе под миграционными установками подразумевается разновидность социальных установок, которые, согласно аксиологическому подходу, детерминируются в значительной степени ценностями индивида. В этой связи анализ установки, как социального явления, необходимо начать с анализа сущности ценности в социальном знании. Следовательно, для описания процесса формирования миграционных установок, необходимо в первую очередь рассмотреть такие понятия как «ценности», «социальные установки» и «миграционные установки».

Ценности в социальном знании

Ценности являются фундаментальным понятием в социологии и социальной психологии, представляя собой ключевые убеждения, которые направляют поведение и устанавливают стандарты для оценки действий и явлений. Клайд Клакхон и другие исследователи в рамках теории действия определяют ценность как «концепцию, явную или неявную, отличительную для индивида или характеристику группы о желаемом, влияющем на выбор из доступных способов, средств и целей действия [23, с. 395]». Концепция определяет ценность как логическую конструкцию, сопоставимую с культурой или социальной структурой [23, с. 396]. То есть ценности наблюдаемы напрямую не больше, чем культура. Если говорить конкретно, то, конечно, любая ценность в некотором смысле встроена в сознание людей, придерживающихся этой ценности точно так же, как культура встроена в ее носителей. Таким образом, Клайд Клакхон определяет ценность, как концепцию, в которой четко структурировано, что желаемо или предпочтительно, которая влияет на выбор и направление действий.

Милтон Рокич в своей книге «Природа человеческих ценностей» 1975 года определяет ценности как «долговременные убеждения, которые служат руководством

для поведения и оценки событий и действий [28, с. 10]». Согласно мнению М. Рокича, ценности определяют отношение, а отношение поведение, а наиболее фундаментальными ценностями являются те, которые касаются нашего самовосприятия [18, с. 252].

Шалом Шварц рассматривает ценности как «критерии, которые люди используют для выбора и оправдания действий, а также для оценки других (включая самого себя)» [29]. Сходной позиции придерживались социологи (например, Р.М. Уильямс [31]) и антропологи (например, К. Клакхон [23]).

П.А. Сорокин в своей книге «Человек. Цивилизация. Общество» рассматривает «значения, ценности и нормы» как социальные регуляторы и как единую систему, которую только общество может продуцировать [11, с. 21]. Так же «значения, ценности и нормы» являются «универсальным компонентом социокультурных явлений и имеют первостепенную важность для понимания структурных и динамических свойств и причинных отношений внутри этих явлений [11, с. 205].» Ценности, как социальный объект, согласно работе П.А. Сорокина обладает социальной мобильностью, то есть способны изменить социальную позицию в социальной структуре, точно также как индивид или группа индивидов [11, с. 373]. То есть ценности не статичный элемент общества, ценности могут становиться более или менее значимыми для членов общества в конкретный исторический период. Таким образом, П.А. Сорокин определяет ценности как «культурные элементы, которые функционируют как критерии выбора, оценок и действий в обществе, которые могут изменять под воздействием исторического контекста и потребностей общества.

Л.В. Бозрикова, Г.И. Саганенко, А.А. Семенов, В.А. Ядов в определяют ценности как «нормативы или регуляторы деятельности [10, с. 68]». Авторы выделяют ценности-нормы, ценности-идеалы, ценности-цели, ценности-средства и другие. Согласно социологическому словарю по редакции Г.В. Осипова, социальная ценность – это «компонент социальной системы, наделенный особым значением в индивидуальном или общественном сознании. Социальные ценности служат масштабom оценки поступков с точки зрения их соотношения с данной системой ценностей [12, с. 558]». Ценности становятся регулятором поведения в силу того, что принятие решения в социальных ситуациях соотносится, как правило, с господствующей системой ценностей. Также социальные ценности напрямую связаны с обществом и идеалами, господствующими в нём. Социальные ценности выполняют функцию регулирования стремлений и поступков человека. Важно отметить, что в структуре ценностей социальной группы или конкретного человека ценности не равнозначны, они выстроены в иерархическом порядке и это порядок на протяжении жизни может меняться, что возвращает нас к идее П. Сорокина, который утверждал, что ценности тоже обладают социальной мобильностью.

Можно выделить следующие общие черты основных подходов к определению ценностей. В каждом из них подчеркивается роль ценностей как руководящих принципов, которые направляют и определяют поведение. Ценности рассматриваются как устойчивые и долговременные убеждения или предпочтения конкретного индивида или социальной группы. Именно ценности через социальные установки могут детерминировать действия человека, модель его социального поведения.

Социальные установки

Сегодня социальные установки (attitudes) являются одной из ключевых концепций в социальном знании (в со-

циальной психологии, социологии, политологии и т.д.). Леон Фестингер, известный своей теорией когнитивного диссонанса, рассматривает установки как «когнитивные структуры, которые представляют собой представления индивида о себе и своем окружении [19]». Чарльз Осгуд, Джордж Сучи и Перси Танненбаум предложили семантический дифференциал как метод измерения установок, определяя установки как «оценочные реакции, которые люди испытывают к различным объектам и явлениям [27]». Майкл Хогг и Грэм Вон рассматривают установки как «постоянные системы позитивных или негативных оценок, чувств и склонностей к действию по отношению к объектам, людям или идеям [22]».

Советский психолог Д.Н. Узнадзе определяет установку как «готовность организма или субъекта к совершению определенного действия или реагирования [13]». Для возникновения установки в определенном направлении требуются условия субъективного и объективно-характера: нужно наличие как потребности, так и ситуации, в которой она может быть удовлетворена [13, с. 11–14]. Условием возникновения установки следует считать одновременное возникновение ситуации и потребности. Это единство осуществляется в следующем: «потребность, которая имеется в субъекте, становится вполне определенной конкретной потребностью лишь после того, как появляется объективная ситуация в форме конкретной ситуации, предоставляющей субъекту возможность удовлетворения данной потребности [13, с. 11–14]». Ситуация и потребность – определяются как конкретные факты и связаны друг с другом.

Что касается современных российских специалистов, то В.А. Ядов определяет социальные установки как «структурно сложные образования, включающие когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, которые направлены на конкретные социальные объекты или ситуации [10, с. 35]». Г.М. Андреева так же определяет социальные установки как «системы взаимосвязанных компонентов (когнитивного, аффективного и поведенческого), которые направлены на объекты социальной реальности и определяют готовность индивида к определенным действиям [1]». В социологическом словаре под редакцией Г.В. Осипова социальная установка – «это ценностное отношение к социальному объекту, психологически выражающееся в готовности к положительной или отрицательной реакции на него [15]».

Таким образом, социальные установки (аттитюды) являются важным компонентом человеческого поведения и взаимодействия в обществе. Они определяют, как люди воспринимают, оценивают и реагируют на различные объекты, события и людей. Формирование социальных установок – сложный и многогранный процесс, включающий ряд этапов и влияний различных факторов.

Таким образом, социальные установки формируются на основе ценностей присущих конкретному человеку или группе. Ценность – это элемент социальной системы, который олицетворяет идеал, критерий выбора и оценки. Социальная установка – это своего рода «прожитая ценность», то есть субъективное понимание, как можно реализовать ценность в жизни. Как можно заметить, подходы отечественных социологов и психологов в наибольшей степени удовлетворяют требованиям теоретической концептуализации термина «миграционные установки».

Сущность миграционных установок

Согласно предложенному аксиологическому подходу, миграционные установки являются одним из видов социальных установок, формирующих представление ин-

дивида о месте желаемого проживания, которое должно в той или иной степени соответствовать его ценностным критериям. Если человек планирует (думает, заявляет об этом или готовится) переехать, то миграционные установки будут представлять собой пока нереализованное желание сменить место жительства [7, с. 162]. Посредством миграции индивид планирует получить те условия жизни в другом регионе, которые будут соответствовать его ценностным представлениям о желаемой социальной реальности, об образе будущего, как личного, так и государства. Следует оговориться, что данный подход справедлив исключительно для добровольной миграции. В случае вынужденной миграции человек перемещается вне зависимости от миграционных установок, спасая свою жизнь, семью и т.д.

В современном социальном знании имеется значительное количество исследований, в которых определяются факторы, влияющие на миграционный процесс [8]. Именно детерминирующие факторы, (как правило, внешней среды) могут либо дать импульс реализации миграционных установок, либо наоборот препятствовать смене места жительства. Включение данных факторов в предложенный аксиологический подход позволит построить объясняющую модель перехода миграционной установки в конкретное действие (намерения в миграцию).

Так Дуглас Массей рассматривает миграционные установки как компоненты, формирующиеся под влиянием экономических, социальных и культурных факторов, которые определяют готовность индивидов к миграции и их восприятие миграционных возможностей [25]. Эверетт Ли в своей теории миграции выделяет формирование миграционных установок как часть общего процесса принятия решения о миграции, который включает положительные и отрицательные факторы как в стране исхода, так и в стране назначения [24]. Имеющаяся критика теории Э. Ли заключается в том, что его теория не объясняет переселения (которых достаточно много) из более богатых, развитых стран в менее развитые. В данном случае факторы притяжения могут иметь в стране въезда не экономическую (материальную), а ценностную природу.

Теория миграционного процесса Л.Л. Рыбаковского выделяет первую стадию смены места жительства – формирование миграционной мобильности [8]. Под миграционной мобильностью понимается склонность (потенциал) индивида к переезду. По сути, в данном подходе также речь идет о формировании миграционных установок, однако Л.Л. Рыбаковский справедливо указывает на важное значение таких факторов как половозрастная структура населения и наличие у жителей территории миграционного опыта. Можно сделать вывод что, чем более молодое население и большая доля новоселов в нем, тем выше миграционная мобильность и вероятность переселения.

Развивая подходы представленных выше авторов, можно с уверенностью говорить, что миграционные установки – это системная социально-психологическая категория. Индивид при принятии решения о миграции ориентируется на свою систему ценностей, установок и потребностей под влиянием внешних факторов среды [2, с. 101–102]. При этом те «дивиденды», которые он планирует получить от переселения, должны удовлетворять не только его материальным потребностям, но и его ценностным критериям [4].

Сложность изучения миграционных установок, в том числе эмиграционных заключается в том, что они могут сформироваться для реализации разных ценностей. Если у человека в приоритете на данный момент ценность

«дети», то соответственно у него формируется социальная установка «рождение ребёнка». Но эмиграционные установки могут сформироваться для реализации таких ценностей как «высокий уровень жизни», «самореализация», «путешествия» или другие. Эмиграционные установки формируются на основе ожиданий человека, что он сможет реализовать свои ценности, если переедет в другую страну.

Переход эмиграционных установок в эмиграцию

Как отмечалось выше, эмиграционные установки, могут трансформироваться в конкретное поведение – переезд в другую страну. Стоит также отметить, что эмиграционные установки есть не у всех людей, они могут сформироваться в любом возрасте, как ответ на желание реализовать ценности, которые на данный момент, стали приоритетными для конкретного индивида, например, мечта о жизни за границей, интересная профессия, высокий уровень жизни и т.д. Продолжительность формирования эмиграционных установок также различается: данный вид установки может формироваться ещё с детства на протяжении многих лет, например, под воздействием ценностей и установок родителей, а может сформироваться за очень короткий период времени в результате внутриличностного конфликта между ценностями индивида и возможностями реализовать их в стране проживания.

Эмиграционные установки, как и другие виды социальных установок, формируются в три этапа: когнитивный, аффективный и конативный. Когнитивный этап – это накопление знаний и формирование убеждений о потенциальной стране назначения, включая экономические и политические условия, возможности трудоустройства, уровень жизни и т.д. Аффективный этап – это возникновение и рефлексия эмоции и чувства, связанные с эмиграцией, такие как надежда на лучшее будущее, страх перед неизвестностью, беспокойство по поводу адаптации и т.д. Конативный этап – это преобразование эмиграционной установки в реальное действие, в том числе готовность и намерение предпринять конкретные действия для переезда, включая поиск информации, накопление денежных средств, поиск работы в стране прибытия, подготовку документов, изучение языка и т.д.

Модель выталкивающих и притягивающих факторов (PUSH-PULL), сформулированная Эвереттом Ли описывает, как внутренние (PUSH) и внешние (PULL) факторы влияют на решение об эмиграции [24]. Э. Ли утверждал,

что на принятие решения о смене места жительства влияет поток информации от мигрантов, которые уже совершили переезд. В современное время информация может поступать через медиа пространство: социальные сети, мессенджеры, шоу и передачи про путешествия и жизнь за границей [5]. Эта информация формирует эмиграционные установки у людей, у которых есть доступ к интернету и телевидению, по всему миру.

Далее определим этапы трансформации эмиграционных установок в поведение, а именно: конструирование будущего, подготовка и планирование, переезд в другую страну.

I этап. Эмиграционные установки запускают конструирование индивидуумом своего будущего за границей. Образ будущего зависит от личных убеждений, эмоциональных реакций и восприятия социальных норм. Например, индивид, верящий в высокие возможности трудоустройства и чувствующий поддержку друзей за границей, вероятнее всего сформирует четкий положительный образ жизни на новом месте.

II этап. Этап подготовки и планирования включает сбор информации о будущем месте жительства, изучение языка, подготовку документов и поиск работы или учебных возможностей. Например, человек, планирующий эмиграцию, может начать учить язык страны назначения, подыскивать вакансии и консультироваться с уже эмигрировавшими знакомыми.

III этап. На этапе переезда индивид принимает окончательное решение и предпринимает конкретные действия для переезда, такие как покупка билетов, аренда жилья и переезд.

Если рассмотреть факторы, влияющие на трансформацию эмиграционных установок в конкретное действие (переезд в другую страну), то можно выделить четыре большие группы факторов: факторы, которые способствуют реализации эмиграционных установок в стране выбытия, факторы, препятствующие реализации эмиграционных установок в стране выбытия (таблица 1), факторы, которые способствуют реализации эмиграционных установок в стране прибытия, факторы, препятствующие реализации эмиграционных установок в стране прибытия (таблица 2). Все факторы распределены на такие группы как экономические, политические, социальные, нормативно-правовые, психологические, семейные, культурные, факторы связанные с качеством жизни.

Таблица 1. Факторы, влияющие на реализацию эмиграционных установок в стране выбытия

№	Виды факторов	Факторы, способствующие реализации эмиграционных установок	Факторы, препятствующие реализации эмиграционных установок
1	Экономические	<ul style="list-style-type: none"> Низкий уровень заработной платы Вредные условия труда Отсутствие рабочих мест Высокая конкуренция за рабочие места в специализированных сферах 	<ul style="list-style-type: none"> Большие расходы на переезд Большие расходы на обустройство на новом месте Дефицит финансовых средств для эмиграции Высокие доходы в стране выбытия Низкие налоги в стране выбытия
2	Политические	<ul style="list-style-type: none"> Революционные настроения в стране выбытия Политические репрессии и преследования Недемократический политический режим, отсутствие реальной свободы у населения 	<ul style="list-style-type: none"> Политическая стабильность в стране выбытия Защита прав и свобод граждан в стране выбытия
3	Социальные	<ul style="list-style-type: none"> Высокий уровень преступности в стране выбытия Низкий уровень социальной поддержки населения 	<ul style="list-style-type: none"> Государственная поддержка граждан в стране выбытия (социальные выплаты, пенсии, субсидии и т.д.) Государственная поддержки семей (выплаты за рождения ребёнка, льготная ипотека) в стране выбытия

№	Виды факторов	Факторы, способствующие реализации эмиграционных установок	Факторы, препятствующие реализации эмиграционных установок
4	Юридические	<ul style="list-style-type: none"> Высокий уровень бюрократии в стране выбытия Препятствия для реализации своих прав согласно законодательству Неработающая система судопроизводства 	<ul style="list-style-type: none"> Наличие уголовного или административного прошлого, препятствующего получению визы Сложные и длительные процедуры получения визы в стране выбытия
5	Психологические	<ul style="list-style-type: none"> Отсутствие возможности в самореализации в стране выбытия Наличие мечты, которая невозможно реализовать в стране выбытия 	<ul style="list-style-type: none"> Страх перед неизвестностью и переменами Неуверенность в своих силах и сомнения в успехе эмиграции Эмоциональная привязанность к семье и друзьям в стране выбытия
6	Семейные	<ul style="list-style-type: none"> Отсутствие родственников в стране выбытия Конфликты в семье Отсутствие друзей и близких в стране выбытия 	<ul style="list-style-type: none"> Наличие несовершеннолетних детей или пожилых родственников, нуждающихся в уходе в стране выбытия
7.	Культурные	<ul style="list-style-type: none"> Отсутствие возможности организации культурного досуга в стране выбытия Низкий уровень культуры окружения в стране выбытия 	<ul style="list-style-type: none"> Большое количество музеев, выставок, библиотек в стране выбытия Программа субсидированных доступных билетов во все культурно-значимые места Высокий уровень культуры у окружения в стране выбытия
8.	Качество жизни	<ul style="list-style-type: none"> Низкий уровень медицинского обслуживания в стране выбытия Неразвитая транспортная сеть Отсутствие или дефицит мест в государственных детских садах Отсутствие или дефицит мест в государственных школах Неблагоприятная экологическая обстановка Неактуальная система образования Дефицит образовательных учреждений Отсутствие бюджетных мест в образовательных учреждениях среднеспециального и высшего образования 	<ul style="list-style-type: none"> Доступная система здравоохранения в стране выбытия Развитая система образовательных учреждений Доступная система образования Наличие бюджетных мест в образовательных учреждениях среднеспециального и высшего образования Развитая транспортная сеть в стране выбытия

Таблица 2. Факторы, влияющие на реализацию эмиграционных установок в стране прибытия

№	Виды факторов	Факторы, способствующие реализации эмиграционных установок	Факторы, препятствующие реализации эмиграционных установок
1	Экономические	<ul style="list-style-type: none"> Высокий уровень заработной платы в стране прибытия Лучше условия труда, чем в стране выбытия Наличие рабочих мест Низкая конкуренция за рабочие места в специализированных сферах Низкие налоги в стране назначения для мигрантов 	<ul style="list-style-type: none"> Большие затраты на обеспечение жизни в стране прибытия, чем в стране выбытия Дорогое жилье в стране прибытия Бюрократические барьеры для аренды жилья для иностранцев в стране прибытия Высокие налоги в стране назначения
2	Политические	<ul style="list-style-type: none"> Развитая система защиты прав человека в стране назначения Отсутствие политических репрессий и преследований 	<ul style="list-style-type: none"> Политическая нестабильность в стране прибытия Низкий уровень прав у мигрантов
3	Социальные	<ul style="list-style-type: none"> Программы государственной поддержки мигрантов в стране назначения Высокий уровень преступности в стране въезда Низкий уровень социальной поддержки населения в стране проживания 	
4	Нормативно-правовые	<ul style="list-style-type: none"> Упрощенная система получения документов для проживания в стране прибытия для востребованных специалистов 	<ul style="list-style-type: none"> Неравные права у мигрантов и граждан стран назначения Строгие иммиграционные законы и квоты на въезд Сложные и длительные процедуры для получения вида на жительство Правовая незащищенность мигрантов
5	Семейные	<ul style="list-style-type: none"> Наличие родственников в стране прибытия Наличие друзей и знакомых Переезд супруга/супруги из-за предложения работы за границей 	

№	Виды факторов	Факторы, способствующие реализации эмиграционных установок	Факторы, препятствующие реализации эмиграционных установок
6.	Культурные	<ul style="list-style-type: none"> • Культурное разнообразие в стране назначения • Бесплатные курсы изучения иностранного языка • Наличие большой диаспоры в стране прибытия 	<ul style="list-style-type: none"> • Языковой барьер и трудности в изучении нового языка • Культурные различия и адаптация к новому обществу • Отсутствие возможности говорить на родном языке
7.	Качество жизни	<ul style="list-style-type: none"> • Высокий уровень медицинского обслуживания в стране прибытия • Развитая инфраструктура • Благоприятная экологическая обстановка • Возможности для культурного развития • Наличие грантов и стипендий для иностранных студентов в образовательной системе 	<ul style="list-style-type: none"> • Дорогая медицинская страховка или её отсутствие для мигрантов в стране назначения • Дорогостоящее или недоступное высшее образование для иностранцев • Отсутствие бюджетных мест в образовательных учреждениях среднеспециального и высшего образования • Отсутствие или дефицит мест в детских садах • Отсутствие или дефицит мест в школах

Заключение

В рамках данной статьи на основе теории ценностей и аксиологического подхода концептуализирована сущность миграционных установок, как социально-психологического феномена, а также как разновидность социальных установок. Исследование социальных установок, начатое представителями Чикагской социологической школы У. Томасом и Ф. Знанецким, показало необходимость анализа взаимосвязи установок и ценностей.

Социальные ценности рассматриваются как долговременные убеждения, которые служат руководством для поведения и оценки событий. Они могут изменяться под воздействием исторического контекста и потребностей общества. Важной чертой ценностей является их роль как регуляторов поведения, что подчеркивают как западные, так и российские исследователи, акцентируя внимание на личных, культурных и социальных аспектах социальных ценностей. Также российские специалисты определяют установки как сложные образования, включающие когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, которые направлены на социальные объекты и ситуации.

Процесс формирования эмиграционных установок состоит из трех этапов: когнитивного (накопление знаний), аффективного (эмоциональные реакции) и конативного (реальные действия). Эмиграционные установки включают желания и намерения эмигрировать, и в последствии могут трансформироваться в конкретное поведение – переезд в другую страну. Процесс трансформации эмиграционных установок в действие происходит в 3 этапа: конструирование установки, подготовка и планирование, переезд в другую страну.

На трансформацию эмиграционных установок в эмиграцию влияют четыре группы факторов: способствующие и препятствующие в стране выбытия, способствующие и препятствующие в стране прибытия. В каждой группе факторы разделены на такие подгруппы как экономические, политические, социальные, нормативно-правовые, семейные, культурные, факторы связанные с качеством жизни. Психологические факторы были выделены только в стране выбытия, так как они формируются только в стране проживания.

В данной работе была предпринята попытка выделить общие факторы, влияющие на трансформацию эмиграционных установок конкретное действие – переезд в другую страну. Однако, при проведении исследования или анализе данных нужно корректировать список

факторов, в зависимости от выбранных стран выбытия и прибытия. Например, если рассматривать страну выбытия Россию, а страну прибытия США, то фактор доступная система здравоохранения будет препятствующим фактором реализации эмиграционной установки в стране выбытия. А если мы рассматриваем наоборот, страну выбытия США, а страну прибытия Россия, то фактор доступная система здравоохранения будет способствующим фактором реализации эмиграционной установки в стране прибытия.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Психология» / Г.М. Андреева. – 5. изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 363 с.
2. Воробьева О.Д., Алешковский И.А., Гребенюк А.А. Трансформация российской эмиграции на рубеже XX–XXI вв. // Век глобализации. – 2017. – № 4 (24). – С. 100–111.
3. Гребенюк А.А. Теоретические подходы к изучению международной трудовой миграции // Миграция и социально-экономическое развитие. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 17–38.
4. Гребенюк А.А., Красникова Е.С. Эмиграция российских врачей за границу: причины и потенциал реэмиграции // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2021. – Т. 27. – № 4. – С. 175–191.
5. Гребенюк А.А. Социальная технология «мягкая сила»: концепт, практика измерения и оценка эффективности / А.А. Гребенюк. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2022. – 188 с.
6. Исследование Ромир/М–Холдинг: эмиграционные настроения в России и мире. – Текст: электронный // РОМИР: [сайт]. – URL: <https://romir.ru/studies/issledovanie-romirm-holding-emigracionnyenastroeniya-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 04.10.2024).
7. Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, № 1. С. 160–169.

8. Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. – 2017. – № . 2 (76). – С. 51–61.
9. Сабетова Т.В. Факторы миграционной привлекательности стран и регионов // Образование, наука и производство. – 2014. – № . 4 (9). – С. 36–40.
10. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
11. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
12. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. М.: Норма, 2008. – 608 с.
13. Узнадзе Д.Н. Психология установки / Дмитрий Узнадзе. – СПб. [и др.]: Питер, 2001. – 414 с.
14. Храмова М. Н., Рязанцев С.В. Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности // Экономика региона. – 2018. – Т. 14. – № . 4. – С. 1298–1311.
15. Шихирев П.Н. Установка социальная // Социологический словарь / Отв. Ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 539–540.
16. Эмиграционные настроения: мониторинг. Текст: электронный // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnyie-nastroeniija-monitoring-4> (дата обращения: 06.08.2024).
17. Эмиграция и эмиграционные настроения: Оуждают ли россияне уезжающих за границу? Текст: электронный // ФОМ: [сайт]. – URL: <https://fom.ru/Nastroe-niya/14712> (дата обращения: 28.08.2024).
18. Barker E. The Nature of Human Values Milton Rokeach // The British Journal of Sociology, 26(2), 1975. – P. 252–253.
19. Festinger L. (1957). A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press.
20. Gallup Inc. Электронный ресурс: <https://news.gallup.com/poll/468218/nearly-900-million-worldwide-wanted-migrate-2021.aspx>, (дата обращения: 09.05.2024).
21. GIA: One in three global citizens want to immigrate Электронный ресурс: <https://www.gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/one-in-three-global-citizens-want-to-immigrate> (дата обращения: 09.05.2024)
22. Hogg M.A., & Vaughan G.M. (2005). Social Psychology (4th ed.). London: Prentice Hall.
23. Kluckhohn C. Values and value-orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification // Toward a general theory of action. – Harvard university press, 1951. – P. 388–433.
24. Lee E.S. A theory of migration // Demography. – 1966. – Т. 3. – С. 47–57.
25. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., & Taylor J.E. (1993). «Theories of International Migration: A Review and Appraisal». Population and Development Review, 19(3), 431–466.
26. Neli Esipova, Julie Ray, and Rajesh Srinivasan (2011) The World's Potential Migrants: Who They Are, Where They Want to Go, and Why It Matters, Gallup Inc.
27. Osgood C.E., Suci G.J., & Tannenbaum P.H. (1957). The Measurement of Meaning. Urbana, IL: University of Illinois Press.
28. Rokeach M. The nature of human values. – Free press, 1973, – 438 p.
29. Schwartz S.H. Basic human values: An overview. – 2006.
30. Thomas W.I., Znaniecki F., Zaretsky E. The polish peasant in Europe and America. University of Illinois Press, 1984, – 310 p.
31. Williams R.M., Jr. (1968). Values. In E. Sills (Ed.), International encyclopedia of the social.

EMIGRATION ATTITUDES OF AN INDIVIDUAL: VALUE BASES AND FACTORS OF REALIZATION

Krasnikova E.S.

Lomonosov Moscow State University

The article deals with the main problem of studying emigration processes – how emigration attitudes (the desire to leave for another country) are transformed into real action (emigration to another country). Based on the theory of values and the axiological approach, the essence of migration attitudes is conceptualized as a socio-psychological phenomenon, as well as a kind of social attitudes. The process of formation of emigration attitudes was revealed, which consists of three stages: cognitive (accumulation of knowledge), affective (emotional reactions) and conative (real actions). The process of transformation of emigration installations into action takes place in 3 stages: installation design, preparation and planning, moving to another country. In the final part of the article, the factors influencing the transition of emigration attitudes to emigration are formulated. Four groups of factors were identified in the tables: contributing and hindering in the country of departure, contributing and hindering in the country of arrival. In each group, the factors are divided into such subgroups of factors as economic, political, social, regulatory, family, cultural, and quality of life factors. Psychological factors were identified only in the country of departure, as they are formed only in the country of residence.

Keywords: values, social attitudes, migration attitudes, emigration attitudes, factors of emigration attitudes.

References

1. Andreeva G.M. Social psychology: Studies for university students studying in the field and specialty «Psychology» / G.M. Andreeva. – 5. ed., ispr. and add. – Moscow: Aspect Press, 2002. – 363 p.
2. Vorobyova O.D., Aleshkovsky I.A., Grebenyuk A.A. Transformation of Russian emigration at the turn of the XX–XXI centuries // The age of globalization. – 2017. – № . 4(24). – Pp. 100–111. pp. 101–102.
3. Grebenyuk A.A. Theoretical approaches to the study of international labor migration // Migration and socio-economic development. – 2016. – Vol. 1. – No. 1. – pp. 17–38.
4. Grebenyuk A.A., Krasnikova E.S. Emigration of Russian doctors abroad: causes and potential of re-emigration // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. – 2021. – Vol. 27. – No. 4. – pp. 175–191.
5. Grebenyuk, A.A. Social technology «soft power»: concept, practice of measurement and evaluation of effectiveness / A.A. Grebenyuk. – Moscow: Nestor-Istoriya Limited Liability Company, 2022. – 188 p.
6. Romir/M-Holding research: emigration sentiments in Russia and the world. – Text: electronic // ROMIR: [website]. – URL: <https://romir.ru/studies/issledovanie-romirm-holding-emigracionnyie-nastroeniya-v-rossii-i-mire> (date of reference: 04.10.2024).
7. Lychko S.K., Mosienko N.L. Attractiveness of the city as a factor in the formation of migration attitudes of students // Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser.: Socio-economic sciences. 2014. Vol. 14, No. 1. pp. 160–169.
8. Rybakovsky L.L. Factors and causes of population migration, the mechanism of their interrelation // Population. – 2017. – № . 2 (76). – Pp. 51–61.
9. Sabetova T.V. Factors of migration attractiveness of countries and regions // Education, science and production. – 2014. – № . 4 (9). – Pp. 36–40.
10. Self-regulation and forecasting of social behavior of a personality: A dispositional concept. 2nd expanded edition – Moscow: TSSPIM, 2013. – 376 p.
11. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society / General ed., comp. and preface by A.Y. Sogomonov: Translated from English – M.: Politizdat, 1992. – 543 p.

12. Sociological dictionary / ed. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev; academic secretary O.E. Chernoshchek. – M.: Norma, 2008. – 608 p.
13. Uznadze D.N. Psychology of installation / Dmitry Uznadze. – St. Petersburg. [et al.]: Peter, 2001. – 414 p.
14. Khramova M.N., Ryazantsev S.V. Factors of emigration from Russia in the post-Soviet period: regional features // The economy of the region. – 2018. – Vol. 14. – No. 4. – pp. 1298–1311.
15. Shikhirev P.N. Social installation // Sociological dictionary / Ed. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev; uch. secr. O.E. Chernoshchek. – M.: Norm: Infra-M, 2010. – Pp. 539–540.
16. Emigration sentiments: monitoring. – Text: electronic // VT-sIOM: [website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnyie-nastroenija-monitoring-4> (date of application: 08/06/2024).
17. Emigration and emigration sentiments: Do Russians condemn those who go abroad?. – Text: electronic // FOM: [website]. – URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14712> (date of application: 08/28/2024).
18. Barker E. The Nature of Human Values Milton Rokeach // The British Journal of Sociology, 26(2), 1975. – P. 252–253.
19. Festinger L. (1957). A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press.
20. Gallup Inc. Электронный ресурс: <https://news.gallup.com/poll/468218/nearly-900-million-worldwide-wanted-migrate-2021.aspx>, (date of application: 09.05.2024).
21. GIA: One in three global citizens want to immigrate. Electronic resource: <https://www.gallup-international.com/survey-results-and-news/survey-result/one-in-three-global-citizens-want-to-immigrate> (date of application: 09.05.2024).
22. Hogg M.A., & Vaughan G.M. (2005). Social Psychology (4th ed.). London: Prentice Hall.
23. Kluckhohn C. Values and value-orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification // Toward a general theory of action. – Harvard university press, 1951. – P. 388–433.
24. Lee E.S. A theory of migration // Demography. – 1966. – T. 3. – C. 47–57.
25. Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., & Taylor J.E. (1993). «Theories of International Migration: A Review and Appraisal». Population and Development Review, 19(3), 431–466.
26. Neli Esipova, Julie Ray, and Rajesh Srinivasan (2011) The World's Potential Migrants: Who They Are, Where They Want to Go, and Why It Matters, Gallup Inc.
27. Osgood C.E., Suci G.J., & Tannenbaum P.H. (1957). The Measurement of Meaning. Urbana, IL: University of Illinois Press.
28. Rokeach M. The nature of human values. – Free press, 1973, 438 p.
29. Schwartz S.H. Basic human values: An overview. – 2006.
30. Thomas W.I., Znaniecki F., Zaretsky E. The polish peasant in Europe and America. University of Illinois Press, 1984, 310 p.
31. Williams R.M., Jr. (1968). Values. In E. Sills (Ed.), International encyclopedia of the social.

Социальные сети в избирательных кампаниях: социологический анализ

Лисничая Маргарита Андреевна,

соискатель кафедры политической социологии и социальных технологий РГГУ, член экспертного клуба «Дигория»
E-mail: gimnazistka15@mail.ru

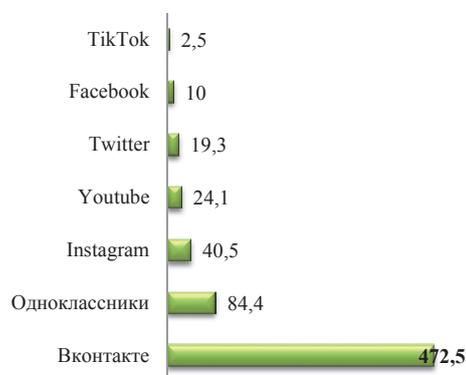
В статье изучаются возможности применения социальных сетей для различных акторов избирательного процесса, а также выявление специфики их использования в современных условиях. Отмечается, что в настоящее время социальные сети представляют собой мультифункциональные коммуникативные площадки, на которых происходит формирование, обмен, распространение различной информации. В рамках социальных сетей сформирована многонаправленная, разветвленная коммуникативная модель, где основные ее участники являются не только получателями информации, но и сами могут быть создателями контента. На основании эмпирических данных полученных посредством качественных методов анализа – полуструктурированных фокус-групповых интервью изучается потенциал социальных сетей в избирательном процессе.

Ключевые слова: социальные сети, избирательный процесс, избирательная кампания, Интернет-платформы.

Введение

В последние десятилетия социальные сети стали не просто источниками развлекательной информации, а полноценными средствами массовой информации, затрагивающими множество аспектов жизнедеятельности граждан. А.В. Каравай, отмечает, что: «Социальные связи играют огромную роль в повседневной жизни людей. Исследования показывают, что привлекаемые через них ресурсы являются важным фактором вертикальной мобильности, при определенных условиях могут заменять и дополнять другие материальные и нематериальные ресурсы индивида» (рис. 1) [1].

Сообщений в соцсетях в месяц, млн

авторов в соцсетях в месяц, млн

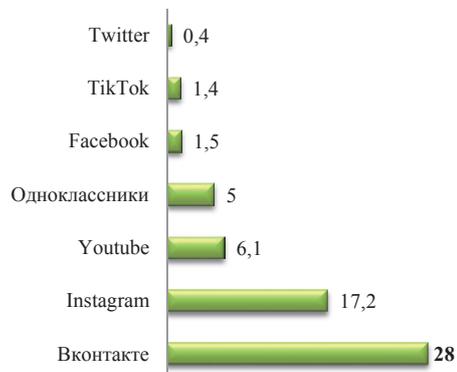

Рис. 1. Объем активной аудитории и публикуемого контента в соцмедиа России на осень 2022 года¹

«В октябре 2022 года число активных авторов в социальных медиа в России составило 62,2 млн. Авторы написали более 1,5 млрд публичных сообщений – постов, репостов и комментариев (в октябре 2021 года – 1,1 млрд)» [2].

«Сегодня можно сказать с уверенностью, что абсолютно все партии и отдельные политики регулярно используют виртуальные социальные сети в качестве платформы для ведения избирательных кампаний. Такая популярность этих платформ обусловлена многими

¹ Суммарные данные представлены для соцмедиа России, которые включают: социальные сети, блоги, форумы, геосервисы, отзовики, публичные каналы, мессенджеры. Выделены данные по соцсетям.

факторами. Среди них можно выделить возможность охвата электората, недоступного для традиционных методов агитации, а также невозможность проведения очных контактов с некоторыми группами избирателей» [3] – пишет Е.И. Ищенин.

Член Экспертного клуба «Дигория, аналитик Центра политической конъюнктуры И. Гераскин справедливо отмечает, что: «Один из основных рупоров развития выборного процесса – это развитие интернет-технологий. С каждой кампанией в России кандидаты все больше нуждаются в интернет-штабах. Их работа в соцсетях даёт много преимуществ с точки зрения укрепления своих позиций и привлечения новой аудитории» [4].

Помимо политиков и депутатов, социальные сети применяют в своей деятельности и иные акторы избирательного процесса, в частности, федеральные и региональные органы власти и избирательные комиссии.

Еще в 2017 году ЦИК РФ завел аккаунты в социальных сетях Facebook (с 2022 года запрещена в России), «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter и каналы в Telegram и на Youtube. В социальных сетях Центризбирком размещает обучающие материалы для избирателей, организаторов избирательного процесса и журналистов. В дальнейшем этому примеру последовали и региональные избирательные комиссии.

В настоящее время, исследовательский интерес представляет изучение основных тенденций развития возможностей применения социальных сетей для различных акторов избирательного процесса, а так же выявление специфики их использования.

Методика

Статья опирается на результаты социологического исследования «*Диагностика использования социально-сетевых технологий в управлении региональным избирательным процессом*». В частности на данные полученные посредством качественных методов анализа – полуструктурированных фокус-групповых интервью.

Цель интервью – более глубокий анализ причинно-следственных связей, выявленных взаимосвязей и зависимостей, ценностно-мотивационных и диспозиционных аспектов использования социальных сетей в избирательном процессе. Проведение интервью позволило проанализировать роль социальных сетей для различных субъектов регионального избирательного процесса. В частности, объектами исследования стали 7 социальных групп: население различных возрастов (15–29, 30–39, 40–49, 50–59 лет), депутаты, члены избирательных комиссий.

Общее количество участников – 69 человек, возрастной диапазон – 18–69 лет, половой состав – 38 женщины и 31 мужчины.

Результаты

Участники фокус-групповых интервью, обратили внимание на всеобъемлемость социальных сетей. С утверждением, что «*Сегодня социальные сети и мессенджеры получили широкое распространение в коммуникации между людьми и представить жизнь без них уже сложно*» согласились представители всех опрошенных социальных групп.

Обобщенное мнение о значении социальных сетей в современной жизни можно выразить следующим высказыванием: «*Во-первых, в социальных сетях сейчас все, магазины, услуги (от воздушных шаров до образовательных услуг можно заказать). Во-вторых – это общение, все друзья в социальных сетях, работа в соци-*

альных сетях (имеются в виду рабочие чаты и переписка с коллегами и руководством). В-третьих, это сейчас, самый оперативный источник получения информации и общения. Сегодня любую информацию, люди получают из социальных сетей в первую очередь, начиная от развлекательной и заканчивая государственными услугами. Например, Гладкова (губернатор Белгородской области) все смотрят в социальных сетях» (Анна, воспитатель).

В тоже время мнения участников фокус-групповых интервью относительно влияния социальных сетей на общество разделились. В пользу положительного влияния социальных сетей на общество довольно типичными являются следующие мнения:

Светлана (предприниматель): «*Социальные сети влияют на общество положительно, я считаю. Потому что, например, даже эти мессенджеры все, упрощают работу и скорость работы. Электронную почту можешь и не увидеть, а вот в телефон ты зайдешь и увидишь сообщение*».

Антон (предприниматель): «*Группы в мессенджерах для коллег, для родителей, для соседей это намного облегчает жизнь. В группах собирается сразу несколько десятков человек, которые сразу видят ту информацию, которую необходимо распространить*».

Однако, имеет место и альтернативная точка зрения. Участники фокус групповых интервью, так же указывают на риски и негативные следствия использования социальных сетей:

Андрей (инженер): «*Может это все (социальные сети, мессенджеры) комфортно и удобно, но они заставляют нас терять реальное общение, мы разучиваемся говорить глядя человеку в глаза, контактируя напрямую*».

Действительно, коммуникация граждан в виртуальном пространстве, повышает определённые риски на это указывают и современные ученые. «Общение при помощи специальных программ лишает нас необходимости живого общения. В связи с этим некоторые диалоги разворачиваются «онлайн». Больше нет необходимости в живую общаться с продавцами, таксистами и даже коллегами. Достаточно зайти на сайт, в приложение или общий чат. Фактически человек использует живой диалог лишь в том случае, если не имеет возможности воспользоваться цифровыми технологиями. Последние, в свою очередь, вводятся повсеместно» [5].

Таким образом, не смотря на широкую популярность социальных сетей сегодня, их влияние на общество амбивалентно, и в зависимости от различных факторов (внешних и внутренних) может оказывать разное воздействие на общество в целом, и отдельного индивида в частности.

С этим тезисом согласна и значительная часть (40%) участников фокус-групп, которые высказали утверждение, что однозначной характеристики дать нельзя: «*Влияние социальных сетей обманчиво. Они оказывают как положительное, так и отрицательное воздействие на общество и человека. Например, с одной стороны есть много информации, к ней открыт быстрый доступ. С другой стороны, насколько эта информация правдива, кто ее проверяет? (сегодня много фейков¹) (Артем, муниципальный служащий). «Я считаю, что для разных людей разного возраста социальные сети имеют различное влияние. Есть например дети, школьники, которые могут столкнуться с социальными сетями с информацией, которая для них не предназначена и деструктивна даже» (Анастасия, воспитатель).*

¹ Фейк – что-либо ложное, недостоверное, сфальсифицированное, выдаваемое за действительное, реальное, достоверное с целью ввести в заблуждение.

Цифровые платформы снизили силу традиционных СМИ и, возможно, увеличили способность различных субъектов формировать повестку дня. Участники фокус-групп также отметили, что получают разнообразную информацию из социальных сетей, это касается как населения, так и депутатов и членов избирательных комиссий:

Юрий (депутат): «В социальных сетях я получаю информацию в первую очередь от партии которую представляю. Подписан на губернатора и иных официальных лиц региона. От правительства приходит информация».

Ольга (работник бюджетной сферы): «Разумеется и официальную информацию из социальных сетей я получаю. Сейчас множество органов власти представлены в социальных сетях от федеральных до местных».

В настоящее время, социальные сети, по мнению граждан, можно и нужно рассматривать и использовать как инструмент коммуникации между людьми и властью. Взгляд участников фокус-групп на возможности взаимодействия власти и общества в сети можно выразить следующими высказываниями:

Александр (пенсионер): «Некоторые вопросы, которые не требуют глобального решения вполне возможно решать при помощи социальных сетей оперативно. Например, ямы на дорогах, свет в подъезде, сломанная площадка и пр.».

Владимир (депутат): «При правильном подходе и правильной власти использование социальных сетей позволит ускорить обмен информацией между людьми и властью и оперативно решать проблемы людей с которыми они обращаются».

Высокую значимость социальных сетей для избирательного процесса отметили депутаты – участники фокус-групповых интервью. Примером могут служить следующие высказывания: *«Социальные сети представляют возможность анализа обширного поля информации, мнений и суждений граждан. Способствуют пониманию политических ориентаций, желаний и потребностей электората. На основе этой информации уже строится агитационная политика и формируется общественное мнение».* Светлана, (депутат). *«Сейчас использование социальных сетей набирает популярность. Их можно использовать для формирования личного бренда, агитации, получения разнообразной информации о потребностях и настроениях избирателей, сборе жалоб и пр.»* Константин (депутат). *«Социальные сети очень помогают выстроить коммуникацию, оперативно связаться с гражданами. Прощупать обстановку так сказать. И сформировать о себе образ, донести свои позиции какие-то по различным вопросам которые волную общественность»* Владимир (депутат).

Целенаправленно используют социальные сети как площадку для агитации 70% опрошенных в ходе фокус-групповых интервью депутатов, что вполне оправдано и соответствует реалиям времени. Опрошенные депутаты указали, что социальные сети позволяют им получать активную обратную связь от граждан: *«Были отклики, были жалобы и призывы, кто-то обращался с просьбами. Имеется и отрицательный опыт в виде гневных комментариев или необоснованных обвинений»* (Светлана, депутат).

В ходе интервью депутаты не раз подчеркивали эффективность социальных сетей во взаимодействии с избирателями и формировании личного бренда. Однако, они подчеркнули то, что это требует значительного количества времени, *«Необходимо работать над продвижением, над конвентом, заинтересовать аудиторию»* (Юрий, депутат).

Отмечая высокий потенциал социальных сетей в избирательном процессе, а так же перспективность данного направления, все интервьюируемые группы граждан (депутаты, члены избирательных комиссий, жители региона) отметили, что работа с социальными сетями требует специальных знаний. *«Потенциал социальных сетей очень большой. Но его нужно правильно использовать и развивать. Нужно уделять этому прямо очень много времени или нанимать SMM-специалиста. Я полагаю, что за этим будущее и мы не можем это отрицать»* (Александр, депутат). Кроме всего прочего, участники фокус-групп указали на то, что: *«навыки работы с социальными сетями отличаются в зависимости от сети, у каждой из них свои алгоритмы работы, раскрутки и прочего, поэтому надо знать нюансы каждой из них»* (Анатолий, работник избирательной комиссии).

Не смотря на высокий потенциал социальных сетей как площадки коммуникации между избирателями и депутатами, данный механизм взаимодействия пока развит слабо.

Обсуждение и заключение. В настоящее время социальные сети представляют собой мультифункциональные коммуникативные площадки, на которых происходит формирование, обмен, распространение различной информации. В рамках социальных сетей сформирована многонаправленная, разветвленная коммуникативная модель, где основные ее участники являются не только получателями информации, но и сами могут быть создателями контента. Социальные сети создают расширенные возможности коммуникации для своих участников, открывают новые направления мобилизации общественного мнения. Не смотря на широкую популярность социальных сетей, граждане отмечают, что их влияние на общество амбивалентно. Социальные сети ведут и к возникновению нетрадиционных барьеров, среди которых: снижение качества человеческих отношений, формирование иллюзорного образа реальности; искажение представления о реальности.

Анализ возможности и перспектив применения социальных сетей в избирательном процессе позволил заключить, что социальные сети сегодня имеют значимый потенциал для применения их в избирательном процессе. Положительный эффект от использования социальных сетей могут получить все участники избирательного процесса. Функции социальных сетей в организации и регулировании избирательного процесса, варьируются исходя из целей и интересов различных групп участников.

Литература

1. Каравай А.В. Факторы доступа к ресурсам социальных сетей в современной России / А.В. Каравай // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 74–84.
2. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2022. – URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media2022/?ysclid=lfdvnp77z7839026601> (дата обращения: 11.10.2024).
3. Ищевин Е.И. Специфика виртуальных социальных сетей как платформы для ведения избирательных кампаний / Е.И. Ищевин // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: сборник научных трудов XIII Международной научно-практической конференции, Омск, 10–11 июня 2022 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2022. – С. 199–204.

4. Аналитики ЭИСИ отметили консолидацию электората вокруг линии президента. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/06/vjfff/> (дата обращения: 23.10.2024).
5. Умирающее искусство диалога: как технологии «убивают» в нас способность говорить лицом к лицу. – URL: <https://fb.ru/post/gadgets-and-gizmos/2019/4/1/80089?ysclid=I6dora6hot938844801> (дата обращения: 23.09.2024).

SOCIAL NETWORKS IN ELECTION CAMPAIGNS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Lisnichaya M.A.

Russian State University for the Humanities

The article studies the possibilities of using social networks for various actors in the electoral process, as well as identifying the specifics of their use in modern conditions. It is noted that at present, social networks are multifunctional communication platforms where various information is formed, exchanged, and distributed. Within the framework of social networks, a multidirectional, branched communication model has been formed, where its main participants are not only recipients of information, but can also be content creators themselves. Based on empirical data obtained through qualitative analysis methods – semi-structured focus group interviews, the potential of social networks in the electoral process is studied.

Keywords: social networks, electoral process, election campaign, Internet platforms.

References

1. Karavay A.V. Factors of access to social network resources in modern Russia / A.V. Karavay // *Sociological studies*. 2022. No. 10. Pp. 74–84.
2. Social networks in Russia: figures and trends, autumn 2022. – URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media2022/?ysclid=I6dora6hot938844801> (date of access: 11.10.2024).
3. Ishchein E.I. Specifics of virtual social networks as a platform for conducting election campaigns / E.I. Ishchein // *Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience: collection of scientific papers of the XIII International scientific and practical conference, Omsk, June 10–11, 2022.* – Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, 2022. – P. 199–204.
4. EISI analysts noted the consolidation of the electorate around the president's line. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/07/06/vjfff/> (accessed: 23.10.2024).
5. The dying art of dialogue: how technology “kills” our ability to speak face to face. – URL: <https://fb.ru/post/gadgets-and-gizmos/2019/4/1/80089?ysclid=I6dora6hot938844801> (accessed: 23.09.2024).

Лоскутова Ирина Мироновна,

д.с.н., доцент, профессор кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова», профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

E-mail: loskutova07@yandex.ru

Лимонова Мария Александровна,

д.и.н., профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

E-mail: ma.limonova@mpgu.edu

Юдина Елена Николаевна,

д.с.н., профессор кафедры социологии и медиакоммуникаций, Российский государственный университет социальных технологий (РГУ Соцтех)

E-mail: elena_nikolaevna@inbox.ru

В статье поднимаются проблемы инклюзивного образования студентов-инвалидов. Приводятся данные социологического исследования студентов-инвалидов, проведенного в Российском государственном университете социальных технологий, в котором нашли комплексное отражение наиболее важные проблемы студентов с инвалидностью. Оно охватывало такие стороны жизни как учеба, отношения с другими студентами, увлечения, занятия спортом, отношения в семье с родителями и близкими людьми, проблемы трудоустройства и социальная активность. В работе делается вывод, что социальная жизнь студентов с инвалидностью мало чем отличается от других студентов и выглядит вполне нормальной. Но в тоже время есть определенные негативные моменты. Социальная и коммуникативная активность студентов с инвалидностью также недостаточно высока. Авторы делают вывод, что инвалидность является фактором, который усугубляет все проблемы социализации, которые естественным образом возникают у молодых людей.

Ключевые слова: инклюзивное образование, социологическое исследование, студенты-инвалиды, комплексный подход.

Инвалидность как социальное явление давно находится в фокусе внимания гуманитарных наук: социальной медицины, коррекционной педагогики, социальной работы.

Современный социологический подход к проблеме инвалидности включает изучение человеческих различий на уровне социокультурной системы общества и понимание того, что положение инвалида зависит от общества и окружающей среды. Инвалидность рассматривается в контексте социального неравенства. Поэтому формирование механизмов его преодоления является необходимым условием социальной политики, выступает основным направлением в обсуждении проблематики инклюзивного образования в российском обществе.

Однако комплексное всестороннее социологическое исследование проблем инвалидности, изучение особенностей разных категорий людей с инвалидностью – наиболее перспективное направление, которое будет иметь высокую теоретическую и практическую значимость.

Обратимся к понятию инвалид. Закон трактует его как «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеванием, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон № 181-ФЗ от 24 ноября 1995 г. (ред. от 28.12.2022) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559 (дата обращения: 15.03.2024)].

В числе ведущих направлений изучения инвалидности в социологическом дискурсе можно отметить исследования, посвященные семье таких авторов как Е.Р. Ярская-Смирнова [15], Е.И. Холостова [12]. Инвалидность в контексте социальной стратификации изучают О.С. Дробт [1], Э.К. Наберушкина [5], [6], Д.С. Радугин [7]. Проблемы инклюзивного образования изучают В.Н. Ярская [15], И.И. Лошаков [9], Д.В. Зайцев [2]. Доступность высшего образования для инвалидов рассматривают Е.С. Курбангалеева, Д.Н. Веретеников [4], занятость инвалидов исследуют Э.К. Наберушкина [5], Д.С. Радугин [7], П.В. Романов [8].

Авторский подход к исследованию инвалидности заключается в многофакторном комплексном рассмотрении поставленной проблемы. Иными словами, в фокусе нашего внимания находится реальный студент, непосредственно включенный в различные виды образовательной деятельности на уровне социальной повседневности [10].

Такой подход полностью отвечает духу закона 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». В частности, статья 9 трактует реабилитацию инвалидов как «систему и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности...» [О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон № 181-ФЗ от 24 ноября 1995 г. (ред. от 28.12.2022) // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559 (дата обращения: 15.03.2024)].

Важным направлением преодоления социального неравенства является возможность для инвалидов получения высшего образования. Наиболее перспективным направлением в этой сфере является инклюзивное

образование. Оно предполагает совместное обучение студентов без инвалидности и с инвалидностью в одной и той же студенческой группе. При этом в вузе не только создается удобная инфраструктура для комфортного пребывания студентов-инвалидов, но и благоприятные социокультурные и педагогические условия для успешной социализации инвалидов. РГУ Соц-тех является именно таким вузом. В нем студенты инвалиды обучаются наравне со здоровыми студентами. Доля студентов ОВЗ достигает 30%.

Для того чтобы изучить социальную повседневность инвалидов, охватывающий такие направления как учеба, посещение занятий, общение со сверстниками и преподавателями и родными, увлечения, спорт, трудоустройство, общественная деятельность, был проведен социологический опрос в декабре 2023 года. Всего было опрошено 164 человека, среди них 58% женщин, 42% мужчин в возрасте от 17 до 22 лет и старше. Практически все опрошенные являлись инвалидами I, II, III группы и инвалидами детства.

Учеба студентов с инвалидностью

В первом вопросе анкеты мы выяснили, сталкивались ли студенты с трудностями в учебе (рис. 1). Из диаграммы видно, 70% опрошенных ответили, что в целом учиться нетрудно, но отдельные предметы даются нелегко. Настоящие трудности испытывают только 6% опрошенных. Не испытывают трудностей в учебе только 17% опрошенных. Авторы изучили особенности учебы студентов, получившие инвалидность до 2,5 лет и после 2,5 лет. Полученные данные показывают, что студенты получившие инвалидность по рождению и в раннем детстве (до 2,5 лет), испытывают несколько большие трудности в учебе. Среди них на 2% меньше тех, кто не испытывает никаких трудностей в учебе и на 5% больше тех, кто испытывает трудности по отдельным предметам. Студенты, получившие инвалидность после 2,5 лет, учатся более легко. Среди этой группы по сравнению с первой группой на 11% больше тех, кто не испытывает трудностей в учебе и на 15% меньше тех, кто испытывает трудности по отдельным предметам. Иными словами студенты, получившие инвалидность после 2,5 лет, более легко справляются с учебой (рис. 1).

В1. СТАЛКИВАЕТЕСЬ ЛИ ВЫ С ТРУДНОСТЯМИ В УЧЕБЕ? (Можно выбрать один подходящий ответ)

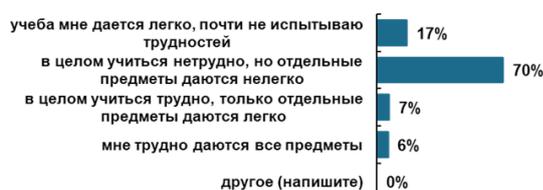

Рис. 1. Второй вопрос касался посещаемости занятий

Было выяснено, что почти не пропускают занятия немного более трети опрошенных (35%). Еще 44% пропускают иногда в основном по медицинским показаниям (болезнь, реабилитация). Из-за общественной деятельности, занятий спортом пропускают еще 10%. Без уважительных причин пропускают занятия 10% участников опроса. Если сравнивать посещаемость занятий студентов, получивших инвалидность до 2,5 лет и получивших инвалидность в более взрослом возрасте, то в этом отношении также заметны серьезные различия. Первая группа студентов в целом пропускают больше. Правда, среди этой группы на 3% больше по сравнению со средним тех, кто утверждает, что не пропускает занятия.

Но зато по сравнению со второй группой на 24% больше тех, кто пропускает по медицинским показаниям и на 7% больше тех, кто пропускает из-за общественной деятельности (рис. 2).

В2. ПРОПУСКАЕТЕ ЛИ ВЫ ЗАНЯТИЯ? (Можно выбрать несколько подходящих ответов)

Рис. 2

Студенты с инвалидностью в системе коммуникаций

Следующий блок вопросов был нацелен на исследование системы коммуникаций, в которую включены студенты с инвалидностью. Нас интересовало, удовлетворены ли опрошенные отношениями в своей студенческой группе, как складываются отношения с другими студентами в группе и в университете, есть ли у них друзья.

В3. УДОВЛЕТВОРЕННЫ ЛИ ВЫ ОТНОШЕНИЯМИ В СВОЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ГРУППЕ? (Можно выбрать один подходящий ответ)

Рис. 3

Из рисунка 3 видно, что большинство опрошенных (70%) удовлетворены отношениями в студенческой группе, еще 18% удовлетворены отчасти. Не удовлетворены отчасти и затруднились с ответом 12%. По сравнению со средним несколько меньше (на 6%) удовлетворены отношениями в группе студенты, получившие инвалидность после 2,5 лет и студенты, являющиеся единственным ребенком в семье. Среди единственных детей в семье удовлетворены отношениями в группе 65% на 5% меньше, чем средние показатели. Эти данные показывают, инвалидность усиливает естественные коммуникативные барьеры, которые нередко возникают у людей, которые были единственным ребенком в семье.

В4. КАК СКЛАДЫВАЮТСЯ ВАШИ ОТНОШЕНИЯ С ДРУГИМИ СТУДЕНТАМИ В ГРУППЕ И В УНИВЕРСИТЕТЕ? (Можно выбрать один подходящий ответ)

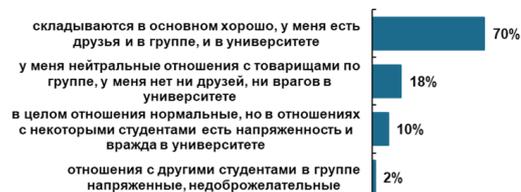

Рис. 4

Более развернутое представление об отношениях студентов с инвалидностью с окружающими дает рис. 4. Именно она показывает, что 12% опрошенных имеют сложности в коммуникации с другими студентами. У 10% студентов в целом отношения нормальные, но в отношениях с некоторыми студентами есть напряженность и вражда в университете, еще 2% имеют отношения с другими студентами в группе напряженные, недоброжелательные.

В5. ЕСТЬ ЛИ У ВАС ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ? (Можно выбрать два подходящих ответа)

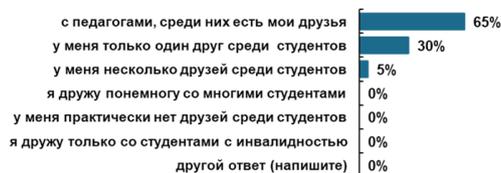

Рис. 5

Еще более показательны данные на рис. 5. Из нее видно, что только 30% студентов имеют одного друга, только 5% имеют несколько друзей среди других студентов. Остальные опрошенные (65%) предпочитают дружить с педагогами. Эти данные показывают, что дружеские коммуникации у студентов с инвалидностью затруднены, у них не выработано умение формировать глубокие и постоянные отношения со своими ровесниками.

Увлечения студентов с инвалидностью

Открытый вопрос показывает, с какими увлечениями связано свободное время студентов с инвалидностью (рис. 6).

В6. С КАКИМИ УВЛЕЧЕНИЯМИ СВЯЗАНО ВАШЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ?

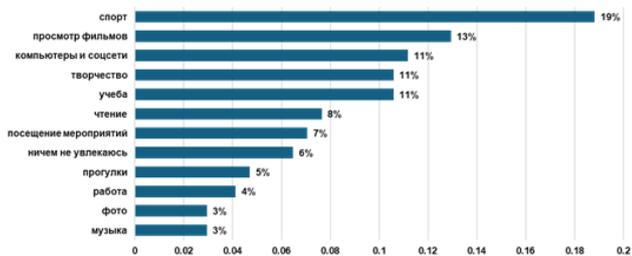

Рис. 6

Распределим ответы по убыванию: спорт – 19%, просмотр фильмов – 13%, социальные сети – 13%, творчество – 11%, чтение – 8%. Эти данные показывают, что увлечения студентов-инвалидов практически не отличаются от увлечений всех остальных современных студентов.

В7. ЯВЛЯЕТЕСЬ ЛИ ВЫ СПОРТСМЕНОМ?

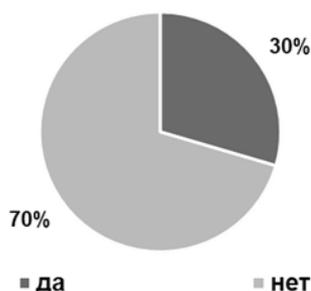

Рис. 7

Рисунок 7 показывает, что спортом занимаются только 30% студентов с ОВЗ. Следующая диаграмма показывает, какими видами спорта увлекаются инвалиды. Заметна разница между студентами, получившими инвалидность по рождению и в раннем младенческом возрасте, и студентами, получившими инвалидность в более позднем возрасте (после 2,5 лет). Если в первой группе занимаются спортом 31% опрошенных, то во второй группе только 27%, то есть на 4% меньше, чем в первой группе. Как нам кажется, эти данные свидетельствуют о том, что студенты, получившие инвалидность до 2,5 лет, социализируются более тяжело, но они компенсируют это за счет усиления коммуникаций и занятий спортом.

В8. КАКИМ ВИДОМ СПОРТА ВЫ ЗАНИМАЕТЕСЬ?

Рис. 8

Рисунок 8 показывает спектр спортивных предпочтений: 46% респондентов предпочитает дартс, а 36% занимаются фехтованием, еще 7% занимаются теннисом и легкой атлетикой. Другие виды спорта представлены эпизодически.

Важным элементом жизненного мира являются отношения с близкими людьми.

В10. КАК ЧАСТО ВЫ ПЕРЕПИСЫВАЕТЕСЬ ИЛИ ЗВОНИТЕ РОДИТЕЛЯМ, ОПЕКУНАМ, БЛИЗКИМ ЛЮДЯМ?

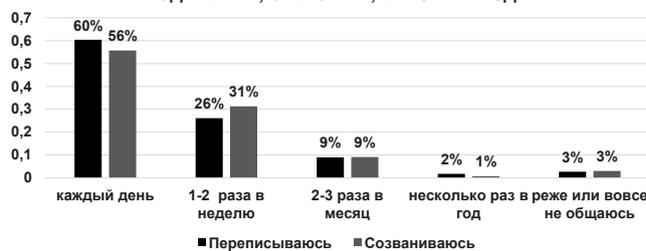

Рис. 9

Рисунок 9 показывает, что 86% имеют дружеские отношения со своими родителями, близкими людьми. Они довольно часто, каждый день или 2–3 раза в день созваниваются или переписываются со своими близкими. Около 12%, по-видимому, менее привязаны к своим близким. Примерно 12% связываются с близкими несколько раз в месяц или несколько раз в год. Студенты, получившие инвалидность до 2,5 лет, существенно меньше (на 10%), чем их ровесники, получившие инвалидность после 2,5 лет, переписываются с родителями.

Трудоустройство студентов с инвалидностью

Анализ данных рисунка 10 показывает, что по отношению к трудоустройству опрошенные поделились примерно поровну. 43% заявили, что у них не было попыток трудоустроиться, а 42% работали временно или работают сейчас, еще 15% предпринимали попытки трудоустроиться, но у них не получилось. Несколько иная картина для студентов – единственных детей в семье. В этой социальной группе несколько больше студентов

(45%), которые ответили, что у них не было попыток трудоустроиться и несколько меньше (40%) ответивших, что работали временно или работают сейчас. То есть общая установка на трудоустройство меньше на 5%.

В14. ЕСТЬ ЛИ У ВАС ОПЫТ ТРУДОУСТРОЙСТВА? (Можно выбрать один подходящий ответ)

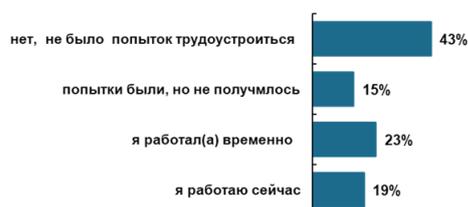

Рис. 10

В15. СОБИРАЕТЕСЬ ЛИ ВЫ В БУДУЩЕМ РАБОТАТЬ, ПРИМЕНЯТЬ КОМПЕТЕНЦИИ, ПОЛУЧЕННЫЕ В ВУЗЕ?

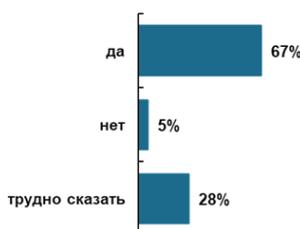

Рис. 11

Рисунок 11 показывает, что установка на трудовую деятельность у большинства опрошенных (67%) сформирована, 28% затруднились с ответом. И только 5% совсем не намерены работать.

В16. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В КАКОЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СКОРЕЕ ВСЕГО, БУДУТ ВОСТРЕБОВАНЫ ВАШИ ЗНАНИЯ И УМЕНИЯ? (Можно выбрать любое количество ответов)

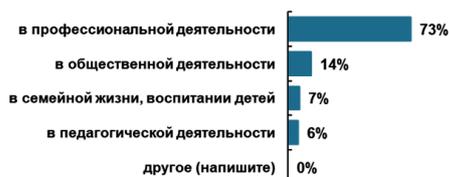

Рис. 12

Рисунок 12 подтверждает, что установка на профессиональную деятельность действительно сформирована у двух третей опрошенных: 73% собираются использовать полученные знания в профессиональной деятельности. Еще 20% хотят заниматься общественной и педагогической деятельностью.

Рисунок 13 показывает, что студенты с инвалидностью показывают достаточно большую социальную активность. Общественно активны две трети опрошенных (70%) и принимали участие в различных формах от волонтерства до участия в деятельности политических партий и организаций. При этом 29% – не участвовали ни в каких формах общественной жизни. Наиболее распространенная форма – вовлечение в культурные, спортивные мероприятия, фестивали и конкурсы. На это указали 37% опрошенных. Анализ данных показывает, что основным фактором участия или не участия в общественной жизни является группа инвалидности. Наиболее активные студенты, которые принимают участие

в волонтерской деятельности в культурных и спортивных мероприятиях, являются инвалидами первой группы (40%) и второй группы – 30%. А среди неактивных студентов преобладают инвалиды третьей группы (32%) и инвалиды детства (28%). Эти данные пока не совсем ясны, они требуют дальнейшего осмысления и исследования в будущем.

В17. В КАКИХ ФОРМАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЫ УЧАСТВОВАЛИ В 2023 ГОДУ? (Можно выбрать любое количество ответов)

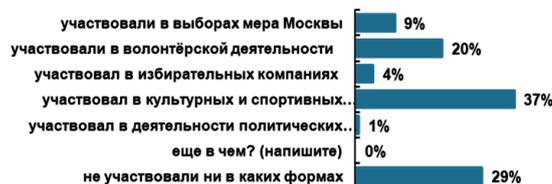

Рис. 13

Социально-демографический портрет студентов с инвалидностью

Как уже отмечалось, всего было опрошено 164 человека, среди них 58% женщин, 42% мужчин в возрасте от 17 до 22 лет и старше. Большинство опрошенных (62%) проживают в общежитии, с родителями в одной квартире или доме живут еще 26% опрошенных. Только 12% студентов с ОВЗ имеют собственное жилье и проживают отдельно.

В ходе опроса устанавливалось материальное положение опрошенных, характеризующее их социальный статус. 79% опрошенных принадлежат к среднему классу. Их средства позволяют нормально питаться, одеваться, но на более дорогие товары нужно копить. Среди них 26% не имеют материальных проблем. 21% респондентов живут ниже среднего. Им денег едва хватает на самое необходимое. Материальное положение студентов, инвалидность которых установлена при рождении и младенческом возрасте, несколько лучше. В этой группе на 6% меньше тех, кому денег хватает на самое необходимое и на 5% больше тех, кому средства позволяют нормально питаться, одеваться и покупать товары длительного пользования.

Подведем некоторые итоги. Нами были изучены наиболее важные проблемы студентов с инвалидностью: учеба, отношения с другими студентами, увлечения, занятия спортом, отношения в семье с родителями и близкими людьми, проблемы трудоустройства и социальная активность. В целом социальные практики студентов с инвалидностью мало чем отличаются от других студентов и выглядят вполне обыкновенными. Но все-таки некоторые негативные моменты настораживают. Так, примерно треть студентов с инвалидностью имеют хотя бы одного друга. Социальная активность студентов с инвалидностью также недостаточно высока – около трети опрошенных не участвовали ни в каких общественных мероприятиях в прошлом году. Иными словами, инвалидность является фактором, который усиливает все проблемы социализации, которые возникают у многих молодых людей.

Литература

1. Дробот О.С. Концепция независимой жизни как форма интеграции инвалидов в современном мире // Ученые записки ТОГУ. 2011. Т. 2. № 1. С. 26.
2. Зайцев Д.В. Интегрированное образование детей с ограниченными возможностями // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 127–130.

3. Инклюзивное образование в России: отношение, проблемы, перспективы // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inkluzivnoe-obrazovanie-v-rossii-otnoshenie-problemy-perspektivy> (дата обращения: 12.06.2023).
4. Курбангалеева Е.С., Веретенников Д.Н. Доступность высшего профессионального образования инвалидам и лицам с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 1. С. 169–180.
5. Наберушкина Э.К. Обзор социальных проблем инвалидности в контексте занятости, социальной политики и социальных дистанций // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 333–340.
6. Наберушкина Э.К. Преодоление барьеров на пути к образованию учениками с инвалидностью // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. № 1(42). С. 264–272.
7. Райдугин Д.С. Инклюзия и инклюзивное образование: конфликт интерпретаций // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 2. – С. 130–141.
8. Романов П.В. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России / П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. – Саратов: Научная книга, 2006. – 260 с.
9. Социология образования / В.Н. Ярская, И.И. Лошакова, Д.В. Зайцев [и др.]. Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2004.
10. Юдина Е.Н., Мороз Н.А. Категория «жизненный мир» в социологии и литературе // Системная психология и социология. 2018. № 1(25). С. 110–118.
11. Холостова Е.И. Социальная политика / Е.И. Холостова; под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 395 с. – (Профессиональное образование) // ЭБС Юрайт: [сайт].
12. Холостова Е.И. Социальная реабилитация: Учеб. пособие / Е.И. Холостова, Н.Ф. Дементьева. – М.: Дашков и К, 2006. – 340 с.
13. Ярская-Смирнова Е.Р., Лошакова И.И. Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социологические исследования. 2003. № 5(229). С. 100–107.
14. Ярская-Смирнова Е.Р. Женщины и инвалидность: испытания на прочность / Е.Р. Ярская-Смирнова, Э.К. Наберушкина // Социологические исследования. – 2009. – № 5 (301). – С. 76.
15. Ярская В.Н. Организационные и политические проблемы глобализации отечественного образования // Доступность высшего образования для инвалидов: сб. науч. статей / под ред. Д.В. Зайцева. Саратов: Научная книга, 2004.

INCLUSIVE EDUCATION OF STUDENTS WITH DISABILITIES

Loskutova I.M., Limonova M.A., Yudina E.N.

Russian National Research University named after N.I. Pirogov, Moscow State Pedagogical University, Russian State University of Social Technologies

The article raises the problems of inclusive education of students with disabilities. The data of a sociological study of students with disabilities conducted at the Russian State University of Social Sciences, which comprehensively reflected the most important problems of students with disabilities, are presented. It covered such aspects of life as studies, relationships with other students, hobbies, sports, family relationships with parents and loved ones, employment problems and social activity. The paper concludes that the social life of students with disabilities is not much different from other students and looks quite normal. But at the same time, there are certain negative aspects. The social and communicative activity of students with disabilities is also not high enough. The authors conclude that disability is a factor that exacerbates all the problems of socialization that naturally arise in young people.

Keywords: inclusive education, sociological research, students with disabilities, an integrated approach.

References

1. Drobot O.S. The concept of independent living as a form of integration of people with disabilities in the modern world // Scientific notes of TSU. 2011. Vol. 2. No. 1. P. 26.
2. Zaitsev D.V. Integrated education of children with disabilities // Sociological research. – 2004. – No. 7. – P. 127–130.
3. Inclusive education in Russia: attitude, problems, prospects // VTsIOM: [website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inkluzivnoe-obrazovanie-v-rossii-otnoshenie-problemy-perspektivy> (date of access: 12.06.2023).
4. Kurbandaleeva E.S., Veretennikov D.N. Accessibility of Higher Professional Education for People with Disabilities and Individuals with Disabilities (OVZ) // Psychological Science and Education. 2017. Vol. 22. No. 1. Pp. 169–180.
5. Naberushkina E.K. Review of Social Problems of Disability in the Context of Employment, Social Policy and Social Distances // Journal of Social Policy Research. 2017. Vol. 15. No. 2. Pp. 333–340.
6. Naberushkina E.K. Overcoming Barriers to Education by Students with Disabilities // Bulletin of the Saratov State Technical University. 2009. No. 1(42). Pp. 264–272.
7. Raidugin D.S. Inclusion and Inclusive Education: Conflict of Interpretations // Social and Humanitarian Knowledge. – 2016. – No. 2. – P. 130–141.
8. Romanov P.V. Disability Policy: Social Citizenship of Disabled People in Modern Russia / P.V. Romanov, E.R. Yarskaya-Smirnova. – Saratov: Nauchnaya kniga, 2006. – 260 p.
9. Sociology of Education / V.N. Yarskaya, I.I. Loshakova, D.V. Zaitsev [et al.]. Saratov: Saratov State Tech. Univ., 2004.
10. Yudina E. N., Moroz N.A. The Category of "Life-World" in Sociology and Literature // Systemic Psychology and Sociology. 2018. No. 1(25). P. 110–118.
11. Kholostova E.I. Social Policy / E.I. Kholostova; ed. E.I. Kholostova, G.I. Klimantova. – 2nd ed., revised and enlarged. – M.: Yurait, 2020. – 395 p. – (Professional education) // EBS Yurait: [site].
12. Kholostova E.I. Social rehabilitation: Textbook. manual / E.I. Kholostova, N.F. Dementyeva. – M.: Dashkov i K, 2006. – 340 p.
13. Yarskaya-Smirnova E.R., Loshakova I.I. Inclusive education of disabled children // Sociological studies. 2003. No. 5 (229). P. 100–107.
14. Yarskaya-Smirnova E.R. Women and disability: strength tests / E.R. Yarskaya-Smirnova, E.K. Naberushkina // Sociological research. – 2009. – No. 5 (301). – P. 76.
15. Yarskaya V.N. Organizational and political problems of globalization of domestic education // Accessibility of higher education for people with disabilities: collection of scientific articles / edited by D.V. Zaitsev. Saratov: Scientific book, 2004.

Социальные последствия применения инструментов по преодолению бедности правительством Китая

Ли Хунган,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 1223507137@qq.com

Актуальность данной статьи определяется тем фактом, что развивающиеся государства сталкиваются с увеличением бедного населения, ростом безработицы, уменьшением заработных плат и другими социальными проблемами. Автор стремится привлечь внимание читателей к разным типам социального неравенства, существующим в нашем мире. В процессе исследования были применены как общие, так и специальные методы научного познания, такие как сравнение.

Полученными результатами выступили теоретические подходы к пониманию природы бедности, представленные в научных трудах психологов и социологов: Цинь Хаожань, Цзян Дехуа, В.А. Волколонский, Ю.Н. Гаврилец и др. Основной акцент был сделан на реализованных мерах китайского правительства, которые помогли преодолеть бедность: например, совершенствование системы здравоохранения. Были изучены и другие категории, интересующие социологов – социальное отчуждение, маргинализация, образовательное неравенство. Для наглядной визуализации данных были составлены таблицы, отражающие суть исследуемой проблемы. В статье были представлены группы населения, которые находятся в уязвимом положении перед лицом бедности, такие как пожилые люди и женщины.

Ключевые слова: бедность, ликвидация бедности, социальное неравенство, депривация, Китай, Европа.

Введение

По мнению Энтони Гидденса, большая часть мирового богатства сосредоточена в экономически развитых странах. Например, к таковым относятся Дания, Франция, Финляндия и др. Параллельно развивающиеся государства сталкиваются с увеличением бедного населения, ростом безработицы, уменьшением заработных плат. Неправительственные частные организации, которые берут на себя ответственность за реализацию социальной политики, не справляются с поставленными задачами. Страдает и система здравоохранения, не оказывающая медицинские услуги качественно. Свободный рынок, на который возлагалось столько надежд, оказывается прекрасной гарантией рентабельности экономического производства, но он не обеспечивает равные условия для личностного развития граждан. Глобализация не приносит универсальных благ, она становится лишь инструментом для получения прибыли в руках транснациональных корпораций.

Считается, что бедность проявляется в долгосрочном лишении ресурсов, которые необходимы для обеспечения достаточного уровня жизни человека. Определения бедности также различаются в каждой стране: пока прожиточный минимум в Америке составляет от 43 000 до 61 000 долларов в год в зависимости от штата, тем временем люди, проживающие в Румынии, выживают на 90 долларов в месяц. В таких обстоятельствах особую ценность имеет успешный опыт китайского правительства, связанный с преодолением бедности.

Исходя из вышесказанного, в данной статье будут использоваться такие термины, как «бедность», «социальное отчуждение» и «изоляция». Основной акцент делается на понимании терминов с социально-психологической точки зрения. Автору интересна проблема бедности населения, так как, в первую очередь, он стремится привлечь внимание читателей к разным типам социального неравенства.

Материалы и методы

В рамках исследования были применены как общие, так и специальные методы научного познания:

- анализ и обобщение литературных источников по проблеме исследования (в рамках представления основных подходов к пониманию феномена бедности, которые представлены в китайской, русской и европейской научной литературе);
- описательный метод (в рамках презентации успешных действий китайского правительства по преодолению бедности);
- сравнение (в рамках изучения сходств и различий представленных точек зрения китайских и западных авторов на тему понимания природы и причин возникновения бедности);
- метод визуализации данных (в рамках представления актуальных и достоверных данных по проблеме исследования).

Результаты

- были обобщены теоретические подходы к пониманию природы бедности, представленные в азиатской и западной социально-психологической литературе;
- были охарактеризованы ключевые меры китайского правительства, которые помогли преодолеть бедность;
- были составлены таблицы: «Распределение бедного населения по регионам страны в 2023 году» и «Глобальный гендерный разрыв в 2023 году»;
- были охарактеризованы группы населения, которые находятся в уязвимом положении перед лицом бедности.

Обсуждение

На протяжении последних десятилетий Китайская Народная Республика стремительно продвигается на верхние позиции в мировых рейтингах, во все большем числе областей, которые, как казалось до недавнего времени, были постоянно заняты группой развитых стран. В том числе, это касается и социальной политики – около 800 млн человек смогли вылезти из бедности. Распределение бедных слоев населения представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение бедного населения по регионам страны в 2023 году

Регион	Уровень бедности, %	Количество бедных уездов
Восток	4,1	7
Северо-восток	5,7	3
Центр	9,2	23
Юго-запад	17,2	42
Северо-запад	14,5	26

Исходя из данных, представленных в таблице 1, становится ясно, что большая часть бедного населения сосредоточена на северно-западных территориях китайской цивилизации (14,5%), где преимущественно расположены заводы тяжелой промышленности, а образованное население уезжает в другие города, стремясь получить высокую прибыль. Этому также способствует сложность территориального рельефа, благодаря чему затраты на создание общественной инфраструктуры высоки по сравнению с другими провинциями. Региональная бедность также может быть связана с желанием людей прожить свою жизнь рядом с местом, где они родились – они не хотят переезжать, несмотря на плохие условия жизни и небольшие шансы найти работу. Тем не менее, местное правительство пытается решить данную проблему, прибегая к разнообразным мерам, например, развитие объектов транспортной инфраструктуры.

Сокращение бедности также достигается за счет стратегии направления ресурсов в районы проживания беднейших слоев населения, в факторы производства, которыми те обладают, через систему образования, позволяющую получить необходимую квалификацию. В 2014 году, чтобы остановить ускоряющийся процесс старения общества, была либерализована политика одного ребенка. Прошедший бум в сегменте производства, направленного на нужды детей младшего возраста, также означает новые рабочие места и доходы для тех, кто там работает. Были проведены и запланированные реформы, такие как укрепление системы социального обеспечения или улучшение системы здраво-

охранения, финансируемой государством, так как они были необходимы для изменения моделей потребления китайских домохозяйств. Это действительно важно, так как, например, в прошлом слабая система социального обеспечения способствовала высоким пруденциальным сбережениям и являлась одной из причин низкого уровня внутреннего потребления.

Анализируя тематическую литературу, было выяснено, что Цинь Хаожань отмечает, что в центре внимания китайских социологов находятся уязвимые слои населения, проживающие в сельских провинциях, например, пожилые граждане [1, с. 175]. Эта проблема была раскрыта в научных трудах Цзяна Дехуа, где были проанализированы особенности социально-экономического развития бедных регионов; за основу исследования были взяты такие показатели, как географическое положение и природные богатства каждой территории. Там же приведены примеры нерационального распределения природных ресурсов, которые нанесли непоправимый вред окружающей среде. Полученные результаты исследования учитывались при составлении государственных программ, направленных на ликвидацию региональной бедности.

Примерно в то же время была опубликована книга «Нищета изобилия» под авторством Вана Сяоцзяна и Бая Наньфэна. Авторы пришли к выводу о том, что основная причина возникновения бедности кроется в низкой квалификации граждан, а также в их нежелании совершенствоваться. Ими был составлен «портрет» бедности – люди, находящиеся в уязвимом положении, боятся идти на риск, стремятся не принимать серьезные решения, которые могут изменить жизнь на 360 градусов, ибо они довольны своим текущим положением дел и не стремятся поменять что-либо. Для решения возникающих социальных проблем рекомендуется прибегнуть к изменению типового мышления граждан, стремясь развивать их индивидуальность в условиях цифровизации общества.

Известный китайский социолог, Фэй Сяотун, придерживается противоположной точки зрения, считая, что бедность населения вызвана дисбалансом в распределении материальных ресурсов между различными слоями населения, а также противоречиями между кочевой и аграрной экологией; все это приводит к неэффективному финансовому поведению индивидов [2, с. 753]. Шэнь Хун также проанализировал поведение фермеров, еле сводящих концы с концами. В данном исследовании было выяснено, что они использовали временные ресурсы за счет регулирования количества членов семьи; по данной причине правительству стоит сосредоточиться на корректировке демографической структуры семьи [1, с. 176].

В основе научных трудов китайских авторов лежит проблема растущей доли пожилого населения. Ожидается, что к 2050 году общая численность пенсионеров превысит 400 млн, а престарелых – достигнет 95 млн человек. Как отмечают Мэн Вэйлинь, Су Цзыхань и С.Н. Мищук, «решение проблемы заключается не в прямом вмешательстве в демографическую политику государства или резко изменении структуры населения, а в корректировке социальной структуры, куда относятся образование, здравоохранение, занятость, социальное обеспечение, безопасность, структура промышленности» [18, с. 42].

Аналогичные исследования проводились и в европейском научном сообществе, где авторы поделились на два лагеря в зависимости от принятых убеждений: либерализм и консерватизм. Одни ученые считают, что бедность в значительной степени обусловлена структурными проблемами, такими как неэффективность наци-

ональной системы образования или недостаточное количество рабочих мест. По мнению В.А. Волконского, Ю.Н. Гаврилец и А.В. Кудрова, ключевой акцент делается на проведении плановых реформ, направленных на создание особой среды, в которой индивиды будут равны вне зависимости от их пола, возраста, места работы, социального статуса [3, с. 149]. Представленной точке зрения противопоставлены идеи консерваторов, которые сосредоточили внимание на необходимости радикальных действий в процессе решения возникающих социальных проблем, как, например, представлено в работе В.А. Подольского [4, с. 120]. Уильям Джулиус Уилсон считает, что одной из причин увеличения числа бедных является процесс деиндустриализации. Автор также сравнивает текущую ситуацию в США и Европе: так, например, в европейских странах традиционные промышленные районы исчезают, и в результате этих изменений работу теряют в основном необразованные люди.

Широкий интерес социологов привлекает и другая категория – социальное отчуждение. Ее истоки лежат во Франции, где местное правительство под управлением О. фон Бисмарка занималось дискриминацией уязвимых слоев населения, а именно людей с ограниченными возможностями, родителей-одиночек, безработных. С ростом социальных проблем, особенно на окраинах крупных городов, в эту категорию попадала молодежь, неудовлетворенная текущим положением дел на рынке труда и занятости. Л.И. Пахарь отмечает, что они не только живут в неблагоприятных экономических условиях, но и сталкиваются с дискриминацией как в результате слабого законодательства, так и при формировании стереотипов [9, с. 56]. На них влияют неблагоприятные процессы, возникающие в результате динамичных изменений в развитии государства, например, деиндустриализация. По мнению Н.Н. Седелиус, государственная политика стран-участниц Европейского союза сосредоточена на социальной поддержке отдельных групп населения (например, «новых бедных») в виде дополнительных финансовых выплат, но этого недостаточно [5, с. 30].

Такой автор, как Хилари Сильвер, отмечает, что подобная изоляция появляется в результате совокупности следующих факторов:

- разрыва социальных связей между индивидом и обществом, в связи с чем определенная группа перестает соответствовать общепринятым критериям;
- неравномерной социальной дифференциации, поэтому многие индивиды просто не могут участвовать в социальном обмене, и социальное отчуждение связано с неравномерным доступом граждан к информации [10, с. 219].

В качестве примера людей, столкнувшихся с социальным отчуждением, можно привести бездомных. Данное явление можно анализировать как некую экзистенциальную ситуацию конкретного индивида, который переживает ее по разным причинам. Кто-то оказался в такой ситуации из-за собственной беспомощности, нежелания работать, а кто-то – жертва плохой социальной системы. Сюда же относятся люди, зависимые от алкоголя, наркотиков и других одурманивающих веществ. Это явление накладывает свой отпечаток не только на зависимого человека, но прежде всего на семью, детей и супруга. Структура семьи характеризуется не только отклонением супружеских и родительских ролей, но и дезорганизацией семейного окружения, распадом его внутренней структуры. Отношения между родителем, злоупотребляющим алкоголем, и другими членами семьи обычно характеризуются жестокостью, агрессивностью, а также лишены эмоциональной основы.

Сюда же относится явление маргинализации, часто отождествляемое с любой формой социальной изоляции [8, с. 80]. По мнению Ю.А. Разинова, оно возникает ввиду функционирования либеральной экономики, в основном, речь идет про радикализацию принципов свободного рынка (например, независимость бизнеса, свободная конкуренция, стремление к максимизации прибыли), а также про цифровизацию общества (например, внедрение информационно-коммуникационных технологий) [11, с. 8]. В результате возникают социальные группы, которые по разным причинам не приобрели соответствующие компетенции, позволяющие им участвовать в рыночной деятельности [12, с. 40]. То есть всему виной является изменение привычного аксионормативного порядка. К иным причинам возникновения маргинализации относятся негативный образ жизни граждан (нарушение закона, бродяжничество, умышленное нарушение моральных норм, отсутствие адекватных жилищных условий) и возраст, который делает невозможным адаптацию к быстрым изменениям.

К тому же, как западные, так и китайские авторы анализируют различные проявления бедности, существующие в нынешние дни. Например, их действительно беспокоит неравный доступ различных слоев населения к получению образования [13, с. 63]. Считается, что учиться может каждый индивид, этот факт подтверждается в Конституции, а также локальных актах об образовании; однако, на практике получается так, что все меньше людей стремится обучаться в колледжах и высших учебных заведениях. Эмпирические исследования охватывают и современных школьников – анализ проводится с двух точек зрения (экстерналистской и интерналистской) [14, с. 70]. В свете экстерналистских концепций ключевая причина возникающих диспропорций в учебных заведениях заключается в том, что определенные типы семей не могут подготовить детей к полноценному обучению в школе, например, у них недостаточный языковой уровень, необходимый для ведения повседневной коммуникации. Пьер Бурдые считает, что молчание становится вполне понятной прерогативой низших классов [17].

Интерналистские теории касаются внешней среды, в частности характерных черт образовательной модели, которые ответственны за усиление классового и иного разделения, увековечивания социальных предрассудков в учебной программе, а также отсутствия этического поведения преподавателя, например, неуважение к ценностям чужих культур.

Еще одним важным вопросом в контексте уже упомянутой проблемы маргинализации и последующей бедности является эгалитарность доступа к образованию для талантливых личностей [15, с. 40]. Равные возможности для индивидов обуславливаются на основании конкурентной мобильности, как отмечает Рэндалл Коллинз [16, с. 132]. В таких обстоятельствах постиндустриальное общество подчинено принципу меритократии, согласно которому получение дифференцированных статусов зависит от определенной компетентности, именуемой «человеческим капиталом». Аналогичный принцип лежит в организации формального образования, в основном, высшего. Нецелесообразность тезиса была доказана Кристофером Дженксом, который заявил, что при таком подходе шансы на успешное профессиональное развитие становятся схожими с лотереей. Автор также отметил, что реализация принципа меритократии невозможна, потому что родители с высоким социально-экономическим статусом являются важным капиталом для своих детей.

Безработица уже давно является предметом интереса социологов и психологов; пока экономисты изучают причины безработицы и рассматривают способы ее снижения, они сосредотачиваются на ее последствиях. Многие авторы подмечают, что бедность меняет образ мышления людей, которые длительное время с ней сталкиваются [19, с. 12]. В этом контексте на поведенческую модель индивида больше всего влияет стресс, который впоследствии существенно снижает готовность идти на небольшие риски. При этом считается, что тревожность проявляется на двух уровнях:

- в краткосрочной перспективе, когда она связана со сниженной способностью реагировать на угрожающие и непредсказуемые ситуации (связанные в основном с экономическими аспектами, такими как потеря работы);
- на протяжении долгого времени происходят настойчивые размышления о финансовом положении, когда организм справляется с повышенной аллостатической нагрузкой.

Бедное население не отдает предпочтение более высоким доходам в течение длительного периода времени, вместо этого фокусируется на немедленном денежном вознаграждении [20, с. 110]. Этот эффект, называемый дисконтированием, проявляется, например, в том, что они не инвестируют в долгосрочные проекты, которые окупаются в будущем.

Отвечая на вопрос о том, какие слои населения наиболее уязвимы перед лицом бедности, можно отметить, что, в первую очередь, к ним относятся пожилые люди. Как правило, они одиноки, имеют слабое физическое здоровье, страдают от душевных расстройств, а в некоторых случаях даже становятся жертвами преступных действий. Раньше об пенсионерах заботилась семья, в частности, взрослые дети помогали материально своим постаревшим родителям; однако сегодня наблюдается тенденция к индивидуализму.

Женщины также оказываются в неблагоприятном финансовом положении, особенно в период материнства. Из-за высокого уровня разводов они стараются заранее подготовиться к тому, что в будущем на их плечи может лечь обязанность ухода за детьми без какой-либо материальной поддержки со стороны мужа. К тому же, официальные мировые данные показывают, что женщины в некоторой степени уступают мужчинам на рынке труда. Такой факт связан с тем, что на протяжении долгого времени считалось, что они обладают разными способностями к труду и поэтому должны выполнять неодинаковые рабочие задачи. В прошлом мужчин обучали выполнять профессиональные роли («они охотники, защитники, добытчики»), в то время как женщин обучали правильно выполнять домашние обязанности (например, мыть посуду, убираться дома, воспитывать детей). Сегодня происходят значительные изменения в соотношении мужских и женских производственных ролей, но в отдельных социальных слоях это явление все еще присутствует. Причины кроются в патриархальных принципах, которые наделяют мужчин большей социальной властью. При этом безработица усиливает конкуренцию между работниками, из-за чего они вынуждены соглашаться на все условия работодателей, даже если они несправедливы. Считается, что женщины более гибки, то есть их зарплаты намного ниже, чем у остальных, и их легче уволить.

В таблице 2 представлены особенности гендерного неравенства в разных странах в 2023 году.

Еще один фактор, влияющий на повышение рисков возникновения бедности для женщин, связан с тем, как отбирается рабочая сила. Предполагается, что отбор

осуществляется путем оптимального соотношения задач, которые должны быть выполнены на конкретном рабочем месте, и способностей – квалификаций, которыми обладает конкретный работник. Однако на практике представительницы прекрасного пола сталкиваются с определенными стереотипами: хитрый характер, гордость, привлекательная физическая внешность.

Таблица 2. Глобальный гендерный разрыв в 2023 году

№	Страна	Показатель	Изменения по сравнению с 2022 годом
1	Исландия	0,9	+0,004
2	Норвегия	0,879	+0,034
3	Финляндия	0,863	+0,003
4	Новая Зеландия	0,856	+0,014
5	Швеция	0,815	-0,007
...			
71	Объединенные Арабские Эмираты	0,712	-0,004
72	Вьетнам	0,711	+0,006
73	Северная Македония	0,711	-0,005

Таким образом, можно подытожить, что с социологической точки зрения, бедность рассматривается как многомерное, сложное явление, проявляющееся в уклонении граждан от активного участия в общественной жизни. Иногда она заменяется категорией социального отчуждения, которая смещает внимание исследователей с вертикального неравенства, понимаемого в традиционных теориях социальной стратификации (богатство/власть против бедности/бесправия) к горизонтальной стратификации (разделение общества с акцентом на инклюзивность). Многие авторы приходят к выводу о том, что социальная эксклюзия является долгосрочным последствием неблагоприятных условий жизни (материальная бедность, дефицит социального капитала), внешних процессов, связанных с глобальными трансформациями (деиндустриализация, реструктуризация), отсутствия надлежащей правовой защиты, а также проявления различных форм дискриминации. Психологические константы бедности также важны, ибо они связаны со стрессом, появлением тревожных мыслей, депрессии, суицидальных мыслей среди уязвимых слоев населения.

Литература

1. Цинь Хаожань. Развитие теоретических представлений о бедности в китайской социологии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 175–180. DOI 10.24158/ti-por.2023.12.21.
2. Хаснулина К.А., Чжоу Сяохун. Фэй Сяотун и китаизация социальных наук в первой половине XX века // Общество и государство в Китае. 2020. № 50. С. 752–768. DOI 10.31696/2227–3816–2020–50–1–752–768.
3. Волконский В.А., Гаврилец Ю.Н., Кудров А.В. Либерализм и государство: экономический рост и неравенство // Экономическая наука современной России. 2020. № 2. С. 147–159. DOI 10.33293/1609–1442–2020–2(89)-147–159.
4. Подольский В.А. Отношение к социальной политике в американской консервативной мысли // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. № 4.

- Т. 15. С. 195–217. DOI 10.22394/2071–2367–2020–15–4–195–217.
5. Седелиус Н. Н. К проблематике явления социального отторжения (неучастия) и уровня бедности в странах Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: современные тренды и перспективные направления. 2024. № 7. С. 28–32. DOI 10.24412/cl-37031–2024–2–28–32.
 6. Проказина Н.В., Галаева Т.М. Бедность как объект социологического анализа: теоретические подходы и эмпирические измерения // Научный результат. Социология и управление. 2021. № 1. С. 70–85. DOI 10.18413/2408–9338–2021–7–1–0–6.
 7. Юрков С.Е., Есина Т.А. Истоки постановки проблемы социальной маргинальности и ее современное состояние // Известия Тульского государственного университета. 2022. № 4. С. 158–171. DOI 10.24412/2071–6141–2022–4–158–171.
 8. Напсо М.Д. Маргинальность как характеристика современного мира // Социодинамика. 2019. № 6. С. 63–70. DOI 10.25136/2409–7144.2019.6.29957.
 9. Пахарь Л.И. Отчуждение: современное состояние и перспективы развития общества // Философская мысль. 2021. № 5. С. 46–61. DOI 10.25136/2409–8728.2021.5.35213.
 10. Дериглазова Л. В., Менх В.В., Чепчугова А.П. Проблема социального отторжения в странах ЕС: определение и методы измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. № 2. С. 201–224. DOI 10.21638/spbu06.2021.205.
 11. Разинов Ю.А. Состояние постмаргинальности // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 1. С. 6–21. DOI 10.24411/2079–1100–2020–00001.
 12. Малый В.И., Гусев В.В. Бедность как угроза национальной и экономической безопасности в Российской Федерации: теоретический аспект // Вестник Поволжского института управления. 2021. № 5. Т. 21. С. 39–49. DOI 10.22394/1682–2358–2021–5–39–49.
 13. Чжан Хаопэн. Воздействие уровня образования на состояние социальной стратификации населения Китая // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2023. № 1. С. 62–64. DOI 10.24412/2686–9365–2023–1–62–64.
 14. Бекарев А.М., Пак Г.С. Вызовы современности и проблемы российского образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 68–74. DOI 10.52452/18115942_2023_3_68.
 15. Агранович М.Л., Дренёва А.А. Как связаны характеристики национальных образовательных систем и социальное неравенство? // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 9. С. 81–114. DOI 10.17853/1994–5639–2021–9–81–114.
 16. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009. 320 с. ISBN 978-5-91129-051-1.
 17. Савина Т.Н., Родина Е.Е., Забелина С.А. Социально-экономическое неравенство: от истоков теории к проблемам практики // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2022. № 4. С. 250–262. DOI 10.52210/2224669X_2022_4_250.
 18. Мэн Вэйлинь, Су Цзыхань, Мищук С.Н. Современная демографическая ситуация в Китае // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 37–51. DOI 10.19181/demis.2023.3.1.3. EDN ННСУ-ИУ.
 19. Ильин В.А., Морев М.В. Бедность в стране – «угроза для стабильного развития и демографического

будущего» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 9–33. DOI 10.15838/esc.2022.1.79.1.

20. Сунь Фаньси, Александрова М.В. Бедность в КНР: критерии и возможные причины возврата к бедности // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. № 2. С. 92–116. DOI 10.24412/2071–6435–2023–2–92–116.

SOCIAL CONSEQUENCES OF THE USE OF POVERTY ALLEVIATION TOOLS BY THE CHINESE GOVERNMENT

Li Honggang

Saint Petersburg State University

The relevance of this article is determined by the fact that developing countries are facing an increase in the poor population, rising unemployment, declining wages and other social problems. The author seeks to draw readers' attention to the different types of social inequality that exist in our world. In the course of the research, both general and special methods of scientific cognition, such as comparison, were applied.

The results obtained were theoretical approaches to understanding the nature of poverty, presented in the scientific works of psychologists and sociologists: Qin Haozhan, Jiang Dehua, V.A. Volkonsky, Yu.N. Gavrillets, etc. The main focus was on the implemented measures of the Chinese government that helped overcome poverty: for example, improving the health care system. Other categories of interest to sociologists have also been studied – social exclusion, marginalization, and educational inequality. For visual visualization of the data, tables reflecting the essence of the problem under study were compiled. The article presented groups of the population who are in a vulnerable position in the face of poverty, such as the elderly and women.

Keywords: poverty, poverty eradication, social inequality, deprivation, China, Europe.

References

1. Haozhan, Qin. (2023). The development of theoretical concepts of poverty in Chinese sociology. Theory and practice of social development, (12), 175–180. <https://doi.org/10.24158/ti-por.2023.12.21>.
2. Khasnulina, K.A., Xiaohong, Zhou. (2020). Fei Xiaotong and the Sinification of social sciences in the first half of the XX century. Society and the State in China, (50), 752–768. <https://doi.org/10.31696/2227–3816–2020–50–1–752–768>.
3. Volkonsky, V.A., Gavrillets, Y.N., Kudrov, A.V. (2020). Liberalism and the state: economic growth and inequality. The economic science of modern Russia, (2), 147–159. [https://doi.org/10.33293/1609–1442–2020–2\(89\)–147–159](https://doi.org/10.33293/1609–1442–2020–2(89)–147–159).
4. Podolsky, V.A. (2020). Attitude to social policy in American conservative thought. Central Russian Bulletin of Social Sciences, 4(15), 195–217. <https://doi.org/10.22394/2071–2367–2020–15–4–195–217>.
5. Sedelius, N. N. (2024). On the problems of the phenomenon of social exclusion (non-participation) and the level of poverty in the countries of the Eurasian Economic Union. Eurasian integration: modern trends and promising directions, (7), 28–32. <https://doi.org/10.24412/cl-37031–2024–2–28–32>.
6. Prokazina, N.V., Galaeva, T.M. (2021). Poverty as an object of sociological analysis: theoretical approaches and empirical measurements. The scientific result. Sociology and management, (1), 70–85. <https://doi.org/10.18413/2408–9338–2021–7–1–0–6>.
7. Yurkov, S.E., Esina, T.A. (2022). The origins of the formulation of the problem of social marginality and its current state. Izvestiya of Tula State University, (4), 158–171. <https://doi.org/10.24412/2071–6141–2022–4–158–171>.
8. Napso, M.D. (2019). Marginality as a characteristic of the modern world. Sociodynamics, (6), 63–70. <https://doi.org/10.25136/2409–7144.2019.6.29957>.
9. Plowman, L.I. (2021). Alienation: the current state and prospects of development of society. Philosophical thought, (5), 46–61. <https://doi.org/10.25136/2409–8728.2021.5.35213>.

10. Deriglazova, L. V., Menkh, V. V., Chepchugova, A. P. (2021). The problem of social exclusion in the EU countries: definition and measurement methods. *Bulletin of St. Petersburg University*, 2, 201–224. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.205>.
11. Razinov, Y.A. (2020). The state of post-marginality. *International Journal of Cultural Studies*, (1), 6–21. <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2020-00001>.
12. Maly, V.I., Gusev, V.V. (2021). Poverty as a threat to national and economic security in the Russian Federation: a theoretical aspect. *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*, 5(21), 39–49. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2021-5-39-49>.
13. Haopeng, Zhang. (2023). The impact of the level of education on the state of social stratification of the Chinese population. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 1, 62–64. <https://doi.org/10.24412/2686-9365-2023-1-62-64>.
14. Bekarev, A.M., Pak, G.S. (2023). Challenges of modernity and problems of Russian education. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, (3), 68–74. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_3_68.
15. Agranovich, M.L., Dreneva, A.A. (2021). How are the characteristics of national educational systems and social inequality related? *Education and Science*, 9(23), 81–114. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-9-81-114>.
16. Collins, R. (2009). *Four sociological traditions*. Moscow: Publishing house "Territory of the future", 320. ISBN 978-5-91129-051-1.
17. Savina, T.N., Rodina, E.E., Zabelina, S.A. (2022). Socio-economic inequality: from the origins of theory to the problems of practice. *Bulletin of the Moscow University of Finance and Law*, (4), 250–262. https://doi.org/10.52210/2224669X_2022_4_250.
18. Weilin, Meng, Zihan, Su, Mishchuk, S.N. (2023). The modern demographic situation in China. *DEMIS. Demographic research*, 1(3), 37–51. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.3>. EDN HHCYIU.
19. Ilyin, V.A., Morev, M.V. (2022). Poverty in the country – a threat to stable development and demographic future. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 1(15), 9–33. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.1>.
20. Fanxi, Sun, Alexandrova, M.V. (2023). Poverty in China: criteria and possible reasons for a return to poverty. *STAGE: economic theory, analysis, practice*, (2), 92–116. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2023-2-92-116>.

Социальные предпосылки возникновения и развития самозанятости на территории Донецкой Народной Республики

Миронова Елена Николаевна,

ассистент, аспирант кафедры социологии управления
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»
E-mail: lecinka@rambler.ru

Статья посвящена изучению процесса формирования института самозанятости на территории Донецкой Народной Республики. Ввиду активизации поддержки малого и среднего бизнеса на территории новых субъектов Российской Федерации, правительство Донецкой Народной Республики активно внедряет самозанятость с социально-экономическое пространство на территории республики. Однако внедрение самозанятости на новых территориях идет с более низкой скоростью, чем на других территориях, поскольку не учитываются особенности формирования и развития такого вида занятости.

Особое внимание уделяется социальным предпосылкам возникновения самозанятости на территории Донбасса как самого крупного промышленного центра СССР, который включал в себя Ростовскую область РСФСР и Донецкую, Днепропетровскую, Луганскую области Украинской ССР. Обозначено формирование самозанятости как негативного социально-экономического явления, вызванного периодически возникающими на территории Донбасса волнами безработицы.

Исследования показали постепенную трансформацию самозанятости из социальной проблемы в один из эффективно действующих механизмов поддержки предпринимательских инициатив населения, который является одним из факторов устойчивого развития. По нашему мнению, одними из основных проблем эффективного внедрения такого вида предпринимательской активности на территории Донецкой Народной Республики является низкая налоговая культура и отсутствие данного явления в системе социокультурного кода у большинства жителей.

Ключевые слова: Донбасс, самозанятость, промышленность, безработица, градообразующие предприятия.

Введение

Самозанятость как вид малого предпринимательства стала неотъемлемой частью экономической системы любого современного государства. Под самозанятостью можно понимать официально зарегистрированную в органах власти деятельность с использованием специального налогового режима, которая осуществляется без привлечения наемных работников и имеет ограничение в уровне доходов.

Интенсивное развитие такого вида предпринимательской активности населения обусловлено высоким уровнем гибкости управления, возможностью создания инновационных продуктов для обеспечения технологического суверенитета государства и устойчивого развития территорий (особенно развития городской среды).

Формирование государством эффективно действующего института самозанятости позволит, в перспективе, не только повысить благосостояние самозанятых лиц и снизить безработицу, но и внедрить самозанятость в систему социокультурных кодов как эффективного инструмента повышения налоговой культуры населения. Однако процесс институционализации невозможен без учета мирового опыта и особенностей развития самозанятости на отдельных территориях (в контексте развития социокультурного кода).

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что использование самозанятости мировым сообществом имеет множество особенностей, связанных с нормативно-правовыми аспектами применения такого вида предпринимательства на территории различных государств. Соответственно, необходимо учитывать условия использования самозанятости в системе формирования социокультурного кода отдельными государствами, что невозможно без учета социальных предпосылок возникновения и развития данного вида предпринимательской активности населения на отдельных территориях.

Основная часть

Формирование региональных территорий Донбасса не имеет длительной истории ввиду того, что толчком к освоению указанных территорий послужили реформы второй половины 19 века, которые привели, как указывает Л.И. Попкова, к тому, что «... начал складываться крупный горнопромышленный район, на мощной волне индустриализации возникли большие города» [1].

Исследования Ю.К. Яковлевой и И.А. Аносовой показывают, что миграционные процессы крестьянского населения заложили основу Донбасского региона с ярко выраженной мультикультурной русскоязычной составляющей ввиду того, что «... наряду с украинскими крестьянами, прибывшими преимущественно из Левобережной Украины – Харьковской, Екатеринославской, Черниговской, Полтавской губерний, значительно увеличивается приток выходцев, преимущественно крестьян-отходников, из черноземного центра России – Тамбовской, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской, Рязанской, Пензенской, Смоленской, Калужской губерний» [2, с. 165]

Можно согласиться с Д.И. Никитиным, который указывает, что особо бурное развитие территорий современной Донецкой Народной Республики проходило в период существования СССР ввиду того, что «... одним из крупнейших индустриальных центров страны являлся Донбасс, расположенный в пределах Днепропетровской, Донецкой (Сталинской), Луганской (Ворошиловградской) областей Украинской ССР и Ростовской области РСФСР» [3, с. 32].

На протяжении всей истории СССР, территорию Донбасса можно было рассматривать в виде единого района с сильно выраженной урбанистической составляющей, включающего сложную структуру разных размеров агломераций, образующих многообразную систему городских населенных пунктов. Сложность административно-территориальной структуры вызвана тем, что в ней «... взаимодействуют различные функциональные типы городов: небольшие узкоспециализированные поселения – транспортные, угледобывающие и крупные города с сильной индустриальной специализацией» [1].

Учитывая сложность административной структуры, можно отдельно выделить ряд особенностей, присущих городам Донбасса:

- общая масса трудоспособного населения Донбасса была сформирована за счет населения не относящегося к исконной украинской национальности ввиду того, что Правительство СССР в период до Великой Отечественной войны «... продолжало наращивать трудовой потенциал Донбасса за счет миграции населения» [4, с. 238];
- восстановление городов Донбасса в послевоенный период требовало концентрации огромного количества человеческих и материальных ресурсов, что было осуществлено за счет некоторого ущемления других Советских Республик;
- высокий уровень индустриализации городов Донбасса приводил к некоторому отставанию социальной инфраструктуры и возникновению некоторых коммунальных, экологических и жилищных проблем, вызванных тем, что финансовые вложения «... в городскую инфраструктуру выделялись по остаточному принципу» [1].

Указанные особенности территориального деления, сформировавшего значительный уровень концентрации трудоспособного населения, на сравнительно-небольшой территории, в значительной степени повлияли на развитие общества, посредством влияния идеологической составляющей периода Советского Союза, направленной на выделение и прославление такого слоя общества как трудящиеся (шахтеры, металлурги и т.д.).

Сравнительно небольшой исторический период формирования единого общества работников Донбасса из представителей населения с разными национальностями, ментальными и культурными особенностями не позволили сформировать ярко выраженные ремесленные традиции.

Не смотря на тенденцию теоретически полной занятости населения, провозглашаемой идеологией СССР, именно на территории Донбасса государство столкнулось с проблемой безработицы, учитывая большой уровень занятости населения на предприятиях тяжелой промышленности.

Первая волна безработицы на территории Донбасса возникла в послевоенный период середины 1950-х годов ввиду значительного притока мужского населения, освобожденного из рядов действующей армии, который привел к официальному запрету женского труда на определенных видах горнодобывающих и строительных подземных работ угледобывающей отрасли. Соот-

ветственно, в этот период было высвобождено большое количество женщин, которые нуждались в трудоустройстве, профессиональной переориентации и т.д.

Однако, государство оказалось не готово в короткий период трудоустроить такое количество женщин, не смотря на разработанный комплекс поддерживающих мер развития индустриальных городов (строительство новых предприятий легкой, пищевой и других отраслей промышленности). Низкая эффективность указанных мер была вызвана тем, как указывает С.А. Баканов, что «... сроки строительства запланированных объектов полностью реализовать не удалось, и для многих женщин-горнячек проблема трудоустройства продолжала оставаться актуальной довольно долгое время» [5, с. 197].

Вторая волна безработицы началась в 1960-х годах на территории Донбасса и в дальнейшем распространилась на другие угледобывающие регионы СССР. Она была связана с такой глобальной проблемой, как выработка запасов угля некоторых шахт, которые имеют высокую рентабельность. Кроме того, развитие медицины позволило обнаружить такое профессиональное заболевание как силикоз, потребовавшее от правительства организовать работу по возможности смены трудовой деятельности заболевших, которых оказалось большое количество, ввиду низкого уровня мер по охране труда. Указанные проблемы стали причиной массовой безработицы мужского населения, которая потребовала от государства разработки нового комплекса мер поддержки указанных граждан.

Для решения проблем безработицы второй волны государством было запланировано строительство большого числа промышленных предприятия и предприятий бытового обслуживания населения, которые должны были обеспечить работой свободное трудоспособное население. Однако строительство указанных предприятий требовало определенного промежутка времени, при котором некоторая часть населения была лишена возможности найти официальную работу и общалась к samozанятости, как единственному способу обеспечить необходимый для жизни доход.

После преодоления проблем безработицы периода 1960-х годов ситуация с занятостью некоторым образом стабилизировалась и сообщество трудящихся начало укреплять социальные позиции относительно своей локации в советском обществе. Принадлежность к рабочему классу была одной из самых престижных социальных позиций общества Донбасса.

Общность рабочих к середине 1980-х годов стала одной из значимых социальных групп советского общества, позволяя представителям своих профсоюзов получить некоторые рычаги влияния на развитие социально-политической жизни общества в период перестройки (1985–1991). Реформы экономической сферы показали значительные проблемы технической отсталости предприятий тяжелой и угледобывающей промышленности (устаревшая материально-техническая база, низкая рентабельность производства и т.д.), а также привели к глобальным изменениям условий оплаты труда (задержки заработной платы и т.д.) и снижению материального обеспечения рабочих (отсутствие рабочей формы, расходных материалов и т.д.). Особо такие изменения коснулись работников шахт. Снижение потребительской способности труда, ранее имевшего один из самых высоких уровней зарплат, в условиях товарного дефицита и высокого уровня инфляции привели шахтеров к созданию «Забастовочного движения», которое всесторонне освещалось средствами массовой информации.

Необходимо отметить, что «Забастовочное движение» шахтеров, не получило развития в постсоветский

период. Таким образом, можно согласиться с А.В. Барановым, что «... общая слабость партийного строительства в период перестройки и стремительные рыночные реформы по пути номенклатурной приватизации не оставили рабочему движению шансов на значительное влияние в постсоветской политической системе» [6, с. 23].

Кроме того, необходимо учитывать, что социально-экономические трудности, которые стали толчком к началу «Забастовочных движений» привели некоторых трудящихся к необходимости поиска дополнительного дохода, особенно в период задержек выплаты заработной платы. В большинстве случаев поиском дополнительного дохода занимались не сами работники, продолжающие трудовую деятельность, а члены их семей – жены, старшие дети и т.д. В некоторых случаях деятельность приносящая доход регистрировалась в органах государственной власти на основании Закона «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР» (действовавшего с 01.05.1987 г. по 01.01.1991 г.). Однако, в большинстве случаев такая деятельность не регистрировалась, так как она носила временный характер и была довольно разнообразной.

Процесс политических преобразований 1991 года, приведший к процессу перераспределения общественной собственности, крайне негативно сказался на социально-экономической ситуации Донбасса. Объявленная правительством Украины в 1995 году реструктуризация угольной промышленности привела к пересмотру экономической целесообразности действующих предприятий и ликвидации нерентабельных шахт – было закрыто более 100 шахт Донбасса.

Закрытие такого количества шахтных предприятий имело для региона колоссальные социально-экономические последствия, усугубляемые экологическими факторами. При этом особо пострадали небольшие населенные пункты с одним градообразующим предприятием ввиду того, что «... города и поселки с закрытыми предприятиями представляли зону социального и экологического бедствия» [7, с. 30].

Значимая часть населения, после закрытия множества производственных предприятий, была вынуждена в экстренном порядке менять трудовые ориентиры – уровень значимости социальной роли рабочего класса, ранее служившего основой советского общества, был значительно снижен. Большая часть трудоспособного населения вынуждена была не только менять сферу деятельности, но и искать временные (часто неофициальные) заработки в других регионах Украины или соседних государствах. При этом некоторая часть населения, ранее испытывающая трудности с трудоустройством, ввиду периодически возникающих проблем с трудоустройством на территории Донбасса уже были подготовлены к переходу от наемного труда на предприятиях к samozанятости как начальному этапу предпринимательской деятельности.

В период начала 2000-х годов на территории Украины властными структурами был накоплен необходимый опыт для создания приемлемых условий функционирования малого бизнеса. При этом, к концу 2010 года деятельность правительства по развитию малого и среднего предпринимательства обрела поддержку населения Донецкой области Украины.

Однако, samozанятость того периода не была выделена как особый вид предпринимательской деятельности, а входила в малое предпринимательство, что не всегда способствовало желанию samozанятых граждан выходить из теневого сектора экономики, ввиду незначительной финансовой доходности данной деятельности

относительно официальных административных и налоговых затрат (оплаты государственных пошлин при регистрации, налоговых взносов в период отсутствия дохода, работа с отчетными структурами и т.д.), сопровождающих такую деятельность. Итогом работы правительства по созданию благоприятных условий деятельности предпринимателей различного уровня стало глобальное изменение налогового законодательства Украины, которое в том числе, ввело в правовое поле государства и деятельность samozанятых лиц.

При этом, учитывая низкий уровень налоговой дисциплины большей части взрослого трудоспособного населения, обусловленный отсутствием предпринимательского опыта предыдущих поколений, значительная часть трудовой деятельности таких лиц в формате samozанятости не регистрировалась. В то же время молодое инициативное поколение обрело в samozанятости возможность смены трудовой ориентации и рассматривало такую деятельность как первую ступень к обеспечению собственной финансовой независимости, а в дальнейшем к созданию более крупного предприятия.

Социально-политические противоречия Украинского общества, которые привели к образованию в 2014 году Донецкой и Луганской Народных Республик, значительно повлияли на состояние социально-экономической системы этих регионов. Особо остро негативные последствия экономических преобразований этого периода коснулись Донецкой Народной Республики, обладающей более развитой промышленной структурой. Обрыв экономических и торговых связей большинства действующих предприятий, ориентированных ранее на внутренний рынок Украины, привели к значительному снижению производственной активности промышленных предприятий, что привело к повышению уровня безработицы и усилению миграционных процессов.

Единственной возможностью официально осуществлять свою деятельность для samozанятых граждан стала регистрация в качестве малого бизнеса с получением статуса физических лиц – предпринимателей. Однако, как показала практика, жители Донецкой Народной Республики не спешили регистрировать свою деятельность из-за проблем административно-правового характера (сложная процедура регистрации, постоянное изменение законодательной базы и т.д.), а также вынужденным и временным, характером такой деятельности.

Кроме того, проблемы законодательного регулирования предпринимательских инициатив, как указывает А.Е. Ревунов, наравне «... с тотальной оптимизацией ресурсов и широким распространением сетевых моделей управления бизнесом позволяет буквально дробить большой бизнес на совокупность предприятий среднего и малого бизнеса» [8 с. 17]. Такое изменение законодательной базы в сфере поддержки малого и среднего бизнеса, однако, не позволило значительно повысить уровень предпринимательской активности, ввиду того что этому препятствует «... нехватка финансовых возможностей, потребность в кредитных ресурсах, и главное, в рынках сбыта готовой продукции, введение блокады, а также боевые действия» [9, с. 144].

Программы поддержки samozанятого населения имели также направленность на содействие социальному предпринимательству из-за того, как справедливо указывает Н.А. Гладкий, что социально-экономическая среда Донецкой Народной Республики создала «... объективные условия для развития социального предпринимательства, призванного в значительной степени решить все накопившиеся острые социальные проблемы» [10, с. 139].

Приобретение Донецкой Народной Республикой 30.09.2022 года статуса субъекта Российской Федерации позволило повысить эффективность внедрения качественных изменений в сфере налогообложения и регулирования предпринимательской деятельности. Самозанятость, как особый вид предпринимательской деятельности, в правовом поле Донецкой Народной Республики появилась 01.01.2023 года, ввиду принятия в ноябре 2022 года Народным Советом Закона «О введении в действие на территории Донецкой Народной Республики специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”».

Однако создание условий для легализации деятельности самозанятых лиц в полной мере не решило проблему низкой налоговой культуры, но положило начало внедрения самозанятости в систему социокультурных кодов Донецкой Народной Республики в качестве социально значимого явления.

Заключение

В послевоенный период проблемы с трудоустройством привели некоторое количество женского населения к потребности получения необходимого для жизни дохода, оказывая услуги бытового характера или реализуя произведенные товары (выращенные овощи, фрукты, птицу, молоко и т.д.). Указанная деятельность, не оформляясь юридически и порицалась государством, однако была единственной временной возможностью получения дохода в период отсутствия возможности официального трудоустройства.

В период перестройки самозанятость на территории Донбасса была представлена, в основном, неформальной самозанятостью, вызванной низким уровнем налоговой грамотности и социальной ответственности населения, а также высоким уровнем недоверия к представителям властных структур.

В период 1991–2010х годов, самозанятость, посредством трансформации комплекса налоговой нагрузки, стала неотъемлемой частью экономической системы Украины (в том числе и Донецкой области), требующей от органов власти всестороннего изучения и координации институционализации указанного социально-экономического явления.

Самозанятость как вид малого бизнеса на территории Донецкой Народной Республики начала формироваться в теневом секторе экономики ввиду отсутствия необходимых комфортных условий для официальной деятельности (частое изменение законодательной базы, бюрократизация государственных структур и т.д.) и отсутствия в правовом поле самого понятия самозанятость.

Таким образом, созданная правительством Донецкой Народной Республики, система содействия развитию самозанятости, опирающаяся на правовое поле Российской Федерации, требует дополнительно разработать меры по повышению налоговой культуры населения и формирования позитивного имиджа самозанятости, посредством создание специального информационного контента, который поможет закрепить самозанятость в системе социокультурных кодов.

Литература

1. Попкова Л.И. Урбанизационные процессы на Российско-Украинском приграничье // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2013. – № 3 (27). [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://](http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/31)

- scientific-notes.ru/magazine/archive/number/31 (Дата обращения: 20.10.2024.)
2. Яковлева Ю. К., Оносова И.А. Особенности формирования и развития демографических и этнокультурных процессов в Донбассе // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 8 (183) – С. 164–169. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vestnik.osu.ru/doc/1033/lang/0/num/212> (дата обращения: 23.10.2024).
 3. Никитин Д.И. Социально-экономическое развитие Донбасса в 1940–1980-х гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2018. – № 1. – С. 32–38. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/20-zhurnal-magistra-vitae-1-2018.html> (дата обращения: 23.10.2024).
 4. Скворцов Ю.А. Ретроспективный анализ миграционных процессов в Донбассе до и после распада СССР // Вестник Донецкого педагогического университета. – 2018. – № 4 – С. 235–242. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-migratsionnyh-protsessov-v-donbasse-do-i-posle-raspada-sssr> (дата обращения: 23.10.2024).
 5. Баканов С. А. «Призрак безработицы»: проблема трудоустройства шахтеров и членов их семей в угледобывающих районах РСФСР в конце 1950-х – 1970-х гг. // Новейшая история России. – 2018. – № 1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://modernhistory.ru/d/bakanov.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).
 6. Баранов А.В. Забастовочное движение шахтеров в СССР (1988–1991 гг.) как проявление общественной самоорганизации: этапы исторического развития // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – № 6/1. – С. 19–25.
 7. Кононов И.Ф. Донбасс в региональной системе Украины // Регион и мир. – 2021. – № 3. – С. 21–33. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://geopolitika.am/dir/journal/2021_03/ (дата обращения: 25.10.2024).
 8. Ревунов А.В. Взаимодействие властных и предпринимательских структур в рыночной экономике // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2019. – № 1 (29). – С. 16–23. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cloud.mail.ru/public/mjTy/x54YLpQtf> (дата обращения: 27.10.2024).
 9. Афендикова Е. Ю., Попова А.А. Анализ развития малого и среднего предпринимательства в Донецкой Народной Республике // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – № 16–2. – С. 144–146. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2021/08/P_2021_Vyp_16_ch_2_27_августа.pdf (дата обращения: 27.10.2024).
 10. Гладкий Н.А. Социальная сфера Донецкой Народной Республики как среда развития социального предпринимательства // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 12 (458). – С. 135–141 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU/article/view/823/539> (дата обращения: 07.10.2024).

SOCIAL PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF SELF-EMPLOYMENT IN THE TERRITORY OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Mironova E.N.

Donetsk Academy of Management and Public Administration

The article is devoted to the study of the process of formation of the self-employment institution in the territory of the Donetsk People's Republic. In view of the intensification of support for small and medium-sized businesses in the territory of new subjects of the Russian Federation, the government of the Donetsk People's Republic is actively introducing self-employment into the socio-economic space in the republic. However, the introduction of self-employment in new territories is proceeding at a slower rate than in other territories, since the peculiarities of the formation and development of this type of employment are not taken into account.

Particular attention is paid to the social prerequisites for the emergence of self-employment in the territory of Donbass as the largest industrial center of the USSR, which included the Rostov region of the RSFSR and the Donetsk, Dnepropetrovsk, Lugansk regions of the Ukrainian SSR. The formation of self-employment is designated as a negative socio-economic phenomenon caused by periodically occurring waves of unemployment in the territory of Donbass.

Research has shown a gradual transformation of self-employment from a social problem into one of the effective mechanisms for supporting entrepreneurial initiatives of the population, which is one of the factors of sustainable development. In our opinion, one of the main problems of the effective implementation of this type of entrepreneurial activity in the territory of the Donetsk People's Republic is the low tax culture and the absence of this phenomenon in the system of the socio-cultural code of the majority of residents.

Keywords: Donbass, self-employment, industry, unemployment, city-forming enterprises.

References

1. Popkova L.I. Urbanization processes in the Russian-Ukrainian borderland // *Scientific notes: Electronic scientific journal of Kursk State University*. – 2013. – No. 3 (27). [Electronic resource]. Access mode: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/31> (Access date: 20/10/2024.)
2. Yakovleva Yu. K., Onosova I.A. Features of the formation and development of demographic and ethnocultural processes in Donbass // *Bulletin of the Orenburg State University*. – 2015. – No. 8 (183) – P. 164–169. [Electronic resource]. Access mode: <http://vestnik.osu.ru/doc/1033/lang/0/num/212> (access date: 10/23/2024).
3. Nikitin D.I. Social and economic development of Donbass in the 1940–1980s // *Magistra Vitae: electronic journal on historical sciences and archeology*. – 2018. – No. 1. – P. 32–38. [Electronic resource] Access mode: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/20-zhurnal-magistra-vitae-1-2018.html> (access date: 10/23/2024).
4. Skvortsov Yu.A. Retrospective analysis of migration processes in Donbass before and after the demise of the USSR // *Bulletin of Donetsk Pedagogical University*. – 2018. – No. 4 – P. 235–242. [Electronic resource] Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-migratsionnyh-protsessov-v-donbasse-do-i-posle-raspada-sssr> (access date: 10/23/2024).
5. Bakanov S. A. "The Unemployment Ghost": A Problem of Miners and Their Family Members Employment in the Coal-Mining Regions of the RSFSR in the End of the 1950s and the Beginning of the 1970s // *Modern History of Russia*. – 2018. – No. 1. [Electronic resource] Access mode: <http://modernhistory.ru/d/bakanov.pdf> (access date: 10/25/2024).
6. Baranov A.V. Miners' strike movement in the USSR (1988–1991) as the expression of social self-organization: stages of historical development // *Historical and social-educational Ideas*. – 2016. – No. 6/1. – P. 19–25.
7. Kononov I.F. Donbass in the regional system of Ukraine // *Region and the World*. – 2021. – No. 3. – P. 21–33. [Electronic resource] Access mode: http://geopolitika.am/dir/journal/2021_03/ (access date: 10/25/2024).
8. Revunov A.V. Interaction authorities and entrepreneurs in a market economy // *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*. – 2019. – No. 1 (29). – P. 16–23. [Electronic resource] Access mode: <https://cloud.mail.ru/public/mjTy/x54YLpQtF> (access date: 10/27/2024).
9. Afendikova E. Yu., Popova A.A. Analysis of the development of small and medium-sized businesses in the Donetsk People's Republic // *Russia: development trends and prospects*. – 2021. – No. 16–2. – P. 144–146. [Electronic resource] Access mode: http://ukros.ru/wp-content/uploads/2021/08/P_2021_Vyp_16_ch_2_27_avryta.pdf (access date: 10/27/2024).
10. Gladkiy N.A. Social sphere of the Donetsk People's Republic as an environment for the social entrepreneurship development // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. – 2021. – No. 12 (458). – P. 135–141 [Electronic resource] Access mode <https://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU/article/view/823/539> (access date: 07/10/2024).

Развитие методологии культуры управления: конкретно-социологический подход

Моряков Сергей Владимирович,

адъюнкт кафедры социологии Военного университета
имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: vpr5514@yandex.ru

Актуальность темы заключается в некоторой неоднозначности понимания культуры управления как в обществе, так и в отдельных социальных институтах. Существующая типологизация культуры управления, ее виды и некоторые парадигмальные интерпретации могут не полностью отражать сущность исходных социальных запросов. Существующий исторический период в приращении к социальной реальности может продемонстрировать некоторые важные отличия в рамках коммуникативных действий. Особенно это может касаться тех направлений вербального и невербального взаимодействия, которые могли претерпевать трансформацию в рамках меняющейся реальности. В том числе, в данной статье автор хочет подчеркнуть некоторые особенности культуры управления в конкретной социальной организации Вооруженных Силах Российской Федерации (далее ВС РФ) на современном этапе развития.

Ключевые слова: культура управления, субъектно-объектные отношения, определители, принципы.

Введение

Становление и развитие культуры управления характеризуется рядом определителей, которые можно считать зафиксированными и однозначно понимаемыми в рамках двустороннего взаимодействия между субъектом и объектом в управлении. К таким определителям можно отнести перечень показателей различного порядка.

1. Институциональный. Ценности, убеждения, традиции и ритуалы, и создаваемые ими нормативные регуляторы.

2. Принципиальный. Основы и характер реализации, порядок систематизации и функциональные границы.

3. Типологический. Знания, опыт, преемственность и научно-технологическая адаптивность.

В рамках данных определителей мы можем выстраивать механизм изучения культуры управления как целостного социального феномена [1] с позиции принципов конкретно-социологического подхода [2]. В том числе, стратификация компонентов изучаемого социологического направления может позволить нам увидеть как фактические явления, так и признаки потенциально незафиксированные. В таком случае, для проведения стратификации социального феномена культуры управления по компонентам определителей, стоит выделить основные принципы конкретно-социологического подхода в рамках изучаемой предметной области [3].

1. Принцип индивидуального проявления. В рамках культуры управления мы будем опираться на изучение и выделение только тех качественных показателей, которые сопутствуют указанному социальному феномену.

2. Принцип изучения в определенных условиях. Целесообразно рассматривать культуру управления в рамках реализации ее функций в условиях субъектно-объектного взаимодействия в социальных организациях, созданных по подобному принципу.

3. Принцип оценки ретроспективной трансформации. Анализ динамической изменчивости социального феномена в однородной функциональной среде и структурной организационной конструкции.

4. Принцип объективизма. С точки зрения научного подхода стоит рассматривать культуру управления во всех ее проявлениях без исключения позитивных или негативных проявлений.

5. Принцип системности. Изучение данного феномена в контексте неотделимости от причинно-следственных связей в рамках структурно-функциональной реализации одного организационного принципа.

Исходя из выбранного подхода, имеющих научные принципы, сущностных категорий культуры управления и предметной области применения – субъектно-объектных отношений, можно выделить основные качественные показатели. В данном случае, мы считаем целесообразным рассматривать показатели культуры управления с позиции комплексной оценки по имеющимся принципам конкретно-социологического подхода в ВС РФ.

Основная часть

Институциональные определители культуры управления могут быть рассмотрены с позиции компонентов, за-

крепивших ту или иную форму культуры управления [4]. В рамках формирования данного социального феномена можно сказать, что ценностные ориентиры и основанные на них убеждения будут определять основу становления и направление развития культуры управления, а ритуалы и нормативные регуляторы способны создавать основные целедостижимые принципы: всеобщность, доступность, однозначность, адаптивность и обоснованность [5].

Принципиальные определители могут быть нами рассмотрены с точки зрения основ и характера реализации функций культуры управления и ее применения в целедостижимой компетенции [6]. Порядок систематизации целесообразнее изучать через формирование устойчивых поведенческих проявлений, направленных на «опривычивание» некоторых действий, направленных на управление [7]. В таком случае функциональные границы будут определяться совокупностью взаимодействующих в структурно-функциональном устройстве социальной организации или институте в управлении как социальной, так и социотехнической средой [8].

Типологические определители можно рассмотреть с позиции наиболее значимых, содержательных и целевых установок. Знания, в таком случае, будут являться главным содержательным компонентом, от усвоения и понимания которого будет зависеть дальнейшая возможность применения и развития культуры управления. Накапливаемый опыт и приобретаемые знания способны создавать необходимую информационно-предметную «базу» для реализации функций управления через культуру управления. Обобщенный и проанализированный материал о знаниях и социальном опыте в культуре управления способен выстраивать необходимое направление в формировании преемственности и осознание необходимости этого. И, учитывая тот факт, что культура управления способна выходить за границы исключительно социальной среды объекта управления и может касаться социотехнической среды, формируется устойчивое понимание в научно-технологической адаптивности управления и, соответственно, культуры управления.

В рамках применяемого подхода и его принципов можно выделить следующие причастные параметры в рамках культуры управления и через призму каждого выбранного определителя.

По принципам индивидуального проявления через институциональные определители культура управления может быть нами рассмотрена как набор функций, присущей только ей. В таком случае, принцип индивидуального проявления целостного феномена культуры управления будет реализовываться через организационные особенности и присущие ее устройству ценностные ориентиры. Хотелось бы подчеркнуть, что с точки зрения индивидуального проявления, рассматриваемые ценностные ориентиры будут конституироваться исходя из целей организации [9]. В таком случае, качественные показатели индивидуального проявления данного социального феномена будут являться результатом диспозиционного приращения потребностей и интересов в субъектно-объектных отношениях [10].

Этот же принцип с точки зрения основ и характера реализации функций культуры управления может быть рассмотрен с позиции выделения габаритов реализации управленческого воздействия. Здесь стоит отметить, что принципиальный определитель будет формироваться исходя из основной потребности в конкретной модели двусторонних интеракций субъектно-объектных отношений организации [11]. В дополнение к этому можно отнести оценку ретроспективной трансформации культуры управления в рамках трансформации субъектно-

объектных отношений между управленческой и управляемой средой.

Принцип изучения институционального определителя культуры управления в определенных условиях регламентируется соблюдением исследовательских подходов в рамках единого или подобного структурно-функционального строя организации [12]. Это позволяет оценить состоятельность того или иного подхода в управлении и, соответственно, степень объективности в формировании культуры управления. В данном случае наиболее корреляционно может сопутствовать сопоставление принципа объективизма, где феномен культуры управления рассматривается как гомогенная результирующая положительных и отрицательных характеристик. Такая особенность взаимодействия принципиальных характеристик наиболее явно демонстрирует принципиальную целостность социального феномена культуры управления в рамках исследования его конструкционно-принципиальных компонентов.

В рамках принципа системности в исследовании институционального определителя культуры управления мы можем наблюдать неделимость причинно-следственных связей, возникающих в субъектно-объектных отношениях [13]. Такая особенность обусловлена антропосоциальным устройством взаимодействующих компонентов, определяющих институционализацию социальных образований. В данном случае хотелось бы отметить, что метод стратификации определителей культуры управления и принципов их образования в рамках гомогенной или подобной социальной организации носит практически универсальный характер. В таком случае, типологические определители культуры управления по принципу ее формирования, развития и реализации ее функций могут быть рассмотрены в следующем алгоритме (рис. 1).

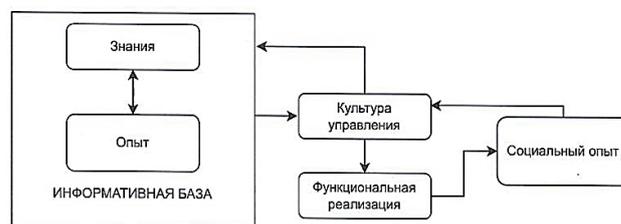

Рис. 1. Культура управления в системе определителей и принципов

Такой механизм можно считать универсальным для определения роли и места культуры управления в цикле системы управления в социальной организации. Таким образом мы имеем возможность рассматривать данный социальный феномен в рамках ВС РФ в различных категориях функциональной реализации.

Категории реализации функциональных компетенций ВС РФ принципиально отличаются двумя направлениями – периодами мирного и военного времени. Эти категории определяют как форму (способ) управления войсками и силами, так и направление сосредоточения усилий управленческого воздействия в субъектно-объектных взаимоотношениях [14].

В рамках рассматриваемого социального феномена – культуры управления, можно также отметить некоторые особенности как сущности, так и его содержания. В данном случае, целесообразнее будет провести симметричный стратификационный анализ компонентов культуры управления в системе военного управления, исходя из выявленных определителей и принципов их реализации. В таком случае, роль и место культуры управления могут быть представлены в качестве следующих элементов взаимодействия (рис. 2).

Рис. 2. Культура управления в период мирного времени

В данной схеме наглядно демонстрируется механизм обобщения и порядок взаимодействия элементов системы управления в мирное время. В рамках изучения культуры управления с позиции конкретно-социологического подхода, можно сказать, что данный феномен будет являться элементом формирования целедостигательной управленческой конструкции институционального уровня [15].

Некоторые отличия будут проявляться в управлении ВС РФ при переходе с мирного времени на военное в рамках трансформации культуры управления как сущностного явления. Некоторые элементы системы управления претерпевают изменения в категории изменения как приоритетов выполняемых задач, так и способов их выполнения (рис. 3).

Рис. 3. Культура управления в военное время

В данном случае мы хотим обратить внимание, что культура управления с позиции конкретно-социологического подхода в военном управлении может быть определена одним из компенсаторов при воздействии условий неопределенности. В таком случае, роль и место культуры управления ВС РФ в военное время (периода выполнения боевых (специальных) задач) может являться одним из основным институциональных регуляторов хода выполнения боевых (специальных) задач.

Заключение

В настоящее время роль и место культуры управления может рассматриваться как сопутствующий элемент управления в целом. Во многом, понятийные шаблоны в отношении данного явления остаются категориально неприоритетными, а изучение опирается на разделение границ между субъектом и объектом в управлении. Тем не менее, настоящая степень разработанности культуры управления может оставаться недостаточной для изменяющейся реальности и сопутствующим факторам

неопределенности. В том числе, это имеет предметное отношение к управлению ВС РФ в условиях, где шаблоны и устойчивые модели выполнения боевых (специальных) задач вынужденно приобретают рекомендательную форму. Таким образом складывается тенденция в необходимости мультипарадигмального изучения данного социального феномена для понимания сути и содержания культуры управления на различных структурно-функциональных уровнях.

Литература

1. Сметанкина Л.В. Управление как социокультурный феномен в современном российском обществе: факторный анализ: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Краснодар, 2012. – 315 с.
2. Хамутовская С.В. Конкретно-социологический подход к изучению электорального поведения населения: сущность и особенности // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 263–269.
3. Тавокин Е.П. Основы методики социологического исследования: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 239 с.
4. Пряхин Г.Н. Методологические основы культуры управления в социально-экономических системах: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Челябинск, 2008. – 42 с.
5. Соколов А.И. Социально-регулятивная миссия обычаев и традиций // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 112–121.
6. Кочеткова А.Л. Управленческая культура и составляющие её элементы // Управление персоналом. 1998. № 1. С. 24.
7. Пирогов С.В. Основы социологии: учеб. пособие / под ред. В.В. Кашпура. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2022. – 232 с.
8. Шляховая Е.В. Социотехническая среда: содержание понятия // Тенденции и перспективы развития социотехнической среды: материалы II международной научно-практической конференции, Москва, 14 декабря 2016 года / НОУ ВО «Московский экономический институт». – М.: Издательство Современного гуманитарного университета, 2016. – С. 7–10.
9. Белкин В.Н. Согласование корпоративных ценностей и социально-экономических целей организации / В.Н. Белкин, Н.А. Белкина, О.А. Антонова // Челябинский гуманитарий. 2018. 3(44). С. 48–63.
10. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. – М.: ЦСПИМ, 2013. – 376 с.
11. Плотников М.А. Субъектно-ориентированный подход к управлению бизнес-процессами // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2015. Т. 3, № 8–1(19–1). С. 150–154.
12. Луговский В.А. Социология и психология управления: учеб. пособие / В.А. Луговский, Л.В. Сурженко, Д.А. Чурянина. – Краснодар: КубГАУ, 2016. – 144 с.
13. Атмайкина В.О. Принципы детерминизма, системности и развития в научном исследовании социально-культурной деятельности / В.О. Атмайкина, А.В. Бабаян // Наука и образование: новое время. 2018. № 6(29). С. 734–740.
14. Лашманов В.Г. Законы управления войсками / В.Г. Лашманов, А.В. Хаерзаманов // Молодой ученый. 2017. № 44 (178). С. 66–70.

15. Королева Н.А. Культура управления и принцип комплексности в разработке ее функционирования // Аналитика культурологии. 2010. № 3(18). С. 167–181.

DEVELOPMENT OF METHODOLOGY CULTURE OF MANAGEMENT: A CONCRETE-SOCIOLOGICAL APPROACH

Moryakov S.V.

Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

The relevance of the topic lies in some ambiguity in understanding the management culture both in society and in individual social institutions. The existing typologization of management culture, its types and some paradigmatic interpretations may not fully reflect the essence of the original social demands. The existing historical period, in addition to social reality, may demonstrate some important differences in the framework of communicative actions. This may especially apply to those areas of verbal and non-verbal interaction that could undergo transformation within the framework of a changing reality. In particular, in this article, the author wants to emphasize some features of the management culture in a particular social organization of the Armed Forces of the Russian Federation (hereinafter to as the AF RF) at the present stage of development.

Keywords: management culture, subject-object relations, determinants, principles.

References

1. Smetankina L.V. Management as a socio-cultural phenomenon in modern Russian society: factor analysis: specialty 09.00.11 "Social Philosophy": dissertation for the degree of Doctor of Philosophical Sciences. – Krasnodar, 2012. – 315 p.
2. Khamutovskaya S.V. Concrete sociological approach to the study of the electoral behavior of the population: essence and features // Sociological almanac. 2011. No. 2. P. 263–269.
3. Tavokin E.P. Fundamentals of the methodology of sociological research: a tutorial. – M.: INFRA-M, 2009. – 239 p.
4. Pryakhin G.N. Methodological foundations of management culture in socio-economic systems: specialty 08.00.05 "Economics

- and management of the national economy": abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Economics. – Chelyabinsk, 2008. – 42 p.
5. Sokolov AI Social and regulatory mission of customs and traditions // Bulletin of the Chuvash University. 2008. No. 1. Pp. 112–121.
6. Kochetkova AL Management culture and its constituent elements // Personnel management. 1998. No. 1. P. 24.
7. Pirogov SV Fundamentals of sociology: textbook / edited by VV Kashpur. – Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2022. – 232 p.
8. Shlyakhovaya EV Sociotechnical environment: content of the concept // Trends and prospects for the development of the sociotechnical environment: materials of the II international scientific and practical conference, Moscow, December 14, 2016 / NOU VO "Moscow Institute of Economics". – M.: Publishing House of the Modern Humanitarian University, 2016. – P. 7–10.
9. Belkin V.N. Coordination of corporate values and socio-economic goals of the organization / V.N. Belkin, N.A. Belkina, O.A. Antonova // Chelyabinsk humanitarian. 2018. 3 (44). P. 48–63.
10. Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual: Dispositional concept. 2nd expanded ed. – M.: TsSPiM, 2013. – 376 p.
11. Plotnikov M.A. Subject-oriented approach to business process management // Current areas of scientific research of the XXI century: theory and practice. 2015. Vol. 3, No. 8–1(19–1). P. 150–154.
12. Lugovskiy V.A. Sociology and psychology of management: textbook / V.A. Lugovskiy, L.V. Surzhenko, D.A. Churyanina. – Krasnodar: KubSAU, 2016. – 144 p.
13. Atmaykina V.O. Principles of determinism, systematicity and development in the scientific study of socio-cultural activities / V.O. Atmaykina, A.V. Babayan // Science and education: new time. 2018. No. 6(29). P. 734–740.
14. Lashmanov V.G. Laws of command and control of troops / V.G. Lashmanov, A.V. Khaerzamanov // Young scientist. 2017. No. 44 (178). P. 66–70.
15. Koroleva N.A. Management culture and the principle of complexity in the development of its functioning // Analytics of cultural studies. 2010. No. 3 (18). P. 167–181.

Совершенствование системы жилищно-коммунального хозяйства как ключевой фактор повышения качества жизни населения

Мурзина Ирина Александровна,

к.с.н., доцент кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: mirial11@mail.ru

Султанов Максим Юрьевич,

магистрант кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: artemushkin@list.ru

В настоящее время важность жилищно-коммунального хозяйства как социально и экономически значимой отрасли возрастает и актуализирует задачу по его дальнейшему развитию. Авторами подчеркивается, что жилищно-коммунальное хозяйство является одной из значимых составляющих для обеспечения комфортной и безопасной жизни населения. В статье рассматривается влияние системы жилищно-коммунального хозяйства на качество жизни населения. Отмечены особенности функционирования российского жилищно-коммунального хозяйства. Представленный анализ статистических данных и результатов социологических исследований показал, что при общей удовлетворенности жилищными и коммунальными условиями, существует ряд проблем, свидетельствующих о недостаточно высоком (а где то даже низком) уровне благосостояния российских граждан. Также выявлен запрос со стороны населения по решению острозначимых вопросов таких как доступность жилья, стоимость жилищно-коммунальных услуг. В связи с этим был обозначен круг задач и практических мер по улучшению сложившейся ситуации в данной сфере на основе экспертного мнения и проводимой государственной политики в отрасли жилищно-коммунального хозяйства. Необходимо продолжать мониторинг системы жилищно-коммунального хозяйства и находить рациональные эффективные подходы к решению задач роста уровня и качества жизни населения в современных российских реалиях.

Ключевые слова: качество жизни населения, уровень жизни, жилищно-коммунальное хозяйство, жилье, жилищные условия, жилищно-коммунальные услуги, общество, государство.

Вопросы качества жизни населения являются одними из обсуждаемых и центральных в обеспечении устойчивого развития общества как в отдельно взятой стране, так и в мире, в целом. Задача общества и государства состоит не только в увеличении численности населения и решении демографических проблем, но и в обеспечении благоприятных условий жизни населения своей страны. К одной из составляющих, играющей ключевую роль в обеспечении и поддержании комфортных условий жизнедеятельности человека, является жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ). Связь между системой ЖКХ и качеством жизни населения достаточно очевидна. В нашей стране уровень развития жилищно-коммунальной сферы не соответствует доминирующей в общественном сознании системе ценностей, норм, представлений, связанных с жильем и жилищно-коммунальным обслуживанием [9]. Потребности в обеспечении жильем, в улучшении жилищных условий, в надлежащем оказании жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) являются необходимыми и важными компонентами жизни человека в современных реалиях.

Характеризуя сферу жилищно-коммунального хозяйства в России, можно выделить основные особенности и проблемы ее функционирования:

- существует увеличивающийся спрос на жилье среди граждан;
- низкие доходы граждан ограничивают возможности вкладываться в жилье, улучшать свои жилищные условия, способствуют возникновению задолженностей по оплате жилищно-коммунальных услуг;
- высокая стоимость квадратного метра жилья также не позволяет всецело удовлетворить потребности в приобретении жилья и в то же время способствует возникновению рисков для строительных организаций;
- при росте категории малообеспеченных граждан наблюдается снижение объемов социального жилья;
- техническое обслуживание и ремонт в сфере жилищно-коммунального хозяйства имеют трудности, связанные с санкционными ограничениями и импортозамещением;
- инфляционный рост отражается на стоимости жилищно-коммунальных услуг и ресурсов, что приводит к дополнительной финансовой нагрузке на потребителей и затрудняет управление финансами в области ЖКХ;
- внутренние миграционные процессы приводят к неоднородному распределению населения по регионам и создают дополнительную нагрузку в работе объектов жилищно-коммунальной инфраструктуры.

Необходимо отметить, что решение ключевых проблем в сфере ЖКХ находится в зоне повышенного внимания со стороны Президента РФ и Правительства РФ, поскольку это связано с созданием необходимых благоприятных условий для поддержания жизненно необходимого пространства человека, семьи и домохозяйств [2, с. 203].

Говоря об общей оценке удовлетворенности своими жилищными условиями российских граждан по результатам проведенных исследований Всероссийского цен-

тра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2023 году, все же заметна положительная характеристика.

При ответе на вопрос «Какое основное жилье занимает ваша семья?» преобладающее большинство российских граждан отметили собственную жилплощадь (79% респондентов). Среди них 46% опрошенных проживают в собственной квартире, 31% – в собственном доме (или части дома), 2% – в приватизированной комнате в коммунальной квартире. На 9% опрошенных приходится съемное жилье, а наименьшие позиции у категорий ответов «жилье по договору социального найма» и «ведомственное служебное жилье» (3 и 1% соответственно). При этом, заметны тенденции увеличения снятия жилья у так называемых «частников» (с 2005 г. – рост почти в три раза с 3 до 9%) и снижения использования жилья по социальному найму (снижение с 23 до 3%) [6].

Что касается оценки жилищных условий российскими гражданами, то по результатам опроса она является удовлетворительной: 8 из 10 россиян в той или иной степени довольны своими жилищными условиями (80%). И в этом направлении наблюдается постоянная динамика роста. Если в 2005 году этот показатель составлял менее половины (48%), то начиная с 2007 г. – 55%, в 2018 г. – 72% и в 2023 г. достиг максимума в 80% [6].

Вместе с тем, при общей положительной оценке удовлетворенности населения жилищными условиями существуют и определенные проблемы, которые волнуют и граждан нашей страны. Среди основных причин, вызывающих недовольство и обеспокоенность граждан можно назвать высокую стоимость жилищно-коммунальных услуг и отсутствие жилья, либо маленькую жилплощадь. При этом, по итогам опроса 2023 г. на первое место выходят высокие расходы на оплату жилья и коммунальных услуг (33%), а не стесненность жилищных условий как это было в 2007 г. (41% «недовольных» своими жилищными условиями). Обеспокоенность же отсутствием собственного жилья все же остается и каждого четвертого респондента это обстоятельство волнует (26%). Кроме того, высока доля граждан, нацеленных на приобретение жилья или его смену (23%). Особенно такое намерение ярко проявляется у тех, кто арендует жилье (52%), что вполне очевидно в рамках сложившейся ситуации. Но сдерживающим фактором являются ограниченные возможности приобретения собственного жилья в данный момент или улучшения своих жилищных условий. У 38% респондентов такой возможности просто нет [6].

Этот факт имеет подтверждение и в исследованиях, проводимых Институтом экономики города. Аналитиками данного института отмечается, что начиная с 2020 года наблюдается тренд снижения индекса доступности жилья. С одной стороны, по их мнению, это ведет к постепенному сокращению возможностей по улучшению жилищных условий граждан, а с другой – может создать стимулы для развития конкуренции в строительстве. Стандартом считается площадь в 54 кв. м на семью из трех человек (18 кв. м на одного) [12]. Средняя жилищная обеспеченность в России в 2022 году была 28,2 кв. м., а на сегодняшний день составляет около 27 кв. м. на человека [12]. Планомерная работа органов государственной власти в этом направлении активно ведется и по заявлению заместителя Председателя Правительства РФ Хуснуллина М.Ш. «ближайшая цель – это 33 кв. м. а к 2036 году выйти на обеспеченность жильем в 36 кв. м на человека» [11]. Заявлена весьма высокая планка достижения данного показателя, что потребует продуктивной и масштабной работы строительных организаций. Однако уже на сегодняшний день отмечена динамика увеличения объема ввода жилья в России. По официальным данным Росстата, отмечен максимальный рост

по объему ввода жилья. В 2023 году в России введено 110,4 млн кв. м жилья. Это на 7,5%, или на 7,7 млн кв. м больше, чем за 2022 год [8]. «Это, конечно, абсолютный рекорд, ничего подобного в истории России пока не было», – подчеркнул президент В.В. Путин [5].

Острота же проблемы с оплатой жилищно-коммунальных услуг не снижается и это во многом отражается на уровне благосостояния граждан и оказывает значительное влияние на качество жизни жителей страны. Согласно данным переписи населения 2021 года, в нашей стране, в городах, проживает примерно три четверти россиян: 74,8% или 109,3 млн человек [3]. То есть, большая часть наших граждан зависит от качества услуг, предоставляемых жилищно-коммунальными организациями [10]. Увеличение роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги не соотносится с уровнем доходов населения. Экспертами РИА Рейтинг также был рассчитан объем денежных средств, затрачиваемых семьей на ЖКУ в регионах. В среднем по России ежемесячные траты среднестатистической семьи на ЖКУ в 2023 году составляли 5397 рублей. При этом наиболее значительные траты были в Магаданской области – средняя семья здесь платила за ЖКУ более десяти тысяч рублей в месяц. Свыше девяти тысяч рублей в месяц расходовали на ЖКУ в Ямало-Ненецком автономном округе, г. Москве, Камчатском крае и в Чукотском автономном округе [7].

Улучшение ситуации с оплатой жилищно-коммунальных услуг возможно в результате выработки и применения эффективной модели управления тарифами и расценками на жилищно-коммунальные услуги, позволяющей развивать жилищно-коммунальный сектор без ущерба для доходов домохозяйств.

Экспертами национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и фонда «Институт экономики города» (ИЭГ) предлагается введение критерия финансовой доступности коммунальных услуг. В качестве него они выбрали долю домохозяйств конкретного субъекта РФ, получающих субсидии на оплату ЖКУ в рамках федеральной программы адресной помощи низкодходным семьям. По словам директора направления «Городское хозяйство» ИЭГ И. Генцлер, «такой подход обеспечивает объективную и прозрачную оценку возможности или невозможности повышения тарифов на коммунальные услуги для населения, формирует инвестиционную привлекательность коммунального сектора и повышает эффективность бюджетных расходов, переориентируя ее на адресную помощь низкодходным семьям вместо субсидирования коммунального сектора» [1]. Безусловно, предложенные меры потребуют разработки новых нормативно-правовых актов в данной сфере и значительных изменений в существующем законодательстве.

Сложности также и возникают в самом механизме реализации обозначенных нововведений. Но «важность задачи повышения эффективности и надежности работы коммунальной сферы и обеспечения устойчивого функционирования городского хозяйства», по мнению профессора НИУ ВШЭ С. Сиваева, «предопределяют целесообразность принятия предлагаемого подхода» [1].

Кроме предложенных мер, на сегодняшний день в направлении совершенствования жилищной сферы и жилищно-коммунального хозяйства осуществляется реализация национального проекта «Жилье и городская среда», который имеет важное стратегическое значение для развития данной отрасли. Социальная эффективность предусмотренных проектных и программных мероприятий выражается в повышении качества оказываемых услуг, увеличении степени благоустроенно-

сти жилищного фонда, снижении расходов населения на платежи за содержание домохозяйств путем перехода на новые экономические формы взаимоотношений в жилищно-коммунальном комплексе и развития конкурентной среды в сфере жилищного обслуживания и ремонтных работ [4].

Таким образом, нацеленность на лучшие практики жилищно-коммунального обслуживания и применение инновационных технологий в данной сфере являются значимыми факторами в улучшении качества жизни, жилищных условий и развития общества.

Литература

1. Адресный подход: эксперты предлагают гибкие подходы к финансированию и оплате ЖКУ [Электронный ресурс]. – URL: <https://stroygaz.ru/publication/zkh/adresnyy-podkhod-eksperty-predlagayut-gibkie-podkhody-k-finansirovaniyu-i-oplate-zhku/> (дата обращения: 15.11.2024).
2. Бурова О.А. Статистика жилья и жилищных условий населения // Вестник МФЮА. – 2022. – № 1. – С. 202–207.
3. Всероссийская перепись населения. Официальные итоги Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 15.11.2024).
4. Основы экономического поведения и благосостояния населения: мотивы, факторы, ожидания: [монография] / О.А. Александрова, О.А. Алексеева [и др.]; Отв. ред. А.В. Ярашева; ИСЭПН ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2024. – 351 с.
5. Путин сообщил о новом историческом рекорде по вводу жилья в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/65a7db0a9a794707ef96780f?from=copy> (дата обращения: 15.11.2024).
6. Результаты мониторингового опроса о жилищных условиях в России ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svoja-krysha-nad-golovoi-ili-zhile-dlja-rossijan> (дата обращения: 10.11.2024).
7. Рейтинг регионов по доле расходов населения на ЖКУ – 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20240916/630269270.html> (дата обращения: 15.11.2024).
8. Росстат сообщил о росте ввода жилья в РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://erzrf.ru/news/eksperty-dostupnost-zhilya-v-rossii-snizhayetsya-s-2020-goda> (дата обращения: 11.11.2024).
9. Седых О.Г., Хаустов Д.С. Система жилищно-коммунального хозяйства как условие формирования качества жизни населения // Baikal Research Journal. 2010. № 6. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-zhilischno-kommunalnogo-hozyaystva-kak-uslovie-formirovaniya-kachestva-zhizni-naseleniya> (дата обращения: 11.11.2024).
10. Ункуров Э.Ю. Основные проблемы в сфере жилищно-коммунальных услуг: результаты социологических опросов // Вестник ИКИАТ. – 2024. – № 48. – С. 61–65.
11. Хуснуллин спрогнозировал рост обеспеченности жильем [Электронный ресурс]. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/65a799bf9a7947053cf24a51> (дата обращения: 11.11.2024).
12. Эксперты: доступность жилья в России снижается с 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://erzrf.ru/news/eksperty-dostupnost-zhilya-v-rossii-snizhayetsya-s-2020-goda> (дата обращения: 10.11.2024).

rossii-snizhayetsya-s-2020-goda (дата обращения: 10.11.2024).

IMPROVING THE HOUSING AND UTILITIES SYSTEM AS A KEY FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

Murzina I.A., Sultanov M.Y.
Penza State University

Currently, the importance of housing and communal services as a socially and economically significant sector is increasing and actualizes the task of its further development. The authors emphasize that housing and communal services is one of the significant components for ensuring a comfortable and safe life of the population. The article examines the impact of the housing and communal services system on the quality of life of the population. The features of the functioning of the Russian housing and communal services are noted. The presented analysis of statistical data and the results of sociological research showed that with general satisfaction with housing and communal conditions, there are a number of problems indicating an insufficiently high (and somewhere even low) level of well-being of Russian citizens. Also, a request from the population to solve urgent issues such as housing affordability, the cost of housing and communal services was identified. In this regard, a range of tasks and practical measures to improve the current situation in this area was identified based on expert opinion and the state policy pursued in the housing and communal services sector. It is necessary to continue monitoring the housing and communal services system and find rational effective approaches to solving the problems of increasing the standard and quality of life of the population in modern Russian realities.

Keywords: quality of life of the population, standard of living, housing and communal services, housing, housing conditions, housing and communal services, society, state.

References

1. Targeted approach: experts propose flexible approaches to financing and paying for housing and communal services [Electronic resource]. – URL: <https://stroygaz.ru/publication/zkh/adresnyy-podkhod-eksperty-predlagayut-gibkie-podkhody-k-finansirovaniyu-i-oplate-zhku/> (date of access: 11/15/2024).
2. Burova O.A. Statistics of housing and living conditions of the population // Bulletin of the Moscow University of Finance and Law. – 2022. – No. 1. – P. 202–207.
3. All-Russian population census. Official results of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (date of access: 11/15/2024).
4. Fundamentals of economic behavior and well-being of the population: motives, factors, expectations: [monograph] / O.A. Alexandrova, O.A. Alekseeva [et al.]; Responsible. editors A.V. Yarasheva; ISESP FNISC RAS. – M.: FNISC RAS, 2024. – 351 p.
5. Putin announced a new historical record for housing commissioning in Russia [Electronic resource]. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/65a7db0a9a794707ef96780f?from=copy> (date accessed: 11/15/2024).
6. Results of the monitoring survey on housing conditions in Russia VTsIOM [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svoja-krysha-nad-golovoi-ili-zhile-dlja-rossijan> (date of access: 11/10/2024).
7. Rating of regions by the share of population expenditure on housing and communal services – 2024 [Electronic resource]. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20240916/630269270.html> (date of access: 11/15/2024).
8. Rosstat reported an increase in housing commissioning in the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <https://erzrf.ru/news/eksperty-dostupnost-zhilya-v-rossii-snizhayetsya-s-2020-goda> (date of access: 11/11/2024).
9. Sedykh O.G., Khaustov D.S. The housing and communal services system as a condition for shaping the quality of life of the population // Baikal Research Journal. 2010. No. 6. [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-zhilischno-kommunalnogo-hozyaystva-kak-uslovie-formirovaniya-kachestva-zhizni-naseleniya> (date of access: 11.11.2024).

10. Unkurov E. Yu. The main problems in the field of housing and communal services: the results of sociological surveys // Bulletin of IKIAT. – 2024. – No. 48. – P. 61–65.
11. Khusnullin predicted an increase in housing provision [Electronic resource]. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/65a799b-f9a7947053cf24a51> (date of access: 11.11.2024).
12. Experts: housing affordability in Russia has been declining since 2020 [Electronic resource]. – URL: <https://erzrf.ru/news/eksperty-dostupnost-zhilya-v-rossii-snizhayetsya-s-2020-goda> (date of access: 10.11.2024).

Модель социального взаимодействия специалистов при оказании психолого-педагогической помощи детям из неполных семей: на примере Хабаровского Края

Николаева Татьяна Анатольевна,

канд. филос. наук, доцент Высшей школы социально-политических наук, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»
E-mail: tatyana77-07_77@mail.ru

В статье исследуются уникальные особенности социально-психологической помощи детям из неполных семей, подчеркивая значимость термина «неполная семья» и выявляя социальные и психологические вызовы, с которыми сталкиваются эти юные души.

Автор уделяет внимание разнообразию форм поддержки, включая консультирование, психотерапию и психосоциальное сопровождение в рамках патронажа, ставя акцент на вовлечение детей и матерей-одиночек в совместные мероприятия. Приводится модель взаимодействия специалистов, работающих в сфере социальной и психологической поддержки, охватывающая три ключевых аспекта: образовательный, психологический и посреднический.

На примере практики социально-психологической помощи в Краевом государственном казенном учреждении «Хабаровский центр социальной помощи семье и детям» анализируются выявленные нарушения воспитательных тенденций, отмечая девиацию, а также проблемы в адаптации и социализации. Особо подчеркивается, что эффективное решение данных вопросов невозможно без активного участия всех институтов гражданского общества, что открывает новые горизонты для комплексного подхода к решению проблем детей из неполных семей.

Ключевые слова: социальная работа, психологическая помощь, семья, неполная семья, дети, одинокий родитель.

Семья, в которой растет подрастающее поколение, играет неопределимую роль в его социализации, служа первой кузницей характера, ценностей и норм поведения. В родительском доме закладываются основы, формирующие личность юного человека. Однако непростые социально-экономические и моральные испытания современности наносят удары по традиционным семейным структурам, проявляя пренебрежение над их целостностью. Неполная семья, даже при всех усилиях одного родителя, не всегда способна создать оптимальные условия для полноценного развития ребенка, что требует его адаптации к сложным социальным реалиям и освоения различных ролей [1]. Процесс социализации, пронизанный трудностями и испытаниями, становится более запутанным и искаженным, лишая юное сознание ясности и устойчивости. В таких условиях важность поддержки со стороны общества и дополнительных институтов возрастает, чтобы компенсировать недостаток семейной гармонии и обеспечить ребенку необходимую основу для будущего, позволяя ему, расти и развиваться в мире, полном изменений и вызовов.

Вопросы неполных семей и причины их возникновения исследуются такими учеными, как Агеева О.В., Дементьева И.Ф., Гурко Т.А., Киблицкая М.А., Грам Л.В., Рубан М.Л., Суворова О.В. и др. Они освещают социальные трудности, с которыми сталкиваются семьи, а также проблемы идентификации детей в условиях неполноценной поддерживающей среды. Неполная семья, состоящая из единственного родителя и одного или нескольких детей, испытывает уникальные вызовы в детско-родительских отношениях. Психологическая атмосфера в таких домах нередко сопровождается утратой одного из родителей, что создает дополнительный стресс для всех членов семьи [2].

Специалисты прилагают усилия для восстановления гармонии отношений и психоэмоционального благополучия, предлагая разнообразные формы помощи – от консультирования до психотерапевтических практик. Семейная терапия оказывается особенно действенным инструментом для улучшения взаимопонимания и гармонизации отношений, позволяя вернуть надежду и радость в каждое сердце, столкнувшееся с бедой.

Работая в области психологии и психокоррекции, специалист сталкивается с разнообразными задачами, от выявления скрытых проблем до разработки индивидуальных программ поддержки. В отличие от традиционного подхода, который сосредоточен на анализе симптомов, здесь акцент делается на системной работе с семьей и образовательным учреждением. Понимание динамики взаимоотношений между детьми, подростками и их родителями позволяет создать более гармоничную атмосферу, способствующую развитию и обучению [3].

Мероприятия могут проводиться как отдельно для детей и родителей, так и совместно. Так, в процессе терапии происходит не только разрешение назревших конфликтов, но и развитое эмоциональное взаимодополнение, что в конечном итоге ведет к созданию более гармоничной и поддерживающей семейной среды [4]. Эта

неоценимая работа способствует не только повышению качества жизни всех участников, но и формированию прочного фундамента для будущих успешных взаимодействий в жизни семьи [5].

Аккерман Н.В. указывает на важность признания и активизации внутренних сил семьи, что является неотъемлемой частью процесса терапии. Это особенно актуально в контексте неполных семей, где могут возникать трудности в выполнении традиционных семейных ролей. Терапевтический подход, ориентированный на духовные аспекты, позволяет семьям находить новые пути взаимодействия и поддержки друг друга.

В сферах, где традиционные модели взаимодействия подрываются, семейная терапия помогает выявить и развивать уникальные ресурсы, которые могут быть использованы для достижения гармонии и укрепления семейных связей. Терапевты, опираясь на методологии Н.В. Аккермана, сосредоточены на выявлении ошибок восприятия и установлении нового видения динамики внутри семьи. [6].

Осухова Н.Г. подчеркивает, что работа с детьми из неполных семей основывается на нескольких основополагающих принципах: 1) осуществление психодиагностики и всесторонняя оценка личностных качеств как самих детей, так и их родителей; 2) психологическое консультирование, охватывающее всю семью, в форматах как индивидуальных бесед, так и групповых встреч; 3) коррекция моделей поведения и динамики взаимоотношений; 4) предотвращение возникновения конфликтов в семейной среде; 5) организация тренингов, направленных на развитие коммуникативных навыков и других жизненно важных аспектов [7].

Данная комплексная деятельность сосредоточена на восстановлении единства и гармонии в семейных отношениях, что создает надежную основу для будущего благосостояния и эмоционального благополучия всех ее участников.

Петровская Л.А. акцентирует внимание на важности создания групп для общения среди родителей, воспитывающих детей в неполных семьях. Такое взаимодействие не только обогащает их опыт в области отношений с детьми, но и служит важным пространством для взаимной поддержки и глубокого понимания. В этих сообществах родители могут делиться своими радостями и трудностями, находить утешение в сходных переживаниях и строить крепкие связи на основе сочувствия и единомыслия. Обсуждения, которые происходят в таких группах, позволяют углубить понимание потребностей детей и открывают новые горизонты для воспитания. Вместе они создают атмосферу доверия и теплоты, где каждый может быть услышан и поддержан. Эта форма общения не только облегчает бремя одиночества, но и формирует нечто большее – единую общность, где родители, вдохновленные опытом друг друга, – могут открывать новые пути к воспитанию и развитию своих детей [8].

На основе тщательного анализа существующей литературы мы пришли к выводу, что деятельность специалистов, предоставляющих социальную и психологическую поддержку детям из неполных семей, охватывает три ключевых уровня социально-психологической помощи: образовательный, психологический и посреднический. Эти уровни взаимосвязаны и образуют целостную структуру, позволяющую родителям и их детям обретать уверенность и компетентность в непростых жизненных ситуациях. Специалисты, действуя на этих трех уровнях, помогают укрепить родительские навыки, развить эмоциональное благополучие и создать эффективные связи между семьями, что, в свою очередь, способствует гармоничному развитию личности ребенка.

Образовательный уровень представляет собой гармоничное сочетание двух ключевых направлений деятельности специалиста: содействия в обучении и воспитательной работы. Поддержка в образовательном процессе подчеркивает важность снижения возникающих трудностей в семейной среде и содействует формированию высокой педагогической культуры среди родителей. Деятельность социального педагога сосредоточена на активном взаимодействии с родителями, приглашая их к сотрудничеству через консультации, в которых предлагаются практическая помощь и ценные рекомендации. Эта работа становится мостом, соединяющим образовательные учреждения и семьи, способствуя более глубокой интеграции педагогических принципов в повседневную жизнь. Формируя пространство доверия и понимания, социальный педагог вдохновляет родителей на осознание своей роли в образовательном процессе и на развитие навыков, необходимых для создания гармоничной и насыщенной среды для роста и обучения. [9]. Такой подход позволяет оказать эффективную и своевременную поддержку семье, способствуя её укреплению и развитию. В этом синергетическом процессе учитель, родитель и ребенок становятся партнёрами, объединёнными общей целью – созданием благоприятной среды для роста и самореализации.

Психологический аспект социально-психологической помощи состоит из двух ключевых элементов: социальной поддержки и коррекции. Социальная поддержка стремится к созданию благоприятной атмосферы в неполной семье, где уют и тепло становятся необходимыми для комфортного существования. Коррекция межличностных отношений в семье становится особенно актуальной, когда ребенок сталкивается с психическим насилием – оскорблениями и унижениями, что может серьезно подорвать его психо-эмоциональное и физическое состояние [10].

Этап посредничества в сфере социально-психологической поддержки представляет собой искусное переплетение тщательной организации, координации и предоставления жизненно необходимой информации. Организационная поддержка направлена на благоустройство досуга семей, что может находить свое выражение в организации ярмарок с бывшими в употреблении вещами, благотворительных аукционов и образовании клубов по интересам. Оживление семейных традиций через планирование праздников, конкурсов и других ярких мероприятий становится важным аспектом этого процесса. Каждый из этих элементов не только способствует укреплению связей в обществе, но и формирует атмосферу тепла и взаимопомощи, притягивая людей к совместному отдыху и укрепляя дух единства [11]. Эти инициативы не только способствуют созданию здоровой социальной атмосферы, но и укрепляют связи внутри семей, возвращая им уверенность и надежду.

Исследуя тонкие нюансы взаимодействия между родителями и детьми в неполных семьях, можно выделить несколько важнейших направлений социально-психологической поддержки. Прежде всего, психологическое консультирование для родителей предоставляет необходимую опору, помогая решать как социальные, так и психологические трудности, с которыми они сталкиваются. Далее, тренинги для родителей и детей становятся площадкой для открытия новых форм общения. Такой подход не только помогает детям справляться с внутренними конфликтами, но и формирует у них уверенность в своих силах, что в дальнейшем позволяет создать гармоничные отношения с родителями и окружающим миром.

Организация досуга подростков из неполных семей представляет собой важный аспект их качества жизни. Специалисты в области социальной работы неустанно трудятся над улучшением досуговых программ для этих детей, а также для тех, кто оказывается в социальной уязвимости. Их усилия направлены на создание безопасной и поддерживающей среды, где каждый подросток может развивать свои таланты, находить единомышленников и укреплять личные связи [12].

Через разнообразные мероприятия – от творческих мастерских до спортивных состязаний – они стремятся наполнить досуг детей смыслом и радостью, даря возможность отвлечься от повседневных тревог. Важно, чтобы эти программы преодолевали социальные барьеры, предоставляя доступ к ресурсам и опыту, которые способствуют личностному росту и социальной интеграции. Таким образом, подходя к делу с глубоким пониманием потребностей и желаний подростков, специалисты создают основу для их гармоничного развития и поддержки на пути к взрослой жизни.

В Краевом государственном казенном учреждении «Хабаровский центр социальной помощи семье и детям» (далее – Центр) с большим потенциалом развиваются творческие кружки, которые служат важной формой досуга для клиентов. Работа с детьми из неполных семей и взрослыми в этих кружках открывает новые горизонты для творческого самовыражения детей, погружая их в прикладное искусство и богатство национальной культуры. Такой процесс не только способствует раскрытию талантов, но и формирует патриотические чувства, прививая понимание культурно-исторических ценностей и осознание героического наследия предков.

Наибольшую активность в организации культурно-досуговой деятельности Центр демонстрирует в летнее время, когда много детей из неполных семей сталкиваются с нехваткой полноценного досуга. В эти моменты Центр становится жизненно важным пространством, где раскаты смеха и искренние эмоции создают атмосферу творчества и дружбы, позволяя детям не только наслаждаться свободным временем, но и обогащать свои души яркими переживаниями и новыми открытиями.

Кроме того, было установлено, что родители-одиночки обращаются за помощью к специалистам лишь в тех случаях, когда сталкиваются с серьезными проблемами в поведении своих детей или в острых конфликтных ситуациях, требующих немедленного вмешательства. Обычно их визиты в центры поддержки семьи носят случайный характер, продиктованный надеждой на быстрое разрешение возникающих трудностей. Множество проблем, с которыми сталкиваются неполные семьи, могло бы быть предотвращено при условии своевременного выявления и коррекции на уровне детских садов и школ. Раннее обращение к профессионалам и активное участие образовательных учреждений в жизни таких семей способны заложить прочный фундамент для гармоничного развития детей и их родителей.

Согласно статистическим данным, в Хабаровском крае, в период с 2022 по 2023 год, наблюдается значительное увеличение числа неполных семей, составившее 3,6% [11]. В рамках таких семей наиболее остро возникают вопросы, касающиеся воспитания детей, которые зачастую принимают девиантные формы. Это утверждение находит подтверждение в исследованиях Бобровой С.Г. [12] и Быстровой Н.В. [13], посвященных нарушению адаптивных механизмов и процессу социализации у детей, воспитывающихся в неполных семьях.

Эти исследования демонстрируют, как дефицит полноценного семейного окружения может влиять на душевное и социальное развитие подрастающего поколе-

ния, подчеркивая необходимость внимания и поддержки со стороны общества. Лишь осознав все глубинные сложности данной проблемы, можно создать условия для благоприятного роста детей в таких условиях, восстановив утраченные механизмы социализации и открыв новые горизонты для их развития.

Одним из важнейших аспектов профилактики семейных конфликтов является повышение родительской компетентности. Это включает в себя всестороннюю образовательную работу с родителями, направленную на понимание тонкостей детского развития и воспитания, оказание необходимой медицинской помощи, а также ознакомление с основами психологии и педагогики. Углубление знаний и навыков родителей может значительно снизить риски возникновения проблем у детей, способствуя их полноценной социализации и гармоничной адаптации в социуме. Создание устойчивой и поддерживающей среды для ребёнка начинается с осведомленности и вовлеченности родителей в процессы его формирования. Таким образом, инвестиции в родительское обучение не только обогащают их внутренний мир, но и создают прочный фундамент для будущего их детей, открывая перед ними горизонты возможностей и защищая от потенциальных трудностей. В конечном итоге, заботливые и осведомленные родители становятся надежными проводниками на пути к здоровым отношениям и гармоничному развитию семьи.

Сотрудники Центра проводят социальную профилактику, направленную на неблагополучные неполные семьи и детей, находящихся в уязвимом положении. Эта деятельность в сфере социальной работы с неполными семьями сосредоточена на выявлении и решении проблемных аспектов, которые оказывают влияние на развитие и воспитание детей, а также на жизнь взрослых членов семьи. Комплексная структура социальной профилактики охватывает как первичную, так и вторичную профилактику, обеспечивая тем самым тщательно продуманный подход к поддержке нуждающихся.

Специалисты Центра стремятся к тому, чтобы защитить интересы детей и создать благоприятные условия для их роста, символизируя надежду и возрождение. Через внимательное изучение социальной среды и активное взаимодействие с семьями, они не только стремятся облегчить бремя текущих трудностей, но и воспитать у родителей осознание их роли в жизни детей. Эта тонкая работа, выполняемая с чуткостью и профессионализмом, служит основой для будущего, в котором каждая семья будет иметь возможность подняться над вызовами и создать гармоничное пространство для жизни и любви.

Первичная профилактика в социальной работе с детьми из неполных семей сосредоточена на устранении как внутренних, так и внешних конфликтов и напряжений, возникающих в современных семейных отношениях. Вторичная профилактика, в свою очередь, имеет целью предотвращение возможных трудностей, с которыми может столкнуться неполная семья, что делает её деятельность ориентированной на вероятность. Одним из основных методов, применяемых в социальной работе с такими детьми, является социальная коррекция, особенно актуальная для уязвимых групп, воспитывающихся детей, относящихся к «группе риска». Эти дети требуют усиленного внимания и заботы со стороны социальных служб и профессионалов, работающих в сфере защиты прав семьи и детей. В таком контексте значение квалифицированного вмешательства возрастает многократно, способствуя изменению судеб и вдохновляя на новую надежду. Работа с детьми из неполных семей превращается в настоящую миссию, направлен-

ную на достижение гармонии и благополучия для самых подверженных риску членов нашего общества, тех, кто, в светлых глазах, жаждет поддержки и любви.

Эта помощь предназначена не только для решения текущих проблем, возникающих в семье, но и служит благодатной почвой для укрепления, развития и восстановления внутреннего потенциала тех, кто переживает непростые времена. Поддержка, оказываемая таким образом, пронизана духом надежды и стремлением к гармонии, что создает возможности для новой жизни и новых начинаний. Каждый шаг, направленный на помощь, становится важным вкладом в восстановление душевного равновесия и уверенности в себе как у детей, так и у их родителей. В этом контексте социально-психологическая помощь выступает не просто как средство преодоления трудностей, но и как путеводная звезда в мире, где семья, даже неполная, может заново обрести свое место, силу и уют.

Исследование деятельности Хабаровского центра социальной помощи семьям и детям, который играет ключевую роль в поддержке детей из неполных семей, показывает, что существенные достижения в сфере социального обслуживания этой категории возможны только при условии активного участия всех необходимых социальных институтов. К ним относятся органы социальной защиты, образовательные учреждения, медицинские организации, а также подразделения правоохранительных органов, отвечающие за молодежную политику и трудоустройство. Среди основных способов поддержки детей из неполных семей выделяются: социальная диагностика, реабилитация, социальный патронаж и организация досуговых мероприятий.

Эти подходы, выстраиваясь в гармоничную систему, служат не только для решения насущных проблем, но и для формирования уверенности в будущем, пробуждения надежды и восстановления утраченных связей. Бесценный труд специалистов подобного центра является не просто помощью – это настоящий акт милосердия, способный изменить судьбы и вернуть радость в детские сердца.

Литература

1. Прокофьева, Л.М. Неполные семьи с детьми в России: масштабы распространения и материальная поддержка / Л.М. Прокофьева, И.И. Корчагина // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 4. С. 61–66.
2. Принципы воспитания ребёнка в неполной семье / Школьный психолог // *Методическая газета для педагогов-психологов*. 2008. № 10. С. 24.
3. Битянова, М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей / М.Р. Битянова. Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 576 с.
4. Гурко, Т.А. Трансформация института современной семьи / Т.А. Гурко // *Социс*. 2005. № 10. С. 95–99.
5. Лодкина, Т. Диагностика в работе семейного социального педагога // *Деловой журнал для социальных работников и педагогов*. 2005. № 2. С. 54, 59.
6. Ackerman, N.W. *The Strength of Family Therapy: selected papers* / Eds. D. Bloch, R. Simon; Ackerman Institute for Family Therapy.-N.Y.: Brunner/ Mazel, publishers, 1982.-Ch. 18.: The family as a Social and Emotional Unit. P. 153–158
7. Осухова, Н.Г. Психологическое сопровождение личности в период адаптации к жизненным изменениям / Н.Г. Осухова // *ПрофорIENTATION и психологическая поддержка новые возможности занятости: тез. докл. межрегиональной научно-практической конференции* / Н.Г. Осухова. Москва: Красная площадь, 1996. С. 103–105.
8. Петровская, Л.А. Развитие компетентного общения как одно из направлений оказания психологической помощи / Л.А. Петровская // *Введение в практическую социальную психологию*. Москва: Смысл, 1996. С. 150–164.
9. Швецова, М.Н. Социально-психологическое сопровождение замещающей семьи: монография / М.Н. Швецова. Москва: МПГУ, 2013. 188 с.
10. Дементьева, Н.В. Технология индивидуальной работы с детьми и подростками из неполных семей // *Социальная педагогика: новые исследования*. 2011. № 6. С. 45–47.
11. Бондаренко, А.Ф. Психологическая помощь: теория и практика / А.Ф. Бондаренко. Москва: Независимая фирма «Класс», 2001. 336 с.
12. Оськина, О.В. Специфика работы социального педагога с неполной семьей в условиях общеобразовательной школы / О.В. Оськина, И.Р. Сорокина. Текст: непосредственный // *Молодой ученый*. 2014. № 8 (67). С. 850–852.
13. Россия в цифрах: крат. стат. сб. / Росстат. Москва, 2024. 446 с.
14. Боброва, С.Г. Проблема неполной семьи в современной психологии / С.Г. Боброва, Р.С. Хохлова // *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*. 2013. № 6. С. 34–37.
15. Быстрова, Н.В. Социально-психологические особенности детей из неполных семей / Н.В. Быстрова, С.А. Цыплакова, О.Д. Коротева // *Карельский научный журнал*. 2018. № 5. С. 66–71.

MODEL OF SOCIAL INTERACTION OF SPECIALISTS IN PROVIDING PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASSISTANCE TO CHILDREN FROM SINGLE-PARENT FAMILIES: THE EXAMPLE OF THE KHABAROVSK TERRITORY

Nikolaeva T.A.
Pacific State University

This article examines the unique features of social and psychological assistance to children from single-parent families, emphasizing the significance of the term “single-parent family” and identifying the social and psychological challenges these young souls face.

The author pays attention to the diversity of forms of support, including counseling, psychotherapy and psychosocial support within the framework of patronage, focusing on the involvement of children and single mothers in joint activities. A model of interaction between specialists working in the field of social and psychological support is presented, covering three key aspects: educational, psychological and mediation.

Using the example of the practice of social and psychological assistance in the Regional State Budgetary Institution “Khabarovsk Center for Social Assistance to Families and Children”, the identified violations of educational trends are analyzed, noting deviation, as well as problems in adaptation and socialization. It is especially emphasized that effective solution of these issues is impossible without active participation of all civil society institutions, which opens up new horizons for a comprehensive approach to solving the problems of children from single-parent families.

Keywords: social work, psychological assistance, family, single-parent family, children, single parent.

References

1. Prokofieva, L.M. Single-parent families with children in Russia: the scale of distribution and financial support / L.M. Prokofieva, I.I. Korchagina // *International journal of humanitarian and natural sciences*. 2020. No. 4. Pp. 61–66.

2. Principles of raising a child in a single-parent family / School psychologist // Methodological newspaper for educational psychologists. 2008. No. 10. P. 24.
3. Bityanova, M.R. Social psychology: science, practice and way of thinking / M.R. Bityanova. Moscow: EKSMO-Press Publishing House, 2001. 576 p.
4. Gurko, T.A. Transformation of the institution of the modern family / T.A. Gurko // Socis. 2005. No. 10. P. 95–99.
5. Lodkina, T. Diagnostics in the work of a family social educator // Business magazine for social workers and teachers. 2005. No. 2. P. 54, 59.
6. Ackerman, N.W. The Strength of Family Therapy: selected papers / Eds. D. Bloch, R. Simon; Ackerman Institute for Family Therapy.-N.Y.: Brunner/ Mazel, publishers, 1982.-Ch. 18.: The family as a Social and Emotional Unit. P. 153–158
7. Osukhova, N.G. Psychological support of the individual during the period of adaptation to life changes / N.G. Osukhova // Career guidance and psychological support new employment opportunities: report summary. interregional scientific and practical conference / N.G. Osukhova. Moscow: Red Square, 1996. Pp. 103–105.
8. Petrovskaya, L.A. Development of competent communication as one of the areas of providing psychological assistance / L.A. Petrovskaya // Introduction to practical social psychology. Moscow: Smysl, 1996. Pp. 150–164.
9. Shvetsova, M.N. Social and psychological support of a foster family: monograph / M.N. Shvetsova. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2013. 188 p.
10. Dementeva, N.V. Technology of individual work with children and adolescents from single-parent families // Social pedagogy: new research. 2011. No. 6. Pp. 45–47.
11. Bondarenko, A.F. Psychological assistance: theory and practice / A.F. Bondarenko. Moscow: Independent firm "Class", 2001. 336 p.
12. Oskina, O.V. Specifics of the work of a social educator with an incomplete family in a comprehensive school / O.V. Oskina, I.R. Sorokina. Text: direct // Young scientist. 2014. No. 8 (67). P. 850–852.
13. Russia in figures: brief. stat. collection / Rosstat. Moscow, 2024. 446 p.
14. Bobrova, S.G. The problem of incomplete family in modern psychology / S.G. Bobrova, R.S. Khokhlova // Intellectual potential of the XXI century: stages of knowledge. 2013. No. 6. P. 34–37.
15. Bystrova, N.V. Social and psychological characteristics of children from single-parent families / N.V. Bystrova, S.A. Tsyplakova, O.D. Koroteeva // Karelian Scientific Journal. 2018. No. 5. P. 66–71.

«Цифровое государство» как основа устойчивого развития Российской Федерации

Ретинская Вера Николаевна,

к.с.н., доцент кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: bvnp@mail.ru

Загребина Дарья Юрьевна,

магистрант кафедры менеджмента и государственного управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: zagrebinadasha@mail.ru

В статье отмечается, что современное развитие цифровых технологий в глобальном масштабе определяет трансформацию всех сфер общественной жизни, в т.ч. и сферу государственного управления. Определены особенности текущего периода формирования и развития модели цифрового государства на современном этапе развития Российской Федерации. Авторы подчеркивают, что с учетом изменившейся геополитической ситуации и внешнеэкономических санкций, концепция цифрового государства требует усиления действий по обеспечению технологического суверенитета страны как одного из элементов национальной безопасности. В заключении в связи с запуском 1 января 2025 г. нового национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», подчеркивается необходимость его реализации с учетом оценки рисков и достигнутых результатов национального проекта «Цифровая экономика», с упором на технологии искусственного интеллекта, отечественное программное обеспечение и региональные цифровые решения.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое государство, электронные сервисы, цифровые решения, национальный проект, государственное управление.

Одной из особенностей современного этапа развития государства и общества стали ускоренные темпы формирования и распространения информации, все более активным использованием цифровых технологий в самых разных сферах жизнедеятельности общества. Результатом глобальных изменений стало появление терминов «цифровая экономика», «цифровизация», «цифровые технологии», «цифровое государство». При этом несмотря на то, что соответствующие определения возникли достаточно давно (например, понятие «цифровая экономика» возникло еще в середине 90-х гг. XX века), полноценное звучание они получили только с XXI столетия, которое ознаменовалось совершенствованием технических устройств, развитием возможностей сети Интернет, совершенствованием программного обеспечения, созданием различного рода информационных систем и решений. Они стали использоваться для оптимизации управления в области экономики, финансов, организации коммуникации, информационного и технического совершенствования бизнес-процессов, общественного сектора, социальной сферы [5].

Российская Федерация занимает 10-е место в рейтинге Всемирного банка по уровню цифровизации государственного управления, и относится к государствам с самым высоким «А»-рейтингом. Несмотря на то, что сам термин «цифровизация» достаточно давно вошел в научный дискурс, анализ российского законодательства свидетельствует о том, что в нем эта дефиниция присутствует только в рамках ведомственных нормативно-правовых актах и рассматривается как аналог цифрового развития, предполагающий внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий [2]. Причем масштабный процесс цифровизации государственного управления был во многом обусловлен последовательной реализацией различного вида программ и проектов, реализуемых на территории РФ с 2002 года (рис. 1).

Рис. 1. Реализуемые на территории РФ программы и проекты в области цифровизации государственного управления

Результатом реализации этих документов стало формирование цифровой среды, где точкой сбора выступает портал Госуслуг. В настоящее время портал Госуслуг входит в пятерку крупнейших российских экосистем по масштабу трафика, по числу активных пользователей. Цифровые ресурсы стали одним из наиболее востребованных элементов оказания государственных и муниципальных услуг: количество пользователей портала «Госуслуги» увеличилось с 72,3 млн чел. в 2019 году до 110 млн. чел. по итогам 2023 года. По итогам 2023 года в части федерального сегмента от населения

поступило свыше 232 млн. запросов на оказание услуг в электронном формате, при уровне удовлетворенности 4,25 балла. На региональном и муниципальном уровне общее количество поступивших заявлений от граждан на оказание услуг в электронном виде составило свыше 18 млн. запросов. Средний уровень удовлетворенности в данном сегменте находится на отметке 4,45 балла. Эксперты отмечают, что наиболее востребованными у населения оказались такие социально значимые услуги как: запись к врачу, оформление единого пособия на детей, выдача загранпаспорта, обращения с жалобами и ходатайствами в органы государственной власти, регистрация транспортных средств [4].

Информационные системы в области здравоохранения, образования, государственного управления, социального обслуживания значительно повысили качество и уровень жизни населения, стали основой развития дистанционного образования. Вовлечение цифровых технологий в бизнес-среду и управление экономическими процессами способствовали совершенствованию менеджмента, развитию электронной торговли, интернет-банкинга, различных информационных систем для управления кадрами, материально-техническим снабжением, финансами предприятия. Создание государственных информационных систем, официальных сайтов органов государственной власти, цифровых модулей стали основой оказания государственных услуг в электронной форме, повышения качества и эффективности, прозрачности государственного управления [3, с. 545].

В результате как перечисленных направлений деятельности, так и многих других аспектов комплексной работы, электронные сервисы прочно вошли в жизнь современного человека и стали неотъемлемым элементом деятельности в самых различных сферах. Доля домохозяйств Российской Федерации, подключенных к широкополосному Интернету, в период с 2019 по 2023 год увеличилась с 72 до 88%. Общее количество интернет-пользователей в стране составляет около 130 млн. человек, ежедневная аудитория достигает порядка 100 млн. человек. По итогам развития к концу 2023 года уровень цифровой зрелости основных отраслей экономики и социальной сферы достигла 74,7%. При этом важно, что относительно уровня 2022 года данный показатель вырос сразу на 8,9%. Это подтверждает и эффективность реализуемых программ, и востребованность дальнейшей работы по совершенствованию цифровых технологий, повышению уровня информационной безопасности, увеличению количества цифровых решений как для государства, так и для общества [7].

Согласно указу Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» цифровая трансформация является одним из стратегических приоритетов, обеспечивающая устойчивое развитие страны [1]. Это вполне объяснимо, поскольку цифровой мир во многом стирает национальные границы, т.к. цифровая экономика предполагает свободный переток больших объемов данных в минимальный период времени. Данный факт с учетом выдвигает на первый план проблему обеспечения национального технологического суверенитета в условиях внешнеэкономических санкций и противоречивой геополитической ситуации.

С учетом изменившихся условий, а также в связи с завершением в 2024 году национального проекта «Цифровая экономика», в настоящее время готовится к реализации новый национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», который, с учетом достигнутых в сфере цифровизации показателей эффективности, ставит перед собой еще более

амбициозные цели. Отдельные параметры и целевые критерии данного проекта были обозначены главой государства В.В. Путиным в традиционном Послании Федеральному Собранию. Перед проектом поставлены глобальные задачи, связанные с обеспечением экономического роста и качества жизни населения, повышением качества государственных услуг и вовлечения граждан в решение вопросов государственного значения. Планируется формирование и дальнейшее совершенствование на базе отечественных программных решений цифровых платформ в ключевых отраслях национальной экономики и социальной сферы. Реализация проекта запланирована на шесть лет. За это время на его мероприятия предполагается потратить колоссальную сумму – около 700 млрд руб. Одной из основных задач проекта выступает выстраивание комплексной цифровой инфраструктуры, которая будет функционировать с учетом интересов государства и общества, в соответствии с потребностями каждого гражданина, предоставляя при этом услуг проактивно и с максимально возможной эффективностью [6].

Для реализации проекта в настоящее время формируются необходимые условия. На протяжении последних нескольких лет активно развивается отечественная электроника и вычислительная техника, стимулируется разработка отечественного программного обеспечения. С учетом современных информационных рисков и угроз, усилившихся с 2022 года и уже проявивших себя, в частности, в банковском секторе, одним из основных аспектов работы стал объявленный переход на отечественное программное обеспечение. В настоящее время такой переход для государственных органов власти и государственных информационных систем практически завершен. В течение 2024–2026 гг. планируется реализовать аналогичные меры в отношении сначала государственных корпораций, а затем и отечественной бизнес-среды в целом. При этом обновление запланировано для самых разных областей и сегментов программного обеспечения – от приложений для коммуникации до управляющих систем и ресурсов, офисного программного обеспечения. Поддержка отечественных программистов выступает одним из основных направлений готовящегося национального проекта, в связи с чем разработан комплекс мер как по поддержке и стимулированию уже работающих программистов, так и по стимулированию его потенциала в рамках действующей системы профессионального образования в ИТ-сфере.

Отрасль в настоящее время активно поддерживается государством посредством значительного количества льгот, активного субсидирования, выделения грантов. Общий объем дополнительных инвестиций в разработку отечественного программного обеспечения за годы реализации проекта составит около 150 млрд руб. Планируется привлечение как средств государственного бюджета, так и сотрудничество с частными инвесторами. Активным механизмом поддержки должно стать государственно-частное партнерство.

Одним из направлений нового национального проекта станет также совершенствование базы оказания государственных и муниципальных услуг. Запланировано внесение изменений и совершенствование возможностей портала Госуслуг, в результате чего в личном кабинете пользователя будут доступны дополнительные действия, связанные, например, с использованием электронной подписи для заверения документов и заявлений, выдачи и отзыва согласия на обработку электронных данных. Планируется, что в ближайшие три года портал полностью перейдет на проактивный режим, с использованием для ввода данных ботов, голосовых

помощников, перезаполненных на основании уже имеющихся в системе данных заявлений, и в электронном формате будет оказываться более 100 государственных услуг.

В соответствии с тем, что более активное использование цифровых технологий запланировано в различных сферах национальной экономики, логичным является рост потребности в квалифицированных кадрах: предполагается, что к 2030 году около 25 тыс. студентов будут обучаться по прикладным специальностям и программам в ИТ-сфере, 250 тыс. студентов будут обучаться на ИТ-разработчиков [6].

Предполагается, что на основе уже имеющихся достижений с учетом запланированных мероприятий национального проекта обеспечат к 2030 году выход Российской Федерации в первую пятерку стран по уровню цифрового развития. Дальнейшее развитие получают технологии искусственного интеллекта.

Благодаря технологиям искусственного интеллекта будут усовершенствованы базы данных, разработаны новые направления в сфере цифровизации государственного управления, управления финансами, банковского сектора, определены перспективы межведомственного взаимодействия, осуществлена интеграция данных и возможностей государственных информационных систем. Результатом должно стать создание мультимодальных данных и систем с четкими и продуманными алгоритмами связи между ними.

Еще один вызов который, по мнению экспертов, необходимо преодолеть в ближайшее время в целях устойчивого развития страны, связан с необходимостью устранения разрыва уровня цифровизации между регионами-лидерами и отстающими регионами. Традиционными лидерами в цифровизации среди российских субъектов являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Татарстан, Якутия, Новосибирская область. В новом национальном большое внимание уделяется региональным цифровым решениям. Инициатива среди прочего предусматривает создание инфраструктуры вычисления и хранения данных с использованием отечественных оборудования, технологий и программного обеспечения, в том числе облачных платформ, центров обработки данных и вычислительных мощностей.

Таким образом, как результаты уже проделанной работы, так и перспективные направления деятельности, запланированные в рамках реализации нового национального проекта, направлены на охват всех отраслей экономики и сфер жизни населения. Очевидно, что в результате реализации всех перечисленных мероприятий пользу получит и общество, и государство, и все отрасли экономики, и социальная сфера. Одним из перспективных итогов реализации проекта выступает обобщение и закрепление лучших практик разработки цифровых решений для бизнеса, государственного сектора, социальной сферы с их дальнейшей популяризацией и масштабированием. С точки зрения совершенствования внешнеэкономического потенциала речь идет о разработке перспективных направлений экспорта продуктов, продукции и услуг отечественной ИТ-отрасли.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ-2024».
2. Об утверждении разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов

в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Минкомсвязи России от 01.08.2019 № 428. [Электронный ресурс]. Доступ из системы ГАРАНТ-2024.

3. Ватутина Л.А., Злобина Е.Ю., Хоменко Е.Б. Цифровизация и цифровая трансформация бизнеса: современные вызовы и тенденции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2021. – № 4. – С. 545–551.
4. Доклад о реализации Плана деятельности Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на период 2019–2024 годов за 2023 год. [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/9477/> (дата обращения: 10.11.2024).
5. Золаев Э.А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. – 2021. – Том 15. – № 5. – С. 1583–1594.
6. Калмацкий М.В. России запускают нацпроект по цифровой трансформации государства. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2024/05/21/kakie-nashi-kody.html?ysclid=lwl0u55aal680845106> (дата обращения: 13.11.2024).
7. Развитие «цифрового государства» в России к 2023 году. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vz.ru/infographics/2024/3/19/1258301.html?ysclid=lwl0vt71gu854598684> (дата обращения: 10.11.2024).

«DIGITAL STATE» AS THE BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Retinskaya V.N., Zagrebina D.Yu.
Penza State University

The article notes that the modern development of digital technologies on a global scale determines the transformation of all spheres of public life, including the sphere of public administration. The features of the current period of formation and development of the digital state model at the present stage of development of the Russian Federation are determined. The authors emphasize that, given the changed geopolitical situation and foreign economic sanctions, the concept of a digital state requires strengthening actions to ensure the technological sovereignty of the country as one of the elements of national security. In conclusion, in connection with the launch of the new national project «Data economy and digital transformation of the state» on January 1, 2025, the need for its implementation is emphasized, taking into account the risk assessment and the achieved results of the national project «Digital economy», with a focus on artificial intelligence technologies, domestic software and regional digital solutions.

Keywords: digitalization, digital state, electronic services, digital solutions, national project, public administration.

References

1. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036 [Electronic resource]: Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309. Access from the reference and legal system «GARANT-2024».
2. On approval of clarifications (methodological recommendations) for the development of regional projects within the framework of federal projects of the national program «Digital Economy of the Russian Federation»: order of the Ministry of Communications of Russia dated August 1, 2019 No. 428. [Electronic resource]. Access from the GARANT-2024 system.
3. Vatutina L.A., Zlobina E.Yu., Khomenko E.B. Digitalization and digital transformation of business: modern challenges and trends // Bulletin of Udmurt University. Series «Economics and Law». – 2021. – No. 4. – P. 545–551.
4. Report on the implementation of the Activity Plan of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation for the period 2019–2024 for 2023.

- [Electronic resource]. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/9477/> (date of access: 11/10/2024).
5. Zolaev E.A. Digital state as a new stage in the development of society // Creative economy. – 2021. – Vol. 15. – No. 5. – P. 1583–1594.
6. Kalmatsky M. Russia launches national project for digital transformation of the state. [Electronic resource]. – URL: <https://rg.ru/2024/05/21/kakie-nashi-kody.html?ysclid=lwl0u-55aal680845106> (date of access: 11/13/2024).
7. Development of the «digital state» in Russia by 2023. [Electronic resource]. – URL: <https://vz.ru/infographics/2024/3/19/1258301.html?ysclid=lwl0vt71gu854598684> (date of access: 11/10/2024).

Социальная ответственность бизнеса: проблемы концептуального обоснования

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Тема социальной ответственности бизнеса (корпоративной социальной ответственности, КСО) активно разрабатывается уже несколько десятилетий, в ней появляются новые идеи и направления. Однако вопрос о том, почему бизнес в современном мире должен стремиться к социально ориентированной деятельности, все еще порождает дискуссии. В статье рассматриваются такие аспекты этой проблемы, как трудности понимания природы социальной ответственности и необходимость прояснения основы для возникновения данной ответственности. Важными понятиями для обоснования социальной ответственности выступают долг и справедливость. Одним из ключевых аспектов проблемы является вопрос перехода от возможностей фирмы к ее обязанностям (к области должностования). Отмечается, что дальнейшее развитие и укрепление концепции КСО в обществе будет связано в том числе с формированием связного и убедительного обосновывающего дискурса в отношении социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: бизнес и общество, бизнес и государство, социальная справедливость, социальная ответственность, корпоративное гражданство, ответственный бизнес.

За десятилетия развития темы социальной ответственности бизнеса (или корпоративной социальной ответственности) она неоднократно трансформировалась и приобретала вид несколько смягченной проблематики. Так, это проблемное поле формулировалось в таких терминах, как корпоративное гражданство, сознательный капитализм, корпоративная социальная эффективность, тройной результат (the triple bottom line), общая (или совместная) ценность (shared value), интегрированная ценность и др.

В целом, несмотря на наработанный опыт в области развития социальной ответственности, а также определенную институционализацию данного проекта на международном уровне, сама идея корпоративной социальной ответственности по-прежнему остается дискуссионной [1, p.3].

Социальная ответственность бизнеса – это всеобщий призыв к пересмотру или по крайней мере к коррекции самих оснований современного частного сектора, к осознанию той значительной роли, которую играет бизнес в современном мире, а также вытекающих отсюда общественных ожиданий (которые выражаются в терминах ответственности, обязательств, должного и т.д.). Само понятие ответственности – которое неизбежно оказывается связанным с дискурсом обязательств – естественным образом вызывало неприятие представителей частного сектора, уже хотя бы по той причине, что призыв к ответственности бизнеса может расцениваться как известного рода давление на фирмы, ущемление их независимости, возложение на них дополнительных обязанностей и т.п.

В этой связи термин «социальная ответственность» неоднократно пытались заменить более нейтральными и благозвучными для бизнеса понятиями. Однако это не отменяет проблемы обоснования того, почему от бизнеса требуется более ответственное поведение (или почему он должен действовать определенным образом в современных условиях).

В центре концептуальных проблем обоснования социальной ответственности бизнеса находятся, во-первых, сложности понимания самой природы социальной ответственности; во-вторых, это необходимость прояснения оснований для возникновения данной ответственности (или, другими словами, оснований для ее легитимации, оправдания).

Прежде всего, рассмотрим вопрос, что такое социальная ответственность с точки зрения ее формирования и проявления. Социальная ответственность (как и любая другая ответственность) представляет собой связную совокупность отношений, имеющих нормативный (и непосредственно обязывающий) характер. Этот комплекс отношений целенаправленно воздействует на субъекта ответственности, склоняя его (если не прямо принуждая) к определенному виду поведения. Ответственное (как и безответственное) поведение влечет определенные последствия для субъекта. Нормативные представления, регулирующие данное поле отношений, дают возможность участникам этих отношений выносить оценочные суждения, а также действовать на их основе. «Положительно» оцениваемое поведение сопровождается

ется рядом ответных реакций: поощрения, поддержка (хотя бы молчаливая) и т.п. «Отрицательно» воспринимаемая деятельность порождает определенные санкции, начиная с общественного неприятия, морального порицания и др.

Что касается самого характера отношений, входящих в нормативное поле социальной ответственности бизнеса, то их можно разделить на внутренние и внешние. Внутреннее отношение связано прежде всего с деятельностью самого экономического субъекта и отражает его отношение к собственной деятельности, понимание того, что ему следует (или не следует) делать, а также осознание оснований для требуемого поведения (если это действительно ответственное отношение к своей деятельности).

Внешние отношения представляют собой комплекс ожиданий, оценок, решений, действий и т.п. со стороны окружения фирмы, различных социальных групп, а также государства и общества в целом. Некоторые из этих отношений могут быть частично формализованы и институционализированы, что создает определенные правила оценки и реагирования по поводу того или иного поведения.

Такой подход можно назвать реляционной интерпретацией ответственности. Различные напряжения и коллизии, возникающие в контексте отношений между субъектом ответственности и окружением, играют важную роль, так как с их помощью проявляются базисные интуиции, лежащие в основе социального восприятия поведения субъекта. Именно несоответствие этим интуициям и вызывает неприятие и порицание по поводу действий субъекта. Таким образом, реакции социума (особенно негативные) способствуют уточнению того, что общество понимает под «ответственным поведением» и какие экспектации сформировались или формируются в отношении современного бизнеса.

Одним из ключевых аспектов в проблеме понимания природы социальной ответственности оказался вопрос о *добровольности* обязательств, принимаемых ответственным экономическим субъектом. Следует отметить, что в отношении добровольной природы социальной ответственности бизнеса имеются как сторонники, так и противники данной точки зрения. [2], [3, p.18–19].

Принцип добровольности принимаемой фирмами социальной ответственности играет в проблеме обоснования двойственную, осложняющую роль. Прежде всего, данный тезис высвечивает собственно моральный смысл социальной ответственности, что указывает на глубокое и сложное содержание этого понятия, не сводимое, в частности, к юридически понимаемой обязательности. Одновременно добровольность имеет своего рода операционное значение, т.е. обеспечивает возможность субъекта самостоятельно действовать, дает ему право на свободу выбора средств для осуществления ответственного поведения, для направлений деятельности, выбора субъектом собственной траектории для реализации идеи социальной ответственности [2].

С другой стороны, добровольность (понимаемая с противоположной точки зрения, т.е. со стороны субъекта, не стремящегося к социально ответственному поведению) оставляет пространство для ускользания от ответственности за счет подчеркивания сугубо *необязательного* характера предполагаемых требований к поведению экономического субъекта.

Однако в защиту добровольности следует добавить следующее важное обстоятельство. Разумно ожидать, что для добровольной деятельности характерны большая осмысленность и отдача, чем для активности по принуждению. Как правило, добровольно принятые

субъектом обязательства свидетельствуют о высоком уровне мотивации, что проявляется (в процессе деятельности) в определенной эмоциональной вовлеченности, заинтересованности, личностном вкладе в выполняемую работу и т.п.

В целом обязательность уже присутствует в самом понятии ответственности, но в разных контекстах это может иметь разную степень силы – от ожидаемых и поощряемых обществом действий до социально обусловленной необходимости.

Таким образом, проблема добровольности остается сложным и тонким вопросом, особенно с точки зрения формирования действенной государственной политики поддержки и развития социальной ответственности бизнеса. По всей видимости, оптимальное решение этой проблемы состоит в том, чтобы формализованные, регулируемые государством обязательства бизнеса оставались минимальными и налагались лишь в тех социально значимых случаях, когда без этого нельзя обойтись (защита прав потребителей, охрана окружающей среды, охрана общественного здоровья и др.).

Не менее сложной является проблема прояснения оснований возникновения социальной ответственности. С точки зрения моральных понятий, наиболее тесно связанных с данной проблемой, на первый план можно выдвинуть концепты справедливости и долга.

На современном этапе восприятие и обсуждение вопросов справедливости в обществе является довольно обостренным (примером может служить хотя бы тема гендерной справедливости). Сверхвысокие доходы успешных корпораций в контексте социальной справедливости могут сегодня рассматриваться как оправданные лишь в том случае, если экономический субъект получает их как вознаграждение за высокую общественную ценность, создаваемую его деятельностью, а не как выгоду за счет эксплуатации общественных потребностей и проблем (например, таких, как потребность в продовольствии, жилье, связи и т.д.).

В прежних взаимоотношениях бизнеса и общества было, условно говоря, достаточно уплаты налогов. Налог традиционно расценивался как некая «плата» государству и обществу, при наличии которой отношения бизнеса с обществом (или государством) считались вполне улаженными. Однако на современном этапе «откупиться» от общества явно недостаточно. Напротив, такая сугубо финансовая форма расчетов демонстрирует и даже закрепляет обособленное положение бизнеса в обществе. И это обособленное (и в ряде аспектов привилегированное) положение не создает справедливых отношений с обществом, не легитимизирует частную инициативу в целом.

Между тем, легитимное (в широком смысле) положение бизнеса в обществе является неременным условием для успешных частных инициатив вообще.

Так, Дж.Д. Рендторфф рассматривает легитимность бизнеса как базисную концепцию философии менеджмента; корпорации должны стремиться к обеспечению легитимности, чтобы иметь возможность существовать и процветать в обществе. Дж.Д. Рендторфф обсуждает различные формы легитимации бизнеса (корпорация должна быть ответственной экономически и юридически, социально и этически и др.). [4, p. 45–60]

Понятие долга (профессионального и общественно-го) тоже активно используется в дискурсе обоснования социальной ответственности [5, p. 129–130]. Понимание долга в отношении экономических субъектов вытекает из исходного тезиса о том, что бизнес тоже является частью общества. Фирмы пользуются совокупностью экономических прав и свобод (например, право на об-

ладание крупной собственностью, финансами и др.), гарантий, а также в ряде случаев государственной поддержкой. Однако, обеспечивая надлежащие условия для частной деятельности, государственные установления воздвигают определенную границу между бизнесом и остальным обществом.

В этом смысле понятие долга «возвращает» экономического субъекта в общественную жизнь; понятие гражданского долга (и шире говоря, гражданства *per se*) означает активную позицию фирмы в отношении общественных проблем – как ближайших, так и более общих (вплоть до глобальных). Иными словами, фирма, осознающая свое гражданское предназначение, выступает в качестве коллективного «сознательного гражданина».

Эта линия обоснования социальной ответственности бизнеса реализуется сегодня в развернутом и хорошо разработанном виде в терминах корпоративного гражданства (*corporate citizenship*).

Корпоративное гражданство – одно из относительно новых направлений в разработке тематики социальной ответственности бизнеса (появившееся в 90-е гг. XX в.) [6], [7]. Одни авторы рассматривают корпоративное гражданство как активное участие ответственного бизнеса в общественной жизни (в том числе на глобальном уровне) [8], [9]. В других работах акцентируется несколько заузженный смысл данной концепции, а именно политическая деятельность корпораций, их роль как крупных современных политических акторов [10].

Таким образом, посредством понятий справедливости и долга можно приблизиться к прояснению оснований для возникновения социальной ответственности, которые тесно связаны с пониманием единства частного сектора и остального общества.

Однако в реальности имеется не просто обособленность бизнеса в смысле особого характера, или специфики, отличающей бизнес от других секторов (государства и третьего сектора). В действительности мы имеем исключительное положение бизнеса в современном обществе, которое, собственно, и порождает причины для высокого уровня общественных ожиданий в отношении принятия фирмами требований социальной ответственности, гражданской сознательности и т.д. (И наоборот: несоответствие ожиданиям общества воспринимается как ярко выраженная социальная несправедливость, морально недопустимая деятельность и т.п.).

Это особое положение бизнеса тесно связано с огромным потенциалом (экономическим, финансовым, технологическим, инновационным и др.) и даже власти, которыми обладает бизнес в современном мире (особенно крупные корпорации) [11, р. 324–325], [12, р. 61–64]. И здесь возникает сложная проблема перехода от возможного к должному, которая не имеет однозначного решения; это одна из основополагающих проблем, относящихся к концептуальным основаниям социальной ответственности.

Так, в дискуссиях на тему корпоративной социальной ответственности часто упоминается «железный закон» ответственности (*iron law of responsibility*) – у кого больше власти, тот несет и больше ответственности [13]. Или, точнее, принцип, утверждающий, что социальная ответственность бизнеса должна быть соизмерима с его властью [14, р. 71]. Однако данный тезис, сформулированный К. Дэвисом, представляет собой лишь предварительный ориентировочный принцип, поскольку в нем не поясняется, что значит «больше», как можно более точно оценить величину власти и ответственности, как сделать их соразмерными, и, наконец, *почему* субъект, обладающий большими возможностями должен нести больше ответственности. Таким образом, этот принцип,

интуитивно верный, на самом деле только запутывает проблемы обоснования.

Сама логика перехода от возможности к ответственности (или обязанностям) весьма неочевидна (особенно если исходить из добровольной природы социальной ответственности, о чем речь шла выше). Обоснование этого перехода не имеет простого вида и базируется на комплексе различных соображений.

Огромный потенциал бизнеса в современном мире, с одной стороны, обеспечивает реалистичность, выполнимость разумных требований и ожиданий социальной ответственности бизнеса со стороны общества. С другой стороны, этот же потенциал, не использованный во благо общества (а реализованный лишь в собственных интересах бизнеса или, тем более, приносящий вред обществу), порождает глубокое общественное неприятие, порицание, чувство несправедливости, враждебность к частному сектору вообще. Соответственно, корпоративная власть, не уравновешенная ответственностью, воспринимается как социально несправедливая диспропорция.

Разрешение трудности, связанной с переходом от возможного к должному, следует искать на основе различения уровней рассмотрения данной проблемы. В самом деле, в индивидуальных случаях вряд ли можно четко сформулировать, какой объем ответственности в конкретной ситуации проистекает из объема возможностей, влияния, власти экономического субъекта.

Однако на уровне массовых тенденций, когда уже имеются многочисленные образцы ответственного поведения, те или иные индивидуальные случаи отклонения компаний от ожидаемых форм поведения (или полное игнорирование ими этих ожиданий) будут подвергаться различным видам порицания. Разумеется, комплексное общественное неприятие деятельности того или иного экономического субъекта неминуемо отразится на многих параметрах его деятельности.

Это можно выразить и следующим образом: с общим развитием контекста взаимодействия бизнеса и общества преодолевается некий порог (перехода возможного в должное), «ниже» которого бизнес был существенно обособлен от общества. В итоге то, что было (лишь) возможным, становится социально ожидаемым и даже обязательным, и невыполнение экономическим субъектом вполне доступных для него социально ориентированных действий расценивается как безответственное.

В этом комплексном развитии контекста отношений бизнеса и общества социальные ожидания, образцы должного поведения, требования постепенно стабилизируются и закрепляются на уровне различных норм (писанных и неписанных). Таким образом, общий ход общественного развития (включая экономические, технологические, культурные, правовые и др. компоненты) постепенно преобразует область возможных действий фирм в область желаемого, ожидаемого и должного. Сам реляционный контекст формирования и регуляции социальной ответственности бизнеса способствует становлению и принятию новых отношений частного сектора и остального общества.

Проблема концептуального обоснования социальной ответственности бизнеса содержит в себе немало теоретических трудностей. Будущее данной идеи будет зависеть в том числе от того, насколько удастся создать развернутый и убедительный дискурс, обосновывающий и развивающий концепцию социальной ответственности – дискурс, который будет отражаться в общественном сознании, мировоззрении экономических субъектов, системе образования для бизнеса и для государственного управления, праве, государственной политике

поощрения социальной ответственности бизнеса и др., т.е. будет иметь конкретные практические проявления и приложения.

Литература

1. Corporate Social Responsibility: Challenges, Opportunities and Strategies for 21st Century Leaders / Okpara J.O., Idowu S.O. (Eds.). Springer, 2013
2. Ушаков Е.В. Социальная ответственность бизнеса: роль направляющего контекста в формировании ответственного поведения фирмы. Социально-гуманитарные знания. 2024. № 10. С. 99–103.
3. Hopkins M. CSR and Sustainability: From the Margins to the Mainstream: A Textbook. Routledge, 2016
4. Responsibility and Governance: The Twin Pillars of Sustainability / Crowther D., Seifi Sh., Wond T. (Eds.). Springer, 2019
5. Handbook of research on business ethics and corporate responsibilities / Palmer D.E. (Ed.). Business Science Reference, 2015
6. Moon J., Crane A., Matten D. Can corporations be citizens? Corporate citizenship as a metaphor for business participation in society. Business Ethics Quarterly, 2005, 15(3): 429–453
7. Wood D. J., Logsdon J.M. Business citizenship as metaphor and reality. Business Ethics Quarterly, 2008, 18(1): 51–59.
8. McIntosh M., Thomas R., Leipziger D., Coleman G. Living Corporate Citizenship: Strategic Routes to Socially Responsible Business. Pearson Education, 2002
9. Zadek S. The civil corporation: The new economy of corporate citizenship. Sterling, VA: Earthscan, 2001.
10. Corporate Citizenship and New Governance: The Political Role of Corporations. / Pies I., Koslowski P. (Eds.). Springer, 2011
11. A Handbook of Corporate Governance and Corporate Social Responsibility / Aras G., Crowther D. (Eds.). Gower Publishing, 2010.
12. The Debate over Corporate Social Responsibility / May S.K., Cheney G., Roper J. (Eds.). Oxford University Press, 2007
13. Davis K. Blomstrom R.L. Business and its environment. New York: McGraw-Hill, 1966.
14. Davis K. Can business afford to ignore social responsibilities? California Management Review, 1960, 2(3): 70–76

SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS: ISSUES OF CONCEPTUAL JUSTIFICATION

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA St. Petersburg)

The theme of business social responsibility (corporate social responsibility, CSR) has been actively developed for several decades, new ideas and directions are emerging in it. At the same time, the question of why business in the modern world should strive for socially oriented activities remains insufficiently clarified. The article discusses such aspects of this problem as the difficulties of understanding the nature of social responsibility and the need to clarify the basis of the emergence of this responsibility. Important concepts that serve to justify social responsibility are duty and justice. One of the key points of this problem is the issue of the transition from the capabilities of the company to its responsibilities (to the area of duty). It is noted that the further development and strengthening of the CSR concept in society will be associated, among other things, with the formation of a coherent and convincing justifying discourse on the social responsibility of business.

Keywords: business and society, business and the state, social justice, social responsibility, corporate citizenship, responsible business.

References

1. Corporate Social Responsibility: Challenges, Opportunities and Strategies for 21st Century Leaders / Okpara J.O., Idowu S.O. (Eds.). Springer, 2013
2. Ushakov E.V. Social responsibility of business: the role of the guiding context in shaping the responsible behavior of the company. Social and humanitarian knowledge. 2024. № 10. P. 99–103
3. Hopkins M. CSR and Sustainability: From the Margins to the Mainstream: A Textbook. Routledge, 2016
4. Responsibility and Governance: The Twin Pillars of Sustainability / Crowther D., Seifi Sh., Wond T. (Eds.). Springer, 2019
5. Handbook of research on business ethics and corporate responsibilities / Palmer D.E. (Ed.). Business Science Reference, 2015
6. Moon J., Crane A., Matten D. Can corporations be citizens? Corporate citizenship as a metaphor for business participation in society. Business Ethics Quarterly, 2005, 15(3): 429–453
7. Wood D. J., Logsdon J.M. Business citizenship as metaphor and reality. Business Ethics Quarterly, 2008, 18(1): 51–59.
8. McIntosh M., Thomas R., Leipziger D., Coleman G. Living Corporate Citizenship: Strategic Routes to Socially Responsible Business. Pearson Education, 2002
9. Zadek S. The civil corporation: The new economy of corporate citizenship. Sterling, VA: Earthscan, 2001.
10. Corporate Citizenship and New Governance: The Political Role of Corporations. / Pies I., Koslowski P. (Eds.). Springer, 2011
11. A Handbook of Corporate Governance and Corporate Social Responsibility / Aras G., Crowther D. (Eds.). Gower Publishing, 2010.
12. The Debate over Corporate Social Responsibility / May S.K., Cheney G., Roper J. (Eds.). Oxford University Press, 2007
13. Davis K. Blomstrom, R.L. Business and its environment. New York: McGraw-Hill, 1966.
14. Davis K. Can business afford to ignore social responsibilities? California Management Review, 1960, 2(3): 70–76

Шевляков Дмитрий Сергеевич,

аспирант, МОАУ ВО «Воронежский институт экономики
и социального управления»

E-mail: d.shevliakov@molvest.ru

В статье рассмотрена проблематика функционирования механизмов обратной связи с населением как формы деятельности депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью повышения качества взаимодействия между законодательной ветвью власти и гражданами в условиях растущего запроса на открытость, транспарентность государственных институтов. Действенный и оперативный отклик на обращения, запросы способствует укреплению доверия населения к властным структурам, а также повышению результативности принимаемых управленческих решений. Целью исследования служит выявление проблем, расхождений в существующих механизмах обратной связи, а также обоснование направлений их совершенствования – с применением современных технологий, зарекомендовавших себя социальных подходов. В процессе анализа были выявлены ключевые противоречия: структурные недостатки коммуникации, правовые ограничения, разрыв между ожиданиями граждан и практикой работы депутатов. Авторы, освещающие тему, предлагают различные пути оптимизации – от внедрения IT-технологий до улучшения организационной структуры, повышения профессионализма парламентариев. Относительно перспективных направлений налаживания обратной связи сформулирован авторский взгляд. Удалось прийти к выводу, что требуется системный подход, включающий развитие цифровых платформ, усовершенствование правовых механизмов, повышение качества функционирования структур по связям с общественностью. Материал будет полезен депутатам, их помощникам, политологам, юристам, исследователям, изучающим специфику взаимодействие власти и общества.

Ключевые слова: Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, депутаты, доверие, обратная связь, парламент, правовая ответственность, технология, эффективность

Введение

Деятельность депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (ГД ФС РФ) неизбежно сопряжена с необходимостью взаимодействия с гражданами. На фоне трансформации и усиления общественного запроса на транспарентность, а также подотчётность власти, обратная связь приобретает особое значение – прежде всего, как механизм, который обеспечивает взаимное понимание между законодательной ветвью властных структур и обществом.

Базовый целевой ориентир в рассматриваемой области заключается в формировании конструктивного диалога, в рамках которого народные избранники не только доводят до граждан суть инициатив (в правовом поле), но и получают от населения сведения, позволяющие корректировать деятельность в общественных интересах общества. Рассмотрим ключевые аспекты данной работы, её формы и влияние на эффективность парламентаризма.

Проблема исследования заключается в том, что в современных условиях взаимодействие между государственными структурами и гражданским обществом требует продуктивных механизмов обратной связи, что не во всём отражается в практической плоскости. Работа депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации нередко сталкивается с вызовами, которые сопряжены с отсутствием системного подхода к получению, обработке, учёту мнения граждан. Это приводит к снижению доверия населения к власти, к недостаточной результативности принимаемых решений.

Методы и материалы

При подготовке статьи использованы методы сравнения, анализа статистической информации, синтеза, классификации, обобщения. В научных публикациях, материалах по теме охватывается множество вопросов, связанных с механизмами взаимодействия парламентариев с гражданами, правовой ответственностью, применением новейших технологий в целях усовершенствования этой работы.

Так, А.М. Белявский и М.Е. Тумаш анализируют переписку граждан с депутатами как диспропорциональную бинарную оппозицию «письмо – чтение», подчёркивая структурные недостатки системы коммуникации, которые затрудняют восприятие, обработку запросов [1]. Е.В. Пивкина подробно рассматривает нюансы функционирования структур по PR Государственной Думы, выделяя ключевые проблемы, сопряжённые с недостаточной координацией [7]. А.А. Васильев акцентирует внимание на значимости «близости к народу» в деятельности депутатов, раскрывая социальные ожидания людей, а также степень их удовлетворённости работой парламентариев [2]. М.М. Назаров, В.Н. Иванов и Е.А. Кублицкая исследуют роль медиа в формировании доверия населения к институтам власти [5]. А.Т. Докторова обращается к проблематике конституционно-правовой ответственности депутатов, выделяя ключевые аспекты механизмов, которые обеспечивают их подотчётность [3]. Ш.Б. Ша-

хов и М.Г. Гусайниев освещают содержание и специфику конфликта интересов, особенно в контексте выполнения представительских функций [10]. М.В. Смоларов даёт характеристику внедрению IT-технологий как способу повышения эффективности труда депутатов, высвечивая их значение для обработки обращений, взаимодействия с гражданами [9]. Онлайн-ресурсы (официальный сайт ГД [4] и её приёмная [8]) предоставляют практическую информацию, статистические сводки, инструкции, но требуют дальнейшей модернизации. И.С. Палитай и С.В. Викулина проводят политико-психологический анализ молодого поколения депутатов, отмечая их высокий личностный потенциал, готовность к использованию новейших подходов в общении с населением [6].

Итак, современная литература с содержащимися в ней изысканиями демонстрирует значительный интерес авторов к изучению разных аспектов обратной связи между депутатами и гражданами. Однако между исследователями наблюдаются противоречия: одни делают упор на структурных и правовых проблемах, другие фокусируются на технологических, психологических сторонах. Недостаточно освещёнными остаются вопросы комплексного анализа продуктивности взаимодействия, сравнительного изучения национальных и международных практик, а также долгосрочных последствий недостаточной обратной связи для устойчивости института парламентаризма.

Результаты и обсуждение

С теоретических позиций целесообразно охарактеризовать обратную связь через призму инструментария повышения эффективности парламентаризма. Она представляет собой процесс получения информации от населения, которая задействуется депутатами для принятия обоснованных решений. Она играет роль индикатора, отражающего актуальные социальные, экономические, политические вызовы [7].

Одним из важнейших свойств рассматриваемой связи служит способность выявлять пробелы в законодательстве, разного рода недостатки в реализации нормативных актов, несоответствия ожиданиям людей. Например, в сфере социальной политики депутаты, анализируя обращения граждан, определяют, насколько результативно функционируют механизмы поддержки малообеспеченных слоёв.

Вместе с тем, характеризующиеся в статье процессы обеспечивают формирование доверия к депутатскому корпусу. Активное взаимодействие с избирателями снижает риск возникновения напряжённости, содействуя укреплению гражданской идентичности, вкупе с вовлечённостью населения в общественно-политическую жизнь.

Из анализа статистики обращений обнаруживается, что большее их количество за последние годы приходилось на первый и последний кварталы, что отражено на рисунке 1.

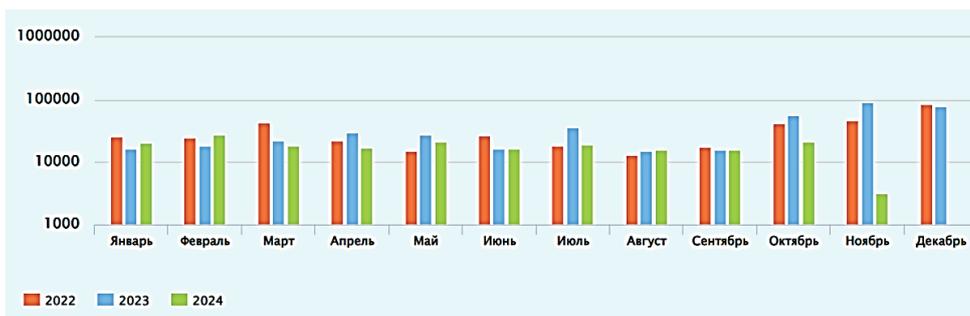

Рис. 1. Распределение количества обращений, которые поступили в электронную приемную ГД ФС РФ (на 07.11.2024) [8]

При этом, если рассматривать структурный аспект Государственной Думы, то именно депутаты являются

наиболее частыми адресатами обращений, что показано на рисунке 2.

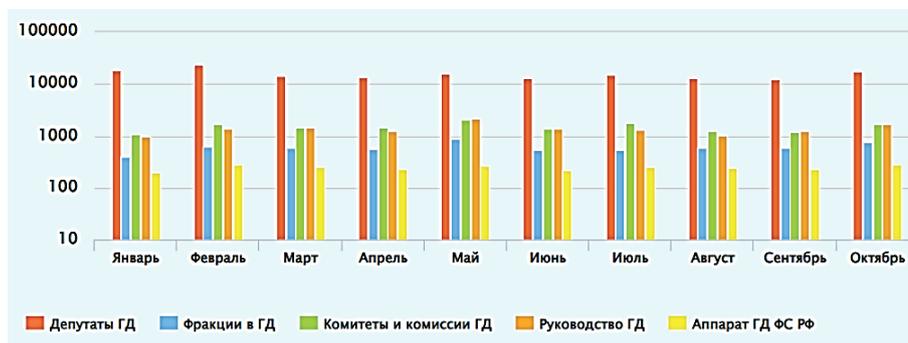

Рис. 2. Распределение обращений в 2024 году (виды адресатов ГД ФС РФ) [8]

При оценке обращений в разрезе фракций выявляется, что почти половина из них на начало ноября 2024 года пришлась на партии «Единая Россия» (25%) и «Справедливая Россия» (24%). Более детализированное распределение продемонстрировано на рисунке 3.

В качестве наиболее частых тем, по которым обращаются в Государственную Думу, выступают вопросы социальной сферы, экономики, политики, обороны, без-

опасности, жилищно-коммунального хозяйства. Граждане также активно направляют отклики на обсуждаемые и готовящиеся к принятию законопроекты, предложения касательно внесения изменений в действующую нормативно-правовую базу [4].

Депутаты используют разнообразные формы обратной связи, которые следует классифицировать по ряду критериев: способ коммуникации, охват аудитории, регулярность [1, 3, 6, 10].

Рис. 3. Распределение обращений по фракциям (на 07.11.2024) [8]

Так, традиционный вариант взаимодействия, в рамках которого граждане имеют возможность лично обратиться к депутату с вопросами, жалобами либо предложениями, несмотря на временные и ресурсные ограничения, остаётся эффективной, поскольку позволяет наладить непосредственный контакт с избирателями.

Задействование современных технологий, в том числе, социальные сети, официальные сайты, электронные почтовые ящики, позволяет существенно расширить аудиторию. Онлайн-опросы, публикации отчётов о выполненной работе, прямые эфиры предоставляют доступ к актуальной информации.

В свою очередь, проведение открытых мероприятий (в частности, подразумеваются обсуждения законопроектов) является эффективным инструментом коллективного взаимодействия с избирателями. Соответствующие шаги и форматы помогают формировать представление о наиболее острых проблемах региона; они получают широкое освещение в СМИ.

Существуют различные способы направить обращение в Государственную Думу, не посещая её приемную: отправить по почте, подать через Интернет. Их можно адресовать как конкретным депутатам, так и во фракции и непосредственно в ГД. Персональные данные граждан хранятся и обрабатываются в Государственной Думе с соблюдением требований законодательства. При составлении необходимо: в письменном обращении указать фамилию, имя, отчество, почтовый адрес для

ответа, поставить подпись и дату; в электронной версии – ФИО, адрес e-mail. К обращению прикладываются необходимые документы, материалы. Важно отчётливо формулировать суть предложения, жалобы, вопроса, какие именно права и интересы нарушены и т.п. Создав личный кабинет на сайте Приемной Государственной Думы, гражданин сможет отслеживать стадии обработки обращения. Срок рассмотрения при правильном оформлении составляет 30 дней (отсчёт ведётся с момента регистрации) [4].

Несмотря на очевидные преимущества, система обратной связи с населением в нынешних условиях сталкивается с рядом трудностей, которые систематизированы на рисунке 4.

Рис. 4. Типы ограничений функционирования системы обратной связи (составлено автором на основе [2, 9])

Так, работа с большим количеством обращений требует значительных временных, кадровых затрат. Нередко возникают ситуации, когда депутаты не успевают качественно обработать все запросы, что снижает результативность взаимодействия.

Иногда описываемые механизмы превращаются в формальность: ответы гражданам становятся шаблонными, они не содержат конкретные сведения, решения. Это не только снижает доверие к депутату, но и подрывает престиж законодательной власти в целом.

В дополнение к отмеченному, актуализируется проблематика информационных барьеров. Многие люди, особенно в отдалённых регионах, испытывают сложности с доступом к современным средствам коммуникации. Это существенно сужает возможности депутатов в построении полноценного диалога.

Для того, чтобы обратная связь стала по-настоящему действенным инструментом, необходимо предпринять ряд мер. И по этому вопросу в данной статье сформулирован авторский взгляд, который отражён в таблице 1.

Таблица 1. Рекомендации по оптимизации обратной связи с населением как формы работы депутатов ГД ФС РФ (составлено автором)

Предложение	Описание	Ожидаемые результаты
1. Усовершенствование единого цифрового портала для обратной связи	Организация централизованной платформы, где граждане оставляют обращения, жалобы, предложения.	Повышение доступности коммуникации, ускорение обработки, укрепление доверия.
2. Регулярное проведение онлайн- и офлайн-встреч с избирателями	Запланированные мероприятия с использованием видеоконференций, личных встреч в округах.	Усиление взаимодействия, учет актуальных проблем граждан, укрепление репутации депутатов.
3. Анализ типовых обращений для формирования приоритетных направлений работы	Задействование аналитических инструментов в целях выделения наиболее частых проблемных зон, затрагивающих избирателей.	Оптимизация законотворческой деятельности, адресное решение проблем.
4. Обучение депутатов и их помощников навыкам эффективной коммуникации	Проведение тренингов по публичным выступлениям, ведению переговоров, управлению конфликтами.	Повышение качества общения с гражданами, снижение числа спорных ситуаций.

Предложение	Описание	Ожидаемые результаты
5. Развитие социальных сетей как канала взаимодействия	Ведение активных аккаунтов в популярных платформах с регулярным информированием избирателей, сбором их мнений.	Расширение охвата аудитории, повышение прозрачности деятельности депутатов.
6. Организация регулярных опросов и анкетирования населения	Проведение исследований для выявления настроений, потребностей людей.	Актуализация работы на основе данных, формирование устойчивой связи с обществом.
7. Усиление механизмов через общественные приемные	Обеспечение действенной работы приемных, увеличение их числа в округах.	Улучшение доступности для всех категорий населения, повышение уровня доверия.

Итак, для достижения максимальной эффективности работы депутатов Государственной Думы РФ с населением необходимо внедрить подход, опирающийся как на цифровые инструменты, так и на усиление личного взаимодействия. Воплощение в жизнь описанных рекомендаций поспособствует укреплению доверия со стороны граждан к законодательной власти, более точному учету их потребностей, а также повышению прозрачности функционирования.

Выводы

Обратная связь с населением – это не только инструмент информирования граждан, но и механизм совершенствования деятельности законодательной власти. Эффективное взаимодействие с избирателями позволяет депутатам глубже понимать потребности общества, что содействует принятию взвешенных, аргументированных решений, укреплению доверия.

Вместе с тем, ограниченные ресурсы, формальный подход, информационные барьеры становятся сдерживающими факторами, на которые требуется обратить пристальное внимание на пути оптимизации.

В целях достижения максимальной результативности рекомендуется сочетать традиционные формы характеризуемой связи с инновационными методами, обеспечивая при этом доступность, максимальную открытость взаимодействия. Только в таком случае описываемый механизм и соответствующий инструментарий смогут выполнить свою основную задачу – стать базисом диалога между народом и его представителями.

Литература

1. Белявский А.М. «Обращается к вам ваш избиратель...»: переписка граждан с депутатами как пример диспропорциональной бинарной оппозиции «письмо – чтение» / А.М. Белявский, М.Е. Тумаш // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития. Материалы XVI Белорусско-Российской научной конференции. – Москва: 2023. – С. 68–74.
2. Васильев А.А. «Близость к народу» депутатов Государственной Думы Российской Федерации / А.А. Васильев // Научная мысль: перспективы развития. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. – Армавир: 2023. – С. 134–137.
3. Докторова А.Т. Вопросы конституционно-правовой ответственности депутатов перед населением / А.Т. Докторова // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 10 (137). – С. 98–99.
4. Как направить обращение депутату Государственной Думы: пошаговая инструкция // URL: <http://duma.gov.ru/news/48261/> (дата обращения: 07.11.2024).

5. Назаров М.М. Медиа, институты и доверие российских граждан / М.М. Назаров, В.Н. Иванов, Е.А. Кублицкая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 277–288.
6. Палитай И.С. Личностный и профессиональный потенциал молодых депутатов Государственной Думы: политико-психологический анализ / И.С. Палитай, С.В. Викулина // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 6. – С. 69–82.
7. Пивкина Е.В. Анализ деятельности структур по связям с общественностью Государственной Думы Российской Федерации / Е.В. Пивкина // Вестник Московского института государственного управления и права. – 2020. – № 1 (29). – С. 31–40.
8. Приёмная Государственной Думы // URL: https://priemnaya.duma.gov.ru/ru/stat_page/all/ (дата обращения: 07.11.2024).
9. Смоляров М.В. Использование IT-технологий для улучшения эффективности работы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ / М.В. Смоляров // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий. Сборник докладов VI Московского юридического форума. – Москва: 2019. – С. 265–269.
10. Шахов Ш.Б. Проблемы конфликта интересов в статусе депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации / Ш.Б. Шахов, М.Г. Гусайниев // Закон и право. – 2020. – № 6. – С. 59–61.

FEEDBACK FROM THE POPULATION AS A FORM OF WORK OF DEPUTIES OF THE STATE DUMA OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Shevlyakov D.S.

Voronezh Institute of Economics and Social Management

The article examines the problems of the functioning of feedback mechanisms with the population as a form of activity of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The relevance of the research topic is due to the need to improve the quality of interaction between the legislative branch of government and citizens in the context of a growing demand for openness and transparency of state institutions. An effective and prompt response to appeals and requests contributes to strengthening public confidence in government structures, as well as improving the effectiveness of management decisions. The purpose of the study is to identify problems, discrepancies in existing feedback mechanisms, as well as to substantiate the directions for their improvement using modern technologies and proven social approaches. In the course of the analysis, key contradictions were identified: structural shortcomings of communication, legal restrictions, the gap between the expectations of citizens and the practice of deputies. The authors covering the topic suggest various ways of optimization – from the introduction of IT technologies to improving the organizational structure, increasing the professionalism of parliamentarians. The author's view is formulated regarding promising areas for establishing

feedback. It was possible to come to the conclusion that a systematic approach is required, including the development of digital platforms, improvement of legal mechanisms, and improvement of the quality of functioning of public relations structures. The material will be useful to deputies, their assistants, political scientists, lawyers, researchers studying the specifics of the interaction between government and society.

Keywords: State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, deputies, trust, feedback, parliament, legal responsibility, technology, efficiency

References

1. Belyavsky A.M. "Your voter appeals to you ...": correspondence of citizens with deputies as an example of a disproportionate binary opposition "writing – reading" / A.M. Belyavsky, M.E. Tumash // Modern problems of book culture: main trends and prospects of development. Materials of the XVI Belarusian-Russian Scientific Conference. – Moscow: 2023. – pp. 68–74.
2. Vasiliev A.A. "Proximity to the people" of deputies of the State Duma of the Russian Federation / A.A. Vasiliev // Scientific thought: prospects for development. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. – Armavir: 2023. – pp. 134–137.
3. Doktorova A.T. Issues of constitutional and legal responsibility of deputies to the population / A.T. Doktorova // Eurasian Law Journal. – 2019. – No. 10 (137). – Pp. 98–99.
4. How to send an appeal to a deputy of the State Duma: step-by-step instructions // URL: <http://duma.gov.ru/news/48261> / (date of address: 07.11.2024).
5. Nazarov M.M. Media, institutions and trust of Russian citizens / M.M. Nazarov, V.N. Ivanov, E.A. Kublitskaya // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2019. – Vol. 19. – No. 2. – pp. 277–288.
6. Palitai I.S. Personal and professional potential of young deputies of the State Duma: a political and psychological analysis / I.S. Palitai, S.V. Vikulina // Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. – 2020. – No. 6. – pp. 69–82.
7. Pivkina E.V. Analysis of the activities of public relations structures of the State Duma of the Russian Federation / E.V. Pivkina // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. – 2020. – No. 1 (29). – Pp. 31–40.
8. Reception of the State Duma // URL: https://priemnaya.duma.gov.ru/ru/stat_page/all / (date of address: 07.11.2024).
9. Smolyarov M.V. The use of IT technologies to improve the efficiency of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation / M.V. Smolyarov // Institute of Human Rights Commissioners in the system of constitutional guarantees. Collection of reports of the VI Moscow Legal Forum. – Moscow: 2019. – pp. 265–269.
10. Shakhov Sh.B. Problems of conflict of interests in the status of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation / Sh.B. Shakhov, M.G. Gusainiev // Law and Legal. – 2020. – No. 6. – pp. 59–61.

Учебная дисциплина «Основы российской государственности» и формирование в сознании обучающихся образа России как ценности

Шинкевич Владимир Ефимович,

д.с.н., доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России, профессор кафедры социологии Института педагогики психологии и социологии Сибирского федерального университета
E-mail: vlashink@yandex.ru

В данной статье дается оценка первого опыта преподавания учебной дисциплины «Основы российской государственности» в высших образовательных организациях с учетом реализации основных нормативных документов Российской Федерации, направленных на сохранение традиционных ценностей, углубленное изучение истории не только России, но и малой родины обучающихся. Автор делает акцент как на значимость новой учебной дисциплины для актуализации ценности исторического сознания, так и на ее роли и месте при формировании у обучающихся осознанного отношения к Отечеству, личной ответственности за судьбу России.

Ключевые слова: Россия, отечество, государственность, патриотизм, традиционные ценности.

События, связанные с началом специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, наглядно показали слабость отечественной, считай государственной, системы воспитания молодежи, ущербности принятого в начале 1990-х гг. западного контента формирования российского человека новой либеральной формации, воспитательного контента, в общем-то чуждого, традиционным ценностям российскому многонациональному и многоконфессиональному народу.

Осознание обществом и органами политического управления явных пробелов не только в организации, но и в самой системе воспитания постсоветского периода, что наглядно проявилось в отношении части населения к специальной военной операции и ее оценках, от полной отстраненности и невосприимчивости возможной опасности для себя и своих близких, до массовых фобийных явлений и как следствие стремление молодежи покинуть пределы России в период проведения мероприятий по ограниченной мобилизации и пр., потребовало принятия соответствующих мер по формированию исторического сознания, патриотизма и осознания личной ответственности за судьбу России, за сохранение ее суверенности, самобытности и самостоятельности на идеологическом уровне.

В первое десятилетие постсоветского периода, на опыте всеобщего дефицита, предметов не только роскоши, но и первой второй, и прочей необходимости, восьмидесятых, и контраста жизни на Западе, по многим параметрам не в пользу советской действительности, проявились скептические настроения относительно ценности отечественных перспектив, возвеличивание космополитизма [6]. Многие, выстраивая проекты будущего, очень часто увлекались отбрасыванием «устоявшегося, традиционного», навешиваем всевозможных ярлыков на тех, кто не желал идти «в ногу», не вписывался в сообщество новых прозападных энтузиастов (а нередко и просто проходимцев, ловкачей, конъюнктурщиков и пр.) нарождающегося нового времени.

Открыто приняв в 90-х годах западные ценности и западную культуру, мы как-то растеряли, а молодое поколение так и не сформировало, чувство гордости за свою землю, свой народ, свое государство. Как анахронизм воспринималась в сознании нарождающегося поколения строителей новой России личная ответственность и сопричастность к социальным, экономическим, научно-техническим практикам, реализуемым ранее на всей территории Советского Союза, инициируемым государством и поддержанным молодежным сообществом под разрекламированным брэнтом «комсомольская ударная стройка» (первые – Волховской ГЭС, Сельмашстрой (Ростов-на-Дону), Тракторстрой (Сталинград), а за ними последовали Целина, практически все стройки алюминиевых заводов, мощнейших гидроэлектростанций, БАМ и многие другие). В первые годы, после развала некогда единого государства, ушли или превратились в долгострой не только многие «стройки коммунизма прошлого», но и останавливались как отдельные предприятия, так и впадали в глубокую депрессию целые отрасли.

Нередко мы слышали и хулу в наш адрес из уст руководителей новых государств, ранее на правах союзных республик входивших в единый Советский Союз, а некорректные слова сочетания и оценки в адрес «родного» государства и от соотечественников. Лишь некоторые примеры: «в этом государстве», «совок», совковость» и пр. вошли в наш разговор, да и определенным образом в постсоветскую культуру, создавая прецедент формирования соответствующего этому и культурного кода, культурного бессознательного нации. Разговорная речь за постсоветский период наполнилась не только сленгом (агриться, ботать, байтить, батониться, зашквар и пр.), но и массой заимствованных иностранных слов: бодисейминг, баттхерт, буллинг, вайб, дефлт, мерч и т.д.

В образовательный процесс, через новую учебную литературу, «бескорыстно» предоставленную нашим учебным заведениям всех уровней образования и библиотекам, так называемым фондом Сороса, внедрялась идея нашей ущербности, отсталости, забитости, раболепства и пр. и «истинной» свободы, демократии и больших возможностей в зоне доллара, фунта, франка, марки, песеты, лиры и т.д., а с конца 1990-х годов и евро. Много, где лучше, но только не в рублевой зоне, где родной рубль, народ в эти годы начал называть свои деньги то «деревянными», то «капустой», подшучивая над ним в народном фольклоре. Как тут не вспомнить крылатую фразу «хорошо там, где нас нет», которая появилась, благодаря А.С. Грибоедову, в «Горе от ума». Похожие строки есть и в произведении Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Эту и другие фразы не раз слышали даже те, кто никогда не читал ни «Горе от ума», ни «Маленького принца». Она настолько прочно закрепились в нашей культуре и в памяти, что воспринимались, как нечто существующее само по себе, как составляющая нашего культурного кода. Немало наиболее деятельных людей уезжали, как правило, навсегда, на ПМЖ в эти самые не рублевые зоны [18]. Эти процессы наблюдались и в нулевые годы начала XXI века, и во втором десятилетии, а с началом специальной операции, особенно в ходе частичной мобилизации, по различным причинам покинули пределы России не только некоторые представители творческой интеллигенции, поп и шоу индустрии, но и некоторая часть молодежи не по идейным принципам, а под воздействием, как правило, фобийных настроений [17].

Скорее всего, это следствие того, что современный патриотизм, говоря философским языком, онтология его бытия, не стал за постсоветский период развития нашего общества в условиях искусственно насаждаемой либерализации и активного проникновения в Россию западных ценностей [3], особым общественным нравственным институтом, где главными слагаемыми выступают идеология, политика, психология, организация и социальная практика. Патриотизм не только не наполнился духовностью и не стал в сознании человека ориентиром повседневной деятельности, он фактически обесценился в общественном сознании целого поколения, родившегося после развала Советского Союза. А в девятые годы после крушения СССР слово «патриот» вообще было почти ругательством. Его зачастую неделяли негативным смысловым содержанием, связывали с распадом Советского Союза, с эпохой общественного засилья, ура-компанийщины, советского дефицита, цезуры и пр. [16].

Тенденции размывания патриотизма, сформировавшиеся в конце 1980-х – 1990-х годов, как нравственного феномена, цементирующего общество и формирующее, как бы пафосно это не звучало, ответственность за Россию и пассионарность как интегрирующего фак-

тора российской общности [9], имели место и в нулевых, и далее [19].

Решению проблемы активизации деятельности образовательных структур различных уровней по формированию государственного сознания, ответственности за судьбу общества и государства как самодостаточного и самостоятельного субъекта международных отношений с учетом исторического наследия было посвящено выступление Президента Российской Федерации, с которым он выступил на заседании Президиума Госсовета 22 декабря 2022 г.: «Наша задача – дать молодым людям России прочную опору в виде достоверных знаний, и с этой целью, в том числе разработать и внедрить в учебные процессы отдельный академический курс, посвященный истории и основам российской государственности», а в январе 2023 г. он подписал поручение о введении в учебные планы двух новых учебных дисциплин «Истории России» и «Основы российской государственности». Эти дисциплины планировалось внедрить в образовательный процесс практически всех форм обучения (среднее специальное, бакалавриат, специалитет) уже с нового 2023–2024 учебного года, что потребовало определенных коллективных усилий как по подготовке профессорско-преподавательского состава, в большинстве своем пришедшего в преподавательскую деятельность в постсоветский период, так и методических материалов, исключающих неоднозначность в оценках исторических событий и их фальсификацию на основе бессистемных подборок исторических фактов, а иногда и вымыслов, и выстраивания их в информационную псевдосистему. В этой связи в 2023 и 2024 гг. были организованы и проведены масштабные обучающиеся семинары с профессорско-преподавательским составом с использованием методических материалов офис проекта «ДНК России», созданного в апреле 2023 г. на базе ФИРО РАНХиГС. Реализация данного проекта направлена на вовлечение академического сообщества в учебно-методическое и научно-исследовательское сопровождение государственной политики в области просвещения, высшего образования и молодежной политики [13]. Основное предназначение обозначенного направления образовательной деятельности, чтобы молодые россияне стали бы с большими надеждами и уверенностью смотреть в будущее, чтобы вернуть понятию «патриот» истинный смысл.

Если учебную дисциплину «История России», либо «Историю Отечества», либо просто «Историю» можно было встретить в учебных планах не профильных образовательных организаций и ранее, то «Основы российской государственности», несмотря на узнаваемость предлагаемых ее структурных элементов, существующих в базовых общественных науках, воспринималась как новая комплексная учебная дисциплина. Разработка и внедрение курса «Основы российской государственности» сопровождалась, да и сопровождается, проблемами любой новой учебной дисциплине: методическими, организационными, материально-техническими и т.д. Но курс «Основы российской государственности» имеет специфику. Это ярко выраженная мировоззренческая составляющая, призванная заполнить очевидный идеологический вакуум в системе образования. Именно это обуславливает повышенные требования к учебной дисциплине, интерес к накопленному опыту, полученному в течение первого учебного года. Огромное значение данный курс имеет для формирования ценностных ориентаций современной молодежи [3], организации и проведения гражданского воспитания обучающихся [12], в том числе образовательных организаций силового блока [4, 7, 8, 21].

Сегодня, сделаны лишь первые шаги на пути формирования идеологии российской государственности, стержнем которой выступает патриотизм, приоритетная защита интересов государства, его граждан перед интересами личности и общества. «Раньше думай о Родине, а потом о себе» – именно в таком направлении должно строиться государственно-патриотическое (политическое) воспитание будущих и настоящих защитников Отечества [3, 4, 10], равно и обеспечение в обществе законности, и правопорядка как «...определенное отношение в том или ином государстве образующем обществе к законам и к претворению требований законов в жизнь» [1, с. 86]. Конечно, никто не нивелирует значимость отдельной личности, но «Коллективный Запад», прежде всего, ставит своей целью уничтожение суверенной государственности России, через внедрение в сознание россиян либеральных ценностей, в большинстве своем противоречащих традиционным ценностям, культуре многонационального народа России [20].

Следовательно, учебная дисциплина «Основы российской государственности» должна органично вписываться в образовательный процесс (учебный и вне учебный) в целом, реализовывать задачи формирования осознанной и ответственной гражданской позиции и патриотизма в сознании, в поступках и деятельности обучающихся, а в дальнейшем осознавать личностную причастность за судьбу России, за перспективы своего отечества.

Не вдаваясь в частности и в отдельные нюансы изучения курса выделим некоторые приемы, формы и методы изучения дисциплины, которые по результатам исследования вызвали у обучающихся наибольший интерес и эмоциональный отклик.

Во-первых, тематические планы по основным блокам вводимых дисциплин для всех образовательных организаций были унифицированы, однако это не ограничивало творчество преподавателей в выборе форм, методов и приемов преподавания, в том числе и в использовании имеющихся возможностей социальных, географических, научных, творческих и иных сред по месту дислокации образовательной организации.

Во-вторых, практика преподавания учебной дисциплины первого года показала значимость социологического сопровождения образовательного процесса. Это позволяло выявлять как изначальный уровень сформированности некоторых культурных компетенций обучающихся, так и динамику, и направленность их развития в процессе освоения занятий, предусмотренных тематическим планом учебной дисциплины, проводить оперативную корректировку содержания планов проведения занятий, наполнения их методическими приемами, формами и методами. Для социологического сопровождения занятий использовались, как правило, опросные листы с кратким перечнем открытых вопросов, в контексте изучаемых тем. Предлагаемые вопросы, для эмпирического наполнения учебного материала, были сгруппированы в три блока: «Что такое Россия?», «Основные ценности России и каждого человека», «Перспективы России». Для удобства обработки, предлагалось опрашиваемым формировать ответы двумя-тремя предложениями.

В-третьих, несмотря на то, что дисциплина была заявлена, как академическая, т.е. преподавание предполагалось на уровне колледжа или высшей образовательной организации, она не ограничилась и не ограничивается академическими приемами прохождения курса: лекция, семинар, практика, контрольное занятие по завершению изучения курса. В контексте формируемого комплекса компетенций, значимых для будущего профессионала, была использована комплексная методика, позволив-

шая наполнить курс творчеством, встречами с интересными людьми, познать Россию не только как одну шестую часть суши, но и глубже разобраться с историей региона, малой Родины, семьи и пр.

В-четвертых, рекомендации по формированию учебной дисциплины «Основы российской государственности», аккумулировали комплекс методических материалов по некоторым контентам, которые и раньше наполнили имеющиеся в учебном плане учебные дисциплины: Философия, Политология, Конституционное право и История России (хотя и не новая дисциплина, но вновь введенная в учебный процесс в 2023 г., причем на всех курсах обучения, кроме выпускного). «Уход» от дублирования учебного материала, при условии сохранения непротиворечивости и единства информационного поля по схожим проблемам, стал возможным благодаря параллельному рассмотрению общероссийских и региональных проблем, знакомству обучающихся с региональной историей, экономикой, наукой, политикой, культурой, **рекреационным потенциалом, с жизнью людей, принесших, своей профессиональной, творческой, ратной деятельностью, мировую, всероссийскую славу своей большой и малой Родине. Существенное место уделялось поиску и знакомству с интересными фактами семей самих курсантов, истории фамилий и т.п.**

В-пятых, организация изучения учебной дисциплины «Основы российской государственности» вобрала в себя целую гамму различных методов и форм подачи дисциплины в рамках учебного занятия. Существенным подспорьем при раскрытии отдельных проблем курса стал цикл видеороликов патриотического содержания, предлагаемых проектом «ДНК России», направленный на борьбу с фальсификацией истории, популяризацию наследия и традиционных ценностей. Данные материалы органично вписывались при проведении лекционных занятий. Семинары предполагали активную поисковую работу самих обучающихся по заранее определенной тематике выступлений и соблюдении алгоритма подачи материала по тематике предлагаемых докладов (презентация, тематические видео зарисовки или фрагменты фильмов, работа с аудиторией и т.д.). В практику проведения практически каждого занятия вводилось краткое информирование обучающихся по текущим новостным событиям «сегодняшнего дня».

В-шестых, учебные занятия показали эффективность как в обучающем, так и в эмоциональном планах таких обучающих форм и методов как совместная работа преподавателя и обучающихся по формированию контрольно проверочных материалов, тестовых заданий, творческих проектов, викторин в контексте изучаемого предмета. Контрольно проверочные задания, викторины вбирали вопросы и видео задания, касающиеся как российского общества в целом, так и его региональных особенностей, достопримечательностей, важных исторических событий и т.п. Участие в мероприятиях патриотической направленности с последующим обсуждением позволяло выявить эмоциональное воздействие информационного поля укрепить результативность в сознании обучающихся.

В-седьмых, с учетом сегодняшних событий, связанных с проведением специальной военной операции, наличия у обучающихся знакомых, родственников – непосредственных участников и ветеранов СВО, большой образовательный эффект имело написание обучающимися писем военнослужащим и сотрудникам с установлением обратной связи.

Следующие наблюдения выходят за пределы новых учебных дисциплин:

в-восьмых, воспитательный идеологический контент должен присутствовать в каждой учебной дисциплине, в каждом организуемом и проводимом общественном мероприятии. Но без ненужного чрезмерного пафоса, который должен быть естественным, а не лозунгом, этикеткой, плакатным призывом;

в-девятых, каждое воспитательное мероприятие, да и любое иное мероприятие, должно проводиться в пределах распорядка дня и не «покушаться» на внеурочное и личное время обучающихся и пр.

Подводя итоги необходимо обратить внимание на то, что на воспитательную результативность изучения учебной дисциплины «Основы российского государственности» во многом проецируются реальные текущие события в обществе, регионе, авторитет органов управления, власти как индивидуальной, так и коллегиальной. Слово преподавателя, любой информационный контент, не должны расходиться с делом, с реальностью. В противном случае новый курс может просто превратиться, образно говоря, в «барабанную дробь», а, следовательно, и не достичь воспитательной цели, обозначенной выше. Дальнейшей реализации целей учебной дисциплины, наполнению ее образовательным контентом, должны послужить и майские 2024 г. указы Президента Российской Федерации [14, 15].

Литература

1. Алексеева Л.А., Майорова С.А. Законность как базовый принцип деятельности органов внутренних дел // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 2А.
2. Беляков Б.Л. Коннов А.Д., Мананов П.В. Государственность в системе духовных ценностей офицерского корпуса современной России: социально-философский анализ: Монография. – Серпухов, 2012.
3. Беркут В.П., Беляков Б.Л. Политические факторы военно-политической работы в Вооруженных силах // Гуманитарные аспекты военного строительства: отечественный и зарубежный опыт: информационно-аналитический сборник. № 1. М., 2023.
4. Беркут В.П. Политические аспекты военно-политической работы в Вооруженных силах Российской Федерации // Вестник адъюнкта. Выпуск 3. За 2021 г. URL: <http://vestnik-adyunkta.ru> (дата обращения: 01.11.2024).
5. Есенин С. Русь уходящая. – URL: <https://www.culture.ru/poems/43698/rus-ukhodyashaya> (дата обращения: 19.10.2024).
6. Иванова С.Ю. Патриотизм в культуре современной России: Дисс. ... доктора философских наук: 09.00.13. Ставрополь, 2004.
7. Кубышко В.Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. 2017. № 4.
8. Кубышко В.Л. О состоянии работы с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации и мерах по ее совершенствованию / В.Л. Кубышко // Вестник МВД России (спецвыпуск). 2018. № 2.
9. Краева О.Л., Пестрецов А.Ф. Пассионарность как интегрирующий фактор национальной общности / О.Л. Краева, // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2006. – № 1.

10. Мазур М.А. Сущность и значение патриотического воспитания, его структура и основные особенности // Молодой ученый. 2009. № 9 (9). – URL: <https://moluch.ru/archive/9/679/> (дата обращения: 09.11.2024).
11. Маслодудова Н.В. Ценностные ориентации современной молодежи российских регионов // Социально-гуманитарное знание. 2019. № 5.
12. Николаев М.В. О понимании гражданского воспитания в современной педагогике // Казанский педагогический журнал. 2020. № 1.
13. Николаев М.В. Гражданское воспитание учащейся молодежи в условиях цифровизации и информации системы образования // Вестник Майкопского государственного университета. 2021. № 13/3.
14. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // КонсультантПлюс.
15. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 // КонсультантПлюс.
16. Пономарено А.А. Разработка понятия «Патриотическое воспитание» в отечественной педагогике в 1990-е годы в аспекте решения проблемы воспитания патриотизма // Современное педагогическое образование. 2019. № 3.
17. Путин высказался о покинувших Россию после начала СВО на Украине. – URL: https://lenta.ru/news/2022/12/07/rossiya_ne_ikh_strana/ (дата обращения: 21.10.2024).
18. Рязанцев С.В., Храмово М.Н. Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности // Экономика региона. 2018. Т. 14. вып. 4.
19. Рожкова Л.В., Воробьев В.П. Некоторые особенности молодежного патриотизма в условиях обострения современной военной операции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 4.
20. Шинкевич В.Е. Основные направления совершенствования воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел // Гуманитарный вестник ВА РВСН Научный журнал. 2021. № 4(26).
21. Шинкевич В.Е. Об интеграции воспитания и обучения обучающихся в процессе изучения общественных дисциплин в условиях современной образовательной организации органов внутренних дел // Научный компонент. 2024. № 1(21).

THE ACADEMIC DISCIPLINE “FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD” AND THE FORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA AS A VALUE IN THE MINDS OF STUDENTS

Shinkevich V.E.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Siberian Federal University

This article evaluates the first experience of teaching the academic discipline “Fundamentals of Russian Statehood” in higher educational institutions, taking into account the implementation of the main normative documents of the Russian Federation aimed at preserving traditional values, in-depth study of the history of not only Russia, but also the small homeland of students. The author emphasizes both the importance of a new academic discipline for actualizing the value of historical consciousness, and its role and place in the formation of students’ conscious attitude to the Fatherland, personal responsibility for the fate of Russia.

Keywords: Russia, fatherland, statehood, patriotism, traditional values.

References

1. Alekseeva L.A., Mayorova S.A. Legality as the basic principle of the activity of internal affairs bodies // Issues of Russian and international law. 2019. Volume 9. No. 2A.
2. Belyakov B.L., Konnov A.D., Manakov P.V. Statehood in the system of spiritual values of the officer corps of modern Russia: socio-philosophical analysis: a monograph. Serpukhov, 2012.
3. Berkut V.P., Belyakov B.L. Political factors of military-political work in the Armed forces // Humanitarian aspects of military construction: domestic and foreign experience: information and analytical collection. No. 1. M., 2023.
4. Berkut V.P. Political aspects of military-political work in the Armed Forces Of the Russian Federation // Bulletin of the adjunct. Issue 3. For 2021. – URL: <http://vestnik-adyunkta.ru> (date of application: 01.11.2024).
5. Yesenin S. Outgoing Russia. – URL: <https://www.culture.ru/poems/43698/rus-ukhodyashaya> (date of application: 19.10.2024).
6. Ivanova S. Yu. Patriotism in the culture of modern Russia: Diss. ... Doctors of Philosophical Sciences: 09.00.13. Stavropol, 2004.
7. Kubyshko V.L. Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support for operational and official activities of the personnel of internal affairs units // National Psychological Journal. 2017. No.4.
8. Kubyshko V.L. On the state of work with the personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation and measures to improve it / V.L. Kubyshko // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia (special issue). 2018. № 2.
9. Kraeva O.L., Pestretsov A.F. Passionarity as an integrating factor of national community / O.L. Kraeva, // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. The Social Sciences series. 2006. № 1.
10. Mazur M.A. The essence and significance of patriotic education, its structure and main features // Young scientist. 2009. No. 9 (9). – URL: <https://moluch.ru/archive/9/679/> (date of reference: 11/19/2024).
11. Maslodudova N.V. Value orientations of modern youth of Russian regions // Socio-humanitarian knowledge. 2019. No.5.
12. Nikolaev M.V. On the understanding of civic education in modern pedagogy // Kazan Pedagogical Journal. 2020. № 1.
13. Nikolaev M.V. Civic education of students in the context of digitalization and information of the education system // Bulletin of the Maikop State University. 2021. No. 13/3.
14. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024 № 309 // ConsultantPlus.
15. On the approval of the Fundamentals of the State policy of the Russian Federation in the field of historical education: Decree of the President of the Russian Federation dated 05/08/2024 No. 314 // ConsultantPlus.
16. Ponomareno A.A. Development of the concept of “Patriotic education” in Russian pedagogy in the 1990s in the aspect of solving the problem of education of patriotism // Modern pedagogical education. 2019. No.3.
17. Putin spoke about those who left Russia after the start of their war in Ukraine. – URL: https://lenta.ru/news/2022/12/07/rossiya_ne_ikh_strana/ (date of issue: 10/21/2024)
18. Ryazantsev S.V., Khramovo M.N. Factors of emigration from Russia in the post-Soviet period: regional features // The economy of the region. 2018. Vol.14. issue 4.
19. Rozhkova L.V., Vorobyev V.P. Some features of youth patriotism in the context of the aggravation of modern military operations // Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. 2023. No.4.
20. Shinkevich V.E. The main directions of improving educational work with the personnel of internal affairs bodies // Humanitarian Bulletin of the VA RVSN Scientific Journal. 2021. № 4 (26).
21. Shinkevich V.E. On the integration of education and training of students in the process of studying social disciplines in the conditions of a modern educational organization of internal affairs bodies // Scientific component. 2024. No. 1(21).

Социологические основы духовно-экологического просвещения в интеграции духовного и экологического измерений

Батурина Оксана Сергеевна,

к.п.н., доцент, начальник научного отдела, Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», заместитель генерального директора АНО Духовно-просветительский центр «Духовное благолепие»

Кузнецов Виталий Сергеевич,

аспирант, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Садыкова Зиля Раисовна,

к.ф.н., доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет»
E-mail: zilek-r@mail.ru

В статье обсуждается важность осознания современным обществом взаимосвязи между духовными ценностями и экологической ответственностью, интеграции духовных аспектов в социальные практики и экологические движения, что позволит в определенной степени решить наиболее острые социальные проблемы в духовно-экологической сфере. В центре внимания статьи – интеграция духовно-нравственного и экологического измерений в духовно-экологическом просвещении населения. Авторы статьи считают, что социология духовно-экологического просвещения занимается изучением взаимодействия человека с природой и окружающей средой, влияния духовных и культурных факторов на эти взаимоотношения, исследует, как различные социальные институты, культурные нормы и религиозные убеждения влияют на отношение человека к природе и экологическое поведение.

Ключевые слова: духовное измерение, экологическое измерение, духовно-экологическое просвещение, социология просвещения.

В условиях глобальных изменений климата, истощения ресурсов и ухудшения качества жизни нарастающее внимание к вопросам экологии подчеркивает необходимость интеграции духовных аспектов в социальные практики и экологические движения. Люди все чаще осознают, что экология не является лишь физическим состоянием природы, но также включает в себя моральные и этические компоненты, формирующие индивидуальные и коллективные ценности. Критически важно осознавать взаимосвязь между духовными ценностями и экологической ответственностью.

Научный интерес к духовно-нравственным аспектам развития российского общества за последние 5 лет возрос. М.М. Бринчук проиллюстрировал в своей работе духовную функцию государства как направление деятельности к духовно-экологической цивилизации [1, с. 47–57; 2, с. 32–44]. И.В. Фотиевой установлен фактор «зеленой экономики» в становлении духовно-экологической цивилизации [5, с. 8–19]. А.В. Ивановым и Ю.В. Попковым раскрыт ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте в проблематике духовно-экологической цивилизационной перспективе [3, с. 8–19]. Продолжив свои исследования совместно с И.В. Фотиевой, М.Ю. Шишиной, ими изучены глобальные и региональные аспекты перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации [4, с. 81–99].

Социологическая проблема в духовно-экологической сфере представляет собой сложный междисциплинарный феномен, требующий комплексного подхода для их решения, глубокого анализа взаимосвязей между социальными структурами, культурными ценностями и состоянием окружающей среды, включая духовное возрождение, справедливое распределение ресурсов, защиту прав меньшинств и устойчивое развитие. В связи с этим актуальность социологии духовно-нравственной сферы не вызывает сомнений, так как социология помогает выявлять социальные механизмы и образы мышления, которые формируют нашу реакцию на экологические вызовы. Объединение знаний и практик может привести к созданию новой парадигмы, где экология рассматривается как неотъемлемая часть духовной жизни общества. Переосмысляя принципы взаимодействия с окружающей средой, мы можем не только улучшить качество жизни, но и восстановить утраченное доверие к природе.

В условиях многочисленных вызовов, связанных с ухудшением состояния окружающей среды и кризисом духовных ценностей, возникает потребность в просветительской работе среди населения, направленной на формирование экологической сознательности, активной и ответственной позиции человека по отношению к окружающей среде, что приводит к определению

нового научного направления – социология духовно-экологического просвещения.

Социология духовно-экологического просвещения представляет собой многогранные исследования взаимодействия между культурными, социальными и духовными аспектами экологии. Духовно-экологическое просвещение включает в себя две важные составляющие:

1) духовно-нравственное просвещение – это процесс поиска смысла жизни, глубокого понимания своей внутренней природы и связи с высшими ценностями;

2) экологическое просвещение – осознание человеком своей ответственности перед окружающей средой и стремлении к ее сохранению и улучшению.

Духовное измерение экологического просвещения заключается в поиске гармонии и согласия с самим собой, с окружающими нас людьми и с природой. Духовное в экологическом пробуждает внутреннюю мудрость, проникает в глубинные ценности, помогает понять человеку его место в мире и взаимодействие с природой. Экологическое измерение духовного просвещения направлено на повышение экологической грамотности людей и формирование их ответственного отношения к окружающей среде. Экологическое в духовном помогает человеку осознать, что его действия имеют последствия для природы и задача человечества – сохранить баланс в экосистеме Земли.

Интеграция духовно-нравственного и экологического измерений в просвещении отражает важность взаимосвязи между человеком и природой, между обществом и окружающей средой и способствует укреплению и развитию общественных ценностей. Углубленное понимание нравственных и экологических вопросов приводит к осознанию, что духовное благополучие и благополучие планеты являются взаимосвязанными и взаимозависимыми.

В нашем представлении, духовно-экологическое просвещение – это процесс распространения знаний о духовной культуре, духовного опыта, формирование умений и навыков в духовной сфере жизни, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, идеалов и установок в целях духовно-нравственного развития человека, удовлетворения его духовно-образовательных потребностей и интересов в условиях эколого-ориентированной деятельности. Иными словами, это расширение осознанности и глубокого понимания взаимосвязи людей с окружающей природой.

Целью духовно-экологического просвещения является не только повышение осведомленности о проблемах природы, но и стимулирование личностного роста и привнесение положительных изменений в мировоззрение людей, осознание взаимосвязи с окружающей средой, принятие ответственности за будущее поколения.

Выделим задачи социологии духовно-экологического просвещения и опишем их содержание.

1. Повышение осознанности и понимания взаимосвязи между духовностью и экологией.

2. Развитие экологической этики и морали.

3. Поддержка и развитие экологических и духовных организаций, и инициатив.

4. Исследование и распространение научного знания о взаимосвязи духовности и экологии.

Социология духовно-экологического просвещения как отрасль социологии изучает духовно-экологическое просвещение как социальный институт, его функции в обществе и взаимосвязь с другими социальными институтами.

В перспективных теоретических и практических социологических исследованиях духовно-экологического просвещения важно учитывать, как социокультурные

контексты влияют на восприятие экологии. Разработка устойчивых моделей взаимодействия человека с природой требует переосмысления духовных основ общества. Общество, ориентированное на гармонию и целостность, может способствовать созданию новых форм отношений с окружающей средой, что, в свою очередь, приведет к более ответственной экологической практике. Соединение социологии и экологии через призму духовности может стать ключом к формированию устойчивого будущего, в котором социальные ценности будут служить средством защиты природы и преобразования общества.

Таким образом, социология духовно-экологического просвещения становится инструментом для формирования новой парадигмы, где гармония с природой рассматривается как основополагающий принцип жизнедеятельности общества, а духовные практики служат не только источником вдохновения, но и реальной основой для ответственного отношения к окружающему миру. Духовно-экологическое просвещение играет важную роль в долгосрочном сохранении планеты и обеспечении нашего благополучия.

Литература

1. Бринчук М.М. Духовная функция государства как направление деятельности к духовно-экологической цивилизации / М.М. Бринчук // Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 47–57.
2. Бринчук М.М. Духовная функция государства как направление деятельности к духовно-экологической цивилизации (окончание) / М.М. Бринчук // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 32–44.
3. Иванов А.В. Духовно-экологическая цивилизационная перспектива: ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте / А.В. Иванов, Ю.В. Попков // Siberian Socium. – 2021. – Т. 5. № 1 (15). – С. 8–19.
4. Иванов А.В. От техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации: глобальные и региональные аспекты / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин // Вопросы социальной теории. 2022. Т. 14. С. 81–99.
5. Фотиева И.В. «Зеленая экономика» как фактор становления духовно-экологической цивилизации / И.В. Фотиева // Siberian Socium. – 2021. – Т. 5. № 2 (16). – С. 8–19.

SOCIOLOGICAL FOUNDATIONS OF SPIRITUAL AND MORAL ENLIGHTENMENT IN THE INTEGRATION OF SPIRITUAL AND ENVIRONMENTAL DIMENSIONS

Baturina O.S., Kuznetsov V.S., Sadykova Z.R.

Ufa University of Science and Technology, Russian State Professional Pedagogical University, Bashkir State Medical University

The article discusses the importance of modern society's awareness of the relationship between spiritual values and environmental responsibility, the integration of spiritual aspects into social practices and environmental movements, which will allow, to a certain extent, to solve the most acute sociological problems in the spiritual-environmental sphere. The focus of the article is the integration of spiritual-moral and ecological dimensions in the spiritual-ecological enlightenment of the population. The authors of the article believe that the sociology of spiritual-ecological enlightenment deals with the study of human interaction with nature and the environment, the influence of spiritual and cultural factors on these relationships, investigates how various social institutions, cultural norms and religious beliefs influence human attitudes to nature and ecological behavior.

Keywords: spiritual dimension, ecological dimension, spiritual-ecological enlightenment, sociology of enlightenment.

References

1. Brinchuk M.M. Spiritual function of the state as a direction of activity towards spiritual-ecological civilization / M.M. Brinchuk // *State and Law*. – 2020. – № 4. – P. 47–57.
2. Brinchuk M.M. Spiritual function of the state as a direction of activity towards spiritual-ecological civilization (end) / M.M. Brinchuk // *State and Law*. – 2020. – № 5. – P. 32–44.
3. Ivanov A.V., Y.V. Popkov // *Siberian Socium*. – 2021. – T. 5. № 1 (15). – P. 8–19.
4. Ivanov, A.V. From technogenic-consumer to spiritual-ecological civilization: global and regional aspects / A.V. Ivanov, Y.V. Popkov, I.V. Fotieva, M.Y. Shishin // *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2022. T. 14. P. 81–99.
5. Fotieva, I.V. “Green economy” as a factor in the formation of spiritual and ecological civilization / I.V. Fotieva // *Siberian Socium*. – 2021. – T. 5. № 2 (16). – P. 8–19.

Концепции даосской философии в живописи и литературе Китая

Ван Линь,

кандидат филологических наук, старший преподаватель,
институт русского языка Хэйлунцзянского университета
E-mail: wanglin89@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности философии даосизма в качестве одного из трех религиозных учений Китая в их транслировании через воображение художников в картинах и отображении в литературных произведениях. Определив суть даосизма как достижение гармонии, автором выявлены основные постулаты этого философского учения, эстетические каноны и определены его особенности. Исследована роль и значение символов, таких как: гора, водопад, вода, ива, сосна, бамбук, орхидея, слива, хризантема, дракон, феникс, тигр, жираф, черепаха. Рассмотрена взаимосвязь даосизма и каллиграфии. С помощью анализа пейзажных произведений раскрыт основной смысл философии «дао», принципы живописных традиций художественных школ Китая. Определено отражение этого философского направления в мифах, сказках, притчах и новеллах. В статье выделены отличительные черты даосизма, отраженные в художественных произведениях в сравнении с европейской культурой, а также показаны символизм и духовность как главные составляющие человеческой жизни.

Ключевые слова: даосизм, религия, философия, эстетика, пейзаж, каллиграфия, притча.

Даосизм – одно из трех религиозных учений, на которых базируется культура Китая. В отличие от других религий даосизм дает возможность мыслить, воспринимать красоту и делиться ей при помощи искусства и литературы.

В основе философии даосизма – путь достижения гармонии. Дао – это путь человеческой души, за обладание которой ведут борьбу светлые и темные силы. Даосизм – неотъемлемая часть духовной культуры Китая, его «основоположники Лао-цзы и Чжуан-цзы отнесли Дао (Путь) к высшей истине» [4, с. 48].

Китайский исследователь В.Цзянь считает, что даосская философия базируется на следующих постулатах, положенных в обоснование китайской культуры:

- всеобщность;
- первозданность;
- совершенствование.

Под первым понимается как бесконечность мира, так и человека, он рождается, уходит в небытие и снова появляется на свет. Под вторым – вечное существование Дао, а под третьим – «человек следует законам земли, земля – законам неба. Небо – законам Дао, а Дао следует самому себе» [2, с. 13]. Совершенствование, по мысли китайских мудрецов, это взаимоотношения философии и одного из ее направлений – эстетики.

Понимание красивого и возвышенного определило свои эстетические каноны, среди них: одухотворенность, гармония и структурность.

Философия даосизма – это философия жизни и особый социальный институт, влияющий на китайское искусство и литературу. Ее особенность в едином восприятии человека и природы наглядным образом воплотилась в произведениях изобразительного искусства. В картинах художников отражается мир, который существует вокруг людей. Философия даосизма, воплощенная в живописи настраивает человека на понимание ритмов природы.

Даосская литература отличается таким богатством и разнообразием, что ученые, естественно, стремятся найти символические способы выражения, которые служили бы объединяющими элементами в ее историческом многообразии. Самым главным в даосизме считается образ ребенка. Другие знаковые образы – горы, которые олицетворяют собой встречу земли и неба. Даосизм, как одна из составляющих традиционного культурного наследия, является сложной составляющей духовной культуры современного общества Китая [1, с. 1264].

Даосизм всегда был основой, фундаментом китайской культуры, обеспечивая преемственность между элитарной философией Дао и верованиями простых людей.

Мир даосизма полон символов и иллюзий. Даосское знание воспринимает природу как «нечто «смутное, расплывчатое» и «смутно неопределимое», как сплошную тьму и в то же время в ослепляющее сияние» [8, с. 17–25], в тоже время подчеркивает необходимость сближения с природой, объединения с ней в единое целое. Дао по праву можно назвать квинтэссенцией философии традиционного Китая. Как правильно отмечает А.А. Алепко «как христианство и эллинистическое искусство сформировали европейское искусство, в Китае особая доктрина даосизма создала культурный

климат, в котором развивалась китайская живопись» [1, с. 1266].

В изобразительном искусстве философия Дао представлена в основном в пейзажах, в них «роль «хозяина» обычно принадлежит горе, а роль «гостей» отводится ручьям, деревьям и людям» [6]. Одухотворенность природы – одна из характерных черт китайской живописи, развивающейся под влиянием философии «дао».

Именно в Китае живопись приближена к каллиграфии. Эта схожесть проявляется в использовании одних и тех же материалов и инструментов (кисть, бумага и чернила) и линейного способа письма. Высокохудожественные произведения в Китае создаются на основе самых простых линий, которые, по мнению китайцев, являются следом непрерывности пробужденного духа. В изгибе стволов и ветвей деревьев отражается жизненная сила растительного мира. Композиция китайских пейзажей очень близка к иероглифам. Изображая горы и воду, художники пытались донести философский смысл, который заключается в сочетании восходящего света Неба и нисходящей тьмы Земли.

Горы воспринимались как некая тайна, так как их вершины уходили в небо, а, значит они были с ним связаны. В философии даосизма всегда имеют место противоположности: «присутствие и отсутствие порождают друг друга, сложное и простое создают друг друга, долгое и короткое сдерживают друг друга и высокое и низкое обращаются друг к другу» [7].

Каждая деталь при изображении пейзажа основана на предварительном и подробном изучении его свойств. Пытаясь придать декоративный эффект произведения, в нем четко прослеживается ограниченность формы и бесконечность содержания, перспективность видения художника, лаконичность и предельная четкость композиции. Перспективность и реалистичность изображения, с одновременной простотой и строгостью эти черты, характеризуют китайскую живопись, наполненную глубокими философскими идеями.

Живописные традиции художественных школ Китая базируются на принципах:

- гармония и символизм;
- дуализм мира, воплощенный в Небе и Земле.

В картинах, связанные со сменой времен года пытались запечатлеть особенно таинственные моменты: соединение Неба и Земли, проникновение света во тьму. Белый цвет ассоциировался с первозданностью и чистотой. Следовательно «зимний, заснеженный пейзаж считался лучшей формой выражения сути бытия» [5].

В целом, природа воспринималась как место, где можно пережить смутные времена. В своих картинах живописцы стремились передать то лирическое состояние души, которое возникает у человека от общения с природой, когда он стремится постигнуть ее тайны. Огромные горы и мелкие фигуры людей отражали основной смысл даосской философии, человек ничтожен по сравнению с первопричиной мира Дао. Вселенная велика, а человек полностью подчинен природным силам.

Глядя на величественные пейзажи, человек должен понять свою малую роль в масштабах Вселенной, но в то же время восхищаться величием и красотой своей страны.

В этом философском видении соотношения человека и Вселенной и проявлялось главное отличие представлений о китайской культуре от европейской, в которой именно человек выступает преобразователем окружающего его мира.

Второе направление отражения на полотнах художников природы это жанровые композиции «цветы и пти-

цы». Это изображения птиц, порхающих в воздухе или сидящих на дереве.

Влияние идей даосизма четко прослеживается в картинах известных пейзажистов: Ли Чэн (919–967), Го Си (1020–1090), Ми Фэй (1051–1107), Ни Цзань (1301–1374).

Для китайских художников пейзаж – это часть пространства, в которой индивид растворяется при его созерцании, так как его ум не в силах постичь красоту и величие природных явлений и стихий.

Китайский пейзаж соединяет в себе реальность и фантастичность, возникающие при его созерцании чувства приводят в состояние душевного покоя. Художники, вдохновляясь природой, помогали зрителю оценить возвышенность, глубину и поэтичность своего произведения.

Очень часто на картинах отражались вода, почитаемая в Китае как «нектар богов», водопад – как символ встречи Неба и Земли, облака назывались Небесные горы. Второй обязательный элемент картин – это камень, который, по мнению китайцев являлся «основой природы! Особую роль в даосской философии играет культ дерева.

Ива воспринималась в качестве символа красоты и элегантности, она ассоциировалась с весной и женской добротой. Сосна считалось отражением сдержанности и стойкости, ее также называли символом долголетия и семейного постоянства.

Среди цветов выделяли «четверку благородных», куда входили: орхидея, бамбук, слива и хризантема. Свои эмоции художники отражали при рисунках цветов, радостное состояние – рисуя орхидею, злое – выражали при помощи изображения бамбука. Орхидею отождествляли с красотой глаз душевно прекрасной представительницы, считалось, что рисунок орхидеи отражает коварство злых сил и несет удачу в бизнесе. Бамбук – символ стойкости и жизненной силы. Зимняя слива распускалась во время снегопада. Ее цветок наперекор морозам символизировал стойкость и жизнеспособность, соединение ян (небесное начало) и инь (земное начало). Ветви сливы расположены в 4 направлениях, которые олицетворяют 4 времени года и соответствуют 6 уровням «Книги перемен».

Хризантема воспринималась как символ возвышенного одиночества или почтенной зрелости, и в то же время олицетворяла осень, мудрость и счастье. Она бросала вызов наступающей зиме.

В живописи также были популярны дракон и феникс, которые ассоциировались в качестве символов императорской власти. В качестве защитника от злых духов выступал тигр, символом долголетия считались журавль и черепаха. Аллегория окружающего мира и его интерпретация в живописи стали неотъемлемой частью отражения даосской философии в изобразительном искусстве. Символы даосской философии обусловили «национальную самоидентификацию и отразили через живопись национальную картину мира» [2, с. 18].

Одновременно она находила свое отражение в литературных произведениях, например в стихотворениях. Китайские художники обогащали смысл своих живописных работ поэтическими строками, что создавало новые образы и пробуждало воображение зрителя. Каллиграфические надписи, объясняли смысл того, что нарисовано на картине и поясняли, а что собственно хотел показать своим произведением художник. Язык символов, которыми пользовались китайские художники не всегда можно сразу понять и правильно интерпретировать.

К основным текстам даосской литературы относятся трактаты «Дао Дэ Цзин», «Чжуан-цзы» и «Лиэ-цзы».

Философия даосизма нашла свое отражение в мифах, сказках, притчах, в центре которых образ положительного героя, борющегося со злом и одерживающего победу благодаря совершенству своей души. Позже появились новеллы, наполненные глубоким философским смыслом. В средневековье даосская философия оказывает влияние на светскую литературу.

По мнению Н.М. Галкиной такое влияние на литературу выражалось в двух аспектах:

- «как консерватор и популяризатор древних верований и мифологий, придавшее им новое содержание и универсальный характер» [3, с. 61];
- появление особой модели восприятия дикой природы, нашедшей свое отражение в художественных произведениях.

Сравнивая китайскую и западную живопись, А.А. Алепко отмечает, что она «отличалась совершенством художественной чистоты, в отличие от антагонистической двойственности духа и материи» [1, с. 1274] произведений искусства.

Художники, более тонко ощущающие красоту, пытались воплотить ее в образы, например, пейзажи, и поэтически дополнить его с помощью стихотворных форм.

Все жанры китайского искусства несли в себе ответ на вопросы о соотношении внешнего и внутреннего мира человека, демонстрировали идеи нравственных начал и идею совершенствования человеческой природы. Все, что китайские художники отражали на своих полотнах, несло в себе глубокий символический смысл и духовность как главную составляющую человеческой жизни.

Литература

1. Алепко А.А. Традиции даосизма в художественной культуре Китая // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 9. С. 1264–1276.
2. Ван Цзянь Отражение философии даосизма в живописи Китая. Автореферат дисс... канд. философ. наук. Чита, 2012. 24 с.
3. Галкина Н.М. Даосизм и его влияние на китайскую культуру // Вестник КРСУ. 2009. Том 9. № 3 С. 59–63.
4. Донченко А.И. Влияние даосской философии на искусство китайской каллиграфии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 47–56
5. Кравцова М.Е. История культуры Китая. Санкт-Петербург, 1999. 416 с.

6. Малявин В.В. Китайская цивилизация. Москва, 2000. 632 с.
7. Маслов А.А. Тайны и смысл и разгадка кодов Лао-цзы. Ростов-на-Дону, 2005. 288 с.
8. Религии Китая. Хрестоматия. Под ред. Е.А. Торчинова. Санкт-Петербург, 2001. 508 с.

CONCEPTS OF TAOIST PHILOSOPHY IN CHINESE PAINTING AND LITERATURE

Wang Lin

Heilongjiang University

The article examines the features of the philosophy of Taoism as one of the three religious teachings of China in their translation through the imagination of artists in paintings and display in literary works. Having defined the essence of Taoism as the achievement of harmony, the author identifies the main postulates of this philosophical doctrine, aesthetic canons and defines its features. The role and meaning of symbols such as: mountain, waterfall, water, willow, pine, bamboo, orchid, plum, chrysanthemum, dragon, phoenix, tiger, giraffe, turtle are investigated. The interrelation of Taoism and calligraphy is considered. With the help of the analysis of landscape works, the main meaning of the philosophy of "tao", the principles of the pictorial traditions of the art schools of China are revealed. The reflection of this philosophical trend in myths, fairy tales, parables and short stories is determined. The article highlights the distinctive features of Taoism reflected in works of art in comparison with European culture, and also shows symbolism and spirituality as the main components of human life.

Keywords: Taoism, religion, philosophy, aesthetics, landscape, calligraphy, parable.

References

1. Alepko A.A. Traditions of Taoism in the artistic culture of China // Journal of the Siberian Federal University. Humanities and social sciences. 2016. No. 9. pp. 1264–1276.
2. Wang Jian Reflection of the philosophy of Taoism in Chinese painting. Abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. Chita, 2012. 24 p.
3. Galkina N.M. Taoism and its influence on Chinese culture // Bulletin of the KRSU. 2009. Volume 9. No. 3 pp. 59–63.
4. Donchenko A.I. The influence of Taoist philosophy on the art of Chinese calligraphy // East Asia: facts and analytics. 2019. No. 1. pp. 47–56
5. Kravtsova M.E. The history of Chinese culture. St. Petersburg, 1999. 416 p
6. Malyavin V.V. Chinese civilization. Moscow, 2000. 632 p.
7. Maslov A.A. Secrets and the meaning and solution of the Lao Tzu codes. Rostov-on-Don, 2005. 288 p.
8. Religions of China. A textbook. Edited by E.A. Torchinov. St. Petersburg, 2001. 508 p.

Кемеров Вячеслав Евгеньевич

доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Уральского федерального университета
E-mail: kemerov1444@yandex.ru

Понятие полисубъектности не является возвратом к старым схемам «личность и общество», «личность и среда». Общество и среда раскрываются как взаимодействие и сплав субъектов и их самореализации. В разных масштабах они реализуют подвижность социальных форм и их переплетения с деятельностью субъектов. Динамика социальности преобразует пространственные зависимости во временные, а временные в пространственные. Кооперация обнаруживается как распределенность субъектов по разным потокам совокупной деятельности.

Расширенное воспроизводство социальности обнаруживает форму хронотопа. Он меняет свои границы в зависимости от интенсивности и характера взаимосвязанной и разделенной деятельности субъектов.

Ансамбль полисубъектности показывает, что эти потоки связаны не столько совместностью, сколько согласованностью результатов. Отображение этой динамики сопряжено с большими трудностями. Главным препятствием является разделение труда между дисциплинами социально-гуманитарного знания. Преодоление его предполагает переосмысление исторических и методологических оснований этих дисциплин. Аналогичная задача возникает и перед философией. Чтобы отразить динамику полисубъектности ей предстоит произвести существенную корректировку её традиционных онтологических, логических и гносеологических форм.

Ключевые слова: полисубъектность, ансамбль, многомерность социальности, кооперация, инструменты и средства деятельности, социальное воспроизводство, динамика полисубъектности, влияние полисубъектности на традиции философии.

В предварительном анализе этой темы [1], [2], [3], было показано, что субъектность оформляется во взаимодействиях индивида с другими субъектами, а взаимодействие не ограничивается прямыми контактами, но распространяется в сфере косвенных отношений, более того может осуществляться во времени. Казалось бы, мы приближаемся к традиционным формулам зависимости индивида от среды, личности от общества. Вроде бы круг замкнулся. На деле всё не так. Общество и среда как внешние для акторов формы отходят на второй план. Их внешность по отношению к акторам оказывается под вопросом. Более того, сама методология определения акторов по внешним социальным рамкам перестает работать.

Привычные приемы сведения индивидов к твёрдым социальным формам далее не работают. Многомерность самих акторов ставит под сомнение твердость, устойчивость, крепость самих социальных форм, поскольку их бытие подтверждается взаимодействиями субъектов и их самореализацией. Под сомнением оказывается и натуралистическое, физическое представление о жесткости социальной формы.

Понимание этого вынуждает нас изменить обычное представление о четырёхмерности пространства (длины, ширины, высоты) и времени, на представление четырёхмерного хронотопа, где связаны настоящее, прошлое и будущее и пространство как четвёртое измерение времени. Так социальность раскрывается как многомерный объём.

Это представление социального процесса не может быть развито с опорой на понятия совместности, структуры, поля, прежде всего потому, что они в основе своей содержат пространственные, физикалистские и натуралистические прототипы.

Итак, начнём с апофатических, т.е. отрицательных определений. Социальность не есть совместность (поскольку она предполагает разделенность индивидов). Социальность не есть структура (поскольку она порождает структуры в деятельности субъектов). Социальность не есть поле (поскольку она есть многомерный объём, воспроизводимый деятельностью людей в разделённом хронотопе).

Для дальнейшего изложения нам необходим термин, отвлечённый от натуралистических коннотаций, но приближающий нас к процессуальному толкованию. На эту роль привлекается термин *ансамбль*. Он выделяется из совокупности родственных терминов «совместность, структура, поле» прежде всего относительной независимостью от закрепления за определенным местом, набором функций и средств реализации.

Используем музыкальные аналогии. Что превращает оркестр в ансамбль?.. В оркестре – разные исполнители, разные группы, соответственно, разные инструменты. Они не играют в унисон. По ходу пьесы у разных партий различные акценты, паузы и повторы; они могут контрастировать, исчезать и появляться. Их согласованность реализуется через их различия. В идеале такой оркестр – это ансамбль солистов, к чему, собственно, и приходят музыкальные коллективы мирового уровня.

Социальность тоже является ансамблем субъектов, связанных и разделенных, собирающихся в группы и распадающихся, использующих разнообразные инструменты и меняющим их.

В экономической науке сформировались понятия простой и сложной кооперации. Простая кооперация предполагает скопление людей в одном месте и чем больше их, тем выше ожидаемый эффект их совместной работы.

Сложная кооперация, которую люди усовершенствуют с древнейших времен, предусматривает распределение операций между разными людьми для достижения конечного суммарного эффекта. Так осуществляется переход от коллективной охоты к индивидуальной, разделение труда между разными видами деятельности. Причем это разделение стимулирует создание инструментов и средств, орудий и станков, освоение новых энергий и, наконец, разработку средств коммуникации между субъектами, не находящимися в прямом контакте.

В этой версии сложность перестает быть арифметическим сложением сил и средств, а превращается в умножение разных социальных величин, дающим в результатах дополнительные эффекты. Причем они не размещаются в фиксированном пространстве, а перемещаются от субъекта к субъекту и вовлекают субъектов в поток расширенного обмена, где сами субъекты раскрывают и модифицируют свои силы. От распределенности в пространстве деятельность людей переходит к распределенности во времени. Так порядок последовательности становится важнее порядка совместности.

Так постепенно мы переходим от трактовки социальной как пространственной формы к трактовке её как формы временной.

Проблема в том, что классическая наука и классическая философия в основном представляла время в формах пространства. В результате время проходило фоном, а на феноменологическом и практическом уровнях оно раскрывалось с помощью пространственных средств.

Конечно, в классической немецкой философии развивалась идея деятельности как процесса. В политэкономии идея времени тоже оказалась значимой. Но это по сути было количественное время, представленное пространственными величинами и их метрикой. Получалось, что философия говорила о социальности как процессе, а наука и практика предлагали наглядные пособия для представления и понимания этого процесса. Были метафизические абстракции и метафоры. Вот и культивировались метафоры бытия как реки, творческой эволюции, жизненного порыва.

Гераклитова формула «В воду одной реки нельзя войти дважды» настораживает и притягивает, ибо она пригодна ко множеству ситуаций. Если мы говорим о процессе социальной, она настораживает по нескольким причинам. Социальность – не одна же и та же река. Это разные состояния потока, это разные его составы и компоненты. Нам не откуда входить в эту реку; мы не смотрим на неё с берега, ибо у неё нет берегов, точнее: она сама создаёт и меняет их, и мы к этому причастны.

Этот поток многоструйный, многообразный и многозначный. Его составляющие обладают собственной динамикой, энергетикой и направленностью. Их состояние может быть случайным, а их взаимодействия и пересечения могут породить эффекты, превосходящие их простую сумму

Формы этого потока вполне рукотворны, но они постоянно приобретают различный вид. То они сближаются в общем русле, то они создают квазиприродные препятствия и границы, то они распредмечивают их и раскрывают новые пространства и возможности. Логика этого потока не линейна, ибо зависит от конфигурации субъектных взаимодействий, их интенсивности и порядка. Пространственные метафоры совместности, структуры, поля находятся внутри этой логики; это – логика

не ограничений, рамок и пределов, это – логика флуктуации социального пространства и социального времени. И эта логика небессубъектна.

Система потока социальности образуется из сочетания разных ступеней и русл движения, разнообразных действий и состояний. Пространственность связей совместности временна. Сложность все менее определяется их суммой и все более детерминирована их длительностью, взаимопереходами и трансформациями.

Использование понятия ансамбля применимо к характеристике этого социального потока, потому что оно подчеркивает неоднородность, неоднобразность, разнотипность участвующих в нем сил. Пользуясь музыкальным языком, можно сказать, оно противоплагается форме унисона, оно фокусирует внимание на связи несопадающих действий, акцентов, пауз, вариаций. Каждый субъект в своих прямых и косвенных взаимодействиях, в своей встроенности в социальный хронотоп изначально многозначен. Динамика субъектных взаимодействий зависит не от самих субъектов. Она во многом определяется набором инструментов и средств, которые они создают. Другой вопрос: насколько им они доступны, как субъекты их используют и для чего.

Историки давно определили значение возрастающей массы инструментов и средств. Они же показывают, что нет прямой корреляции этого возрастания и развития интенсивности внутренней динамики субъектов. Но продуктивность инструментов влияет на формы взаимодействия людей. С появлением лука и стрел исчезли коллективные формы охоты, с появлением парового двигателя появились фабрики и заводы, с появлением авиации сократились наземные способы передвижения.

Далее возникает проблема освоения субъектами этих средств. Понятно, что зачастую осваивать их приходится не тем субъектам, которые их создают. Возникает следующая проблема – проблема соразмерности качества субъектов и качества средств и инструментов, попадающих в их распоряжение. Решение этой проблемы находится не на стороне средств. Стало быть, опять возникает вопрос о составе и качестве субъектов. Исход их встречи зависит от уровня подготовленности субъектов. В одних случаях эта встреча окажется незамеченной, в других она станет полезной, в-третьих она может обернуться трагедией.

В музыкальной практике заметен переход от больших академических оркестров к небольшим ансамблям. В них часто важную роль играют синтезаторы. Их звучание не уступает исполнению десятков оркестрантов.

Работа андронного коллайдера свидетельствует, что нет физических и технических границ для создания такого инструмента и средства, которое будет вырабатывать любые виды энергии. Это – дело времени. Вопрос – в другом: кто будет этим средством управлять, как и для чего?.. Вопрос «Кто» возвращает нас к теме субъектности: все, или группа, или один?.. Практика постиндустриализма подсказывает, что комбинированными и многомерными комплексами могут управлять только ансамбли, разнообразно подготовленных высококвалифицированных субъектов... А что делают остальные. Их выбор: либо оставаться на «низовом уровне», либо работать над своими способностями и силами и выводить таким образом себя на уровень овладения более совершенными средствами. Но тогда возможен и следующий шаг; они обретают потенциал для создания собственных средств деятельности и обмена. С этой продукцией они включаются в общую карту взаимодействующих результатов человеческих усилий и неизбежно меняют формы течения социального процесса.

Многомерный социальный процесс формируется переплетением различных субъектных действий и контактов. Все они детерминируют и его течение и изменчивость этого течения. Но различные субъектные усилия неравнозначны. Ансамблевость этого процесса остаётся условностью по причине того, что разные потоки не совпадают и противоречат друг другу. Их согласование становится большой проблемой, порождающей массу конфликтов. Их разрешение становится условием сохранения динамики социальности.

Прежде условия социального бытия описывались со ссылкой на природные ресурсы и ограничения. Теперь наступает эпоха, когда условия социального процесса, возникают и обнаруживаются в тех ресурсах и границах, которые продуцируются в нём самом. Энергия субъектных взаимодействий побуждает к обновлению ресурсов, но снова возникает проблема уравнивания различных вкладов.

Динамика социального процесса носит волновой характер, и каждая следующая волна возникает за гребнем предыдущей так, что логика расширенного социального воспроизводства сталкивается с логикой закреплённых социальных форм.

Неравновесность социального процесса остаётся одной из его главных черт. Она в принципе не допускает равновесия и ставит последнее в ранг важнейших, но недостижимых пока целей. Равновесность социального процесса – это не состояние его, а работа полисубъектного ансамбля, где выравниваются не качества субъектов, а возможности используемых и создаваемых ими инструментов и средств.

Со-стояние полисубъектного процесса во многом зависит от характера и степени его понимания. Главная задача – в том, чтобы описать средства и инструменты его отображения как комплекс, входящий в состав ансамбля полисубъектности. Позиция внеаходимости по отношению к социальности не позволяет значительной части общественности определиться в самообосновании на полисубъектной «платформе». Оно само воспроизводится по полисубъектному принципу и это неизбежно производит сдвиги и трансформации в его онтологии, логике и гносеологии.

Полисубъектная онтология постоянно сталкивается с барьерами логического описания. Логика прямых зависимостей не справляется с ситуациями, когда субъекты деятельности и их предметы меняются позициями. Затруднительным для неё оказывается и фиксация положения субъекта, обусловленного сразу несколькими связями. Нужна другая логика, способная удерживать и отображать неоднородный характер субъектных взаимодействий. Линейная логика элементарна в том смысле, что она фиксирует элемент мышления или исследования, описывающий «двушаговое» движение от частного к общему, от конкретного к абстрактному, от следствия к причине. На нём основан классический детерминизм, который и упирается в динамику системных взаимосвязей. На нём же крепится и классический редукционизм, выдвигающий на первый план процедуру сведения единичного к общему, индивидуального к социальному, вторичного к первичному. Это своего рода логическая провокация, когда исследование подменяется объяснением, построенным на отсылке к общему, фиксированному, известному.

Онтология полисубъектной социальности стимулируется волновой природой ансамбля. Её отличительной от классической логики чертой оказывается её зависимость от качеств деятельности субъектов, ибо они могут влиять на метрику процесса и его наполнение. Эта логика меняет отношение и к процессу познания. Пара

«субъект – объект» становится частным случаем полисубъектного процесса. Знание как отображение становится распределённым. Образы, картины и схемы, которые гносеолог вырабатывает, соседствуют с образами, используемыми людьми в ежедневной деятельности.

Отображения, находящиеся в работе гносеолога, мало напоминают те, что рассматривались в теориях познания классики. Это по большей части не ощущения, не восприятия и не представления, а конструкции, возникающие в ходе синтезирования научны исследований. В своей динамике они соприкасаются, пересекаются, взаимно уничтожаются, и роль гносеолога заключается в выстраивании их в стройную картину, учитывая, что это – не плоскость, а некий поток образов, продуцируемых людьми. Это не картинная живопись, а кинематографический монтаж, в котором кадры не только сталкиваются, но и поясняют друг друга. Знание всё более открывает свою методологическую зависимость. Факты обнаруживают свою зависимость от актов, а проверка или перепроверка фактов порождает комплекс субъектных взаимодействий.

Возникает ряд общефилософских вопросов. Вопрос первый: а какова – современная философия?.. Выражение такое есть, а понятия нет... Формы разнообразны и малосогласуемы друг с другом. Вопрос второй: а как современная философия взаимодействует с обществом?.. Напрямую – никак. Она влияет на общество через образование, политические дискуссии, и отчасти через науку. Вопрос третий: а как философия контактирует с современным общественным знанием?.. В очерке процесса полисубъектности мы постоянно отмечали, что на пути его постоянно возникают барьеры; при конкретном рассмотрении выясняется, что они создаются самим потоком социальности и закрепляются совокупностями инструментов и средств.

По какому лекалу это происходит?.. Форма просматривается в разграничении деятельности по принципу взаимоисключающей дополнительности. Он реализовался в разделении социальных наук и гуманитарно-го знания, до этого в разделении наук о природе и наук о культуре (о духе).. Деятельность познания, по сути, предполагала субъектность, но она была скрыта традиционными философскими, представлениями. Сами они тоже оказывались под подозрениями. Двусмысленность философии обнаруживалась в том, что она опиралась на два разных базиса: на метафизику с её абстракциями бытия и познания и на классическую науку, фундаментальную в процедурах классической механики. Установки философии на единство знания столкнулись с ею же произведённым методологическим дуализмом. Формирующиеся общественные науки унаследовали методологические пороки классики. Но их не интересовали абстрактные субъекты философии. Они были заняты вопросами организации массы людей, обеспечивающей возрастающее индустриальное производство. Экономическая наука рассматривала способы сведения людей к обороту вещей. Социология изучала формы координации индивидов. На долю психологии остались сами индивиды с их ресурсами и потенциалами. Дисциплины общественности, едва появившись, оказались разделены и долгое время держались границ, созданных их собственным появлением. Философия не могла ничего поделать с этой предметно-методологической ситуацией. В результате она встала в ряд дисциплин общественности и утратила свою привилегированную позицию.

В первой четверти двадцатого столетия восторжествовал методологический плюрализм в отображении бытия людей и наметился тупик в исследовании социального процесса. Выход из этого тупика был подсказан

не философии, а самой практикой социального воспроизводства. Индустриальная машина была неповоротливой. Чтобы её перезапустить нужны были человеческие ресурсы. Но не те, что обеспечивали прирост вещного богатства, а те, что могли бы эффективно использовать инструменты и средства. Соответственно, требовались вложения капитала не в машины и стены, а в формирование работников как субъектов, обеспечивающих качественную деятельность.

Этот запрос довольно быстро воздействовал на работу общественности. В фокусе его внимания оказались не предметно-методологические распри, а исследования ситуаций, где субъекты максимально проявляли свою продуктивность. Далее уже не имело значения, делалось это с психологической, социологической или экономической точки зрения. Вопрос об использовании инструментов и средств перестал быть предметно-методологическим и всецело перешел в ведение самих субъектов. Разделение труда осталось, но оно перестало быть проблемой для людей и их познания.

Выяснилось, что процесс социального бытия можно отображать и осмысливать без оглядки на разделение труда. Возникло представление о том, что философия может быть и есть воззрение на человеческий мир, которое преодолевает дисциплинарные границы. Была накоплена совокупность вопросов, связанных с разделением труда, которые нельзя просто отбросить. Философия сама оказалась в матрице тех границ и их переплетов, которые она, прямо или косвенно, создавала два последних столетий. Чтобы преобразовать нынешнюю возможность во внятную картину ей предстоит произвести историко-методологический анализ возникновения предметных барьеров, в создании коих она сама участвовала. В настоящее время немного философов [4],[5],[6] и школ, готовых к этой тяжелой работе. Главная трудность обнаруживается в том, что сама философия глубоко поражена недугом разделения на институты, факультеты и кафедры, для которых такая работа в лучшем случае безразлична.

Если такая работа будет произведена, возникнет следующая. Появятся вопросы переосмысления традиционных философских дисциплин. Онтологию, логику и гносеологию ожидает встреча с ансамблем социального процесса. Их конфигурации обретут смысл в зависимости от их субъектного наполнения.

Литература

1. Кемеров В.Е. Субъект, субъективность, субъектность // Социология, 2024, № 1, с. 4–9.
2. Кемеров В.Е. От полилога к монологу: обратный отсчет // Социология, 2024, № 7, с. 166–170.
3. Кемеров В.Е. Театр одного актора // Социально-гуманитарные знания, 2024, № 9, с. 105–108.
4. Giddens A. Constitution of Society. Cambridge, 1984, p.384.
5. Collins R. Sociology of philosophies, Cambridge, 2009, p.1120.
6. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М. 2001, с.256.

SOCIALITY AS A POLYSUBJECT ENSEMBLE

Kemerov V.E.

Ural Federal University

The concept of polysubjectivity is not a return to the old schemes of “personality and society”, “personality and environment”. Society and the environment are revealed as an interaction and fusion of subjects and their self-realization. On different scales, they realize the mobility of social forms and their intertwining with the activities of subjects. The dynamics of sociality transforms spatial dependencies into temporal ones, and temporal ones into spatial ones. Cooperation is revealed as the distribution of subjects across different streams of aggregate activity. The extended reproduction of sociality reveals the form of the chronotope. It changes its boundaries depending on the intensity and nature of the interconnected and divided activities of the subjects. The ensemble of polysubjectivity shows that these flows are connected not so much by compatibility as by consistency of results. Displaying this dynamic is fraught with great difficulties. The main obstacle is the division of labor between disciplines of social and humanitarian knowledge. Overcoming it involves rethinking the historical and methodological foundations of these disciplines. A similar task arises for philosophy. In order to reflect the dynamics of polysubjectivity, it will have to make significant adjustments to its traditional ontological, logical and epistemological forms.

Keywords: polysubjectivity, ensemble, multidimensionality of sociality, cooperation, tools and means of activity, social reproduction, dynamics of polysubjectivity, influence of polysubjectivity on the traditions of philosophy.

References

1. Kemerov V.E. Subject, subjectivity, subjectivity // Sociology. 2024, # 1. p. 4–9.
2. Kemerov V.E. From polylogue to monologue: countdown// Sociology. 2024, # 7, p.166–170
3. Kemerov V.E. One Actor Theater// Social-humanitarian Knowledge, 2024, # 9, p.105–108.
4. Giddens A. Constitution of Society. Cambridge, 1984, p.384.
5. Collins R. Sociology of philosophies, Cambridge, 2009, p.1120.
6. Lektorsky V.A. Epistemology Classical and Nonclassical. M, 2001, p.256.

Проблематика российской цивилизации в процессе преподавания дисциплины «Основы российской государственности»

Ляшенко Олеся Викторовна,

к.ф.н., доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: olesyalashenko@list.ru

Статья посвящена проблематике российской цивилизации в процессе преподавания дисциплины «Основы российской государственности». Статья имеет практико-ориентированный характер и связана с обсуждением в студенческой среде Северо-Кавказского федерального университета проблематики российской цивилизации в рамках преподавания учебной дисциплины «Основы российской государственности». Одна из важных целей учебной дисциплины «Основы российской государственности» – обозначить перед студенческой аудиторией существующие на современном этапе научные представления, связанные с фабулой развития российской цивилизации, и обратить внимание студентов на то, что российская цивилизация базируется на фундаментальном историческом наследии, обладает самобытными и уникальными элементами. Кроме того, новая дисциплина стремится сформировать у студентов представление о величии тысячелетней российской истории, уникальности и мировом значении российской культуры, тем самым убеждает осознать себя частью российского общества, осмыслить свою принадлежность к российской цивилизации через обсуждение теоретического материала, представленного в ходе лекционных и семинарских занятий.

Ключевые слова: цивилизация, российская цивилизация, российское государство, российская цивилизационная идентичность, гражданская позиция, студенческая среда.

С первого сентября 2023 года в образовательные программы высших учебных заведений Российской Федерации на всех направлениях подготовки и специальностях была введена новая учебная дисциплина «Основы российской государственности», что подтверждает востребованность и актуальность данного курса в настоящее время, особенно в последние годы значительно возросла потребность в углублении социально-гуманитарных знаний в процессе подготовки студентов российских вузов, укреплении в сознании последних элемента российской цивилизационной идентичности и в общем расширении мировоззренческого кругозора в студенческой среде.

В Северо-Кавказском федеральном университете этот запрос был услышан со стороны научного, политического, образовательного сообщества и с 2018 года на всех направлениях подготовки и специальностях была введена учебная дисциплина «Личность в пространстве российской цивилизации», а с 2021 года появляется в учебных планах вуза дисциплина «Основы российской цивилизации».

В Северо-Кавказском федеральном университете, как и в других вузах нашей страны, уже второй год идет реализация и интеграция дисциплины «Основы российской государственности» в образовательный процесс. Одной из главных задач, стоящих перед преподавателем, реализующим данную дисциплину, на наш взгляд, является активизация внимания студентов к изучению российской государственности в ее непрерывном цивилизационном развитии. Также, весьма значимым является необходимость привлечь внимание обучающихся к достижениям нашего государства в разных сферах, раскрыть уникальность и самобытность российской цивилизации и на конкретных примерах разных исторических эпох продемонстрировать вовлеченность наших предков в судьбу Отечества и, тем самым, приобщить студентов к активной гражданской позиции, укрепить чувство российской цивилизационной идентичности в решении важных задач и вызовов, которые стоят на современном этапе перед российской цивилизацией.

Согласно проекту концепции учебно-методического комплекса дисциплины «Основы российской государственности» [1], следует отметить, что из всех разделов курса, два раздела тесно связаны с обсуждением тематики российской цивилизации, где второй раздел в историко-философском аспекте напрямую посвящен обсуждению России как государства-цивилизации, особенности цивилизационного развития России, ее роли и миссии в трудах различных отечественных, зарубежных философов, историков и других представителей научного знания. В третьем разделе через призму мировоззренческой системы, неразрывно связанной с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, ценностными константами дается обоснование России как государства-цивилизации.

В рамках определенных часов, выделенных на обсуждение с первокурсниками, на наш взгляд, преподавателю необходимо сфокусировать внимание студентов на основных представителях цивилизационного рассматривания истории развития человеческого общества, вы-

делить из числа авторов-цивилизаторов отечественных ученых, подчеркнув их роль в изучении данной тематики, резюмировать основные смыслы понятия «цивилизация», которые сформировались на сегодняшний день. Обозначить тот факт, что на протяжении длительного времени в общественном сознании доминировал формационный подход к рассмотрению истории человеческого общества, который зиждился на адаптивной схеме эволюции человечества и не принимал во внимание социокультурные факторы развития, делая невозможным трактовать различия в самобытности различных исторических обществ. Отметить преимущество цивилизационного подхода, так как он позволяет узреть в истории культурный плюрализм.

В смысловых ориентирах проекта концепции учебно-методического комплекса дисциплины «Основы российской государственности» обозначен солидный перечень вопросов, которые целесообразно рассмотреть в ходе лекционных и семинарских занятий со студентами. На наш взгляд, справедливо отметить, что этот круг вопросов позволит на достаточно высоком теоретическом и методологическом уровне рассмотреть проблематику российской цивилизации в ходе учебных занятий.

Перед тем как перейти к обсуждению проблематики российской цивилизации, необходимо выяснить сущность и содержание самого понятия «цивилизация». Что касается философского осмысления понятия «цивилизация», то специфика его рассмотрения заключается в многогранности проблемы его происхождения и развития. Данное понятие обозначало идеальное устройство человеческого общества, основанное на началах разума и справедливости. Цивилизация в отличие от культуры больше всего отражает технологический аспект, количественные параметры бытия и развития общества, т.е. если культура отражает сущность человеческого бытия, то цивилизация отражает более внешние стороны бытия. Под цивилизацией следует понимать, с одной стороны, уровень развития культуры и общества в целом, а с другой стороны, способ освоения культурных ценностей (материальных и духовных), которые осуществляют всю общественную жизнь, ее специфику. Цивилизация начинается с установления людьми правил человеческой жизни и человеческого поведения.

Понятие «цивилизация» упоминается еще в античности как противопоставление понятию «дикость». Впервые это понятие употребил и ввел в научный оборот В.Р. Мирабо в 1757 году в трактате «Друг законов». Но в философской литературе редко отмечается его роль в разработке данного понятия. Со слов Мирабо «цивилизация возникает тогда, когда формируется социальная система, базирующаяся на гуманных основаниях, исключая проявления жестокости и диких нравов» [2].

Более широкую известность в разработке понятия «цивилизация» приобрел А. Фергюсон [3], так как в своей работе «Опыт истории гражданского общества», написанной в 1767 году, он попытался определить систему общественного прогресса сквозь призму эволюции человечества. В философском плане интенсивное осмысление понятия «цивилизация» начинается в XVIII веке. Благодаря трудам Д.Б. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» [4], И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» [5] были предприняты попытки рационально исследовать человеческую культуру.

В XIX веке значительный вклад в разработку данной проблематики внес наш соотечественник Н.Я. Данилевский. Его теория культурно-исторических типов самобытных цивилизаций, представляющих из себя локаль-

ные социально-культурные образования, была одной из первых, где был заложен принцип цивилизационного развития человечества. Н.Я. Данилевский в своей главной работе «Россия и Европа» [6] обосновал идею о многообразии мировых цивилизаций. Примечательно, что одной из них он видел и Россию. По словам Н.Я. Данилевского «с общей культурно-исторической точки зрения Россия не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению; что ей предстоит только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать особую, самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения – быть ничем» [6].

Из числа европейских ученых, которые разделяли взгляды Н.Я. Данилевского и признавали идею цивилизационной структуры общественной жизни были О. Шпенглер и А. Тойнби. Основные положения теории локальных цивилизаций О. Шпенглера представлены в книге «Закат Европы» [7]. По его мнению, за всю историю человечества сложилось лишь 8 культур, прошедших полный цикл естественного развития, в стадии зарождения находится и русская культура. А. Тойнби свою теорию цивилизаций изложил в работе «Постижение истории» [8]. Среди многообразия человеческих цивилизаций он выделял православную христианскую в России.

Таким образом, благодаря теории локальных цивилизаций Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби был заложен новый этап в рассмотрении истории человеческого общества, где цивилизации рассматриваются как уникальные локально-исторические образования, которые существуют длительное время, имеют относительно устойчивые пространственные границы, вырабатывают специфические формы экономической, социально-политической, духовной жизни и осуществляющие свой, индивидуальный путь исторического развития.

Среди наших соотечественников, которые внесли свой вклад в изучение российской цивилизации, представляется необходимым отметить деятельность К.Н. Леонтьева. В своей цивилизационной концепции он использует понятие «мир». По словам К.Н. Леонтьева «Россия – не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, это – целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности» [9]. В трудах К.Н. Леонтьева четко прослеживается идея о том, что существование российской цивилизации возможно при наличии централизованной и сильной государственной власти. Такую точку зрения разделяет на сегодняшний день значительное количество россиян.

Еще одним представителем XIX века, который внес определенные достижения в изучение проблематики российской цивилизации, был В.С. Соловьев [10]. Он был автором многих ключевых идей, которые легли в основу философского знания. Размышляя о своей Родине, он приходит к мысли о том, что России уготована особая роль, которая связана с объединением человечества. Россия представлялась ему как некий сплав европейской и азиатской культур, но при этом, В.С. Соловьев акцентировал внимание на ее уникальности в мировой истории.

В XX веке размышления о российской цивилизации продолжались в научном дискурсе. Необходимо отметить в этом направлении деятельность философа и политолога А.С. Панарина. В своих работах он называет Россию «государством-цивилизацией» [13]. Для него первостепенными в России выступают духовные взаимоотношения между людьми и, следовательно, гражда-

не нашего государства определяются как духовная общность.

Рассуждая над концептом российской цивилизации в ходе лекционных занятий, необходимо познакомиться студентов с работами академика В.С. Степина [14]. В своих трудах он поднимал вопросы, связанные с судьбой России в будущем, рассуждал о стратегиях дальнейшего развития нашей цивилизации. Первостепенное значение он придавал базисным ценностям культуры.

Весьма актуальными в условиях современной ситуации, являются взгляды О.А. Платонова. В своей работе «Русская цивилизация. История и идеология русского народа» [15] он подчеркивает тот факт, что наш народ основал величайшую в мире духовную цивилизацию, которая с опорой на собственные ценности смогла стать сильной и великой страной и обогатила весь мир своей выдающейся культурой. Отстаивая в ходе многочисленных исторических событий ценности своей цивилизации, наш народ выдержал тяжелейшие вызовы и испытания. На современном этапе мирового развития российская цивилизация остается главным препятствием западному миру на пути к мировому господству.

Таким образом, важно обозначить в ходе учебных занятий студенческой аудитории достижения наших авторов-цивилизаторов, которые стояли у истоков разработки этой проблематики на протяжении веков. В ходе изучения дисциплины «Основы российской государственности» необходимо обратить внимание студентов, что российской цивилизация базируется на фундаментальном историческом наследии, в рамках которого была выработана тысячелетиями определенная система ценностей, моральных норм и в целом российская культура, которая обладает самобытными и уникальными элементами. Показать анализ рассуждения о проблематике российской цивилизации в научном дискурсе, который является одной из центральных и весьма значимых тем.

Именно в периоды исторических потрясений, вызовов и угроз перед человеком и обществом все более остро проявляется фундаментальный вопрос, связанный с цивилизационной идентичностью, ответ на который дает людям чувство солидарности и сопричастности к общей исторической судьбе своего народа, позволяет ощутить связь с прошлыми поколениями, занять активную гражданскую позицию, которая будет выражаться в деятельностном компоненте, транслировать унаследованные культурно-цивилизационные ценности своим потомкам и будущим поколениям.

Литература

1. Основы российской государственности. Проект концепции УМК [Электронный ресурс]. – URL: https://oti.mephi.ru/content/public/uploads/media/sveden/education/vo/150305/methodMaterials/2023/51_ump_osnovu_rossiyskoy_gosudarstvennosti_koncepciya.pdf
2. Шендрик А.И. Теория культуры: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Единство, 2002. – С. 85.
3. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. – М.: РОССПЭН, 2000–389 с.
4. Вико Д.Б. Основания новой науки об общей природе наций. – М.: Рипол-Классик, 2018–704 с.
5. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 760 с.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 475.

7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. – М.: Эксмо, 2023. – 672 с.
8. Тойнби А.Д. Постигание истории – М.: Академический проект, 2021. – 800 с.
9. Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах. – М.: Нобель Пресс, 2009. – 110 с.
10. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. – М.: Юрайт, 2016. – 530 с.
11. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М.: Институт философии РАН, 1994. – 263 с.
12. Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 407 с.
13. Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. – М.: Алгоритм, 2010. – 944 с.

THE PROBLEMS OF RUSSIAN CIVILIZATION IN THE TEACHING PROCESS THE DISCIPLINE «FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD»¹

Lyashenko O.V.

North Caucasus Federal University

The article is devoted to the problems of Russian civilization in the process of teaching the discipline “Fundamentals of Russian statehood”. The article is of a practice-oriented nature and is related to the discussion among students of the North Caucasus Federal University of the problem of the Russian civilization in the framework of teaching the academic discipline “Fundamentals of Russian Statehood”. One of the important goals of the academic discipline “Fundamentals of Russian Statehood” is to identify to the student audience the scientific ideas existing at the present stage related to the plot of the development of Russian civilization, and to draw students’ attention to the fact that Russian civilization is based on a fundamental historical heritage, has distinctive and unique elements. In addition, the new discipline seeks to form students’ understanding of the greatness of the thousand-year-old Russian history, the uniqueness and global significance of Russian culture, thereby convincing them to realize themselves as part of Russian society, to comprehend their belonging to Russian civilization through discussion of theoretical material presented during lectures and seminars.

Keywords: civilization, Russian civilization, Russian state, Russian civilizational identity, civic position, student environment.

References

1. Fundamentals of Russian statehood. Draft concept of the teaching and methodological complex [Electronic resource]. – URL: https://oti.mephi.ru/content/public/uploads/media/sveden/education/vo/150305/methodMaterials/2023/51_ump_osnovu_rossiyskoy_gosudarstvennosti_koncepciya.pdf
2. Shendrik A.I. Theory of culture: A textbook for universities. – Moscow: UNITY-DANA, Unity, 2002. – P. 85.
3. Ferguson A. Experience of the history of civil society. – Moscow: ROSSPEN, 2000–389 p.
4. Vico D.B. Foundations of a new science about the general nature of nations. – Moscow: Ripol-Classic, 2018–704 p.
5. Herder I.G. Ideas for a Philosophy of Human History. – Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2013. – 760 p.
6. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. – Moscow: Institute of Russian Civilization, 2008. – P. 475.
7. Spengler O. The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History. Gestalt and Reality. – Moscow: Eksmo, 2023. – 672 p.
8. Toynbee A.D. Understanding History – Moscow: Academic Project, 2021. – 800 p.

¹ The publication was prepared within the framework of the project “Scientific, methodological, organizational and technical support of the activities of the regional center for the inclusion of the module “Fundamentals of Russian Statehood” in educational programs of higher education” No 5461–24. Registry number – 850000Ф.99.1. BN66AA00000.

9. Leontiev K.N. Letters on Eastern Affairs. – Moscow: Nobel Press, 2009. – 110 p.
10. Soloviev V.S. The National Question in Russia. – Moscow: Yurait, 2016. – 530 p.
11. Panarin A.S. Russia in the civilizational process (between Atlanticism and Eurasianism). – M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1994. – 263 p.
12. Stepin V.S. Civilization and Culture. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Printing Arts, 2011. – 407 p.
13. Platonov O.A. Russian civilization. History and ideology of the Russian people. – M.: Algorithm, 2010. – 944 p.

Применение герменевтического подхода для интерпретации социальной реальности

Матушевская Виктория Викторовна,

старший преподаватель, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского
E-mail: Matushevskaya_v@mail.ru

Герменевтика, которая занимается изучением интерпретации, позволяет интерпретировать широкий круг проявлений социальной реальности. Социальная реальность затрагивает события, которые воспринимаются и осознаются каждым человеком через призму как личных, так и национальных ценностей. В данной статье рассматривается герменевтический подход к социальным явлениям, который включает в себя теоретические основы с практическими примерами из различных областей, таких как социология, антропология и культурология. На примере материала из истории в статье показано, что на разных этапах своего развития философия являлась фундаментом для социальной реальности. В процессе исследования, мы можем наблюдать за тем, как отдельные люди и группы по-разному интерпретируют свой социальный мир. Это помогает нам понять, какие сложности лежат в основе процессов осмысления, которые формируют человеческие взаимодействия и социальные структуры.

Ключевые слова: герменевтика, социальная реальность, интерпретация, социальные науки, культура, значение, социальное поведение, эмпатическое понимание, коммуникативное действие

Введение

В основе термина «герменевтика» лежит греческое слово «hermeneuein», которое означает «интерпретировать». Первоначальное применение герменевтики к Библии стало более широким, включив в себя рассмотрение человеческого поведения и социальных явлений. В контексте социальной действительности герменевтика изучает способы создания смысла отдельными людьми и группами, опираясь на их опыт.

Исторический контекст

Герменевтика в процессе своего развития прошла ряд последовательных этапов, которые были обусловлены ее изначальным зарождением. Вклад таких личностей, как Фридрих Шлейермахер, Вильгельм Дильтей и Ханс-Георг Гадамер, способствовал ее развитию, подчеркивая важность взаимосвязи между интерпретатором и текстом или социальным явлением.

До недавнего времени изучение текста как связующего элемента между понятиями «означающее» и «означающее» преимущественно осуществлялось в лингвистике и лишь изредка в социологии, в частности в контексте постмодернистских дискурсов. Технологии, разработанные в ходе таких исследований, позволяли решать в основном задачи интерпретации текстов. В отличие от этого, социально-философский анализ текста как кода общества предполагает более широкое обобщение накопленных эмпирических данных, объединение различных научных подходов и формирование новой исследовательской программы, направленной на изучение социальной реальности как целостного и органического явления [1].

Фридрих Шлейермахером было принято решение сконцентрироваться на понимании замысла автора и исторического значения текста. Научная деятельность Вильгельма Дильтея была расширена.

Еще М.Хайдеггер подчеркнул у В.Дильтея «беспокойное стремление к главной цели: привести «жизнь» к философскому пониманию и обеспечить этому пониманию из «самой жизни» герменевтический фундамент. Гадамер же считал, что «герменевтический аспект не может ограничиваться «герменевтическими науками» – искусством, историей, не может ограничиваться общением с «текстами»: универсальность герменевтической проблемы относится к совокупности всего разумного ...» [2] Он добавил в область герменевтики интерпретацию человеческого опыта и предположил, что социальные науки имеют иные требования к подходу по сравнению с естественными науками. В своей научной работе Ханс-Георг Гадамер уделял большое внимание концепции «слияния горизонтов», согласно которой понимание приходит благодаря взаимодействию между точкой зрения интерпретатора и историческим контекстом произведения. Он писал, что «задача герменевтики в том, чтобы объяснить чудо понимания, которое есть не какое-то загадочное общение душ, но причастность общему смыслу».

Хайдеггер поднял интерпретацию на экзистенциальный уровень, утверждая, что истолкование основывает-

ся на понимании, которое он определяет как характер существования Dasein. В общем, его концепция интерпретации глубоко связана с основными философскими вопросами человеческого бытия в мире. Тексты рассматриваются не только как вспомогательные знаковые структуры или «инструменты» для общения и передачи информации, но и как выражения человеческого языка, через который само бытие получает голос.

Новые подходы к интерпретации социальной реальности

В настоящее время, в научном поле герменевтики объединяются идеи из разных областей, таких как феноменология, теория постструктурализма, критическая теория. Поль Рикёр и Юрген Хабермас, изучали взаимодействие между нарративом и идентичностью, в то время как другие исследователи изучали роль коммуникации в понимании социальной реальности [3].

Часто для интерпретации социальных явлений и культурных практик социологи прибегают к использованию герменевтических методов. Наиболее известным примером является концепция Макса Вебера «Verstehen», которая подчеркивает эмпатическое восприятие социальной деятельности. Вебер показал в своей основополагающей работе «Протестантская этика и дух капитализма», как кальвинистские убеждения повлияли на экономическое поведение в странах Запада. С помощью своего герменевтического подхода он смог понять значение религиозных практик, их влияние на социальную и экономическую жизнь [4].

Антропологами используется термин герменевтика для того, чтобы понять смысл культурных символов и ритуалов. Наглядным примером этого подхода является концепция интерпретации антропологии, которую разработал Клиффорд Гирц. Он выступает за глубокий анализ социальных практик с помощью контекстуального анализа. Книга Гирца «Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев» раскрывает смысл петушиного боя как культурного явления, которое помогает понять особенности балийского общества, идентичности и социальных структур. [5]

Понятие «контекст» стало частью философских размышлений в 1970-х годах XX века и служит дополнительным методологическим инструментом для организации исторического и социокультурного материала. Познание всегда происходит в определённом контексте. Невозможно представить ситуацию, в которой объект исследования был бы представлен исследователю вне различных мировоззренческих, культурных, эмоциональных или психологических обстоятельств. [6]

Подход, основанный на герменевтике, имеет большую эффективность при изучении культуры и самобытности коренных народов. В частности в работе антрополога Эдварда Саида «Ориентализм» (1978), рассматривалась роль западных интерпретаций восточных культур в формировании социальных реалий [7]. Проводя исследования с помощью герменевтики, исследователи могут выявить многослойные значения обычаев и верований коренных народов, которые зачастую неверно интерпретируются при помощи колониализма.

В исследовании коммуникации, где важны детали диалогов и дискурсов, также может быть полезен герменевтический подход. Хабермас считает, что коммуникации являются центральным механизмом социального взаимодействия, в котором смысл формируется посредством диалогов. Данная концепция дает возможность исследовать динамику власти в коммуникационных процессах [8].

Условия работы и использования социальных сетей изменили способы, благодаря которым люди могут создавать смыслы для себя и делиться ими. Герменевтика социальной сети изучает то, как пользователи интерпретируют идентичность, культуру и социальные нормы в онлайн-пространстве и согласовывают их с помощью своих действий. Герменевтика в рамках социальных медиа подразумевает применение герменевтических подходов для анализа нового социального опыта, который возникает в онлайн-среде.

Акции с хэштегами, такие как #BlackLivesMatter (хэштег в социальных медиа, который является названием международного движения по защите прав человека Black Lives Matter), могут показать процесс формирования и распространения общего смысла в социальных сетях. В процессе интерпретации и изменения социальных ценностей, пользователи участвуют в герменевтическом процессе.

«Педагогика угнетенных» Пауло Фрейре акцентирует внимание на важности диалогов и критического осмысления. Его подход основан на анализе того, как учащиеся интерпретируют свой опыт и социальные реалии, в которых они живут, что помогает им глубже понять свое окружение. [9].

Артур Франк в своей книге «Раненый рассказчик: тело, болезнь и этика» исследует истории болезней, обращая особое внимание на то, как люди описывают свои переживания, связанные с болезнями. Люди могут рассказать истории о своих болезнях, а также о том, как они оценивают свое состояние здоровья. [10] В области социального конструирования здоровья и болезней герменевтика является незаменимым инструментом для получения информации. Эрвинг Гоффман в своей работе «Стигма» (1963), а также в других его работах, посвященных социальным аспектам психических заболеваний, раскрывает то, как социальные интерпретации могут влиять на восприятие и идентичность людей [11]. В результате анализа культурного значения, которое придаётся стигматизации, исследователи могут более точно понимать социальные реалии, с которыми сталкиваются люди, испытывающие проблемы с психическим здоровьем.

Ученые в области урбанистики исследуют, как разные социальные группы интерпретируют и используют общественные пространства. Парки, площади и улицы могут иметь различные значения, которые отражают культурные ценности, социальную иерархию и коллективную идентичность. Создание герменевтических технологий основывается на умственной сущности психики и научных традициях XX века. В анализе малых улиц методы герменевтики предоставляют ряд методических преимуществ по сравнению с традиционными научными подходами. Основополагающие аспекты герменевтического изучения культуры малых улиц включают в себя осознанное присутствие и выход за рамки дихотомии «знание/незнание». Эффективным является процесс понимания, развивающийся по нарастающим кругам с целью выявления глубоких смыслов городской культуры. Кроме того, герменевтическое исследование улиц должно основываться на личной оценке и надежных источниках информации.

Представители конструктивистской психологии исследуют способы, с помощью которых люди создают свою реальность, опираясь на личный опыт и социальные связи. Подобное рассмотрение психологических проблем, имеющих отношение к психическому здоровью через призму герменевтики может помочь понять, как люди интерпретируют свои переживания, связанные с травмами или стрессом.

Герменевтический подход предполагает тщательное внимание к контексту, в котором происходит коммуникация, а также к тому, как различные социальные группы интерпретируют происходящее. Он позволяет выявить не только явные смыслы, но и скрытые, латентные значения, которые могут существенно влиять на поведение индивидов. Например, исследование культурных ритуалов или традиций может показать, как определенные символы и знаки интерпретируются по-разному в зависимости от исторического и культурного фона участников. При этом внимание обращается не только на вербальное общение, но и на невербальные аспекты коммуникации: жесты, мимику, интонацию, которые также несут важную смысловую нагрузку.

Одним из ключевых аспектов герменевтики является способность исследователя воспринимать социальные феномены через призму множества возможных интерпретаций. Это предполагает открытость к различным точкам зрения и готовность пересмотреть предварительные гипотезы в свете новой информации. Важно помнить, что каждый акт коммуникации – это процесс совместного создания смысла, где все участники приносят свои ожидания, знания и опыт. Чем разнообразнее группы, тем богаче может быть палитра интерпретаций, что, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию сложных социальных процессов.

Вывод

При изучении социальной реальности, можно получить точное представление о том, как происходит конструирование смысла в конкретных социальных ситуациях. В результате объединения теоретических идей и конкретных примеров, мы можем оценить сложность человеческих взаимодействий и значимость интерпретации в формировании социальной жизни. По мере того, как общество будет развиваться, герменевтический подход будет иметь огромное значение для анализа динамичных процессов смыслообразования в различных культурах и обществах.

В будущем значение герменевтического подхода может стать еще более очевидным в условиях глобализации и увеличения межкультурных взаимодействий. На фоне возрастания сложности как локальных, так и глобальных социальных систем, потребность в более детальном анализе того, как создаются и распространяются смыслы, становится особенно актуальной. Герменевтика предлагает разнообразные инструменты, которые могут быть использованы для изучения социальных феноменов в условиях меняющегося мира. Этот подход поддерживает диалог между различными культурными традициями и способствует взаимопониманию, что особенно важно в условиях глобальных перемен и вызовов.

Литература

1. Храпова В.А. Текст как социокультурный код общества: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук/ Храпова Виктория Анатольевна: Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2007–306 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Под редакцией В.С. Малахова. М: Искусство, 1991–367 с.
3. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Моск. лекции и интервью: Пер. с фр //М.: Изд-во «КАМИ».–1995.–159 с.
4. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.// Сост., общ.ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдена – М.: Прогресс, 1990–808 с.

5. Гирц К. Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев. – Ad Marginem, 2017. – Т. 28. – 111 с.
6. Абасова Б.А. Интерпретация как способ понимания текста// Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 1–3 декабря, 2016 г.). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016. – с. 10–16
7. Саид Э. Ориентализм: западные концепции Востока// Издательство «Русский Мир», 1978. – 636 с.
8. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь мир. – 2022. – 577 с.
9. Фрейре П. Педагогика угнетенных/ Паулу Фрейре: [предисл. Д.Мачедо; послесл. А.Шора; пер. с англ. Н.В. Никитиной, М.И. Мальцевой-Самойлович]. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 288 с.
10. Лехциер В.Л. Типология пациентского сторителлинга в этическом учении Артура Франка //Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № . 1 (10). – С. 65–71.
11. Липай Т. П., Мамедов А.К. Стигматизация как социальный феномен (методология исследования). – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16367858> (дата обращения: 01.11.2024)

APPLICATION OF A HERMENEUTIC APPROACH TO INTERPRET SOCIAL REALITY

Matushevskaya V.V.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

Hermeneutics, which studies interpretation, allows us to interpret a wide range of manifestations of social reality. Social reality concerns events that are perceived and realized by each person through the prism of both personal and national values. This article examines the hermeneutic approach to social phenomena, which includes theoretical foundations with practical examples from various fields, such as sociology, anthropology and cultural studies. Using material from history as an example, the article shows that at different stages of its development, philosophy was the foundation for social reality. In the process of research, we can observe how individuals and groups interpret their social world differently. This helps us understand what complexities underlie the processes of comprehension that shape human interactions and social structures.

Keywords: hermeneutics, social reality, interpretation, social sciences, culture, meaning, social behavior, empathic understanding, communicative action.

References

1. Khrapova V.A. Text as a socio-cultural code of society: specialty 09.00.11 "Social Philosophy": dissertation for the degree of Doctor of Philosophy / Khrapova Victoria Anatolyevna: Volgograd State University. – Volgograd, 2007–306 p.
2. Gadamer G.-G. The relevance of the beautiful / Edited by V.S. Malakhov. Moscow: Art, 1991–367 p.
3. Ricoeur P. Hermeneutics. Ethics. Politics: Moscow lectures and interviews: Trans. from French // Moscow: Publishing house "KAMI". – 1995. – 159 p.
4. Weber M. Selected works: Trans. from German // Comp., general editor. and afterwords. Yu.N. Davydov; Preface. P.P. Gaidenko – M.: Progress, 1990–808 p.
5. Geertz K. Deep game: notes on cockfighting among the Balinese. – Ad Marginem, 2017. – Т. 28. – 111 p.
6. Abasova B.A. Interpretation as a way of understanding the text // Humanitarian knowledge and spiritual security: collection of materials of the III International scientific and practical conference (Grozny, December 1–3, 2016). Makhachkala: ChSPU, ALEF (IP Ovchinnikov M.A.), 2016. – pp. 10–16
7. Said E. Orientalism: Western concepts of the East // Publishing house "Russian World", 1978. – 636 p.
8. Habermas J. Theory of communicative activity. M.: Ves' mir. – 2022. – 577 p.

9. Freire P. *Pedagogy of the Oppressed* / Paulo Freire: [foreword by D. Macedo: afterword by A. Shor; trans. from English by N.V. Nikitina, M.I. Maltseva-Samoilovich]. – M.: KoLibri, Azbuka-Atticus, 2018. – 288 p.
10. Lekhtsier V.L. Typology of patient storytelling in the ethical teaching of Arthur Frank // *International Journal of Cultural Studies*. – 2013. – No. 1 (10). – P. 65–71.
11. Lipai T. P., Mamedov A.K. Stigmatization as a social phenomenon (research methodology). – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16367858> (date of access: 01.11.2024)

Русский мир и финно-угорский мир в социально-философском, культурологическом и национальном измерении: к постановке проблем

Мочалов Евгений Владимирович,

заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
E-mail: mochalov_ev@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению в историко-философском, историко-культурном, историко-религиозном аспектах становления важнейшей категории современной социальной и политической философии – Русский мир. Автор публикации проводит мысль о том, что основу Русского мира составляет православие, общность религиозных, языковых, культурных и национальных традиций. Кроме того, в статье обращено внимание на роль концепта «Русская идея» как идейного штампа Русского мира. В качестве проблемы особое место в статье уделено принципам и методам анализа финно-угорского мира (национального компонента) Русского мира. Сравнивая этические категории национального характера, мифологии и языка, автор статьи предпринимает попытку обосновать социально-философское определение соборности и диалога в качестве взаимной методологии социально-философского анализа Русского мира и финно-угорского мира. В статье предлагается определение Финно-угорского мира.

Ключевые слова: Русский мир, Финно-угорский мир, «единство во множестве», диалог, Православие, традиция, соборность, Русская идея, национальный характер, миф, народ, Россия.

Предпринимая попытку рассмотреть хотя бы в самом общем и схематичном виде соотношение Русского и Финно-угорского мира полагаем возможным обратиться к наследию славянофилов. Речь идет о феномене, понятии и категории – «*соборность*». В указанном аспекте нас интересует важнейшая характеристика, присущая ей: «*единство во множестве*».

На наш взгляд, такого рода определение вполне может служить моделью и источником осмысления Русского мира в национальном измерении, представляет широкие возможности для культурного, политического и религиозного развития национальных миров народов России, причем не только православных. Последнее суждение, в нашем представлении, имеет особое значение, так как соборное прочтение взаимоотношений культур народов России, несомненно, будет способствовать их гармоничному развитию не только в цивилизационном пространстве России, но и Европы.

Вполне закономерно, что в современную социальную и политическую философию, культурологию и историю философии понятие «*Русский мир*» и его проблемы стали необыкновенно востребованными и значимыми, они учитывают и его религиозную составляющую. Последняя нашла отражение в работах А.Н. Островского, который определял Русский мир в качестве некоего социума, «живущего в единстве веры, обрядов и обычаев» [10, с. 31].

Стоит отметить, что понятие «*Русский мир*» сегодня имеет следующую категориальную и концептуальную трактовку «трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, объединенное причастностью к России и лояльностью к русскому языку и культуре» (В.А. Тишков) [14, с. 276].

В современной философии представлены и рассмотрены геополитические и геоэкономические аспекты Русского мира (например, работы В.Л. Цымбурского и П.Г. Щедровицкого), выделяющие его константы: Православие, русскую культуру, язык, историческую память.

Очевидно, что социальное бытие Русского мира неразрывно связано с русским зарубежьем. Русская эмиграция образовала диаспоры на территории Франции, Чехии, Югославии, Болгарии, Германии и продолжила считать себя частью России, сохраняя ее религиозные традиции, обряды, язык и культуру, соперживая ее исторической судьбе.

О проблематике Русского мира, ее популярности в последнее время ясно дает понять то, что довольно часто стали собираться так называемые конгрессы соотечественников, народов России, в том числе и финно-угорских. Правительство принимает меры к тому, чтобы расширить связи с русской диаспорой, и, естественно, усилены меры по пропаганде русского языка в мире. Но, безусловно, у понятия «Русский мир» есть и другой смысл – мир между самими русскими и другими народами России.

Сразу же подчеркнем, что, несмотря на обилие работ, которые присутствуют в гуманитаристике Российской Федерации и в гуманитаристике национальных республик, понятие «Финно-угорский мир» представлено в большей степени в этнографических и исторических

исследованиях, в фольклоре, национальных языках, но никак не в социально-философском и культурологическом плане. Именно этот пробел мы и постараемся восполнить.

Рассматривая и пытаясь определить, что же такое Финно-угорский мир в контексте Русского мира, невозможно уйти от применения метода аналогии, позволяющего выявить, как образовывалось и осмысливалось понятие Русского мира, какие этапы оно прошло в своем развитии и, естественно, каким образом формировалось понятие *Финно-угорского мира*.

Прежде чем обратиться к Русскому миру проанализируем хотя бы кратко его теоретические и духовные истоки. Совершенно очевидно, что они лежат в теме славянства и славянского единства. Если проанализировать российскую цивилизацию, цивилизацию Русь–Россия, то вполне закономерно можно сделать вывод, что она состоит из нескольких культурно-исторических слоев. Они включают в себя христианство и византийское влияние, – это первое. Второе – азиатский слой. И третья важнейшая составляющая часть – западная, или европейская, цивилизация. Однако основой этой цивилизации является, безусловно, народ, который представляет собой сообщество народностей, включающее русских, украинцев, белорусов и связавших с ними судьбу – мордву, чуваш, удмуртов и других. Таким образом, можно сделать вывод, что основой и фундаментом православной цивилизации, как Древней Руси, так и России стало общество восточных славян, а Русский мир стал важнейшей и неотъемлемой частью данной цивилизации. Это, на наш взгляд, принципиальное суждение, ведь русских нередко не относили к славянам, а некоторые обыватели и по сей день считают, что русские в лучшем случае – некие полукровки, которые связаны как с азиатами, так и со славянами.

Полагаем что, есть весомые основания утверждать, что понятия «Русский мир», «Финно-угорский мир» самым теснейшим образом связаны с понятием Русской идеи, которая выражает, осознание народами России своего исторического, национального и этнокультурного своеобразия, нашедшего обращения в традициях философии, литературы, культуры, религии и мифологии.

Впервые к *Русской идее* обращается в одной из своих работ Ф.М. Достоевский, а впоследствии она становится предметом осмысления целого ряда известных русских философов [6, с. 36–38]. Таким образом, очевиден и тот факт, что Русская идея впитывается в себя и взгляды других народов России. Поэтому вполне закономерно, что национальный компонент присутствует и в Русской идее, и в Русском мире. Нет ничего удивительного, что национальная идея присуща китайцам, французам, татарам, чувашам, мордве и другим. Возможно, у какого-то народа она нечетко сформулирована, но в социально-философской и культурологической традиции ее присутствие, несомненно.

Ф.М. Достоевский рассматривает связь Русской идеи с национальным менталитетом: «Недаром же мы говорим на всех языках, понимаем все цивилизации, сочувствуем интересам каждого европейского народа, понимаем смысл и разумность явлений, совершенно нам чужды» [6, с. 36].

В ходе рассмотрения Русской идеи обратимся к памятнику древнерусской литературы по философии «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, в котором уже просматриваются попытки осмысления особой миссии России, содержатся теоретические основания Русской идеи. Первоочередно в говорится об противопоставлении фундаментальных теоретических понятий «закона» и «благодати». «Святую Русь» можно

определить как прообраз Русской идеи. Грезы о Святой Земле, Новом Иерусалиме, населенном людьми, которые приняли проповедь Христа и живут по закону Божьему – вот основа русской идеи в представлении митрополита Иллариона. Произведение насыщено до предела смысловым богатством таких понятий, как «совесть», «правда», «милосердие», «радость», «любовь», нашедших отражение в древнерусской литературе и философии [11].

Рассматривая истоки Русской идеи в древнерусской литературе, необходимо обратить внимание на «Повесть временных лет», где употребляется *словосочетание «Русская земля»*. Если верить летописи, то оно появляется в 852 году. В этом же памятнике мы можем найти и такие сочетания, связанные со словом «русское»: «русские люди», «русские воины», «великий князь русский», «русские города» и несколько позже, безусловно, «русская речь» и «русская мысль» [12].

Само слово «Россия» впервые фиксируется в 1517 году в одной из московских грамот периода Ивана Грозного. История общеупотребительных названий «Древняя Русь», «Киевская Русь», «Средневековая Русь», «Московская Русь» в 1698–1699 годах после разгрома стрельцов завершается, и начинается история нового государства – России.

Весьма интересно также понятие (словосочетание) «Святая Русь». Впервые языковеды обнаруживают его в наследии Максима Грека. Будучи по рождению греком, мыслитель предложил использовать такое сочетание [12].

Проводя исторические аналогии, безусловно, нельзя обойтись без рассмотрения западной цивилизации, которая также предстает не только как необыкновенное многообразие народов, менталитетов, борьбы противоречий, но и как внутреннее единство.

Понятие общности вполне резонно соотносится с «*национальным характером*», который складывается гораздо раньше, чем национальные объединения. Например, И. Кант, И.Г. Гердер, А. фон Гумбольдт признают существование национального характера, создают его концепцию. Тот же И. Кант в своей работе «Антропология с практической точки зрения» выделил пять уровней национального характера Западной Европы, это характер народа, характер расы, характер рода и характер личности и пола [17, с. 232].

Подчеркнем, что в жизни всего государства и нации большую роль играет национальный интерес, который легко может выступать как идея. Однако интерес в отличие от идеи более прагматичен, рационален в своих национальных рамках, а идея объединяет и консолидирует нации, связана с их идентичностью. Идея включает иерархию ценностей, она в большей степени обобщенное понятие по сравнению с национальным интересом.

Достаточно обратиться к истории Древнего Рима, идеологии *Pax Romana* – все это нашло отражение в европейской идее, идеологии европейского мира, общеевропейского дома.

Завоевание Рима варварами и падение Римской империи воспринято было как сильнейшее потрясение, которое стало не просто крахом того, что представлялось античному человеку вечным и неизменным. Это было крушение самих основ античного мировоззрения.

В западноевропейской философской традиции с давних времен утвердилось мнение, что имперский Рим игнорировал личные права и свободы человека, уничтожил Римскую Республику. Именно поэтому европейская философия с такой симпатией и сочувствием относилась к демократии, свободе, личности. Таким образом, они стали фундаментом для европейской цивилизации.

В России, в «Третьем Риме», причину падения Рима видели в язычестве, отступлении от «веры Христовой». Постепенно Русь–Россия начинает осознавать себя ответственной за судьбу Христианства и Православия во всем мире. Формируется *этика Православия*, этика ответственности, этика сочувствия и любви к человеку.

Мысль Г.В.Ф. Гегеля о том, что воплощением нравственной идеи является некое идеальное государство скорее противоположно учению славянофилов, видевших в церкви идеальную модель общества, в соборности принципов общественной жизни.

Рассматривая Русскую идею, мы исходим из тезиса о том, что цивилизация и культура взаимосвязаны, определяют друг друга. В этом отношении судьба культуры России служила главным критерием для русской социальной философии в оценке происходящих изменений. События, идущие вразрез культуре, отвергались, игнорировались. В конечном итоге дискуссии о месте и роли России в мировой цивилизации нашли отражение в славянофильстве и западничестве [1].

Причем, в нашем понимании, не уместно и не следует пренебрегать размышлениями западноевропейской философии о своей идентичности. Сравнивая Русскую идею с процессом формирования европейской идентичности можно увидеть и общие черты: открытость и целостность. Именно культура России во многом определяет (или должна определять) модель ее социального развития, ее образ, подчеркнуть ее уникальность.

Отметим также, что определенные умонстроения порождаются все более и более господствующими мировоззренческими традициями, которые требуют от России ответа на глобальные вопросы современности. Ответы на них найти невозможно без привлечения принципов диалога культур, диалога мировоззрений, диалога цивилизаций. Россия как пространство культуры существует в христианской перспективе истории, что финно-угорский мир по аналогии с русским миром может быть интегративным центром или одним из интегративных центров культурно-исторической общности русского мира.

Обратим внимание, что гегелевское и вундовское понятие «*дух народа*» включает миф, язык, обычай, проявляется в национальном характере, национальном образе. Поясним, что Национальный характер и национальный образ – это два взаимосвязанных понятия, которые отражают ментальные особенности и культурные традиции этноса. Они помогают народу осознать свою принадлежность к определенной нации и государству. Национальный образ находит своё выражение в различных символах, языке, культуре и религии. Эти элементы отражают историю и ценности народа, а также его отношение к окружающему миру.

Полагаем, что в данном случае может идти речь не только о национальном образе, но и о национальном мире того или иного народа, потому что в процессе своего бытия каждая нация продуцирует свои собственные воззрения на природу, религию, мир, которые получают выражение в исторической системе образования, в мифе.

Картина мира отдельно взятого народа имеет свое выражение, прежде всего в следующих категориях: язык, культура, миф, фольклор и прочие. Ведь, собственно говоря, процесс формирования у человека национальной картины мира (национального самосознания) происходит в процессе освоения им территории, адаптации к ней и создания образной картины мира данного пространства. Таким образом, можно заключить, что первое и ключевое понятие формирующее облик народа – природа [13].

Один из крупнейших лингвистов прошлого века, немецкий ученый Л. Вайсгербер заключает: «язык – не изолированная часть человеческой жизни, а духовный центр, сердцевина огромного горизонта связей» [3, с. 290]. Социально-философское понятие мира включает в себя национальный характер, национальную картину мира, национальную идею. Национальный аспект мира может быть выражен в понятии финно-угорского мира, важнейшими составными частями которого являются язык, культура, общность религиозных верований, мифология.

Следовательно, понятие Русского, Финно-угорского и любого мира, можно считать не столько географическим, локальным, геополитическим пространством, но, прежде всего, духовным пространством, основанным на духовной общности людей, единых по вере, образу мыслей и менталитету. Потому что именно на этом основании они определяют свою принадлежность именно к русскому, финно-угорскому миру.

Отметим, что, несмотря на интерес и необычность взгляда на Россию со стороны, нам совершенно очевиден истинный путь к ее пониманию, который подразумевает раскрытие тайны национального характера и его составляющих через осознание народом собственной уникальной истории, того, что исследователи называют Русской идеей, Русским миром или Финно-угорским миром.

Заклучим, что национальная мифология представляет собой, прежде всего, целостный коллективный опыт самосознания общества, которое понимается как народ. То есть именно последний становится единственным объектом мифотворчества.

Таким образом, можно заключить, что отличие одной народности от другой заключается в его отношении как субъекта собственного, отличного от других, мифотворчества. Именно мифотворчество, в конце концов, и становится своеобразным зеркалом идентичности той или иной нации. Заклучим, что существование народа продуктивно присутствием его уникальной мифологии.

Однако стоит сделать акцент на том, что существует и обратная зависимость подобного процесса. Так «естественно рожденная» мифология становится консолидирующим и скрепляющим началом каждого народа. Непосредственно народное мифотворчество становится зеркалом его, народа, собственной идентичности.

Отметим также, что *миф* представляет собой первичную форму целостного созерцательного познания бытия в единстве его пространственно-временных измерений. Миф реален в рамках сознания человека и его подсознания как форма или способ познания некоего архетипа, парадигмы или поделки личных и общественных действий индивидуума, общественного развития и как память о прошлом.

Выдающийся антрополог прошлого века М. Элиаде была уверена в том, что: «Мифологическое мышление может оставить позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам. Но оно не может исчезнуть окончательно» [17, с. 28].

Литература

1. Блехер Л.И. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья / Л.И. Блехер, Г.Ю. Любарский. М.: Акад. Проект: Ин-т Фонда Обществ. мнение, 2003. 604 с. IS-BN 5-93947-014-9.
2. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 3 т. Т. III Энциклопедия философских наук. Ч. 3. Философия духа. / пер. Б.А. Фохта. М.: Гос. изд-во, 1956. 371 с.

3. Губин В.Д. Национальные образы философии: монография / В.Д. Губин, В.И. Стрелков; РГГУ. М.: РГГУ, 2013. 322 с. ISBN 978-5-7281-1329-4.
4. Гумбольд В. Язык и философия культуры: сборник // В. фон Гумбольд; пер. с нем. языка А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век. Антропология. М., 1995. с. 302
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 18. Статьи и заметки 1845–1861 / глав. ред. В.Г. Базанов; Институт русской литературы. Л.: Наука, 1978. 371 с.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. VI Кн. III / И.А. Ильин; сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1997. 557 с. ISBN 5-268-01473-0 (в пер.).
8. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. VI / И. Кант; под общ. ред. Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966. 742 с.
9. Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии / М.А. Маслин; МГУ им. М.В. Ломоносова. СПб: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2017. 526 с. ISBN 978-5-88812-838-1.
10. Мосейкина М.Н. У истоков формирования русского мира. XIX – начало XX века. Т. I // Русский мир в XX веке. В 6 т. М.: АИРО-XXI, 2014. 392 с. SBN 978-5-91022-236-0.
11. Париллов О.В. Русская идея: от Древней Руси к Новому времени / О.В. Париллов; Нижегород. правовая акад. Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2005. 255 с. ISBN 5-8263-0071-X.
12. Перевезенцев С.В. Святорусское царство: история русской святости / С.В. Перевезенцев. М.: Общество развития русского исторического просвещения «Двуглавый орёл»: Изд-во М.Б. Смолина (ФИБ), 2018. 353 с. ISBN 978-5-91862-052-6.
13. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: исследование политической мифологии / В.С. Полосин. М.: Ладомир, 1999. 440 с. ISBN 5-86218-173-3.
14. Русский мир как цивилизационное пространство: сборник / РАН, ин-т философии, фонд «Русский мир»; ред.-сост. А.Ф. Яковлева. М.: ИФ РАН, 2011. 301 с. ISBN 978-5-9540-0207-2.
15. Теплых Н.В. Концепт «Русский мир» в социальной и политической философии России: этапы, принципы формирования, перспективы: диссертация кандидата философских наук: 5.7.7. / Теплых Н.В.; Место защиты: НИ МГУ им. Н.П. Огарёва; Диссовет 24.2.338.01 (Д 212.117.03). Саранск, 2023. 216 с.
16. Фатющенко В.И. Русский мир в контексте мировых цивилизаций: курс лекций / В.И. Фатющенко; МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Гнозис, 2009. 316 с. ISBN 978-5-94244-026-8 (в пер.).
17. Элиаде М. Аспекты мифа: / М. Элиаде; предисл. В. Большакова; коммент. Е. Строгановой. М.: Инвест-ППП, 1995. 238 с. ISBN 5-87538-006-3 (в пер.).

THE RUSSIAN WORLD AND THE FINNO-UGRIC WORLD IN SOCIO-PHILOSOPHICAL, CULTURAL AND NATIONAL DIMENSIONS: TOWARDS A PROBLEM

Mochalov E.V.

National Research Ogarev Mordovia State University

The article is devoted to the consideration in the historical-philosophical, historical-cultural, historical-religious aspects of the formation of the most important category of modern social and political philosophy – the Russian world. The author of the publication makes the idea that the basis of the Russian world is Orthodoxy, the community of religious, linguistic, cultural and national traditions. In

addition, the article draws attention to the role of the concept «Russian Idea» as an ideological stamp of the Russian world. As a problem, a special place in the article is given to the principles and methods of analyzing the Finno-Ugric world (national component) of the Russian world. Comparing the ethical categories of national character, mythology and language, the author of the article attempts to substantiate the socio-philosophical definition of collegiality and dialogue as a mutual methodology for socio-philosophical analysis of the Russian world and the Finno-Ugric world. The article proposes a definition of the Finno-Ugric world.

Keywords: Russian world, Finno-Ugric world, «unity in the set», dialogue, Orthodoxy, tradition, conciliarity, Russian idea, national character, myth, people, Russia.

References

1. Blekher L.I. The main Russian dispute: from Westerners and Slavophiles to globalism and the New Middle Ages / L.I. Blekher, G. Yu. Lyubarsky. M.: Academician. Project: Institute of Societies Fund. opinion, 2003. 604 p. ISBN 5-93947-014-9.
2. Hegel G.V.F. Works: in 3 volumes. Volume III Encyclopedia of Philosophical Sciences. Part 3. Philosophy of spirit. / per. B.A. Fohta. M.: State. publishing house, 1956. 371 p.
3. Gubin V.D. National images of philosophy: monograph / V.D. Gubin, V.I. Strelkov; RSUH. M.: RSUH, 2013. 322 p. ISBN 978-5-7281-1329-4.
4. Humboldt W. Language and Philosophy of Culture: collection // W. von Humboldt; trans. from German by A.V. Gulyga and G.V. Ramishvili. Moscow: Progress, 1985. 450 p.
5. Husserl E. The crisis of European humanity and philosophy // Cultural studies. XX century. Anthropology. Moscow, 1995. p. 302
6. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 volumes. Vol. 18. Articles and notes 1845–1861 / editor-in-chief V.G. Bazanov; Institute of Russian Literature. L.: Nauka, 1978. 371 p.
7. Ilyin I.A. Collected Works: in 10 volumes. Volume VI Book III / I.A. Ilyin; compiled, introduction and commentary by Yu.T. Lisitsy. Moscow: Russian Book, 1997. 557 p. ISBN 5-268-01473-0 (in translation).
8. Kant I. Works: in 6 volumes. Vol. VI / I. Kant; under the general editorship of T.I. Oizerman. Moscow: Mysl, 1966. 742 p.
9. Maslin M.A. Diversity and unity of Russian philosophy / M.A. Maslin; Moscow State University. St. Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2017. 526 p. ISBN 978-5-88812-838-1.
10. Moseikina M.N. At the origins of the formation of the Russian world. XIX – early XX century. T. I // Russian world in the XX century. In 6 volumes. Moscow: AIRO-XXI, 2014. 392 p. SBN 978-5-91022-236-0.
11. Parilov O.V. Russian idea: from Ancient Rus' to the New Time / O.V. Parilov; Nizhegorod. legal academy. N. Novgorod: Nizhegorod. legal academy, 2005. 255 p. ISBN 5-8263-0071-X.
12. Perevezentsev S.V. Holy Russian Kingdom: History of Russian Holiness / S.V. Perevezentsev. Moscow: Society for the Development of Russian Historical Education “Double-Headed Eagle”: Publishing House M.B. . Smolina (FIV), 2018. 353 p. ISBN 978-5-91862-052-6.
13. Polosin V.S. Myth. Religion. State: a study of political mythology / V.S. Polosin. Moscow: Ladomir, 1999. 440 p. ISBN 5-86218-173-3.
14. The Russian world as a civilizational space: collection / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian World Foundation; ed. compiled by A.F. Yakovlev. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2011. 301 p. ISBN 978-5-9540-0207-2.
15. Telykh N.V. The Concept of the “Russian World” in the Social and Political Philosophy of Russia: Stages, principles of formation, prospects: dissertation of candidate of philosophical sciences: 5.7.7. / Telykh N.V.; Place of protection: N.P. Ogarev Moscow State University; Dissertation Council 24.2.338.01 (D 212.117.03). Saransk, 2023. 216 p.
16. Fatyushchenko V.I. Russian world in the context of world civilizations: course of lectures / V.I. Fatyushchenko; Moscow State University. Moscow: Gnosis, 2009. 316 p. ISBN 978-5-94244-026-8 (translated).
17. Eliade M. Aspects of myth: / M. Eliade; preface V. Bolshakova; comment E. Stroganova. M.: Invest-PPP, 1995. 238 p. ISBN 5-87538-006-3 (translated).

Социально-философский анализ понятия «современность» через процессы трансформации цифровых технологий в судебной системе

Плужникова Наталья Николаевна,

кандидат философских наук, доцент; кафедра «Гуманитарные дисциплины»; Московский политехнический университет
E-mail: pluzhnikova@bk.ru

Кучин Александр Васильевич,

соискатель; кафедра философии и культурологии;
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
E-mail: kuchinalexandr21@gmail.com

В исследовании рассматриваются вызовы и перспективы цифровизации как в судебном делопроизводстве, так и в судебном процессе, и шире, при осуществлении правосудия. Рассматриваются возможности использования цифровых технологий на примерах состязательного и следственного типов судебного процесса. Исследуется значение цифровизации при установлении объективной и субъективной истины в суде и его влияние на осмысление современности. Посредством анализа процессов цифровизации в судебной системе, автор определяет современность в качестве актуального состояния процесса трансформации отдельных областей человеческой деятельности (судебной системы), которые выступают как комплексная социально-культурная составляющая исторической человеческой деятельности. В исследовании использованы такие методы, как логический и системный анализ, определивший общую логику исследования; сравнительно-сопоставительный метод (при анализе влияния техники и технологий на конкретные аспекты развития судебного процесса и современной правовой системы). Эмпирическим материалом исследования послужили правовые, историко-философские и культурологические источники.

Авторы приходят к выводу, что судебную систему можно определить как часть современности, которая отражает в себе актуальные процессы цифровизации общества и является комплексной социально-культурной составляющей современной человеческой деятельности.

Ключевые слова: современность, техника, технологии, право, судебная система.

Введение

«Современность» представляет собой сложное социокультурное и историческое понятие, означающее переход от традиционного образа жизни к образу жизни, характеризующемуся технологическим прогрессом, урбанизацией и изменением социальных структур. Термин «эпоха современности» впервые был употреблен Г.В.Ф. Гегелем [1], что выразило его отношение ко времени, в котором он жил как к некоей новой эпохе. Именно Гегель представляет возможным очертить нижнюю границу эпохи современности. Его современники и поздние последователи И. Фихте, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс и многие другие также понимали свое время как эпоху современности. Отдельно необходимо отметить два противоположных отношения к социальной современности, которые условно можно назвать вольтеррианским и шпенглеррианским. По вольтеррианской концепции, история разворачивается в одном направлении, независимо от современников, это принципиально «календарно-историческое» время, где современность становится всеобщей, глобальной. При шпенглеррианском отношении необходимо учитывать степень «цивилизационно-культурного» состояния развития общества, когда в одном временном периоде могут существовать общества различной степени современности.

Возникнув в конце XIX и начале XX веков, феномен современности включает в себя широкий спектр трансформаций – сдвиги в экономических системах, политических идеологиях и культурных выражениях, формируя такой мир, каким он был на протяжении XX столетия, а затем, трансформируясь, либо характеризовался как «постсовременность» с учетом «современности» как точки отсчета и отталкивания, либо объявлялся «незавершенным проектом» (по выражению Юргена Хабермаса), а значит, продолжался: «В современном капиталистическом обществе технология была, есть и всегда будет выражением экономических целей, которые направляют ее в действие. Полезным упражнением было бы исключить слово «технология» из наших словарей, чтобы увидеть, как быстро раскрываются цели капитализма. Капитализм производит и полагается на алгоритмы, но это не то же самое, что сами алгоритмы. Уникальные экономические императивы капитализма – вот с чем имеет дело современный мир» [2, с. 4].

В отличие от теорий современности эпохи Просвещения (Хабермас) и их критики в виде теорий власти (Фуко, постколониальные философии), современность описывается как сложный процесс различных «разграничений», который приводится в движение в философии эпохи Возрождения, на этот факт обращает в своих работах внимание Ганс Шелксхорн [3, 4, 5, 6].

Современные зарубежные исследования предлагают под «современностью» обозначать «многообразную множественность» [7], «новую рациональность» [8, с. 171], «мир враждебных друг другу цивилизаций» [9, с. 362], «многоидентичную реальность» [10, с. 121], «многоконституциональное целое» [11, с. 115], «холистическое целое» [12, с. 7].

Результаты

Широкий процесс технизации с акцентированием цифровизации, охватил все области деятельности, включая правовую систему. Однако необходимо дифференцировать рассмотрение роли технических средств в разных сегментах права: в судебном делопроизводстве, в судебном процессе, наконец, влияние техники и технических средств на правосудие в целом. Что касается судебного делопроизводства, то наряду с повсеместной компьютеризацией судебного департамента необходимо выделить создание интернет-платформы «ГАС Правосудие». В соответствии со ст. 46 Конституции РФ, каждый гражданин имеет право на судебную защиту, однако правовая норма, регулирующая территориальную подсудность, создает не юридические, но скорее физические препятствия для реализации данного права. Часто это касается социально незащищенных, маломобильных граждан. На основании ст. 7 Конституции, Россия является социальным государством.

Портал «ГАС Правосудие» предоставляет возможность подачи судебного иска дистанционно. Кроме того, данный портал позволяет участникам дела узнать о назначенном судебном заседании. В этой ситуации не всегда участники процесса могут соблюдать требования суда «о должном уведомлении» и фактически знать о судебном заседании со своим участием. Не всегда, к примеру, покупатели недвижимости будут уведомлены продавцом о том, что приобретаемая квартира является предметом судебного спора. Но любой человек, обладающий навыками и доступом в Интернет, может узнать о участниках и предмете судебного процесса, зайдя на портал «ГАС Правосудие».

Также, наряду со многими опциями, необходимо выделить и новую существенную функцию, предоставляемую порталом. Так, появилась возможность направить обращение (жалобу, заявление, уведомление) непосредственно должностному лицу в суде. Цифровые технологии позволяют зафиксировать такое обращение и в случае процессуальной необходимости, позволяют предъявить его в суде. Таким образом, цифровизация судебного делопроизводства удовлетворяет требованию ст. 7 Конституции, тем самым устраняя препятствия для реализации конституционного права на судебную защиту.

Также необходимо отметить роль техники и технических, в первую очередь компьютерных средств в судебном процессе. Так, до принятия последнего Гражданско-процессуального кодекса (ГПК) суд устанавливал обстоятельства дела, собирал доказательства по своей инициативе. Таким образом, суд имел следственный тип процесса. Задачей такого процесса было установление объективной истины. Фактически суд устанавливал формальную истину. Действующий ГПК установил состязательный тип процесса, где обязанность сбора и предоставление доказательств возложена на стороны процесса. Установление обстоятельств основывается на доказательствах, представленных по инициативе сторон. Но состязательный тип процесса провоцирует загромождение судебного дела представленными материалами. В данной ситуации цифровизация способна значительно упростить и ускорить предварительную оценку доказательств на этапе исследования. Суд, обращаясь к материалам на электронных носителях, имея оперативный доступ в судебную, почтовую и иные ведомственные базы, минуя запрос и сопряженное с ним отложение рассмотрения, получает возможность в рамках одного заседания установить относимость к делу тех или иных доказательств.

Именно цифровизация способна сделать доказательства однозначными и максимально наглядными. В то же время, говоря об увеличении роли цифровых технологий в настоящее время в судебном процессе, необходимо отметить возрастающее значение нового вида связи – видеоконференций. Зачастую по уважительным причинам стороны не могут явиться в суд, рассматривающий дело. Ст. 155.1 ГПК предоставляет возможность участвовать в заседании по видеоконференции.

Развитие цифровых технологий, безопасность канала и аудио-, видеообеспечение, удовлетворяющее требованиям процесса, позволило проводить такого рода заседания. Но для участия в видеоконференцсвязи необходимо явиться в суд по месту нахождения самого участника, при этом бывают ситуации (COVID-19 это особенно ярко выявил), что нет возможности вообще выйти из дома. Видеоконференцсвязь, ставит условие необходимости установления личности участника и получения подписки, разъясняющей его права и обязанности, тем судом, в который участник явился. Однако при невозможности участником даже покинуть дом, а соответственно и дать подписку снова возникает вопрос судебной защиты. Внедрение цифровой единой системы идентификации позволило устанавливать личность гражданина без его личного присутствия. Это сделало возможным участие в судебном заседании без выхода из дома.

Стоит отметить, что еще М.К. Мамардашвили, исследуя гегелевское изречение «Формой движения «тотальности» в познании является восхождение от абстрактного к конкретному», пришёл к выводу, что «нет ничего тотальнее знака» [13, с. 81]. Цифра есть знак. Поэтому, цифровые технологии как наиболее современный технический феномен есть тотальное обозначение объективности. Таким образом, наибольшую объективную однозначность способны обеспечить технические доказательства, основанные на цифровых технологиях. При их исследовании суд может наиболее точно определить их непротиворечивость при установлении фактического обстоятельства. Данное обстоятельство и станет представлять формальную истину, из которой будут сделаны судебные выводы. Однако объективная истина как действительное обстоятельство судебного дела всегда избыточна такой формальной истине, установленной судом. Объективная истина остается для суда заведомо ноуменальна. Но само тотальное обозначение объективности с помощью цифровых технологий, представленной в виде технических доказательств, радикально приближает суд к объективной истине, позволяя правильно устанавливать формальную истину.

Ф. Дессауэр в предложенной «Критике технической деятельности» утверждал, что только техника открыта к позитивному контакту с «вещами в себе» [14, с. 135], из чего возможен вывод, что именно цифровизация, позволяя фиксировать, хранить и быстро предоставлять доказательства, а также устраняя объективные препятствия в реализации прав, «высвобождает» субъекта, поскольку помогает ему сделать вывод об объеме спорных правоотношений и беспрепятственно реализовать право на судебную защиту.

Давая возможность сторонам предоставить значительно больший объем доказательств, цифровизация способствует росту гражданского правосознания. Суд же, прибегая к цифровым технологиям, может исследовать больший объем доказательств. В таком случае лимитирующей стадией для сторон становятся доступность технологий и открытость судебного процесса к их использованию. Одновременно для суда лимитирующей стадией остается «человеческий фактор», исследу-

дования доказательств. Ведь если цифровизация способствует наглядности доказательств, то устанавливает формальную истину по-прежнему сам судья.

Появление Искусственного интеллекта (ИИ), вероятно, станет следующей стадией развития цифровых технологий. Объективная точность ИИ в установлении объективной истины, его беспристрастность уже сейчас порождает полемику. Сторонники готовы отдать правосудие на откуп ИИ, противники боятся за техническую безопасность и опираются на этический аргумент.

На наш взгляд, этический аргумент довольно весомый, но применимо к правосудию, необходимо рассмотреть конкретно этическое основание самой сущности права как лимитирующую для ИИ стадию участия в правосудии. Данное основание наиболее ярко просматривается как раз на примере состязательного процесса, в котором упомянутая «Презумпция виновности» провоцирует стороны заведомо недобросовестно реализовывать права с намерением причинить вред либо получить объективную выгоду сверх установленной нормой права.

Обсуждение. Влияние цифровизации современности на правовую судебную систему

Цифровизация в области правовой судебной системы упрощает процесс принятия решения, поскольку на нее можно переложить часть проблем «бюрократического» характера и она представляет собой наиболее удобный способ представления доказательств. Однако до определённого момента это способствует правосудию, но оказавшись в руках недобросовестной стороны, начинает ему препятствовать. Таким образом, цифровизация как процесс трансформации цифровых технологий в судебную систему меняет и саму реальность (современность), то есть те процессы, которые протекают в конкретной области: «сама современность не является гомогенной и однозначной. Подобно тому, как в пространственном плане политическое действие должно принимать во внимание не только универсальные факторы (общечеловеческие ценности), но также и локальные (этнические требования), и национальные (особенности местной культуры), во временном отношении оно должно исходить из плюрализма темпоральностей» [3, с. 117]. Сама современность, как и реальность, представляет собой сложную и неоднородную структуру, на что указывал ряд иностранных исследователей [4–14].

В современности, как и в самой цифровизации, есть внешние и внутренние составляющие. В качестве внешней стороны современности и можно рассматривать процесс принятия решений с помощью цифровых решений, которая влияет на ее внутреннюю сторону – правила и нормы в конкретной подсистеме. В нашем случае – это правовая судебная система.

Если рассматривать внутренний аспект современности – актуальную правовую судебную систему как систему норм, то ее можно рассмотреть как систему этических составляющих. Цифровизация как наиболее удобный способ представления доказательств до определённого момента способствует правосудию, но оказавшись в руках недобросовестной стороны, начинает ему препятствовать. Таким образом, цифровизация как определенного рода социальная современность даже в судебной и правовой сфере представляет собой систему: «сама современность не является гомогенной и однозначной. Подобно тому, как в пространственном плане политическое действие должно принимать во внимание не только универсальные факторы (общечеловеческие

ценности), но также и локальные (этнические требования), и национальные (особенности местной культуры), во временном отношении оно должно исходить из плюрализма темпоральностей» [15, с. 117].

Такой этический аспект, как безвозмездность в философии права находит свое отражение в учении В.С. Соловьева о самоотречении, как источнике Бытия [16, с. 160]. Аналогично, вся объективная сторона правоотношений подлежит оценке в зависимости от субъективного отношения. В том числе и объективная истина в гражданском процессе становится актуальной только после субъективного отношения к ее предмету, а субъективное отношение всегда избыточно к объективной истине. Ответственность в отсутствии вины, допустимая в гражданском праве, также указывает на безвозмездность, но уже через обязанность, добросовестное исполнение которой порождает новые права. Поэтому в гражданском праве субъективное отношение первично к объективации. Объективная материальная заинтересованность субъекта в исходе дела, провоцирующая на процессуальную активность, в своем основании имеет безвозмездность, в этом смысле она противоположна объективации, то есть самой себе. Такую безвозмездность нельзя описать объективно, она всегда переживается субъектом, в этом смысле она экзистенциальна.

Подобную экзистенцию как противоположность объективации описывал Н.А. Бердяев [17, с. 295]. Основание такой безвозмездности нельзя найти в прошлом, это всегда проект, забота о будущем. В этом смысле она близка к «Ничто» М. Хайдеггера [18, с. 27]. Однако безвозмездность, не порождая право, отрицает не только объективацию, отказываясь от злоупотребления как объективной возможности реализовать материальную заинтересованность, но и саму себя. Такое двойное самоотрицание, ближе к христианской философии Н.А. Бердяева и В.С. Соловьева. В этом смысле, субъективная истина должна ответить на вопрос, насколько добросовестно используется право. Право же всегда трансцендентально, оно находится между экзистенциальной безвозмездностью и объективным интересом.

Установление судом добросовестности зачастую возможно только интуитивно. Отсюда особые этические требования к судейскому корпусу, но субъективно – это труд самого судьи, направленный к такому переживанию, в котором возможно уловить эту субъективную истину.

Главным условием злоупотребления является намерение, но отсутствие доказательств злоупотребления способно привести к отмене решения суда. Поскольку субъективное отношение в суде избыточно к объективации, то объективные факты злоупотребления существуют всегда. Однако их установление представляет проблему. Именно развитие цифровых технологий способно наиболее точно реконструировать фактические обстоятельства. Одни и те же объективные обстоятельства могут быть доказательствами как злоупотребления, так и добросовестности. Судья, субъективно усматривая намерение к злоупотреблению, ищет ему объективное подтверждение. Поэтому цифровые технологии, давая наиболее однозначные заключения, в частности об обстоятельствах, указывающих на злоупотребление, оказывают правосудию неоценимую услугу. Но цифровые технологии не могут установить «направление исследования», поскольку его основание всегда субъективно.

Выводы

Цифровизация судебного делопроизводства несет исключительные преимущества, в то время как в судебном

процессе цифровизация возможна с учётом этического требования. В целом же правосудие не мыслится без человека. Ведь еще Ф. Дессауэр утверждал, что «Человек должен управлять техникой, как наездник конем. Управляя, а не обслуживая» [14, с. 198]. В этом и состоит проявление внешнего и внутреннего аспекта современности, на которые указывалось ранее. Очевидно, что без человека данные аспекты не могут существовать и диалектически взаимодействовать. Однако сегодня человек перекладывает на технику ответственность за свои решения, о чем предупреждали еще такие философы, как К. Ясперс [19] и М. Хайдеггер [20].

Таким образом, рассмотрев влияние процессов цифровизации на часть современной действительности – правовую судебную систему, можно прийти к выводу, что цифровизация является существенной характеристикой современности, под которой мы понимаем актуальные процессы трансформации социальных сфер и подсистем общества. Современность носит противоречивый характер, что отражается на специфике современной судебной системы, которая включает в себя не только цифровые, формальные, но и субъективные решения, а также решения, имеющие этический характер.

Литература

1. Гегель Г. В.Ф. Соч.: в 14 т. Т. 4: Феноменология духа / пер. Г. Шпета. М.: Соцэкгиз, 1959. 488 с.
2. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Hachette Books, 2019.
3. Schelkshorn H. Die Moderne als zweite Achsenzeit. Zu einer globalen Geschichtsphilosophie mit und gegen Jaspers" // Polylog. Zeitschrift für interkulturelles Philosophieren 38 (2), 2017, Pp. 81–102.
4. Schelkshorn H. Entgrenzungen als Signatur der Moderne // Die Moderne im interkulturellen Diskurs. Perspektiven aus dem arabischen, lateinamerikanischen und europäischen Denken. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2012, Pp. 218–248.
5. Schelkshorn H. Entgrenzungen. Ein europäischer Beitrag zum Diskurs der Moderne. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2016.
6. Schelkshorn H. The Change of Geographical Worldviews and the Constitution of a Modern Cosmopolitanism by Francisco de Vitoria // Between Creativity and Norm-making. Tensions in the Early Modern Era. Leiden: Brill, 2012, Pp. 165–188.
7. Varieties of Multiple Modernities: New Research Designs / Ed. by G. Preyer, M. Sussman (eds). Leiden: Brill, 2015.
8. Rorty R. Human Rights, Rationality, and Sentimentality // Truth and Progress. Philosophical Papers. Cambridge MA: Cambridge University Press, 1998, Pp. 167–185.
9. Rossi P. The Dark Abyss of Time. The History of the Earth and the History of Nations from Hooke to Vico. Chicago IL/London: University of Chicago Press, 1984.
10. Taylor Ch. Sources of the Self. The making of the Modern Identity. Cambridge MA: Harvard University Press, 1987.
11. Rundell J., Roberts D. Gyorgy Márkus: On the constitution of cultural modernity. Thesis Eleven, 2017, Pp. 114–120.
12. White M. A Philosophy of Culture: The Scope of Holistic Pragmatism. Princeton: Princeton University Press, 2002.

13. Мамардашвили М. Формы и содержание мышления (К критике гегелевского учения о формах познания). М.: Высшая школа, 1968.
14. Дессауэр Ф. Спор о технике. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017.
15. Федорова М.М. Современность. Несовременность. Анахронизм (перекрестья истории и политики) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. -№ 2 (63). С. 110–119.
16. Соловьев В. Сочинения. В 2-т. Т. 2. М.: Правда, 1989.
17. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991.
18. Хайдеггер М. Что такое метафизика? – М.: Академический Проект, 2013.
19. Ясперс К. Современная техника. Перевод на русский язык: М.И. Левина // Новая технократическая волна на Западе. Сборник статей. М.: Юрист, 1986.
20. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Перевод с немецкого. – М.: Республика, 1993.

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «MODERNITY» THROUGH THE PROCESSES OF TRANSFORMATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE JUDICIAL SYSTEM

Pluzhnikova N.N., Kuchin A.V.

Moscow Polytechnic University; Volgograd State Socio-Pedagogical University

This study examines the challenges and prospects of digitalization in both judicial proceedings and in the judicial process, and more broadly, in the administration of justice. The possibilities of using digital technologies are considered using examples of adversarial and investigative types of judicial process. The importance of digitalization in establishing objective and subjective truth in court and its impact on understanding modernity are examined. By analyzing the processes of digitalization in the judicial system, the author defines modernity as the current state of the process of transformation of individual areas of human activity (the judicial system), which act as a complex socio-cultural component of historical human activity. The study used such methods as logical and systemic analysis, which determined the general logic of the study; comparative method (when analyzing the influence of technology and technology on specific aspects of the development of the judicial process). The authors come to the conclusion that the judicial system can be defined as a part of modernity, which reflects the current process of digitalization of society and is a complex socio-cultural component of modern human activity.

Keywords: modernity, technology, law, judicial system.

References

1. Hegel G.V.F. Works: in 14 volumes. Vol. 4: Phenomenology of the Spirit / trans. G. Shpet. Moscow: Sotsekniz, 1959. 488 p.
2. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: Hachette Books, 2019.
3. Schelkshorn H. Modernity as the second axial age. Towards a global philosophy of history with and against Jaspers" // Polylogue. Journal for Intercultural Philosophy 38 (2), 2017, pp. 81–102.
4. Schelkshorn H. Dissolution of boundaries as a signature of modernity // Modernity in intercultural discourse. Perspectives from Arab, Latin American and European thought. Weilerswist: Velbrück Science, 2012, Pp. 218–248.
5. Schelkshorn H. Dissolution of boundaries. A European contribution to the discourse of modernity. Weilerswist: Velbrück Science, 2016.
6. Schelkshorn H. The Change of Geographical Worldviews and the Constitution of a Modern Cosmopolitanism by Francisco de Vitoria // Between Creativity and Norm-making. Tensions in the Early Modern Era. Leiden: Brill, 2012, pp. 165–188.
7. Varieties of Multiple Modernities: New Research Designs / Ed. by G. Preyer, M. Sussman (eds). Leiden: Brill, 2015.

8. Rorty R. Human Rights, Rationality, and Sentimentality // Truth and Progress. Philosophical Papers. Cambridge MA: Cambridge University Press, 1998, pp. 167–185.
9. Rossi P. The Dark Abyss of Time. The History of the Earth and the History of Nations from Hooke to Vico. Chicago IL/London: University of Chicago Press, 1984.
10. Taylor Ch. Sources of the Self. The making of the Modern Identity. Cambridge MA: Harvard University Press, 1987.
11. Rundell J., Roberts D. Gyorgy Márkus: On the constitution of cultural modernity. Thesis Eleven, 2017, pp. 114–120.
12. White M. A Philosophy of Culture: The Scope of Holistic Pragmatism. Princeton: Princeton University Press, 2002.
13. Mamardashvili M. Forms and Content of Thinking (Towards a Critique of Hegel's Doctrine of the Forms of Cognition). Moscow: Higher School, 1968.
14. Dessauer F. The Debate on Technology. Samara: Publishing House of the Samara Humanitarian Academy, 2017.
15. Fedorova M.M. Modernity. Non-Modernity. Anachronism (Crossroads of History and Politics) // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2020. – No. 2 (63). P. 110–119.
16. Soloviev V. Works. In 2 volumes. T. 2. M.: Pravda, 1989.
17. Berdyaev N.A. Self-knowledge. M.: Kniga, 1991.
18. Heidegger M. What is metaphysics? – M.: Academicheskyy Proekt, 2013.
19. Jaspers K. Modern technology. Translation into Russian: M.I. Levina // New technocratic wave in the West. Collection of articles. M.: Jurist, 1986.
20. Heidegger M. The question of technology // Heidegger M. Time and being: Articles and speeches: Translation from German. – M.: Respublika, 1993.

Развитие творческих способностей в цифровой культуре

Рахконен Марина Евгеньевна,

старший преподаватель, кафедра таможенного дела, Российская академия народного хозяйства и государственного управления Санкт-Петербурга

В статье поднимается актуальная проблема развития творческих способностей человека в цифровой культуре, которая рассматривается в контексте философско-антропологического знания. Интенсивная цифровизация социальной жизни меняет облик традиционных форм и способов социального взаимодействия. Это оказывает существенное влияние на личность современного человека, образ его творческой активности. В статье поднимается вопрос о рисках формирования нового типа человека – цифрового человека, чьи творческие способности скованы ограничениями и рисками, генерируемыми виртуализацией повседневности. В результате перед философско-антропологическим знанием встает задача объективной оценки угроз чрезмерного вовлечения человека в реальность цифрового мира и утраты им своего творческого потенциала. Виртуализация социальной жизни также провоцирует изменения в когнитивной сфере, что также отражается на творческой деятельности человека. В результате поиска средств нейтрализации обозначенной угроз предлагается обращение к арсеналу философских практик, развивающих саморегуляцию и самоконтроль личности, как средству преодоления вызовов современной цифровой культуры.

Ключевые слова: цифровизация, виртуальный мир, творчество, саморегуляция, критическое мышление.

Обращение к проблеме развития творческих способностей в цифровой культуре продиктовано общими условиями развития современного общества, переживающего процесс интенсивной цифровизации. Под влияние цифровых технологий как передового явления, находящегося в фарватере научно-технологического процесса, меняет облик современного общества, модифицирует саму ткань социальной жизни и социальных взаимодействий. Нередко в философско-антропологической литературе ставится проблема изменения природы современного человека под влиянием цифровых технологий. Меняется образ его мысли, формируются новые формы восприятия привычных явлений, наконец, претерпевает изменение характер и содержание творческой деятельности, происходит «беспрецедентная трансформация сознания и воли человека в условиях развития цифровых технологий» [4, с. 36].

Все это ставит перед философской мыслью череду актуальных вопросов, ответ на которые является своеобразной реакцией совокупного человеческого интеллекта на вызовы современности, ведь «роль философской рефлексии в меняющемся мире в прояснении спорных вопросов о статусе человека, в сохранении его подлинно «человеческой» сущности» [6, с. 9].

Процесс цифровизации уже давно не принято рассматривать только как положительный феномен социальной жизни. Цифровизация культуры представляет собой значительный вызов для традиционных методик обучения личности, так как она изменяет привычные подходы к передаче знаний и социализации. Для сферы стимуляции творческих способностей человека первостепенное значение приобретает тот факт, что в условиях всеобщей цифровой трансформации меняется не только содержание образовательных программ, но и методология их освоения. Цифровая культура требует от общественных институтов адаптации к новым информационным технологиям, которые влияют на модификацию когнитивных способностей человека. Вопрос заключается в том, как гармонично интегрировать эти изменения, чтобы сохранить баланс между положительными качествами цифрового мира и фундаментальными аспектами развития личности человека. Это, несомненно, актуальный философско-антропологический вопрос.

Прежде всего, необходимо обозначить основные опасности, которые таит цифровизация для человека и его творчества. Существуют риски, связанные с цифровизацией культуры, которые могут отразиться на антропологическом понимании природы творчества. Усиление роли цифровых технологий может привести к упрощению культурных взаимодействий, что, в свою очередь, может обеднить разнообразие человеческого опыта и способностей. В условиях цифровой среды у человека возникают новые формы коммуникации и выражения, однако это также приводит к зависимости от виртуальных практик. В результате интеллектуальный мир человека рискует утратить глубину анализа и критического осмысления материального мира, присущую прежним стадиям развития человеческой культуры, поскольку он «утрачивает некий позитивно оцениваемый идеальный концепт, обладающий безусловным превосходством перед существующим общественным строем» [9, с. 20].

Сегодня в философской антропологии активно дебатруется проблема так называемого цифрового человека (*homo digital*), для которого «ключевой составляющей эффективной и безопасной жизнедеятельности становится свободное владение цифровыми и информационно-аналитическими технологиями» [8, с. 43].

Этот философско-антропологический дискурс направлен на попытку осмысления новых условий существования личности в мире цифровых технологий и виртуализации социальных практик. Этот дискурс проблематизирует существование индивида в двойственном формате: физическом и цифровом. Поскольку цифровой человек постоянно взаимодействует с технологиями, которые формируют его идентичность, от него требуется адаптации к новым условиям для творческой активности личности. Цифровой человек ставит перед философией задачу разработки новой цифровой антропологии, которую можно рассматривать как переформатирование этого стандартного раздела философского знания.

Рассмотрим основные параметры *homo digital* и определим особенностей его функционирования как творческой личности в современных условиях. К проблематике цифрового человека в современной философии сложилось несколько основных подходов.

Первый подход рассматривает цифрового человека как узкого специалиста, поскольку в условиях современного технологического развития такие индивиды чаще всего сосредотачиваются на немногочисленных задачах, которые требуют специализированных знаний. Однако их способность к решению широкого спектра проблем ограничена, поэтому этот феномен поднимает фундаментальные вопросы о природе человеческой личности и ее возможностях в условиях высоких технологий.

Личность цифрового человека формируется в стороне от богатства индивидуальности, которое обычно поддерживается разнообразием интересов и гибкостью мышления. В отличие от творческих личностей прошлых эпох, цифровым людям часто недостает широты взглядов и глубины восприятия мира, что и обусловлено их чрезмерной концентрацией на узких областях знаний, которые лишь частично служат для личностного развития.

Дефицит креативности – это значимый риск, которым сопровождается развитие цифрового человека, ведь существует опасность превращения человека в инструмент технологий. За этим кроется риск утраты уникальности человеческой личности, которая веками являлась источником обогащения творческого потенциала культуры.

Другой подход рассматривает цифрового человека как метафору утраты собственной идентичности. С развитием технологий и ростом влияния цифровых платформ человек все больше взаимодействует с цифровыми интерфейсами, которые влияют на его восприятие себя и окружающего мира, в результате чего виртуальная реальность и социальные сети создают иллюзию того, что цифровой мир может служить полноценной заменой реальной жизни. Эта замена зачастую приводит к потере связи с собой, так как реальность, созданная в цифровом пространстве, может значительно отличаться от истинной природы человека и его реальных переживаний. Антропологи называют «такого перманентно самоидентифицирующегося субъекта «телом», или поверхностью, отражающей социальные и культурные взаимосвязи, а базовая социальная идентичность в эпоху тотальной коммуникации и нестабильности ценностного ландшафта не может быть устойчивой, она дрейфует и ускользает» [5, с. 41].

Все чаще в литературе ставится вопрос о цифровой идентичности современного человека. Эта цифровая идентичность постепенно становится приоритетнее реальной, создавая множество новых вопросов для психологов и социологов. В мире, где каждый может «редактировать» свою жизнь и личность, предъявляя окружающим выгодную версию себя, настоящее «я» часто теряет свое значение. Это ведет к разрыву между тем, каким человек кажется в сети, и тем, кем он является на самом деле, а цифровой человек начинает отождествляться с образом, который он создает в виртуальной среде.

Отождествление человека с его цифровым образом, или аватаром, становится одним из характерных явлений современности, в которой люди все чаще пытаются соответствовать своему созданному онлайн-образу даже в реальной жизни, что может вызывать диссонанс и снижение удовлетворенности жизнью. Цифровой человек, как концепция, подразумевает существование в двойственном мире, где постоянно происходит борьба между реальными и виртуальными «я».

Наконец, еще один подход предполагает, что цифровой человек в современном мире активно использует возможности цифровой экономики. С ростом технологий и услуг, доступных в онлайн-пространстве, цифровой человек стал неотъемлемой частью виртуальных экономических процессов. Он способен приобретать товары и услуги, оставаясь в пределах своего дома, что делает процесс потребления более удобным и быстрым, поэтому такая трансформация генерирует реального нового типа экономического человека – цифрового потребителя.

Виртуализация товаров и услуг предоставляет доступ к разнообразию выбора и экономии времени, но с другой стороны она создает вызовы, связанные с безопасностью, конфиденциальностью и надежностью получаемых услуг. Цифровой потребитель часто оказывается экзистенциально ограниченным в своей творческой деятельности, поскольку поглощенный потреблением готового контента и услуг, он может утратить способность к созданию оригинальных идей и проектов. Цифровая среда предоставляет множество шаблонов и стандартов, по которым строится содержание, что в свою очередь формирует определённые рамки, ограничения для восприятия и мышления.

Конечно, цифровизация привнесла множество преимуществ в современное общество, значительно улучшив качество жизни и упростив доступ к информации, ведь благодаря цифровым технологиям, такие сферы, как медицина, образование и бизнес, обогатились новыми методиками и практиками социального взаимодействия. В какой-то мере они стали более персонализированными, ведь цифровизация снимает традиционные барьеры, вроде физических расстояний. В философско-антропологическом контексте цифрового творчества наблюдается уникальная трансформация, где традиционные формы искусства и творчества переплетаются с инновационными подходами, использующими искусственный интеллект, виртуальную и дополненную реальность.

В результате развитие современных цифровых технологий способствовало развитию глобальной социальной коммуникации, предоставив возможность обмениваться опытом и знаниями вне зависимости от географических границ, что значительно расширило социальные горизонты.

Творчество человека в эпоху цифровизации приобретает новые формы и возможности, поскольку цифровая культура открывает простор для создания и распространения художественных произведений, музыки и литературы, позволяя авторам мгновенно делиться

своими идеями с широкой аудиторией. Благодаря инструментам цифрового творчества, каждый может стать создателем и находить свою уникальную нишу.

Плюсы цифровизации хорошо известны и во многом самоочевидны. Реже во внимание попадают риски цифровизации, особенно для творческих способностей человека. Помимо чисто технологических опасностей, вроде кибератак и непропорционального использования личной информации, цифрового неравенства (неравномерный доступ к современным технологиям для различных социальных и возрастных групп), необходимо отметить когнитивные риски. Возрастающая зависимость от технологий может подавлять оригинальность и инициативу творческих задатков личности, а когнитивные основы цифрового творчества претерпевают значительные изменения.

Изменение качеств человеческой личности под влиянием цифровизации поднимает философско-антропологические вопросы о сохранении аутентичности и индивидуальности творчества. Хотя цифровизация открывает широкие перспективы для творчества, она также требует от человека развитых навыков критического мышления и способности адаптироваться без утраты эвристических качеств человеческого интеллекта, а «деятельность человека в рамках цифровой реальности должна формировать чувство ответственности за свои действия в интернет-пространстве» [1, с. 326].

Современные технологии активно внедряются во все сферы человеческой жизни, что порождает как новые возможности, так и существенные угрозы для творческой деятельности. Одной из наиболее серьезных проблем является дефицит внимания, который становится следствием постоянного потока информации, ведь человеческий мозг, вынужденный справляться с избыточной информацией, теряет способность к глубокой концентрации и аналитическому мышлению. Таким образом, творческий потенциал индивида оказывается под угрозой деградации, чему способствует также феномен цифровой деменции – снижения когнитивных способностей, вызванное нерациональным использованием цифровых технологий.

С точки зрения дидактических и педагогических аспектов развития творчества, необходимо учитывать риски избыточного вовлечения в цифровые отношения, поскольку требуются новые подходы, которые бы гармонично сочетали традиционные методы обучения и цифровые технологии. Дефицит социальности и социальных связей в материальном мире, порождаемый чрезмерным использованием технологий цифровых коммуникаций, ограничивает возможности обмена идеями, что является необходимым условием для развития творческих способностей. Например, активное использование мобильных телефонов «дестабилизирует организацию урока и всего процесса обучения, делает их неэффективными, приводит к деформации мышления обучающихся» [2, с. 71].

Все это ставит проблему согласования новых условий существования человека в цифровом мире и конструктивного развития его творческих способностей. В условиях цифровизации необходимы новые антропологические решения, которые способствовали бы укреплению социальных связей и защищали бы личность человека от возникающих рисков виртуализации его жизни. Таким образом, задача состоит в том, чтобы найти баланс между использованием цифровых технологий и сохранением творческого потенциала личности, ведь «ощутимей становятся внутренние проблемы цифровой организации, тиражирование цифровых услуг, кор-

ректность выбора программных продуктов и их девальвация» [3, с. 103].

Как представляется, источником для обновления методик развития творческих способностей современного человека является наследие философской культуры, на протяжении многих веков оттачивающей практики совершенствования человеческой личности. Философско-антропологический аспект развития творческих способностей человека в рамках цифровой культуры позволяет обозначить основные точки приложения усилий для противодействия рискам виртуализации жизни человека, ведь ценность философии в том, что она приобщает «человека и обществу к осмысленному и внимательному отношению к окружающему миру и себе подобным, к ответственным действиям» [7, с. 45].

Например, развитие функции саморегуляции личности традиционно рассматривается как результативное средство противодействия различным угрозам, возникающим в период кардинальной смены облика социальной жизни человека. В условиях увеличивающейся зависимости от цифровых технологий, саморегуляция позволяет индивиду справляться с быстрыми изменениями и информационными перегрузками. Этот антропологический ракурс цифрового творчества предполагает, что современный человек должен адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом свои личные ценности и установки, ведь без саморегуляции личность может стать уязвимой перед манипуляциями цифрового мира, что ведет к снижению творческих навыков.

Способность человека к самоконтролю в цифровом обществе является не только средством нейтрализации рисков цифровизации, но и важной составляющей личностного роста, поскольку посредством самоконтроля индивид способен оценивать и корректировать свое поведение, чтобы избежать пагубных воздействий цифровых технологий. Самоконтроль помогает развивать ответственность и осознанность, что особенно актуально в условиях постоянного присутствия множества отвлекающих факторов, предлагаемых технологиями цифровой реальности.

Саморегуляция выступает фактором развития творческих способностей в цифровом обществе, обеспечивая устойчивость к деструктивным воздействиям внешней среды. Философия традиционно делает сильный акцент на понимании человека как автономного субъекта, способного к самосовершенствованию и самоопределению, поскольку это понимание подчеркивает важность внутренней свободы и самоконтроля как средств достижения гармонии между личными целями и реальными окружающей действительности. Так, философские практики занимают значимое место в процессе культивирования саморегуляции личности. Такие философские учения, как стоицизм и аристотелизм являются примерами наследия философской культуры, служащими источниками практических инструментов для развития саморегуляции.

Стоики, такие как Марк Аврелий и Сенека, подчеркивали роль внутреннего спокойствия и способности сохранять хладнокровие в любой ситуации, а их философия учит индивидуумов контролировать свои эмоции и реакции на внешние раздражители. Аристотелизм, в свою очередь, акцентирует внимание на добродетелях и этике золотой середины, предлагая практическую стратегию для достижения эмоционального баланса, что может быть востребовано в период сильной эмоциональной реакции на виртуализацию повседневности. Предлагаемые ими философские практики могут служить инструментом нейтрализации угроз цифровой культуры.

В современном цифровом мире, где границы между работой и личной жизнью становятся все более размытыми, важно применять практики, которые способствуют личностному росту. Философско-антропологическая мысль предлагает обширную основу для техник развития творческих способностей человека, особенно в условиях цифрового мира. Заимствуя элементы из философских учений, современные методики также могут содействовать развитию саморегуляции творческой личности, предлагая баланс между автономией человека и миром цифровых технологий. Необходимо понимать, что творческие способности человека предполагают наличие у него определенных качеств, утрата которых также приводит к ослаблению его творческих навыков. Дисперсия человека «в цифровых и нецифровых взаимодействиях приводит к тому, что становится все сложнее видеть целостную личность, собранную из этих фрагментов» [10, с. 373].

Так, гибкость мышления является индикатором творческих способностей человека, поскольку в эпоху интенсивного развития технологий, сопровождающихся информационной перегрузкой внутреннего мира личности, способность адаптировать своё мышление к постоянно меняющимся условиям становится критически важной. Параметры творческого мышления в цифровой среде включают в себя умение решать комплексные проблемы, способность к многозадачности и креативному синтезу идей, что позволяет не только эффективно использовать доступные цифровые инструменты, но и находить нестандартные решения.

Подытоживая сказанное, необходимо констатировать, что философско-антропологический ракурс рассмотрения проблем развития творческих способностей человека в цифровой культуре все больше обращен на риски и угрозы, генерируемые бесконтрольной виртуализацией жизни индивида. Цифровизация справедливо рассматривается как фактор риска для развития творческого потенциала личности, хотя и такое рассмотрение обозначенного вопроса выглядит ограниченным. Цифровой мир открывает новые горизонты для самовыражения и коммуникации, однако он также ставит под угрозу традиционные подходы к обучению и развитию личности. Цифровой человек всё более становится человеком-творцом, особенно учитывая потенциал использования современных технологий для самовыражения и генерации новых форм искусства. Общество должно стремиться к формированию так называемого «гибридного человека», способного сочетать в себе лучшие качества из цифрового и физического мира. Традиционные подходы к обучению должны быть пересмотрены и адаптированы в соответствии с требованиями современной цифровой среды. Стоит фокусироваться на развитии навыков, которые помогут людям не только использовать возможности технологий, но и превзойти их ограничения, что включает в себя развитие параметров творческого мышления, таких как способность к инновациям, критическое мышление и междисциплинарный подход к решению задач. Только так можно подготовить человека к полноценной жизни и творчеству в условиях цифровой культуры.

Литература

1. Золотухин В.М. Социально-философский и культурологический аспекты деятельности человека в рамках цифровой реальности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 4 (16). С. 323–329.

2. Коломеец Т.В. Homo digitalis (человек цифровой) // Национальные приоритеты России. 2019. № 2 (33). С. 70–74.
3. Лешкевич Т.Г. Цифровые трансформации эпохи в проекции их воздействия на современного человека // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 103–109.
4. Пронин М.А. Виртуальный человек цифрового права: философско-психологическая экспликация потенциального проблемного поля // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15. № 4. С. 32–38.
5. Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56). С. 40–43.
6. Сорочайкин А.Н., Сорочайкин И.А. Формирование цифровой философии и цифрового человека в цифровой реальности // Основы экономики, управления и права. 2021. № 4 (29). С. 7–10.
7. Сорочайкин И.А. Цифровой человек: обзор философского дискурса // Основы экономики, управления и права. 2022. № 2 (33). С. 43–46.
8. Сорочайкин И.А. Человек в эпоху цифровой реальности // Эксперт: теория и практика. 2021. № 4 (13). С. 42–45.
9. Тарасов О.И. Консерватизм: сохранение или реставрация? // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 4 (32). С. 19–23.
10. Труфанова Е.О. Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 3. С. 370–375.

DEVELOPING CREATIVE ABILITIES IN DIGITAL CULTURE

Rahkonen M.E.
RANEP St. Petersburg

The article raises the actual problem of the development of human creative abilities in digital culture, which is considered in the context of philosophical and anthropological knowledge. The intensive digitalization of social life is changing the face of traditional forms and ways of social interaction. This has a significant impact on the personality of a modern person, the image of his creative activity. The article raises the question of the risks of forming a new type of person – a digital person whose creative abilities are constrained by the limitations and risks generated by the virtualization of everyday life. As a result, philosophical and anthropological knowledge faces the task of objectively assessing the threats of excessive human involvement in the reality of the digital world and the loss of their creative potential. The virtualization of social life also provokes changes in the cognitive sphere, which also affects the creative activity of a person. As a result of the search for means to neutralize the designated threats, it is proposed to turn to the arsenal of philosophical practices that develop self-regulation and self-control of the individual as a means of overcoming the challenges of modern digital culture.

Keywords: digitalization, virtual world, creativity, creativity, critical thinking.

References

1. Zolotukhin V.M. Socio-philosophical and cultural aspects of human activity in the framework of digital reality // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 4. No. 4 (16). P. 323–329.
2. Kolomeets T.V. Homo digitalis (digital man) // National priorities of Russia. 2019. No. 2 (33). P. 70–74.
3. Leshkevich T.G. Digital transformations of the epoch in the projection of their impact on modern man // Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 439. P. 103–109.

4. Pronin M.A. Virtual man of digital law: philosophical and psychological explication of a potential problem field // Social and humanitarian sciences in the Far East. 2018. Vol. 15. No. 4. P. 32–38.
5. Solovyova L.N. Digital identity as a new type of human identity of the information age // Society: philosophy, history, culture. 2018. No. 12 (56). P. 40–43.
6. Sorochaykin A.N., Sorochaykin I.A. Formation of digital philosophy and digital man in digital reality // Fundamentals of Economics, Management and Law. 2021. No. 4 (29). P. 7–10.
7. Sorochaykin I.A. Digital man: a review of philosophical discourse // Fundamentals of Economics, Management and Law. 2022. No. 2 (33). P. 43–46.
8. Sorochaykin I.A. Man in the era of digital reality // Expert: theory and practice. 2021. No. 4 (13). P. 42–45.
9. Tarasov O.I. Conservatism: preservation or restoration? // Scientific information journal Army and Society. 2012. No. 4 (32). P. 19–23.
10. Trufanova E.O. A man in the digital world: «distributed» and holistic // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2021. No. 3. P. 370–375.

Запад и Восток. Взаимосвязь и социокультурные различия между западным и восточным миром: анализ через призму философской категориальной парадигмы

Сорокин Константин Алексеевич,

аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии, Уральский федеральный университет
E-mail: Konstantin.sorokin1@gmail.com

Цель статьи заключается в проведении анализа взаимосвязи между двумя культурами – Западной и Восточной, которые в настоящее время становятся все более взаимопроникающими в глобальном мировом контексте. Актуальность темы связана прежде всего с выявлением фундаментальных различий между Западной и Восточной культурами. Метод исследования включает в себя анализ культур путем сравнения основных принципов мировоззрения Запада и Востока в их восприятии реальности. В статье рассматривается разное отношение в понимании бытия во времени и пространстве. Теоретическая часть представляет собой анализ различий в осмыслении бытия на Западе и Востоке. Практическая часть исследования приводит конкретные примеры из области этики и эстетики. В рамках статьи рассматривается корпус работ современного немецкого философа корейского происхождения Бён-Чхоль Хана, в котором автор ведет заочную дискуссию с Г. Гегелем по вопросам, связанным с выявлением отличий между восточным и западным мышлением.

Ключевые слова: Запад, Восток, Гегель, Бён-Чхоль Хан, Су-щее, Бог, Буддизм, Дао.

Введение

На протяжении истории существовали противоречия и различия между Востоком и Западом, которые возникли из-за социальных и культурных особенностей их восприятия окружающего мира. В статье проанализировано соотношение между Китаем, как одной из частей дальневосточной культуры, далее по тексту обозначенный как «Восток», и «Западом», ограниченным в исследовании Европейским континентом.

Противоречия возникают из глубоких религиозных основ, заложенных в фундаменте Западной и Восточной цивилизаций. В работе под названием «Философия истории» в разделе касающейся Китая Г. Гегель отмечал, что: «Китай совершенно специфически восточен. Индию мы могли бы сравнить с Грецией, а Персию с Римом» [3, с. 109]. Современный немецкий философ корейского происхождения Б-Ч Хан в своих работах «Философия дзен – Буддизма и «Отсутствие, о культуре и философии Востока» стремится прояснить различия в культурах, которые остаются не вполне понятными для западного мировоззрения. Б-Ч Хан акцентирует внимание на различиях, связанных с религиозным мировоззрением. Он проводит анализ сравнения Западных и Восточных религий, выявляя в них основу для культурных различий.

В своих работах по истории философии Г. Гегель отмечал, что основное различие между Западным и Восточным мышлением заключается в полном отсутствии свободы. Он полагал, что китайцы: «чрезвычайно суеверны; в основе этого суеверия лежит именно внутренняя несамостоятельность, и она предполагает нечто противоположное духовной свободе» [3, с. 126]. Согласно Гегелю, китайцы лишены свободы из-за того, что их религиозная основа ограничивает индивидуальную свободу посредством трех направлений. Первое направление Конфуцианство (жу цзяо), где в основе лежит необходимость поклонения императору, второе – Даосизм (дао цзяо), где Путь (Дао) нравственного совершенствования преобладает над физическим и третье – Буддизм (фо цзяо), о котором в негативном ключе пишет философ абсолютного духа. Г. Гегель рассматривает Буддизм в виде направления духовной практики, практикующего отказ от индивидуализма как вершину совершенства. «Сознание: моральной испорченности проявляется и в том, что весьма распространена религия Фо, в которой ничто признается высшим и абсолютным началом, богом, и презрение к индивидууму выдаётся за высшее совершенство» [3, с. 124].

Многие исследователи считают, что упомянутые выше течения не обладают религиозным характером, а, скорее всего, представляют собой определенные духовные направления. Как отмечает Е.А. Торчинов: «Древнекитайский язык как таковой не знал слова «религия» (современное слово «религия» попало в китайский язык из японского (сюкё), в котором оно, в свою очередь, было искусственно создано в конце XIX века для передачи понятия «религия» при переводе с евро-

пейских языков. Китайское же «цзяо» означает только учение, независимо от того, является ли данное учение религиозным или же нет» [11, с. 6]. Таким образом можно сказать, что религия, о которой говорит, Г. Гегель является учением в понимании китайской культуры.

Буддизм и Даосизм имеют много общего и эти течения часто пересекаются между собой. В Буддизме махаяны сутры считаются произнесенными Буддой Шакьямуни, независимо от времени их создания. Точно также многие тексты «Дао Цзяна» приписываются Лао-Цзы, некоторые из них, как утверждается, он создал в «небесных мирах» до появления видимого Неба и Земли. Поэтому они включают слова «Лао-Цзюнь Шо» – «Проповеданная Лао-Цзюнем», аналогично «Фо – Шо» – (Проповеданная Буддой). В Буддизме, как и Даосизме человек, прибывая в небытие, должен пройти определенный путь для пробуждения. «Согласно трактату «Махаяна Шрадхотпада шастры», эта стадия пробуждения достигается на ступени завершения бодхисаттвами своего пути, когда любая их мысль соответствует возникшему у них пробужденному сознанию» [11, с. 268]. Г. Гегель утверждал, что нигилистическое небытие не обладает надежностью, законченностью или постоянством. По его мнению, противоположность нигилистическому небытия является Бог, который символизирует истину и правдивость.

Далее в статье Буддизм и Даосизм будут приняты как направление Восточного мышления для понимания общей сущности проблематики и культурных особенностей Запада и Востока. Статья не ставит своей целью детально описывать различия между Даосизмом и Буддизмом, а сконцентрирована на раскрытии общего смысла непонимания, вызванного фундаментальными различиями между Западной и Восточной культурой которые проявляются в различных социальных, этических и эстетических сферах.

Теоретическая часть. Анализ различий, связанных с основными философскими категориями в Западном и Восточном мышлении

Во введении были представлены основные взгляды о Китае и его жителях. Конечно, нельзя утверждать, что данная точка зрения абсолютно принимаема всеми представителями западного мира, однако, в большинстве случаев, она остается распространенным стереотипом в восприятии Китая и сегодня. В своих лекциях по философии религии Г. Гегель говорит, что предметом религии является Бог и ничто, кроме Бога. Он пишет: «Религия начинается с сознания того, что существует нечто более высокое, чем: человек» [3, с. 89]. Согласно Г. Гегелю, Бог всех религий, и в особенности Бог Христианства, является не только «субстанцией», но и «субъектом». Бог, как и человек, должен быть представлен как субъект, как личность.

В этой точке начинаются фундаментальные различия между «Востоком» и «Западом». На примере Буддизма и Даосизма можно увидеть отсутствие разделения на субъект и объект. В восточном мышлении отсутствует понятие обращения к Богу, поскольку не существует ни божественной глубины, способной принять такое обращение, ни человеческой глубины, требующей его. Как отмечает Б-Ч Хан: «Буддизм свободен от желания взывать. Буддизму чужд непосредственный импульс, стремление или инстинкт духа, настаивающий на том, чтобы Бог был конкретным и сосредоточенным «в форме реального человека» (т.е. Христа). Человек видит себя в Боге, который является воплощением человечности

и ценит каждого человека. В отличие от этого, в Буддизме отсутствует нарциссическая структура» [15, р. 11].

Г. Гегель утверждал, что христианская религия является окончательной формой религии, а образы Бога и человека играют ключевую роль в этом направлении. Он представлял Бога – Абсолют как конечную субстанцию, основу и фундамент, на которых можно опираться для начала строительства мироздания. Человек – это образ Бога, созданный по его подобию. Он пишет: «Преимущественно в христианской религии возшло право субъективности как бесконечности для-себя-бытия, и при этом целостность должна вместе с тем получить достаточную силу, чтобы приводить особенность в гармонию с нравственным единством» [3, с. 120]. Основная ошибка Г. Гегеля, по мнению Б-Ч Хана, в том, что он проецирует Христианство на Буддизм и на Даосизм, и это заблуждение и приводит его к мысли, восточные учения – это бессмысленная религия рабства в основе которой есть понятие отсутствия или пустоты. Г. Гегель пишет: «Пора расстаться с мечтательным образом индийского духа (буддизма), который в бессвязнейшем бреде мечется во всех формах, встречающихся в природе и в духовной жизни, которому свойственны грубейшая чувственность и предчувствие самых глубоких мыслей и который именно поэтому не выходит из удивительнейшего, беспомощнейшего рабства во всем том, что относителен к свободной и разумной действительности» [3, с. 125]. Тем самым он через «пустоту» пытается увидеть основу или фундамент, на котором должно строиться восточное мировоззрение. На взгляд Б-Ч Хана, Г. Гегель основывался на неверном толковании Буддизма и Даосизма.

Пустота или Шуньята означает отсутствие у личности постоянного «Я» или самобытия у явлений. «Пустота» – это калька пустоты. В течение еще двадцати периодов возрастания и убывания в пустоте нет ни миров, ни кого бы то ни было из живых существ – Цзун-Ми [11, с. 349]. Также оно подразумевает отсутствие собственной природы у вещей, феноменов и является основой для Буддистов и Даосов. Пустота в китайском представлении означает негативность уменьшения и отсутствия (Ab-wesen). Она опустошает и де-субстанциализирует Бытие (Sein).

Сущность, или «Wesen» (Усия), – это понятие, которое постоянно присутствует в западном мышлении. И. Кант определяет субстанцию как нечто постоянное. Он пишет: «Постоянство есть необходимое условие, при котором только и можно определить явления как вещи или предметы в возможном опыте» [6, с. 193]. В западной культуре вера в неизменность и постоянство субстанции играет ключевую роль в формировании представлений о моральной субъективности и нормативной объективности. «Трансцендентная Божественная Личность создает подобную себе личность человеческую, неразстворимую в стихиях универсума» [5, с. 427]. Человек создан по образу и подобию Бога, который является неизменной фундаментальной основой, на которой строится структура или конструкция сущего. Восточный взгляд на Бога отличается от западного своим де-конструктивистским подходом, который радикально переосмысливает понятия бытия и сущности. Понятие Дао, что в переводе означает «путь» или «тропа», который настолько шире специфики даосизма, что его используют и конфуцианцы [5, с. 16] также служит контрфигурой для понимания Бытия и сущности. Оно способно к изменениям, в отличие от западного Абсолюта, который нельзя преобразовать. Негативность уменьшения (Ent-schöpfung) и отсутствия (Ab-wesen) опустошает Бытие в процессе или Пути, который не имеет ни начала, ни конца.

Мировоззрение буддиста или даоса лишено ориентации на верх, низ, лево или право. Оно не предполагает существования господствующего центра, скорее, можно сказать, что центр присутствует повсюду, в каждом существе он уникально свой. Будучи в гармонии с окружающими существами и ничего не исключая, каждое существо отражает вселенную в себе. Все живые существа выходят за пределы своего внутреннего мира, раскрываясь без ограничений встрече с миром во всем его многообразии. Как об этом пишет Э. Догэн: «Мы должны увидеть всю Вселенную в пылинке» [18, р. 135], или «любой объект, иначе говоря «пылинка», был отражением всего мироздания в целом, причем не только отражением, но самой вселенной в ее сущностном единстве и феноменальном многообразии» [11, с. 390]. Представление, описанное Догеном, является одним из ключевых элементов Хуаяньского учения и встречается практически в каждом сочинении по данной теме. Оно основано на концепции отсутствия в мире и одновременно на полноте присутствия в субстанции, через взаимодействия единичного и множественного.

Мир, ограниченный «единичной частицей», не имеет теологического или телеологического смысла. Он лишен влияния теологии, антропологии и свободен от взаимодействия между человеком и Богом. «Ничто» или Шуньята в Буддизме не предлагает ничего, за что можно было бы ухватиться, никакой твердой почвы, на которой можно было бы построить определенный фундамент. Мир и его представление кажутся лишенными основания. Это как будто находиться в мире без крыши над головой и земли под ногами, где нет ничего, за что можно было бы уцепиться [15, р. 19]. Б-Ч Хан отмечает: «Духовная сила буддизма проявляется в его способности преобразить бескрайнее пространство в уникальную обитель, предоставляя возможность обрести умиротворение в небытии. Путь буддизма не направлен на стремление к трансценденции. Убежать от реальности невозможно, поскольку другого мира просто нет» [15, р. 15].

В Западном и Восточном мышлении принципиально различается архитектура бытия. В Западной философии сущность рассматривается как основание, существующее в реальности. Она представляет собой непреходящее ядро, сохраняющееся неизменным внутри всех изменений. Субстанция, как понятие происходит от латинского глагола *substare*, который означает «противостоять» и «утверждать себя». Благодаря своей субстанциональности и уникальной основы, каждое ядро устойчиво существует, противопоставляя себя другим, подтверждая свою неповторимость. Основательность, о которой говорил Г. Гегель – это непоколебимость, решимость быть верным себе. Только тот, кто имеет надежную опору, кто твердо стоит на своем, способен противостоять другим воздействиям. Сущность – это самость, пребывающая в себе и, тем самым, отличающая себя от внешних влияний.

Сущность или субстанция проявляется прежде всего в стремление к самореализации. Греческое понятие «Ипостась» не только обозначает сущность и основание, но также выражает стойкость и непоколебимость. Термин «Стасис», помимо значения «стоять» или «оставаться на месте», также включает в себя идею бунта, раздора и конфликта. В политической истории «Стасис» (древнегреческий: *στάσις* в смысле «фракция, раздор»; множественное число: *staseis*) относится к эпизоду гражданской войны внутри древнегреческого полиса. Согласно своему происхождению, сущность представляет собой нечто, что стремится к самореализации, однако это не всегда дружественное проявление к другому. Только то, что решительно стремится быть самим

собой, что устойчиво остается незыблемым, что постоянно находится в гармонии с самим собой – то есть обладает внутренней цельностью, – может вступать в конфликты и разногласия с другими. Как подчеркивает Б-Ч Хан: «Без решимости быть самим собой, которая является основополагающей чертой сущности, никакая борьба невозможна. Только тот, кто способен сохранять целостность своей личности даже во взаимодействии с другими, способен обрести истинную власть. Фигура сущности предопределяет власть. В этом предопределении культура или мышление, которые отталкиваются от сущности, обязательно должны развивать решимость быть собой, находя выражение в стремлении к власти и обладанию» [14, р. 47].

Г. Лейбниц в «Монадологии» строго выводит конечные следствия из понятия субстанции. Монада представляет собой непреложный вывод и завершенность сущности. Он пишет: «Монада, о которой мы будем здесь говорить, есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит, не имеющая частей» [8, с. 161]. Монада существует изолированно в себе, без взаимодействия с внешним миром. Она не обменивается ни с чем иным, и у нее отсутствуют какие-либо точки контакта для входа или выхода чего-либо. Монада – это не пассивное явление, а скорее активное и экспрессивное проявление, поскольку она способна выразить себя. Вселенная – это объект влечения для монады, которая воспринимает ее через свое влечение к ней. Именно это влечение придает миру независимое Бытие. «Бог запускает тем самым мысль вообще, и так выводит вещи в бытие – творит мир» [10, с. 24]. Субстанция представляет собой основную сущность, которая остается неизменной во всех разнообразных изменениях, отличаясь от других элементов. Она является фундаментом для представления сущности и Бытия в западной философии.

В восточной философии понятие сущее занимает совершенно другое значение. Как пишет Б-Ч Хан: «Этимологически китайский знак, означающий «быть» («Ты», 有), представляет собой руку, которая держит кусок мяса. «Ты» также означает «иметь» и «обладать». Однако Бытие как потребность, как аппетит не доминирует в китайском мышлении» [16, р. 47]. Буддийское и Даосское мышление использует отрицания, чтобы обозначить, что в основа существования – это не субстанция, а пустота. Философ «странствует там, где вообще ничего нет» («ты юй ву ты», 遊於無有). Чжуан-Цзы говорит о странствии «в простоте» («ты юй дань», 遊於淡). Лао-Цзы также использует «не» («ву», 無) для отрицания «сущности» (ву, 物). Не-сущее, не-сущность (wu wu, 無物) – можно сказать, *ab-sencing* [*Ab-wesen*] – ускользает от всякого сущностного определения [16, р. 11]. С этим фактом согласуется то, что отсутствие сущего ассоциируется с блужданием, с не-бытием. Философ странствует там, где «нет ни двери, ни дома» («wu men wu fang», 無門無房) [19, р. 182]. Его сравнивают с перепелкой, у которой нет гнезда, то есть – нет дома. Он – «перелетная птица, не оставляющая за собой следов» (*piao xing er wu ji*, 鳥行而無跡) [19, р. 87]. Даосское странствие, конечно, не полностью идентично буддийскому «небытию» (*wu zhu*, 無住), но негативность отсутствия связывает их. Японский мастер дзэн Догэн наставляет нас не привязываться ни к одному месту: «Дзэнский монах должен быть без постоянной обители, как облака, и без постоянной опоры, как вода» [17, р. 186].

Хороший странник не оставляет следов («shan xing wu zhe ji», 善行無轍跡). След указывает в определенном направлении, он указывает на действующее лицо и его намерения. Странник Лао-Цзы, напротив, не преследу-

ет никаких намерений и не идет ни к какому месту. Он идет «без направления» (wu fang, 無方) [19, p. 82]. Он полностью сливается с путем, который никуда не ведет. След создает только в бытие. Основополагающим топосом восточного мышления является не *Бытие*, а *Путь* (Дао, 道). Путь лишен твердости, который характерен для Бытия и сущности, которое вызывает появление следов. Отсутствие теологии в Даосизме и его отсутствие линейного направления гармонируют с принципами Буддизма. Оба учения не предполагают окончательного завершения или конечности пути, отличаясь от статичного Бытия. В силу своей бесконечной процессуальности он не допускает ни существования, ни настойчивости, ни сохранения. Поэтому он не позволяет возникнуть *монадам*, а создает *пылинки*. В этой отсутствии следов заключается пустота, именно поэтому Странник нигде не обитает и не имеет имени, ведь имя – это всего лишь проявление следа. Странник не имеет имени (sheng ren wu ming, 聖人無名). У него «нет себя» (wu ji, 無己, или wu wo 無我) [19, p. 56]. Эта позиция отсутствия встречается не только в Даосизме, Буддизме, но и в Конфуцианстве. Таким образом, в сравнении Западного представления о Бытии, Ч-Б Хан противопоставляет Восточное представление о Пути.

В восточном мышлении особенным является акт созерцания, который радикально отличается от картезианских теоретических размышлений. Если бы Р. Декарт практиковал медитативные буддийские практики, то в один прекрасный момент он бы воскликнул «peque cogito peque sum» [15, p. 15]. Буддист и приверженец Дао стремятся к особому виду спокойствия, которое достигается через отказ от постоянного исследования причин, отмечаемого вопросом «почему». По большому счету метафизический Бог, конечная причина существующих вопросов. Поэтому понятны высказывание китайского чаньского монаха Линь-Цзи, IX век: «Встретишь Будду – убей Будду, встретил Патриарха – убей Патриарха» [12, p. 131]. Это убийство не происходит для того, чтобы отрицать трансцендентность, которая сверкает за его пределами, а скорее, оно подчеркивает имманентность.

Исходя из вышесказанного, важно обратить внимание на различия в трактовке категорий времени и пространства в западной и восточной культурных традициях. Время в Западном представлении после преодоления мифической культуры приобрело исторический статус. Феномен, известный как цикл, представлял собой основу мифического времени. Таким образом отмечает Б-Ч Хан: «Доисторический человек жил в дрящимся *настоящем*» [2, с. 40]. В историческом мире события развиваются линейно, стремясь от прошлого к будущему, в отличие от циклического хода событий. Именно на этой идее основано Христианское представление о движении к апокалипсису как конечной точке искупления.

Восточное ощущение времени и пространства имеет совершенно иное представление. Тот факт, что странник не оставляет после себя никаких следов, также имеет свой временной аспект. Он не настаивает и не упорствует, вероятно, потому что он существует лишь в текущем временном контексте. Поскольку он движется без определенного направления, он не следует линейному ходу исторического времени, который простирается от прошлого к будущему. Следовательно, странник не имеет исторического существования. Таким образом, он «лишен забот» (bu si lu, 不思慮) и «он не размышляет и не строит планы, на будущее» (bu yu mou, 不豫謀) [13, с. 120]. Странник, не оглядываясь на прошлое или будущее, он присутствует только в текущем моменте. Он познает каждый истинный миг, понимая, что время не является строго определенной величиной.

Странник живет настоящим в каждом мгновении, но не цепляется за него, понимая, что укоренение в прошлом или будущем лишь мешает истинному проживанию момента. Странник, пребывая в моменте времени (настоящем), избегает оставления следов, не предаваясь мыслям о прошлом или будущем. Он знает, что если он привяжется к материальному, то рискует лишиться своей абсолютной свободы. Поэтому он остается незаметным, не оставляя за собой следов материального, ибо его основное стремление – в пребывании в настоящем.

Подводя итоги первой главы, можно отметить, что разнообразные представления о категориях Бытия, существующего в различных временно-пространственных условиях, формируют у представителей Западной и Восточной культур различные мировоззренческие подходы. Эти особенности проявляются в характеристиках, которые оказывают влияние на мысли, поведение и восприятие человека. Именно они формируют социокультурные различия, отражающиеся в этических и эстетических аспектах повседневной жизни людей.

Практическая часть. Анализ различий в культурной традиции между Западом и Востоком

В первой части статьи было предпринято сравнение представлений о Бытии в Западном и Восточном мышлении. На Западе, как отмечалось ранее, Бытие рассматривается как основание, субстанция, обладающая фундаментальным базисом и характеризующаяся статичностью. В Восточном мышлении сущее, обладающее Бытием, противопоставляется «Пути» или «Пустоте» – состояниям, лишенным субстанциональности, постоянно изменяющимся, лишенным четких определений и основ. В этом различии, как отмечает Б-Ч Хан, существуют два мира, отличающихся ментальным восприятием действительности.

Исходя из вышесказанного, приведем три примера, на которых акцентирует внимание Б-Ч Хан, выделяя противопоставление «Запада» и «Востока». Анализ основан на сравнении архитектурных особенностей восточных и западных храмов. Далее подробно рассматривается взаимосвязь между потреблением пищи, с точки зрения культурных различий, а также проводится анализ сада как примера иного мышления между Западом и Востоком.

Пример первый. Граница в архитектуре храма

На Западе обычно отмечается отсутствие плавных переходов, что обусловлено наличием выраженных границ и разделений, которые в свою очередь способствуют возникновению ощущения стесненности. В отличие от европейской особенности, несмотря на высокую плотность застройки и значительное количество людей, в городах Китая, прослеживается атмосфера пустоты и открытого пространства. Плавные переходы создают ощущение плавности и гармонии, а объекты приобретают свой особый характер, отгораживая и выделяясь из окружающего пространства. Отсутствие визуальных элементов способствует проникновению света и воздуха, делая пространство более открытым и проницаемым. Как отмечает Б-Ч Хан: «Среди шума и суеты дальневосточных городов есть успокаивающая пустота, даже шумная пустота» [16, p. 25].

В Западной культуре присутствует стремление к изоляции и автономии, что проявляется не только в философии понятия «субстанции», но также в архитектуре. Например, рассматривая принцип монадической неделимости, о котором мы упоминали ранее, можно увидеть,

что Лейбниц ввел его, используя образ души без окон, «монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [8, с. 126], находит свое отражение в основополагающей концепции архитектуры, описанной Г. Гегелем как «полностью закрытый дом». Согласно Г. Гегелю, Христианская религия является внутренней формой веры, что находит свое отражение в закрытом и уединенном месте, где человек может общаться с Богом через молитву. Подобно тому, как христианский дух сосредотачивается во внутреннем мире, здание храма становится полностью изолированным от внешнего мира для собрания христианской общины. Естественный свет не проникает прямо во внутреннее пространство, чтобы не нарушить его гармонию и концентрацию. Поэтому он лишь нежно проходит через витражные окна, которые необходимы для отделения внутреннего мира от внешнего. Внешний свет остается за пределами помещения, чтобы уступить место внутренней гармонии. Лишь внутреннее, истинное свечение должно наполнять место поклонения. Окна здесь не просто проемы в стене, а скорее служат средством полного отделения внутреннего мира от внешнего. Г. Гегель особо отмечает, что оконные стекла остаются «лишь полупрозрачными», обладая при этом приглушенным светом, который придает пространству внутреннюю глубину. Через витраж солнечный свет преобразуется в библейский сюжет, что наполняет внутреннюю атмосферу храма смыслом.

Буддийские и Даосские храмы принципиально различаются от Христианского храма, в своей идеи пространства. В отличие от замкнутой структуры Западных храмов, Восточный храм представляет собой символическое сочетание открытости и закрытости. Структура Буддийского и Даосского храма не имеет четкой границы между внутренним и внешним пространством, что создает впечатление пустоты. Это пустое пространство подчеркивает различие между открытым и закрытым, придавая храму особую эстетическую глубину. Внутренний зал храма, лишенный стен, создает атмосферу невесомости и свободы, где посетители чувствуют порыв на внутреннее путешествие к самопостижению.

Вокруг него находятся двери из полупрозрачной рисовой бумаги. Основное предназначение бумаги заключается в том, чтобы поглощать свет, не позволяя ему слишком ярко проникать внутрь помещения и нарушать его внутреннюю атмосферу, как это происходит, например, с витражами. Бумага не создает полного изоляционного барьера от внешнего мира. Из-за невысокого потолка до дверей проникает лишь приглушенный свет, словно отраженный блеск. Этот свет уже характеризуется его отсутствием. Ч-Б Хан отмечает: «Матово-белая бумага, словно губка, мягко впитывает уже приглушенный свет и доводит его, так сказать, до полной остановки. В результате получается стоячий свет, который поэтому не ослепляет. Низкая крыша также устраняет вертикальность света. Свет не падает сверху, как это происходит в соборе. А бумага лишает свет движения и направленности. Таким образом, возникает стоячий бассейн неподвижного света. Этот особый свет, выражаясь даосским языком, «не имеет направления». Он ничего не освещает и не светит. Стоячий свет, ставший полностью неопределенным, индифферентным, не подчеркивает присутствие вещей: он погружает их в отсутствие. Белый цвет – это, в конце концов, цвет безразличия *par excellence*. Белая пустая бумага противопоставляется цветным витражам» [16, р. 25]. Современные исследования подтверждают, что цвета играют значительную роль в восприятии окружающего пространства. Матово-белый свет, подобно снегу на берегу реки, способствует

созданию атмосферы пустоты и отсутствия. Этот свет, характеризующийся промежуточным уровнем яркости, окружает окружающий мир и вносит элемент бездействия в общую картину.

Пример второй. Повседневная еда

Восточная кухня привлекает своей эстетикой простоты и минимализма. Рис, один из ключевых ингредиентов этой кухни, порой может показаться незаметным из-за его нейтрального цвета. Вкус риса нейтрален, что подчеркивает его пустоту и отсутствие. Б-Ч Хан отмечает: «Чжуан-Цзы отметил, что рис способен цепляться за любое блюдо, за любой вкус, потому что у него нет собственного вкуса. Рис, кажется таким же пустым, как белая земля дальневосточных рисунков тушью. Маленькие цветные мисочки похожи на горшочки с краской. Таким образом, весь акт еды напоминает живопись» [16, р. 35]. В Восточной кухне рис символизирует пустоту не только на эстетическом, но и на тактильном уровне. При приготовлении рис становится настолько мягким и пластичным, что он словно тает во рту, не создавая никакого сопротивления при приеме пищи.

В западной кухне пшеница играет ключевую роль, поскольку из ее муки готовится основа для хлеба. Хлеб, в свою очередь, является неотъемлемой частью питания. А преломление хлеба считается символом доверия и укрепляет межличностные связи. Такой персонаж сказок как Колобок мог родиться только в Западной культуре, потому что сделан из пшеницы и своим поведением он выделяется индивидуальностью и самостоятельностью. Можно предположить, что прежде, чем уйти от своих создателей Колобок тайно читал «Философию истории» Г. Гегеля, о которой было сказано ранее.

За некой долей иронии можно отметить, что пшеницу как злак можно вырастить в рамках одной семьи. Это показывают множество исследований на тему различия общества, которое выращивает пшеницу или выращивает рис¹. Выращивание пшеницы требует определенного сотрудничества и согласованности действий. Однако можно обеспечить продовольствием отдельную семью собственными силами. Поля, выделенные под пшеницу, могут быть обширными, но их обработка может быть осуществлена сравнительно простыми методами, доступными домашнему хозяйству. С рисом дела обстоят по-другому. Даже с небольшим участком земли можно получить обильный урожай риса, однако для его обработки необходима совместная работа всего сельского сообщества.

Принцип пустоты отражается в приготовлении темпуры – тонкого хрустящего слоя из рисовой муки, масла и воды, который обволакивает овощи или рыбу. В этом блюде нет тяжести, характерной для жареных блюд западной кухни, а лишь легкость и воздушность. Темпура создает иллюзию пустоты, придавая содержимому внутри невероятную легкость и нежность.

Восточная кухня может показаться недостаточно цельной из-за отсутствия четко выраженного центрального блюда. Для западного посетителя может возникнуть ощущение, что что-то не хватает, хотя он не сможет точно определить, в чем именно заключается эта недостаточность. Возможно, это связано с тем, что Восточные блюда не обладают достаточным весом или центральным элементом, а также из-за отсутствия закрытости в меню. Именно поэтому меню китайских ресторанов на Западе отличается от того, что предлагается в самом Китае. Восточная кухня порой разбавляет и дробит основное

¹ Международная группа американских (университеты Мичигана и Вирджинии) и китайских (университеты Пекина и Гуанчжоу) психологов под руководством Томаса Талхельма.

блюдо на множество мелких компонентов, которые подаются одновременно.

Еще одно принципиальное отличие Западного и Восточного потребления еды связана с посудой и приборами. В Западной традиции, как правило, еду приносят на тарелке и сервируют с помощью столовых приборов в отличие от Восточной подачи еды в виде большого количества маленьких мисок с разными ингредиентами. Тарелка – это в Западном мышлении представляется в виде феномена, который создает границу между индивидуальным и общим. Как отмечает Г. Зиммель: «Тарелка символизирует порядок, который удовлетворяет потребность индивида в том, что ему как части разделенного целого полагается, и не позволяет ему выходить за свои границы» [4, с. 190]. В Восточной потреблении пищи, как правило, приоритет общего над индивидуальным. Стол с элементом вращения, общие миски, свобода при собирании различных компонентов.

На Востоке при потреблении еды связано с собиранием палочками в отличие от Запада, где происходит процесс нарезание с помощью ножа и вилки. Западное питание и мышление – это деконструкция, или анализ. Однако было бы неверно говорить, что восточное мышление и еда, напротив, синтетические. Анализ и синтез принадлежат к одному и тому же порядку. Восточное питание и мышление не является ни аналитическим, ни синтетическим. Б-Ч Хан пишет, что скорее, оно следует синдетическому порядку. Синдетический означает связанный, даже выстроенный в ряд, посредством соединения, продолжающегося «и» [16, р. 38]. Категоричность, завершенность полной остановки или восклицательного знака, неизвестна Восточному мышлению. Оно скорее определяется соединением запятых и «и», обходными и окольными путями или скрытыми тропами.

Пример третий. Сад Камней. Икебана

В азиатской эстетической традиции ценится безличное проявление красоты, несвязанное с чьим-либо субъективным воздействием или впечатком. В отличие от западной эстетики, где акцент часто делается на индивидуальном творческом вкладе, в азиатской культуре уважается благородство и прекрасное, проявляющиеся самостоятельно и независимо от личности.

Например, Японский сад камней (яп. 枯山水 карэсансуй, букв. «сухие горы и воды») представляют собой уникальные ландшафты, где отсутствие обилия цветов и растений не означает лишь пустоту, но скорее наполняется глубокой энергией жизни. Эта энергия проявляется через тонкую игру встречных движений, олицетворяющийся в текучих линиях волн на гравийных дорожках, в контрасте спокойствия скал. Темные силуэты скал на фоне светлого гравия создают впечатление гармонии и баланса. Сад Камней представляет собой интересную реализацию метода парадоксального оживления. Путем полного высушивания природы он придает ей новое вдохновение, преодолевая естественное и органическое стремление к существованию. Сад камней становится местом, где природа вступает в состояние глубокого просветления. Как отмечает Е.Е. Малкина: «Сразу после окончания работ над садом перед каждым из камней была проведена так называемая «церемония открытия глаз» (кайгэн кюе), цель которой – «одухотворить» только что созданную скульптуру, сделать ее вместилищем живого духа божества» [9, с. 134]. Поднятая над противопоставлением «жизни» и «смерти», природа начинает сиять в пустоте и отсутствии.

Еще один пример различия Западного восприятия букета из цветов и Восточной икебаны. В сравнении с западной культурой, где для составления цветочных

букетов используется множество цветов, икебана отличается своим минимализмом. Этот японский вид искусства отражает идеи о красоте, а также определенное культурное мировоззрение, основанное на гармоничном сосуществовании с природой. Икебана – это искусство японской аранжировки цветов, которое буквально состоит из слов икеру (生ける, сохранять жизнь) и хана (花, цветок), означает «сохранять жизнь цветам» или буквально «живые цветы» [7, с. 66]. В этом процессе цветок отрывается от своего корня, основного источника жизни, а следовательно, источника питания. Цветок оживляется путем нанесения ему «смертельного» удара. Этот процесс включает в себя удаление из цветка его жизненной силы, в стремлении к вечной бытийности. Цветок таким образом избегает постепенного увядания и природной смерти, вступая на путь бессмертия. А.И. Копытин пишет: «В икебана акцент делается на подчеркивании линий и индивидуальных форм каждого цветка, листа и ветки. Окружающее пустое пространство так же важно, как и сами предметы. Японское слово ма (или мао, по-китайски), обозначающее интервалы или пустоты во времени и в пространстве, обозначает то, что окружающее пространство наполнено энергией и чувством. Ма создает ритм и поток, вовлекая зрителя в восприятие композиции. Ма позволяет постичь, что «меньше значит больше» [7, с. 69]. Композиция излучает особую энергию, символизируя грань между жизнью и смертью, источником которой является концепция пустоты. Его свечение не является отражением вечности, а скорее проявлением отсутствия. В условиях неопределенности цветок испускает живую силу, не поддаваясь ни естественным, ни неестественным ограничениям, существуя вне понятия продолжительности.

Заключение

Основная цель статьи заключалась в том, что Западную культуру не следует рассматривать как противоположность Восточной, где активный и пассивный режимы представлены как брат и сестра. В Западном мировоззрении они всегда сочетаются друг с другом, приобретая яркость и насыщенность. Так же как свет и тень, гора и долина, активное и пассивное состояния в культуре взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Пассивность проявляется наиболее ярко в культуре, где акцент сильно смещен в сторону активности и героических поступков. Восточная культура отличается от западной тем, что она не разделяет понятия активного и пассивного. В восточной культуре редко используются фразеологические обороты, явно определяющие активное или пассивное отношение к действию. Большинство выражений отражают отсутствие упоминания конкретного события, его участников, вины и необходимости искупления.

В древнегреческой мифологии существует выражение «Huei ho Zeus», которое можно перевести как «Зевс, или Бог, который посылает дождь». Аристотель пишет: «Зевс, который посылает дождь не для роста хлебов, а в силу необходимости; ведь поднявшееся вверх [испарение] должно охладиться и после охлаждения, сделавшись водой, спуститься вниз, а когда это произошло, хлебу приходится расти» [1, с. 97]. Этот образ божественного субъекта, контролирующего природные явления, символизирует активное вмешательство высших сил в жизнь людей. Западное мышление сложно осознать абстрактные концепции или события без четко выраженного субъекта. Понятие «оно» выступает в данном контексте как своеобразное отражение субъективного мышления, которое стремится найти объяснение и осмысление в мире вокруг себя.

В древнекитайском языке, напротив, простой знак – «ю 雨», означающий «дождь» или «ливень», – означает «идет дождь». На знаке просто изображены падающие капли дождя. Он не указывает на определенное лицо, ответственного за выпадение дождя. Китайцы просто рисуют несколько капель дождя на бумаге. Как отмечает Б-Ч Хан: «Знак «ю 雨» – это очень прозаическое изображение, простое замечание происходящего, существующего – того, что просто есть. Все, что можно увидеть, – это несколько крошечных капель дождя. Знак регистрирует падающие капли дождя. Она оставляет его в этой видимости. Дождь – вот так... Не более» [16, с. 64]. Воздержанность и собранность могут быть восприняты как самоочевидные. Выдвижение субъекта в качестве объяснения было бы более простым подходом, однако в Восточной философии отсутствует концепция бога как объекта, который мог бы нарушить удивительную пустоту «ю 雨», представляющая из себя полное отсутствие.

Литература

1. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3. – 613 с.
2. Бен-Чоль Х. Аромат времени. Философское эссе об искусстве созерцания. – М.: Изд. АСТ, 2023. – 150 с.
3. Гегель Г. Сочинения: в 14 т. – Москва; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), 1935. – Т. 8. – 468 с.
4. Зиммель Г. Социология трапезы // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – № 4. – С. 187–192.
5. История этических учений: учебник для вузов / под ред. А.А. Гусейнова. – Москва: Академический Проект, 2015. – 879 с.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. – Москва: «ЧОРО», 1994. Т. 3. – 740 с.
7. Копытин А. И., Чжоу Тони Юю. От икебаны к растительной аранжировке: художественное, терапевтическое и духовное сотрудничество с природой // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 66–75.
8. Лейбниц Г.Monadология. – Москва: РИПОЛ классик, 2020. – 200 с.
9. Малинина Е.Е. Мировоззренческие предпосылки создания сухого сада камней в Японии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 4: Востоковедение. – С. 133–140.
10. Марков А.В. Власть небывалой щедрости: складки и апологии Лейбница // Лейбниц Г. Monadология. – Москва: РИПОЛ классик, 2020. – С. 5–28.
11. Религии Китая: хрестоматия / сост. Е.А. Торчинова. – СПб.: «Евразия», 2001. – 508 с.
12. Торчинов Е.А. Введение в буддологию. Курс лекций. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 304 с.
13. Чжуанцзы. Полное собрание сочинений. – М.: Изд. «Мысль», 1995–490 с.
14. Byung-Chul H. (2022). *Hyperculture Culture and Globalization*, Cambridge: Polity Press. 98 p.
15. Byung-Chul H. (2022). *The Philosophy of Zen Buddhism*, Cambridge: CB2 1UR, UK, Polity Press. 120 p.
16. Byung-Chul H. (2023). *Absence On the Culture and Philosophy of the Far East*, Cambridge: CB2 1UR, UK Polity Press. 128 p.
17. Dōgen E. (1997). *Shōbōgenzō zuimonki: Unterweisungen zum wahren Buddha-Weg*, Heidelberg: Werner Kristkeitz. 184 s.
18. Eihei D. (2007). *Shōbōgenzō, The True Darma-Eye Treasury*, Vol. I, Moraga: BDK America Inc. 496 p.

19. Zhuangzi (2013). *Complete Works*, Columbia: University Press. 618 p.

WEST AND EAST. INTERCONNECTION AND SOCIO-CULTURAL DIFFERENCES BETWEEN THE WESTERN AND EASTERN WORLDS: ANALYSED THROUGH THE PRISM OF THE PHILOSOPHICAL CATEGORICAL PARADIGM

Sorokin K.A.

Ural Federal University

The aim of the paper is to analyse the relationship between two cultures, Western and Eastern, which are now becoming more and more interpenetrating in the global world context. The relevance of the topic is primarily related to the identification of fundamental differences between Western and Eastern cultures. The research method involves analysing cultures by comparing the basic principles of the worldviews of the West and the East in their perception of reality. The article deals with the different attitudes in the understanding of being in time and space. The theoretical part is an analysis of the differences in comprehension of being in the West and the East. The practical part of the study provides concrete examples from the field of ethics and aesthetics. The article deals with a corpus of works by a contemporary German philosopher of Korean origin Byung-Cheol Han, in which the author engages in an extramural discussion with G. Hegel on issues related to the identification of differences between Eastern and Western mentality.

Keywords: West, East, Hegel, Byung-Chul Han, Existence, God, Buddhism, Tao.

References

1. Aristotle. *Physics* // Aristotle. Works: in 3 volumes. – M.: Mysl, 1981. – Vol. 3. – 613 p.
2. Byun-Chol H. *The Aroma of Time. Philosophical essay on the art of contemplation*. – M.: AST Publ., 2023. – 150 p.
3. Hegel G. Works: in 14 volumes. – Moscow; Leningrad: State Socio-Economic Publishing House (Sotsekiz), 1935. – Vol. 8. – 468 p.
4. Simmel G. *Sociology of the meal // Sociology: theory, methods, marketing*. – 2010. – No. 4. – P. 187–192.
5. *History of ethical teachings: textbook for universities / edited by A.A. Guseynov*. – Moscow: Academicheskyy Proekt, 2015. – 879 p.
6. Kant I. *Critique of Pure Reason // Kant I. Collected Works: in 8 volumes*. – Moscow: "CHORO", 1994. Vol. 3. – 740 p.
7. Kopytin A. I., Zhou Tony Yu. *From ikebana to plant arrangement: artistic, therapeutic and spiritual cooperation with nature // Eco-poiesis: eco-humanitarian theory and practice*. – 2021. – Vol. 2, No. 1. – P. 66–75.
8. Leibniz G. *Monadology*. – Moscow: RИPOL classic, 2020. – 200 p.
9. Malinina E.E. *Ideological prerequisites for the creation of a dry rock garden in Japan // Bulletin of NSU. Series: History, Philology*. – 2014. – V. 13, No. 4: Oriental Studies. – P. 133–140.
10. Markov A.V. *The Power of Unprecedented Generosity: Folds and Apologies of Leibniz // Leibniz G. Monadology*. – Moscow: RИPOL classic, 2020. – P. 5–28.
11. *Religions of China: Anthology / compiled by E.A. Torchinova*. – St. Petersburg: "Eurasia", 2001. – 508 p.
12. Torchinov E.A. *Introduction to Buddhism. Lecture Course*. – St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000. – 304 p.
13. Zhuangzi. *Complete Works*. – M.: Publ. "Thought", 1995–490 p.
14. Byung-Chul H. (2022). *Hypercultural Culture and Globalization*, Cambridge: Polity Press. 98 p.
15. Byung-Chul H. (2022). *The Philosophy of Zen Buddhism*, Cambridge: CB2 1UR, UK, Polity Press. 120 p.
16. Byung-Chul H. (2023). *Absence On the Culture and Philosophy of the Far East*, Cambridge: CB2 1UR, UK Polity Press. 128 p.
17. Dōgen E. (1997). *Shōbōgenzō zuimonki: Unterweisungen zum wahren Buddha-Weg*, Heidelberg: Werner Kristkeitz. 184 s.
18. Eihei D. (2007). *Shōbōgenzō, The True Darma-Eye Treasury*, Vol. I, Moraga: BDK America Inc. 496 p.
19. Zhuangzi (2013). *Complete Works*, Columbia: University Press. 618 p.

Социально-философский анализ потребительского поведения на маркетплейсах

Тазов Петр Юрьевич,

старший преподаватель кафедры маркетинга, ГУУ

E-mail: vetr@yandex.ru

Анализируются процессы цифровой коммуникации покупателя и продавца в условиях процесса покупки товаров через маркетплейсы. Последние рассматриваются как цифровая инфраструктура, взаимодействие с которой формирует у покупателя определенные ожидания, а сам процесс коммуникаций в рамках данной инфраструктуры позволяет получать определенные ощущения.

Особое внимание уделено темпоральным характеристикам цифрового взаимодействия субъекта и маркетплейса, которые находят свое отражение в таких явлениях как амбивалентность виртуальной роли покупателя, виртуальный шопинг как попытка «овеществить» текущую, «иллюзорную» реальность. Большое внимание уделяется такому явлению как «думспендинг» (попытка ухода от проблем через «виртуальный шопинг»), переход от реальных коммуникаций между покупателем и продавцом к цифровым и связанные с этим трансформации социальных ролей, ролевых диспозиций и потребительского поведения.

Ключевые слова: маркетплейс, цифровые коммуникации, потребительское поведение, думспендинг, трансформация социальных ролей.

Маркетплейс (от англ. online marketplace, online e-commerce marketplace; электронная торговая площадка) можно определить как *цифровую инфраструктуру в рамках которой потребитель удовлетворяет свои потребности в поиске и заказе необходимых товаров, а также получении определенных эмоций.* При этом, важное значение начинают приобретать психологические характеристики процесса покупки, связанные с получением дофамина, возникающего от предвкушения получения товара. Дофамин – гормон и нейромедиатор, который используется мозгом для субъективной оценки наступления значимых событий, например, выбора товара, помещения его в корзину или список избранного и его покупка. Зависимость от постоянного получения удовольствия сказывается на раздражительности, прокрастинации, тревожности в силу истощения нервной системы. Процесс взаимодействия с цифровой инфраструктурой маркетплейса позволяет субъекту «подпитывать» себя дофамином, связанным с предвкушением получения товара, однако не реального товара, а его цифровой копии. Именно этот хорошо «упакованный» визуальный образ позволяет получить максимальное предвкушение от потребления этого продукта. В этом случае, цифровая инфраструктура маркетплейса выступает «цифровым аттракционом» по получению гормона удовольствия.

Продажи через маркетплейсы растут с каждым годом. Часто маркетплейс становится чуть ли не единственной площадкой, на которой потребители заказывают продукты. Вхождение маркетплейсов в жизнь социальных акторов также способствует ряду социально-психологических процессов, которые обуславливают процесс коммуникации между виртуальной инфраструктурой маркетплейса и потребителем. Как пишет Forbes: «По предварительной оценке агентства Data Insight (есть у Forbes), в 2023 году объем рынка розничной интернет торговли в России превысил 7,9 трлн рублей (рост более чем на 36%), а количество заказов – 4,5 млрд (76%)» [1]. Развитие цифровых коммуникаций между человеком и маркетплейсом требует социально-философского анализа для осмысления последствий «виртуального шопинга» для личности и социальных трансформаций, связанных с трансформацией роли продавца и покупателя.

Для начала попробуем выделить особенности маркетплейсов как канала цифровых коммуникаций. К таковым относятся следующие.

– Персонализация. Формирование персональных предложений в зависимости от истории покупок. Представляется, что активное развитие искусственного интеллекта в части анализа покупок потребителями в дальнейшем позволит формировать более персонализированные предложения исходя из особенностей моделей, размеров, стилей заказанных товаров и тенденций на рынке. Что позволит как персонализировать предложение товаров, так и размыть автономию личности в цифровой среде. Рисками подобной персонализации связаны с утечкой персональных данных о сделанных покупках, что позволит создать достаточно полный портрет покупателя и его потребностей. Как отмечает академик

В.А. Лекторский «Очевидно, что в условиях, когда происходит утрата индивидуальной автономии, не мы будем решать, что нужно делать: умные технические устройства будут предписывать нам эти решения» [2].

- Трансформация социальной роли, ролевых диспозиции покупателя. По сути, происходит практически полное размывание социальной роли покупателя, к которому виртуальный магазин не предъявляет никаких требований и ожиданий.
- Комфорт процесса выборы и покупки.
- Большая дифференциация. В зависимости от цены и характеристик товаров. Благодаря отсутствию необходимости физически размещать товары в магазине, маркетплейсы предоставляют максимальный выбор товаров под любую потребность потребителя.
- Визуализация. В отличие от магазинов, маркетплейсы позволяют максимально визуализировать товары с помощью фото и видео, инфографики, дизайна, меняя фоны на фото в зависимости от потребностей клиентов. При этом товары эконом сегмента часто позиционируются как средний или премиум сегмент на фотографиях, но не по цене, что безусловно ведёт к введению покупателей в заблуждение относительно атрибутов и свойств товаров которые по фотографии воспринимаются как достоверные и качественные.
- Стимулирование обратной связи через баллы за отзывы.
- Автоматизация описания карточек товаров с использованием искусственного интеллекта, который позволяет генерировать описание товаров на основе аналогичных карточек товаров у конкурентов и отзывы покупателей.

Перейдем от общих характеристик маркетплейсов к философским аспектам их деятельности. Это прежде всего:

- дистанцирование потребителя от других людей в процессе покупки, что может в дальнейшем привести к еще большей автономизации и социальной атомизации субъекта. То есть, происходит переход от социального взаимодействия в процессе покупки человек - человек к коммуникации человек – программная среда (цифровая инфраструктура), что отражает техногенный характер коммуникаций и ведет к социальной дистанцированности;
- виртуализация процесса цифрового взаимодействия с цифровой инфраструктуры маркетплейса. И связанные с этим состояния отсутствия «телесности», размывания внутренней субъектности и идентичности, анонимность субъекта покупки;
- отсутствие социального контроля со стороны продавца – консультанта и других покупателей и требований, ожиданий, который продавец предъявляет к покупателю. Выходя из магазина субъект перестает играть роль покупателя. В условиях взаимодействия с маркетплейсами субъект становится имманентным покупателем, по несколько раз в день возвращаясь на маркетплейс за получением гормона удовольствия от выбора и покупки товаров;
- замена реального восприятия искомого продукта образом на основе фото и видео, описания товара.

Особое свойство цифровых каналов коммуникации – их *темпоральность*. По мнению И.В. Олейника «по мере того как человек осваивал механические, а затем цифровые скорости интеракций, социальный хронотоп становился все более эксплицитным, обнаруживал собственную логику, отличную от структуры и логики функционирования физического хронотопа» [3]. Развитие

цифровых медиа конструирует новую форму жизненного мира – онлайн новую повседневность, «которая изменяет способ совместности людей, модальность человеческого общежития» [4, 174].

М. Кастельс подчёркивает особую темпоральность сетевого общества «линейное, необратимое, измеримое, предсказуемое время дробится на куски в сетевом обществе» [5, 402]. Данная темпоральность отражается на имманентных виртуальных диспозициях, отражающих опыт взаимодействия с цифровыми каналами коммуникации и цифровыми инфраструктурами маркетплейсов, позволяющими реализовывать свои цифровые роли, получая удовольствие от предвкушения в результате просмотра, выбора, ощущения от совершившейся покупки. Все это происходит в особой темпоральности, которая существует параллельно реальной. В результате совмещения разных темпоральностей – реальной и цифровой есть риск нервного истощения в результате многозадачности от постоянных переключений. Что приводит к нарушению привычных биологических ритмов восприятия времени и пространства. А.В. Дроздова видит в этом «уничтожение ритмичности, как биологической, так и социальной, связанной с понятием жизненного цикла» [4, с. 414].

Темпоральность «цифрового шоппинга» проявляется в «растянутости» покупки – анализ – выбор – корзина – оплата и конечности самих продуктов, которые быстро устаревают, ломаются или теряет свою актуальность, выходят из моды. Последняя стимулирует процесс покупки новой модели в силу того, что в ближайшее время и она перестанет быть в «тренде», значит символический процесс потребления крайне ограничен и не связан с физическим функционированием товара. Покупки помогают при этом «овеществить», затормозить, реальность, сделав ее менее текущей и иллюзорной.

Важно отметить, что постоянное пребывание субъекта в имманентном состоянии покупателя может также приводить к истощению. Регулярная «подпитка» человека дофамином позволяет поддерживать внутренний баланс и сохранение целостности Эго за счет материальных предметов, которые в условиях неопределенности, инфляции, рисков позволяют «овеществить» ускользающую реальность, наполнить ее удовольствием от ожидания потребления и самого потребления, которое, впрочем, проходит достаточно быстро. С этим связано такое явление как «думспендинг» (с англ. doom – «конец света», «злой рок» и spending – трата денег). «Думспендинг» отражает попытки субъекта заполнить внутреннюю пустоту, уйти от тревоги через удовольствие от процесса покупок на маркетплейсах в условиях неопределённости, инфляции, рисков. Психотерапевт Н. Открытая подтверждает, что одной из причин думспендинга может являться тот факт, что люди запрещают себе дорогие покупки, но при этом «отрываются» на менее дорогих: «Поскольку есть запрет на покупки, человек накапливает напряжение, которое снимается импульсивной покупкой» [6]. Она отмечает также, что пользователи маркетплейсов могут совершать импульсивные покупки, чтобы снизить разочарование от прошедшего дня: «Человек может просто зайти в свою корзину, сделать заказ и испытать облегчение» [6]. Подобная зависимость от онлайн покупок чревата эмоциональным истощением за счет постоянного выделения дофамина в процессе онлайн покупок. В этих обстоятельствах, актуальной становится проблема сохранения внутренней автономии личности в условиях внедрения искусственного интеллекта в процесс цифровой коммуникацией с цифровой инфраструктурой маркетплейса.

Выводы

Таким образом, исследуя современный этап цифровой коммуникации потребителей с цифровой инфраструктурой маркетплейса можно выделить ряд особенностей, представляющих интерес с точки зрения социально-философского анализа. К ним можно отнести трансформацию традиционных ролей продавца и покупателя, которая приводит с одной стороны к упрощению процесса покупок, с другой – еще большей автономизации, замкнутости социальных субъектов; антропосоциальные риски роста покупок через маркетплейсы: внутренняя пустота, снятие тревоги через увеличение потребления, зависимость от процесса потребления; умственное истощение покупателей за счет имманентной роли виртуального покупателя; нарушение привычных естественных ритмов в условиях совмещения цифровых и реальных ролей и диспозиций, в условиях цифрового (нарушенного, расщепленного времени).

Литература

1. Романова Т. Количество продавцов на Wildberries и Ozon к концу года вырастет в полтора раза. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/508059-kolicestvo-prodavcov-na-wildberries-i-ozon-k-koncu-goda-vyrastet-v-poltora-raza>.
2. Лекторский В.А. О философских проблемах искусственного интеллекта и когнитивных исследований // Философские науки. – 2021. – Т. 64. – № 1. – С. 11.
3. Олейник И.В. Социальные эффекты технологических революций [Электронный ресурс]. – URL: <https://keldysh.ru/future/2020/9.pdf> (дата обращения 25.10.2024)
4. Дроздова АВ. Новая темпоральность повседневных практик в онлайн-коммуникации. Ярославский педагогический вестник. – 2019. – 4. – С. 173–177. DOI : 10.24411/1813-145X-2019-10467.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: Высшая школа экономики, 2000. – 608 с.
6. Что такое думспендинг и почему люди тратят деньги на ненужные и бессмысленные вещи. – URL:

<https://www.forbes.ru/finansy/522474-cto-takoe-dumspending-i-pocemu-ludi-tratat-den-gi-na-nenuznye-i-bessmyslennye-vesi>

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF CONSUMER BEHAVIOR ON MARKETPLACES

Tazov P.Yu.

State University of Management

The processes of digital communication between the buyer and the seller in the context of the process of purchasing goods through marketplaces are analyzed. The latter are considered as a digital infrastructure, interaction with which creates certain expectations for the buyer, and the process of communication within this infrastructure allows you to get certain sensations.

Special attention is paid to the temporal characteristics of the digital interaction between the subject and the marketplace, which are reflected in such phenomena as ambivalence of the virtual role of the buyer, virtual shopping as an attempt to “embody” a fluid, “illusory” reality. Much attention is paid to such a phenomenon as “doomspending” (an attempt to avoid problems through “virtual shopping”), the transition from real communications between buyer and seller to digital ones and the associated transformations of social roles, role dispositions and consumer behavior.

Keywords: marketplace, digital communications, consumer behavior, think-branding, transformation of social roles.

References

1. Romanova T. The number of sellers on Wildberries and Ozon will increase by one and a half times by the end of the year. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/508059-kolicestvo-prodavcov-na-wildberries-i-ozon-k-koncu-goda-vyrastet-v-poltora-raza>.
2. Lektorskiy V.A. On philosophical problems of artificial intelligence and cognitive research // Philosophical Sciences. – 2021. – Vol. 64. – No. 1. – p. 11.
3. Oleinik I.V. Social effects of technological revolutions [Electronic resource]. – URL: <https://keldysh.ru/future/2020/9.pdf> (accessed 10/25/2024)
4. Drozdova AV. The new temporality of everyday practices in online communication. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2019. – 4. – pp. 173–177. DOI: 10.24411/1813-145X-2019-10467.
5. Castels M. The Information Age: Economics, Society and Culture. – M.: Higher School of Economics, 2000. – 608 p.
6. What is doomspending and why people spend money on unnecessary and meaningless things. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/522474-cto-takoe-dumspending-i-pocemu-ludi-tratat-den-gi-na-nenuznye-i-bessmyslennye-vesi>

Феномен человеческой субъективности в развитии культуры

Удалых Евгения Юрьевна,

к.ф.н., доцент, кафедра юриспруденции, АНОО ВО
«Воронежский экономико-правовой институт»
E-mail: losevo7@mail.ru

Панова Наталья Александровна,

к.ф.н., доцент, кафедра истории, философии и социально-политических дисциплин, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I»
E-mail: natida2011@yandex.ru

В настоящей научной работе авторы кратко анализируют особенности феномена человеческой субъективности в развитии культуры. В начале работы рассматривается сущность и особенности человеческой субъективности как одного из важных междисциплинарных понятий. Далее авторы изучают уже непосредственно вариации проявления человеческой субъективности, анализируя различные слои интерперсонального – материального. В заключении научной статьи также отмечается, каким образом феномен человеческой субъективности выражается в истории культуры, ее становлении, развитии, современном состоянии и обозримом будущем. В т.ч. рассматриваются конкретные практические примеры подобного влияния, сведенные в общую сравнительную таблицу. *Объектом исследования* являются особенности феномена человеческой субъективности в развитии культуры. *Целью исследования* является комплексный, последовательный анализ особенностей феномена человеческой субъективности в развитии культуры. *Методы исследования*: сравнительный анализ, диалектический метод, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. *Научная новизна исследования* заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей феномена человеческой субъективности в развитии культуры. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами и перспективами развития феномена человеческой субъективности в развитии культуры.

Ключевые слова: философская антропология, человеческая субъективность, культура, формирование культуры, психология субъекта, субъективное восприятие.

Культура как одно из ключевых понятий философии, социологии, политологии и целого ряда других общественно-политических наук характеризуется особой значимостью и высоким статусом в контексте развития различных социально-экономических, политических, исторических процессов. В теории данный термин имеет сложное, многосоставное значение, включает в своем содержании совокупность различных элементов. Можно говорить о междисциплинарных характеристиках культуры, которая, выступая обособленной и самостоятельной, одновременно объединяет в себе множество различных материальных и процессуальных аспектов. Одним из таких выступает человек и все, что с ним связано, – и, в частности, человеческая субъективность сама по себе.

Проанализируем сущность человеческой субъективности. В основе данного определения находится слово «субъект», что подразумевает индивидуальную определенность, уникальность, особенность, собственную ценность и значимость конкретного человека. Параллельно субъект наделен и другими отличительными свойствами – набором собственных ценностных установок, мировоззрением и мировосприятием, т.е., уникальной совокупностью свойственных только для него характеристик [3]. Сама культура является проявленностью человеческого в мир, преломлением чувственно-воспринимаемого мира сквозь призму собственного сознания. Получается, что субъект – это лицо, обладающее уникальными физиологическими, психоэмоциональными свойствами, которые в своей совокупности делают его отличным от других, единственным в своем роде.

В отечественной науке проблемами исследования человеческой субъективности и статусом субъекта в принципе занимались такие ученые, как В.И. Слободчиков, А.В. Петровский, Г.А. Цукерман, Н.В. Хамитов и другие. Среди зарубежных авторов, также реализующих научные разработки по данной тематике, можно отметить, к примеру, таких ученых, как Э. Кассирер, Э. Ротхакер, А. Маслоу, Э. Фромм, К.Г. Юнг, А. Адлер, К. Роджерс, иные [2–5]. Как мы видим, наиболее интересной рассматриваемая тема представляется для психологов, однако и в других науках человеческая субъективность также зачастую выступает интересным объектом для исследования.

Таким образом, под человеческой субъективностью в контексте настоящего исследования будем понимать уникальный способ восприятия и интерпретации мира, который основан на совокупности индивидуальных свойств, чувств, убеждений, ценностей, опыте и персональных предпочтениях человека. Если анализировать человеческую субъективность в контексте философии, то здесь необходимо рассматривать значимость личности как обладателя собственного взгляда на окружающий мир и происходящие события, ориентируясь на существующий в его сознании ценностно-мировоззренческий набор. Именно человеческая субъективность лежит в основе наличия разных мнений по каким-либо вопросам, различных точек зрения и позиций, что в результате приводит к возможности более качественной оценки какого-либо явления или ситуации.

Кратко рассмотрим основные элементы человеческой субъективности, среди которых:

- сознание, т.е., способность личности понимать и осознавать себя, свои действия, свою роль в мире, а также эмоции, чувства, мысли и т.д.; здесь же будем рассматривать такой термин, как самосознание, бытие человека;
- воля, что подразумевает умение личности самостоятельно принимать какие-либо решения, действовать, нести ответственность за них;
- эмоции, которые включают разного рода чувства, переживания, иное, что может значительным образом влиять на поведение и мышление человека;
- моральные ценности, подразумевающие систему различных убеждений, принципов, установок, определяющих правильное или неправильное поведение личности;
- интуиция, т.е., способность личности через внутренние ресурсы ощущать и понимать что-либо без необходимости применять логику или аналитическое мышление;
- иное [4].

В результате мы наблюдаем, как представленная совокупность различных характеристик определяет уникальность личности, ее особые характеристики и свойства, а, в конечном итоге, и саму сущность человеческого бытия. На основе сочетания этих элементов и формируется в итоге та самая человеческая субъективность – предмет настоящего научного исследования.

Проанализируем, каким образом человеческая субъективность связана с культурой и какое значение в этом контакте имеет. В общем и целом, предполагается, что человеческая субъективность позволяет личности не только иметь набор собственных уникальных характеристик, но и свободно обмениваться ими с другими людьми, становиться и объектом, и субъектом исследовательской деятельности, что является основой для разнообразия и богатства культурного наследия в целом.

Тем не менее, если говорить о роли человеческой субъективности более конкретно, то здесь будем рассматривать ее, во-первых, в зависимости от присваиваемых личности функций, а во-вторых, в контексте понимания личности как элемента среды. Для этого определим три слоя интерперсонального:

- измененная природа;
- сотворенная материальная среда;
- символично-образно-знаковая информационная среда [8].

В каждом из перечисленных слоев человеческая субъективность – что очевидно – проявляется по-разному. В первом случае мы наблюдаем высокую значимость природы, ее изменившихся характеристик и внутренних элементов в целом, ее взаимосвязь и взаимовлияние природы с интерперсональным субъектом. На уровне первого слоя человек является сущностно животным предметом, выступающим в качестве или самки, или самца, или пищи, или части стадного сообщества, находящимся в иерархии подавления-подчинения-доминирования-конкуренции над пищевыми ресурсами и ресурсами воспроизводства.

Во втором случае сотворенная материальная среда – это, по сути, практически все, что окружает личность, становится фактором ее жизни, базовым структурным компонентом всего материального. Ученые справедливо отмечают, что большинство людей живут и умирают впоследствии именно в такой среде, а само ее существование объясняется крайней неудовлетворенностью человека тем природным, что его окружает. Важное значение имеют антропологические аспекты. По сути, это искусственная среда, созданная личностью, ее сознанием и энергией.

Значимость людей как предметов социального пространства на данном уровне зависит от выполнения разделенных в процессе общественной деятельности функций, а также местом при разделении совместно созданных результатов человеческой активности готовых продуктов и средств их создания. И если в первом слое мы наблюдаем наибольшую значимость именно биологических переменных, то во втором важнее становятся уже социальные характеристики личности. В свою очередь, в третьем слое человеческая субъективность все больше обладает уже символической и условной предметной реальностью.

Соответственно, в третьем случае мы наблюдаем многосоставную совокупность различных элементов символического, образного, знакового характера – т.е., чертежи, схемы, картины, книги, проекты и другое. Это материальное выражение данной среды, при этом один и тот же материальный объект может включать в себя целую совокупность различных символов, знаков, образов [3; 5]. По сути, это коды информации, которые могут повлиять на жизнедеятельность человека достаточно значительно, например, мотивируя к совершению каких-либо действий или, напротив, отказу от этого.

Сегодня все активнее говорят о формировании еще одной формы третьего слоя – это информационной среды в виде ИКТ сети Интернет, где человеческая субъективность с каждым днем проявляется все смелее, активнее и продуктивнее. В конечном итоге, характеризуя третий слой, очевидным выступает вывод о том, что именно в пике третьего слоя человек максимально распределен, не является самим собой физически, т.е., личностью, индивидом. Он словно абстрактный представитель какой-то сложной компьютерной сетевой общности, его потребителем, коммуникатором и энергетической средой в принципе. Иными словами, мы наблюдаем постепенное завершение процесса отрыва человека от физически и социально репрезентированной среды, его существование в виде ограниченной и стереотипизированной абстракцией, символом, образом.

В конечном итоге, анализируя все три представленных слоя интерперсонального, следует отметить, что человек движется от одного уровня к другому постепенно, в контексте развития и распространения собственной субъективности. При этом, несмотря на возможность тесного и продуктивного взаимодействия между всеми тремя слоями, нельзя сказать, что сложить все части интерперсонального так легко – вовсе нет, для этого необходимо сложная система внутренних интегрирующих связей, что фактически достижимо далеко не всегда. Однако при стечении определенных обстоятельств это все же возможно.

Что же мы наблюдаем в контексте проявления феномена человеческой субъективности в развитии культуры? По сути, несколько противоречивую картину. С одной стороны, такая сложность, многогранность человеческой субъективности дает значительный толчок в развитии культуры, позволяет синтезировать и синергировать, создавать качественно новые направления деятельности. И это безусловный плюс и главное достижение такого явления. Одновременно влияние человеческой субъективности – это сложный, продолжительный процесс, который невозможно решить одномоментно, который никогда не сможет быть однозначным и единственно верным. В этом его главный плюс и в этом же – самый существенный минус.

В заключении исследования обозначим также направления влияния человеческой субъективности на развитие культуры, что представим графически в таблице 1.

Таблица 1. Направления влияния человеческой субъективности в развитии культуры

№ п/п	Направление	Краткая характеристика
1	Понимание и интерпретация искусства	Очевидно, что человеческая субъективность предполагает значительные вариации в восприятии личностью различных элементов культуры и ее проявлений, что порождает множественность интерпретационных трактовок и их порой полярность. Это позволяет культуре быть многообразной, различной, сложной и уникальной
2	Творчество и инновационное развитие	Творчество, как известно, невозможно оценить по каким-то конкретным количественным характеристикам, и каждый творческий человек по-своему прав, его точка зрения имеет право на существование. Корень этому – именно в человеческой субъективности
3	Интерпретация различных научных и философских концепций	Вновь возвращаемся к множественности интерпретационных трактовок, обозначенных выше, но здесь мы говорим об уже более высоком уровне – не просто обсуждении произведений культуры, например, зрителями в антракте, а о научно-исследовательском, философском значении, что позволяет формировать уже теоретическую составляющую культуры более сложной, многогранной, разнообразной
4	Формирование системы ценностей и собственной идентичности	Уже неоднократно отмечалось выше, что человеческая субъективность сама по себе предполагает множественность, различность в ценностных установках, убеждениях, в мировоззрении. Различия между людьми, их уникальность – основа этого критерия
5	Трансформация и сохранение культурного наследия в целом	И здесь в основе качественных и многообразных изменений – значительный объем различных позиций, точек зрения, взглядов, т.е., внутренние элементы человеческой субъективности. Это позволяет впоследствии и трансформировать культуру, и создавать новое, и успешно передавать его следующим поколениям. Более того, личные воспоминания, семейные артефакты, признания и интерпретации – это тоже часть культуры, ее неотъемлемый элемент, способствующий ее расширению и развитию

Все изложенное, таким образом, явно свидетельствует о сложном, многогранном и разнообразном влиянии человеческой субъективности в развитии культуры, причем как национальной, так и мировой в целом. Такое влияние преимущественно позитивное, однако нельзя исключать и негативный контекст [7]. Тем не менее, без учета человеческой субъективности в ее принципе культура бы явно проиграла, развиваясь более медленно, фрагментарно, однообразно. Поэтому данный феномен исследуется в философии культуры довольно масштабно.

Поэтому очевидным в результате выступает тот факт, что особенности природы как среды анализируются через интерперсону материальную, в которой дифференцируются измененная природа, сотворенная материальная среда, – символично-образно-знаковая информационная среда.

В конечном итоге, субъективность можно определить, как сложную, открытую, многокомпонентную систему, способную поддерживать гомеостазис, целесообразное взаимодействие с любой средой, способную к адаптации, саморазвитию и генерированию новых структур и подсистем в соответствии со сложившейся ситуацией и новыми условиями существования.

Далее обозначим ключевые выводы по итогам представленного выше исследования.

Прежде всего, в работе проанализированы сущность и отличительные характеристики человеческой субъективности. Так, в рамках данного термина предлагается понимать уникальный способ восприятия и интерпретации мира, который основан на совокупности индивидуальных свойств, чувств, убеждений, ценностей, опыте и персональных предпочтениях человека [10].

В работе приводятся также внутренние элементы человеческой субъективности, а именно:

- сознание;
- воля;
- эмоции;
- моральные ценности;
- интуиция;
- иное.

Человеческую субъективность через интерперсональное – материальное авторы научного исследования анализируют более детально по трем ключевым составляющим – иначе называемым слоям того самого интерперсонального, а именно:

- измененная природа;
- сотворенная материальная среда;
- символично-образно-знаковая информационная среда, которая в настоящее время качественно видоизменяется и трансформируется, основой чего выступает повсеместная информатизация.

Более детальный анализ представленных сущностей позволяет сделать общий вывод о том, что сегодня человек движется от одного уровня к другому постепенно, в контексте развития и распространения собственной субъективности [4; 6]. При этом, несмотря на возможность тесного и продуктивного взаимодействия между всеми тремя слоями, нельзя сказать, что сложить все части интерперсонального так легко – вовсе нет, для этого необходима сложная система внутренних интегрирующих связей, что фактически достижимо далеко не всегда.

Если рассматривать уже непосредственно феномен человеческой субъективности в контексте развития культуры, то здесь авторы выделяют следующие направления: понимание и интерпретация искусства, творчество и инновационное развитие, интерпретация различных научных и философских концепций, формирование системы ценностей и собственной идентичности, трансформация и сохранение культурного наследия в целом. В сравнительной таблице более детально конкретизируется каждое из представленных направлений [9]. Практическое выражение и конкретные примеры можно наблюдать, в частности, в представленной в научной работе сравнительной таблице.

В конечном итоге, в исследовании делается вывод о сложном, многогранном и разнообразном влиянии человеческой субъективности в развитии культуры, причем как национальной, так и мировой в целом. Отмечается тот факт, что без учета человеческой субъективности культура бы явно проиграла, развиваясь более медленно.

но, фрагментарно, однообразно [7]. В то же время, как отмечают авторы, нельзя говорить об исключительно положительном влиянии человеческой субъективности на развитие культуры, примерами негативного влияния, в частности, могут служить идеологический фанатизм, дискриминационные процессы и предвзятость, эгоистические проявления и деятельность для извлечения собственной выгоды, игнорирование истории и традиций, отказ от межкультурного контакта, а также другие.

Литература

1. Долгов К.М. Философия, политика, культура: проблемы современного человека и человечества: монография / К.М. Долгов. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 361 с.
2. Картина человека: метафизика, культурология, коммуникация: монография / Под ред. А.Я. Кожурина, В.А. Рабоша, Р.В. Светлова, В.И. Стрельченко. – Санкт-Петербург: РГПУ им. Герцена, 2020. – 460 с.
3. Кондратьев С.В. Субъектность человека как системообразующее качество души и как предмет психологии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика, Психология. – 2010. – № 11. – С. 89–94.
4. Махаров Е.М. Философия человека. История и онтология современных проблем: монография / Е.М. Махаров. – 2-е изд., электрон. – Москва; Челябинск: Социум, 2020. – 329 с.
5. Невелева В.С. Философия человека в контексте культуры // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 8 (454). Философские науки. – Вып. 61. – С. 8–15.
6. Пивоев В.М. Философия самоидентификации человека: монография / В.М. Пивоев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 407 с.
7. Силичев Д.А. Философия. Язык. Культура: монография / Д.А. Силичев. – Москва: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2022. – 311 с.
8. Философия культуры в системе изучения международных отношений: монография. В двух книгах. Книга 1: Парадоксы исследовательской призмы / М.В. Силантьева, Н.И. Бирюков, В.С. Глаголев и др.; под общей редакцией М.В. Силантьевой; научный редактор А.В. Шестопал; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, кафедра философии имени А.Ф. Шишкина. – Москва: МГИМО-Университет, 2020. – 544 с.
9. Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы: международная научная конференция (Екатеринбург, 19–21 ноября 2020 г.) / науч. ред. Ю.В. Бурбулис. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2021. – 306 с.
10. Ходаков В.Е. Природная среда и жизнедеятельность человека: монография / В.Е. Ходаков. – Москва: ИНФРА-М, 2023. – 421 с.

THE PHENOMENON OF HUMAN SUBJECTIVITY IN THE DEVELOPMENT OF CULTURE

Udalykh E.Y., Panova N.A.

Voronezh Economic and Legal Institute, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I

In this scientific work, the authors briefly analyze the features of the phenomenon of human subjectivity in the development of culture. At the beginning of the work, the essence and features of human subjectivity are considered as one of the important interdisciplinary concepts. Further, the authors study directly the variations of the manifestation of human subjectivity, analyzing the various layers of the interpersonal – material. The conclusion of the scientific article also notes how the phenomenon of human subjectivity is expressed in the history of culture, its formation, development, current state and the foreseeable future, including specific practical examples of such influence, summarized in a general comparative table. *The object of this scientific research* is the peculiarities of the phenomenon of human subjectivity in the development of culture. *The purpose of this scientific research* is a comprehensive, consistent analysis of the features of the phenomenon of human subjectivity in the development of culture. *The methods of this scientific research* are comparative analysis, dialectical method, generalization, concretization, systematization, deduction, and other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. *The scientific novelty of this scientific research* lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of author's conclusions regarding the peculiarities of the phenomenon of human subjectivity in the development of culture. This scientific article, therefore, will be useful to theorists, practitioners, students and faculty of humanities and other fields of study, as well as to a wide range of readers interested in the problems and prospects of the phenomenon of human subjectivity in the development of culture.

Keywords: philosophical anthropology, human subjectivity, culture, culture formation, psychology of the subject, subjective perception.

References

1. Dolgov K.M. Philosophy, Politics, Culture: Problems of Modern Man and Humanity: Monograph / K.M. Dolgov. – Moscow; Berlin: Direct-Media, 2020. – 361 p.
2. Picture of Man: Metaphysics, Cultural Studies, Communication: Monograph / Ed. by A.Ya. – St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 2020. – 460 p.
3. Kondratiev S.V. Human Subjectivity as a System-Forming Quality of the Soul and as a Subject of Psychology // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 4: Pedagogy, Psychology. – 2010. – No. 11. – P. 89–94.
4. Makharov E.M. Philosophy of Man. History and Ontology of Modern Problems: monograph / E.M. Makharov. – 2nd ed., electronic. – Moscow; Chelyabinsk: Socium, 2020. – 329 p.
5. Neveleva V.S. Philosophy of Man in the Context of Culture // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2021. – No. 8 (454). Philosophical Sciences. – Issue. 61. – Pp. 8–15.
6. Pivoev V.M. Philosophy of Human Self-Identification: monograph / V.M. Pivoev. – 2nd ed., corrected. and additional – Moscow; Berlin: Direct-Media, 2019. – 407 p.
7. Silichev D.A. Philosophy. Language. Culture: monograph / D.A. Silichev. – Moscow: University textbook: INFRA-M, 2022. – 311 p.
8. Philosophy of Culture in the System of Studying International Relations: monograph. In two books. Book 1: Paradoxes of the Research Prism / M.V. Silantjeva, N.I. Biryukov, V.S. Glagolev et al.; under the general editorship of M.V. Silantjeva; scientific editor A.V. Shestopal; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of Philosophy named after A.F. Shishkin. – Moscow: MGIMO-University, 2020. – 544 p.
9. Philosophy Today: Values, Prospects, Meanings: International Scientific Conference (Ekaterinburg, November 19–21, 2020) / scientific ed. Yu.V. Burbulis. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2021. – 306 p.
10. Khodakov V.E. Natural environment and human life: monograph / V.E. Khodakov. – Moscow: INFRA-M, 2023. – 421 p.

Феноменология техники: философские построения Д. Юма, Э. Гуссерля и Р. Карнапа

Плужникова Наталья Николаевна,

кандидат философских наук доцент; кафедра «Гуманитарные дисциплины», Московский политехнический университет
E-mail: pluzhnikova@bk.ru

Ковалева Светлана Викторовна,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин, Костромская государственная сельскохозяйственная академия
E-mail: sweta.lana1968@yandex.ru

В статье авторами представлена разработка научно-исследовательской концепции – феноменология техники. Данная разработка основана на анализе концепции Э. Гуссерля и Р. Карнапа, а также философских взглядов Д. Юма, в которой основным предметом изучения является человек и познавательные возможности разума при определении структур действительности. Обладая разумом, человек всегда стремится выйти за собственные границы и познать то, что существует независимо от него. Однако, как доказывает Д. Юм человек, познавая мир, как объективную реальность, он не покидает границы собственного сознания и изучает впечатления и идеи. Кроме того, индукция, как способ обобщения эмпирических опытных данных, не способна привести к истинному объективному знанию. Авторы приходят к выводу, что философские построения Д. Юма заложили основы феноменологии, а также аналитической традиции в философии применительно к исследованию феномена техники. Развитие идей Д. Юма привело к возникновению современной аналитической философии, в русле которой переосмысление феномена техники позволяет разработать феноменологию техники как качественно новую область современной философской рефлексии и анализа феномена техники.

Ключевые слова: техника, феномен, общество, феноменология, субъект, разум, познание, аналитическая философия.

Техника и технологии как часть технического развития играют в современном обществе определяющую роль. Они становятся не только экономическими и политическими инструментами социальной деятельности людей, но оказывают огромное культурное и ценностное значение.

В философии техники исторически сложилось два подхода к осмыслению сущности техники. В марксистской философии техника понималась как историческая форма отношения человека к труду, как нечто вторичное от человека, производное от него. Но при этом, ценностный аспект изучения техники не был представлен.

В отличие от марксистского подхода, сложилась и другая позиция – ценностный подход. В зарубежной философии техники методологическая традиция мышления была связана с осмыслением аксиологического отношения к технике, что особенно ярко проявилось в первой половине XX века в связи с научной революцией и становлением неклассической науки.

Данный подход был направлен не только на осмысление сущности техники, но и на осознание возможностей и рисков развития культуры в связи с включением человека в техническое развитие. В этом плане известными философами, исследующими сущность техники стали Мартин Хайдеггер [8], Карл Ясперс [10], Макс Шелер [9].

В настоящее время в изучении феномена техники сложился ряд подходов, однако данные подходы представляют собой часть целостных философских концепций, в которых техника играет не определяющую, а второстепенную роль. Более того, в научных исследованиях не представлены попытки построить целостную концепцию техники, в которой технику можно рассматривать как чистый феномен сознания, который не человек определяет и которым он управляет, а который, наоборот, конституирует человека и его мышление [5]. Данный вопрос как раз отсылает нас к аналитической философии, которая и может прояснить сущность техники как феномена, который, возможно, и конституирует сознание человека, определяя его деятельность и развитие общества в целом.

Одним из значительных источников возникновения феноменологического подхода является концепция познания Д. Юма. Согласно Д. Юму, источником познания служат ощущения или впечатления от предметов мира. Предмет всегда отражает связи между комплексами наших ощущений. Связи, собирающие ощущения в комплексы, которые мы называем «предметами», или «феноменами», и связи, которые, в свою очередь, собирают феномены в единый комплекс, именуемый «мир», привносятся самим субъектом. Все люди от рождения обладают способностями упорядочивать и организовывать возникающие у них впечатления. Таким образом, феномен – это результат взаимодействия субъекта и вещи в себе, определенный мысленный эксперимент [2].

Согласно И.Т. Касавину, философская концепция шотландского философа является источником современной аналитической философии. Применение индукции в философско-аналитических исследованиях, посвященных обоснованию проблем естествознания, этики, приводит к неразрешимым парадоксам [1].

Кроме того, феноменологическая теория действия воспроизводит Юмовский тезис: существует должное, которое не может иметь характер произвольного установления и отсылает к существованию априорных условий социальных актов как таковых [7].

Скептицизм в познании Д. Юма послужил основой философской концепции И. Канта [6]. Классическая модель рациональности получила развитие в немецкой классической философии, в первую очередь в философии Иммануила Канта, который стремился объединить рационализм и эмпиризм. Кант полагал, что рациональное познание невозможно без применения научных методов и границы последнего должны быть четко обозначены. Кантом была разработана теория познания, которая состояла из таких ступеней, как чувственное познание, рассудок и разум.

В философии Гегеля рационализм был дополнен диалектикой. Диалектика для Гегеля выступила как всеобщая логика самопознания бытия и мышления. Тожество бытия и мышления привело Гегеля и науку в целом того времени к методологической рефлексии над крупными научными достижениями XIX века в области химии, физики, биологии. Появляется понятие учёный, которое было введено английским философом, историком науки и священником Уильямом Уэвеллом.

Во второй половине XIX века зарождается неклассический тип рациональности. Первым вестником данной модели стал позитивизм. Рационализм подвергся обстоятельной критике, которая звучала в трудах таких философов, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор. Их идеи оказали значительное влияние на дальнейшее развитие философии науки и на такие направления, как экзистенциализм, интуитивизм, прагматизм. В неклассической модели рационализм был подвергнут критике за представление человека в качестве рационального субъекта познания. Философы считали, что необходимо учитывать социальный контекст, желания, психику, субъективный мир человека.

Однако в начале XX века рационализм устал находить контраргументы для отстаивания рационального определения мира. Произошла научная революция, которая радикальным образом перевернула знания человечества в физике, биологии, химии. Складывалась картина мира, который уже не стоит на жестких причинно-следственных связях между познающим субъектом и объектом. Эти связи носят сложный и системный характер, а сам субъект, включенный в процесс познания, обладает множеством процедур и методов для познания действительности.

Так, основатель феноменологии Э. Гуссерль считал Юма первым настоящим феноменологом. Он констатировал позитивное влияние идей Юма и на различные представители аналитической традиции. Во многом именно феноменализм Юма как последний результат радикальной картезианской редукции стал объектом рецепции современной феноменологии [1].

Феноменологическое направление представляет собой течение западной философии XX века. Феноменология получила широкое распространение благодаря Эдмунду Гуссерлю, который создал проект философии, повлиявший на становление немецкой и французской философии середины XX века.

Основные труды философа «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии», «Логические исследования», «Картезианские размышления». Гуссерль понимал под феноменологией описание смысловых структур сознания, которые факт о существовании бытия предмета или явления. Предметом исследования становится сознание, а ключевой характеристи-

кой – интенциональность. Интенциональность означает направленность актов сознания на предмет.

Понятие интенциональности было заимствовано Гуссерлем из философии Франца Brentano. Предмет исследования с точки зрения феноменологии не задан, а являет себя нам как сознание. Это и есть феномен. Феноменология в этом смысле это наука об исследованиях феномена сознания, то есть о тех объектах, которые содержатся в сознании.

Важным понятием феноменологии является понятие конструирования центров сознания. Такие центры называются Я – это единственное бытие в наличии и значимости которого познающий субъект не может усомниться. Это бытие отличается от бытия предметов. Такая точка зрения на сознание Гуссерля отсылает нас к тезису Р. Декарта «мыслю, следовательно, существую».

Э. Гуссерль пытался сделать феноменологию новой наукой, или представить такую модель науки, которая пыталась поставить под вопрос привычное понимание предметов мира в классической философии. Понятие интернациональности является условием возможности феноменологического познания. Идеи Гуссерля об интенциональности сознания были развиты в исследованиях М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра и других философов в середине XX века.

Исходя из «трансцендентальной феноменологии», разработанной Гуссерлем, мы можем сосредоточиться на существенном феномене, которым и является для нас техника. С позиций данного метода техника как объект, то есть как реальный результат деятельности человека, конституирует себя не только в мире вещей, но и в сознании самих субъектов. Именно об этом писали и Д. Юм и Э. Гуссерль, – о способности объекта находится как за пределами сознания, но и принадлежать к внутреннему миру сознания, в этом проявляется его интенциональный характер. Полученная перспектива в сфере интенционального сознания позволяет разработать радикально беспристрастное обоснование взгляда на природу и сущность техники. В этом контексте техника может быть понята как феномен сознания, имеющий вид выводной структуры из опыта человека, как структуру, указывающую и определяющую отношения между людьми. Исходя из данной логики, можно сделать вывод, техника приобретает самостоятельный смысл, раскрытие которого возможно благодаря обращению к другому мыслителю – Р. Карнапу.

Рудольф Карнап сосредоточил внимание на структурах как основных объектах знания. Ещё в 1922 году он думал, что математика – это не столько изучение количества, сколько изучение структур. Так, в работе «Логическое построение мира» (1928) Р. Карнап попытался сконструировать логическую карту понятий мира, используя для этого базовые восприятия и базовые отношения. В качестве аналога базовых восприятий он принимал «поперечные сечения потока восприятия», а в качестве базового отношения – отношение осознаваемого сходства [3].

Согласно Карнапу, наука имеет дело только с описанием структурных свойств опыта, а не его содержания. Любое научное предложение в принципе переводимо в предложение о структурных свойствах, а поскольку в структурных описаниях учитываются только формальные свойства отношений, они вполне могут быть определены в логических символах.

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов:

1. Научно-философские взгляды Д. Юма, Э. Гуссерля и Р. Карнапа могут стать основой для разработки

научно-исследовательского направления в современной философии – феноменологии техники.

2. Феноменология техники рассматривает технику как интенциональный феномен сознания, конституирующий мышление и объективную действительность, а также представляющий собой логическую конструкцию опыта человека по освоению внешнего мира и создания искусственной среды, под названием общество и культура.
3. Исходя из учения Э. Гуссерля, техника как интенциональный феномен, обладает собственным потенциалом развития, способный задавать тенденции развития современного общества, а также определяющий его возможности и риски.

Литература

1. Касавин, И.Т Дэвид Юм. Парадоксы познания // Журнал «Вопросы философии». URL: http://vphil.ru/index.php?id=287&option=com_content&task=view (дата обращения 11.10.2024).
2. Мехед, Г.Н. Мысленный эксперимент в философии и этике // Философская мысль. – 2017. – № 5. – С. 1–13.
3. Нехаев, А.В. Рудольф Карнап и «Вавилонские башни» мира логики // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2018. – № 2. – С. 106–110.
4. Проблема Гавагай. URL: <https://russcience.wordpress.com/2015/02/19/%D0%B-F%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B0-%D0%B3%D0%B0-%D0%B2%D0%B0-%D0%B9/> (дата обращения 11.10.2024).
5. Седых, О.М., Хаменков, М.А. Органопроекция: русский контекст // Философия науки и техники – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 132–151.
6. Философия Д. Юма. – URL: <https://mirznanii.com/a/233447/filosofiya-d-yuma> (дата обращения 11.10.2024).
7. Юрьев, Р.А. «Гильотина Юма» и теория действия в аналитической и феноменологической философии // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 2 (26). – С. 180–189.
8. Heidegger, M. Das Ende der Philosophie und die Aufgabe des Denkens // Zur Sache des Denkens. – GmbH: Max Niemeyer Verlag, 1964. – P. 67–90.
9. Scheler, M. Die Stellung des Menschen im Kosmos. – Germany: Reichel, 1930–504 P.
10. Yaspers, K. Der philosophische Glaube angesichts der Christlichen Offenbarung. – London: Collins, 1967. – 334 P.

PHENOMENOLOGY OF TECHNOLOGY: PHILOSOPHICAL CONSTRUCTIONS OF D. HUME, E. HUSSERL AND R. CARNAP

Pluzhnikova N.N., Kovaleva S.V.

Moscow Polytechnic University; Kostroma State Agricultural Academy

The article presents the development of a scientific research concept – the phenomenology of technology. This development is based on the analysis of the concept of E. Husserl and R. Carnap, as well as the philosophical views of D. Hume, in which the main subject of study is man and the cognitive capabilities of the mind in determining the structures of reality. Possessing reason, a person always strives to go beyond his own boundaries and cognize what exists independently of him. However, as D. HUME proves, a person, cognizing the world as an objective reality, does not leave the boundaries of his own consciousness and studies impressions and ideas. In addition, induction, as a way of generalizing empirical experimental data, is not able to lead to true objective knowledge. The development of D. Hume's ideas led to the emergence of modern analytical philosophy, in the mainstream of which a rethinking of the phenomenon of technology allows us to develop the phenomenology of technology as a qualitatively new area of modern philosophical reflection.

Keywords: Keywords: technology, phenomenon, society, phenomenology, subject, mind, cognition, analytical philosophy.

References

1. Kasavin I.T David Hume. Paradoxes of Cognition // Zhurnal «Voprosy filosofii». URL: http://vphil.ru/index.php?id=287&option=com_content&task=view (accessed: 11.10.2024).
2. Mekhed G.N. My Thought Experiment in Philosophy and Ethics. *Filosofskaya mysl'*, 2017, no 5. pp. 1–13.
3. Nekhaev A.V. Rudolf Carnap and the «Towers of Babel» of the World of Logic. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, 2018, no 2, pp. 106–110.
4. The Problem of Gavagai. URL: <https://russcience.wordpress.com/2015/02/19/%D0%B-F%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B0-%D0%B3%D0%B0-%D0%B2%D0%B0-%D0%B9/> (accessed: 11.10.2024).
5. Sedykh O.M., Khamenkov M.A. Organoprojection: Russian context. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2016, 21. (1), pp. 132–151.
6. Philosophy of D. Hume. URL: <https://mirznanii.com/a/233447/filosofiya-d-yuma> (accessed: 11.10.2024).
7. Yur'ev R.A. «Hume's Guillotine» and the Theory of Action in Analytical and Phenomenological Philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2014, 2 (26), pp. 180–189
8. Heidegger M. The end of philosophy and the task of thinking. On the matter of thinking. GmbH, Max Niemeyer Verlag, 1964, pp. 67–90.
9. Scheler M. The position of humans in the cosmos. Germany, Reichel, 1930, 504 p.
10. Yaspers K. Philosophical Faith in the Face of Christian Revelation, London, Collins, 1967, 334 p.

Анализ применимости и философии нарративной терапии для лечения несуицидального самоповреждения

Цао Бин,

магистр, кафедра социального образования и психологии,
Витебский государственный университет имени
П.М. Машерова

Несуицидальное самоповреждение (НССП) является серьезной проблемой здравоохранения и предиктором суицидального поведения среди подростков. По зарубежным данным, до 20% подростков занимаются самоповреждением, а в одном исследовании в Китае эта цифра достигала 29%. Лечение НССП остается экспериментальным, так как биологические механизмы остаются недостаточно изученными. Традиционные психологические методы сосредоточены на аномальных психологических проблемах, в то время как эмпирические исследования позитивной психологии в этой области ограничены. Нарративная терапия (НТ) предлагает альтернативный подход, направленный не только на патологию, но и на эмпатию и саморефлексию пациентов. Она исследует факторы, влияющие на жизнь отдельных людей, и способствует переосмыслению их жизней через рассказы. НТ может помочь разрушить стигму, связанную с НССП и поддержать пациентов в понимании своей идентичности и эмоциональных состояний. Консультанты, используя НТ, могут глубже понять истории своих клиентов и помочь им в адаптации, что важно в контексте быстро меняющегося общества.

Ключевые слова: нарративная терапия, несуйцидальное самоповреждение, психотерапия, стигма, стигматизация, терапия, лечение.

Несуицидальное самоповреждение (НССП) обычно определяется как разрушение тканей тела без суицидальных намерений и в несоциально одобряемых целях и отличается от самоубийства по намерениям, летальности и частоте [28]. НССП стало серьезной проблемой здравоохранения во всем мире и является одним из самых сильных предикторов суицидального поведения у подростков [10]. По данным зарубежных эпидемиологических исследований, до 1/5 подростков занимаются самоповреждающим поведением [13]. Общенациональное исследование НССП среди подростков, проживающих в деревенских районах Китая, показало, что около 29% из них хотя бы раз за последний год занимались самоповреждением, а 12,2% подростков (n=1908) соответствовали диагностическим критериям DSM-5 [4]. Кроме того, мета-анализ показал, что частота выявления НССП у китайских подростков составила 21,9%, и она была выше у подростков, обследованных в 2015 году и позже [5].

Что касается лечения НССП, последствия фармакологического лечения самоповреждения все еще остаются экспериментальными, поскольку его биологические механизмы все еще являются очень новой областью исследований [17]. Из-за сложности процесса формирования НССП патогенез, лежащий в его основе, до сих пор неясен, а методы лечения, соответственно, ограничены [6]. В настоящее время традиционный подход к психологическому лечению НССП, как правило, сосредоточен только на аномальных психологических проблемах, а эмпирических исследований вмешательства в НССП с позиций позитивной психологии очень мало.

Нарративная терапия (НТ) – это психотерапевтический метод, который помогает пациентам найти недостающие фрагменты и детали, выслушивая истории и используя соответствующие способы экстернализации проблем, тем самым направляя пациентов на реконструкцию позитивных историй, чтобы вызвать внутреннюю силу человека для осуществления изменений [7]. Как недавно появившаяся постмодернистская психотерапия, нарративная терапия проникнута сильными гуманистическими тонами, подчеркивает идеи децентрализации и плюрализма, поощряет дух различий и творчества и является кросс-культурно эффективной. НТ не только направлена на патологическую или проблемную психологию, но и, что более важно, она может заставить пациентов задуматься, скорректировать свое отношение к жизни, прояснить свой жизненный выбор и переписать свою историю жизни.

НТ отличается простотой и практичностью, небольшими временными затратами и быстрыми характеристиками. Эффективная НТ может лучше удовлетворить потребности пациентов в своевременном решении психологических проблем и саморазвитии, а также лучше адаптироваться к быстро меняющимся требованиям современного общества [9]. Исходя из этого, в данной статье мы всесторонне обсудим применимость и концепцию НТ в отношении НССП, чтобы предложить перспективы для лечения НССП.

Углубляясь в поиск глубинных причин в контексте традиционной психотерапии психологи-консультанты могут сосредоточиться на уменьшении или устранении

самоповреждающего поведения, уделяя мало внимания пониманию истоков развития и адаптивного функционирования самоповреждающего поведения. Такой подход игнорирует личностную значимость самоповреждения, упрощает проблему и может привести к значительному сокращению круга тем, о которых можно говорить в ходе консультирования. Кроме того, консультантам может быть трудно осознать, что они стремятся предотвратить потенциальную борьбу за власть и контроль над пациентом, например, заставляя его прекратить самоповреждение. Такие попытки консультантов могут в конечном итоге помешать пациентам пользоваться своей личной свободой и выбором, тем самым усиливая сопротивление изменениям и препятствуя их автономному развитию [14].

В отличие от этого, НТ часто может быть очень глубокой. Она исследует множество факторов развития человека, включая возраст, социально-экономический статус, расу, этническую принадлежность, прошлый опыт и так далее. Под влиянием социального конструктивизма НТ утверждает, что жизнь состоит из историй и что все люди рождаются и живут в историях [11]. Истории формируют социальную реальность, смысл жизни и личную идентичность людей, а также определяют, как они думают, чувствуют и действуют в жизни. С точки зрения нарративной теории, одна из задач консультанта – понять и проанализировать историю жизни пациентов НССП посредством эмпатического консультирования с ними, чтобы узнать их социокультурное окружение, жизненный опыт, семью, межличностные отношения, детские травмы и так далее. Рассказывая свои истории, он также дает пациентам достаточно пространства для глубокого понимания, разбора и выражения своих сложных эмоциональных состояний, а также для изучения влияния проксимальных и дистальных факторов на поведение НССП [9].

Стигматизация была определена как одна из основных причин, препятствующих прекращению и восстановлению поведения, связанного с НССП [13]. Стигма – это социальная конструкция, которая включает в себя стереотипы, предрассудки и дискриминацию в отношении черт, состояний и поведения, которые не одобряются текущей доминирующей культурой общества. Следовательно, стигматизация – это применение этих конструктов к группе людей [19, 29, 31]. В большинстве обществ и культур НССП считается неприемлемым, ненормальным, подверженным предрассудкам и дискриминации [13]. Качественное исследование показало, что НССП подвергается стигматизации не только со стороны населения в целом, но и со стороны самих пациентов и даже старших психотерапевтов [13–15].

Причина этого заключается в том, что в традиционной психологической перспективе природа человеческой психики имеет predetermined и неизменную психологическую структуру [26]. Предполагается, что проблемы возникают из-за отклонений в собственной психологической структуре, и поэтому пациенты чаще всего навешивают на себя негативные ярлыки, то есть интернализируют проблему. С другой стороны, НТ утверждает, что самость конструируется людьми через вербальные истории их социальной жизни, и поэтому психологические и поведенческие проблемы экстернализируются и дифференцируются именно от самости [25]. Проблемы – это только сами проблемы; люди – это не проблемы. Людей не только можно рассматривать отдельно от проблем, они также являются экспертами в своих собственных жизненных историях. Люди обладают навыками, убеждениями, ценностями и способностями, которые помогают им минимизировать влияние проблем в своей

жизни, что является одним из неотъемлемых убеждений НТ. Поэтому важная цель НТ – использовать язык, чтобы помочь пациентам увидеть множество факторов, лежащих в основе НССП, перевести людей от одностороннего, тонкого понимания себя к богатому и полному, и помочь пациентам расширить свое представление о себе, освободив их от негативных ярлыков, которые их мучают. Так пациенты имеют шанс постепенно осознать, что проблемой являются не они сами, а сама проблема.

Исследователи отмечают, что выяснение причин прекращения НССП и возможности восстановления является ключом к лечению НССП, и что прекращение НССП-поведения не означает выздоровления от НССП [12]. Действительно, даже в тех случаях, когда самоповреждение прекращается, многие люди не считают себя выздоровевшими. Это отражает сложный характер лечения НССП. Большинство данных о прекращении самоповреждающего поведения указывают на эмоциональную регуляцию, психологические ресурсы, межличностную поддержку и т.д. [19, 8, 18] Исследование глубинного интервью, проведенное Пирсом и др. [16] с группой НССП, показало, что восстановление после НССП включает, помимо прекращения самоповреждающего поведения, исчезновение мыслей о самоповреждении, развитие самопринятия, восстановление психологического благополучия, формирование навыков совладания и восприятие остаточных самоповреждений (таких как шрамы) особенностей самоповреждения. Поэтому в рамках традиционных психотерапевтических подходов нецелесообразно рассматривать лечение НССП как линейный процесс, критерием успеха которого является прекращение самого поведения. Подобная точка зрения на лечение НССП игнорирует сложность и значимость самого НССП, отталкивает пациента и ограничивает его возможности для саморазвития.

Терапевтические цели и процессы НТ во многом совпадают с описанными выше факторами прекращения НССП; НТ стремится найти альтернативы возникающим проблемам и делает акцент на саморазвитии и многогранной самоактуализации человека, а также на свидетельской и товарищеской поддержке со стороны семьи и сверстников. Кроме того, потенциальная эффективность НТ обусловлена поощрением пациента к контролю над терапевтическим процессом и чувством расширения возможностей, возникающим благодаря самостоятельному поиску потенциальных решений. Суть НТ заключается в том, чтобы побудить пациента осознать, что он обладает способностью принимать решения и определять ход своей жизни. Эмпирические исследования показали, что НТ, применяемая к специальным группам, может привести к значительным улучшениям в этих областях, и что эти улучшения обычно сохраняются в течение длительного периода времени [22].

Среда, где самовыражение и индивидуализм принимаются и поощряются, может помочь снизить распространенность НССП [17]. Традиционный психотерапевтический подход фокусируется на том, чтобы поставить консультанта на место эксперта и назначить терапевтические цели и вмешательства. Философия, лежащая в основе психиатрического подхода с медицинской точки зрения, имеет тенденцию отнимать власть и контроль у человека, совершающего НССП, отрицая его чувства и игнорируя смысл, лежащий в основе поведения [3]. В НТ, напротив, первым необходимым шагом является установление консультантом терапевтических отношений с пациентом на равных, предоставление ему возможности активно участвовать в терапевтическом процессе и убеждение в том, что пациент – сам себе эксперт, обладающий большинством, если не всеми, ре-

сурсами, необходимыми для адекватного управления самоповреждающим поведением [32]. Консультант сам занимает позицию «не знаю», что создает у пациента чувство уверенности в своих силах и ограничивает возможность того, что консультирование укрепит негативную самооценку. Когда клиент выражает беспокойство по поводу НССП, консультант должен не только сосредоточиться на сокращении или устранении НССП, но и позволить клиенту подробно рассказать о роли и функции НССП (например, высвобождение эмоций), чтобы пациент почувствовал, что его действительно слушают, и в то же время получил более глубокое понимание мотивов и смысла. Как упоминалось ранее, в НТ психолог-консультант должен расширить возможности пациента в отношениях между ним и НССП. Например, пациента могут попросить указать на ситуации, в которых он или она контролирует НССП, или указать на ситуации, в которых НССП не может выполнить свою роль. Такой поддерживающий подход способствует формированию эгалитарных терапевтических отношений, в которых пациент может найти смысл для НССП и событий, его вызвавших, в своей собственной жизни [33].

Уайт М. [21] предлагает экстернализацию как теоретический подход, который побуждает людей объективировать, а иногда и персонифицировать проблемы, от которых они страдают. В этом процессе проблема превращается в сущность, не зависящую от человека. Экстернализация проблемы с помощью слов подчеркивает способность пациента бороться с ней [23]. Для пациентов с тенденцией к НССП экстернализация проблемы является эффективной отправной точкой для повышения самооценки и его мотивации к лечению. Обычно используются такие способы экстернализации, как название проблемы, терапевтические письма и изображение проблемы [7]. При названии проблемы пациента просят назвать негативное воздействие его опыта НССП, а затем выбрать подходящее название для этого воздействия и полностью описать, в чем заключается воздействие проблемы.

Предоставление пациенту возможности выбрать название гарантирует, что эти названия будут значимыми для пациента, а также позволит консультанту понять, как пациент переживает проблему. При работе с людьми с НССП-поведением метафора, например, соответствующее название (например, нож, красный, режущий), может быть эффективна для того, чтобы отделить проблему от человека. Кроме того, на последующих консультационных сессиях проблему следует исследовать с использованием этого экстернализованного названия, что может помочь пациенту в поиске собственного смысла.

Терапевтические письма – неотъемлемая часть нарративной терапии. Написание письма позволяет экстернализовать проблему и назвать ее физически, помогая пациенту напрямую столкнуться с проблемой НССП. Содержание письма определяется пациентом, который определяет, будет ли оно раскрыто, в каком объеме и когда. Таким образом, письмо дает пациенту возможность самостоятельно проследить историю своей жизни, а также указывает потенциальные направления и пути для будущих изменений. В содержании письма пациента можно попросить проследить, когда впервые была замечена проблема, какой была его жизнь до ее возникновения и когда влияние проблемы было наиболее сильным или слабым [33]. Все это помогает понять историю возникновения проблемы и глубже осознать ее природу.

После того как пациент успешно определил и назвал проблему, процесс экстернализации можно продолжить, позволив ему нарисовать экстернализованный объ-

ект. В этом процессе пациентам могут быть предоставлены различные художественные средства, такие как маркеры, краски, мелки и цветные карандаши, чтобы эффективно стимулировать их творчество в рисовании визуального восприятия названной проблемы, например, «Пожалуйста, нарисуйте ручкой, как выглядит самоповреждение, когда оно происходит в вашей жизни, и как оно влияет на вашу жизнь».

После того как у истории появилось название, а сюжет, связанный с проблемой, конкретизирован, пациента просят опровергнуть проблемную историю и создать пространство для новой, альтернативной истории. Цель этого – найти для пациента другую историю, дающую надежду. В нарративе проблемы индивида, позитивные события-исключения или моменты инноваций глубоко изучаются с помощью прогрессивных вопросов [7]. Этот процесс направлен на обнаружение и раскрытие скрытых повествований, которые доминируют в проблеме. При работе с людьми с НССП-поведением этот инновационный момент (т.е. историю, выходящую за рамки основной истории) можно затронуть, используя следующую линию вопросов: «Считаете ли вы, что самоповреждение изменило вашу жизнь?», «В чем разница между обычным самоповреждением и самоповреждением?», «Когда самоповреждение обычно не происходит или происходит с меньшей вероятностью?». Как только психолог-консультант уловит эти моменты, необходимо усилить их воздействие.

В этом процессе особое внимание уделяется «двустороннему слушанию», то есть не только сосредоточению на негативных аспектах самоповреждающего поведения, но и активному поиску позитивных аспектов такого поведения, чтобы найти альтернативы ему. Например, когда пациент совершает НССП из-за трудностей с регуляцией сдерживаемых эмоций, то есть НССП выполняют для него регулятивную функцию, но был один или несколько случаев, когда желание преодолеть НССП было преодолено бегом, консультант может отреагировать на этот творческий момент, направив внимание пациента на это.

Последний важный процесс НТ – обогащение смысла альтернативных сюжетных линий, скрытых под проблемным сюжетом, путем рассмотрения истории отношения персонажей к проблеме и способов их поведения в повседневной жизни, которые не согласуются с проблемным сюжетом. Этот процесс известен как «сгущение» в нарративной практике [33].

Способы сгущения альтернативных историй включают в себя свидетельствование, написание писем и ритуалы. Приглашая значимых для пациента людей, психолог может помочь пациенту воссоздать более богатые описания воспоминаний об альтернативных историях, в их присутствии можно лучше развить конкретные ценности, навыки или черты характера, которые соответствуют раскрытой сюжетной линии, помогая при этом укрепить уверенность в развитии этих навыков и повысить самооценку. Кроме того, свидетели могут оказывать пациенту достаточную межличностную поддержку, предоставляя межличностные ресурсы из внешних источников для прекращения и восстановления самоповреждающего поведения.

НТ также использует терапевтические письма для продления терапевтического диалога между сессиями [7]. Обычно этот процесс происходит путем перечитывания письма с проблемной историей в сравнении с письмом с альтернативной историей либо после обнаружения альтернативного события, либо в конце терапии. Интеграция новых и старых историй направлена на то, чтобы заменить функции эмоциональной раз-

рядки и избегания, присущие НССП, на способы охвата собственных сильных сторон, особенностей и надежд, а также на дальнейший пересмотр и осмысление всего терапевтического процесса. Она помогает пациентам начать с перспективы себя и дает рекомендации по саморазвитию после лечения. Кроме того, не только из-за поведения НССП, пациенты часто переживают травмы, жестокое обращение или трудности в своей жизни, которые влияют на их способность справляться с ситуацией. В результате они могут чувствовать себя безнадежно, когда сталкиваются с трудностями. Обогащение альтернативных историй с помощью нарратива может эффективно способствовать развитию у пациентов чувства надежды и расширения возможностей, а также восстанавливать навыки преодоления трудностей безопасным и позитивным способом.

Вывод

В результате данного исследования можно сделать следующие выводы: в отличие от традиционных психотерапевтических подходов, НТ придерживается позитивной перспективы, считая, что потенциальные сильные стороны, заложенные в самих пациентах, могут помочь им справиться с проблемами. В эгалитарных терапевтических отношениях консультант полностью предоставляет пациенту возможность взять на себя контроль над терапевтическим процессом.

Экстернализация проблемы НССП от клиента уменьшает стигму, которой подвергается человек, и повышает его внутреннюю мотивацию к участию в терапии. С помощью самоинструкций психологи могут помогать пациентам находить скрытые нити основной истории и использовать альтернативы НССП для эмоциональной разрядки, бегства и т.д., а также для улучшения способности человека справляться с необычными ситуациями или трудностями.

Письма, свидетельства, ритуалы и другие процессы могут помочь пациентам закрепить навыки, приобретенные в ходе лечения, и в то же время открыть позитивные межличностные ресурсы, которыми они обладают, и развить уровень межличностной поддержки, чтобы после завершения серии систематических процедур помочь им достичь прекращения и восстановления от НССП.

Исследования по применению НТ к НССП в основном сосредоточены на отчетах о случаях [1, 24, 27], и эти исследования указывают на эффективность НТ для лиц с НССП. Лю Дунмяо и другие [23] провели нарративное вмешательство для 32 пациентов с самоповреждениями рук, и результаты показали, что уровень тревоги и депрессии пациентов значительно снизился после вмешательства, и все пациенты не повторяли самоповреждающего или суицидального поведения в течение периода наблюдения от 3 месяцев до 2,5 лет.

Количество эмпирических исследований, посвященных НТ при НССП, очень ограничено. Поэтому в будущем можно провести больше соответствующих систематических исследований. С точки зрения применения, направленность НТ на лечение НССП можно улучшить, сосредоточившись на конкретных факторах эффективности, таких как тренинг навыков аффективной и межличностной регуляции (SNT), который показал значительную эффективность в области эмоциональной регуляции и межличностных навыков, нарративная терапия [30] и нарративная терапия привязанности [20] для структуры семейной системы.

Также возможно сочетание НТ с другими основными видами психотерапии НССП, такими как когнитивно-поведенческая терапия, диалектическая поведенческая терапия, терапия принятия и приверженности и т.д. [2].

Литература

1. Baldiwala J., Kanakia T. Using narrative therapy with children experiencing developmental disabilities and their families in India: A qualitative study // *Journal of Child Health Care*. – 2022. – Т. 26. – № 2. – С. 307–318.
2. Calati R., Courtet P. Is psychotherapy effective for reducing suicide attempt and non-suicidal self-injury rates? Meta-analysis and meta-regression of literature data // *Journal of psychiatric research*. – 2016. – Т. 79. – С. 8–20.
3. Connors R. Self-injury in trauma survivors: 2. Levels of clinical response // *American Journal of Orthopsychiatry*. – 1996. – Т. 66. – № 2. – С. 207–216.
4. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. – Simon and Schuster // *Postgrad Med J*. – 2009. – С. 642.
5. Guertin T. et al. Self-mutilative behavior in adolescents who attempt suicide by overdose // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. – 2001. – Т. 40. – № 9. – С. 1062–1069.
6. Hawton K. et al. Suicide following self-harm: findings from the multicentre study of self-harm in England, 2000–2012 // *Journal of affective disorders*. – 2015. – Т. 175. – С. 147–151.
7. Hoffman R. M., Kress V.E. Narrative Therapy and Non-Suicidal-Self-Injurious Behavior: Externalizing the Problem and Internalizing Personal Agency // *The Journal of Humanistic Counseling, Education and Development*. – 2008. – Т. 47. – № 2. – С. 157–171.
8. Horgan M., Martin G. Differences between current and past self-injurers: how and why do people stop? // *Archives of Suicide Research*. – 2016. – Т. 20. – № 2. – С. 142–152.
9. Johnson E.H. The efficacy of narrative therapy approaches with self-injurious clients // *Northampton: Smith College*. – 2007. – 62 с.
10. Kiekens G. et al. The associations between non-suicidal self-injury and first onset suicidal thoughts and behaviors // *Journal of affective disorders*. – 2018. – Т. 239. – С. 171–179.
11. Kruzan K. P., Whitlock J. Processes of change and non-suicidal self-injury: A qualitative interview study with individuals at various stages of change // *Global qualitative nursing research*. – 2019. – Т. 6. – С. 23.
12. Lewis S. P., Hasking P.A. Rethinking self-injury recovery: A commentary and conceptual reframing // *BJPpsych bulletin*. – 2020. – Т. 44. – № 2. – С. 44–46.
13. Lewis S. P., Heath N.L. Nonsuicidal self-injury among youth // *The Journal of Pediatrics*. – 2015. – Т. 166. – № 3. – С. 526–530.
14. Miller W. R., Sanchez V.C. Motivating young adults for treatment and lifestyle change // *Notre Dame: University of Notre Dame Press*. – 1994. – С. 55–81.
15. Niwa M. et al. Skills Training in Affective and Interpersonal Regulation Narrative Therapy for women with ICD-11 complex PTSD related to childhood abuse in Japan: a pilot study // *European Journal of Psychotraumatology*. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 2080933.
16. Pearce H., Smoliak O., Lewis S.P. Individuals' accounts and explanations of continued engagement in non-suicidal self-injury: a qualitative study // *Counselling Psychology Quarterly*. – 2023. – Т. 36. – № 3. – С. 408–423.
17. Staniland L. et al. Stigma and nonsuicidal self-injury: Application of a conceptual framework // *Stigma and Health*. – 2021. – Т. 6. – № 3. – С. 312.

18. Strand P.S. Toward a developmentally informed narrative therapy // *Family process*. – 1997. – Т. 36. – № 4. – С. 325–339.
19. Tang J. et al. Prevalence of and risk factors for non-suicidal self-injury in rural China: results from a nationwide survey in China // *Journal of affective disorders*. – 2018. – Т. 226. – С. 188–195.
20. Vetere A., Dallos R. Systemic therapy and attachment narratives // *Journal of Family Therapy*. – 2008. – Т. 30. – № 4. – С. 374–385.
21. White M. Journey metaphors // *International Journal of Narrative Therapy & Community Work*. – 2002. – Т. 2002. – № 4. – С. 12–18.
22. 刘东苗, 成巧梅, 曾倩姣, 等. 叙事护理在自残性手外伤患者中的应用 // *中华显微外科杂志*. – 2019. – № 42. – С. 3. [Лю Дунмяо, Чэн Цяомэй, Цэн Цяньцзяо и др. Нарративный сестринский уход за пациентами с самоповреждениями кисти // *Китайский журнал микрохирургии*. – 2019. – № 42. – С. 3.]
23. 屈欢 et al. 叙事心理治疗应用研究新进展 // *护理学杂志*. – 2017. – Т. 32. – № 3. – С. 99–102. [Цюй Хуань и др. Новые достижения в прикладных исследованиях нарративной психотерапии // *Журнал сестринского дела*. – 2017. – Т. 32. – № 3. – С. 99–102.]
24. 张红梅. 让痛苦被言说, 用故事重塑生命之美: 叙事疗法用于困境女童性侵犯心理创伤辅导 // *中小学心理健康教育*. – 2023. – Т. 8. – С. 52–56. [Чжан Хунмэй. Позволить боли быть высказанной, использовать истории, чтобы изменить красоту жизни: нарративная терапия для консультирования по травме сексуального насилия над девочками, находящимися в бедственном положении // *Образование в области психического здоровья в начальной и средней школе*. – 2023. – Т. 8. – С. 52–56.]
25. 柳松松. 叙事心理治疗视角的自我研究 // *医学与哲学*. – 2015. – Т. 36. – № 8A. – С. 45–47. [Лю Яньсун. Перспективы нарративной психотерапии в самоисследовании // *Медицина и философия*. – 2015. – Т. 36. – № 8A. – С. 45–47.]
26. 胡德辉. 论人的个性的实质与心理结构 // *武汉师范学院学报 (哲学社会科学版)*. – 1984. – С. 18–24. [Ху Дэхуэй. О сущности и психологической структуре человеческой личности // *Журнал Уханьского нормального колледжа (издание по философии и социальным наукам)*. – 1984. – С. 18–24.]
27. 胡知仲 et al. 叙事疗法治疗非自杀性自伤的适用性及理念分析 // *医学与哲学*. – 2024. – Т. 45. – № 16. – С. 26–29. [Ху Чжичжун и др. Применимость и концептуальный анализ нарративной терапии для лечения несуицидального самоповреждения // *Медицина и философия*. – 2024. – Т. 45. – № 16. – С. 26–29.]
28. 苟双玉 et al. 中国青少年非自杀性自伤检出率的 Meta 分析 // *现代预防医学*. – 2023. – Т. 50. – № 2. – С. 263–271. [Гоу Шуаньюй и др. Мета-анализ частоты выявления несуицидального самоповреждения у китайских подростков // *Современная профилактическая медицина*. – 2023. – Т. 50. – № 2. – С. 263–271.]
29. 蒋家丽 et al. 青少年非自杀性自伤行为持续和停止的预测性因素 // *心理科学进展*. – 2022. – Т. 30. – № 7. – С. 1536. [Цзянь Цзяли и др. Предикторы сохранения и прекращения несуицидального самоповреждающего поведения у подростков // *Достижения психологической науки*. – 2022. – Т. 30. – № 7. – С. 1536.]
30. 许伽彬 et al. 国外非自杀性自伤表露行为的研究进展 // *医学与哲学*. – 2021. – Т. 42. – № 16. – С. 61–65. [Сюй Цзябинь и др. Прогресс исследований несуицидального самоповреждающего экспрессивного поведения в зарубежных странах // *Медицина и философия*. – 2021. – Т. 42. – № 16. – С. 61–65.]
31. 许颖超, 孔凡贞, 庄焯, 等. 叙事护理在1例伴有非自杀性自伤青少年抑郁症病人中的应用 // *循证护理*. – 2023. – № 9(12). – С. 2196–2199. [Сюй Инчао, Кун Фаньчжэнь, Чжуан Е и др. Нарративный уход за пациентом-подростком с депрессией и несуицидальным самоповреждением // *Научно-обоснованный уход*. – 2023. – № 9(12). – С. 2196–2199.]
32. 魏源. 后现代短程心理治疗新模式: 叙事疗法的特点及其应用 // *中国临床康复*. – 2006. – Т. 10. – № 14. – С. 129–131. [Вэй Юань. Новая модель постмодернистской краткосрочной психотерапии: особенности и применение нарративной терапии // *Китайская клиническая реабилитация*. – 2006. – Т. 10. – № 14. – С. 129–131.]
33. 鲁铁汉. 后现代主义心理咨询与治疗 // *西安社会科学*. – 2010. – № 1. – С. 105–106. [Лу Техань. Постмодернистское консультирование и терапия // *Сианьские общественные науки*. – 2010. – № 1. – С. 105–106.]

ANALYZING THE APPLICABILITY AND PHILOSOPHY OF NARRATIVE THERAPY FOR THE TREATMENT OF NON-SUICIDAL SELF-INJURY

Cao Bing

P.M. Masherov Vitebsk State University

Non-suicidal self-harm (NSSH) is a serious public health problem and a predictor of suicidal behavior among adolescents. According to overseas data, up to 20% of adolescents engage in self-harming behaviors, and in one study in China, the figure was as high as 29%. Treatment of NSSH remains experimental, as the biological mechanisms remain poorly understood. Traditional psychological methods have focused on abnormal psychological problems, while empirical positive psychology research in this area is limited. Narrative therapy (NT) offers an alternative approach that addresses not only pathology but also patients' empathy and self-reflection. It explores the factors affecting individuals' lives and promotes a reinterpretation of their lives through stories. NT can help break down the stigma associated with NSSHs and support patients in understanding their identity and emotional states. Counselors using NT can gain a deeper understanding of their clients' stories and help them adapt, which is important in the context of a rapidly changing society.

Keywords: Narrative therapy, non-suicidal self-harm, psychotherapy, stigma, stigmatization, therapy, treatment.

References

1. Baldiwal J., Kanakia T. Using narrative therapy with children experiencing developmental disabilities and their families in India: A qualitative study // *Journal of Child Health Care*. – 2022. – Т. 26. – No. 2. – pp. 307–318.
2. Calati R., Courtet P. Is psychotherapy effective for reducing suicide attempt and non-suicidal self-injury rates? Meta-analysis and meta-regression of literature data // *Journal of psychiatric research*. – 2016. – Т. 79. – P. 8–20.
3. Connors R. Self-injury in trauma survivors: 2. Levels of clinical response // *American Journal of Orthopsychiatry*. – 1996. – Т. 66. – No. 2. – pp. 207–216.
4. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. – Simon and Schuster // *Postgrad Med J*. – 2009. – P. 642.
5. Guertin T. et al. Self-mutilative behavior in adolescents who attempt suicide by overdose // *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. – 2001. – Т. 40. – No. 9. – pp. 1062–1069.
6. Hawton K. et al. Suicide following self-harm: findings from the multicentre study of self-harm in England, 2000–2012 // *Journal of affective disorders*. – 2015. – Т. 175. – P. 147–151.
7. Hoffman R. M., Kress V.E. Narrative Therapy and Non-Suicidal-Self-Injurious Behavior: Externalizing the Problem and Internalizing Personal Agency // *The Journal of Humanistic Counseling, Education and Development*. – 2008. – Т. 47. – No. 2. – pp. 157–171.
8. Horgan M., Martin G. Differences between current and past self-injurers: how and why do people stop? // *Archives of Suicide Research*. – 2016. – Т. 20. – No. 2. – pp. 142–152.

9. Johnson E.H. The efficacy of narrative therapy approaches with self-injurious clients //Northampton: Smith College. – 2007. – 62 p.
10. Kiekens G. et al. The associations between non-suicidal self-injury and first onset suicidal thoughts and behaviors // Journal of affective disorders. – 2018. – T. 239. – P. 171–179.
11. Kruzan K. P., Whitlock J. Processes of change and nonsuicidal self-injury: A qualitative interview study with individuals at various stages of change // Global qualitative nursing research. – 2019. – T. 6. – P. 23.
12. Lewis S. P., Hasking P.A. Rethinking self-injury recovery: A commentary and conceptual reframing //BJPsych bulletin. – 2020. – T. 44. – No. 2. – pp. 44–46.
13. Lewis S. P., Heath N.L. Nonsuicidal self-injury among youth // The Journal of Pediatrics. – 2015. – T. 166. – No. 3. – pp. 526–530.
14. Miller W. R., Sanchez V.C. Motivating young adults for treatment and lifestyle change //Notre Dame: University of Notre Dame Press. – 1994. – pp. 55–81.
15. Niwa M. et al. Skills Training in Affective and Interpersonal Regulation Narrative Therapy for women with ICD-11 complex PTSD related to childhood abuse in Japan: a pilot study //European Journal of Psychotraumatology. – 2022. – T. 13. – No. 1. – P. 2080933.
16. Pearce H., Smoliak O., Lewis S.P. Individuals' accounts and explanations of continued engagement in non-suicidal self-injury: a qualitative study //Counselling Psychology Quarterly. – 2023. – T. 36. – No. 3. – pp. 408–423.
17. Staniland L. et al. Stigma and nonsuicidal self-injury: Application of a conceptual framework //Stigma and Health. – 2021. – T. 6. – No. 3. – P. 312.
18. Strand P.S. Toward a developmentally informed narrative therapy //Family process. – 1997. – T. 36. – No. 4. – pp. 325–339.
19. Tang J. et al. Prevalence of and risk factors for non-suicidal self-injury in rural China: results from a nationwide survey in China // Journal of affective disorders. – 2018. – T. 226. – P. 188–195.
20. Vetere A., Dallos R. Systemic therapy and attachment narratives // Journal of Family Therapy. – 2008. – T. 30. – No. 4. – pp. 374–385.
21. White M. Journey metaphors //International Journal of Narrative Therapy & Community Work. – 2002. – T. 2002. – No. 4. – pp. 12–18.
22. 刘东苗, 成巧梅, 曾倩姣, 等. 叙事护理在自残性手外伤患者中的应用 //中华显微外科杂志. – 2019. – No. 42. – P. 3. [Liu Dongmiao, Cheng Qiaomei, Ceng Qianjiao and others. Narrative nursing care for patients with self-injuries of the hand // Chinese Journal of Microsurgery. – 2019. – No. 42. – P. 3.]
23. 屈欢 et al. New Achievements in Applied Research on Narrative Psychotherapy // Journal of Nursing. – 2017. – Vol. 32. – No. 3. – P. 99–102. [Qu Huan et al. New Achievements in Applied Research on Narrative Psychotherapy // Journal of Nursing affairs. – 2017. – Vol. 32. – No. 3. – P. 99–102.]
24. Zhang Hongmei: The History of Chinese Culture and the History of Chinese Culture: The History of Chinese Culture and the History of Chinese Culture // Zhang Hongmei Historical Research Institute. – 2023. – Vol. 8. – P. 52–56. [Zhang Hongmei. Letting the pain be spoken, using stories to change the beauty of life: narrative therapy for counseling the trauma of sexual abuse of girls in distress // Mental Health Education in Primary and Secondary Schools. – 2023. – T. 8. – P. 52–56.]
25. 柳艳松. 叙事心理治疗视角的自我研究 //医学与哲学. – 2015. – T. 36. – No. 8A. – pp. 45–47. [Liu Yansong. Prospects for narrative psychotherapy in self-exploration // Medicine and Philosophy. – 2015. – T. 36. – No. 8A. – P. 45–47.]
26. 胡德辉. 论人的个性的实质与心理结构 //武汉师范学院学报 (哲学社会科学版). – 1984. – P. 18–24. [Hu Dehui. About the essence and the psychological structure of human personality // Journal of Wuhan Normal College (publication on philosophy and social sciences). – 1984. – P. 18–24.]
27. Hu Zhizhong et al. Applicability and conceptual analysis of narrative therapy for the treatment of non-suicidal self-harm // Medicine and Philosophy. – 2024. – V. 45. – No. 16. – P. 26–29.]
28. Guo Shuangyu et al. Meta-analysis of the incidence of non-suicidal self-harm in Chinese adolescents // Modern Preventive Medicine. – 2023. – Vol. 50. – No. 2. – P. 263–271. [Gou Shuangyu et al. Meta-analysis of the incidence of non-suicidal self-harm in Chinese adolescents // Modern Preventive Medicine. – 2023. – Vol. 50. – No. 2. – P. 263–271.]
29. Guo Shuangyu et al. Predictors of the Maintenance and Termination of Non-suicidal Self-Harming Behavior in Adolescents // Achievements of Psychological Science. – 2022. – Vol. 30. – No. 7. – P. 1536. [Jiang Jiali et al. Predictors of the Maintenance and Termination of Non-suicidal Self-Harming Behavior in Adolescents // Achievements of Psychological Science. – 2022. – Vol. 30. – No. 7. – P. 1536.]
30. Jiang Jiali et al. 国外非自杀性自伤表露行为的研究进展 //医学与哲学. – 2021. – T. 42. – No. 16. – pp. 61–65. [Xu Jiabin et al. Progress in research on non-suicidal self-injurious expressive behavior in foreign countries // Medicine and Philosophy. – 2021. – T. 42. – No. 16. – pp. 61–65.]
31. 许颖超, 孔凡贞, 庄焯, 等. 叙事护理在1例伴有非自杀性自伤青少年抑郁病人中的应用 //循证护理. – 2023. – No. 9(12). – pp. 2196–2199. [Xu Yingchao, Kun Fanzhen, Zhuang Ye, et al. Narrative care for an adolescent patient with depression and non-suicidal self-harm // Evidence-based care. – 2023. – No. 9(12). – P. 2196–2199.]
32. 魏源. [Wei Yuan. A New Model of Postmodern Brief Psychotherapy: Features and Application of Narrative Therapy // Chinese Clinical Rehabilitation. – 2006. – Vol. 10. – No. 14. – P. 129–131.]
33. Wei Yuan. 后现代主义心理咨询与治疗 //西安社会科学. – 2010. – No. 1. – pp. 105–106. [Lu Tehan. Postmodern counseling and therapy // Xi'an Social Sciences. – 2010. – No. 1. – pp. 105–106.]

Актуальность подхода древнегреческих школ к морали и нравственности в условиях перехода от либеральных к традиционным ценностям в современной России

Ефремова Евгения Александровна,
руководитель школы интегральной психологии
E-mail: profcoach74@gmail.com

В статье рассматривается актуальность подходов древнегреческих философских школ к вопросам морали и нравственности в контексте перехода современной России от либеральных к традиционным ценностям. Исследуется вопрос применимости их идей в условиях кризиса, вызванного социальной дезинтеграцией и моральной неопределённостью.

Ключевые слова: мораль, нравственность, традиционные ценности, Россия, Сократ, Платон, Аристотель, Плотин, неоплатонизм, стоицизм, эпикуреизм, кризис морали, философские школы.

В современном мире, где нравственные и этические ценности подвергаются серьёзным изменениям и переосмыслению, задача восстановления традиционных основ морали приобретает особую актуальность. Россия, находящаяся более 40 лет под влиянием либеральных идеологий, столкнулась с кризисом, который проявляется в социальной дезинтеграции, моральной неопределённости и росте индивидуализма и разобщённости на фоне внешних угроз. В подобных условиях для развития общества важно найти философскую базу, которая поможет в укреплении моральных и этических ценностей.

Античная философия, ставшая важной частью мирового культурного наследия, продолжает оказывать глубокое влияние на современные представления о нравственности и долге. Шесть основных философских школ Древней Греции, каждая со своими уникальными взглядами, заложили фундамент для понимания добродетели, общественного блага и смысла жизни. Несмотря на различия в подходах, эти школы объединяет идея о том, что достижение гармонии между личностью и обществом требует нравственного совершенствования и подвига. Именно это наследие служит важной основой для поиска решений в условиях современного кризиса ценностей и возвращения к традиционным идеалам.

Каждая из школ, будь то учение Сократа, Платона, Аристотеля, стоиков, эпикурейцев или неоплатоников, предлагала свои ответы на вопросы морали. Древнегреческие философы видели возможность для построения счастливого общества, в котором добродетель и справедливость занимают центральное место. Их наследие отражает широкий спектр моральных и этических принципов, которые могут сохранять свою значимость и в современных условиях. Основные школы предлагали не просто систему теоретических концепций, а практические наставления, которые могут быть использованы для преодоления современных нравственных вызовов. Эти принципы могут лечь в основу формирования социальной среды, в которой коллективные интересы и ценности стоят выше личных.

Рассмотрим же более подробно основные идеи древнегреческих философов на предмет применимости к решению практических задач России на пути к реализации стратегического плана возвращения к историческим традиционным ценностям.

Сократ, как основатель философского направления, сделал акцент на внутренней работе человека, самопознании и поиске истины. Его знаменитое утверждение «Я знаю, что ничего не знаю» отражает необходимость постоянного поиска морального совершенства, в противовес соблазнам внешнего мира. Сократ верил, что, только познав самого себя, человек может поступать добродетельно, а моральное зло происходит из-за невежества. Сократовский метод диалога, где человек через вопросы и ответы приходит к истине, может быть полезен для развития критического мышления и нравственной ответственности в современном обществе России. Сократ учил, что жизнь, не исследуемая через самопо-

знание, не стоит того, чтобы её жить. Для России его концепция может быть использована в образовательной системе и социальном воспитании, чтобы помочь гражданам глубже понять своё место в обществе и моральную ответственность перед коллективом.

Величайший философ древнегреческого периода, Платон, в своих трудах, таких как «Государство» и «Законы», уделял особое внимание структуре построения процветающего общества. Согласно его концепции справедливости каждый человек должен выполнять свою роль в обществе, что приводит к гармонии и благополучию всего государства. Этот философ один из первых предлагает программу социального конструирования, включающую все аспекты культуры, начиная с основополагающих ценностей, заканчивая мифологическими сюжетами, применяемыми в процессе воспитания. Особую значимость для практической задачи возвращения к традиционным ценностям обретает его теория мира идей (форм), которая сосредотачивает внимание на нематериальном, совершенном мире и противопоставляет его материальному миру чувственных вещей. Центральное место в учении Платона занимает идея Добра, а также коллективное благо, где личные интересы подчиняются общим, при этом каждый гражданин делает свой вклад в соответствии с природными способностями. Эта концепция может быть применима в России для восстановления моральных основ, где коллективные цели превыше индивидуальных. Его модель позволяет организовать общество таким образом, чтобы каждый человек находил своё место, действуя в интересах общего блага, что соответствует целям России в возвращении к традиционным ценностям семьи, коллектива и духовного развития.

Этика Аристотеля предлагает практическое понимание добродетели, описывая её как «золотую середину» между крайностями, которая достигается через разумное и моральное поведение. В «Никомаховой этике» философ утверждает, что высшей целью человеческой жизни является эвдемония – счастье, достигнутое через практику добродетели которая является срединным путем между крайностями. Он подчеркивает, что развитие добродетели невозможно без воспитания и социальной среды, что делает его идеи чрезвычайно актуальными для восстановления моральных устоев в России. В современном контексте его подход к воспитанию моральных качеств через разум и умеренность может быть применен для перевоспитания новых поколений, переходе от потребления к созиданию.

В философии стоиков, таких, как Зенон Китийский, Эпиктет и Марк Аврелий основой моральной жизни является добродетель является высшей целью человеческой жизни, а её достижение возможно через внутреннюю свободу от страстей и согласие с природой. Для стоиков важно было следовать разуму и не поддаваться эмоциям, сохраняя спокойствие и моральную чистоту в любых жизненных обстоятельствах. В этом контексте стоицизм может помочь современному обществу России противостоять постоянным внешним угрозам и внутренним кризисам, опираясь на моральную стойкость и внутреннюю гармонию.

Эпикурейская школа во главе с Эпикуром утверждала, что цель жизни – это достижение счастья через устранение страданий и тревог. Эта философия была направлена на достижение атарксии – состояния внутреннего покоя, которое можно достичь через разумное удовлетворение желаний и отказ от ненужных стремлений. Эпикуреизм в этом контексте подчеркивал важность удовлетворения лишь естественных и необходимых желаний в противовес чрезмерному стремлению

к богатству и власти. Эти идеи Эпикура о простоте жизни и минимизации ненужных желаний могут быть применены в России для формирования более гармоничного общества, ориентированного на внутренний покой, а не на потребление. Кроме того, эпикурейская концепция дружбы как одного из важнейших аспектов счастливой жизни может быть использована для возвращения вековой социальной сплоченности и коллективных ценностей.

Плотин, ярчайший представитель неоплатонизма, развивал идеи о возвышении души через созерцание и внутреннее единство с Божественным началом. В его философии нравственное совершенствование человека неразрывно связано с духовным очищением и отказом от материальных страстей. В неоплатонизме Плотина личностное и коллективное совершенствование взаимосвязаны, что создает благоприятную почву для мягкого разотождествления с либеральными индивидуалистическими ценностями. Возвышение души, как основной принцип, может дать каждому человеку внутреннюю опору для преодоления личных и коллективных вызовов в условиях внутренних и внешних угроз для общества, членом которого он является. Это учение также согласуется с историческим путем России, как православной страны, лояльной к другим религиозным направлениям

Таким образом, наследие античных философов становится не только предметом исторического интереса, но и живым источником для решения современных моральных дилемм. Все философские школы Древней Греции – от платоновского идеализма до эпикурейского стремления к душевному покою – предлагают множество путей для развития и становления традиционных ценностей. Их учения о добродетели, справедливости, внутренней свободе и духовном возвышении представляют собой универсальные принципы, которые созвучны историческому пути России выйти из морального кризиса и укрепить общество на основе коллективных и духовных ценностей.

В условиях принятой государственной доктрины, где духовные ценности нашей страны поставлены выше материальных, платоновская философия может стать основополагающей в противостоянии либеральным ценностям, основанным на исключительном индивидуализме, материальном процветании, обесценивании моральных и духовных постулатов. В отличие от философии Аристотеля, которая ориентируется на земные блага и практическое поведение, Плотин обращает внимание на трансцендентные ценности, что делает его учение актуальным для России в процессе духовного возрождения с учетом её особого исторического пути.

Все античные школы на современном этапе должны переосмыслены и их идеи реализованы в новых условиях. На взгляд автора, именно Плотин воплотил в своих произведениях quintessence идей всех Древнегреческих школ, что будет раскрыто в дальнейших публикациях.

Литература

1. Платон. Государство // пер. с древнегреч. – М.: Издательство Наука, 1994.
2. Аристотель. Никомахова этика // пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1976.
3. Сократ. Диалоги Платона: Апология Сократа // пер. с древнегреч. – М.: Издательство Логос, 1992.
4. Плотин. Эннеады // пер. с древнегреч. – М.: Издательство Прогресс, 1989.
5. Зенон Китийский, Эпиктет, Марк Аврелий. Стоицизм: Избранные труды // пер. с древнегреч. – СПб.: Издательство Слово, 2000.

6. Эпикур. О счастье и свободе // пер. с древнегреч. – М.: Издательство Наука, 1988.
7. Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – М.: Гарант, 2022.
8. Конституция Российской Федерации, статья 28, о свободе совести и вероисповедания – М.: Гарант, 2022.
9. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2022 год – М.: Общественная палата РФ, 2022.
10. Бельский В.Ю., Боровинская Д.Н., Майкова В.П. Из истории концепции развития самостоятельного субъекта: Платон и Аристотель как предвестники Канта и Гегеля. М: Вестник МГОУ. № 3. С. 43–55. 2019.
11. Плотников В.В. Миф как образовательная технология в теории и практике социального конструирования Платона. Краснодар: КРДУ МВД РФ. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 18. С. 119–127. 2021.

THE RELEVANCE OF THE APPROACH OF ANCIENT GREEK SCHOOLS TO MORALITY AND ETHICS IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION FROM LIBERAL TO TRADITIONAL VALUES IN MODERN RUSSIA

Efremova E.A.

Head of the School of Integral Psychology

The article examines the relevance of the approaches of ancient Greek philosophical schools to issues of morality and ethics in the context of the transition of modern Russia from liberal to traditional values. Explored the question of the applicability of their ideas

in the context of a crisis caused by social disintegration and moral uncertainty.

Keywords: morality, ethics, traditional values, Russia, Socrates, Plato, Aristotle, Stoicism, Epicureanism, Plotinus, Neoplatonism, moral crisis, philosophical schools.

References

1. Plato. The State // Transl. from ancient Greek. Moscow: Nauka Publishing House, 1994.
2. Aristotle. Nicomachean Ethics. from ancient Greek. Moscow, Mysl Publ., 1976.
3. Socrates. Plato's Dialogues: Apology of Socrates. from ancient Greek. Moscow: Logos Publishing House, 1992.
4. Dams. Enneads. from ancient Greek. Moscow: Progress Publishing House, 1989.
5. Zeno of Kition, Epictetus, Marcus Aurelius. Stoicism: Selected Works. from ancient Greek. St. Petersburg: Slovo Publishing House, 2000.
6. Epicurus. On Happiness and Freedom. from ancient Greek. Moscow: Nauka Publishing House, 1988.
7. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" – Moscow: Garant, 2022.
8. Constitution of the Russian Federation, Article 28, on Freedom of Conscience and Religion – Moscow: Garant, 2022.
9. Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2022 – Moscow: Public Chamber of the Russian Federation, 2022.
10. Belsky V.Yu., Borovinskaya D.N., Maikova V.P. From the history of the concept of the development of an independent subject: Plato and Aristotle as harbingers of Kant and Hegel. Moscow: Vestnik MGOU. No 3, pp.43–55. 2019.
11. Plotnikov, V.V. Mif kak obrazovatel'naya tekhnologiya v teorii i praktike sotsial'nogo konstruirovaniya Platona [Myth as an educational technology in the theory and practice of Plato's social construction]. Krasnodar: KRDU MVD RF. Interuniversity Collection of Scientific Works. Issue 18. Pp. 119–127. 2021.

Наука и религия: к проблеме советского атеизма

Аторин Роман Юрьевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии Государственного университета управления
E-mail: romanos-85@yandex.ru

В статье рассматриваются принципы взаимоотношений научного и религиозного мировоззрения, проводится анализ данной проблемы в контексте атеистически-ориентированной общественной идеологии советской эпохи.

Ключевые слова: мировоззрение наука, религия, атеизм.

Проблемы ориентации человека в мире, адекватного воспроизведения действительности в сознании, источников знания, путей его усвоения и структуры занимают центральное место в большинстве направлений философии. Познанием можно назвать одну из разновидностей человеческой деятельности, которая обусловлена тем, как осуществляется взаимодействие системы «человек-мир», отображением человеком свойств и закономерностей действительности. Человечество исторически развивается как общество, поэтому для понимания того, как развивалось познание, а также его природу, особенности и виды – необходимо последнее рассматривать как социально-обусловленный процесс.

На протяжении истории развития человеческой мысли человечество выработало различные подходы в теории познания. В зависимости от специфики усвоения и отображения действительности сформировались виды мировоззрения – способы объяснения бытия (сущего, действительности): обыденное, мифологическое, религиозное, философское, научное.

Рациональный анализ «отдельно взятого» вида мировоззрения с выведением его определения, природы, особенностей, механизмов осуществления и специфических черт вне связи с другими возможен лишь теоретически, что обусловлено потребностью в научной систематизации и классификации. В действительности, осуществляя познание в жизни и на практике, отметим, что познавательная деятельность человека не может осуществляться посредством какого-то одного вида мировоззрения. Например, один и тот же объект познания непротиворечиво воспринимается субъектом в трёх ипостасях:

а) как прекрасное, воспринимаемого имажинативно (с помощью представления и воображения), с последующим его художественным описанием (мифология);

б) в качестве высшей совершенной силы и объекта поклонения (Бога), осознающей себя в качестве личности, с которой можно общаться, являющейся целью конечных духовных и нравственных устремлений человека (религия);

в) сущее, познание которого осуществляется с помощью мышления, когда происходит выявление общих свойств сущего, его закономерностей (философия). (По мере накопления знания, сужения предметной области познания, рефлексии способов его добычи (методология) из философии выделяется наука).

Формирование картины мира воплощается в синтезе рационального и иррационального, а способы познания бытия, взаимодействуя между собой в человеческом сознании, лишь дополняют друг друга и обогащают внутренний мир познающего субъекта.

Вышеперечисленные способы познания действительности формируют центральный круг вопросов теории познания: способен ли человек (субъект познания) выработать, воспроизвести знание, которое будет являться адекватным действительности и насколько это знание будет приближено к сущему как таковому. Перечисленные вопросы входят в ядро философского рассмотрения гносеологических принципов.

С теорией познания неразрывно связан вопрос об истинности нашего познания. Основная проблема истины – проблема соответствия вещей уму и тому, насколько

ко адекватно объективная реальность соответствует знанию, выработанному познающим субъектом.

Одно из определений истины можно сформировать как понятийное выражение результатов познания с позиции их объективного содержания.

К вопросу о противоречии науки и религии

В дискуссиях по вопросу соотношения науки и религии нередко встречаются высказывания о наличии между ними противоречий, сводящихся к несовместимости рационального и сакрального видения мира. Существование мнения о биполярности религиозной и научной картин мира имеет давнюю историю.

Обращаясь к отечественному опыту, необходимо отметить, что установка на несовместимость научного мышления с религиозностью была актуальна и в нашей стране в советскую эпоху, когда осуществлялась активная идеологическая деятельность государственного масштаба, целью которой являлась дискредитация и последующая ликвидация всякого проявления религиозного самосознания. Господствующая в науке и образовании советского периода идеологическая парадигма, основанная на постулатах атеизма и социал-дарвинизма, воспитывала общество в материалистическом духе. В воспитательной практике широко использовался метод насильственного искоренения проявлений религиозности. В различные времена эти методы изменялись, или, к чести развития советской цивилизации, или же в силу объективной перемены времени, – от жестоких к более гуманным. Если в 1920–1930-х гг. XX века, человека могли лишиться жизни за веру, то уже к началу 1960-х гг. за обнаруженный на цепочке крестик, или полумесяц, или звезду царя Давида, могли в худшем случае лишиться партбилета или отчислить из института. Тем не менее, нельзя утверждать, что атеистическое мировоззрение было внутренней основой бытия, чем-то сугубо личным, экзистенциальным началом, которое определяло бы «смысл жизни» советского человека. Необходимо отметить лишь *формальный характер* атеизма, как идеологической установки философской антропологии того времени. На самом деле существо человека определялось не «теизмом», не «атеизмом», а было *субъективно-идеалистическим*, по существу – вольтеровским, с провозглашением веры в возможности человеческого разума, силу науки, важность обучения, торжество морали, т.е. культивирование образа высокоразвитой просвещённой человеческой личности, творческой и интеллектуальной, сознательной, свободной и ответственной. Любовь к Родине и ближнему, высокие этические нормы, требования нравственности, готовности к самопожертвованию во имя идеи – вот собирательный образ понятия «советского человека», в формировании которого «атеистичность» играет роль весьма опосредованную. *Безбожник не был действительным общественным идеалом советской эпохи, идеалом был герой, отдавший свою жизнь за то, чтобы на земле не было фашизма.* Советское общество сравнительно легко рассталось с «официальным атеизмом», что подтверждается отсутствием негативной реакции на лишение обязательного статуса советской идеологии и её атеистической составляющей во 2-й половине 1980-х гг. XX в. А социальное недовольство 1990-х гг. XX в. обусловлено обесцениванием идеи равенства и справедливости – смыслообразующих понятий, положенных в основу некогда формируемого несколькими поколениями общественного идеала.

Эволюционная теория, несмотря на отсутствие принципиальных разногласий между идеей существования Бога как творца природы и диалектикой видового раз-

вития форм природы от простого к сложному, признавалась единственно верной и противопоставлялась теологическому креационизму.

Была объявлена лженаучной метафизическая теория разума, согласно которой интеллект сам по себе бестелесен, но использует мозг как орудие. Теперь же, такое сложнейшее материальное образование как человеческий мозг, считалось базисным в осуществление мыслительного процесса. Человеческий интеллект, духовность, самосознание и пр. считались биологической актуализацией заложенной природой функционала этой до конца не изученной эволюционно сформированной материи. Идеологический подтекст советского естествознания заключался в формировании убеждения в самодостаточности материи посредством демонстрации таких её качеств как сложность, мудрость законов в соответствии с которыми она развивается, невозможность познания до конца. Всё это стимулировало дальнейшее эмпирическое углубление в сущность материи и способствовало развитию естественных наук.

Составлялись так называемые «научные доказательства» первичности материи, выстраивались в сущности атеистические гипотезы происхождения религии. В дисциплине «Научный атеизм» рассматривались разработанные ранее гипотезы происхождения религии, свидетельствовавшие о том, что «связь с высшим» есть продукт исключительно человеческих измышлений и фантазий, стремившихся облекч осознаваемое бытие в определённую мантию упорядоченности и структурности (мифологическая гипотеза). Также утверждалось, что религия является производной от стремления подавить чувство страха перед силами природы (натуралистическая гипотеза), или же желания объяснить природу сна и грёз (анимистическая гипотеза) и др. Учебная дисциплина «Научный атеизм» являлась обязательной во всех ВУЗах страны, для всех специальностей. Соответственно рациональная теология и религиозная философия, находилась вне поля официальной науки, а развитие богословия осуществлялось в немногих духовных учебных заведениях закрытого типа.

Идеологической задачей дисциплины «научный атеизм» являлось формирование аргументов в пользу божественного небытия, верифицируемого посредством научной методологии. Некорректность данного подхода очевидна ввиду нелогичности сравнения принципиально различных сфер человеческого сознания: «Глупо благодарить Божию мерить циркулем, а формулам тригонометрии учиться по Псалтыри» – так Михаил Ломоносов охарактеризовал имеющую место быть эпистемологическую ошибку [1].

Для прояснения сути вопроса необходимо чётко определить:

- а) Что такое наука?
- б) Что такое религия?

Итак, выше уже было отмечено, что наука – одна из форм человеческой деятельности, направленная на познание объективных закономерностей и свойств окружающего мира: природы, вселенной. Научное знание характеризуется такими свойствами как точность, объективность, беспристрастность, повторяемость, проверяемость. Научное знание порождает рациональность мышления в совокуплении с опытом. Наука воспроизводит знание о мире чувственном. Известный учёный-хирург, профессор медицины архиепископ Лука Войно-Ясенецкий характеризует науку как «систему достигнутых знаний о наблюдаемых нами явлениях действительности» [3, с. 34].

Религия есть комплекс действий по «восстановлению утраченной связи». Осуществляющееся в возмож-

ности общения с реально существующей для религиозного субъекта личности, которая является идеалом Истины, Добра, Правды, Красоты, то есть с Богом. Профессор Алексей Осипов характеризует религию как исповедание духовного, совершенного, разумного, личностного начала – Бога, являющегося Источником (Причиной) всего существующего, в том числе и человека [2, с. 63–71].

Таким образом, наука занимается исследованием закономерностей и свойств чувственного, материального мира и, исходя из общего объекта своего исследования – материи, наука выработала характерную систему знаний, которую мы называем «научное знание».

Религия же занимается «исследованием», явлений не материального, а духовного порядка и выработала свою «систему знаний» под названием «духовный опыт» заключающийся в изучении законов мира духовного. Важно осознать, что ни одна наука не занимается богоскисательством, ибо в силу своей природы не имеет таких инструментов и методологии, с помощью которых можно исследовать процессы духовной жизни.

Следовательно, наука и религия есть два явления человеческой жизни, не смешиваемые, однако, не взаимоисключающие, не противоречащие одно другому. Доказать существование Бога, или опровергнуть Его бытие невозможно. Однако нельзя проигнорировать тенденцию актуализации религиозности через научную деятельность. При постижении свойств и закономерностей природы средствами науки учёный начинает видеть красоту и гармонию мира. Михаил Ломоносов сказал: «Природа есть в некотором смысле Евангелие, благовествующее громко творческую силу, премудрость и величие Бога. И не только небеса, но и недра земли проповедуют славу Божию» [4]. Не случайно, большинство великих учёных были глубоко религиозными людьми. Не знали противоречия между наукой и религией ни античные философы, ни учёные и теологи эпохи Средневековья, ни эпоха Возрождения. И лишь в XVIII веке, в эпоху Просвещения, на почве обострения социальных противоречий отдельные философы, идеологи и учёные начали осуществлять дискредитацию религии, используя, в том числе и науч-

ный аппарат. Весьма умело использовался тщательно проанализированный и собранный контент негативных событий исторического прошлого, разворачивавшихся под грифом религии. Например, *политический негатив*: папская гегемония, крестовые походы, внешнеполитическая агрессивность и жестокость арабов-мусульман. *Социальный негатив*: инквизиция, торговля индульгенциями, материальный достаток духовенства по сравнению с нищетой крестьян и рабочих, «Варфоломеевская ночь», преследования старообрядцев, любые факты убийства человека во имя религиозных идеалов.

Литература

1. Великие люди о Христе и вере [Электронный ресурс]. – URL <https://www.inpearls.ru/672505> (дата обращения: 17.10.2024).
2. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. – М.: Издание Сретенского монастыря, 2004. – 432 с.
3. Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). Наука и религия. Дух, душа и тело. – М.: Троицкое слово, «Сибирская благовонница», 2001. – 376 с.

SCIENCE AND RELIGION: ON THE PROBLEM OF SOVIET ATHEISM

Atorin R.Yu.
State University of Management

The article examines the principles of the relationship between scientific and religious worldviews, analyzes this problem in the context of the atheistic-oriented social ideology of the Soviet era.

Keywords: worldview, science, religion, atheism.

References

1. Great people about Christ and faith [Electronic resource]. – URL <https://www.inpearls.ru/672505>. (date of application: 17.10.2024).
2. Osipov A.I. The path of reason in search of truth. – M.: Edition of the Sretensky Monastery, 2004. – 432 p.
3. St. Luke of the Crimea (Voino-Yasenetsky). Science and religion. Spirit, soul and body. – M.: Troitskoe slovo, "Siberian blagovonnitsa", 2001. – 376 p.

Метаморфозы духовного поиска: неоязычество как деконструкция традиционных ценностей в российском социуме

Данилов Вячеслав Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

В статье рассмотрены особенности развития неоязычества как социокультурного феномена в современном российском обществе, а также современные тенденции в развитии религиозных движений в России. Определены ключевые характеристики неоязыческого движения: децентрализованный характер, отсутствие единой доктрины и синкретизм верований. Выделены основные факторы, способствующие распространению неоязыческих идей: кризис традиционных религиозных институтов, глобализация культурного пространства и рост интереса к христианскому наследию. Выявлено двойственное влияние неоязычества на общественное сознание: с одной стороны, оно способствует возрождению интереса к национальной культуре, с другой – несет риски радикализации и межконфессиональной напряженности. Проанализированы механизмы деконструкции традиционных ценностей через переосмысление исторического наследия и формирование альтернативных мировоззренческих систем. Особое внимание уделено влиянию неоязычества на молодежную среду и его роли в формировании новых форм религиозности. Исследованы особенности адаптации древних верований к современным реалиям и их интеграция в массовую культуру. Сделан вывод о том, что неоязычество представляет собой сложное явление, требующее дальнейшего научного осмысления и разработки эффективных механизмов противодействия его деструктивным проявлениям в российском социуме.

Ключевые слова: неоязычество, традиционные ценности, деконструкция, российское общество, духовный поиск, религиозный синкретизм, социокультурная трансформация, национальная идентичность, постсоветский период, религиозные практики.

Феномен неоязычества в современном российском обществе представляет собой сложное социокультурное явление, отражающее глубинные процессы трансформации духовных ценностей и поиска новых форм религиозности. Актуальность исследования данного феномена обусловлена его возрастающим влиянием на общественное сознание, особенно в контексте постсоветского периода, когда формирование новых форм духовности происходило на фоне масштабных социальных преобразований и идеологического вакуума.

В современном научном дискурсе неоязычество рассматривается как многогранное явление, включающее религиозные, социальные и политические аспекты. Исследователи отмечают его двойственную природу: с одной стороны, оно выступает как инструмент поиска новой идентичности, с другой – может содержать потенциальные риски радикализации общественного сознания.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ феномена неоязычества как фактора деконструкции традиционных ценностей в современном российском обществе. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать исторические предпосылки формирования неоязычества в России, исследовать его основные идеологические концепции, выявить специфику влияния на общественное сознание и определить потенциальные социальные риски.

Методологическую базу исследования составляют системный подход, позволяющий рассмотреть неоязычество как целостное социокультурное явление, компаративный анализ различных форм неоязыческих практик, а также социологические методы изучения религиозных движений.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием значительного количества исследований, посвященных отдельным аспектам неоязычества. Существенный вклад в изучение данного феномена внесли работы Плехановой Д.А., рассматривающей неоязычество как форму религиозного плюрализма, исследования Коноплевой А.А. и Кахуты И.О., акцентирующих внимание на социально-политических аспектах движения, а также труды Ахмадулиной С.З. и Федорова М.А., анализирующих философские основания неоязычества в контексте постмодернистской парадигмы.

Метаморфозы духовного поиска в современном российском обществе привели к формированию уникального феномена неоязычества, который представляет собой сложное социокультурное явление, требующее глубокого научного осмысления. В контексте трансформации традиционных ценностей российского социума неоязычество выступает как значимый фактор деконструкции устоявшихся духовных парадигм.

Д.А. Плеханова отмечает фундаментальную особенность неоязычества как движения, которое не просто отвергает монотеистические религии, но предлагает альтернативную систему верований, основанную на реконструкции древних практик. При этом исследователь подчеркивает важность понимания неоязычества как формы религиозного плюрализма, что особенно актуально в современном многоконфессиональном российском

ском обществе. Современный научный дискурс демонстрирует сложность однозначного определения феномена неоязычества. И.А. Левандина, И.В. Липчанская, С.И. Самыгин указывают на многообразие вероучений и идеологических установок в рамках отечественного неоязычества, что создает определенные методологические трудности при его исследовании. Особого внимания заслуживает позиция А.А. Коноплевой, И.О. Кахуты которые акцентируют внимание на двойственной природе неоязычества. С одной стороны, оно выступает как инструмент поиска новой идентичности и формирования современной идеологической системы, с другой – может содержать потенциальные риски радикализации общественного сознания [4,5,7].

В контексте российского социума неоязычество представляет собой уникальный синтез различных духовных традиций, где древние верования переплетаются с современными социокультурными практиками. Этот феномен отражает глубинные процессы трансформации общественного сознания и поиска новых форм духовной самоидентификации. Процесс деконструкции традиционных ценностей через призму неоязычества проявляется в переосмыслении исторического наследия, формировании альтернативных мировоззренческих систем и создании новых форм религиозности. Этот процесс сопровождается как позитивными явлениями в виде роста интереса к национальной культуре, так и потенциальными рисками межконфессиональной напряженности.

Феномен неоязычества в современном российском социуме представляет собой сложное социокультурное явление, отражающее глубинные процессы трансформации духовных ценностей общества. Особую актуальность данная проблематика приобрела в контексте постсоветской России, где формирование новых форм религиозности происходило на фоне масштабных социальных преобразований. Н.В. Гузь указывает, что существенный импульс развитию неоязыческого движения в России дало принятие закона «О свободе вероисповеданий» в 1990-е годы. Этот законодательный акт создал правовую основу для институционализации неоязыческих организаций, что способствовало их активному распространению в условиях постсоветского духовного вакуума. Исследователь отмечает, что привлекательность неоязычества для многих адептов заключалась в его этнической направленности и относительной простоте обрядовых практик [2].

Важным аспектом развития неоязычества является его противостояние традиционным религиозным институтам, в частности, Русской Православной Церкви. Это противостояние нередко принимает форму открытой конфронтации, что создает дополнительную напряженность в религиозной сфере российского общества. Д.А. Плеханова в своих исследованиях обращает внимание на специфические характеристики современных неоязыческих организаций. Ключевой особенностью является отсутствие единой организационной структуры и централизованного руководства, что приводит к значительному разнообразию форм и практик неоязычества. Исследователь подчеркивает синкретический характер неоязыческих верований, включающих элементы различных духовных традиций. Философское осмысление феномена неоязычества представлено в работах С.З. Ахмадулиной и М.А. Федорова которые рассматривают его в контексте постмодернистской парадигмы. Исследователи прослеживают эволюцию неоязыческой мысли от критики гуманистических идеалов представителями франкфуртской школы до современных концепций культурно-игровой деятельности [1,7].

Современное российское неоязычество характеризуется высокой степенью децентрализации и локальным характером большинства общин. Отсутствие единой доктрины и организационной структуры создает условия для свободного толкования древних верований и практик, что приводит к формированию уникальных синкретических форм духовности. Деконструкция традиционных ценностей через призму неоязычества проявляется в переосмыслении исторического и культурного наследия, формировании альтернативных мировоззренческих систем и создании новых форм религиозности. Этот процесс отражает глубинные трансформации в духовной сфере российского общества и требует дальнейшего научного осмысления.

В современном российском обществе феномен неоязычества представляет собой сложное социокультурное явление, отражающее глубинные трансформации в духовной сфере. А.А. Коноплева и И.О. Кахута отмечают, что возникновение неоязычества обусловлено комплексом острых социальных проблем, среди которых особенно выделяется утрата связи с культурным наследием предков и отчуждение от традиционных ценностей в условиях глобализации. Р.А. Лопин в своих исследованиях подчеркивает, что формирование неоязыческих концепций в российском социуме происходило на фоне духовного вакуума постсоветского периода. Отсутствие системного религиозного образования в течение нескольких поколений создало благоприятную почву для распространения альтернативных форм духовности. Современная популярность неоязычества во многом обусловлена его кажущейся простотой и отсутствием строгих моральных императивов, что особенно привлекательно в контексте современной потребительской культуры [4,6].

Особый интерес представляет религиозно-мифологическая система неоязычества. Н.В. Гузь анализирует структуру неоязыческого пантеона, отмечая его неоднородность и противоречивость. В различных течениях неоязычества боги могут иметь разные функции и атрибуты, что свидетельствует об отсутствии единой доктринальной базы. Показательным примером является пантеон инглингов, где традиционные славянские божества причудливо переплетаются с космологическими представлениями и современными научными концепциями. В.Ю. Щербаков обращает внимание на социально-политический аспект неоязыческого движения. Неоязыческие организации активно эксплуатируют тему национальной идентичности, используя психологический мотив ущемления национального самосознания для привлечения новых последователей. Они позиционируют себя как хранителей «исконной русской веры» и претендуют на участие в формировании новой государственной идеологии [2,10].

Современное российское неоязычество представляет собой своеобразный симбиоз архаических верований, современных идеологических конструктов и элементов массовой культуры. Это явление отражает глубинные процессы трансформации традиционных ценностей в российском обществе и поиск новых форм духовной и культурной идентичности. Неоязычество как форма деконструкции традиционных ценностей проявляется не только в религиозной, но и в социальной сфере. Неоязыческие общины часто выступают организаторами различных массовых мероприятий, пропагандируют здоровый образ жизни и экологическое сознание, однако подводят под это идеологическую базу, связанную с идеями национального возрождения и особой исторической миссии русского народа.

Неоязычество в России представляет собой сложное социокультурное явление, вызывающее серьезную озабоченность исследователей и правоохранительных органов. Р.А. Лопин указывает на ряд серьезных правонарушений, инкриминируемых неоязыческим организациям, включая разжигание межконфессиональной розни, распространение экстремистских настроений и участие в криминальной деятельности. М.С. Титов и А.И. Абрамов в своих исследованиях раскрывают механизмы привлечения новых последователей в неоязыческие общины. Важным фактором становится поверхностный интерес к истории, сочетающийся с недостаточным уровнем исторического образования. Существенную роль играет политизированность движения и его связь с оккультными практиками. Современная массовая культура также способствует распространению неоязыческих идей через литературу в жанре фэнтези и музыкальное направление паган-метал [6,9].

Особую обеспокоенность вызывает влияние неоязычества на формирование мировоззрения молодого поколения. В.И. Склеп и А.А. Микуленок отмечают, что неоязыческая идеология акцентирует внимание преимущественно на культе физической силы, игнорируя морально-нравственные аспекты. Исследователи подчеркивают принципиальную невозможность подлинной реконструкции древних языческих культов из-за отсутствия достоверных исторических источников. С.З. Ахмадулина обращает внимание на то, что неоязычество как субкультурное явление религиозного и общественно-политического характера практически не поддается контролю и систематическому изучению. Это связано с его крайней разнородностью и часто неформальным характером существования общин. В современной России некоторые неоязыческие группы уже признаны экстремистскими и их деятельность запрещена. По наблюдениям В.В. Демидченко, в России существует около сотни групп, придерживающихся идеологии славянского неоязычества. При этом исследователь подчеркивает, что неоязычество как единое движение фактически является фикцией, поскольку различные группы демонстрируют существенные различия в идеологических, политических и религиозных аспектах [1,3,8].

Современное неоязычество представляет собой своеобразный феномен деконструкции традиционных ценностей в российском обществе. Отсутствие единой доктрины и произвольная интерпретация исторического наследия создают благоприятную почву для распространения радикальных идей и манипулятивных практик. Особую тревогу вызывает тот факт, что неоязыческие группы часто становятся инструментом политической мобилизации и источником экстремистских настроений.

Учитывая растущее влияние неоязычества на российское общество, становится очевидной необходимость более глубокого научного изучения этого феномена и разработки эффективных методов противодействия его деструктивным проявлениям. При этом важно учитывать сложную природу данного явления, его связь с процессами культурной идентификации и поиском новых форм духовности в современном мире.

Результаты и обсуждения

Проведенное исследование феномена неоязычества в современном российском обществе выявило его сложную социокультурную природу и многоаспектное влияние на процессы трансформации традиционных ценностей. Анализ показал, что формирование неоязычества в постсоветский период происходило на фоне идеологического вакуума и масштабных социальных преобразований. Принятие закона «О свободе вероисповеданий» в 1990-е годы создало правовую основу для институци-

онализации неоязыческих организаций, что способствовало их активному распространению.

Исследование выявило ключевые характеристики современного российского неоязычества: децентрализованный характер, отсутствие единой доктрины и организационной структуры, синкретизм верований. Эти особенности создают условия для свободной интерпретации древних практик и формирования уникальных форм духовности. Важным результатом исследования стало выявление двойственной природы неоязычества как социокультурного феномена. С одной стороны, оно выступает инструментом поиска новой идентичности и возрождения интереса к национальной культуре. С другой стороны, несет потенциальные риски радикализации общественного сознания и межконфессиональной напряженности.

Современное неоязычество представляет собой симбиоз архаических верований, современных идеологических конструкций и элементов массовой культуры. Особую обеспокоенность вызывает его влияние на молодежь через акцентирование культа физической силы при игнорировании морально-нравственных аспектов. Исследование подтвердило невозможность подлинной реконструкции древних языческих культов из-за отсутствия достоверных исторических источников. Это приводит к произвольным интерпретациям и мифологизации исторического наследия. В ходе исследования установлено, что деконструкция традиционных ценностей через призму неоязычества проявляется в переосмыслении исторического наследия, формировании альтернативных мировоззренческих систем и создании новых форм религиозности. Этот процесс отражает глубинные трансформации в духовной сфере российского общества.

Выводы

Исследование феномена неоязычества в современном российском обществе демонстрирует его фундаментальное влияние на трансформацию духовных ценностей социума. Возникновение и развитие неоязыческого движения в постсоветский период стало результатом глубинных социокультурных процессов, связанных с поиском новой идентичности в условиях идеологического вакуума. Неоязычество представляет собой сложное социокультурное явление, характеризующееся синкретизмом верований, отсутствием единой доктринальной базы и децентрализованной структурой. Эти особенности создают благоприятную среду для формирования разнообразных форм духовных практик, что усложняет процесс их системного изучения и контроля.

Деконструкция традиционных ценностей через призму неоязычества проявляется в радикальном переосмыслении исторического наследия и формировании альтернативных мировоззренческих систем. При этом наблюдается тенденция к политизации движения и его использованию как инструмента социальной мобилизации. Особую значимость приобретает влияние неоязычества на молодежную среду, где оно находит благодатную почву благодаря упрощенной интерпретации исторических фактов и акценту на культе физической силы. Это создает потенциальные риски радикализации общественного сознания и роста межконфессиональной напряженности.

Исследование подтверждает необходимость дальнейшего научного осмысления феномена неоязычества как значимого фактора трансформации духовной сферы российского общества и разработки эффективных механизмов противодействия его деструктивным проявлениям.

Литература

1. Ахмадулина, С.З. Неоязычество в современной России: историко-философский анализ / С.З. Ахмадулина, М.А. Федоров // Вестник Бурятского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 81–87. – DOI 10.18101/1994–0866–2020–1–81–87. – EDN NOPFIH.
2. Гузь, Н.В. Концептуальные основы русского неоязычества / Н.В. Гузь // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). – 2023. – № 17. – С. 197–207. – EDN LUTUHB.
3. Демидченко В. В. К вопросу о неоязычестве // Вестник Башкирск. ун-та. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neoyazychestve> (дата обращения: 16.11.2024).
4. Коноплева, А.А. Причины популярности неоязычества в современном российском обществе / А.А. Коноплева, И.О. Кахута // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, № 10. – С. 223–226. – DOI 10.30853/manuscript.2019.10.44. – EDN VNXYHQ.
5. Левандина, И.А. Современное российское неоязычество: определение, классификация, основные течения / И.А. Левандина, И.В. Липчанская, С.И. Самыгин // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 264–274. – DOI 10.17213/2075–2067–2020–6–264–274. – EDN NQSIXB.
6. Лопин, Р.А. Неоязычество как антитеза традиционной религии, культуре и истории / Р.А. Лопин // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). – 2019. – № 9. – С. 126–137. – EDN RMSWXZ.
7. Плеханова, Д.А. Сущность и проблемы славянского неоязычества / Д.А. Плеханова // Наука, культура, образование в контексте приоритетов современности: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 26 апреля 2023 года. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», 2023. – С. 27–29. – EDN GBSSXU.
8. Склепа, В.И. Неоязычество: возвращение к истокам или опасность экстремизма? / В.И. Склепа, А.А. Микуленок // Вестник экономики и права. – 2024. – № 91. – С. 115–127. – EDN MGAKYF.
9. Титов, М.С. Попытка популяризации неоязычества в российском обществе в конце XX – начале XXI века / М.С. Титов, А.И. Абрамов // Труды Саратовской православной духовной семинарии. – 2022. – № 3(18). – С. 45–63. – DOI 10.56621/27825884_2022_18_45. – EDN OWUJXI.
10. Щербаков, В. Ю. «Неоязычество» в современном религиоведении: попытка определения понятия / В.Ю. Щербаков // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2019. – № 7. – С. 16–29. – EDN PJGYKX.

METAMORPHOSIS OF SPIRITUAL SEARCH: NEO-PAGANISM AS A DECONSTRUCTION OF TRADITIONAL VALUES IN RUSSIAN SOCIETY

Danilov V.L.

Dostoevsky Omsk State University

The article examines the features of the phenomenon of neopaganism as a factor in the transformation of spiritual values in modern Russian society. The main characteristics of neopaganism in the post-Soviet period are defined: decentralized nature, lack of a single doctrine and syncretism of beliefs. The dual influence of neopaganism on public consciousness is revealed: on the one hand, it acts as a tool for searching for a new identity and reviving interest in national culture, on the other hand, it carries the risks of radicalization of public consciousness. The mechanisms of deconstruction of traditional values through the prism of neopaganism are analyzed, manifested in the rethinking of the historical heritage and the formation of alternative worldview systems. It is concluded that neopaganism is a complex socio-cultural phenomenon that requires further scientific understanding and the development of effective mechanisms to counter its destructive manifestations in Russian society.

Keywords: neopaganism, traditional values, deconstruction, Russian society, spiritual search, religious syncretism, socio-cultural transformation, national identity, post-Soviet period, religious practices.

References

1. Akhmadulina, S.Z. Neo-paganism in modern Russia: historical and philosophical analysis / S.Z. Akhmadulina, M.A. Fedorov // Bulletin of the Buryat State University. – 2020. – No. 1. – P. 81–87. – DOI 10.18101/1994–0866–2020–1–81–87. – EDN NOPFIH.
2. Guz, N.V. Conceptual foundations of Russian neo-paganism / N.V. Guz // Works of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary focus). – 2023. – No. 17. – P. 197–207. – EDN LUTUHB.
3. Demidchenko V.V. On the issue of neo-paganism // Bulletin of Bashkirsk. un-ta. 2015. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neoyazychestve> (date of access: 16.11.2024).
4. Konopleva, A.A. Reasons for the popularity of neopaganism in modern Russian society / A.A. Konopleva, I.O. Kahuta // Manuscript. – 2019. – Vol. 12, No. 10. – P. 223–226. – DOI 10.30853/manuscript.2019.10.44. – EDN VNXYHQ.
5. Levandina, I.A. Modern Russian neopaganism: definition, classification, main trends / I.A. Levandina, I.V. Lipchanskaya, S.I. Samygin // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences. – 2020. – Vol. 13, No. 6. – P. 264–274. – DOI 10.17213/2075–2067–2020–6–264–274. – EDN NQSIXB.
6. Lopin, R.A. Neopaganism as an antithesis to traditional religion, culture and history / R.A. Lopin // Works of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary focus). – 2019. – No. 9. – P. 126–137. – EDN RMSWXZ.
7. Plekhanova, D.A. The essence and problems of Slavic neopaganism / D.A. Plekhanova // Science, culture, education in the context of modern priorities: Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference, Sterlitamak, April 26, 2023. – Sterlitamak: Sterlitamak branch of the federal state budgetary educational institution of higher education “Ufa University of Science and Technology”, 2023. – P. 27–29. – EDN GBSSXU.
8. Sklepa, V.I. Neopaganism: a return to the roots or the danger of extremism? / V.I. Sklepa, A.A. Mikulenok // Bulletin of Economics and Law. – 2024. – No. 91. – P. 115–127. – EDN MGAKYF.
9. Titov, M.S. An attempt to popularize neo-paganism in Russian society at the end of the twentieth – beginning of the twenty-first century / M.S. Titov, A.I. Abramov // Works of the Saratov Orthodox Theological Seminary. – 2022. – No. 3 (18). – P. 45–63. – DOI 10.56621 / 27825884_2022_18_45. – EDN OWUJXI.
10. Shcherbakov, V. Yu. “Neo-paganism” in modern religious studies: an attempt to define the concept / V. Yu. Shcherbakov // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. – 2019. – No. 7. – P. 16–29. – EDN PJGYKX.

Легенда о «старце Федоре Кузьмиче» в системе художественной мифологии мистико-философского трактата Д.Л. Андреева «Роза Мира»

Луценко Антон Владимирович,

кандидат философских наук, доцент, Школа искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный Федеральный Университет
E-mail: lutsenko_avl@dvfu.ru

Статья посвящена художественной интерпретации так называемой легенды о старце Федоре Кузьмиче выдающимся писателем, философом и визионером Д.Л. Андреевым в широко известном мистико-философском трактате «Роза Мира». Основной идеей статьи выступает трансформация народной легенды о «святом царе-мученике» в художественный миф, характерный для личной системы морально-этических координат, свойственных творчеству Д.Л. Андреева. Опираясь на предшествующие художественные интерпретации легенды о Федоре Кузьмиче (в том числе произведение Л.Н. Толстого), автор показывает жанровые и идейно-философские особенности понимания легенды Д.Л. Андреевым. Наиболее значимой особенностью, по мнению автора, является контаминация Д.Л. Андреевым чет восточного и христианского святого в облике Александра I, что, в свою очередь, связано с пониманием Д.Л. Андреевым государственности как начала, подлежащего глубокому морально-этическому осуждению и просветлению. Таким образом, в статье прослеживается становление образа Александра I в «Розе Мира» как своеобразного святого личного авторского пантеона, в котором черты народной легенды о «царе-мученике» оказываются трансформированы в соответствии с религиозно-эстетическими взглядами автора.

Ключевые слова: философия, религия, фольклор, легенда о Федоре Кузьмиче, Александр I, Роза Мира, миф, художественная мифология, государственность, феномен святости, художественная интерпретация.

Так называемая «легенда о старце Федоре Кузьмиче» представляет собой хорошо изученный и достаточно представленный в отечественной научной литературе пример исторического мифа [9, с.12–14]. Представление о том, что император Александр I не умер в 1825 г. в Таганроге, а удалился от мира в образе таинственного сибирского старца Федора Кузьмича и умер почти 40 лет спустя после даты своей официальной кончины, бытует в российском социокультурном пространстве как в качестве народной легенды, так и в многочисленных научно-популярных и художественных интерпретациях. В числе последних необходимо отметить позднее неоконченное произведение Л.Н. Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» [7, с.34 и сл.], трактовку образа Александра I Д.С. Мережковским во второй части его концептуально-идеологической трилогии о судьбах российской государственности «Царство Зверя», и, не в последнюю очередь, те весьма значимые функции, которые образ «Федора Кузьмича» играет в трактовке феномена и динамики «государственность-личность» в контексте мистико-философского трактата мыслителя, поэта и прозаика Д.Л. Андреева «Роза Мира» [1, с.2 и сл.].

«Роза Мира», официально опубликованная в начале 1990-х годов, представляет несомненный культурный, философский и исследовательский интерес независимо от субъективных источников вдохновения автора трактата. Трагические жизненные перипетии Д.Л. Андреева, ставшего одной из жертв репрессий 1930–1940-х годов, его выдающаяся эрудиция вкупе с неординарными философскими и художественными дарованиями, позволили ему создать текст, претендующий на широкое мистическое, культурологическое и историософское полотно, дающее картину физического мира и нематериальных слоев бытия, находящихся в фокусе вечного противостояния противостоящих друг другу начал Добра и Зла [9, с.117]. Современные исследователи, в рамках научного подхода, осмысливают «Розу Мира» как картину, отражающую прежде всего различные грани авторской личности, выразившиеся в масштабных картинах различных слоев материального и нематериального космоса, метаисторической подоплеку исторических процессов в мировой и российской истории и т.д. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что «Роза Мира» сама по себе гораздо шире чем понятие «мистического трактата» или «художественного произведения» [4, с.45]. Можно говорить о том, что Д.Л. Андреев создал уникальную синтетическую мифологию, в которую на равных правах вошли переосмысленные автором мифологемы различных мировых и локальных религий, а также идеологемы и концепции разных философских систем. Особенное внимание в собственной мифологии «Розы Мира» уделяется историческим мифам, бытовавшим задолго до начала творчества Д.Л. Андреева, и включенным им в общую структуру создаваемой им картины мира. Наиболее очевидным и плодотворным с точки зрения исследователя примером такой инкорпорации выступает использование и творческая интерпретация Д.Л. Андреевым «народной легенды» или «народного мифа» о «старце Федоре Кузьмиче».

В своем диссертационном исследовании, посвященном философским основам «Розы Мира», Д.К. Ахтырский обращает внимание на то, что Д.Л. Андреев из всех философов русского Серебряного века чаще всего упоминает и ссылается на Д.С. Мережковского [1, с.5–6]. Несомненно, что мистический настрой, напряженный богоискательский пафос и стремление видеть во всех очевидных «невооруженному глазу» культурно-исторических процессах лишь отзвук грандиозных катаклизмов, происходящих за гранью физического бытия, делают Д.С. Мережковского мыслителем, особенно близким Д.Л. Андрееву. Интерпретация Мережковским феномена российской государственности в значительной степени повлияла на осмысление роли государственного начала как в мировом, так и в отечественном масштабе Д.Л. Андреевым [3, с.9]. По Мережковскому [3, с.30], в известном смысле близкому к идейному течению «мистического анархизма», всякая государственность отягчена своего рода «первородным грехом», проявляющимся в виде присущей всякой власти санкции на легитимное и эксцессивное насилие. Подобная трагическая необходимость неизбежна в несовершенном материальном мире, однако она непоправимо искажает личность самого носителя власти, делая его заложником необходимости множить смерть и страдания, и тем сильнее, чем больше масштаб личности самого властителя. Например, такую трактовку Мережковский придает образу Петра I в последней части своей трилогии «Христос и Антихрист (Петр и Алексей)». В рамках этого произведения Петр выступает одновременно и как великий реформатор, ясно видящий грядущие великие судьбы России и работающий над их приближением, и как кровавый тиран, почти демон, обрекающий на смерть массы своих подданных и, в конечном итоге, собственного сына потому, что логика «царства Зверя» не знает иного исхода. Идентичную трактовку образа Петра дает и Д.Л. Андреев в главе «Розы мира», специально посвященной личности царя-реформатора [1, с.435–448].

В случае с Александром I, трактовка легенды о «помертвевшей» судьбе этого царя Д.Л. Андреевым гораздо более самостоятельна. Во второй части трилогии Мережковского «Царство Зверя» Александр I всю жизнь мучим угрызениями совести относительно своего участия в заговоре, приведшем к убийству его отца, императора Павла I. Подобную психологическую коллизию признавали практически все исследователи, касавшиеся этого вопроса в ходе изучения личности и эпохи Александра I [3, с.41–42; 10, с. 118]. Однако у Мережковского Александр умирает в Таганроге не выполнив своего намерения об отречении от престола, да и само намерение появляется в его сознании в виде смутных, обрывочных мечтаний. Александр I в трактовке Мережковского предстает прекраснородным человеком, но слабовольным правителем, совесть которого парализована его участием в отцеубийстве, а волевое начало – ясным пониманием демонической сущности той власти, живым символом которой он является. Наиболее интересная для Мережковского коллизия, связанная с Александром I, это неспособность деятельно отреагировать на тайные общества будущих декабристов, о которых император прекрасно знал по сведениям, поступавшим от тайной полиции и добровольных информаторов. Александр у Мережковского мучается сознанием своей вины за появление дворянского вольнодумства начала 19 века, основы которого заложил он сам либеральными реформами раннего периода своего царствования, а затем и заграничными походами русской армии 1813–1814 гг. В силу этого, внутренний конфликт Александра I в интерпретации Мережковского оказывается неразрешим, поскольку бу-

дущих декабристов царь воспринимает как собственных «духовных детей», притом что логика власти обязывает монарха покарать бунтовщиков. Именно так объясняет Мережковский тот исторический факт, что Александр I, будучи длительное время осведомлен о существовании тайных обществ, не предпринял никаких мер к их искоренению, оказавшись тем самым в числе косвенных виновников попытки вооруженного восстания 14 декабря 1825 года. Д.Л. Андреев, во многом идя по стопам Мережковского в описании этого внутреннего конфликта в своей интерпретации личности Александра I, не отказывает царю в силе воли. Другое дело, что по Андрееву, Александр I представляет собой личность с глубоко мистическим складом ума и души, для которой все видимые исторические явления суть выражения глубинных духовных процессов [1, с. 450]. Следовательно, то, что сторонние наблюдатели или позднейшие исследователи принимали за слабость императора в принятии назревших политических решений (таких, например, как назревшая отмена крепостного права) объясняется, в рамках синтетической мистико-мифологической концепции Андреева, тем, что Александр I все больше ощущал себя деятелем в другой сфере бытия, исключаяющей принятие сиюминутных, пусть и необходимых решений ради погруженности в важнейшую динамику между Добром и Злом, происходящую в трансцендентных сферах [4, с. 50]. Этим же Андреев обосновывает реальность и психологическую оправданность тайного ухода Александра от власти.

Важно отметить, что многие авторы и исследователи высказывали противоположные суждения о вероятности оставления Александром I престола и превращении его в сибирского старца-отшельника. Так, например, современный российский историк С.Э. Цветков считает подобный уход психологически невозможности не только в силу абсолютной привычки Александра к власти, комфорту и роскоши, но и но и в силу известной «театральности» натуры этого царя, которому органически необходима была аудитория и в метафорическом, и в буквальном смысле, и который, поэтому, просто не мог бы добровольно стать «живым трупом» [11, с. 272]. Примерно по тем же психологическим причинам отметал подобную вероятность и Мережковский, указывая на перевес нерешительности, душевной лени, отсутствия привычки к постоянному и длительному усилию в личности Александра I [3, с.62].

Д.Л. Андреев решительно расходится с подобными интерпретациями. В его понимании, Александр I фактически подобен христианскому святому, логика внешней жизни и деятельности которого находится в обратной зависимости от логики его «внутреннего делания», духовного труда, необходимого для изживания греховных сторон его натуры [5, с.51]. В этом смысле крайней интересна внутренняя структура глав «Розы Мира», посвященных Александру I и «легенде о старце Федоре Кузьмиче». Д.Л. Андреев начинает изложение собственного видения жизни и деятельности этого императора в рамках традиции историко-психологического портрета, которой не пренебрегали не только авторы художественных произведений, но и специалисты-историки, в частности, высоко ценимый Д.Л. Андреевым В.О. Ключевский [1, с.150]. Основывая собственную трактовку фактов о жизни Александра на внутренней логике историко-психологического очерка, Андреев в первой части своего повествования максимально близок к научно-популярному изложению описываемой им личности и событий, с ней связанных, с поправкой на собственную синтетическую мифологию, довлеющую над всем концептуальным содержанием «Розы Мира». Од-

нако, начиная с описания мотивов тайного ухода Александра I из Таганрога в ноябре 1825 года, и художественного описания Андреевым обстоятельств этого ухода, внутренняя логика сюжета отчетливо подменяет концепцию историко-психологического портрета логикой христианской агиографии [5, с.52]. Как и в житиях христианских святых, решение Александра I об уходе от одержимой «первородным грехом» жестокости и насилия российской государственности меняет не только внешний строй его жизни, но и саму структуру его личности. Те исторически зафиксированные, духовные искания Александра, выражавшиеся в его интересе к православно- и протестантской мистике, идее Священного Союза и т.д., были, по Андрееву, только подготовительным этапом в становлении нового святого или праведника [1, с.451]. В контексте общего религиозно-философского синкретизма, присущего «Розе Мира» император Александр, осознавший в результате многолетней мучительной внутренней работы необходимость отречения и посвящения себя религиозному подвигу, прямо сопоставляется не только с христианскими, но и с буддийскими святыми, например с индийским царем Ашокой, «постигшим греховный убийства человека человеком» и ставшим буддийским монахом-отшельником [1, с.451]. В сущности, вполне оправданно назвать интерпретацию личности Александра Андреевым «житием нового святого», что становится еще более оправданным в контексте изначальной «легенды о старце Федоре Кузьмиче», так как реальный Федор Кузьмич был канонизирован Русской православной Церковью под именем св. Феодора Томского [4, с.7].

Как показал российский исследователь М.С. Путилин, «легенда о старце Федоре Кузьмиче» в ее народной версии вполне укладывается в историческую традицию сказания о «добром царе», потерявшем трон по своей доброй воле или по чужому злому умыслу, и вследствие этого живущего с народом единой жизнью, не отделяя себя от народных печалей и радостей, становясь тем самым истинным царем, великим в своей униженности, что в целом согласуется с народным православным пониманием личности Иисуса Христа, сознательно умалившегося до статуса подвергшегося мучительной казни преступника, онтологически оставаясь Царем Небесным [8, с.66 и сл.]. Такой трактовке способствует и реальный исторический факт, состоящий в том, что историческое лицо, назвавшееся Федором Кузьмичом, было подвергнуто телесному наказанию и сослано в Западную Сибирь за бродяжничество. В народных сказаниях о Федоре Кузьмиче особенно акцентируются слова «бывшего царя» о том, что «бывало, он счета деньгам не знал, а как в ссыльной партии в Сибирь шел, так и узнал, что есть полушки, копейки» [3, с.59]. В этом смысле интерпретация Андреева совпадает с народными сказаниями о «добром царе», обретающем не только мудрость, но и святость через приобщение к уделу своих подданных. Подобный мотив очищения через страдания, очевидно, проник в русский фольклор из житийной литературы. Именно поэтому первая половина жизнеописания Гаутамы Будды, в которой идет речь о прозрении царевича, не ведавшего несчастий в отчем доме, его отказе от благ земных и уходе в отшельники, была адаптирована православной агиографической традицией под названием «Легенда об Иосафате Царевиче» [4, с.7 и сл.]. Не вызывает сомнения, что Д.Л. Андреев, с одной стороны, прекрасно разбиравшийся в православной житийной литературе, а с другой всегда тяготевший к синкретизму, осуществил контаминацию буддийского и православного представления о святости, создавая

собственный вариант мифа о старце Федоре Кузьмиче [4, с.7 и сл.].

Д.Л. Андреев встраивает «уход» Александра I от мира и власти в исторический контекст, ориентируясь на восточный образец, прямо указывая на сходство подвига героя его собственного мифа с подвигом индийского императора Ашоки из династии Маурьев, отказавшегося от убийства человека человеком и от насилия в принципе после его победы над соседним государством Калингой, стоившей жизни сотен тысяч человек [1, с.453].

При этом Д.Л. Андреев подчеркивает фундаментальные, онтологические отличия случая «Федора Кузьмича» от похожих примеров, известных в христианской европейской традиции. Любому образованному читателю, воспитанному в европеизированной культуре, легенда о Федоре Кузьмиче покажется схожей с отречением от престола императора Священной Римской Империи Карла V Габсбурга, который, пережив известный крах собственных честолюбивых планов сделать свою империю центром христианского мира, удалился в монастырь св. Юста, где со временем впал в состояние, которое даже современники описывали как «религиозное помешательство». Случай Карла V, хотя и не ставшего канонизированным святым, привлекал внимание религиозно настроенных художников именно четким следованием паттерну переосмысления государем, то есть человеком из мира насилия, своих жизненных приоритетов, в свете истин Евангелия, понятых им не в формально-ритуальном, а в высшем духовном смысле. Например, в подобном ключе решается образ Карла V в одноименном рассказе выдающегося прозаика русского Серебряного века Б.К. Зайцева, где отрекшийся от престола император предстает мистиком-визионером, напоминающим других известных христианских мистиков и отшельников, например, св. Иоанна Креста (Хуана де ла Крус). Однако Д.Л. Андреев отказывается не только от отождествления, но даже и от сопоставления Александра I и Карла V, сразу обозначая несводимость подвига Федора Кузьмича к комфорту, в котором прожил Карл V в монастыре св. Юста, и которому, по словам писателя, «мог позавидовать любой герцог» [1, с.454]. Тут же проводится упомянутая выше аналогия с императором Ашокой [1, там же]. Таким образом, Д.Л. Андреев исключает своего героя из христианской агиографической традиции, помещая его в ряд великих подвижников Востока, что, в системе ценностей Д.Л. Андреева занимало еще более высокое место. Хорошо известна и многократно описана исследователями и биографами страстная интеллектуально-мистическая тяга Д.Л. Андреева к культуре, философии и религии Древней Индии. Очевидно, что в его синкретической картине мира, Александр I мог и должен был сравняться с величайшими авторитетами «святого и праведного жития», каковыми Д.Л. Андрееву представлялись именно восточные святые и подвижники [9, с.301].

Миф об Александре I в контексте творчества Д.Л. Андреева тесно связан с общей авторской концепцией государственности, многократно отраженной, изложенной и интерпретированной в «Розе Мира». Андреев понимает государственность как начало, отягощенное своего рода «первородным грехом», имея в виду то, что, поскольку всякая государственная власть имеет легитимное право на насилие, то, в силу демонической поврежденности как космической реальности, так и человеческой природы, государство всегда будет иметь тенденцию к превращению в своеобразный «тиранический монолит», в котором правители, независимо от их личных качеств и изначальных добрых намерений, будут поступать, руководствуясь демонической логикой госу-

дарственного реализма, свободного от любых этических оценок и принципов. Так, например, Д.Л. Андреев трактует неудачу идеи Александра I с созданием Священного союза, изначальная идея которого тяготела к религиозной высокой этике, однако воплощения этого замысла было искажено отвечающими за его реализацию «обыкновенными европейскими королями», якобы не понявшими и не оценившими высоких интенций русского императора и превратившими Священный союз в орудие своекорыстной политики [1, с.455]. Д.Л. Андреев, отчасти пытаясь примирить собственную мифологическую интерпретацию известных исторических фактов с реальностью, упоминает о том, что Александру I, особенно во второй половине его царствования было свойственно глубокое неприятие любых революционных изменений или хотя бы намек на них в строе жизни государства и общества. Большинство историков, в том числе виднейший в 19–20 вв. специалист по личности и эпохе Александра I российский историк Н.К. Шильдер, признают это личное неприятие императором «революционного духа» решающим субъективным фактором в появлении самой идеи Священного Союза [10, с.532]. Однако, следуя логике художественного мифотворчества, герой Д.Л. Андреева всегда имеет не только «душевные», но и «духовные», то есть высшие побуждения, отражающие голос его лучшего, высшего Я» [1, с.449]. В интерпретации Д.Л. Андреева этот голос в душе Александра I не замолкал никогда [1, там же], и именно он привел к разрешению российский императором всех неразрешенных им коллизий из социально-политического плана в план религиозно-этический.

В этой связи необходимо отдельно остановиться на той аргументации, с помощью которой Д.Л. Андреев отвергает упреки и претензии, обычно обращаемые к Александру I либерально настроенными историками и интеллектуалами. Как известно, большая часть критики внутренней и внешней политики Александра I обращена к эпохе военных поселений, Священного Союза и все более усиливающегося мистицизма императора в последнее десятилетие его правления. Отступление от первоначальных либеральных замыслов первой половины его царствования объяснялось как современниками, так и многими историками как свидетельство о непоследовательности и слабости характера этого царя. Так, признавая за Александром I выдающиеся дипломатические способности, равно как и недюжинный интеллект и личное обаяние, современный российский историк С.Э. Цветков отказывает императору в силе воли и способности довести «прекрасно задуманные начинания» до конца по причине его неспособности к любому усилию, требующему неустанной и постоянной работы [11, с.270]. Именно так интерпретирует С.Э. Цветков пушкинский эпитет «враг труда» применительно к личности и характеру Александра I. У Д.Л. Андреева объяснение периода «аракчеевщины» самоустранением талантливого, но слабовольного монарха от внутренней политики фигурирует как внешний, видимый слой интерпретаций [11, с.272]. Следуя логике собственной религиозно-мистической мифологии, Д.Л. Андреев создает такое объяснение характера и поступков будущего Федора Кузьмича, которое, не отвергая прямо очевидные и известные факты политической пассивности этого государя в последнее десятилетие его жизни, переводит их интерпретацию в совершенно иной, религиозно-духовный регистр. Александр I, в мифологии Д.Л. Андреева, является не только талантливым правителем, но и великим делателем-тружеником. Однако плоды его неустанных трудов следует искать не во внешнеполитической активности, а в постепенном преображении

или, говоря языком самого автора, «высветлении» собственного естества, отягощенного как «кармой государственного насилия», так и тяжким личным грехом, под которым Д.Л. Андреев имел в виду согласие, данное наследником престола Александром Павловичем на свержение и убийство его отца, императора Павла I. Тем самым, в логике андреевского мифа, жизнь Александра I, трансформировавшееся затем в житие Федора Кузьмича, есть подвиг не во внешнем, видимом постороннему наблюдателю-интерпретатору смысле, а в смысле глубокого и непрестанного «духовного делания», что в иерархии ценностей Д.Л. Андреева несомненно превосходит любые политические, военные и государственные успехи [1, с.454 и сл.].

Характерно, что Л.Н. Толстой также брал под защиту от либеральных критиков второй период царствования Александра I, однако, в отличие от Д.Л. Андреева, толстовская интерпретация последних лет жизни императора касается того морально-этического роста личности, которое Толстой всегда понимал как задачи всякого человека [7, с.35]. Толстой не приписывает Александру I мистико-визионерского измерения; в его логике император, победив Наполеона, приходит к пониманию ничтожности роли личности и добровольно «уничтожается», «умалывается», становясь похожим на идеального правителя в понимании даосских философов, о котором известно лишь то, что он существует [7, с.34]. Похожей трактовки придерживался и поклонник творческого метода Л.Н. Толстого М.А. Алданов, в своей повести «Могила воина» объяснявший духовный кризис последних лет царствования Александра столкновением героя с единственной предельной реальностью-смертью. Подобные экзистенциальные трактовки не близки мифотворчеству Д.Л. Андреева, поскольку его герой всегда сохраняет ясное понимание высшей духовной реальности, стоящей над любыми чисто психологическими и материальными факторами, определяющими бытие личности. Александр I в художественно-мифологическом пространстве «Розы Мира» передоверяет всю внутреннюю политику Аракчееву и «уходит в мистицизм» потому, что осознает истину: «государственность отягчена первородным грехом, озарить ее невозможно». Именно поэтому в пространстве мифа победа будущего Федора Кузьмича над «отягощенной злом» государственностью выступает как высшая и лучшая версия видимого всем исторического свершения императора Александра I, победы над Наполеоном. Тем самым, можно утверждать, что герой андреевского мифа действует в двух планах бытия, реально-историческом и духовно-символическом. Согласно логике синкретического мифа «Розы Мира», поражение на первом плане бытия, видимое всем, зачастую является искуплением и облегчением груза кармы, который тем более значителен, чем более значительна личность его носителя [1, с.111].

Изображение Д.Л. Андреевым сибирского периода жизни и посмертного существования «старца Федора Кузьмича» вполне укладывается в заданные самим автором рамки религиозно-синкретической мифологии. Преодолев через свой уход и самоумаление как онтологические пороки собственной природы, так и мелкие человеческие слабости, Александр I получает закономерный, в логике мифа, апофеоз, становясь своеобразным предводителем сил Света, борющихся с демоническими полчищами в духовном измерении «небесной России». Характерно и то, что антиподом «Федора Кузьмича» в мифологии Д.Л. Андреева выступает И.В. Сталин [1, с.568], образ которого автор выстраивает на системе контрастных оппозиций образу и жизненному выбору Александра I. В мифологической вселенной Д.Л. Андреева

ева такие герои как Александр I, всегда знают о существовании высшего духовного измерения бытия, однако совершают разный выбор по отношению к определяющей облик космической реальности борьбе сил Тьмы и Света. Сталин, в интерпретации Д.Л. Андреева, оказывается носителем злого начала в силу собственной жажды крови и жажды власти. Представляя этого исторического деятеля как «гениального тирана», создавшего идеальный аппарат насилия и подавления, автор делает его зеркальным антиподом Александра I, отказавшегося быть символом и строителем того же государственного аппарата. Таким образом, внутренняя логика мистико-художественного мифа Д.Л. Андреева диктует такую трактовку жизни и личности Александра I, которая полностью отвечает заранее заданным координатам мистико-поэтического топоса «Розы Мира».

Литература

1. Андреев Д.Л. Роза Мира. М: Азбука-Аттикус, 2024.
2. Ахтырский Д.К. Философские идеи в творчестве Д.Л. Андреева (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03). М, 2004.
3. Барятинский В.В. Царственный мистик. М: Сказ, 1990.
4. Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Федоре Кузьмиче на рубеже XX–XXI вв.: проблема демифологизации сюжета // Вестник Томского Государственного Университета, 2008. № 307. С. 7–10.
5. Гусакова В.О. Анагогическое содержание жизненного пути человека как концепт духовно-нравственного воспитания // Вестник Новгородского Государственного Университета, 2017. № 2 (100). С. 51–53.
6. Даниленко С.В. «Роза Мира» Даниила Андреева как наукообразный феномен // Богословско-исторический сборник, 2020. № 1(16). С. 45–65.
7. Лепахин В.В. Повесть Л.Н. Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузмича» // Вестник Новгородского Государственного Университета, 2017. № 2 (100). С. 34–37.
8. Путилин М.С. Сюжет о царе-старце как специфика провинциальной славянской ментальности в период модернизационного перехода // Вестник Томского Государственного Университета, 2023. № 83. С. 66–71.
9. Романов Б.Н. Даниил Андреев: Вестник другого дня. М: Молодая гвардия, 2021.
10. Цветков С.Э. Александр I. М: Центрполиграф, 2020.
11. Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование: в 4 тт. М: ОАО «Московские учебники и картолиграфия», 2008.

THE LEGEND OF “ELDER FYODOR KUZMICH” IN THE SYSTEM OF ARTISTIC MYTHOLOGY OF D.L. ANDREEV’S MYSTICAL-PHILOSOPHICAL TREATISE “ROZA MIRA”

Lutsenko A.V.

Far Eastern Federal University

The article is devoted to the artistic interpretation of the so-called legend of the elder Fyodor Kuzmich by the outstanding writer, philosopher and visionary D.L. Andreev in the widely known mystical and philosophical treatise “Rose of the World”. The main idea of the article is the transformation of the folk legend about the “holy martyr king” into an artistic myth, characteristic of the personal system of moral and ethical coordinates characteristic of the work of D.L. Andreev. Based on previous artistic interpretations of the legend about Fyodor Kuzmich (including the work of L.N. Tolstoy), the author shows the genre and ideological and philosophical features of the understanding of the legend by D.L. Andreev. The most significant feature, according to the author, is the contamination of D.L. Andreev recognizes an Eastern and Christian saint in the guise of Alexander I, which, in turn, relates to the understanding of D.L. Andreev statehood as a principle subject to deep moral and ethical condemnation and enlightenment. Thus, the article traces the formation of the image of Alexander I in the “Rose of the World” as a kind of saint of the author’s personal pantheon, in which the features of the folk legend about the “martyr king” are transformed in accordance with the religious and aesthetic views of the author.

Keywords: philosophy, religion, folklore, legend of Fyodor Kuzmich, Alexander I, Rose of the World, myth, artistic mythology, statehood, phenomenon of holiness, artistic interpretation.

References

1. Andreev D.L. Rose of the World. M: Azbuka-Atticus, 2024.
2. Akhtyrsky D.K. Philosophical ideas in the works of D.L. Andreeva (abstract of the dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences in specialty 09.00.03). M, 2004.
3. Baryatinsky V.V. Royal mystic. M: Skaz, 1990.
4. Gaidukova E. B. A cycle of legends about Fyodor Kuzmich at the turn of the XX–XXI centuries.: the problem of demythologizing the plot // Bulletin of Tomsk State University, 2008. No. 307. pp. 7–10.
5. Gusakova V.O. Anagogical content of a person’s life path as a concept of spiritual and moral education // Bulletin of Novgorod State University, 2017. No. 2 (100). P. 51–53.
6. Danilenko S.V. “Rose of the World” by Daniil Andreev as a scientific phenomenon // Theological and historical collection, 2020. No. 1(16). pp. 45–65.
7. Lepakhin V.V. The story of L.N. Tolstoy “Posthumous Notes of Elder Fyodor Kuzmich” // Bulletin of Novgorod State University, 2017. No. 2 (100). pp. 34–37.
8. Putilin M.S. The plot of the Elder Tsar as a specificity of the provincial Slavic mentality during the period of modernization transition // Bulletin of Tomsk State University, 2023. No. 83. pp. 66–71.
9. Romanov B.N. Daniil Andreev: Bulletin of another day. M: Young Guard, 2021.
10. Tsvetkov S.E. Alexander I. M: Tsentrpoligraf, 2020.
11. Schilder N.K. Emperor Alexander I, his life and reign: in 4 vols. M: OJSC “Moscow Textbooks and Cartolithography”, 2008.

Религия как фактор влияния на мировоззрение современного человека

Иванова Евгения Владимировна,

докт. филос. наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета
E-mail: ieviev@mail.ru

Фархитдинова Ольга Михайловна,

канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета,
E-mail: ofarhetdin@mail.ru

Дискуссия о ценностях в современном мире приобрела несколько новых видов своего присутствия в социокультурном пространстве современного общества. В статье предлагается рассмотреть четыре аспекта проблемы и то, каким образом способы вопрошания о ценностях влияют на мировоззрение современного человека.

Переосмысление моделей преподавания знаний о религии каждому новому поколению может рассматриваться как один из главных векторов развития образования. При этом дискуссия о ценностях сегодня воспринимается в новом поле ее присутствия и применения, а именно религия рассматривается как фактор влияния на социальные и политические процессы в обществе. В связи с этим возник новый спектр задач, относительно способов репрезентации религии в современном образовательном пространстве.

Разработка образовательных сценариев при организации обучения с целью освоения темы «духовно-нравственные ценности» предполагает рассмотрение религии как фактора, следовательно ее влияния. Анализируя опыт декларирования ценностей и способов их освоения, авторы предлагают модель организации пространства диалога о религии, духовно-нравственных ценностях и морали.

В основе исследовательского внимания четыре аспекта проблемы: ценностное основание нравственности (1), модель государственно-конфессиональных отношений (2), влияние религии на социальную идентичность и политику (3), а также образовательные сценарии, которые способствуют укреплению духовно-нравственных ценностей (4). Итогом исследовательской части стало предложение концепции, согласно которой религиозные и светские ценности могут эффективно взаимодействовать, формируя интегрированное ценностное пространство. В исследовании подчеркивается важность разработки образовательных моделей, способствующих укреплению традиционных духовных ценностей.

Ключевые слова: религия как фактор, духовно-нравственные ценности, государственно-конфессиональные отношения, традиционные ценности, религиозное образование.

Исследование духовно-нравственных ценностей в России охватывает историческое развитие этих ценностей и их значение в современном обществе. Среди ключевых фигур, имеющих историческое значение и внесших вклад в исследование этой темы следует назвать:

Ильина И.А., работы которого были сосредоточены на вопросах нравственных оснований российской культуры, православной духовности и патриотизма; Бердяева Н.А., который заострил внимание на том, что развитие морали и духовности связано с поиском истины и предназначения человека; Соловьева В.С., который считал, что духовные и нравственные ценности составляют неотъемлемую часть культуры и цивилизации; Данилевского Н.Я., утверждавшего, что духовно-нравственные ценности помогают сохранять идентичность.

Среди отечественных современных авторов назовем лишь некоторые имена: Андреев К.М., Загребина И.В., Залужный А.Г., Лункин Р.Н., Маранов Р.В., Митрохин Л.Н., Погасий А.К., Пчелинцев А.В., Тихонравов Ю.В., Томаева Т.В., Шахов М.О. и др.

Начнем с констатации четырех аспектов влияния религии. Во-первых, вопрос о ценностях сопровождает диалоговые стратегии отношений в современном мире на всех уровнях: индивидуальном, групповом, государственном и межгосударственном. Как следствие содержание этой дискуссии находит отражение во всех типах присутствующих мировоззрений народа и страны. Во-вторых, смежная с заявленной проблема ценностного основания нравственности – одна из тех, формирование и развитие которой показательно для оценки тенденций развития идентичности страны. В-третьих, внимание к определенному типу отношения, в нашем случае государственно-конфессиональным для современной России имеет стратегическое и символическое значение. Стратегическое значение предполагает, что государственно-конфессиональным отношениям в современной России отведена роль, определяющая характер взаимодействия между легитимными институциональными способами реализации убеждений человека. Один из вопросов, который рассматривается весьма условно – вопрос о кардинальном изменении статуса мировоззренческих «инициатив», связанных с убеждениями и представлениями человека о том, как и во что он верит. На уровне законодательной практики это выражено в том, как организовано дискуссионное пространство вокруг законодательства о свободе совести и вероисповеданий. Сопряженным с такой постановкой вопроса и с тем, что выражают убеждения человека, является системообразующее понятие «доверие», гуманистический потенциал которого определен уровнем развития правовых отношений в стране. В связи с этим символическое значение государственно-конфессиональных отношений состоит в том, что характер взаимодействия религиозных организаций с государством – это, в то же время показатель уровня системной организации общества в целом. Ведь, принципы институционального доверия находят выражение в том, как организована и на что направлена, в связи с этим система взаимосвязи в триаде: государство – общество – религия.

В-четвертых, социально-политическая обусловленность проблемы, о которой активно писали исследователи в начале 2000 гг., связанная с миссионерской де-

тельностью религиозных организаций, переосмысление значения религиозного образования с 2018 г. и претерпевающая изменения с 2020 г. динамика в развитии образовательных стратегий религиозных организаций, а также с 2023 по настоящее время присутствие в дискурсе о религии устойчивого словосочетания – «религиозное образование», вновь стала актуальной на фоне обсуждения вопроса о традиционных ценностях, получив свое новое прочтение. [2]

Юридически регулируемый плюрализм между различными религиями на территории нашей страны был установлен на основании ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях». [1, С. 63] В связи с этим проявились проблемы относительно форм организации отношений между религиями, традиционно существующими на территории нашей страны, и тех, которые относятся к категории «новых», получивших возможность своего распространения после возникновения правовых оснований их присутствия в нашем правовом поле.

По мнению Шахова М.О. (специалиста в области государственно-конфессиональных отношений), «можно выделить три аспекта взаимоотношений религии и права: 1) сакрализация норм законодательства; 2) церковное каноническое право и 3) правовое регулирование в сфере свободы совести, свободы вероисповедания и деятельности религиозных организаций» [11, С. 13]. Три указанные стороны взаимоотношений известны в истории и отражают три способа понимания статуса противоположной стороны в условиях становления правовой системы.

С точки зрения верующего человека важно осознавать и понимать, что ценности, затрагивающие представления о сверхъестественном существуют реально, а отрицание их, ниспровержение религиозных смыслов и значений, недопустимо. При описании религиозного опыта важно указать на ценностные императивы, благодаря которым формируется и транслируется во вне представление о норме и ее нарушениях. Поэтому обращение к опыту описания этического контекста традиционных религий является необходимой составляющей для гармонизации отношений между группами верующих, а также тех, кто придерживается атеистических взглядов. В современных дискуссиях обсуждение ценностно-этических парадигм традиционных религий приобретает также особое значение в связи с поиском нравственных ориентиров и анализом религиозных этик.

Духовные практики и ценности, которыми живут религиозные сообщества, помогают сохранить так называемое «вертикальное измерение» человеческой жизни, обращаясь к фундаментальным вопросам человеческого существования, например таким, как смысл жизни, справедливость и добро [9]. По мнению Тейлора Ч. религия позволяет противостоять нигилизму, предоставляя метафизические основания для морального поведения.

Однако сегодня религиозные учения все больше служат моральными ориентирами и становятся платформой для межкультурного и межрелигиозного диалога в условиях этических кризисов современности, а ценностно-этические парадигмы традиционных религий играют важную роль в формировании гражданской идентичности.

Обратимся к определению роли религии в современном обществе и тому каким образом это взаимосвязано с вопросами о ценностях и духовно-нравственных основаниях мировоззрения современного российского гражданина.

Определяя какова роль религии в современном мире, попытаемся рассмотреть, как она изменилась с 2020 г. по сравнению с предыдущим периодом? Клас-

сический в рамках религиоведения вопрос, сегодня выявляет новые значения понятия «религия», получающие в том числе распространение на уровне массовой культуры. Сформулируем вопрос так, чтобы рассмотреть, как выражение религиозных взглядов и убеждений взаимосвязано с той ролью, которая принадлежит религии на уровне государства. Ведь, совокупность идей о месте и роли религии в государстве определяет государственную вероисповедную политику. Итак, на что влияет религия и религиозные убеждения людей? Традиционные религии выполняют роль в обществе, связанную с формированием этнической культуры, развитием ценностей, национального самосознания, сохранением культурного наследия. Тогда как, при рассмотрении «новых» религий, взглядов, претендующих на таковой статус – есть некая рациональная «оппозиция» традиционности. В этом типе связи «традиционное – новое» формируется основная проблема соотношения норм религии и права.

Активное вовлечение религиозных взглядов в социально-политическое пространство привело к тому, что сегодня мы наблюдаем появление феномена инструментализации религии. По утверждению Лункина Р.Н., осмысление роли религиозного фактора в национальных конфликтах (национализация религии), в политических процессах (инструментализация), в поисках путей для мирных договоренностей (секьюретизация религии), стало поводом для дальнейшего исследовательского внимания к нормам регуляции совместной деятельности людей, стандартам организационного поведения, в том числе организации способов выражения религиозных убеждений. [5,7]

Религиозные убеждения не только формируются, но и подвергаются изменениям, влияниям. В современном российском государстве активно идет разработка и апробирование механизма противодействия деструктивным формам религиозных представлений. В ходе исследования были выявлены элементы правового и гуманитарного свойства, на основе которых возможно сформировать механизм противодействия деструктивным формам религиозных представлений. Главный принцип действенности механизма обусловлен правовыми основами деятельности религиозных объединений в Российской Федерации и экспертным знанием в области технологий легитимации религиозных представлений в средах различной социокультурной этиологии, в том числе в цифровой среде. Дополняющий его принцип – изоморфизм, в основе которого ценностно-цивилизационная специфика традиционных религиозных представлений. Актуальность проблемы выявления и противодействия деструктивным формам религиозных представлений обусловлена рядом причин: пересмотром норм международного права в области соблюдения прав человека, беженцев, переселенцев; отсутствием региональных и национальных диалогов по вопросам предотвращения религиозного экстремизма; недостатками работы с молодым поколением; отсутствием механизма интеграции переселенцев; не использованием в полном объеме современных коммуникационных технологий для ведения информационно-пропагандистской работы.

Существующие формы религиозных объединений и религиозных организаций обозначают то социальное значение, которое приписывается в обществе тому или иному образованию и способам организации совместной деятельности людей, поэтому в образовательной модели необходимо транслировать исторически обусловленную связь между существующими формами религиозных объединений и их ролью на территории современной России. [6,8,10]

Научная новизна образовательного сценария формировалась на основе анализа этноконфессиональной стратегии коллективного поведения представителей религий в современной России. В связи с этим была выявлена последовательность исследовательских вопросов важных для идентификации представлений о религии на территории страны: 1) степень готовности интегрироваться в «большой» социум (понимание природы государства в социальной концепции данной религии; как видятся задачи государства; исходя из каких правовых норм и какие нормативно-правовые акты регламентируют эти вопросы) 2) внешняя или внутренняя направленность основных жизненных сценариев представителей данной религии (то есть как рассматривается человек в системе отношений: государство – общество – религия; например какие образовательные стратегии применяются для обучения последователей конкретной религии, насколько они направлены на интеграцию в данный тип общества, этого государства) 3) наличие и важность традиционных норм коллективного поведения (какими положениями они подкрепляются) 4) возможность их подчинения (компромиссный сценарий) общенациональным принципам, надэтническим светским моральным и правовым требованиям. [4,7]

Основой религиозного мировоззрения является религиозная вера, воспринимаемая поколениями во всем объеме историко-культурного контекста, который опирается на личный опыт человека и его убеждения. Вера и приверженность религии служат системообразующими для всего остального набора понятий, входящих в комплекс, отражающий сущностные признаки религиозного мировоззрения. Содержательно обновляется главный вопрос религиозного мировоззрения – вопрос о положении (судьбе) человека в мире.

Возвращаясь к государственным стратегиям, в которых важная роль в становлении гражданской идентичности отведена традиционным духовно-нравственным ценностям, защите духовной безопасности личности, необходимо отметить, что в социальных концепциях традиционных религий отмечаются многие аксиологические аспекты, на которые могут влиять образовательные сценарии в диалектическом ракурсе традиционного/инновационного, религиозного/светского. Некоторая часть из типичных светских ценностей (гуманизм, свобода, разум, равенство мировоззрений и религий, права человека, патриотизм) имеет свое основание в религии, другая часть возникла в противоположность религии. Светские ценности, как и религиозные, содержат нравственные максимы, но имеют иные истоки, в гуманизме, как самоценности человека.

Рассмотрим некоторые социальные доктрины традиционных религий. Возьмем в качестве сравнения только две авраамические религии – христианство (на примере православия) и ислам. На примере православия обратимся к «Основам социальной концепции русской православной церкви», на примере традиционных ценностей в исламе – «Социальную доктрину российских мусульман».

Предлагаем провести сравнительный анализ традиционных ценностей по следующей схеме: определение в традиционных религиях, главный признак и значение. Рассмотрим следующие традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека.

1. Жизнь

В христианстве жизнь – это бесценный дар Божий, который должен быть защищен на всех уровнях, включая духовное, физическое и психическое здоровье.

В исламе жизнь также является даром от Бога, который гарантирован каждому человеку. Убийство на основе гражданства или других признаков считается вопиющим грехом.

Светский подход: В Конституции РФ закреплено право каждого человека на жизнь (статья 20). Идея уважения к жизни отражена в философских концепциях, в художественной литературе, искусстве.

Главный признак: в религиозных традициях и светском праве жизнь рассматривается как наивысшая ценность, заслуживающая защиты.

Значение: в христианстве и исламе жизнь имеет сакральное значение, в то время как в светском подходе акцент делается на праве каждого человека на жизнь.

2. Достоинство

Достоинство личности в христианстве связано с Божественным происхождением человека, что делает его уникальным и неотъемлемым.

В исламе честь и достоинство человека защищаются Шариатом. Нарушение этих прав недопустимо.

Светский подход: Достоинство охраняется Конституцией РФ (статья 21), и его нарушение является неприемлемым.

Главный признак: во всех подходах достоинство личности защищается, будь то через религиозные доктрины или светское право.

Значение: Религии подчеркивают сакральную природу человеческого достоинства, в то время как в светском обществе оно рассматривается через призму прав и свобод человека.

3. Права и свободы человека

В христианстве перечень прав человека включает свободу слова, творчества, право на образование и частную жизнь, основанные на христианских принципах.

В исламе права человека также уважаются, но они ограничены тем, чтобы не нарушать права других и приносить пользу обществу.

Светский подход: Права и свободы закреплены в Конституции РФ, где человек и его права – высшая ценность (Глава 2, статьи 17–64).

Главный признак: Религиозные права и светские свободы часто пересекаются, хотя в религиозных доктринах присутствуют ограничения, связанные с моральными нормами.

Значение: В религиозных контекстах права рассматриваются в рамках служения Богу, в то время как в светской концепции – в служении обществу и личности.

4. Патриотизм

В христианстве патриотизм рассматривается как часть любви к ближнему и Родине, которая должна проявляться в активной защите и служении. В исламе патриотизм подразумевает защиту Родины и участие в обеспечении стабильности страны. Светский подход: Патриотизм – важная духовная ценность, связанная с социальной идентичностью и ответственностью за судьбу страны. Главный признак: Во всех подходах патриотизм связывается с ответственностью перед обществом и государством.

Значение: в религиозных учениях патриотизм рассматривается как духовное единство с Родиной, тогда как в светском – активное гражданское участие.

В «Основах социальной концепции РПЦ» в п. 1.3. при рассмотрении такой ценности, как патриотизм акцентируется внимание на связи между этносом, культу-

рой и государством. Идея обусловленности национальной культуры и народного самосознания религиозными характеристиками – одна из основных в уяснении роли христианства. Участие в делах государственного управления мыслится как проявление патриотизма.

В светской интерпретации патриотизм рассматривается как значимая для общества духовная ценность и необходимая составляющая процесса социализации личности российского гражданина. [3]

Сделаем вывод. Ценность – это жизненная и практическая ориентация человека. Конечно, каждый индивид сам определяет, что для него свято, какие святыни для него дороги. Однако многие духовные абсолюты, жизненные глубинные константы у людей тождественны, одинаковы. Модель светского дискурса ценностного набора будет обусловлена тем, что цель ее – формирование «гармонично развитой личности». Формирование совершенного человека, антропологического идеала здесь обуславливается развитием той или иной составляющей его природы: ума, воли, чувств. Данный подход формирует такой антропологический идеал, который рассматривает личность, наделенную совершенными умственными дарованиями и великолепной эрудицией. Такой подход приводит к тому, что сознание основной части людей XXI столетия пронизано прагматизмом и формируется под влиянием технократической концепции и тех идеалов, которые навязываются современным мировоззрением. Светская мысль в вопросе нравственного формирования личности опирается исключительно на земные категории. Отсюда проистекает то, что для современного мирского человека категории добра и зла субъективны, относительны и размыты. В результате продуктивного взаимодействия светских и религиозных ценностей возникает идейное пространство, вмещающее в себя как религиозные ценности в их гуманистическом проявлении, так и светские ценности на высшем пределе понимания ими сути духовных измерений жизни человека и общества. Светские ценности могут быть «партнером» религии в ее стремлении одухотворить общество, в усилении позитивного влияния религии на жизнь общества. Эта возможность коренится в нейтральном, а в чем-то даже позитивном отношении светских ценностей к религии. Религиозные ценности, со своей стороны, принимают светские ценности в их нравственно-оздоровляющем общество влиянии.

Рассматривая традиционные религиозные ценности, такие как патриотизм, жизнь, достоинство и права человека, авторы проводят параллель с их светскими интерпретациями. Показано как религиозные ценности могут дополнять светские, формируя единую систему ценностных ориентиров для современного общества.

Религиозные институты выступают важными агентами сохранения традиционных ценностей, поддерживая патриотизм и уважение к национальной культуре. Религия как социальный и политический фактор подчеркивает значимость религии в формировании и поддержке социального порядка и гражданской идентичности в России.

Роль религии в образовательных процессах: образовательные сценарии, интегрирующие духовно-нравственные ценности, способствуют воспитанию гармоничной личности. Такой подход предполагает сочетание религиозных и светских ценностей, что важно для укрепления социального единства.

Государственно-конфессиональные отношения: Религиозные институты играют стратегическую и символическую роль в формировании культурной идентичности. Эти отношения отражают системную организацию общества и служат показателем уровня доверия между государством и обществом.

Светские и религиозные ценности могут сосуществовать, дополняя друг друга. Это взаимодействие помогает создавать единое ценностное пространство, в котором поддерживаются как личные свободы, так и общественные моральные нормы.

Литература

1. Балагушкин Е. Г., Шохин В.К. Религиозный плюрализм в современной России. Новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. Социология. Этнология. 2006. № 2. С. 62–78.
2. Безруков В. И., Лукашина Е.В., Лукашин А.В. Модели религиозного образования в России и странах Европы в контексте информатизации // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2023. № 4. С. 23–44.
3. Зозуля И.В. Патриотизм как социализационная ценность молодежи (на примере общественной молодежной палаты при Думе Ставропольского края// Система ценностей современного общества. № 15. 2010. С. 255–259.
4. Кублицкая Е. А., Писманик М.Г. Религиозные и социокультурные процессы в интеграции современных обществ (аналитический обзор социокультурного взаимодействия религиозных и нерелигиозных россиян) // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 15–20.
5. Лункин Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. – М.: ИЕ РАН; Нестор-История, 2020. – 504 с.
6. Полосин А.В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 3. с.7–23.
7. Реформация и Революция: Европа в поисках нового понимания религии: сб. науч. тр. / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук, Центр по изучению проблем религии и о-ва ИЕ РАН; под ред. Р.Н. Лункина и О.К. Шиманской. – М.: ИЕ РАН, 2020. 220 с.
8. Российское общество: архитектура цивилизационного развития / Р.Г. Браславский, В.В. Галиндабаева, Н.И. Карбаинов [и др.]. – Москва; Санкт-Петербург: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021.
9. Тейлор Чарльз Секулярный век / Пер. с англ. (Серия «Философия и богословие»). – М.: ББИ, 2017. – 967с.
10. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9–19.
11. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений. Издательство Сретенского монастыря, 2019. – 880 с.

RELIGION AS A FACTOR INFLUENCING THE WORLDVIEW OF THE MODERN INDIVIDUAL

Ivanova E.V., Farkhitdinova O.M.
Ural Federal University

The discourse on values in the modern world has taken on several new forms of presence within the socio-cultural space of contemporary society. This article aims to examine four aspects of this issue and how approaches to questioning values influence the worldview

of today's individual. Rethinking models for teaching knowledge about religion to each new generation can be seen as one of the main vectors of educational development. Today, discussions about values are perceived within a new field of presence and application, where religion is viewed as an influential factor in social and political processes within society. Consequently, a new range of tasks has emerged regarding methods for representing religion in contemporary educational settings.

The development of educational frameworks for teaching spiritual and moral values considers religion as an influential factor. Analyzing the ways values are declared and acquired, the authors propose a model for structuring dialogue on religion, spiritual and moral values, and ethics.

This study focuses on four key aspects of the issue: the value foundation of morality (1), the model of state-confessional relations (2), the influence of religion on social identity and politics (3), and educational frameworks that strengthen spiritual and moral values (4). The research concludes with a proposed concept suggesting that religious and secular values can effectively interact, forming an integrated value space. The study emphasizes the importance of developing educational models that reinforce traditional spiritual values.

Keywords: religion as a factor, spiritual and moral values, state-confessional relations, traditional values, religious education.

References

1. Balagushkin E. G., Shokhin V.K. Religious pluralism in modern Russia. New religious movements at the post-Soviet stage // *Mir Rossii. Sociology. Ethnology*. 2006. № 2. pp. 62–78.
2. Bezrukov V. I., Lukashina E.V., Lukashin A.V. Models of religious education in Russia and European countries in the context of informatization // *Bulletin of the Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics*. 2023. № 4. pp. 23–44.
3. Zozulya I.V. Patriotism as a socialization value of youth (on the example of the public youth chamber at the Duma of the Stavropol Territory) // *The value system of modern society*. № . 15. 2010. pp.255–259.
4. Kublitskaya E. A., Pismanik M.G. Religious and socio-cultural processes in the integration of modern societies (an analytical review of the socio-cultural interaction of religious and non-religious Russians) // *Scientific result. Sociology and management*. 2023. Vol. 9, № . 2. pp. 15–20.
5. Lunkin R.N. Churches in politics and politics in churches. How modern Christianity is changing European society. – M.: IE RAS; Nestor-History, 2020. – 504 p.
6. Polosin A.V. Step forward: the problem of worldview in modern Russia // *Bulletin of the Moscow University. Episode 12. Political science*. 2022. № 3. c.7–23.
7. Reformation and Revolution: Europe in search of a new understanding of religion: collection of scientific tr. / Federal State Budget. Institute of Science of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Center for the Study of Problems of Religion and Religion of the IE RAS; edited by R.N. Lunkin and O.K. Shimanskaya. – M.: IE RAS, 2020. 220 p.
8. Russian Society: architectonics of civilizational development / R.G. Braslavsky, V.V. Galindabayeva, N.I. Karbainov [et al.]. – Moscow; St. Petersburg: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 2021.
9. Taylor Charles. *The Secular Century* / Translated from English (Series "Philosophy and theology"). – M.: BBI, 2017. – 967c.
10. Kharichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development Russia (based on research and approbation materials) // *Journal of Political Studies*. – 2022. – Vol. 6, No. 3. – pp. 9–19.
11. Shakhov M.O. *The legal foundations of the activities of religious associations*. Sretensky Monastery Publishing House, 2019. – 880 p.

Политическая стабильность и устойчивость: сущность и влияние на внешнюю политику государства

Гаджиев Ханлар Аляр оглы,

к.п.н., старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований, ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук»

E-mail: gadzhiev.hanlar@gmail.com

Политическая стабильность и устойчивость – важнейшие составляющие политического процесса. Власть, способная сформировать политическую систему с такими характеристиками, как правило, вырабатывает и реализует более эффективную государственную политику. В том числе это касается внешней политики и возможности позиционирования своей страны на международной арене как надежного актора, способного успешно участвовать в стратегических долгосрочных проектах. В представленной статье раскрываются понятия, сущность и взаимосвязь политической стабильности и устойчивости; анализируется соотношение стабильности и развития (изменений); иллюстрируется значимость фактора политической стабильности и устойчивости для международного сотрудничества.

Ключевые слова: политическая стабильность, политическая устойчивость, внешняя политика государства, международные отношения, международное сотрудничество.

Политическая стабильность – состояние политической системы, которое зависит от множества факторов. Часто ее сложно достичь и поддерживать на протяжении длительного отрезка времени в сочетании с государственным развитием и высокой политической конкуренцией.

Стабильное состояние политической системы предполагает ее функционирование в рамках заданных властью/сложившихся границ. То есть любые колебания и кризисы, возникающие в связи с внутренними или внешними процессами и условиями, находятся в допустимых пределах. В свою очередь параметром (критерием) допустимости здесь является сохранение в неизменном виде тех компонентов и элементов, которые обеспечивают сущность и целостность политической системы. Другие ее части могут изменяться и, как правило, при эффективном государственном управлении даже должны преобразовываться властью. Иными словами, политическая стабильность не должна рассматриваться как застой или стагнация, поскольку одной из ее краеугольных составляющих является способность институтов государственного управления совершенствоваться и соответствовать сложности (развитости) общества. Здесь, с одной стороны, требуется баланс между необходимыми, соразмерными и своевременными трансформациями политической системы, а с другой – сохранение экзистенциальных компонентов и элементов, их основных характеристик и взаимосвязей.

В качестве иллюстрации того, как достигается такое соотношение стабильности и развития, можно привести процесс цифровизации. Так, сегодня повсеместно, во всех общественных сферах распространяются и используются цифровые технологии, а Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного человека. Данная тенденция затронула также политико-административную плоскость, куда активно внедряются новые технологии для функционирования и межведомственного взаимодействия институтов власти, предоставления государственных услуг и политического участия. В результате, государства начали создавать новые органы в системе власти, либо изменили компетенцию некоторых уже существующих институтов, включив в них вопросы цифровизации. Так, например, 15 мая 2018 года в России на базе Министерства связи и массовых коммуникаций было создано Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (Минцифры).

Получается, что формирование новых значимых явлений и процессов, новых общественных отношений порождает объективную необходимость их государственного регулирования, в том числе посредством новых управленческих инструментов и механизмов – целевого реформирования политической системы, направленного на ее улучшение. Поскольку изменение инициируется самой властью, а политическая система находится в приемлемом для власти состоянии (сохраняющем фундаментальные системные характеристики), то таким образом и соблюдается конструктивное соотношение политической стабильности и развития. В науке данный тип стабильности принято называть «динамической стабильностью».

Динамическая стабильность наиболее желательна для любой политической системы, поскольку позволяет всегда адаптироваться к вызовам и новым условиям внутригосударственной и международной арены. Однако, когда системы выстраиваются на принципах, создающих определенную статичность в политическом процессе и стремящихся к максимальной минимизации или даже недопущению каких-либо значительных качественных трансформаций политико-административной плоскости, в итоге политическая стабильность де-факто становится похожей на стагнацию или застой – на состояние, тормозящее развитие и образующее рискованные условия для политической системы. Такой тип стабильности принято обозначать «статической». Она во многом выступает антиподом динамической стабильности.

В то же время даже статическая политическая стабильность не предполагает полной блокировки властью изменений. Политической стабильности, предполагающей сохранение в абсолютно неизменном состоянии свойств всех компонентов и элементов системы и их взаимосвязей на продолжительном отрезке времени, не бывает на практике. Во всех политических системах изменения всегда присутствуют. Однако при статической стабильности они, как правило, настолько незначительны, что не способны играть заметную роль или существенно влиять на политическую систему и ее работу. Также ограниченность, диктуемая политическим режимом, скорее бывает связана в отношении политической конкуренции. А попытка приблизиться к абсолютному отсутствию преобразований для любой политической системы означала бы весьма серьезную угрозу с течением времени оказаться в состоянии тотальной дестабилизации.

Таким образом, стабильность политической системы должна сопрягаться с ее развитием и не входить с ней в противоречие. В этом плане система должна быть в достаточной степени стабильной для возможности сохранения своих определяющих черт и преодоления деструктивных угроз, но вместе с тем – достаточно гибкой к качественным изменениям [3].

Критериями стабильности в таком случае становятся неразрывно взаимосвязанные с государственной политикой принципы развития, содержащие в себе проведение позитивных для социума реформ и эффективные политические решения. Одновременно неспособность власти осуществлять контроль над трансформациями политической системы либо ведет к нестабильности, либо означает саму нестабильность [2].

Не преуменьшая значения способности политической системы к улучшающим ее своевременным, актуальным и объективно требующимся трансформациям, подчеркнем, что политическую стабильность нужно оценивать, во-первых, на временном интервале не менее одной каденции главной политической силы государства (т.е. лидера страны), а во-вторых, – в контексте устойчивости, т.е. – с учетом способности системы бороться с деструктивными вызовами и угрозами, сохраняя свои основополагающие компоненты и элементы, а также их отношения. Иными словами, политическая система должна быть способна своевременно и соразмерно реагировать на такого характера воздействия, прибегая к мобилизации своих ресурсов.

Как правило, роль мобилизирующего звена политической системы выполняет лидер страны. В зависимости от выстроенной системы правления, им в большинстве стран мира является глава государства или премьер-министр. А если быть точнее, то речь идет об институте общенационального лидерства. В данном случае он является гарантом поддержания политической стабильно-

сти и обеспечения устойчивости, а при необходимости – инициатором и координатором активизации защитных механизмов политической системы. Этот принцип наиболее важен в период кризисов, внешних угроз и масштабных преобразований системы, когда последняя пребывает в достаточно уязвимом состоянии.

Наконец, именно лидер страны призван обеспечить эффективность любых политических трансформаций, достижение их основных целей, обеспечивая при этом консенсус элит, целостность институциональной системы и учет интересов общества. Будучи символом единства нации, он призван направлять работу основных институтов власти, способствовать их согласованному функционированию и взаимодействию. Соответственно, именно лидер государства в наибольшей мере влияет на политическую стабильность.

Институт общенационального лидерства, для возможности выступать в качестве фактора обеспечения и поддержания политической стабильности (в том числе это касается трансформирующихся политических систем) должен соответствовать четырем ключевым условиям:

- 1) *соответствовать культурно-историческим особенностям общества;*
- 2) *ретранслировать основные характеристики существовавших ранее институтов общенационального лидерства и сохранять, тем самым, преемственность в политической сфере;*
- 3) *эффективно функционировать;*
- 4) *сохранять баланс между степенью институционализации общенационального лидерства и личной властью лидера.*

Политическая стабильность естественным образом может сменяться нестабильностью. Дестабилизация политической системы часто обуславливается объективными факторами. Так, очевидно, что не все общество обычно согласно и поддерживает проводимый властью политический курс или отдельные государственные решения. И если граждан с такой позицией становится значительное число, затрагиваются интересы значимых социальных групп, то отрицательная реакция в социуме, агрегированная и артикулированная оппозиционными силами, как правило, проявляется в форме политических протестов. В данном случае многое зависит от созданных властью условий для политической обратной связи – развитости и гибкости каналов и механизмов выражения общественного мнения. Или, говоря иначе, – от институтов диалога власти и общества.

На практике полномасштабная реализация принципа диалогичности в политико-административном процессе, несомненно, необходима, но с учетом реальных рисков. С одной стороны, понятно, что информация, получаемая властью в качестве политической обратной связи от общества ценна и требуется для эффективности государственного управления. Она позволяет правящим элитам при необходимости своевременно корректировать проводимый политический курс или реагировать на политическую активность различных социальных групп. Более того, блокирование каналов и механизмов выражения гражданами своей позиции, в том числе в виде протестных реакций, может быть чревато латентным накоплением социального недовольства, способного в последующем вылиться в тотальную политическую дестабилизацию.

Однако, с другой стороны, важно предусмотреть государственные механизмы постоянного анализа социальных запросов, динамики и характера изменений в настроениях масс. Наряду с прочим, подобные механизмы должны создаваться в цифровом пространстве, куда

вовлечено большинство граждан современных обществ. Это требуется также для эффективности диалога власти и общества, позволяющего институтам власти видеть реальное актуальное проблемное поле в стране, и для обеспечения государственной безопасности.

Как известно, массовые протесты нередко приводятся внешними силами и изначально направлены не на корректировку проводимой политики и улучшение управления в интересах социума, а на достижение деструктивных целей таких сил, вплоть до революций и государственных переворотов. Активность и требования граждан в подобных ситуациях являются во многом результатом манипуляции внешних акторов массовым сознанием населения.

Правда, здесь следует подчеркнуть, что внешние силы, как показывает мировой опыт (особенно, если обратиться к т.н. «цветным революциям»), выстраивают свое деструктивное воздействие на реально существующих в обществе острейших проблемах и социальных запросах. Последние как бы за счет технологий масштабируются и интерпретируются в наиболее негативном ключе. А в современных условиях молниеносного распространения информации в цифровом пространстве возникает серьезнейшая угроза разрушения политической системы. Поэтому государства должны иметь в своем распоряжении развитую систему мониторинга актуальных проблем и социальных запросов, чтобы действовать на опережение, не допуская их использования внешними силами в своих целях.

Однако только мониторинг и анализа актуального проблемного поля общества недостаточно. Важно, чтобы власть своевременно и соразмерно реагировала на исходящие от социальных групп запросы.

В ситуациях, когда политическая система уже столкнулась с кризисом и дестабилизацией, ее способность бороться с угрозами утраты сущностных черт и преодолеть их зависит прежде всего от уровня политической устойчивости.

Политическую устойчивость следует отличать от политической стабильности. Это разнородные явления, но тесно взаимосвязанные и их необходимо рассматривать параллельно. Если стабильность есть возможное *состояние* политической системы, предполагающее ее функционирование в рамках определенных пороговых значений [2], то политическая устойчивость – *способность и реальные возможности* системы (включая ресурсы) сохранять свои экзистенциальные компоненты и элементы, их базовые свойства и отношения в неизменном виде.

Устойчивость также предполагает способность политической системы возвращаться к исходному положению после воздействия внешней среды и сохранять свой вектор развития [1].

Чтобы точно показать разницу и соотношение политической стабильности и устойчивости, достаточно обратиться к тем примерам, когда политическая система столкнулась с дестабилизацией, но сохранила свои очертания благодаря достаточному уровню устойчивости. В данном случае можно назвать практически любые неудачные попытки государственных переворотов или преодоленные политической системой продолжительные масштабные протесты с требованиями смены власти. Яркими примерами могут служить события 2002 г. в Венесуэле, 2013 г. в Южном Судане, 2016 г. в Турции, 2020–2021 г. в Беларуси, 2022 г. в Казахстане.

Показательны также примеры, когда политические системы подверглись дестабилизации, но, ввиду недостаточной устойчивости, не смогли преодолеть возникшие угрозы и кризис. В частности, в Грузии в 2003 г.

и в Кыргызстане в 2010 г. политические системы не справились с деструктивными вызовами и утратили свои сущностные характеристики. А пример Югославии показывает, что политическая система при низком уровне политической устойчивости может и вовсе разрушиться.

С учетом сказанного, весьма релевантным представляется подход, согласно которому способность политической системы самостоятельно поддерживать гомеостазис следует называть ее устойчивостью, а состояние, при котором система устойчива, – ее стабильным состоянием [4, с. 58]. Под гомеостазисом в данном случае подразумевается вся совокупность системных реакций, позволяющих ей сохранять основные свойства, интегративное качество и в целом свою сущность. Он означает гибкость и адаптивность системы, возможность приспособиться к внешнему воздействию, а также не допускать ее разрушения.

Проблема политической стабильности и устойчивости имеет центральное значение с точки зрения международных отношений. От нее во многом зависит выстраивание внешнеполитического курса государств. Те страны, в которых часто происходят политические кризисы, дестабилизация или, тем более, имеют место революции и государственные перевороты (т.е. те, которые в недостаточной степени устойчивы), как правило, рассматриваются другими государствами как менее надежные для стратегического сотрудничества и участия в международных проектах.

При политической дестабилизации власть страны может быть вынуждена сменить/скорректировать проводимый политический курс, включая декларируемые цели и приоритеты на международной арене. А реализация ею нового вектора во внешней политике, как показывает мировой опыт, нередко приводит к необходимости пересмотра отношений с соседними государствами, региональными и глобальными лидерами.

Если же на протяжении длительного периода имеет место низкий уровень устойчивости политической системы, создающий риски ее разрушения и приводящий к частым революциям и государственным переворотам, то ей сложнее выстраивать отношения с другими странами и международными организациями.

Международное сообщество обращает внимание на легальность власти в данном государстве, ее фактическую легитимность и в целом на прочность позиций правящих групп и лидера страны. Причем все оценивается не только с точки зрения взаимодействия с государством по политическим вопросам, но также в контексте возможности экономического сотрудничества, интеграции в международные объединения. В этом смысле очевидно, что только стабильные и устойчивые государства способны всеобъемлюще осуществлять свои функции, выполнять принятые международным сообществом нормы и принципы, полноценно участвовать в проектах, реализовывать все договоренности с другими странами и участвовать в деятельности международных организаций.

Таким образом, следует констатировать, что политическая стабильность и устойчивость имеют определяющее значение для общественного и государственного развития. Они значимы не только в рамках процессов на внутренней арене, но также и на внешней, поскольку задают окно возможностей для постановки целей и задач внешней политики, для выбора геополитического и геоэкономического курсов, расстановки приоритетов сотрудничества и ориентира при определении ключевых стран-партнеров.

Литература

1. Коробов А.А., Овчинников С.А. Информационно-политические риски и устойчивость политической системы в условиях демократического транзита // Информационная безопасность регионов. – 2012. – № 1. – С. 110–115.
2. Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. Электронный вестник. – 2003. – № 1.
3. Шабров О.Ф. Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития // Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. Майкоп – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 1999. – С. 180–194.
4. Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. – М.: Интеллект, 1997. – 200 с.

POLITICAL STABILITY AND SUSTAINABILITY: NATURE AND INFLUENCE ON A STATE'S FOREIGN POLICY

Gadzhiev Kh.A.

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Political stability and sustainability are the most important constituents of the political process. Authority, which is able to form a political system with such characteristics, as a rule produces and implements the more effective governmental policy. It also concerns foreign policy and the possibility to position the country on the international arena as a reliable actor being able to take part in long-term strategic projects.

In the given article, the notions, nature, and interconnection between political stability and sustainability are explained; the correlation between stability and development (changes); the significance of the political stability and sustainability factor as well as international cooperation are illustrated.

Keywords: political stability, political sustainability, foreign policy of the state, international relations, international cooperation.

References

1. Korobov A.A., Ovchinnikov S.A. Information and political risks and stability of the political system in the conditions of democratic transit // Information security of regions. – 2012. – No. 1. – P. 110–115.
2. Soloviev A.I. Political stability in the socio-cultural dimension: Russian illustrations // Public administration. Electronic Bulletin. – 2003. – No. 1.
3. Shabrov O.F. Management and self-organization as factors of stability and development // Effective technologies in the system of state and municipal administration. Maykop – Rostov-on-Don: Publishing house SKAGS, 1999. – P. 180–194.
4. Shabrov O.F. Political management: the problem of stability and development. – M.: Intellect, 1997. – 200 p.

Политическая мобилизация молодежи: опыт Коммунистического союза молодежи Китая и его потенциал диссеминации опыта

Ли Чжожу,

аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заместитель генерального секретаря Всемирной ассоциации политической экономики (Китай), приглашенный исследователь Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете
E-mail: liz@my.msu.ru.

Исаков Владимир Павлович,

депутат Государственной Думы ФС РФ, Секретарь ЦК КПРФ, Первый секретарь ЦК ЛКСМ РФ
E-mail: isakov@duma.gov.ru

Данное исследование посвящено анализу опыта политической мобилизации молодежи Коммунистическим союзом молодежи Китая и оценке потенциала его распространения. Рассматривается роль КСМК как ключевого актора в процессе политической мобилизации молодежи на основе марксистско-ленинской идеологии. Анализируется логическая структура и основное содержание политической мобилизации КСМК, включая её субъекты, цели, объекты и методы. Выделяются четыре основных урока политической мобилизационной работы КСМК: следование центральной работе КПК, уважение субъектности молодежи, обновление методов мобилизации и проведение самореволюции. Рассматриваются современные ограничения в развитии опыта КСМК, связанные с сокращением организационных масштабов и изменением политического статуса. Анализируется распространение базового опыта КСМК в контексте пролетарского интернационализма и его восприятие левыми молодежными организациями других стран. Подчеркивается важность этого опыта для возрождения международного коммунистического движения.

Ключевые слова: Политическая мобилизация, Коммунистический союз молодежи Китая, Марксизм-ленинизм, Пролетарский интернационализм.

Коммунистическая партия Китая (*далее – КПК*) традиционно рассматривает политическую мобилизацию как ключевой инструмент управления революционными процессами, социально-экономическим развитием и реформированием государства. Коммунистический союз молодежи Китая (*далее – КСМК*), будучи массовой организацией прогрессивной молодежи под руководством КПК, с момента основания выполняет двойную функцию: служит медиатором между партией и молодежными группами, а также реализует собственные инициативы с ярко выраженным политическим вектором, аналогичным курсу КПК. В этом контексте политическая мобилизация является неотъемлемым аспектом деятельности КСМК. Эффективная политическая мобилизация позволила КСМК консолидировать и стимулировать участие китайского народа в революционных преобразованиях, созидательных процессах и реформах, что способствовало укреплению легитимности власти КПК и фундамента её правления.

Данное исследование систематизирует ключевой опыт КСМК в сфере политической мобилизации и анализирует потенциал его экстраполяции на международную арену. Мы полагаем, что этот опыт представляет собой ценный материал для современных российских левоориентированных молодежных организаций в контексте оптимизации методов политической мобилизации и катализации развития российского социалистического молодежного движения.

Введение

В современном социополитическом дискурсе КСМК выступает ключевым актором в процессе политической мобилизации молодежи, основываясь на принципах марксистско-ленинской парадигмы. Социологический анализ данной организации представляет собой актуальную научную проблему, направленную на систематизацию и интерпретацию её фундаментального опыта в контексте историко-культурной эволюции Китая.

Цель исследования заключается в экспликации роли и значимости политической мобилизации КСМК в формировании идеологического базиса китайской молодежи в процессе модернизации страны, а также в идентификации ключевых стратегий и методологических подходов, применяемых для достижения этой цели.

Методологический фундамент исследования опирается на социологические концепции, включающие анализ и интерпретацию теоретико-прикладных аспектов политической мобилизации в КСМК с использованием инструментария исторического и диалектического материализма. Применяемые методы исследования включают как качественный анализ, так и анализ исторических документов. Основное внимание уделяется изучению эволюции идеологических практик, механизмов индоктринации и системы образования молодежи в контексте синтеза китаизации марксизма. Важной частью исследования является анализ воздействия этих процессов на формирование современного социополитического ландшафта Китая.

Логика исследования базируется на системном анализе и компаративистике основного опыта политической мобилизации молодежи, практических результатов

и транснациональной диффузии теоретических концепций под руководством КСМК. Реализация данного исследовательского проекта будет способствовать углубленному пониманию процессов социальной трансформации и идеологической адаптации в современном глобальной политической архитектоники.

Научная значимость исследования заключается в выявлении ключевых детерминант и стратегий, обеспечивающих эффективное функционирование и влияние КСМК на формирование молодежного активизма и социальной мобилизации в Китае, а также в анализе экстраполяции этого опыта за пределы страны. Полученные результаты будут способствовать более глубокой интерпретации динамики современных коммунистических движений и их перспектив в глобальном масштабе.

Логическая структура и основное содержание политической мобилизации КСМК

Мы знаем, что политическая мобилизация играет важную роль в арсенале средств воздействия на массы и повышения социалистического сознания китайской молодежи. Пропаганда нацелена на глубокое раскрытие теоретических принципов и выводов марксизма-ленинизма и вооружение членов комсомола, тогда как политическая мобилизация направлена на выполнение конкретных политических задач и помощь трудящимся в правильном понимании внутренней и внешней политики КПК и социалистического Китая на основе революционной теории.

Будучи молодежной организацией КПК, КСМК на всех этапах своей истории ставил своей главной задачей добиться того, чтобы молодежь поняла политику партии, приняла её и сознательно стремилась к её реализации. По словам В.И. Ленина, «Главный источник нашей силы: сознательность и героизм рабочих ... Причина наших побед: прямое обращение нашей партии и Советской власти к трудящимся массам с указанием на всякую очередную трудность и очередную задачу; умение объяснить массам, почему надо налечь изо всех сил то на одну, то на другую сторону советской работы в тот или иной момент; умение поднять энергию, героизм, энтузиазм масс ...» [15, с. 305].

Широкая политическая работа с молодежью, организуемая Комсомолом под руководством Коммунистической партии, способствует сосредоточению усилий и героизма молодых людей на ключевых аспектах социалистического строительства. Комсомольские организации регулярно разъясняют молодежи актуальные политические события и задачи, стоящие перед страной и трудовыми коллективами, доводят до нее решения Коммунистической партии и правительства, добиваясь от молодежи стремления воплотить эти решения в практические дела.

В.И. Ленин много рассуждал о роли и месте политической мобилизации в социалистической революции и социалистическом строительстве. Он указывал, что задача политической мобилизации состоит в том, чтобы «внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата ...» [12, с. 374]. Кроме того, не существует четкой границы между политической мобилизацией и теоретической пропагандой, поскольку они взаимосвязаны и в конечном итоге служат одной цели. Единство этих процессов обусловлено общим мировоззрением, политической природой и целью.

Политическая мобилизация обладает специфическими чертами. Она более оперативна, эффективно реагирует на текущие события и охватывает более широкую аудиторию. Политическая мобилизация комсомола имеет уникальные формы, сопровождаемые наглядными и кон-

кретными средствами, которые позволяют донести до сознания молодежи политические лозунги, хозяйственные задачи и актуальные события, побуждая их к действию.

С научной точки зрения, политическая мобилизация также является важным аспектом теории политической социологии. Ученые в Китае, России и других странах исследовали этот вопрос с различных точек зрения и методологических подходов. В рамках концепции политической мобилизации некоторые исследователи рассматривают ее как «процесс, посредством которого правящая элита мобилизует ресурсы, особенно человеческие, для поддержания политической власти» [8, с. 77]. Кроме того, другие ученые интерпретируют политическую мобилизацию через функции и процессы. Однако общее для всех точек зрения заключается в разделении концепции политической мобилизации на четыре основных элемента: субъект, цель, объект и способ политической мобилизации. Конкретно говоря о политической мобилизации КСМК, можно определить ее как действие и процесс, посредством которого политические партии, группы и другие субъекты с помощью пропаганды и идеологического воспитания направляют ценности и действия своих объектов для сотрудничества и объединения ресурсов с целью достижения конкретных политических целей. Политическая мобилизация КСМК представляет собой процесс, в ходе которого организация КСМК и ее члены путем усиления идеологического и политического воспитания и создания передовых моделей ориентируют молодежь на укрепление их политической идентификации с КПК, побуждают к положительной реакции на политические призывы КПК и способствуют выполнению задач социалистического строительства.

В частности, логическая структура и основные элементы политической мобилизации КСМК выглядят следующим образом.

Субъект политической мобилизации – организационная система КСМК и ее члены

КСМК, представляющая собой централизованную структуру с различными уровнями организаций от центрального до местного, является основным органом политической мобилизации. Члены КСМК, являющиеся представителями передовой молодежи, также становятся главной силой политической мобилизации. Кроме того, за долгий период своей деятельности Комсомола сформировала плотную организационную сеть, ядром которой является она сама, а периферийными организациями – различные молодежные группы, такие как Всекитайская федерация студентов, Всекитайская федерация молодежи и Ассоциация молодых добровольцев, которые делятся на группы по роду деятельности. Специфический механизм работы заключается в том, что эти периферийные молодежные организации объединяют молодых людей в различных областях и разных типов, таких как молодые студенты, молодые ученые, молодые предприниматели и т.д., и организуют молодых людей, рассеянных вне организации Комсомола в условиях социалистической рыночной экономики; эти периферийные организации принимают руководство или управление от Комсомола. Благодаря этому Комсомол может распространять и мобилизовать молодых людей во всех секторах и областях, чтобы они действовали позитивно в ответ на призыв КПК и китайского государства. Поэтому периферийные организации Комсомол также являются важной основной силой в политической мобилизации Комсомол. Первый секретарь ЦК КСМК Адон подчеркнул: «Генеральный секретарь Си Цзиньпин четко обозначил цель и позицию молодеж-

ных организаций партии, подчеркнув, что КСМК и такие организации, как Федерация молодежи, Федерация студентов и Юные пионеры, являются важной силой в работе партии с молодежью, и должны постоянно поддерживать и усиливать свой политический, передовой и массовый характер» [1].

Целью политической мобилизации является вклад КСМК в реализацию ключевых задач КПК на каждом историческом этапе

Как известно, цель политической мобилизации КСМК подразумевает построение мобилизационных задач и достижение целей на этой основе. Мао Цзэдун четко указал, что «Союз молодежи должен содействовать партии в выполнении ее центральных задач, но при содействии выполнению этих задач заниматься и своей специфической работой, учитывая особенности молодежи» [17, с. 108]. Что означает – КСМК, как массовая организация передовой молодежи под руководством КПК, играющая роль моста и связующего звена между КПК и молодежными группами. Позиционирование этой организационной роли означает, что, с одной стороны, Комсомол должна помогать КПК в сплочении и интеграции всей молодежной группы, а с другой – представлять и защищать интересы молодежной группы, а также брать на себя такие функции, как выражение интересов молодежи. Что касается второго пункта, Си Цзиньпин отметил, что «контакт и служение – два важных аспекта молодежной работы» [18, с. 160]. На это также указал первый секретарь ЦК КСМК Адон в своей речи на 18-м Всекитайском съезде КСМК: «Укрепление политического строительства всесторонним образом, куда указывает флаг партии, является направлением деятельности Комсомола, стало высокой степенью самосознания. Молодежь в новую эпоху должна быть уверенной и самостоятельной, и непоколебимо следовать за партией по китайскому пути» [1], «Коммунистической союз молодежи – это групповая организация передовой молодежи под руководством партии. Будь то в прошлом, настоящем или будущем, слушание партии и следование за ней всегда будет фундаментальной основой существования организации» [1]. Вышеперечисленное является проявлением классовой природы комсомольской организации в политическом и социальном смысле соответственно. Именно в этом смысле постановка вопросов политической мобилизации и цели Комсомола на каждом этапе ее жизни вращаются вокруг центральной работы КПК в разные исторические периоды.

Объектом политической мобилизации является молодежь Китая, включая как членов КСМК, так и не входящих в организацию

При детальном рассмотрении данного вопроса под молодежью понимаются все комсомольцы, вступившие в организацию, а также те, кто не является её членами. Важно отметить, что члены КСМК в этом отношении уникальны: они могут выступать в качестве основного органа для проведения и реализации политической мобилизации, но одновременно являются и объектом мобилизации.

Способ политической мобилизации заключается в пропаганде и агитации под руководством марксизма-ленинизма

Пропаганда и агитация, являясь важнейшими методами политической мобилизации КСМК, представляют собой

процесс психологического воздействия. Для эффективной реализации этого процесса необходимо понимать методы и способы идеологического воздействия на молодежь, знать закономерности их психологической активности, интересы и взгляды. Российский ученый М.А. Кукарцева утверждает, что существуют два основных способа политической мобилизации – прямая и косвенная:

1) прямая мобилизация характеризуется персонализированным подходом, который может проявляться как в индивидуальном, так и в групповом активизме. Этот метод считается более эффективным, так как включает прямое взаимодействие с гражданами;

2) Косвенная мобилизация в основном представлена политической рекламой, телефонными звонками и другими менее личными методами. Она менее эффективна, но позволяет охватить более широкую аудиторию. Формирование политического активизма зависит от применяемой стратегии мобилизации. Прямая мобилизация способствует развитию более активного и персонализированного активизма, тогда как косвенная мобилизация ведет к формированию более обобщенного группового активизма [10]. Стратегии политической мобилизации в КСМК можно условно разделить на три.

1. Политическая мобилизация через создание героев и моделей с передовыми делами и проектами. Этот метод эффективен, так как герои и модели привлекают молодежь своим примером, играя направляющую и демонстрационную роль.

2. Политическая мобилизация посредством идеологического и морального воспитания и образования. Этот способ включает систематическое обучение теории марксизма-ленинизма через коллективные занятия, индивидуальные беседы, идеологические доклады и пропаганду посредством бюллетеней и лозунгов. Цель – укрепление веры молодежи в коммунизм и мотивация к участию в социалистическом строительстве Китая.

3. Политическая мобилизация с ориентацией на заботу об интересах молодежи и служение их развитию. Этот метод подчеркивает необходимость учета социологических интересов молодежи и удовлетворения их реальных потребностей для стимулирования устойчивого и активного политического участия. Этот способ политической мобилизации является также практикой содержания классовой природы организации Комсомол в социальном смысле. Суть его теоретической самодостаточности заключается в том, что политическая мобилизация как социальная деятельность для полного достижения своих целей должна учитывать и социологические интересы мобилизуемых объектов, удовлетворять реальные потребности мобилизуемых объектов, чтобы стимулировать их к устойчивому и активному политическому участию.

Марксизм-ленинизм учит нас, что успех строительства коммунизма в конечном счете зависит от формирования молодежи, поскольку будущее принадлежит ей. В.И. Ленин указывал, что «Задача Союза молодежи – поставить свою практическую деятельность так, чтобы, участь, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.» [16, с. 308–309]. Таким образом, основное содержание политической мобилизации КСМК было и остается воспитание молодежи в духе теории социализма с китайской спецификой, в духе коммунистической идеологии, в духе верности социалистической родине и принципам пролетарского интернационализма.

Основной опыт политической мобилизационной работы КСМК

В разные исторические периоды цели, масштабы, интенсивность и методы политической мобилизации КСМК проявлялись по-разному, но у них есть общая черта – цели политической мобилизации всегда сосредоточены вокруг центральной работы КПК в тот или иной период. Конкретные проявления этого включают: полное уважение главной позиции молодежи, повышение эффективности политической мобилизации, постоянное обновление способов политической мобилизации в соответствии с условиями времени, а также смелость в самореволюции и повышение динамизма мобилизационных процессов. Это четыре основных урока политической мобилизационной работы КСМК.

Китайский Комсомол всегда ставил свои политические мобилизационные цели вокруг центральной работы КПК

Принцип руководящей роли Коммунистической партии в отношении Комсомола Китая обсуждается в трудах классиков марксизма-ленинизма, в работах высших руководителей КПК и в документах КПК. Например, в Уставе КСМК четко прописано, что Комсомол является помощником и резервной армией КПК, и эта политическая ориентация определяет, что руководство КПК является основополагающим принципом организации Комсомола. Первый секретарь ЦК КСМК Адон отметил: «Коммунистический союз молодежи – это групповая организация для продвинутой молодежи под руководством партии, и неважно, в прошлом, настоящем или будущем, слушать партию и следовать за ней всегда будет фундаментальной основой для того, чтобы наша организация устоялась и выжила» [1]. Иными словами, политическая мобилизационная цель Комсомола может быть достигнута только при активном следовании за развитием дела Коммунистической партии, что позволяет избежать отклонения от правильного политического направления, раскрыть огромную энергию комсомольской работы и подчеркнуть её ценность.

Китайский Комсомол всегда повышал эффективность своей политической мобилизации за счет полного уважения к субъективному статусу молодых людей

Будучи молодежной организацией Коммунистической партии, Комсомол имеет не только ярко выраженный политический, но и социальный характер, представляя Коммунистическую партию в контактах и служении молодежи. На протяжении всей своей истории Комсомол направлял молодых людей к центральному делу КПК, не забывая при этом учитывать их политическую значимость и искренне служить всем молодым людям. Это также важный политический инструмент, позволяющий Комсомолу постоянно повышать эффективность политической мобилизации, укреплять и расширять молодежную массовую базу КПК. Конечно, самостоятельность молодежных организаций не исключает необходимости критики со стороны Компартии в случае возникновения ошибок в их работе. Наоборот, она предполагает такую необходимость. Самостоятельность молодежных организаций должна сочетаться со строгими требованиями и принципами Коммунистической партии. В.И. Ленин однажды заметил: «Льстить молодежи мы не должны» [13, с. 226]. Эти слова В.И. Ленина остаются главным принципом в отношениях между Коммунистической партией и Комсомолом. Принципиально, что КСМК был создан и развивался под руководством и при помощи КПК. Это означает, что источник его политической силы исходит

от КПК, его организационные задачи подчинены КПК, а логическая отправная точка его политических задач зависит от политических задач КПК на всех этапах истории.

Китайский Комсомол всегда корректировал и обновлял свои методы политической мобилизации в соответствии с обстоятельствами времени

Российский ученый Н.А. Баранов считает, что «объективный процесс технологических перемен во всех сферах жизни общества кардинальным образом влияет на выстраивание взаимоотношений между человеком и государством» [4]. На протяжении всей истории КСМК сочетал принципиальность и гибкость в методах и средствах политической мобилизации, адаптируясь к технологическим условиям и обстоятельствам времени. С начала борьбы за китайскую модернизацию Комсомол, опираясь на традиционные методы организованной мобилизации, совершенствовал систему пропаганды и формирования общественного мнения, активно используя современные средства массовой информации, такие как радио, телевидение и Интернет. В частности, использование интернет-платформ для политической мобилизации соответствует поведенческим характеристикам и образу жизни молодых людей, преодолевающая пространственные ограничения традиционных методов и эффективно привлекая молодых людей к активному политическому участию. Украинский ученый О.О. Безрук считает, что теоретической основой эффективности такого измененного подхода к политической мобилизации в свете развития технологий являются современные политические процессы, которые все больше зависят от цифровых технологий. Эти технологии позволяют гражданам минимизировать временные затраты на политическую деятельность и эффективно участвовать в политическом процессе [3]. В то же время, в этот период были усовершенствованы многие политики и системы, связанные с делами молодежи и ее развитием. Комсомол уделяет больше внимания расширению каналов и механизмов политического участия молодежных групп на основе этих систем, а также мобилизации молодых людей для выражения своих интересов и участия в политической жизни на упорядоченной основе.

Китайский Комсомол всегда был смелым в проведении революции и усилении субъективной инициативы политической мобилизации

Любая политическая мобилизация требует организационной системы Комсомола как главного органа для планирования и осуществления. Поэтому эффективность политической мобилизации Комсомола определяется не только методами и целями мобилизации, но и организационной системой самого Комсомола. На протяжении всей своей истории Комсомол ориентировался на решение проблем и смелую самореволюцию, постоянно реформируя и улучшая создание и функционирование низовой организационной системы, а также повышая уровень строительства и управления своими кадрами. Благодаря этому политический потенциал Комсомола постоянно укреплялся, что позволяло своевременно выполнять задачи и требования партии по политической мобилизации молодежных групп в различные периоды истории.

В историческом контексте развитие основного опыта КСМК также сталкивается с новыми историческими ограничениями. Это прежде всего проявляется в сокращении организационных масштабов КСМК. С 2000 по 2008 год численность членов КСМК увеличилась примерно на 15,4%, в то время как количество первичных организаций сократилось примерно на 3,12% [11], а доля молодежи в общей численности населения снизилась

примерно на 5,30% [20]. С 2008 по 2023 год численность членов КСМК уменьшилась примерно на 5,55%, количество первичных организаций увеличилось примерно на 46,4% [7], а доля молодежи в общей численности населения снизилась примерно на 13,76% [20]. Сокращение организационных масштабов КСМК как на макро-, так и на микроуровне ограничивает охват социальных групп и интенсивность политической мобилизационной работы, что неизбежно приводит к развитию и инновациям в рабочем опыте организации в новых исторических условиях.

Во-вторых, в связи с новой политической ситуацией после XVIII Всекитайского съезда КПК в 2012 году, политический статус КСМК имеет тенденцию к снижению от прежней роли резерва и подготовительного отряда партии до обычной массовой и общественной организации под руководством КПК. Это отражается в выборе КПК первого секретаря действующего секретариата ЦК КСМК, а также в относительно менее перспективных политических карьерах первых секретарей секретариата ЦК КСМК после ухода с этой должности по сравнению с периодом до 2012 года.

Анализ политических биографий первых секретарей ЦК КСМК с 1998 года показывает, что после ухода Лу Хао с поста первого секретаря ЦК КСМК в 2013 году, критерии отбора и продвижения последующих первых секретарей, включая нынешнего первого секретаря Адон, значительно снизились по сравнению с периодом до 2013 года. Это выражается в снижении порога для политических деятелей, имеющих право занимать эту должность, а также в ухудшении перспектив политического развития после ухода с этой должности – от должности главы местного правительства провинциального уровня (губернатора) до 2013 года до руководящих должностей в неосновных ведомствах центральной и государственной системы (руководящие должности в органах Госсовета, не входящих в состав Госсовета) после 2013 года. Более того, после XX съезда КПК наблюдается следующая тенденция: бывшие первые секретари ЦК КСМК, такие как Чжоу Цян, Ху Чуньхуа (ранее член Политбюро ЦК КПК 18-го и 19-го созывов), Лу Хао и Хэ Цзюнькэ, занимают лишь позиции рядовых членов ЦК КПК. Особенно показателен случай Цинь Ичжи, который, имея административный ранг министра, занимает руководящую должность уровня заместителя министра. Как отмечает итальянский исследователь София Грациани, «однако отношения между союзами молодежи и партией не всегда являются симбиозом и подчинением» [19, pp.117–149 (33 pages)].

В целом, базовый опыт КСМК по проведению политической мобилизации является не только высоким обобщением его исторического опыта, но и основополагающим методом, с помощью которого на современном этапе истории Комсомол постоянно реформирует и обновляет механизмы и методы политической мобилизации. Он объединяет членов Комсомола и молодежь всех национальностей под руководством Коммунистической партии и остается на переднем крае осуществления модернизации по китайскому образцу.

Распространение базового опыта политической мобилизационной работы КСМК

Мы знаем, что принцип пролетарского интернационализма является одним из основополагающих принципов марксистско-ленинской доктрины левых молодежных организаций. Он возник и развивался вместе с подъемом и ростом международного коммунистического дви-

жения. Верность этому принципу под руководством Коммунистической партии стала важным источником роста силы и престижа КСМК. История доказала, что отказ от марксистско-ленинской линии и отрыв от пролетарского интернационализма неизбежно ведут к провалу социалистического дела. Это также является основой организационного строительства и деятельности самого КСМК и средством распространения влияния базового опыта политической мобилизационной работы.

По словам В.И. Ленина, «Интернационализм на деле – один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах» [14, с. 170]. Иными словами, принцип пролетарского интернационализма требует рассматривать социалистическое движение в каждой стране, победу пролетарской революции и строительство социализма в каждой стране как неотъемлемую часть единого международного коммунистического движения.

На современном этапе истории Коммунистическая партия Китая, придерживаясь принципов пролетарского интернационализма, успешно решает свои национальные и международные задачи. Трудовой народ Китая и его проверенный временем авангард, модернизируясь по-китайски, ориентируются не только на укрепление политических и экономических сил социалистического Китая, но и на усиление международного коммунистического движения в целом. Это теоретическая основа для распространения влияния базового опыта политической мобилизационной работы КСМК.

Под руководством КПК, КСМК устанавливает взаимные контакты с левыми молодежными организациями других стран на основе принципов интернационализма. Основная позиция КСМК в отношении с левыми молодежными организациями заключается в содействии развитию международного коммунистического движения. Это требует творческого подхода к решению многочисленных проблем социалистического движения, регулярного обмена опытом и мнениями по актуальным вопросам внутренней и внешней политики. В этом и заключается необходимость распространения влияния базового опыта политической мобилизационной работы КСМК.

Рассматривая вопрос о распространении базового опыта политической мобилизационной работы КСМК в современных исторических условиях, можно заметить, что этот опыт в значительной степени был воспринят левыми молодежными организациями в других странах. Например, в октябре 2018 года председатель ЦК КПРФ Г.А. Зюганов на пленуме ЦК КПРФ отметил, что «Огромное внимание молодому поколению уделяется в Китайской Народной Республике... Комсомол Китая активно участвует в разработке молодежной политики партии» [9]. И, полагая, что опыт КСМК может быть полезен КПРФ и ее молодежным организациям – ЛКСМ РФ, он отметил, что «Но разорвать порочный круг можно. Это подтверждает опыт коммунистических партий» [9]. Важность фундаментального опыта китайского комсомола положительно оценил и первый заместитель председателя ЦК КПРФ Ю.В. Афонин, который утверждал, что «Работе с молодежью КПК уделяет большое внимание, учитывая, что меняется сама молодежная среда, меняется информационное окружение, не прекращаются попытки оказать на молодежь влияние со стороны, используя возможности Интернета» [6]. «И китайский комсомол, и российский ставит на первое место теоретическое просвещение молодежи, вооружение молодых марксистской идеологией, позволяющей прекрасно раз-

бираться в событиях современного мира, видеть суть социальных процессов... китайские комсомольцы находятся на самых ответственных и опасных участках работы, в частности играют важную роль в ликвидации последствий техногенных катастроф» [2].

Необходимо также исключить из этого процесса вмешательство социал-демократии и ревизионизма в пространство базового опыта. Ревизионисты всегда стремились подорвать идеологические основы пролетарского интернационализма. Они утверждают, что некоторые важнейшие положения марксизма-ленинизма устарели, отрицают международную общность марксизма-ленинизма, преувеличивают национальную самобытность и отрицают тот факт, что социалистический путь во всех странах является продолжением пути Октябрьской революции. Они отвергают общие законы социалистического движения, проверенные опытом Китая и других социалистических стран. Социал-демократы же стремятся отрицать ведущую роль марксистско-ленинских партий и их молодежных организаций, пытаясь подменить понятие социалистической демократии политическим либерализмом. По сути, они хотят ограничить пространство опыта социалистических стран.

Анализ фундаментального опыта политической мобилизации КСМК раскрывает её ключевое значение в процессе возрождения международного коммунистического движения. Данный опыт представляет собой не только предмет теоретического исследования, но и практическое воплощение принципов пролетарской солидарности и идеологической последовательности в условиях обострения классовых противоречий. Применение методологии диалектического материализма позволяет вскрыть глубинные механизмы социальной трансформации, осуществляемой под руководством марксистской теории. Коммунистическая мобилизация, выступая в роли динамического фактора социального прогресса, способствует реактуализации социалистических идеалов и укреплению базиса пролетарского интернационализма.

В свете вышеизложенного, систематическое изучение опыта политической мобилизации КСМК неизбежно становится существенным элементом в развитии марксизма-ленинизма как науки о революционном преобразовании общества. Эта наука призвана не только к консолидации внутрипартийного единства, но и к мобилизации международного пролетариата в борьбе против капиталистической системы. Методологический базис КСМК, основанный на синтезе исторического и диалектического материализма, формирует теоретический и практический фундамент для конструирования глобального коммунистического сообщества. В рамках этой парадигмы каждый член движения рассматривается как неотъемлемый элемент коллективного субъекта исторического процесса, движимого научно обоснованной верой в социалистическую перспективу.

Данное исследование выходит за рамки чисто академического интереса, акцентируя внимание на необходимости детального анализа ключевых механизмов и стратегических подходов, необходимых для построения справедливого общества на основе марксистской диалектики и революционной практики. Оно представляет собой критический инструмент в разработке теоретических и практических основ освобождения пролетариата от системы капиталистической эксплуатации.

Литература

1. Адон. Под руководством идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новой эпохе,

стремление управлять и вести всю молодежь в направлении полного строительства социалистического модернизированного государства и единой борьбы является центральной задачей. Доклад XIX Всекитайского съезда КСМК. – URL: https://19th.gqt.org.cn/yw/202306/t20230625_14606141.htm. (дата обращения: 29.06.2024).

- Афонин Ю.В. «Дух красной лодки» живет в современном Китае. – URL: <https://kprf.ru/international/new-world/160324.html>. (дата обращения: 29.06.2024).
- Безрук А.А. Политическая мобилизация как фактор динамики политического процесса: теоретический аспект // ВІСНИК СЕВНТУ. 2013. № 145. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22896877&ysclid=lxzlyrltch606278619> (дата обращения: 29.06.2024).
- Баранов Н.А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-politicheskoe-uchastie-kak-forma-politicheskoy-mobilizatsii> (дата обращения: 29.06.2024).
- Газета «Женьминьжибао». По всей стране насчитывается 74,167 миллиона членов Коммунистической лиги молодежи. – URL: <https://www.peopleapp.com/column/30044697906-500005366613>.
- Газета «Правда». Как живут в социалистическом Китае. Репортаж с «круглого стола» в газете «Правда». – URL: <https://kprf.ru/international/110337.html>. (дата обращения: 29.06.2024).
- Государственное статистическое управление. Ситуация с организацией Коммунистической лиги молодежи. – URL: https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztsj/hstjnj/sh2007/202303/t20230303_1926005.html.
- Джеймс Р. Таунсенд, Брэнтли Вомак. Китайская политика. -Наньцзин: Народное издательство Цзянсу, 1996 год. издания.
- Зюганов Г.А. О задачах по усилению роли КПРФ в воспитании молодёжи. – URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/179725.html>. (дата обращения: 29.06.2024).
- Кукарцева М.А. Политический активизм. Особенности стратегий современной политической мобилизации // Обозреватель – Observer. 2017. № 5 (328). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskii-aktivizm-osobennosti-strategiy-sovremennoy-politicheskoy-mobilizatsii> (дата обращения: 29.06.2024).
- Китайский молодежный исследовательский центр. Отчет о развитии молодежи Китая в новом веке (2000–2010): Развитие и характеристики молодежных организаций и молодежное участие. – URL: http://www.cycrc.org.cn/kycg/qnyj/202208/t20220803_110914.html.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 4. – М: Издательство политической литературы, 1967.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 30. – М: Издательство политической литературы, 1973.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 31. – М: Издательство политической литературы, 1969.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 39. – М: Издательство политической литературы, 1970.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 41. – М: Издательство политической литературы, 1981.

17. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Том V. – Пекин: издательство «Вайвэнь чубаньшэ», 1977.
18. Си Цзиньпин. О работе партии с молодежью. – Пекин: Издательство центральной литературы, 2022.
19. Sofia Graziani. Youth and the Making of Modern China: A Study of the Communist Youth League's Organisation and Strategies in Times of Revolution (1920–1937). *European Journal of East Asian Studies*. Vol. 13, No. 1 (2014), pp. 117–149 (33 pages). DOI: 10.1163/15700615–01301008.
20. ЦК КСМК. Данные статистического мониторинга развития молодежи. – URL: https://www.gqt.org.cn/xxgk/qnfz/202209/t20220921_789722.htm.
3. Bezruk A.A. Political mobilization as a factor in the dynamics of the political process: theoretical aspect // *VISNIK SEVNTU*. 2013. No. 145. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22896877&ysclid=lxzlyrltch606278619> (date of access: 29.06.2024).
4. Baranov N.A. Digital political participation as a form of political mobilization // *Caspian region: politics, economics, culture*. 2020. No. 3 (64). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-politicheskoe-uchastie-kak-forma-politicheskoy-mobilizatsii> (date of access: 29.06.2024).
5. Renminribo newspaper. There are 74.167 million members of the Communist Youth League throughout the country. – URL: <https://www.peopleapp.com/column/30044697906–500005366613>.
6. Pravda newspaper. How they live in socialist China. Report from the round table in the Pravda newspaper. – URL: <https://kprf.ru/international/110337.html>. (Accessed: 06/29/2024).
7. State Statistics Office. The situation with the organization of the Communist Youth League. – URL: https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztsj/hstjnj/sh2007/202303/t20230303_1926005.html.
8. James R. Townsend, Brantley Womack. Chinese policy. – Nanjing: Jiangsu People's Publishing House, 1996. editions.
9. Zyuganov G.A. On the tasks of strengthening the role of the CPRF in the education of youth. – URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/179725.html>. (date of access: 06/29/2024).
10. Kukartseva M.A. Political activism. Features of strategies of modern political mobilization // *Observer – Observer*. 2017. No. 5 (328). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskii-aktivizm-osobennosti-strategiy-sovremennoy-politicheskoy-mobilizatsii> (date of access: 06/29/2024).
11. China Youth Research Center. Report on China's Youth Development in the New Century (2000–2010): Development and Characteristics of Youth Organizations and Youth Participation. – URL: http://www.cycrc.org.cn/kycg/qnyj/202208/t20220803_110914.html.
12. Lenin V.I. Complete Works in 55 volumes. Vol. 4. – M: Political Literature Publishing House, 1967.
13. Lenin V.I. Complete Works in 55 volumes. Vol. 30. – M: Political Literature Publishing House, 1973.
14. Lenin V.I. Complete Works in 55 volumes. Vol. 31. – M: Political Literature Publishing House, 1969.
15. Lenin V.I. Complete Works in 55 volumes. Vol. 39. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1970.
16. Lenin V.I. Complete Works in 55 volumes. Vol. 41. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1981.
17. Mao Zedong. Selected Works. Volume V. – Beijing: Waiwen Chubanshe Publishing House, 1977.
18. Xi Jinping. On the Party's Work with the Youth. – Beijing: Central Literature Publishing House, 2022.
19. Sofia Graziani. Youth and the Making of Modern China: A Study of the Communist Youth League's Organisation and Strategies in Times of Revolution (1920–1937). *European Journal of East Asian Studies*. Vol. 13, No. 1 (2014), pp. 117–149 (33 pages). DOI: 10.1163/15700615–01301008.
20. Central Committee of the KSMK. Data of Statistical Monitoring of Youth Development. – URL: https://www.gqt.org.cn/xxgk/qnfz/202209/t20220921_789722.htm.

POLITICAL MOBILISATION OF YOUTH: THE EXPERIENCE OF THE COMMUNIST YOUTH LEAGUE OF CHINA AND ITS POTENTIAL FOR DISSEMINATION OF EXPERIENCE

Li Zhouru, Isakov V.P.

Lomonosov Moscow State University, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

This study is dedicated to the analysis of the political mobilization experience of the Communist Youth League of China and the assessment of its dissemination potential. The role of the CYLC as a key actor in the process of political mobilization of youth based on Marxist-Leninist ideology is examined. The logical structure and main content of the political mobilization of the CYLC, including its subjects, goals, objects, and methods, are analyzed. Four main lessons of the CYLC's political mobilization work are highlighted: adherence to the central work of the CPC, respect for the subjectivity of youth, renewal of mobilization methods, and the implementation of self-revolution. Modern limitations in the development of the CYLC's experience, related to the reduction of organizational scales and changes in political status, are considered. The dissemination of the basic experience of the CYLC in the context of proletarian internationalism and its perception by leftist youth organizations in other countries is analyzed. The importance of this experience for the revival of the international communist movement is emphasized.

Keywords: Political mobilization, Communist Youth League of China, Marxism-Leninism, Proletarian internationalism

References

1. Adon. Under the leadership of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era, striving to manage and lead all the youth in the direction of all-round construction of a socialist modernized country and a united struggle is the central task. Report of the 19th National Congress of the KSMK. – URL: https://19th.gqt.org.cn/yw/202306/t20230625_14606141.htm. (Accessed: 29.06.2024).
2. Afonin Yu.V. «The Spirit of the Red Boat» Lives in Modern China. – URL: <https://kprf.ru/international/new-world/160324.html>. (Accessed: 29.06.2024).

Мамараев Руслан Магомедсаламович,

научный сотрудник, Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН
E-mail: ruslan070@inbox.ru

Целью статьи является изучение муниципальной реформы в Республике Дагестан на современном этапе. В рамках исследования получены результаты, что реформа отразилась в виде непрямого избрания главы республики, который должен пройти муниципальный фильтр. Данный фильтр трудно будет пройти кандидату не из партии власти, малых, новых оппозиционных партий, новым молодым лидерам и самовыдвиженцем. Очередные преобразования на уровне муниципальной власти заключались в отмене прямых выборов глав муниципальных образований, которые были инициированы главой республики, желающий получить контроль над городскими и районными муниципалитетами и увеличить свои властные полномочия. Новым этапом реформы института муниципальных образований явился проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который предусматривает сокращение местной власти на уровне сельских поселений.

Ключевые слова: реформа института муниципальных образований; муниципальный фильтр; выборы глав муниципалитетов.

Выборы глав регионов и муниципальный фильтр

Выборы всех уровней любой страны традиционно являются объектом исследовательского интереса. Выборы являются показателем легитимности власти и отражают общественно-политическую и социальную ситуацию. С 2004 года в России были отменены всенародные выборы глав субъектов Российской Федерации, а с января 2012 года у граждан России вновь появляется право участвовать в прямых выборах главы своего региона. В соответствии с законом кандидаты на должность главы субъекта РФ выдвигаются политическими партиями. При этом партия вправе выдвинуть как партийного, так и беспартийного россиянина. Кроме того, баллотироваться на пост главы субъекта РФ могут граждане России старше 30 лет в порядке самовыдвижения, если такая норма будет прописана в региональном законе.

Возврат к прямым выборам глав регионов стал одним из главных шагов, сделанным в рамках политической реформы в современной истории России. Прямые выборы глав субъектов является объективной современной исторической потребностью развития политической системы России, которая обозначилась в конце 2011 начале 2012 г.

Из потребности в повышении легитимности региональной власти посредством прямых выборов вытекает другая объективная потребность для обеспечения стабильности политической системы – чтобы от избирательной кампании ограждать деструктивных кандидатов, ослабляющие политическую систему страны. С учетом значимости региональных выборов федеральная власть заинтересована в фильтрующем механизме, который мог бы обеспечить преемственность отношений региональной власти с федеральным центром и дать страховку от прихода к руководству потенциально деструктивного кандидата. Партии в целом не заинтересованы в участии в выборах самовыдвиженцев, в обход партийной системы.

Так называемый муниципальный фильтр (кандидат на пост главы региона должен заручиться поддержкой 5–10% глав и депутатов муниципальных образований) не в полной мере отвечает ожиданиям политических партий [4, 5, 13]. Крупные партии, представленные в Государственной думе РФ или парламенте региона, сторонники облегчения процедуры выдвижения своих кандидатов и отмену муниципального фильтра. Для оппозиционных и новых политических партий муниципальный фильтр является трудным препятствием.

Федеральная власть и региональные элиты заинтересованы в сохранении инструментов управления избирательным процессом в регионе, с этим связано появление в федеральном законе президентского и муниципального фильтра.

После принятия закона о прямых выборах глав регионов руководители северокавказских субъектов РФ обратились к федеральной власти с просьбой отменить прямые выборы глав регионов в Северо-Кавказском Федеральном Округе, т.к., прямые выборы глав в регионе могут привести к накалу общественно-политической ситуации, ухудшению социально-экономического положения, разжиганию межрегиональной розни и к угрозе безопасности. Чтобы избежать подобных неприятностей,

предлагалось вернуться к прежней модели: депутаты регионального парламента предлагают Президенту России две-три кандидатуры на пост главы региона, после чего за одобренных президентом претендентов голосуют в местном законодательном собрании. Президент России Владимир Путин одобрил данную инициативу, после чего начался пересмотр политической реформы, которая была проведена после массовых протестных акций 2011–2012 годов. Были приняты поправки к федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов власти субъектов РФ». Таким образом, со 2 апреля 2013 года регионам было дано право выбрать способ избрания главы региона – прямым голосованием или избираться депутатами регионального парламента, для этого субъекту надо будет принять свой региональный закон. Данные поправки были приняты накануне выборов глав республик Дагестана и Ингушетии 8 сентября 2013 года.

18 апреля 2013 года на 23-й сессии Народного Собрания Республики Дагестан (НС РД) был рассмотрен проект закона Республики Дагестан «О внесении изменений в Конституцию Республики Дагестан», который предлагал внесения изменений связанные с возможностью избрания высшего должностного лица республики депутатами законодательного органа власти. Данные изменения были приняты депутатами НС РД, по которым главу республики Дагестан будут выбирать депутаты НС РД. Предлагать кандидатуру главы республики будут политические партии, а самовыдвиженцев не будет.

В связи с принятыми поправками к закону о всенародных выборах глав регионов РФ на политическом и общественном уровне страны развернулось активное обсуждение данного закона. Одни придерживались мнения, что должна быть единая прямая выборная система глав субъектов РФ и не должно быть двойственности, другие, что в национальных республиках страны необходимо отказаться от прямых выборов глав регионов, чтобы избежать потенциальной опасности межэтнических конфликтов.

Автором был проведен массовый соцопрос на данную тему, согласно которому большинство опрошенных считают, что глава Дагестана должен заручиться поддержкой муниципальных депутатов, т.к. муниципальный фильтр пройдут достойные кандидаты, но также выразили опасение, что от муниципального фильтра будущий глава республики может попасть в зависимость от муниципальной власти, поэтому выразили отрицание данной процедуре; наиболее значимыми выборами являлись выборы Президента Российской Федерации и Главы Дагестана, глав городов и районов, глав сел; отношение к выборам у респондентов выразилось следующим образом: Не верю в честность выборов в России, от моего голоса ничего не зависит, в любом случае будет фальсификация – 50%. Не верю в честность выборов, но считаю, что все равно нужно ходить на выборы, отстаивать свои права, позиции, поддерживать тех, кому отдаешь предпочтение. Так можно добиться успеха – 38%. Не верю в честность выборов в Дагестане, от моего голоса ничего не зависит, в любом случае будет фальсификация – 20%. Верю в честность выборов в России, что мой голос имеет значение и повлияет на результат выборов, ими можно изменить жизнь к лучшему – 12%. Верю в честность выборов в Дагестане, что мой голос имеет значение и повлияет на результат выборов, ими можно изменить жизнь к лучшему – 7%; на предложение о возвращении на всенародных выборах графу «Против всех» лидирует положительное мнение, т.к. она тоже должна отражать позицию народа. Чтобы власть и политические деятели активно работали с народом, боролись за каждого изби-

рателя, выполняли свои обязательства. У народа будет способ влияния на власть – 60%. Отрицательного мнения по данному вопросу придерживаются по причине того, что в ней нет необходимости – 26% и из-за нее могут аннулировать выборы, т.к. эта графа может набирать больше всего процентов, это приведет к лишнему затягиванию выборов и больших бюджетных расходов – 14%; большинство придерживаются, что нужно установить минимальное количество людей (минимальную явку избирателей), которые должны прийти на любые всенародные выборы, чтобы они считались состоявшимися, т.к. власть и политические деятели должны будут активно работать с населением, стремиться привлечь к выборам избирателей, а для этого они должны будут выполнять свои обязательства перед народом, у народа будет способ влияния на власть – 38% и по причине того, что в выборах большинство граждан должно принимать решение, это придает большую законность результатам выборов – 19%. Отрицательного мнения придерживаются по причине, что на выборы могут не прийти те, кого все устраивает, им живется хорошо, из-за этого не будет достигнута необходимая явка избирателей и выборы будут считаться несостоявшимися – 24% и если нижний порог явки избирателей не будет достигаться, то выборы будут несостоявшимися, а это приведет к лишнему затягиванию выборов и большим бюджетным расходам – 19%; при установлении минимальной явки избирателей, которые имеют право голосовать, чтобы выборы считались состоявшимися, респонденты считают, что должно прийти 80% от общего числа избирателей – 26%, далее 70% избирателей – 23%, 55% избирателей – 15%, 65% избирателей – 12%, 75% избирателей – 13%, 60% избирателей – 11%; явку людей на выборах респонденты предлагают считать по спискам учета пришедших людей на избирательных участках – 56%, по бюллетеням из избирательных ящиков – 34%, по бюллетеням выданным избирателям – 10% [9].

Отмена выборов глав муниципальных образований в РД

Избирательную реформу на современном этапе в Республике Дагестан на уровне муниципальных образований инициировал назначенный 28 января 2013 года глава республики Рамазан Абдулатипов. Законопроект об отмене прямых выборов глав муниципальных образований в Дагестане был инициирован главой республики, желающий получить инструмент воздействия на власти городского и районного уровня. В сентябре 2014 года Народное Собрание Дагестана приняло законопроект «О порядке формирования представительных органов муниципальных районов Республики Дагестан и избрания глав муниципальных образований Республики Дагестан». Согласно принятому законопроекту, главы муниципальных образований будут избираться городскими и районными собраниями депутатов из своего состава.

Официальная позиция дагестанских депутатов заключалась в том, что законопроект разработан в целях приведения республиканского законодательства в соответствие с федеральным законом. Но федеральный закон предлагает регионам самим определиться со способом формирования местных органов власти – это может быть прямое тайное голосование или через формирование представительных органов власти, которые потом будут выбирать своего руководителя [11, 12].

Выступивший на сессии парламента глава республики Рамазан Абдулатипов заявил, что закон необходим ему для увеличения своих властных полномочий в отношении муниципалитетов. С одной стороны, глава реги-

она – сам назначаемый и снимаемый человек и от него очень много требуется. С другой стороны 131-й федеральный закон «О местном самоуправлении» дает много полномочий главам муниципальных образований [14]. Получается ситуация, что глава республики не может влиять на муниципалитеты, но он несет ответственность за все происходящее в республике. Глава республики также заявил, что ранее главы муниципалитетов на местах занимались лишь решением собственных проблем, а сельские общества были раздроблены, велась междоусобная борьба на выборах.

Данная законодательная инициатива не исходит из федерального уровня, а местная инициатива руководства Дагестана. Это политическое решение, попытка республиканских властей усилить свое влияние в республике путем назначения своих кандидатов в органы местного самоуправления, что позволит главе республики на свое усмотрение формировать муниципальную власть. Нет убежденности в том, что данная инициатива позволит главе Дагестана результативно управлять муниципальными районами республики. С одной стороны, данный закон может дать главе республике законный инструмент влияния на муниципалитеты, в которых он сможет привести к руководству своих людей и формировать органы местного самоуправления, которые будут лояльно ему настроены, а это имеет большое значение при муниципальном фильтре на пост главы республики. С другой стороны, данный закон может создать трудности для самого главы республики, т.к. он не сможет влиять на тех глав муниципальных образований, которые оппозиционно настроены в отношении главы республики и имеют весомый авторитет и контролируют свой район.

Предполагается, что толчком к принятию данного закона было продиктовано событиями в одном из районов Дагестана, в котором глава администрации района отказался уйти в отставку. Что вызвало желание главы республики контролировать всю ситуацию в республике.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что отмена прямых выборов дает главе республики доступ к земельным, финансовым ресурсам, которые прежде были в распоряжении глав муниципалитетов. В условиях Дагестана недостаток земли при большом спросе на нее вызывает различные конфликты.

Серьезный недостаток закона заключается в том, что он ограничивает избирательные права дагестанцев, которые были заложены в федеральном законе, население республики лишается последней избирательной возможности голосовать за республиканскую исполнительную власть [7]. В то же время закон усиливает роль муниципальных депутатов представительных органов и глав муниципальных образований.

В ходе проведения автором массовых социологических исследований по данной теме перед респондентами был поставлен вопрос «Как в Дагестане должны становиться главой города и района?». В первую очередь респонденты считают, что они должны избираться народом – 66%; далее назначаться главой Республики Дагестан – 19%; Глава Республики Дагестан представляет кандидатуры, а избирают муниципальные депутаты – 10%; избирать муниципальными депутатами – 5% [9]. Также респонденты выразили свою поддержку независимым кандидатам и малым партиям в том, что им должна быть дана возможность избираться депутатами в законодательные органы власти – 49,7%, т.к. независимые кандидаты тоже должны иметь возможность избираться в депутаты – 35,4%. Депутатами Госдумы, НС РД и муниципалитетов должны быть только члены партий – 8,5%. Единичные независимые депутаты мало чего могут добиться, вместо них эффективней малые партии (от 500 чел.) – 6,4% [10].

Федеральная реформа института муниципальных образований

Очередным этапом реформы института муниципальных образований новейшей истории России, явился проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который с конца 2021 года и по сегодняшний день проходит обсуждения и этапы принятия в федеральных и региональных законодательных органах власти. Данный закон должен прийти на смену Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1, 2, 3, 8]. Законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» предусматривает сокращение местной власти на уровне сельских поселений. Согласно проекту, останется три вида муниципальных образований: городской и муниципальный округ, внутригородская территория в городах федерального значения [6].

18 января 2022 года депутаты НС РД в ходе седьмой сессии большинством голосов одобрили проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». В самом начале парламентарии опровергли опасения о начале массовой ликвидации сел и населенных пунктов республики и заверили, что, согласно данному закону, в Республике Дагестан не будет упразднен ни один населенный пункт и не будет массовых сокращений сотрудников муниципальных администраций. На базе муниципалитетов будут образованы муниципальные округа, внутри которых уже не будет самостоятельных сельских поселений. Сельские поселения перекавалифицируются в территориальные отделы администрации муниципального округа, которые будут заниматься всеми вопросами местного значения. Для организации взаимодействия органов местного самоуправления и жителей сельского поселения будет выбран на сходах граждан представитель села – староста, функция которого будет сводиться в связующем звене между гражданами и муниципальной властью. Старосты будут только в небольших населенных пунктах, где нет сельских администраций. Согласно законопроекту, возрастает ответственность главы муниципалитета перед главой субъекта РФ. Руководитель региона вправе объявить выговор за неэффективное исполнение своих полномочий, а если в течение месяца не будут устранены причины объявления выговора, глава субъекта РФ может отправить в отставку главу муниципалитета за низкие показатели эффективности.

29 мая 2024 года глава республики в послании Народному Собранию Республики Дагестан Сергей Меликов объявил о начале реформы территориальной системы местного самоуправления. Главой Дагестана было объявлено, что в республике вместо муниципальных районов должны быть образованы округа, создание муниципальных округов необходимо для экономии бюджетных средств и эффективности управления, главой республики было обозначено решение проблем с землями отгонного животноводства. Согласно муниципальной реформе, в столице Дагестане городе Махачкала будут ликвидировано внутренне деление на три муниципальных района, т.к. город не носит статус федерального значения, но предполагается расширение границ города и создание Махачкалинско-Каспийской агломерации.

У сельских жителей и представителей сельсоветов республики, процесс упразднения сельских поселений вызвала серьезные опасения, что сельскую часть республики ждёт ухудшение социально-экономического

положения и как результат отток населения из сельской местности, особенно горной, на равнину и в города, что повлечет вымирание малых сел. У сельских жителей возникнут трудности бытового характера, возникнет очередная управленческая неразбериха, связанная с разделом сфер влияния.

Законопроект выстраивает логичную единую систему вертикали публичной власти, которая включает государственную власть и органы местного самоуправления, которые до поправок в Конституцию России были разделены, но при этом органы местного самоуправления выполняли функции исполнительной власти.

Выводы

Объективной современной исторической потребностью развития политической системы России является проведение внутренних политических реформ на уровне региональной и муниципальной исполнительной власти. Данные реформы получили развитие в Республике Дагестан в виде непрямого избрания главы республики, который должен пройти муниципальный фильтр, когда кандидат на пост главы региона должен заручиться поддержкой 5–10% глав и депутатов муниципальных образований. Данный фильтр создает определенные трудности для крупных федеральных партий, т.к. их кандидат может не пройти данный фильтр в конкурентной борьбе между собой. А для молодых политических и оппозиционных партий, новых молодых лидеров, самовыдвиженцев, муниципальный фильтр практически непреодолим. Также действующая региональная политическая элита теоретически получила возможность ограничить влияние федерального центра и федеральных политических сил на ход избирательной кампании главы региона, не пропуская федеральных кандидатов через муниципальный фильтр.

Очередные преобразования в Дагестане на уровне муниципальной власти заключались в отмене прямых выборов глав муниципальных образований, которые были инициированы главой республики, желающий получить политический инструмент воздействия на власти городского и районного уровня, увеличить свои властные полномочия и на свое усмотрение формировать муниципальную власть. С одной стороны, данный закон может дать главе республике законный инструмент влияния на муниципалитеты, куда он сможет поставить на значимые посты лояльных ему людей и сформировать органы местного самоуправления. Это немаловажно при муниципальном фильтре на пост главы республики, который можно использовать в качестве непреодолимого препятствия для серьезных политических конкурентов. С другой стороны, данный закон может создать трудности для самого главы республики, т.к. он не сможет влиять на тех глав муниципальных образований, которые оппозиционно настроены в отношении главы республики и имеют весомый авторитет и влияние в своем муниципальном районе. Законопроект ограничил избирательные права дагестанцев, которые были заложены в федеральном законе. Отмена прямых выборов глав муниципалитетов дает главе республики доступ к земельным, финансовым ресурсам, которые прежде были в распоряжении главы муниципалитетов. В условиях Дагестана недостаток земли при большом спросе на нее вызывает множество различных конфликтов.

При этом в самом дагестанском обществе считают, что глава Дагестана должен заручиться поддержкой муниципальных депутатов, т.к. муниципальный фильтр пройдут достойные кандидаты, но также выражают опасение, что от муниципального фильтра будущий глава республики может попасть в зависимость от муници-

пальной власти, по этой причине выразили и отрицательное отношение данной процедуре; наиболее значимыми выборами являются выборы Президента Российской Федерации и Главы Республики Дагестан, глав муниципальных образований всех уровней; главы города и района должны избираться народом; не считают, что депутатами Госдумы, НС РД и муниципалитетов должны быть только члены партий, поддерживают независимых кандидатов и малые партии; при всем желании принимать участие в прямых выборах главы республики и глав муниципальных образований, чем лишен дагестанский электорат на сегодняшний день, в дагестанском обществе отсутствует вера в честность выборов в России и Дагестане, но при этом считают, что все равно нужно ходить на выборы, отстаивать свои права, позиции, поддерживать тех, кому отдаешь предпочтение, так можно добиться успеха. По причине недоверия к процедуре проведения всенародных выборов поддерживают вариант подсчета явки людей на выборах производить по спискам учета пришедших людей на избирательных участках, меньше доверия подсчета по бюллетеням из избирательных ящиков, по бюллетеням выданным избирателям, самое минимальное доверие. Поддерживают возвращение на всенародных выборах графу «Против всех» т.к. она тоже отражает позицию народа; поддерживают установление минимальной явки избирателей на всех прямых выборах, чтобы они считались состоявшимися, а минимальная явка избирателей на выборах должна составлять 70–80% от числа избирателей. Считают, что эти меры будут способствовать тому, чтобы власть и политические деятели активно работали с народом, выполняли свои обязательства, у народа будет законное, мирное, демократическое влияние на власть.

Очередным этапом реформы института муниципальных образований новейшей истории России, явился проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который предусматривает сокращение местной власти на уровне сельских поселений. Согласно законопроекту, останется три вида муниципальных образований: городской и муниципальный округ, внутригородская территория у городов федерального значения.

Данная муниципальная реформа в республике вызвала опасения у сельских жителей и представителей сельсоветов, что с принятием и введением в силу этого законопроекта сельскую часть республики ждёт ухудшение социально-экономического положения, у сельских жителей возникнут трудности бытового характера и как результат отток населения из горной сельской местности, что повлечет вымирание малых сел.

В своей сути законопроект выстраивает необходимую единую систему вертикали публичной власти, которая включает государственную власть и органы местного самоуправления, которые до поправок в Конституцию России были разделены, но при этом органы местного самоуправления выполняли функции исполнительной власти. Данная муниципальная реформа устанавливает в стране единую иерархическую систему публичной власти с установленной ответственностью муниципальной власти перед региональной, а региональная власть в свою очередь несет ответственность перед федеральной. Исключает возможность проведения собственных отличительных муниципальных реформ в каждом субъекте, которые, как показывает практика, порой имеют неоднозначный характер. В то же время, новую муниципальную реформу на местах необходимо реализовывать с учетом региональных особенностей каждого региона.

Литература

1. Аннин А.Г., Чирикин В.А., Ледащев С.В., Петров А.М., Шаханов В.В. Институт местного самоуправления в единой системе публичной власти (мнения и позиции на проект федерального закона № 40361–8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти») // *Аграрное и земельное право*. 2022. № 3 (207). С. 85–91.
2. Власов В.А., Норкин В.И., Норкина Д.А. Некоторые аспекты сравнительного анализа проекта федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в российской Федерации» // *Аграрное и земельное право*. 2022. № 7 (211). С. 37–41.
3. Дементьев А.Н., Матвеев М.Н. Прогнозные последствия реформы местной власти, предложенной проектом федерального закона № 40361–8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // *Местное право*. 2022. № 6. С. 13–26.
4. Дресвянин Д.А. Муниципальный фильтр: проблемы и практика применения // *Уральский журнал правовых исследований*. 2020. № 4 (11). С. 83–95.
5. Долгих Ф.И. Муниципальный фильтр на региональных выборах: проблемные точки и правовые параметры оптимизации // *Избирательное законодательство и практика*. 2019. № 2. С. 15–19.
6. Задорина М.А. Муниципальные образования и их виды в свете конституционной реформы основ территориальной организации местного самоуправления // *Юридические исследования*. 2021. № 10. С. 87–101.
7. Какителашвили М.М. Мониторинг избирательного законодательства: тенденция к ограничению избирательных прав граждан // *Мониторинг правоприменения*. 2019. № 4 (33). С. 41–45.
8. Козлова Н.В. Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти (по проекту федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти») // *Современное право*. 2022. № 4. С. 38–44.
9. Мамараев Р.М. Исследование вовлеченности молодежи в политические процессы Дагестана: на примере выборов главы республики // *Социально-гуманитарные знания*. 2022. № 6. С. 185–187.
10. Мамараев Р.М. Политические взгляды молодежи на процесс формирования представительных и законодательных органов власти на региональном уровне: на примере Республики Дагестан // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 12. С. 211–215.
11. Михайлова В.А. Отмена прямых выборов глав муниципальных образований в России: проблемы, перспективы, последствия // *Научные исследования XXI века*. 2022. № 3 (17). С. 166–170.
12. Муфазалова Я.И., Аминов И.Р. Проблематика отмены прямых выборов глав муниципальных образований в Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 12–4 (63). С. 128–131.
13. Цечоев В.К., Чеботарева А.А. «Муниципальный фильтр» как элемент правового механизма замещения должности главы субъекта Российской Фе-

дерации // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2022. № 6. С. 21–26.

14. Якадин Д.Д. Коллизии делегирования полномочий на различных уровнях государственной власти // *Юридическая техника*. 2017. № 11. С. 719–722.

MUNICIPAL REFORM IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN AT THE PRESENT STAGE

Mamaraev R.M.

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

The purpose of the article is to study the municipal reform in the Republic of Dagestan at the present stage. The results of the study showed that the reform was reflected in the form of indirect election of the head of the republic, who must pass the municipal filter. It will be difficult for a candidate not from the ruling party, small, new opposition parties, new young leaders and self-nominated candidates to pass this filter. The next changes at the level of municipal government consisted in the abolition of direct elections of heads of municipalities, which were initiated by the head of the republic, who wanted to gain control over city and district municipalities and increase his powers. A new stage in the reform of the institution of municipalities was the draft Federal Law «On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority», which provides for the reduction of local government at the level of rural settlements.

Keywords: reform of the institution of municipalities; municipal filter; elections of heads of municipalities.

References

1. Annin A.G., Chirikin V.A., Ledashchev S.V., Petrov A.M., Shakhonov V.V. Institute of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority (opinions and positions on the draft federal law No. 40361–8 “On the General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Authority”) // *Agrarian and Land Law*. 2022. No. 3 (207). P. 85–91.
2. Vlasov V.A., Norkin V.I., Norkina D.A. Some aspects of the comparative analysis of the draft federal law “On the General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Authority” and the federal law of 06.10.2003 No. 131-FZ “On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation” // *Agrarian and Land Law*. 2022. No. 7 (211). P. 37–41.
3. Dementyev A.N., Matveyev M.N. Forecast consequences of the local government reform proposed by the draft federal law No. 40361–8 “On the general principles of organizing local self-government in a unified system of public authority” // *Local law*. 2022. No. 6. P. 13–26.
4. Dresvyanin D.A. Municipal filter: problems and practice of application // *Ural journal of legal research*. 2020. No. 4 (11). P. 83–95.
5. Dolgikh F.I. Municipal filter in regional elections: problem areas and legal parameters for optimization // *Electoral legislation and practice*. 2019. No. 2. P. 15–19.
6. Zadorina M.A. Municipalities and their types in light of the constitutional reform of the foundations of territorial organization of local self-government // *Legal studies*. 2021. No. 10. Pp. 87–101.
7. Kakitelashvili M.M. Monitoring of electoral legislation: the tendency to limit the electoral rights of citizens // *Monitoring of law enforcement*. 2019. No. 4 (33). Pp. 41–45.
8. Kozlova N.V. Local government bodies in a unified system of public authority (according to the draft federal law “On the general principles of organizing local self-government in a unified system of public authority”) // *Modern law*. 2022. No. 4. Pp. 38–44.
9. Mamaraev R.M. Study of youth involvement in political processes in Dagestan: on the example of the elections of the head of the republic // *Social and humanitarian knowledge*. 2022. No. 6. P. 185–187.
10. Mamaraev R.M. Political views of young people on the process of forming representative and legislative bodies of power at the regional level: on the example of the Republic of Dagestan // *Social and humanitarian knowledge*. 2023. No. 12. P. 211–215.

11. Mikhailova V.A. Abolition of direct elections of heads of municipalities in Russia: problems, prospects, consequences // Scientific research of the XXI century. 2022. No. 3 (17). P. 166–170.
12. Mufazalova Ya.I., Aminov I.R. Problems of abolition of direct elections of heads of municipalities in the Russian Federation // International journal of humanitarian and natural sciences. 2021. No. 12–4 (63). P. 128–131.
13. Tsechoev V.K., Chebotareva A.A. “Municipal filter” as an element of the legal mechanism for replacing the position of the head of a constituent entity of the Russian Federation // State power and local self-government. 2022. No. 6. Pp. 21–26.
14. Yakadin D.D. Collisions of delegation of powers at various levels of government // Legal technique. 2017. No. 11. Pp. 719–722.

Маслюк Дмитрий Сергеевич,

аспирант кафедры политических процессов и технологий факультета международных отношений и геополитики АНО ВО «УМЦ им. В.В. Жириновского»
E-mail: dmitry.masluk@yandex.ru

В статье приводится перечень теоретических подходов к методологии политического анализа, которые применимы для исследования избирательных кампаний. Представлено комплексное рассмотрение таких подходов как бихевиористский, дискурсный, математический, инструментальный, институциональный. Формируется фокус внимания на методе вторичных данных и контент-анализе. Теоретические положения сопровождаются актуальными примерами из практик избирательных кампаний. Статья может быть использована как методический материал для учащихся учебных заведения, а также выступать в качестве основы для эмпирических исследований. С одной стороны, затронутые методы могут применяться в анализе избирательных кампаний в целом. С другой же позиции, каждый из приведенных подходов может стать основанием для выявления более подробных черт и особенностей методологии. В частности, приведенные разновидности дискурс-анализа (семантический анализ образа, синтаксический аспект анализа образа и прагматический аспект анализа образа) могут являться основанием новых теоретических положений. В статье формируется вывод, что только комплексное использование приведенных методологических подходов в анализе избирательных кампаний может приблизить исследователя к большей объективности так как в ряде методов (особенно качественных) существует фактор субъективизма. Кроме того, выбор конкретного метода напрямую зависит от поставленной цели исследования.

Ключевые слова: избирательная кампания, методы политического исследования, методология.

Введение

Политическая реальность характерна быстро изменяющимися процессами, которые требуют своевременно и качественного анализа. Правильное применение необходимых методик отличает исследователя политологии от субъекта, рассуждающего на политические темы. В статье указываются три основных уровня анализа: теоретико-фундаментальный, инструментально-эмпирический и прикладной. В материале приведены основные положения теоретических подходов, находящихся на стыке наук и актуальные в контексте анализа избирательного процесса: поведенческий, дискурсный, институциональный, инструментальный, математический; теория сопровождается актуальными примерами из политических практик. В начале статьи приводятся общие положения о методологии и описывается широкий перечень всевозможных теоретических подходов к методам исследования, затем вычлняются некоторых из них для более детализированного описания. Данное исследование затрагивает обобщённый вектор о дискурсе политической методологии не только в избирательных кампаниях, но и в политических процессах в целом.

Литературный обзор. В вопросах методологии статья опирается на труды таких авторов как Ю.В. Ирхин, В.С. Комаровский, Ю. Курносов, В.С. Сычёва, С.В. Расторгуев, О.Н. Басов, А.В. Стрельникова, А.М. Кучинов, Р.Т. Мухаев и др.

Содержание

В одной из трактовок Ю. Курносова термин «методология» подразумевает целостную совокупность подходов, принципов, инструментария (методов, методик, способов и средств обработки информации), правил работы с категориальным аппаратом [9, с. 613].

В.С. Комаровский отметил, что по оценкам отечественных и зарубежных ученых в настоящее время насчитывается более 150 методов прогнозирования, которые допустимо разделить на 2 условные категории: формализованные и интуитивные. К формализованным относятся: группа методов экстраполяции, группа системно-структурных методов, группа ассоциативных методов, группа методов опережающей информации. К интуитивной категории относится группа методов индивидуальной экспертной оценки, группа методов коллективной экспертной оценки, группа методов аналитических документов, метод написания сценариев политических ситуаций [8, с. 344].

С точки зрения политологической науки Ю.В. Ирхин, в свою очередь, выделил три основных уровня анализа: теоретико-фундаментальное направление (охватывает базовые концептуальные исследования политической среды, объяснение, экспликация, выводы и прогнозы имеют долгосрочный характер); инструментально-эмпирическая направленность: методики сбора и описания информации, выбор техники исследования, систематизация и обработка первичных данных; прикладной уровень: поиск конкретных решений в интересах заказчика, прогноз носит оперативный характер для тактических целей [5, с. 72–80]. Автор выделял следующие подходы: исторический, институциональный, сравни-

тельный, структурно-функциональный, системный, психологический, поведенческий (бихевиоризм), социальный, культурологический, синергетический, дискурсный, антропологический. Исторический подход подразумевает изучение политики прошлого и её связи с настоящим. Институциональный – анализ институтов, с помощью которых реализуется политическая деятельность: общественно-политические организации, органы власти и т.п. Сравнительный подход предполагает сопоставление явлений и процессов и выявление среди них особенного. Структурно-функциональный анализ представляет общество как систему, включающую в себя устойчивые элементы, а также способы связей между этими элементами. Системный подход строится на изучении сложной, саморегулирующей системы, у которой есть «вход» и «выход» в общество, функции, периоды активности и распада, преобразования. Психологический подход нацеливает на исследование зависимости политического поведения от их индивидуальных качеств: субъективный фактор принятий решений, бессознательные психические процессы в связке с политической средой, психологическая мотивация. Поведенческий (бихевиоризм) предполагает изучение политики посредством конкретных исследований политического поведения, его типизации и моделирования, особое значение уделяется количественным методам. Культурологический подход рассматривает политику через призму культурных факторов (как пример: учёт тенденций модерна и постмодерна в политике). Синергетический подход фокусируется на непредсказуемых процессах, нарушающие общую закономерность, рассматривает субъективное и случайное не как второстепенное или побочное, а как существенные аспекты. Дискурсный анализ подразумевает использование смыслового кода: анализ письменного, речевого, образного проявления (анализ документов, интервью, дебатов, выступлений и бесед). Антропологический рассматривает генезис политики через развитие человека [6, с. 370].

Таким образом политология, как наука, отличается междисциплинарной спецификой. Социологический аспект проявляется в использовании поведенческого подхода, лингвистическое основание лежит в дискурсном анализе, психологический фактор проявляется на примере определения мотивации избирателя и действий политических акторов. В монографии Л.Е. Ильичёвой и В.С. Комаровского политология рассматривается в междисциплинарном контексте через экономику – рассматривается термин «экономическая политология» в качестве изучения широкого спектра проблем политической науки в ракурсе взаимодействия экономики и политики, рынка и гражданского общества [4, с. 240]. Поэтому использование конкретных методов политического анализа напрямую зависит от той плоскости, в которой происходит непосредственный анализ политической реальности. В данной статье фокус внимания сфокусирован на подходах и методиках, актуальных для анализа избирательной кампании.

В стратегии избирательной кампании необходимо выявить проблему, которая интересна для населения конкретного региона; учесть соотношение разных социальных интересов, в основе которых лежит изучение структуры политического рынка в пределах своего избирательного округа. Р.Т. Мухаев приводил 3 основные стадии построения стратегии: анализ прошлой практики, выявление ценностной, проблемной, политической, поведенческой и мотивационной сегментации избирателя, разработка плана-графика кампании [11, с. 378]. При оценке предпочтений избирателей или в прогнозе рейтингов политических акторов в бихевиоризме допусти-

мо использовать общеизвестные количественные (анкетирование), качественные (интервьюирование, фокус-группа, метод экспертных оценок) методы. Особенно актуальны эти методы на первом этапе стратегии построения избирательной кампании (ценностная, поведенческая сегментация избирателя). Однако в данных методах значимый фактор – наличие должных ресурсов исследователя (финансовых, коммуникативных, политических и т.п.). Так необходима репрезентативная выборка в случае анкетирования, соответствующий уровень экспертизы при интервьюировании и при экспертных оценках, ответственный контингент участников фокус-групп. При отсутствии ресурсов в применении указанных методик результаты исследования могут оказаться ошибочными. Однако в бихевиористской парадигме существуют методы, требующие минимальных ресурсных затрат.

Метод вторичных данных. По мнению В.С. Сычёвой основа такого анализа строится на максимально полной информации о самих исследованиях. Важно знать объём выборки, временную характеристику объекта исследования, метод сбора информации. (информация, как правило, публикуется на официальных сайтах социологических центров). Необходимо наличие значительного числа интегральных характеристик исследования. Распространённым заблуждением является апелляция к вторичным данным без всякого представления о выборке, а также в какой форме проводился первичный социологический опрос. (частичное цитирование СМИ о результатах соцопросов). Таким образом метод вторичных данных характеризуется анализом уже известных социологических материалов с учётом новой исследовательской цели и новых задач [14, с. 128–131]. А.В. Стрельникова, в свою очередь, отметила, что основной целью вторичного анализа является поиск закономерностей и связей между индикаторами: метод характеризуется сравнением данных нескольких исследований для открытия научной новизны. При этом крайне важно провести отбор релевантных массивов, а также необходимо аргументированно обосновать выбранные данные для анализа [12, с. 30–43]. Следует отдельно подчеркнуть, что главным преимуществом вторичного метода заключается в значительном экономии времени и ресурсов при проведении исследования.

В избирательных кампаниях метод вторичных данных широко применим при анализе рейтингов политических партий, лидеров, а также при построении прогнозов. Тем более, что политическая практика знает примеры, когда вторичные данные совпадали с итогами голосования. Так, например, за 2 недели до выборов в Государственную Думу РФ 2021 г. ВЦИОМ опубликовал результаты опроса, согласно которым КПРФ набрёт 18% голосов [16]. Итоги выборов показали, что партия набрала 18,9%. [2] Однако вторичные данные применяются не только в качестве методики исследования, но и выступают в ключе манипулятивно-политической технологии избирательного процесса, когда СМИ обнаруживают, искажают, интерпретируют опросы общественного мнения в необходимом политическом контексте: придать кандидату наибольший политический вес через обнаружение высоких цифр его рейтинга или же дискредитировать политического актора, регулярно представляя его низкий рейтинг в обществе и т.п. Отчасти поэтому статья 46 № 67-ФЗ, в свою очередь, запрещает обнаруживать опросы общественного мнения, связанные с выборами за 5 дней до дня голосования и до момента окончания голосования [1].

Дискурсный анализ подразумевает исследование текстов через изучение языковых форм, концептов и метафор, исследуется речь в контекстах социальных

категорий, коммуникативных стратегиях, речи акторов с определенным социальным статусом, речевые особенности тех или иных социальных групп в тех или иных социальных контекстах, исследуется конструирование повседневного мира в дискурсе. Ю.В. Ирхин подчеркнул, что в социолого-этическом ракурсе анализ дискурса связан с общественными нормами, правилами, ценностями. С точки зрения структуралистского анализа исследователей интересуют языковые черты дискурса: стилистика, способ рассуждения, тематика, способ убеждения [7]. Если политик в ходе избирательного процесса не учитывает контекст, в котором пребывает, то стратегия не приведёт к должному результату. Так один и тот же программный тезис партии может иметь совершенно разную смысловую интерпретацию в восприятии потенциальных избирателей в зависимости от доминирующих вопросов в сегменте. И.В. Фомин, в свою очередь, провёл классификацию приёмов использования дискурс-анализа: семантический анализ образа, синтаксический аспект анализа образа и прагматический аспект анализа образа [15, с. 124–137]. Раскрытие каждого из разновидностей дискурс-анализа заслуживает отдельного исследования.

Контент-анализ. Контент-анализ – совокупность исследовательских методик, применяемых в гуманитарных науках для анализа содержания текстов, речи, изображений, видео-аудио материалов, других продуктов коммуникаций, имеет две разновидности: качественный и количественный. Количественный – выявление частоты употребления разных слов/единиц анализа с последующей интерпретацией данных, качественный направлен на выявление основных категорий содержания [17]. Контент-анализ особенно актуален при анализе деятельности СМИ в избирательном процессе, при анализе политических дебатов, при изучении программы кандидатов и т.п. В политологии применяется с высокой частотой. В качестве примера выступает новость о количестве упоминаний России на теледебатах избирательной кампании США. Так Д. Трамп упомянул Россию 9 раз, а Президента России В.В. Путина – 12. Тогда как К. Харрис 5 раз упомянула Украину, 4 раза Президента России и 2 раза Россию. На предыдущих дебатах с Д. Байденом Д. Трамп упомянул Россию 16 раз [18]. Интерпретация приведённых показателей может быть разнообразной в зависимости от цели исследования. Однако на предварительном этапе построения выводов уже допустимо утверждать о значимости внешнеполитической повестки для потенциального избирателя США так как повторяющееся многократное повторение политическим деятелем той или иной темы, особенно в ходе выборов, свидетельствует о запросе темы в электоральном сегменте.

Инструментальный подход. Для политических аналитиков может быть использован с точки зрения корректной интерпретации действий политических субъектов, их целей и последствий [3, с. 48–60]. Иными словами, речь идёт о постановке возможной цели актора, затем анализ всевозможных инструментов и ресурсов политического субъекта, которые он потенциально может использовать или использует. На следующем этапе выстраиваются предположения-гипотезы последствий использования тех или иных инструментов. На этом этапе в качестве вспомогательного компонента могут быть использованы теории из смежных дисциплин в т.е. из социальной психологии, а также рассмотрение исторического опыта. Кроме того, следует оценить политические условия и среду, в которой находится актор и насколько она сопрягается с историческим опытом прошлого [3, с. 48–60]. Данный подход допустимо спроецировать на избира-

тельную кампанию в выявлении возможных целей политических акторов: анализ тактики, действия, инструмента политического кандидата в контексте выявления его потенциальной цели, стратегии и спектр возможностей. В этом отношении можно проследить какой тип СМК использует политический субъект с целью донесения информации до своего избирателя. Если это преимущественно традиционные печатные СМИ, то возможно выстроить гипотезу-предположение, что идёт ориентирование на возрастную электрорат, если же, наоборот, агитация происходит преимущественно в социальных сетях, то формируем иное предположение. Следует отметить, что инструментальный метод можно применять в связке с институциональным подходом – анализ институтов, с помощью которых реализуется политическая деятельность посредством технологий и инструментария. Институциональный подход особенно актуален при анализе конкурентов, как пример: есть политическая партия как институт, следует проанализировать какие общественные институты с ней связаны и каким они обладают политическим весом, влиянием; подобных сценариев может быть множество.

В анализе избирательных кампаний допустимо использовать математический подход. Существует множество формул, применимых в политологии, приведём кратко некоторые из них. С.В. Расторгуевым приведена теорема разнообразия со следующей формулой:

$$(\bar{M} - V)^2 = \sum_{i=1}^N \frac{(M_i - V)^2}{N} - \sum_{i=1}^N \frac{(M_i - \bar{M})^2}{N},$$

где M_i — это прогноз i -й модели, \bar{M} — среднее значений моделей, а V — истинное значение.

Приведено 4 социологических организаций с прогнозом результатов выборов по поводу потенциально возможного набора процентов политической партии на выборах в Государственную Думу 2021. Среди анализируемых партий: Единая Россия, КПРФ, ЛДПР, СРЗП. После расчёта по данной формуле формируется вывод о том, что средний результат 4-ых прогнозов равен конечному результату, а две социологические организации отклонились от прогноза примерно на 14% [13, с. 16–24].

А.М. Кучинов, в свою очередь, привёл формулу, которая касается дискурс-анализа (Переменная референциальной интенсивности):

$$D = \frac{1p + 2n + 3po + 4d + 5sp + 6m}{t}$$

где: p – стёртые метафоры, n – метафоры природы, po – политические, интеллектуальные, d – смерти и бедствия, sp – игровые и спортивные, m – болезни, t – количество метафор.

Полученные данные допустимо затем исследовать по разным теориям дискурса [10, с. 80–96] А.М. Кучинов продемонстрировал, что даже в дискурсном анализе есть математические расчётные методики, что говорит о комплексной взаимосвязи гуманитарных и технических подходов. Тематика математического подхода в политических процессах, в т.ч., в избирательных кампаниях – также отдельное направление для новых исследовательских заключений.

Заключение

Таким образом приведён широкий перечень исследовательских подходов и методов, применимых не только в избирательном процессе, но и в политологии в целом. Более подробно рассмотрен метод вторичных данных,

как метод, требующий минимальных ресурсных затрат: характеризуется анализом уже известных социологических материалов с учётом новой исследовательской цели и новых задач. При применении важно знать объём выборки, временную характеристику объекта исследования, метод сбора информации. Также был рассмотрен метод контент-анализа дифференцирующийся на качественный и количественный – совокупность исследовательских методик, применяемых в гуманитарных науках для анализа содержания текстов, речи, изображений, видео-аудио материалов, других продуктов коммуникаций, имеет две разновидности: качественный и количественный. Установлено, что количественный контент-анализ – выявление частоты употребления разных слов/единиц анализа с последующей интерпретацией данных, тогда как качественный направлен на выявление основных категорий содержания, качественную фиксацию их в массиве информации. Также установлено, что дискурсивный анализ может быть актуален в исследовании политических процессов и подразделяется на такие разновидности как семантический анализ образа, синтаксический аспект анализа образа и прагматический аспект анализа образа. Изложен инструментальный подход в ключе выявления возможной цели актора через анализ всевозможных инструментов и ресурсов политического субъекта, а также институциональный подход в контексте анализа специфики задействованных институтов в политическом процессе. Поведенческий подход также особенно актуален в разрезе анализа избирательной кампании: типизация и моделирования политического поведения посредством эмпирических методов исследования. Затронута тематика взаимосвязи гуманитарных и математических дисциплин в политологическом анализе. Так в дискурсивном анализе допустимо использовать соответствующие формулы. Комплексное использование приведённых методологических подходов позволяет минимизировать значения фактора субъективизма и в политологии, и в социально-гуманитарных науках, а также способствовать снижению рисков неправильно совершённых прогнозов в избирательных кампаниях и в политических процессах в целом.

Литература

1. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ [Электронный ресурс] / Консультант-плюс. 1999–2022. – Электрон. дан. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/5855150a3243ff90107d515b418b19b7f1d166a0/ (дата обращения: 01.03.2024).
2. Об установлении общих результатов выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва [Электронный ресурс] / ЦИК России, – Электрон, дан. – Режим доступа: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (26.09.2024).
3. Басов, О.Н. Инструментальный подход к анализу политических процессов в контексте развития методов политической науки / Басов, О.Н. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2020. – С. 48–60.
4. Ильичева Л.Е. Комаровский В.С. Предметное поле экономической политологии / Л.Е. Ильичева, В.С. Комаровский. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 240 с.
5. Ирхин Ю.В. Методология и методика современного политического анализа: подходы и проблемы / Ирхин, Ю. В. // Вопросы методологии. Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Выпуск 6–2012 – С. 72–80.
6. Ирхин Ю.В. Политология / Ю.В. Ирхин, – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 370 с.
7. Ирхин, Ю.В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование / Ирхин Ю.В. // – Социально-гуманитарные знания. – 2014.
8. Комаровский В.С. Политология / В.С. Комаровский. – М.: Юрайт, 2017. – 344 с.
9. Курносов Ю.В. Аналитика как интеллектуальное оружие / Ю.В. Курносов. – М.: РУСАКИ, 2012. – 613 с.
10. Кучинов А.М. Подходы и методики для исследования текстов и дискурса в политологии: опыт классификации / Кучинов А.М. Полис. Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 80–96.
11. Мухаев Р.Т. Политология / Р.Т. Мухаев. – М.: Проспект, 2017. – С. 378.
12. Стрельникова, А.В. Вторичные данные как информационный ресурс: специфика и порядок работы / Стрельникова А.В. // Вестник РГГУ. Серия «Социология». – 2010. – № 3. – С. 30–43.
13. Расторгуев, С.В. Использование математических методов в политических исследованиях / Расторгуев, С.В // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. № 3. – 2022. С. 16–24.
14. Сычева, В.С. Метод вторичного анализа / Сычева В.С. – Социологические исследования. – 2010. – № 11. – С. 128–131.
15. Фомин, И.В. Возможности анализа репрезентаций государственных образований в политических дискурсах (на примере образа Косова). / Фомин И.В. // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 124–137.
16. За две недели до выборов: политические индикаторы [Электронный ресурс] / ВЦИОМ, – Электрон, дан. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/za-dve-nedeli-do-vyborov-politicheskie-indikatory> (01.10.2024)
17. Научное издательство «Большая российская энциклопедия», контент-анализ, – Электрон, дан. – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2093200> (дата обращения: 07.04.2024).
18. Раскрыто число упоминаний России и Путина на дебатах Трампа и Харрис – Электрон, дан. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2024/09/11/raskryto-chislo-upominaniy-rossii-i-putina-na-debatah-trampa-i-harris/?ysclid=m1yqooh966964256544> (дата обращения: 07.04.2024).

METHODOLOGY OF POLITICAL ANALYSIS ELECTION CAMPAIGNS

Maslyuk D.S.
V.V. Zhirinovsky UMC

The article provides a list of theoretical approaches to the methodology of political analysis that are applicable to the study of election campaigns. A comprehensive review of such approaches as behavioral, discourse, mathematical, instrumental, and institutional is presented. The author focuses on the secondary data method and content analysis. Theoretical provisions are accompanied by relevant examples from the practices of election campaigns. The article can be used as a teaching material for students of an educational institution, and also serve as a basis for new research. On the one hand, the methods mentioned can be used in the analysis of election campaigns in general. On the other hand, each of the approaches given requires a separate study to identify more detailed features and characteristics. Thus, the given types of discourse analysis (semantic analysis of an image, syntactic aspect of image analysis and pragmatic aspect of image analysis) can be the basis for new the-

oretical provisions. The article concludes that only the comprehensive use of the given methodological approaches in the analysis of election campaigns can bring the researcher closer to greater objectivity, since a number of methods have a subjectivity factor. In addition, the choice of a specific method directly depends on the stated objective of the study.

Keywords: election campaign, methods of political research, methodology.

References

1. Federal Law «On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation» dated 12.06.2002 N 67-FZ [Electronic resource] / Consultant Plus. 1999–2022. – Electronic data. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/5855150a3243ff90107d515b418b19b7f1d166a0/ (date of access: 01.03.2024).
2. On the establishment of the general results of the elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the eighth convocation [Electronic resource] / Central Election Commission of Russia, – Electronic, data. – Access mode: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (09.26.2024).
3. Basov, O.N. Instrumental approach to the analysis of political processes in the context of the development of political science methods / Basov, O. N. // Bulletin of the Tula State University. Humanities. – 2020. – P. 48–60.
4. Ilyicheva L.E. Komarovskiy V.S. Subject field of economic political science / L.E. Ilyicheva, V.S. Komarovskiy. – M.: Publishing house «Aspect Press», 2018. – 240 p.
5. Irkhin Yu.V. Methodology and methods of modern political analysis: approaches and problems / Irkhin, Yu. V. // Questions of methodology. Problem analysis and public administration design. Issue 6–2012 – P. 72–80.
6. Irkhin Yu.V. Political Science / Yu.V. Irkhin, – M.: Yurait Publishing House, 2019. – 370 p.
7. Irkhin, Yu.V. Discourse Analysis: Essence, Approaches, Methodology, Design / Irkhin Yu. V. // – Social and Humanitarian Knowledge. – 2014.
8. Komarovskiy V.S. Political Science / V.S. Komarovskiy. – M.: Yurait, 2017. – 344 p.
9. Kurnosov Yu.V. Analytics as an Intellectual Weapon / Yu.V. Kurnosov. – M.: RUSAKI, 2012. – 613 p.
10. Kuchinov A.M. Approaches and methods for studying texts and discourse in political science: an attempt at classification / Kuchinov A.M. Polis. Political studies. – 2016. – No. 5. – P. 80–96.
11. Mukhaev R.T. Political science / R.T. Mukhaev. – M.: Prospect, 2017. – P. 378.
12. Strelnikova, A.V. Secondary data as an information resource: specifics and procedure of work / Strelnikova A.V. // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Sociology». – 2010. – No. 3. – P. 30–43.
13. Rastorguev, S.V. Use of mathematical methods in political research / Rastorguev, S. V // Bulletin of Tula State University. Humanities. № 3. – 2022. P. 16–24.
14. Sycheva, V.S. Method of secondary analysis / Sycheva V.S. – Sociological research. – 2010. – № 11. – P. 128–131.
15. Fomin, I.V. Possibilities of analysis of representations of state entities in political discourses (on the example of the image of Kosovo). / Fomin I.V. // Polis. Political research. – 2014. – № 2. – P. 124–137.
16. Two weeks before the elections: political indicators [Electronic resource] / VTsIOM, – Electron, dan. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/za-dve-nedeli-do-vyborov-politicheskie-indikatory> (01.10.2024)
17. Scientific publishing house «Great Russian Encyclopedia», content analysis, – Electron, dan. – Access mode: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2093200> (date of access: 07.04.2024).
18. The number of mentions of Russia and Putin in the Trump-Harris debates has been revealed – Electron, dan. – Access mode: <https://lenta.ru/news/2024/09/11/raskryto-chislo-upominaniy-rossii-i-putina-na-debatah-trampa-i-harris/?ysclid=m1yqooh966964256544> (date accessed: 04/07/2024).

Современная российская политическая элита: механизмы отбора и каналы рекрутирования

Проскурина Елена Александровна,

д-р полит. наук, проф., проф. кафедры, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Дала»
E-mail: plamenik48@gmail.com

Формирование и функционирование современной политической элиты в России представляют собой актуальную проблему, поскольку эффективность её работы напрямую влияет на стабильность, качество государственного управления. Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа механизмов отбора, каналов рекрутирования элиты на фоне действия социальных, экономических, правовых факторов. Целью исследования является выявление особенностей её образования, дифференциации по уровням, анализ существующих подходов к её изучению, выработка рекомендаций относительно последующих изысканий (с учётом авторского видения ближайших перспектив развития элиты). В процессе работы автором выявлены противоречия в научных публикациях. Одни исследователи отмечают результативность существующих систем отбора, другие же подчеркивают их закрытость, недостаточную прозрачность, а также низкую степень социальной мобильности. На основе обзора литературы удалось прийти к выводу, что требуется принимать во внимание современные вызовы, в том числе, цифровизацию, усиление общественного контроля. Также обозначена потребность в дальнейшем изучении роли молодых поколений в процессе рекрутирования и влияния партийных структур на развитие политической системы. Статья будет полезна политологам, социологам, представителям органов власти, всем, кто занимается вопросами государственного управления, обеспечения кадрового резерва.

Ключевые слова: механизмы отбора, партии, политическая элита, рекрутирование, социальная мобильность, трансформация, управление.

Введение

Понятие политической элиты играет центральную роль в изучении соответствующей системы любого государства, поскольку она выступает в качестве ключевого субъекта управления, формирует стратегические ориентиры развития, а также непосредственно воздействует на принятие решений. В контексте России данное явление приобретает особое значение, учитывая уникальные исторические, социокультурные, институциональные предпосылки формирования власти. Именно поэтому многие учёные обращаются к анализу современной российской политической элиты, её структуры, характеристик, динамики.

В России, где процессы отбора, рекрутирования элиты сочетают элементы исторически сложившихся практик и современных механизмов, сохраняются проблемы закрытости системы, низкой социальной мобильности, недостаточной транспарентности. Это затрудняет привлечение компетентных специалистов и приспособление политической системы к новым вызовам. Проблема исследования заключается в необходимости анализа существующих вариантов отбора, их влияния на структуру, качество элиты, а также выработки рекомендаций относительно последующих изысканий.

Методы и материалы

При подготовке статьи использованы сравнительный анализ, синтез, систематизация информации, обобщение. Из обзора источников обнаруживается, что многие авторы сосредотачиваются на теоретическом осмыслении политической элиты, её структуры, функций, а также роли в системе власти. Например, Е.С. Слива [9] выделяет системный подход, рассматривая исследуемую категорию как часть более широкой социальной структуры с характерными свойствами. В свою очередь, К.В. Степанов [10] анализирует взаимосвязь понятий «политическая элита» и «политическое лидерство», уделяя пристальное внимание проблемам девиации соответствующих групп и их влиянию на уровень легитимности власти.

Исторический дискурс занимает центральное место в труде М.Д. Стоколоса [11]. Автор делает упор на характеристике изменений политических институтов – в контексте исторических вызовов. И.С. Палитай [7] проводит статусно-ролевой анализ поколений российской элиты, выявляя различия в управленческих стилях.

Ряд публикаций посвящён изучению общественных условий формирования элиты. В.М. Очирова [6] подчеркивает значение конституционно-правовых норм в её развитии, отмечая их влияние на процесс рекрутирования, легитимации. О.А. Коряковцева [4] анализирует проблематику социальной ответственности как инструмента модернизации, структурных реформ, указывая на необходимость усиления этих функций в российском обществе.

Механизмы отбора, каналы рекрутирования освещаются в работах А.Ю. Кувалдина [5], Н.А. Козловой [3]. Авторы выделяют формальные и неформальные варианты, в том числе, партийную схему, личные связи, как важ-

нейшие звенья. Помимо этого, рассматриваются особенности формирования элиты в постсоветский период, акцентируется внимание на трансформации критериев, по которым производится отбор. В.В. Завирухин [2] сосредотачивается на стратегическом целеполагании, что демонстрирует новый взгляд на внутренние противоречия.

Анализ взаимодействия федеральной и региональной элит представлен в работе В.Ю. Разумовского [8]. Автор высвечивает место «партии власти» в выстраивании отношений между различными уровнями, выделяя ключевые расхождения, а также перспективы.

Социально-политические трансформации в увязке с обсуждаемой темой охарактеризованы А.В. Войтовым [1]. Он указывает на то, что изменения в обществе требуют соответствующей адаптации механизмов отбора, однако сохранение закрытых, непрозрачных процедур ограничивает эффективность этих процессов.

Итак, обзор материалов, литературы показывает, что основные подходы к изучению российской политической элиты включают системный, исторический, социологический, правовой аспекты. Однако в публикациях фиксируются противоречия. Одни авторы [1, 5] отмечают эффективность существующих механизмов рекрутирования, другие [3, 8] высказываются в пользу их закрытости, недостаточной адаптации к возникающим вызовам.

Слабо освещённой остаётся проблематика влияния цифровизации, современных технологий на отбор, а также интеграции молодых специалистов.

Результаты и обсуждение

Обращаясь к рассмотрению теоретических основ, целесообразно отметить, что в политической науке элита определяется как относительно небольшая группа людей, обладающая несоразмерно большими ресурсами влияния на общество [2]. Базовыми подходами к её изучению являются концепции классической элитологии (В. Парето, Г. Моска), теории демократического плюрализма, структуралистские идеи [11]. Ситуация в России вписывается в рамки всех перечисленных направлений и работ, но её специфические черты требуют адаптации применяемых методологических инструментов.

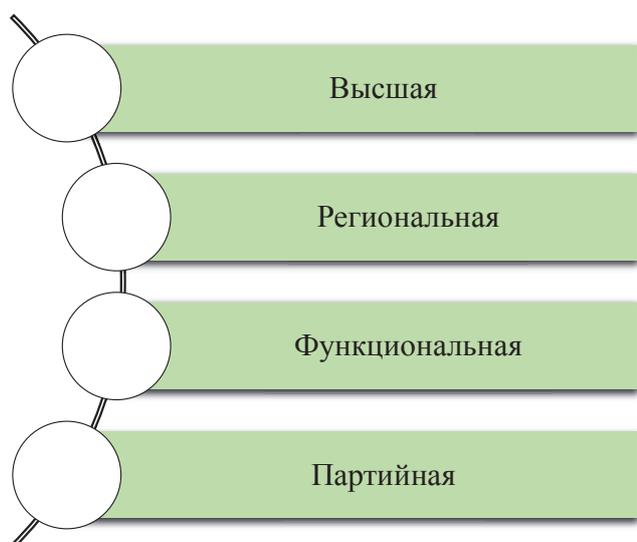

Рис. 1. Выделение групп политической элиты (составлено автором на основе [4, 6, 7, 9])

Прежде всего, следует подчеркнуть, что в условиях постсоветского периода трансформация характеризуемой элиты в РФ была обусловлена сменой социально-

экономической парадигмы, реформами политической системы, приспособлением к глобальным вызовам. Она обладает ярко выраженной многоуровневой структурой. Её уместно условно дифференцировать на такие группы (рис. 1):

Так, высшее звено, представленное руководством государства, включая президента, премьер-министра, членов правительства, руководства силовых ведомств, – определяет основные направления внутренней и внешней политики.

Выделяется также региональная – губернаторы, руководители субъектов Федерации и т.д. Они выступают как посредники между федеральным центром и местными интересами.

Функциональный уровень состоит из руководства крупных государственных корпораций, образовательных, научных, медицинских учреждений, а также представителей судебной системы.

Наконец, весьма значимо категорией является партийная элита, которая играет определяющую роль в выстраивании общественно-политического консенсуса, мобилизации электората, структурировании активности.

Каждая из рассмотренных выше групп связана иерархическими и горизонтальными отношениями, характеризующимися как конкуренцией, так и координацией действий.

Переходя к более конкретизированному описанию характеристик, необходимо отметить, что российская политическая элита обладает рядом уникальных черт, обусловленных историческими, институциональными факторами. Среди них:

- высокий уровень централизации;
- закрытость рекрутинга;
- ограниченная сменяемость;
- интеграция предпринимательства и политики.

Так, в России характеризуемая элита подчиняется сильной вертикали власти, что содействует консолидации её усилий, но одновременно снижает уровень автономности нижестоящих звеньев. Вхождение в значительной степени определяется личными связями, принадлежностью к определённым сетевым структурам, лояльностью к действующему руководству.

Несмотря на декларацию демократических принципов, политическая элита в РФ демонстрирует устойчивость позиций её ключевых представителей. Это сопряжено с особенностями культуры, институциональной среды.

Влияние крупного капитала на формирование описываемой элиты остаётся значительным, что отражает нюансы российского государственного капитализма [7].

Современная ситуация, обсуждаемая в статье, складывается на фоне многоплановых вызовов. К ним относятся:

- глобальная напряжённость, приводящая к необходимости укрепления суверенитета, мобилизации ресурсной базы;
- внутренние социально-экономические проблемы, в том числе, неравенство, снижение доходов населения, дисбаланс между регионами;
- технологические затруднения, требующие модернизации управленческих процессов, вкуче с адаптацией к условиям цифровой трансформации.

Ответом на обозначенные выше вызовы стали попытки элиты выработать новые механизмы взаимодействия между государственными структурами и обществом.

Далее следует перейти к описанию механизмов отбора. Они перечислены на рисунке 2.

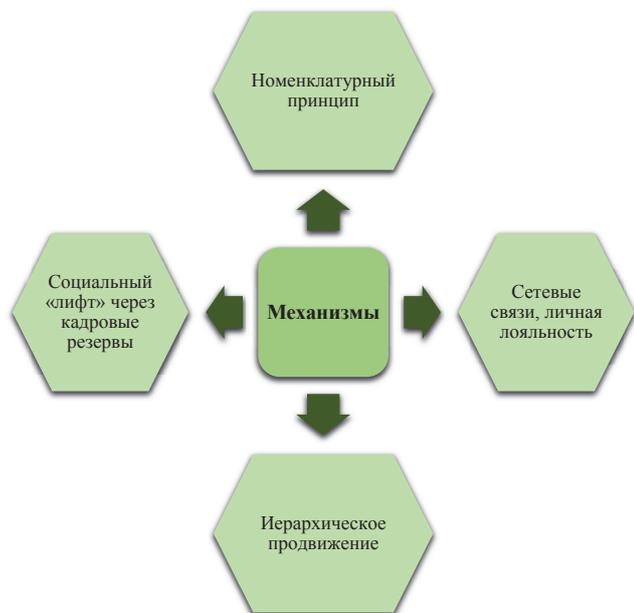

Рис. 2. Систематизация механизмов отбора (составлено автором на основе [4, 6, 7, 8, 9])

Так, номенклатурный подход восходит к советской эпохе, когда ключевые должности распределялись через централизованное партийное руководство. В условиях современности он трансформировался в практику назначения, при которой ключевые решения по кандидатам принимаются на уровне федеральной власти.

Весьма значимую роль в отборе играют личные контакты, что приводит к формированию устойчивых кланов, а также групп влияния. Критерием выбора становится не только профессиональная компетенция, но и демонстрация преданности высшему руководящему звену.

Существуют возможности для карьерного роста внутри системы – через постепенное продвижение по управленческим ступеням. Это характерно для представителей силовых структур, органов государственной власти, партийного аппарата.

С начала 2000-х годов в РФ активно внедряются практики формирования «кадрового резерва». Программы вроде «Лидеры России» или инициатива по отбору молодых специалистов из регионов на управленческие должности создают институционализированные механизмы отбора.

Что касается каналов рекрутирования политической элиты, то возможны следующие варианты (рис. 3):

Рис. 3. Обозначение каналов рекрутирования (составлено автором на основе [3, 5])

Так, основным каналом остаётся партия власти – «Единая Россия». Через её структуры осуществляется

подготовка и выдвижение кандидатов в законодательные, исполнительные органы.

В свою очередь, представители силового блока (так называемая «силовики») составляют значительную часть элиты. Их карьерный путь зачастую начинается в правоохранительных органах, спецслужбах либо вооружённых силах.

Крупные госкомпании, к примеру, «Газпром», «Роснефть», «Ростех», выступают в качестве важнейшей площадки для подготовки политических элит. Их руководители деятельно привлекаются к управлению государством.

Представители академического сообщества, ведущих вузов иногда занимают высокие посты, особенно в сферах образования, науки, культуры. Однако их численность в рассматриваемой элите достаточно ограничена.

Организации наподобие «Молодая гвардия Единой России» и форумы («Селигер») выполняют функции социального «лифта» для начинающих политиков.

С порой на анализ современных материалов, источников [4, 6, 7, 8, 9] сформулирован авторский взгляд на ближайшую перспективу российской политической элиты (таблица 1).

Таблица 1. Тенденции развития и перспективы политической элиты в РФ (составлено автором)

Направление	Описание
Усиление вертикальной интеграции	Сохранение жёсткой модели управления позволит минимизировать риски, которые сопряжены с внешними и внутренними вызовами.
Ограниченная либерализация политической системы	Возможны точечные реформы, ориентированные на расширение общественного участия, но без утраты контроля со стороны властных структур.
Профессионализация элиты	Постепенное привлечение технических специалистов, а также экспертов в ключевые управленческие структуры.
Акцент на национальные интересы	В условиях геополитической нестабильности российская политическая элита продолжит укреплять позиции государства на международной арене.

Далее предлагается сформулировать рекомендации относительно последующих исследований.

Так, необходимо комплексное изучение механизмов отбора. Очень значима системная оценка эффективности существующих методов рекрутирования. Важно изучить, как институционализированные схемы (например, кадровые резервы) воздействуют на качество принимаемых решений, адаптацию элиты к вызовам времени.

Среди предложений касательно дальнейших изысканий определяющая роль нами отводится региональному аспекту. Соответствующие элиты занимают ключевое место в российской политике, но их влияние на федеральный уровень остаётся недостаточно изученным. Будет полезным понять, каким образом взаимодействие между федеральным и региональным звеньями в рассматриваемой области отражается на принятии стратегических решений.

Цифровизация, интеграция аналитических систем изменяют процесс отбора кадров. В перспективе изучение потенциала искусственного интеллекта, больших данных в оптимизации данных процессов станет актуальной областью исследования.

В дополнение к отмеченному, рекомендуется сосредоточиться на выявлении препятствий, которые ограничивают доступ представителей разных общественных групп к элите. Это позволит сформулировать действенные предложения по повышению социальной справедливости в процессе рекрутирования.

Наконец, оценивание и характеристика сходств и различий в процессах формирования политических элит в России и других странах (например, в Китае или государствах ЕС) поможет обнаружить универсальные и специфические элементы.

Выводы

Современная российская политическая элита представляет собой сложный, многоуровневый феномен, отражающий специфику жизни страны. Её развитие проходит под влиянием как внутренних, так и внешних детерминант, что требует постоянного обновления теоретических подходов к изучению. Осознание структуры, динамики функционирования даёт возможность глубже понять особенности современного российского политического устройства, а также прогнозировать направления его эволюции.

Изучение механизмов отбора, рекрутирования элиты имеет ключевое значение для осмысления устойчивости, эффективности политической системы. С учётом серьёзных глобальных вызовов, необходимости модернизации управления качественный состав элиты становится определяющим фактором. Будущие научные изыскания в данной области позволят содержательно наполнить концептуальные наработки.

Литература

1. Войтов А.В. Роль политических элит в период социально-политических трансформаций / А.В. Войтов // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград: 2022. – С. 8–12.
2. Завирюхин Д.В. Стратегическое целеполагание в дискурсе политической элиты России / Д.В. Завирюхин // Русская политология. – 2023. – № 4 (29). – С. 38–43.
3. Козлова Н.А. Некоторые особенности рекрутирования российской постсоветской политической элиты / Н.А. Козлова // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 1. – С. 79–86.
4. Коряковцева О.А. Социальная ответственность политической элиты как импульс модернизации России / О.А. Коряковцева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1 (62). – С. 162–167.
5. Кувалдин А.Ю. Способы рекрутирования политической элиты в современной России / А.Ю. Кувалдин // Политические горизонты прошлого и современности: глобальное и региональное измерения. Материалы Всероссийской конференции. – Тверь: 2024. – С. 82–84.
6. Очирова В.М. Конституционно-правовые нормы как фактор эволюции российской политической элиты / В.М. Очирова // Современное право. – 2022. – № 1. – С. 29–34.
7. Палитай И.С. Современная российская политическая элита: статусно-ролевой анализ поколений / И.С. Палитай // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 5 (102). – С. 105–116.

8. Разумовский В.Ю. Российская «партия власти» и региональная политическая элита – интересы, противоречия, перспективы / В.Ю. Разумовский // Сравнительная политика. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 38–54.
9. Слива Е.С. Системные основания структуры, свойств и функций политических элит / Е.С. Слива // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13. – № 8–1 (96–1). – С. 3722–3734.
10. Степанов К.В. Концепты «политическая элита» и «политическое лидерство» в контексте проблемы девиации элитного уровня власти / К.В. Степанов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 3. – С. 190–196.
11. Стоколос М.Д. Политические институты Российской Федерации в контексте исторического дискурса позиционирования политических элит / М.Д. Стоколос // Endless Light in Science. – 2020. – № 2–1. – С. 26–32.

MODERN RUSSIAN POLITICAL ELITE: SELECTION MECHANISMS AND RECRUITMENT CHANNELS

Proskurina E.A.

Vladimir Dahl Luhansk State University

The formation and functioning of the modern political elite in Russia is an urgent problem, since the effectiveness of its work directly affects the stability and quality of public administration. The relevance of the topic is due to the need to analyze the mechanisms of selection, channels of elite recruitment against the background of social, economic, and legal factors. The purpose of the study is to identify the features of its education, differentiation by levels, analysis of existing approaches to its study, and development of recommendations for subsequent research (taking into account the author's vision of the near-term prospects for the development of the elite). In the process of work, the author revealed contradictions in scientific publications. Some researchers note the effectiveness of existing selection systems, while others emphasize their closeness, lack of transparency, and low degree of social mobility. Based on the review of the literature, it was possible to come to the conclusion that it is necessary to take into account modern challenges, including digitalization, strengthening of public control. There is also a need for further study of the role of young generations in the recruitment process and the influence of party structures on the development of the political system. The article will be useful for political scientists, sociologists, representatives of government authorities, anyone who deals with issues of public administration, ensuring the personnel reserve.

Keywords: selection mechanisms, parties, political elite, recruitment, social mobility, transformation, management.

References

1. Voitov A.V. The role of political elites in the period of socio-political transformations / A.V. Voitov // Socio-political development of Russia as a complex problem of humanitarian knowledge. Materials of the VIII All-Russian Scientific and practical conference. – Volgograd: 2022. – pp. 8–12.
2. Zaviryukhin D.V. Strategic goal-setting in the discourse of the political elite of Russia / D.V. Zaviryukhin // Russian Political Science. – 2023. – No. 4 (29). – Pp. 38–43.
3. Kozlova N.A. Some features of recruiting the Russian post-Soviet political elite / N.A. Kozlova // Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. – 2020. – No. 1. – pp. 79–86.
4. Koryakovtseva O.A. Social responsibility of the political elite as an impulse of modernization of Russia / O.A. Koryakovtseva // The Caspian region: politics, economics, culture. – 2020. – No. 1 (62). – Pp. 162–167.
5. Kuvaldin A. Yu. Ways of recruiting the political elite in modern Russia / A. Yu. Kuvaldin // Political horizons of the past and modernity: global and regional dimensions. Materials of the All-Russian Conference. – Tver: 2024. pp. 82–84.

6. Ochirova V.M. Constitutional and legal norms as a factor in the evolution of the Russian political elite / V.M. Ochirova // *Modern law*. – 2022. – No. 1. – pp. 29–34.
7. Palitai I.S. Modern Russian political elite: status and role analysis of generations / I.S. Palitai // *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences*. – 2020. – No. 5 (102). – Pp. 105–116.
8. Razumovsky V. Yu. The Russian “party of power” and the regional political elite – interests, contradictions, prospects / V. Yu. Razumovsky // *Comparative politics*. – 2021. – Vol. 12. – No. 2. – pp. 38–54.
9. Sliva E.S. The systemic foundations of the structure, properties and functions of political elites / E.S. Sliva // *Questions of political science*. – 2023. – Vol. 13. – No. 8–1 (96–1). – Pp. 3722–3734.
10. Stepanov K.V. Concepts of “political elite” and “political leadership” in the context of the problem of deviation of the elite level of power / K.V. Stepanov // *State and municipal management. Scientific notes*. – 2024. – No. 3. – pp. 190–196.
11. Stokolos M.D. Political institutions of the Russian Federation in the context of the historical discourse of positioning political elites / M.D. Stokolos // *Endless Light in Science*. – 2020. – No. 2–1. – pp. 26–32.

Репрезентация элементов политической философии Данте Алигьери в официальном дискурсе римско-католической церкви XX–XXI вв.

Сухарев Андрей Евгеньевич,

студент (бакалавр), Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: st098209@student.spbu.ru

В статье рассматривается проблема репрезентации творчества Данте Алигьери в официальном дискурсе Римско-католической церкви с привлечением анализа наиболее значимых церковных документов XX–XXI вв. Автор отмечает трансформацию отношения церкви к флорентийскому поэту, связанная с изменением контекстуальных обстоятельств. Констатируется тенденциозная активная апроприация фигуры Алигьери римской курией с момента возникновения кризиса папства (именуемого в историографии «римским вопросом»), связанного с фактической ликвидацией «патримония Святого Петра» в 1870 г. Доказывается наличие значительных отклонений в интерпретации политической философии Данте в официальном католическом дискурсе, обусловленных намерением идентифицировать автора «Божественной комедии» в качестве непоколебимого приверженца Святого Престола. Делается вывод о связи невалидной трактовки политических идей Алигьери с интенцией папской курии повысить престиж католицизма в целом и фигуры римского понтифика в частности.

Ключевые слова: политическая теория Данте, Римско-католическая церковь, официальный дискурс Церкви, секулярная политическая мысль, томизм, католическая теология.

Политическая философия Данте Алигьери является значимой вехой в интеллектуальной традиции европейской политической мысли, стоящей у истоков формирования секулярной теории политического устройства. Несмотря на определенную нерелевантность его политических идей, проистекающую вследствие их недостаточной ортодоксальности для церкви и недостаточного новаторства для апологетов светских монархий XI–II–XIV веков [1, с. 18], предпринимались неоднократные попытки рефлексии над политикой как интеллектуально значимой ветвью творчества великого флорентийца. Примечательна традиция их интерпретации Римско-католической церковью.

Данте, выступая в качестве раннего и решительно-го сторонника отделения церкви от государства, изложил свои идеи, осуждающие теократические претензии римского понтифика на светскую власть, в латинском трактате «De Monarchia» («Монархия»). Впоследствии они станут центральными принципами европейского интеллектуального дискурса, конституирующими взаимодействие светских правителей с Римской курией. Церковь же не замедлила отреагировать на его вызов: в 1327 году доминиканский монах Гвидо Вернани написал полемическое опровержение «Монархии», которая была подвергнута ритуальному сожжению двумя годами позже. В середине XVI века, в разгар контрреформации, вероятно, из-за случаев использования аргументации Алигьери из III книги трактата протестантами в борьбе с папским Римом, она была внесена в Индекс запрещенных книг и оставалась там до конца XIX века [2, с. 180]. Великая поэма Данте – «Божественная комедия», являющаяся источником художественной репрезентации его политической аксиологии наряду с основной представленной религиозной темой жизненного пути и очищения, связанной с христианским символизмом, не была удостоена подобного внимания, возможно, из-за языка написания, который представлял меньший теоретический интерес для образованного духовенства [3, р. 98]. Однако вследствие запрета «Монархии» чтение «Комедии», несмотря на то, что католическая теология пронизывает все части труда, церковью все же не поощрялось, что подтверждалось ее весьма ограниченным тиражом [4, р. 260].

В связи с осуждением политического трактата Алигьери в официальном дискурсе Римско-католической церкви его фигура и творчество особенно не упоминались. Ситуация изменилась во второй половине XIX – начале XX века. Вероятно, это было связано с возникновением так называемого «*Quaestio Romana*» («римского вопроса»). Папство, находясь в кризисе из-за противостояния с итальянским правительством, пыталось сохранить свой политический статус-кво, апеллируя к авторитетам, среди которых и оказался Данте. Примечательным в этой связи представляется факт того, что фигура флорентийского поэта как первого мыслителя, утверждавшего необходимость объединения Италии, была чрезвычайно популярна в эпоху Рисорджименто, по завершении которой в 1870 г. произойдет ликвидация Папской области [5, с. 36.]. В условиях неопределенности, связанной с тем, что Святой Престол, оставаясь де-

факто субъектом международного права, не имел в течение пятидесяти девяти лет урегулированного юридического статуса в рамках новообразованного Королевства Италии (при этом вопрос о ликвидации светской власти пап аналогично оставался нерешенным), Церковь проявляла некоторую лабильность по определенным вопросам политики и доктрины. Так, в 1900 г. дантовская «Монархия» неожиданно была снята с Индекса запрещенных книг, что было весьма нехарактерным явлением [3, р.98]. Далее следует обратиться к наиболее значимым официальным документам церкви, появляющимся в тот же период, в которых представлен обзор фигуры и элементов политической философии Алигьери.

В 1921 г. в своей энциклике *In praeclara Summorum* («Среди многих прославленных») Бенедикт XV чествовал шестую столетнюю годовщину смерти поэта. Папа в первой части своего энциклического письма отмечает беспрецедентное признание верховного положения фигуры поэта как для Италии, так и для всех гражданских наций. Римский понтифик утверждает, что среди специальных комитетов ученых в разных странах, готовящихся почтить память великого флорентийца, Церковь должна взять инициативу в «этом всеобщем согласии добрых людей», поскольку она имеет особое право называть поэта своим [6]. Примечательна в этой связи интенция Бенедикта подчеркнуть «тесное единство Данте с кафедрой Святого Петра» [ibid.]. По его мнению, почести, воздаваемые автору «Божественной комедии» способствуют росту престижа Римско-католической церкви. Епископ Рима акцентирует внимание на большом почтении Алигьери к авторитету церкви в целом и римского понтифика в частности, утверждая, что для великого поэта наличие пастора в качестве руководства церкви было достаточным фактором для спасения. В данных тезисах высшего церковного иерарха проступают некоторые неточности в понимании элементов философии Данте. Алигьери совершает достаточно выраженное дистанцирование от посредничества церкви, заявляя, что именно Бог открыл ему те истины, которые он постулировал в своих произведениях [3, р. 98]. Более того, в «Божественной комедии» можно заметить идеи, предвосхищавшие фундаментальные протестантские утверждения свободы и ответственности индивидуальной совести, которые, очевидно, не коррелируют с идеей решающей роли церкви в вопросе спасения души. Упомянув же негативное отношение Данте к нескольким преемникам апостола Петра, Бенедикт пытается нивелировать его критику, называя ее местами чрезмерной, и намекает на наличие инсинуаций, которые могли «выступать почвой для ложных интерпретаций» [6].

Говоря об идее соотношения светской и церковной власти в политической философии Алигьери, верховный первосвященник подчеркивает, что вне зависимости от того, что Данте считал власть императора происходящей непосредственно от Бога, данное положение «не следует понимать так строго, будто римский император ни в чем не подчиняется римскому понтифику, коль скоро помянутое смертное счастье в каком-то смысле соотнобразуется со счастьем бессмертным» [ibid.]. Папа полагает, что если бы данный «мудрый» принцип соблюдался бы и в двадцатом столетии, то это принесло бы обильные плоды гражданского процветания для многих стран. Действительно, дословная цитата содержится в последнем абзаце «Монархии», однако его примирительный тон должен быть оценен с точки зрения подхода исторической контекстуализации. Во время написания данного трактата Данте верил в возможность нормализации отношений Генриха VII с Папой Климентом V, вследствие чего и совершил жест политической уступчи-

вости, однако от главной идеи отделения светской власти от церковной и независимости первой от последней он не отступился. Для поэта полития не была двойной, так как она не предусматривала сотрудничество папы и императора в управлении человеческим градом: император должен был выполнять эту задачу единолично [7, р.267–268]. Предположительно, как упоминалось выше, неточности данных трактовок политической мысли Данте были связаны с политической конъюнктурой периода понтификата Бенедикта XV.

В 1965 г. по случаю семисотлетия со дня рождения Данте Павел VI в своем апостольском послании *Altissimi cantus* («Владыка Всевышнего»), подтверждая идеи своего предшественника о прочных узах, объединяющих Церковь и поэта, называет Данте «нашим, то есть католической религии, по праву», потому что «он очень любил Церковь, гимны которой пел» [8]. Папа акцентирует внимание на то, что Алигьери почтительно относился к наместнику Христа на земле в лице римского понтифика. В данных положениях содержатся аналогичные вышеописанным корректировки трактовок позиций Данте: он не был удовлетворен положением современной ему церкви и призывал папу и других священнослужителей уподобиться жизни Христа и апостолов, отказавшись от земных богатств. [7, р. 263]. Предстоятель Римской церкви однако, отмечает, что Римская курия признает критическое отношение Алигьери «более чем к одному папе римскому» и церковным институтам его времени, но вместе с тем он пытается сгладить дантовские ламентации, говоря о его ревностной преданности Святой Матери-Церкви, в силу которой необходимо оказать должное снисхождение «волнениям ума поэта в гражданских делах» [8].

Помимо этого, папа Монтини отмечает филиацию идеи истории Аврелия Августина и теологических концептов Фомы Аквинского в творчестве флорентийца. Здесь также можно усмотреть некоторые неточности в интерпретации политической философии Данте: во II и III книге «Монархии» он ведет упорную полемику с упомянутыми учителями церкви. Великий поэт, утверждая провиденциальную роль Римской империи в человеческой истории, осуществляет заметный отход от Августина, в мировоззрении которого Рим, как образчик «Града земного» был всего лишь вынужденной категорией, не имеющей никакой особой миссии. Несмотря на некоторую идейную связь Алигьери с латинским патристом, проявляющуюся в общности представлений о склонности человека после грехопадения Адама к порочности, они расходятся в политическом видении решения этой моральной проблемы [9, р. 285]. Как отмечает К. Хонесс, Данте был убежден, что империя может объединить элементы совершенного гражданства, связанного с Небесным Градом, в Граде Человеческом [10, р.20]. Касательно же вопроса рецепции идей томизма в философии Алигьери, необходимо заметить, что несмотря на почитание многими томистами фигуры поэта, он нанес в самых существенных вопросах значительный удар доктрине Аквината. По словам Э. Жильсона, позиция Данте отвергает одно из важнейших условий существования томизма: «учительство теологии по отношению к философии, неизбежно влекущее за собой учительство церкви по отношению к империи» [11, с. 362].

Не менее интересной в данном апостольском послании предстает репрезентация дантовской идеи о необходимости создания вселенской монархии («*Monarchia universalis*»). По мнению Павла VI, предсказание поэта о возможности существования наднациональной власти, по своей сути, не является утопичным и прожектерским, поскольку в XX веке «оно обрело определенную форму в Организации Объединенных Наций» [8].

Папа в достаточно специфичном ключе предлагает интерпретировать универсалистский проект флорентийца, экстраполируя его на современные ему политические реалии. Если же обратиться к первоисточникам непосредственно, то представляется очевидным наличие некоторой спекулятивности вышеупомянутой трактовки. Данте предлагал полностью довериться фигуре императора как единственно объединяющей силе, утверждая, что необходим лишь один правитель для установления всеобщего мира [12, с. 44]. Устройство же ООН, которую упоминает понтифик, основывается на принципе суверенного равенства всех ее членов. Весьма вероятно, что такая апроприация дантовской идеи о консолидации *humana civilitas* («человеческой общности») в официальном церковном документе была связана с пацифистскими интенциями Святого Престола в период эскалации международной напряженности, связанной с событиями Карибского кризиса.

Папа Иоанн Павел II часто ссылался на творчество Данте в своих обращениях, в основном апеллируя к художественным аллегорическим образам, иллюстрирующим христианские взгляды поэта. Его преемник, Бенедикт XVI, также упоминал великого флорентийца в значимых церковных документах и выступлениях в период своего понтификата для объяснения теологических концептов [13;14].

Настоящий папа, Франциск, аналогично своим предшественникам, неоднократно обращался к рассмотрению фигуры и творчества Алигьери. С момента начала понтификата папы Бергольо, по данным официального ватиканского СМИ, насчитывается двадцать одно упоминание Данте в официальном дискурсе церкви, семь из которых связаны с самим римским епископом [15]. Наиболее значимым из них стала публикация апостольского послания *Candor lucis aeternae* («Сияние вечного света») в завершении юбилейного дантовского шестилетия (2015–2021 гг.). В нем понтифик резюмировал некоторые выступления римских пап о Данте до него, подчеркнув приверженность духу их заявлений [16]. В своем послании Франциск напрямую не касается политической философии великого флорентийца, однако, он затрагивает отдельные аспекты телеологии автора «Божественной комедии». Римский епископ несколько раз говорит о видении Данте конечной цели человечества – «достижение нашей истинной родины, где мы будем в полном единении с Богом, бесконечной и вечной Любовью» [ibid.]. В данной трактовке римского понтифика дантовской парадигмы усматривается неточность в изложении идей Алигьери. Данте постулировал наличие двух конечных целей человечества: блаженство земное и небесное. Такая дуальная цель, по его мнению, проистекает из уникальной срединной природы человека, имеющего тленное тело и нетленную душу. Для Данте обе цели были конечными и, как следствие, они не образовывали иерархии, при которой одна была бы подчинена другой [11, с. 231]. Интерпретация философских идей поэта Франциском в данной связи предстает в некотором томистском ключе из-за очевидной схожести вышеупомянутого тезиса с одним из основных положений св. Фомы о существовании лишь одной конечной цели для человека.

Не менее примечательной также представляется и проповедь действующего понтифика на мессе праздника Целестинского прощения 28 августа 2022 г. в Аквиле. Ссылаясь на дантовскую поэму, Святейший Отец указал на ошибочное понимание Алигьери фигуры Целестина V. По мнению Франциска, Данте напрасно осудил отрекшегося в XIII в. от сана папу. Предстоятель церкви отметил, что «Целестин был не тем человеком, который сказал „нет“, а тем, кто сказал „да“», ибо, по его

словам, смирение означает принятие воли Божьей [17]. Такая попытка переинтерпретации образа римского папы, ушедшего в отставку более чем семьсот лет назад, в «Божественной комедии» в контексте отречения предшественника Франциска видится несколько в тенденциозном ключе.

Подводя итог рассмотрению репрезентации элементов политической философии Данте в официальном дискурсе Римско-католической церкви, отметим, что отношение Святого Престола к фигуре и творчеству Алигьери не всегда было одинаковым, оно модифицировалось в соответствии с контекстуальными обстоятельствами. Осуждение политического трактата поэта в XIV в. и впоследствии наложенный на него запрет в разгар контрреформации, обусловившие практически полное отсутствие упоминаний великого флорентийца в корпусе официальных церковных документов, сменились в XX в. признанием величия его гения и стремлением идентифицировать автора «Божественной комедии» как верного приверженца и апологета кафедры Святого Петра. При соответствующей интенции, интерпретация ключевых элементов философии Алигьери в официальном дискурсе церкви имела определенные отклонения от аутентичных дантовских положений. Предполагается, что такая невалидная трактовка политических идей Данте была связана с целью папской курии повысить престиж как католицизма в целом, так и фигуры римского понтифика в частности. В настоящее же время Святой Престол сохраняет весьма активное внимание к фигуре великого поэта, продолжая апеллировать к его символически богатому наследию в целях аллегорической иллюстрации религиозной доктрины.

Литература

1. Доброхотов А.Л. О «Монархии» Данте // Данте Алигьери. Монархия. М. КАНОН-пресс-Ц – Кучково поле, 1999. – С. 5–18.
2. Голенищев-Кутузов И.Н. Данте. М.: Молодая Гвардия, 1967. – 288 с.
3. Hainsworth Peter. Dante: A Very Short Introduction / Hainsworth Peter, Robey David. – N.Y.: Oxford University Press, 2015. – 144 p.
4. Camilletti F. Later Reception from 1481 to the Present // The Cambridge Companion to Dante's Commedia / Ed. by Zygmunt G. Baranski and Simon Gilson. – N.Y.: Cambridge University Press, 2019. – 317 p.
5. Емельянова И.Б. «Божественная комедия» Данте Алигьери в архитектурных проектах Италии 1930-х гг.: Рисорджименто и формирование культа Данте в итальянской культуре // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 1. – С. 33–44.
6. Benedict XV. In praecleara Summorum. (30.04.1921) [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_30041921_in-praecleara-summorum.html (Дата обращения: 06.02.2023).
7. Davis C.T. Dante and the empire // The Cambridge Companion to Dante / Ed. by Rachel Jacoff. – 2 ed. – N.Y.: Cambridge University Press, 2007. – 326 p.
8. Paulus PP. VI. Altissimi cantus. (07.12.1965) [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/content/paul-vi/la/motu_proprio/documents/hf_p-vi_motu-proprio_19651207_altissimi-cantus.html (Дата обращения: 06.02.2023).
9. Kay T. Politics // The Oxford Handbook of Dante / Ed. by M. Gragnolati, E. Lombardi and F. Southerden. – N.Y.: Oxford University Press, 2021. – pp. 270–286.

10. Honess C.E. Introduction: «Rome once had two suns» // Dante Alighieri: Four Political Letters / Translated by Honess C.E. – London: The Modern Humanities Research Association, 2007. – 116 p.
11. Жильсон Э. Данте и философия: Пер. с французского Г.В. Вдовиной – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. – 384 с.
12. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1.: Эпоха Ренессанса: Пер. с англ. А.А. Яковлева. – М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2018. – 568с.
13. Benedict XVI. Deus Caritas Est. (25.12.2005) [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20051225_deus-caritas-est.html (Дата обращения: 07.02.2023).
14. Benedict XVI. Address to participants in the meeting promoted by the pontifical John Paul II Institute for Studies on Marriages and Family. (13.05.2011) [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/content/benedictxvi/en/speeches/2011/may/documents/hf_ben-xvi_spe_20110513_istituto_gpII.html (Дата обращения: 07.02.2023).
15. Новости Ватикана: официальный сайт. – Ватикан. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://www.vaticannews.va/ru.html> (Дата обращения: 19.02.2023).
16. Francis. Candor Lucis Aeternae. (25.03.2021) [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/la/apost_letters/documents/papa-francesco-lettera-ap_20210325_centenario-dante.html (Дата обращения: 20.02.2023).
17. Francis. Homily of His Holiness. (28.08.2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/homilies/2022/documents/20220828-omelia-laquila.html> (Дата обращения: 20.02.2023).

THE REPRESENTATION OF THE ELEMENTS OF DANTE ALIGHIERI'S POLITICAL PHILOSOPHY IN THE OFFICIAL DISCOURSE OF THE ROMAN CATHOLIC CHURCH IN THE XX–XXI CENTURIES

Sukharev A.E.

St. Petersburg State University

The article deals with the problem of the representation of Dante Alighieri's creativity in the official discourse of the Roman Catholic Church analysing the most significant ecclesiastical documents of the XX–XXI centuries. The author draws attention to the transformation of the Church's attitude to the Florentine poet, associated with a change in the contextual circumstances. The author states the tendentious active appropriation of the figure of Alighieri by the Roman Curia since the emergence of the papacy crisis (referred to in historiography as the "Roman question") associated with the actual liquidation of the "patrimony of St. Peter" in 1870. The author proves that there are significant deviations in the interpretation of Dante's political philosophy in the official Catholic discourse, due to the intention to identify the author of the "Divine Comedy" as an unshakable adherent of the Holy See. The conclusion is made about the connection of the invalid interpretation of Alighieri's political ideas with the intention to increase the prestige of Catholicism in general and the figure of the Roman pontiff in particular of the papal curia.

Keywords: Dante's political theory, Roman Catholic Church, official discourse of the Church, secular political thought, Thomism, Catholic theology.

References

1. Dobrokhotov A.L. On Dante's "Monarchy" // Dante Alighieri. Monarchy. M. CANON-press-Ts – Kuchkovo field, 1999. – pp. 5–18.
2. Golenishchev-Kutuzov I.N. Dante. M.: Molodaya Gvardiya, 1967. – 288 p.
3. Hainsworth Peter. Dante: A Very Short Introduction / Hainsworth Peter, Robey David. – N.Y.: Oxford University Press, 2015. – 144 p.
4. Camilletti F. Later Reception from 1481 to the Present // The Cambridge Companion to Dante's Commedia / Ed. by Zygmunt G. Baranski and Simon Gilson. – N.Y.: Cambridge University Press, 2019. – 317 p.
5. Yemelyanova I.B. "The Divine Comedy" by Dante Alighieri in the architectural projects of Italy in the 1930s: The Risorgimento and the formation of the cult of Dante in Italian culture// Vestn. RGGU. Ser. Philosophy. Sociology. Art history. 2015. No. 1. – pp. 33–44.
6. Benedict XV. In praeclara Summorum. (30.04.1921) [Electronic resource]. URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_30041921_in-praeclara-summorum.html (Date of application: 02/06/2023).
7. Davis C.T. Dante and the empire// The Cambridge Companion to Dante / Ed. by Rachel Jacoff. – 2nd ed. – N.Y.: Cambridge University Press, 2007. – 326 p.
8. Paulus PP. VI. Altissimi cantus. (07.12.1965) [Electronic resource]. URL: https://www.vatican.va/content/paul-vi/la/motu_proprio/documents/hf_p-vi_motu-proprio_19651207_altissimicantus.html (Accessed: 02/06/2023).
9. Kay T. Politics // The Oxford Handbook of Dante / Ed. by M. Gagnoli, E. Lombardi and F. Southerden. – N.Y.: Oxford University Press, 2021. – pp. 270–286.
10. Honess C.E. Introduction: «Rome once had two suns» // Dante Alighieri: Four Political Letters / Translated by Honess C.E. – London: The Modern Humanities Research Association, 2007. – 116 p.
11. Gilson E. Dante and philosophy: Translated from the French by G.V. Vdovina – M.: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2010. – 384 p.
12. Skinner K. The Origins of modern political thought: in 2 vols. Vol. 1.: The Renaissance Era: Translated from the English by A.A. Yakovlev. – M.: Publishing House "Delo" RANEPa, 2018. – 568s.
13. Benedict XVI. Deus Caritas Est. (12/25/2005) [Electronic resource]. URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20051225_deus-caritas-est.html (Date of application: 02/07/2023).
14. Benedict XVI. Address to participants in the meeting promoted to be the pontifical John Paul II Institute for Studies on Marriages and Family. (05/13/2011) [Electronic resource]. URL: https://www.vatican.va/content/benedictxvi/en/speeches/2011/may/documents/hf_ben-xvi_spe_20110513_istituto_gpII.html (Date of application: 02/07/2023).
15. Vatican News: official website. – The Vatican. – Updated during the day. – URL: <https://www.vaticannews.va/ru.html> (Date of access: 02/19/2023).
16. Francis. Candor Lucis Aeternae. (03/25/2021) [Electronic resource]. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/la/apost_letters/documents/papa-francesco-lettera-ap_20210325_centenario-dante.html (Date of access: 02/20/2023).
17. Francis. Homily of His Holiness. (08/28/2022) [Electronic resource]. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/homilies/2022/documents/20220828-omelia-laquila.html> (Date of application: 02/20/2023).

Политические инструменты противодействия экономическому экстремизму: обобщение российского международного опыта

Фуртат Виталий Владимирович,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии, ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: bliden2@mail.ru

Экономический экстремизм в настоящее время, с учетом геополитической обстановки в мировом сообществе носит глобальное значение, в том числе и для российской экономики. Данная тематика осложнена тем, что рассматривается, как и экономическая безопасность государства, так и борьба с экстремизмом, что вкуче представляет серьезную угрозу для существования общества в целом. Феномен включает в себя действия, направленные на разрушение стабильности экономики через манипуляции с финансовыми рынками, а также поддержку экстремистских движений через финансирование. Противодействие этому явлению требует комплексного подхода, включающего как усиление уголовной ответственности за соответствующие правонарушения, так и развитие механизмов мониторинга и предотвращения таких действий. Важными аспектами являются координация усилий правоохранительных органов, совершенствование законодательства и сотрудничество с финансовыми институтами. Кроме того, необходимо внимание к просвещению общественности и бизнес-сообщества относительно рисков, связанных с экономическим экстремизмом, и способов их предотвращения. В данной статье рассматриваются подходы различных ученых к решению данной проблемы и на их основе дается их оценка, а также предлагаются свои варианты противодействия с экономическому экстремизму.

Ключевые слова: экономический экстремизм, безопасность, дестабилизация экономики, профилактика, экономический ущерб.

В современном информационном и экономически развитом обществе достаточно остро стоят вопросы и проблемы социального и экономического характера. Наряду с этими проблемами получил «развитие» и так называемый «экономический экстремизм».

По своей сущности экономический экстремизм выступает за «анархичную» экономику, то есть без какого-либо вмешательства извне, и при этом направлен на дестабилизацию экономики различными методами, в том числе и насильственными.

В настоящее время наука достаточно пристально изучает экстремизм, в том числе и с экономической точки зрения. В данной статье предлагается рассмотреть различные подходы к определению экономического экстремизма и борьбой с ним разных ученых и, на основе их мнений сделать общий вывод с целью получения максимально эффективных методов профилактики и противодействия экономическо-экстремистской деятельности.

Забарин А.В. и Морозов А.П. в своих трудах понимают экономический экстремизм как деятельность, выступающую за полный отказ от государственного регулирования экономики, направленную на дестабилизацию социально-экономических основ общества, склоняющую к диверсиям, поджогам и даже ликвидации отдельных предпринимателей. По их мнению, экстремистские проявления наносят большой экономический ущерб государству, оказывают негативное влияние на социально-психологический климат в стране, что, в свою очередь, создает питательную среду для формирования массового недовольства населения, роста социального напряжения, демонстрации протестных настроений и силовых способ решения накопившихся экономических проблем [1].

Все вышеприведенное Забарин А.В. и Морозов А.П. связывают с своевременными конфликтами в мире, обуславливая развитие экономического экстремизма в обществе с профилактикой в молодежной среде и в гражданском обществе в целом. По их мнению, необходимо развивать политическую социализацию в школьной и вузовской среде, а также контролировать организацию НКО и цифровое информационное пространство. Помимо этого, ученые считают, что экономической деятельности на российском рынке иностранные компании должны дорожить, т.е., нужно создать такие условия, чтобы таким компаниям было максимально «больно» уходить с рынка, прерывая свою деятельность.

С доводами ученого возможно согласиться. Так, по нашему мнению, вышеуказанные меры позволят более эффективно противодействовать развитию экономического экстремизма через призму «патриотизации» и улучшения условия для бизнеса на отечественном рынке, вкуче с информационной пропагандой на отечественном информационном пространстве. В комплексе, это, безусловно, позволит эффективно противодействовать экстремизму и обезопасить экономическое пространство Российской Федерации.

А.Р. Манукян выделяет экономический терроризм как крайнюю форму проявления экономического экстремизма и понимает под ним воздействие на общество насильственными методами, направленными на эко-

номику для создания дисбаланса экономической основы государства, в том числе с помощью запугивания ведущих представителей бизнеса, социально-активных категорий граждан с целью. Достижения определённых целей и принятия решений. По его мнению, такая «философия» экономического терроризма в настоящее время находит отклик среди тех слоёв населения, которые хотят изменить собственное существование любыми методами и способами. Ученый выделяет прямой и каскадный виды ущерба от воздействия террористической деятельности, указывая, что прямой ущерб сопряжен с разрушением или исключением из экономического оборота конкретных активов, дестабилизацию конкретных отраслей. Каскадный ущерб олицетворяет итог действия разрушительных процессов для основ национальной экономики: отток капитала, снижение предпринимательской активности и т.д. Противодействие такому виду террора ученый видит в развитии информационной инфраструктуры государства и улучшении обмена информацией между государственным и частным секторами [2].

Методы, описанные учёным, безусловно, эффективны. Однако следует помнить, что экономический терроризм часто использует крайние меры, включая насилие. Поэтому, на наш взгляд, в процессе изучения его методов необходимо также сосредоточиться на непосредственном противодействии терроризму в целом и на профилактических мерах в информационном пространстве в частности.

Также, возможно рассмотреть вопрос об улучшении контроля со стороны государства через призму указанного обмена информацией между секторами, но при этом, здесь важно не «перегибать» палку, сохраняя принципы рыночной экономики [3].

Жукова Е.Е., изучая экономический экстремизм, подробно выделяет потребительский экстремизм и его влияние на экономическую безопасность. Под этим феноменом она понимает использование пробелов в национальных законодательствах в сфере защиты прав потребителей для личного недобросовестного обогащения, тем самым нанося экономический ущерб компаниям. Еще, ученый видит другую разновидность потребительского экстремизма, а именно использование потребителем юридической не подкованности сотрудников в своих личных целях, т.е. когда потребитель использует угрозы юридического плана (обращение в органы, суд и т.д.) с целью получения выгоды, пытаясь «напугать» сотрудника [4].

В продолжении изучения термина потребительский экстремизм, Файзрахманов Р.Р. тесно связывает данный термин с законодательством о защите прав потребителей. И хотя им не дается конкретного определения явления, он выделяет ряд проявлений – действия потребителей с намерением причинить «имущественный» ущерб путем обмана или злоупотребления доверием, злоупотребление доверием, недобросовестное поведение потребителей. Непосредственным методом борьбы с рассматриваемым проявлением ученый видит во внесении поправок в ГК РФ в части касающейся введения ответственности потребителя в случае злоупотребления им своими правами при возмещении ему вреда. Помимо гражданской ответственности, им предлагается дополнить УК РФ специальной нормой, предусматривающая уголовную ответственность за потребительский экстремизм как за умышленные действия, связанные со злоупотреблением правами, предоставленные потребителю российским законодательством [5].

Изучая труды вышеуказанных ученых, мы приходим к выводу, что потребительский экстремизм в настоящее

время больше связан с имеющимися пробелами в законодательстве Российской Федерации. Выделение данного понятия в отдельный вид экстремизма на наш взгляд сомнительно, так как в данном ключе рассматриваются злоупотребление нормами права со стороны потребителей, которые преследуют корыстные цели, нежели какие-либо националистические. Однако, безусловно, рассматриваемые учеными проблемы имеют место быть, но больше связаны с гражданско-правовыми отношениями, которые возможно решить устранением коллизий и пробелов в сфере законодательства о защите прав потребителей.

Отдельно хотелось бы отметить точку зрения Васильева Ф.П., который связывает экономический экстремизм непосредственно с институтом двойного гражданства. По его мнению, к получению двойного гражданства стремятся лица в корыстных целях и материально обеспеченный класс (члены семьи госслужащих, банковские работники, бизнесмены и т.д.), что приводит к безразличному отношению к российским национальным (отечественным) ценностям и государственной целостности Российской Федерации. Решение данной проблемы ученый видит в жестком контроле за вышеуказанной категорией лиц со стороны государственных органов и отслеживания их экономической деятельности как на территории Российской Федерации, так и при возможности на территории того государства, где имеется у лица второе гражданство. Помимо этого, ученый считает, что необходимо усилить пропаганду отечественных ценностей в информационной среде общества, что даст положительный эффект развитию экономики государства [6].

Миграционная политика Российской Федерации в настоящее время достаточно лояльна с точки зрения внутренней миграции. На наш взгляд, это связано, в первую очередь, с нехваткой трудовой силы на различных хозяйственно-социальных и строительных должностях, которые не восполняются местным населением из-за низкой оплаты труда со стороны работодателя и нежеланием последних увеличивать расходы на заработную плату своих работников. Именно поэтому, появляется проблема контроля таких лиц с точки зрения противодействия экстремизму в целом. Безусловно, стоит согласиться с мнением автора, но данная проблема должна решаться комплексно, при налаженном международном сотрудничестве со странами, из которых приезжают мигранты. Также, не стоит забывать и о тех лицах, которые получают второе гражданство за рубежом, преследуя корыстные цели с целью своего собственного обогащения, а именно освободиться от каких-либо экономических издержек отечества, тем самым нанося ему ущерб.

Таким образом, подводя итоги рассматриваемой проблемы в данной статье, мы можем сделать вывод, что экономический экстремизм носит многосторонний характер и достаточно актуален в настоящее время. Рассмотрев различные подходы ученых к решению проблемы, можно сказать, что в настоящее время необходимо сделать упор на развитие информационного пространства с точки зрения создания условий для бизнеса в государстве и активного информационного оповещения в обществе, не забывая при этом о создании таких условий, чтобы было экономически не выгодно создавать «подрыв» местного рынка. Безусловно, также необходимо развивать профилактическую среду, и взаимодействие общества и государства в целом для успешного противодействия экстремизму. Все это, по нашему мнению, снизит угрозу экономического экстремизма и позволит экономически успешно развиваться государству и обществу в целом.

Литература

1. Забарин А.В., Морозов А.П. Угрозы политического и экономического экстремизма в России // Современные проблемы инновационной экономики. 2023. № 9. С. 117–123.
2. Манукян А.Р. Экономический экстремизм и информационные технологии // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8. С. 93–97.
3. Восканян Р.О. Взаимозависимые лица как угроза экономической безопасности // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 1. С. 24–28.
4. Жукова Е.Е. Влияние потребительского экстремизма на экономическую безопасность субъектов хозяйствования // На страже экономики. 2022. № 1. С. 24–30.
5. Файзрахманов Р.Р. Потребительский экстремизм: возможности уголовной ответственности // Бизнес. Образование, право. 2021. № 3. С. 295–299.
6. Васильев Ф.П. Развитие института двойного гражданства в России как одной из форм экономического экстремизма // Вопросы российского и международного права. 2020. № 5. С. 165–178.

POLITICAL INSTRUMENTS FOR COUNTERING ECONOMIC EXTREMISM: GENERALIZATION OF RUSSIAN INTERNATIONAL EXPERIENCE

Furtat V.V.

All-Russian State University of Justice

Economic extremism at present, taking into account the geopolitical situation in the world community, is of global significance, including for the Russian economy. This topic is complicated by the fact that both the economic security of the state and the fight against ex-

trémism are considered, which together pose a serious threat to the existence of society as a whole. The phenomenon includes actions aimed at destroying the stability of the economy through manipulation of financial markets, as well as supporting extremist movements through financing. Counteracting this phenomenon requires a comprehensive approach, including both strengthening criminal liability for relevant offenses and developing mechanisms for monitoring and preventing such actions. Important aspects are the coordination of efforts of law enforcement agencies, improving legislation and cooperation with financial institutions. In addition, attention is needed to educating the public and the business community about the risks associated with economic extremism and ways to prevent them. This article examines the approaches of various scientists to solving this problem and, based on them, gives their assessment, and also offers their own options for countering economic extremism.

Keywords: economic extremism, security, destabilization of the economy, prevention, economic damage.

References

1. Zabarin A.V., Morozov A.P. Threats of political and economic extremism in Russia // Modern problems of innovative economy. 2023. No. 9. P. 117–123.
2. Manukyan A.R. Economic extremism and information technology // Economy and entrepreneurship. 2017. No. 8. P. 93–97.
3. Voskanyan R.O. Interdependent persons as a threat to economic security // Problems of management theory and practice. 2019. No. 1. P. 24–28.
4. Zhukova E.E. The impact of consumer extremism on the economic security of business entities // On guard of the economy. 2022. No. 1. P. 24–30.
5. Fayzrakhmanov R.R. Consumer extremism: possibilities of criminal liability // Business. Education, law. 2021. No. 3. P. 295–299.
6. Vasiliev F.P. Development of the Institute of Dual Citizenship in Russia as One of the Forms of Economic Extremism // Issues of Russian and International Law. 2020. No. 5. P. 165–178.

Частные военные компании как инструмент внешней политики: преимущества и риски для государства

Шекиханов Максим Альбертович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
E-mail: mfinancemax@gmail.com

В статье исследуется эволюция частных военных компаний (ЧВК), их стратегическое использование, преимущества и связанные с ними риски. Исследование начинается с описания исторического появления ЧВК и их растущей роли в международной политике. Затем анализируется, как государства используют ЧВК для достижения целей внешней политики, посредством как санкционированных, так и тайных операций. В работе выделяются преимущества, которые ЧВК предлагают правительствам, особенно оперативная гибкость, быстрое развертывание и снижение политической ответственности. Однако также рассматриваются их риски потенциальной потери надзора, репутационный ущерб и задокументированные случаи злоупотреблений. Наконец, в статье представлены конкретные тематические исследования по использованию ЧВК в США, России, Африке и на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: частные военные компании, внешняя политика, государственные интересы, гибкость, риски, международная репутация.

Введение

Частные военные компании становятся неотъемлемой частью внешнеполитических стратегий государств и предоставляют широкий спектр военных, охранных и логистических услуг, соответствующих национальным интересам, при этом снижают политические и экономические издержки прямого военного участия. За последние несколько десятилетий рост ЧВК изменил ландшафт международных отношений, позволив правительствам добиваться внешнеполитических целей с помощью гибких и скрытых средств.

Поэтому цель этой статьи – проанализировать преимущества и риски, связанные с использованием ЧВК в качестве инструментов государственного управления, изучить их меняющуюся роль в мировой политике, их выгоды для государств и потенциальные угрозы, которые они представляют. В частности, статья направлена на то, как государства используют ЧВК для достижения внешнеполитических целей, связанные с этим правовые и этические проблемы и реальные последствия их развертывания в зонах конфликтов.

Исследование в основном качественное и опирается на тематические исследования США, России, стран Африки и Ближнего Востока. Источники взяты из академической литературы, политических отчетов и правительственных документов. Рассматривая конкретные кейсы, автор дает всестороннее представление о том, как функционируют ЧВК, и оценивает их влияние на государственный суверенитет, международную репутацию и безопасность.

Методология исследования

Методологически в работе используется комплексный подход к анализу роли частных военных компаний, объединяющий сравнительный анализ, анализ тематических исследований, использование статистических данных и официальных документов, а также обзор теоретических методов к изучению ЧВК.

Сравнительный анализ направлен на исследование использования ЧВК в Соединенных Штатах, России и стран Африки и Ближнего Востока. При рассмотрении страновых контекстов автор стремится выделить мотивы, лежащие в основе зависимости государства от ЧВК, и результаты такой зависимости в достижении внешнеполитических целей.

Анализ тематических исследований связан с изучением конкретных случаев, когда ЧВК были развернуты для целей внешней политики. В них будут рассмотрены операции, проводимые американскими компаниями в Ираке и Афганистане, роль российских ЧВК в Африке и развертывания на Ближнем Востоке. Подход к исследованию кейсов обеспечивает детальное понимание практического применения ЧВК во внешней политике и их влияния на государственные интересы.

Статистические данные и официальные документы помогают получить информацию о глобальной индустрии ЧВК, в частности, размер рынка, прогнозы роста и конкретные расходы, связанные с государственными

контрактами с ЧВК. Также документы анализируются для предоставления информации о правовых, экономических и политических аспектах использования ЧВК во внешней политике.

Обзор теоретических подходов затрагивает теоретические рамки, связанные с частными военными компаниями. Рассматривая существующую литературу и теоретические модели, автор критически оценивает развивающуюся роль ЧВК в глобальном управлении и внешней политике, помещая их деятельность в более широкие обсуждения государственной власти, безопасности и подотчетности.

Основной материал статьи

Сектор государственной безопасности содержит ряд структур, учреждений и персонала, ответственных за обеспечение и управление безопасностью: государственные и негосударственные субъекты (частные военные и охранные компании). Приватизация служб безопасности возросла, поскольку государства обращаются к частным организациям для удовлетворения растущих потребностей, вызванных вооруженными конфликтами, терроризмом и глобализацией. В настоящее время ЧВК предоставляют услуги от кибербезопасности до безопасности границ и морской безопасности [8].

После окончания холодной войны глобальный рынок частных военных и охранных компаний расширился, особенно во время войн под руководством США в Ираке и Афганистане, где ЧВК Blackwater вызвали серьезные споры. Масштаб военных контрактов во время конфликтов был беспрецедентным, причем частные подрядчики составляли почти половину присутствия США в этих регионах. Теперь ЧВК предоставляют услуги, традиционно управляемые государственными военными, через военную подготовку, логистику и консалтинг по вопросам безопасности [5].

Несмотря на то, что некоторые ЧВК стремились позиционировать себя как законные поставщики услуг, критики утверждают, что их участие в активных конфликтах отражает незаконное наемничество. В ответ ЧВК стали выделять свой вклад в стабильность и миростроительство в зонах конфликтов. Правительство США легитимизировало этот сектор, разрешив ЧВК применять силу и предоставив им правовой иммунитет, что еще больше подтвердило их роль. Более того, Организация Объединенных Наций предприняла шаги по регулированию отрасли, укрепив легитимность ЧВК. В результате эти компании стали необходимыми для правительств, особенно в военных операциях, что привело к утверждению, что современная война не функционирует без их участия [2].

The Economist называл войну в Ираке «первой приватизированной войной», что не совсем верно, хотя и отражает растущую тенденцию частного участия в военных конфликтах. Возникший после Холодной войны тренд означает отход от государственной монополии на применение силы, при этом частные военные компании берут на себя более заметную роль. Исторически частные субъекты были в основном связаны со слабыми или несостоявшимися государствами, но приватизация безопасности теперь распространяется и на стабильные, сильные западные страны. Такой сдвиг представляет собой движение от централизованного военного контроля к более децентрализованному подходу и бросает вызов исключительному праву государства на законное применение силы. С середины 1990-х годов рост ЧВК привлекал все большее внимание, при этом термин «ЧВК» заменил «наемник», чтобы отделить их воспринимаемый профессионализм и легитимность [7].

Начиная с 1980-х годов сочетание политических и коммерческих факторов привело к росту частных военных компаний, численность которых к 2010 году превзошла численность американских войск в Ираке и Афганистане. В настоящее время ЧВК выполняют ряд задач, которые ранее были предназначены для регулярных военных, благодаря своей способности оставаться незаметными, обходить национальные военные правила и действовать по более мягким правилам ведения боевых действий. Так как эти компании рассматриваются как экономически эффективные альтернативы государственным вооруженным силам, они извлекают прибыль из локальных конфликтов, перекадывая бремя негативных последствий на общественность. Из-за ограниченной прозрачности трудно полностью понять влияние операций ЧВК. Несмотря на заявления о том, что ЧВК укрепляют безопасность, они подрывают государственные институты, особенно в странах с хрупкими правовыми и военными системами. Правовая неопределенность, окружающая ЧВК, создает значительные проблемы с подотчетностью, затрудняя привлечение их к ответственности за потенциальные военные преступления. Зачастую ЧВК представляют риск для государственного суверенитета, поскольку их растущая роль в военных операциях негативно влияет на традиционные вооруженные силы и усугубляет региональную нестабильность [2].

В современности Организация Объединенных Наций стала чаще обращаться к частному сектору, расширяя партнерские отношения и передавая ряд задач частным военным и охранным компаниям. Некоторые ЧВК сотрудничают с ООН уже несколько десятилетий, и их роль в гуманитарной помощи и поддержании мира заметно возросла. Однако деликатный характер заключения контрактов с ЧВК привел к ограниченной прозрачности и непоследовательным практикам, что потенциально угрожает авторитету ООН, юридической ответственности и воспринимаемому нейтралитету. Для решения этих проблем Департамент ООН по вопросам охраны и безопасности представил в 2011 году политическое предложение, направленное на продвижение более стандартизированных и подотчетных практик заключения контрактов с ЧВК [9].

Также частные военные компании претендуют на доминирующую роль в управлении рисками безопасности, затмевая невоенные стратегии миростроительства. Такие полномочия признаются в миротворческих миссиях ООН, чьей основной целью является снижение насилия и поддержка социально-экономических условий, которые предотвращают будущие конфликты. В то время как эффективное миростроительство требует сбалансированного подхода между безопасностью и развитием, ЧВК отдают приоритет милитаризации, усиливающей восприятие местной угрозы и запускающей цикл эскалации мер безопасности. Усиленные методы обеспечения безопасности отчуждают местные сообщества, уменьшая их агентность и собственность – ключевые факторы в достижении прочного мира. Милитаристский подход «бункеризации» создает физические и психологические разногласия между вмешивающимися сторонами и местными жителями, ограничивая доверие и сотрудничество, необходимые для миростроительства. Игнорирование ЧВК местных знаний, сформированных европоцентристскими перспективами, еще больше затрудняет понимание коренных причин насилия. В обстановке, когда приоритет отдается милитаризации, ЧВК усилили свое влияние в глобальном миротворчестве, за счет решений, учитывающих конкретные условия и интересы сообщества [4].

Глобальный сектор ЧВК принес около 223 миллиардов долларов дохода в 2020 году и, по прогнозам, удвоится к 2030 году, при этом США являются как основным клиентом, так и штаб-квартирой для некоторых из крупнейших в мире ЧВК. США используют их для сокращения расходов, расширения оперативных возможностей и уменьшения видимого размера военных развертываний, однако эта зависимость привела к значительным злоупотреблениям и скандалам, особенно в Ираке и Афганистане. Несмотря на это, регулирующий надзор США ограничен, что оставляет ЧВК значительную свободу и минимальную подотчетность. Проблемы собственности и национальной безопасности, окружающие ЧВК, создают непрозрачную среду, скрывающую их деятельность и связи, способствуя сомнительным практикам и конфликтам интересов. Непрозрачность способствовала коррупции, поскольку ЧВК сотрудничают с политически связанными подрядчиками и местными влиятельными лицами, подрывая цели США в зонах конфликтов. В глобальном масштабе ЧВК также позволяют авторитарным режимам обходить ограничения на военную силу, как это видно в странах Ближнего Востока и Африки, где обученные в США подрядчики поддерживают спорные действия. В США ЧВК все больше переплетаются с внутренней политикой и вызывают опасения по поводу потенциальных конфликтов интересов и влияния бывших лидеров ЧВК на государственные должности. Без усиленного надзора углубляющаяся роль ЧВК как во внешних, так и во внутренних делах ставит под угрозу интересы, репутацию и безопасность США [10].

Рост частных военных компаний создал глобальную индустрию с более чем миллионом сотрудников, предоставляющих военные услуги правительствам, корпорациям и частным клиентам. ЧВК предлагают государствам инструмент для скрытного проецирования власти, обходя политические риски, поскольку они действуют в правовых серых зонах с ограниченным надзором. И Россия, и Соединенные Штаты широко использовали ЧВК – Россия в Центральноафриканской Республике (ЦАР), а США в Ираке и Афганистане, где участие ЧВК в злоупотреблениях стало печально известным. ЧВК также служат корпоративным интересам и в мирное время, в частности, в китайской инициативе «Один пояс, один путь», где они защищают зарубежные активы. Несмотря на то, что Женевские конвенции технически регулируют ЧВК, слабое исполнение и отсутствие обязательных правил позволяют этим компаниям избегать ответственности. Документ Монтрé и Международная ассоциация кодекса поведения (ICoCA) установили руководящие принципы для ЧВК, но остаются необязательными. Этот пробел в регулировании означает, что персонал ЧВК получает менее строгую подготовку и контроль, чем традиционные военные силы, как это видно на примерах злоупотреблений ЧВК во всех военных конфликтах. Будучи и крупнейшим поставщиком, и потребителем ЧВК, Соединенные Штаты должны в первую очередь участвовать в регулировании отрасли, обеспечении соблюдения стандартов ICoCA и содействии международному сотрудничеству в расследованиях. Более жесткий подход к регулированию сдержит злоупотребления ЧВК во всем мире, хотя он также рискует непреднамеренно легитимизировать отрасль [1].

Российская группа Вагнера вывела частные военные компании в центр внимания всего мира в последние годы, определив их растущее влияние на международную безопасность. Несмотря на то, что ЧВК существуют уже несколько десятилетий, их использование значительно возросло за последние 30 лет, поскольку государства передают военные и охранные операции на аутсорсинг

частным компаниям. Они же выполняют самые разные задачи: от охраны инфраструктуры до участия в боевых действиях. Некоторые ЧВК тесно сотрудничают с государственными военными, в то время как другие действуют как традиционные наемники. Деятельность группы Вагнера на Украине продемонстрировала, как ЧВК способны помогать регулярным военным силам. Государства обращаются к ЧВК для решения бюджетных ограничений, сложностей современной войны и необходимости более гибких и экономически эффективных решений. Однако использование ЧВК вызывает серьезные опасения относительно ответственности, легитимности и их потенциала подрывать государственный суверенитет. Глобальное распространение ЧВК привело к проблемам, связанным с их демилитаризацией после конфликта и обеспечением их соответствия международному праву. Африканская, российская и американская модели ЧВК иллюстрируют отличающиеся оперативные подходы, причем модель Вагнера является особенно спорной. Помимо боевых действий, Вагнер также участвовал в кампаниях по дезинформации, что усложняло его роль в мировой политике [2].

Суммируя, ЧВК предоставляют преимущества, выраженные в гибкости и способности быстро мобилизовать силы, как это было продемонстрировано в Ираке и ЦАР, где они задействовались как дополнительный персонал без бюрократических задержек, характерных для вооруженных сил. ЧВК также предлагают специализированные навыки, набирая опытных военных и полицейских, что зачастую сложно воспроизвести для национальных армий. Кроме того, ЧВК нанимают сотрудников на международном уровне, что позволяет иметь разнообразный пул персонала. С политической точки зрения использование ЧВК более рентабельно, чем развертывание национальных войск, что снижает как финансовое, так и политическое бремя для правительств [4].

Однако существуют заметные расходы и риски, связанные с ЧВК. Их услуги бывают дороже, чем услуги традиционных вооруженных сил, особенно в районах с высоким риском, из-за завышенных зарплат и высоких страховых взносов. ЧВК также сталкиваются с проблемами надежности и нехваткой персонала при выполнении критических задач, как это было в Ираке. Правовая неопределенность, связанная с ЧВК, усложняет подотчетность, поскольку на них не распространяются обычные законы войны, что подвергает их юридическим и операционным рискам. Наконец, опора на частные военные компании подрывает государственные военные институты, отвлекая квалифицированный персонал от национальных сил и размывая различия между частными и государственными службами безопасности [4, 6].

Качественное управление сектором безопасности поддерживает ценности подотчетности, прозрачности и верховенства закона, гарантируя, что как государственные, так и негосударственные поставщики услуг безопасности придерживаются высоких стандартов. Несмотря на то, что ЧВК предлагают специализированные знания, расширяющие возможности государственной безопасности, их управление остается недостаточно развитым, а правовые и политические рамки отстают. При этом ЧВК используются для усиления национальных сил безопасности, но они подвергаются критике за нарушения прав человека, что определяет необходимость более строгого надзора со стороны регулирующих органов. Ключевое различие между ЧВК и наемниками заключается в их природе: ЧВК являются коммерческими организациями, в то время как наемники являются комбатантами, мотивированными в первую очередь финансовыми стимулами. Документ Монтрé и Международный

кодекс поведения содержат добровольные руководящие принципы для операций ЧВК, но они не являются юридически обязательными. Национальные правила для ЧВК слабы, не имеют механизмов обеспечения соблюдения, а экстерриториальная юрисдикция усложняет усилия по их регулированию [6].

Неравномерное внедрение международных норм усугубляет проблемы прозрачности и подотчетности. На национальном уровне государства должны укреплять правовые рамки, улучшать обучение и устанавливать эффективный надзор для решения проблем прав человека и обеспечения соблюдения международного права. Поэтому необходим комплексный подход к реформированию системы безопасности для согласования ЧВК с демократическими принципами, верховенством закона и стандартами прав человека, что способствует укреплению безопасности государства и человека [3].

Результаты исследования

Анализ показывает, что частные военные компании становятся более значимыми игроками в современной внешней политике, предлагая государствам гибкий, экономически эффективный и политически выгодный инструмент для преследования национальных интересов за рубежом. Их основные преимущества связаны с повышенной оперативной мобильностью, способностью выполнять военные и охранные задачи без политического или общественного контроля, который сопровождается развертыванием регулярных вооруженных сил, и возможностью обходить правовые и этические ограничения в чувствительных или тайных операциях. С помощью тематических исследований по использованию ЧВК Россией, США, в Африке и на Ближнем Востоке была установлена стратегическая полезность ЧВК в достижении конкретных внешнеполитических целей.

Однако применение ЧВК также влечет за собой значительные риски. К ним относится потенциальная потеря государственного контроля над военными операциями, когда частные подрядчики действуют вне государственного надзора или подотчетности. Развертывание ЧВК также связано с негативными последствиями для международной репутации государства, особенно когда с этими компаниями связаны злоупотребления или незаконная деятельность, как это видно из рассмотренных споров с участием подрядчиков США. Более того, отсутствие единой правовой базы для регулирования ЧВК в глобальном масштабе делает государства уязвимыми для злоупотреблений и усложняет их интеграцию в международное право и нормы.

Поэтому, несмотря на то, что ЧВК предлагают заметные преимущества их использование должно тщательно контролироваться. Государства должны сопоставлять эти преимущества с рисками. Растущая важность ЧВК в современной внешней политике требует разработки всеобъемлющих правовых рамок и нормативного надзора для смягчения негативных последствий, связанных с их применением.

Заключение

В заключение, частные военные компании предлагают государствам универсальный инструмент для достижения стратегических целей. Их способность предоставлять быстрые, гибкие и экономически эффективные военные и охранные услуги позволяет правительствам преследовать национальные интересы без политических и логистических ограничений традиционных военных развертываний. Преимущества ЧВК очевидны в их способности

поддерживать операции в сложных условиях, управлять рисками и сокращать прямое участие государственных вооруженных сил в деликатных или тайных мероприятиях.

Однако государства сталкиваются с трудностями в сохранении контроля над этими частными организациями, особенно когда они действуют в нестабильных или подверженных конфликтам регионах. Отсутствие подотчетности и регулирования приводит к нарушениям прав человека, юридическим нарушениям и репутационному ущербу для государства, наносящего их. Более того, непрозрачный характер операций ЧВК, усугубляемый участием политических связанных лиц и неформальных сетей, создает возможности для коррупции и подрывает легитимность действий правительства.

В конечном счете, использование ЧВК в качестве инструмента внешней политики требует тщательного баланса. Государства должны создать надежную правовую и нормативную базу для обеспечения прозрачности, подотчетности и соблюдения международного права. Продолжающийся рост индустрии ЧВК выделяет необходимость международного сотрудничества и надзора для решения проблем, создаваемых этими субъектами в современной геополитике. Преодолевая эти сложности, государства будут использовать потенциал ЧВК, одновременно снижая неотъемлемые риски, связанные с их применением.

Литература

1. Bodurtha M. An Obligation to Regulate: How Private Military Companies Embolden Conflict with Impunity from the Middle East to Central Africa //Columbia Journal of Transnational Law. – 2022. – С. 1–5.
2. Council of the European Union. The Business of War – Growing risks from Private Military Companies //Research paper. – 2023. – С. 1–9.
3. DCAF. Private military and security companies (PMSCS) //SSR Backgrounder Series. – 2024. – С. 1–7.
4. De Groot T., Regilme Jr S.S.F. Private military and security companies and the militarization of humanitarianism //Journal of Developing Societies. – 2022. – Т. 38. – № 1. – С. 50–80.
5. Gasser M., Malzacher M. Beyond banning mercenaries: The use of private military and security companies under IHL //International Humanitarian Law and Non-State Actors: Debates, Law and Practice. – 2020. – С. 47–77.
6. Habtom N. K.-T. Are State-Owned Military Companies the Future? //Lawfare. – 2023. – С. 1–4.
7. Leander A. Eroding State Authority? Private Military Companies and the Legitimate Use of Force // CeMiSS – 2004. – 180 с.
8. Malešević S. From Mercenaries to Private Patriots: Nationalism and the Private Military Contractors //The Sociology of Privatized Security. – 2019. – С. 45–66.
9. Østensen Å. G. UN use of private military and security companies: Practices and policies //Ubiquity Press. – 2011. – Т. 3. – 83 с.
10. Picard M. Private Military and Security Companies Are A Homegrown Threat //Inkstick. – 2023. – С. 1–5.

PRIVATE MILITARY COMPANIES AS A FOREIGN POLICY INSTRUMENT: ADVANTAGES AND RISKS FOR THE STATE

Shekikhanov M.A.
Russian State Social University

The article explores the evolution of private military companies (PMCs), their strategic use, advantages and associated risks. The study begins by describing the historical emergence of PMCs and

their growing role in international politics. It then analyzes how States use PMCs to achieve foreign policy goals, through both sanctioned and covert operations. The paper highlights the advantages that PMCs offer to governments, especially operational flexibility, rapid deployment and reduced political responsibility. However, their risks of potential loss of oversight, reputational damage and documented cases of abuse are also considered. Finally, the article presents specific case studies on the use of PMCs in the United States, Russia, Africa and the Middle East.

Keywords: private military companies, foreign policy, state interests, flexibility, risks, international reputation.

References

1. Bodurtha M. An Obligation to Regulate: How Private Military Companies Embolden Conflict with Impunity from the Middle East to Central Africa //Columbia Journal of Transnational Law. – 2022. – pp. 1–5.
2. Council of the European Union. The Business of War – Growing risks from Private Military Companies //Research paper. – 2023. – pp. 1–9.
3. DCAF. Private military and security companies (PMSCS) //SSR Backgrounder Series. – 2024. – pp. 1–7.
4. De Groot T., Regilme Jr S.S.F. Private military and security companies and the militarization of humanitarianism //Journal of Developing Societies. – 2022. – T. 38. – № 1. – pp. 50–80.
5. Gasser M., Malzacher M. Beyond banning mercenaries: The use of private military and security companies under IHL //International Humanitarian Law and Non-State Actors: Debates, Law and Practice. – 2020. – pp. 47–77.
6. Habtom N. K.-T. Are State-Owned Military Companies the Future? //Lawfare. – 2023. – pp. 1–4.
7. Leander A. Eroding State Authority? Private Military Companies and the Legitimate Use of Force // CeMiSS – 2004. – 180 p.
8. Malešević S. From Mercenaries to Private Patriots: Nationalism and the Private Military Contractors //The Sociology of Privatized Security. – 2019. – pp. 45–66.
9. Østensen Å. G. UN use of private military and security companies: Practices and policies //Ubiquity Press. – 2011. – T. 3. – 83 p.
10. Picard M. Private Military and Security Companies Are A Home-grown Threat //Inkstick. – 2023. – pp. 1–5.

Роль года КНР в РФ в развитии китайско-российских отношений

Айданна Балэсяти,

аспирант, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: danaalga@mail.ru

В статье раскрываются вопросы, связанные с рассмотрением развития китайско-российского сотрудничества в рамках проекта национальный год. Цель исследования – изучить роль года КНР в РФ в развитии китайско-российских отношений, разработать перспективные направления дальнейшего китайско-российского сотрудничества. Цель исследования – изучить роль года КНР в РФ в развитии китайско-российских отношений, разработать перспективные направления дальнейшего китайско-российского сотрудничества. Основными методами исследования явились: метод анализа, сравнения, логического рассуждения. В статье отмечается, что Китай и Россия являются стратегически важными партнерами в различных областях и сферах деятельности. Страны заинтересованы в взаимовыгодном международном сотрудничестве с целью повышения уровня экономического, социального, культурного, политического, военного, гуманитарного развития. Изучены основные проблемы и препятствия в области развития международного сотрудничества между КНР и РФ. Автором подчеркивается важность развития международных отношений между Россией и Китаем на современном этапе развития. Изучены основные преимущества проведения года КНР в РФ. Разработаны перспективные направления дальнейшего развития китайско-российского сотрудничества. Определены основные ожидаемые результаты проведения национальных годов в ближайшей перспективе. Изучены основные итоги проведения национального года КНР в РФ. Проведение таких мероприятий поможет еще больше сблизить Россию и Китай, достичь глубокого уровня их взаимопонимания, доверия друг к другу.

Методы: Основные методы исследования: метод анализа, сравнения, логического рассуждения.

Результаты: Изучена роль года КНР в РФ в развитии китайско-российских отношений. Разработаны перспективные направления дальнейшего китайско-российского сотрудничества.

Выводы: Роль года КНР в РФ определила стратегическую направленность развития китайско-российских отношений. Проведение великой церемонии оказало положительное влияние на развитие и укрепление делового сотрудничества между странами, сформировало стратегические цели и задачи в политической, социальной, экономической и культурной сфере. Позволило также сблизить общие дружественные интересы китайского и российского народа, их идеи, мировоззрения людей и достичь гармонии в отношениях.

Ключевые слова: год; КНР; Россия; развитие; отношения; перспективы; сотрудничество.

Введение

В последние годы отношения Россия и Китая становятся более тесными и дружественными. Эти две великие державы объединяют общие интересы в различных областях и сферах народнохозяйственной деятельности. Так, активно развивается торговое, научное, культурное, медицинское сотрудничество и т.д. Год КНР в РФ стал великим историческим событием и драйвером развития международных отношений между двумя странами, укрепления партнерских отношений и основой планирования будущего развития. Важно отметить, что год КНР в РФ, по сути, является грандиозным проектом в области политического, экономического, военного, гуманитарного развития. Данный проект открывает широкие возможности для достижения высоких показателей производственно-хозяйственной деятельности, повышения интенсивности международных обменов, увеличения степени доверия и т.д. Следовательно, изучение роли года КНР в РФ в области развития китайско-российских отношений имеет важное стратегическое значение [7, с. 40].

Научная новизна работы заключается в разработке перспективных направлений дальнейшего развития китайско-российского сотрудничества.

Проблематика данного исследования связана с тем, что в настоящее время недостаточно проведено исследований по данной теме. Углубление в рассмотрение данных вопросов позволит расширить уровень познания и границы интересов.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, логического рассуждения.

Литературный обзор

Вопросы, связанные с изучением роли года КНР в РФ в развитии китайско-российских отношений рассматривали многие ученые такие, как Кожухова К.Е., Лу Хунюнь, Ли Шуан, Путинцева И.К., Степанов В.В., Соловьев Д.А., Терентьева Ю.А., Цзя Сюдун, Цветкова А.А. и другие. Продолжим данное исследование с более углубленным рассмотрением вопросов темы.

Результаты

Россия и Китай с давних времен ведет сотрудничество и осуществляет партнерство в различных сферах и областях деятельности. У обеих стран существуют похожие черты, сближают родственные интересы и цели. Географическое положение также объединяет обе великие державы многочисленными реками, сухопутными путями, что делает торговлю взаимовыгодной и перспективной. Глубокие исторические ценности, традиции, культура также способствуют сближению интересов и взглядов людей. Это дает основание предположить, что в ближайшем будущем возможно будет достигнуть поставленных задач

развития и добиться высоких результатов [6, с. 10]. Кроме того, в последние годы страны сблизило оказание внешнеполитического давления со стороны США и других европейских стран. Санкционная война еще более укрепила связи между Россией и Китаем на международной арене. Это привело к переоценке торгово-экономического сотрудничества, изменению финансовой политики, а также политики в сфере обеспечения экономической безопасности стран [9, с. 112].

Однако, существует ряд проблем на пути развития КНР и РФ в современных условиях, к числу которых можно отнести:

- 1) стремление каждой из стран к лидерству, что может привести к обострению интересов и соперничеству;
- 2) проблема неразвитости инвестиционного портфеля, что сдерживает развитие и проведение различных мероприятий;
- 3) логистические проблемы;
- 4) ряд других проблем.

На сегодняшний день КНР и РФ прилагают усилия для роста и развития национальной мощи, укрепления внутренних и внешних связей, развития экономики и улучшения качества жизни своих граждан. Проведение таких международных мероприятий, как год КНР в РФ еще раз доказывают то, что отношения двух государств находятся на высоком уровне развития [3, с. 355].

Важно отметить, что международные отношения между Китаем и Россией строятся в настоящее время на глубоких доверительных отношениях. Страны открыто обсуждают волнующие их вопросы, пытаются найти их решения. А также спланировать и спрогнозировать различные события. В последнее время главы двух государств обсуждают на встречах политические вопросы, основные проблемы безопасности, взаимодействие в области культуры, образования и искусства. Страны активно помогают друг другу в сложных вопросах, оказывают финансовую поддержку и содействие.

Доверие стран друг к другу также усиливается с помощью контактов людей. Так, в рамках мероприятий национальных годов осуществляется всестороннее взаимодействие между различными категориями граждан. Тематические года насыщены программой мероприятий, различными выступлениями, симпозиумами, конференциями. Это позволяет гостям и туристам обмениваться мнениями друг с другом, делиться опытом и впечатлениями [5, с. 24].

Следовательно, необходимо подчеркнуть важную роль проведения национальных годов для повышения культурных обменов, развития дружественных и деловых отношений, повышения уровня доверия и открытости между всеми людьми.

Год Китая в РФ проводился в 2007 году по решению двух глав государств. Основной целью его проведения явилось, прежде всего, укрепление международного сотрудничества и партнерства. Было проведено порядка 300 различных мероприятий различной направленности и тематики. Итоги проведения данного мероприятия оказали огромное влияние на все сферы деятельности, начиная от экономики, заканчивая культурой. В рамках года активно осуществлялась коммуникация между народами, обсуждались основные идеи, потребности, стратегические цели и задачи. Появилась реальная возможность узнать много нового и интересного о жизни Китая, и России.

Открытие года осуществили Президент РФ Владимир Путин и верховный лидер Китая Ху Цзиньтао. Открытие года КНР в РФ является великой праздничной церемонией, сближающей интересы двух соседских держав, укрепляющей их деловые и партнерские свя-

зи. На фоне последних политических событий Россия и Китай сохранили и преумножили свои отношения, основанные на глубоком уважении друг к другу, историческом наследии и ценностях. Основными предпосылками установления долгосрочных, взаимовыгодных отношений явилось сотрудничество в рамках ШОС, участие в совместных проектах и мероприятиях как научного, так и культурного характера.

Среди основных мероприятий, проводимых в рамках года, стало проведение массовых культурных мероприятий, праздников, научных выступлений. Так, программа года Китая в РФ насыщена множественными концертами для широкой массы публики, выступлениями артистов, театральными представлениями, музыкой, программой научных сообщений и т.д. Кроме того, были проведены мероприятия в области развития и расширения бизнес-сообществ России и Китая [1, с. 136].

В Китае очень ценят и уважают русскую культуру, интересуются ее историей, традицией. Важно отметить, что китайский народ очень дружелюбный и приветливый народ. Их отличает стремление к общению, налаживание контактов, обмен знаниями и культурой. Культура – это мостик, который соединяет Россию и Китай, выстраивает новые двусторонние отношения на дружественной основе. Поэтому год КНР в РФ проводился под знаком дружбы, доверия, открытости, уважения друг к другу [10].

Рассмотрим основные преимущества проведения года КНР в РФ, к числу которых можно отнести следующие:

- 1) укрепление и развитие деловых и партнерских связей и отношений;
- 2) формирование дружеских отношений, взаимного доверия и открытых контактов;
- 3) развитие и формирование отношений в политической, экономической, научной, культурной, гуманитарной сфере;
- 4) укрепление военной и экономической безопасности стран;
- 5) снижение финансовых рисков, а также возможных потерь в основной производственно-хозяйственной деятельности;
- 6) планирование и прогнозирование стратегической деятельности и т.д.

Год КНР в РФ позволил достичь ряд первоочередных результатов в области развития торговли. Так, были сформированы и открыты стартовые площадки для торгового сотрудничества двух стран, что позволило увеличить товарооборот и выручку от продажи продукции.

В рамках года были также проведены культурные мероприятия, которые привели к обмену культурными ценностями, интересами между двумя культурами. Так, был проведен праздник под названием «Маршрут китайско-русской дружбы», который освятил основные традиции и историю двух народов. Кроме того, были проведены многочисленные выставки на которых были представлены драгоценности из камней, металлов. Стоит подчеркнуть, что особенно интересными данные мероприятия являются для молодежи, которая интересуется проблемами культуры, нравственного развития.

Взаимный обмен знаниями, опытом и навыками в рамках международного обмена способствует углублению сотрудничества между странами, укреплению дружественных отношений. Считаем, что благодаря совместным усилиям, двум странам удастся добиться в торговой, инвестиционной, военной, политической и экономической сферах [4, с. 35].

В данной работе разработаны перспективные направления дальнейшего развития китайско-российского сотрудничества, представлены на Рисунке 1.

Рис. 1. Перспективные направления дальнейшего развития китайско-российского сотрудничества [Разработано автором]

Считаем, что разработанные направления должны создать благоприятную основу для развития совместной деятельности России и Китая в различных областях и сферах деятельности, что будет способствовать более глубокому укреплению дружественных и партнерских связей.

Основными ожидаемыми результатами проведения национальных годов в ближайшей перспективе являются:

- 1) разработка и утверждение мероприятий по развитию в области культуры, науки, образования;
- 2) демонстрация знаний, опыта и навыков работы в различных сферах и областях деятельности;
- 3) совершенствование подходов и механизмов к реализации политики, экономики, социально-культурной сферы;
- 4) повышение эффективности работы с молодежью;
- 5) развитие научно-технической сферы для сотрудничества (разработка и внедрение инноваций);
- 6) развитие и расширение туристического бизнеса и т.д. [2, с. 114].

Президент РФ Владимир Путин подписал распоряжение о проведении годов культуры Китая и России в 2024–2025 году. Это позволит расширить двусторонние связи, наметить основные пути социально-культурного развития, создать условия для жизни граждан и проведения досуга, наметить приоритеты в области совместных культурных программ, проведения праздников и т.д. В рамках проведения данного мероприятия запланированы различные программы и выступления. Особенно делается акцент на привлечение к данному мероприятию молодежи. Следовательно, часть запланированных мероприятий касается спорта, науки, средств массовой информации (СМИ), культуры, истории и т.д. Основной целью в рамках года является передача опыта и знаний молодому поколению, воспитания в них чувства ответственности, патриотизма, долга перед Родиной, а также взаимоуважения друг к другу, открытости в общении, честности и т.д. Все это позволит воспитать гармонично развитое общество, сформировать новую культуру общения и поведения людей, повысить их уровень и качество жизни [8, с. 137].

Таким образом, национальные годы открывают широкие возможности для сотрудничества КНР и РФ в различных сферах и областях. Используя взаимный опыт и знания, предоставляется возможность ликвидировать «узкие» места в совместной работе и наоборот, усилить

выгодные стороны сотрудничества с перспективой их развития в будущем.

Обсуждение

Проведение национальных мероприятий в рамках года являются основой благополучного развития государств, фактором стабильности их дипломатических и дружественных интересов. В частности, российско-китайское сотрудничество является важным фактором мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и во всем мире, заявил первый заместитель председателя правительства России Дмитрий Медведев. Проведение национальных годов в рамках различных направлений и тематик не только сможет укрепить взаимоотношения между Китаем и Россией, но заложить основу для долгосрочного развития в различных сферах и областях деятельности, а также обеспечить национальную защиту интересов.

Заключение

Проведение национальных годов является стратегическим и политически важным решением государств. За последние годы российско-китайские отношения продвинулись в различных аспектах деятельности, укрепились в области дружественных интересов и связей. Поэтому проведение таких мероприятий будет способствовать еще большему пониманию и развитию двух государств, совместному достижению поставленных целей и решению задач. Основными итогами проведения года КНР в РФ явились: повышение роли и значимости двух государств на международной арене, укрепление внешней политической и военной безопасности, развитие торгово-экономических отношений, развитие социально-культурной сферы и многое другое. Следовательно, трудно переоценить важность роли года КНР в России в развитии китайско-российских отношений на современном этапе.

Литература

1. Кожухова К. Е. «Стратегическая культура» в научном дискурсе Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 136–144.
2. Лу Хунюн. Историко-культурная ретроспекция международных связей Китая и России // Наука и школа. 2022. № 2. С. 114–120.
3. Ли Шуан. Российско-китайские отношения на современном этапе // Молодой ученый. 2016. № 15 (119). С. 355–357.
4. Путинцева И.К. Стратегическое сотрудничество России и Китая // Инновационная экономика. Казань: Бук. 2015. С. 35–37.
5. Степанов В.В. Особенности торгово-экономического сотрудничества в ШОС // История и археология. 2022. С. 24–26.
6. Соловьев Д.А. Годы Китая в России // Обозреватель. 2023. № 3. С. 10–17.
7. Терентьева Ю.А. Китай и Россия в проекте Новый шелковый путь: интересы и возможности. М. 2023. 560 с.
8. Цзя Сюдун. Культурная политика и индустрия Китая в контексте глобализации // Век глобализации. 2018. № 2 (26). С. 137–201.
9. Цветкова А.А. Сфера культуры и культурные индустрии в РФ // Молодой ученый. 2023. № 7. С. 112–119.
10. Год Китая в России должен принести обильные плоды [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2007/02/16/>

THE ROLE OF THE YEAR OF THE PRC IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE DEVELOPMENT OF SINO-RUSSIAN RELATIONS

Aidanna Balexhati

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article reveals the issues related to the consideration of the development of Chinese-Russian cooperation within the framework of the National Year project. The purpose of the study is to study the role of the Year of the People's Republic of China in the Russian Federation in the development of Sino-Russian relations, to develop promising areas for further Sino-Russian cooperation. The purpose of the study is to study the role of the Year of the People's Republic of China in the Russian Federation in the development of Sino-Russian relations, to develop promising areas for further Sino-Russian cooperation. The main research methods were: the method of analysis, comparison, and logical reasoning. The article notes that China and Russia are strategically important partners in various fields and fields of activity. The countries are interested in mutually beneficial international cooperation in order to increase the level of economic, social, cultural, political, military, and humanitarian development. The main problems and obstacles in the development of international cooperation between China and the Russian Federation have been studied. The author emphasizes the importance of the development of international relations between Russia and China at the present stage of development. The main advantages of holding the Year of the People's Republic of China in the Russian Federation have been studied. Promising directions for the further development of Chinese-Russian cooperation have been developed. The main expected results of the national years in the near future have been determined. The main results of the National Year of the People's Republic of China in the Russian Federation have been studied. Holding such events will help bring Russia and China closer together, achieve a deep level of mutual understanding and trust in each other.

Methods: The main research methods: the method of analysis, comparison, logical reasoning.

Results: The role of the Year of the People's Republic of China in the Russian Federation in the development of Sino-Russian relations has been studied. Promising directions for further Chinese-Russian cooperation have been developed.

Conclusions: The role of the Year of the People's Republic of China in the Russian Federation has determined the strategic direction of the development of Sino-Russian relations. The holding of the great ceremony had a positive impact on the development and strengthening of business cooperation between the countries, formed strategic goals and objectives in the political, social, economic and cultural spheres. It also made it possible to bring together the common friendly interests of the Chinese and Russian people, their ideas, people's worldviews and achieve harmony in relations.

Keywords: year; China; Russia; development; relations; prospects; cooperation.

References

1. Kozhukhova K. E. "Strategic Culture" in the Scientific Discourse of China // *Problems of the Far East*. 2021. No. 3. Pp. 136–144.
2. Lu Hongyun. Historical and Cultural Retrospection of International Relations between China and Russia // *Science and School*. 2022. No. 2. Pp. 114–120.
3. Li Shuang. Russian-Chinese Relations at the Present Stage // *Young Scientist*. 2016. No. 15 (119). Pp. 355–357.
4. Putintseva I.K. Strategic Cooperation between Russia and China // *Innovative Economy*. Kazan: Buk. 2015. Pp. 35–37.
5. Stepanov V.V. Features of Trade and Economic Cooperation in the SCO // *History and Archeology*. 2022. P. 24–26.
6. Soloviev D.A. Years of China in Russia // *Observer*. 2023. No. 3. P. 10–17.
7. Terentyeva Yu.A. China and Russia in the New Silk Road Project: Interests and Opportunities. Moscow. 2023. 560 p.
8. Jia Xudong. Cultural Policy and Industry of China in the Context of Globalization // *Century of Globalization*. 2018. No. 2 (26). P. 137–201.
9. Tsvetkova A.A. The Sphere of Culture and Cultural Industries in the Russian Federation // *Young Scientist*. 2023. No. 7. P. 112–119.
10. The Year of China in Russia Should Bring Abundant Fruit [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2007/02/16/kitaiskiigod.html?ysclid=m2kk2klwvc865144815> (accessed 10/22/2024).

Международное сотрудничество в области цифрового финансового управления: стратегии управления Китая с точки зрения АБИИ

Ли Цзюньи,

магистрант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 690649687@qq.com

Международное сотрудничество в сфере цифрового финансового управления приобретает всё большее значение в условиях глобализации и роста цифровых технологий. В этом контексте опыт Китая и его взаимодействие с международными институтами, такими как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), привлекают пристальное внимание. Китай, будучи ведущей экономикой, активно развивает цифровые финансовые технологии и продвигает новые стратегии управления, которые становятся важной частью его международного сотрудничества. АБИИ в свою очередь играет роль важного партнёра, предоставляя площадку для обмена технологиями и стандартизации процессов в области цифрового финансового управления. Китайское правительство нацелено на укрепление своего влияния в цифровой экономике, поэтому оно внедряет инновации и развивает национальные платформы цифровых финансов. В рамках этого направления Китай уделяет особое внимание обработке и защите данных, а также управлению рисками. Важной задачей становится предотвращение киберугроз и выработка надёжных механизмов защиты конфиденциальной информации, что требует скоординированных усилий на международной арене. Китайские стратеги понимают, что устойчивое развитие невозможно без поддержки и участия глобального сообщества, поэтому Китай активно развивает сотрудничество в рамках АБИИ. АБИИ выступает как ключевой институт для разработки и реализации инновационных цифровых финансовых решений в азиатском регионе. Этот банк объединяет усилия стран-участниц, чтобы стимулировать совместное развитие технологий и укреплять международные стандарты в сфере цифрового управления. Китай, как один из основателей АБИИ и один из главных участников его программ, оказывает значительное влияние на политику банка. Партнёрство Китая и АБИИ позволяет обмениваться передовыми практиками и технологиями, что помогает стандартизировать подходы к цифровому управлению и снижать разрыв между различными государствами в уровне цифровизации.

Ключевые слова: Международное сотрудничество, цифровое финансовое управление, Китай, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, инновации, защита данных, управление рисками, цифровая экономика.

Китай играет важнейшую роль в цифровом управлении финансами, добившись значительных успехов в цифровизации своего финансового сектора. Его достижения в этой области включают внедрение технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект и большие данные, которые способствуют созданию инновационных финансовых платформ и решений. В Китае активно развивается система цифровых платежей, одна из самых передовых в мире: такие платформы, как Alipay и WeChat Pay, сделали возможными безопасные и быстрые транзакции для миллионов людей. Более того, Китай стал первым крупным государством, запустившим собственную цифровую валюту центрального банка (CBDC) – цифровой юань, что стало важным шагом в процессе цифровизации экономики и позволило обеспечить контроль и безопасность финансовых транзакций на новом уровне [1, с. 123–127].

Однако, несмотря на значительные достижения, Китай сталкивается с рядом вызовов. Быстрая цифровизация несет определенные риски, связанные с безопасностью данных, киберугрозами и конфиденциальностью личной информации. Растет потребность в усилении защиты данных и выработке надежных механизмов, способных предотвратить утечку информации и повысить доверие к цифровым финансовым технологиям среди населения и бизнеса. Кроме того, высокая концентрация крупных цифровых платформ, таких как Alibaba и Tencent, порождает риск монополизации и ограничивает конкуренцию в финансовом секторе. Поэтому Китай вынужден искать баланс между поддержкой инноваций и контролем над растущими цифровыми платформами [2, с. 37].

Одной из главных мотиваций Китая для развития цифровых финансовых технологий является укрепление своей позиции на международной арене. Программы международного сотрудничества, такие как инициативы в рамках Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), помогают Китаю расширить своё влияние, продвигая стандарты и практики цифрового управления. Это сотрудничество позволяет Китаю обмениваться опытом и технологиями с другими странами, развивая инфраструктуру цифровых финансов и улучшая доступ к ним. В глобальном масштабе Китай активно продвигает инициативы в области цифровых финансов, такие как создание трансграничных платформ для упрощения международных транзакций [3, с. 78].

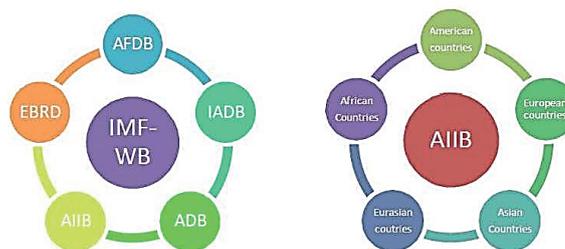

Figure 1: The first Systemic Image: The Emergence of the AIIB as a Peripheral Institution in International Economic Order

Source: Author

Инициативы Китая в области цифровых финансовых технологий оказывают большое влияние на глобальную экономику. Запуск цифрового юаня привлекает внимание стран и финансовых институтов по всему миру, побуждая их к разработке аналогичных валют и повышая интерес к использованию цифровых валют в международных расчетах. Кроме того, китайские финансовые технологии, как и стандарты кибербезопасности, задают новые ориентиры для других стран, способствуя их интеграции в мировую экономику.

Китай разрабатывает и внедряет инновационные стратегии в области цифрового финансового управления, что позволяет ему оставаться лидером в сфере цифровой экономики. Основные направления включают развитие цифровых финансовых платформ, обеспечение безопасности данных и управление рисками. Эти стратегии формируют комплексный подход к управлению цифровым финансовым сектором и содействуют интеграции Китая в мировую финансовую экосистему [4, с. 35].

Одним из важнейших направлений является развитие цифровых финансовых платформ, таких как широко используемые Alipay и WeChat Pay, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни и позволили миллионам пользователей осуществлять транзакции быстро и безопасно. Государственные инициативы также играют важную роль: Китай активно развивает цифровую валюту центрального банка – цифровую юань, которая укрепляет контроль государства над финансовыми транзакциями и поддерживает стабильность экономики. Такие платформы и инструменты способствуют финансовой инклюзии, позволяя людям даже в отдалённых регионах получать доступ к финансовым услугам.

Важным элементом стратегий Китая является управление данными и защита конфиденциальной информации. В условиях масштабной цифровизации защита данных становится приоритетной задачей, поскольку она напрямую связана с доверием пользователей и стабильностью финансовой системы. Китай принял ряд законов, направленных на защиту данных, включая Закон о защите персональных данных (PIPL) и Закон о кибербезопасности, которые регулируют сбор, хранение и использование данных. Эти меры направлены на повышение уровня защиты и укрепление контроля над данными, что особенно важно при увеличении объёмов финансовых транзакций и данных, циркулирующих в цифровом пространстве [5, с. 123].

Стратегии управления рисками в цифровом финансовом секторе также играют центральную роль в политике Китая. Быстрая цифровизация связана с новыми вызовами, такими как киберугрозы, мошенничество и технические сбои, что требует эффективных мер для их предотвращения и контроля. В рамках комплексного подхода к управлению рисками Китай разрабатывает и внедряет современные инструменты мониторинга, аналитики и предотвращения угроз. Кроме того, государственные регуляторы активно сотрудничают с частными компаниями, что позволяет обеспечить комплексную защиту от рисков и повысить уровень кибербезопасности.

Таким образом, стратегии Китая в области цифрового финансового управления охватывают все ключевые аспекты: развитие цифровых платформ, управление данными и защита информации, а также управление рисками. Этот комплексный подход позволяет Китаю не только развивать внутренний финансовый рынок, но и выстраивать доверительные отношения с международными партнёрами, повышая стабильность и безопасность глобального цифрового финансового сектора.

Литература

1. Педанов В.А., Митрохин М.Ю., Нгуен Куок Хунг, Яковлев А.А. Информационно-технологическое сотрудничество РФ и СРВ на подъеме // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С 159–171.
2. Луконин С.А. Китай и проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Проблемы и перспективы эволюции системы международной безопасности на транстихоокеанском пространстве / Отв. Ред. В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М., 2014. С. 23–28.
3. Чаоцин В. Сотрудничество в области безопасности в рамках ШОС // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 123–127.
4. Рубченко М.В. В Пекине призвали к созданию юаневой зоны мировой экономики // Ведомости, 15.07.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/14/834581-v-pekine-prizvali-k-sozdaniyu-yuanevoi-zoni>.
5. Терских М.А. «Один пояс, один путь»: взгляд из Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2019, № 2 (43). С. 166–171.

INTERNATIONAL COOPERATION IN DIGITAL FINANCIAL GOVERNANCE: CHINA'S GOVERNANCE STRATEGIES FROM THE AIIB PERSPECTIVE

Li Junyi
MSU

International cooperation in the field of digital financial management is becoming increasingly important in the context of globalization and the growth of digital technologies. In this regard, China's experience and its interactions with international institutions, such as the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), draw close attention. As a leading economy, China is actively developing digital financial technologies and promoting new management strategies, which have become a significant part of its international cooperation. AIIB, in turn, plays a critical role as a partner, providing a platform for technology exchange and standardizing processes in the field of digital financial management. The Chinese government aims to strengthen its influence in the digital economy by introducing innovations and developing national digital financial platforms. Within this framework, China places particular emphasis on data processing, data protection, and risk management. A key priority is the prevention of cyber threats and the creation of reliable mechanisms to protect confidential information, which requires coordinated efforts on the international stage. Chinese strategists recognize that sustainable development is impossible without the support and participation of the global community; therefore, China is actively fostering cooperation within the framework of AIIB. AIIB serves as a key institution for the development and implementation of innovative digital financial solutions in the Asian region. This bank brings together the efforts of participating countries to foster joint technological development and strengthen international standards in digital management. As one of the AIIB's founding members and major program participants, China significantly influences the bank's policies. The partnership between China and AIIB facilitates the exchange of best practices and technologies, helping to standardize approaches to digital management and reduce the digitalization gap between different countries.

Keywords: International cooperation, digital financial management, China, Asian Infrastructure Investment Bank, innovations, data protection, risk management, digital economy

References

1. Pedanov V.A., Mitrokhin M.Yu., Nguyen Quoc Hung, Yakovlev A.A. Information and Technology Cooperation between Russia and Vietnam on the Rise // Russian-Vietnamese Relations Today: Areas of Converging Interests. Moscow: IDV RAS, 2020. Pp. 159–171.

2. Lukonin S.A. China and Security Issues in the Asia-Pacific Region // Issues and Prospects of the Evolution of the International Security System in the Trans-Pacific Region / Ed. By V.V. Mikheev, V.G. Shvydko. Moscow, 2014. Pp. 23–28.
3. Chaoqing V. Security Cooperation within the Framework of the SCO // Theory and Practice of Social Development. 2014. No. 21. Pp. 123–127.
4. Rubchenko M.V. Beijing Calls for the Creation of a Yuan Zone in the Global Economy // Vedomosti, 15.07.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/14/834581-v-pekine-prizvali-k-sozdaniyu-yuanevoi-zoni>.
5. Terskikh M.A. “One Belt, One Road”: A View from Vietnam // Southeast Asia: Current Issues of Development, 2019, No. 2 (43). Pp. 166–171.

Влияние дедолларизации БРИКС на китайско-российские отношения и китайско-российское корпоративное управление

Лю Ханьвэнь,

магистратура, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: Liuhanwen@mail.ru

Дедолларизация, инициируемая странами БРИКС, оказывает глубокое влияние на экономические и политические отношения между Китаем и Россией. Обе страны активно стремятся уменьшить свою зависимость от доллара США в международных расчётах и укрепить собственные валюты в рамках двусторонней и многосторонней торговли. Этот процесс положительно влияет на китайско-российские отношения, поскольку создаёт условия для устойчивого экономического партнёрства и юанем, что способствует устойчивому росту торгового оборота между странами и укрепляет экономические связи. Кроме того, расширение использования национальных валют снижает транзакционные издержки и ускоряет расчёты, что положительно сказывается на общей эффективности двустороннего сотрудничества. Дедолларизация также оказывает влияние на корпоративное управление китайских и российских компаний. Переход к национальным валютам требует создания новых стандартов управления финансовыми рисками, поскольку компании вынуждены учитывать изменения валютных курсов и новые экономические реалии. Взаимодействие между корпорациями двух стран требует адаптации внутренних механизмов управления, создания совместных структур для поддержания финансовой стабильности и координации. В этом контексте особое значение приобретают вопросы управления активами и стратегического планирования с учетом национальных валют.

Ключевые слова: Дедолларизация, БРИКС, Китай, Россия, национальные валюты, юань, рубль, экономические отношения, корпоративное управление, финансовая инфраструктура, торговый оборот, финансовые риски.

Дедолларизация в рамках БРИКС стала важной инициативой, отражающей стремление стран-участниц уменьшить свою зависимость от доллара США в международной торговле и финансовых операциях. БРИКС, объединяющий крупнейшие развивающиеся экономики мира – Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР – играет ключевую роль в глобальной экономике, оказывая влияние на финансовые потоки, торговлю и финансовые институты. Страны БРИКС стремятся создать более независимую и многополярную финансовую систему, которая уменьшит влияние доллара и обеспечит большую устойчивость к экономическим и политическим потрясениям, связанным с доминированием США [1, с. 30].

Для Китая и России дедолларизация имеет стратегическое значение. Одной из основных целей является снижение уязвимости их экономик к санкциям, которые часто используют США и их союзники. Страны БРИКС активно продвигают использование своих национальных валют, юаня и рубля, в расчетах за товары и услуги. Это позволяет уменьшить влияние волатильности доллара и снизить транзакционные издержки. Для Китая, который является крупнейшим торговым партнером России, использование юаня помогает укрепить его позицию в международной экономике и стимулирует дальнейшее развитие китайской финансовой системы.

Важной целью дедолларизации является также укрепление национальных валют. Для России и Китая это не только способ снизить зависимость от доллара, но и укрепить свою финансовую и экономическую независимость на глобальной арене. В частности, Китай активно развивает инфраструктуру для использования юаня в международной торговле и инвестициях, включая создание платформ и соглашений для двусторонних расчетов с Россией. Россия, в свою очередь, заинтересована в расширении использования рубля в международных расчетах, что способствует диверсификации валютных резервов и повышению финансовой стабильности [2, с. 146].

Механизмы дедолларизации включают не только использование юаня и рубля в двусторонней торговле, но и создание альтернативных финансовых инструментов и платформ для расчетов. Например, Китай и Россия активно развивают системы межбанковских расчетов, которые поддерживают операции в национальных валютах, а также заключают соглашения о взаимном обмене валютными резервами. Такие инициативы способствуют созданию более устойчивой финансовой инфраструктуры и укрепляют экономическое партнерство между странами БРИКС.

Дедолларизация значительно усиливает экономическое партнерство между Китаем и Россией, открывая новые горизонты для двусторонней торговли и финансовых отношений. В условиях глобальной нестабильности и санкционных рисков, стремление стран снизить свою зависимость от доллара США становится важным элементом их стратегического взаимодействия. Использование национальных валют, юаня и рубля, в расчетах за товары и услуги способствует углублению экономических связей и снижению воздействия внешних экономических факторов, таких как валютные колебания или политические санкции [3, с. 86] (рис. 1).

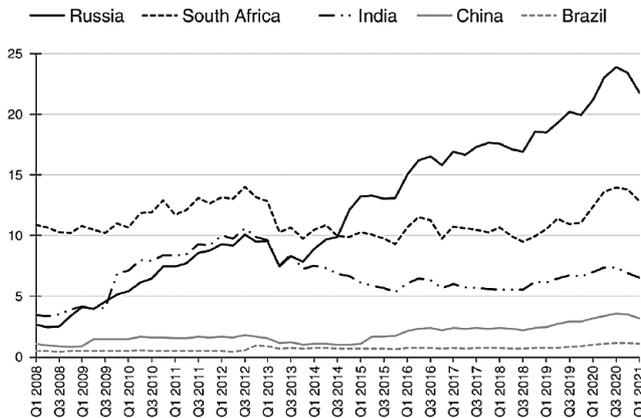

Рис. 1

Одним из ключевых аспектов дедолларизации является развитие финансовой инфраструктуры, которая поддерживает операции с рублем и юанем. Китай и Россия активно работают над созданием совместных платформ для финансовых расчетов, улучшая механизмы обмена валютами и обеспечивая стабильность финансовых потоков. В частности, расширение использования китайского юаня в России и рубля в Китае требует внедрения новых инструментов для проведения транзакций, таких как валютные свопы, а также создания систем, которые обеспечивают безопасность и эффективность расчетов в национальных валютах. Одним из ярких примеров такого сотрудничества стало создание системы межбанковских расчетов, поддерживающей операции в рублях и юанях, что значительно ускоряет финансовые транзакции и снижает издержки.

Дедолларизация также оказывает существенное влияние на торговый оборот и инвестиции между двумя странами. Отказ от использования доллара как основной расчетной единицы способствует уменьшению валютных рисков и делает торговлю более выгодной для обеих сторон. Упрощение расчетов в национальных валютах стимулирует увеличение объема взаимной торговли и расширяет спектр товарных позиций, доступных для обмена. Китай и Россия активно инвестируют в совместные проекты в таких сферах, как энергетика, инфраструктура и технологии, что способствует росту взаимных инвестиций и созданию новых рабочих мест. Кроме того, усиление экономического сотрудничества позволяет обеим странам диверсифицировать свои экономические связи, уменьшив зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры [5, с. 112].

Процесс дедолларизации, активно продвигаемый Россией и Китаем, оказывает существенное влияние на корпоративное управление в этих странах. Адаптация к изменяющейся валютной политике требует от компаний пересмотра стратегий, новых подходов к управлению активами и финансовыми рисками, а также выработки долгосрочных решений для укрепления устойчивости в условиях увеличенного использования национальных валют – рубля и юаня. Этот процесс связан как с вызовами, так и с новыми возможностями для бизнеса в обеих странах.

С переходом на расчеты в рублях и юанях компании сталкиваются с необходимостью адаптации внутренней корпоративной структуры, которая учитывает новые валютные и экономические условия. Одна из главных задач – разработка стандартов управления финансовыми рисками, так как национальные валюты более подвержены колебаниям, чем доллар, который до сих пор остается основой мировой финансовой системы. Это требует гибкости в планировании и пересмотра финансо-

вых стратегий, особенно в части валютных резервов, долгосрочных контрактов и управления ликвидностью. В частности, компании внедряют системы прогнозирования, чтобы более точно учитывать возможные колебания курсов рубля и юаня, а также разрабатывают стратегии хеджирования, чтобы минимизировать валютные риски и защитить свою деятельность от негативных последствий.

Переход на национальные валюты также открывает новые возможности для корпоративного управления, поскольку использование рубля и юаня в расчетах снижает зависимость от международных санкций и валютных рисков, связанных с долларом. Компании, особенно работающие в сфере экспорта и импорта, получают выгоду от сокращения транзакционных издержек и ускорения расчетов, что положительно влияет на общую эффективность их деятельности. Кроме того, увеличение числа сделок в национальных валютах может создать стимулы для китайских и российских компаний к расширению сотрудничества и разработке совместных проектов, направленных на укрепление экономических связей между странами.

Эти изменения также влияют на стратегии управления активами. В условиях дедолларизации компании становятся более гибкими в выборе финансовых инструментов и все чаще рассматривают возможности для инвестиций в национальные валюты. Компании уделяют больше внимания сбалансированному распределению активов, особенно в условиях повышенной волатильности рубля и юаня. Развитие инфраструктуры для торговли и операций в национальных валютах создает новые рыночные возможности и требует компаний координировать свои усилия с банками и финансовыми институтами, чтобы выработать стандарты для финансовых операций и повысить надежность сделок.

Таким образом, дедолларизация оказывает заметное влияние на корпоративное управление китайских и российских компаний, требуя адаптации к новой валютной политике и выработки эффективных стратегий управления активами и финансовыми рисками. В долгосрочной перспективе, успешное приспособление к этим изменениям способно укрепить устойчивость бизнеса в обеих странах и создать условия для взаимовыгодного и стабильного экономического сотрудничества между Китаем и Россией.

Литература

1. Голубцова Е.В., Новикова Е.С. Государственное регулирование экономики в условиях глобального кризиса: влияние налоговой политики на программу импортозамещения // Экономическая безопасность. – 2023. – № 1. – с. 277–290. – doi: 10.18334/есес.6.1.116636.
2. Луконин С.А. Россия и Китай: пределы сотрудничества // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – № 6. – с. 71–82.
3. Маглинова Т.Г. Торговая война США и Китая: экономические причины и последствия // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 8(78). – с. 123–126. – doi: 10.24412/2411-0450-2021-8-123-126.
4. Новикова Е.С. Влияние санкционной политики на трансформацию торгового взаимодействия стран в рамках мировой экономики // Международная торговля и торговая политика. – 2022. – № 4(32). – с. 140–155. – doi: 10.21686/2410-7395-2022-3-140-155.
5. Пак С. Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? // Вестник международных ор-

THE IMPACT OF BRICS DE-DOLLARIZATION ON SINO-RUSSIAN RELATIONS AND SINO-RUSSIAN CORPORATE GOVERNANCE

Liu Hanwen

Moscow State University

Dedollarization, initiated by BRICS countries, has a profound impact on the economic and political relations between China and Russia. Both countries are actively seeking to reduce their dependence on the U.S. dollar in international settlements and strengthen their national currencies within bilateral and multilateral trade. This process positively affects Sino-Russian relations by creating conditions for a stable economic partnership and reducing vulnerability to sanctions and currency fluctuations. As part of dedollarization, China and Russia are increasing the use of their national currencies, the yuan and the ruble, in trade and investment transactions. This stimulates the development of financial infrastructure that supports ruble and yuan transactions, promoting sustainable growth in trade volume between the countries and strengthening economic ties. Additionally, the expanded use of national currencies lowers transaction costs and speeds up settlements, positively impacting the overall efficiency of bilateral cooperation. Dedollarization also influences corporate governance in Chinese and Russian companies. The shift to national currencies requires the creation of new standards for financial risk management, as companies must consider currency exchange rate fluctuations and new economic realities. Cooperation between corporations in both countries necessitates adapting internal manage-

ment mechanisms and creating joint structures to maintain financial stability and coordination. In this context, asset management and strategic planning, taking national currencies into account, become particularly important.

Keywords: Dedollarization, BRICS, China, Russia, national currencies, yuan, ruble, economic relations, corporate governance, financial infrastructure, trade turnover, financial risks

References

1. Golubtsova E.V., Novikova E.S. State regulation of the economy in the context of the global crisis: the impact of tax policy on the import substitution program // *Economic Security*. – 2023. – No. 1. – pp. 277–290. – doi: 10.18334/ecsec.6.1.116636.
2. Lukonin S.A. Russia and China: Limits of Cooperation // *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. – 2019. – No. 6. – pp. 71–82.
3. Maglina T.G. The Trade War between the USA and China: Economic Causes and Consequences // *Economics and Business: Theory and Practice*. – 2021. – No. 8(78). – pp. 123–126. – doi: 10.24412/2411-0450-2021-8-123-126.
4. Novikova E.S. The Impact of Sanctions Policy on the Transformation of Trade Interactions among Countries in the Global Economy // *International Trade and Trade Policy*. – 2022. – No. 4(32). – pp. 140–155. – doi: 10.21686/2410-7395-2022-3-140-155.
5. Pak S. The Trade War between China and the USA: What Will Happen to the Chinese Economy? // *Bulletin of International Organizations*. – 2020. – No. 2. – pp. 213–235. – doi: 10.17323/1996-7845-2020-02-10.

Майоров Илья Евгеньевич,
старший преподаватель ИФУР, РАНХиГС
E-mail: ilyamayorov@yandex.ru

Статья посвящена описанию восприятия образа России, русского языка и русской культуры среди учащейся молодежи Германии современного исторического периода. В исследовании 2024 года приняли участие 45 немецкоговорящих студентов в возрасте 18–27 лет, изучающих русский язык или русскую культуру в качестве специальности. Научно-теоретической базой работы стали социологические опросы и исследования, касающиеся внешнего имиджа России, которые проводились отечественными и зарубежными исследователями в последние десятилетия. Указана динамическая составляющая имиджа РФ, намечены перспективы стратегии, направленной на создание эффективного имиджа страны в современных политико-экономических условиях; сделан вывод о необходимости акцентирования значимости русской культуры, роли русского языка на международной арене.

Ключевые слова: имидж русского языка, имидж России, имидж русской культуры, государство, внешний имидж, социокультурные и политические факторы, восприятие, молодежь Германии.

Введение

Современные геополитические условия, тренд на анти-российские санкции и новая социокультурная и экономическая ситуация в России – все это обуславливает необходимость пересмотреть некоторые устоявшиеся позиции и мнения как в науке, так и в общественном мнении. *Объектом изучения* в настоящем исследовании стал комплекс понятий – имидж русского языка, имидж России и русской культуры в восприятии молодых граждан, проживающих в современной Германии и являющихся носителями западной системы ценностей.

Очевидно, что центральное понятие, которое мы выбрали для изучения, – имидж – представляет собой многослойный феномен, формируемый различными социально-культурными, экономическими, историко-языковыми и политическими факторами, которые достаточно подробно описаны в современной гуманитаристике (Жеглова, 2015; Давыборец, 2015; Дроздова, 2021; Бровкина, 2009; Быба, 2008; Гравер, 2012; Григорьева, 2010; Горбушина, 2023; Глинская, 2016 и др.). В качестве рабочего определения предлагаем взять вариант, предложенный в диссертационном исследовании Ю.В. Быбы: имидж государства есть «комплексное стереотипизированное представление о нем, основанное, с одной стороны, на объективных характеристиках государства с учетом исторических особенностей его развития, с другой стороны, сформированное с помощью мифологизации и информационно-коммуникативных технологий, опосредованное коллективным опытом народа» (Быба, 2008).

При изучении факторов, влияющих на формирование внешнего имиджа государства, исследователи рекомендуют учитывать их многообразие и корреляцию: внешнеполитический, инвестиционный, культурный, исторический, спортивный, научный, экономический, туристический и др. имиджи. Поскольку объектом нашего научного интереса является имидж российского государства в восприятии молодежи Германии, то он будет состоять из нескольких значимых компонентов – прежде всего, культурного, исторического, спортивного и научно-образовательного имиджей, а также политического и туристического, однако в меньшей степени.

Ю.Г. Жеглова к компонентам, которые формируют целостный внешнеполитический имидж государства, относит *материальные и ценностные компоненты*, которые обычно действуют на сознание воспринимающей стороны в синергии. К категории материальных исследователь относит военную и экономическую мощь страны (в том числе измеримую в конкретных параметрах – таких как доля в мировом ВВП, темпы роста экономики, объем и структура экспорта, уровень жизни населения, число вооружения и стратегические разработки), а также реальную внешнюю политику. К числу ценностных элементов, по мнению ученого, следует отнести: развитие передовых технологий, достижения в науке и культуре, уровень здравоохранения, политическая система и соблюдение прав человека, вклад в мировую культуру, достижения в мировом спорте, имидж главы государства и лидеров экономики и бизнеса и проч. (Жеглова, 2018).

И.Ю. Глинская к числу факторов, формирующих имидж, относит группы критериев, выделенных по сфе-

рам жизни страны, к примеру: политические факторы (политический диалог, позиция лидера, участие в международных организациях и др.); уровень и размах экономических проектов (участие в международных организациях типа БРИКС, ЕАЭС, организация международных экономических форумов, международные проекты в области энергетики и др.); культурные факторы (мероприятия по распространению культурных ценностей и языка); научные (международные космические проекты, развитие системы научных институтов и их «весомость» на международной арене) и образовательные критерии (обмен преподавателями и студентами, конкурентоспособность выпускников вузов, открытие международных программ); спортивные (проведение и организация международных спортивных мероприятий, процент победителей в общем зачете) и гуманитарные (Глинская, 2016).

З.О. Цыренжапов к факторам, влияющим на имиджевый потенциал страны за рубежом, относит: историческое наследие и природные богатства; достижения науки, спорта и культуры; многонациональность и туристическую привлекательность и разнообразие регионов страны (Цыренжапов, 2008, с. 145). Думается, что туристическая привлекательность России в последние два года значительно снизилась, однако это динамический показатель и он может вновь обрести должную степень влияния. Примечательно, что к числу преимуществ России исследователь относит ее культурное и национальное многообразие.

Все эти факторы в той или иной степени оказывают влияние на восприятие образа нашей страны и всех концептуальных элементов, связанных с ней.

При этом, как отмечает в одной из своих работ Ю.Г. Жеглова, стратегия формирования имиджа России за рубежом требует существенных корректировок и дополнений: имидж должен быть не столько позитивным (а в современных политико-экономических условиях это весьма затруднительно – комментарий автора статьи), сколько эффективным (Жеглова, 2015). К примеру, необходимо доработать и диверсифицировать тактические цели по факторам, формирующим имидж, каналам коммуникации и целевым аудиториям. Следует обратить внимание на те группы факторов, которые поддаются корректировке: их можно изменить в лучшую для России сторону, если задаться таковой целью, считает исследователь. Наша работа отчасти призвана решить обозначенную проблему.

Цель настоящего исследования – выявить семантические слоты, из которых образуется имидж современной России и восприятие всего русского в западном мире на примере анализа восприятия немецкоязычных студентов, а также основные сложности и противоречия в эмоциональной оценке образа концепта «русское», их первопричины. В перспективе, основываясь на нашем исследовании и работах, его дополняющих, возможно будет представить концепцию моделирования эффективного образа России в странах Западной Европы.

Методы и подходы

В настоящей статье используются как общие методы научного исследования (теоретический анализ, синтез, систематизация, элементы математического анализа), так и специфические гуманитарные методы – такие как анкетирование, контент-анализа. Также отметим, что исследование выполнено с опорой на следующие концепции и подходы: коммуникативный, субъектно-деятельностный, интегративно-типологический, нарративный подходы и др.

Степень разработанности проблемы

Поскольку наше исследование имеет практическую направленность, дадим краткий обзор имеющихся в открытых источниках социологических исследований и цифровых данных, касающихся восприятия тех или иных аспектов нашей страны за рубежом.

Начнем с весьма показательных результатов опроса граждан России на тему факторов, обуславливающих рост влияния нашей страны в мире (по сути, ее внешнеполитического имиджа, только в восприятии россиян), проведенного платформой «ФОМ» в 2019 году. 17% опрошенных тогда ответили, что возросла военная мощь России, «нас стали бояться»; 6% связали рост с экономическими успехами и 4% – с миротворческой внешней политикой, 2% – с борьбой с ИГИЛ, терроризмом.

Очевидно, что данные на 2024 год должны значительно отличаться из-за новой геополитической расстановки, усиления санкционного режима, а главное – за счет массивной антироссийской медиапропаганды, развернувшейся с 2022 года в странах Европы, которую неофициально принято называть «медиавойной». Как утверждает Ш. Мюллер в монографии «Культурные стереотипы в общественном сознании» (Мюллер, 2019), стереотипы об иностранной культуре, быте другой страны, психологии ее граждан формируются в значительной мере на основании медиарепрезентации, которая и создает личное восприятие образа страны. С этим утверждением трудно не согласиться.

В открытом доступе сегодня можно найти ряд статистических и качественных исследований, посвященных изучению восприятия образа России или ее имиджа разными категориями жителей Европы на протяжении XX века и в первой трети нового тысячелетия.

Важно отметить, что серьезные положительные изменения в общественном мнении относительно России стали намечаться в 2000-е годы: до этого образ России был крайне размыт и овеян массой необоснованных стереотипов (которые, кстати, были активированы и в повестке 2022–2024 гг.). Ярким подтверждением тому может стать исследование 2002 года А. Smale, который в качестве ведущего стереотипа, существующего в восприятии жителей англоговорящих стран, отмечает «присущую российскому населению склонность к несвободе, рабству, вследствие чего Россия видится страной политического деспотизма» (Smale, 2002).

В середине 2000-х российский истеблишмент занялся стратегией мирового продвижения положительного образа России более осознанно. Ю.Г. Жеглова, отметив, что целенаправленно заниматься построением положительного и эффективного образа на международной арене наша страна начала лишь в новом тысячелетии, приводит следующие наблюдения. На середину и конец 1990-х гг., согласно опросам Gallup, пришел период так называемого «внешнеполитического романтизма» по отношению к России, и согласно некоторым опросам в 1995–1997 гг. значительная часть (более половины) американцев и европейцев относились к России положительно. Однако уже к концу десятилетия такое благостное настроение сменилось настороженностью, которая была продиктована рядом мировых событий. Постепенно США начали вытеснять Россию с постсоветского пространства, способствовали невозможности экономического и политического сотрудничества РФ и ряда стран. То есть при сохранении положительной динамики в восприятии образа России гражданами европейских стран и США ее внешнеполитический имидж не укреплял национальные интересы и не помогал проводить нужную

стране внешнюю политику, то есть был неэффективен (Жеглова, 2018; Жеглова, 2015).

Как демонстрируют опросы респондентов из разных стран 2007 года, восприятие нашей страны было не совсем дружественным: так, 65% из опрошенных французов и 62% немцев отметили, что относятся к России негативно; 35% жителей США и 31% граждан Великобритании дали такой же ответ (Мартынова, 2011).

2014 год стал противоречивым из-за ситуации с Крымом, позиции Украины на этот счет, проведением Олимпиады в Сочи и в целом не улучшил отношение к России в мире. Согласно данным, опубликованным Pew Research Center for the People and the Press, в июле 2014 года, «неприятно» к РФ на тот момент относилось 74% жителей европейских стран и почти столько же жителей США, 68% проживающих в странах Ближнего Востока, 45% латиноамериканцев, 41% из числа опрошенных в Азии и 31% – в странах Африки (Жеглова, 2015).

Примечательно, что цифры 2013 года незначительно отличались от приведенных выше, хотя тогда еще Россия не получила статус «политического аутсайера»: отрицательно к РФ относилось 64% европейцев, 54% американцев, 43% из опрошенных представителей на Ближнем Востоке, 38% жителей Латинской Америки, 36 и 27% – населяющих Азию и Африку соответственно (Pew Research, 2013).

Похожая картина предстает и в результатах Лондонской неправительственной исследовательской организации под названием Legatum Institute. В ежегодном проводимый опрос включается ряд критериев для оценки образа страны: представляемый уровень жизни, безопасность и так называемый «индекс процветания». В 2011 году Россия в рейтинге «процветающих» стран мира оказалась на 63-й позиции, двумя годами ранее – на 69-й. Первые места традиционно закреплялись за европейскими странами (Норвегия, Дания), Австралией и США (Legatum Institute, 2011).

Негативно воспринимается и экономика нашей страны. Так, американское печатное издание The Wall Street Journal, анализирует российский бизнес и экономику, зачастую указывает на «непрозрачность существующих экономических отношений в стране, и, как следствие, снижение инвестиционной привлекательности российского бизнеса» (Митяева, 2009).

В.К. Белозёров, М.О. Улитина, ознакомившись с результатами исследований, касающихся восприятия имиджа России в разных странах Европы и Азии того периода, пришли к выводу, что зачастую этот образ следует описывать как «неопределенный, а часто негативный», что отрицательно влияет «на отношения с мировым сообществом и отстаивание национальных интересов» (Белозеров, Улитина, 2015).

В исследовании еще одного нашего соотечественника В.В. Кочеткова «Роль чемпионата мира по футболу 2018 г. в формировании имиджа России» (Кочетков, 2020) содержатся некоторые интересные данные. Автор провел анализ зарубежных средств массовой информации за 2018 год, значительная доля из которых – англоязычные интернет-медиа США и Западной Европы. Огромную роль в смещении оценки в восприятии России сыграли такие события, как Чемпионат мира по футболу 2018 года и Зимние олимпийские игры в Сочи в 2014 году. Автор замечает, что количество публикаций нейтрального или негативного характера на тему безопасности, успешности оргработы заметно снижается после открытия чемпионата. Упоминание же жителей России, их быта, традиций, национального характера и до и после открытия сохранялось скорее положительным. В отрицательном контексте стабильно упоминалась фигура

президента РФ, состояние с соблюдением прав человека и отношение к представителям ЛГБТ-сообщества на территории нашей страны (Кочетков, 2020, с. 121–122). И все же, несмотря на указанные тематические расхождения, ученый утверждает однозначно положительную роль Чемпионата мира по футболу 2018 года в формировании имиджа России на международной арене, опровержение ряда стереотипов за счет их расхождения с реальностью.

Необычными оказались результаты исследования восприятия имиджа России, предпринятого D.B. Kazarina, V.B. Taisheva в 2017 году. Исследователи проводили опрос двух иностранных студенческих групп – тех, кто никогда не был в России, и тех, кто приезжал в Россию учиться. Оказалось, что непосредственный опыт знакомства с повседневными российскими реалиями добавил к оценкам потенциала российского общества молодыми людьми больше скепсиса. Авторы приходят к выводу о том, что обучение в России оказало выраженное и фиксируемое в результатах опроса негативное влияние на восприятие страны как геополитической державы (Kazarina, Taisheva, 2019, p. 30).

Еще одно исследование, проведенное методом глубинного интервью и формализованного электронного анкетирования М.В. Вилисовым, Е.В. Батовриной, О.В. Михайловой в 2021 году среди молодежи постсоветских стран, продемонстрировало доминирующую положительную эмоциональную направленность восприятия России и позволило авторам составить список индикаторов, демонстрирующих особенности отношения к нашей стране в молодежной среде (средний возраст респондентов 22,5 года) в странах Восточной Европы и Ближнего зарубежья (Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Монголии, Таджикистана, Туркмени и Узбекистана). Такое отношение, по мнению авторов, обусловлено понятной совокупностью факторов (многoletним изучением русского языка и обучение в школе по российской программе – 99,6% участников опроса владеют русским языком как разговорным; наличие смешанных семей с русскими отцом или матерью; личный опыт респондентов, например, дружба с русскими, возможность получать бесплатное российское образование по квоте и т.д.) (Вилисов и др., 2021).

Так, высокий процент респондентов, оценивающих свое отношение к России как «положительное», был выявлен среди представителей Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана (около 80% в каждой из стран). При этом в каждой из групп были установлены признаки неоднозначно положительного восприятия (путем восстановления ассоциативных рядов, связанных с упоминанием названия страны). Были названы как ассоциации со знаком «плюс» («красивая природа», «богатая культура», «весомость», «ресурсность» и др.), так и маркировки со знаком «минус» («высокий уровень коррупции», «диктатура власти», «имперство», «агрессия» и др.). Необычным кажется вывод о том, что отрицательные ассоциации в наиболее высокой степени были зафиксированы в анкетах молодых людей из Беларуси (там же, с. 219).

В 2019 году были опубликованы результаты изучения имиджа России во времена так называемого «сирийского кризиса» (военная операция в Сирии) в представлении евразийской молодежи. Как оказалось, «молодежь почти повсюду относится к России лучше респондентов старшего возраста»: в 10 из 25 стран представители молодого поколения и студенчества относятся к России значительно лучше, чем их родители. Негативно настроенной по отношению к России, «антироссийски настро-

енной» оказалась молодежь Польши, Иордании (по 80% среди опрошенной молодежи), Израиля (74%), Японии (73%), Германии и Франции (по 70%) (Озмаян, 2019, с. 125–126). Примечательно, что исследование выполнено до начала специальной военной операции и демонстрирует результат восприятия иных исторических конфликтов и столкновений в политической сфере.

Очевидно, что для полноценного представления реальной картины недостает исследований, проведенных после 2022 года, поскольку начало специальной военной операции значительно поменяло не только отношение к России на Западе и отчасти в других странах, но изменило и набор имиджевых черт страны, которые имеют двойственную коннотацию – и положительную, и отрицательную. Научные исследования подобной тематики за 2023–2024 гг. отсутствуют по объективным причинам и ожидаются в ближайшее время. Представим результаты, полученные нами в ходе опроса 45 студентов из Германии, изучающих русский язык или русскую историю.

Результаты

Опрос проводился в июле 2024 года среди 45 студентов (18–27 лет) германских университетов, изучающих русский язык или русскую историю, дистанционно (онлайн) путем заполнения анкеты с открытыми и закрытыми вопросами, касающимися образа России, русского языка, русской культуры и истории, политики государства. Всего перед респондентами было поставлено 13 вопросов, среди которых такие вопросы как:

- *Напишите 3 ассоциации со словами «русский язык». С чем он для вас ассоциируется в первую очередь?*
- *Для чего вы изучаете русский язык? Какую положительную роль он может сыграть в вашем будущем? Как вы сможете его применить в будущем?*
- *Можете назвать причины, почему к русскому языку некоторые из ваших друзей, коллег, знакомых относятся сегодня скорее негативно?*
- *Напишите 3 ассоциации со словом «Россия». С чем она для вас ассоциируется в первую очередь?*
- *Читаете ли вы современные германские медиа, которые пишут о России? Какие именно?*
- *Какой предстает современная Россия в немецких новостях?*
- *Какие новости вам встречаются чаще – позитивной или негативной направленности?*
- *Как вам кажется, изменилось ли отношение к России в Германии за последние два года? Как, в какую сторону?*
- *Что вы думаете о русских людях как нации? Назовите 3 характеристики, которые первые приходят вам в голову. Русские люди – какие они?*
- *Что вы думаете о русской истории? Назовите 3 самых важных ее события, которые вам известны.*
- *Русская культура и русская классическая литература – что вы думаете об этих феноменах?*
- *Кого из русских классиков вы читаете / знаете?*
- *Что еще вы считаете важным сообщить о вашем нынешнем восприятии русского?*

Отметим, что вопросы были продублированы на родном языке опрашиваемых, а также имели варианты формулировок, пояснения. Приведем наиболее валидные и показательные данные, полученные нами в результате обработки анкетных данных.

55% респондентов связывают русский язык с высоким уровнем образования и научными достижениями и считает, что его изучение способно обеспечить им хорошую карьеру и профессиональный рост. 28% опрошенных, наоборот, пессимистично настроены и считают,

что выбор русского языка в качестве объекта изучения был ошибочным. Среди причин негативного отношения студенты называли «падение имиджа России в мире», «агрессивную внешнюю политику России», «нестабильность российской экономики», «негативный образ России в европейском обществе». 17% не дали конкретного ответа.

Интересно в опросе была представлена функциональная нагруженность русского языка в восприятии немецких студентов. 83% респондентов отметили, что хотят читать русскую классическую литературу в оригинале. 37% указали, что собираются найти работу в сфере бизнеса, торговых отношений и русский язык может пригодиться. 24% связывают знание русского языка в карьере в области искусства или культуры. 8% видят себя в числе политиков или дипломатов, а потому русский язык как один из международных языков необходимо знать в той или иной мере.

78% студентов выразило интерес к изучению русской культуры и истории, однако большинство из группы отметили наличие страхов, связанных с политической ситуацией вокруг России («непонятно что и как будет дальше», «боюсь, будет только хуже», «не знаю, изменится ли эта ситуация»).

69% опрошенных учащихся немецких университетов отметили, что образ России в германском обществе сегодня и в последние годы в значительной мере искажается негативными новостями. 13% отметили, что не читают новости и стараются сохранять «нейтралитет», «объективную позицию». 45% участников исследования считают Россию авторитарной страной с демократическими дефицитами, 20% респондентов ассоциируют ее с военными действиями и международными конфликтами.

40% из числа опрошенных студентов отметили, что отношение к России в Германии изменилось в последние два года значительно, 33% – изменилось не столь значительно, 5% – не изменилось, остальные затруднились с ответом.

Обсуждение

Представим аналитическую интерпретацию полученных результатов, обобщив их в виде сущностно значимых наблюдений, сделанных нами по ходу исследования и обработки анкет испытуемых.

Первое наблюдение. Была установлена выраженная эмоциональная нагруженность образа всего «русского», в том числе и русского языка, который, согласно нашим данным, сохранил наиболее позитивный имидж из когорты «русское». По мнению известного исследователя культурной политики профессора Х. Шульца, «язык становится окном в национальную идентичность, и его восприятие в значительной степени зависит от текущих международных отношений» (Шульц, 2020). Как показало проведенное анкетирование, действительно позиции русского языка, его восприятие в современных условиях не лишено эмоциональной оценки. И хотя отрицательных компонентов в восприятии собственно русского языка было зафиксировано не так много, важно отметить соседство концептов языка и таких эмоций, как страх и неопределенность, сопутствующих процесс его изучения («не уверен, что русский язык теперь мне пригодится в будущем», «родители против того, чтобы я ехал в Россию на языковую практику», «думаю, что у меня могут быть сложности с поиском работы», «изучаю русский, но не знаю, кем буду работать потом»).

Вторым наблюдением стало понимание важности учета влияния русскоговорящей диаспоры, проживаю-

щей в Германии и, как оказалось, оказывающей существенное влияние на имидж России и концепта «русское» в восприятии немецкоговорящих студентов. Русскоговорящие сообщества, активно участвующие в культурной жизни, играют важную роль в популяризации языка и традиций – этот факт часто обсуждается в научной литературе. Как отмечает культуролог В.Д. Попков, диаспора служит своего рода «мостом» между культурами, способствуя обмену и взаимопониманию (Попков, 2003). Мероприятия, проводимые эмигрантами, такие как выставки, концерты, совместные празднования и языковые курсы, по сей день создают возможности для сближения между русским и немецким обществом. Так, из числа тех, кто настроен скорее оптимистично в отношении роли русского языка в мире и позиции России на международной арене и отвечал хотя бы на один из вопросов анкеты в позитивном ключе, подавляющее большинство (82%) общаются с русскоговорящими в Германии, за последний год хотя бы раз посещали русскоязычные мероприятия, концерты приезжих российских звезд, встречи с писателями и т.д.

Важно отметить, что влияние русскоязычной диаспоры не ограничивается только культурными мероприятиями. Сообщества часто становятся центрами языкового обмена, где жители Германии могут практиковать русский язык, а русскоговорящие, в свою очередь, углубляют свои знания немецкого. Такие инициативы способствуют взаимному обогащению и создают условия для настоящего культурного диалога. И если до 2022 года общаться с носителями русского можно было свободно в соцсетях, то теперь, ввиду экстралингвистических факторов, такого общения приходится искать «на местах» или через личные знакомства.

Отметим, что их 45 опрошенных только 13 человек смогли посетить Россию в качестве туристов или студентов, приехавший на языковые курсы (8 – до 2022 года, 5 – после). Все они позитивно настроены в отношении перспектив русско-европейского взаимодействия и собственного профессионально-карьерного роста, считают изучение русского языка «важным», «значимым», «хорошим занятием». Очевидно, что личный контакт с россиянами, видение страны «изнутри» существенно повлияло на их отношение к России и всему русскому.

В-третьих, невзирая на внешнеполитическую повестку и общий минорный новостной фон, изучение русского языка в немецких университетах не теряет популярности, что также влияет на восприятие русской культуры, граждан России и русского языка. Согласно данным, собранным на ежегодной конференции по славистике в Гиссенском университете в 2023 году, количество студентов, изучающих русский, за последние пять лет увеличилось на 12%. Около трети опрошенных студентов участвовали в подобных мероприятиях собираются продолжать участвовать, поскольку считают, что это неотъемлемая часть процесса изучения языка и знакомства с культурой.

Четвертым фактором является роль русской классической литературы в формировании имиджа России и всего русского. Русская классическая литература, являясь одним из важнейших источников культурного знания, играла и продолжает играть значительную роль в формировании образа России в коллективном сознании иностранных читателей, в том числе и немецких студентов. Среди тех, кто отметил, что одной из причин изучения русского языка, является желание читать классическую литературу в оригинале, больший процент составили респонденты мужского пола (из 37 ответивших утвердительно – 23 мужчины и 14 женщин). В качестве «любимых» русских классиков были названы: Лев Тол-

стой (15 человек), Фёдор Достоевский (11 человек), Антон Чехов (7 человек), Александр Пушкин (4 человека).

Произведения русских классиков не просто передают исторические факты, они погружают читателя в мир человеческих переживаний, духовных исканий. В результате немецкие студенты начинают воспринимать Россию не только как абстракцию или географическую единицу, но и как источник глубоких человеческих историй и философских размышлений. Этот опыт способствует развитию эмпатии и понимания, укреплению межкультурных связей и разрушению стереотипов.

Наконец, в качестве *пятого вывода* нашего пока пилотного исследования отметим следующее наблюдение. Сложность в формировании положительного имиджа России в современном культурно-политическом контексте в большой мере связана с медийным контекстом. Современные медиа нередко акцентируют внимание на политических аспектах, а не на культурных достижениях России и россиян.

Среди немецких новостных медиаресурсов, которые читают студенты, были названы Spiegel, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Bild. По примерным оценкам самих респондентов, около 60% новостных сообщений имеют негативную тональность, концентрируются на таких темах, как коррупция, политические репрессии и международные конфликты. Негативная тональность новостей способствует формированию негативного образа, однако из-за того, что студенты изучают русскую историю, литературу, искусство и выбрали эти направления своей будущей профессией, это влияние в некоторой степени в их группе ослабевает. Очевидно, что при опросе студентов других специальностей показатели с фиксацией негативного восприятия концепта «русское» должны быть выше.

Считаем, что одним из приоритетов возможной будущей медийной кампании, направленной на улучшение внешнего имиджа страны, должны стать мероприятия, демонстрирующие разнообразие и богатство русской культуры, которая есть противовес политике. Необходимо использовать медиамероприятия в комплексном подходе, включающие освещение позитивных аспектов российской жизни, а также стараться расширить студенческие источники информации – например, включать медиатексты позитивной направленности в пособия по изучению русского как иностранного.

Выводы

Восприятие имиджа России немецкой молодежью является сложным и многогранным процессом, на который существенно влияет современный цифровой мир и медийный новостной контекст. Однако современный имидж русского языка и русской культуры среди студентов Германии, изучающих РКИ или русскую историю, представляет собой сплав восхищения и настороженности, требующий дальнейших исследований и социальных диалогов.

Если подходить к понятию имиджа государства как намеренно моделируемой эффективной или неэффективной системе представлений вовне, то российской стороне следует подключить больше медиа- и информационных факторов. Рекомендуется разработать полноценные долговременные стратегии по улучшению международного имиджа России, такие как активное продвижение культурных и научных достижений, а также создание медийных проектов, направленных на улучшение взаимопонимания между странами. Это может помочь сбалансировать медийную повестку и предоставлять более объективное и многогранное представление о России для немецкой молодежи.

Необходимы активные меры, направленные на создание положительного имиджа через программы обмена и совместные культурные проекты. Понимание и привлечение к диалогу молодых людей могут способствовать формированию нового, более сбалансированного восприятия русского языка и культуры в Германии в какой-то степени независимо от восприятия курса внешней политики российского государства и его оценки в Европе.

Литература

1. Белозёров В.К., Улитина М.О. О желаемом международном имидже России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2015. № 26 (737). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhelaemom-mezhdunarodnom-imidzhe-rossii-1> (дата обращения: 21.09.2024).
2. Бровкина Ю.Ю. Бренд как образ социального объекта // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск, 2009. № 1. С. 248–252.
3. Быба Ю.В. Имидж современного Российского государства: состояние и перспективы формирования: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
4. Вилисов М.В., Батоврина Е.В., Михайлова О.В. Образ России в сознании молодежи постсоветских стран: опыт социологической оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 212–230.
5. Глинская И.Ю. Формирование и продвижение бренд-имиджа России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-prodvizhenie-brend-imidzha-rossii> (дата обращения: 06.09.2024).
6. Горбушина О.П. Междисциплинарная модель имиджа стран // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnaya-model-imidzha-stran> (дата обращения: 25.09.2024).
7. Гравер А.А. Образ, имидж, бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19).
8. Григорьева Н.И. Имиджи и симулякры в социально-коммуникативной среде современной цивилизации: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2010. 198 с.
9. Давыборец Е.Н. Влияние социально-психологических особенностей субъекта восприятия на формирование имиджа государства // Вестник ЗабГ У. 2015. № 8 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-psihologicheskikh-osobennostey-subekta-vospriyatiya-na-formirovanie-imidzha-gosudarstva> (дата обращения: 08.07.2024).
10. Дроздова Ю.А. Имидж региона в стратегии развития территории: монография. Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2021. 396 с.
11. Жеглова Ю.Г. Внешнеполитический имидж Российской Федерации: проблема целеполагания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2015. № 2 (713). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskii-imidzh-rossii-skoifederatsii-problema-tselepolaganiya> (дата обращения: 09.09.2024).
12. Жеглова Ю.Г. Трудности имиджевой политики в интересах Российской Федерации // Общество: по-

литика, экономика, право. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-imidzhevoy-politiki-v-interesah-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 07.09.2024).

13. Кочетков В.В. Роль чемпионата мира по футболу 2018 г. в формировании имиджа России // Вестник Московского ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3. С. 106–126.
14. Мартынова Л.Г. Современный имидж России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 151 с.
15. Митяева Ю.А. Международный имидж России в американской прессе в 2000–2008 гг. // Известия АлтГ У. 2009. № 4–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-imidzh-rossii-v-amerikanskoj-presse-v-2000-2008-gg> (дата обращения: 28.08.2024).
16. Мюллер Ш. Культурные стереотипы в общественном сознании: монография. М.: Русский мир, 2019.
17. Озмаян М.С. Имидж современной России в представлении евразийской молодежи в период сирийского кризиса // Вестник экономики, права и социологии. 2019. Т. 2. № 3. С. 125–129.
18. Попков В.Д. Диаспорные общины в межкультурном взаимодействии: Пути формирования и тенденции развития: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2003. 395 с.
19. Цыренжапов З.О. Имидж России в мировом информационном пространстве: проблемы и перспективы развития // Социология власти. 2008. № 1. С. 144–150.
20. Kazarinova D.B., Taisheva V.B. Perceptions of Russia in the Global World. Does Russian Education Policy Work? // RUSSIA IN GLOBAL AFFAIRS. VOL. 17. No. 4. 2019. Pp. 20–52.
21. Legatum Institute. URL: <http://www.prosperity.com/#/> (дата обращения: 29.09.2024).
22. Pew Research Center. URL: <http://www.people-press.org/2013/12/03/public-sees-u-s-power-declining-as-support-for-global-engagementslips/12-3-2013-8/> (дата обращения: 10.09.2024).
23. Smale A. Russia's Leaders Are Different It's the People Who Are the Same // The New York Times. 2002. Jan. 6.

THE IMAGE OF THE CONCEPT “RUSSIAN” IN MODERN GERMANY

Mayorov I.E.
RANEPА

The article describes the perception of the image of Russia, the Russian language and Russian culture in modern historical period among young students in Germany. The study of 2024 involved 45 German-speaking students aged 18–27 studying Russian language or Russian culture as a specialty. The scientific and theoretical basis of the work were sociological surveys and studies concerning the external image of Russia, which were conducted by domestic and foreign researchers in recent decades. The dynamic component of the image of the Russian Federation is indicated, the prospects for a strategy aimed at creating an effective image of the country in modern political and economic conditions are outlined; a conclusion is made about the need to emphasize the importance of Russian culture, the role of the Russian language in the international arena.

Keywords: image of the Russian language, image of Russia, image of Russian culture, state, external image, socio-cultural and political factors, perception, youth of Germany.

References

1. Ref 1. BelozeroV V.K., Ulitina M.O. On the Desirable International Image of Russia // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2015. No. 26 (737). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhelaemom-mezhdunarodnom-imidzhe-rossii-1> (accessed: 21.09.2024).

2. Brovkina Yu.Yu. Brand as an Image of a Social Object // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. Chelyabinsk, 2009. No. 1. Pp. 248–252.
3. Byba Yu.V. Image of the Modern Russian State: Status and Prospects of Formation: Dis. ... Cand. of Political Sciences. M., 2008.
4. Vilisov M.V., Batovrina E.V., Mikhailova O.V. The image of Russia in the minds of young people in post-Soviet countries: an experience of sociological assessment // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 212–230.
5. Glinskaya I. Yu. Formation and promotion of the brand image of Russia // Bulletin of RUDN. Series: International relations. 2016. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-prodvizhenie-brend-imidzha-rossii> (date of access: 09/06/2024).
6. Gorbushina O.P. INTERDISCIPLINARY MODEL OF THE IMAGE OF COUNTRIES // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2023. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnaya-model-imidzha-stran> (date of access: 09/25/2024).
7. Graver A.A. Image, brand of the country: concepts and directions of research // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2012. No. 3 (19).
8. Grigorieva N.I. Images and simulacra in the socio-communicative environment of modern civilization: diss. ... Cand. Philosophical Sciences. N. Novgorod, 2010. 198 p.
9. Davyborets E.N. Influence of socio-psychological characteristics of the subject of perception on the formation of the image of the state // Bulletin of ZabS U. 2015. No. 8 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-psihologicheskikh-osobennostey-subekta-vospriyatiya-na-formirovanie-imidzha-gosudarstva> (date of access: 07/08/2024).
10. Drozdova Yu.A. Image of the region in the territorial development strategy: monograph. Volgograd: Publishing house of the Volgograd Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education RANEP, 2021. 396 p.
11. Zheglava Yu.G. Foreign policy image of the Russian Federation: the problem of goal-setting // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2015. No. 2 (713). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskii-imidzh-rossii-skoi-federatsii-problema-tselepolaganiya> (date of access: 09.09.2024).
12. Zheglava Yu.G. Difficulties of image policy in the interests of the Russian Federation // Society: politics, economics, law. 2018. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-imidzhevoy-politiki-v-interesah-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 07.09.2024).
13. Kochetkov V.V. The role of the 2018 FIFA World Cup in shaping the image of Russia // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2020. Vol. 26. No. 3. P. 106–126.
14. Martynova L.G. Modern image of Russia: dis. ... candidate of political sciences. M., 2011. 151 p.
15. Mityaeva Yu.A. International image of Russia in the American press in 2000–2008 // Bulletin of Altai State University. 2009. No. 4–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-imidzh-rossii-v-amerikanskoy-presse-v-2000-2008-gg> (date of access: 08/28/2024).
16. Müller Sh. Cultural stereotypes in public consciousness: monograph. M.: Russkiy mir, 2019.
17. Ozmanyay M.S. The image of modern Russia in the minds of Eurasian youth during the Syrian crisis // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2019. Vol. 2. No. 3. Pp. 125–129.
18. Popkov V.D. Diaspora communities in intercultural interaction: Formation paths and development trends: dis. ... Doctor of Sociological Sciences. M., 2003. 395 p.
19. Tsyrenzhapov Z.O. Russia's image in the global information space: problems and development prospects // Sociology of power. 2008. No. 1. Pp. 144–150.
20. Kazarinova D.B., Taisheva V.B. Perceptions of Russia in the Global World. Does Russian Education Policy Work? // RUSSIA IN GLOBAL AFFAIRS. VOL. 17.No. 4. 2019. pp. 20–52.
21. Legatum Institute. URL: <http://www.prosperity.com/#/> (accessed: 09/29/2024).
22. Pew Research Center. URL: <http://www.people-press.org/2013/12/03/public-sees-u-s-power-declining-as-support-for-global-engagementslips/12-3-2013-8/> (accessed 09/10/2024).
23. Smale A. Russia's Leaders Are Different It's the People Who Are the Same // The New York Times. 2002. Jan. 6.

Нермие Шентюрк,

независимый исследователь, Стамбул, Турция
E-mail: nermiyesenturk@gmail.com

После завершения Холодной войны и в начале 2000-х годов российско-турецкие отношения активно развивались в различных сферах. Осознавая потенциал для роста в торговле, энергетике и туризме, обе страны стремились укреплять двусторонние отношения, основываясь на взаимном доверии и общей выгоде.

Роль образования, включая обучение иностранных студентов и программы обмена, в современной мировой политике сложно переоценить. Это не только источник дохода, но и инструмент, который улучшает имидж страны за рубежом и способствует ее развитию. Образовательная деятельность влияет на экономику, культурные отношения и торговлю. По мере роста торгово-экономических связей между двумя странами растет спрос на персонал, владеющий обоими языками. Сотрудничество между Россией и Турцией в сфере образования заслуживает особого внимания, поскольку оно играет значительную роль в укреплении взаимопонимания и доверия между двумя странами. Такие двусторонние форматы, как конференции, симпозиумы, круглые столы и семинары способствуют развитию двусторонних отношений. Эти встречи предоставляют платформу для диалога, обмена идеями и совместных усилий, которые, в свою очередь, формируют устойчивые связи между двумя странами.

В статье показана динамика развития сотрудничества между Россией и Турцией в сфере образования, показано, как такое партнерство способствует укреплению двусторонних отношений.

Ключевые слова: турецко-российские отношения, межвузовское сотрудничество, образование, турецкий язык, русский язык, гуманитарная сфера.

Introduction

Since the end of the Cold War and the beginning of the 2000s, Russia-Turkey relations have gained momentum in many areas. Recognizing the existing potential, especially in trade, energy, and tourism, both countries have sought to develop bilateral relations based on mutual trust, from which both sides benefit. The trade volume between the two countries increases every year. Income from millions of tourists visiting Turkey plays an important role in the Turkish economy. Additionally, Turkish TV series broadcast in Russia help the two communities get to know each other better and enhance Turkey's popularity in Russia.

In "Soft Power," Joseph Nye explains that trade is a means of transmitting culture through bilateral contacts, visits, and shopping. He notes that over half a million foreign students study in the United States annually, taking the ideas and values they acquire back to their home countries [7. P. 13]. Of the 1.6 million students studying abroad, 14% are in England and 28% are in the USA [7. P. 33]. Highlighting the importance of foreign students, former Secretary of State Colin Powell once said, "I cannot think of a more valuable asset for our country than gaining the friendship of future world leaders studying here" [7. P. 44]. These students often admire American values, institutions, and culture, and upon returning home, they frequently find themselves in influential positions.

Education and educational services for foreign students and student exchange programs have gained global popularity. They are not only sources of income but also tools that positively influence a country's image abroad and significantly impact its development. Preparing students for future leadership roles can determine a nation's leading position on the global stage and its relations with other countries [11. P. 202].

However, Ponomareva highlights the potential negative aspects of soft power elements, such as educational diplomacy. She mentioned that the lifestyle of the Chinese leader's son, who was studying in the UK, was monitored by the British Intelligence Service, and the information obtained posed a threat to the British government [1. P. 2].

Although there are occasional disadvantages, such as the one mentioned, student exchange programs have become a key policy for many countries worldwide, fostering a competitive environment in the field of education.

In 2000, Turkey hosted 18,000 international students, a figure that surpassed 300,000 from 198 countries by 2022. In 2022, Turkey hosted 2.9% of the world's international students. In 2021, Russia had 324,000 international students, mainly from former Soviet countries. These student exchange programs significantly contribute to the economy; for example, international students added \$1.2 billion to the Russian Federation's economy [8. P. 1–3]. The annual contribution of 170,000 foreign students to the Turkish economy is around \$1 billion. This figure is expected to exceed \$2.1 billion in the coming years [8. P. 3]. Turkey ranks 12th among countries where foreign students pursue their education [8. P. 3]. In 2017, Russia ranks third among the countries sending the most students to Turkey, following Germany and Greece [2. P. 61].

Today, many countries use soft power elements to enhance their popularity and image in global public opinion.

Emphasizing the rise of 'soft power' in foreign policy, Putin advised diplomats to protect Russia's reputation internationally, promote Russian language education, and engage in the global exchange of information [1. P. 73]. They provide scholarships to foreign students, offer exchange programs, cooperate in the field of education, and conduct cultural activities. The Decree on the national development goals of the Russian Federation until 2030 aims to increase the number of foreign students studying in higher education programs in Russian higher education institutions and scientific organizations to at least 500,000 people [5]. Relations between countries and societies yield more effective results with strong diplomacy, culture, and education [1. P. 2].

Lebedeva discusses the potential of higher education and education as soft power tools for Russia in her article on the subject [11. P. 3–4]. Education is a key factor in enhancing Russia's image in global public opinion. To increase competitiveness in education services, it was stated that by 2020, at least five Russian universities should rank among the top 100 leading universities in the World [1. P. 52]. In addition, Foreign Minister Sergei Lavrov proposed doubling the 10,000 state scholarships given to foreign students to 20,000 per year, with quotas allocated for students and citizens from friendly countries [1. P. 54].

Cooperation in various fields, especially tourism and education, strengthens the interaction and ties between the peoples of the two countries, fostering the development of bilateral relations [10. P. 9]. As commercial relations grow, so do cultural relations. Visits to the trade partner country for import, export, investments, tourism, and construction projects increase, along with longer stays. This fosters interest in the language, citizens, values, and culture of the other country. After the Soviet Union's collapse in the 1990s, Turkish interest in joint projects surged, leading to a demand for Russian-speaking experts and boosting Russia's economic development [13. P. 121].

The popularity of Russia and the Russian language in Turkey is increasing day by day. Every year, hundreds of Turkish students study at various universities in Russia. As of the end of the 1999–2000 academic year (02/06/2000), the number of students registered with the Education Counsellor of the Embassy of the Republic of Turkey in Moscow was 793 [4. P. 124]. According to 2014 data from the Russian Ministry of Education and Science, there were 400 nuclear students studying in Moscow. In 2015, around 1,030 Turkish students were studying at approximately 123 Russian universities. [2. P. 53, 58] Based on 2019 data from the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), 384 Turkish students were studying in Russia, while about 1,409 Russian students were studying in Turkey [15].

In 2000, five universities in Turkey offered Russian language education. Today, Russian is taught in 17 universities [2. P. 37]: Ağrı İbrahim Çeçen University, Akdeniz University, Anadolu University, Ankara Hacı Bayram Veli University, Ankara University, Ardahan University, Artvin Coruh University, Atatürk University, Dokuz Eylül University, Erciyes University, Istanbul University, Kafkas University, Karadeniz Technical University, Nevşehir Hacı Bektaş Veli University, Selçuk University and Yeditepe University [18]. Today, many private schools in Turkey offer Russian language education starting from primary school. The Russian diaspora in Turkey has created a demand for education. Since 2000, the Private Russian International School, affiliated with the Ministry of National Education, has been offering Russian language education. Antalya International College of Tourism provides tourism education to many foreign students, primarily from Russia and Kazakhstan [9. P. 238].

The First Russian Language Olympiad was held in Istanbul in 2013. At that time, approximately 2,500 students in

Turkey were studying Russian. Interest in the Russian language is increasing in Turkey every day. In 2014, the Russian Language Olympiad "Olimprus" was held with the support of the Russian Language Council under the Russian Presidency [2. 47, P. 52].

The Pushkin Russian Language State Institute, under M.V. Lomonosov Moscow State University, is actively involved in teaching Russian abroad, training Russian language teachers, preparing educational materials, and conducting language certification exams. Boğaziçi University and Okan University are notable partners of the Pushkin Institute internationally [1. P. 69–71].

Russia and Turkey are two countries with a deep-rooted history. They have influenced each other and their surrounding regions in many areas, especially in history, culture, art, literature, and language. Turkish and Slavic peoples have coexisted, interacting within two closely intertwined cultures. Turkish languages form the largest language group in Russia. Additionally, the presence of Turkish communities within the Soviet Union played a significant role in fostering interaction between Turkish and Russian cultures [3. P. 324].

Russia has a history of over 200 years in Turkology research [16. P. 68]. I. Peter placed great importance on learning Turkish. In 1720, he published a directive titled "Research and Travels on Turkish and Other Eastern Languages" through the Foreign Relations Office [3. P. 321]. In 1724, I. Peter ordered the selection of young people aged 14–15 to be sent to Istanbul to learn Ottoman Turkish [4. P. 108]. During this period, students were receiving language education at the Russian embassy in Istanbul. In 1741, there were six students. According to financial reports, the embassy regularly paid salaries to Ottoman and Greek teachers [12. P. 652]. During this period, Russia began sending its first students to Turkey for language education. This marked the start of a significant cultural exchange between the two nations.

The Department of Oriental Languages at Moscow State University, founded in 1755 as the first university in Russia, began teaching Tatar Turkish. In 1777, Turkish language courses were introduced at Moscow University. With the opening of the Faculty of Oriental Languages at Petersburg University in 1855, Turkology research increased. The Faculty of Oriental Studies at Kazan University, founded in 1804, holds a special place in the development of Turkology in Russia. In 1828, the Department of Turkish Tatar Language was established at Kazan University. Studies at Kazan University, especially in Turkish language, history, geography, ethnography, and folklore, are of great importance [3. P. 321–322].

In the 1920s, Turkology was a state policy in Russia. During this period, many Turkology institutes, institutions, centers, and departments were established across the country [3. P. 324].

In the 1920s, approximately 200,000 Russian immigrants came to Turkey. For those who had been living in Turkey for a long time, educational activities were a primary need. A school for children aged 6–12 was opened in Büyükdere, and a high school was established in Pera. About 60 Russian students studied at Robert College with the support of the American Student Association [2. P. 10].

During the Soviet Union period, from the 1930s to the late 1950s, Russian Turkologists were unable to visit Turkey. They remained unaware of the changes and developments in the Turkish language after the establishment of the Republic of Turkey. In 1958, a group of Soviet Turkologists made their first visit to Turkey and had the opportunity to learn about these changes for the first time [12. P. 673].

Important academics from Turkey attended the Asian and African Writers Seminar held in Moscow in 1965. During this period, more than 70 Turkish writers visited the USSR, and more than 50 Russian writers visited Turkey [2. P. 87].

Autonomous republics within the Soviet Union, such as Tatarstan, Dagestan, and Bashkortostan, along with Turkic republics like Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, and Azerbaijan, increased interaction between Russian and Turkish peoples, boosting interest in the Turkish language across Russian geography.

Turkey and Russia compete in many areas in Central Asia. Both countries have sought to establish close contacts with nations with which they share geographical, historical, and cultural ties. After the Soviet Union's collapse, Russia developed cultural, language, and education policies toward former Soviet countries. Viewing this as a legacy of the Soviet Union, Russia tries to retain this human potential by sometimes granting citizenship and sometimes implementing policies using common cultural and linguistic tools [1. P. 3].

Today in Russia, there are 35 higher educational institutions where Turkish language, literature, history, economics, and politics are taught [16. P. 68]: St. Petersburg State University, MGIMO (МГИМО), Irkutsk State University, Kazan State University, Krasnoyarsk State Pedagogical University Named After V.P. Astafiev, Moscow State Linguistic University, Moscow State University, Institute for Asian and African Countries, Novosibirsk State University, Russian State University for the Humanities, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Bashkir State Pedagogical University named after Akmulla, Institute Countries East (Eastern University – Institute of Oriental Studies), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov. These institutions have Turkology departments and provide Turkish education. The Yunus Emre Institute works to spread the Turkish language and culture in regions with dense Turkic communities. The number of research institutes and courses offering academic Turkish education, such as the Yunus Emre Institute, is increasing day by day [6. P. 5].

The research conducted by Russian Turkologists has made significant contributions to the field of Turkology. Scholars such as L. Gumilyov, N. Kireyev, V. Danilov, V. Kononov, I. Chernikov, V. Mikheyev, N. Ulchenko, T. Stepanova, G. Starchenkov, S. Arutyunov, A. Gazizova, Yu. Li, A. Sharapo, N. Dmitriyev, N. Baskakov, A. Kononov, E. Tenishev, and many others continue to carry out important studies today.

Turkologists have made significant contributions to Turkish-Russian cultural relations. At an award ceremony for the association that brought together Turkish businessmen and Russian partners – a non-profit organization of Turkish entrepreneurs operating in Russia – the then Minister of Foreign Affairs, Abdullah Gül, thanked the Turkologists for their efforts in developing Turkish-Russian relations and emphasized the importance of their contributions [17. P. 256].

In 2007, the prestigious “Pushkin Award” was given by the Russian Federation to the renowned historian İlber Ortaylı, the literary critic Ataol Behramoğlu, and the journalist Hakan Aksay. They were recognized for their significant contributions to promoting Russia and the Russian language in Turkey, and for fostering closer ties between the two countries and their peoples [2. P. 33].

Cooperation between Russian and Turkish universities began in the 1990s with a large group of Turkish rectors visiting Moscow. The interest shown in higher education institutions positively reflects the relations between the two countries. This interest, which began in the mid-1960s and became permanent in the 1980s, ensured the successful development of trade and economic relations between the two countries [13. P. 121]. Lomonosov Moscow State University, Istanbul University, and Ankara University have taken important steps in Turkish-Russian relations by signing bilateral cooperation agreements in the field of education [13. P. 121].

The renowned Turkologist Mihail Meyer has made significant contributions to the negotiations and interuniversity cooperation with TOBB University of Economics and Technology, Yeditepe University, Gazi Pedagogical University, Istanbul Marmara, Bahçeşehir, Okan Universities, Akdeniz State University, Ankara universities, and higher education institutions in Moscow, St. Petersburg, Kazan, Saratov, and Nizhny Novgorod [13. P. 121].

Between 2005 and 2008, cooperation between universities gained momentum. Educational partnerships were initiated between Lomonosov Moscow State University (MGU), Ankara University, and TOBB University of Economics and Technology; and between Saint Petersburg State University, Eskişehir Anadolu University, and Ankara Gazi University. In 2007, a cooperation agreement was signed between the MGU Institute of Asian and African Countries and Mediterranean University. In 2008, representatives from Pyatigorsk Linguistics University and the Caucasus University delegation made contact [2. P. 34]. In 2009, a cooperation agreement was signed between Pushkin State Russian Language Institute and Okan University. In 2012, a cooperation agreement was signed between TOBB University of Economics and Technology and the Russian State University for the Humanities. A cooperation agreement was signed between Çanakkale On Sekiz Mart University and Saratov University [2. P. 36, 43, 46]. Within the framework of the Russian-Turkish Public Forum (RTTF) held in St. Petersburg in 2019, 21 cooperation agreements were signed between universities from Russia and Turkey [14].

Events such as conferences, symposiums, roundtable meetings, and seminars organized between the two countries play an important role in developing bilateral relations. As part of the events marking the 500th anniversary of Turkish-Russian relations, a symposium on 500 years of Turkish-Russian relations was held in Ankara in 1991 [2. P. 26]. In 2005, a Tatarstan-Turkey cultural ties symposium was held as part of the events celebrating the 1000th anniversary of Kazan's founding. Many academics from Turkey attended the symposium [2. P. 32]. In 2008, a conference titled “Russian: The First Language of Communication in Space” was held at the Middle East Technical University [2. P. 34]. In 2009, a conference titled “Russian-Turkish Relations: Yesterday, Today, Tomorrow” was held in Izmir. Many academics, particularly faculty members from Izmir University of Economics, attended the event [2. P. 36]. In 2009, a conference was held in Ankara to mark the 200th anniversary of Gogol's birth. In 2010, a conference on the current state of Turkish-Russian relations took place at Konya Selçuk University as part of the 90th anniversary of Turkish-Russian diplomatic relations. A conference on ‘Turkish-Russian Relations from Ataturk to the Present Day’ was held at Saint Petersburg State University. In 2011, a seminar on ‘Turkish-Russian Relations during the Republic of Turkey’ was held at Ankara University. In 2012, Okan University hosted a conference titled “Relations between Turkey and Russia 20 Years After the Collapse of the Soviet Union and the Outlook in Eurasia.” Attendees included Prof. İlber Ortaylı, then Director of the Topkapı Palace Museum, Prof. Ataol Behramoğlu, and Tatyana Sheglovitova from the A.S. Pushkin Library [2. P. 40, 42]. In 2013, a symposium titled “Eurasian Traditions and Modernism in Intercultural Communication” was held at Mimar Sinan Fine Arts University. In 2013, Erzurum Atatürk University hosted a conference titled “Current Problems of Russian Philology in Multicultural Societies. In 2015, Istanbul University hosted a symposium titled “The Black Sea: The Intersection Point of Turkish-Russian Common History [2. P. 45, 47, 55]. Conferences titled ‘Russian Language and Culture in Turkey: From Past to Present’ were held in many cities, particularly in Istanbul and Ankara. In 2019, the conference “Russian-

Turkish Relations: Shaping the Future” was held to mark the 90th anniversary of Yevgeny Primakov’s birth [2. P. 56, 64]. Indeed, these events have played a crucial role in fostering understanding and collaboration between Russia and Turkey. They have provided platforms for scholars, students, and professionals to exchange knowledge, ideas, and experiences, further strengthening the cultural and academic ties between the two nations.

Conclusion

Today, studies in the field of education are crucial in developing bilateral relations. Many countries employ soft power elements to boost their popularity. Cultural studies encompass a broad range of sociocultural activities, including language, religion, science, and art [1. P. 2]. Educational activities impact the economy, cultural relations, and trade. As economic and commercial relations between the two countries grow, the demand for language-speaking personnel increases. Foreign students make significant contributions to the country’s economy.

Interuniversity collaborations, research scholarships, internship programs, student and academician exchange programs, seminars, conferences, symposiums, and roundtable meetings are crucial in developing human relations between the two countries.

Russia places great importance on Turkology studies. Today, some universities in Russia offer Turkish language education. With the growth of Turkey’s economic, commercial, and tourism relations with Russia, the demand for Russian-speaking personnel has also risen. In Turkey, Russian language education is available in both private and state universities. Collaborations and agreements between universities are increasing day by day. The two countries are working on establishing a joint Turkish-Russian university and are discussing this at a high level. Although it has not been implemented yet, both sides recognize its necessity and are working on it.

Today, it is essential for these two close neighbors to develop their intertwined cooperation. The work done affects many other areas. Particularly, more importance should be given to efforts in the education and academic fields. Work in this area will make significant contributions to political and economic cooperation.

Literatür

1. Akhundova J. Rusya’nın Yumuşak Güç Politikaları; Mevzuat, Kurumlar, Politikalar. – İstanbul: Ekin Basım Yayın Dağıtım. 2015. – 145 s.
2. Aksay H., O. Haldız., Arslan H., Feonova V., Kar ve Güneşin Dostluk Öyküsü Türkiye-Rusya Kültürel İlişkileri. İzmir Büyükşehir Belediyesi. 2021. 140 s.
3. Aktaş R. Türk-Rus İlişkileri Bağlamında Rusya’da Türkoloji’nin Tarihsel Gelişimi // Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi. 2022. № 10 (31). S. 313–330. DOI: 10.33692/avryasad.1131693
4. Başaran A. Siyasi İlişkiler-Kültürel İlişkiler Etkileşimi: Türk-Rus İlişkileri Örneği // Avrasya Etüdü. 2015. № 2. S. 101–142.
5. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. 7 мая 2024. // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 07.10.2024).
6. Dolunay S.K. Türkiye ve dünyadaki Türkçe öğretim merkezleri ve Türkoloji bölümleri üzerine bir değerlendirme // XIV. Ulusal Eğitim Bilimleri Kongresi Pamukkale Üniversitesi Eğitim Fakültesi. – URL: https://turkoloji.cu.edu.tr/YENI%20TURK%20DILI/salih_kursad_dolunay_turkoloji_bolumleri_degerlendirme.pdf (дата обращения: 10.10.2024).
7. Nye J.S. Soft Power: The Means to Succeed in World Politics. – N. Y.: Public Affairs, 2004. – 206 p.
8. Kabirova A. Uluslararası Öğrencilerin Türkiye’ye Ekonomik Katkısı. Udef Ar-Ge, 2023. – URL: <https://udef.org.tr/dosyalar/arge/2023-3-29-uluslararası-ogrenciler-ekonomik-katkilari.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

9. Karaçay A.B. Türkiye -Rusya İlişkilerinin Unutulan İnsani Boyutu // Kuşku ile Komşuluk: Türkiye ve Rusya İlişkilerinde Değişen Dinamikler: Gencer Özcan, Evren Balta, Burç Beşgül (Der.). İstanbul: İletişim Yayınları, 2017. S. 225–248.
10. Koçak M. Türkiye-Rusya İlişkileri // Seta Analiz. 2017. № 201. – URL: https://www.setav.org/assets/uploads/2017/05/Analiz_201_.pdf (дата обращения: 10.10.2024).
11. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО. 2009. № 6. С. 1–6.
12. Şahin L. Geçmişten Bugüne Rusya’da Türkiye Araştırmaları // Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi. 2010. C. 8, Sayı. № 15. S. 645–696. – URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/653220> (дата обращения: 10.10.2024).
13. Мейер М.С. Перспективы развития российско-турецких университетских связей // Вестник Московского университета. Сер. 20, Педагогическое образование. 2013. № 1. С. 114–126.
14. Rusya ile Türkiye üniversiteleri arasında 21 iş birliği anlaşması imzalandı // Sputnik. 13.07.2019. – URL: <https://anlatilaninotesi.com.tr/20190713/rusya-ile-turkiye-universiteleri-arasinda-21-ismirligi-anlasmasi-imzalandi-1039655866.html> (дата обращения: 08.10.2024).
15. Türk öğrenciler yurt dışında eğitim için en çok hangi ülkeleri tercih ediyor? // Euronews. 26.03.2022. – URL: <https://tr.euronews.com/2022/03/26/ukrayna-da-ne-kadar-turk-ogrenci-var-turkler-yukse-egitimde-hangi-ulkeleri-tercih-ediyor> (дата обращения: 23.09.2024).
16. Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности / под. ред. В.В. Наумкина. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 96 с.
17. Уйсал Г.А. Турецко-российские отношения на рубеже XXI века. 1991–2008 гг.: дис... канд. ист. наук. – М.: Институт востоковедения РАН, 2009. – 396 с.
18. Rus Dili ve Edebiyatı Programı Bulunan Tüm Üniversiteler // Yükseköğretim Programı Atlası. – URL: <https://yokatlas.yok.gov.tr/lisans-bolum.php?b=10176> (дата обращения: 24.09.2024).

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-TURKISH EDUCATIONAL RELATIONS

Nermiye Senturk

Independent Researcher, İstanbul, Turkey

Since the end of the Cold War and the early 2000s, Russian-Turkish relations have advanced significantly in multiple areas. Recognizing the potential for growth in trade, energy, and tourism, both nations have strived to strengthen their bilateral relations, building on mutual trust for shared benefits.

The role of education, including services for foreign students and exchange programs, has gained popularity globally. This is not only a source of income but also a tool that enhances a country’s image abroad and contributes to its development. Educational activities influence the economy, cultural relations, and trade. As economic and commercial relations between the two countries grow, the demand for personnel proficient in both languages increases. The cooperation between Russia and Turkey in the field of education is particularly noteworthy, as it plays a critical role in fostering understanding and collaboration between the two nations. Events like conferences, symposiums, roundtable meetings, and seminars organized between the two countries play a crucial role in fostering bilateral relations. These gatherings provide a platform for dialogue, idea exchange, and collaborative efforts, which in turn strengthen the bonds between the two nations.

The article also emphasizes the collaborative efforts between Russia and Turkey in education, showcasing how such partnerships contribute to strengthening bilateral relations.

Keywords: Turkish-Russian Relations, Inter-university cooperation, The educational Relationship, Turkish Language, Russian language, Humanitarian sphere.

References

1. Akhundova J. Rusya'nın Yumuşak Güç Politikaları; Mevzuat, Kurumlar, Politikalar. – İstanbul: Ekin Basım Yayın Dağıtım. 2015. – 145 s.
2. Aksay H., O. Haldız., Arslan H., Feonova V., Kar ve Güneşin Dostluk Öyküsü Türkiye-Rusya Kültürel İlişkileri. İzmir Büyükşehir Belediyesi. 2021. 140 s.
3. Aktaş R. Türk-Rus İlişkileri Bağlamında Rusya'da Türkolojinin Tarihsel Gelişimi // Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi. 2022. No. 10 (31). S. 313–330. DOI: 10.33692/avrsyad.1131693
4. Başaran A. Siyasi İlişkiler-Kültürel İlişkiler Etkileşimi: Türk-Rus İlişkileri Örneği // Avrasya Etüdler. 2015. No. 2. S. 101–142.
5. Decree on the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the perspective up to 2036. May 7, 2024. // Official website of the President of Russia. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (date accessed: 07.10.2024).
6. Dolunay S.K. Turkish and foreign languages: ... – URL: https://turkoloji.cu.edu.tr/YENI%20TURK%20DILI/salih_kursad_dolunay_turkoloji_bolumleri_degerlendirme.pdf (access date: 10.10.2024).
7. Nye J.S. Soft Power: The Means to Succeed in World Politics. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – 206 p.
8. Kabirova A. Uluslararası Öğrencilerin Türkiye'ye Ekonomik Katkısı. Udef Ar-Ge, 2023. – URL: <https://udef.org.tr/dosyalar/arge/2023-3-29-uluslararasi-ogrenciler-ekonomik-katkilari.pdf> (access date: 10.10.2024).
9. Karaçay A.B. Türkiye -Rusya İlişkilerinin Unutulan İnsani Boyutu // Kuşku ile Komşuluk: Türkiye ve Rusya İlişkilerinde Değişen Dinamikler: Gencer Özcan, Evren Balta, Burç Beşgül (Der.). İstanbul: İletişim Yayınları, 2017. S. 225–248.
10. Koçak M. Turkish-Russian Studies // Seta Analiz. 2017. No. 201. – URL: https://www.setav.org/assets/uploads/2017/05/Analiz_201_.pdf (date of access: 10.10.2024).
11. Lebedeva M.M., Faure J. Higher education as a potential of “soft power” of Russia // Bulletin of MGIMO. 2009. No. 6. P. 1–6.
12. Şahin L. Geçmişten Bugüne Rusya'da Türkiye Araştırmaları // Turkish Araştırmaları Literatür Dergisi. 2010. P. 8, Sayı. No. 15. S. 645–696. – URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/653220> (accessed: 10.10.2024).
13. Meyer M.S. Prospects for the Development of Russian-Turkish University Relations // Bulletin of Moscow University. Series 20, Pedagogical Education. 2013. No. 1. Pp. 114–126.
14. Russia and Turkish Universities to Develop 21st Century Studies // Sputnik. 13.07.2019. – URL: <https://anlatilaninotesi.com.tr/20190713/rusya-ile-turkiye-universiteleri-arasinda-21-isbirligi-anlasmasi-imzalandi-1039655866.html> (access date: 10/08/2024).
15. Türk öğrenciler yurt dışında eğitim için en çok hangi ülkeleri tercih ediyor? // Euronews. 03/26/2022. – URL: <https://tr.euronews.com/2022/03/26/ukrayna-da-ne-kadar-turk-ogrenci-var-turkler-yuksekkogretimde-hangi-ulkeleri-tercih-ediyor> (date of access: 23.09.2024).
16. Ulchenko N.Yu., Shlykov P.V. Dynamics of Russian-Turkish relations in the context of growing global instability / ed. V.V. Naumkin. – M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014. – 96 p.
17. Uysal G.A. Turkish-Russian relations at the turn of the 21st century. 1991–2008: diss... Cand. of History. – Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2009. – 396 p.
18. Rus Dili ve Edebiyatı Programı Bulunan Tüm Üniversiteler // Yükseköğretim Program Atlası. – URL: <https://yokatlas.yok.gov.tr/lisans-bolum.php?b=10176> (access date: 09/24/2024).

Некоторые методологические аспекты формирования международного рынка ценных бумаг в современных условиях работы

Раджабова Залпа Камаловна,

д.э.н., профессор кафедры мировой экономика Дагестанского государственного университета

Раджабов Осман Раджабович,

д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и истории ДагГАУ им. М.М. Джембулатова
E-mail: filek08@rambler.ru

Магомедова Айшат Гасбуллаевна,

к.с.н., ст. преподаватель кафедры плодородовождения, виноградарства и ландшафтной архитектуры ДагГАУ им. М.М. Джембулатова

В статье дается оценка и анализ формирования международного рынка ценных бумаг так как в современных условиях международный фондовый рынок как система институтов и отношений относится к той части международного финансового рынка ценных бумаг, где осуществляются сделки с иностранными фондовыми активами, такими как акции, облигации и производные финансовые инструменты, и происходит международное перемещение финансовых требований и обязательств между собственниками активов, управляющими ими компаниями и должниками. Авторы делают вывод, что международный рынок ценных бумаг характеризуется множеством постоянных валютных трансфертов и зависит от изменяющихся валютных курсов.

Ключевые слова: Международный рынок, ценные бумаги, глобализация, еврооблигация, фондовая биржа, финансовый рынок.

С момента первой ценной прошло около столетий. Конечно, рынок за время прошел путь, современную трудно представить ценных бумаг. Основной причиной первых государственных ценных были войны. Исход все больше и зависел от финансовой нежели от военного Первые государственные ценные выпущенные правительствами Голландии Англии, не имели так как по фиксированный процент выплачивался течение жизни первоначальному Эти бумаги могли из рук в но, чтобы получить новый владелец должен доказать, что первоначальный ценной бумаги жив. рубеже XVI–XVII веков чеки, одновременно в и Голландии. Голландские выдавали своим клиентам, на хранение деньги, квитанции на предъявителя, можно было расплачиваться своим долгам. Английские предоставляли в распоряжение вкладчиков специальные книжки приказными бланками (прообраз книжки), которые можно использовать для расчетов. Чековое обращение время регулировалось законодательством, а банковской и практикой. В дальнейшем чеки стали и в странах. Прообразы будущего рынка ценных бумаг появились еще в XIII веке. Тогда они функционировали в самых простых формах, таких как вексельные ярмарки, которые и были прототипом нынешнего рынка ценных бумаг. Первые операции с ценными бумагами начали проводить в XVI веке. Позже с появлением товарных и фондовых бирж были разработаны правовые и организационные механизмы, которые регулировали все действия участников рынка [8].

Международный ценных бумаг развивался как национальных рынков затем постепенно сегментом мирового в целом. Мировой рынок ценных бумаг является одним из ключевых элементов современной глобальной экономики. Он предоставляет компаниям возможность привлечения капитала, инвесторам – инструмент для вложения средств, а также обеспечивает эффективное распределение ресурсов и создание ликвидности [9]. В первую очередь, рассматривался как операций с ценными бумагами национальных рынках, и продаж международных ценных

Международный ценных бумаг это всего первичный рынок. В широком плане рынок ценных рассматривается как собственно международных и иностранных т.е. ценных бумаг эмитентами на рынке других В настоящее мировую рынок бумаг включает рынок акций, и рынок Международный облигационный можно, с долей условности, как совокупность рынков: рынка облигаций и собственно международных – так рынка еврооблигаций. облигации представляют разновидность национальных Их специфика лишь с что субъект-эмитент субъект-инвестор находятся разных странах [2].

Международный ценных бумаг множеством постоянных трансфертов, а испытывает сильное воз изменяющихся валютных Государства, чьи хозяйству субъекты принимают в операциях ценными бумагами международном рынке, контроль за ними и регулирование, проводят протекционизма. Россия стала участницей этого после принятия Думой законов, разрешающих государственным предприятиям, также частному соответствующие виды деятельности [3].

Развитие международной ценными бумагами на- талкивается ряд трудностей: государственный и лимитирование, налога в странах импортерах экспортерах, таможенные пошлины, взаимных расчетов и п. Однако, поскольку страны осознают необходимость торговли ценными бумагами, межстрановую миграцию то эти труд разрешаются с двух- и соглашений и расчетного механизма.

Препятствием развития этой является и пересылки ценных из одной в другую. связана с а потому высокими страховыми и почтовыми Кроме того, требует определенное что в случае может нежелательно (в быстро меняющейся конъюнктуры).

В настоящее разработана и оформлена процедура ней участвует развитых и развивающиеся национальные ценных бумаг), различным субъектам активно участвовать международной торговле бумагами, в числе совершать арбитражные сделки. процедура помогает компаниям котировать акции на биржах (продавать внебиржевом рынке) и их от многих связанных с ценных бумаг страны в страну. За последние полтора десятилетия торговля ценными бумагами возросла почти в 90 раз. Ликвидность такой ценной бумаги как акция в конце XX века была только 1%, а в настоящее время данный показатель уже равен 1255% [7].

процедуры заключается следующим: коммерческие ин банки по своих клиентов брокерских фирм, свою клиентуру) иностранные акции (об которые по-прежнему в местах хранения (депозитариях) взамен которых депозитные сертификаты. По как представители (облигаций) соответствующих компаний к продаже на фондовых биржах.

Таким образом происходит смена собственников бумаг не в национальном, и в масштабе. Эта может инициироваться важных факторов, которым относятся:

- 1) курс депозитных выданных на акции например, компаний США, биржах России и других стран может больше, чем в их приобретения, ибо на них будет (российские покупатели видят американских акция надежное для накопления капитала);
- 2) налогообложение доходов ценных бумаг операций с в разных различно, что импульс межстрановой торговле ими.

В подобные депозитные выпускает банк гаранта», который случае повышенного на сертификаты иностранных биржах их дополнительные Однако и эмиссии нередко приводят к совпадению курсов бумаг – все-таки могут выше.

Фонд закрытого эмитирует фиксированное количество акций и не их обратно. Акции фондов обращаются на рынке ценных бумаг котируются на бирже их курс влияют только спрос и но и другие факторы). Биржевая система странах, где одна биржа, в главном центре страны, остальные организованные ценных бумаг региональный характер, моноцентрической. Моноцентрические биржевые системы в Великобритании (Лондонская Франция (Парижская биржа) Японии (То биржа).

При полицентрической наряду с биржей существует одна или крупных фондовых Подобная система в Канаде Торонто и Австралии (биржи и Мельбурна), (биржи Франкфурта-на-Майне, Дюс Мюнхена и В США система не соответствует приведенной в стране несколько крупных но лидирующую играет одна Нью-Йоркская (крупнейшая мире фондовая биржа). В моноцентрической биржевой ценные бумаги, эмитирован в иностранных обращаются только одной главной в полицентрической в США) на нескольких биржах. Поэтому иностранных ценных бумаг национальных фондовых рынках высокой степенью монополизации. С институциональной точки

международный рынок бумаг – совокупность финансовых – участников рынка. Можно выделить крупнейших международных ценных бумаг:

- европейский рынок с центрами в Цюрихе, Франкфурте-на-Майне, Милане;
- североамериканский рынок финансовым центром Нью-Йорке;
- дальневосточный рынок финансовыми центрами Токио, Сингапуре, Гонконге.

Международные рынки бумаг торгуют видами ценных бумаг: долговые ценные бумаги; еврооблигации. мировая экономика всё возрастающей рынков капитала, национальных фондовых в международный сектор рынка представляет организованный рынок бумаг национальных иностранных эмитентов, в иностранной Международной рынок бумаг состоит из двух

Во-первых, это сектор которые появились на финансовом рынке и собой результат существующих странами на государственном корпоративном уровне экономических К этому сектору также ценные бумаги, финансовыми институтами различных организаций (ООН, ЕС).

Во-вторых, это сектор ценных бумаг, поступивших реализации на международный В настоящее время, России иностранные ценные можно приобрести, во-первых, фондовых биржах, где проходят листинг и во-вторых, на внебиржевом где ими торгуют банки, инвестиционные фонды, обратившись к услугам участников фондового рынка стран [5].

Целью иностранных ценных может быть только получение или игра разнице их но и сберечь свои от инфляции, их конвертирование устойчивую валюту. стран приветствует иностранного капитала такой форме создает для увеличения необходимые Так, в налоговое законодательство 50% налога на курсовой стоимости если они иностранцам. В существует ряд на протяжении лет занимающихся капитала в компаний США других стран. их числу например, Американо-Российский альянс (АРКА) акционерное общество типа со %-м иностранным (зарегистрировано в г.) 1. АРКА с Нью-Йоркской биржей, где через посредников приобретать акции.

Клиент выбирает его ценные по списку – по их на фондовой бирже производится в и рублях). работают с иностранных фирм компании «Совлекс», «Граница и др. Их число постоянно

акций иностранных на российские биржи затруднено оперативно-информационной связи фондовыми рынками стран, неумением выбирать иностранные бумаги и в контакте западными профессионалами. на покупку ценных бумаг России имеются: стране в находится 20–25 млрд долл. зарубежных фондовых – капитала из Если он в соответствии действующим законодательством, он представляет легальную соответствующую практике форму капитала [6].

Рынок ценных в России характеризуется небольшими низкой ликвидностью, «неоформленностью в макроэкономическом (неизвестны макропропорции между различными ценных бумаг, также их в финансировании неразвитостью материальной технологий торговли, и клиринговой отсутствием хорошо долгосрочной фондовой Тормозит развитие рынка ценных недостаточно продуманная налогообложения, особенно от торговли видами ценных Обеспечение долгосрочной российского фондового и формирование России самостоятельного центра не рассматриваться как отраслевые или задачи. Решение задач должно важнейшим приоритетом экономической политики.

Главными развития рынка бумаг в являются организационные, и методологические. Проблемы с отсутствием инфраструктуры рынка слабым информацион-

ным Кадровые проблемы малым сроком рынка ценных и недостаточным высокопрофессиональных специалистов. проблемы вызваны не проработанностью осуществления многих фондовых и отдельных процедур рынке ценных бумаг. Проблемы развития рынка бумаг также 1) с объемом финансирования с помощью фондового рынка России – 6%, а странах с рыночной экономикой до 80%); незначительной долей капитала на рынке; 3) современной системы клиринговых расчетов, независимых регистраторов, информационную «прозрачность» для всех и соответствующих стандартам; 4) неподготовленностью к договоров с с учетом убытков от изменений на с учетом партнеров с зрения их 5) отсутствием соответствующих мировым общероссийских классификаторов технологий банков бирж; 6) действующих форм учета международным

рынка ценных предполагает единой торгов, клиринга, и депозитарного на всей России. Это если будет сотрудничество ММВБ региональными биржами. важно привлечь эмитентов и на рынок создание для благоприятных условий В 2015 планируется дальнейшее рынка ценных В частности, РФ совместно ММВБ запланировано депозитных и операций Банка Это означает, ЦБ РФ коммерческие банки эмитировать ценные и размещать на ММВБ.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать общий вывод о том, что к началу в. сеть инвестиций претерпевает изменения по того, как расширение и экономических и связей между регионами и стран. Рост активов определяется не только инвестиций между финансовыми центрами стран, но отражает усиление финансовых рынков стран. Международный рынок определяется как группа и организаций, международную торговлю продуктами, например, иностранных акций фондовой бирже. В этом случае рынок международных бумаг входят непосредственно отношения и покупателей ходе торговли инструментами. Акции продажи на секции выставляются, транснациональной компанией, покупателем является фирма, занимающаяся операциями.

Основной развития рынка бумага России – превращение высокоэффективный механизм финансовых ресурсов, существенно увеличению привлекательности России и снижению инвестиционных ресурсов. ценных бумаг при всех существующих недостатках, обладает огромным развития и превратиться из обслуживания преимущественно операций в перераспределения инвестиций.

Совершенствование рынка бумаг является из важнейших которая стоит правительством Российской и Федеральной по рынкам. По многих специалистов, рынка ценных должно дать толчок ускорения экономического нашей страны. совершенствования рынка бумаг в Федерации рассчитана долговременный период, мнению многих Россия в время войти в ведущих финансовых мира, где совершаться различные сделок, как российскими, так с зарубежными бумагами. По статистики, последствия кризиса в стране успешно в ближайшее намечается рост и объема сделок на ценных бумаг. Состояние фондового рынка важнейшим показателем, «здоровье» экономики экономической системы целом. Более фондовый рынок опережающим индикатором реальной экономике, её поведение.

Литература

1. Рынок ценных бумаг: учебное пособие для студентов направления «Экономика» / сост.: Ю.В. Нуретдинова, Е.В. Воловая, Т.В. Денисова. – Ульяновск: УлГТУ, 2016–197 с.

2. Рынок ценных бумаг: Учебное пособие для вузов / Под ред. д.э.н., проф. Золотарева В.С. – Ростов н/Д: Феникс, 2018. [Электронный ресурс] статья.
3. Рубцов Б.Б. Мировые фондовые рынки: инструменты, современное состояние и закономерности развития. – М.: ФА, 2017. – С. 107–108.
4. Рубцов Б.Б. Мировые фондовые рынки: инструменты, текущее состояние и закономерности развития. – М.: ФА, 2017. – С. 107–109.
5. Семенов К.А. Международные экономические отношения. – М.: ЮНИТИ, 2016. – С. 36–40.
6. Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения. – М.: Юрист, 2012. – С. 12.
7. Левченко Л.В., Коновалова М.Е., Кузьмина О.Ю. Современное состояние и тенденции развития российского рынка акций // Вопросы экономики и права. 2017. № 11(113). С. 14.
8. Коновалова Н.Е. Мировой рынок ценных бумаг и тенденции его развития. // Вопросы экономики и права. Самара, 2018 № 7(121).
9. Бондарев Д.С., Каратаев А.С. Роль международных финансовых корпораций в формировании и развитии мирового рынка ценных бумаг. // Международный научно-исследовательский журнал № 8 (134), Surgut.

SOME METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE INTERNATIONAL SECURITIES MARKET IN MODERN CONDITIONS OF PAPERS

Radjabova Z.K., Radjabov O.R., Magomedova A.G.

Dagestan State University, DagGAU named after M.M. Dzhambulatov

The article provides an assessment and analysis of the formation of the international securities market, since in modern conditions the international stock market as a system of institutions and relations belongs to that part of the international financial securities market where transactions with foreign stock assets such as stocks, bonds and derivative financial instruments are carried out, and there is an international movement of financial claims and obligations between the owners of assets, the companies managing them and debtors. The authors conclude that the international securities market is characterized by a multitude of constant currency transfers and depends on changing exchange rates.

Keywords: International market, securities, globalization, Eurobonds, stock exchange, financial market.

References

1. The securities market: a textbook for students of the field of Economics / comp.: Yu.V. Nuretdinova, E.V. Volovaya, T.V. Denisova. – Ulyanovsk: UISTU, 2016–197 p.
2. The securities market: A textbook for universities / Edited by Doctor of Economics, Prof. Zolotareva V.S. – Rostov n/A: Phoenix, 2018. [Electronic resource] article.
3. Rubtsov B.B. World stock markets: instruments, current state and patterns of development. – M.: FA, 2017. – pp. 107–108.
4. Rubtsov B.B. World stock markets: instruments, current state and patterns of development. – M.: FA, 2017. – pp. 107–109.
5. Semenov K.A. International economic relations. – M.: UNITY, 2016. – P. 36–40.
6. Avdokushin E.F. International economic relations. M.: Lawyer, 2012. – P. 12.
7. Levchenko L.V., Konovalova M.E., Kuzmina O.Y. The current state and development trends of the Russian stock market // Economic and legal issues. 2017. No. 11 (113). p. 14.
8. Konovalova N.E. The world securities market and its development trends. // Questions of economics and law. Samara, 2018 No.7(121).
9. Bondarev D.S., Karataev A.S. The role of international financial corporations in the formation and development of the global securities market. // International Scientific Research Journal 2023. No.8 (134), Surgut.

Исследование углубления экономического и торгового сотрудничества с российским Дальним Востоком в провинции Хэйлунцзян в новых условиях

Си Чжао,

магистрант, Институт исследования дальнего восток,
Хэйхэский университет
E-mail: 839785388@qq.com

Статья посвящена исследованию экономического потенциала Дальнего Востока России и его роли в условиях изменяющегося геополитического ландшафта. Регион, обладая богатейшими природными ресурсами и обширными территориями, всегда привлекал внимание российского правительства. Однако после начала украинского кризиса в 2014 году и введения экономических санкций со стороны западных стран, российская экономика столкнулась с серьезными вызовами. В ответ на эти санкции, Россия стала активнее развивать внешнеэкономическое сотрудничество с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно с Китаем. Правительство Российской Федерации инициировало ряд мер, направленных на укрепление экономического развития Дальнего Востока, что создало дополнительные возможности для провинции Хэйлунцзян, традиционно являющейся важным партнёром. Это сотрудничество между Китаем и Россией открывает новые исторические перспективы для улучшения взаимных экономических отношений, позволяя обеим сторонам реализовать свои интересы и обеспечивать устойчивый рост в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: провинция Хэйлунцзян; Дальний Восток России; торгово-экономическое сотрудничество; новая ситуация.

Проект фонда: Открытая тема исследования высших учебных заведений провинции Хэйлунцзян «Изучение стратегий продвижения торгово-экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком России в новых условиях» (номер проекта: ZKKF2022148).

Стратегические инициативы по развитию Дальнего Востока России в новой ситуации

Согласно результатам более чем десятилетней практики, стратегия развития Дальнего Востока России начинает приносить ощутимые результаты: валовой региональный продукт этого региона демонстрирует тенденцию к росту, превосходя средние показатели по всей стране. Инициатива «Разворот на Восток» постепенно становится ключевым мероприятием по развитию и активизации экономической деятельности Дальнего Востока. В ответ на украинский кризис, начавшийся в 2014 году, правительство Российской Федерации инициировало ряд новых политических мер, направленных на комплексное развитие Дальнего Востока и Арктики. Эти действия подчеркивают готовность страны углублять интеграцию и развитие данного региона, стремясь утвердить его как значимого игрока в Азиатско-Тихоокеанском пространстве.

Расширение Дальнего Востока и создание новых точек экономического роста на Дальнем Востоке

13 ноября 2018 года Владимир Путин подписал Указ, включивший Забайкальский край и Республику Бурятия в состав Дальневосточного федерального округа, увеличив число субъектов с 9 до 11 и общую площадь округа до 6 952 000 квадратных километров. Население округа на январь 2023 года превысило 7,9 миллиона человек.

Правительство России вносит изменения в административное деление Дальнего Востока, учитывая растущие потребности региона. В планах – создание территорий опережающего развития и внедрение механизмов для свободного порта Владивостока, что поможет привлечь инвестиции и улучшить жизнь местного населения.

В 2023 году Путин заявил, что экономическая ситуация в регионе улучшается, инвестиционная активность здесь превышает средние по стране показатели в три раза [5]. С 2014 по 2022 год рост инвестиций в регионе составил 39%, в то время как по России – 13%.

Дальний Восток стал важной площадкой для дипломатических мероприятий, таких как Восточный экономический форум. Включение новых субъектов создает надежду на успешное развитие и экономический прогресс в этих регионах, укрепляя цель России сделать Дальний Восток центром экономического роста для всей страны [2].

Расширение институциональных функций для усиления развития Арктики

В мае 2012 года было создано Министерство по развитию Дальнего Востока для координации государственных программ и управления зонами опережающего развития. В феврале 2019 года министерство было преобразовано в Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики, расширив свои полномочия на арктический регион [6].

В декабре 2018 года Владимир Путин подписал указ о переносе административного центра Дальневосточного федерального округа из Хабаровска во Владивосток. Решение было обусловлено высоким международным статусом Владивостока, развитой транспортной инфра-

структурой и концентрацией более 60% населения округа в Приморском крае.

Создание территории опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ)

С целью улучшения инвестиционного климата и стимулирования иностранных вложений создание территории опережающего развития и Свободного порта Владивосток в Дальневосточном федеральном округе в 2014–2015 годах стало новаторской стратегической инициативой России. В настоящее время в Дальнем Востоке функционирует уже 18 таких территорий опережающего развития. В новых условиях для увеличения привлекательности «одной территории и одного порта» Россия предприняла ряд мер. Среди них – запуск механизма концессии, значительное снижение порога капитальных вложений, уменьшение налоговой ставки и страхового налога, упрощение процедур в свободной таможенной зоне, субсидирование процентных ставок по кредитам и введение системы льготного регулирования.

Состояние экономического и торгового сотрудничества России и провинции Хэйлунцзян

Потенциал китайско-российского торгово-экономического сотрудничества

Торговые отношения между провинцией Хэйлунцзян и Россией развиваются на фоне геополитических изменений. Из-за конфликта в Украине иностранные компании сокращают свои инвестиции в России. Китай стал основным экономическим партнером Дальнего Востока, и объем торговли с ним удвоился за последнее десятилетие, достигнув 2 триллионов рублей в 2023 году. Грузоперевозки через пограничные переходы России и Китая увеличились на 35% в 2023 году, составив 40,4 млн тонн, с прогнозом на 3,8 млн тонн через ключевые мосты [4]. Китайские товары доминируют на рынке Дальнего Востока, и в 2023 году объем торговли между Китаем и Россией составил более 210,3 миллиарда юаней, что на 13,5% больше, чем в прошлом году [3].

Частые обмены и взаимодействия на высшем уровне между Китаем и Россией

В условиях экономических санкций, введенных против России Западом, стране необходимо осваивать новые международные рынки. Азиатско-Тихоокеанский регион, являющийся одной из крупнейших экономик мира, обладает значительным потенциалом для развития. Поэтому Россия активно работает над освоением рынков стран АТР и стремится укрепить сотрудничество с Китаем для совместной разработки проектов в различных сферах экономического взаимодействия. Субъекты Дальнего Востока активно откликнулись на призыв правительства Российской Федерации, установив тесные связи с китайскими регионами [8].

В 2023 году губернатор Еврейской автономной области Ростислав Гольдштейн, губернатор Хабаровского края Михаил Деготарев, глава Республики Саха (Якутия) Айсен Николаев и губернатор Приморского края Олег Кожемяко посетили провинцию Хэйлунцзян [3]. В ходе визита они выразили намерение укрепить сотрудничество с провинцией в таких ключевых областях, как экономические и торговые инвестиции, наука, умное сельское хозяйство, инфраструктурная связь, креативная промышленность, производство оборудования, культурный туризм, электронная коммерция и других значимых сферах.

Развитие туристических обменов и сотрудничества между Китаем и Россией

С 1 августа 2023 года Китай и Россия возобновили доэпидемическую систему взаимного освобождения от виз для туристических групп численностью от 5 до 50 человек. В 2025 году планируется введение безвизового режима для групп российских туристов, состоящих из трех и более человек, что позволит продлить срок пребывания этих групп в Китае с 15 до 21 дня [9].

На сегодняшний день аэропорт Харбина осуществляет авиасообщение с пятью городами Дальнего Востока России: Иркутском, Якутском, Хабаровском, Владивостоком и Южно-Сахалинском. Это сыграет ключевую роль в повышении пропускной способности международных пассажирских перевозок в провинции Хэйлунцзян, совершенствовании маршрутной сети и создании более равномерного потока международных пассажирских перевозок между Китаем и Россией. Кроме того, это будет способствовать развитию экономических и торговых обменов, а также туризма между двумя странами.

Культурные обмены между Китаем и Россией: оптимальное время для взаимодействия

Культурное сотрудничество между Китаем и Россией занимает важное место в укреплении взаимопонимания и дружбы между народами двух стран, а также в поддержке стратегического партнерства в современную эпоху. Этот год ознаменует собой 75-летие установления дипломатических связей между Китаем и Россией и станет отправной точкой для культурной инициативы. В рамках культурного года планируется осуществление более 230 разнообразных культурных и художественных мероприятий, которые пройдут в 51 китайском и 38 российских городах. Это также включает в себя продолжение организации культурных фестивалей и поддержку ярмарок, что будет способствовать дальнейшему укреплению культурных обменов среди молодежи и на местном уровне. В марте 2024 года информационное агентство «Синьхуа» и ИА PrimaMedia подписали соглашение о запуске долгосрочного просветительского проекта «Окно в Китай», который станет ключевой платформой для продвижения китайской культуры на территории России [10]. В июне 2024 года делегация города Хэган из провинции Хэйлунцзян примет участие в торжествах, посвященных юбилею города и национальному празднику Ысыях, которые состоятся в Республике Саха (Якутия).

Сдерживающие факторы развития экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком России

Хотя провинция Хэйлунцзян достигла значительных успехов в торгово-экономическом взаимодействии с Дальним Востоком России, остаются ряд нерешенных вопросов. К ним относятся устаревшая инфраструктура, дефицит специалистов, владеющих русским языком, а также неблагоприятные условия для ведения бизнеса в этом регионе.

Инфраструктурные проблемы на Дальнем Востоке

Недостаточный уровень развития инфраструктуры на Дальнем Востоке значительно тормозит экономическое и торговое взаимодействие между двумя регионами. Особенно остро стоят вопросы, связанные с транспортной сетью и пограничными переходами, особенно в областях, касающихся таможенного транзита для обеих стран. Про-

должительные проверки и низкая эффективность оформления на российской стороне оказывают значительное влияние на сроки обработки грузов. Кроме того, недостатки автомобильных и железных дорог ограничивают развитие межрегиональной и международной торговли.

Недостаток многопрофильных специалистов с знанием русского языка

Недостаток высококвалифицированных специалистов, владеющих русским языком, представляет собой значительный фактор, сдерживающий развитие торговых отношений между двумя регионами. Для дальнейшего стимулирования экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян и Дальним Востоком России крайне важно наличие специалистов с комбинированными навыками, включая знание русского языка. Несмотря на существование факультетов русского языка в ряде вузов Хэйлуцзяна, в системе основного образования иностранным языком, как правило, является английский. Китайский язык, хотя и предусмотрен как иностранный предмет в Едином государственном экзамене в России, все еще страдает от нехватки преподавателей, особенно в малонаселенных дальневосточных регионах. В результате, даже в пограничной торговле в городах, расположенных на границе России и Китая, многие люди вынуждены использовать переводческие приложения, калькуляторы и другие инструменты для осуществления даже самой элементарной коммуникации, не говоря уже о взаимодействии в сфере высокоуровневого экономического сотрудничества.

Препятствия для экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Россией все еще не преодолены

С точки зрения России существуют ряд проблем, включая неблагоприятную инвестиционную среду, высокие налоговые ставки, недостаточную защиту безопасности китайских компаний, распространение мифов о «угрозе Китая», а также законодательство, которое не способствует привлечению иностранного капитала. Со стороны Китая некоторые компании не обладают глубоким пониманием российского законодательства, испытывают недостаток информации о рисках инвестирования и сталкиваются с ограниченным осознанием культурных различий. Все эти факторы приводят к низкой эффективности взаимного общения, что в свою очередь часто вызывает недоумения в ходе совместных сделок.

Углубление экономико-торгового сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян и Дальним Востоком России в новых условиях

Чтобы улучшить качество и эффективность экономико-торгового взаимодействия между провинцией Хэйлуцзян и российским Дальним Востоком, следует рассматривать это сотрудничество в рамках северо-восточной части Китая и Дальнего Востока как важный путь к формированию нового фронта открытости для Китая в этом регионе. Формируя значимые платформы для интеграции Хэйлуцзяна с северными территориями и становясь ключевым центром для сотрудничества в Северо-Восточной Азии, целесообразно опираться на совместное заявление Президента Китая и Президента России, которое определяет основные направления экономического сотрудничества до 2030 года. Это подход поможет добиться новых достижений в комплексном экономико-торговом взаимодействии между Хэйлуцзяном и российским Дальним Востоком.

Ускорение культурного обмена между провинцией Хэйлуцзян и Дальним Востоком России.

Культурный обмен играет ключевую роль в развитии отношений между Китаем и Россией. В мае этого года лидеры двух стран совместно отпраздновали 75-летие установления дипломатических связей между КНР и Россией, а также приняли участие в открытии «Года культуры Китая и России». В августе прошло двадцать пятое заседание Комитета по культурному сотрудничеству, что очевидно свидетельствует о значительном внимании, уделяемом культурному обмену со стороны правительств обеих стран. Наша провинция должна взять юбилей установления дипломатических отношений в качестве отправной точки и серьезно реализовать соглашения, достигнутые главами государств в области сотрудничества.

Во-первых, в сфере образования необходимо усилить академический обмен с высшими учебными заведениями Дальнего Востока России. В настоящее время наша провинция имеет партнерство с более чем 100 университетами и учебными учреждениями в этом регионе. В рамках таких инициатив, как Альянс университетов Китая и России, следует активно развивать студенческий обмен, а также обеспечить взаимное признание учебных курсов и дипломов.

Во-вторых, стоит наладить сотрудничество в сфере крупных научных исследований, что позволит повысить уровень научной работы и образовательные возможности нашей провинции. В области спорта в 2025 году в Харбине будут проходить зимние Азиатские игры, и мы должны использовать эту возможность для исследования сотрудничества в зимних видах спорта с Россией, поощряя спортсменов и спортивные организации с обеих сторон активно участвовать в разнообразных мероприятиях по обмену.

Увеличение усилий по сотрудничеству провинции Хэйлуцзян с ключевыми отраслями Дальнего Востока России

Сотрудничество провинции Хэйлуцзян с Дальним Востоком России должно быть структурированным и эффективным. В этой связи все заинтересованные ведомства обязаны четко определить актуальные приоритетные области сотрудничества и соответствующие проекты. Например, в аграрной сфере планируется создание сельскохозяйственных производственных и перерабатывающих баз на территории России, что позволит постепенно решить проблемы нехватки пахотных земель и водных ресурсов в Китае. В энергетическом секторе необходимо стимулировать китайские компании к разработке месторождений на Дальнем Востоке России, таких как Республика Саха (Якутия), с особым акцентом на минералы, включая железную руду и цветные металлы.

Укрепление сотрудничества в строительстве инфраструктуры

Для дальнейшего улучшения качества и уровня экономико-торгового взаимодействия нашей провинции с российским Дальним Востоком важно учитывать китайский опыт в области управления и реализации международных инфраструктурных проектов. Это предполагает вовлечение в строительство транспортной и энергетической инфраструктуры на Дальнем Востоке России, что не только способствует росту экспорта китайских товаров, таких как машины, автомобили, электроника и одежда, но и помогает частично решить проблемы энергетической нехватки в Китае [7].

Кроме того, следует расширить транспортные маршруты и развивать обмены в приграничных районах Китая

и России для установления торговых связей. В частности, в туристический сезон длительное время ожидания на таможне в российских портах и низкая эффективность проверок серьезно оказывают влияние на выездные поездки граждан обеих стран. Поэтому китайская и российская стороны должны тщательно проанализировать возможные решения для сокращения времени проверки на всех пограничных пунктах.

Ускорение подготовки многопрофильных специалистов по русскому языку

Провинция Хэйлунцзян представляет собой ключевой регион для сотрудничества в области изучения русского языка. Для содействия развитию высших учебных заведений, специализирующихся на русском языке, необходимо активно разрабатывать и внедрять программы подготовки многопрофильных специалистов. Эти программы ориентированы на подготовку специалистов, способных уверенно овладеть профессиональными знаниями русского языка и одновременно осваивать юридическую сферу.

Также важно укреплять сотрудничество с коммерческими структурами и корректировать учебные программы в соответствии с современными требованиями. Инновационные методы обучения, основанные на междисциплинарном подходе и практическом образовании, способствуют формированию высококвалифицированных специалистов по русскому языку с международной перспективой и развитыми навыками межкультурного общения.

Заключение

Таким образом, региональное сотрудничество между Китаем и Россией достигло значительных результатов на нескольких уровнях, что не только углубило взаимопонимание и дружбу между народами двух стран, но и положительно сказалось на экономическом росте и повышении уровня жизни для обеих сторон. С проведением Года культуры Китая и России, а также под стратегическим руководством лидеров двух стран, можно ожидать, что это сотрудничество продолжит углубляться, внося более весомый вклад в стабильность и развитие экономик обеих стран, а также в мировую экономику в целом.

Дальнейшие интеграционные усилия и совместные проекты могут стать основой для нового витка отношений, укрепляя не только экономические связи, но и культурное взаимодействие, что, в свою очередь, способствует более глубокому взаимопониманию и сотрудничеству в будущем.

Литература

1. Гао Ливэй. Восточный экономический форум и восточный разворот российской экономики [Ж] 'Сибирские исследования' – 2019 (12) [高立伟. 东方经济论坛与俄罗斯经济东转 [J] 《西伯利亚研究》-2019 (12)].
2. Ли Пэн. Анализ путей построения торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией в условиях пандемии [Ж] «Приграничная экономика и культура» 2021 (05) [李鹏. 疫情背景下黑龙江省对俄经贸合作路径构建探析[J] 《边疆经济与文化》 2021 (05)].
3. Гао Синли, Гао Мэн, Гао Юйчан. Анализ стратегий торгово-экономического и культурного сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Хабаровским краем [Ж] «Коммерческая экономика» – 2023 (09) [高兴利. 高萌. 高禹婵. 黑龙江省与哈巴罗夫斯克边疆区经贸及人文合作策略分析[J] 《商业经济》-2023 (09)].
4. Цзин Хуэйсинь. Стратегии участия провинции Хэйлунцзян в развитии российского Дальнего Востока

[Ж] «Журнал российских исследований» – 2018 (01) [靳会新. 黑龙江省参与俄罗斯远东开发对策[J] 《俄罗斯学刊》-2018 (01)].

5. Ю Сяоцин. Попытка анализа тенденций развития российского Дальнего Востока в рамках стратегии 'восточного разворота' [Ж] 'Сибирские исследования' – 2017 (02) [于小琴. 试析“向东转”战略下俄罗斯远东发展态势[J] 《西伯利亚研究》-2017 (02)].
6. Чжао Синьжань. Исследование экономического развития Дальнего Востока и регионального сотрудничества Китая и России в новых условиях [Ж] 'Коммерческая экономика' – 2020 (09) [赵欣然. 新政下远东经济发展及中俄区域合作研究[J] 《商业经济》-2020 (09)].
7. Ли Сяньюэ, Ма Юйцзюнь. Рекомендации по углублению торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией в новых условиях [Ж] 'Исследования экономики Восточной Азии' – 2023 (05) [李显越. 马友君. 新形势下深化中俄经贸合作的建议[J] 《东北亚经济研究》-2023 (05)].
8. Ю Сяоцин. Инвестиционная среда Дальнего Востока России и перспективы привлечения иностранных инвестиций на фоне западных санкций [Ж] 'Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии' – 2016 (04) [于小琴. 西方制裁背景下俄罗斯远东投资环境及吸引外资前景[J] 《俄罗斯东欧中亚研究》-2016 (04)].
9. Цзо Сюэтин. Состояние транспортной инфраструктуры и будущее развитие Транспортной инфраструктуры Дальневосточного федерального округа России [Ж] 'Сибирские исследования' – 2020 (04) [邹秀婷. 俄罗斯远东联邦区交通基础设施现状及未来发展[J] 《西伯利亚研究》-2020 (04)].
10. Ли Чуньян. Современное состояние, вызовы и стратегии сотрудничества в сфере образования между Китаем и Россией в новую эпоху [Ж] 'Мировая образовательная информация' – 2022 (07) [李重洋. 新时代中俄教育合作的现状、挑战与对策[J] 《世界教育信息》-2022 (07)].

STUDY OF DEEPENING ECONOMIC AND TRADE COOPERATION WITH THE RUSSIAN FAR EAST IN HEILONGJIANG PROVINCE UNDER NEW CONDITIONS

Xi Zhao
Heihe University

The article is devoted to the study of the economic potential of the Russian Far East and its role in the changing geopolitical landscape. The region, possessing the richest natural resources and vast territories, has always attracted the attention of the Russian government. However, after the outbreak of the Ukrainian crisis in 2014 and the imposition of economic sanctions by Western countries, the Russian economy faced serious challenges. In response to these sanctions, Russia began to more actively develop foreign economic cooperation with the states of the Asia-Pacific region, especially with China. The Russian government has initiated a number of measures aimed at strengthening the economic development of the Far East, which has created additional opportunities for Heilongjiang Province, traditionally an important partner. This cooperation between China and Russia opens up new historical prospects for improving mutual economic relations, allowing both sides to realize their interests and ensure sustainable growth in the face of modern challenges.

Keywords: Heilongjiang Province; Russian Far East; trade and economic cooperation; new situation.

References

1. Gao Liwei. Eastern Economic Forum and the eastern turn of the Russian economy [J] 'Siberian Research' – 2019 (12) [高立伟. 东方经济论坛与俄罗斯经济东转 [J] 《西伯利亚研究》-2019 (12)].

2. Li Peng. Analysis of ways to build trade and economic cooperation between Heilongjiang Province and Russia in the context of a pandemic [J] 'Border Economy and Culture' 2021 (05) [李鹏. 疫情背景下黑龙江省对俄经贸合作路径构建探析[J] 《边疆经济与文化》 2021 (05)].
3. Gao Xingli, Gao Meng, Gao Yuchang. Analysis of strategies for trade, economic and cultural cooperation between Heilongjiang Province and the Khabarovsk Territory [J] 'Commercial Economics' – 2023 (09) [高兴利.高萌.高禹婵. [J] 《商业经济》 -2023 (09)].
4. Jing Huixin. Strategies for Heilongjiang Province's Participation in the Development of the Russian Far East [J] 'Journal of Russian Studies' – 2018 (01) [Russian Journal of Russian Studies. The Russian Far East and the Far East: Strategies for Heilongjiang Province's Participation in the Development of the Russian Far East [J] 《Russian Far East Studies》 -2018 (01)].
5. Yu Xiaoqin. An attempt to analyze development trends in the Russian Far East within the framework of the 'eastern turn' strategy [W] 'Siberian Research' – 2017 (02) [于小琴.试析“向东转”战略下俄罗斯远东发展态势[J] 《西伯利亚研究》 -2017 (02)].
6. Zhao Xinran. Research on the economic development of the Far East and regional cooperation between China and Russia in the new conditions [Ж] 'Commercial Economy' – 2020 (09) [Russian Far East Journal of Economics and Social Changes: Facts, Figures, and Articles of the Chinese Communist Party of China [J] 《China Foreign Trade》 -2020 (09)].
7. Li Xiangyue, Ma Yujun. Recommendations for deepening trade and economic cooperation between China and Russia under new conditions [Ж] 'East Asian Economic Studies' – 2023 (05) [East Asian Economic Research Journal. The Chinese-Russian Economic Review. [J] 《East Asian Economic Research Journal. [New Year's Eve – 2023 (05)].
8. Yu Xiaoqin. Investment Environment of the Russian Far East and Prospects for Attracting Foreign Investments Against the Background of Western Sanctions [Ж] 'Russian, Eastern European and Central Asian Studies' – 2016 (04) [Russian Far East: Investment Environment and Prospects for Attracting Foreign Investments Against the Background of Western Sanctions] J] 《Historical History of the Chinese People》 -2016 (04)].
9. Zuo Xueting. The state of transport infrastructure and future development of the transport infrastructure of the Far Eastern Federal District of Russia [Ж] 'Siberian Research' – 2020 (04) [Russian: 'Siberian Research' – 2020 (04)].
10. Li Chongyang. Current Status, Challenges and Strategies of Educational Cooperation between China and Russia in the New Era [Ж] 'World Education Information' – 2022 (07) [World Education Information Society Journal, China-Russia Economic Cooperation Journal, China-Russia Economic Cooperation Journal[J] [New York Times – 2022 (07)].

Логистические и торговые отношения между Россией и КНДР: исторические и современные аспекты взаимодействия

Солдатов Антон Олегович,

студент магистратуры Московского государственного института международных отношений; аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы
E-mail: antonsoldatov4160@gmail.com

Подберезкина Ольга Алексеевна,

кандидат политических наук, приглашенный преподаватель МГИМО, советник Управления Администрации Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству
E-mail: podberezkina.olga@yandex.ru

В работе исследуются исторические и современные аспекты взаимодействия двух стран в сфере логистики и торговли. В первой части анализируется история взаимосвязей между Россией и КНДР, начиная с советского периода и до настоящего времени. Особое внимание уделяется развитию железнодорожных маршрутов и строительству моста Дружбы как ключевым элементам логистической инфраструктуры. Во второй части статьи рассматриваются существующие логистические возможности, включая оптимизацию транспортных коридоров и потенциальные экономические выгоды от сотрудничества. Также обсуждаются вызовы и барьеры, влияющие на логистические операции между странами, такие как политические риски и правовые ограничения. В заключение представлены рекомендации по улучшению логистических связей и развитию торговых отношений на основе полученных выводов.

Ключевые слова: КНДР, российско-корейские отношения, советско-корейские отношения, санкции совета безопасности ООН, торговля

В условиях увеличения санкционного давления, взаимодействие между Россией и КНДР стало объектом интереса как для ученых, так и для практиков в сфере логистики и международной торговли. Исторически сложившиеся связи между двумя странами, которые имеют общие границы и схожие экономические интересы, прошли через множество трансформаций, начиная с периода корейской войны, распада Советского Союза и заканчивая современными вызовами, связанными с международной политикой и экономическими санкциями.

После окончания Второй мировой войны и раздела Корейского полуострова на Северную и Южную Корею Советский Союз стал важным союзником КНДР.

Сначала СССР поддержал КНДР во время корейской войны, предоставив Северной Корее оружие, боеприпасы, танки и самолеты. Советские военные эксперты и советники также помогали в подготовке войск, активно поддерживали Северную Корею на международной арене, включая предоставление дипломатической помощи в Организации Объединенных Наций и своего влияния для блокирования резолюций, осуждающих действия Северной Кореи. Уже после окончания военного вторжения СССР оказывал значительную помощь в восстановлении экономики страны, поставляя оборудование и технологии, а также развивая транспортную инфраструктуру [1]. В это время активно развивались:

- Железнодорожные маршруты. В 1952 году во время корейской войны был построен первый и единственный деревянный мост через реку Туманную на границе России и КНДР, в том же году в Корею пришли первые рабочие поезда. Временный деревянный мост не обеспечивал перевозку возрастающего грузопотока, поэтому в 1959 году совместными усилиями строителей обеих стран был построен мост с металлическими конструкциями на каменных устоях, получивший название «Мост Дружбы». Железнодорожное сообщение между СССР и КНДР способствовало обмену товаров и ресурсов. Это стало основой для создания транспортной сети, которая позже стала важной частью логистики.
- Торговля. Взаимный обмен товарами, такими как уголь, металлы и сельскохозяйственная продукция, стал основным направлением торговли между двумя странами. Создание совместных предприятий также дало импульс развитию логистических операций. Со стороны России осуществлялась поддержка в направлении восстановления промышленности, в том числе были отремонтированы или расширены: металлургический завод им. Ким Чака, сталелитейный завод в Сендине, Хыннамский завод химических удобрений, завод цветных металлов в Нампхо, цементный завод в Сынхори и т.д [2]. С распадом Советского Союза в начале 1990-х годов отношения между Россией и КНДР претерпели изменения. Экономические и политические трансформации в России и внутренние кризисы в КНДР привели к ряду проблем:
- Снижение объемов торговли. Экономические реформы в России снизили объем товарообмена, что негативно сказалось на логистических связях между двумя странами [3].

– Проблемы с инфраструктурой. Устаревшая инфраструктура и нехватка финансирования привели к ухудшению логистических процессов и уменьшению транспортных потоков

Переход на новый механизм торговли между странами был закреплен в соглашении, подписанном между КНДР и СССР в 1991 г. Отменялась клиринговая форма расчетов в рублях. Торговля переводилась на доллары США по ценам мирового рынка на основе заключения разовых контрактов, что в совокупности негативно сказалось на сотрудничестве.

В 2000-х годах, после прихода к власти Ким Чен Ира, КНДР начала активно искать новые пути взаимодействия с соседями. Россия, в свою очередь, стала осознавать стратегическую важность корейского союзника и возможности для расширения влияния в Восточной Азии, благодаря чему взаимовыгодный экспорт и импорт товаров обеих стран медленно, но планомерно увеличивался вплоть до 2014 года. Экономическое сотрудничество по началу осуществлялось в большей степени между регионами Дальнего Востока России и КНДР. Так, в 2003 году около двух тысяч северокорейских рабочих уже были заняты на заготовке древесины в Амурской области, а порядка трех тысяч были заняты в сельском хозяйстве и рыбной отрасли [4].

Несмотря на наличие исторических связей, а также попытки налаживания торговли и сотрудничества, товарооборот между РФ и КНДР упал с 2015 по 2020 год с \$84,3 млн до \$42,7 млн соответственно, а в 2022 году составил лишь \$3,78 млн [5]. Такое сильное падение было связано с санкциями ООН, наложенных на Северную Корею из-за их ракетно-ядерной программы. Тем не менее, в 2023 году торгово-экономические отношения с РФ оживились, а в марте 2024 Россия наложила вето на продление мандата группы контроля за соблюдением режима санкций ООН, то есть действие санкций формально сохраняется до сих пор, однако контроль за их исполнением утратил силу.

На сегодняшний день существует ряд возможностей для развития логистических и торговых отношений между Россией и Северной Кореей, которые обусловлены географическим соседством, ресурсными преимуществами со стороны России, политическими интересами, в том числе созданием новых союзов в условиях международной политической напряженности, а также преодолением трудностей, связанных с международной изоляцией и экономическими санкциями. Анализ существующих торговых потоков показывает, что между Россией и КНДР есть значительный потенциал для увеличения объемов торговли. Россия может поставлять КНДР природные ресурсы, сельскохозяйственную продукцию, технические товары и оборудование. Это особенно актуально в условиях постоянно увеличивающегося напряжения между КР и КНДР: в октябре 2024 года Северная Корея полностью ликвидировала автомобильное и железнодорожное сообщение с Южной Кореей и произвела подрыв участков длиной в 60 метров [6], то есть прямое транспортное сообщение у Северной Кореи есть только с Китаем и РФ. В свою очередь, КНДР может предложить России доступ к товарам легкой промышленности, особенно текстиля, рабочей силе, морепродуктам, средствам традиционной медицины и оружию.

Для того, чтобы продолжать планомерно наращивать торговый оборот с соседом, России крайне важно инвестировать в транспортную инфраструктуру. В июне 2024 года правительство РФ и КНДР подписали соглашение о строительстве пограничного автомобильного моста, который будет функционировать в дополнение к уже существующим железнодорожным путям. Несмо-

тря на это событие, ряд экспертов считают, что строительство может потребовать участие Китая в согласовании сооружения, что сделает проект долгорезализуемым или вообще невозможным [7]. Кандидат экономических наук, профессор кафедры корееведения Восточного института ДВФУ Марина Кукла считает, что из-за договоренностей между Китаем и РФ, достигнутых по итогам визита Владимира Путина в Китай в мае 2024 года, возведение моста может помешать плаванию китайских судов в нижнем течении реки Туманная. Продвижению китайского судоходства «мешает даже действующий железнодорожный Мост Дружбы. Поэтому, возможно, нужно будет произвести еще углубление дна, такой вариант тоже существует», рассказала Кукла.

Следующей проблемой строительства моста является транспортная инфраструктура на территории России в Приморье: двухполосная дорога, которая сейчас есть в приграничных районах, не сможет обеспечить быструю доставку грузов с помощью нового автомобильного моста. Это создает дополнительные сложности для оценки инвестиционной привлекательности нового «Моста Дружбы», который соединит Россию и Северную Корею и даст возможность грузовому транспорту перемещать товары между странами.

Исходя из вышеизложенных предпосылок развития товарооборота и логистической системы между Россией и Северной Кореей, необходимо нивелировать существующие противоречия за счет ряда мероприятий:

1. Увеличение инвестиций в транспортную инфраструктуру. Важно уделить особое внимание модернизации существующей транспортной инфраструктуры в Приморском крае. Это включает в себя не только строительство нового автомобильного моста, но и улучшение состояния дорожного покрытия в прилегающих территориях в целях обеспечения эффективной логистики и быстрой доставки грузов.
2. Создание совместных торговых зон. Рассмотрение возможности создания совместных торговых и логистических зон на границе, что позволит упростить процедуры таможенного оформления и ускорить товарооборот.
3. Учет интересов Китая. Россия и КНДР могут разрешить китайским судам проходить через мост Дружбы в Японское море, что положительно скажется на развитии Дальнего Востока и всей Северо-Восточной Азии. Согласно японскому источнику [8], три страны уже начали переговоры о разрешении на прохождение китайскими судами приграничной реки Туманная в Японское море. Сейчас суда КНР могут свободно перемещаться по реке до деревни Фанчуань, но для выхода в море необходимо разрешение от РФ и КНДР.

Таким образом, возобновление диалога между Россией и КНДР в части развития логистической и транспортной системы, без сомнения, является взаимовыгодным способом для обоих государств извлечь пользу из сложившейся ситуации на внешнеполитической арене. Тем не менее, все еще остается ряд противоречий, которые необходимо урегулировать. Для планомерного и уверенного увеличения товарооборота между странами целесообразным является увеличение инвестиций в инфраструктурные проекты на границе, в том числе строительство нового моста, дорожного полотна и развязок со стороны России, которые смогут в будущем обеспечить быструю доставку грузов. Также важно учитывать интересы китайской стороны, для чего желательно углубить дно реки под существующим мостом и начать строительство нового автомобильного переезда че-

рез реку с расчетом на возможность прохождения под ним крупных судов.

Литература

1. Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945–1980: Документы и материалы / Институт востоковедения АН СССР; Главное архивное управление при Совете Министров СССР; Историко-дипломатическое управление Министерства иностранных дел СССР. – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1981
2. Научно-популярный журнал «ИКСТАТИ» [Электронный ресурс]. URL: <https://spb.hse.ru/ixtati/news/789854692.html> (дата обращения 21.10.2024)
3. Тригубенко М. Е., Нгуен Куок Хунг. Россия возвращается в КНДР: торгово-экономическое сотрудничество вчера и сегодня. Потенциал возможностей для развития // Экономика и управление. 2019. No 5 (163). С. 28–33.
4. Торкунов А., Денисов В. Россия-Корея: взгляд из прошлого в настоящее. Мировая экономика и международные отношения, 2005, № 1, с. 53.
5. Сайт федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/ecustoms> (дата обращения 21.10.2024)
6. Морозова А. Редакция Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/society/523292-kndr-polnost-u-razorvala-doroznoe-soobshenie-s-uznoj-koreej> (дата обращения 26.10.2024)
7. Мария Кукла для Риа Новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240619/most-1954120258.html> (дата обращения 21.10.2024)
8. Tajima Y. China eyes Sea of Japan access via Russia-North Korea border river // Nikkei Asia – 14 June 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-eyes-Sea-of-Japan-access-via-Russia-North-Korea-border-river> (дата обращения 24.10.2024)

LOGISTICS AND TRADE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE NORTH KOREA: HISTORICAL AND MODERN ASPECTS OF INTERACTION

Soldatov A.O., Podberezkina O.A.

State Institute of International Relations; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the historical and contemporary aspects of cooperation between the two countries in the field of logistics and trade. The first part analyzes the history of relations between Russia and North Korea, starting from the Soviet period to the present day. Special attention is given to the development of railway routes and the construction of the Friendship Bridge as key elements of the logistical infrastructure. The second part of the article discusses existing logistical opportunities, including the optimization of transport corridors and the potential economic benefits of collaboration. The challenges and barriers affecting logistics operations between the countries – such as political risks and legal restrictions – are also addressed. In conclusion, recommendations for improving logistical ties and developing trade relations based on the findings are presented.

Keywords: North Korea, Russian-Korean relations, Soviet-Korean relations, UN Security Council sanctions, trade.

References

1. Relations of the Soviet Union with People's Korea 1945–1980: Documents and materials / Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences; Main Archival Administration under the Council of Ministers of the USSR; Historical and Diplomatic Administration of the USSR Ministry of Foreign Affairs. – M.: Nauka Publishing House. Main editorial office of oriental literature, 1981
2. Popular science journal IKSTATI [Electronic resource]. URL: <https://spb.hse.ru/ixtati/news/789854692.html> (date of access 10/21/2024)
3. Trigubenko M. E., Nguyen Quoc Hung. Russia returns to the DPRK: trade and economic cooperation yesterday and today. Potential for development opportunities // Economy and Management. 2019. No. 5 (163). Pp. 28–33.
4. Torkunov A., Denisov V. Russia-Korea: a look from the past to the present. World Economy and International Relations, 2005, No. 1, p. 53.
5. Website of the Federal Customs Service [Electronic resource]. URL: <https://customs.gov.ru/ecustoms> (accessed on 21.10.2024)
6. Morozova A. Forbes Editorial Board [Electronic resource]. URL: <https://www.forbes.ru/society/523292-kndr-polnost-u-razorvala-doroznoe-soobshenie-s-uznoj-koreej> (accessed on 26.10.2024)
7. Maria Kukla for RIA Novosti [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20240619/most-1954120258.html> (date of access 21.10.2024)
8. Tajima Y. China eyes Sea of Japan access via Russia-North Korea border river // Nikkei Asia – 14 June 2024 [Electronic resource]. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/China-eyes-Sea-of-Japan-access-via-Russia-North-Korea-border-river> (date of access 24.10.2024)

Международно-правовая реакция на текущее обострение палестино-израильского конфликта

Юдин Никита Олегович,

к.п.н., руководитель Сектора наукометрического анализа,
МГИМО МИД России
E-mail: n.yudin@inno.mgimo.ru

Целью данной статьи является исследование международно-правовой реакции на текущее обострение палестино-израильского конфликта. Актуальность темы связана с тем, что данный конфликт имеет глубокие исторические корни и вспыхнул с новой силой в 2023 году и продолжается до сих пор. Несмотря на наличие многочисленных правовых инициатив по его разрешению, устойчивый мир на землях Палестины является лишь неопределенной перспективой.

Методологическим основанием данной статьи является опора на научные исследования в области политической конфликтологии, этнической конфликтологии, теории международного права. В процессе работы над статьей использовался исторический метод, позволивший рассмотреть первопричины конфликта, метод анализа международно-правовых документов и первоисточников, отражающих реакцию международного сообщества на текущие события в зоне палестино-израильского конфликта.

Результатом данной статьи является то, что автор на основе изучения международно-правовых документов, отражающих реакцию международного сообщества на события в регионе, проследил динамику изменений в общей правовой оценке данных событий со стороны мирового сообщества.

Сделан вывод, что ранее безоговорочная поддержка Израиля, даже на фоне международного сочувствия к понесенным жертвам в результате террористических атак, сменяется пониманием необходимости радикального решения палестинской проблемы с использованием механизмов принуждения Израиля к обеспечению прав палестинского народа на свою территорию. Такие сдвиги в области восприятия политических причин и политических возможностей урегулирования данного конфликта, происходящие в мировом политическом сознании, дают основания надеяться на то, что в конечном итоге палестинскому народу удастся достичь своей цели, восстановить свой контроль над оккупированными территориями.

Ключевые слова: международное право, политика, территория, конфликт, оккупация, Израиль, Палестина.

Начало XXI столетия ознаменовалось возникновением новых очагов политического противостояния, что является следствием ранее неразрешенных территориальных споров, выборочной трактовки норм международного права, а также отсутствием единого понимания их смысла и условий применения в практике урегулирования политических проблем.

Один из конфликтов, который начался, а скорее вспыхнул с новой силой в 2023 году и продолжается до сих пор – арабо-израильский, имеющий глубокие исторические корни, и, несмотря на наличие многочисленных инициатив по его разрешению, устойчивый мир на землях Палестины до сих пор лишь неопределенной перспективой. Периодические вспышки насилия с обеих сторон продолжают уносить человеческие жизни и причиняют страдания мирному населению, с 2000 по 2019 год во время конфликта погибло почти 10 тыс. палестинцев и 1270 израильтян, из них более 2300 детей. Новый виток конфронтации возник в 2023 году, когда бойцы палестинского исламского движения ХАМАС проникли в населенные пункты на границе Израиля, где ими было убито более 1200 человек и 250 взято в заложники. В ответ Премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху заявил, что его страна находится в состоянии войны, в результате которой уже в 2024 году военнополитическая ситуация обострилась и возникли реальные предпосылки для возникновения глобального военного противостояния между Израилем и Ираном с непредсказуемыми последствиями.

Острота данного конфликта и его потенциальная способность перерасти в крупнейшее вооруженное противостояние между странами ближневосточного региона с участием третьих государств, определяет актуальность исследования данной проблематики с учетом отсутствия единства в мировом сообществе относительно оценки данного конфликта

К вопросам, касающимся проблем военно-политического противостояния между Израилем и Палестиной и возможностей мирного урегулирования ситуации в регионе в последние годы обращались Абдуллаев Г.П. [1], Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н., Фарапонова Т.К. [2], Демидов К.Б. [3], Заманов Р.Т., Городник С.А. [4], Карасова Т.А. [5], Махмутова М.И. [6], Хасанов А.А. [9] и др.

Анализ данных работ позволяет говорить о том, что исследователи единодушны в том, что данный конфликт не имеет военного решения, во многом является следствием игнорирования положений международного права и позиции ООН и, а также отсутствия желания справедливости его решения со стороны Израиля и США.

При этом, многообразии тематики, которая стоит в центре научных работ, касающихся палестино-израильского конфликта свидетельствует о его многоплановости и отсутствия однозначных ответов на сложные вопросы, которые на протяжении десятилетий формировались вокруг палестинской проблемы.

В тоже время, не смотря на то, что исследователи достаточно полно и всестороннее рассмотрели проблематику данного конфликта, последнее обострение ситуации в регионе не нашло достойного научного осмыс-

ления, в частности практически не изученными остаются вопросы, связанные с реакцией международного сообщества на резкий всплеск насилия в Секторе Газа, что определяет актуальность данной статьи.

Таким образом, целью данной статьи является исследование международно-правовой реакции на текущее обострение палестино-израильского конфликта.

Методология

Методологическим основанием данной статьи является опора на научные исследования в области политической конфликтологии, этнической конфликтологии, теории международного права. В процессе работы над статьей использовался исторический метод, позволивший рассмотреть позволивший рассмотреть первопричины конфликта, метод анализа международно-правовых документов и первоисточников, отражающих реакцию международного сообщества на текущие события в зоне палестино-израильского конфликта.

Нормативно-правовую основу статьи составили тексты резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН, документы Международного суда ООН, Международного уголовного суда, Международной Организации Труда.

Научная новизна статьи состоит в том, что автор на основе изучения международно-правовых документов, отражающих реакцию международного сообщества на события в регионе, проследил динамику изменений в общей правовой оценке данных событий со стороны мирового сообщества.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в исследованиях, связанных с осмыслением современной военно-политической ситуации на Ближнем Востоке.

Результаты

Рассматривая сложную военно-политическую проблему, связанную с обострением палестино-израильского конфликта в правовом аспекте, следует сказать, что она возникла на фоне пренебрежения нормами международного права со стороны Израиля, при явном попустительстве со стороны США и их союзников, которые, фактически, поддерживают противоправную позицию Тель-Авива. Отправной точкой той политической реальности, которая сформировалась в этом конфликте, можно считать события Шестидневной войны 1967 года, когда в процессе боевых действий подразделения израильской армии достигли значительных успехов, разбив вооруженные силы Египта, Сирии и Иордании, а также их союзников Ирака и Алжира, захватив Синайский полуостров, Сектор Газа, Западный берег реки Иордан, Восточный Иерусалим и Голанские высоты. В ответ на столь решительные действия Израиля Совет Безопасности ООН принял Резолюцию № 242, требовавшую от Тель-Авива вывести вооруженные силы с оккупированных территорий [8].

Однако с тех пор палестинская территориальная проблема остается не решенной, ряд захваченных территорий, по-прежнему находится под контролем Израиля, который считает их своей территорией, в чем их поддерживают США [10].

Продолжающаяся оккупация, как заявлено в Докладе «Положение трудящихся оккупированных арабских территорий», не оставляет места для стабильного восстановления рынка труда, омрачает перспективы мирного урегулирования израильско-палестинского конфликта и ещё больше ослабляет палестинские инсти-

туты управления; продолжается и финансовый кризис Палестинской национальной администрации, частично вызванный оккупацией [7].

Собственно оккупация палестинских территорий и невозможность вести на этих территориях нормальную социально-экономическую деятельность, дискриминация в отношении арабского населения, являются причиной постоянных обострений, военных атак и террористических актов в отношении Израиля со стороны бойцов сопротивления и ответных действий со стороны Израиля, выражающихся в ударах по территории Сектора Газа, являющейся базовой территорией ХАМАС.

Мировое сообщество с недавних пор повысило активность в области защиты прав палестинцев. Так, например, в 2021 году тогдашняя главная прокурор Международного уголовного суда (МУС) Фату Бенсуда объявила, что суд приступит к расследованию вероятных преступлений, совершенных на палестинских территориях. После присоединения Палестины к Римскому уставу и признания ею, таким образом, юрисдикции МУС, суд получил юридические полномочия расследовать преступления, совершенные палестинцами или на палестинской территории. Данное расследование направлено на выявлении уголовно наказуемых деяний, связанных с военными операциями израильской армии в Газе и строительством еврейских поселений на оккупированных территориях. Израиль категорически осудил данное решение, в то время как представители ХАМАС полностью его поддержали.

После событий октября 2023 года и последующих военных действий, мировому политику стало понятно, что решение палестинской проблемы лежит исключительно в плоскости принуждения Израиля к возврату оккупированных территорий, в результате чего тональность международных документов изменилась.

В конце 2023 года Международный Суд ООН рассматривал иск ЮАР против Израиля, в котором уже прозвучали обвинения в отношении Израиля в нарушении Конвенции ООН 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, хотя само Решение Суда было достаточно сдержанным, включало в себя нормы, обязывающие Израиль воздержаться от любых действий, которые могут трактоваться как геноцид и гарантировать, что в процессе военных действий Израиль будет избегать актов геноцида в секторе Газа. При этом Суд указал на то, что «все стороны конфликта в секторе Газа связаны международным гуманитарным правом. Он серьезно обеспокоен судьбой заложников, похищенных во время нападения на Израиль 7 октября 2023 года и удерживаемых с тех пор ХАМАС и другими вооруженными группами, и призывает к их немедленному и безоговорочному освобождению» [12].

Уже в 2024 году, продолжая поиск правых путей решения палестинской проблемы, Международный суд ООН обнародовал консультативное заключение по «Правовым последствиям, вытекающим из политики и практики Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим» (AdvOp) [12], в котором приведены результаты всестороннего анализа израильской политики и практики управления на оккупированной палестинской территории.

Данный документ выходит далеко за рамки консультативного заключения по палестинской стене 2004 года, которое ограничилось оценкой законности стены, не предоставив, однако, полноценного правового анализа израильской оккупации. В 2004 году суд заявил, что Израиль должен немедленно положить конец нарушению своих международных обязательств, прекратив работы по строительству стены и демонтировав те части

этой конструкции, которые находятся на оккупированной палестинской территории, а также отменив или сделав неэффективными все законодательные и нормативные акты, принятые с целью строительства стены и установления связанного с ней режима [14].

Хотя решение не является обязательным, оно постановило, что стена нарушает международное право, и призвало к ее демонтажу. Оно также постановило, что Израиль должен выплатить репарации за любой причиненный ущерб.

Спустя месяц после решения Международного суда, Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством голосов потребовала от Израиля подчиниться решению высшего юридического органа ООН. Однако, не смотря на то, что с момента принятия решения суда прошло достаточное количество лет, со стороны Израиля не наблюдается готовности выполнить данное решение [13].

В последнем же заключении Суда, о котором речь шла выше, позиции, обязывающие Израиль восстановить нарушенное право, высказаны более решительно.

В знаковом документе Международного Суда от 19 июля 2024 года было объявлено, что оккупация Израилем сектора Газа и Западного берега, включая Восточный Иерусалим, является незаконной, равно как и связанный с ней режим поселений, аннексия и использование природных ресурсов, а постоянное злоупотребление Израилем своим положением оккупирующей державы – аннексия и установление постоянного контроля над оккупированными палестинскими территориями (ОПТ), длящееся ущемление права палестинского народа на самоопределение – нарушает основополагающие принципы международного права и делает присутствие Израиля на оккупированных палестинских территориях незаконным.

Суд определил последствия, вытекающие из политики и практики Израиля на ОПТ, указав на то, что поскольку присутствие Израиля на ОПТ является незаконным, оно представляет собой противоправный акт, влекущий международную ответственность.

Суд добавил, что законодательство и меры Израиля нарушают международный запрет на расовую сегрегацию и апартеид и обязал Израиль прекратить оккупацию, демонтировать свои поселения, предоставить полную компенсацию жертвам палестинцев и способствовать возвращению перемещенных лиц [12].

По мнению экспертов, данное заключение подтверждает императивные нормы, запрещающие аннексию, поселения, расовую сегрегацию и апартеид, и его следует рассматривать как декларативное по своей природе и обязательное для Израиля. Суд опроверг мнение о том, что самоопределение палестинцев должно быть достигнуто исключительно путем двусторонних переговоров с Израилем – требование, из-за которого палестинцы на протяжении 30 лет подвергались насилию, лишались собственности и нарушали свои права, наконец, подтвердил принцип, который казался неясным даже для экспертов ООН, согласно которому свобода от иностранной военной оккупации, расовой сегрегации и апартеида абсолютно не подлежит обсуждению [11].

Призывая государства взаимодействовать с Международным уголовным судом, эксперты призвали обеспечить защиту палестинцев и потребовали предоставить независимым экспертам и механизмам доступ на оккупированную палестинскую территорию.

Они также призвали международное сообщество бросить вызов целенаправленным попыткам Израиля переписать нормы международного гуманитарного права, используя его в качестве «гуманитарного камуфля-

жа», указав на то, что законы, предусматривающие наказание за противодействие или препятствующие пропаганде против израильской оккупации и апартеида, должны быть отменены, поскольку они способствуют узакониванию потенциально геноцидного насилия против всех палестинцев.

При этом прозвучало мнение, согласно которому, в то время как Совет Безопасности ООН и Генеральная Ассамблея будут рассматривать стратегии по обеспечению быстрого прекращения незаконной оккупации, государства должны немедленно пересмотреть все дипломатические, политические и экономические связи с Израилем, включая бизнес и финансы, пенсионные фонды, научные и благотворительные организации. Эксперты ООН призвали ввести эмбарго на поставки оружия, прекратить любую другую коммерческую деятельность, которая может нанести ущерб палестинцам, и ввести целевые санкции, включая замораживание активов в отношении израильских физических и юридических лиц, причастных к незаконной оккупации, расовой сегрегации и политике апартеида.

Более того, эксперты видят в решении Суда прочную правовую основу, базирующуюся, прежде всего, на праве на самоопределение – для отстранения правительства Израиля от Генеральной Ассамблеи до тех пор, пока оно не выполнит заключение – как Ассамблея сделала с Южной Африкой пятьдесят лет назад [15].

Кроме того, они указали на необходимость провести расследование и привлечь к ответственности лиц, причастных к преступлениям на оккупированной палестинской территории.

По мнению экспертного сообщества, слишком долго палестинцы были заложниками реальной политики, в то время как Израиль насмехался над международным порядком и нормативной базой международного права. В этой связи консультативное заключение Международного суда должно стать катализатором для возобновления международных действий по восстановлению и сохранению международного порядка, основанного на уважении международного права [11].

Однако, уже после решения суда от 19 июля Израиль усилил атаки на гражданское население Газы и его инфраструктуру, что свидетельствует о его нежелании прислушаться к мнению экспертов и выполнить предписания Международного суда ООН.

В целом, исследование позволяет говорить о том, что международное сообщество постепенно приходит к выводу относительно недопустимости оккупации палестинских территорий, рассматривая данный факт как первопричину постоянного военно-политического напряжения в данном регионе.

Достаточно категоричный тон консультативного заключения по «Правовым последствиям, вытекающим из политики и практики Израиля на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим» свидетельствует о том, что израильская внешняя политика становится все более токсичной и многие страны воспринимают Израиль как агрессивное государство, ущемляющее права палестинского народа.

На этом фоне безукоризненной является позиция российского МИДа, согласно которой конфликт, который тянется уже 75 лет, не имеет силового решения, при том, что на протяжении десятилетий страны Запада блокируют деятельность посреднической миссии в составе России, США, ЕС и ООН на Ближнем Востоке, способствуя нарастанию напряженности, затягивая процесс мирного решения палестинской проблемы.

В этой связи следует сказать, что ранее безоговорочная поддержка Израиля, даже на фоне международного

сочувствия к понесенным жертвам в результате террористических атак, сменяется пониманием необходимости радикального решения палестинской проблемы с использованием механизмов принуждения Израиля к обеспечению прав палестинского народа на свою территорию, являющуюся исторической частью Палестины, и признанной таковой международным сообществом.

Заключение

Безусловно, не стоит ожидать быстрых изменений в решении палестинской проблемы. Израиль в вопросах оккупации палестинских территорий полностью полагается на США, ощущая поддержку Америки и игнорируя нормы международного права. Эту позицию разделяют и эксперты, которые считают, что доктрина международного права об обязанности прекратить военную оккупацию, несмотря на наличие серьезных проблем в области международной безопасности, остается спорной, и пока условия безопасности в регионе остаются крайне нестабильными, маловероятно, что выход Израиля с оккупированных территорий станет реальностью.

Однако, тем не менее, сдвиги в области восприятия политических причин и политических возможностей урегулирования данного конфликта, происходящие в мировом политическом сознании, дают основания надеяться на то, что в конечном итоге палестинскому народу удастся достичь своей цели, восстановить свой контроль над оккупированными территориями.

Литература

1. Абдуллаев Г.П. Эволюция процесса международного признания Палестины // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 1. С. 16–24.
2. Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н., Фарапонова Т.К. Роль мировых элит в урегулировании палестино-израильского конфликта: современный период // Власть. 2020. № 5. С. 281–288.
3. Демидов К.Б. Палестино-израильский конфликт: обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. 2022. № 2. С. 15–33.
4. Заманов Р. Т.О., Городник С.А. Феномен международного терроризма в палестинско-израильском конфликте // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 3. С. 110–116.
5. Карасова Т.А. Обострение «тлеющего» палестино-израильского конфликта в мае 2021 г. // Историческая психология и социология истории. 2021. № 1. С. 75–85.
6. Махмутова М.И. Сотрудничество палестинской национальной администрации и Израиля в области безопасности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2022. Т. 22. вып. 3. С. 364–369.
7. МОТ. Положение трудящихся оккупированных арабских территорий. Доклад Генерального директора (Приложение). Международная конференция труда 110-я сессия, 2022 г. – URL: <https://www.ilo.org>
8. Резолюцию Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 года. – URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/241/18/pdf/nr024118.pdf>
9. Хасанов А.А. Проблема признания Палестины в контексте реализации палестинским народом права на самоопределение // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 11. С. 164–173.

10. Члены Совбеза сожалеют о решении США признать оккупированные Голаны территорией Израиля. 28 марта 2019. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/03/1351981>
11. Experts hail ICJ declaration on illegality of Israel's presence in the occupied Palestinian territory as "historic" for Palestinian and international law. – URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2024/07/experts-hail-icj-declaration-illegality-israels-presence-occupied>
12. International Court Of Justice. Summary of the Advisory Opinion of 19 July 2024. – URL: <https://www.icj-cij.org/node/204176>
13. Israel's separation wall endures, 15 years after ICJ ruling. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/7/9/israels-separation-wall-endures-15-years-after-icj-ruling>
14. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. – URL: <https://www.icj-cij.org/case/131>
15. The 2024 ICJ Advisory Opinion on the Occupied Palestinian Territory – An Introduction. – URL: <https://verfassungsblog.de/the-2024-icj-advisory-opinion-on-the-occupied-palestinian-territory>

INTERNATIONAL LEGAL RESPONSE TO THE CURRENT WORSE OF THE PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT

Yudin N.O.

MGIMO University

The purpose of this article is to study the international legal response to the current worsening of the Palestinian-Israeli conflict. The relevance of the topic is due to the fact that this conflict has deep historical roots and broke out with renewed vigor in 2023 and continues to this day. Despite the existence of numerous legal initiatives to resolve it, sustainable peace in the lands of Palestine is only an uncertain prospect.

The methodological basis of this article is based on scientific research in the field of political conflictology, ethnic conflictology, and the theory of international law. In the process of working on the article, the historical method was used, which made it possible to consider the root causes of the conflict, the method of analyzing international legal documents and primary sources reflecting the reaction of the international community to current events in the Palestinian-Israeli conflict zone.

The result of this article is that the author, based on the study of international legal documents reflecting the reaction of the international community to the events in the region, traced the dynamics of changes in the general legal assessment of these events by the world community.

It is concluded that the previously unconditional support for Israel, even against the background of international sympathy for the victims suffered as a result of terrorist attacks, is replaced by an understanding of the need for a radical solution to the Palestinian problem using mechanisms to force Israel to ensure the rights of the Palestinian people to their territory. Such shifts in the perception of political causes and political possibilities for resolving this conflict, occurring in the world political consciousness, give reason to hope that ultimately the Palestinian people will be able to achieve their goal, to restore their control over the occupied territories.

Keywords: international law, politics, territory, conflict, occupation, Israel, Palestine.

References

1. Abdullaev G.P. Evolution of the process of international recognition of Palestine // Bulletin of Bryansk State University. 2024. No. 1. P. 16–24.
2. Grigoryan D.K., Kondratenko E.N., Faraponova T.K. The role of world elites in the settlement of the Palestinian-Israeli conflict: the modern period // Vlast. 2020. No. 5. P. 281–288.
3. Demidov K.B. The Palestinian-Israeli conflict: an overview // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental and African studies. 2022. No. 2. P. 15–33.

4. Zamanov R.T.O., Gorodnik S.A. The Phenomenon of International Terrorism in the Palestinian-Israeli Conflict // *Interdisciplinary Research: Experience of the Past, Possibilities of the Present, Strategies for the Future*. 2021. No. 3. Pp. 110–116.
5. Karasova T.A. Exacerbation of the “smoldering” Palestinian-Israeli conflict in May 2021 // *Historical Psychology and Sociology of History*. 2021. No. 1. Pp. 75–85.
6. Makhmutova M.I. Cooperation between the Palestinian National Authority and Israel in the Field of Security // *Bulletin of Saratov University. New Series. Series History. International Relations*. 2022. Vol. 22. Issue 3. Pp. 364–369.
7. ILO. The Situation of Workers in the Occupied Arab Territories. Report of the Director-General (Appendix). International Labour Conference, 110th Session, 2022 – URL: <https://www.ilo.org>
8. UN Security Council Resolution No. 242 of 22 November 1967. – URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/241/18/pdf/nr024118.pdf>
9. Khasanov A.A. The Problem of Recognition of Palestine in the Context of the Exercise of the Right to Self-Determination by the Palestinian People // *Actual Problems of Russian Law*. 2023. Vol. 18. No. 11. Pp. 164–173.
10. Members of the Security Council Regret the US Decision to Recognize the Occupied Golan Heights as Israeli Territory. March 28, 2019. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/03/1351981>
11. Experts hail ICJ declaration on illegality of Israel’s presence in the occupied Palestinian territory as “historic” for Palestinian and international law. – URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2024/07/experts-hail-icj-declaration-illegality-israels-presence-occupied>
12. International Court of Justice. Summary of the Advisory Opinion of 19 July 2024. – URL: <https://www.icj-cij.org/node/204176>
13. Israel’s separation wall endures, 15 years after ICJ ruling. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/7/9/israels-separation-wall-endures-15-years-after-icj-ruling>
14. Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. – URL: <https://www.icj-cij.org/case/131>
15. The 2024 ICJ Advisory Opinion on the Occupied Palestinian Territory – An Introduction. – URL: <https://verfassungsblog.de/the-2024-icj-advisory-opinion-on-the-occupied-palestinian-territory>

Религиозная деятельность первых духовных миссий Русской православной церкви (1715–1821 гг.)

Данилова Елена Валерьевна,
кандидат исторических наук, доцент Российского
университета дружбы народов
E-mail: alendan@mail.ru.

Статья посвящена первым духовным миссиям Русской православной церкви в Китае (1715–1821 гг.). Рассматриваемый исторический период характеризуется сложностью отношений, поскольку с одной стороны, Китай оставался закрытой для иностранцев страной, с другой – пограничный вопрос между Российской и Китайской империями не был урегулирован. Несмотря на сложности, России удалось договориться о появлении в столице Китая первой православной миссии. Это было сделано по обоюдному решению сторон для потомком албазинцев, захваченных в плен на границе с Китаем. Автор ставит задачи проследить динамику процесса внедрения православия в китайскую среду, определить методы и средства религиозной деятельности членов православных миссий, выявить слабые и сильные стороны миссий в деле приобщения китайцев к православной вере. В ходе исследования автор пришел к выводу, что, являясь приграничным Китаю государством, Россия старалась сохранять дружественные отношения со своим соседом. Российская миссия проводила политику невмешательства во внутренние дела Цинской империи. Однако религиозная деятельность первых православных миссий Русской православной церкви находилась на низком уровне в плане проповеди и обращения в православную веру китайцев.

Ключевые слова: Российская империя, Китайская империя, Русская православная церковь, миссии Русской православной церкви, распространение православия.

Для того, чтобы проанализировать деятельность первых православных миссий Русской православной церкви в Китае, необходимо рассмотреть, во-первых, динамику процесса внедрения православия в китайскую среду, во-вторых, определить методы и средства религиозной деятельности членов православных миссий, в-третьих, выявить слабые и сильные стороны миссий в деле приобщения китайцев к православной вере, и кроме того, провести сравнительный анализ деятельности миссионерской деятельности православной и католической миссий.

Первоначально деятельность русских православных миссий распространялась лишь на потомков албазинцев, русских людей, захваченных в плен при осаде маньчжурами города-крепости Албазина. В рассматриваемый период миссии Русской православной церкви не обладали ни школой, как центром религиозной пропаганды и научной деятельности, ни переводной литературой, ни специально выработанными методами распространения православной веры. Религиозная деятельность православных миссионеров ограничивалась с двух сторон: Российским правительством, чтобы не вызвать каких-либо осложнений со стороны китайских властей и последними, чтобы не позволить зародиться в Китае ростки православия, которые могли бы со временем негативно отразиться на внутренней жизни Китайской империи. Таким образом, можно констатировать, что православие в столице Китая распространялось крайне слабо.

Первой духовной миссии Русской православной церкви под начальством архимандрита Иллариона Лежайского (1715–1728) предстояло решить сложную задачу – не только обратить в православие как можно большее число потомков албазинцев, но и создать образ православия, на основе которого будут приниматься последующие миссии. Точных сведений об обращении им в православие китайцев нет, но то, что некоторые китайцы приняли православную веру, это, бесспорно, [1, № 4, с. 475].

О религиозной деятельности последующих четырех миссии Антония Платковского (1729–1735), Иллариона Трусова (1736–1743), Гервасия Ленцовского (1744–1755), Амвросия Юматова (1755–1771) также нет точных сведений, однако по общему положению дел в миссиях можно судить о результатах приобщения китайцев к православию. Миссии фактически являлись посредниками между двумя государствами и существовали в основном как дипломатический и торговый институт.

Глава шестой православной миссии Николай Цвет (1771–1781) начинает проводить более оживленную миссионерскую деятельность. Он обратил в православие около девяноста человек, из которых 65 человек – албазинцы, а 24 человека – китайцы [2, с. 23]. Во время пребывания в столице Китая седьмой православной миссии во главе с Иоакимом Шишковским (1781–1794) в православие обратилось 25 албазинцев и 10 китайцев [1, № 10, с. 199]. Восьмая миссия Сафрония Грибовского (1795–1807) и девятая миссия Иакинфа Бичурина (1807–1821) также были слабы в миссионерской деятельности.

Чем объяснить пассивность миссионерской и проповеднической роли русских православных миссий? С одной стороны, слабость миссионерской деятельности объясняется недостаточностью средств, выделяемых Российским правительством по сравнению с западными странами (особенно католическими), плохим климатом в Пекине, который ввергал членов миссии в меланхолию, одиночеством, которое испытывали члены миссий вдали от Родины [3, с. 421]. С другой стороны, четко проявились методы, которые использовали в своей деятельности русские миссионеры, выбрав оптимальные условия для самого существования миссий. Прежде всего – невмешательство во внутренние дела Китайской империи. К тому времени пограничный вопрос между двумя странами не был урегулирован и также являлся сдерживающим фактором в отношениях двух стран. Русские миссионеры были вынуждены занимать пассивную позицию, подсознательно пропуская свою деятельность через призму дипломатических отношений между Российской и Китайской империями. Если бы миссии Русской православной церкви предпринимали бы такие же решительные меры как римско-католические, неизвестно как бы это отразилось на развитии российско-китайских отношений.

Таким образом, очевидно, что в виду ограничивающих объективных и субъективных факторов, религиозная деятельность русских миссионеров в Китае была слабой. Это касается не только первых православных миссий. С течением времени дело привлечения в православие китайцев не улучшилось. Так в 1881 году в Пекине было всего 500 православных китайцев [4, с. 47], и лишь к 1916 году количество китайцев, принявших православие достигло 6255 человек [5, с. 459].

Обратим внимание на тот факт, что сами китайцы не проявляли большого интереса к православию. Император Кан-си (1654–1722), который разрешил функционирование духовных миссий Русской православной веры, благосклонно относился к христианству. Однако после его кончины отношение к миссионерам резко изменилось. По указу 1924 года китайским подданным было запрещено изменять веру и позволено разрушать христианские храмы. Император Юнь-чжен (1722–1735) вообще считал христианство разрушительной религией для «сыновьяго благочестия, которое служит главнейшим звеном в человеческих обязанностях» [6, л.1].

Прямых ответов на отношение религиозных китайских деятелей к христианству нет, но косвенно об этом можно судить по мировоззрению самих китайцев, которые являются одним из безрелигиознейших народов в мире. Божеством ему служат небо и земля – непреложные законы вселенной, поэтому христианское учение кажется ему непонятным [2, с. 4]. Им трудно понять, почему христиане не приносят жертвы своим предкам, как того требует древний обычай самих китайцев. Это признается ими как величайшее преступление: «Христиане допускают не богопочтение и не богослужение этим предкам, ни духам, но только чествование» [6, л.1].

В связи с этим необходимо отметить, что на тот момент большинство китайцев не только не проявляли интереса к православию, но и не понимали его. В основном православие принимали потомки албазинцев и их семьи.

Среди китайцев выявились и открытые враги христианства – ученые, которые опасались утратить свое влияние в обществе, и различные тайные общества, целью которых стала «не только взаимная поддержка и помощь в борьбе с властями, но и агитация против всех последователей Христа» [2, с. 5].

Некоторые западные ученые полагают, что китайские власти не проявляли жестокие меры по отношению

к православию из-за схожести церковных церемоний: «Если Православная церковь душила все подлинные религиозные чувства в массе церемоний, а в выполнении сложного ритуала можно провести параллель в отношении Китая, это была именно та параллель, которая служила удерживающим фактором по отношению к русским» [3, с. 421]. Безусловно, автор подходит к данной проблеме с позиций защиты католичества перед православием с его невычурными ритуалами и церемониями. Придерживаясь этой точки зрения, он считает, что китайцы не способны принять православие: «Для Китая принять православие значило бы принять более чуждое национальное выражение, чем религиозную веру» [3, с. 421].

Более убедительным фактом является то, что пассивность первых православных миссий послужила элементом благосклонности к ним со стороны китайских властей и позволила сохранить православную веру среди албазинцев.

Одним из негативных моментов в деятельности русских православных миссионеров в данный период является нежелание изучать китайский и маньчжурский языки для более успешного внедрения православной веры.

Таким образом, мы видим, что хотя православная миссия, как и другие были чужды китайскому правительству и китайским гражданам, она сумела завоевать себе исключительное положение, которому «...православная миссия была обязана основным принципам православия» [1, с. 259]. Миссионеры не насаждали православие силой и против желания китайцев, что и объясняет результат деятельности первых духовных миссий Русской православной церкви.

В отличие от православных миссионеров, католические поступили иначе. Первыми из христианских миссионеров в Китае появились несториане. «Время появления несториан ... относится к 505 году по Рождеству Христову» [9, л.9]. Однако поле изгнания монголов их миссионерские усилия ослабевают. На смену им приходят католики. «После исчезнувших несториан католики могут гордиться тем, что первыми из представителей современного христианства вошли в Китай в 18 столетии» [7, с. 26]. Среди многочисленных попыток доминиканцев, францисканцев, августинцев наибольшее влияние получает орден Иисуса (иезуиты). Особая роль в этом процессе принадлежит Маттео Риччи. До него успешную проповедь Евангелия проводили португалец отец Гаспид дела Кдоа из ордена доминиканцев (1556), августинец отец Мартин да Рада (1575) [8, л.5]. Заслуга Маттео Риччи заключается в том, что он образовал на острове Макао школу, а затем монастырь. После завоевания Китая маньчжурами в 1644 году христианство начинает терять свои позиции. В 1662 году к власти приходит император Кан-си, который в целом позитивно относился к христианству, но францисканцы и иезуиты из-за своей деятельности, носящий не совсем миссионерский характер, подвергаются с его стороны гонениям, а в 1734 году изгоняются из Китая [10, с.IX]. Желание западных миссионеров распространить христианство в Китае диктовалось различными целями. Прежде всего, это тщательное и глубокое изучение Китая и в целом Востока, насаждение своего пути развития, проведение своей политики и постепенное подчинение Китая целям и задачам европейских государств.

Преследуя политические цели, западные миссионеры потеряли доверие при дворе. Однако православным миссиям не удалось занять их место, поскольку достоинство православия (было) дороже временных интересов [11, с. 73].

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что, являясь приграничным Китаю государством, Россия старалась сохранять дружественные отношения со своим соседом. После 1734 года только России было разрешено иметь духовную миссию в столице Китая. Кроме того, методы и средства христианских миссий кардинально отличаются. Российская миссия проводила политику невмешательства во внутренние дела Цинской империи. Возможно, причиной благожелательного отношения к православным миссиям явилось отсутствие миссионерской деятельности как таковой. Не менее важно иметь в виду, что у православных миссионеров в Китае существовала основа, в числе потомков албазинцев, опираясь на которых миссионеры вели свою деятельность.

В целом, религиозная деятельность первых православных миссий Русской православной церкви находилась на низком уровне в плане проповеди и обращения в православную веру китайцев. Однако, даже ее противники утверждали, что своей смиренной и пассивной жизнью духовная миссия Русской православной церкви не принесла ничего плохого китайскому государству и самим китайцам [3, с. 422].

Литература

1. Адоратский Н. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. //Православный собеседник. 1887.
2. Архангелов С.А. Наши заграничные миссии.-СПб., 1899.
3. Parry, Albert. Russian (Greek Orthodox) missionaries in China, 1689–1917; Their Cultural, Political and Economic Role. -Ch.,1940.
4. Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. Историко-политическое исследование. -СПб., 1881.
5. Смирнов Н.А. Миссионерская деятельность церкви//Русское православие: вехи истории./Под ред. А.И. Клебанова. -М.,1989.
6. ОР.РГБ. Архив Виноградовых. Ф.52. Алексей Виноградов. Об усвоении китайцами христианства.
7. Исторический очерк католической пропаганды в Китае. //Православный собеседник. 1885. № 9.
8. ОР.РГБ. Архив П.Е. Скачкова. Ф.№ 273, картон № 22, № 11. Д.С. Честной (Аввакум).
9. ОР.РГБ. Архив Виноградовых. Ф.52. Виноградов А.Н. (Алексий). Записки по истории Китая (1880–1890-е гг.).
10. Виноградов А.Н. История Библии на Востоке. -СПб., 1892.
11. Положение миссионерства в Китае.//Православный собеседник. 1885, № 5.

THE RELIGIOUS ACTIVITY OF THE FIRST SPIRITUAL MISSIONS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (1715–1821)

Danilova E.V.
RUDN University

The article is devoted to the first spiritual missions of the Russian Orthodox Church in China (1715–1821). The historical period under consideration is characterized by the complexity of relations, since, on the one hand, China remained a country closed to foreigners, on the other hand, the border issue between the Russian and Chinese empires was not settled. Despite the difficulties, Russia managed to agree on the appearance of the first Orthodox mission in the capital of China. This was done by mutual decision of the parties for the descendants of the Albazin people captured on the border with China. The author sets tasks to trace the dynamics of the process of introducing Orthodoxy into the Chinese environment, to determine the methods and means of religious activity of members of Orthodox missions, to identify the weaknesses and strengths of missions in the matter of introducing Chinese to the Orthodox faith. In the course of the study, the author came to the conclusion that, being a state bordering China, Russia tried to maintain friendly relations with its neighbor. The Russian mission pursued a policy of non-interference in the internal affairs of the Qing Empire. However, the religious activity of the first Orthodox missions of the Russian Orthodox Church was at a low level in terms of preaching and converting Chinese to the Orthodox faith.

Keywords: Russian Empire, Chinese Empire, Russian Orthodox Church, missions of the Russian Orthodox Church, the spread of Orthodoxy.

References

1. Adoratsky N. The Orthodox mission in China for 200 years of its existence. //The Orthodox interlocutor. 1887.
2. Archangelov S.A. Our foreign missions.-St. Petersburg, 1899.
3. Parry, Albert. Russian (Greek Orthodox) missionaries in China, 1689–1917; Their Cultural, Political and Economic Role. -Ch., 1940.
4. Martens F.F. Russia and China. Historical and political research. -St. Petersburg, 1881.
5. Smirnov N.A. Missionary activity of the Church//Russian Orthodoxy: milestones of history./Ed. A.I. Klebanova. -M., 1989.
6. ОР.РГБ. Vinogradov Archive. F.52. Alexy Vinogradov. About the assimilation of Christianity by the Chinese.
7. A historical sketch of Catholic propaganda in China. //Orthodox interlocutor. 1885. No.9.
8. ОР.РГБ. Archive of P.E. Skachkov. F.No. 273, cardboard No.22, No.11. D.S. Honest (Avvakum).
9. ОР.РГБ. Archive of the Vinogradovs. F.52. Vinogradov A.N. (Alexy). Notes on the history of China (1880–1890s).
10. Vinogradov A.N. The History of the Bible in the East. -St. Petersburg, 1892.
11. The situation of missionary work in China. //The Orthodox Interlocutor. 1885, No. 5. <https://users.antiplagiat.ru/report/bylink/summary/6?v=1&c=0&userId=7049049&validationHash=3A3AD8ED20A30092F146470BDDE7E70365E-8AC45>

К вопросу об аккредитации представителей средств массовой информации в условиях проведения контртеррористических операций в Курской, Брянской и Белгородской областях

Козлов Андрей Валерьевич,

д.и.н., проф., зав. кафедрой коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Института журналистики, коммуникации и медиаобразования МПГУ; проф. кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kozlov0170@mail.ru

В статье исследуется вопрос аккредитации представителей средств массовой информации в условиях проведения контртеррористических операций. В публикации изложено авторское видение основных положений правил аккредитации журналистов в зоне КТО в Курской, Брянской и Белгородской областях.

Ключевые слова: контртеррористическая операция, средства массовой информации, аккредитация журналистов.

В условиях проведения контртеррористических операций (далее – КТО) в Курской, Брянской и Белгородской областях (далее – в приграничных субъектах РФ) перед органами исполнительной власти регионального уровня встала проблема совершенствования работы с российскими и зарубежными журналистами. Первоочередная задача – выработка временных правил аккредитации представителей средств массовой информации (далее – СМИ) в условиях проведения КТО, которые бы соответствовали новым реалиям обстановки.

Исследование научной литературы по теме [1], [2], [3], коммуникационных практик [4], норм права, регулирующих деятельность журналистов в условиях КТО¹, типовых правил аккредитации [5], [6], действующих положений об аккредитации журналистов в Курской, Брянской и Белгородской областях² позволяет высказать ряд предложений по совершенствованию оформления редакциями СМИ полномочий своих представителей при органах по связям с общественностью (далее – пресс-служба) и их принятие аккредитующими органами. Практическая реализация этих предложений, на наш взгляд, возможна через принятие правительствами Курской, Брянской и Белгородской областей «Временных правил аккредитации представителей средств массовой информации в период проведения контртеррористических операций» (далее – временные правила аккредитации).

Задачи по работе с представителями прессы возложены на органы информационного обеспечения субъектов Российской Федерации (далее – аккредитующий орган). В современных условиях – это Министерство информации и общественных коммуникаций Курской области, Министерство общественных коммуникаций Белгородской области, Комитет по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Брянской области.

¹ Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с изменениями и дополнениями), Федеральный закон Российской Федерации от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изменениями и дополнениями); Кодекс административных правонарушений от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

² Об утверждении Правил аккредитации журналистов при правительстве Курской области (с изменениями на 13 сентября 2024 г.) / Постановление администрации Курской области от 08 ноября 2018 г. № 880-па. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/550241619?ysclid=m2qjfm9qp7273137172> (дата обращения: 27.10.2024); Правила аккредитации журналистов и технических специалистов средств массовой информации при правительстве Брянской области / Постановление Правительства Брянской области от 11 февраля 2020 г. № 33-п. – URL: <http://брянск.рф/accreditation> (дата обращения: 27.10.2024); Правила аккредитации журналистов средств массовой информации, освещающих деятельность губернатора и правительства области, при департаменте внутренней и кадровой политики Белгородской области / Распоряжение первого заместителя губернатора Белгородской области от 20 ноября 2015 г. № 111. – URL: <https://belregion.ru/press/accreditation/rules.php> (дата обращения: 27.10.2024).

Временные правила аккредитации представителей СМИ в период проведения контртеррористической операции в трех приграничных субъектах Российской Федерации, где 09 августа 2024 г. председателем Национального антитеррористического комитета, Директором ФСБ России А.В. Бортниковым, введен специальный правовой режим КТО¹, могут включать следующие общие положения.

Аккредитация журналистов при аккредитуемом органе (далее – АО) проводится в целях обеспечения общественности оперативной, полной и достоверной информацией о ходе КТО в субъекте РФ и создания необходимых условий для профессиональной деятельности журналистов в особых условиях².

Осуществляется аккредитация в соответствии с Законом РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 «О средствах массовой информации», Федеральным законом РФ от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и «Временными правилами аккредитации представителей средств массовой информации в период проведения контртеррористических операций».

Положения временных правил аккредитации должны базироваться на основных принципах противодействия терроризму, которые включают обеспечение и защиту основных прав и свобод человека и гражданина, конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников.

В соответствии с российским законодательством право уполномочить журналиста представлять средство массовой информации при аккредитуемом органе принадлежит редакции любого зарегистрированного СМИ, а также любому зарубежному СМИ, аккредитованному при Министерстве иностранных дел Российской Федерации.

Аккредитация может быть постоянной и временной. Постоянная аккредитация оформляется представителем СМИ на весь период проведения КТО в субъекте Российской Федерации. Временная предоставляется журналистам на срок, необходимый для выполнения конкретного редакционного задания³.

Заявка редакции СМИ на аккредитацию своего представителя подается в аккредитуемый орган на официальном бланке редакции за подписью главного редактора, заверенной печатью. К ней должны прилагаться редакционное удостоверение (для зарубежных корреспондентов – удостоверение иностранного корреспондента Министерства иностранных дел Российской Федерации) и фотография каждого журналиста в электронном виде.

В обращении редакции указывается: полное наименование средства массовой информации, местонахождение редакции, почтовый и электронный адреса, номера телефонов редакции; фамилия, имя, отчество каждо-

¹ В Белгородской, Курской и Брянской областях ввели режим КТО // **РИА Новости**, 10 августа 2024. – URL: <https://ria.ru/20240810/kto-1965318681.html?ysclid=m2qjrl20xo907284315> (дата обращения: 27.10.2024).

² Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 «О средствах массовой информации» (с изменениями и дополнениями). Ст. 47.1. Выполнение поручения редакции в особых условиях. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/5d0f926356279429dcb5fb950f43f0cee5658524/ (дата обращения: 27.10.2024).

³ Комментарий к Закону Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 «О средствах массовой информации» // Комментарий к статье 48. – URL: <http://sysengineering.ru/sites/default/files/notes/attachments/2019-11/Комментарий%20к%20закону%20О%20средствах%20массовой%20информации.pdf?ysclid=m2rbpz83df905213206> (дата обращения: 27.10.2024).

го представленного на аккредитацию журналиста; вид аккредитации (постоянная или временная).

Во Временных правилах должно оговариваться, что в случае отсутствия вышеуказанных сведений или приложений заявка к рассмотрению не принимается.

Соблюдение принципа оперативности в работе органа по связям с общественностью при работе со СМИ в условиях КТО требует от пресс-службы в минимальный срок рассмотреть заявку.

Отсюда решение об аккредитации должно приниматься руководителем АО в трехдневный срок со дня поступления обращения редакции СМИ, полностью оформленного в соответствии с временными правилами.

Аккредитационное удостоверение выдается руководителем АО на основании поданной заявки⁴. Данный документ призван обеспечить выполнение журналистом редакционного задания в особых условиях на территории проведения КТО в субъекте РФ.

Журналистам, аккредитованным при АО, гарантируются надлежащие условия для профессиональной деятельности по оперативному и полному освещению хода КТО в субъекте РФ. В этих целях аккредитуемый орган обязуется:

- предварительно извещать о дате, времени и месте проведения мероприятий для прессы;
- организовывать выезды в расположения воинских формирований и на объекты, определенные руководителем АО, по согласованию с представителями этих воинских формирований;
- обеспечивать журналистов необходимыми информационными материалами по тематике КТО, предназначенными для прессы;
- оказывать содействие в организации индивидуальных встреч и бесед с представителями воинских формирований, с разрешения и в присутствии представителей этих формирований;
- проводить брифинги, пресс-конференции, встречи по ситуации на территории проведения КТО.

Во временных правилах должно быть указано, что аккредитованные представители СМИ имеют право:

- заблаговременно получать информацию о мероприятиях для прессы;
- знакомиться с информационно-справочными материалами по ситуации в регионе проведения КТО;
- самостоятельно записывать интервью с гражданскими лицами, представителями различных воинских формирований, определенными сопровождающими лицами, с разрешения и в присутствии представителей этих формирований;
- производить в зоне КТО фото-, видеосъемку расположения различных воинских формирований, определенных сопровождающими лицами, с разрешения и в присутствии представителей этих формирований;
- посещать брифинги, пресс-конференции, иные мероприятия, специально предназначенные для прессы;
- получать необходимую информацию у сотрудников аккредитуемого органа, в том числе на специально организуемых аккредитуемым органом мероприятиях для прессы.

В документе следует отразить, что в ходе работы в зоне КТО аккредитованный журналист обязан:

- постоянно иметь при себе аккредитационное удостоверение, паспорт, редакционное удостоверение (для иностранных журналистов – также аккредитацион-

⁴ О выдаче журналисту документа, установленного образца, сотрудником пресс-службы делается запись в журнале учета выданных аккредитационных удостоверений.

ное удостоверение МИД России и национальный паспорт с российской въездной визой);

- находясь в расположении воинских частей, подразделений силовых структур соблюдать правила внутреннего распорядка и выполнять указания их официальных представителей, сопровождающих журналистов;
- немедленно сообщать об утрате аккредитационного удостоверения;
- избегать идентификации участников КТО без их согласия;
- в публикациях (сюжетах) избегать подробностей о действиях военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

Аккредитованный в зоне КТО журналист должен помнить, что использование технических средств с выходом в Интернет позволяет противнику отследить не только передвижения работников СМИ, но и перемещения сопровождающих военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, места их дислокации [4, с. 87].

В соответствии с действующим законодательством, АО имеет право отказать в аккредитации:

- редакциям средств массовой информации, которые по роду своей деятельности являются специализированными в соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации»¹;
- редакциям СМИ в случае отсутствия сведений или приложений указанных во временных правилах аккредитации;
- редакциям СМИ, представившим для оформления аккредитации документы, содержащие не соответствующие действительности сведения.

Уведомление об отказе в аккредитации вручается представителю редакции СМИ в трехдневный срок со дня получения заявки. В уведомлении указываются: причина, по которой отказано в аккредитации, должностное лицо, принявшее решение, дата принятия решения и порядок обжалования этого решения.

Во Временных правилах должно быть отражено, что журналист может лишиться аккредитации в случаях нарушения законодательства Российской Федерации и (или) временных правил аккредитации, утраты аккредитационного удостоверения, при нарушении правового режима контртеррористической операции, при неповиновении законному требованию уполномоченного должностного лица о соблюдении мер и временных ограничений, установленных на территории, в пределах которой введен правовой режим КТО;

- за действия, создающие угрозу для жизни и здоровья людей во время нахождения в зоне КТО.

Решение о лишении журналиста аккредитации принимает руководитель АО. Оно должно быть мотивированным, письменно оформленным, содержать ссылки на действующее законодательство о средствах массовой информации и о противодействии терроризму.

Для разрешения конфликтных ситуаций, связанных с аккредитацией, редакция может обратиться к руководству АО, а также к вышестоящему руководству в порядке подчиненности и в органы прокуратуры.

Отказ в аккредитации, лишение аккредитации, а равно нарушение прав аккредитованного журналиста могут быть обжалованы в суде в соответствии с гражданским и гражданско-процессуальным законодательством.

Временные правила аккредитации журналистов в условиях проведения контртеррористических операций

¹Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с изменениями и дополнениями). Ст. 2.

в Курской, Брянской и Белгородской областях должны действовать с момента их официального обнародования и до отмены правового режима контртеррористической операции на территории данных субъектов Российской Федерации.

Таким образом, принятие «Временных правил аккредитации представителей средств массовой информации в период проведения контртеррористических операций» правительствами Курской, Брянской и Белгородской областей позволит органам по связям с общественностью на местах совершенствовать работу с российскими и зарубежными журналистами в особых условиях.

Литература

1. Потапов Ю.А. Современная пресс-служба: учебник для вузов / Ю.А. Потапов, О.В. Тепляков. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 358 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/534505> (дата обращения: 27.10.2024).
2. Рихтера А.Г. Правовые основы журналистики. Учебник. – М., 2016. – 565 с.
3. Федотов М.А. Правовые основы журналистики. Учебник для вузов. – М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 432 с. – URL: http://library.lgaki.info:404/2020/Федотов_Правовые_основы.pdf (дата обращения: 27.10.2024).
4. Козлов А.В. Медиагигиена массово-информационного пространства в условиях Специальной военной операции на Украине и военного положения / Монография. – М.: Проспект, 2024. – 88 с.
5. Дзялошинский И.М. Местное телевидение, власть, население: информационная открытость как основа социального партнерства / Раздел 2. Доступ к информации в вопросах и ответах, случаях и комментариях // Типовые правила аккредитации журналистов средств массовой информации. – URL: <https://dzyalosh.ru/01-03-Problemi-Dostupa/otcrit/r2-p1-tip-pravila.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).
6. Типовых правил аккредитации журналистов СМИ. – URL: <https://sj-rt.ru/tipovye-pravila-akkreditacii-zhurnalistov-sredstv-massovoj-informacii/> (дата обращения: 27.10.2024).

ON THE ACCREDITATION OF MEDIA REPRESENTATIVES IN THE CONTEXT OF COUNTER-TERRORISM OPERATIONS IN THE KURSK, BRYANSK AND BELGOROD REGIONS

Kozlov A.V.

Moscow Pedagogical State University, Financial University under the Government of Russian Federation

The article explores the issue of accreditation of mass media representatives in the conditions of counter-terrorist operations. The article presents the author's vision of the main provisions of the rules of accreditation of journalists in the zone of counter-terrorist operations in Kursk, Bryansk and Belgorod regions.

Keywords: counter-terrorist operation, mass media, accreditation of journalists.

References

1. Potapov Y.A. Modern press service: a textbook for universities / Y.A. Potapov, O.V. Teplyakov. 3rd ed., rev. and ext. – Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 358 p. – URL: <https://urait.ru/bcode/534505> (date of reference: 27.10.2024).
2. Richter A.G. Legal Foundations of Journalism. Textbook. – M., 2016. – 565 p.
3. Fedotov M.A. Legal Foundations of Journalism. Textbook for universities. Moscow: Griboyedov Institute of Journalism. A.S. Griboedov: Humanit. izd. center VLADOS, 2002. 432 p. –

URL: http://library.lgaki.info:404/2020/Федотов_Правовые_основы.pdf (date of reference: 27.10.2024).

4. Kozlov A.V. Mediagiogyena mass-information space in the conditions of the Special Military Operation in Ukraine and martial law / Monograph. – M.: Prospect, 2024. – 88 с.
5. Dzyaloshinsky I.M. Local television, power, population: information openness as a basis for social partnership / Section 2. Ac-

cess to information in questions and answers, cases and comments // Model rules for accreditation of mass media journalists. – URL: <https://dzyalosh.ru/01-03-Problemi-Dostupa/otcrit/r2-p1-tip-pravila.pdf> (date of access: 27.10.2024).

6. Model Rules for Accreditation of Media Journalists. – URL: <https://sj-rt.ru/tipovye-pravila-akkreditacii-zhurnalistov-sredstv-massovoj-informacii/> (date of reference: 27.10.2024).

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Номо Commonsensus – Человек Здравомыслящий, осторожный, рациональный, в меру прагматичный и в меру добродетельный. Здравый смысл – итог коллективного сосуществования людей, вынужденных приспосабливаться друг к другу на основе разумных правил поведения, которые вошли в привычку и стали конституцией нашего сознания и нашего бытия. Когда мы видим неразумное поведение других, мы укоряем их в отсутствии здравого смысла. Коллективный статус Common Sense надо переводить как обобществление индивидуальных смыслов индивидов, формирование общих чувств, мыслей, настроений, смыслов и на их базе – коллективного сознания. Наш здравый смысл – зеркало нашей судьбы, богатства и разнобразия жизненного опыта, трудностей и уроков судьбы, запечатленных в мозге в свернутом виде в форме определенного культурного и социального кода – свода правил поведения в социально значимых ситуациях. Он же и причина нашей судьбы. Это единственное место, где соединяются логика и мораль. Если ваше решение логичное, но не добронравное, то это не здравомыслие. Логика исходит от индивида, мораль – от общества. Будучи рассмотрены каждая отдельно в полном объеме, получается наука логики и мораль как наука. Хотя ни та, ни другая не имеют эмпирической проверки.

Ключевые слова: здравый смысл, логика, мораль, нормы, Common Sense, культура, коллективное, социальное.

Здравый смысл как пробуждение и как побуждение

Вам надо отремонтировать или построить дом. Вы делаете это сами. На что опираетесь? На здравый смысл, книги, инструкции, интернет. Если нанимаете бригаду, то там точно такие же обыватели, переквалифицировавшиеся в строители. У них на вооружении то же самое – здравый смысл, опыт, инструкции, знания от коллег и интернета. Здравый смысл приходит благодаря опыту, а уходит благодаря науке.

Здравый смысл (ЗС) – это острова стабильности в мире текучей современности, потому что здравый смысл представляет собой сплав высокочтимых ценностей с элементарной логикой мысли и поведения. Острова мира без грехов и пороков, преступности и коррупции, без абсурда и парадоксов, ибо те на уровне общества не нужны. ЗС и логика – немногочисленные твердые кристаллы в море текучей современности – времени страстей, суеты, тщеты и бремени. Всплески творческой неожиданности и оригинальности нужны на индивидуальном уровне. И то не всем, а тем, кто извлекает из этого выгоду не в ущерб общей пользе. Так, художник рисует оригинальную картину, а писатель пишет необычный роман, которые радует тысячи читателей, развивая их вкус и воображение. Это общая польза. Предприниматель начинает бизнес с оригинальной находки, а инженер или ученый выдвигает оригинальную идею.

Здравый смысл, как и язык у Хайдеггера, является домом бытия человеческого разума, фундаментом человеческой цивилизации. ЗС – хозяин в доме обыденного языка. Обыденный язык – дом бытия простого народа, большинства населения данной страны. В его постройке участвуют все граждане, а прорабом является ЗС. Он и сегодня – ее строительные леса. Хотя такую функцию все более берет на себя наука. Но скорее всего она и современное искусство – это изысканные пристройки к дому, антураж, мезонины и прочие антаблемнты.

Здравый смысл – это фундамент культурного наследия человечества, ибо все созданное им размещается в пространстве здравого смысла. В результате здравый смысл можно изобразить в виде толстого ствола дерева, на котором в виде ветвей и листьев располагается все более частное и производное от него, а именно тысячи наук и видов искусств, ремесел, техники и технологии и т.д.

Давать населению на руки оружие или нет для сокращения преступности на улицах города? Что говорит здравый смысл? В США он говорит, в лице законодателя, одно, в России – другое. А что говорят статистика с социологией? И они трактуют проблему по-разному. Запретить им это делать, и постановить всем мыслить одинаково?

В наше время один человек принадлежит более чем к одному обществу, у одного общества более одного человека, у одного человека более одной версии ЗС. Если в стране 150 млн человек, то в нем насчитывается около 50 тыс. социальных статусов и в 4–5 раз больше социальных ролей. А сколько ЗС? Сотни миллионов? Вряд ли, даже если у каждого множество версий ЗС. Ведь ЗС – это общее для всех или значительного числа людей, живущих в сходных условиях и имеющих

сходный жизненный опыт как по продолжительности, так и по содержанию, мировоззрение, убеждение, суждение, принцип, правило. Однако если считать ментально-когнитивные построения ЗС (вербальные и не высказанные вслух) и воплощенные принципы ЗС в социальных и культурных нормах общества, социальных институтах, организациях, социальном контроле, практиках воспитания и социализации и многом-многом другом, то мы получим цифру с восемью нулями (рис. 1).

Рис. 1. Вход и выход

Здравый смысл (ЗС) – это инструкции о том, как поступать правильно для собственной безопасности. Любые технические инструкции и правила безопасности – от инструкции по плаванию до пользования утюгом – проявления здравого смысла, окупленные кровью и потом.

Знание принципов здравого смысла и умение им пользоваться приносит пользу во многих областях нашей жизни и деятельности, например, для предпринимателей поведение потребителей продиктовано их здравым смыслом. Воры и мошенники – искусные знатоки человеческой психологии. Но на самом деле не психологии, а здравого смысла, в соответствии с которым большинство людей себя ведут. Мошенники знают, когда люди отъезжают на дачу, покидают свой дом, чтобы залезть туда; какой пароль ставят на компьютере; куда в квартире прячут деньги; как реагируют на просьбу о помощи и т.п.

Инстинкт самосохранения не позволяет переходить дорогу на красный свет, перевязывать кровотечение, не лезть в пекло. Мы поступаем так автоматически, не задумываясь. А когда задумываемся, появляется ЗС. Это сознательный тормоз, наш телохранитель. ЗС – замечательный инстинкт на ментальном уровне. Инстинкт врожден, ЗС приобретен. Инстинкт самосохранения – особая форма поведения, направлена на защиту собственной жизни и здоровья. ЗС – особый механизм, помогающий принимать правильные решения в трудных ситуациях.

ЗС – наш надежный телохранитель. Он появился в далекие времена из необходимости выживать в опасном окружении. Это гарант жизни, ее страховой полис, выданный культурной и биологической эволюцией. У животных его роль играют инстинкты. Здравый смысл – школа бытового реализма, инструкция по выживанию. Следовательно, здравый смысл – это Основы безопасности жизнедеятельности (ОБЖ), необходимые как школьнику, так и профессору.

ЗС везде и повсюду – в духовном, материальном, экономическом, политическом, идеологическом, этическом, социальном, культурном бытии общества. Он находится в основе принятия решений. Мы просто не замечаем и не осязаем его, но это не значит, что его нет. У здравого смысла много видов и форм проявления. Книги Д. Карнеги – катехизис здравого смысла, инструк-

ции здравого смысла. Книги о воспитании детей знаменитого Бенджамина Спока – это советы здравого смысла, о чем свидетельствует название книги: *The Common Sense Book of Baby and Child Care* by Dr Benjamin Spock (1946)

Книги и рецепты Дейла Карнеги основаны на здравом смысле. Ничего удивительного или парадоксального в них нет. Если бы это было, то советы Карнеги не были общедоступными. Они понятны всем и основаны на общепринятой практике. Но можем ли мы встретиться на каждом шагу, что тут и там, практически повсюду, люди применяют его советы? Они все время вежливы, улыбки, внимательны к собеседнику? В каких-то странах они вошли в обиход и традицию, а в каких-то являются редкостью. Получается, что общий смысл (Common Sense) Карнеги не стал общей практикой (Common Practice) человечества. – *Common Sense But Not Common Practice*.

Все измерения, сделанные при постройке египетских пирамид, осуществлялись на основе ЗС. Измерение – счет через жестко установленную меру – науки не требует. Это практическая сметка. Но аксиомы Евклида – сумма углов треугольника равна 180 градусам – это уже наука. Она доказана на века и никем еще не опровергнута.

ЗС – общественный инстинкт сапиенсов, такой же древний, как инстинкт самосохранения. Только второй печется о благе отдельных личностей, а первый – о благе всех.

Функция ЗС на микроуровне – кристаллизовать на своей основе все формы социальных действий индивида, бытовое сознание, повседневную картину мира. Стереотипы, заумные завихрения, чудачества и прочие плевела, вращающиеся вокруг твердого ядра ЗС, подобный скоплениям космического газа, из которых рождаются звезды и планеты. Это подготовительное сырье. Впрочем, у многих индивидов оно так и остается сырьем, не образовавшим кристаллов ЗС. Газ он и есть газ.

ЗС не только пронизывает все, что люди видят и делают, но и структурирует то, что люди видят, делают и думают. Институциональная структура общества, нормативная система общества, менталитет нации и индивидуальны картины мира, равно как характер, содержание и стиль повседневной коммуникации обычных людей задаются ЗС. Возможно, он не видим в продуктах своего производства, т.е. его уши не торчат из результатов его деятельности. Возможно, он действует скрытно и латентно, но от этого его власть и сила не ослабевают.

Почему у человечества появилась надобность в науке? Потому что ЗС, возникший задолго до рождения науки, не справлялся с множеством задач, которые пришлось делегировать позже науке. Например, точность измерений. Прикидка на глазок оказалась недостаточной для строительных работ. А будь человеческие чувства, то же самое зрение, более совершенным, глядишь и не потребовались бы метры или килограммы. Наш мозг не может мысленно точно смоделировать трехмерное здание, поэтому инженерам и архитекторам приходится рисовать множество проекций, схем и планов. А будь мы посовременнее, этого глядишь и не потребовалось. В вычислениях мы все еще недостаточно сильны.

Таким образом, наука возникла как компенсация наших слабостей и продолжение человеческого ума. Он не в состоянии все делать одновременно одинаково хорошо: писать трактаты, рисовать, сочинять музыку и считать. Каждую операцию для доведения ее до совершенства пришлось выделить в отдельную область деятельности, посадить туда людей с односторонне развитым мозгом, чтобы они всю жизнь занимались чем-то одним, постоянно совершенствуясь в этом и совершенствуя это.

ЗС, передавший специализированным областям свои функции, остался на дирижерском посту, выполняя командные функции.

ЗС – это сторож коллективного мира и согласия, социальной дружбы и взаимопонимания. ЗС – консенсус через компромисс, когда каждой стороне приходится поступаться частью своих кровных интересов ради достижения мира или урегулирования вопроса: я не хочу этого делать, но мне приходится, потому что так поступают другие. Идти навстречу другим – часто филантропия, но еще чаще – вынужденный шаг. Вот почему ЗС – гарант мира и гармонии между индивидом и обществом, и он подобен в этом смысле президенты страны, которого называют гарантом конституции. Согласовывать личные желания с общественными потребностями – постоянно идущий процесс, неусыпный труд для миллиардов людей по всему свету. В жизни инструментом согласования служит ЗС, а в социологии – социологическое воображение Райта Миллса.

ЗС – стержень человека, общества и природы. О роли последней говорит дарвиновская борьба за существование: конкурируют все, а побеждают сильнейшие. Те, кто выработал в своем организме хитрое приспособление, помогающее выжить в изменившемся окружении и передать новацию своим потомкам. ЗС природы – механизм нововведений, помогающий успешной адаптации, выживанию и эффективной победе в борьбе за выживание. Консерваторы, не успевшие откликнуться на вызов природы, вымирали.

Борьба за существование в природе и ЗС в обществе – это один из движущих факторов эволюции, обеспечивающий выживание наиболее приспособленных к данным условиям особей, которые и оставляют потомство и создают прогресс общества. Она помогает сохранять и закреплять полезные в данных условиях признаки (рис. 2).

Рис. 2. Так говорил А. Эйнштейн. Предрассудки – болезнь, ЗС – здоровье. Как тогда на одном вырастает другое?

Мы переживаем в уме вещи более интенсивно, чем они есть на самом деле. Когда мы думаем о предстоящей встрече или экзамене, мы склонны подсознательно раздувать серьезность ситуации. При этом мы почти теряем рассудок, даем волю страстям и мешаем слушать голос ЗС. А он говорит нам: как много из надуманного плохого сбывалось? Очень мало. Но ты продолжаешь из мухи делать слона.

Повседневность – сцена, на которой здравый смысл – режиссер, а наши желания – автор сценария.

Здравый смысл и Common sense: сходство и различие

Здравый смысл – это интеллектуальные предрасположенности, интуитивные суждения, естественные умо-

заключения, критическое отношение к чужому мнению, рациональное исследование, здравые идеи, проверенные опытом, прагматический взгляд на мир, аргументированные выводы, логичные рассуждения, проверяемые доводы, очевидные истины и факты, обстоятельные рассуждения, здравомыслящие суждения и умозаключения, логика и дисциплина мышления, опора на проверяемые и достоверные основания, неверие в чудеса, апелляция к общеизвестным фактам, законам и закономерностям, руководящие принципы, несомненные убеждения, как должно себя вести, здравый взгляд на вещи, чувство реальности, жить в ментальном согласии со всеми, здравые убеждения, «приземленные» подходы к решению проблем, поддерживая эмпирически очевидные отношения, определенный уровень человеческой компетентности, этический императив, феноменальный разум в афористическом и метафорическом мундире, принцип анализа, правила жизни, трезвый взгляд на жизнь, философия повседневной жизни, аналоговая формула метафоры, первопринципы здравомыслия, научная мысль, изложенная на естественном языке, обыденные модели представления знаний, нарратив коллективного сознания, простые ответы на непростые вопросы, здравый взгляд на нездоровый мир, советы постороннего, элемент внешней архитектуры внутреннего сознания, философия обыденного сознания, заурядное мышление обычных людей или обычное мышление заурядных людей, эмпирическая философия обычного человека, ловить рыбку в мутной воде, рациональные заблуждения, поддельные сертификаты достоверности.

Синонимы и близкородственные слова к ЗС: в общем смысле, традиционная мудрость, житейская мудрость, жизненная мудрость, общепринятое мнение, жизненный опыт, ортодоксия, общепринятое знание, инертность привычного, сопротивление новому, устаревшие взгляды, привычное мнение, обычная мудрость, постоянно повторяющиеся утверждения, общепринятые взгляды, общепринятая истина, общепринятая мудрость, традиционные представления, общепринятую точку зрения, согласованная реальность, стереотипы (рис. 3).

Рис. 3. «Продуктовый набор» здравого смысла

Количество определений, трактовок, контекста употребления здравого смысла во всех областях человеческой деятельности так много, что никакой возможности найти согласованное мнение нет. Если все люди думают о здравом смысле по-разному, то чем они отличаются от тех шести слепцов, которые ощупывали с разных сторон слона и не могли понять, что это такое? Или дру-

гая метафора для этой ситуации: искать черную кошку в темной комнате. Темнота создана неимоверным количеством и разнообразием суждений о сущности здравого смысла. Если ищущий заранее не имеет в воображении схему или понятие о том, что он ищет, то как он сможет найти черную (неизвестное) кошку в темной (неопределенная ситуация, избыток информации) комнате?

Здравый смысл в русской культуре характеризует живой ум обычного человека, чаще всего из низших и средних слоев общества, вынужденного самому пробивать себе дорогу наверх, крутиться в любых обстоятельствах, выкручиваться из любых ситуаций, надеяться только на себя и свою смекалку. У него мало на что хватает денег, зато забот и проблем хватает выше крыши. Живет от зарплаты до зарплаты. Работает столько, сколько получает. Не всегда готов высовываться и проявлять инициативу, с осторожностью относиться к тем, у кого ее через край. Он не любит возглавлять, быть первым, отсиживаясь в гонке за социальными наградами за спинами товарищей. Но и последним в очереди ему быть не хочется. Он придумывает столько самоделок, рукоделок и умделок, что хватило бы на целый сборник. Внимательно присматривается к чужому опыту и с удовольствием делится своим. Чужим умом не живет, а своим не хвастает. Этаким крепкий русский мужичок. Такую вот развернутую метафору я сочинил для здравого смысла отечественного разлива.

А что на западе? Там господствует Common sense, который в буквальном смысле означает общее чувство, но переводится на русский еще и как здравый смысл. У Аристотеля под общим чувством понималось то, что объединяет пять других органов чувств, но к ним не сводится, ибо обладает такими качествами, которых у тех нет и которые прямым суммированием не получишь. Например, понимать и распознавать числа, геометрические фигуры, абстрактные понятия.

Common sense – общий смысл, т.е. мысль для общего использования, некая общедоступная истина, а потому истасканная и затертая, подобна мертвой метафоре – она никому не интересна и познать неизвестное не поможет. В отличие от иностранного Common sense русский здравый смысл хитер, остер, пытлив и сметлив.

Common Sense – общее чувство и общая мысль, общая для тебя и других, роднящая и примиряющая вас друг с другом; я разделяю их с другими, поскольку живу вместе с ними и пользуюсь их помощью, поскольку они защищают меня и потому я защищаю их.

Common Sense помогает разрозненную сумму индивидов превратить в организованный коллектив единомышленников с общей культурой, ценностями и настроением.

Common Sense – общие чувства – помогают сопереживать друг другу, понимать другого, поставить себя на его место и чувствовать за него то же самое, что он чувствовал бы на вашем месте. Это общая почва и платформа для единства, солидарности, сплоченности, взаимопонимания и взаимодействия.

Common Sense – это общее для наших пяти чувств, а не для всех людей. Общим для чувств является разум – лично мой разум. У вас он другой, и обобщает он ваши, а не мои чувства. При этом чувства могут давать искаженную информацию: один подслеповатый, другой глуховатый, один не дослышал, другой недосмотрел. Каким будет ваш личный Common Sense на такой нездоровой базе? Конечно, нездоровым. При этом у каждого свое нездоровье, свои отклонения. А что должен делать в этой ситуации разум? Довольствоваться тем, что подали на завтрак? Некоторые так и делают, получая нездоровый смысл. Другие корректируют своим разумом

информацию от своих чувств. У них крепкий здравый смысл.

Здравый смысл похож на русского мужичка

Common Sense похож на британского джентльмена

Как бы можно «офигурить» ЗС? Крепким коренастым мужичком, с хитринкой в глазах и мускулистой расторопной походкой? Или средних лет джентльменом с хорошими манерами в приличествующей одежде вежливым, несуетливым, во всем знающим толк и меру?

Commoners – простолюдины, обыватели, простофили, непрофессионалы, крестьяне, мещане, простаки, самоучки

Простолюдин – синонимы: простой, из простых, мужик, чернь, чумазый, простого звания, простонародье, плебей, кухаркин сын, низкого сословия, черный народ, черная кость, смерд, подлого сословия, простой человек, рядовик, простец, незнатный, худородный, крестьянин, безродный, холоп, крепостной, плебейский, плебейство, мещанский, буржуазный, неотёсанный, невежа, невоспитанный, грубиян, дюжинный, необразованный, невежда, неуч, недоучка, хам, холуй, наймит, земледелец, батрак, подёнщик, деревня, землероб, работник, телёнок, мужлан, деревенщина, пентюх, обормот, вахлак, шишка, варвар, наёмник, бурбон, бурлак, рабочий

У каждого социального слоя – крестьян, кулаков, нищих, мещан, купцов, дворян – свой ЗС, обусловленный их жизненным опытом и коллективными условиями жизни, их технологией приспособления к жизни и выживания в трудных условиях. ЗС – это заработанный кусок хлеба, которым каждый готов делиться с ближним своим.

ЗС как статусные ожидания. Большинство людей представляет себе, каким должен быть настоящий поли-

цейский, хороший врач, заботливая мать, верная жена, работающий муж, примерный глава компании. Статусные ожидания – нормативные требования к той или иной роли, к конкретному социальному статусу, сформировавшиеся за многие годы в общественном мнении и ставшие Common Sense народа. ЗС только выполняет предписания этих общепринятых статусных ожиданий, повелевает каждому вести себя в соответствии с выбранной или наделенной социальной ролью. Эта составная часть ЗС – статусные ожидания – почему-то напрочь упускают из виду философы и социологи, рассуждающие о ЗС. Для них важнее навесить ярлыки на ЗС, оклеветать его, сделать козлом отпущения.

Common Sense помогает очень разным людям, какими они на самом деле и являются, найти общий знаменатель (в числителе мы разные), т.е. помогает быть частями одного целого: 4/8, 6/8, 7/8 и т.д. Это подобно всем пассажирам и команде плыть на одном корабле.

Common sense – не любой смысл, а здоровый, полноценный, не ущербный, не больной. Ты принимаешь от чужого человека совет, и ты уверен, что он здоровый, правильный, полезный. Значит, смысл может быть здоровым, а может быть нездоровым – от больного воображения или неправильных логических операций. Повседневное здравомыслие, выручающее человека, универсально, проявляется в каждой жизненной ситуации, особенно в экстремальных, и всегда выручает человека: лопнуло колесо, заменил его поленом и добрался до автосервиса. Здоровый смысл – механизм изворотливости, хитрости, творчества, инженерной и изобретательской деятельности.

Значение понятия одно, а обозначение на двух языках разное. Good sense переводится как добронравие, добрый нрав. Когда родители, учителя или друзья информируют нас о тех или иных понятиях – любовь, развод, предательство, общество, капитализм и многое другое, – то передают нам не техническую информацию о содержании этих понятий (капитализм – это...), но и свое эмоциональное и нравственное отношение к ним. Точнее не к ним, а к обозначаемым ими реальным явлениям. Причем завуалировано. Содержание понятия (текст), которое вы можете найти в любом словаре, плюс нравственно-эмоциональное отношение к нему говорящего (контекст) и создают общее впечатление о данном явлении. Таким образом, помимо явного знания существует еще скрытое или фоновое знание, которое может принимать как словесную форму (разъяснение учителем своего отношения к этому явлению), так и не словесную, например, пренебрежительным тоном, ухмылкой или радостным возбуждением.

Common Sense – это истинная **индукция**, в которой вывод содержит знание, которого нет у каждого члена данного множества. То, что есть в разуме, не имеет слух, зрение, обоняние и т.д. А что **дедукция**? Когда из общей посылки выводятся конкретные следствия, как утята из утки, они похожи на нее, как утята на утку и между собой. Прироста новых знаний нет.

Дедукция (от лат. deductio – выведение) представляет собой цепь умозаключений (рассуждение), в результате которых из общих знаний человек получает знание конкретное. Когда мы знакомы, например, с такой общей закономерностью, что «во всех промышленно развитых странах доля городского населения должна превышать сельское», мы вправе сделать вывод о том, что и в России, если она относится к развитым странам, численность горожан должна превышать численность селян. Помимо этого, опять же логическим путем, мы способны получить дополнительную информацию, в частности, об оттоке людей из деревни в город, наступлении с опре-

деленного этапа дефицита кадров на селе, распространении ценностей городского образа жизни в сельской местности и др.

В противоположность этому **индукция** (от лат. inductio – возбуждение) – это умозаключение от фактов к общему утверждению, которое в социологическом исследовании первоначально принимает форму гипотезы. В начале 90-х гг. появилось множество фактов о том, что подростки предпочитают трудовую, прежде всего коммерческую, деятельность учебе в вузе, поскольку в большинстве вузов снизился конкурс, абитуриентов стало меньше. Обобщение подобных фактов позволило ученым сделать вывод, что наше общество переживает кризис образования. Однако в середине 90-х гг. конкурс в вузы возрос. Обобщение новых фактов навело специалистов на мысль о том, что кризис образования завершился, а первоначальное утверждение является всего лишь гипотезой, а не окончательной истиной.

Может быть, common sense является общим не потому, что присущ всем, поскольку у всех схожие условия и образ жизни, а потому что он так прост, что доступен пониманию каждого? Подход, основанный на здравом смысле, легок и не строг. Это нормально для поверхностного понимания и достаточно для практического использования в повседневных ситуациях. Как советник, ЗС бесплатен, всегда на месте, его не нужно ждать и вызывать, а когда спорить с ним, он не злится и не обижается. ЗС – идеальный собеседник (рис. 4).

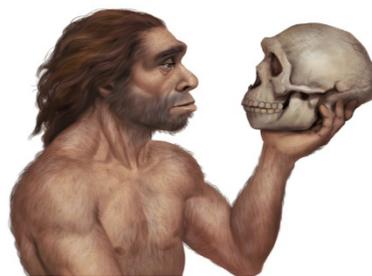

Рис. 4. Кто ты – Homo commonsensus?

Переход чувственного отражения к абстрактному мышлению для многих ученых представляет такую же загадку, какую представляет скачок от примитивных гоминид к современному человеку. Антропологи убеждают нас в том, что у обезьянолюдей не было ничего такого, даже в потенции, что могло привести нас к созданию науки, культуры, общества. Переход от чувственного познания к рациональному и сегодня кажется не постепенной эволюцией, а неожиданным скачком.

В известной мере следы экстраординарного скачка сохранились по сию пору в раздвоенности человеческой личности. Никому из нас не удалось соединить в гармоничное целое мир чувств и логику разума. Когда говорит одно начало в человеке, другое молчит или отступает. Чувства действуют вопреки и во вред нашему рассудку, побуждая к таким поступкам, которые при **здоровом рассудке** мы никогда бы ни совершили. Два противоположных начала сосуществуют в человек по принципу дополнительности: каждое будет тянуть личность в свою сторону, но без них ей не жить. Возможно, что чувства и разум, чувственное и рациональное познание – не две стороны одного целого, а два параллельных мира, два разных измерения человеческого существа. Вот почему человек, в отличие от животного, внутренне противоречив, непоследователен и часто губителен для самого себя.

ЗС – эволюционно позднее проявление приспособительного поведения человека в форме альтруизма. Аль-

тризм человека – бескорыстное уважение или преданность благополучию других – представляет собой морально выбираемую форму поведения индивида как индивида. Биологический альтруизм пчел или муравьев, жертвующих собой ради общего блага, генетически детерминированное и безальтернативное действие индивида как рода. ЗС расположен посередине спектра между альтруизмом и эгоизмом.

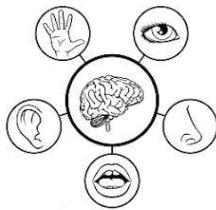
Здравый смысл – по этимологии, т.е. исходному значению слова – отличается от Common sense. Первый целиком индивидуален и о связи с другими ничего не говорит. Второй – коллективист и говорит о связи и зависимости от всех. Первый – метка постмодернизма, второй патриархального общества. Почему так, ведь должно быть наоборот? Запад более продвинул, чем восток. Дело в том, что происхождение Common sense восходит к Аристотелю, а наш здравый смысл недавнего происхождения. Не думаю, что ему более 200 лет.

Common sense с английского переводится чаще всего как *здравый смысл*, но иногда как *общий смысл*. В последнем варианте есть немалый смысл. **Общий смысл** принадлежит всем людям, а здравый смысл – редким счастливым, обладающим здравомыслием. Общий смысл ничего не говорит о его субъектах, но только о принадлежности данного суждения общему консенсусу. Кроме того, общий смысл можно трактовать как нечто обыденное, общеизвестное, тривиальное, общепонятное и простое.

Common Sense как дирижер-разум над пятью чувствами эволюционно, филогенетически, появился раньше, чем Common Sense как выражение консенсуса общества. Но в процессе социализации второе вразумляется ребенку и становится его первым. Это онтогенетический аспект (рис. 5).

социальный common sense

индивидуальный common sense

Рис. 5. Социальный и индивидуальный Common Sense

Социальный Common Sense формируется внизу – в народных массах, а большинстве населения. Правда у каждого социального слоя, касты и класса он может быть специфическим, т.е. с дополнительными цветами к основному, общенациональному и общекультурному Common Sense: у американцев он один, а у нас другой. Поскольку «вышли мы все из народа», то Common Sense в обществе восходит снизу вверх.

Индивидуальный Common Sense формируется или берет свои истоки в сфере пяти чувств, контактирующих с реальностью, а завершается, обобщая их данные, наверху – в сфере разума и аналитики. И здесь мы видим тот же вектор движения – снизу вверх.

Common sense – это общее чувство. Оно может появиться у народа, только если у него есть common place – общее место проживания. Но разные народы живут в разных местах. Значит, у них должно быть разное общее чувство – у каждого народа свое.

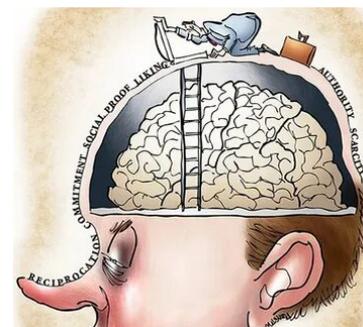
А еще надо учесть, что у каждой личности в народе своя малая родина – свое общее место семьи и дома. Значит, у каждого индивида свое общее чувство. Вот почему Common sense для всех разный. Но тогда это не общее чувство. Вот это и есть парадокс Common sense. У ЗС свой парадокс.

Противоречие ЗС и Common sense – это противоречие между универсальным и уникальным, общим и частным, долженствованием и свободой выбора. Одновременно мы – муравьи, живущие коллективным разумом, и эгоисты, тянущие одеяло на себя. Sens commun (фр.) – здравый смысл, здравомыслие (ср. bon sens); рассудительность; благоразумие; общепризнанные представления. Le sens commun nous dit que – Здравый смысл подсказывает нам, что

Common Sense – общее всем пяти чувствам суперчувство или мета-чувство, которое в России получило название здравого смысла. Это как журналист, который питается только сенсациями (Sensation), т.е. жареными фактами. ЗС действительно питается острыми ощущениями, т.е. увиденными или услышанными фактами. Правда, они могут быть искажены в наших ощущениях и нашими несовершенными чувствами, сенсорными органами.

Уровни Common Sense. Их три – низший – инстинкты, средний – чувства, высший – логика и мораль (собственно ЗС)

Common Sense – его главная цель сохранить целостность и выживаемость коллектива любой ценой на всех уровнях функционирования живого существа. У человека в отличие от животных есть разум и обширное поле деятельности, социальные нормы солидарности и высокая культура. У животных – только инстинкты и примитивные эмоции. Человек, произошедший от животных, сохранил в себе инстинкты и примитивные эмоции, добавив к ним высшие чувства, разум и мораль. Следовательно, того, что отвечает за его выживание, у него больше, чем у животных.

Common Sense как общее чувство, присущее данному сообществу – деревне, городу, стране, человечеству – на **низшем уровне** проявляет себя в инстинктах выживания и приспособлении. По сравнению с животными у человека их объем уменьшился, а роль сократилась.

На **среднем уровне** Common Sense превращается в сознательные высшие чувства как-то: альтруизм, самопожертвование, патриотизм, любовь. Эти и другие чувства необходимы человеку не просто как индивиду, но как зоополитикон, ибо любовь направлена за пределы одного человека – к двум, трем, неограниченному числу. Она нужна для выживания человека как высшего

морального существа, а стало быть, несёт пользу сообществу. И так со всеми чувствами.

На **высшем уровне** Common Sense превращается в практическую логику и мораль, т.е., собственно, в ЗС. Русское слово выражает именно этот многоуровневый смысл Common Sense.

Трем уровням Common Sense примерно соответствуют три уровня коры головного мозга.

Неверный перевод ЗС. Здравый смысл у русских и Common Sense у англичан – разные понятия, за которыми скрываются разные эмпирические референты. Common Sense – разделяемый всеми, общий для всех опыт, жизненный мир, условия существования, которые порождают общий образ жизни, общие ценности, общие взгляды, социальные практики, общие чувства и общие смыслы. Это скорее репрезентативное и пассивное явление. Недаром к Common Sense применяют понятие социальных репрезентаций Московичи. Но попробуйте применить его к русскому Здравому смыслу – ничего не получится. У нас все другое. А почему возникла путаница? Видимо, в силу неправильного – механического – перевода Common Sense как Здравый смысл.

На мой взгляд, надо выделять как минимум три разных типа или формы Common sense:

Common sense 1.0 – присущее представителю традиционного общества здравомыслие с теми чертами, которые его награждали тысячу лет назад и сейчас: практичный, ошибочный, наивный...

Common sense 2.0 – здравый смысл представителя постиндустриального общества, имеющего высшее образование, просвещенного во многих науках, обладающего навыками критического мышления и долей скептицизма

Common sense 3.0 – здравый смысл человека пост-модерна, информационного общества, когда изменился не только субъект ЗС (просвещенный скептик), но и объект ЗС – социальные сети, виртуальная реальность, в которой все зависают так, что не показываются на улице.

У каждого типа Common sense, отражающего разные исторические эпохи становления человеческого общества, свои отличительные особенности. Скажем, только Common sense 2.0 вобрал в свой культурный аппарат совокупность научных знаний и сам готов использовать научный метод для получения новых знаний. Но широкие слои его обладателей этим инструментом не пользуются в силу своей профессиональной занятости или

занятия в такой сфере общества, где не требуется применение научного метода во всей полноте. Это шаг вперед и несомненный плюс. Но есть и минус, а именно иллюзия, что меня не обманешь, стремление использовать паллиативные формы научного метода для достижения карьерных целей или личной наживы (например, анкетомания, интернет-опросы), знание основ человеческой психологии для шарлатанства и мошенничества. Плюс – быстрая переквалификация в случае безработицы на новые профессии, поскольку заложена широкая университетская основа знаний.

Много еще неясного в понятии «здравый смысл». Почему смысл должен искать обыватель во всем, если считают ЗС логикой практических действий: почему не здравая мысль, если так точнее и определеннее? Может быть ЗС – это отдельные акции или атомарные единицы процесса здравомыслия? Почему ЗС – это русский аналог Common Sense, если между ними нет ничего общего, переводы второе дословно? Если в Common Sense второе слово переводится то как мысль, то как чувство, тогда общее настроение народа и социальное настроение должно относиться к этому явлению. *Социальное настроение и общественное мнение* – явления очень неустойчивые и непостоянные. Но они подходят к характеристике «общего», но не к характеристике «смысла». Более точный перевод на русский – *общественная мораль*. Здесь оба начала присутствуют: и Common, и Sense в значении смысла. Сюда может подтянуться их родня: национальный менталитет, общее благо, общечеловеческие ценности. Эта родня происходит по линии «общего и общественного». А по линии морали тянется другая родня: добродетельность, миролюбие, благонравие, благоразумие. Эта родня является родней и по линии «здравый».

HOMO COMMONSENSUS AS THE FOUNDER OF CIVILIZATION

Kravchenko A.I.

Homo Commonsensus – Man of Reason, cautious, rational, moderately pragmatic and moderately virtuous. Common sense is the result of the collective coexistence of people forced to adapt to each other on the basis of reasonable rules of behavior that have become a habit and the constitution of our consciousness and our being. When we see the unreasonable behavior of others, we reproach them for the lack of common sense. The collective status of Common Sense should be translated as the socialization of individual meanings of individuals, the formation of common feelings, thoughts, moods, meanings and on their basis – collective consciousness. Our common sense is a mirror of our destiny, the wealth and diversity of life experience, difficulties and lessons of fate, imprinted in the brain in a folded form in the form of a certain cultural and social code – a set of rules of conduct in socially significant situations. It is also the cause of our destiny. This is the only place where logic and morality are connected. If your decision is logical, but not good-natured, then this is not common sense. Logic comes from the individual, morality – from society. When considered separately in full, we get the science of logic and morality as a science. Although neither one nor the other has empirical verification.

Keywords: common sense, logic, morality, norms, Common Sense, culture, collective, social.

Литературно-образовательный проект «Тропами А.П. Чехова и И.И. Левитана» как инструмент решения проблемы чтения в молодежной среде

Орлова Елена Александровна,

к.п.н., доцент кафедры коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью ИЖКМ МПГУ, доцент кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры № 45 Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, вице-президент Национальной ассоциации деятелей образования, науки, культуры и искусства «НИКА»
E-mail: pr-orlova@list.ru

В данной статье рассматривается проблема в молодежной среде через отношение школьников и студентов к творчеству А.П. Чехова и И.И. Левитана. Решение данной проблемы возможно в рамках реализации культурно-образовательного проекта, основанного на истории мест, в которых проживали А.П. Чехов и И.И. Левитан, произведениях данных авторов, включении школьников и студентов в творческий процесс. Подобный проект будет способствовать так же просвещению и патриотическому воспитанию молодого населения Москвы и области.

В основу исследования положены результаты социологического опроса студентов и школьников Москвы и Московской области. Так же в исследовании использованы методы контент-анализа, систематизации, обобщения научного опыта.

Существует пробел в знаниях школьников, проблема формирования интереса к классической русской литературе и живописи, отсутствие знаний о наличии рядом, практически в месте проживания, интересных достопримечательностей, которые могли бы не только преобразовать проведение семейного досуга, но и сформировать интерес к культуре, искусству, классической литературе.

Проект «Тропами А.П. Чехова и И.И. Левитана», реализуемый НКО Ассоциация «НИКА» показывает творчество писателя и художника, рассказывает о них в доступной форме разным слоям населения, нацелена на возрождение интереса к чтению, живописи и родному краю.

Ключевые слова: Чехов А.П., респонденты, классическая литература, Одинцовский городской округ, Московская область, молодежь, проектная деятельность, методы обучения, Левитан И.И.

Введение

В связи с активным развитием информационных технологий и технических средств связи в совокупности с падением качества образования, происходит постоянное снижение интереса подростков и молодежи к литературе и искусству, к чтению в целом, пропадает интерес к краеведению. Это существенная проблема на сегодняшний день, так как за ней тянется и более глобальная – снижение интеллекта.

Некоммерческая организация «Национальная ассоциация деятелей образования, науки, культуры и искусства «НИКА» активно занимается просветительской деятельностью, развитием культуры и искусства в Московской области, много внимания уделяя Одинцовскому району. У ассоциации выстроены прочные отношения со школами округа и области, вузами Москвы, некоммерческими организациями, администрацией. В конце 2021 года Ассоциацией был запущен проект «Тропами А.П. Чехова и И.И. Левитана». В нем принимают участие художники и поэты Московской области и Москвы. Целевая аудитория проекта – школьники, взрослое население Московской области.

На сегодняшний день уже реализовано 32 мероприятия по данному проекту, в том числе выставки художников Ассоциации «НИКА», на которых представлены иллюстрации к произведениям А.П. Чехова, моменты его жизни, пейзажи тех мест, где он жил и работал, представлено творчество И.И. Левитана. В подобных встречах активно участвуют поэты и исполнители Одинцовского городского округа, что позволяет более доступно и интересно доносить информацию.

Идея запуска проекта родилась не только в связи с тем, что на территории Одинцовского округа находятся достопримечательности, связанные с творчеством А.П. Чехова и И.И. Левитана, но и с тем, что результаты исследования¹, инициированного сотрудниками НКО Ассоциация «НИКА» продемонстрировали, что тема на сегодняшний день очень актуальна и требует развития.

По итогам анализа полученных результатов было выявлено, что 70% участников опроса не знают о том, что А.П. Чехов жил и работал в Звенигороде (Одинцовский городской округ) и дружил с И.И. Левитаном.

На вопрос «Назовите, пожалуйста, места, которые связаны с биографией Чехова в Московской области» были получены следующие ответы, (орфография ответов сохранена, представлены наиболее типичные): Город Чехов (самый распространенный ответ – 41% респондентов указали именно его), МХАТ имени А.П. Чехова (дан-

¹ В рамках проекта был проведен онлайн опрос школьников и студентов, в котором приняло участие 630 респондентов в возрасте от 14 до 22 лет, обучающихся и проживающих на момент проведения опроса в Москве и Московской области (преимущественно Одинцовский городской округ) на момент проведения опроса. Опрос проводился в период с 15 по 27 июня 2024 года по формализованной анкете. Акцент на Одинцовском городском округе сделан в связи с тем, что в нем сконцентрированы музеи и достопримечательности, связанные с творчеством А.П. Чехова и И.И. Левитана.

ный объект указали 18% респондентов), Музей-усадьба Мелихово (данный объект указали 25% респондентов), Звенигород (упомянули 10% респондентов), Одинцово (5%), Курск, Дом-музей А.П. Чехова, театр, Липа и Звенигородская больница, Саввинская Слобода, Павловская Слобода, Максимовка, Бабкино, Глебово, Дергайково, Чикинская больница, Пионерский, присутствовали варианты: музей-заповедник А.П. Чехова «Мелихово», «поместье чехова», Истра, Метро Чеховская, Воскресенск, «В Звенигороде есть кафе «Чеховъ». При жизни он там частенько отдыхал», «Был учителем в Воскресенском», «я люблю творчество, а не отдельные факты из биографии», Одинадцатый район МО, «Площадь какая-нибудь», Звенигородская больница.

Полученные ответы не всегда касаются Московской области и не всегда связаны с жизнью и творчеством А.П. Чехова.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к произведениям Антона Павловича Чехова?» (в % от общего числа опрошенных)

Как следует из данных, приведенных на рисунке 1, примерно равное количество респондентов ответили, что Чехов для них «вечная классика, каждый должен прочитать» его произведения (34,8%) и так же 34,8% ответили, что не особо помнят и знают творчество писателя – «кажется, писал что-то, в школе проходили и читали отрывки».

Так же стоит обратить внимание на ответы не столь явные, но внушающий опасения – 15,9% респондентов «не читали, а только что-то слышали» о писателе, а 11,6% «читали немного, не нравится, как он пишет». 5,8% подростков и школьников отметили, что знают о существовании А.П. Чехова, но ничего не читали из того, что он создал. Положительный момент состоит в том, что в данном вопросе отсутствует ответ «не знаю, кто это».

Различные организации так же проводили опросы с целью выявить читательские предпочтения населения России. В них сложно вычленить именно столицу и область, так же не включалась детская аудитория в состав респондентов. Рассмотрим результаты, которые были опубликованы с 2019 по 2023 год.

Опрос взрослого населения, проведенный ВЦИОМ в 2019 году, показал, что респонденты не снизили своей читательской активности и при этом рекомендуют из русских классиков к прочтению А. Пушкина (9%), Л. Толстого (6%) и Ф. Достоевского (5%). Наряду с ними россияне советуют читать М. Лермонтова (4%) и М. Булгакова (4%). При этом более трети опрошенных не смогли рекомендовать конкретного автора (35%) [5].

В 2021 году ВЦИОМ сместил акценты со знания классической литературы респондентами на современных писателей. В число предпочитаемых вошли при возможности множественного выбора с достаточно невысоким рейтингом Д. Донцова, З. Прилепин, В. Пелевин и Т. Устинова (от 5 до 3% в порядке убывания). Несмотря на то, что перечисленные авторы возглавляли в 2021 году рейтинг самых читаемых, 53% уверены, что писатели создают книги только ради зарабатывания денег, и лишь 22% готовы верить, что «писатели стремятся создать великие произведения и войти в историю» [12].

В опросе ВЦИОМ 2022 года [6] вопрос об авторах и прочитанных книгах уже не задавался.

Антонов С. пишет о том, что лидером читательских предпочтений многие годы был и остается Стивен Кинг¹. Второе и третье место поделили Федор Достоевский и Агата Кристи [1].

На сайте gazeta.ru в конце 2023 года представлен иной «расклад»: «Среди самых читаемых авторов оказались Эрих Мария Ремарк, Лев Толстой, Федор Достоевский и Джордж Оруэлл» [11].

Летом 2023 года газета «Известия», ссылаясь на опрос, проведенный сервисом «Литрес», сообщила, что «россияне гордятся Александром Пушкиным. На втором месте оказался Михаил Булгаков, на третьем – Федор Достоевский. Замыкают первую пятерку Антон Чехов и Лев Толстой» [10]. В указанных опросах не приводятся данные, сколько респондентов принимало участие в опросе и по какой методике он проводился. Кроме того, формулировка «гордятся» может не означать, что книги рассмотренных авторов прочитаны.

В обзоре исследований трендов 2023 года РБК приводит интересную статистику и мнения экспертов. Например, шеф-редактор «Букмейта», критик Константин Мильчин отмечает доминирование литературы по саморазвитию, психологии, личностному росту. А книги вроде текстов Мужичкой или Примаченко он предложил выделить в условный жанр «книги релакса» [9].

В том же обзоре приводятся выводы пресс-службы «Библио-Глобуса» по итогам 2023 года: «вырос интерес к азиатской литературе, существенно возрос спрос на книги по саморазвитию и психологии, эзотерике, книги по истории, об искусстве, мемуары. Активно покупались книги В. Пелевина, З. Прилепина, А. Иванова, С. Лукьяненко, Д. Рубиной и др.» [9].

При этом автор «Учительской газеты» Алена Ушакова заявляет, что Чехов является одним из любимых писателей российских школьников. Ее утверждение основывается на статистике сервиса «ЛитРес», которую цитирует РБК, но в данной статистике говорится только о том, сколько раз скачали файл с произведениями Чехова пользователи. В тексте РБК не указан возраст пользователей [13]. Кроме того, скачать – не значит прочитать.

Таким образом, взрослые люди, предположительно имеющие высшее образование, сохранившие «привычку к чтению», далеко не всегда называют А.П. Чехова среди любимых авторов и не готовы рекомендовать к прочтению его произведения.

На снижение интереса к творчеству А.П. Чехова обращают внимание и учителя общеобразовательных школ: «Чехов не понятен школьникам, скучен, несовременен» [3]. В этом же обзоре указано, что для школьников Чехов, прежде всего, драматург, а не прозаик.

Ни в одной из разработок уроков по произведениям Чехова нами не было найдено указание на связь Чехова с Левитаном, ни с точки зрения биографической, ни с точки зрения творческой.

Обращает на себя внимание то, что учителя считают сложными для преподавания драматургические произведения. Повествования в драме нет, последовательность событий воссоздается на основе реплик, монологов и диалогов действующих лиц, а также ремарок автора. Важнейшая особенность драмы – концентрированность действия и значимость речевого высказывания персонажа. Все это не воспринимается учащимися [2, с. 78]. Ведь «писатели преподносятся (в школе) в таких

¹ В марте 2022 года писатель запретил выход своих новых книг в России.

общих формулировках, в которых стираются особенности, сила и обаяние их искусства» [5].

Так как творчество и биография А.П. Чехова тесно связаны с жизнью и творчеством И.И. Левитана [14; 15], участникам нашего опроса были заданы вопросы и о нем.

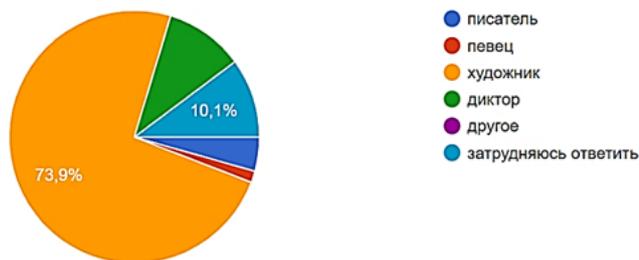

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Кто такой Исаак Левитан» (в % от общего числа опрошенных)

Как показано на рисунке 2, 10,1% респондентов затруднились сказать, кто такой Исаак Левитан, 10,1% считают, что это диктор, 4,3% – писатель, а 2% – певец. Как художника его идентифицировали 74% респондентов.

На вопрос «С какими городами Московской области связаны жизнь и творчество Исаака Левитана?» было получено только 103 ответа, все остальные респонденты написали, что либо затрудняются ответить, либо не знают ответа. Варианты наиболее характерных для респондентов ответы приводятся ниже (орфография и формулировки сохранены): Москва (6%), дом-мастерская Левитана (5%), Плёс (наиболее частый ответ) + «Ни с какими, он для меня только с Плесом в ивановской области ассоциируется» (10%), Нижний Новгород (5% ответов), Ершово в Одинцовском районе (2%), Бабкино + вариант «Село бабкиной, там жил, там он познакомился с Чеховым, который там гостил» (4%), Санкт-Петербург (3%), Звенигород (2%), Истринский край, Воскресенск, Саввинский монастырь (видимо, имелась ввиду Саввинская Слобода).

Второе исследование по проблеме отношения студентов и школьников в возрасте от 15 до 22 лет к культуре и искусству проводилось в период с 05 апреля 2023 года методом анкетирования. В исследовании приняло участие 520 учащихся школ Одинцовского района Московской области и вузов Москвы. Тема исследования была сформулирована следующим образом «Отношение молодежи к культуре и искусству».

Приведем несколько примеров из данного исследования.

Один из вопросов звучал следующим образом: «Какое из национальных искусств вы предпочитаете?» Можно было назвать несколько направлений. В результате фаворитами среди ответов стали: русское искусство – 74,6%, американское – 61,3%, японское – 45,3%, корейское – 21,7%. Таким образом, мы видим, что, несмотря на то, что интерес к русскому сохраняется, его приоритет не абсолютный. И так же, как и в литературе, проявлен интерес к азиатской культуре.

На вопрос «Какие из видов искусства интересуют вас больше всего? (можно указать несколько вариантов ответов)» респонденты ответили, что на первом месте стоит «кино» (79%), на втором «современная поп-музыка» и «литература, книги», «фотографирование и видеосъемка» (по 51%), далее идут театр (32%), живопись (40%). Достаточно высокий рейтинг оказался у архитектуры как вида искусства – 41% респондентов сказали, что их интересует этот вид.

Респондентам был задан вопрос и о том, что необходимо, чтобы поднять общий культурный уровень под-

ростков и молодежи. На первом месте были следующие формализованные ответы.

- Больше уделять внимания культурному воспитанию в школе (62,3%).
- Вовлекать с детства в различные культурные мероприятия, секции города (50%).
- Сделать культурные учреждения более доступными по цене для молодежи (65,1%).
- Дать больше возможностей для самовыражения молодежи (55,7%).

Таким образом, мы видим, что школьники и молодежь готовы быть не только пассивными участниками культурного процесса, но и активно в него включиться при наличии руководящего начала.

Одна из форм работы с целевой аудиторией проекта НКО Ассоциация «НИКА» «Тропами А.П. Чехова и И.И. Левитана» – проведение живописных выставок и вовлечение участников в творческий процесс.

Вот что думают респонденты по этому поводу: 56,3% респондентов любят и посещают выставки, встречаются там с интересными людьми. 17,4% респондентов готовы были бы посетить выставку, но у них нет времени. 21,7% молодых людей обычно попадают на выставки случайно. Лишь 6% не хотят посещать выставки. Следовательно, данная форма работы оказалась эффективной для достижения поставленных в проекте задач.

Важно так же отметить, что на вопрос «Как вы считаете, сегодня развитие культуры относится или не относится к вопросам первостепенной значимости для нашей страны?» более половины респондентов (53,8%) ответили, что относится, развитие культуры важно, а 17% затруднились ответить. Почти 30% респондентов не считают развитие культуры важным.

Таким образом, мы убедились, что проблема недостаточного знания молодым поколением творчества великих представителей прошлого столетия, живших и творивших в Московской области, – А.П. Чехова и И.И. Левитана существует, и она актуальна для целевой группы проекта. Кроме того, наблюдается снижение интереса к классике и у взрослых.

Включение в проект театрализованных постановок может существенно облегчить восприятие участниками материала о писателе и художнике. Так же на эту задачу будут работать знакомство с фактами биографии, артефактами, находящимися в музеях Московской области, погружение в эпоху, визуализация через знакомство с местами проживания и творчества, знакомство с творческой индивидуальностью А.П. Чехова и И.И. Левитана, встречи с искусствоведами, артистами, поэтами. Так же активно можно применять включение школьников и взрослых в активную творческую деятельность через живое взаимодействие с художниками – мастер-классы, пленэры. За многие годы работы мы убедились, что даже не умеющий совершенно рисовать человек, может с первого же занятия освоить простые методы изображения действительности и вовлечься в процесс живописи. Если же дополнить выставки, мастер-классы, творческие встречи конкурсными мероприятиями для развития писательских навыков, можно максимального развития интерес к творчеству А.П. Чехова и И.И. Левитана.

Рассматриваемая нами проблема обусловлена в том числе и тем, что в Одинцовском районе слабо развито информирование населения о наличии достопримечательностей, связанных тем или иным образом с творчеством писателей и художников, не проработаны туристические маршруты, имеющаяся информация недостаточно корректна, что снижает возможность формирования локальной идентичности населения. О данной проблеме подробно написано в статье Орловой Е.А. «Коммуни-

кационные проблемы и перспективы развития имиджа территории (на примере Одинцовского городского округа)» [8].

Привлечение внимания к музеям и достопримечательностям, связанным с именами А.П. Чехова и И.И. Левитана в Московской области и, в частности, в Одинцовском районе, за счет организации постоянно действующих экскурсионных маршрутов, включенных в программу внеучебной деятельности школьников, взрослых и гостей региона может так же повлиять на изменение количества туристов, сформировать позитивный имидж округа. Но это уже «вторичная выгода».

Таким образом, мы увидели на примере результатов исследований, что существует пробел в знаниях школьников, проблема формирования интереса к классической русской литературе, отсутствие знаний о наличии рядом, практически в месте проживания, интересных достопримечательностей, которые могли бы не только преобразовать проведение семейного досуга, но и сформировать интерес к культуре, искусству, классической литературе.

Литература

1. Антонов С. (2023) [Электронный ресурс]. Какие книги россияне читали в 2022. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/statistic-book-2022/?ysclid=lssrnqz4do984568799> (дата обращения: 17.02.2024).
2. Богданова О.Ю., Леонов С.А., Чертов В.Ф. Методика преподавания литературы. – М.: Академ А, 1999. – 400 с.
3. Бочмага М.Я., Еранцева Т.А (2023) [Электронный ресурс]. Личность и творчество А.П. Чехова в восприятии современных школьников. – URL: http://www.rusnauka.com/27_NPM_2012/Philologia/1_116930.doc.htm (дата обращения: 17.06.2024).
4. Громов Л.П. (2023) [Электронный ресурс]. Заметки об изучении Чехова-художника в средней школе. – URL: http://www.tinlib.ru/literaturovedenie/chehov_v_shkole/p1.php (дата обращения: 17.05.2024).
5. Книголюб – 2019. (2019) [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knigolyub-2019> (дата обращения: 17.02.2024).
6. Книжная культура – 2022. (2022) [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knizhnaja-kultura-2022?ysclid=lssrm0arqg837329050> (дата обращения: 17.06.2024).
7. Одинцов Е. (2023) [Электронный ресурс]. Стали известны самые популярные писатели среди россиян. – URL: <https://www.gazeta.ru/family/news/2023/10/10/21465109.shtml?ysclid=lssrotfse256991046&updated> (дата обращения: 17.02.2024).
8. Орлова Е.А. Коммуникационные проблемы и перспективы развития имиджа территории (на примере Одинцовского городского округа) // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2023. Т. 9. № 1. С. 40–53
9. Полякова В., Стогова Е., Шишкина А. (2024) [Электронный ресурс] Релакс, успокоение и карты таро. Что россияне искали в книгах в 2023-м // РБК. 2024. 14 янв. – URL: <https://www.rbc.ru/society/14/01/2024/659e8ded9a7947118719cb1e?ysclid=lssrnm3w4202985824> (дата обращения: 17.02.2024).
10. Россияне назвали самых значимых для страны писателей. Известия. 2023. 9 июня. – URL: <https://iz.ru/1525667/2023-06-09/rossiiane-nazvali-samykh-znachimyykh-dlia-strany-pisatelei> (дата обращения: 17.02.2024).
11. Русский писатель глазами читателей. (2023) [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkii-pisatel-glazami-chitatelei> (дата обращения: 17.02.2024).
12. Стали известны самые популярные у школьников писатели. Сервис «ЛитРес» выяснил, какие произведения дети скачивали чаще всего. (2024) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/631062249a794724de167713> (дата обращения: 17.02.2024).
13. Ушакова А. (2022) [Электронный ресурс] Антон Чехов возглавил рейтинг самых любимых писателей школьников. – URL: <https://ug.ru/anton-chehov-vozglavil-rejting-samyh-lyubimyh-pisatelej-u-shkolnikov/?ysclid=lsswcc3nni705808075> (дата обращения: 17.02.2024).
14. Фрейдлин С. (2020) [Электронный ресурс] Чехов, Левитан и рассказ «Попрыгунья». – URL: <https://proza.ru/2020/03/13/678> (дата обращения: 17.03.2024).
15. Чурак Г. [Электронный ресурс] Судьбы скрещенье... Чехов и Левитан. – URL: <https://www.tg-m.ru/articles/isaak-levitan/sudby-skreshchene-chekhov-levitan> (дата обращения: 10.04.2024).

LITERARY AND EDUCATIONAL PROJECT «THE PATHS OF A.P. CHEKHOV AND I.I. LEVITAN» AS A TOOL FOR SOLVING THE PROBLEM OF READING AMONG YOUNG PEOPLE

Orlova E.A.

Moscow State Pedagogical University, Financial University under the Government of the Russian Federation, Academy of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailik, National Association of Education, Science, Culture and Art «NIKA»

This article examines the problem in the youth environment through the attitude of schoolchildren and students to the work of A.P. Chekhov and I.I. Levitan. The solution to this problem is possible within the framework of the implementation of a cultural and educational project based on the history of the places where A.P. Chekhov and I.I. Levitan lived, the works of these authors, the inclusion of schoolchildren and students in the creative process. Such a project will also contribute to the education and patriotic education of the young population of Moscow and the region. *Goal.* To formulate tactics for increasing the interest of modern youth in reading and painting through inclusion in local history literary and educational projects. The research is based on the results of a sociological survey of students and schoolchildren in Moscow and the Moscow region. The research also uses methods of content analysis, systematization, and generalization of scientific experience.

Conclusions. There is a gap in the knowledge of schoolchildren, the problem of forming interest in classical literature

References

1. Antonov S. (2023) [Electronic resource]. What books did Russians read in 2022. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/statistic-book-2022/?ysclid=lssrnqz4do984568799> (date of access: 02/17/2024).
2. Bogdanova O.Yu., Leonov S.A., Chertov V.F. Methods of teaching literature. – Moscow: Akadem A, 1999. – 400 p.
3. Bochmaga M.Ya., Erantseva T.A (2023) [Electronic resource]. Personality and creativity of A.P. Chekhov in the perception of modern schoolchildren. – URL: http://www.rusnauka.com/27_NPM_2012/Philologia/1_116930.doc.htm (accessed: 17.06.2024).
4. Gromov L.P. (2023) [Electronic resource]. Notes on the study of Chekhov the artist in high school. – URL: http://www.tinlib.ru/literaturovedenie/chehov_v_shkole/p1.php (accessed: 17.05.2024).
5. Book Lover – 2019. (2019) [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knigolyub-2019> (accessed: 17.02.2024).

6. Book Culture – 2022. (2022) [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knizhnaja-kultura-2022?ysclid=issrm0apqg837329050> (date of access: 06/17/2024).
7. Odintsov E. (2023) [Electronic resource]. The most popular writers among Russians have become known. – URL: <https://www.gazeta.ru/family/news/2023/10/10/21465109.shtml?ysclid=issrottfc256991046&updated> (date of access: 02/17/2024).
8. Orlova E.A. Communication Problems and Prospects for Developing the Territory's Image (Based on the Example of the Odintsovo Urban District) // Scientific Result. Business and Service Technologies. 2023. Vol. 9. No. 1. Pp. 40–53
9. Polyakova V., Stogova E., Shishkina A. (2024) [Electronic resource] Relaxation, Calm, and Tarot Cards. What Russians Looked for in Books in 2023 // RBC. 2024. January 14. – URL: <https://www.rbc.ru/society/14/01/2024/659e8ded9a7947118719cb1e?ysclid=issrmmm3w4202985824> (accessed: February 17, 2024).
10. Russians Name the Most Significant Writers in the Country. Izvestia. 2023. June 9. – URL: <https://iz.ru/1525667/2023-06-09/rossiiane-nazvali-samykh-znachimyykh-dlia-strany-pisatelei> (date of access: 17.02.2024).
11. Russian writer through the eyes of readers. (2023) [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/russkii-pisatel-glazami-chitatelei> (date of access: 17.02.2024).
12. The most popular writers among schoolchildren have become known. The LitRes service found out which works children downloaded most often. (2024) [Electronic resource]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/631062249a794724de167713> (date accessed: 17.02.2024).
13. Ushakova A. (2022) [Electronic resource] Anton Chekhov topped the rating of the most beloved writers of schoolchildren. – URL: <https://ug.ru/anton-chehov-vozglavil-rejting-samyh-lyubimyyh-pisatelej-u-shkolnikov?ysclid=isswcc3nni705808075> (date accessed: 17.02.2024).
14. Freidlin S. (2020) [Electronic resource] Chekhov, Levitan and the story "The Grasshopper". – URL: <https://proza.ru/2020/03/13/678> (date of access: 17.03.2024).
15. Churak G. [Electronic resource]. The intersection of destinies... Chekhov and Levitan. – URL: <https://www.tg-m.ru/articles/isaak-levitan/sudby-skreshchene-chekhov-levitan> (date of access: 10.04.2024).

Нужна ли России государственная идеология?

Погорелый Александр Павлович,

к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой гуманитарных
и социально-экономических дисциплин ВУРЭ
E-mail: apogor44@yandex.ru

Настоящая статья посвящена проблеме государственной идеологии в России. Положения современной Конституции РФ, в частности 13-й статьи, запрещают функционирование в нашей стране государственной идеологии. Но государство, если оно суверенно и стремится к успешному развитию, не может обойтись без государственной идеологии. При этом необходимо осознавать, что идеология всегда представляет собой систему идей. Без этого даже самая прекрасная идея (например, патриотизм) может выродиться в свою противоположность: национализм или космополитизм.

Ключевые слова: государственная идеология, конституционно-идеологическая форма, идеологическое многообразие, обязательная идеология, национализм, космополитизм.

На Петербургском международном экономическом форуме, проходившем в начале июня 2024 года, модератор сессии Сергей Караганов спросил Президента РФ В.В. Путина, почему власти страны «боятся ввести жесткую государственную идеологию» [1]. На это Владимир Владимирович ответил, что господствующая идеология запрещена Конституцией. Из этого многие сделали вывод, что государственная идеология у нас так и не появится. Но более пристальное прочтение ответа Президента заставляет посмотреть на эту проблему несколько иначе.

Сразу обращает на себя внимание то, что Караганов задал вопрос именно о государственной идеологии, правда, в связке с прилагательным «жесткая». Путин же говорил о господствующей идеологии. Для того, чтобы увидеть разницу в этих эпитетах, следует обратиться к посвящённой идеологии статье Конституции, о которой шла речь на форуме. Имелась ввиду ст. 13 Конституции РФ, которая гласит: «1. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [6, 6].

Следует напомнить, что современная российская Конституция принималась в октябре 1993 года и писалась она фактически под диктовку американских специалистов. То есть, была насквозь пронизана неолиберальными идеями. Поэтому положения ст. 13 требуют глубокого смыслового разбора. Начнём с того, что в предложенном тексте приводятся три понятия одного видового ряда. Назовём его «конституционно-идеологическая форма» (КИФ), то есть то, как идеология может быть официально декларирована в государстве. К этим трём понятиям относятся: «идеологическое многообразие», «государственная идеология» и «обязательная идеология».

Два последних понятия в рассмотренной статье Конституции, перечисленные через союз «или», нельзя отождествлять – «государственный» и «обязательный» не являются синонимами. Видимо, поэтому Караганов, говоря о «государственной идеологии», добавил прилагательное «жесткая», тем самым максимально приблизив его к понятию «обязательная». И Президент правильно его понял, правда, применил термин «господствующая», который действительно гораздо ближе к «обязательная», но опять же не идентичен понятию «государственная». И это не игра в термины, здесь за внешней формой слов стоит очень серьёзное и важное содержание.

В наиболее популярных словарях русского языка понятие «обязательный» раскрывается как «безусловный для исполнения, неременный» [2, 549; 7, 429]. С учётом этого словосочетание «обязательная идеология» подразумевает идеологическую доктрину, главной особенностью которой является её тотальное доминирование в обществе и автоматический запрет на любые идеологические системы, отличающиеся от официальной. Через такое состояние социума мы уже действительно проходили и результатом явился развал Советского Союза.

Что же отличает понятие «государственный» от «обязательный»? В Современном гуманитарном словаре-справочнике указано, что: «Государство – историческая форма союза людей...» [4, 105]. Словосочетание «форма союза» указывает на то, что главным для государства

является объединение людей. Причём, разных людей, с разными взглядами и предпочтениями. Кстати, Путин отрицая необходимость «господствующей идеологии», настаивает на том, что «нужны объединительные идеи» [3]. Действительно, государство может считаться состоятельным только тогда, когда оно способно превратить своих граждан (индивидов) в СО-граждан, то есть объединить. А это, в свою очередь, возможно только при наличии у этого государства идеологии или «объединительной идеи». Особенностью такой идеологии является то, что она основывается на ценностях, значимых для большинства граждан данного государства – именно большинства, угодить всем 100% населения невозможно, да и не нужно. В любом обществе присутствуют личности, которые по отношению к этому обществу асоциальны. Идеология не может быть «всеядной», это вредно для здоровья социума. Но с другой стороны, идеология должна быть готова к новациям и, обладая определённым иммунитетом (т.е. отменяя заведомо вредные идеи), должна усваивать то, что для данного социума полезно.

Наиболее близкими аналогами КИФ, перечисленных в 13-й статье, являются три основных типа политических режимов: «демократический», «авторитарный» и «тоталитарный». Идеологическому многообразию соответствует демократия, государственной идеологии – авторитаризм, а обязательной идеологии – тоталитаризм.

Мы сегодня являемся в определённом смысле заложниками мифа о демократии, то есть навязанного неолиберальной пропагандой восприятия этого понятия. Большинство из нас верят в то, что демократия представляет собой лучшую форму государственного управления. Здесь стоит обратить внимание на глагол «верят». Не «знают», не «убеждены», не «проверили на практике», а именно «верят». Эта всеобщая уверенность в демократическом рае носит скорее религиозный, чем научный или, на худой конец, практический характер. Хотя именно практика последних десятилетий существенно разочаровала многих россиян в том строе, который им позиционировали как «демократический».

Между прочим, основатели политической науки Платон и Аристотель воспринимали демократию как отрицательную форму правления, почти отождествляя её с охлократией (властью толпы). Давайте не забывать, что античные авторы, в отличие от многих из нас, имели дело с реальной прямой демократией, то есть властью народа в условиях полисной цивилизации, небольших городских образований, в которых народ имел возможность реально принимать решения и контролировать их выполнение. И даже в этих условиях эти мыслители (бесспорно, умнейшие люди не только того времени, но и всей истории человечества) не питали иллюзий в отношении демократической формы правления.

О тоталитаризме режиме либеральные авторы написали не меньше, чем о демократии. Как и о роли обязательной идеологии в установлении и функционировании данного режима. С авторитарным режимом и «государственной идеологией» ситуация совсем не так однозначна. Толкователи либерального профиля постарались фактически идентифицировать в общественном сознании восприятие тоталитарного и авторитарного режимов. Но в реальности между ними наблюдается огромная разница. Если тоталитаризм основывается на тотальном контроле граждан и чрезвычайно широком спектре насильственных внеправовых мер, то авторитарный режим опирается на авторитет власти, контролирует только ключевые точки государственной жизни и насилие применяет также весьма ограниченно и исключительно в рамках закона. Кстати, от применения насилия не отказываются и демократические режимы.

Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на то, каким жёстким, а подчас и жестоким образом разгоняют демонстрации протеста в тех же США, Англии или Франции.

Следует обратить внимание на то, что авторитарный режим основывается на авторитете власти. В Словаре Ушакова слово «авторитетный» раскрывается как «заслуживающий безусловного доверия» [2, 33]. То есть, «антидемократичность» и «личная диктатура» – это характеристики, не имеющие прямого отношения к авторитаризму, добавленные неолиберальными доброхотами. Более того, когда мы говорим о представительной демократии, то по сути обращаемся к авторитаризму. Ведь делегирование своих полномочий депутату любого уровня должно, по идее, осуществляться как раз на авторитетной основе. Свой голос любой адекватный человек готов отдать только тому, кто «заслуживает безусловного доверия». Как оно происходит в реальности при современной демократии пусть читатель оценит самостоятельно.

Государственная идеология, являясь инструментом государства в духовной сфере, так же основывается на авторитете – авторитете идеи. То есть, она включает в свою систему те идеи, которые авторитетны, уважаемы, ценны в данном социуме, по крайней мере, для безусловного его большинства.

Теперь необходимо ещё раз вернуться к упомянутой Президентом «объединительной идее». На том же Петербургском форуме Владимир Владимирович обратил внимание на то, что для такой большой страны как Россия такая идея особенно нужна. Он упомянул веру в царя, которая уже давно утратила свою актуальность, и веру в коммунизм, на который продолжает ориентироваться достаточно большое число наших соотечественников. Но данные идеи вряд ли способны сегодня объединить весь российский социум [3]. В качестве объединительной идеи для сегодняшней России Президент особо выделяет патриотизм. Такое мнение у В. Путина, видимо, сложилось уже давно. Ещё в 2003 году он заявил: «Если говорить про объединяющую идеологию, то для такой страны, как Россия – это, конечно, патриотизм» [5]. Почти через десять лет в Краснодаре он ещё более конкретизировал свою мысль: «Мы должны строить своё будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм. Мы, как бы долго ни обсуждали, что может быть прочным моральным основанием для нашей страны, ничего другого не придумаем» [8]. Так что данная точка зрения для нашего Президента является глубоко продуманной, можно сказать, выстраданной.

Но далее встаёт вопрос: являются ли идентичными понятиями «идеология» и «идея»? Или, говоря более конкретно, может ли государственная идеология России состоять только из одной идеи патриотизма? Как правило, определение понятия идеология опирается на словосочетания «система идей» или «совокупность идей». То есть, всегда подразумевается, что идеология состоит из некоторого числа идей, по сути представляя собой идеосистему. Без сомнения, патриотизм в этой системе занимает важнейшее, если не центральное место, но отнюдь не единственное. Давайте не забывать, что патриотизм представляет собой идею в которой присутствует не только любовь к своей Родине, но и доброжелательное отношение к другим народам и государствам. Патриот не стремится к самоутверждению за счёт других. Иначе говоря, идея патриотизма является суммой двух идей меньшего порядка – идеи любви к своей Родине и идеи дружбы с другими народами.

Если вывести эти идеи на видовой уровень, то получается, что любой человек всегда своё мировоззре-

ние строит на определённом отношении к своему народу и Отечеству (Мы) и определённом отношении к другим народам и странам (Они). И эти отношения могут быть не только патриотическими. Как минимум, можно выделить ещё две позиции. Первая – это национализм, где отношение к «Мы» отличается безусловным превознесением, а отношение к «Они» – негативом и агрессивностью. Националист также любит своё отечество, но всегда настроен враждебно к другим нациям. Собственное самоутверждение у него происходит за счёт агрессии по отношению к другим и в этом его главное отличие от патриота.

Иногда можно услышать мнение по поводу того, что патриот должен быть готов отпору в случае агрессии против своей страны, то есть применению насилия против Других. И что его, в таком случае, отличает от националиста? Ответ лежит на поверхности. Патриот никогда не выступает в качестве инициатора насилия, он всегда сопротивляется агрессии. Да, сопротивляется через использование силы, но «добро должно быть с кулаками». В своё время именно этому была посвящена полемика между Львом Николаевичем Толстым и Иваном Александровичем Ильиным.

Вторая крайность – это космополитизм, где отношение к «Мы» присутствует в диапазоне от равнодушного до негативного, а отношение к «Они» является позитивным, а в определённых случаях, восхитительным. Космополита отличает стремление ощущать себя «гражданином мира». К стати, национализм следует рассматривать как одну из главных идей идеосистемы нацизма, а космополитизм – как такую же идею идеосистемы неоллиберализма. Даже в этом они противостоят патриотизму.

Границы между патриотизмом и национализмом-космополитизмом достаточно прозрачны, неискушённый или намеренно обманываемый человек может их пересечь незаметно для себя. Чтобы удержаться от столь плачевных шагов требуется не просто любовь к Родине как проявление чувства-эмоции, а глубокое понимание этой принципиальной мировоззренческой позиции. Патриотизм должен сочетаться с такими идеями в рамках государственной идеологии (идеосистемы), которые бы помогали гражданину осознать эту позицию. В этом случае патриотизм как бриллиант получит свою огранку и засияет только тогда, когда окажется в соответствующем сочетании с другими значимыми идеями.

Придумать, искусственно вывести такую идеосистему невозможно. Она вырастает в народном сознании на протяжении веков, меняясь в незначительных деталях и оставаясь неизменной в важнейших аспектах духовной жизни. Наша задача заключается в том, чтобы понять, что это за идеи, в каком они находятся взаимодействии и каким наилучшим образом они должны быть представлены сегодня. Если нам удастся осуществить эту задачу, то у России появиться реальный шанс на будущее успешное развитие.

Литература

1. Белоусов Е. Путин: введение государственной идеологии в России противоречит Конституции // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6759901?ysclid=lxbeury9vo418437613> (дата обращения: 12.06.2024).

2. Большой толковый словарь русского языка языка: ок. 60 000 слов / сост. В.В. Виноградов и др. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель; Тверь: АСТ, 2007. – 1268 с.
3. Васильева Ю. Путин: идея введения в РФ государственной идеологии противоречит Конституции // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/5845246/https://www.kp.ru/online/news/5845246/?ysclid=lxbenvc4ee382270173> (дата обращения: 12.06.2024).
4. Гуревич П.С. Современный гуманитарный словарь-справочник. – М.: Олимп; «Издательство АСТ», 1999. – 528 с.
5. Колесников А. Сельский час Владимира Путина // Коммерсант от 18.07.2003. С. 4.
6. Конституция Российской Федерации. – М.: Проспект, 2020.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. – М.: Оникс-21 век: Мир и Образование, 2004. – 1198 с.
8. Патриотизм – фундамент будущего // Красная звезда. 2012. № 169. С. 2.

DOES RUSSIA NEED A STATE IDEOLOGY?

Pogorelyy A.P.

Military University of Radio Electronics

This article is devoted to the problem of state ideology in Russia. The provisions of the modern Constitution of the Russian Federation, in particular Article 13, prohibit the functioning of state ideology in our country. But a state, if it is sovereign and strives for successful development, cannot do without a state ideology. At the same time, it is necessary to realize that ideology is always a system of ideas. Without this, even the most wonderful idea (for example, patriotism) can degenerate into its opposite: nationalism or cosmopolitanism.

Keywords: state ideology, constitutional and ideological form, ideological diversity, compulsory ideology, nationalism, cosmopolitanism.

References

1. Belousov E. Putin: the introduction of state ideology in Russia contradicts the Constitution // Kommersant. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6759901?ysclid=lxbeury9vo418437613> (date of access: 12.06.2024).
2. The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: approx. 60,000 words / compiled by V.V. Vinogradov et al. / edited by D.N. Ushakov. – Moscow: Astrel; Tver: AST, 2007. – 1268 p.
3. Vasilyeva Yu. Putin: the idea of introducing a state ideology in the Russian Federation contradicts the Constitution // Komsomolskaya Pravda. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/5845246/https://www.kp.ru/online/news/5845246/?ysclid=lxbenvc4ee382270173> (date of access: 12.06.2024).
4. Gurevich P.S. Modern humanitarian dictionary-reference book. – М.: Олимп; “AST Publishing House”, 1999. – 528 p.
5. Kolesnikov A. Vladimir Putin's rural hour // Kommersant from 18.07.2003. P. 4.
6. Constitution of the Russian Federation. – М.: Prospect, 2020.
7. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: approx. 53,000 words / Under the general editorship of L.I. Skvortsov. 24th ed., corrected. – М.: Onyx-21st century: Peace and Education, 2004. – 1198 p.
8. Patriotism – the foundation of the future // Krasnaya Zvezda. 2012. No. 169. P. 2.

Алферов Анатолий Александрович,

доктор философских наук, Южный Федеральный университет
E-mail: antal@list.ru

Рассматривается, что предполагает полицетризм социального мира. Противоположностью полицетризма является моноцентризм, к которому склоняются идеологи Западной цивилизации, имея в виду сохранение доминирующего влияния Запада. А Россия выступает за многополярный мир, подразумевая, что она будет одним из его полюсов. В статье показано, что моноцентризм пытаются обосновать с помощью принципа универсализма – человека, человеческого сознания, человеческой истории. Универсалистский подход к истории заключается в провозглашении единства истории. Полицетризм опирается в антропологии на представление о социально-культурной обусловленности человека, а историю трактует как развитие относительно обособленных цивилизаций, каждая из которых зарождается когда-то и затем проходит свой путь развития. Множественность цивилизаций создает полицетричную социально-историческую картину. В статье обсуждается, какое место могла бы и должна иметь Россия в полицетричном мире. Анализируются взгляды Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, евразийцев, С. Хантингтона относительно цивилизационного статуса России. Все они критиковали представление о единстве истории, единой общечеловеческой цивилизации. Доказывается, что Россия сегодня является одновременно государством и определенной цивилизацией – Российской цивилизацией. Притягивая в свое цивилизационное поле прилегающие государства, она может стать стержневым государством Евразийской цивилизации. Цивилизация понимается в статье как предельно широкая общность людей, которая формируется не только на культурной идентичности, но также на других видах идентичности – территориальной, этнической, экономической, политической, социальной, идеологической

Ключевые слова: универсализм, полицетризм, цивилизация, история, государство, Россия.

Сегодня вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что современный мир быстро меняется. И, как обычно водится, одни всматриваются в происходящие и грядущие изменения с надеждой, а другие – с опаской. Те, которым жилось неплохо, хотели бы сохранить наличное состояние, увековечить его, а те, кто недоволен своим положением в мире, конечно, стремятся к таким изменениям, которые позволяли бы это положение поправить.

После Второй мировой войны в результате победы, одержанной Советским Союзом над гитлеровской Германией, и в результате образования социалистического лагеря во главе с СССР мир стал биполярным (капиталистический блок, социалистический блок, неприсоединившиеся страны), в котором социалистический лагерь во главе с Советской Россией противостоял капиталистическому во главе с США. Однако в начале 90-х гг. прошлого века Советский Союз распался, социалистический блок прекратил существование, а Россия и страны Восточной Европы перешли на капиталистический путь развития, в результате чего мир вновь стал однополярным. А страны Запада объявили о своей победе над Россией в «холодной войне». В таком качестве мир и существовал в последнее десятилетие XX века и в начале нынешнего, однако к настоящему времени в результате мощного экономического роста ряда современных незападных стран ситуация в мире стала меняться и однополярный мир, в котором все важнейшие решения принимались Западом исходя исключительно из его интересов, становится для этих стран все более неприемлемым. Один из главных вопросов относительно будущего мироустройства и заключается в том, будет ли оно иметь, как и ранее, моноцентричный характер, или на смену моноцентризму придет полицетризм?

Западный мир, в общем, высказывается в пользу моноцентризма в той или иной форме, имея в виду сохранение своего доминирующего влияния. А Россия выступает за многополярный мир, подразумевая, что она будет одним из его полюсов. Именно такой смысл имеют высказывания на этот счет президента РФ В.В. Путина. Уж слишком много натерпелась Россия от Западной однополярности в XX и XXI вв. В этом смысле для нее действительно не остается иного выхода, как стать одним из центров.

Разумеется, сторонники моноцентричного социального мира не просто его провозглашают, но и дают ему определенные теоретические обоснования. В качестве такого обоснования используется представление об универсализме человека, человеческой природы, человеческого сознания, человеческой истории. Моноцентризм нуждается в моночеловеке. И наоборот, если человек всюду и всегда одинаков, то, по-видимому, правомерно и существование единого центра. Под знаком универсализма создавалась в свое время просветительская идеология. Это была рационалистическая идеология, она апеллировала к человеческому разуму, и этот разум мыслился единым, всеобщим. Просветители объявляли разумными определенные отношения людей, определенное государственное устройство, определенные права человека и т.д. и, освящаемые единым человеческим разумом, эти конкретные социальные установления провозглашались общечеловеческими. Свой антропоцентричный мир просветители проектировали для

абстрактного человека с единой «человеческой природой» и общечеловеческим разумом. Из такого человека вытекало и единство человечества, и единство человеческой истории.

С просветительской идеологией был связан либерализм, ведь одним из «естественных» прав человека просветители провозглашали свободу. Либерализм принимает просвещенческий универсализм – представление о единой природе человека, а также представление о единстве истории. И Просвещение, и либерализм базировались на принципе индивидуализма – приоритета интересов индивида перед интересами общества или социальной группы. Современный либерализм связывает свои надежды с глобализационными тенденциями современности, усматривая в них возможность осуществить свою изначальную установку на унификацию мира и человечества.

Противоположный универсализму подход к человеку связан с представлением о его социально-культурной и исторической обусловленности. Это представление предполагает, что человек в основном совпадает с обществом и культурой, которым он принадлежит, принимая и усваивая их ценности и нормы. В этом смысле нет единой неизменной природы человека. Единой может быть естественная, биологическая природа у человека, но она не является его подлинной природой – природой его как человека является культура, «вторая природа», которую он сам создает и в которой живет как человек. А поскольку культуры различны, то это порождает и разнообразие человеческих природ.

Социально-культурная обусловленность человека в историческом плане проявляется как социально-историческая обусловленность, то есть как зависимость человека от исторической эпохи, в которой ему довелось жить. А смена исторических эпох означает изменение человека, появление других обществ и других людей, по-иному мыслящих и чувствующих. В этом смысле опять же нет единой, раз навсегда данной природы человека.

Универсалистский подход к истории заключается в провозглашении единства истории, утверждении, что история представляет собой единый всемирно-исторический процесс. Предполагается, что этот процесс имеет определенную направленность. Каково же его направление? Либерализм считает, что исторический процесс ведет к торжеству либерализма во всем мире, к формированию космополитической либеральной цивилизации. Философия истории либерализма опирается также на идею общественного, исторического прогресса. Эта идея утвердилась и стала формировать мировоззрение людей в эпоху Просвещения. Прогресс мыслится как движение от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному, от худшего к лучшему, и именно таким образом стало рассматриваться в эпоху Просвещения общественное историческое развитие. Просветители секуляризовали представление об истории и в новом, нерелигиозном, понимании истории идея прогресса была призвана связать историю воедино, сообщить ей направленность и смысл. Прогресс выставлялся как безусловная и высшая ценность, и теперь, чтобы оправдать какое-то явление и дать ему право на жизнь, нужно было только объявить его прогрессивным. Но представление о прогрессе всегда связано с критерием прогресса, так как нужен показатель, по которому можно будет определять, что является более или менее совершенным, что находится выше или ниже, что лучше или хуже. В философии либерализма критерием прогресса выступает внедрение либерального образа жизни, возрастание свободы индивида.

Представлению о единстве всемирно-исторического процесса противостоит взгляд на историю, рассматривающий ее как развитие отдельных обособленных социально-исторических образований – культур или цивилизаций, каждая из которых зарождается когда-то и затем проходит свой путь развития. Очевидно, что вторая модель мышления истории вполне согласуется с представлением о полицентричности социального мира – мир в этом случае распадается на ряд цивилизаций, выступающих его полюсами. Эту вторую модель истории в русской философии развивали Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, евразийцы, а в западной мысли XX века О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель, С. Хантингтон и др.

Н.Я. Данилевский (1822–1885) отвергал идею единой общечеловеческой истории. По его мнению, общечеловеческой истории, как и общечеловеческой цивилизации, нет и быть не может. Но каждый народ или группа близких народов живет своей, независимой от других народов жизнью. «Народ и следует положить в основу понимания истории», – считал российский ученый. Народ – конкретная, реально существующая историческая действительность, а человечество – абстрактное понятие.

Н.Я. Данилевский применял понятие «культурно-исторический тип», которое он и кладет в основание своей концепции истории. Культурно-исторический тип у него – самобытная, неповторимая цивилизация. Он выделял в истории двенадцать культурно-исторических типов, среди них германо-романский (европейский) и формирующийся славянский тип. При определении культурно-исторического типа важнейшее значение российский ученый придавал единому языку, или близости языков. «Культурно-исторические типы соответствуют великим лингвистико-этнографическим семействам или племенам человеческого рода» [1, с. 125]. Абсолютным условием развития цивилизации данного культурно-исторического типа является, по Данилевскому, политическая независимость народа.

Цивилизации развиваются самобытно. Основы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются цивилизациям других типов. Воздействие цивилизаций друг на друга возможно, но оно ограничено лишь тем, что находится «вне сферы народности». Так, могут быть заимствованы у другой цивилизации достижения науки, техники, промышленности, но не религиозные или общественные начала.

Характеризуя культурно-исторические типы, российский историк утверждал, что большинство из них имеет одну основу, вследствие чего они достигают высокого уровня только в одной сфере. Так, еврейская культура выработала идею единого бога. Греческая имела художественную основу, она создала непревзойденные образцы искусства, а Рим развил право и высокую политическую культуру. Эти цивилизации, по Данилевскому, являются одноосновными. Германо-романский тип, по его мнению, двухосновный: эта цивилизация проявила себя и в политической организации общества, и достигла выдающихся успехов в науке и промышленности. Он считал, что наивысшего развития достигали греческая и европейская цивилизации. Но Европа, утверждал Данилевский, переживает сейчас пик своего цивилизационного развития и этот ее расцвет – предвестник близкого заката. Он приходил к выводу, что на смену Европе идет славянская цивилизация с ее самобытными общественными учреждениями и культурой. По его мнению, пришло время для развития славянских народов в самобытный культурно-исторический тип. А поскольку каждый тип развивается независимо на основе заложенных в нем начал, то Н.Я. Данилевский считал попытки

России перенять европейскую цивилизацию не только не плодотворными, но и вредными. Они вредны потому, что задерживают естественный ход развития собственного культурно-исторического типа. «Европа, – писал он, – не только нечто нам чуждое, но даже враждебное...» [1, с. 424]. И он в своей книге («Россия и Европа», 1869) на широком историческом полотне демонстрировал враждебность Европы к России, показывал, как стремление ослабить Россию определяло позицию европейских стран в различных исторических ситуациях.

Н.Я. Данилевский подверг резкой критике преклонение перед Европой, подражательность в отношении Запада, которые появились в высших слоях русского общества начиная с Петра I и которые он характеризовал как опасную болезнь русской жизни («европейничанье»). Оценивая политику в отношении западных стран, которая проводилась Россией в XVIII и XIX вв. при различных правителях, он доказывал, что российская политика должна четко определяться собственными, российскими интересами, что не должно быть никакого примыкания России к интересам западных стран.

Русский историк надеялся, что славянский культурно-исторический тип превзойдет все предшествующие и станет первым полным культурно-историческим типом. А именно, он проявит себя и в религии, и в политической организации, и в экономике, и в искусстве, и в науке.

Н.Я. Данилевский видел особую роль России и славянства в защите православия. Он писал о миссии России и славянства быть главными хранителями живого предания религиозной истины. А политическая миссия России, по его мнению, заключается в объединении славянских народов. Он ставил задачу создания федерации славянских народов во главе с Россией – Всеславянской федерации. Эта федерация должна была явиться политической платформой реализации славянского культурно-исторического типа.

В XIX веке объединение славянских народов под эгидой русского царя могло казаться реализуемой задачей. В последующем европейском развитии, однако, этот путь оказался закрыт. Можно сказать, что расчеты Н.Я. Данилевского на то, что против уходящего романо-германского мира станет объединенный славянский мир, не оправдались или возможности были упущены. Превалирующая тенденция дальнейшего европейского исторического развития состояла в том, что факторы этнической и религиозной близости народов в отношении цивилизационного строительства уступали свою значимость в сравнении с политическими и экономическими факторами.

О. Шпенглер (1880–1936) рассуждал о самобытных культурах, каждая из которых определяется своей неповторимой душой, проявляющейся во всех сторонах жизни народа или народов, создавших эту культуру. «В судьбе отдельных, сменяющих друг друга, вырастающих друг возле друга, соприкасающихся, оттесняющих и подавляющих друг друга культур исчерпывается содержание всей человеческой истории» [12, с. 262]. Это значит, что единой общечеловеческой истории нет. О. Шпенглер назвал восемь культур, достигавших зрелости: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, античную, византийско-арабскую, западную и культуру майя. Культура в процессе развития развертывает возможности, заложенные в ее душе, и когда культура раскрывает все богатство своих возможностей, то ей больше нечего предьявить миру, и она начинает угасать. Угасая, культура перерождается в цивилизацию. Цивилизация у него, таким образом, это старость культуры, ее умирание. В качестве признаков трансформации культуры в цивилизацию у Шпенглера фигурируют развитие тех-

ники, скопление людей в больших городах и превращение народов в безликие «массы», деградация искусства и др. Греко-римская культура совершила переход к цивилизации уже с наступлением эпохи эллинизма, в западной культуре этот переход произошел в XIX в. (переломом здесь немецкий философ считал Французскую революцию и наполеоновские войны). Культуре, по мнению О. Шпенглера, как и всякому живому организму, отмерен определенный срок жизни, он составляет примерно тысячелетие.

Немецкий философ характеризовал Россию как азиатскую страну, чуждую западной культуре. Он считал, что петровские реформы, ставившие целью приобщить Россию к Западу, оказали негативное воздействие на страну в том смысле, что они тормозили, делали невозможным формирование самобытной русской культуры. Это явление, когда зрелая цивилизация оказывает деформирующее воздействие на зарождающуюся культуру, навязывает чуждые ей формы жизни, он называл псевдоморфозом. События, происходившие на Руси до петровских реформ, О. Шпенглер ставил в соответствие событиям, происходившим в Европе на тысячу лет раньше и закладывавшим основания западной культуры: «Русская эпоха Меровингов начинается с ниспровержения татарского господства Иваном III (1480) и ведет через последних Рюриковичей и первых Романовых – к Петру Великому (1689–1725). Эта эпоха точно соответствует времени от Хлодвига до битвы при Тертри (687), в результате которой Каролинги фактически получили всю полноту власти. Я советую всякому прочесть «Историю франков» Григория Турского, а параллельно с этим – соответствующие разделы старомодного Карамзина, прежде всего те, что повествуют об Иване Грозном, Борисе Годунове и Шуйском. Большого сходства невозможно представить» [13, с. 197]. А затем случился петровский псевдоморфоз, «втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия» [13, с. 197]. Петра Великого немецкий культуролог называл «злым роком русскости», а построенный им Петербург представлял искусственным городом, городом-призраком, вызывающим отторжение и ненависть у русского народа. В то время как верхи были обращены на Запад, русский народ, утверждал О. Шпенглер, тянулся к Югу, к Византии и Иерусалиму. Немецкий философ воспринимал Россию как сугубо крестьянскую страну, раскинувшуюся на беспредельной равнине, по которой перемещается русский народ, и из этой народной, крестьянской среды он ожидал появления новой культуры. Вообще культура у него связана с народом, живущим на земле, а появление мировых городов, отрывающих население от почвы, знаменует превращение культуры в цивилизацию. Однако в 10-е годы XX века, когда писался «Закат Европы», Россия уже не была исключительно крестьянской страной. А в скором времени (в 30-е годы) большевики осуществили индустриализацию страны и соотношение сельского и городского населения в России изменилось радикально. Большевиков О. Шпенглер характеризовал как западников, продолжателей дела Петра.

У Арнольда Тойнби (1889–1975) история предстает как история отдельных цивилизаций – своеобразных и относительно замкнутых. Критикуя представление о «единстве цивилизации», он говорил, что это единство – иллюзия западного общества и западных историков, склонных унифицировать мир исходя из собственной цивилизации. Одни цивилизации, согласно А. Тойнби, являются первичными, они возникают из недр «примитивного общества», а другие (большинство) появляются на основе определенных предшествующих цивили-

заций. В развитии цивилизации он выделял восходящую ветвь, длящуюся до «надлома» цивилизации, и следующую затем нисходящую ветвь, заканчивающуюся гибелью цивилизации. Свою классификацию цивилизаций английский историк несколько раз подвергал изменению, в конечном итоге он насчитал 13 основных цивилизаций и 15 цивилизаций-сателлитов (не считая недо-развитых).

А. Тойнби немало высказывался о цивилизационном статусе России. Сначала он безоговорочно относил Россию к православной христианской цивилизации – русской ветви православия. Но затем он склонялся к тому, чтобы рассматривать ее в качестве цивилизации, являющейся спутником других, основных цивилизаций. Сначала, после принятия христианства, Россия была сателлитом Византийской цивилизации, а затем, после Петровских реформ, стала, по его мнению, сателлитом Западной цивилизации, при этом коммунистический период в ее истории он считал вторым, после Петровского, этапом вестернизации страны. Однако, он допускал и такой вариант, что Россия является самостоятельной цивилизацией, он писал: «...В рамках сообщества, которое мы обозначили как «цивилизация», Русская цивилизация входит в тот же подвид, что и Византийская, Западная и Исламская. Классифицируем ли мы ее как вариант Византийской или вариант Западной или как отдельную цивилизацию со своим собственным характером, она, несомненно, является частью того урожая, который вырос из сочетания Сирийской и Эллинской цивилизаций, давших хорошую «культурную почву» [8, с. 227].

А. Тойнби считал, что на русских оказало сильное влияние падение Константинополя с почти одновременным образованием Московского государства, в результате чего они стали считать Москву преемницей Византии («Москва – Третий Рим»), а себя – хранителями истинной православной веры. Неизжитый мессианский настрой русского народа проявился, по его мнению, и в советский период русской истории, когда Россия, возглавив ряд народов, создала фронт борьбы против капитализма и Запада.

Деятельность Петра по вестернизации России А. Тойнби оценивал очень высоко. «...Петр Великий использовал свой могучий гений, чтобы кардинальным образом преобразовать Московию, превратив ее из русского православно-христианского универсального государства, верящего в свою исключительную миссию, в динамическое локальное государство, составной элемент европейской системы» [7, с. 496–497]. «Это был первый пример добровольной самовестернизации западной страны» [7, с. 564]. Успехи России послепетровского времени он объяснял проводившейся вестернизацией, а неудачи – тем, что усилия по вестернизации были недостаточно глубокими. «...Процесс вестернизации не затронул всех сторон жизни России и был жестко ограничен определенными рамками. Собственно, Запад так и не оказал глубокого влияния на жизнь и культуру России» [7, с. 565]. Именно поэтому, по его мнению, российская политика, заданная Петром, в итоге потерпела фиаско в 1917 году.

При явном благоволении к вестернизации западных стран А. Тойнби вполне осознавал, что от Западной цивилизации исходило агрессивное давление – военное, политическое, экономическое, культурное – на соседние народы, а в последующем и на весь мир, что эта цивилизация различными путями стремилась утвердить свое превосходство над остальным человечеством. «Со времен португальских и испанских морских экспедиций XV в. и в еще большей мере в результате британской промышленной революции XVIII в. сущностью современ-

ного западного образа жизни стали постоянный экономический рост и территориальная экспансия» [7, с. 598].

Социалистическую революцию в России А. Тойнби оценивал как продукт западного влияния. Он подчеркивал, что марксизм, утвердившийся в России, имеет западное происхождение. а большевики, реализуя программу ускоренной модернизации России, в сущности, продолжили линию Петра I на вестернизацию страны. Вместе с тем они использовали марксистскую идеологию – оружие, выкованное на Западе, – в идеологической борьбе против Запада и немало в этом преуспели.

С. Хантингтон (1927–2008) считал основными цивилизациями современности западную, синскую, индустскую, исламскую, японскую, православную, латиноамериканскую, полагал, что в будущем возможно появление африканской цивилизации [см. 10, с. 54–60]. Он критиковал концепцию «универсальной цивилизации», якобы формирующейся в современном мире, доказывал, что в действительности этого не происходит и что эта концепция была выработана западной цивилизацией для оправдания своего господства. Он писал: «Универсализм – идеология, принятая Западом для противостояния не-западным культурам» [10, с. 90–91]; «Не-Запады видят западным то, что Запад видит универсальным» [10, с. 91]. В книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) С. Хантингтон продемонстрировал постепенное изменение баланса сил в XX веке между западной цивилизацией и западными в пользу последних по различным параметрам (контролируемая территория, население, экономический потенциал, военная мощь, политическое влияние, культурное влияние), он полагал, что этот процесс продолжится и в XXI веке. Отмечая, что ценность Западной цивилизации заключена отнюдь не в ее универсальности, а, наоборот, в ее уникальности, и полагая, что эта цивилизация уже прошла пик своего развития, американский политолог констатировал, что ответственность западных лидеров состоит сейчас не в том, чтобы изменить другие цивилизации по образу и подобию Запада, а в том, чтобы сохранить и защитить уникальность своей цивилизации [10, с. 513–514].

С. Хантингтон относил Россию к «разорванным странам». Таковыми он называл страны, элиты которых стремятся изменить существующую цивилизационную идентичность своей страны и проводят соответствующую политику. Напомним, что С. Хантингтон писал свою главную книгу в 90-е годы XX века, и тогда пришедшие к власти в России либералы действительно прилагали огромные усилия, чтобы присоединить Россию к западному миру, сделать ее «нормальной страной». К «разорванным странам» американский политолог относил также тогдашнюю Турцию, Мексику и Австралию, и он считал, что история не дает нам примеров увенчавшихся успехом цивилизационных переориентаций. «Политических лидеров, которые надменно считают, что могут кардинально переkreить культуру своих стран, неизбежно ждет провал» [10, с. 237]. Россию он считал стержневым государством православной цивилизации. Однако поворот к либеральной демократии в России на рубеже 90-х годов произошел не от православной цивилизации, а в результате неудач коммунистического правления и советской власти, правившей страной на протяжении 70 лет, и именно эту, социалистическую, ориентацию стремились уничтожить российские либералы, в первую очередь. И Россия после обвала Советского Союза не стала тотчас же православной цивилизацией и не образовала таковую вместе с Украиной, Белоруссией, Арменией, Грузией и Молдавией. Россия после крушения Советского Союза действительно оказалась

разорванной страной, но этот разрыв пролегал по другим основаниям.

Ближе всего к православной цивилизации было Московское царство, но затем, под влиянием Петровских реформ, вектор развития России изменился в последующий императорский период, а затем он повернул в совершенно противоположном от православия направлении в советский период. И сегодня, несмотря на возрождение православия в России, считать ее православной цивилизацией вряд ли возможно, особенно принимая во внимание множество нерусских народов, проживающих на ее территории, в отношении которых никакое навязывание православной веры сегодня не допустимо. Невозможно сегодня рассматривать Россию и в качестве стержневого государства, вокруг которого группируются и консолидируются православные страны. С. Хантингтон проводил линию, отделяющую западную цивилизацию от православной, и к западной цивилизации он относил народы, исповедующие католицизм и протестантизм, помещая по другую сторону линии православные народы, но эта линия затем была беззастенчиво разрушена Западом в результате продвижения Евросоюза и НАТО на Восток.

Цивилизации С. Хантингтон понимал как культурные общности – предельно широкие культурные целостности, определяемые языком, религией, системой ценностей, обычаями и общественными институтами. Он фактически отождествлял цивилизацию с культурой. «И цивилизация, и культура относятся к образу жизни народа, и цивилизация – это явно выраженная культура» [10, с. 48]. Причем важнейшее значение в определении цивилизации он, вслед за Тойнби, придавал религии. Мы, однако, считаем, что цивилизация определяется не только культурой. Цивилизация – это некоторая (предельно широкая) общность людей, и формироваться эта общность может не только на культурной идентичности, но и на других видах идентичности – территориальной, этнической, политической, экономической, социальной, идеологической.

Территориальный аспект цивилизационной идентичности подчеркивали евразийцы – российские мыслители-эмигранты 20–30-х гг. XX века (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, П.П. Сувчинский, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин и др.). Они выдвинули идею Евразии как особой географической целостности, входящей в состав Старого Света. Согласно П.Н. Савицкому Евразия включает четыре природные зоны: тундры, леса, степи и пустыни, тянущиеся в горизонтальном направлении, и простирается она от черноморско-балтийского мелководья на западе до Дальнего Востока, эта территория обрамляется на юге горными хребтами [см. 4]. С этой территорией связана Россия как особая цивилизация. География Евразии, по мысли П.Н. Савицкого, толкает ее обитателей к созданию единого политического, экономического и культурного объединения. В прошлом различными народами делались попытки объединить эту территорию (скифами, тюрками, монголами), последнее успешное объединение было осуществлено русскими. Евразийцы развивали мысль об особом пути развития России-Евразии, отличном как от Запада (Европы), так и от Азии (Китай, Индия, страны ислама).

Евразийцы были убеждены, что Евразия должна быть едина политически, что она нуждается в мощном централизованном государстве, которое будет удерживать эту большую территорию, заниматься охраной границ, развитием коммуникаций и развитием экономики. Россия-Евразия, писали евразийцы, в силу своего географического положения находится «между нередко враждебными ей странами Европы и Азии, (она облада-

ет) сухопутной границей огромного протяжения, которую нелегко защищать, (она принуждена) бороться с большими трудностями экономического развития (суровая зима, огромные расстояния)» [3, с. 167]. Из этого они делали вывод, что Россия может жить и развиваться только при наличии сильной власти, организующей страну в целях социальных, хозяйственных и военных.

Важнейшим тезисом евразийской концепции организации России была идея автаркии (греч. – самоудовлетворение). Евразийцы настаивали на том, что Россия не может себе позволить быть зависимой от мирового рынка. Она должна иметь независимое мощное хозяйство и собственный обширный внутренний рынок. Это обеспечит ей экономическую и политическую самостоятельность и возможность экономического роста, а в противном случае Россия рискует стать периферийной зоной соседних держав. И автаркия, как подчеркивали евразийцы, вполне может быть реализована на территории Евразии в силу обеспеченности этой территории всеми необходимыми для развития природными ресурсами, разнообразия почв и климата. [см. 5].

Евразийцы говорили также о значении идеологии в объединении этого пространства, создании на нем цивилизационной общности. Они считали, что евразийское государство должно быть идеократическим, то есть, оно должно подчиняться определенной идеологии и объединяться ею. Евразийцы употребляли выражение «идея правительница» и настаивали на том, что правящий слой должен формироваться по принципу преданности этой идее. Рассматривая вопрос, каким требованиям должна отвечать данная идея, Н.С. Трубецкой отмечал, что она не может выражать интересы расы, определенного народа или социального класса, или человечества в целом, но должна быть нацелена на совокупное благо всех народов, населяющих данный автаркический особый мир [см. 9, с. 619–620]. Н.С. Трубецкой имел в виду объединение народов Евразии в одну надэтническую культурную общность («многонародную нацию»), обладающую общеевразийским сознанием. И он отмечал, что ощущение принадлежности к этому целому вполне совместимо с ощущением принадлежности к своему народу, сознаваемому как член этого многонародного целого.

Россия представляет собой государство (разумеется, многоэтническое) или цивилизацию? И то, и другое, она является цивилизацией, совпадающей с государством, или цивилизационным государством. Будучи центром силы, она притягивает к себе, в свое цивилизационное поле прилегающие государства, прежде всего на постсоветском пространстве, и может стать стержневым государством Евразийской цивилизации, но Российская Федерация и в одиночестве, и в своих нынешних пределах является цивилизацией. Бывший председатель Европейской комиссии Ж.М. Баррозу на конференции «Россия – ЕС» в 2013 г. произнес: «Россия – это континент, который притворяется страной. Россия – это цивилизация, замаскированная под нацию» [11, с. 40]. В.Н. Шевченко пишет: «...Россия есть огромное и весьма сложное государство-цивилизация, которая состоит из целого ряда уникальных миров как этнических, религиозных, так и региональных (Сибирь, Дальний Восток, Кавказ) [6, с. 112]. Он также отмечал, что государство, сознающее себя в качестве цивилизации, наделяет себя новыми свойствами – «новыми созидательными функциями, ценностными ориентирами и духовными смыслами» [6, с. 6]. Государство обретает миссию в виде сохранения и развития своей цивилизации.

Мы отметили, что цивилизация представляет собой территориальную, политическую, экономическую, культурную и идеологическую общность. Все эти аспекты

присутствуют у нынешней российской цивилизации, кроме, разве что, последнего. А между тем идеологический аспект имеет важнейшее значение, так как он обеспечивает единство, сплочение цивилизационной общности и ее самоидентификацию. Верно отмечал А.Г. Дугин, что цивилизация в определенном смысле есть конструкт [2, с. 120]. «Цивилизация суть то, что требуется создать. Однако этот процесс создания цивилизаций не предполагает целиком искусственной модели, полностью отсутствующей в реальности. Культурная, социологическая, историческая, ментальная, психологическая база для цивилизаций есть, и она эмпирически фиксируется» [2, с. 121]. А.Г. Дугин отмечает также роль интеллектуальной и политической элиты в проведении этой работы – создании цивилизационной идентичности. То, что российская цивилизация может, по минимуму, совпадать с российским государством, каковое уже есть, – это ее несомненный плюс, это сильно облегчает строительство, нужно только сблизить и консолидировать народы, населяющие это государство. И китайская, и индийская цивилизации таковы – они могут в принципе совпадать с основным государством. А исламская цивилизация не может, и это ее минус, и это делает проблематичным саму возможность такой цивилизации, поскольку исламский мир растянут на очень большом протяжении и включает очень разные страны, и нет политического центра, как нет и обще признаваемого стержневого государства, к тому же имеет место конфессиональное распадение, прежде всего на две большие конфессии суннитов и шиитов, между которыми на всем протяжении существования ислама шла борьба, и политического и военного союза до сих пор нет в силу расхождения политических и экономических интересов разных мусульманских стран. Думается, что современный мир ислама являет собой религиозную, культурную общность, обнимающую всех мусульман, живущих в мусульманских и немусульманских странах, а цивилизации ислама нет. Без политического или этнического единства цивилизация вряд ли возможна. Больше оснований есть для выделения арабской цивилизации.

В Западной цивилизации существуют два полюса – США и Европа, что несет в себе возможность разрыва. В настоящее время США доминируют в этом тандеме, полностью подчинили себе европейскую элиту, но такое состояние может быть не вечным. Евросоюз постепенно движется к оформлению в виде государства, Брюссель набирает и закрепляет за собой государственные функции, но это, конечно, встречает сопротивление со стороны отдельных государств-членов Евросоюза. К чему приведут эти процессы – к действительно возникновению общеевропейского государства, или к распаду Евросоюза, или к какой-то его трансформации, – сейчас предсказать трудно.

Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 640 с.
2. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.
3. Евразийство (формулировка 1927 г.). Коллективный труд первых евразийцев // Основы евразийства. М.: Арктогея центр, 2002. С. 166–179.
4. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Основы евразийства. М.: Арктогея центр, 2002. С. 297–304.
5. Савицкий П.Н. Континент – Океан (Россия и мировой рынок) // Основы евразийства. М.: Арктогея центр, 2002. С. 305–323.
6. Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.
7. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Сборник. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
8. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник М.: Рольф, 2002. 592 с.
9. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. С. 615–622.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2003. 603 с.
11. Цивилизация, притворяющаяся страной: ведущие западные аналитики о России. М.: Эксмо, 2016. 384 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.
14. Huntington S. The clash of civilizations? // Foreign Affairs. 1993. No 72 (3). P. 22–49.

RUSSIA'S PLACE IN THE POLYCENTRIC WORLD

Aferov A.A.

Southern Federal University

It is considered what implies the polycentrism of the social world. The opposite of polycentrism is monocentrism, to which the ideologists of Western civilization tend, bearing in mind the preservation of the dominant influence of the West. And Russia stands for a multipolar world, meaning that it will be one of its poles. The article shows that monocentrism is being tried to justify using the principle of universalism – man, human consciousness, human history. The universalist approach to history is to proclaim the unity of history. Polycentrism in anthropology is based on the idea of the socio-cultural conditioning of man and interprets history as the development of relatively isolated civilizations, each of which originated sometime and then goes its own way of development. The multiplicity of civilizations creates a polycentric socio-historical picture. The article discusses what place Russia could and should have in a polycentric world. The views of N.Y. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee, Eurasians, S. Huntington on the civilizational status of Russia are analyzed. All of them criticized the idea of the unity of history, a single universal civilization. It is proved that Russia today is at the same time a state and a certain civilization – the Russian civilization. By attracting adjacent states into its civilizational field, it can become the core state of the Eurasian civilization. Civilization is understood in the article as an extremely broad community of people, which is formed not only on cultural identity, but also on other types of identity – territorial, ethnic, economic, political, social, ideological.

Keywords: universalism, polycentrism, civilization, history, state, Russia.

References

1. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. Moscow: Eksmo Publishing House, 2003. 640 p.
2. Dugin A.G. Theory of the multipolar world. M.: Eurasian Movement, 2013. 532 p.
3. Eurasianism (formulation of 1927). Collective labor of the first Eurasians // Fundamentals of Eurasianism. Moscow: Arktogea Center, 2002. pp. 166–179.
4. Savitsky P.N. Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism // Fundamentals of Eurasianism. M.: Arktogea Center, 2002. pp. 297–304.
5. Savitsky P.N. Continent – Ocean (Russia and the world market) // Fundamentals of Eurasianism. M.: Arktogea Center, 2002. pp. 305–323.
6. Spiridonova V.I., Sokolova R.I., Shevchenko V.N. Russia as a state-civilization: philosophical and political analysis. Moscow: IF RAS, 2016. 122 p.

7. Toynbee A.J. Comprehension of history. Collection. M.: Progress, 1991. 736 p.
8. Toynbee A.J. Civilization before the court of history. Collection M.: Rolf, 2002. 592 p
9. Trubetskoy N.S. About the idea-ruler of an ideocratic state // Trubetskoy N.S. The Legacy of Genghis Khan. M.: Eksmo, 2007. pp. 615–622.
10. Huntington S. Clash of Civilizations. Moscow: AST Publishing House, 2003. 603 p.
11. Civilization pretending to be a country: leading Western analysts about Russia. Moscow: Eksmo, 2016. 384 p.
12. Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Vol. 1: Gestalt and reality. Moscow: Mysl, 1993. 663 p.
13. Spengler O. The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Vol. 2: World-historical perspectives. M.: Mysl, 1998. 606 p.
14. Huntington S.A clash of civilizations? // Foreign Affairs. 1993. No. 72 (3). pp. 22–49.

Роль искусственного интеллекта в инновационных методах обучения иностранным языкам в исторической перспективе

Бондаренко Наталья Ионовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры европейских языков Дипломатической академии МИД России
E-mail: nataliya2012@me.com

В статье рассматривается эволюция педагогических подходов, начиная с грамматико-переводного метода XIX века, с использованием аудиолингвистического и коммуникативного подходов XX века до современных цифровых технологий, интегрирующих ИИ в образовательные процессы. Основное внимание уделено применению ИИ в создании адаптивных образовательных платформ, виртуальных помощников и систем автоматической оценки, перспективам их использования для персонализации обучения. Раскрыты основные преимущества ИИ в обучении, такие как повышение интерактивности и эффективности образовательного процесса; рассмотрены этические, социальные, технические проблемы внедрения ИИ в языковое образование.

Сделан вывод о значимости ИИ как инструмента, дополняющего традиционные методы преподавания и обеспечивающего новые возможности для индивидуализации и инклюзии в обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение иностранным языкам, адаптивные образовательные платформы, цифровые технологии, образовательная персонализация, инновационные методы.

Изучая историю методов обучения иностранным языкам, можно заметить эволюцию педагогических подходов, которые обусловлены изменениями в обществе, науке, технологиях, так, основными этапами развития методик преподавания являются: традиционные подходы, инновационные методы и интеграция цифровых технологий. Методика, это, как правило, некий готовый алгоритм, процедура для проведения каких-либо нацеленных действий. Методика отличается от метода конкретизацией приемов и задач. Под методом понимается способ взаимодействия между преподавателем и студентом, в результате которого происходит передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных содержанием обучения.

С точки зрения традиционного подхода выделяется грамматико-переводный метод, который доминировал в XIX и начале XX века, он фокусировался на изучении грамматических правил и переводе текстов. Основная цель заключалась в развитии навыков чтения и перевода литературы с иностранного языка, так как это соответствовало академическим и культурным потребностям того времени. Однако данный метод критиковался за малое внимание к устной речи и практическому использованию языка.

В середине XX века, особенно в период Второй мировой войны, возник аудиолингвистический метод, который основан на бихевиористской психологии и структурной лингвистике. Здесь делался упор на повторение и заучивание языковых структур посредством аудирования и говорения с минимальным использованием родного языка. Целью было формирование автоматических речевых клише. Несмотря на успехи в развитии произносительных и грамматических навыков метод критиковался за отсутствие внимания к коммуникативной компетенции и ограниченность в использовании языка в реальных ситуациях.

В 1970-х годах на фоне критики традиционных методов возник коммуникативный подход, который был направлен на формирование у обучающихся смыслового восприятия и понимания иностранного языка, а также овладение языковым материалом для построения речевых высказываний. Основоположник этого подхода, Делл Хаймс, ввел понятие «коммуникативной компетенции», которое подразумевает умение использовать язык в различных ситуациях общения. Основная задача коммуникативного подхода состоит в том, чтобы помочь обучающимся преодолеть языковой барьер. В связи с новым подходом произошло структурное перестроение учебных пособий с ориентацией на реальные коммуникативные задачи.

Интерактивные методы, развившиеся на основе коммуникативного подхода, построены на активном взаимодействии обучающихся с преподавателем, контентом и между собой в коллаборативном обучении. Суть интерактивного обучения состоит в том, что учебный процесс организован таким образом, что практически все обучающиеся оказываются вовлеченными в процесс познания, они имеют возможность понимать и рефлексировать по поводу того, что они знают и думают. К основным интерактивным средствам относятся интерактивные до-

ски, дисплеи, компьютеры, системы интерактивного голосования, интерактивные карты и другие.

С конца XX века цифровые технологии начали интегрироваться в преподавание иностранных языков, например, с появлением мультимедийных ресурсов, таких как аудио- и видеоматериалы, интерактивные упражнения и онлайн-курсы, расширилась возможность для персонализации обучения и появился доступ к аутентичным языковым материалам. Исследования показывают, что использование цифровых технологий повышает информативность, интерактивность и эффективность обучения [8].

В последние годы развитие образовательных платформ, использующих искусственный интеллект и анализ статистических данных, позволил создавать учебные траектории для каждого учащегося: эти системы анализируют прогресс обучающегося и предлагают материалы, которые соответствуют его уровню и потребностям. Основным элементом таких платформ является машинное обучение (МО), которое позволяет системам анализировать большие объемы данных, выявлять закономерности и менять учебные программы под каждого обучающегося.

Искусственный интеллект (ИИ) – совокупность технологий для создания систем, которые способны выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта, такие как обучение, распознавание речи, анализ данных, принятие разумных решений, т.е. создание интеллектуальных систем, которые способны имитировать когнитивные функции человека. Согласно данным ЮНЕСКО, ИИ обладает потенциалом для решения серьезных проблем в образовании, внедрения инноваций в практику преподавания, ускорения прогресса в достижении Цели устойчивого развития 4 (ЦУР 4), с целью обеспечения справедливого качественного образования для всех [2].

Основные направления применения ИИ в обучении [4]:

- 1) Создание адаптивных образовательных платформ, которые подстраиваются под потребности каждого обучающегося. Системы анализируют данные о производительности студентов и их предпочтениях в обучении.
- 2) Автоматизация рутинных задач (проверка домашних заданий, составление индивидуальных программ обучения, мониторинг успеваемости студентов).
- 3) Обработка больших объемов данных, выявление тенденций и паттерн в процессе обучения позволяет определить эффективные методы преподавания и предсказать потенциальные трудности, с которыми студенты могут столкнуться.

Для внедрения технологий ИИ в систему языкового образования на первом этапе требуется определить цели внедрения ИИ, например, улучшение качества обучения, персонализация образовательного процесса или повышение эффективности преподавания, чтобы выбрать наиболее подходящие технологии и подходы.

После определения целей следует выбрать соответствующие ИИ-технологии, которые содержат адаптивные обучающие системы, виртуальных ассистентов, системы автоматической оценки, чтобы подстроить выбранные технологии к специфике языкового обучения и потребностям учащихся.

Далее, успешное внедрение ИИ требует подготовки преподавателей и студентов к использованию новых технологий путем обучения работе с ИИ-инструментами, понимания их возможностей и сложностей, развития цифровой грамотности.

Следующий этап – интеграция в учебную деятельность. На этом этапе ИИ-технологии внедряются непо-

средственно в образовательный процесс, который включает использование адаптивных платформ для самостоятельного обучения, виртуальных ассистентов для практики разговорных навыков или систем автоматической оценки для проверки письменных работ.

После внедрения требуется регулярно оценивать эффективность использования ИИ, анализировать результаты обучения, удовлетворенность студентов и преподавателей, выявлять области для улучшения с целью коррекции и оптимизации применения ИИ в языковом образовании.

Современные методы обучения иностранным языкам на базе искусственного интеллекта позволяют создавать адаптивные образовательные платформы, использовать виртуальных помощников и чат-ботов, применять технологии распознавания речи и перевода. Рассмотрим более подробно каждую из этих технологий.

Адаптивные образовательные платформы используют ИИ для анализа данных о прогрессе студента, его ошибках и предпочтениях, чтобы предложить наиболее эффективный путь обучения, например, платформа Squirrel AI Learning, основанная Дерекем Хаояном Ли, применяет ИИ для создания индивидуализированных учебных планов, разбивая учебный материал на тысячи «знаниевых точек» и подстраивая их под каждого ученика.

Исследования показывают, что использование адаптивных систем повышает продуктивность обучения, так, в обзоре 37 исследований, посвященных влиянию адаптивного обучения на результаты, 86% из них сделали вывод о его положительном влиянии [11].

В другом исследовании С.В. Ковальчук отмечает, что такие технологии облегчают подготовку преподавателя к занятиям и проверку домашних заданий, сокращают время на выполнение рутинных задач [5]. В этом случае студенты обращаются к инструментам ИИ для отработки различных языковых аспектов, это повышает их мотивацию и заинтересованность.

Виртуальные помощники и чат-боты, основанные на ИИ, предоставляют обучающимся возможность практиковать языковые навыки в интерактивной форме. Возможность продуцирования диалогической речи на иностранном языке представляется весьма эффективной для отработки разговорной практики, произношения, интонации. Используемые в чат-ботах алгоритмы машинного обучения улучшают распознавание естественного языка, обеспечивая высокую точность интерпретации вводимых данных и генерации ответов. Это позволяет моделировать общение для практики языка, например, чат-боты, такие как Google Assistant и Siri способны вести беседы на различных языках и предоставлять мгновенную обратную связь. А приложения, как Mondly, интегрируют чат-ботов и технологии распознавания речи для создания реалистичных разговорных сценариев.

Технологии распознавания речи и машинного перевода на основе ИИ позволяют обучающимся получать мгновенную обратную связь, практиковать произношение не только путем многократного повтора за носителем языка, но и наглядно сравнивать представленную диаграмму звучания с продуцируемой обучающимся с исходного языка, переводить тексты и устную речь в режиме реального времени, например, сервисы, такие как IBM Watson, предоставляют возможности для создания приложений с распознаванием устной речи. В то же время, виртуальные ассистенты, такие как Siri и Алиса, используют технологии обработки естественного языка (NLP) для распознавания речи и поддержания диалога.

Так, искусственный интеллект влияет на методы обучения иностранным языкам, также отметим, что эти тех-

нологии помогают созданию интерактивных образовательных сред, которые моделируют реальные ситуации и предоставляют студентам возможность практиковаться в безопасной и контролируемой обстановке. Например, И.Г. Рзун в своей работе «Информационные технологии как средство обратной связи образовательного процесса» отмечает, что использование данных технологий позволяет анализировать преимущества внедрения интернет-технологий в формировании компетенций обучающихся и реализации интерактивных технологий [7]. Примерами таких технологий могут выступать виртуальные лаборатории и симуляторы, которые позволяют студентам проводить эксперименты и развивать практические навыки.

Кроме того, ИИ обеспечивает своевременную и персонализированную обратную связь, анализируя ответы каждого учащегося и, соответственно, выявляя ошибки. Системы автоматически проверяют задания, быстро сообщают об ошибках и предлагают корректирующие задания. Например, GPT-модели в образовательных платформах мгновенно генерируют ответ студентам: выделяют неправильные формы, помогают исправить ошибку и улучшить результат. Эти модели автоматически проверяют код, подсказывают, где и какие изменения нужно внести, а быстрый ответ, предлагаемый ИИ, помогает лучше понять ошибки, исправить их и продвигаться в обучении.

Самыми главными проблемами, возникающими при внедрении ИИ в языковое образование, становятся этическая и социальная. Согласно Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах ИИ, под этическим применением ИИ понимается систематическое нормативное осмысление принципов ИИ на основе эволюционирующей системы взаимосвязанных ценностных установок, принципов и процедур, которые способны ориентировать общество в вопросах ответственного учета известных и неизвестных последствий применения ИИ-технологий [3].

Одним из основных вопросов является обеспечение справедливости и недопущение дискриминации, в связи с тем, что ИИ-системы обучаются на больших объемах данных, которые могут содержать предвзятости, отражающие существующие социальные неравенства. Это приводит к усилению стереотипов в образовательных процессах, в частности, как отмечают А.А. Бажев и А.З. Бажев, необходимо учитывать не только технические стороны вопроса, но и педагогические, этические и социальные [1].

Прозрачность алгоритмов ИИ также вызывает беспокойство, так как пользователи должны понимать, как принимаются решения ИИ-системами, особенно с точки зрения оценки знаний и предоставления рекомендаций. Отсутствие открытости подрывает доверие к таким системам и вызывает сопротивление их внедрению. В статье А.Ж. Турсынбек говорится о том, что требуется включать принципы ответственности, справедливости и уважения прав человека в правовые и этические рамки для развития и применения ИИ [9]. Внедрению ИИ и других цифровых технологий препятствует низкий уровень доверия граждан к алгоритмам и новым технологиям в принципе, а также отсутствие понятных этических рамок в применении ИИ. По словам основателя проекта «Робоправо» А.В. Незнамова, проблема ответственности – самая обсуждаемая, когда речь идет о применении ИИ, поэтому национальные особенности конкретной правовой системы часто не позволяют учитывать существующий опыт других стран.

Конфиденциальность данных обучающихся является еще одной проблемой, поскольку сбор и анализ больших объемов персональных данных требуют строгого соблю-

дения норм защиты информации, чтобы предотвратить несанкционированный доступ и их использование.

С точки зрения социальных аспектов существует опасение, что автоматизация обучения снизит значимость преподавателей, однако большинство исследований подчеркивают, что ИИ должен рассматриваться как инструмент, дополняющий работу преподавателя, а не заменяющий его [6].

С другой стороны, технические проблемы, например, для использования ИИ в языковом образовании нужно обеспечить соответствующую подготовку преподавателей. Многие из них не обладают техническими навыками для интеграции ИИ-инструментов в учебный процесс, поэтому обучение должно содержать как технические аспекты, так и методологические подходы к использованию ИИ в обучении языкам. Должна сформироваться культура осознанного понимания, что генеративные нейронные сети как класс нейронных сетей, которые широко используются для создания контента, такого как изображения, видео и аудио и текст, – лишь помощники в обучении, а не исполнители или тем более заменители участника образовательного процесса.

Другая техническая проблема – инфраструктура образовательных учреждений. Не все школы и университеты обладают средствами для внедрения ИИ-технологий, в связи с этим, создается неравенство в доступе к современным образовательным инструментам.

В качестве перспектив развития ИИ в языковом образовании выделяются: гиперперсонализация обучения, интеграция формального и неформального образования, развитие метакогнитивных навыков и адаптивного оценивания. Ожидается, что ИИ-системы будут способны создавать уникальные образовательные траектории для каждого учащегося, с точки зрения не только их академических способностей, но и личностных характеристик, интересов и целей. ИИ поможет объединить различные формы обучения, разработать целостную образовательную экосистему, которая будет содержать и традиционное обучение, и онлайн-курсы, и практический опыт, и самообразование [10]. ИИ-системы будут не только помогать в освоении предметных знаний, но и содействовать развитию навыков самообучения, саморефлексии, самоорганизации. Традиционные же методы оценки будут дополнены или заменены непрерывным адаптивным оцениванием, которое будет учитывать индивидуальный прогресс каждого учащегося и предоставлять мгновенную обратную связь.

ИИ в языковом образовании уже открывает возможности для создания виртуальных обучающих сред, где обучающиеся смогут практиковать приобретенные языковые навыки в смоделированных реальных ситуациях. Следовательно, ИИ может трактоваться как *Meta skills* в качестве навыка, который позволяет нам быстрее учиться и создавать новые полезные умения, а также помогает улучшать и развивать другие способности, которые у нас уже есть. А непосредственно овладение навыками использования ИИ в образовательном процессе как студентами, так и профессорско-преподавательским составом, может быть отнесено к метанавыкам, которые позволят использовать обучение и интеллект для выполнения действий, максимально увеличивающих шансы на достижение поставленных целей.

Литература

1. Бажев А. А., Бажев А.З. Применение искусственного интеллекта в системе образования // Международный студенческий научный вестник. – 2024. –

№ 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=21494> (дата обращения: 20.11.2024).

2. Искусственный интеллект в образовании. ЮНЕСКО. URL: <https://www.unesco.org/ru/digital-education/artificial-intelligence> (дата обращения: 21.11.2024).
3. Искусственный интеллект в образовании: изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / Стивен Даггэн; ред. С.Ю. Князева; пер. с англ.: А.В. Паршакова. – Москва: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020.
4. Карпович Э.М. Применение искусственного интеллекта в образовательной среде // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2024. – № 02 (91). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/primeneniye-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovatelnoj-srede.html> (дата обращения: 17.11.2024).
5. Ковальчук С. В., Тараненко И.А., Устинова М.Б. Применение искусственного интеллекта для обучения иностранному языку в вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2023. – № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33000> (дата обращения: 19.11.2024).
6. Пчелинцева Н. В., Картечина Н.В., Абалуев Р.Н. Технологии искусственного интеллекта в образовании: проблемы и перспективы развития // Наука и образование. – 2023. – № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 24.11.2024).
7. Рзун И.Г. Информационные технологии как средство обратной связи образовательного процесса // ЕГИ. – 2013. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-kak-sredstvo-obratnoy-svyazi-obrazovatel'nogo-protssessa> (дата обращения: 20.11.2024).
8. Серостанова Н. Н., Чопорова Е.И. Современные технологии преподавания иностранных языков в эпоху цифровизации образования // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30254> (дата обращения: 21.11.2024).
9. Турсынбек А.Ж. Этика и искусственный интеллект в образовании // Вестник науки. – 2024. – № 3 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-i-iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii> (дата обращения: 22.11.2024).
10. Хрусталева А. А., Горбатова Б.А. Влияние искусственного интеллекта на образование // Молодой ученый. – 2024. – № 5 (504). – С. 197–199. URL: <https://moluch.ru/archive/504/110988/> (дата обращения: 22.11.2024).
11. Wang S., Christensen C., Cui W., Tong R., Yarnall L., Shear L., Feng M. When adaptive learning is effective learning: comparison of an adaptive learning system to teacher-led instruction // Interactive Learning Environments. – 2023. – Vol. 31, № 2. – P. 793–803. DOI: 10.1080/10494820.2020.1808794.

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INNOVATIVE METHODS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN A HISTORICAL PERSPECTIVE

Bondarenko N.I.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the evolution of pedagogical approaches, starting with the grammar-translation method of the 19th century, through the audiolinguistic and communicative approaches of the 20th century, to modern digital technologies that integrate AI into educational processes. The main attention is paid to the use of AI in the creation of adaptive educational platforms, virtual assistants and automatic assessment systems, the prospects for their use for personalization of learning. The main advantages of AI in education, such as increased interactivity and efficiency of the educational process, are revealed; ethical, social, technical problems of introducing AI into language education are considered.

A conclusion is made about the importance of AI as a tool that complements traditional teaching methods and provides new opportunities for individualization and inclusion in teaching foreign languages.

Keywords: artificial intelligence, foreign language teaching, adaptive educational platforms, digital technologies, educational personalization, innovative methods.

References

1. Bazhev, A. A., Bazhev, A.Z. Application of Artificial Intelligence in the Education System // International Student Scientific Bulletin. – 2024. – No. 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=21494> (accessed: 20.11.2024).
2. Artificial Intelligence in Education. UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/ru/digital-education/artificial-intelligence> (accessed: 21.11.2024).
3. Artificial Intelligence in Education: Changing the Pace of Learning. UNESCO IITE Policy Brief / Stephen Duggan; ed. S. Yu. Knyazeva; trans. from English: A.V. Parshakova. – Moscow: UNESCO Institute for Information Technologies in Education, 2020.
4. Karpovich E.M. Application of Artificial Intelligence in the Educational Environment // The World of Pedagogy and Psychology: International Scientific and Practical Journal. – 2024. – No. 02 (91). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/primeneniye-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovatelnoj-srede.html> (accessed: 11/17/2024).
5. Kovalchuk S. V., Taranenko I.A., Ustinova M.B. Application of Artificial Intelligence for Teaching a Foreign Language in a University // Modern Problems of Science and Education. – 2023. – No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33000> (accessed: 11/19/2024).
6. Pchelintseva N. V., Kartechina N.V., Abaluev R.N. Artificial Intelligence Technologies in Education: Problems and Development Prospects // Science and Education. – 2023. – No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanii-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (date of access: 24.11.2024).
7. Rzun I.G. Information Technologies as a Means of Feedback in the Educational Process // EGI. – 2013. – No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-kak-sredstvo-obratnoy-svyazi-obrazovatel'nogo-protssessa> (date of access: 20.11.2024).
8. Serostanov N. N., Choporova E.I. Modern technologies of teaching foreign languages in the era of digitalization of education // Modern problems of science and education. – 2020. – No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30254> (date of access: 21.11.2024).
9. Tursynbek A. Zh. Ethics and artificial intelligence in education // Bulletin of science. – 2024. – No. 3 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-i-iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii> (date of access: 22.11.2024).
10. Khrustalev A. A., Gorbatova B.A. The influence of artificial intelligence on education // Young scientist. – 2024. – No. 5 (504). – P. 197–199. URL: <https://moluch.ru/archive/504/110988/> (date of access: 22.11.2024).
11. Wang S., Christensen C., Cui W., Tong R., Yarnall L., Shear L., Feng M. When adaptive learning is effective learning: comparison of an adaptive learning system to teacher-led instruction // Interactive Learning Environments. – 2023. – Vol. 31, No. 2. – P. 793–803. DOI: 10.1080/10494820.2020.1808794.

Букирев Сергей Викторович,

аспирант кафедры философии Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
E-mail: 6427571@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению самосознания и его признаков. В ней анализируется возможность обладания искусственного интеллекта самосознанием. В результате исследования выявлены различные понятия самосознания с точки зрения психологии и философии. Проведен анализ признаков самосознания в контексте искусственного интеллекта, обосновано отсутствие самосознания у искусственного разума.

Ключевые слова: сознание, самосознание, искусственный интеллект, разумная машина, сверхразум, нейронная сеть, философия сознания.

Введение

Интерес к созданию искусственного интеллекта возник в давние времена. Первые попытки имитации процесса мышления были предприняты теологом и философом Раймундом Луллием в XIII–XIV веках. Созданный им механизм представлял собой три круга, разделенных на секторы, в которых располагались общеизвестные понятия и категории. Предполагалось, что их вращение позволит получить истинные знания. Идеи Луллия были восприняты математиком и философом Готфридом Вильгельмом Лейбницем, который в своих работах применил математические правила для решения логических задач и считал, что логические операции мышления могут быть успешно воспроизведены машиной. Созданный им в 1673 году арифмометр, выполнял сложение, вычитание, умножение, деление чисел, извлекал корни и возводил в степень. Подчеркнем, что подобные арифмометры, хотя и выполняющие меньшее количество операций, уже изготавливались в начале XVII века Вильгельмом Шиккардом (считающие часы) и Блезем Паскалем (суммирующая машина). Но именно Лейбницем были заложены основы математической логики, дальнейшее развитие которой привело к возможности создания технологий машинного обучения. В то время исследователи еще не задавались вопросом, будет ли искусственный интеллект обладать самосознанием? Но уже с середины XX века наблюдается бурное развитие технологий машинного обучения, которое связано с именами таких математиков и специалистов в области кибернетики и информатики, как Алан Тьюринг, Джон Маккарти, Марвин Минский, **Аллен Ньюэлл. Именно тогда ученые все чаще стали задаваться вопросом будет ли обладать разумная машина самосознанием.** Сейчас мы становимся свидетелями быстрого совершенствования технологий искусственного интеллекта. Многие государства имеют стратегию развития данной области, развивают гражданские и военные проекты. В связи с изложенными аспектами **актуальность** настоящей статьи состоит в исследовании феномена самосознания в контексте искусственного интеллекта. **Научная новизна** заключается в попытке социально-философского анализа признаков человеческого самосознания, их соотношении с «компьютерным разумом».

Литературный обзор

Теоретической базой нашей статьи явились работы, посвященные вопросам искусственного интеллекта, сознания и самосознания [Бостром, 2016; Фролов, 2001; Сеченов, 2001; Выготский, 1984; Столин, 1983; Чалмерс, 2013; Тугаринов, 1971].

Материалы и методы.

Материал исследования составили труды философов и психологов, рассматривающих самосознание человека и феномен искусственного интеллекта, среди которых необходимо выделить идеи, И.М. Сеченова, В.В. Столина, Л.С. Выготского, В.П. Тугаринова, Ника Бострома, Дэвида Чалмерса.

В процессе исследования были применены компаративистский, герменевтический и диалектический методы.

Результаты и обсуждение

В настоящее время известны различные виды искусственного интеллекта в зависимости от его возможностей. К слабому, или узкоспециализированному, относятся программы, способные распознавать текст, речь и лица людей, давать экспертные рекомендации в какой-либо области, отвечать на вопросы, то есть выполнять лишь некоторые функции мозга. Предполагается, что сильный искусственный интеллект будет не только превосходить возможности человека, но и иметь способность к самообучению и постоянному совершенствованию, работать по принципу мозга биологического.

В результате накопленного опыта человечество вплотную подошло к возможности создания «сильного искусственного интеллекта», который в течение короткого времени может превратиться в сверхразумную машину. Шведский философ Ник Бостром выделяет несколько видов такого суперинтеллекта: скоростной, коллективный и качественный. Под скоростным понимается система, способная делать то же, что и человек, но гораздо быстрее. Коллективный сверхразум, по Бострому, – это система, объединяющая большое количество разнонаправленных интеллектов низкого уровня, которые вместе могут действовать эффективнее человека. Таким образом, качественный суперинтеллект по скорости не будет отличаться от человеческого, но превзойдет его в способности к планированию, абстрагированию, обучению, анализу. Также Бостром обращает внимание на то обстоятельство, что сверхразум будет обладать способностью синхронизировать и обновлять полученные знания в течение короткого промежутка времени [Бостром, 2016].

После появления такого искусственного интеллекта, превосходящего биологический разум по быстродействию, возможности хранения данных, надежности, вычислительной мощности и креативности, возникнет закономерный вопрос: станет ли этот объект неживой природы обладать самосознанием?

Для ответа сначала необходимо рассмотреть определение понятия «самосознание». Согласно словарю С.И. Ожегова «самосознание – полное понимание самого себя, своего значения, своей роли в жизни, обществе» [Ожегов, 2019, с. 1041]. В философском словаре под редакцией И.Т. Фролова дается следующее определение: «Самосознание – выделение человеком себя из объективного мира, осознание и оценка своего отношения к миру, себя как личности, своих поступков, действий, мыслей и чувств, желаний и интересов» [Фролов, 2001, с. 500].

Таким образом, полное понимание самого себя возможно только в результате общения человека с другими людьми, обучения, воспитания в духе определенной культуры. Для появления самосознания необходимо отражение, которое личность может увидеть в других людях.

Изучение тела человека как механизма возможно благодаря проведению опытов над животными, которые имеют схожую структуру. Познание происходит при помощи сравнения, применения аналогии. Сложность в изучении сознания и самосознания состоит в том, что человеку не с кем себя сравнить. В мире только люди в полной мере обладают этими феноменами психики. Некоторые животные могут узнавать себя в зеркале, но это не означает, что они обладают всей полнотой самосознания, которая есть у человека.

В связи с этим интересно представление физиологов, психиатров и психологов о самосознании. Считаем

необходимым обратиться к трудам ученых, исследования которых актуальны до сих пор.

Физиолог и психолог Сеченов писал: «...из детского самочувствия родится в зрелом возрасте самосознание, дающее человеку возможность относиться к актам собственного сознания критически, т.е. отделять все свое внутреннее от всего приходящего извне, анализировать его и сопоставлять (сравнивать) с внешним, словом, изучать акт собственного сознания» [Сеченов, 2001, с. 332].

Психолог Выготский обращал внимание на следующее: «...если взять явление в развитии, мы увидим, что именно благодаря отражению объективных связей, и в частности благодаря самоотражению человеческой практики в человеческом словесном мышлении, возникают и самосознание человека, и его возможность сознательно направлять свои действия» [Выготский, 1984, с. 160].

Известный психолог Столин В.В. подчеркивал, что «возникновение самосознания связывается с тактильными ощущениями, свойственными человеческому зародышу, с досознательным чувством собственного существования, с проходящим с первых недель жизни процессом дифференциации внешних и внутренних ощущений, с субъективным отделением ребенка от матери, наступающим к концу первого года жизни, с осознанием зарождающейся самостоятельности, обусловленной увеличением произвольности движений и возможностью речевого самовыражения, наступающей к двум-трем годам, с возможностью выразить свое эмоциональное отношение к окружающему, с переносом знаний, сформированных относительно другого человека, на себя самого, происходящим по мере развития социальной перцепции, интеллекта и сознания ребенка, с возникновением эмпатической способности к усвоению чужой точки зрения и оценок окружающих и, наконец, с возникающей интимизацией, рефлексией и нравственной самооценкой, возникающей в подростковом возрасте» [Столин, 1983, с. 6].

На наш взгляд, именно Столиным предельно полно раскрыт механизм появления и функционирования самосознания. Подобные представления о самосознании можно встретить и в работах философов. В частности австралийский философ Дэвид Чалмерс пишет о самосознании следующее: «Этот термин отсылает к нашей способности мыслить о самих себе, к нашей осведомленности о собственном существовании в качестве индивидов и о нашем отличии от других [Чалмерс, 2013, с. 47].

Примечательно высказывание Тугаринова: «Самосознание есть сознание, направленное на самого себя: это сознание, делающее своим предметом, объектом сознания» [Тугаринов, 1971, с. 109].

Автор статьи полагает, что, основываясь на приведенных выше сведениях, можно выявить следующие признаки самосознания:

- способность думать о себе, наблюдать и изучать психические процессы, происходящие внутри себя;
- способность узнавать себя в отражении;
- отделение себя от окружающего мира;
- осознание себя через других людей;
- самооценка своих действий.

Следовательно, для установления самосознания необходимо наличие всех перечисленных признаков одновременно. Установив обязательные признаки, можно рассмотреть феномен самосознания в контексте искусственного интеллекта.

По нашему мнению, искусственный интеллект не может обладать самосознанием, правильнее будет вести речь не об искусственном разуме, а о технологиях ма-

шинного обучения. Действие в соответствии с программой является выполнением определенного алгоритма, а не проявлением способности субъективно отражать объективную реальность. По заданию человека машина может обрабатывать огромный массив данных, проводить сложные комбинации, но это не означает, что компьютер понимает значение своих действий и осознанно стремится к чему-либо. Машина не может думать о себе, наблюдать и изучать процессы, происходящие внутри себя. Не может отделить себя от окружающего мира, так как даже и не подозревает, что этот мир есть.

Часто нам представляется, что робот, наделенный искусственным интеллектом, проявляет эмоции, демонстрирует разумное поведение и выдает правильные решения. В действительности это всего лишь особенность нашей психики, принимающей мир через призму своего опыта, «очеловечивание» явлений и процессов. Причем на протяжении всей истории люди наделяли разные явления и предметы человеческими свойствами. Во многих религиях и культурах есть представление о богах в облике людей. Это и древнегреческие олимпийские боги: Зевс, Посейдон, Аид..., и боги древних славян: Велес, Перун, Сварог... Все они имеют человеческий облик, характер, привычки. Иначе люди просто не могли бы осознать их, принять в свой внутренний мир. То же самое происходит и в наше время. Мы разговариваем с автомобилем, когда он не заводится, опаздывая, просим лифт ехать быстрее, ругаемся на «зависший» компьютер. При этом мы прекрасно понимаем, что машины нас не слышат. Отношение к «умному дому», искусственному интеллекту в браузере или автомобиле, как к живому существу, не более чем проявление современного антропоморфизма.

Машины не способны осознавать себя через людей. Даже если искусственный интеллект «общается» с создателем-программистом, пользователями, то в данном случае есть основания говорить не более чем о корректировке весов и параметров математической модели нейронной сети, но не как об осознании себя через других.

Самооценка – также сугубо человеческая способность, не присущая компьютерному разуму. Только люди могут осознавать результат своих действий. Способность программы корректировать свою работу обусловлена не самооценкой, а алгоритмом, заданным заранее человеком, хотя и предусматривающим некоторую свободу выбора и большое многообразие возможных вариантов, из-за чего может сложиться впечатление, что искусственный интеллект действует разумно.

Заключение

Исследовав феномен самосознания в контексте искусственного интеллекта, мы пришли к следующим выводам. Очевидно, что самосознание, как и разум, присуще только человеку. Машинный разум не обладает необходимыми признаками самоидентификации. Наделение искусственного интеллекта самосознанием не более чем антропоморфизм.

В заключение хотелось бы привести ответ нейросети Giga Chat от Сбера (<https://giga.chat>) на вопрос, обладает ли искусственный интеллект самосознанием: «На данный момент искусственный интеллект (ИИ) не обладает самосознанием. Некоторые исследователи и философы предполагают, что в будущем, возможно создать ИИ с элементами самосознания, однако это требует значительных прорывов в области нейронауки, философии сознания и разработки новых технологий» [11].

Литература

1. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Ник Бостром; пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 404 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений В 6-ти т. Т. 4. Детская психология/ Под ред. Д.Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
3. Ключева Н.Ю. Влияние идеи Г. Лейбница на развитие компьютерных наук и исследования в области искусственного интеллекта. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, № 4, 2017, с. 79–92.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28е изд., перераб. – Москва: Мир и Образование, 2019. – 1376 с.
5. Павлов С.Н. Системы искусственного интеллекта: учеб. пособие. В 2-х частях. / С.Н. Павлов. – Томск: Эль Контент, 2011. – Ч. 1. – 176 с.
6. Сеченов И.М. Элементы мысли. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
7. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Издательство Московского Университета, 1983–288 с.
8. Тугаринов В.П. Философия сознания (современные вопросы). М., «Мысль», 1971. – 199 с.
9. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Ф 56 Республика, 2001. – 719 с.
10. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. М.: УРСС: Книжный дом <>, 2013. – 512 с.
11. Giga Chat – русскоязычная нейросеть от Сбера [Электронный ресурс]. – URL: https://giga.chat/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=gigachat_person_perform_frk_202402050004_rk486314gr3763_context_search_brand_rus%7C107076666&utm_content=cid%7C107076666%7Cgid%7C5398027182%7Cad%7C15810090312_15810090312%7Cph_id%7C50375111484%7Csrc%7Cnone_search%7Cgeo%7CCаранск_42%7C&utm_term=autotargeting&yclid=3464921338469154815 (дата обращения: 26.11.2024).

THE PHENOMENON OF SELF-AWARENESS IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Bukirev S.V.

N.P. Ogarev Mordovian State University

The article is devoted to the consideration of self-awareness and its features. It analyzes the possibility of artificial intelligence possessing self-awareness. As a result of the research, various concepts of self-awareness have been identified from the point of view of psychology and philosophy. The analysis of signs of self-awareness in the context of artificial intelligence is carried out, the absence of self-awareness in artificial intelligence is justified.

Keywords: consciousness, self-awareness, artificial intelligence, intelligent machine, superintelligence, neural network, philosophy of consciousness.

References

1. Bostrom N. Artificial Intelligence. Stages. Threats. Strategies / Nick Bostrom; trans. from English by S. Filina. – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. – 404 p.
2. Vygotsky L.S. Collected Works In 6 volumes. Vol. 4. Child Psychology / Ed. by D.B. Elkonin. – M.: Pedagogy, 1984. – 432 p.
3. Klyueva N. Yu. The Influence of Leibniz's Idea on the Development of Computer Science and Research in the Field of Artificial

- Intelligence. Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy, No. 4, 2017, pp. 79–92.
4. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: Ok. 100,000 words, terms and phraseological expressions / S.I. Ozhegov; Under the editorship of prof. L.I. Skvortsov. – 28th ed., revised. – Moscow: Mir i Obrazovanie, 2019. – 1376 p.
 5. Pavlov S.N. Artificial Intelligence Systems: a tutorial. In 2 parts. / S.N. Pavlov. – Tomsk: El Content, 2011. – Part 1. – 176 p.
 6. Sechenov I.M. Elements of Thought. – St. Petersburg: Piter, 2001. – 416 p.
 7. Stolin V.V. Self-awareness of the individual. Moscow: Moscow University Publishing House, 1983–288 p.
 8. Tugarikov V.P. Philosophy of Consciousness (modern issues). M., “Mysl”, 1971. – 199 p.
 9. Philosophical Dictionary / Ed. by I.T. Frolov. – 7th ed., revised and enlarged. – M.: F 56 Respublika, 2001. – 719 p.
 10. Chalmers D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Trans. from English. M.: URSS: Book House <>, 2013. – 512 p.
 11. Giga Chat – a Russian-language neural network from Sber [Electronic resource]. – URL: https://giga.chat/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=gigachat_person_perform_frk_202402050004_rk486314gr3763_context_search_brand_rus%7C107076666&utm_content=cid%7C107076666%7Cgid%7C5398027182%7Cad%7C15810090312_15810090312%7Cph_id%7C50375111484%7Csrc%7Cnone_search%7Cgeo%7CSaransk_42%7C&utm_term=——autotargeting&yclid=3464921338469154815 (date accessed: 26.11.2024).

Стратегия имиджевого позиционирования Дональда Трампа в процессе политической кампании 2020 года

Нечай Екатерина Евгеньевна,

научный руководитель, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Волжанин Даниил Андреевич,

магистрант департамента менеджмента и предпринимательства Дальневосточного федерального университета

Марцинкевич Кристина Артёмовна,

магистрант кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета

Статья посвящена исследованию формирования политического имиджа Дональда Трампа в ходе президентской кампании 2020 года в США. Актуальность темы обусловлена уникальным контекстом выборов, включающим пандемию COVID-19, социально-экономическую напряженность и массовые протесты, что делает анализ имиджевых стратегий политика важным для осмысления современных политических технологий. В работе рассматриваются ключевые аспекты стратегии Трампа: акцент на экономических успехах, подход к управлению кризисом пандемии, использование риторики «закона и порядка», поддержка консервативных ценностей и активное применение социальных сетей для прямой коммуникации с избирателями. Авторы анализируют различные аспекты имиджевой кампании, включая реакцию на пандемию и протесты движения Black Lives Matter, выделяя значимость гибкого подхода в условиях политического кризиса. В работе также подчеркивается важность цифровых технологий и персонализированного подхода в формировании имиджа лидера в эпоху «постправды».

Ключевые слова: имиджевая стратегия, политические технологии, Дональд Трамп, избирательная кампания.

Избирательные кампании современных политиков постепенно превращаются в высокотехнологичные проекты, где формирование и управление политическим имиджем играют ключевую роль. Президентские выборы в США 2020 года имели свой уникальный контекст – пандемию COVID-19, социально-экономическую напряженность в обществе, благодаря чему стали наглядным примером важности имиджевых стратегий в современной политике.

Политический имидж Трампа, основанный на образе сильного лидера, противопоставляющего себя «традиционной» политической элите, стал ядром его стратегии. Формирование данного образа не ограничивалось традиционными медиа, но также активно включало цифровые ресурсы, социальные сети и персонализированные методы воздействия на электорат. Несмотря на значительное внимание к избирательной кампании Трампа в 2020 г., в научной литературе недостаточно изучены вопросы, связанные со спецификой формирования его имиджа в условиях кризиса и раскола американского общества.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понимания имиджевых стратегий и политических технологий, которые направлены на формирование и укрепление политического имиджа в условиях кризиса и социально-экономической напряженности. Анализ примера Дональда Трампа позволит определить эффективные и неэффективные политические технологии в рамках формирования имиджа политического лидера, что важно не только для понимания актуальных стратегий и инструментов, используемых в политической реальности, но и для теоретического осмысления феномена политического лидерства в эпоху «постправды».

Введение в исследование важно начать с определения релевантного понятия имиджа. Достаточно подходящим на взгляд авторов понятие представляет А.Ш. Сататулова, которая определяет имидж, как: «синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта, содержит в себе значительный объем эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждает к определенному социальному поведению» [12].

Данное определение предоставляет структурированный взгляд на имидж как многосоставное явление, включающее как рациональные, так и эмоциональные составляющие. Затронутые аспекты в определении, подчеркивают его важность, а также коррелируют с выводами о том, что имидж действительно может стимулировать конкретное социальное поведение, влияя на мнение и решения людей в отношении того или иного объекта. Это влияние будет являться особенно актуальным в экстраполяции термина в политическую плоскость.

Стоит обозначить внешние особенности, которые повлияли на имиджевую стратегию Трампа в 2020 г. Именно на выборы США 2020 г. выпала пандемия COVID-19 и протесты движения Black Lives Matter¹, что оказало

¹ Black Lives Matter (пер. с англ. черные жизни важны) общественное движение, выступающее против расизма и насилия

влияние на поведение Трампа в публичном пространстве. Условия требовали от Трампа и его команды четких и решительных действий для поддержания и укрепления его политического имиджа. В отличие от кампании 2016 года, в которой акцент делался на новизну и шокирующие заявления, кампания 2020 года была сосредоточена на защите достижений первого президентского срока и утверждении позиции сильного лидера в кризисные времена.

Одним из ключевых элементов формирования имиджа Трампа в 2020 году стал акцент на его экономические достижения за время президентства. Он подчеркивал исторически низкий уровень безработицы (3.5% в феврале 2020 года), включая рекордные показатели среди афроамериканцев (5.5% в 2019 году), латиноамериканцев и женщин [1]. Трамп также отмечал рост ВВП, который в 2019 году составил 2.3% [31], и роль налоговой реформы 2017 года в стимулировании инвестиций и потребления. Реформа, известная как «Tax Cuts and Jobs Act», привела к увеличению инвестиций со стороны бизнеса и росту потребительских расходов, что положительно сказалось на экономике [5].

Политик акцентировал внимание на создании рабочих мест в производственном секторе (более 500,000 с 2017 по 2019 годы) и достижении энергетической независимости США, которые стали чистым экспортером нефти и газа [9; 15]. Также он указывал на рост доходов домохозяйств, которые в 2019 году увеличились на 6.8%, достигнув рекордного уровня, особенно среди низко- и среднеоплачиваемых работников [29].

Трамп использовал эти и другие достижения для укрепления своего имиджа как лидера, способного обеспечить экономический рост и стабильность. Можно сказать, что акцент на экономические составляющие своей деятельности стал центральным элементом предвыборной кампании Трампа в 2020 году. Он использовал реальные статистические данные и конкретные ситуации для подтверждения своей компетентности в экономической сфере, что способствовало поддержке среди избирателей, которых волновали экономические вопросы. Данные достижения стали хорошим подспорьем в его стратегии формирования своего имиджа и в его стремлении к переизбранию, несмотря на сложные вызовы, с которыми он столкнулся в связи с пандемией COVID-19.

Формирование положительного имиджа Трампа в 2020 году было осложнено пандемией COVID-19. Изначально Трамп игнорировал угрозу вируса, но вскоре ввел ограничения на въезд иностранных граждан, что повысило его рейтинг [13; 11]. Однако последующие меры, такие как социальное дистанцирование и закрытие предприятий, не остановили распространение вируса, и США стали одной из самых пострадавших стран [20].

Рабочая группа по коронавирусу, созданная политиком в начале 2020 года, проводила брифинги, но часто встречалась с критикой из-за дезинформации [24]. Сам Трамп неоднократно продвигал использование гидроксихлорохина как средства для лечения COVID-19, несмотря на недостаточность доказательств его эффективности и предупреждения медицинского сообщества о возможных рисках [26]. В мае 2020 года была запущена операция «Warp Speed», направленная на ускорение разработки вакцин, что стало значимым достижением в борьбе с пандемией. В это же время Трамп подвергался критике за дефицит медицинских средств. Многие губернаторы штатов и представители медицинского со-

в отношении чернокожих, в особенности против полицейского насилия

общества выражали недовольство тем, что федеральное правительство не смогло своевременно обеспечить необходимые ресурсы, что усложнило борьбу с распространением вируса [30]. Трамп также не поддерживал рекомендации носить маски и выступал за открытие экономики, несмотря на риски для здоровья. Его действия вызвали раскол общества, а критика со стороны оппонентов и медицинского сообщества усугубляла ситуацию [19].

Кроме того, Трамп активно продвигал идею скорейшего возобновления активной экономической деятельности, утверждая, что длительные карантинные меры нанесут непоправимый ущерб бизнесу и благосостоянию граждан. Он настаивал на необходимости возвращения к нормальной жизни и возобновления работы предприятий, что нашло отклик у значительной части населения, особенно среди тех, кто испытывал экономические трудности [10]. Тем не менее, эта позиция также подвергалась критике за игнорирование рисков для общественного здоровья и возможного усугубления пандемии. Но в итоге поддержка вакцин и экономического восстановления укрепила позиции политика среди сторонников.

Реакция на пандемию COVID-19 стала одним из наиболее спорных моментов президентства Дональда Трампа. Его действия и заявления часто вызывали разногласия и критические оценки как со стороны политических оппонентов, так и медицинского сообщества. В то же время поддержка инициатив по разработке вакцин и стимулированию экономического восстановления нашла положительный отклик среди его сторонников. В целом, подход Трампа к пандемии сочетал в себе как попытки принятия решительных мер, так и противоречивые и зачастую дезорганизованные действия, что отразилось на его имидже и поддержке избирателей в 2020 году.

Достаточной серьезной проблемой для Трампа являлись протесты движения Black Lives Matter. Разбирательства с данной проблемой требовали от Трампа очень гибких и аккуратных решений. Использование консервативных методов разрешения ситуации означало лишение достаточно большой части электората, поэтому Трамп решил остановиться на промежуточном состоянии и использовал тему протестов, чтобы создать себе имидж защитника общественной безопасности и стабильности. В условиях массовых протестов и беспорядков, возникших в США летом 2020 года после убийства Джорджа Флойда [17], Трамп активно использовал риторику «закона и порядка» для мобилизации своих сторонников и критики политических оппонентов [2]. Это направление стало одной из частей его стратегии, направленной на привлечение избирателей, обеспокоенных вопросами безопасности и правопорядка.

Трамп постоянно подчеркивал свою приверженность идее восстановления порядка и защиты граждан от насилия и хаоса, порождаемого протестами движения. В своих выступлениях и постах в социальных сетях он акцентировал внимание на беспорядках, которые сопровождали протесты движения Black Lives Matter, утверждая, что демократы не способны справиться с ситуацией и обеспечить безопасность граждан. Он использовал жесткую риторику, называя протестующих «анархистами» и «бандитами», и обвинял местные власти, управляемые демократами, в неспособности навести порядок [16]. Эти заявления способствовали созданию образа Трампа как лидера, готового принять решительные меры для защиты правопорядка.

Одним из ключевых моментов в этой стратегии стало принятие Трампом решения о развертывании федеральных сил для подавления беспорядков. В июле 2020 го-

да, после нескольких недель непрекращающихся протестов в Портленде, штат Орегон, администрация Трампа отправила туда федеральные силы для обеспечения порядка [18]. Этот шаг вызвал широкий общественный резонанс и неоднозначную реакцию. Сторонники Трампа увидели в этом проявление решимости, в то время как оппоненты обвиняли его в превышении полномочий и эскалации конфликта. Тем не менее, этот пример продемонстрировал готовность Трампа действовать радикально в условиях кризиса, что соответствовало его имиджу «сильного лидера».

Кроме того, Трамп активно использовал тему протестов в своей критике оппонентов, в частности Джо Байдена и других лидеров Демократической партии. Он утверждал, что демократы поддерживают протестующих, соответственно поддерживают насилие, что ставит под угрозу безопасность американских граждан. В одном из своих сообщений он заявил: «Демократы хотят анархии, всепрощения и хаоса – республиканцы хотят закона, порядка и справедливости» [21]. Эти заявления способствовали поляризации общества и укреплению поддержки среди консервативных избирателей, обеспокоенных вопросами безопасности.

Дополнительно к этому, тема связанная с протестами включала множество месседжей в социальных сетях, в которых Трамп подчеркивал необходимость поддержки правоохранительных органов и критиковал попытки сокращения финансирования полиции. В ответ на призывы некоторых активистов и политиков к сокращению субсидий для полиции, Трамп заявлял, что такие меры приведут к увеличению преступности и ослаблению правопорядка. Он активно поддерживал инициативы по увеличению финансирования полиции и усилению наказаний за нападения на сотрудников правоохранительных органов, что находило отклик у части населения, обеспокоенной ростом преступности [28].

Достаточно важной частью имиджевой стратегии Трампа была организация и проведение встреч с избирателями, на которых тема протестов занимала центральное место. Эти мероприятия позволяли ему напрямую взаимодействовать с избирателями, а также создавали видимость массовой поддержки. На таких мероприятиях Трамп часто появлялся в окружении полицейских и представителей силовых структур, что подчеркивало его приверженность идее обеспечения правопорядка [14].

Тема «закона и порядка» также использовалась Трампом для привлечения внимания к проблемам нелегальной иммиграции. Политик заявлял, что нелегальные иммигранты являются источником преступности и угрозой для общества. В рамках этой риторики он подчеркивал важность создания стены на границе с Мексикой и усиления мер по депортации нелегальных иммигрантов. Данные заявления еще сильнее подчеркивали его имидж как защитника национальных интересов и безопасности, в частности среди избирателей, поддерживающих такую же позицию об отношении иммигрантов [14].

Таким образом, тема связанная с законом стала еще одним аспектом политической кампании Трампа и формирования его имиджа в 2020 году. Важность данной проблематики использовалась для формирования образа решительного лидера, готового обеспечить безопасность и стабильность в условиях кризиса. Активное использование риторики «закона и порядка», развертывание федеральных сил для подавления беспорядков, поддержка правоохранительных органов и критика оппонентов способствовали мобилизации его сторонников и укреплению их доверия в отношении политика. Несмотря на противоречивые оценки данных действий и крити-

ки, данная стратегия помогла Трампу сохранить электорат среди консервативных избирателей, которых волновали вопросы безопасности и правопорядка.

Поддержка консервативных ценностей также сыграла важную роль в имидже Трампа на выборах 2020 года, укрепив его позиции среди традиционного электората и религиозных групп. Он активно подчеркивал приверженность традиционным семейным ценностям, праву на ношение оружия и противодействию абортам. Эти темы помогли ему сохранить лояльность своей базы и привлечь новых сторонников, обеспокоенных моральными вопросами.

Трамп назначил трех судей в Верховный суд, что укрепило его имидж защитника конституционных прав и традиционных ценностей, особенно после назначения Эми Кони Барретт [3]. Он также активно выступал против абортов, участвуя в «Марше за жизнь» и заявляя о поддержке права на жизнь [22]. Это усилило его поддержку среди религиозных групп.

Трамп также поддерживал право на ношение оружия, выступая на митингах Национальной стрелковой ассоциации, утверждая, что ограничения приведут к росту преступности [7]. В его риторике также находилось место для защиты свободы вероисповедания, где он подчеркивал важность религиозных ценностей для общества и критиковал демократов за попытки секуляризации [27].

Кроме того, Трамп поддерживал инициативы по защите религиозных организаций и противодействию ЛГБТ-идеологии¹, поддерживая традиционные представления о семье и браке [6]. Эти шаги формировали его имидж как защитника традиционных американских ценностей и укрепляли позиции среди консервативных избирателей.

Последним, но не менее важным инструментом формирования имиджа Трампа выступили социальные сети. При этом можно отметить, что Трамп использовал старые методы, и сама по себе медийная стратегия 2020 г. не сильно отличалась от медийной стратегии 2016 г. В целом политик все еще использовал свои главные платформы: Twitter¹, Facebook¹ и Instagram¹. Ключевая особенность использования социальных сетей заключалась в том, что Трамп мог напрямую общаться с избирателями, обходя традиционные СМИ. Эта стратегия позволила ему контролировать основной месседж, относительно своей личности.

Twitter¹ стал основным каналом Трампа для общения с обществом, где он активно критиковал оппонентов, включая Джо Байдена, называя его «Sleepy Joe» и обвиняя в коррупции [25]. Он также использовал конкретные аргументы, например дело с сыном Байдена, Хантером, и его связями с Burisma [4]. Facebook¹ использовался для таргетированной рекламы, а Instagram¹ привлекал молодежь через визуальные элементы. Трамп также распространял мемы, подчеркивая свои сильные стороны и высмеивая оппонентов.

Критика демократических лидеров была важной частью его кампании. Он обвинял их в неэффективности, особенно в контексте пандемии COVID-19, и утверждал, что политика Байдена приведет к экономическим и социальным проблемам. Нападки на других лидеров Демпартии, таких как Нэнси Пелоси и Чак Шумер [8; 23], также служили усилению имиджа Трампа как борца против политического истеблишмента.

Использование социальных сетей и резкие заявления снова позволили Трампу мобилизовать своих сто-

¹ Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ

ронников и создать образ сильного лидера, несмотря на многочисленные вызовы. Таким образом, активность в социальных сетях стала неотъемлемой частью его имиджевой стратегии в 2020 году.

Избирательная кампания Дональда Трампа в 2020 году имела свои специфические особенности. Во-первых, Трамп занимал президентское кресло из-за чего находился совсем в другом положении и не мог позволить себе использовать преимущества стратегии 2016 г. При этом у него появились новые «козыри» в рукаве, как пример, он использовал экономические достижения, которые были достигнуты в период его президентства. Помимо этого, Трамп не мог вести себя также вызывающе, потому что являлся лицом целой страны и каждое его действие тщательно высматривалось не только внутренними СМИ, но и внешними, что в целом влияло на его имидж и авторитет.

Во-вторых, значительное влияние на его имидж оказали кризисы, с которыми ему пришлось столкнуться ближе к концу своего президентского срока. Изначально неправомерное отношение относительно пандемии лишило его части потенциального электората. Аналогичная ситуация произошла с протестными движениями Black Lives Matter. Трамп пытался выбрать рационально-нейтральную позицию, но разъярённые массы не оценили его подхода.

В-третьих, консервативная политика Трампа оттолкнула от него потенциальных избирателей из либеральных кругов, что также сказалось на результате выборов. Жесткая риторика в отношении ЛГБТ-идеологии¹, протестам движения Black Lives Matter, включая использование силы против демонстрантов, усилила поляризацию общества и сделала образ Трампа менее приемлемым для части независимых и неопределившихся избирателей.

При этом Трамп все-таки смог снова заручиться поддержкой консервативного электората и сыграть на чувствах американцев, формируя себе имидж решительного и рационального защитника национальных ценностей. Стоит отметить, что Трамп находился в менее выгодном положении, нежели во время кампании 2016 г. Он не мог вести себя также агрессивно и развязано, как во время предыдущей кампании, но даже с такими условиями, он смог получить максимум от своей стратегии и сформировать себе выгодный имидж.

Резюмируя стратегию политической кампании 2020 г., можно отметить сильную медийную стратегию, аналогичную кампании 2016 г. Трамп смог мобилизовать большое количество своего целевого электората, что позволило ему почти выиграть выборы. Однако главной причиной поражения выступают кризисы, которые выпали на президентство Дональда Трампа. Население, находящееся в сложном психоэмоциональном состоянии требовало немедленных действий, которые решат их проблемы. При этом важно отметить, что именно сложная социально-политическая ситуация дала Джо Байдену возможность выступить в роли лидера-пожарного и использовать популистскую политику, что отчасти обеспечило ему победу на выборах.

Литература

1. Безработица в США достигла максимума со времен Великой депрессии // РБК URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/05/2020/5eb5acc09a794746ed5bd6fd>
2. Вернутся ли в Америку «закон и порядок» // ТАСС URL: <https://tass.ru/opinions/8704031>

¹ Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ

3. Верховенство суда признали не все // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6082257>
4. «Дело Burisma». Как украинская компания оказалась в центре политического скандала в США // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6964280>
5. Как Трамп борется с уходом бизнеса из США – и почему у него не получается // RBC URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5c890d419a7947a18e018315>
6. Консервативный ренессанс Дональда Трампа // Известия URL: <https://iz.ru/news/662242>
7. Национальная расстрельная ассоциация // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3565652>
8. Нокаут для демократов: как Трамп победил «злых чертей» // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/06_a_12948361.shtml
9. При Трампе в США было создано почти 7 млн рабочих мест // ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/7809965>
10. Режим экономики: зачем Дональд Трамп призвал к ослаблению карантина в США // Russian Today URL: <https://russian.rt.com/world/article/738406-tramp-koronavirus-karantin-ekonomika>
11. Рейтинг одобрения деятельности Трампа в США вырос до 49% // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/world/700754>
12. Санатулова А.Ш. Имидж как научное понятие // Имиджелогия. Как нравиться людям: учеб. пособие / сост. и ред. В.М. Шепель. М.: Народное образование. 2002. – 575 с.
13. США ввели ограничения на въезд в отношении граждан шести стран // РБК URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/02/2020/5e34920e9a794708fb271e6c>
14. Трамп впервые после начала пандемии провел встречу с избирателями // Российская газета URL: <https://rg.ru/2020/06/21/tramp-vpervye-posle-nachala-pandemii-provel-vstrechu-s-izbirateliami.html>
15. Трамп заявил, что США стали лидером по производству энергии // ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/6890459>
16. Трамп назвал протестующих анархистами и бандитами // РИА новости URL: <https://ria.ru/20200908/protesty-1576942658.html>
17. Трамп назвал трагедией убийство полицейскими чернокожего мужчины в США // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/05/31/n_14488159.shtml
18. Трамп направляет дополнительные федеральные силы для борьбы с преступностью в городах // РИА новости URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9031427>
19. Трамп объявил о введении в США режима чрезвычайной ситуации из-за коронавируса // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7976807>
20. Трамп объяснил отказ носить маску в период пандемии коронавируса // РБК URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e87c7f09a79474ad198520f>
21. Трамп призвал голосовать за республиканцев, заявив, что демократы хотят анархии // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5351615>
22. Трамп против абортов. Могут ли их запретить в США? // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7753985>
23. Трамп рассказал об ужасных последствиях избрания Байдена президентом // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4682947>
24. Трамп: группа по борьбе с коронавирусом продолжит работу, но сосредоточится на экономии

- ке // TACC URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/840901>
25. Цитаты Дональда Трампа о Джо Байдене // РИА новости URL: <https://ria.ru/20201101/tramp-1582519438.html>
 26. FDA warns about use of hydroxychloroquine, which Trump promoted for treating COVID-19 // CBS news URL: <https://www.cbsnews.com/news/coronavirus-fda-warning-hydroxychloroquine-treating-covid-19/>
 27. President Trump Says That Religious Freedom Is 'Under Threat' // yahoo.news URL: <https://www.yahoo.com/news/president-trump-says-religious-freedom-154351800.html>
 28. Trump Rebuffs Protests Over Systemic Racism and Calls Police 'Great People' // The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/08/us/politics/defund-police-trump.html>
 29. U.S. Incomes Up, Poverty Rate Down in 2019 // The Wall Street Journal URL: <https://www.wsj.com/amp/articles/u-s-incomes-up-poverty-rate-down-in-2019-11600180606>
 30. Why Trump's Operation Warp Speed is credited with helping race for COVID-19 vaccine // CBC URL: <https://www.cbc.ca/news/health/operation-warp-speed-trump-pfizer-moderna-vaccine-1.5806820> (дата обращения: 22.05.2024).
 31. WSJ: Темпы роста экономики США замедлились в 2019 году // Рамблер/финансы URL: <https://finance.rambler.ru/economics/43599863-wsj-tempy-rosta-ekonomiki-ssha-zamedlilis-v-2019-godu/>

THE STRATEGY OF DONALD TRUMP'S IMAGE POSITIONING IN THE COURSE OF THE 2020 POLITICAL CAMPAIGN

Nechay E.E., Volzhanin D.A., Martcinkevich K.A.
Far Eastern Federal University

The article is devoted to the study of Donald Trump's political image formation during the 2020 presidential campaign in the United States. The relevance of the topic is due to the unique context of the election, including the COVID-19 pandemic, socio-economic tensions and mass protests, which makes the analysis of the politician's image strategies important for comprehending modern political technologies. The paper examines key aspects of Trump's strategy: his emphasis on economic success, his approach to managing the pandemic crisis, his use of "law and order" rhetoric, his support for conservative values, and his active use of social media to communicate directly with voters.

The authors analyze various aspects of the image campaign, including the response to the pandemic and the protests of the Black Lives Matter movement, highlighting the importance of a flexible approach in a political crisis. The paper also highlights the importance of digital technologies and personalized approach in shaping the leader's image in the era of "post-truth".

Keywords: image strategy, political technology, Donald Trump, election campaign.

References

1. Unemployment in the US has reached its highest level since the Great Depression // RBC URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/05/2020/5eb5acc09a794746ed5bd6fd>
2. Will "law and order" return to America // TASS URL: <https://tass.ru/opinions/8704031>
3. Not everyone recognized the court's supremacy // Kommersant URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6082257>
4. "The Burisma Case". How a Ukrainian company found itself at the center of a political scandal in the United States // TASS URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6964280>
5. How Trump is fighting the departure of business from the United States – and why he is not succeeding // RBC URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5c890d419a7947a18e018315>

6. Donald Trump's conservative renaissance // Izvestia URL: <https://iz.ru/news/662242>
7. National firing squad association // Kommersant URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3565652>
8. Knockout for the Democrats: how Trump defeated the "evil devils" // Gazeta.ru URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/06_a_12948361.shtml
9. Almost 7 million jobs were created in the US under Trump // TASS URL: <https://tass.ru/ekonomika/7809965>
10. Economic mode: why Donald Trump called for easing quarantine in the US // Russian Today URL: <https://russian.rt.com/world/article/738406-tramp-koronavirus-karantin-ekonomika>
11. Trump's approval rating in the US has grown to 49% // Interfax URL: <https://www.interfax.ru/world/700754>
12. Sanatulovala A. Sh. Image as a scientific concept // Imageology. How to please people: textbook / compiled and edited by V.M. Shepel. Moscow: Public education. 2002. – 575 p.
13. The United States has imposed entry restrictions on citizens of six countries // RBC URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/02/2020/5e34920e9a794708fb271e6c>
14. Trump held a meeting with voters for the first time since the start of the pandemic // Rossiyskaya Gazeta URL: <https://rg.ru/2020/06/21/tramp-vpervye-posle-nachala-pandemii-provel-vstrechu-s-izbirateliami.html>
15. Trump said that the United States has become a leader in energy production // TASS URL: <https://tass.ru/ekonomika/6890459>
16. Trump called protesters anarchists and bandits // RIA Novosti URL: <https://ria.ru/20200908/protesty-1576942658.html>
17. Trump called the killing of a black man by police in the United States a tragedy // Gazeta.ru URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/05/31/n_14488159.shtml
18. Trump sends additional federal forces to fight crime in cities // RIA Novosti URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9031427>
19. Trump announced the introduction of a state of emergency in the United States due to coronavirus // TASS URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7976807>
20. Trump explained his refusal to wear a mask during the coronavirus pandemic // RBC URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/5e87c7f09a79474ad198520f>
21. Trump called for voting for Republicans, saying that Democrats want anarchy // TASS URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5351615>
22. Trump is against abortions. Can they be banned in the US? // TASS URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7753985>
23. Trump spoke about the terrible consequences of Biden's election as president // Kommersant URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4682947>
24. Trump: the group to combat coronavirus will continue to work, but will focus on the economy // TASS URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/840901>
25. Donald Trump's quotes about Joe Biden // RIA Novosti URL: <https://ria.ru/20201101/tramp-1582519438.html>
26. FDA warns about use of hydroxychloroquine, which Trump promoted for treating COVID-19 // CBS news URL: <https://www.cbsnews.com/news/coronavirus-fda-warning-hydroxychloroquine-treating-covid-19/>
27. President Trump Says That Religious Freedom Is 'Under Threat' // yahoo.news URL: <https://www.yahoo.com/news/president-trump-says-religious-freedom-154351800.html>
28. Trump Rebuffs Protests Over Systemic Racism and Calls Police 'Great People' // The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2020/06/08/us/politics/defund-police-trump.html>
29. U.S. Incomes Up, Poverty Rate Down in 2019 // The Wall Street Journal URL: <https://www.wsj.com/amp/articles/u-s-incomes-up-poverty-rate-down-in-2019-11600180606>
30. Why Trump's Operation Warp Speed is credited with helping race for COVID-19 vaccine // CBC URL: <https://www.cbc.ca/news/health/operation-warp-speed-trump-pfizer-moderna-vaccine-1.5806820> (access date: 05.22.2024).
31. WSJ: US economic growth slowed in 2019 // Rambler/finances URL: <https://finance.rambler.ru/economics/43599863-wsj-tempy-rosta-ekonomiki-ssha-zamedlilis-v-2019-godu/>

Молодежь и политика: влияние на формирование политического ландшафта

Габидуллаева Патимат Тимуровна,

кафедра публичной политики и истории государства и права,
Российский университет дружбы народов им. Патриса
Лумумбы
E-mail: 1032211658@pfur.ru

В статье рассматривается роль молодежи в формировании политического ландшафта современной России. Акцентируется внимание на вариативности форм политического участия отечественной молодежи: от активного вовлечения в гражданские инициативы и протестные движения до проявлений абсентеизма. Анализируются ключевые факторы, влияющие на уровень политической активности молодых людей. Особое внимание уделено государственной молодежной политике как инструменту влияния на гражданскую позицию молодых людей. Выявлены механизмы, способствующие повышению вовлеченности молодежи в политическую жизнь, такие как образовательные и просветительские программы, цифровые технологии и платформы участия. В заключении подчеркивается важность формирования у молодежи ответственности за социально-политическое развитие страны для обеспечения устойчивости и обновления политической системы.

Ключевые слова: молодежь, политический ландшафт, абсентеизм, аксиология, политическое участие, молодежная политика.

На современном этапе развития цивилизации мы становимся свидетелями ощутимых геополитических, социальных, экономических, технологических и культурных трансформаций. В новых условиях все акторы политического ландшафта – государства, партийные объединения, политические элиты, законодатели, общественные активисты, инфлюенсеры, представители широкой общественности и т.п. – обретают новые ценности, установки, обновляют свои представления о текущем и идеальном политическом устройстве.

Смена мировоззренческой парадигмы вынуждает правительства разных стран предпринимать действия по сохранению стабильности и предсказуемости эволюции политического ландшафта. Д.Ф. Алиев и В.Э. Саркисов указывают: задачи в области поддержания социальной гармонии, мониторинга «температуры» социума, внедрения инструментов и механизмов управления обществом, становятся приоритетными [2, с. 27–28]. Бенефициарами социальной гармонии становятся абсолютно все общественные страты – от рядовых граждан до руководителей бизнес-структур или политических властных ведомств.

Следует также отметить, что реализация государственных и региональных стратегий в области достижения социальной гармонии и оздоровлению политического ландшафта существенно осложняется факторами глобализации и цифровизации. Политический ландшафт на сегодняшний день во многом формируется под прямым или косвенным воздействием внешних сил. Посредством инструментов массовой цифровой коммуникации все мировые каналы связи оказались аккумулярованы в единую мировую сеть. Цифровая эпоха позволила людям по-новому взглянуть на политическую и социально-экономическую обстановку в своей стране, сравнить достижения правительств разных стран, выявить слабые и сильные стороны своей страны на мировой арене.

Глобализация привела к появлению цифровых медиа, которые сформировали глобальное политическое и информационное пространство и привели к переосмыслению существующих общественно-политических реалий. Согласимся с Л.А. Агрба в том, что в текущую политическую и социальную реальность входят новые поколения, сформировавшиеся в новом социокультурном и технологическом контексте [1, с. 38]. Схожий тезис выражает А.К. Скотовиков с соавт.: постиндустриальное общество функционирует в условиях цифровизации информационного пространства, которое во многом детерминирует процесс формирования гражданско-политической позиции представителей молодежи [9, с. 67].

При этом механизмы и специфика взаимодействий политических акторов с молодежью исследованы недостаточно. В данной связи представляется актуальным рассмотрение, с одной стороны, специфики влияния, которое оказывает государство на политические установки молодежи, а с другой – особенностей влияния молодежи на текущий политический ландшафт.

Социально-демографические характеристики российской молодежи

Прежде всего следует рассмотреть основные характеристики молодежи как важной социально-демографической

группы. Молодежь, пишет Н.А. Самохвалов, обозначает социально-демографическую группу, выделяемую на базе возрастного критерия, социального положения, специфики интересов и потребностей [8, с. 20]. Согласно международным документам, публикуемым Организацией Объединенных Наций, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО и другими международными организациями, к молодежи относятся лица в возрасте от 15 до 24 лет¹. Официальные документы, публикуемые российскими властными ведомствами, относят к молодым все лиц в возрасте от 14 до 30 лет.

Численность молодежи Российской Федерации по состоянию на 1 января 2023 г. составила 37,9 миллиона человек, годом ранее этот показатель составлял 38,3 миллиона человек. Статистические данные подтверждают тенденцию убыли населения, в т.ч в молодежной возрастной когорте (Рис. 1).

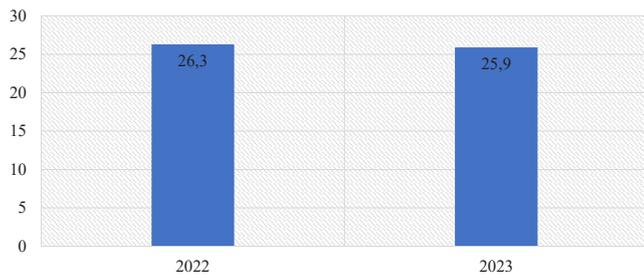

Рис. 1. Доля молодежи в общей численности населения Российской Федерации, 2022–2023 гг., %

Примечание: составлено автором по материалам Доклада о положении молодежи в Российской Федерации за 2023 г. Министерство науки и высшего образования [3, с. 6]

Статистика последних лет демонстрирует тревожную тенденцию к сокращению прослойки молодежного населения в нашей стране. Обеспокоенность по поводу убыли количества молодых людей вызвана тем, что молодежь выступает основой трудового и демографического потенциала страны. Как отмечает Н.А. Самохвалов, в период с 2006 по 2016 гг. доля молодых людей в общем населении России сократилась с 27,3% до 21,5%; в абсолютных цифрах – с 39 до 31,5 млн человек. Среди последствий сокращения числа молодежи можно назвать следующие: диспропорция в формировании трудовых ресурсов, острый дефицит квалифицированных кадров, увеличение демографической нагрузки на трудоспособную часть населения, рост нагрузки на систему здравоохранения, нехватка кадров для производства, замедление макроэкономического роста и проч. [8, с. 20]. Среди позитивных тенденций можно отметить повышение уровня занятости молодежи. Доля безработицы среди молодежи сократилась в 2023 г. до 5,1% по сравнению с 2019 г. (6,8%). Наблюдается сокращение молодых безработных и в последние годы (Рис. 2) [3, с. 12]. По данным Доклада о положении молодежи в Российской Федерации за 2023 г., опубликованного Министерством науки и высшего образования, средний доход гражданина в возрасте от 14 до 35 лет составляет 35 183 руб; доля молодежи, имеющей доход ниже границы бедности – 9,6%.

По данным многочисленных авторских и официальных ведомственных исследований, молодежь России демонстрирует широкий спектр интересов, целей и ценностей, отражающих как традиционные, так и современные тенденции. В возрастной группе 18–24 лет более половины (54%) респондентов назвали семью в качестве

важнейшей ценностей, среди респондентов в возрасте 25–34 лет данный показатель составил 72%. Молодежь отмечает важность таких ценностей, как дружба (49% и 44% соответственно), права и свободы человека (41% в обеих группах). Высокая оплата труда значима для 41% респондентов в группе 18–24 лет и для 44% в группе 25–35 лет [3, с. 30].

Рис. 2. Уровень занятости молодежи – доля в общей численности населения Российской Федерации, 2022–2023 гг., %

Примечание: составлено автором по материалам Доклада о положении молодежи в Российской Федерации за 2023 г. Министерство науки и высшего образования [3, с. 13]

Исследования, кроме того, подтверждают вариативность форм и степени политического участия российской молодежи. Готовность к участию в общественно-политических процессах обусловлена множеством факторов, включая социокультурные, экономические и институциональные аспекты, а также индивидуальные особенности и ценностные установки. Политическая активность молодежи варьируется от высокой вовлеченности в радикальные протестные движения и гражданские инициативы до полного абсентеизма и политической апатии.

Говоря о взаимосвязи молодежи и политической системы страны, требуется отметить наличие двунаправленной взаимосвязи между ними. Молодежь во многом формирует политический ландшафт государства, а государство, посредством институций, пропаганды, масс-медиа, законодательства, официальных стратегий и программ, оказывает влияние на молодежь, пытаясь «встроить» ее в текущую социально-политическую систему.

Влияние, оказываемое молодежью, на формирование политического ландшафта страны

В социально-политической жизни страны молодежь играет особую роль и, как правило, принимает активное участие в общественно-политических процессах. Политическое участие молодежи А.К. Сквиков с соавт. определяет как «индивидуальную или групповую деятельность молодого поколения, направленную на изменение, развитие или же совершенствование сложившейся политической системы» [9, с. 70]. Будучи наиболее физически развитой и здоровой частью общества, обладающей творческим, энергетическим и интеллектуальным потенциалом, молодежь традиционно считается важнейшим субъектом политического участия. Молодое поколение, по мнению А.К. Сквикова, определяет вектор развития общества и государства. Характер участия молодежи в политических процессах и ее отношение к действующей власти детерминирует характер и темпы социально-экономического развития страны и в ряде случаев – специфику политического уклада [9, с. 69].

Российская молодежь, отмечает Е.В. Салова, превращается в важнейшую силу, иницирующую политические, социальные, экономические преобразования. Молодежь «наделена наибольшим зарядом активизма,

¹ Definitions of Youth // UNO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/esa/socdev/documents/youth/factsheets/youth-definition.pdf>. – Дата доступа: 26.11.2024.

готовностью к реальным действиям, она более рискованна и отчаянна» [7, с. 65]. Как в нашей стране, так и за рубежом молодые люди являют собой наиболее мобильную и динамичную группу населения, восприимчивую к социальным проблемам. Молодежь все чаще часто становится инициатором или соучастником активных действий, направленных на радикальные преобразования, главным носителем активистских гражданско-политических установок. Кроме того, молодые люди представляют собой электоральный ресурс, способный к принятию политических решений, оказывающий положительное воздействие на омоложение партийных рядов и политических элит.

Современная российская молодежь, благодаря высокому уровню образования, доступу к цифровым медиаплатформам глобального дискурса, высокому уровню занятости, осведомленности, умению оперировать и критически воспринимать социально и политически значимую информацию, освобождена от идеологических, навязанных установок. Ранее молодежь была в большей степени ведомым политическим актором, выступала объектом, а не субъектом в процессе формирования политического ландшафта.

Как показывает опыт массовых волнений и митингов, имевших место в последние годы в нашей стране и за рубежом, аудитория подобных проявлений активизма постоянно «молодеет». Специалисты все чаще отмечают, что среди участников протестных акций доля подростков-школьников, студентов и молодых людей в возрасте до 25 лет существенно превышает показатели, наблюдаемые за прошедшие десятилетия [8, с. 21].

В ряде случаев государство утрачивает контроль за политическим участием молодежи. В моменты, когда в обществе нарастает противоречие между действиями политических элит и интересами молодежи, участие молодых людей в формировании политического ландшафта принимает радикальные, болезненные, деструктивные масштабы. Как отмечает Е.В. Салова, последствия деструктивного влияния молодежи на социально-политический ландшафт страны наблюдаются уже сегодня: так, к примеру, около 25% преступлений совершается молодежью и подростками [7, с. 64].

Ситуация усугубляется укоренением нигилистических установок и поведенческих паттернов среди молодежи, в которые оптимально «встраиваются» националистические, экстремистские, эрзацрелигиозные конструкции [7, с. 63]. Молодой человек, находясь на этапе поиска жизненного смысла, может впитать в себя многие деструктивные месседжи, циркулирующие в цифровой и «реальной» среде. Восприимчивость молодежи к радикальным, «псевдосправедливым» установкам многократно повышается на фоне комплекса социальных проблем, проблем уровня и качества образования, «выживания» на рынке труда, социального неравенства, нехватки финансов.

Все это позволяет сделать предположение о том, что участие молодежи в социально-политической жизни полезно только тогда, когда оно имеет конструктивную направленность, основывается на социально одобряемой аксиологии и взвешенных, обдуманных суждениях. Безусловно, полностью управлять молодежным политическим участием сегодня, в эпоху политической «осознанности» и Интернетизации, едва ли возможно. Полное подчинение молодежных движений интересам государства, как показывает зарубежный опыт, не становится панацеей от возможной социально-политической турбулентности. Безусловно, организация политического участия исключительно в рамках официальных молодежных провластных организаций не всегда оказывается

эффективной. Тем не менее, государство все же может направить молодежный ресурс в правильное русло.

Отказ от политического участия: молодежный абсентеизм

Все чаще в современной научной литературе и периодике можно встретить мнение о нарастании абсентеизма в российской молодежной среде. Абсентеизм можно трактовать узко – как отказ от участия в электоральных практиках, либо же широко – как отказ от участия в политической жизни в целом. Абсентеизм мы, вслед за В.П. Пономаревой, определим как форму «политического поведения, которая является противоположной политическому участию», как отсутствие политической активности индивидов [5, с. 45].

Абсентеизм, свойственный части российской молодежи, обусловлен отсутствием веры в собственную возможность повлиять на политический ландшафт, недоверием к официальным институтам власти, общей апатией к политике. В.В. Титов говорит о наличии аморфности сознания молодых россиян, об ощущении расплывчатости коллективного образа будущего, о депрессивных социальных настроениях [10, с. 83]. Можно предположить, что подобные тенденции связаны с последствиями кризиса российской национально-гражданской идентичности 1990-х – начала 2000-х гг., а также с радикальной трансформацией информационного ландшафта российского общества.

Все вышеизложенное обязывает представителей политических элит формировать у молодежи ответственное отношение к участию в политической жизни страны минимизируя абсентеизм.

Государственная молодежная политика как форма влияния на молодежь

Государственная молодежная политика представляет собой совокупность мер, направленных на создание условий для самореализации молодежи, интеграции в социальные и политические процессы, а также воспитания у молодых граждан чувства ответственности за развитие страны [4, с. 121]. Механизмы реализации молодежной политики должны формировать такие условия, когда у молодежи появляется желание и возможность с решать возникающие социально значимые проблемы.

Молодежная политика государства не должна быть точечной, хаотичной; ее задачей является планомерное выстраивание ядра ценностного сознания современной российской вокруг традиционных социальных и политических ценностей. Именно ценности, пишет Л.В. Рожкова, выполняют функцию смысловых регуляторов отношения молодых людей к политике [6, с. 85].

Особое внимание в молодежной политике следует уделить формированию системы информационного воздействия на молодежь. Государство должно предложить молодым людям адекватные их запросам и интересам средства массовой коммуникации, платформы для диффузии политического контента. Целесообразным, по нашему мнению, будет включение в образовательные программы специальных дисциплин по правовой культуре, гражданской и политической активности. На сегодняшний день гражданско-патриотическое воспитание во многих учреждениях среднего и высшего образования имеет ярко выраженный формальный характер и едва ли способно изменить отношение молодежи к политическому участию.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

Можно сделать вывод о наличии двунаправленной связи между молодежью и политическим ландшафтом страны. Молодежь во многом формирует политический ландшафт государства, а государство, посредством институций, пропаганды, масс-медиа, законодательства, официальных стратегий и программ, оказывает влияние на молодежь, пытаясь «встроить» ее в текущую социально-политическую систему.

В социально-политической жизни страны молодежь играет особую роль. Молодые люди являют собой наиболее мобильную и динамичную группу населения, восприимчивую к социальным проблемам. Молодежь все чаще становится инициатором или соучастником активных действий, направленных на радикальные преобразования, главным носителем активистских гражданско-политических установок.

В ситуации, когда в обществе нарастает противоречие между действиями политических элит и интересами молодежи, участие молодых людей в формировании политического ландшафта принимает радикальные, болезненные, деструктивные масштабы.

Некоторая доля российской молодежи демонстрирует абсентеизм (форма политического поведения, которая является противоположной политическому участию). Абсентеизм, свойственный части российской молодежи, обусловлен отсутствием веры в собственную возможность повлиять на политический ландшафт, недоверием к официальным институтам власти, общей апатией к политике.

Государственная молодежная политика представляет собой совокупность мер, направленных на (1) создание условий для самореализации молодежи, (2) предоставление возможностей по интеграции молодых людей в социальные и политические процессы; (3) воспитание у молодых граждан чувства ответственности за развитие страны и минимизацию абсентеизма.

Литература

1. Агрба, Л.А. Цифровая демагогия, или политический дискурс нового времени / Л.А. Агрба // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2. – С. 38–48.
2. Алиев, Д.Ф. Общие принципы организации ландшафта политических коммуникаций современной России / Д.Ф. Алиев, В.Э. Саркисов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 5. – С. 27–32.
3. Доклад о положении молодежи в Российской Федерации за 2023 год. – М.: Министерство науки и высшего образования РФ, 2024. – 156 с.
4. Маленков, В.В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи / В.В. Маленков // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 67. – С. 120–131.
5. Пономарёва, В.П. Пространство публичной молодежной политики: опыт исследования потенциала влияния на абсентеизм молодежи / В.П. Пономарёва // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – № 4. – С. 42–60.
6. Рожкова, Л.В. Политическое сознание и поведение современной молодежи / Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 1. – С. 80–94.
7. Салова, Е.В. Молодежь как объект общественно-воздействия / Е.В. Салова // Скиф. – 2021. – № 3 (55). – С. 62–65.
8. Самохвалов, Н.А. Концептуальный анализ системы социально-политических взглядов молодежи России на современном этапе / Н.А. Самохвалов // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2017. – № 4 (17). – С. 19–26.
9. Скотовиков, А.К. Политические партии и российская молодежь: диалог на современном этапе / А.К. Скотовиков, С.Г. Скутина, А.С. Фалина // PolitBook. – 2018. – № 4. – С. 64–73.
10. Титов, В.В. Национально-гражданская идентичность российской молодежи: проблема конструирования в цифровую эпоху / В.В. Титов // Вестник ЗабГУ. – 2019. – № 8. – С. 81–86.

YOUTH AND POLITICS: INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE POLITICAL LANDSCAPE

Gabibullaeva P.T.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article analyses the role of youth in shaping the political landscape of modern Russia. The focus is on the variability of political participation of young people, from active involvement in civil initiatives and protest movements to manifestations of absenteeism. The key factors influencing the level of political activity of young people are analyzed. Particular attention is paid to state youth policy as an instrument of influence on the civic position of young people. The mechanisms that contribute to increasing the involvement of young people in political life, such as educational and awareness-raising programs, digital technologies and participation platforms, are identified. The conclusion emphasizes the importance of developing in young people a sense of responsibility for the socio-political development of the country in order to ensure the sustainability and renewal of the political system.

Keywords: youth, political landscape, absenteeism, axiology, political participation, youth policy.

References

1. Agrba, L.A. Digital demagogy, or political discourse of the new time / L.A. Agrba // Political linguistics. – 2019. – No. 2. – P. 38–48.
2. Aliev, D.F. General principles of organizing the landscape of political communications in modern Russia / D.F. Aliev, V.E. Sarkisov // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2023. – Vol. 13, No. 5. – P. 27–32.
3. Report on the situation of youth in the Russian Federation for 2023. – Moscow: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, 2024. – 156 p.
4. Malenkov, V.V. Patriotism, civic consciousness in politics and youth identity / V.V. Malenkov // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2022. – No. 67. – P. 120–131.
5. Ponomareva, V.P. The Space of Public Youth Policy: An Experience of Studying the Potential for Influencing Youth Absenteeism / V.P. Ponomareva // South-Russian Journal of Social Sciences. – 2021. – No. 4. – P. 42–60.
6. Rozhkova, L.V. Political Consciousness and Behavior of Modern Youth / L.V. Rozhkova, A. Sh. Dubina // News of Universities. Sociology. Economics. Politics. – 2023. – No. 1. – P. 80–94.
7. Salova, E.V. Youth as an Object of Social Influence / E.V. Salova // Skif. – 2021. – No. 3 (55). – P. 62–65.
8. Samokhvalov, N.A. Conceptual analysis of the system of socio-political views of Russian youth at the present stage / N.A. Samokhvalov // Actual problems of our time: science and society. – 2017. – No. 4 (17). – P. 19–26.
9. Skovikov, A.K. Political parties and Russian youth: dialogue at the present stage / A.K. Skovikov, S.G. Skutina, A.S. Falina // PolitBook. – 2018. – No. 4. – P. 64–73.
10. Titov, V.V. National and civil identity of Russian youth: the problem of construction in the digital age / V.V. Titov // Bulletin of ZabS U. – 2019. – No. 8. – P. 81–86.

Особенности обучения английской терминологической лексике студентов авиационных специальностей

Левичева Светлана Викторовна,

канд. филол. н., доц., Московский авиационный институт

E-mail: parabola.08@mail.ru

Статья посвящена изучению специфики обучения английской терминологической лексике студентов авиационных специальностей. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Высказывается положение о том, что для овладения специальной иноязычной терминологической лексикой студентами авиационных специальностей необходимо формирование семантической инклюзивной компетенции, центральным элементом которой является навык перцепции. Обоснование данного тезиса автор предпринимает через теорию фреймов. Описывается механизм применения фреймирования как педагогической технологии для целей обучения английской терминологической лексике студентов авиационных специальностей. Приводятся аргументы в пользу универсальности данной технологии, с позиции как инструментальных (цифровые словари, специальные мобильные приложения, адаптивные и аутентичные источники специальной терминологической лексики – СМИ, кино, подкасты и проч.), так и методических (методы и подходы к обучению профессионально-ориентированному языку) возможностей, которыми располагает преподаватель английского языка. В заключении указывается на необходимость развития педагогического опыта применения фреймирования в обучении английской терминологической лексике студентов авиационных специальностей.

Ключевые слова: терминологическая лексика, авиационные специальности, перцептивный навык, перцептивный цикл, технология фреймирования, семантическая инклюзивная компетенция

Современное постиндустриальное общество развивается под влиянием четырех так называемых *i*-факторов – интернационализацией, интеграцией, информатизацией и инноватизацией, – в своей совокупности составляющих (характеризующих) природу феномена **глобализации** [1, 4, 8]. Обуславливая трансформационные процессы различной силы в макросоциальном устройстве мирового сообщества, он системно оказывает воздействие на все процессы жизнедеятельности современного человека, включая процессы **коммуникации**. Одним из результатов данной «активной силы» стала определенная стандартизация языкового общения, а именно фундирование мирового билингвизма, сложившегося из отношений национального (общенационального) и **английского языка**, как естественного «глобального» инструмента межкультурного взаимодействия (*lingua franca* международного общения). «Глобальный» язык, писал Д. Кристал, способен обеспечить взаимопонимание и международное сотрудничество в ситуации мультилингвизма, когда в идеале люди, как минимум билингвы [13]. Данный тезис во многом актуален и для сферы **международных профессиональных отношений**.

Международная организация гражданской авиации (ИКАО) выделяет шесть уровней владения английским языком как языком профессиональной коммуникации. Согласно данной «идеологии», были разработаны «Рекомендации по программе обучения авиационному английскому языку» (2009, 2010), в которых, в том числе содержатся базовые квалификационные требования к преподаванию английского языка как иностранного в профильных ВУЗах, используемого в специальных (профессиональных) целях (англ. Language for specific purposes) [6]. Как отмечают Е.М. Масленникова и И.В. Соловьева, «фактически английский как профессиональный подъязык речи пилотов реализуется на основании модели литературного разговорного английского языка, которая, однако, ограничивается тематически и лексико-грамматически» [7, с. 5], что требует знания и умения применения речевых формул в соответствии с конкретной речевой ситуацией. Решение данной задачи без **владения специальной иноязычной терминологической лексикой**, очевидно, не представляется возможным.

В данном случае, под специальной иноязычной терминологической лексикой мы понимаем совокупность слов/словосочетаний, используемых для логически точного определения специальных понятий и предметов, ассоциированных авиационной отраслью. Для целей овладения такой лексикой необходимо формирование **семантической инклюзивной компетенции** (от лат. *includo* – включение), как совокупности знаний специальной терминологии, умения и навыков ее полезно применять в соответствующей ситуации коммуникации (устной или письменной), позволяющих обучающемуся получать **равный когнитивный доступ** к предмету профессиональной коммуникации адаптивно-аутентичной, квазиаутентичной и конкретной аутентичной направленности. Решение данной задачи требует задействование перцептивного элемента, как механизма сознательно-

бессознательной обработки продуцирующих эмотивные (чувственные) процессы данных об объектах и их свойствах [9]. Мы исходим из того, что только сформированный **навык перцепции** (англ. *perceptual skill*) будет способствовать естественному нормальному процессу формирования и расширения смысловых рамок (устойчивых когнитивных схем представления), называемых **суперфреймами**.

Междисциплинарная наука определяет **фрейм** (базисную единицу) как способ организации концептуального пространства, каждый элемент которого (отдельные концепты) составляют совокупность таких фреймов (доминантный и вспомогательные). Суперфреймы (высший уровень) (например, авиация), фреймы (например, авиационная промышленность), микрофреймы (авиастроительный завод) и слоты (низший уровень) (бортовой аккумулятор) образуют, соответственно **фреймворк-иерархию** (фреймовую «карту», «сеть»). Данную фреймворк-иерархию, как указывает И.В. Одинцова, равно как и концепты (определенным образом структурированный каркас данных, например, учебный материал по конкретной теме), в нее заложенные, условно можно сравнить с синтагматической и парадигматической структурами предложения; «фреймы предвосхищают, перерабатывают и упорядочивают поступающую информацию», а появление новых данных, соответственно, «обуславливает возникновение новых

фреймов или коррекцию старых» [10, с. 75]. В результате возникает своеобразный **перцептивный цикл**, отражающий его когнитивное развитие. Навык перцепции необходим для беспрепятственного прохождения данного цикла без необходимости возврата к предыдущей фазе.

С точки зрения лексики английского языка, специально-терминологический фрейм как таковой представлен совокупностью инвариантов (слотов), единиц языкового опыта человека, соотносимых с лексическими кодами, доступными для его понимания [11]. Восприятие специальной иноязычной лексики – сложнейший когнитивный процесс, протекающий в условиях реальной коммуникации. Сличение эталонных и воспринимаемых единиц лексического знания (значение конкретного термина в конкретной языковой ситуации) затрудняется ограниченной перцептивной базой (система средств восприятия). В этом случае становится возможным включение автоматизированного механизма распознавания этих единиц с опорой на ранее приобретенные знания (например, термин *pilot* будет иметь для обучающегося одно значение, тогда как в зависимости от контекста может приобретать другое смысловое значение – летчик, диспетчер, штурман, лотман и проч.), и появление интерферентов [2], как неких мутаций/диффузий [12], которые могут способствовать прямо противоположному эффекту (сужению смысловых рамок/ их деструкции) (рис. 1).

Рис. 1. Структура фрейма «Авиационный персонал» (фрагмент)

В практике обучения английскому языку студентов авиационных специальностей применение фреймирования как педагогической технологии «работает» следующим образом: на начальном этапе количество и характер слотом фиксируется в учебном материале. Например, тема «Авиационный персонал» («*Aviation personnel*») может быть представлена следующим образом (см. рисунок 1). Ее развитие на начальном этапе обучения английской терминологической лексике немонолитично (фрагментировано), поскольку обучающимся еще не усвоен достаточный базис специальных лексических единиц, позволяющих запустить перцептивный цикл. Одновременно с этим, задача преподавателя (согласно логике классического алгоритма обучения английскому языку, принятого большинством авторов учебников и программ) заключается в том, чтобы он одну и ту же онтологию (один и тот же смысл) построил

множество раз, однако в измененном формате (принцип рефрейминга). Так, например, относительно названной темы лекции, обучающимся можно предложить составить небольшой рассказ (подготовить проект, презентацию, написать эссе и проч.) о том, какие функции выполняет тот или иной член летного состава или кабинного экипажа гражданской авиации, представитель авиационного персонала государственной, экспериментальной авиации.

На следующем этапе осуществляется конкретизация изучаемой темы (микрофрейма), то есть увеличивается количество слотов, а следовательно, расширяется фреймворк. Так, например, суперфрейм «Коммуникация» («*Communication*») можно представить следующим образом (см. рисунок 2). Как видно, осуществляется концептуальная гетерогенизация темы «Авиационный персонал» через призму инвариантов взаимодействия

пилотов с другими пилотами и (или) диспетчерами. Как видно на примере профессионального диалекта (жаргона, сленга), в каждом микрофрейме может быть, по сути, бесконечное количество слотов. Безусловно, их спектр в учебной ситуации должен быть ограничен. К примеру, при усвоении терминологической лексики по блоку «Конструкция самолетов» («*Aircraft structures*») не следует вдаваться в подробности деталей машины, достаточно будет знание базовых терминов (*cockpit, delta wing, flap, fuselage, main landing gear, passenger cabin, wheel well* и проч.). Оптимизировать отбор и подбор терминологической лексики могут помочь отраслевые **электронные (цифровые) словари**, в том числе, интегрированные в обучающие мультилингвальные приложения (например, Memrise, Busuu, Rosetta Stone, Quizlet, Memrise

и проч.). Для развития семантической инклюзивной компетенции может оказаться актуальными профессиональное приложение Aviation English Vocab 4–5. В последующем могут быть введены другие **smart-инструменты** (е-журналы, блоги, видеоблоги, подкасты/водкасты, фильмы, сериалы и пр.) в зависимости от степени готовности обучающихся к переходу от адаптированного к аутентичному учебному материалу [5]. Цифровизация образовательного процесса позволит осуществлять переход к **дигитализации технологии фреймирования**, постоянная активная практика работы с которой даст возможность быстрее и эффективнее развивать перцептивный навык, а следовательно, и семантическую инклюзивную компетенцию обучающихся авиационных специальностей (рис. 2).

Рис. 2. Структура суперфрейма «Коммуникация» (фрагмент)

Для целей закрепления эффектов оптимально использование ситуативных методов обучения, таких как кейс-стади (например, для отработки терминологической лексики в ситуации крушения авиалайнера – действия авиационного персонала, регламент и порядок действий и проч.), однако, с нашей точки зрения, технология фреймирования достаточно адаптивна, поскольку «работает» на **принципах нейрокогнитивной рекуррентности**, а следовательно будет оставаться полезной даже в отсутствии достаточных ресурсов (материально-технологических, информационных, временных, знамиевых, компетентностных и проч. [3]) у преподавателя и (или) у студентов. Безусловно, данная гипотеза нуждается в научном и практиком экспериментальном подтверждении для целей развития педагогического опыта применения фреймирования в обучении английской терминологической лексики студентов авиационных специальностей.

Литература

1. Болаев А.В., Мантаева Э.И. Товарный экспорт КНР в контексте реализации стратегической инициативы «Один пояс и один путь» // Экономические отношения. 2024. Т. 14, № 2. С. 387–404.
2. Дмитриева С.Ю., Придчина-Гершкович М.А., Рупчева Г.П. Межъязыковая фонетическая интерференция при формировании перцептивных навыков восприятия односложных американских слов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2023. № 2. С. 87–99
3. Зотов В.Б. Образ будущего преподавателя дисциплин государственного и муниципального управле-

- ния // Муниципальная академия. 2024. № 1. С. 249–253.
4. Игнатъев В.П., Варламова Л.Ф. «И» глобализации высшего образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 2 (42). С. 13–19.
5. Крылова О.В. Методологические особенности отбора и реализации фреймов в аутентичных видеоматериалах (при гибридном академическом обучении иностранному языку). Часть I // Высшее образование сегодня. 2021. № 11–12. С. 68–73
6. Левандровская Н.В. Основные направления и методы в обучении авиационному английскому языку (ААЯ) как языку для специальных целей (LSP) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С. 167–170.
7. Масленикова Е.М., Соловьева И.В. Авиационный английский: особенности реализации языковой программы подготовки пилотов. – М.: Директ-Медиа, 2020. – 92 с.
8. Минаков А.В., Лапина С.Б. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях санкций западных стран // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 305–312.
9. Мирная Р.Р. Благозвучие как базовый компонент исполнительской культуры музыканта // Вестник КазГУК И. 2022. № 3. С. 147–154.
10. Одицова И.В. Фрейм, фрейминг и рефрейминг в лингводидактике // МИРС. 2012. № 1. С. 73–80.
11. Семухина Е.А., Шиндель С.В. Фреймовый подход к изучению культурных феноменов // Культура и искусство. 2021. № 8. С. 20–27

12. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – 535 с.
13. Kim T.-Y. David Crystal (2003). English as a global language // Sociolinguistic Studies. 2004. Vol. 5(2). P. 389–393.

FEATURES OF TEACHING ENGLISH TERMINOLOGICAL VOCABULARY TO AVIATION STUDENTS

Levicheva S.V.

Moscow aviation institute

The article is devoted to studying the specifics of teaching English terminological vocabulary to students of aviation specialties. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. It is suggested that in order to master special foreign language terminological vocabulary by aviation students, it is necessary to develop semantic inclusive competence, the central element of which is the skill of perception. The author undertakes the substantiation of this thesis through the theory of frames. The mechanism for using framing as a pedagogical technology for the purposes of teaching English terminological vocabulary to aviation students is described. Arguments are given in favor of the universality of this technology, from the perspective of both instrumental (digital dictionaries, special mobile applications, adaptive and authentic sources of special terminological vocabulary – media, cinema, podcasts, etc.) and methodological (methods and approaches to teaching professionally oriented language) opportunities available to an English language teacher. In conclusion, the need to develop pedagogical experience in the use of framing in teaching English terminological vocabulary to aviation students is pointed out.

Keywords: terminological vocabulary, aviation specialties, perceptual skill, perceptual cycle, framing technology, semantic inclusive competence.

References

1. Bolaev A.V., Mantaeva E.I. China's commodity exports in the context of the implementation of the strategic initiative "One Belt, One Road" // Economic relations. 2024. Vol. 14, No. 2. Pp. 387–404.
2. Dmitrieva S.Yu., Pridchina-Gershkovich M.A., Rupcheva G.P. Interlingual phonetic interference in the formation of perceptual skills of perception of monosyllabic American words // Bulletin of PNRPU. Problems of Linguistics and Pedagogy. 2023. No. 2. Pp. 87–99
3. Zotov V.B. The image of the future teacher of disciplines of public and municipal administration // Municipal Academy. 2024. No. 1. Pp. 249–253.
4. Ignatiev V.P., Varlamova L.F. "And" of the globalization of higher education // Professional education in Russia and abroad. 2021. No. 2 (42). P. 13–19.
5. Krylova O.V. Methodological features of the selection and implementation of frames in authentic video materials (in hybrid academic teaching of a foreign language). Part I // Higher education today. 2021. No. 11–12. P. 68–73
6. Levandrovskaya N.V. Main directions and methods in teaching aviation English (AEL) as a language for specific purposes (LSP) // Theory and practice of social development. 2014. No. 18. P. 167–170.
7. Maslennikova E.M., Solovieva I.V. Aviation English: features of the implementation of the language program for pilot training. – M.: Direct-Media, 2020. – 92 p.
8. Minakov AV, Lapina SB Ensuring the economic security of the state in the context of sanctions from Western countries // Bulletin of economic security. 2021. No. 2. Pp. 305–312.
9. Mirnaya RR Euphony as a basic component of a musician's performing culture // Bulletin of KazGUK I. 2022. No. 3. Pp. 147–154.
10. Odintsova IV Frame, framing and reframing in linguodidactics // MIRS. 2012. No. 1. Pp. 73–80.
11. Semukhina EA, Shindel SV Frame approach to the study of cultural phenomena // Culture and Art. 2021. No. 8. P. 20–27
12. Haugen E. Language Contact // New in Linguistics. Issue VI. Language Contacts. – M.: Progress, 1972. – 535 p.
13. Kim T.-Y. David Crystal (2003). English as a global language // Sociolinguistic Studies. 2004. Vol. 5(2). P. 389–393.

Роль политических технологий в процессе формирования имиджа политического лидера на примере политической кампании Дональда Трампа в 2016 году

Нечай Екатерина Евгеньевна,

научный руководитель, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Волжанин Даниил Андреевич,

магистрант департамента менеджмента и предпринимательства Дальневосточного федерального университета

Марцинкевич Кристина Артёмовна,

магистрант кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета

В работе рассматривается специфика формирования политического имиджа на примере избирательной кампании Дональда Трампа в 2016 году. Авторы акцентируют внимание на использовании современных политических технологий и медиатехнологий, которые стали ключевыми элементами успеха кампании. Анализируется роль социальных сетей, традиционных медиа, визуальных атрибутов и стратегий политической коммуникации, включая микротаргетинг, создание символики, критику оппонентов и гиперболизацию заявлений. Особое внимание уделено взаимодействию с электоратом через платформы Twitter¹ и Facebook¹, где политик выстраивал прямую коммуникацию, минуя традиционные каналы СМИ. Также исследуются технологии больших данных и их влияние на электоральное поведение. Результаты исследования подчеркивают значимость комплексного подхода к менеджменту политических технологий в условиях современного информационного пространства.

Ключевые слова: политические технологии, политический имидж, Дональд Трамп, политическая кампания.

Формирование имиджа политического лидера является важной составляющей политического процесса в современном обществе. Сегодня роль политических технологий в формировании имиджа является одним из ключевых показателей успеха политической кампании. Происходит постоянное изменение информационного пространства и параллельно с этим возрастает внимание и требования избирателей к лидерам. Развитие медиатехнологий, усиление роли социальных сетей и изменение характера политической коммуникации создают новые вызовы и возможности для политических деятелей. В этом контексте особенно интересным является изучение практического применения политических технологий на примере политических кампаний. Показательным примером эффективного управления политическими технологиями является политическая кампания Дональда Трампа, который сумел кардинально изменить представления о политическом лидерстве и способах взаимодействия с аудиторией в процессе выборов президента США 2016 года.

Актуальность исследования заключается в том, что Дональд Трамп стал одним из первых политических лидеров, эффективно использовавших социальные сети и цифровые медиа для формирования своего имиджа в совокупности с традиционными каналами коммуникации. Его политическая кампания и последующая деятельность на посту президента США в 2016 г. продемонстрировала уникальный пример того, как управленческие технологии и нестандартные политические стратегии могут оказывать значительное влияние на общественное мнение и электоральные результаты. Анализ политической кампании Дональда Трампа в 2016 году, позволит выявить ключевые методы и подходы к созданию успешного политического имиджа, а также определить тенденции в использовании современных политтехнологий.

Таким образом, цель данной работы – исследовать менеджмент политических технологий в процессе формирования имиджа политического лидера на примере политической кампании Дональда Трампа в 2016 г., а также выявить ключевые инструменты и стратегии, которые способствовали его успешному позиционированию.

Перед детальным разбором политических технологий, который были использованы в политической кампании Трампа в 2016 г., стоило выделить ключевое для работы определение имиджа.

Наиболее полным и комплексным представляется определение, предложенное А.Ш. Санатуловой, которая предлагает позиционировать имидж следующим образом: *«синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта, содержит в себе значительный объем эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждает к определенному социальному поведению»* [9].

Обозначив рабочее определение имиджа, мы можем проанализировать конкретные политические тех-

¹ Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ

нологии, использованные Дональдом Трампом в рамках своей политической кампании 2016 г. и сделать вывод о важности использования отдельных технологий, как ключевых, влияющих на основной результат политической кампании.

К началу избирательной кампании 2016 года политическая ситуация в США была напряженной. Основные проблемы включали медленный рост экономики, растущий государственный долг, социальное неравенство и проблемы с иммиграцией. Эти проблемы создавали благоприятную почву для кандидата, который мог бы предложить радикальные изменения. Политическая система и традиционные политики были подвергнуты критике за неэффективность и коррумпированность. В этом контексте Трамп, позиционирующий себя как «нештатный» политик и успешный бизнесмен, мог привлечь внимание тех избирателей, которые были разочарованы традиционной политикой и искали новых вариантов.

Помимо внешних политических факторов, которые Трамп смог использовать, чтобы создать себе имидж, были и внутренние факторы из истории политика, которые помогли ему сформировать свой образ. Среди таких факторов была финансовая независимость политика, политическая неопытность и успешная предпринимательская карьера [12].

Начать тему введения в технологии построения политического имиджа Дональда Трампа стоит с технологии **«создания визуального образа и основных его атрибутов»**. Дональд Трамп активно использовал свой внешний вид как инструмент создания имиджа. Его узнаваемая прическа и стиль одежды играли важную роль в формировании его образа как успешного бизнесмена и уверенного лидера. Прическа Трампа стала символом, который он сам называл «легендарным» и подчеркивал, что она является неотъемлемой частью его публичного образа. При этом можно заметить, что Трамп предпочитает темные костюмы и яркие галстуки, чаще всего красного цвета, что соответствует цветам Республиканской партии и символизирует силу и решимость. Этот стиль помогает ему визуально выделяться и передавать невербальное сообщение о своей уверенности и авторитете. Важно отметить, что цвет тоже играет важную роль в визуальном имидже. Красный галстук, который Трамп часто носит, символизирует силу и власть [9].

Важной частью кампании Трампа выступила технология **«создания символики»**. Лозунг «Make America Great Again» (MAGA), а красная бейсболка с этим лозунгом стала символом его движения. Лозунг «MAGA» стал символом кампании, который объединял избирателей вокруг идеи восстановления величия страны. Постоянное повторение этого лозунга и связанных с ним информационных сообщений способствовало созданию сильной эмоциональной связи с избирателями и росту одобрения политика. Простой, но мощный визуальный элемент помог консолидировать его сторонников и стал легко узнаваемым символом его кампании [13].

Еще одной значимой технологией, которую использовал Трамп, можно назвать **«анализ электората»**. Дональд Трамп, обладая медийным опытом, смог реализовать свои знания во время предвыборной кампании и достаточно точно определить своего избирателя. В период избирательной кампании среднестатистический сторонник Трампа представлял собой белого мужчину около 50 лет с доходом менее 50 000 долларов в год, что ниже среднего уровня дохода по стране, без высшего образования и с консервативными взглядами. Представленные люди больше всего интересовались проблемами иммиграции, здравоохранения и экономики, особенно уровнем жизни и доходов. Лозунг Трампа «Сделаем Америку

ку вновь великой», умело апеллирующий к ностальгическим и империалистическим настроениям, резонировал с этой аудиторией [5]. Его обещания построить стену на границе с Мексикой и изгнать нелегальных мигрантов [1], отменить программу «Обамакер» и создать новые рабочие места, непосредственно касались тех сфер, которые наиболее волновали его избирателей: миграция, здравоохранение и экономика.

Стоит отметить, что для создания своего имиджа Дональд Трамп часто использовал технологии **«гиперболизации заявлений»**, чтобы усилить драматизм своих заявлений. Эта технология включает в себя преувеличение, представление ситуации в экстремальных терминах. Например, во время своей предвыборной кампании 2016 года Трамп часто описывал проблемы как «ужасные», «кошмарные» или «катастрофические». Он говорил, что «общее положение дел в Америке – это полный провал» и что «вся система коррумпирована». Такие утверждения создают ощущение крайней необходимости изменений, побуждая избирателей к действиям [9].

В своих речах Трамп также использовал технологию **«критики оппонентов»**. Политик сравнивал себя с оппонентами, чтобы подчеркнуть свои достоинства и их недостатки. Например, он Трамп активно использовал провокационные заявления как инструмент для привлечения внимания СМИ и общественности. Его речи часто включали резкие высказывания и обвинения в адрес оппонентов, что неизменно становилось темой для обсуждения в новостных выпусках. Например, он неоднократно обвинял Хиллари Клинтон в коррупции и некомпетентности, называя ее «Crooked Hillary» (Лживой Хиллари) [6], или сравнивал себя с Хиллари Клинтон, утверждая, что она «слабый лидер», когда он – «сильный и решительный» [2]. Эти заявления привлекали внимание к его персоне, как к фигуре, способной решить существующие проблемы, в это же время лишая других кандидатов социального одобрения.

Достаточно часто в речах Трампа, можно было проследить технологию **«призыва к действию»**. Политик использовал громкие и резкие заявления, предполагающих радикальные методы решения проблем. В процессе его предвыборной кампании можно выделить несколько основных направлений: решение проблемы миграционной политики и терроризма, вопросы здравоохранения, налаживание экономической политики.

В рамках миграционной политики, по мнению Трампа, необходимо было существенно ограничить, а в перспективе полностью прекратить приток мигрантов из Мексики и потенциальных преступников и террористов из других стран. Он обосновывал необходимость усиления государственных границ, напрямую обвиняя нелегальных мексиканских мигрантов в преступлениях, торговле наркотиками и изнасилованиях. При этом за свои слова Трамп часто подвергался критике, которую также разыграл в положительном для себя ключе: «Если бы меня не было, вы бы вообще не говорили о нелегальной иммиграции» [10].

В сфере здравоохранения Дональд Трамп также придерживался жесткой позиции. Он заявил, что в случае избрания на пост президента планирует отказаться от программы «Обамакер» и разработать альтернативное решение, которое смогло облегчить финансовую нагрузку на население. Трамп предложил вернуть такие программы, как «Медикер» (национальная программа медицинского страхования для пожилых людей и инвалидов) и «Медикейд» (программа медицинской помощи семьям с доходами ниже черты бедности). Таким образом Трамп стремился заручиться наибольшей поддерж-

кой и подчеркивал свою позицию в отношении простого населения [3].

К 2016 году социальные сети стали важным инструментом в политических кампаниях. В отличие от традиционных СМИ, социальные медиа позволяли кандидатам напрямую общаться с избирателями и распространять свои сообщения без интерпретации журналистами. Трамп с самого начала активно использовал Twitter¹ для распространения своих идей и критики оппонентов. Его агрессивный и провокационный стиль привлекал внимание и создавал множество инфоповодов, что обеспечивало ему постоянное присутствие в новостях.

Но прежде, чем оценивать степень важности социальных сетей, необходимо обозначить позицию традиционных СМИ в рамках стратегии формирования имиджа Трампа. В частности, проблема использования традиционных СМИ политиком заключалась в их приверженности демократическим кандидатам. Большая часть изданий различного уровня не оказывала поддержки Трампу, при этом выпускаемые статьи зачастую презентовали политика в негативном свете. Исходя из проблемных аспектов связанными с традиционными СМИ, политиком был выбран путь собственных каналов коммуникации с электоратом через социальные сети. Традиционные СМИ в медийной-стратегии занимали место бесплатной рекламой «громкого» имени кандидата.

Именно поэтому технология «**социальных сетей**», в частности платформы Twitter¹ и Facebook¹, стали основными каналами для распространения сообщений и мобилизации сторонников Трампа. На момент избирательной кампании Трамп имел наибольшую аудиторию в социальных сетях среди других кандидатов, что обеспечивало ему значительное преимущество. Его аккаунт в Twitter¹ выступил в качестве инструмента для непосредственного общения с избирателями, минуя традиционные СМИ, которые часто критиковали его и искажали его высказывания.

Например, Трамп использовал Twitter¹ для быстрого реагирования на текущие события и распространения своей позиции. Его записи часто сами становились новостями, привлекая внимание пользователей. Это позволило ему поддерживать постоянное присутствие в информационном поле и контролировать нарратив вокруг своей кампании. В результате его сообщения достигали широкой аудитории без необходимости полагаться на традиционные медиа.

В ключе антирекламы политик также использовал Twitter¹ для нападок на своих оппонентов и критики СМИ, что привлекало внимание и создавало эффект «бомбы» в информационном поле. Такие инфоповоды не только привлекали внимание к его персоне, но и отвлекали внимание от кампаний его конкурентов, снижая их медийное влияние [11].

В качестве дополнительных составных частей технологии «**социальных сетей**» можно выделить инструменты «**больших данных**» и «**микротаргетинга**», которые позволяли политике эффективнее влиять на массовое сознание граждан. Команда Трампа активно использовала данные о поведении пользователей в интернете для создания детализированных профилей избирателей. Эти данные включали информацию о предпочтениях, интересах и демографических характеристиках пользователей, что позволило таргетировать агитационные сообщения [7]. Влияние технологии микротаргетинга на ход политической кампании отражалось в повышении вероятности того, что избиратель, ранее не определив-

¹ Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ

шийся, делает выбор в пользу Трампа, минимум на пять процентных пунктов. В частности, основной платформой для реализации микротаргетинга выступил Facebook¹. Команда Трампа потратила приблизительно 44 млн долларов при этом разместив 175 тыс. различных рекламных роликов [14; 15].

Алгоритмы социальных сетей способствовали поляризации и радикализации мнений пользователей. Контент, направленный на определенные группы, усиливал их убеждения и мобилизовал к активным действиям. Это использовалось Трампом для укрепления поддержки среди наиболее лояльных избирателей и привлечения новых сторонников за счет эмоционально заряженных и провокационных сообщений.

Для продвижения бренда были применены методы, повышающие онлайн активность сообщества. В частности, создавались и активно поддерживались страницы в социальных сетях, основным содержанием которых служили обсуждения, связанные с личностью Д. Трампа. Независимо от того, была ли коннотация этих обсуждений позитивной или негативной, важным было вызвать у пользователей желание делиться контентом и оставлять комментарии. Это способствовало возникновению вирусного эффекта, который помогал прочно закрепить имя кандидата в медиапространстве. Помимо этого, через личные аккаунты распространялись разнообразные материалы: от комментариев по актуальным экономическим и политическим вопросам до анализа текущих событий в США и мире [4].

В процессе политической кампании часто применялась технология хештегов, которые выступали как инструменты «наклеивания ярлыков». Данная методика чрезвычайно эффективна, поскольку позволяет любому контенту, даже нейтральному, восприниматься с определенными акцентами, благодаря использованию конкретных хештегов. Например, такие метки, как #MAGA (Make America Great Again) и #FakeNews (Лже-новости) [8]. Хештеги служили не только для категоризации контента, но и для придания ему особого звучания, что позволило использовать их для более глубокого воздействия на аудиторию. Это способствовало укреплению позиций кандидата в общественном сознании и увеличению его присутствия в информационном поле.

Дополнительно стоит выделить «**создание интернет мемов**», как технологию формирования имиджа политического лидера, которая особенно эффективна среди молодежи. Благодаря ей Трамп получил прозвище «самый мемный кандидат», а впоследствии и «самый мемный президент». В рамках его предвыборной кампании широко использовались мемы, например: «Лягушонка Пепе», в образе которого часто изображали Трампа. Кроме того, распространение получила картинка, где Трамп и его сторонники представлены как герои фильма «Неудержимые». Технология мемов в итоге доказала свою эффективность и помогла получить известность среди различных социальных групп.

В заключение мы можем отметить, что формирование имиджа политического лидера на основе политических технологий и грамотного менеджмента является неотъемлемой частью современных политических кампаний. Дональд Трамп продемонстрировал, что, обладая эффективной стратегией и использованием передовых медиатехнологий, можно не только изменить восприятие политической фигуры, но и активно влиять на ход избирательного процесса. Пример кампании Трампа 2016 года показал, что современные избиратели все больше подвержены влиянию социальных сетей и новых каналов коммуникации, которые позволяют лидерам обойти

традиционные СМИ и установить прямую связь с электоратом.

Реализация политических технологий в кампании Трампа была сосредоточена на построении сильного визуального образа, использовании яркой и запоминающейся символики, проведении детального анализа электората и точечной работе с различными группами избирателей. Это позволило создать сильный политический имидж, который включал в себя черты успешного бизнесмена и «человека из народа», готового радикально менять устоявшуюся систему.

В заключение можно сделать вывод, что кампания Дональда Трампа 2016 года не только стала ярким примером эффективного использования политических технологий, но и обозначила тенденции, которые продолжают трансформировать политические коммуникации. Современные медиатехнологии, такие как социальные сети, микротаргетинг и вирусные кампании, оказались не просто вспомогательными инструментами, а ключевыми факторами, формирующими восприятие кандидата широкой аудиторией.

Важным аспектом политической кампании Трампа стало осознание значимости прямого контакта с избирателями через цифровые платформы. Это позволяет обходить традиционные барьеры в виде СМИ, которые часто интерпретируют действия политиков через собственную призму, и напрямую формировать общественное мнение. Более того, грамотное использование эмоциональных и визуальных символов, таких как лозунги, цвета и мемы, помогает укреплять идентичность кандидата в сознании избирателей.

Анализ кампании Трампа демонстрирует, что успешное политическое лидерство в эпоху цифровых коммуникаций требует сочетания управленческих навыков, креативного подхода к созданию имиджа и глубокого понимания социокультурных контекстов целевых групп. Его стратегия показала, что акцент на эмоциональную вовлеченность и персонализированное обращение к аудитории может перевесить традиционные подходы к политическим кампаниям.

Таким образом, исследование роли политических технологий на примере политической кампании Дональда Трампа в 2016 г. подчеркивает важность комплексного подхода к формированию политического имиджа, который включает анализ целевой аудитории, стратегическое планирование коммуникаций и эффективное использование цифровых платформ. Это позволяет политическим лидерам не только добиться высокой узнаваемости, но и сформировать устойчивую позитивную репутацию, способную влиять на результаты выборов и общественное мнение.

Литература

1. Великая стена Трампа: что нужно знать о главном проекте президента США // ТАСС: [сайт]. – 2019. – 19 февр. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4435623>
2. Дональд Трамп назвал Хиллари Клинтон слабой // spbdnevnik: [сайт]. – 2015. – 27 дек. – URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2015-12-27/donald-tramp-nazval-khillari-klinton-slaboy>
3. Как выглядит замена Обамасаре: подписан указ о реформе здравоохранения в США // NashiLife: [сайт]. – 2020. – 25 сен. – URL: <https://usa.nashi.life/interesno/kak-vygljadit-zamena-obamacare-podpisan-ukaz-o-reforme-zdravooxranenija-v-ssha/>

4. Как социальные сети помогли Трампу стать президентом // Cossa: [сайт]. – 2016. – 17 ноя. – URL: <https://www.cossa.ru/152/145969/>
5. Косяков В.Е. Особенности избирательной кампании Д. Трампа // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 1. С. 105–111.
6. «Лживая Хиллари». Трамп ответил на заявления Клинтон о причинах её поражения // LIFE: [сайт]. – 2017. – 1 июня. – URL: <https://life.ru/p/1013078>
7. Лятовец А.Ю., Мозгунова Е.А. Роль новых информационных технологий в избирательной кампании Дональда Трампа на выборах президента Соединенных Штатов Америки 2016 года // Огарёв-Online. 2022. № 6 (175). С. 1–7
8. Напалкова И.Г., Мартынов В.В. Специфика имиджевого позиционирования современного политика (на примере Дональда Трампа) // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 4 (19). С. 6–22.
9. Санатулова А.Ш. Имидж как научное понятие // Имиджелогия. Как нравиться людям: учеб. пособие / сост. и ред. В.М. Шепель. М.: Народное образование. 2002. – 575 с.
10. Трамп отказался взять назад оскорбительные слова об иммигрантах // ТАСС: [сайт]. – 2015. – 15 авг. – URL: <https://ria.ru/20150807/1168226512.html>
11. Циндрик Э.Э., Готин М.Б., Тодыков Е.С. Особенности использования медиа технологий в предвыборной кампании Дональда Трампа // Вестник науки. – 2020. № 1 (22). С. 69–72.
12. Цуканов Е.А., Нимяев Э.А. Из шутов в короли: медиа-стратегии трансформации имиджа Дональда Трампа // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 2 (26). С. 161–168.
13. Adam V. MAGA movement // Britannica: [сайт]. – 2024. – 30 мая. – URL: <https://www.britannica.com/topic/MAGA-movement>
14. Isobel A.H. Trump targeting Black voters in 2016 shows Facebook's microtargeting is a danger to democracy, experts say // business insider: [сайт]. – 2020. – 30 сен. – URL: <https://www.businessinsider.com/trump-targeting-black-voters-facebook-2016-deterrence-experts-comment-2020-9?international=true&r=US&IR=T>
15. Targeted Facebook ads helped Trump win 2016 U.S. elections // The hindu: [сайт]. – 2018. – 25 нояб. – URL: <https://www.thehindu.com/news/international/targeted-facebook-ads-helped-trump-win-2016-us-elections/article25590507.ece>

THE ROLE OF POLITICAL TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF FORMATION OF POLITICAL LEADER'S IMAGE ON THE EXAMPLE OF DONALD TRUMP'S POLITICAL CAMPAIGN IN 2016.

Nechay E.E., Volzhanin D.A., Martcinkevich K.A.
Far Eastern Federal University

The paper considers the specifics of political image formation on the example of Donald Trump's election campaign in 2016. The authors emphasize the use of modern political technologies and media technologies, which became the key elements of the success of the campaign. The role of social networks, traditional media, visual attributes and political communication strategies, including microtargeting, creation of symbols, criticism of opponents and hyperbolization of statements are analyzed. Particular attention is paid to the interaction with the electorate through Twitter¹ and Facebook⁴ platforms, where the politician built direct communication, bypassing traditional media channels. Big data technologies and their im-

¹ Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ

pact on electoral behavior are also studied. The results of the study emphasize the importance of an integrated approach to the management of political technologies in the conditions of modern information space.

Keywords: political technologies, political image, Donald Trump, political campaign.

References

1. Trump's Great Wall: What You Need to Know About the US President's Main Project // TASS: [website]. – 2019. – Feb 19. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4435623>
2. Donald Trump Calls Hillary Clinton Weak // spbdnevnik: [website]. – 2015. – Dec 27. – URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2015-12-27/donald-trump-nazval-khillari-klinton-slaboy>
3. What Obamacare Replacement Looks Like: Decree on Healthcare Reform in the US Signed // NashiLife: [website]. – 2020. – Sep 25. – URL: <https://usa.nashi.life/interesno/kak-vygljadit-zamena-obamacare-podpisan-ukaz-o-reforme-zdravoohraneniya-v-ssha/>
4. How social networks helped Trump become president // Cossa: [website]. – 2016. – November 17. – URL: <https://www.cossa.ru/152/145969/>
5. Kosyakov V.E. Features of D. Trump's election campaign // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2017. Vol. 17. No. 1. Pp. 105–111.
6. "Lying Hillary". Trump responded to Clinton's statements about the reasons for her defeat // LIFE: [website]. – 2017. – June 1. – URL: <https://life.ru/p/1013078>
7. Lyatovets A.Yu., Mozgunova E.A. The Role of New Information Technologies in Donald Trump's Election Campaign in the 2016 United States Presidential Elections // Ogarev-Online. 2022. No. 6 (175). P. 1–7
8. Napalkova I.G., Martynov V.V. Specifics of Image Positioning of a Modern Politician (using Donald Trump as an Example) // Humanitarian and Political-Legal Studies. 2022. No. 4 (19). P. 6–22.
9. Sanatulova A. Sh. Image as a Scientific Concept // Imageology. How to Please People: Textbook / compiled and edited by V.M. Shepel. Moscow: Public Education. 2002. – 575 p.
10. Trump refused to take back offensive words about immigrants // TASS: [website]. – 2015. – August 15. – URL: <https://ria.ru/20150807/1168226512.html>
11. Tsindrik E.E., Gotin M.B., Todykov E.S. Features of the use of media technologies in the election campaign of Donald Trump // Science Bulletin. – 2020. No. 1 (22). P. 69–72.
12. Tsukanov E.A., Nimyaev E.A. From jesters to kings: media strategies for transforming Donald Trump's image // Science. Art. Culture. 2020. No. 2 (26). P. 161–168.
13. Adam V. MAGA movement // Britannica: [website]. – 2024. – May 30. – URL: <https://www.britannica.com/topic/MAGA-movement>
14. Isobel A.H. Trump targeting Black voters in 2016 shows Facebook's microtargeting is a danger to democracy, experts say // business insider: [site]. – 2020. – September 30. – URL: <https://www.businessinsider.com/trump-targeting-black-voters-facebook-2016-deterrence-experts-comment-2020-9?international=true&r=US&IR=T>
15. Targeted Facebook ads helped Trump win 2016 U.S. elections // The hindu: [website]. – 2018. – November 25. – URL: <https://www.thehindu.com/news/international/targeted-facebook-ads-helped-trump-win-2016-us-elections/article25590507.ece>

Геймификация и игровые технологии обучения в преподавании английского языка как иностранного

Соколова Алла Германовна,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Архипов Александр Владимирович,

кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: artan911@mail.ru

Статья посвящена исследованию понятий геймификации, обучения с элементами развлечения, игровых технологий, а также оценке эффективности внедрения данных технологий в процесс обучения, в частности, иностранным языкам в высших учебных заведениях. Авторами проанализированы примеры применения игровых технологий в виде аутентичных видеоматериалов, викторин, игр на угадывание и даны рекомендации по их применению на занятиях по изучению иностранного языка.

Ключевые слова: геймификация, обучение с элементами развлечения, методика оценки, английский язык как иностранный.

Introduction

Concept and characterization of gamification, edutainment and game technologies

Currently, tertiary education is undergoing the process of transformation and adaptation to a new academic environment. Nowadays, the main target audience of young scholars represent the so-called 'digital natives' whereas educational process is actively incorporating new innovative strategies aimed at the improvement of communicative skills, boost of learners' motivation and engagement in the teaching-learning process. The usage of information and communication technologies is at the spotlight since the pandemic times when online or hybrid tuition was the only available option. Active application of strategies of gamification and game-based learning in educational process can lead to the achievement of high level of students' engagement and increase in motivation. Didactic support strategies undergo evolution and get outplayed by new teaching methodologies addressed to the needs of modern educational actors.

However, the use of information and communication technologies might throw a challenge to third level educational institutions practicing traditional old-school methodologies. Regardless the involvement highly qualified professional lecturers, cutting-edge appliances and modern software, the active usage of advanced instructional models is still not sufficient.

Some researchers [1] state that the current teaching model is often deficient and lacking such factors as motivation, effective communication, participation, engagement, collaboration between actors, which have an impact on students' perception of satisfaction and well-being.

The objective of the current study is to give definitions of notions 'gamification', 'game-based learning', 'edutainment', outline the possible methods for assessing learning outcomes achieved while applying these educational technologies and exemplify their usage at foreign language (FL) lessons in higher educational institutions.

To start with, a distinction needs to be made between the notions of '*gamification*' and '*game-based learning*'. Both strategies bring pedagogical values to educational process whereas game elements that include goal setting, active interaction, problem solving, rivalry, feedback, are aimed at creating fun learning environment and suitable for online and in-classroom tuition. Game elements should be thoroughly selected by a tutor to meet the desired learning objectives of the course. Also, the ratio of game elements to the total duration of the lesson should be clearly fixed and not exceed a certain limit.

Gamification is understood as the introduction of game elements into traditional learning activities with the purpose of boosting students' motivation and engagement. As opposed to gamification, *game-based learning* implies the presence of game principles underpinning the learning activities themselves. For instance, in a Professional Translation course, students might role-play as they interact in a mock scientific conference performing as speakers, interpreters, conference organizers, volunteers, journalists, etc.

Another useful term is *edutainment*, blending of education and entertainment, a revolutionary approach to teaching-learning process that fuses conventional educational context

with various media like storytelling, interactive games and exhibits. The purpose of edutainment is to create more relaxed, enjoyable learning environment, boost students' motivation and engagement, and bring positive outcomes [2]. The term itself was coined in 1954 by Walt Disney, and it was popularized by Robert Heyman in 1973 for the purpose of producing documentaries for the National Geographic Society.

Results and findings

While gamification incorporates game framework into conventional learning activities, game-based learning develops intrinsically game-like activities. At the same time, both strategies, effective for promoting learners' engagement and boosting motivation for studying, do not necessarily guarantee positive learning outcomes. So, the effective system of learning outcomes assessment should be developed and tested.

Assessment of learning outcomes

In order to reward learners for completing various assignments or assess their learning outcomes, different grading schemes can be introduced in tuition, such as game points or experience points (often abbreviated as *exp* or *XP*), in addition to the traditional ones. The term '*eXperience points*' was adopted from role-playing videogames. Points are one of the most frequently used game design elements in the field of gamification. Some of these grading schemes embedded in the educational process are presented in the table 1. It should be mentioned that points should be desirably supplemented by traditional academic rewards. For example, when a certain threshold of desired points is reached by a learner, he/she might be allocated an additional time (few days or a week) to submit an assignment required for course completion or given some extra points on the next test, etc.

Table 1. Grading schemes for assessment of learning outcomes

Grading scheme	Description
Limitless points	Unlimited points or XP systems can be accumulated as opposed to conventional grading schemes, with 100% or 100 points as maximum.
Student's choice	A student might focus on reflection activities, or opt for test completion, preparing a presentation, a scientific report, composing a role-play dialogue, or any other educational activity relevant to the course. As a result, a student earns points for achieving the set goal.
Tracking	A gradebook feature can be introduced for each student in order to share the academic achievements with the rest of the group and to track points in a student's own profile. A tracking system should be accessible by both a student and a tutor.
Setting flexible goals	Students are offered an array of possibilities to earn and accumulate points and to complete a certain number of chosen educational tasks. The goal is to achieve a desired point total that allows to pass a credit or an exam successfully.
Badges	Digital badges can be used as a means for student work's assessment. They can be received for completing assignments, doing an extra work, sharing notes with groupmates, submitting a draft, preparing a scientific conference report, writing an essay as a competition entry, etc. Badges can also be rewarded for active participation in classroom activities over the course of a semester. These rewards can go public and be displayed in the classroom in order to motivate students, encourage competition among them, and also to outline and promote an array of rewards to be earned. Such platforms as <i>credly.com</i> and <i>openbadges.org</i> are useful tools for creating your own digital badges. A platform <i>Coursera</i> , offering an array of free educational courses, actively implements badges and other reward systems for promoting interactivity and retention.
Leaderboards	Leaderboards showcase the distribution of point totals earned by students through learning process. While constructing leaderboards, it should be emphasized that students at the bottom of the board could be discouraged by observing their accumulated results, and displaying points of all group members can be a disincentive for teach retarded or poorly performing students. To create a healthy atmosphere of competition, students should see on leaderboard only the two students who are positioned immediately above them and below them.

Online gamification strategies include *quizzes* and *discussion boards*. The former represent an interactive narrative or quest drawing students in and helping them to see the consequence of their responses. Questions may be built upon preceding answers, being a part of a story or a narrative that capture learners' imagination and keep them engaged in the process. It is also recommended to include various clues or hints that can be used optionally. Here, the caution should be taken as the game-like features of the assignment can be mitigated and potentially impaired students can be focused too much on the obtaining the desired grade at all costs. For this, an alternative method is proposed when students go through a quiz in the online environment, and then in the classroom they form groups and complete the same quiz trying to motivate their answers and convince groupmates of the correct answer (for example, Immediate Feedback Assessment Technique (IF-AT) cards).

Discussion boards are seen as an incentive to discuss reading before or straight after class. XP points are usually allocated for each post or response to another post whereas

received points are given for additional help on an assignment, or even for bypassing an assignment (if the student achieves the required number of points, he/she is no longer obliged to complete a particular assignment, i.e. so-called automated accreditation). Real-time online discussions can be facilitated by means of tools like Padlet where contributions made by students are anonymous.

In-class gamification strategies comprise *classroom response systems* and *jeopardy*. Collecting responses from an entire class can be time-consuming and difficult, so classroom response systems like TopHat and Kahoot engage students through game elements such as competition between individuals or points. Jeopardy-style games are used for textbook chapters review or for preparation for an interim assessment, done in enjoyable interactive format in a familiar game structure. A game can be created in PowerPoint or tools like Instant Jeopardy Review. 'Crocodile' game cards and various formats of guessing games are very popular among students as they facilitate learning active vocabulary or revising the learnt topic in a fun and friendly environment. Improved flash-

cards Brainscape apply the principle of “confidence-based repetition” aimed at retention of knowledge [3].

Some illustrative examples of guessing games composed by students of civil engineering university include ‘Guess the brand by its slogan’, ‘Construction quiz’, ‘Construction crossword’, ‘Collect the fragments’, ‘Professional jargon of engineers’, and many others (fig.1). Designing these games allows students to be creative, think outside of

the box, use their imagination, demonstrate their professional skills and knowledge and also search for original ways of presenting their assignments, which can be quite time- and labor-consuming. Also, presenting the game might be quite challenging for a student as it requires the full attention and engagement from the part of the peers, so teachers and students swap their roles during the lesson and passive listening is replaced by active interaction.

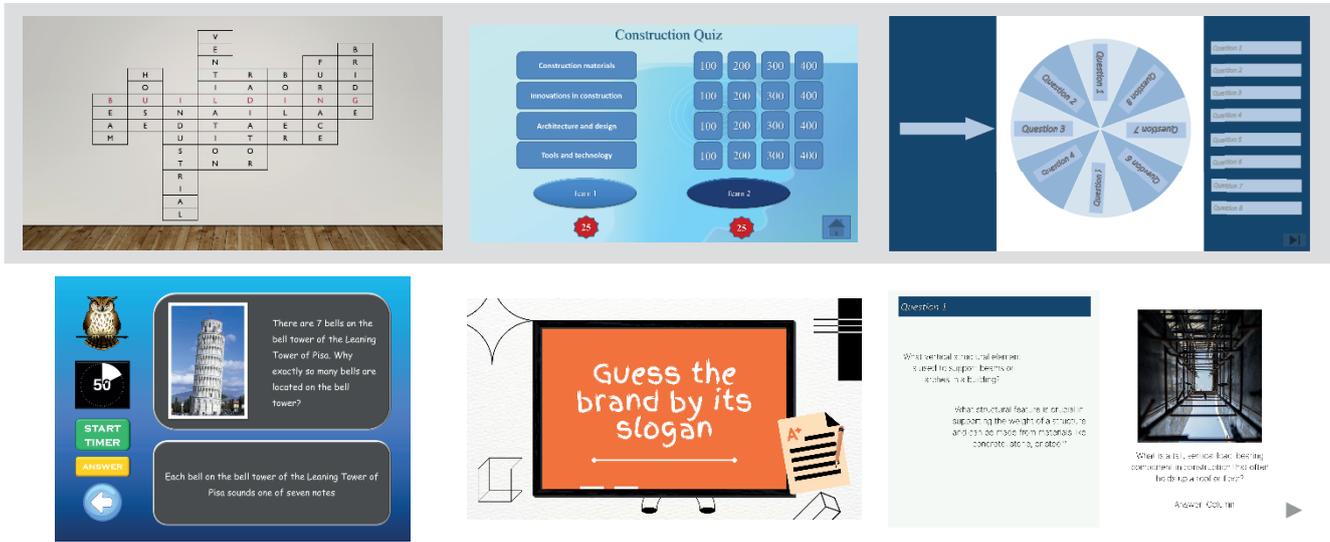

Fig.1. Examples of guessing games developed by Master’s students of National Research Moscow State University of Civil Engineering (2023–2024)

Out-of-class gamification strategies include *game-based* and *game-enhanced learning environments*. Games for educational purposes can be designed by such a tool as Trivia Crack, for instance. While the game itself acts as the educator, university teachers should be aware of their existence and put them to good use. Game-enhanced learning environments employ commercially-available games, with entertainment in mind. While playing the games, learners find the means for discussing gameplay experience with other individuals. The role of an educator here is to find and recommend examples of the games directly or indirectly related to the studied discipline and give the space for students to reflect on the gameplay experience. For example, *World of Warcraft* or *Second Life* are proven to be efficient for immersing FL learners in another language. The latter incorporates creating an own avatar in a virtual world and embodying a 3D space, communication is done through the text that reduces students’ anxiety to speak. While games like *SimCity* enable learners to understand economic principles, popular commercial game *Minecraft* gives students a sandbox to construct their own virtual worlds. Similarly, a computer game *Earthquake Rebuild*, developed by the specialists of the Educational Psychology department of Florida State University College of Education in 2013, encourages students’ creativity in design and also teaches geometry, architectural principles like symmetry and balance, artistic choices about color, etc. While using this game-based learning platform, students are given a task to rebuild a virtual village destroyed by a devastating earthquake.

Gamification and game-based learning should be gradually and thoughtfully incorporated into a course and does not require a monumental shift in a teaching-learning process. Many well-known active learning strategies can be modified into effective learning tools.

Authentic video materials as a gamification technique

Effective multicultural communication is inconceivable without development of linguistic and cultural competences as they

help learners to blur the lines between cultural differences and overcome the language barrier.

One of the gamification techniques includes the use of authentic video materials in a learnt language. Videos are believed to be a highly informative teaching aid in a FL classroom as acquiring of new active lexis and grammar is accompanied by the corresponding visuals that facilitate educational process. The use of videos can be complementary both in class with a tutor and for self-tuition purposes outside the linguistic environment. Ideally, such videos should have a supplement of a custom-made assignment for revision and self-control.

Some researchers propose the use of animated films in a FL [4], a very effective means to immerse in a learnt language environment through the system of connotations, means of expression, body language, moral values, stereotypical behavior, etc. Usually, learners respond positively to incorporation of edutainment in FL teaching since it helps to boost motivation for better understanding a language spoken in real-life situations and offers a glimpse into the culture of a studied language.

Thus, the introduction of animated videos with a simple story line is recommended even for elementary level learners. For this purpose, popular videos in a native language professionally translated and dubbed into a FL are also can be used since students can easily recognize the familiar plot and recall the utterances of characters. Such videos are accessible on various online platforms and can be used for practicing back translation and reconciliation, with subtitles in both languages, if necessary. Examples of Russian animated videos translated into an array of foreign languages comprise “*Hedge in the Fog*”, “*Snow maiden*”, “*Magic Porridge Pot*”, “*Masha and the Bear*”, “*The Little Humpbacked Horse*”, “*Prostokvashino*” series and many others. With future engineers, British animated TV series “*Bob the Builder*” are proved to be very popular as they contain useful active vocabulary and simple dialogs presented in a friendly entertaining format. The episodes can be watched with English subtitles if necessary and are suitable for role-performance.

For example, learners with an elementary level of knowledge are supposed to watch a video without sound for the first time and try to understand the storyline, characters, their emotions and interactions, to guess the plot. The second viewing of the video can be accompanied by voice-over done by the students, or students with a teacher, in turns, in sync with the characters. Such viewing includes the elements of role-play and also helps learners discover their artistic talents. Another positive outcome is that watching animated movies cheers students up and creates a relaxed, fun atmosphere in the classroom boosting students' motivation and increasing their involvement in a teaching-learning process [5].

There are also special educational resources, such as *Speak Out* textbooks or British Council podcasts, for instance, offering thematic authentic foreign language videos with transcripts for different levels of language command. The range of offered topics covers many aspects included in the curriculum of Bachelor and Master Degree programs, for example "Dream Commuters", "Job Offer", "Work", etc. These 3–5-minute prerecorded materials are a valuable educational resource for developing the communication skills of undergraduate, specialized and graduate students who are used to clipped thinking, as their elaboration does not require extreme concentration on the part of students, creates a relaxed atmosphere during the classes realized in a game friendly format. From the authors' personal experience, it is recommended to use those videos in the beginning of the lesson as a warming up activity or, on the contrary, at the end of the lesson, especially for late evening classes with Master Degree students, for positive and relaxed conclusion of the lesson, during the so-called 'Evaluation stage' of the lesson.

Conclusions

Application of game technologies in educational process, in particular for FL teaching, ensure the inclusion of all students in the game process, variability in selecting possible ways of learning outcomes achievement, and accessibility of game tasks to all students. New knowledge is assimilated and consolidated in a friendly accessible format that includes multiple repetition and vivid design of the language material. As a result, learners may be so engrossed in the game that they do not notice the upcoming end of the lesson. Altogether, active incorporation of gamification and game-based learning technologies in educational process is proven to be effective in FL classroom environment as it boosts students' motivation and engagement in teaching-learning process.

Литература

1. Кальято С.Дж., Алмейда Л.С. (2020) Обучение и академическая успеваемость в высшем образовании. Иберо-американский журнал исследований в области образования, Аракакара. Том 15. Выпуск 4. Сс.

1855–1876. DOI: 10.21723/riaee.v15i4.12670 (на испанском)

2. Соколова А.Г., Девятникова К.Г. Едьютейнмент как новая образовательная технология: сравнительный анализ Edutainment as a New Educational Technology: A Comparative Analysis//Lecture Notes of Civil Engineering. PCSF 2023. 2023. Том 830. Сс. 302–318.
3. Бьорк Б. (2014). Геймифицируй: как геймификация мотивирует людей на необычные поступки. Вашингтон: Рутледж. 196 с.
4. Юдина Т. (2021) Мультипликационные фильм как едьютейнмент в преподавании иностранных языков // Доклады научного сообщества. Выпуск 2(26). Сс. 23–27.
5. Василиженко М.В., Коротков Е.А., Мухаркина В.С. (2020). Геймификация как современный метод обучения иностранным языкам // Современная высшая школа: инновационный аспект. Том 12. № 2. Сс. 43–50. DOI 10.7442/2071–9620–2020–12–2–43–50

GAMIFICATION AND GAME-BASED LEARNING TECHNOLOGIES IN TEACHING ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE

Sokolova A.G., Arkhipov A.V.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

This article is dedicated to the study of the concepts of gamification, edutainment, game-based learning, game technologies, as well as the evaluation of the effectiveness of the implementation of gamification in the teaching-learning process, in particular, for studying foreign languages in higher educational institutions. The authors analyzed examples of game technologies application in the form of authentic video materials, various quizzes, guessing games, and also provided recommendations on their application in foreign language classes.

Keywords: gamification, edutainment, game-based learning, assessment techniques, English as a Foreign Language.

References

1. Caliatto Susana Gakyia, Almeida Leandro da Silva. (2020). Aprendizagem e rendimento acadêmico no Ensino Superior. Revista Ibero-Americana de Estudos em Educação, Araraquara. Volume 15. Issue 4. Pp. 1855–1876. DOI: 10.21723/riaee.v15i4.12670 (In Spanish)
2. Sokolova A.G., Deviatnikova K.G. Edutainment as a New Educational Technology: A Comparative Analysis//Lecture Notes of Civil Engineering. PCSF 2023. 2023. Vol. 830. Pp. 302–318.
3. Burke Biran. (2014). Gamify: How Gamification Motivates People to Do Extraordinary Things. Washington: Routledge. 196 p.
4. Yudina Tatiana. (2021) Animated Films as Edutainment in Teaching Foreign Languages. Reports Scientific Society. Issue 2(26). Pp. 23–27.
5. Vasilizhenko M.V., Korotkov E.A., Mukharkina V.S. (2020). Gamification as a Modern Method of Teaching Foreign Languages // Modern Higher Education: innovative aspect. Volume 12. Issue 2. Pp. 43–50. DOI 10.7442/2071–9620–2020–12–2–43–50

Рецепция концепции “Москва – Третий Рим” как философская основа политической идентичности Древней Руси

Чэнь Шуаншуан,

аспирант, СПбГУ

E-mail: st122426@student.spbu.ru

В статье рассматривается концепция “Москва – Третий Рим” как философская основа политической идентичности Древней Руси, а также её влияние на формирование национального самосознания и легитимизацию власти московских правителей. Исследуется историко-философский контекст возникновения этой идеи в византийской традиции, её адаптация в России и философские основания мессианской роли страны в мировом контексте. Особое внимание уделяется философским и политико-теологическим аспектам концепции, её влиянию на укрепление власти московских князей, а также на создание идеологии, направленной на консолидацию общества вокруг царской власти. Работа включает также философскую критику концепции и современные интерпретации идеи “Третий Рим” в контексте философии национализма. Методологически исследование опирается на междисциплинарный подход, включая историко-философский анализ, текстологический подход и методы политической теории. Научная новизна работы заключается в систематическом анализе философских аспектов концепции “Москва – Третий Рим” и её долгосрочного влияния на российскую культуру и политику. Статья освещает как положительные, так и критические взгляды на эту концепцию, а также предлагает новые направления для дальнейших исследований в области философии и политической мысли.

Ключевые слова: Москва – Третий Рим, политическая идентичность, философия национализма, мессианская роль, историко-философский контекст, легитимизация власти.

Введение

“Москва – Третий Рим” для понимания политической и культурной идентичности Древней Руси.[1] Эта идея, впервые сформулированная в византийском контексте, после падения Константинополя приобрела новое значение для Московского государства, оказав влияние на не только политическую, но и культурную жизнь России. Концепция “Третьего Рима” олицетворяла идею Москвы как преемника Византии и хранителя православной веры, что придало особый смысл ее политическому и духовному статусу на мировой арене.[2] Влияние этой идеи оказалось решающим в формировании российской национальной идентичности, поскольку она помогала укрепить самосознание русского народа, связывая его будущее с миссией, которую он должен был выполнить в мире.[3] Таким образом, исследование философских основ этой концепции и её роли в становлении политической идентичности России является не только актуальным, но и необходимым для глубокого осмысления исторической и культурной эволюции России, а также ее восприятия как уникального государства в контексте мировой истории.

Цель настоящего исследования заключается в анализе философских основ концепции “Москва – Третий Рим” и выявлении её влияния на формирование политической идентичности Древней Руси. Это статья намерены рассмотреть не только теологические и философские аспекты этой идеи, но и её политическую составляющую, которая обеспечивала легитимацию власти московских князей и царей. Отдельное внимание будет уделено тому, как концепция “Третьего Рима” способствовала укреплению национального самосознания и формированию представлений о России как о правопреемнице Византийской империи и продолжательнице её духовной традиции. Важным аспектом работы является исследование того, каким образом эта концепция служила философской основой для политической миссии России и как она влияла на восприятие государства как исторической и культурной силы.

Научная новизна исследования заключается в междисциплинарном подходе к анализу концепции “Москва – Третий Рим”, который включает философию, историю и культурологию. В рамках этого подхода будут использованы методы текстологического анализа, позволяющие выявить основные философские идеи, заложенные в источниках, и историко-философской интерпретации, направленной на понимание контекста возникновения и развития этой идеи в эпоху Средневековья. Кроме того, мы применим подход, который позволит нам глубже осмыслить философские основания политической идентичности, формируемой через концепцию “Третьего Рима”. Этот подход способствует более полному восприятию исторического наследия и значимости данной концепции в контексте её воздействия на российскую культуру и политику.

Историко-философский контекст формирования концепции

Концепция “Москва – Третий Рим” имеет глубокие корни в византийской политико-религиозной традиции, кото-

рая сыграла ключевую роль в формировании духовной и политической идентичности Руси.[4] Эта идея зародилась на фоне трагического падения Константинополя в 1453 году, когда Византийская империя прекратила свое существование. Византия, будучи наследницей Римской империи, воспринималась как “Второй Рим”, и она считала себя хранительницей истинной христианской веры, что обеспечивало ей особое положение в мировой политике и религии. После ее падения, идеи византийского наследия были восприняты Московским княжеством, что позволило Москве стать не только политическим центром, но и духовным преемником Византии. В этом контексте появилась концепция, согласно которой Москва стала «Третьим Римом», преемницей Византии, продолжательницей ее миссии как защитницы православной веры и центра христианского мира. Концепция “Третьего Рима” была не только теологической, но и политической идеей, которая олицетворяла новые амбиции Московии, нацеленные на укрепление своего авторитета в православном мире.

Адаптация византийского наследия в Древней Руси была многоаспектным процессом, который охватывал как религиозные, так и политические аспекты жизни. Москва, как новый центр православной церкви, активно заимствовала элементы византийской культуры, в том числе и идеи о божественном праве монарха, который действовал по воле Божьей и был ответственен за сохранение и распространение христианской веры. В этом контексте московская знать и духовенство начали воспринимать себя как продолжателей традиций Византии, что находило отражение в политических и религиозных актах. Примером такого восприятия стали акты венчания Ивана III на царство и последующие шаги по утверждению самодержавной власти, а также утверждение идеи о божественном происхождении власти, что в свою очередь способствовало утверждению в обществе идеи о Москве как “Третьем Риме”. Данный процесс был не только продолжением византийской традиции, но и адаптацией её к новым условиям, создавая тем самым уникальное философское основание для формирования московской политической и культурной идентичности.[5]

Особую роль в развитии концепции “Москва – Третий Рим” сыграли такие фигуры, как митрополит Филарет и Иван Грозный.[6] Митрополит Филарет, будучи духовным лидером Руси в XVI веке, был одним из первых, кто выразил эту концепцию в своих трудах. Его философия и богословие акцентировали внимание на том, что Москва должна стать продолжателем дела Византии, сохранив православную веру и, следовательно, основным центром христианского мира. В этом контексте он создал теоретическую основу для того, чтобы концепция “Третьего Рима” получила широкое признание среди русских правителей и народа.

Иван Грозный, как политический лидер, также активно развивал эту концепцию, придавая ей особое значение в политической и государственной жизни. Он видел свою роль не только как царя, но и как защитника православной веры и идеала праведного правителя, продолжателя византийской традиции. Эта концепция помогла ему укрепить власть и легитимизировать свои действия, в том числе и в контексте сложных внешнеполитических отношений с другими государствами. Иван Грозный использовал философию “Третьего Рима” как основу для формирования идеологии самодержавия, утверждая, что его власть была божественно предопределена и что он нес ответственность за судьбу православного мира.[7]

Таким образом, концепция “Москва – Третий Рим” развивалась в контексте философского и религиозно-

го наследия Византии, но одновременно была адаптирована под реалии Древней Руси. Митрополит Филарет и Иван Грозный сыграли ключевую роль в формировании и распространении этой идеи, которая в дальнейшем оказывала значительное влияние на политическую идентичность России.

Философская основа концепции “Москва – Третий Рим”

Концепция “Москва – Третий Рим” была глубоко связана с космологическими и эсхатологическими представлениями, характерными для восточнохристианской традиции. В византийской философии и богословии утверждалась идея о божественном порядке в мире, который направляет историю к своему завершению, что находило отражение в концепции “конца времен”. Для православного мира Москва, как преемник Византии, стала не только центром духовной жизни, но и связующим звеном между небесным и земным царством. В этом контексте идея “Третьего Рима” приобретала космологический и эсхатологический смысл, предполагая, что Россия, наследовавшая духовную и политическую традицию Византии, несет в себе особую миссию, связанную с ожиданием божественного откровения и наступлением конца времен. Такая трактовка Москвы как “Третьего Рима” означала, что ее существование и власть находятся под особым божественным промыслом, а российское государство призвано стать последним оплотом христианства в мире.

Эсхатологический аспект концепции подчеркивал роль России как хранителя истинной веры, особенно после падения Константинополя, символизировавшего конец византийского мира. В этом контексте Москва воспринималась как новый духовный и политический центр, призванный сохранить православие и распространить его по всему миру. Важнейшим философским элементом концепции было представление о России как единственном хранителе истинной веры в условиях растущего влияния католицизма на Западе и угрозы мусульманской экспансии на Востоке.[8] Именно Россия, по мнению русских духовных и политических лидеров того времени, должна была стать последней оплотной крепостью православия, преемницей византийского духовного и политического наследия. В этом смысле идея “Третьего Рима” несла в себе не только философское, но и теологическое обоснование, утверждая, что судьба России и ее народа тесно связана с высшими божественными целями и миссией.

Политико-теологические аспекты концепции “Москва – Третий Рим” заключаются в том, что она служила инструментом легитимации власти московских правителей, обеспечивая их положение не только через светское право, но и через божественный промысел. В христианской традиции идея божественного происхождения власти императора или царя была основой политической легитимации. В случае Москвы, правители стремились продемонстрировать, что их власть была дарована непосредственно Богом, а значит, их решения и действия имеют божественное оправдание и находятся вне всякой человеческой критики. Это придавало власти Ивана III, Ивана Грозного и последующих монархов особую неприкосновенность и сакральный статус. В рамках этой концепции царская власть становилась не только политической, но и духовной, что означало, что царь, как и в Византии, воспринимался как защитник веры и гарант порядка на земле, управляющий под руководством божественного промысла.

Философская основа концепции «Москва – Третий Рим» заключалась в сочетании космологических, эсхатологических и политико-теологических элементов. Москва не только наследовала политическое и культурное наследие Византии, но и принимала на себя миссию сохранить и защитить православие как единственную истинную веру. Вся философия этой концепции была направлена на легитимизацию власти, утверждая, что московские монархи действуют по божественному велению, что придавало им власть не только земную, но и сакральную.

Политическая идентичность Древней Руси через призму концепции

Концепция «Москва – Третий Рим» оказала значительное влияние на укрепление власти московских князей, предоставив философскую и теологическую основу для их самовыражения как властителей, обладающих сакральным правом на управление. Важно отметить, что в контексте раннего средневековья, когда государственная власть в значительной степени зависела от божественного благословения, представление о Москве как «Третьем Риме» сыграло ключевую роль в легитимизации власти московских правителей. Именно через эту концепцию Московия утвердилась как не только политический, но и духовный центр, на который возлагалась ответственность за сохранение и защиту православной веры.[9] Для московских князей и последующих царей это было стратегически важным инструментом, позволяющим укрепить их позиции внутри страны и внешне. Царская власть, ставшая преемницей византийской, воспринималась как сакральная и не подлежащая оспариванию, что увеличивало политическую стабильность в стране и создавалось ощущение, что власть монарха неразрывно связана с божественным промыслом.

Концепция «Москва – Третий Рим» также сыграла важную роль в формировании идеи мессианской роли России на мировой арене. В эпоху кризиса европейской христианской цивилизации, связанного с падением Константинополя и ростом угрозы со стороны мусульманского мира, Россия начала воспринимать себя как последнюю цитадель христианства, которая должна не только защищать свою веру, но и распространять её на весь мир. Идея, что Москва является духовным преемником Византии, позволяла Московии предъявлять претензии на лидерство в православном мире, а также оправдывать свои амбиции в политической и военной сфере. Эта мессианская роль России как защитника и распространителя истинной веры служила как внутренним, так и внешним целям. Внутри страны она способствовала консолидации народа вокруг идеи исторической миссии, а за пределами России – определяла её политику и дипломатические усилия, направленные на поддержку православных народов и стран. В этом контексте Россия представлялась как державная сила, которую Господь поставил на защиту православной веры, что усиливало её статус как мирового игрока в эпоху, когда вопросы религиозной принадлежности и культурной идентичности имели ключевое значение в международных отношениях.

Использование концепции «Москва – Третий Рим» также послужило мощным инструментом для консолидации общества вокруг царской власти. В условиях политической нестабильности, междоусобиц и борьбы за власть, представленная идея о Москве как о сакральной и незыблемой опоре православия создавала у общества ощущение единства и общности. Концепция была

тесно связана с утверждением власти как божественного правопреемника Византии, и каждый правитель, будь то Иван III или Иван Грозный, стремился укрепить свою власть через идею божественного назначения и связи с небесной силой. Это позволило российским монархам претендовать на сакральность своей власти, а значит – на моральное право направлять народ в соответствии с высшими божественными целями. Митрополит Филарет и другие религиозные деятели того времени активно использовали концепцию «Третьего Рима» для обоснования духовного единства России и её народа, что значительно укрепляло политическую идентичность государства.[10] Такая идея создавала мощный идеологический и духовный каркас для стабильности внутренней политики, позволяя монархам и духовенству консолидировать усилия в борьбе за политическую и духовную гегемонию в регионе.

В целом, концепция «Москва – Третий Рим» не только сформировала философскую основу для усиления власти московских князей и царей, но и способствовала формированию глубокой политической идентичности Древней Руси. Эта идея помогала укрепить власть через легитимизацию монархии, усиление мессианской роли России как хранителя истинной веры, а также через консолидацию народа вокруг царской власти, утверждая её как неприкосновенную и божественно направляемую. В конечном итоге, концепция «Третий Рим» стала важным элементом политической философии, который продолжал оказывать влияние на формирование российской государственности и её самоощущения на протяжении многих столетий.

Философская критика и альтернативные интерпретации

Идея «Москва – Третий Рим», несмотря на свою политическую и культурную значимость в контексте российской истории, подверглась философской критике и вызвала сомнения у ряда западных мыслителей и историков. В первую очередь, философская критика связана с мессианским характером концепции, который ставил Россию в особое положение как духовного и политического лидера. Одним из главных ограничений мессианского подхода является его потенциальная склонность к изоляционизму и нетерпимости к внешним культурам и религиям. Поддерживая идею о Москве как последнем оплоте истинной веры, концепция порой противопоставляла Россию остальному миру, что ограничивало её способность к взаимодействию и диалогу с другими цивилизациями. Такая миссионерская роль, при всей её духовной привлекательности, могла приводить к идеологической замкнутости и политической изоляции, особенно в условиях глобализации, когда межкультурный обмен и взаимодействие становятся необходимыми для устойчивого развития.

Критика западных философов и историков, в свою очередь, затрагивает историческую и теологическую основу концепции. Западные исследователи часто указывают на то, что идея Москвы как «Третьего Рима» представляет собой не столько объективную историческую реальность, сколько идеологическое конструктивное высказывание, разработанное в ответ на политические и культурные вызовы того времени. Важным элементом критики является возражение против исторической правомерности такой интерпретации, ссылаясь на то, что Византия сама по себе не была идеальной моделью христианского государства, а падение Константинополя не обязательно должно было означать конец её полити-

ческой и духовной миссии. Западные философы, например, в контексте христианской философии и истории, выдвигали идеи более инклюзивного подхода, в которых политическое и религиозное руководство не ограничивались бы одной нацией или культурой. Более того, идея «Третьего Рима» порой воспринималась как попытка оправдать и легитимизировать автократическое правление и централизованную власть, что противоречит либеральным и демократическим принципам, распространённым в западной философской традиции.

Кроме того, критика заключается и в том, что концепция «Москва – Третий Рим» чрезмерно акцентирует внимание на исключительности и превосходстве России, что может порождать опасность националистических тенденций. Такая интерпретация может привести к мифологизации российской истории и духовности, затмевшей более сложные и многообразные процессы развития страны, а также отрицать вклад других цивилизаций в мировую культуру и развитие. Некоторые философы, ориентированные на постмодернистскую критику, указывают на опасность применения метафизических и эсхатологических понятий в политике, утверждая, что использование религиозных идей для обоснования светской власти всегда сопряжено с рисками манипуляции и идеологического давления.

В контексте современной философии и политической мысли, идея «Третьего Рима» приобретает новую интерпретацию, особенно в контексте философии национализма. В последнее время, в условиях политических и социальных изменений в России и на международной арене, идея мессианской роли России вновь актуализируется. Современные мыслители, ориентированные на концепции национализма, пытаются связать эту идею с национальной идентичностью, утверждая, что Россия по-прежнему несет ответственность за сохранение православной веры и традиционных ценностей в глобализованном мире. В этой интерпретации концепция «Москва – Третий Рим» выступает как утверждение не только религиозной, но и культурной исключительности России, которая сохраняет свою самобытность и независимость в условиях давления со стороны Запада. Однако такая интерпретация также сталкивается с философскими возражениями, поскольку она может усилить националистическую риторику и изоляционизм, игнорируя многогранность и сложность глобальных политических процессов.

Философская критика концепции «Москва – Третий Рим» включает в себя как исторические, так и теоретические аспекты, которые поднимают вопросы о границах мессианства, исключительности и национализма. Несмотря на то, что эта концепция сыграла важную роль в формировании российской политической идентичности, её философские основы требуют внимательного анализа и критического осмысления, особенно в контексте современных политических реалий, где идеи культурной идентичности и глобальной взаимозависимости становятся всё более важными.

Заключение

Концепция «Москва – Третий Рим» оказала значительное влияние на формирование политической идентичности Древней Руси, предоставив философскую основу для самоопределения и легитимации власти московских князей. Идея Москвы как преемницы Рима и Византии служила не только укреплению внутренней власти, но и формированию мировоззрения, которое приписывало России уникальную роль в сохранении истинной веры. Мессианская роль России, утверждавшаяся через концепцию «Третьего

Рима», стала ключевым элементом в политическом сознании страны и оказала долговременное влияние на её развитие. Она послужила основой для консолидации общества вокруг царской власти, укрепления религиозной идентичности и формирования представлений о России как особом христианском государстве, поставленном на защиту православия.

Философское обоснование мессианской роли России через концепцию «Москва – Третий Рим» заключалось в восприятии страны как последнего оплота христианства, что позволило не только легитимизировать царскую власть, но и укрепить духовную связь государства с божественным промыслом. Эта концепция обеспечила российским правителям моральное право претендовать на роль духовного лидера в православном мире, а также стала основой для формирования идеи о России как глобальном защитнике истинной веры. В этой связи философские аспекты концепции играли важнейшую роль в её применении на практике, способствуя идеологической консолидации и утверждению уникальной роли России на мировой арене.

Современное исследование концепции «Москва – Третий Рим» открывает перспективы для дальнейшего анализа её влияния на российскую культуру и политику, а также на философскую мысль. В современных условиях, когда вопросы национальной идентичности и культурного самосознания вновь становятся актуальными, данная концепция может быть переосмыслена в контексте современной политической философии, в том числе в рамках теорий национализма и глобализма. Сравнительный анализ мессианских идей в истории других государств и их философских основ может способствовать более глубокому пониманию не только российской традиции, но и выявлению универсальных механизмов, связывающих религиозные и политические структуры. Таким образом, дальнейшие исследования концепции «Третий Рим» могут стать важным вкладом в развитие философии и политической теории, особенно в контексте современных вызовов мировой политики.

Литература

1. Ключкина Л.А. Конституирование мифологемы империи в русском культурном сознании (XV–XVI вв.) // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 1 (14). С. 62–69.
2. Коваль Т.Б. Элита и нравственность (религиоведческие заметки) // Мир России. Социология. Этнология. 1995. Т. 4. № 3–4. С. 131–157.
3. Тедеева Т.Т. Культурно-исторические смыслы Третьего Рима // Человек и культура. 2021. № 3. С. 111–127.
4. Калашникова С. М. В поисках Третьего Рима, или путешествие к истокам // Новое прошлое. 2023. № 3. С. 298–304.
5. Довгий Т.П. Москва-сплав «Третьего Рима» и Евразии (историко-философский аспект) // Проблемы безопасности российского общества. 2015. № 1. С. 136–145.
6. Пивоваров Ю.С. Политическая культура и политическая система России: от принятия христианства до петровских реформ // Мир России. Социология. Этнология. 1993. Т. 2. № 1. С. 184–212.
7. Шкуринов П.С. Философия России XVIII века. М., 1992. 256 с.
8. Реснянский С. И. «Москва-Третий Рим» как архетип русского православного самосознания // Вестник Московского государственного областного универ-

ситета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 41–49.

9. Комова Н.Б. Идеологема «Москва-Третий Рим» в контексте развития русской монархии XVI века: доктринально-правовое и историческое измерение // *Философия права*. 2010. № 5. С. 73–76.
10. Плетнев А. Л., Плетнёва Л.А., Каграманова И.Г. и др. Из истории русской философской мысли X–XVI-II вв.: «Москва-Третий Рим»: культурологические, педагогические и проблемно-методологические аспекты преподавания для иностранных студентов довузовской подготовки в группах гуманитарного профиля // *Международный журнал теории и научной практики*. 2018. Т. 1. № 2. С. 76–83.

RECEPTION OF THE CONCEPT OF «MOSCOW – THE THIRD ROME» AS THE PHILOSOPHICAL FOUNDATION OF THE POLITICAL IDENTITY OF KIEVAN RUS

Chen Shuangshuang

Saint Petersburg University

This article examines the concept of “Moscow – the Third Rome” as the philosophical foundation of the political identity of Kievan Rus, as well as its influence on the formation of national self-consciousness and the legitimization of the power of the Moscow rulers. The historical and philosophical context of the emergence of this idea in the Byzantine tradition, its adaptation in Russia, and the philosophical foundations of the country’s messianic role in the global context are explored. Special attention is given to the philosophical and politico-theological aspects of the concept, its impact on the strengthening of the Moscow princes’ power, and its role in the creation of an ideology aimed at consolidating society around the Tsarist authority. The paper also includes a philosophical critique of the concept and contemporary interpretations of the idea of the “Third Rome” in the context of nationalist philosophy. Methodologically, the research relies on an interdisciplinary approach, incorporating historical-philosophical analysis, textual analysis, and methods of political theory. The scientific novelty of the work lies in the systematic analysis of the philosophical aspects of the “Moscow – Third Rome” concept and its long-term impact on Russian culture and pol-

itics. The article presents both positive and critical perspectives on this concept and suggests new avenues for further research in the fields of philosophy and political thought.

Keywords: Moscow – Third Rome, political identity, nationalism philosophy, messianic role, historical context, power legitimization.

References

1. Klyukina L.A. The Constitution of the Mythologeme of Empire in Russian Cultural Consciousness (15th-16th centuries) // *International Journal of Cultural Studies*. 2014. No. 1 (14). P. 62–69.
2. Koval T.B. Elite and Morality (Religious Studies Notes) // *World of Russia. Sociology. Ethnology*. 1995. Vol. 4. No. 3–4. P. 131–157.
3. Tedeeva T.T. Cultural and Historical Meanings of the Third Rome // *Man and Culture*. 2021. No. 3. P. 111–127.
4. Kalashnikova S.M. In Search of the Third Rome, or a Journey to the Origins // *New Past*. 2023. No. 3. P. 298–304.
5. Dovgiy T.P. Moscow – the Alloy of the “Third Rome” and Eurasia (Historical-Philosophical Aspect) // *Problems of Security of Russian Society*. 2015. No. 1. P. 136–145.
6. Pivovarov Y.S. Political Culture and Political System of Russia: From the Adoption of Christianity to the Petrine Reforms // *World of Russia. Sociology. Ethnology*. 1993. Vol. 2. No. 1. P. 184–212.
7. Shkurinov P.S. *Philosophy of Russia in the 18th Century*. Moscow, 1992. 256 p.
8. Resnyansky S. I. “Moscow – the Third Rome” as an Archetype of Russian Orthodox Self-Consciousness // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*. 2019. No. 3. P. 41–49.
9. Komova N.B. The Ideologeme “Moscow – the Third Rome” in the Context of the Development of the Russian Monarchy in the 16th Century: Doctrinal-Legal and Historical Dimensions // *Philosophy of Law*. 2010. No. 5. P. 73–76.
10. Pletnev A. L., Pletneva L.A., Kagamanova I.G., et al. History of Russian Philosophical Thought from the 10th to the 18th Century: “Moscow – the Third Rome”: Cultural, Pedagogical, and Problematic-Methodological Aspects of Teaching for International Students of Pre-University Humanities Programs // *International Journal of Theory and Scientific Practice*. 2018. Vol. 1. No. 2. P. 76–83.

Методология исследования миграционной политики: Сочетание теории трёх стадий миграционных процессов и системного подхода

Огуз Шахбаз,

аспирант Дипломатической академии МИД РФ

E-mail: oguz.ilber.sahbaz@gmail.com

В статье рассматривается миграция как сложное явление с точки зрения политической науки, в рамках синтеза двух основных теоретических подходов: «Теории трех стадий миграционных процессов» и системного подхода. Миграция описывается как динамический процесс, состоящий из трех стадий: предшествующей переселению, самого акта миграции и акклиматизации после переселения. Анализ показывает, как государства используют правовые, бюрократические и политические механизмы для влияния на миграцию и ее управления, подчеркивая такие категории, как легальная миграционная политика, политика в отношении нерегулярной миграции, политика убежища и интеграционная политика. В статье утверждается, что эклектичная методологическая основа позволяет проводить глубокий анализ миграционной политики, иллюстрируя, как действия государств взаимодействуют в рамках более широкой миграционной системы. Этот подход не только облегчает оценку индивидуальных миграционных политик стран, но и позволяет проводить сравнительный анализ в различных контекстах и временных периодах. Исследование предоставляет сведения об эффективности и влиянии различных миграционных политик, в конечном итоге способствуя более полному пониманию современных миграционных проблем.

Ключевые слова: миграционная политика, теории трех стадий миграционных процессов, государственное регулирование миграции, международные миграционные процессы.

Introduction

Migration, a phenomenon ingrained in human history, is as complex and multifaceted as humanity itself. It draws the attention of numerous scientific disciplines, each striving to understand and explain its intricacies. Governments worldwide invest significant resources in influencing, shaping, and regulating migration through a variety of legal and political mechanisms. Political science plays a key role in analyzing these policies, highlighting the contemporary relevance of this research area.

The aim of this study is to synthesize two theoretical frameworks within political science to better analyze the legal and political strategies states develop to manage migration. The first framework, the “Theory of Three Stages of Migration Processes,” stems from the Russian scientific tradition, primarily through the work of L.L. Rybakovsky. This theory posits that migration is not a singular event, but a continuous process made up of interrelated stages.

The second theoretical framework is the systems approach, widely applied as “migration systems theory” in macro-level migration studies. This theory suggests that migration systems are established between two or more countries based on enduring migration relations, shared historical and geographical contexts, and cultural or linguistic similarities. However, this systems approach has yet to be thoroughly applied to analyzing individual states’ migration policies at the micro level.

This research employs a dialectical approach, viewing the legal and political mechanisms through which states regulate migration as part of the superstructure. This approach will enable a nuanced analysis of how states construct and manage migration processes within a broader socio-political context.

Conceptualising Migration and Migration Policy

The scientific study of migration began in the latter half of the 19th century, engaging a wide range of academic disciplines such as sociology, geography, demography, economics, law, and political science. Each discipline, with its unique perspectives and methodologies, has contributed to a diverse array of theoretical approaches and analytical techniques in migration studies. This has led to a broad spectrum of research, often focusing on different aspects of the migration process. Within political science, research on migration has emphasized the interplay between migration and state structures, public policy, bureaucracy, foreign relations, political institutions, and the actors involved in these processes. Migration policy, a key aspect of state governance, thus emerges as a crucial focus of political science inquiry, as scholars explore the legal and political mechanisms shaping migration and their broader societal impacts.

A review of the scientific literature reveals the absence of a universally accepted definition for conceptualizing migration. This lack of consensus has led to the proliferation of numerous epistemological frameworks, definitions, and related components. Russian sociologist and migration scholar V.A. Iontsev, in his 1999 monograph, identified 36 distinct definitions in Russian academic literature and 27 in foreign sources [1, p. 19]. L.L. Rybakovsky, another prominent Rus-

sian sociologist, attributes this definitional diversity to the inherent challenges within modern science. He argues that as researchers attempt to uncover new, nuanced dimensions of migration, they often generate a wide range of terms and definitions based on individual interpretations [2, pp. 184–185]. Rybakovsky also highlights that the proliferation of these terms frequently correlates with the expansion of bureaucratic and academic institutions, which continually create new terminologies to describe an evolving and complex phenomenon.

Despite the lack of a unified definition among researchers, existing definitions of migration can be grouped into two main categories. In the narrow sense, migration is often understood as a “permanent or temporary change of residence,” a concept first articulated by E. Ravenstein in 1895 through a positivist lens [3, p. 168]. This perspective aligns with the definition provided by the International Organization for Migration (IOM), which defines migration as the “movement across an international border or within a state” [4, p. 113]. Broad definitions of migration, however, incorporate additional aspects of the phenomenon and account for its complexity. Sociologist T.N. Yudina notes that in Russian literature, the most widely accepted definition is that of L.L. Rybakovsky, who characterizes migration as any territorial movement between settlements within one or more administrative-territorial units, regardless of its duration, frequency, or purpose [5, p. 34]. This broader approach allows for a more inclusive understanding of migration, accommodating various types of movement beyond mere relocation.

The classification of migration phenomena has also been a focal point of scientific investigation. In Russian academic literature, L.L. Rybakovsky developed the modern framework for classifying population migration, introducing three taxonomic concepts: form, type, and species [6, p. 13]. According to Rybakovsky, forms of migration represent the highest level of taxonomy, used to describe different expressions of the migration phenomenon under various conditions. Forms are categorized based on characteristics such as regularity, legality, and the degree of realization of migration. In this context, migration is classified into forms such as regular vs. irregular, legal vs. illegal, and voluntary vs. forced.

Within these forms, migration phenomena are further differentiated into types, which provide a more nuanced classification by distinguishing between migrations that may appear similar but differ in fundamental aspects. For instance, types can include episodic, pendular, seasonal, and irreversible movements, allowing for a deeper understanding of migration’s diverse manifestations. These distinctions enable researchers to classify migration in a structured way that reflects its complexity and variety.

In his monograph, V.A. Iontsev provides a detailed matrix that organizes the key approaches to international migration found in global scientific literature. This matrix spans a wide range of disciplines, including economics, demography, migration studies, sociology, political science, systems theory, geography, ecology, history, ethnography, psychology, biology, genetics, philosophy, law, as well as typological and methodological approaches [1, pp. 106–132]. For each of these 17 distinct approaches, Iontsev outlines the main scientific trends and theoretical concepts, highlights the prominent researchers involved, specifies the years of research, and identifies the types of migration studied. Additionally, the monograph categorizes both the level and unit of analysis employed within these approaches.

The units of analysis are divided into five key categories: individual, family, ethnic group, social structure, and country, providing a structured way to understand migration dynamics across different scales. Furthermore, Iontsev identifies two levels of analysis: the micro level, which concentrates

on individual decision-making processes and the specific characteristics of individual migrations, and the macro level, which examines the broader social, economic, and political frameworks that influence and shape migration patterns. This comprehensive approach enables a multi-dimensional understanding of migration, accommodating both individual experiences and systemic factors.

According to L.L. Rybakovsky, migration should not merely be viewed as a singular act of resettlement but as a comprehensive process composed of three distinct stages and a series of interconnected events. He defines migration as “any territorial movement between settlements of one or several administrative-territorial units, regardless of duration, regularity, and purpose” [7, p. 32]. Within the framework of the “theory of three stages of migration processes,” each stage is understood not just as a specific moment in time but as an entity with distinct qualitative characteristics. This conceptualization allows for a more nuanced understanding of migration, making the term “stage” particularly suitable for describing the three key components of the migration process. By recognizing these stages, researchers can better analyze the complexities involved in migration and the various factors influencing each phase.

L.L. Rybakovsky’s definition of migration as “any territorial movement between settlements of one or several administrative-territorial units, regardless of duration, regularity, and purpose” underscores the complexity of the phenomenon. He argues that migration should not be viewed as a singular act of resettlement but as a process comprising three stages and a sequence of interconnected events [8, p. 92].

The “theory of three stages of migration processes,” developed in the late 1970s by prominent Russian scholars T.I. Zaslavskaya and Rybakovsky, builds on historical migration research within the contexts of the Russian Empire, the USSR, and contemporary Russia. This approach defines the migration process as a series of events, including their precursors and outcomes, all of which are formally recorded in space and time [9, p. 19]. The registration of migrants at both their new and previous locations marks this fixation. Rybakovsky emphasizes that each stage in the migration process not only represents a specific moment in development but also possesses distinct qualitative characteristics, making “stage” a fitting term for the three essential components of migration. This framework facilitates a deeper analysis of the migration experience and the dynamics at play throughout the process [8, p. 92].

The migration process consists of three distinct phases:

1. Initial Phase: This phase occurs before the act of resettlement, where individuals contemplate or prepare for migration.
2. Migration Phase: This encompasses the actual movement of individuals as they migrate from one location to another.
3. Post-Resettlement Phase: This phase takes place immediately after resettlement, as individuals begin to settle and adapt to their new environment.

These phases, or “stages,” are closely interconnected. At the outset, individuals in transit are considered potential newcomers. Once they begin the settlement and adaptation process, they transition into the role of former migrants. The interactions between these stages are crucial; individuals exhibiting high migration activity may find themselves poised to migrate again.

Rybakovsky distinguishes between the migration process and the broader concept of migration. The former focuses on the dynamic aspects of migration as a phenomenon, while the latter encompasses a series of individual migration acts within a specific timeframe. Thus, the act of migration – viewed as resettlement – represents just one component of a larger migration process that incorporates all three stages.

This framework allows for a comprehensive understanding of migration's complexities and the factors influencing each phase.

The micro-level approach of the theory of three stages of migration processes allows for a nuanced analysis of migration as a multifaceted phenomenon. This perspective emphasizes that migration encompasses not only the act of resettlement but also the stages that precede and follow it.

In the initial stage, which occurs before resettlement, individuals develop migration attitudes and assess their migratory mobility options. The formation of these attitudes is shaped by personal experiences and various factors within the social system, including migration networks and policies. Alongside the intention to migrate, this stage involves essential preparatory actions such as gathering information about potential destinations, acquiring or selling assets, and obtaining necessary documentation like passports and visas. These individual actions create pathways for mobility, setting the stage for the subsequent phases of the migration process.

In the context of the theory of three stages of migration processes, the second stage focuses on the act of resettlement itself. L.L. Rybakovsky elaborates on this stage by introducing key concepts such as «migration flow», «migration balance», «migration gain and loss», and overall «migration dynamics» [2, pp. 72–73]. Specifically, the difference between the number of arrivals and departures is referred to as «migration gain», «migration balance», or «net migration» [10, p. 264].

The third stage pertains to the acclimatization of new settlers, beginning with their transformation from migrants into new settlers and culminating in their establishment as old settlers [10, p. 228]. To facilitate an objective analysis of this stage, Rybakovsky introduces critical concepts such as «adaptation», «settlement», and the interrelated terms «acclimatization» and «integration» [2, pp. 150–157]. This stage focuses on the experiences and challenges migrants face as they adapt to the legal, economic, social, cultural, and political conditions of their new environment.

Among the macro-level scientific approaches relevant to this thesis is the systems approach, grounded in migration systems theory. This approach, which has been utilized across various scientific disciplines, was first introduced to migration research by Akin L. Mabogunje in 1971. Mabogunje argued that the systems approach allows for a more comprehensive understanding of migration, viewing it not as a linear, unidirectional process driven solely by “push” and “pull” factors. Instead, it is seen as a circular, interconnected system that grows in complexity and adapts over time. Within this framework, changes in one part of the migration system can reverberate throughout the entire system, highlighting the interdependent nature of migration dynamics [11, p. 4].

As noted by I. Ivakhnyuk, the theory of migration systems synthesizes various concepts related to international migration, illustrating how migration flows between countries of departure and specific countries of entry are influenced by interconnected factors [12, p. 28]. Ivakhnyuk emphasizes that sustainable migration flows create a cohesive space, or migration system, that includes both countries of origin and countries of entry. To fully understand the dynamics of this system, it is crucial to analyze it as an integrated whole. This holistic approach enables researchers to capture the complexities of migration patterns and the various influences that shape them, facilitating a deeper comprehension of international migration phenomena.

According to S.V. Ryazantsev and his colleagues, the global migration system is composed of various subsystems that interact with one another [13, p. 118]. These researchers, along with other advocates of the systems approach, conceptualize these systems as networks of regional, con-

tinuous migration links, categorizing them as distinct subsystems. The primary subsystems identified include North America, Europe, the Persian Gulf, Asia-Pacific, South America, and Eurasia. In their analysis, the authors highlight that the countries within the European migration system share several unifying factors [13, p. 118]:

1. Overlapping migration policies at the national level.
2. Strong economic and political ties among the countries.
3. Similar levels of economic development and cultural backgrounds.
4. Geographical proximity.
5. The development of common migration patterns.

The advent and continued existence of the European migration system can be attributed to the process of European integration. The process, which commenced with the signing of the Treaty of Rome, has resulted in not only economic integration but also the implementation by EU member states of a harmonised policy in key areas of state activity, including the migration sphere. In accordance with the principles of free movement of capital, labour, services and goods, the borders between countries were abolished and the mobility of people within the Union was significantly liberalised. Consequently, the EU has established a unified policy to regulate external migration flows.

The theoretical concept of the Eurasian migration system was developed by I.V. Ivakhnyuk. In her doctoral thesis, the academician demonstrated that the Eurasian migration system comprises a group of countries that have experienced notable migration flows in the post-Soviet era, shaped by a complex interplay of historical, economic, political, demographic, socio-ethnic and geographical factors [14, p. 9]. The principal beneficiaries of this system are Russia and, in recent years, Kazakhstan. The system was historically constituted within the confines of a single nation: the Russian Empire and the Soviet Union. This provides an explanation for the existence of stable migration flows between the former Soviet republics, which are characterised by deep economic, cultural and political ties. Russia serves as the focal point of the nascent migration system, while Kazakhstan has emerged as the primary migration hub for the former Soviet republics of Central Asia. As posited by I.V. Ivakhnyuk, the migration system facilitates labour migration due to the existence of a common language space and mutual interest in migration between Russia, Kazakhstan and the countries of origin.

Migration policy as an object of study within the discipline of political science, does not have a consensus and generally accepted definition, as well as the concept of migration itself. The phenomenon is elucidated in accordance with the scientific tradition and theoretical frameworks to which the researchers in question adhere. In a narrow sense, migration policy is defined as a set of measures that influence migration processes [15, p. 218]. In the view of V.A. Iontsev, migration policy is constituted by a system of special measures, legal norms and international agreements (bilateral and multilateral) designed to regulate migration flows, with the objective of pursuing both economic and demographic goals [1, p. 236]. Czaika and de Haas define migration policy as a set of rules, comprising laws, norms and measures, developed and implemented by national states with the objective of influencing the volume, origin, direction and internal composition of migration flows [16, p. 489]. In the view of L.L. Rybakovsky, migration policy represents a means of exerting influence over a range of social processes, including population migration. In accordance with the definition proposed by O.D. Vorobyeva and colleagues, migration policy can be conceptualised as a system of ideas and conceptually unified tools that are generally accepted at the level of power structures. Through this system, the state and its public institutions endeavour

to achieve goals that align with both the current and future stages of societal development, while adhering to principles that are tailored to the specific historical context of the country [17, p. 170].

In the context of defining migration policy as a system of generally accepted ideas and conceptually agreed tools at the level of power structures, it is necessary to provide a more detailed explanation of the term 'tools'. The system of instruments encompasses a range of normative-political mechanisms, including conceptual documents that regulate migration policy, actions undertaken by bureaucratic institutions, legislation, presidential decrees, and international agreements. These mechanisms have a tangible manifestation, evident in the routine administration of migration processes. Such instruments include the work of border and migration services, rules for the issuance of visas, residence and labour permits, legislative acts defining the legal status of foreigners, and asylum procedures. These mechanisms are integral to the system through which migration policy is implemented. These instruments provide legal and administrative regulation of migration flows, which has a direct impact on the legal status of migrants and their integration into host societies.

In light of the aforementioned arguments, the author posits that migration policy can be regarded as a subject of study within the field of political science, employing the theoretical framework of the three stages of migration processes and a systemic approach. The theory of three stages of migration processes is not merely a sociological explanation at the micro level. Furthermore, each stage of the migration process within this theory also indicates the political spheres in which public policies are concentrated with the objective of regulating, controlling and managing this social phenomenon.

At the macro level, the systemic approach enables an analysis of the actions of nation states in relation to these policy spheres based on their interaction with the migration system of which they are a part or within which they function. When the scale of analysis of the systemic approach is reduced to the micro level, it becomes possible to provide greater detail and measurement of the policies of individual states with regard to migration processes. This is because migration policy, being a system, comprises a number of subsystems, each of which has its own structures and functions.

In accordance with the taxonomy put forth by L.L. Rybakovsky, state policy in the domain of migration can be grouped into several categories: policy on legal migration, policy to counteract illegal migration, asylum policy (forced migration), and integration policy applicable to all forms of migration. Furthermore, it is essential to consider border policies, which are designed to safeguard national borders and regulate international migration flows. Each of these policy subsystems plays a crucial role in the functioning of the migration process, ensuring the effective operation of the entire system.

In the contemporary international system, where national residence is the norm and migration is the exception, states occupy a pivotal role in all three stages of international migration processes, functioning as both sending and receiving countries [18, p. 1495]. In the initial stage of the migration process, states implement a range of policies, regulations, and measures with the objective of either encouraging or deterring migratory behaviour among individuals. Irrespective of the nature of the political system, states endeavour to exert an attractive or repulsive influence on individuals' decisions to migrate internationally.

By employing a range of communication tools, including films, television series, public relations campaigns, advertising and the promotion of the opportunities available in the country through the media, states seek to foster positive attitudes towards migration among the target audience of

potential migrants. Similarly, externalisation policies aimed at limiting irregular migration flows and at curbing migration in the 'source country' are implemented by receiving states at the initial stage of the migration process. These measures are designed to influence the migration attitudes of individuals and restrict their migration opportunities. In the aftermath of the 2015 migration crisis, EU policies aimed at providing humanitarian assistance to enhance conditions in source countries and prevent the necessity for migration represent an example of such policies [19].

In the second stage of the migration process, namely the act of resettlement, states implement policies designed to control, regulate and supervise. The initial component of these policies is border policy. International migration occurs between the borders of nation-states, which function as organisations with clearly defined territorial boundaries. In this context, the border assumes a pivotal role in the formulation of migration policy. Border policy comprises a set of elements that regulate cross-border movement, including border management, border control, border patrols and checkpoints [20, p. 12]. Border management plays a pivotal role in efforts to control and manage migration flows, that enables states to distinguish between those who are permitted to enter and those who are not. It also allows them to differentiate between those who have the right to reside in the country and those who do not. In other words, border management involves, on the one hand, facilitating regular migration and, on the other hand, detecting and preventing the illegal entry of aliens into the country of destination [21, p. 218]. In this respect, border management, which fulfils the functions of control, supervision and protection, is closely linked to other components of migration policy.

The second policy implemented by states at the second stage of the migration process is that of legal migration. Legal migration, as a form of international migration, is the implementation of migration flows in accordance with the principle of legality and the rules established by the national legislation of states. In accordance with the principle of state sovereignty, each state is entitled to establish the conditions governing entry and residence on its territory. Any migration process commences with a journey, which is undertaken in accordance with rules and regulations developed through international consensus [22, p. 119]. One of the pivotal aspects of this process is the acquisition of the requisite documentation prior to embarking on a journey and throughout its duration. These documents serve to guarantee both the legitimacy of border crossings and the right to remain in the destination country. The instruments in question include passports, travel documents, visas and residence permits. The policies that pertain to each of these instruments are designed with the objective of ensuring both the legitimacy of border crossings and a predictable and manageable population configuration within the country.

The third policy implemented by states at the second stage of the migration process is the policy of countering irregular migration. Irregular migration, as a form of migration phenomenon, is the realisation of international migration flows outside the framework established by national legislation. Irregular migration occurs when migration flows contravene the rules established by States or when the time limits for legal stay, such as visas, residence permits and work permits, are exceeded. In recent years, irregular migration has increased significantly and, according to the UN, it has become one of the fastest growing forms of migration [23, p. 78]. Increased border controls, stricter migration procedures and restrictive migration policies have also contributed to an increase in irregular migration.

States have developed various tools and methods to combat irregular migration. Such measures include the im-

position of liability on passenger carriers, sanctions against employers, in-country inspections, administrative detention, combating smuggling of migrants, voluntary repatriation, deportation, readmission agreements and amnesties and, in some cases, regularisation of irregular migrants [24, p. 147]. Nevertheless, the governments of many Western countries are increasingly seeking to address irregular migration through internal control policies. They focus their efforts on limiting irregular migrants' access to jobs, housing, health care and other social services rather than preventing them from entering the country [25, p. 31].

The fourth policy pursued by States in the second stage of the migration process is asylum policy. Asylum policy, which includes responses to requests for protection by stateless persons and foreigners seeking asylum in a State, occupies an important place in migration policy due to the international law developed in this field. As stated earlier, in the modern international system, nationality and diplomatic protection granted by a state are the norm, while refugee status represents an exception. Especially after the First World War, millions of people were forced to flee their countries and seek refuge in other states, which led to the need for international legal mechanisms in this field. The 1951 Convention relating to the Status of Refugees (Geneva Convention) and the 1967 Additional Protocol (New York Protocol) became the basis of the modern international protection order. The year before the Convention was adopted, the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) was established as a specialised agency under the UN.

The asylum process begins when a foreigner submits an asylum application to the competent authorities at the border or inside the country of asylum. The asylum application procedure is carried out by authorised state authorities and must be completed within a certain period of time. As a result of the assessment made by the authorities in accordance with the Geneva Convention and national law, the applicant may be granted refugee status or temporary protection, allowing him or her to remain in the country. If the application is rejected, there are appeal stages, such as an administrative appeal or a judicial appeal. After the final rejection of the application at the appeal stage, a judgement is issued and deportation proceedings are initiated.

The policies pursued by states at the third stage of the migration process, namely the settlement of new settlers, are typified by the implementation of integration policies. The integration process is defined as a set of actions or processes undertaken by immigrants to align themselves with the fundamental values and institutions of the host country, with the objective of integrating them into the social structure of the state and, ultimately, conferring upon them the status of full-fledged members of society. As J. Hampshire observes, the process of integration is a two-way process of mutual accommodation involving not only immigrants but also the host society [26, p. 131]. In this context, the term 'integration' encompasses a broad range of issues pertaining to the rights and responsibilities of migrants and host communities [27, p. 116]. These include access to essential public services, the labour market, and the observance and dissemination of fundamental values that facilitate the unification of migrants and host communities under a shared objective [4, p. 106].

Each state develops and implements its own models of integration, which are informed by a range of factors, including historical development, specific social and cultural characteristics, and political priorities. Given the far-reaching implications of integration for numerous domains of public policy, including national security, education, health, the economy and justice, the formulation of policies pertaining to the integration of migrants is a responsibility that falls primarily at the central level [28, p. 153]. The process of migrant inte-

gration is initiated with the acquisition of legal status in the country of residence. This may be in the form of a residence permit, work permit, refugee status or other migration document that allows a foreign national to remain in the country and be recognised by the relevant state institutions. Typically, the attainment of such a status is facilitated by the relevant migration authorities. As integration progresses, the prerequisites for a favourable outcome become more demanding, as does the number of stakeholders involved. Crucial elements of integration encompass the acquisition of the host country's language by foreigners, access to fundamental public services, participation in the labour market and economic activities to guarantee self-sufficiency and financial independence [28, p. 156].

The relationship between a state and the international migration system also exerts an influence on the formation of its migration policy. The implementation of migration policies by states within the framework of an institutionalised migration system is defined by common principles, rules, processes and institutions. This ensures the coordinated and effective functioning of the aforementioned migration policy subsystems. The European migration system, which was discussed in detail earlier, provides the most illustrative example of this phenomenon. The European Union's external border protection policy, as exemplified by Frontex, and its regular migration policy, as exemplified by Schengen, ensure that all member states operate within a common migration policy framework as part of one migration system [28, p. 51]. Similarly, the externalisation of migration control and the implementation of common asylum systems such as the Dublin Regulation ensure that all member states operate within a common migration policy framework as part of one migration system. In addition, candidate countries that are in the process of acceding to the Union are obliged to adapt EU migration policies, which necessitates institutional changes on their part. Concurrently, the domain of migration policy in which the European migration system is currently experiencing challenges is that of integration policy. Each state formulates its own integration policy in accordance with its particular cultural, social, and political dynamics.

In light of the aforementioned methodological framework, it appears feasible to undertake comparative analyses of migration policies enacted by a given state, both in their entirety and at the level of discrete subsystems. Such analyses may be conducted from a historical perspective, with a focus on the state's own policy and its comparison with the migration policy of another state in a similar time period. This is due to the fact that migration processes pass through three distinct stages, each of which requires the implementation of appropriate political regulation. Furthermore, the phenomenon of migration itself progresses in a similar manner across the globe. Consequently, a comparative analysis of the legal and policy mechanisms developed by states in different areas of migration sub-policy is feasible on the basis of their specific characteristics. Furthermore, it is possible to compare the impact of policies in terms of achieving the objectives set out in their design, as well as the demographic results that have been achieved through these policies, both for specific historical periods and for different states within the same time periods.

Conclusion

The methodological framework for analysing migration policy is based on an eclectic synthesis of two main scientific approaches: the theory of three stages of migration processes and the systemic approach. The theory of three stages of migration processes is not only a sociological explanation at the micro level; it also identifies the political spheres in which various

state policies aimed at influencing, controlling and managing migration processes are concentrated. These spheres are targeted by states through the implementation of developed legal, bureaucratic and political mechanisms. In accordance with the taxonomy proposed by L.L. Rybakovsky, state activity is centred on and determined by forms of migration. The legal migration policy, irregular migration policy (illegal migration), asylum policy (forced migration) and integration policy (voluntary migration) are categorised as policies that target both migration processes and forms of migration.

The systemic approach enables the analysis of national states' migration policy actions and actual migration flows in the context of their relationship with the migration system of which they are a part or within which they function at the macro level. At the micro level, a systemic approach allows for the analysis, explanation and measurement of the policies and their effectiveness of individual nation states in relation to migration processes. Migration policy can be defined as a system of generally accepted ideas and conceptually unified instruments at the level of power structures. This system of instruments comprises legal and political mechanisms, including bureaucratic institutions, legislation, presidential decrees and inter-state agreements, which exert a tangible influence on migration processes. The mechanisms established in each policy area serve their intended functions both within the system as a whole and in interaction with each other, thereby achieving the objectives set out in their design. The results of these mechanisms are quantifiable, thereby enabling the efficacy of policies to be evaluated. Consequently, it is feasible to undertake comparative analyses of migration policies at the level of individual historical periods within a given state, as well as across different states within the same time frame. This may entail a combination of qualitative and quantitative approaches to the examination of legal and policy mechanisms, with a view to assessing their impact and outcomes.

Литература

- Ионцев В.А. Международная миграция: населения: теория и история изучения. – Ижевск: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.
- Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. – Москва: Экон-Информ, 2019. – 218 с.
- Ravenstein, E.G. The Laws of Migration / E.G. Ravenstein. – Текст: непосредственный // Journal of the Statistical Society of London. – 1885. – № 48(2). – С. 167–235. URL: <https://doi.org/10.2307/2979181> (дата обращения: 28.08.2024).
- International Organisation for Migration (IOM). International Migration Law, Glossary on Migration. – Geneva, 2019. – 236 с. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (дата обращения: 28.08.2024). – Текст: электронный.
- Юдина Т.Н. Социология миграции: учебное пособие для вузов. – Москва: Академический Проект, 2006. – 272 с.
- Рыбаковский, Л.Л. Классификация миграции: основания и таксоны / Л.Л. Рыбаковский. – Текст: непосредственный // Народонаселение. – 2016. – № 3 (73). – С. 4–14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-migratsii-osnovaniya-i-taksony> (дата обращения: 28.08.2024).
- Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – Москва: Наука, 1987. – 200 с.
- Рыбаковский, Л.Л. Предыстория возникновения теории трех стадий миграционного процесса / Л.Л. Рыбаковский. – Текст: непосредственный // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 2 (208). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predystoriya-vozniknoveniya-teorii-treh-stadiy-migratsionnogo-protsessa> (дата обращения: 28.08.2024).
- Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – Москва: Формула права, 2007. – 576 с.
- Демографический понятийный словарь: монография / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – Москва: ЦСП, 2003. – 352 с.
- Mabogunje, A.L. Systems Approach to a Theory of Rural-Urban Migration / A.L. Mabogunje. – Текст: непосредственный // Geographical Analysis. – 1970. – № 2. – С. 1–18. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1970.tb00140.x> (дата обращения: 28.08.2024).
- Ивахнюк, И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика / И.В. Ивахнюк. – Текст: непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2008. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-migratsionnaya-sistema-teoriya-i-politika> (дата обращения: 08.09.2024).
- Рязанцев, С.В., Молодикова, И.Н., Воробьева, О.Д. Миграция и миграционная политика в странах СНГ и Балтии в «ареале перекрытия» Евразийской и Европейской подсистем в 1990–2020-е годы / С.В. Рязанцев, И.Н. Молодикова, О.Д. Воробьева. – Текст: непосредственный // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 115–143. – DOI: 10.5922/2079-8555-2022-2-8.
- Ивахнюк, И.В. Формирование и функционирование евразийской миграционной системы: автореф. дис. ... док. эко. наук: 08.00.05 / И.В. Ивахнюк; Московский государственный университет. – Москва, 2008. – 46 с. – Текст: непосредственный.
- Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Жанны Зайончковской, Ирины Молодиковой, Владимира Мукомеля. – Москва: Центр миграционных исследований, 2007. – 370 с.
- Czaika, M., De Haas, H. The Effectiveness of Immigration Policies / M. Czaika, H. De Haas. – Текст: непосредственный // Population and Development Review. – 2013. – № 39. – С. 487–508. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00613.x> (дата обращения: 28.08.2024).
- Воробьева О. Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. – Москва: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 192 с.
- Hindess, B. Citizenship in the International Management of Populations / B. Hindess. – Текст: непосредственный // American Behavioral Scientist. – 2000. – № 43(9). – С. 1486–1497. URL: <https://doi.org/10.1177/00027640021956008> (дата обращения: 28.08.2024).
- Fine, S., Dennison, S., Gowan, R. False moves: Migration and development aid / S. Fine, S. Dennison, R. Gowan. – Текст: непосредственный // European Council on Foreign Relations. – 2019. URL: https://ecfr.eu/publication/false_moves_migration_and_development_aid/ (дата обращения: 28.08.2024).
- Vezzoli, S. The Role of the State in International Migration: Exploring the Transition from Colony to Independence / S. Vezzoli. – Текст: непосредственный // University of Oxford International Migration Institute Working Papers. – 2014. – URL: <https://www>.

migrationinstitute.org/publications/wp-102-14/@ @ download/file (дата обращения: 28.08.2024).

21. Bonizzoni P. The Border(s) Within: Formal and Informal Processes of Status Production, Negotiation and Contestation in a Migratory Context // *Migration, Borders and Citizenship Between Policy and Public Spheres* / eds. by M. Ambrosini, M. Cinalli, & D. Jacobson. – Palgrave Macmillan, 2020. – 309 с.
22. Koslowski R. International Travel // In: *Global Migration Governance* / Ed. by Alexander Betts. – Oxford: Oxford Academic, 2011. – URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199600458.003.0005> (дата обращения: 28.08.2024).
23. Düvell F. Irregular Migration // *Global Migration Governance* / ed. by Alexander Betts. – Oxford: Oxford Academic, 2011. – Online edn. – URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199600458.003.0005> (дата обращения: 28.08.2024).
24. Сидорова Г. М., Жерлицына Н.А. Миграционные процессы в Африке и проблема безопасности ко второму саммиту «Россия – Африка» // *Вестник РАН* – 2023. Том 93. – № 2. – С. 141–149 [Электронный ресурс]. URL: https://sciencejournals.ru/issues/vestnik/2023/vol_93/iss_2/Vestnik2302009Sidorova/Vestnik2302009Sidorova.pdf (дата обращения: 30.05.2024).
25. Schweitzer, R. The micro-management of migrant irregularity and its control: a qualitative study of the intersection of public service provision with immigration enforcement in London and Barcelona = Микроменеджмент миграционных нарушений и его контроль: качественное исследование пересечения предоставления общественных услуг с контролем за миграцией в Лондоне и Барселоне. – University of Sussex, 2018. – 271 с. URL: <https://hdl.handle.net/10779/uos.23457299.v1> (дата обращения: 28.08.2024).
26. Hampshire J. The Politics of Immigration: Contradictions of the Liberal State. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 216 с. – URL: <https://archive.org/details/politicsofimmigr000hamp> (дата обращения: 28.08.2024).
27. Сидорова Г. М., Жерлицына Н.А. Динамика миграционных и интеграционных процессов в Южной Европе (Испания, Португалия, Италия, Сан-Марино, Мальта) // *Мировая экономика и международные отношения* – 2023. – Том 67. – Выпуск № 9 С. 109–118 [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/meimo/s013122270028179-7-1> (дата обращения: 30.05.2024). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-109-118.
28. Sassen S. *Guests and Aliens*. – New York: The New Press, 1999. – 232 с. – URL: https://archive.org/details/guestsaliens0000sass_y7d6/page/n7/mode/2up (дата обращения: 28.08.2024).
29. Сидорова Г.М. Европейский миграционный кризис в странах Бенилюкса // *Современная Европа*. – 2024. – № 3. – С. 44–55. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2024/3-2024/Sidorova-3-24.pdf> (дата обращения: 30.05.2024).

MIGRATION POLICY RESEARCH METHODOLOGY: A COMBINATION OF THE THREE STAGES THEORY OF MIGRATION PROCESSES AND SYSTEM APPROACH

Oguz Sahbaz

Diplomatic Academy of Russian Ministry of Foreign Affairs

This article examines migration as a complex phenomenon through a political science lens, synthesizing two primary theoretical frame-

works: the 'Theory of Three Stages of Migration Processes' and a systemic approach. It delineates migration as a dynamic process comprised of three stages: pre-resettlement, the act of migration, and post-resettlement acclimatization. The analysis reveals how states employ legal, bureaucratic, and political mechanisms to influence and manage migration, highlighting categories such as legal migration policy, irregular migration policy, asylum policy, and integration policy. The article posits that an eclectic methodological framework allows for a nuanced analysis of migration policy, illustrating how state actions interact within a broader migration system. This framework not only facilitates the assessment of individual nation-state policies but also enables comparative analyses across different contexts and time periods. Study provides valuable insights into the effectiveness and impact of various migration policies, ultimately contributing to a more comprehensive understanding of contemporary migration challenges.

Keywords: migration policy, theory of three stages of migration processes, state regulation of migration, international migration processes.

References

1. Iontsev V.A. *International migration: population: theory and history of study*. – Izhevsk: Dialog-MSU, 1999. – 370 p.
2. Rybakovsky L.L. *History and theory of population migration. Book 3: Theory of three stages of the migration process*. – Moscow: Ekon-Inform, 2019. – 218 p.
3. Ravenstein, E.G. The Laws of Migration / E.G. Ravenstein. – Text: direct // *Journal of the Statistical Society of London*. – 1885. – No. 48 (2). – P. 167–235. URL: <https://doi.org/10.2307/2979181> (date of access: 28.08.2024).
4. International Organisation for Migration (IOM). *International Migration Law, Glossary on Migration*. – Geneva, 2019. – 236 p. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (date of access: 28.08.2024). – Text: electronic.
5. Yudina T.N. *Sociology of migration: a textbook for universities*. – Moscow: Academicheskyy Proekt, 2006. – 272 p.
6. Rybakovsky, L.L. Classification of migration: bases and taxa / L.L. Rybakovsky. – Text: direct // *Population*. – 2016. – No. 3 (73). – P. 4–14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-migratsii-osnovaniya-i-taksony> (date of access: 28.08.2024).
7. Rybakovsky L.L. *Population migration: forecasts, factors, policy*. – Moscow: Nauka, 1987. – 200 p.
8. Rybakovsky, L.L. Prehistory of the emergence of the theory of three stages of the migration process / L.L. Rybakovsky. – Text: direct // *Standard of living of the population of the regions of Russia*. – 2018. – No. 2 (208). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predystoriya-vozniknoveniya-teorii-treh-stadij-migratsionnogo-protsessa> (date of access: 28.08.2024).
9. Ryazantsev S.V. *Labor migration in the CIS and Baltic countries: trends, consequences, regulation*. – Moscow: Formula Prava, 2007. – 576 p.
10. *Demographic conceptual dictionary: monograph* / Ed. by prof. L.L. Rybakovsky. – Moscow: CSP, 2003. – 352 p.
11. Mabogunje, A.L. *Systems Approach to a Theory of Rural-Urban Migration* / A.L. Mabogunje. – Text: direct // *Geographical Analysis*. – 1970. – No. 2. – P. 1–18. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1538-4632.1970.tb00140.x> (accessed: 28.08.2024).
12. Ivakhnyuk, I.V. The Eurasian Migration System: Theory and Policy / I.V. Ivakhnyuk. – Text: direct // *Bulletin of RUDN. Series: International Relations*. – 2008. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-migratsionnaya-sistema-teoriya-i-politika> (date of access: 09/08/2024).
13. Ryazantsev, S.V., Molodikova, I.N., Vorobyova, O.D. Migration and migration policy in the CIS and Baltic countries in the “overlapping area” of the Eurasian and European subsystems in the 1990–2020s / S.V. Ryazantsev, I.N. Molodikova, O.D. Vorobyova. – Text: direct // *Baltic region*. – 2022. – Vol. 14, No. 2. – Pp. 115–143. – DOI: 10.5922/2079-8555-2022-2-8.
14. Ivakhnyuk, I.V. Formation and functioning of the Eurasian migration system: author's abstract. dis. ... doc. econ. sciences: 08.00.05 / I.V. Ivakhnyuk; Moscow State University. – Moscow, 2008. – 46 p. – Text: direct.
15. *Methodology and methods of studying migration processes: interdisciplinary tutorial* / Ed. by Zhanna Zayonchkovskaya, Irina

- Molodikova, Vladimir Mukomel. – Moscow: Center for Migration Studies, 2007. – 370 p.
16. Czaika, M., De Haas, H. The Effectiveness of Immigration Policies / M. Czaika, H. De Haas. – Text: direct // *Population and Development Review*. – 2013. – No. 39. – P. 487–508. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00613.x> (date of access: 28.08.2024).
 17. Vorobyova O. D., Rybakovsky L.L., Rybakovsky O.L. Migration policy of Russia: history and modernity. – Moscow: Publishing house “Econ-Inform”, 2016. – 192 p.
 18. Hindess, B. Citizenship in the International Management of Populations / B. Hindess. – Text: direct // *American Behavioral Scientist*. – 2000. – No. 43(9). – P. 1486–1497. URL: <https://doi.org/10.1177/00027640021956008> (date of access: 28.08.2024).
 19. Fine, S., Dennison, S., Gowan, R. False moves: Migration and development aid / S. Fine, S. Dennison, R. Gowan. – Text: direct // *European Council on Foreign Relations*. – 2019. URL: https://ecfr.eu/publication/false_moves_migration_and_development_aid/ (date of access: 28.08.2024).
 20. Vezzoli, S. The Role of the State in International Migration: Exploring the Transition from Colony to Independence / S. Vezzoli. – Text: direct // *University of Oxford International Migration Institute Working Papers*. – 2014. – URL: <https://www.migration-institute.org/publications/wp-102-14/@@download/file> (access date: 08/28/2024).
 21. Bonizzoni P. The Border(s) Within: Formal and Informal Processes of Status Production, Negotiation and Contestation in a Migratory Context // *Migration, Borders and Citizenship Between Policy and Public Spheres* / eds. by M. Ambrosini, M. Cinnalli, & D. Jacobson. – Palgrave Macmillan, 2020. – 309 p.
 22. Koslowski R. International Travel // In: *Global Migration Governance* / Ed. by Alexander Betts. – Oxford: Oxford Academic, 2011. – URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199600458.003.0005> (date of access: 28.08.2024).
 23. Düvell F. Irregular Migration // *Global Migration Governance* / ed. by Alexander Betts. – Oxford: Oxford Academic, 2011. – Online edn. – URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199600458.003.0005> (date of access: 28.08.2024).
 24. Sidorova G. M., Zherlitsyna N.A. Migration processes in Africa and the security problem by the second Russia-Africa summit // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences* – 2023. Vol. 93. – No. 2. – P. 141–149 [Electronic resource]. URL: https://sciencejournals.ru/issues/vestnik/2023/vol_93/iss_2/Vestnik-2302009Sidorova/Vestnik2302009Sidorova.pdf (date of access: 30.05.2024).
 25. Schweitzer, R. The micro-management of migrant irregularity and its control: a qualitative study of the intersection of public service provision with immigration enforcement in London and Barcelona = *Micromanagement of migration irregularities and its control: a qualitative study of the intersection of public service provision with immigration enforcement in London and Barcelona*. – University of Sussex, 2018. – 271 p. URL: <https://hdl.handle.net/10779/uos.23457299.v1> (accessed: 28.08.2024).
 26. Hampshire J. The Politics of Immigration: Contradictions of the Liberal State. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 216 p. – URL: <https://archive.org/details/politicsofimmigr0000hamp> (accessed: 28.08.2024).
 27. Sidorova G. M., Zherlitsyna N.A. Dynamics of migration and integration processes in Southern Europe (Spain, Portugal, Italy, San Marino, Malta) // *World Economy and International Relations* – 2023. – Vol. 67. – Issue No. 9 P. 109–118 [Electronic resource]. URL: <http://ras.jes.su/meimo/s013122270028179-7-1> (date of access: 30.05.2024). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-9-109-118.
 28. Sassen S. *Guests and Aliens*. – New York: The New Press, 1999. – 232 p. – URL: https://archive.org/details/guestsaliens0000sass_y7d6/page/n7/mode/2up (date of access: 28.08.2024).
 29. Sidorova G.M. European migration crisis in the Benelux countries // *Modern Europe*. – 2024. – No. 3. – P. 44–55. [Electronic resource]. [Electronic resource]. URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2024/3-2024/Sidorova-3-24.pdf> (date of access: 30.05.2024).

Теоретическое обоснование инновационной модели педагогической системы управления допризывной подготовкой молодежи

Соколов Дмитрий Сергеевич,

к.ф.н., соискатель ученой степени Военного университета
им. князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: sokolov_nauka_2024@list.ru

В статье обосновывается теоретическая основа инновационной модели педагогической системы управления допризывной подготовкой молодежи и определяются ее преимущества перед существующими подходами.

Ключевые слова: допризывная подготовка молодежи, педагогическая система управления, инновационная модель, системный подход, комплексный подход, личностно-ориентированный подход.

Актуальность исследования заключается в том, что в условиях реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) и возрастающих требований к профессиональной подготовке солдат система допризывной подготовки молодежи (далее – ДПМ) требует модернизации. Современная война предъявляет высокие требования к уровню подготовки солдат, помимо физической подготовки от них требуется высокая общеобразовательная подготовка, интеллект, первичные профессиональные знания, умения и навыки, умение работать с современной военной техникой, психологическая устойчивость, физическая и психическая выносливость, патриотизм и готовность к самопожертвованию. Существующая система ДПМ не в полной мере отвечает этим требованиям [3].

Целью исследования будет являться обоснование теоретических основ инновационной модели педагогической системы управления допризывной подготовкой молодежи и определение ее преимуществ перед существующими подходами.

Задачи исследования.

1. Провести анализ современных требований к навыкам солдат [2].
2. Обосновать принципы построения инновационной модели ДПМ [1].
3. Описать компоненты и функции модели [17].
4. Определить преимущества инновационной модели ДПМ [8].

Объектом исследования является педагогическая система управления допризывной подготовкой молодежи.

Предметом исследования является инновационная модель педагогической системы управления ДПМ.

Теоретическая основа исследования состоит из системного подхода, комплексного подхода, личностно-ориентированного подхода, теории управления, теории педагогики, теории военной подготовки.

Методами исследования будут являться анализ научно-методической литературы, системный анализ, сравнительный анализ, педагогическое проектирование.

Научная новизна исследования заключается в разработке инновационной модели педагогической системы управления ДПМ, основанной на системном, комплексном и личностно-ориентированном подходах.

Практическая значимость исследования. Предложенная модель может быть использована для совершенствования системы ДПМ и повышения уровня подготовки молодежи к военной службе.

Анализ современных требований к навыкам солдат

В условиях реформирования ВС РФ и увеличивающихся требований к подготовке солдат система ДПМ нуждается в существенной модернизации.

Современный солдат должен обладать не только базовыми знаниями общеобразовательных предметов, но и развитым критическим мышлением, умением ана-

лизировать информацию и решать задачи в нестандартных ситуациях. В условиях высокотехнологичной военной техники требуется высокий уровень интеллекта, способность быстро обучаться, принимать решения в динамичных сценариях [10].

Зависимо от рода войск и специальности, солдат должен обладать определенными профессиональными знаниями и умениями, включая владение военной техникой, стрелковые навыки, рукопашный бой, знание военной топографии, навыки связи и медицинскую подготовку.

Сложность современной военной техники требует от солдата высокого профессионализма, способности быстро адаптироваться к новым технологиям. Высокая психологическая устойчивость необходима для сохранения спокойствия в стрессовых ситуациях в условиях военных действий [14].

Физическая и психическая выносливость солдата играют ключевую роль в военной службе, требуя способности переносить тяжелые физические нагрузки, недостаток сна и другие трудности [5].

Патриотизм является важным мотивационным фактором, побуждающим солдата на самоотверженные поступки во имя Родины [4]. Готовность к самопожертвованию, связанная с риском для жизни в военной службе, также требуется от современного солдата.

Кроме общих требований, могут существовать и специфические требования, обусловленные характером военной специальности или рода войск.

С учетом развития военной техники требования к навыкам солдат будут постоянно расти. Система допризывной подготовки молодежи должна постоянно совершенствоваться для соответствия этим требованиям.

Обзор современных педагогических методов и технологий

Интерактивные методы обучения, такие как дебаты, мозговой штурм, ролевые игры и проектная деятельность, активизируют обучаемых, повышают мотивацию к учебе, и развивают навыки критического мышления, командной работы и коммуникации [11; 15].

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), включая онлайн-курсы, вебинары, электронные учебные пособия и симуляторы, становятся все более важными в образовании, делая процесс обучения более доступным, эффективным и интересным [12; 13].

Личностно-ориентированные методы обучения, такие как индивидуальные задания, портфолио и рейтинговая система оценки знаний, учитывают индивидуальные особенности обучаемых, что повышает эффективность обучения и развивает их потенциал [16].

Выбор методов и технологий обучения зависит от различных факторов, включая цели обучения, содержание обучения, уровень подготовки обучаемых и материально-техническое обеспечение [6].

Применение современных методов и технологий обучения позволяет повысить эффективность подготовки молодежи к военной службе. Они способствуют развитию необходимых знаний, умений и навыков, а также увеличивают мотивацию к военной службе.

Разработка концептуальной основы модели

Инновационная модель педагогической системы управления допризывной подготовкой молодежи основана на системном подходе, который предполагает учет всех компонентов системы ДПМ и их взаимосвязей. Это соз-

дает целостную и эффективную систему, включающую теоретическую и практическую подготовку, а также воспитательную работу [9].

Комплексный подход в модели включает разнообразные методы и технологии обучения, воспитания и развития молодежи. Это способствует повышению эффективности подготовки, а использование личностно-ориентированного подхода учитывает индивидуальные особенности каждого обучаемого, повышая их мотивацию и развивая потенциал.

Модель включает разнообразные субъекты, такие как образовательные учреждения, военные комиссариаты, ДОСААФ и общественные организации. Управление включает в себя планирование, организацию и контроль, а оценка включает мониторинг, рефлексию и корректировку.

Модель ДПМ выполняет обучающую, воспитательную, развивающую, мотивационную и социализирующую функции. Она формирует знания, умения и навыки, необходимые для военной службы, а также развивает патриотизм, дисциплину, ответственность и готовность к самопожертвованию.

Инновационная модель обладает рядом преимуществ, включая повышение эффективности, универсальность, доступность, гибкость, научность, практичность и экономичность. Она является перспективным направлением развития системы подготовки молодежи к военной службе, обеспечивая повышение ее эффективности и универсальности [7].

Заключение

Инновационная модель педагогической системы управления допризывной подготовкой молодежи (ДПМ) представляет собой перспективное направление развития системы подготовки молодежи к военной службе. Она обладает рядом преимуществ по сравнению с существующими подходами.

Повышение эффективности:

- системный подход обеспечивает учет всех компонентов системы ДПМ и их взаимосвязей, что позволяет повысить ее целостность и эффективность;
- комплексный подход предполагает использование различных методов и технологий обучения, воспитания и развития молодежи, что позволяет повысить результативность ДПМ;
- личностно-ориентированный подход учитывает индивидуальные особенности каждого обучаемого, что позволяет повысить мотивацию к учебе и развить потенциал каждого обучаемого.

Универсальность:

- модель может быть применена в различных условиях как в городских, так и в сельских условиях, в образовательных учреждениях различного типа.

Доступность:

- модель является доступной для всех категорий молодежи, независимо от их социального статуса, материального положения и места проживания.

Гибкость:

- модель может быть адаптирована к различным потребностям и условиям, что позволяет ей быть эффективной в различных ситуациях.

Научность:

- модель основана на научных исследованиях в области педагогики, психологии, военной подготовки и других областях знаний.

Практичность:

- модель является простой и удобной в использовании, что позволяет легко внедрить ее в практику работы образовательных учреждений.

Экономичность:

- модель позволяет экономить ресурсы за счет использования современных методов и технологий обучения, а также за счет оптимизации управленческих процессов.

Повышение мотивации:

- модель ДПМ направлена на повышение мотивации молодежи к военной службе за счет использования интерактивных методов обучения, патриотического воспитания и других факторов.

Внедрение инновационной модели ДПМ позволяет:

- повысить уровень подготовки молодежи к военной службе;
- сделать систему ДПМ более доступной и универсальной;
- повысить мотивацию молодежи к военной службе.

Таким образом, инновационная модель ДПМ является перспективным направлением развития системы подготовки молодежи к военной службе.

Литература

1. Анаркулов Р.П., Баймуратов К.К., Абдуллаева Ж.Д. Управление образовательно-познавательной деятельностью учащихся на занятиях допризывной физической подготовки // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 1. С. 247–251.
2. Баймуратов К.И. Общие выводы и результаты научно-исследовательской работы по объединению средств допризывной и физической подготовки молодежи к воинской службе в вооруженных силах // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 12. С. 373–378.
3. Баймуратов К.К., Нурматов К.М., Абдыраманов О.Т. Об принципах обучения межпредметной связи допризывной подготовки молодежи и физической культуры в общеобразовательных школах // Научные известия. 2022. № 28. С. 103–106.
4. Бений Е.О., Климчук Л.Ю. Психологический образ героя-победителя сталинградской битвы // Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства. Т. 2. – М.: Академия МНЭПУ, 2023. – С. 339–349.
5. Гайибназаров О.Х. Современные методы обучения и их влияние на качество образования [Электронный ресурс] // Central Asian Journal of Theoretical and Applied Science (CAJOTAS). 2023. Т. 4. № 10. С. 110–114. <https://cajotas.centralasianstudies.org/index.php/CAJOTAS/article/view/1304> (дата обращения: 12.09.2024).
6. Гончерова Н.П., Лаушкин А.В. Влияние воспитания военнослужащих на боевую готовность // Символ науки. 2023. № 12. 2. С. 220–222.
7. Дугина С.Ю., Чистякова К.Г. Критерии педагогической эффективности личностно-ориентированных образовательных технологий // Путь в науку. Современная национальная экономика: молодые ученые – новый взгляд. 2021. Вып. 1 (7). – Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2021. – С. 49–57.
8. Муканаев Д.Ф. Опыт-экспериментальная модель управления системой военно-патриотического воспитания детей и молодежи (на примере: муниципального автономного учреждения дополнительного образования «Дворец творчества детей и молодежи» г. Оренбурга) // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 1660–1670.
9. Надточий Ю. Обеспечение качества образовательного процесса в образовательных организациях

высшего образования. – М.: Дашков и К, 2023. – 258 с.

10. Пантин Р.В. Компетентности будущих преподавателей начальной допризывной подготовки // Вестник науки и образования. 2022. № 5 (125). Ч. 2. С. 36–42.
11. Погорелова Л.Н. Актуальные вопросы содержания и методики преподавания в среднем профессиональном образовании // Актуальные вопросы содержания и методики преподавания в среднем профессиональном образовании. (26–30 апреля 2023 г.) / отв. ред. В.В. Дорноступ. – Оренбург: ГАПОУ «ОГК», 2023. – С. 236.
12. Прончев Г.Б., Кузьменков Д.А. Социальные сети для образовательных целей // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. А.В. Коричко. Ч. 5. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2013. – С. 128–129.
13. Прончева Н.Г., Прончева Г.Б. Информационные системы удаленного доступа для образовательных целей // Инновационные информационные технологии. 2013. № 2–1. С. 360–364.
14. Пузенькин И.В., Михайлов В.В. Роль информационно-психологических средств в обеспечении обороноспособности государства // Военная мысль. 2015. № 7. С. 11–15.
15. Сорокаты Е.И., Зинченко И.В. Об опыте применения интерактивных методов обучения в высшей школе // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Красноярск, 21–23 апреля 2020 г. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. – С. 59–62.
16. Шагбанова Х.С. Педагогика безопасности как новое научное направление современной педагогики // Образование и право. 2023. № 2. С. 315–320.
17. Щербаков Д.И. Использование современных технологий в военном обучении // VI Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Теория и практика военного образования в гражданских вузах: педагогический поиск». Ч. 2. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2023. – С. 255–261.

THEORETICAL SUBSTANTIATION OF THE INNOVATIVE MODEL OF THE PEDAGOGICAL MANAGEMENT SYSTEM FOR PRE-CONSCRIPTION TRAINING OF YOUNG PEOPLE

Sokolov D.S.

Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

The article substantiates the theoretical basis of an innovative model of the pedagogical system for managing pre-conscription youth training and defines its advantages over existing approaches.

Keywords: pre-conscription youth training, pedagogical management system, innovative model, systematic approach, complex approach, personality-oriented approach.

References

1. Anarkulov R.P., Baimuratov K.K., Abdullaeva Zh.D. Management of educational and cognitive activities of students in pre-conscription physical training classes // Bulletin of Science and Practice. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 247–251.
2. Baimuratov K.I. General conclusions and results of research work on combining the means of pre-conscription and physical training of young people for military service in the armed forces // Bulletin of Science and Practice. 2021. Vol. 7. No. 12. P. 373–378.

3. Baimuratov K.K., Nurmatov K.M., Abdyramanov O.T. On the principles of teaching interdisciplinary connections between pre-conscription training of young people and physical education in comprehensive schools // *Scientific News*. 2022. No. 28. P. 103–106.
4. Beniy E.O., Klimchuk L. Yu. Psychological image of the hero-winner of the Battle of Stalingrad // *The Second World War and modern trends in distorting its results and the post-war world order*. Vol. 2. – M.: MNEPU Academy, 2023. – P. 339–349.
5. Gayibnazarov O. Kh. Modern teaching methods and their impact on the quality of education [Electronic resource] // *Central Asian Journal of Theoretical and Applied Science (CAJOTAS)*. 2023. Vol. 4. No. 10. P. 110–114. <https://cajotas.centralasianstudies.org/index.php/CAJOTAS/article/view/1304> (accessed: 12.09.2024).
6. Goncherova N.P., Laushkin A.V. The influence of military education on combat readiness // *Symbol of Science*. 2023. No. 12. 2. P. 220–222.
7. Dugina S.Yu., Chistyakova K.G. Criteria for the pedagogical effectiveness of personality-oriented educational technologies // *The Path to Science. Modern National Economy: Young Scientists – a New Look*. 2021. Issue 1 (7). – Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev, 2021. – P. 49–57.
8. Mukanaev D.F. Experimental model for managing the system of military-patriotic education of children and youth (using the example of the municipal autonomous institution of additional education “Palace of Children and Youth Creativity” in Orenburg) // *Innovations. Science. Education*. 2020. No. 23. P. 1660–1670.
9. Nadtochiy Yu. Ensuring the Quality of the Educational Process in Higher Education Organizations. – M.: Dashkov i K, 2023. – 258 p.
10. Pantin R.V. Competencies of Future Teachers of Initial Pre-Conscription Training // *Bulletin of Science and Education*. 2022. No. 5 (125). Part 2. P. 36–42.
11. Pogorelova L.N. Current Issues of the Content and Methods of Teaching in Secondary Vocational Education // *Current Issues of the Content and Methods of Teaching in Secondary Vocational Education*. (April 26–30, 2023) / ed. V.V. Dornostup. – Orenburg: GAPOU “OGK”, 2023. – P. 236.
12. Pronchev G.B., Kuzmenkov D.A. Social networks for educational purposes // *Culture, science, education: problems and prospects*. Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference. Responsible. ed. A.V. Korichko. Part 5. – Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2013. – P. 128–129.
13. Proncheva N.G., Proncheva G.B. Remote access information systems for educational purposes // *Innovative information technologies*. 2013. No. 2–1. P. 360–364.
14. Puzenkin I.V., Mikhailov V.V. The role of information and psychological means in ensuring the defense capability of the state // *Military thought*. 2015. No. 7. P. 11–15.
15. Sorokataya E.I., Zinchenko I.V. On the experience of using interactive teaching methods in higher education // *Science and education: experience, problems, development prospects*. Krasnoyarsk, April 21–23, 2020 – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2020. – P. 59–62.
16. Shagbanova H.S. Safety pedagogy as a new scientific direction in modern pedagogy // *Education and Law*. 2023. No. 2. P. 315–320.
17. Shcherbakov D.I. Use of modern technologies in military training // VI All-Russian scientific and practical conference with international participation “Theory and practice of military education in civilian universities: pedagogical search”. Part 2. – Ekaterinburg: Publishing house of UMC UPI, 2023. – P. 255–261.

Ефимова Любовь Андреевна,

аспирант кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, директор по фандрайзингу Фонда поддержки инвалидов с нарушением опорно-двигательного аппарата «Преодолей-ка»
E-mail: zubarevo@yandex.ru

Статья подготовлена в рамках исследования наследственного механизма, организованного Благотворительным фондом «Лаборатория ДОБРА» и является его неотъемлемой частью. Цель исследования – изучить организационные, правовые и финансовые особенности применения наследственного механизма в некоммерческой сфере. 25 октября 2024 года прошла первая конференция в рамках проекта «Наследственный механизм». Цель конференции – познакомить участников с особенностями передачи наследства на благотворительные цели и обсудить возможности внедрения наследственного механизма в организационные процессы некоммерческих организаций.

В статье представлены основные данные о социально важном для России явлении – меценатстве, о его трансформации и ответе на активно развивающийся некоммерческий сектор. Затронуты вопросы мотивации меценатов, особенностях взаимодействия с НКО и взаимных ожиданиях от сотрудничества. Рассмотрены особенности меценатства и наследственного механизма в странах БРИКС. При подготовке статьи использованы открытые данные отчетов и исследований Frank RG, Private Benchmark, 2021. Frank RG, Philin Philgood, 2022. Sber Private Banking и Frank RG, 2023. Sber Private Banking, Philin Philgood и Frank RG, 2022. Филантропия и социальные инвестиции стран БРИКС, 2022. Учитывая, что дореволюционная Россия имеет богатый опыт и традиции меценатства и филантропии, данная статья не исследует исторический период до 1917 года, а охватывает современный горизонт.

Ключевые слова: НКО, наследственный механизм, благотворительность, современный меценат, особенности применения наследственного механизма в некоммерческой сфере.

Введение

В России неуклонно растет размер средств, направляемых меценатами на благотворительные цели. Так, согласно отчетам Sber Private Banking и Frank RG в 2021 году некоммерческий сектор получил 380 млрд руб., в 2022 году – 405 млрд руб., а в 2023 году уже 436 млрд руб. Вместе с тем, отмечается, что до 37% на КСО и благотворительность тратят владельцы капитала, размером от 1 млн. долларов США. От 20% до 40% объемов сборов некоммерческих организаций составляют пожертвования от крупных доноров. А с ростом капитала мецената растет вовлеченность в филантропическую активность и размер средств, направляемый частными лицами на благотворительность (рис. 1).

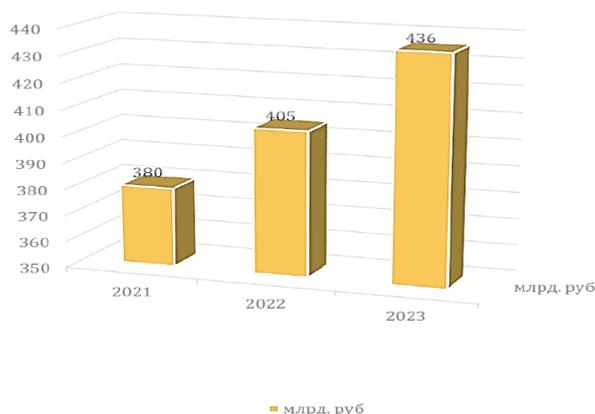

Рис. 1. «Размер средств, направленных на благотворительные цели»¹

В связи с этим наиболее интересно рассмотреть портрет современного мецената. Это позволяет понять, кто именно поддерживает НКО, какими мотивациями руководствуются эти люди и как их предпочтения меняются со временем.

Характеристика современного мецената

Меценат – это не обязательно обладатель очень крупного капитала, в современных условиях можно выделить следующую градацию благосостояния:

- UHNWI-филантропы с размером капитала от 30 млн долларов США, размещенным на банковских счетах и в инвестиционных инструментах;
- HNWИ-филантропы с размером капитала от 1 млн долларов США, размещенным на бан-

¹ Источники данных Сфера профессиональной благотворительности в России и роль крупных филантропов в ней, 2022. Профессиональная благотворительность в России 2023. <https://frankrg.com/>

ковских счетах и в инвестиционных инструментах;

- Состоятельные филантропы с размером капитала от 6 млн рублей, размещенным на банковских счетах и в инвестиционных инструментах. Возраст и пол меценатов на протяжении последних двух лет изменился:

Так в 2022 году 65% меценатов это мужчины и 25% женщины, при это основная возрастная группа 46–60 лет – 41%, 31–45 лет – 28%, старше 60 лет–27%, до 30 лет –4%. В 2023 году портрет сместился в женскую аудиторию и составил 59%, против 41% мужской.

При этом неизменным остается способ поддержки и участия в проектах и инициативах некоммерческих организаций.¹

- 70% меценатов предпочитают жертвовать денежные средства;
- 66% предпочитают оказывать прямую помощь;
- 62% участвуют в мероприятиях;
- 41% организуют гуманитарную помощь;
- 36% помогают экспертизой;
- 31% участвуют в управлении НКО;
- 28% отдают предпочтение социальному предпринимательству;
- 23% вкладывают время.

Мотивация мецената

Мотивация участия российских состоятельных меценатов представлена многообразием социальных факторов, чувством автономии, стимулами, внешними и внутренними факторами, религиозными убеждениями, представленными в Рис. 2. При этом, преобладающими мотивационными составляющими являются желание помочь решить определенную проблему (58%) и пожертвования на лично важную для мецената тематику (35%). Что может говорить о российских меценатах, как исключительно неравнодушных, вдумчивых людях, способных к сопереживанию.

Рис. 2. «Мотивация для участия в благотворительности»²

¹ Примечание автора. Данные исследуемых групп пересекаются в различных формах участия. Один и тот же меценат может принимать участие в нескольких формах.

² Источники данных. Сфера профессиональной благотворительности в России и роль крупных филантропов в ней,

Направления поддержки

Интересы и направления поддержки российских меценатов вариативны, меняются в связи с личными приоритетами и внешними факторами. Меценатство постепенно переходит к осознанию работы в публичном пространстве, с целью «заразить идеей» знакомых, привлечь единомышленников, обеспечить обмен опытом и практиками в благотворительности. Филантропы готовы объединяться, так как считают, что это позволит масштабировать благотворительные проекты. Вовлечение семьи в благотворительность также становится немаловажной составляющей, когда принятие решений происходит на «семейном совете», а передача интереса к благотворительности следующим поколениям, наследникам, как залог того, что начатое дело продолжится даже после кончины самого мецената.

Основные направления поддержки включают лечение заболеваний детей и детей-инвалидов, медицину, образование, науку и искусство, экологические проекты, помощь животным, развитие спорта. Основным фокус поддержки российскими меценатами представлен на Рис. 3. Следует отметить, что в 2022–2023 годах тренды сместились в сторону поддержки уязвимых групп населения и территорий после ликвидации чрезвычайных ситуации. Это может свидетельствовать о чувствительности меценатов как к турбулентности внешней среды, так и к смене внутренних мотивов поведения. Кроме того, появился интерес к поддержке системных проектов, уменьшился фокус на адресную помощь, что может говорить о смене парадигмы меценатства в сторону осознанности и бизнес-подхода. Это подтверждают данные интервью состоятельных филантропов³, которые задумываются о построении благотворительной стратегии, при выборе фонда для поддержки на первое место становится доверие и репутация фонда.

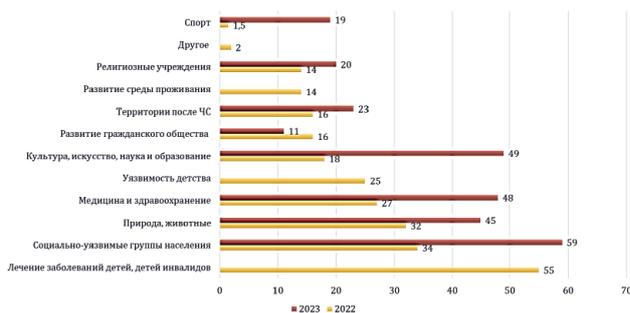

Рис. 3. «Фокус поддержки 2022–2023»⁴⁵

2022. Профессиональная благотворительность в России 2023. <https://frankrg.com/>

³ Источник данных: Frank RG, Philin Philgood, результаты интервью с состоятельными филантропами: 2 UHNWI, 6 HNWI, 2 владельца бизнеса, топ-менеджера.

⁴ Источники данных: Сфера профессиональной благотворительности в России и роль крупных филантропов в ней, 2022. Профессиональная благотворительность в России 2023. <https://frankrg.com/>

⁵ Примечание автора. Диаграмма показывает фокус меценатов по направлениям поддержки в 2022 и 2023 гг. При этом исходя из специфики ответов опрашиваемых меценатов неко-

Зарубежный опыт меценатства

В сравнении со странами БРИКС у российских меценатов огромный выбор направлений поддержки некоммерческих организаций и отсутствие как таковых законодательных ограничений при выборе направления и вида НКО. Рассмотрим некоторые особенности меценатства в БРИКС.

При нынешнем составе БРИКС в странах объединения проживает более 45% населения планеты, и на долю их экономик приходится почти 36% мирового ВВП. На начало 2024 года в странах БРИКС насчитывалось 1,6 миллиона физических лиц с инвестиционными активами более 1 млн долларов США (рис. 4). Ожидается, что число миллионеров в БРИКС в течение следующих десяти лет вырастет на 85%. Вместе с ростом числа лиц с высоким уровнем дохода ожидается, что участие в благотворительности также увеличится¹. Вместе с тем меценаты стран БРИКС занимаются благотворительностью в своем, отличном от российского, правовом поле, с рядом особенностей и ограничений. Например, в Бразилии 80% поддержки приходится на образование, социальное обслуживание и экологические проекты. Среди подписантов Клятвы дарения – два представителя страны. В Индии на благотворительность состоятельных семей и людей приходится около 20%. Большую их часть обеспечивает Азим Премджи. Среди подписантов Клятвы дарения – четыре представителя страны. В Китае можно поддерживать НКО, одобренные Правительством. Среди подписантов Клятвы дарения – три представителя страны. В ЮАР наблюдается непрозрачность донорского сектора. Ключевые направления пожертвований частных доноров – удовлетворение базовых потребностей бедного населения. Среди подписантов Клятвы дарения – один представитель страны².

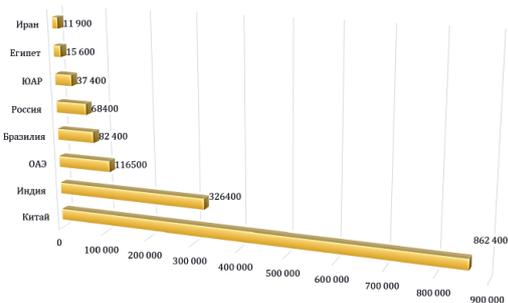

Рис. 4 «Количество состоятельных людей в странах БРИКС»³

торые направления поддержки 2022 г. в опросе 2023 г. названы иначе или объединены в одну группу. Например, «лечение заболеваний детей, детей инвалидов и «уязвимость детства» 2022 г., частично перешли в группы «медицина и здравоохранение», «социально-уязвимые группы населения». Поэтому диаграмма не свидетельствует о том, что фокус 2023г не включает направления 2022 г.

¹ Источник данных консалтинговая фирма по инвестиционной миграции Henley & Partners

² Источник данных Филантропия и социальные инвестиции стран БРИКС, 2022

³ Источник данных консалтинговая фирма по инвестиционной миграции Henley & Partners

Клятва дарения – это инициатива, призывающая состоятельных людей, предпринимателей и меценатов обязываться перед обществом жертвовать значительную часть своего состояния на благотворительность. По состоянию на август 2020 года это обязательство подписали 241 человек из 29 стран. Обещания оцениваются не менее чем в 600 миллиардов долларов. В списке подписавших клятву один представитель России – Владимир Потанин⁴.

Особенности российского меценатства

Исходя из проанализированных данных портрета российского мецената, мотивах поведения, способах взаимодействия с НКО можно говорить о том, что современное меценатство в РФ это:

- не донорство, а социальное инвестирование;
- проявление интереса к эффективности пожертвований;
- осознание важности вклада в развитие общества;
- ожидания профессионального роста некоммерческого сектора;
- выстраивание взаимоотношений на принципах партнерства;
- ожидание абсолютной прозрачности поддерживаемых НКО;
- построение новых моделей финансирования через фонды целевого капитала;
- включение в благотворительную стратегию наследственного механизма.

Наследственный механизм в России и зарубежом

Наследственный механизм в России явление достаточно новое, находится на этапе развития и становления. Некоммерческий сектор приводит лишь единичные примеры принятия в наследство различного имущества и денежных средств. Например, Фонд «Подари жизнь», который использует передаваемые в наследство квартиры для проживания лиц, приезжающих на лечение. Опыт НКО в построении взаимодействия в сфере наследования недостаточен, чтобы говорить о массовости данного механизма. Так, только 4 из 14 опрошенных НКО имели опыт с получением завещания в пользу фонда, при этом 1 НКО имела негативный опыт. Лишь 6% опрошенных состоятельных филантропов составляли завещание в пользу благотворительного фонда. Тогда как, завещания в пользу НКО стали ключевой частью британской благотворительной деятельности и ежегодно приносят 3,4 миллиарда фунтов стерлингов, что составляет 16% от всех сборов британскими благотворительными организациями. В США завещания составляют 9% от всех пожертвований или 46 млрд долл. За последние 20 лет средняя доля завещаний, включающих благотворительное пожертвование, выросла на 24%.

⁴ Источник данных https://ru.wikipedia.org/wiki/Клятва_дарения

И как итог, наследственные пожертвования включены в 16% (каждое шестое) завещаний.

Зарубежный опыт показывает, что наследственный механизм может быть эффективным средством долгосрочного финансирования для НКО, особенно в тех случаях, когда меценаты желают продолжать свою филантропическую деятельность и после ухода из жизни. Для этого НКО необходимо включать в фандрайзинговую стратегию фонда этот новый для российских реалий инструмент.

Направления внедрения наследственного механизма в стратегию развития НКО

Для успешного интегрирования наследственных пожертвований в стратегическое планирование и организационные процессы НКО необходимо выстраивать как взаимоотношения с меценатом, так и обеспечить свое развитие по следующим направлениям:

- обеспечение финансовой и организационной устойчивости НКО, способности к долгосрочному управлению активами. Это основа выстраивания последовательного фандрайзинга. НКО должна быть как финансово, так и организационно устойчива, чтобы меценат был уверен в том, что его средства будут использоваться эффективно и в соответствии с его волей. Для этого необходимо разрабатывать долгосрочные планы и цели по привлечению наследственных пожертвований, что помогает сделать организацию более устойчивой и независимой от внешних факторов. Оптимизировать организационную структуру, что позволит наиболее эффективно управлять внутренними активами, минимизируя риски нецелевого использования средств. Инвестировать в профессиональное развитие сотрудников – обучение специалистов в области управления активами и созданием личных фондов;
- прозрачность и подотчетность деятельности. Современные меценаты ждут от НКО полной прозрачности в использовании средств и профессионального подхода к управлению активами. НКО должна регулярно публиковать отчеты о проделанной работе, демонстрировать результаты реализации проектов, проводить оценку эффективности реализации проектов, показывая какой социальный эффект несет деятельность организации и обеспечивать аудит финансовой деятельности. Это не только повышает доверие меценатов, но и помогает привлечь новых социальных инвесторов;
- формирование долгосрочных и доверительных отношений с меценатом. При этом важно работать не только с самим меценатом, но и с его окружением, наследниками, чтобы обеспечить долгосрочную поддержку и после ухода мецената из жизни. НКО может использовать успешные примеры работы с наследственными пожертвованиями, чтобы продемонстрировать меценатам и наследникам возможности и преимущества такого влияния;

- адаптивность и гибкость подходов при работе с разными типами меценатов. Современные меценаты значительно различаются по своим мотивам, размеру капитала и постоянным направлениям поддержки. Чтобы эффективно взаимодействовать с ними, НКО должна адаптировать свои подходы в зависимости от характеристик меценатов. Например, меценаты старшего поколения часто отдают предпочтение традиционным формам поддержки, таким как передача недвижимости или денежных средств. С этим поколением важно усилить доверие, обеспечить стабильность и долгосрочные результаты работы. Молодое поколение всё больше склоняется к поддержке социально-ориентированных проектов, креативных инициатив. Для них важно видеть непосредственное влияние их вложений на общество и прозрачность процессов, поэтому для этой группы будет важна быстрая обратная связь и информация об использовании средств;
- стимулирование наследственного пожертвования через программы партнерства. Одним из перспективных направлений является создание партнерских программ, в которых НКО может взаимодействовать с юридическими лицами для привлечения наследственных пожертвований. В этом случае НКО играет роль посредника и консультанта, предоставляя меценатам информацию о юридических инструментах для передачи активов, таких как завещания, наследственные договоры и личные фонды. При этом партнерские программы можно разрабатывать с такими организациями как: юридические компании – предоставляют правовое ядро для меценатов при создании завещаний и передачи активов, финансовые организации – предложения по управлению активами и инвестированию средств меценатов, страховые компании – разработка договоров страхования жизни, включающих благотворительные условия для наследников и НКО. Именно партнёрские отношения позволяют НКО предлагать меценатам комплексные решения, которые охватывают все этапы последующего планирования и обеспечат долгосрочную поддержку;
- повышение осведомленности о наследственном механизме с помощью образовательных инициатив. Наследственный механизм в России пока не получил широкого распространения, и во многом это связано с недостаточной осведомленностью как меценатов, так и НКО о возможных преимуществах наследственных пожертвований. Поэтому одной из задач НКО является повышение образованности посредством образовательных программ и инициатив.

Заключение

Таким образом, интеграция наследственного механизма позволит НКО выстраивать стабильную модель развития, способную обеспечить долгосроч-

ную поддержку общественных инициатив. Наследственный механизм может стать не только основанием для финансирования НКО, но и новым этапом в развитии благотворительности в России, который позволит меценатам более активно включаться в системные, долгосрочные проекты некоммерческих организаций. С учетом того, что в РФ 68400 состоятельных людей, чьи капиталы исчисляются миллионами долларов, то «рынок наследования» является ограниченным, поэтому НКО, претендующие на наследование, должны быть конкурентны и привлекательны для потенциального мецената.

Литература

1. Sber Private Banking и Frank RG «Профессиональная благотворительность в России», 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://frankrg.com/research/professionalnaya-blagotvoritelnost-v-rossii-2023> (Дата обращения: 20.10.2024)
2. Sber Private Banking, Philin Philgood и Frank RG «Сфера профессиональной благотворительности в России и роль крупных филантропов в ней», 2022 URL: <https://frankrg.com/research/professionalnaya-blagotvoritelnost-v-rossii> (Дата обращения: 20.10.2024)
3. Ассоциация грантодающих организаций «Форум Доноров» и Центр исследований филантропии и социальных программ бизнеса Уральского федерального университета «Филантропия и социальные инвестиции стран БРИКС», 2022 URL: <https://www.donorsforum.ru/materials/brics-philanthropy/> (Дата обращения: 20.10.2024)
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/Клятва_дарения (Дата обращения: 20.10.2024)
5. Henley & Partners «Отчет о благосостоянии стран БРИКС», 2024 URL: <https://www.henleyglobal.com/publications/brics-wealth-report> (Дата обращения 20.10.2024)
6. India Philanthropy Report 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bain.com/insights/india-philanthropy-report-2021/> (Дата обращения: 20.10.2024)
7. Hurun China Philanthropy List 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hurun.net/en-US/Info/Detail?num=TUP87P75SEX3> (Дата обращения: 20.10.2024)
8. Spero, Joan E. Charity and Philanthropy in Russia, China, India and Brazil. [Электронный ресурс]. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (Дата обращения: 20.10.2024)
9. Tendai Murisa, Global Philanthropy Tracker 2020: South Africa, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://scholarworks.iupui.edu/bitstream/handle/1805/26132/south-africa-report21.pdf> (Дата обращения: 20.10.2024)
10. The Secret Sauce of Asian Philanthropy. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chandlerfoundation.org/social-investor/the-secret-sauce-of-asian-philanthropy> (Дата обращения: 20.10.2024)

sauce-of-asian philanthropy (Дата обращения: 20.10.2024)

PORTRAIT OF A MODERN SPONSOR AND HEREDITARY MECHANISM

Efimova L.A.

Lomonosov Moscow State University

The article was prepared as part of research of the hereditary mechanism, organized by the Charity Foundation "Laboratory of GOOD" and is an integral part of it. The purpose of the research is to study the organizational, legal and financial features of the application of the hereditary mechanism in the non-profit area. The first conference was held on October 25, 2024, as part of the Hereditary Mechanism project. The purpose of the conference is to introduce the specifics of heritage transfer for charitable purposes to participants and to discuss the possibilities of introducing hereditary mechanism into the organizational processes of non-profit organizations.

The article presents main data about charity which is socially important in Russia, about its transformation as a response to the actively developing non-profit sector. The article covers issues of motivation of sponsors, the specifics of interaction with NPOs and mutual expectations from cooperation. The features of sponsorship and the hereditary mechanism in the BRICS countries are considered. The article uses open data from Frank RG reports and research, Private Benchmark, 2021. Frank RG, Philin Philgood, 2022. Sber Private Banking and Frank RG, 2023. Sber Private Banking, Philin Philgood and Frank RG, 2022. Philanthropy and social investments of the BRICS countries, 2022. Pre-revolutionary Russia has a rich experience and traditions of patronage and philanthropy, this article does not explore the historical period before 1917, but covers the modern horizon.

Keywords: NPO, hereditary mechanism, charity, modern sponsor, features of the application of the hereditary mechanism in the non-profit area.

References

1. Sber Private Banking and Frank RG "Professional Charity in Russia", 2023 [Electronic resource]. URL: <https://frankrg.com/research/professionalnaya-blagotvoritelnost-v-rossii-2023> (Accessed: 20.10.2024)
2. Sber Private Banking, Philin Philgood and Frank RG "The Sphere of Professional Philanthropy in Russia and the Role of Major Philanthropists in It", 2022 URL: <https://frankrg.com/research/professionalnaya-blagotvoritelnost-v-rossii> (Accessed: 20.10.2024)
3. Association of Grant-Giving Organizations "Donors Forum" and the Center for Research on Philanthropy and Social Programs of Business of the Ural Federal University "Philanthropy and Social Investments of the BRICS Countries", 2022 URL: <https://www.donorsforum.ru/materials/brics-philanthropy/> (Accessed: 20.10.2024)
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/Одятава_дания (Accessed: 20.10.2024)
5. Henley & Partners «BRICS Wealth Report», 2024 URL: <https://www.henleyglobal.com/publications/brics-wealth-report> (Accessed: 20.10.2024)
6. India Philanthropy Report 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.bain.com/insights/india-philanthropy-report-2021/> (Accessed: 20.10.2024)
7. Hurun China Philanthropy List 2021. [Electronic resource]. URL: <https://www.hurun.net/en-US/Info/Detail?num=TUP87P75SEX3> (Accessed: 20.10.2024)
8. Spero, Joan E. Charity and Philanthropy in Russia, China, India and Brazil. [Electronic resource]. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (Accessed: 20.10.2024)
9. Tendai Murisa, Global Philanthropy Tracker 2020: South Africa, 2021. [Electronic resource]. URL: <https://scholarworks.iupui.edu/bitstream/handle/1805/26132/south-africa-report21.pdf> (Accessed: 20.10.2024)
10. The Secret Sauce of Asian Philanthropy. [Electronic resource]. URL: <https://www.chandlerfoundation.org/social-investor/the-secret-sauce-of-asian-philanthropy> (Accessed: 20.10.2024)